ПОЭТИЧЕСКІЯ

ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ

НА

ПРИРОДУ.

ПОЭТИЧЕСКІЯ
ВОЗЗРѢНІЯ СЛАВЯНЪ
НА
ПРИРОДУ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКИХЪ ПРЕДАНІЙ И ВѢРОВАНІЙ, ВЪ СВЯЗИ СЪ МИѲИЧЕСКИМИ СКАЗАНІЯМИ ДРУГИХЪ РОДСТВЕННЫХЪ НАРОДОВЪ.

А. АѲАНАСЬЕВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

Изданіе К. Солдатенкова.

МОСКВА.

—

1869.

Типографія Грачева и Комп. у Пречистенскихъ воротъ д. Шиловой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

XXII.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

Древнѣйшія представленія о богѣ-громовникѣ носятъ двойственный характеръ: являясь, съ одной стороны, божествомъ свѣтлымъ, разителемъ демоновъ, творцомъ міра и подателемъ плодородія и всякихъ благъ, онъ—съ другой стороны—есть богъ лукавый, злобный, пріемлющій на себя демоническій типъ. Эта двойственность въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ возникла подъ вліяніемъ тѣхъ естественныхъ свойствъ, съ какими выступаетъ гроза, то оплодотворяющая землю, разгоняющая мрачныя облака и вредныя испаренія, то посылающая градъ и бурные вихри, опустошающая поля, лѣса и нивы и карающая смертныхъ молніями. Шествуя въ тучахъ, громовникъ усвоиваетъ себѣ и ихъ великанскіе признаки, и согласно съ представленіемъ тучъ темными подземельями — становится богомъ подземнаго (адскаго) царства. Чтобы обозначить эти различныя, одна другой противоположныя стороны въ характерѣ громовника, народъ давалъ ему и соотвѣтственныя имъ прозванія, которыя впослѣдствіи перешли въ имена собственныя, обособились и разъединили единое божество на двѣ враждебныя личности: рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ является другой, владычествующій не на небѣ, а подъ землею — Ζεὺς καταχθόνιος, Jupiter niger =

Плутонъ, царь того свѣта и усопшихъ [1]); возлѣ благаго, плодородящаго Тора—лукавый Локи. Этотъ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ Гефесту (Вулкану), богу подземнаго огня, искусному ковачу молніеносныхъ стрѣлъ, о которомъ греческій миѳъ разсказываетъ, что раздраженный Зевсъ схватилъ его за ногу и стремительно низвергнулъ съ высокаго Олимпа на землю, и что вслѣдствіе этого паденія Гефестъ повредилъ ногу и навсегда остался хромымъ. Локи, хотя и числится въ обществѣ асовъ и признается ихъ товарищемъ, тѣмъ не менѣе есть существо коварное, обманчивое, состоящее въ самомъ близкомъ родствѣ съ демонскими силами [2]); низвергнутый съ неба и окованный цѣпями, онъ потрясаетъ землю (см. I, 756—7); подобно Гефесту, онъ — хромъ, и также клеймитъ боговъ злыми насмѣшками. Хромоту соединяетъ древнее сказаніе и съ славнымъ кузнецомъ Völundr'омъ [3]). Быстрота молній заставила сближать ихъ не только съ летучими, окрыленными стрѣлами, но и съ ногами, какъ необходимыми орудіями движенія, рѣзваго бѣга. Отсюда объясняется, почему русскій сказочный эпосъ изображаетъ героевъ, представителей весеннихъ грозъ, съ ногами по колѣно въ золотѣ, почему греки давали своимъ богинямъ эпитеты сребро-и злато-ногихъ, почему наконецъ подвижная избушка вѣдьмы (=ходячее облако) сто-

[1]) Точно также Персефона есть подземная Гера—Juno inferna—Griech. Myth. Преллера, I, 621-2; D. Myth., 945. — [2]) Я. Гриммъ допускаетъ тождественость между богомъ Loki и великаномъ Logi (naturkraft des feuers, отъ liuhan-lucere), сыномъ Форніотра (forn-iotr, der alte iotr, iötunn). — [3]) D. Myth., 220-1 („Zumal vorstechend ist die analogie, dass Hefäst durch Zeus vom Olymp herabgestürzt wird, wie der böse feind durch gott aus dem himmel in die hölle, obgleich die Edda von Loki weder einen solchen sturz berichtet, noch ihn als künstlichen schmied und meister der zwerge darstellt"), 351; Симрокъ. 113-5.

итъ и повертывается на **курьихъ ножкахъ**, т. е. на ногахъ пѣтуха (кура), имя котораго донынѣ употребляется въ значеніи огня (I, 522). Богатырскіе кони и козлы Тора, ударяя своими **копытами** по облачнымъ скаламъ, высѣкали изъ нихъ молніеносныя искры и открывали путь дождевымъ источникамъ. Такъ какъ молнія падаетъ съ воздушныхъ высотъ **изломанной, искривленной** линіей [1]), то полетъ ея фантазія стала сравнивать съ шаткимъ, нетвердымъ бѣгомъ хромоногаго человѣка или животнаго; а громовому удару стала приписывать отшибаніе **пятъ** или поврежденіе **ноги** у героя-громовника, когда онъ является въ облачныя подземелья добывать оттуда золото солнечныхъ лучей и живую воду дождя. Такой ударъ наносятъ ему тяжелыя двери демонскихъ кладовыхъ или желѣзныя врата адовы (см. II, стр. 686); подъ дверью здѣсь разумѣется то отверстіе, какое прорубаетъ въ темныхъ тучахъ Перунова палица. Когда заблеститъ молнія, чехи говорятъ, что это Богъ отворяетъ въ небесномъ чертогѣ **дверь** или **окно**, и что въ ту минуту поютъ тамъ хоры ангеловъ, т. е. слышится грозовая пѣсня [2]). Зевсу въ битвѣ его съ Тифономъ были **подрѣзаны на ногахъ жилы**; по свидѣтельству индѣйскаго миѳа, Кришна, славный побѣдитель дракона, былъ раненъ въ **подошву**, откуда объясняется и греческое преданіе объ Ахилесовой **пяткѣ**; наши сказочные герои иначе не могутъ освободиться изъ подземнаго міра, какъ **отрѣзавъ свои и́кры** и скормивъ ихъ дракону или вихрю-птицѣ, на крыльяхъ которыхъ вылетаютъ они на бѣлый свѣтъ (I, 507). Тоже увѣчье испытываютъ и миѳическія животныя, въ которыхъ издревле олицетворялись грозовыя тучи. Такъ козелъ Тора охромѣлъ, потому что у него была разбита кость **задней ноги** I, 685); а конь Бальдура **вывихнулъ** ногу

[1]) Римляне чтили Марса подъ образомъ **криваго** меча — hasta curva. — [2]) Пов. и пред., 153-5; Громаннъ, 36-37.

въ то самое время, какъ этотъ богъ сопутствовалъ Одину въ его бурномъ поѣздѣ. По указанію русской сказки, когда царевичъ доставалъ живую воду, толкучія горы (тучи) отшибли его богатырскому коню заднія ноги (см. II, стр. 353). Паденіе молніи на метафорическомъ языкѣ обозначалось утратою того члена, какому уподоблялась она въ данномъ случаѣ; богъ-громовержецъ или демонъ-туча терялъ свой золотой волосъ, зубъ, палецъ, фаллюсъ, перо изъ своихъ крыльевъ или ногу. Звѣри, въ образѣ которыхъ народныя преданія живописуютъ грозовыя явленія (собака, заяцъ и др.), весьма часто представляются треногими; нѣмецкія саги заставляютъ дикаго охотника ѣздить на треногомъ конѣ [1]) и бросать съ высоты воздушныхъ пространствъ заднюю ногу оленя или коня, которая потомъ превращается въ золото (I, 726-7). Взирая на извивъ молніи, какъ на тотъ непрямой путь, которымъ шествуетъ богъ-громовникъ, древній человѣкъ, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ языка, связалъ съ этимъ представленіемъ понятія коварства и злобной хитрости. Въ эпоху незапамятной, доисторической старины ни одно нравственное, духовное понятіе не могло быть иначе выражено, какъ чрезъ посредство матеріальныхъ уподобленій. Поэтому кривизна служила для обозначенія всякой неправды, той кривой дороги, какою идетъ человѣкъ недобрый, увертливый, несоблюдающій справедливости; досихъ поръ обойдти кого-нибудь употребляется въ смыслѣ: обмануть, обольстить. Лукавой — хитрый, злобный, буквально означаетъ: согнутый, искривленный, отъ слова лукъ — согнутая дуга, съ которой и смертные и самъ Перунъ бросаютъ свои стрѣлы; лукать — бросать, кидать, излучина, лукоморье — изгибъ морскаго

---

[1]) Der Ursprung der Myth., 140-1, 224-8; Beiträge zur D. Myth., I, 26.

берега; сравни: кривой, кривда и криводушный; во всѣхъ кельтскихъ нарѣчіяхъ kam—кривой, въ кимр.—худой, злой, а въ ирланд.—сильный, могучій, кимр. kamu, армор. kamma—натягивать лукъ [1]). Напротивъ съ понятіемъ правды соединяется представленіе о прямотѣ душевной; прямить — говорить правду (напрямки́, впрямь), прямой человѣкъ—честный, неподкупный, идущій прямымъ путемъ. Лукавство и хитрость считались у грубыхъ первобытныхъ племенъ существенными признаками ума, мудростью; другія выраженія сближаютъ умъ съ быстротою—понятіемъ, неразлучнымъ со всѣми представленіями стихійныхъ духовъ: владим. достремиться (стремный, стремый—скорый, проворный)—догадаться, достремливый—тоже, что́ дошлый: смышленый, догадливый, буквально: добѣгающій, достающій до цѣли; перм. угонка—смѣтливость, догадка; съ тѣмъ-же значеніемъ употребляется и слово дамѐтъ («не въ даметъ»=не въ домёкъ, отъ до-метнуть). Серб. хитар, тождественное съ нашимъ хитрый, значитъ: быстрый, хорут. hiteti—спѣшить, старослав. хы(и)тити—схватить, поймать; сравни чеш. chwatati, новгор. и твер. хвататься—торопиться, серб. дофатити (=дохитити)—достигнуть и рус. хватъ—молодецъ; хапать—схватывать и олон. хапистый—молодцоватый. Слѣдовательно хитрый первоначально могло означать тоже, что́ и прилагательное ловкой, т. е. тотъ, который удачно, скоро ловитъ, а затѣмъ уже—умный. Приведенный рядъ словъ переноситъ насъ въ тѣ отдаленныя времена охотничьяго быта, когда мѣткость стрѣлы, быстрота въ преслѣдованіи дичи были главными достоинствами мущины, ручательствомъ за его умъ [2]). Наряду съ словомъ лукавый, которое сдѣлалось нарицательнымъ именемъ чорта (у нѣмцевъ: der böse, feindliche, un-

---

[1]) Галлы, соч. Георгіевскаго, 126. — [2]) Потебн., 62-66.

holde, у отцовъ церкви: antiquus hostis [1]), хитникъ также служитъ для обозначенія нечистаго духа, какъ коварнаго обольстителя и въ тоже время похитителя небеснаго свѣта и дождей (см. II, 582), а впослѣдствіи — похитителя душъ христіанскихъ; сравни: воръ и про-ворный. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній и языка, богъ разящихъ молній переходитъ въ хромоногаго демона, и донынѣ у разныхъ народовъ продолжаютъ давать этотъ эпитетъ дьяволу: der hinkende teufel, lahmer teufel, hinkenbein, diable boiteux [2]), хромой бѣсъ, хромой чортъ [3]); въ воронежской и другихъ губерніяхъ нечистаго называютъ: «Антипа (?) безпятая» [4]); чехи поминаютъ kulhavèho čerta и kulhavè hromy [5]). Въ народныхъ сказкахъ чортъ нерѣдко является искуснымъ кузнецомъ, съ чѣмъ (какъ нельзя болѣе) гармонируютъ и его черный видъ, и его пребываніе въ покрытыхъ сажею и горящихъ адскимъ пламенемъ пещерахъ; въ самой короткой срокъ онъ можетъ перековать въ гвозди огромное количество желѣза; въ Германіи думаютъ, что, ударяя кузнечнымъ молотомъ въ полночь, можно вызвать нечистаго духа [6]). Падающіе съ облачнаго неба, молніеносные духи (чешск. světlonosi = эльфы [7]) въ эпоху христіанства смѣшались съ тѣми нѣкогда-свѣтлыми ангелами, которые за свою гордость и высокоуміе были низринуты, по библейскому сказанію, во мракъ преисподней [8]). Як. Гриммъ относитъ названіе Loki

---

[1]) D. Myth., 940-2. — [2]) Ibid., 352, 945 — [3]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 152—народная поговорка: „чортъ хромъ, да съ рожками"; Н. Р. Лег., 20. — [4]) Ворон. Г. В. 1850, 29. — [5]) Ганушъ о Дѣдѣ-Всеведѣ, 28, 37.— [6]) Beiträge zur D. Myth., II, 313. — [7]) Громаннъ, 20 : světlonosi собираются на лугахъ и поляхъ, танцуютъ, сбиваютъ путниковъ съ дороги и бросаются имъ на спину; можно накликать ихъ свистомъ. — [8]) Люциферъ, владыка ада, по самому значенію его имени былъ первоначально свѣтлымъ духомъ — D. Myth., 937.

къ корню lukan (claudere—запирать, claudus—хромой); скан. lok—finis, consummatio, loka—запоръ, засовъ у дверей: свидѣтельство языка—въ высшей степени любопытное и знаменательное, такъ какъ молнія изстари уподоблялась ключу, отпирающему весною дождевые источники и замыкающему ихъ на все время холодной зимы; «замкнутое небо»=небо, непосылающее дождей (см. т. II, стр. 399—405). Въ качествѣ демона, Локи замыкаетъ облака, налагаетъ на нихъ крѣпкіе запоры, задерживаетъ небесныя воды и производитъ неурожаи. Въ противоположность Тору, покровителю земледѣлія и произрастителю хлѣбныхъ злаковъ, онъ засѣваетъ поля сорными травами; въ Нордъ-Ютландѣ вредная для скота трава называется Lokkens havre — подобно тому, какъ на Руси осотъ считается чортовымъ зельемъ: «nu saaer Lokken sin havre» (теперь Локи сѣетъ свою траву). Въ средніе вѣка чорта представляли подъ символомъ молота, засова и запора. Въ шведской пѣснѣ о Torkar'ѣ чортъ, похитившій молотъ (сравни II, стр. 688), названъ troll-tram отъ скан. trami, tremill, др.-в.-нѣм. dremil—засовъ у дверей [1]). Седьмой день, посвященный италійцами Сатурну (dies Saturni), у германскихъ племенъ называется: Soeteresdäg, Soeternesdäg, Saturday, Saterdei, Satersdag; англос. soetere — insidiator, скрывающійся въ засадѣ врагъ, подстерегающій злоумышленникъ (др.-в.-нѣм. sâzari, ср.-в.-нѣм. sâze—insidiae=lâga, lâge). Такое названіе субботняго дня приводитъ на мысль скан. laugardagr, швед. lögerdag, дат. löverdag, что въ болѣе раннюю эпоху могло быть равносильно выраженіямъ: Lokadagr, Logadagr—день, посвященный Локи. Итакъ Локи соотвѣтствуетъ Сатурну, жестокому богу преисподней; съ именемъ этого послѣдняго и съ

---

[1]) Ibid., 222-3, 951-2.

именемъ созвучнаго ему сатаны народъ и связалъ свои воспоминанія о древнемъ національномъ божествѣ демоническаго характера. Въ священномъ писаніи сатана есть отецъ лжи; сканд. Locki—verführer, verlocker, nachsteller, дат. Loke löjemand (lovmand) намекаетъ на lyve—лгать, обманывать (prät. löi); Гриммъ подозрѣваетъ сродство между словами lüge—ложь, обманъ и logi—огонь, вихрь. У нѣмцевъ, русскихъ и чеховъ существуетъ примѣта: если огонь горитъ съ трескомъ и прыгаютъ изъ печи искры, то въ семьѣ произойдутъ ссора и брань. Слово wind употребляется въ значеніи клеветы, ложнаго доноса, windbeutel—лжецъ; точно также въ русскомъ языкѣ «слова, сказанныя на вѣтеръ» означаютъ: пустыя рѣчи, враки, вѣтреный человѣкъ—безпутный; у датчанъ есть пословица: lögn er et skadeligt uveir (ложь—опасная буря). Der lügner — не только лжецъ, но и насмѣшникъ, шутникъ, какимъ и представляется Локи въ сказаніяхъ Эдды; наши поселяне даютъ чорту, домовому и лѣшему названіе шута, шу́тика [1]). Старинныя хроники свидѣтельствуютъ, что и славяне чтили божество, подобное Сатурну. Такъ Массуди въ «Золотыхъ лугахъ» говоритъ, что во храмѣ, построенномъ на Черной горѣ, стоялъ идолъ, изображавшій Сатурна—въ видѣ старца, съ палкою въ рукахъ, которою онъ разгребалъ кости умершихъ; подъ правою его ногою были видны муравьи, а подъ лѣвою сидѣли вороны и другія хищныя птицы. Видукиндъ упоминаетъ о мѣдномъ идолѣ Сатурна у вагровъ. Славянское имя этого бога, слѣдуя глоссамъ Вацерада, было Ситивратъ (см. гл. XXVIII). Словаки мѣстомъ входа въ адъ назначаютъ пропасти горы Ситна (названіе, стоящее—можетъ быть—въ связи съ именемъ Сити-

---

[1]) Ibid., 226-7, 568, 968; Громаннъ, 42; Обл. Сл., 257 (черный шутъ), 269.

врата), и злаго духа называютъ пропастникомъ, препадникомъ [1]).

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что народныя преданія и повѣрья о нечистыхъ духахъ изображаютъ въ нихъ—демоновъ грозовыхъ тучъ и бурныхъ вихрей, а въ ихъ адскомъ жилищѣ- мрачные вертепы облачныхъ горъ. На это мы уже не разъ указывали въ предыдущихъ главахъ нашего сочиненія, посвященныхъ великанамъ, карликамъ, водянымъ, лѣшимъ и другимъ стихійнымъ духамъ, съ которыми постоянно смѣшиваются черти. Вритра, Аги, Çushna и другіе демоны, упоминаемые Ведами, суть только очеловѣченныя явленія природы, ибо дѣятельность ихъ обнаруживается въ потемнѣніи неба громовыми тучами, въ воздыманіи бурь и опустошеніи нивъ градомъ; обитая въ облачныхъ горахъ или среди дождевыхъ водъ, они похищаютъ небесныхъ коровъ и дѣвъ, солнце, мѣсяцъ и дождь, и сражаются съ Индрою—молнія противъ молніи [2]). Въ шумѣ весеннихъ грозъ предки наши созерцали битву громовника съ демоническими силами, которыхъ онъ разитъ своимъ молотомъ, палицей или стрѣлами, и доселѣ существуетъ повѣрье, будто ударомъ молота по наковальнѣ можно наложить на чорта оковы [3]). Къ тѣмъ свѣденіямъ, какія собраны по этому предмету выше (I, 261 — 6), мы добавимъ свидѣтельство стариннаго англосаксонскаго памятника, сходнаго по содержанію съ русскимъ стихомъ о голубиной книгѣ. Здѣсь, между прочимъ, описывается борьба сатаны съ Богомъ: дьяволъ претворяется въ тьму, а Господь—въ свѣтъ: первый принимаетъ образъ исполинскаго змѣя, а послѣдній—копья. Наконецъ сожженный божьею молніей, раздавленный громовой колесницею и пронизанный дождемъ, сатана признаетъ себя по-

---

[1]) Макуш., 81-82; Ч. О. И. и Д., годъ 2, Ш, ст. Срезнев., 45; Nar. zpiewanky, I, 429; Срезнев., 17. — [2]) Germ. Mythen, 167—8. [3]) Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 239.

бѣжденнымъ, и Господь налагаетъ на него желѣзныя цѣпи [1]). Подъ другимъ поэтическимъ воззрѣніемъ гроза и крутящіеся вихри представлялись чортовой свадьбою или пляскою (I, 330—1), и до сихъ поръ поселяне наши убѣждены, что зимнія вьюги и мятели посылаются нечистою силою; появленіе и исчезаніе чертей сопровождаются бурею и трескомъ ломающихся деревьевъ. Манихеи и другіе еретики внесли въ свое ученіе догматъ, что буря есть дыханіе заключеннаго въ оковахъ дьявола (сравни I, 311), что громъ—скрежетъ его зубовъ, злобное ворчанье, а дождь—капли его пота [2]). Въ сербской рукописи (XIV вѣка) содержится отрывокъ заклятія противъ нечистой силы, въ которомъ читаемъ: «запрещаю ти четирими патріархи, запрещаю ти, діаволе, 308-ю святыхъ отець, иже въ Никеи, да не имаши власти на троудѣхь христіаньскыхъ (т. е. надъ нивами) одьждити (одождити) боурею и злимъ градомь» [3]). По мнѣнію чеховъ, вмѣстѣ съ вихрями, подымающими пыль столбомъ, движутся злые духи и причиняютъ людямъ болѣзни; сражаясь въ воздухѣ, черти бросаютъ другъ въ друга мельничные камни, которые раздробляются на тысячи кусковъ и падаютъ на землю градомъ; когда приближается бурная гроза, чехи заклинаютъ ее слѣдующей заповѣдной формулой: «zaklinam vás, anděle pekelni kteri posiláte krupobiti na tento svět, neškod'te ourodám božim, ani zemi, ani chmelnicim, ani lukám, ani lidem, ani hovadům, ani žádnému stvořeni božimu... abyste na skály a na hustiny šli.» Подобно тому въ Ведахъ встрѣчаемъ молитву: «не повреди намъ, Рудра, на сынахъ нашихъ и внукахъ, на лошадяхъ и коровахъ!» [4]) Отъ XVI вѣка дошли до насъ сказанія, въ которыхъ опустошительныя бури изображаются, какъ дѣло нечи-

---

[1]) Опытъ истор. обозр. рус. словесн. О. Миллера, I, 332. — [2]) Кіевл. 1865, 57; D. Myth., 952. — [3]) Оп. Румян. Муз., 605—6. — [4]) Громаннъ, 33—35.

стыхъ духовъ: въ 1570-хъ годахъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Богеміи жители наблюдали ихъ полетъ въ стремительныхъ вихряхъ, а въ одной деревнѣ разсказывали, будто дьяволъ свелъ любовную связь съ бабою (вѣдьмою) и научилъ ее напускать грозу и градъ; когда виновную бабу спалили на огнѣ, то черти подхватили ея душу и унесли въ вихрѣ. Въ 1585 году крестьянинъ, у котораго градъ выбилъ ниву, такъ выразился о своемъ несчастіи: «však Pan Bůh tehda spal, když nám čert to obili zdrtil a kroupami potloukl!» [1]) Въ народныхъ клятвахъ донынѣ дается чорту стихійное значеніе: «hat dich der teufel aber herzu tragen?» «wo führt ihn der teufel her?» «daz dich der tiuvel hin füere!» «var du dem tiuvel in die hant!» «fahr hin zum teufel!» «le diable t'emporte!» «куда тебя чортъ занёсъ! (или: завелъ)» «чтобъ тебя чортъ бралъ!» Сличи съ заклятіями: «was für ein wetter führt dich her!» «welches ungewitter (или: donnerwetter) hat dich hergebracht?» «wo schlägt dich der hagel her?» «ich will des wetters sein!» «ich bin des donners!» «какимъ вѣтромъ тебя занесло сюда?» (см. также т. I, стр. 317) у словаковъ: kde tam ideš do Paroma!» «kde si bol u Paroma?» Клятва: zum teufel! (къ чорту!) равносильна выраженіямъ: zum donner! и dass dich der hammer! Рядомъ съ благословеніемъ: gott walts! въ устахъ народа слышится: des walte der teufel, der donner! Названія teufelskind и donnerskind, teufelsgeld и donnersgeld (заклятыя деньги)—тождественны. Чорту приписывается быстрота вихря или несущихся въ грозѣ духовъ неистоваго воинства; подобно эльфамъ, чортъ можетъ внезапно появляться, исчезать, оборачиваться въ различные образы и дѣлаться то великаномъ гигантскихъ размѣровъ, то карликомъ, способнымъ пролѣзть въ замочную скважину или въ

---

[1]) Иричекъ — въ Часописи 1863, I, 23-24.

пустой орѣхъ. Въ средневѣковыхъ сагахъ герои приносятся изъ дальнихъ странъ домой съ необычайною скоростью чортомъ и большею частію чрезъ воздушныя пространства. Такъ король Карлъ въ единую ночь прискакалъ съ востока во Францію на дьяволѣ, превратившемся въ коня [1]). Извѣстна легенда о святомъ пустынникѣ, котораго въ нѣсколько часовъ свозилъ чортъ въ Іерусалимъ или въ Римъ [2]) Другія саги допускаютъ замѣну нечистаго духа ангеломъ указующимъ на быстроногаго коня: знакъ, что первоначально тутъ разумѣлся не злой демонъ христіанскаго ученія, а созданный язычествомъ стихійный духъ (=вѣтръ) или самъ Вуотанъ, несущій своего любимаго героя въ бурномъ полетѣ облаковъ [3]). Какъ представитель легко-измѣнчивыхъ облаковъ и тумановъ, чортъ можетъ превращаться во всѣ тѣ образы, въ которыхъ древнѣйшій миѳъ олицетворялъ тучи. Согласно съ эпическими названіями облаковъ ходячими, а вѣтровъ буйными, черти вѣчно бродятъ по свѣту и отличаются неустанною, безпокойною дѣятельностью; на областномъ нарѣчіи шатунъ означаетъ и бродягу, и дьявола [4]). По быстротѣ своего полета, тучи уподоблялись хищнымъ птицамъ, легконогому коню, гончимъ псамъ и дикимъ козламъ и козамъ, а ради той жадности, съ какою онѣ пожираютъ (=помрачаютъ) небесныя свѣтила,— волку и свиньѣ. Всѣ эти животненныя формы принимаетъ и нечистый. Изъ сейчасъ-указанной саги видно, что онъ, наравнѣ съ вѣдьмами, можетъ превращаться въ борзаго коня; въ другихъ сказаніяхъ онъ, подобно Вуотану и

---

[1]) D. Myth., 951, 964 6, 980; Nar. zpiewanky, I, 407. — [2]) Н. Р. Лег., 19, 20, с и стр. 165-8; Семеньск., 52 53; Пам. стар. рус. литер., I, 245-8: „Сказаніе о великомъ святители о Иваннѣ, архіеп. великаго Новаграда, како былъ единой нощи изъ Новаграда въ Іерусалимѣ-градѣ и паки възвратися.“ — [3]) D. Myth., 980. — [4]) Обл. Сл., 263.

Донару, выѣзжаетъ на черномъ конѣ или въ колесницѣ; осужденныхъ грѣшниковъ увозятъ въ адскія бездны черные кони; Локи превращался въ кобылу и породилъ осьминогаго Слейпнира отъ великанова жеребца Svadhilfari. Прибавимъ, что и водяные представляются на половину, а иногда и совсѣмъ въ лошадиномъ образѣ; а кобольдамъ народныя повѣрья даютъ лошадиную ногу. Чортъ нерѣдко показывается въ видѣ собаки и даже называется hellehund, напоминая тѣмъ греческаго Цербера; какъ адскій песъ, онъ стережетъ спрятанныя въ облачныхъ подземельяхъ сокровища, оберегаетъ небесныя стада и участвуетъ въ дикой охотѣ--этой поэтической картинѣ весенней грозы, почему его называютъ также: hellehirte и hellejager. Въ силу миѳическаго сродства мертвецовъ съ стихійными духами создалось вѣрованіе, будто онъ охотится за душами усопшихъ, какъ гончая собака за убѣгающей дичью: «führt dich der zauch (др.-верх.-нѣм. zôha—сука) schon wieder her?» Представленіе чорта козломъ ставитъ его въ особенно-близкія отношенія къ Тору. На праздничныхъ сборищахъ вѣдьмъ сатана является въ образѣ чернаго козла, которому онѣ воздаютъ божескія почести; въ заклятіяхъ козелъ служитъ замѣною древняго бога. Въ Швейцаріи народъ не употребляетъ въ пищу козлиныхъ ногъ, потому что такія-же ноги имѣетъ и самъ чортъ: это обыкновеніе объясняется изъ миѳа о козлахъ Тора, мясомъ которыхъ утолялъ онъ свой голодъ, а изъ собранныхъ костей снова воскрешалъ убитыхъ и съѣденныхъ животныхъ, и сильно гнѣвался, когда однажды кость козлиной ноги оказалась раздробленною. На подобіе Тора, чортъ ѣздитъ по ночамъ на козлѣ и щелкаетъ бичомъ, или правой рукою махаетъ серебренымъ молотомъ, а въ лѣвой держитъ молніи. О превращеніяхъ злаго духа въ свинью и волка было сказано выше (I,715,732,740,781). Чортъ охотно воплощается въ чернаго

вброна, коршуна и сову (I, 529); нѣмцы называютъ его hellerabe, и не только ради хищности и чернаго цвѣта этой птицы, но и потому особенно, что воронъ посвящался Одину, шествующему въ грозѣ и буряхъ [1]). Животненныя формы даются бѣсамъ въ придатокъ къ тѣмъ безобразнымъ человѣческимъ формамъ, въ которыхъ рисовались они воображенію первобытныхъ племенъ; надѣлённый козлиными, коровьими или лошадиными ногами и ушами, рогами и хвостомъ, чортъ внѣшнимъ видомъ своимъ сближается съ античными фавнами и сатирами и нашими лѣшими (см. I, 715); онъ также косматъ, какъ skraten и pilosen; острые когти его и крылья суть признаки звѣринаго и птичьяго типовъ. По лѣтописному свидѣтельству, боги, живущіе въ безднахъ, «видомъ черны, крылаты, съ хвостами и летаютъ подъ небо» [2]). Сходно съ эльфами, цвергами и никсами, черти любятъ пляски и музыку (I, 331—4 [3]). На ряду съ бѣсами мужескаго пола, преданія говорятъ о чертовкахъ, которыя, по характеру своему, совпадаютъ съ облачными, водяными и лѣсными женами и дѣвами [4]). У малоруссовъ есть поговорка: дождался чортовой матери! [5]) Въ народныхъ сказкахъ въ жилищѣ чорта сидитъ его бабка, мать или сестра, которая въ бóльшей части случаевъ оказывается благосклонною къ странствующему герою, прячетъ его отъ своего сына и помогаетъ ему въ нуждѣ (съ тѣмъ-же значеніемъ изображается и мать вѣтровъ — см. I, 313); самъ же чортъ, ворочаясь домой, чуетъ носомъ человѣческое мясо, какъ чуютъ его великаны и змѣи. По мнѣнію малоруссовъ, если «дощъ йде кризь сонце (т. е. при солнечномъ сіяніи), то чортъ жинку бье» или «дочку замижъ виддае»; чехи говорятъ: čert bĕli svou babu, či svou matku neb chot'

[1]) D. Myth., 946-9, 952, 958, 965, 974; Beiträge zur D. Myth., I, 66. — [2]) П. С. Р. Л., II, 273. — [3]) Ibid., I, 83. — [4]) D. Myth., 958—9. — [5]) Номис., 109: „дочекався чортовой мами!“

(любовницу); французы: le diable bat sa femme». Въ Германіи о быстро-смѣняющейся погодѣ—то ясной, то дождливой и пасмурной выражаются поговоркою: der teufel bleicht seine grossmutter, въ Швейцаріи: der teufel schlägt seine mutter; когда громъ гремитъ при солнечномъ сіяніи, нѣмцы говорятъ: «der teufel schlägt seine mutter, dass sie öl gibt.» Польско-русинское присловье утверждаетъ, что вѣдьмы (чаровницы) сбиваютъ масло въ то самое время, какъ чортъ бабу колотитъ. Очевидно, чортъ выступаетъ здѣсь въ роли громовника; въ шумѣ лѣтней грозы онъ бьетъ свою мать или жену, т. е. облачную нимфу, и требуетъ отъ нея масла=дождя (I, 665—7 и гл. XXVI). Туча, въ нѣдрахъ которой рождается молнія, почиталась ея матерью; въ сказкахъ упоминается мать грома, литов. Percuna tete. Съ другой стороны таже облачная нимфа, подъ инымъ поэтическимъ воззрѣніемъ, представлялась любовницею или женою грозоваго демона, съ которою онъ сочетается молніеноснымъ фаллюсомъ [1]).

Вмѣстѣ съ присвоеніемъ громовнику и сопутствующимъ ему духамъ характера демоническаго, сатанинскаго, жилища ихъ, т. е. облачныя подземелья и пещеры, получили значеніе страшнаго царства нечистой силы; въ тоже время царство это признано было обиталищемъ умершихъ, ибо и въ языкѣ и въ повѣрьяхъ Смерть роднилась съ нечистою силою [2]), а тѣни усопшихъ съ грозовыми геніями. И та, и другія неслись въ рядахъ неистоваго воинства и дикой охоты, сопровождали Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ и вмѣстѣ съ нимъ скрыва-

---

[1]) D. Myth., 157, 960; Номис., 282; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 25. Народныя поговорки утверждаютъ, что „чортъ и баба—родня между собою“, „гдѣ чортъ не сможетъ, туда посылаетъ бабу“. — [2]) Напомнимъ, что суббота (dies Saturni) есть по преимуществу день поминокъ.

лись въ облачныя горы и дождевые источники. Тѣже самые образы и краски, какіе созданы были поэтическимъ настроеніемъ древняго человѣка для тучъ, служили и для обрисовки царства демоновъ и мертвыхъ. Прежде всего это есть міръ подземный, куда ведетъ трудный путь чрезъ пропасти и горныя ущелія,—міръ непроницаемой тьмы и страшно-клокочущаго, всепожигающаго пламени: тьма указываетъ на помраченіе неба черными тучами, а пламя—на горящія въ нихъ молніи. Таково было воззрѣніе арійскихъ племенъ. Веды знаютъ ужасный, подземный міръ Naraka, въ которомъ царствуетъ богиня Nirriti [1]); по ученію древнихъ грековъ, души усопшихъ отходятъ въ подземный, вѣчно-туманный и мглистый адъ (ἀίδης, ᾅδης), гдѣ властвуетъ богъ Аидесъ (Гадесъ), являющійся во всей грозовой обстановкѣ: онъ имѣлъ шлемъ-невидимку, жезлъ и златоблестящую колесницу (метафоры облака и молніи [2]). Греческому аду соотвѣтствуетъ германская гелла и славянское пекло. Сканд. Hel (гот. Halja, др.-в.-нѣм. Hellia, Hella, англос. Hell) принимается въ двухъ значеніяхъ: какъ названіе того свѣта (unterwelt) и какъ имя царствующей тамъ богини— точно также, какъ греч. Ἀίδης и лат. Orcus (uragus, urgus) олицетворялись въ мужскомъ образѣ. Ульфила переводитъ ᾅδης словомъ halja; верхненѣмецкій переводчикъ св. писанія infernus передаетъ черезъ hella, a gehenna—черезъ hellafiur и hellawîzi. Геллу, сверхъ того, чтили язычники какъ богиню смерти, существо злое, забирающее души усопшихъ въ свою печальную область, откуда уже нѣтъ возврата. По свидѣтельству Эдды, она была дочь Локи, порожденная великанкою, сестра волка Фенрира и чудовищной змѣи; она на половину или и совсѣмъ чернаго цвѣта, подобно тому, какъ,

---

[1]) Die Götterwelt, 53. — [2]) Der Ursprung der Myth., 171.

олицетворяя Смерть, народное воображеніе рисуетъ ее сумрачною и черною. Царство Геллы лежитъ глубоко въ утробѣ земли, подъ корнемъ міровой ясени Иггдразилли и носитъ имя Niflheimr или Niflhel=nebelwelt, nebelhölle (облачный, туманный міръ или адъ); ея чертогъ—Eliudhnir (страданіе, бѣдствіе), блюдо—Hüngr (голодъ), ножъ—Sultr (съ тѣмъ-же значеніемъ), т. е. она пожираетъ съ ненасытнымъ голодомъ. Въ среднія вѣка изображали адъ жадно-раскрытымъ, поглощающимъ людской родъ зѣвомъ, подобнымъ волчьей пасти; старинные памятники говорятъ о безднѣ, дверяхъ и челюстяхъ адскихъ. Идеи зіяющей бездны, отверстой пасти, воротъ и крѣпкихъ, неодолимыхъ запоровъ такъ естественно возникали въ данномъ случаѣ, что разные народы постоянно обращались къ этимъ образамъ. Наши церковныя и лубочныя изображенія страшнаго суда рисуютъ адъ въ видѣ открытой, огнедышащей пасти чудовищнаго змѣя [1]). Усопшіе ѣдутъ въ область Геллы на коняхъ или въ колесницѣ («fara til Heljar»); созвѣздіе Большой Медвѣдицы называютъ не только himmelwagen, но и hellewagen; имена, даваемыя млечному пути, указываютъ на него, какъ на дорогу, которая ведетъ умершихъ на тотъ свѣтъ: любопытныя данныя, ярко-свидѣтельствующія, что подземное, загробное царство первоначально было только метафорическимъ обозначеніемъ небесныхъ, облачныхъ пещеръ. Греки помѣщали адъ то въ нѣдрахъ земли, то за предѣлами воздушнаго океана, гдѣ находились и блаженные острова. Рядомъ съ подземной страною Naraka индѣйское вѣрованіе указываетъ на фиговое дерево (acvattha

---

[1]) У пророка Исаіи, V, 14: „и расшири адъ душу свою, и развtotерзе уста своя". На стѣнной живописи вологодскаго Софійскаго собора подъ стопами Спасителя, изводящаго изъ ада души праотцевъ, изображены сокрушенныя врата, вереи и заклепы — Изв. Имп. Археолог. Общ., IV, 24.

=Иггдразилль), подъ сѣнью котораго пребываютъ праотецъ Яма и всѣ блаженные—Pitris, наслаждаясь невозмутимымъ покоемъ и вмѣстѣ съ богами вкушая безсмертный напитокъ. Рядомъ съ геллою скандинавскій миѳъ называетъ валгаллу (valhöll). На высокомъ небѣ высился Ásgardhr—городъ свѣтлыхъ асовъ, гдѣ хозяиномъ и владыкою былъ Одинъ; окруженный крѣпкими стѣнами, городъ этотъ заключалъ въ себѣ славные чертоги и валгаллу. Эта послѣдняя имѣла 540 дверей, вмѣсто кровли была покрыта золотыми щитами, на стѣнахъ ея висѣли блестящіе мечи и давали свѣтъ, озаряющій всю залу. Сюда поступали падшіе въ битвахъ герои (einherien) и продолжали свои воинскія занятія; каждый день они сражались на дворѣ и умерщвляли другъ друга, но когда наступало время трапезы—убитые возставали и пировали за однимъ столомъ съ побѣдителями, вкушая безсмертныя яствы и вдохновительный медъ; въ битвахъ этихъ принималъ участіе и самъ Одинъ. Ясно, что герои валгаллы суть стихійные духи, сражающіеся въ лѣтнихъ грозахъ и пьющіе живую воду дождя—представленіе, перенесенное потомъ на доблестныхъ народныхъ витязей, души которыхъ смѣшиваются съ безсмертною свитою Одина. Въ царство же Геллы поступаютъ умершіе отъ старости и болѣзней; первоначально это — мѣсто пребыванія усопшихъ, а никакъ не мѣсто наказанія грѣшниковъ; о казняхъ и мукахъ нѣтъ ни слова въ древнѣйшихъ памятникахъ, и обитатели Нифльгейма составлялись не исключительно изъ злыхъ и нечестивыхъ людей, но всѣ скончавшіеся не въ пылу сраженій, даже самыя благородныя и возвышенныя личности, отходили сюда, какъ свидѣтельствуютъ примѣры Брингильды и Бальдура. По греческому вѣрованію, почившіе герои поступали въ мрачные вертепы ада. Тѣмъ не менѣе изъ этихъ миѳическихъ основъ—съ теченіемъ времени, когда выработалась извѣстная сумма нравственныхъ правилъ, должны бы-

ли развиться представленія о различной участи, ожидающей по смерти добрыхъ и злыхъ. Слабые зачатки такихъ представленій встрѣчаемъ уже въ мірѣ языческомъ, отдѣлившемъ небесное царство Ямы и блаженныхъ праотцевъ отъ подземной области Нараки. Съ забвеніемъ исконнаго смысла старинной метафоры, уподобившей облака горамъ и подземельямъ, и съ перенесеніемъ ада въ дѣйствительныя нѣдра земли, сказанія о немъ стали противополагаться миѳу о небесныхъ (райскихъ) обителяхъ боговъ и ихъ любимцевъ [1]). Уже Гомеръ различаетъ тартаръ отъ елисейскихъ полей; тартаръ лежалъ еще глубже ᾅδης'а—въ безднѣ, гдѣ томились заключенные великаны, буйные противники боговъ, и позднѣе признанъ былъ за ту часть подземнаго царства, въ которой злые осуждены терпѣть казни; въ елисейскихъ же поляхъ проводятъ безпечальные дни тѣни блаженныхъ. У германцевъ также было вѣрованіе, принимаемое Я. Гриммомъ за сравнительно-позднѣйшее, что Всевышній (Allvater) даруетъ людямъ безсмертныя души, и какъ скоро трупъ покойника будетъ сожженъ на кострѣ или сгніетъ въ могилѣ—душа добраго возвращается къ Одину на небо (Gimill, Vingôlf), а душа злаго идетъ въ Niflheimr. Собственно же говоря, строгое различіе между грядущими судьбами добрыхъ и злыхъ и мѣстами ихъ посмертнаго пребыванія указано христіанствомъ, которое потребовало отъ человѣка высокой нравственной чистоты и стало судить его по его внутреннимъ достоинствамъ. Въ XIII вѣкѣ уже утвердилось за геллою ея теперешнее значеніе подземнаго царства мукъ, въ которомъ пребываютъ души осужденныя, проклятыя [2]). Въ др.-вер.-нѣмецкихъ памятникахъ употре-

---

[1]) Между небомъ и подземнымъ царствомъ ада земля составляетъ средину — Midhgardh (media domus) — D. Myth., 526; О вл. христ. на сл. яз., 188 — [2]) D. Myth., 288-292, 663, 761-4, 777-8; Die Götterwelt, 58, 158, 162.

бляется въ смыслѣ ада—bĕch (pĕch—pix, смола); новые греки называютъ преисподнюю πίσσα. Этотъ смоляной адъ извѣстенъ у славянъ и литовцевъ подъ именемъ пéкла (пол. piekło, серб. пакао, слов. pekel, илл. pakal, лит. pekla, др.-прус. pickullis), каковое слово происходитъ отъ глагола печь, пеку и равно означаетъ и смолу, которая гонится чрезъ жженіе смолистыхъ деревьевъ, и геенское пламя [1]). Венгерское pokol (адъ) заимствовано отъ славянъ—точно также, какъ германскія племена заимствовали отъ римлянъ infern. На Руси смолу называютъ варомъ, а слово дёготь имѣетъ въ санскритѣ корень dah (dagh) — горѣть [2]). Слѣдуя буквальному значенію этихъ словъ, предки наши связывали ихъ съ представленіями весеннихъ водъ и дождей, рождающихся дѣйствіемъ яркаго солнца и молніеноснаго Перуна изъ растопленныхъ снѣговъ и тучъ. Такимъ образомъ смола и деготь издревле были метафорами дождя (I, 788-9), а слово пекло къ обозначенію «ада» перешло отъ понятія громовой тучи, пылающей молніями и преисполненной кипучею влагою живой воды. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ греч. τάρταρος переводится грозою: «иніи грозѣ предаются» [3]). У люнебургскихъ вендовъ адъ—smela=смола. Литовскій Pokole (Poklus, др.-прус. Pikolos, Pekolos) есть богъ-пекельникъ, владыка того свѣта, тождественный Гадесу; чортъ по литовски—pyculas (др.-прус. pickuls). По народнымъ повѣрьямъ, появленіе и исчезаніе нечистыхъ ду-

[1]) Описан. слав. рукоп. моск. синодальн. библіотеки, отд. I, 109: пькъло — смола; отд. II, вып. II, 239: пекла моуки — inferni poenas; Церковнослав. слов. Востокова: «посмоли же ковчегъ пекломъ»; пеколъ, пекълъ, пьколъ — смола или асфальтъ. — [2]) Г. Микуцкій сближаетъ dah съ славянскимъ жег; д измѣняется въ ж, какъ въ словахъ: орудіе — оружіе, куделя — кужель (Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 589). — [3]) Описан. слав. рукоп. моск. синод. библ., отд. II, вып. II, 261—2.

ховъ всегда сопровождается громовымъ трескомъ и удушливыми парами, распространяющими сѣрный или смолистый запахъ [1]). Малороссійская поговорка: «якъ дидько по пеклу шибаетця» указываетъ на властвующаго тамъ сатану или подземнаго Перуна; какъ у славянъ имя Дѣда=Перуна перешло въ названіе дьявола (дѣдько—см. II, 488), такъ у нѣмцевъ alt есть не только прозваніе Тора, но сверхъ того означаетъ и чорта, и великана; сравни наше: «старый чортъ» [2]). Славяне полагаютъ пекло подъ землею, куда надо спускаться чрезъ разинутую адскую пасть, подобную глубокому, извергающему страшное пламя колодцу. Простолюдины русскіе убѣждены, что душа во время «обмиранья» (летаргіи), руководимая Николаемъ-угодникомъ, странствуетъ въ подземномъ царствѣ и видитъ тамъ адскія муки. По свидѣтельству Длугоша, язычники-поляки молили подземное божество отвести ихъ по смерти въ лучшія мѣста ада (in meliores inferni sedes [3]). Въ Шлезіи «пекломъ» называютъ склепы съ погребальными урнами [4]); а славацкій pikulјk принадлежитъ къ разряду домовыхъ геніевъ, въ образѣ которыхъ чтились духи усопшихъ предковъ. Въ народныхъ сказкахъ герои, отправляясь на тотъ свѣтъ, нисходятъ туда чрезъ глубокую яму. Словаки разсказываютъ объ одномъ охотникѣ, который, по указанію бабы-яги, ѣздилъ въ адъ и спускался для того въ пропасть; его везъ летучій змѣй (драконъ-туча), и когда не хватило запасовъ—странствующій молодецъ вынужденъ былъ дать змѣю кусокъ мяса отъ собственной ноги и остался навсегда хромъ [5]). Тѣже подробности находимъ въ нашихъ, нѣ-

---

[1]) D. Myth., 765; Lituanica, Шлейхера, 27; Дифенбахъ, I, 336-7; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 13; Громаннъ, 27; Кіевл. 1865, 57.— [2]) D. Myth., 957. — [3]) Ж. М. Н П. 1847, II, ст. Срезнев., 188. — [4]) Вѣст. Евр. 1826, III, 210. — [5]) Пов. и пред., 153—5; Nar. zpiewanky, I, 12.

мецкихъ и норвежскихъ сказкахъ, повѣствующихъ о возвращеніи героевъ съ того свѣта—изъ далекой страны чудовищныхъ демоновъ; но мѣсто змѣя заступаетъ громадная птица, потемняющая своими крыльями солнечное сіяніе. Въ заговорахъ нечистая сила посылается «въ океанъ-море (=небо), въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, въ тартарары—во тьму кромечную» [1]). Изображая адъ пекломъ, т. е. возженною смолою, народная фантазія соединила съ нимъ представленіе объ огненной, бурно-клокочущей рѣкѣ, которая у грековъ называлась Πυριφλεγέθον (огненный потокъ [2]). Миѳъ о кончинѣ міра, живописующій разрушеніе въ шумѣ весеннихъ грозъ старой, одряхлѣвшей за зиму природы, свидѣтельствуетъ, что въ то страшное время протечетъ рѣка огненная. При концѣ вселенной настанетъ царство антихристово, свѣтила небесныя померкнутъ, архангелы вострубятъ въ рога и мгновенно воскреснутъ мертвые. «Посемъ, говоритъ «Кириллъ Туровскій, огнь неугасимый потечеть отъ «въстока до запада, поядая горы и каменіе и древа, и «море изсушая; твердь же яко бересто свертится (вар. небе«са совіются), и вся видимая сущія вещи, развѣе человѣкъ, «вся отъ ярости огненныя яко воскъ истаютъ, и згоритъ вся «земля. И сквозь той огнь подобаетъ всему человѣческому «роду пройти... Въ нихъ же суть нѣціи, мало имуще «съгрѣшенія и неисправленія, яко человѣци, понеже есть Богъ «единъ безъ грѣха, да симъ огнемъ искушени будутъ, очис«тятся и просвѣтятся тѣлеса ихъ яко солнце, по добродѣтели «ихъ: праведнымъ даеть свѣтъ, а грѣшнымъ опаленіе и омра-

---

[1]) Сахаровъ, I, 30—31. — [2]) Griech. Myth. Преллера, I, 637; φλεγω — пожигаю. Калевала упоминаетъ огненную рѣку; волны ея бьютъ въ скалу, на вершинѣ которой сидитъ орелъ (молніеносная птица) и точитъ свой клювъ.

«ченіе (см. I, 219). Прешедшимъ же имъ огненную сію рѣку, «огньнная си рѣка, по божію повелѣнью, послуживше и отшед«ши къ западу, учинится во озеро огненное на муче«ніе грѣшнымъ. Посемъ будетъ земля нова и ровна, яко«же бѣ искони, и бѣла паче снѣгу, и потомъ повелѣніемъ бо«жіимъ премѣнится и будетъ яко злато; изидетъ изъ нея «трава и цвѣтіи много различніи и неувядающи ни«когда-же... и възрастутъ древа не яко видимая си су«ще, но высотою, лѣпотою, величествомъ невозможно есть из«глаголати усты человѣческыми» [1]). Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: протечетъ рѣка огненная и запылаетъ огонь отъ земли до неба и пожретъ камни, лѣса, птицъ и звѣрей;

Сойдутъ съ небесъ ангелы грозные,
И снесутъ они орудія огненыя
И погонятъ грѣшныхъ въ рѣку огненну.

Вслѣдъ за тѣмъ начинается великій потопъ, омывающій грѣховную землю [2]). На картинахъ страшнаго суда изображается и эта неугасимая рѣка, съ толпами захваченныхъ ею грѣшниковъ. Въ путевыя записки Коробейникова и Грекова, при описаніи святыхъ мѣстъ Палестины, занесено преданіе: «и тою подолью, сказываютъ, хочетъ течи рѣка огненная въ день страшнаго суда» [3]). Въ народномъ стихѣ Михаилъ-архангелъ представляется въ роли Харона [4]): какъ на послѣдняго

---

[1]) Памят. XII в., 100-1; Рукоп. графа Уварова, II, вып. I, 118—9. Въ стихирахъ недѣли мясопустной, по рукописи XV столѣтія, читаемъ: „рѣка же огньная предъ соудищемъ течетъ, оужасая вьсѣхъ... плачю и рыдаю, егда во оумѣ пріимоу огнь неоугасимый, тмоу кромѣшноую и пропасть глоубокоую, лютаго червия неоусыпающаго и скрежетъ зоубный“ — Калѣки Пер., VI, стр. XVII. — [2]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, Кирѣевск., 196—205. — [3]) Сахаров., II, 146. — [4]) Имя, указывающее на грозовое божество (χάροψ, χαροπός) — Der Ursprung der Myth., 273.

возложена была обязанность переправлять тѣни усопшихъ через адскіе потоки, такъ этотъ перевозитъ души праведныхъ черезъ рѣку огненную «ко пресвѣтлому раю» (см. I, 575-7). Въ сказкахъ змѣй и баба-яга указываютъ богатырямъ на огненные источники (=тучи), въ которыя что ни брось—тотчасъ-же все объемлется пламенемъ. Востокъ, откуда восходитъ (=нарождается) ясное солнце, чтился арійцами какъ райская страна, царство Весны и ея благодатныхъ даровъ; напротивъ западъ есть страна ночнаго мрака, смерти и адскихъ мукъ (см. I, 182). Младенческимъ племенамъ все то казалось за истину, что видѣлъ ихъ глазъ; солнце, удаляющееся вечеромъ съ небеснаго свода, и облака, гонимыя за горизонтъ вѣтрами, какъ-бы уходятъ подъ землю, а потому западъ, гдѣ умираетъ дневное свѣтило, признанъ былъ за подземное, загробное царство; тамъ полагали греки и свой ἅδης. Весенняя, пожигаемая молніями туча течетъ съ востока огненною рѣкою, поѣдаетъ обветшалый міръ и затѣмъ отходитъ къ западу, гдѣ и водворяется на муку грѣшнымъ. Всемірный пожаръ дѣйствуетъ за одно со всемірнымъ потопомъ, какъ поэтическія представленія грозоваго пламени и дождевыхъ ливней (см. I, 762 и II, 644—7), и затѣмъ наступаетъ блаженное царство весны: земля, обезсиленная рукою старости=зимы, юнѣетъ и обновляется, поля и лѣса одѣваются въ зелень и сулятъ обиліе плодовъ земныхъ. Согласно съ представленіемъ зимнихъ тучъ безплодными горами и скалами, созданными владыкою демоновъ и разрушенными богомъ-громовникомъ, новый міръ изображается цвѣтущею равниною. Такъ какъ и съ огнемъ, и съ водою соединялась идея физическаго и нравственнаго очищенія (см. II, 14, 22, 181), то понятно, почему народъ сочеталъ съ огненною рѣкою двоякое значеніе: во первыхъ—адскаго, наказующаго потока, и во вторыхъ—очистительнаго пламени (fegefeuer); здѣсь коренится католическій догматъ о чистилищѣ (purgatorium).

По свидѣтельству народнаго стиха, грѣшныя души, очистившіяся въ огненной рѣкѣ, изымаются изъ ея хлябей неводомъ, что напоминаетъ намъ ту сѣть, съ которою являются боги во время грозы, уподобляемой древними поэтами рыбной ловлѣ въ водахъ небеснаго океана (см. II, стр. 153—5):

И прошелъ неводъ мукой вѣчною,
И вытащилъ душъ праведныхъ (прощонныхъ) изъ муки вѣчныя [1]).

Персы вѣрятъ, что добродѣтельныя души пойдутъ на небо, а злыя, грѣшныя будутъ прежде очищены огненною металлическою рѣкою (сравни II, 762), которая разольется при кончинѣ вселенной, и потомъ уже начнется всеобщее, безконечное блаженство, явятся новая земля и новое небо и воцарятся вѣчный свѣтъ и правда [2]).

Кромѣ запада, идея ада связывалась съ сѣверомъ, какъ страною полуночною, вѣющею зимними стужами. Понятія ночи, зимы, смерти и все-потемняющихъ тучъ отождествлялись въ языкѣ и миѳахъ, что и повело къ представленію сѣвера царствомъ демоновъ, и напротивъ заставило югъ сблизить по значенію съ востокомъ, видѣть въ немъ родину небеснаго огня. По скандинавскому преданію, царство Геллы лежитъ на сѣверѣ. Когда Hermôdhr посланъ былъ къ усопшему Бальдуру, онъ девять ночей (по русски слѣдовало бы сказать: девять дней) ѣхалъ мрачными глубокими долинами и достигъ рѣки Giöll (strepens—шумно-бурливая), черезъ которую велъ мостъ, покрытый блестящимъ золотомъ (т. е. радуга, издревле признаваемая за дорогу въ небесныя обители и путь усопшихъ). Мостъ этотъ сторожила дѣва Môdhgudhri; она объявила страннику, что пять дней передъ тѣмъ толпа

---

[1]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 215-6. — [2]) Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 328; 1858, III, 277-8.

умершихъ мужей перешла черезъ мостъ и что жилище Геллы (helvegr) находится еще глубже и сѣвернѣе. Мрачныя, глубокія долины соотвѣтствуютъ греческому Ἔρεβος и составляютъ проходъ, ведущій къ аду (Halja): это—холодная, туманная, охваченная непроницаемымъ мракомъ страна Niflheimr'а, гдѣ обитаютъ и носятся темные эльфы. Посреди этой страны бьетъ источникъ Hvergelmir, изъ котораго истекаютъ двѣнадцать бурливыхъ рѣкъ и между ними Giöll, ближайшая къ жилищу богини. Потоки эти суть миѳическія представленія дождевыхъ ключей, такъ какъ самый Niflheimr—поэтическое изображеніе тумановъ и сгущенныхъ облаковъ. Туже обстановку встрѣчаемъ и въ античныхъ сказаніяхъ о мутномъ, окруженномъ постоянными туманами Стиксѣ [1]) и другихъ адскихъ рѣкахъ [2]). По разсказу Гомера, адъ находится у водъ великаго (воздушнаго) океана и корабль Одиссея направляется туда сѣвернымъ вѣтромъ:

Тамъ киммеріянъ печальная область, покрытая вѣчно
Влажнымъ туманомъ и мглой облаковъ; никогда не являетъ
Оку людей тамъ лица лучезарнаго Геліосъ...
Ночь безотрадная тамъ искони окружаетъ живущихъ [3]).

Хотя скандинавскій миѳъ, описывая послѣдній день вселенной, и умалчиваетъ объ огненной рѣкѣ, но за то говоритъ о всесвѣт-

---

[1]) „Styx nebulas exhalat iners.“ — [2]) D Myth., 762-4. Сравни т. I, стр. 376, съ сказаніями о райскихъ рѣкахъ; дождевые, грозовые потоки равно принадлежатъ и раю, и аду, только на обрисовку ихъ здѣсь и тамъ употреблены различныя поэтическія краски — [3]) Одис., XI, 13 — 19. Киммеріане=жители загробной области, усопшіе; Одиссей отправляется къ нимъ вопросить душу мудраго Тиресія. „Auch deutet ihr name auf Erebos und Unterwelt, da sie auch Κερβέριοι hiessen, welches wahrscheinlich wie der name des griechischen höllenhundes Κέρβερος mit ἔρεβος zusammenhängt, während der name Κιμμέριοι auf eine andere form desselben wortes, nehmlich auf ἐρεμνός führt“ — Griech. Myth. Преллера, I, 634. Сравни съ преданіями о блаженномъ народѣ гипербореяхъ — ibid., 189.

номъ пожарѣ. Въ противоположность сѣверному міру зимняго холода и тумановъ, на югѣ лежитъ міръ огня, называемый въ Эддѣ Muspellsheimr[1]). Охранять Muspellsheimr приставленъ Surtr (род. Surtar=schwarzbraune)—имя, родственное съ словомъ svartr—niger; вулканическія разщелины скалъ въ Исландіи называются Surtarhellir. Surtr и Suartr встрѣчаются, какъ имена великановъ. Нигдѣ въ обѣихъ Эддахъ Сутуръ не выступаетъ въ качествѣ бога; подобно другимъ великанамъ, онъ—врагъ и соперникъ асовъ, демоническій представитель грозовыхъ тучъ: Völuspâ огонь называетъ Surta sefi—Surti amicus. Когда грѣхи превзыдутъ мѣру, на землѣ станутъ царствовать жестокость, властолюбіе и неправда, и вселенною овладѣетъ суровая зима; тогда должна послѣдовать кончина свѣта (см. I, 759). Вооруженный блестящимъ мечемъ и окруженный пламенемъ, Суртуръ подымется вмѣстѣ съ грозными сынами Муспелля (Muspellssöhne), наступитъ войною на боговъ и предастъ вселенную страшному огню; при его появленіи задрожатъ скалы, люди пойдутъ путемъ смерти и небо распадется съ трескомъ. Асы будутъ побѣждены, старый міръ рушится и намѣсто его возникнетъ новый, благословенный. Ясно, что огненная рѣка, текущая съ востока, и пламя всесвѣтнаго пожара, приносимое съ юга, — представленія совершенно-тождественныя. Подъ вліяніемъ христіанскихъ сказаній, старо-верхне-нѣмецкая поэзія выводитъ вмѣсто Суртура-антихриста и заставляетъ его сражаться съ Ильею-пророкомъ, пролитая кровь котораго вос-

[1]) Mutspelli (muspille), по объясненію Я. Гримма, — слово сложное: вторая часть его spilli, spelli, spell роднится съ скан. spiöll — corruptio, spilla — corrumpere, англос. spillan — perdere, анг. spill, др.-в.-нѣм. spildan, др.-сакс. spildian; mud, mu (mû?) заключаетъ въ себѣ понятія земли или дерева. Слѣдовательно mudspelli есть поэтическое названіе огня, какъ истребителя деревьевъ, пожирателя дровъ.

пламеняетъ всѣ горы [1]). Славяне также соединяли идею ада не только съ западомъ, но и съ сѣверомъ; они донынѣ хранятъ воспоминанія о безпощадной странѣ смерти, вѣющей стужею и мятелями. Адъ, по ихъ мнѣнію, состоитъ отчасти изъ пропастей и безднъ, наполненныхъ кипучею смолою; отчасти—изъ снѣжныхъ и желѣзныхъ горъ (т. е. изъ тучъ, окованныхъ зимнимъ холодомъ). Изъ желѣзныхъ горъ прилетаютъ зимою Морозы и сюда скрываются они на лѣто; вообще вьюги и морозы, по народному повѣрью, происходятъ отъ выхожденія нечистой силы изъ адскихъ вертеповъ. Отсюда-же прилетаютъ въ извѣстную пору своего губительнаго вліянія, опредѣляемаго физическими условіями, весеннія лихорадки, коровій моръ и другія болѣзни, обыкновенныя спутницы и помощницы Смерти, которымъ простолюдины даютъ характеристическій эпитетъ «замороженныхъ» [2]). Вспомнимъ, что дивіи народы=великаны заключены въ горахъ на самой полунощи (см. т. II, стр. 455). Нѣмцы полагаютъ жилище чорта на сѣверѣ; этой страны боятся и русскіе поселяне, и эсты [3]). Въ древне-славянскихъ переводахъ и оригинальныхъ произведеніяхъ словомъ тартаръ обозначается подземная пропасть, никогда неосвѣщаемая и несогрѣваемая солнцемъ, мѣсто вѣчнаго, нестерпимаго холода, куда будутъ посланы души грѣшниковъ: «а се есть глаголемый тартаръ—зима несъгрѣема и мразъ лютъ». Лингвисты слово τάρταρος роднятъ съ ταρταρίζω—дрожу отъ холода [4]).

Такимъ образомъ съ адомъ соединялись самыя противоположныя представленія: яркаго пламени и непроницаемой тьмы, нестерпимаго жара и мертвящихъ морозовъ. Эти различныя дан-

---

[1]) D. Myth., 768—771. — [2]) Сахаров., I, 54; II, 27, 65. — [3]) D. Myth., 953. — [4]) Труды Моск. Археолог. общ., I, 74—75 (Матеріалы археолог. словаря).

ныя послужили основою для изображенія тѣхъ страшныхъ мукъ, на которыя осуждаются грѣшники. Злые демоны гоняются за душами усопшихъ грѣшниковъ, схватываютъ ихъ острыми когтями, связываютъ, какъ своихъ плѣнниковъ, и погружая въ адскія бездны, предаютъ жестокимъ казнямъ; поэтому германскія племена даютъ чорту названія: henker, diebhenker—палачъ, воръ, мучитель, der mörder von anfang, der grausame seelenhenker [1]. Подобно водянымъ духамъ, встрѣчающимъ всякаго утопленника съ плясками и весельемъ, черти, по русскому повѣрью, заводятъ неистовую гульбу возлѣ труповъ удавленника и самоубійцы [2]. «Будетъ му́ка розная, говоритъ стихъ о страшномъ судѣ: инымъ грѣшникамъ будутъ огни негасимые, инымъ—зима студёная, инымъ—смола кипучая, инымъ—черви ядовитые, а инымъ—тьма несвѣтимая и пропасть глубокая [3]. Апокрифическая статья «Хожденіе Богородицы по мукамъ», рукописи которой восходятъ къ самому началу письменности [4], рисуетъ полную картину адскихъ истязаній: одни грѣшники и грѣшницы мучатся въ огненномъ озерѣ (или огненной рѣкѣ), погруженные по̀ поясъ, по грудь, по шею и съ головою; другіе возлежатъ на пламенныхъ одрахъ; многіе повѣшены за ноги, руки, языки, уши, сердце, и поѣдаемы червями и змѣями; нѣкоторыхъ дьяволы прободаютъ желѣзными прутьями и рожнами, а иныхъ сосетъ лютый змѣй—чудовище съ огненнымъ языкомъ и желѣзными когтями. Сравни съ разсказомъ, записаннымъ въ Паисьевскомъ сборникѣ (XIV в.): «и видѣхомъ езеро полно змій, якожъ бяше не видѣть воды подъ ними, и слыша-

---

[1]) D. Myth., 956, 964. — [2]) Украин. мелодіи Маркевича, 117.— [3]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 201.—[4]) Списокъ Троицкой лавры относятъ къ XII вѣку — Пам. отреч. литер., II, 23; Пам. стар. рус. литер., III, 118-124. Хожденіе по мукамъ апокрифическая литература приписываетъ и апостоламъ, и святымъ — Пам. отреч. литер., II, стр. 40 и дал.

хомъ плачь и стенанье люто, и бяше езеро то полно человѣкъ, и приде гласъ съ небеси, глаголя: си суть людье осуженіи!» [1]) Въ одномъ рукописномъ отреченномъ сказаніи, сообщенномъ мнѣ проф. Григоровичемъ, сказано: «Адамъ поживе на земли лѣтъ 930 и умре, и пріиде Смерть сатанина и веемъ душу его и внесе во адъ мучи(ти)сь 3000 лѣтъ внутрѣ ада во огни горящемъ, руки и ноги связаны, на шестъ цѣпляны.» Всѣ эти казни издревле рисовались на иконныхъ изображеніяхъ «страшнаго суда» и до послѣдняго времени продолжали служить богатымъ матеріаломъ для лубочныхъ картинъ. Неразвитый умъ и огрубѣлое чувство простолюдина не въ силахъ представить себѣ, чтобы муки душевныя могли быть нестерпимѣе тѣлесныхъ, и онъ убѣжденъ, что за тяжкіе грѣхи посадятъ его въ котелъ съ кипящею смолою, повѣсятъ за языкъ, ребро или за ногу, станутъ бить раскаленными прутьями и мучить на страшномъ ложѣ, составленномъ изъ острыхъ иглъ, бритвъ и ножей, снизу котораго пылаетъ жгучій огонь, а сверху капаетъ растопленная сѣра [2]); онъ вѣритъ, что клеветникъ и лгунъ будутъ по смерти лизать горячую сковороду, что ростовщики и сребролюбцы будутъ выгребать изъ печи жаръ голыми руками, что на опойцахъ черти станутъ возить дрова для подтопки адскихъ горновъ и воду для приготовленія кипятка, что любодѣйницу будутъ сосать лютые змѣи [3]). На лубочной картинѣ, изображающей «смерть грѣшника», сатана говоритъ осужденному: «любилъ ты на бѣломъ свѣтѣ мыться и нѣжиться на мягкомъ ложѣ; поведите теперь его въ мою баню огненную и положите на ложе огненное.» Черти ведутъ

---

[1]) Пам. стар. рус. литер., III, 137; Ист. очер. рус. слов., I, 493; О. З. 1857, XI, ст. Пыпина, 350-7. — [2]) Н. Р. Лег., 27 („Кумова кровать"); Шлейхеръ, 75—79. — [3]) Н. Р. Лег., № 29 и стр. 125; Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, стихи Кирѣев., 212-3; Срп. н. пјесме, II, 11-14

его въ баню, парятъ горящими вѣниками и кладутъ на раскаленное ложе; въ заключеніе разныхъ истязаній они ввергаютъ грѣшника въ огненный колодезь. Представленія эти запечатлѣны тѣмъ матеріальнымъ характеромъ, который ярко свидѣтельствуетъ за ихъ глубокую давность; связь ихъ съ древнѣйшими миѳами язычества не подлежитъ сомнѣнію. Сосущіе змѣи, неусыпающій червь, раскаленные желѣзные прутья и огненные вѣники суть извѣстныя намъ метафоры молній; котлы и колодцы, налитые воспламененною смолою, — метафоры громоносныхъ тучъ При распредѣленіи загробныхъ мукъ, народная фантазія руководилась мыслею о соотвѣтствіи наказанія съ грѣхомъ: сейчасъ указано, что языкъ, произносившій клевету, долженъ лизать горячее желѣзо, а руки, загребавшія золото,—загребать жаръ, который самъ метафорически назывался золотомъ; бабы, которыя, торгуя молокомъ, подмѣшиваютъ въ него воду, осуждаются поливать другъ друга водою, и т. д. Въ этомъ отношеніи любопытны слѣдующія преданія, занесенныя въ народный разсказъ о странствованіи души на томъ свѣтѣ: «Идемо «стѣпомъ, коли я м а т а к а г л и б о ч е н н а, що й д н а н е в и д- «н о. Дидъ (путеводитель по аду) каже: лизь! Мусила я по- «лизти. Гляну, ажъ се вже другій свитъ. Скризь сидять по- «мершіи души, усе по статтямъ... Идемо, ажъ мижъ двомя «дубами горить у полом'ы чоловикъ и кричить: ой, пробі! «укрійте мене, бо замерзну! ой укрійте мене, бо замерзну! «Дидъ и каже: оце той чоловикъ, що просився до ёго зимою «въ хату подорожній, а на двори була метелиця та хуртовина, «а винъ не пустивъ, дакъ той и змерзъ пидъ тиномъ. Оце-жъ «теперъ винъ горить у поломъи, а ёму ще здаетця, що холод- «но, и терпить винъ таку муку, якъ той подорожній терпивъ «одъ морозу.» По другому варіанту такая мука назначается поджигателямъ. «Идемо дальшъ, коли лежить чоловикъ коло «криници; тече ёму ривчакъ черезъ ротъ, а винъ кричить:

«пробы! дайте напитьця! Дидъ и каже: сей не давъ чоловико-
«ви въ жнива води напитьця; жавъ винъ на ниви, ажъ иде
«старчикъ дорогою, а жара велика, Спасивська. Ой, каже, чоло-
«виче добрій! Дай, ради Христа, води напитьця. А винъ ёму:
«оце-жъ для тебе вивизъ! виллю на ниву, а не дамъ такому
«дармоіиду, якъ ти! То отъ теперъ ёму ривчакъ черезъ горло
«бижить, а винъ ще пить просить, и до вику вичного буде ёму
«такъ жарко та тяжко, якъ тому старцеви, що-й шовъ доро-
гою.» Или: стоитъ грѣшникъ по самыя уста въ водѣ, а не можетъ утолить нестерпимой жажды; только вздумаетъ напиться, какъ вода бѣжитъ отъ него прочь [1]). Подобное мученіе, по свидѣтельству Гомера, было опредѣлено Танталу. Весьма вѣроятно, что миѳы эти вначалѣ относились къ стихійнымъ духамъ и великанамъ, обитателямъ мрачнаго аида, и потомъ уже были перенесены на души нечестивыхъ людей. Грѣшникъ, испытующій холодъ среди пламени, напоминаетъ намъ сказочнаго богатыря Мороза-Трескуна, заключеннаго въ огненную баню; грѣшникъ, томимый вѣчною жаждою — великана Опивалу (см. II, 703); бабы, осужденныя поливать другъ друга водою, приводятъ на мысль преданія о вѣдьмахъ-похитительницахъ небеснаго молока, купающихся въ дождевыхъ ливняхъ, и греческую басню о Данаидахъ [2]). Народныя легенды [3]) описываютъ загробныя муки, какія удалось набожному и сострадательному страннику («Христову брату») видѣть на пути къ дому небеснаго владыки; въ другихъ редакціяхъ вмѣсто этого странника выводится добрый молодецъ, который отправляется къ красному Солнышку и по дорогѣ къ его царству видитъ муки грѣшниковъ. Очевидно, легенда о Христовомъ братѣ есть поднов-

---

[1]) Кулишъ, I, 306—8; Н. Р. Лег., стр. 124—5.— [2]) Греческіе миѳы о Тітіи и Сизифѣ (Одис., XI) стоятъ въ связи съ преданіями о Прометеѣ и великанахъ, бросающихъ облачныя скалы и горы.— [3]) Н. Р. Лег., № 8 и примѣчан. къ этому нумеру.

ленная въ христіанскомъ духѣ древнѣйшая сказка, съ замѣною языческаго божества Солнца именемъ Спасителя, называемаго въ церковныхъѣ пcняхъ «праведнымъ солнцемъ». Въ числѣ осужденныхъ сказочный герой видитъ мужика: стоитъ онъ на дорогѣ весь загрязнённый, дуетъ на него буйный вѣтеръ и несетъ ему въ ротъ и въ носъ густую пыль. Такая кàра опредѣлена ему мстительными стихійными богами за то, что, живя на бѣломъ свѣтѣ, онъ затыкалъ свою избу крѣпко-нàкрѣпко, чтобы вѣтеръ туда ни дулъ, ни солнышко не пекло. Живописуя адъ и чистилище, поэзія и искусство постоянно пользовались ȍбразами, созданными народной фантазіей, и Дантова божественная комедія есть лучшее тому свидѣтельство; ибо въ ней поэтъ совмѣстилъ все, что только дали ему литературы классическая и средневѣковая.

Живому неестественно не страшиться смерти; потому что жизнь уже сама по себѣ есть и высочайшее благо и высочайшее наслажденіе, объ исходѣ котораго нельзя думать безъ особеннаго тревожнаго чувства. У всѣхъ народовъ ходитъ много примѣтъ и совершается много обрядовъ, указывающихъ на тотъ страхъ и то опасеніе, съ которыми смотрятъ на все, что напоминаетъ о послѣднемъ концѣ. Такъ встрѣча съ похоронами считается предвѣстіемъ несчастія и неудачи; у грековъ прикосновеніе къ усопшимъ, долгое пребываніе въ домѣ покойника, посѣщеніе больныхъ и умирающихъ требовало очищенія; у римлянъ жрецамъ воспрещалось прикасаться къ мертвому тѣлу [1]). На Руси кто прикасался къ трупу покойника, тотъ не долженъ сѣять, потому что сѣмена, брошенныя его рукою, омертвѣютъ и не принесутъ плода; если умретъ кто-нибудь во время посѣва, то въ нѣкоторыхъ деревняхъ до тѣхъ поръ не рѣшаются сѣять, пока не совершатся похороны. Въ Литвѣ, какъ только

[1]) О храмахъ, богослуженіи и пр. древнихъ грековъ (СПБ., 1815), I, 144; Пропилеи, IV, 211.

примѣтятъ, что больной умираетъ, тотчасъ-же выносятъ изъ избы всѣ сѣмена, полагая, что если они останутся подъ одною кровлею съ мертвецомъ, то не дадутъ всходовъ [1]). Съ другой стороны такъ какъ зерно, сѣмя есть символъ жизни, то по выносѣ мертваго лавку, гдѣ онъ лежалъ, и всю избу посыпаютъ рожью [2]). Тогда-же запираютъ и завязываютъ ворота, чтобы отстранить губительные удары Смерти и закрыть ей входъ въ знакомое жилье. Горшокъ, изъ котораго омывали покойника, солома, которая была подъ нимъ постлана, и гребень, которымъ расчесывали ему голову, везутъ изъ дому и оставляютъ на рубежѣ съ другимъ селеніемъ или кидаютъ въ рѣку, вѣря, что такимъ образомъ Смерть удаляется за предѣлы родоваго (сельскаго) владѣнія или спускается внизъ по водѣ [3]). Всѣ присутствующіе при погребеніи обязаны, по возвратѣ домой, посмотрѣть въ квашню или приложить свои руки къ очагу [4]), чтобы черезъ это очиститься отъ зловреднаго вліянія смерти (см. т. II, стр. 31).

Вмѣстѣ съ болѣзнями, особенно повальными, быстро-приближающими человѣка къ его кончинѣ, смерть признавалась у язычниковъ нечистою, злою силою. Отъ того и въ языкѣ и въ повѣрьяхъ она сближается съ понятіями мрака (ночи) и холода (зимы). Въ солнечномъ свѣтѣ и разливаемой имъ теплотѣ предки наши видѣли источникъ всякой земной жизни; удаленіе этого свѣта и теплоты и приближеніе нечистой силы мрака и холода убиваетъ и жизнь, и красоту природы. Подобно тому смерть, смежающая очи человѣка, лишаетъ его дневнаго свѣта, отнимаетъ отъ него ту внутреннюю теплоту, которая

---

[1]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 5; Черты литов. нар., 112. Лужичане пріостанавливаютъ въ этомъ случаѣ всѣ полевыя работы — Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 331. — [2]) Ворон. Бесѣда, 221; Этн. Сб., I. 306; Маякъ, XV, 22 — [3]) Владим. Г. В. 1852, 25, 28. — [4]) Ворон. Бесѣда, 222.

прежде согрѣвала охладѣлый его трупъ, и обезображиваетъ лице покойника предшествовавшими болѣзненными страданіями и предсмертною агоніей. Смерть и чортъ въ народныхъ сказаніяхъ нерѣдко играютъ тождественныя роли. Слова: смерть (лит. smertis, нѣм. schmerz—боль, страданіе), моръ, Морана родственны по корню съ рѣченіями: морокъ (мракъ)—туманъ, зàмерекъ (зàмерень)—первозимье, зàмореки—начальные морозы [1]), мара—у насъ: злой духъ, призракъ, у лужичанъ: богиня смерти и болѣзней [2]), мерекъ—чортъ (см I, 101). Основу родства означенныхъ рѣченій должно искать въ доисторической связи выражаемыхъ ими понятій. Краледворская рукопись сравниваетъ смерть съ ночью, приносящею тьму, (захожденіе солнца=его смерть, а восходъ =воскресеніе) и съ зимою, представляющею собой смерть природы, какъ весна есть ея возрожденіе. Убитый Властлавъ повалился на землю:

wstati ne možeše;
Morena iei sypáše w noc črnu [3]).

Въ другомъ мѣстѣ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «po puti wšei z vesny po Moranu»—на пути отъ весны до Мораны; здѣсь подъ весною разумѣется юность, а подъ словомъ Морана—старость, смерть и зима. Морана представлялась чехами богинею смерти и зимы; [4]) Вацерадъ сопоставляетъ это имя съ греческою Гекатою, богинею луны (=ночи) и подземнаго царства. Поговорки: půjdeš na morán; Moře-

[1]) Предлогъ *за* означаетъ начало дѣйствія; слѣдовательно приведенныя слова буквально означаютъ начало мрака или смерти (=зимы). — [2]) Volkslieder der Wenden, II, 268. У литовцевъ и леттовъ Welnas, Wels — богъ смерти превратился въ дьявола — D. Myth., 814. — [3]) Переводъ: встать не можетъ; Морена усыпила его въ черную ночь. — [4]) Другое имя, даваемое этой богинѣ — Smrtonoška.

na na něj sáhla; proti Mořeně není kořeně означаютъ: скоро умрешь; его коснулась смерть; противъ смерти нѣтъ корешка (лѣкарства [1]). Встрѣчая весну торжественнымъ праздникомъ, славяне совершали въ тоже время обрядъ изгнанія Смерти или Зимы, и повергали въ воду чучело Мораны (см. гл. XXVIII). Сербы даютъ зимѣ эпитетъ черная; въ одномъ изъ похоронныхъ причитаній говорится о покойникѣ, что онъ уходитъ туда, гдѣ померкло солнце и царствуетъ черная зима; тамъ будетъ онъ вѣчно зимовать, и лютая змѣя выпьетъ его очи! [2]) У насъ глаголъ околѣть употребляется въ двоякомъ смыслѣ: озябнуть и умереть; а глаголъ истывать (стынуть)—въ смыслѣ: издыхать [3]).

Если идея смерти сближалась въ доисторическую эпоху съ понятіемъ о ночномъ мракѣ, то также естественно было сблизить ее и съ понятіемъ о снѣ. Сонъ нераздѣленъ съ временемъ ночи, а заснувшій напоминаетъ умершаго. Подобно мертвецу, онъ смежаетъ свои очи и дѣлается недоступнымъ впечатлѣнію свѣта; остальныя чувства его также чужды внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Смерть и сонъ представляются потому въ миѳологіяхъ различныхъ народовъ явленіями между собою близкими, родственными. Гомеръ называетъ Смерть и Сонъ близнецами, а Гезіодъ—чадами Ночи; и греки, и римляне признавали Ὕπνος (Somnus) братомъ Смерти. Оба брата, по ихъ мнѣнію, живутъ вмѣстѣ на западныхъ границахъ міра —въ глубокомъ подземномъ мракѣ, возлѣ царства мертвыхъ [4]); тамъ возлежитъ Somnus на маковыхъ снотворныхъ цвѣтахъ въ сладкомъ покоѣ, а вокругъ его ложа толпятся лег-

---

1) Ж. М. Н. П. 1840, XII, 128, 130; Громаннъ, 5-6. — 2) О. З. 1851, VIII, ст. Бусл., 52. — 3) Обл. Сл., 76, 140 — 4) Griech. Myth., I, 657—9: Смерть считали также порожденіемъ Земли и Тартара и давали ей эпитетъ αἰένυπνος = всегда-сонная.

кія сновидѣнія въ неясныхъ образахъ [1]). На такую древнѣйшую связь понятій смерти и сна указываютъ и наши преданія. Народная пословица утверждаетъ ихъ братство: «сонъ смерти братъ» [2]). Въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ богатыри, убитые врагами, воскресая при окропленіи ихъ труповъ живою водою, обыкновенно произносятъ эти слова: «ахъ, какъ-же я долго спалъ!» —Спать бы тебѣ вѣчнымъ сномъ, еслибъ не живая вода и не моя помощь, отвѣчаетъ добрый товарищъ [3]). Въ современномъ языкѣ вѣчный сонъ остается метафорическимъ названіемъ смерти; наоборотъ сонъ летаргическій слыветъ въ простонародьи обмираньемъ, во время котораго, по разсказамъ поселянъ, душа оставляетъ тѣло, странствуетъ на томъ свѣтѣ, видитъ рай и адъ и узнаетъ будущую судьбу людей [4]). Животныя, впадающія въ зимнюю спячку, по общепринятому выраженію—замираютъ на зиму. Заходящее вечеромъ солнце представлялось не только умирающимъ, но и засыпающимъ, а восходящее утромъ — возстающимъ отъ сна (I, 162—3, 180); зимняя смерть природы иначе называется ея зимнимъ сномъ; о замерзшихъ рѣкахъ и озерахъ въ тверской губ. выражаются, что они заснули (сравни II, 244 — о снѣ и пробужденіи водянаго). Языкъ засвидѣтельствовалъ близость и сродство означенныхъ понятій до осязательной наглядности. Умершихъ называютъ: а) усопшими (успшими, успеніе) отъ глагола спать,

---

[1]) Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвоприн., 8, 27; D. Myth., 307, 803; Иліада, XIV, 230-5. Энеида называетъ адъ жилищемъ тѣней и Сна. — [2]) Полн. собр. пословицъ и поговор. (СПБ., 1822), 232; Старосв. Банд., 206. — [3]) Н. Р. Ск., I, 14 и др.; Škult a Dobšinsky, I, стр. 6; Сказ. Грим., II, стр. 413; Ганъ, II, стр. 47. — [4]) Москв. 1846, XI-XII, 155; Молодикъ на 1844, 88. Поэтому думаютъ, что обмиравшіе могутъ предсказывать, и хитрецы пользуются иногда этимъ суевѣріемъ ради собственныхъ выгодъ — Ворон. Г. В. 1850, 20.

усыпить, т. е. ихъ буквально называютъ уснувшими, или b) *покойниками* = успокоившимися отъ житейской суеты вѣчнымъ сномъ; подобно тому о рыбѣ говорятъ, что она *заснула*, вмѣсто: умерла, задохлась. Въ вышеприведенномъ мѣстѣ Краледворской рукописи Морена *усыпила* Власлава; малоруссы, при извѣстіи о чьей-нибудь кончинѣ, говорятъ: «нехай з' Богомъ *спочивае*!» Въ англосаксонской поэмѣ о Беовульфѣ сказано: wyrm liged swaefed sâre wund — змѣй лежитъ, спитъ (вмѣсто: издохъ) тяжело-раненный [1]). Въ смоленской губ. мертвецы называются *жмурики* (отъ глагола *жмурить* — закрывать глаза), т. е. сомкнувшіе свои очи; въ архангельской губ. существуетъ повѣрье: кто засыпаетъ тотчасъ, какъ ляжетъ въ постель, тотъ долго не проживетъ; у литовцевъ была примѣта: когда молодые ложились въ первый разъ вмѣстѣ, то кто изъ нихъ засыпалъ прежде — тому и умереть суждено раньше. Сербы не совѣтуютъ спать, *когда заходитъ солнце*, чтобы вмѣстѣ съ умирающимъ свѣтиломъ дня не заснуть и самому вѣчнымъ сномъ. Слово *отемнѣть* употребляется въ народномъ говорѣ въ значеніи: ослѣпнуть и умереть; согласно съ этимъ свидѣтельствомъ языка, упырей (мертвецовъ, являющихся по смерти) большею частію представляютъ *слѣпыми*. Какъ сонъ сближается съ смертію, такъ наоборотъ бодрствованіе уподобляется жизни; поэтому *жилой* означаетъ неспящаго, напримѣръ: «мы пріѣхали *на жилыхъ*», т. е. мы пріѣхали, когда еще никто не спалъ; глаголъ *жить* употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ: бодрствовать, не спать [2]). Въ причитаньяхъ, обращаемыхъ къ покой-

---

[1]) Номис., 8; Опытъ сравнит. обозр. др. памятн. нар. поэз., II. 20. Итал. cimeterio, фр. cimetière, лат. coemeterium, греч, κοιμετηριον (отъ κοίμαω — дремлю, сплю) — кладбище = *усыпальница* — Тишкевича: Курганы въ Литвѣ и Зап. Руси, 141.

[2]) Обл. Сл., 57—58; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 59; Маякъ, XIII, 44—58; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 34; Рус. Сл. 1860, V, ст. Костомар., 25.

никамъ, слышатся такія выраженія: «и вы, наши родниньkie, встаньте, пробудитесь, поглядите на насъ!» или: «пришли-то мы на твое жицьё вѣковѣшноё, ужь побудзиць-то пришли отъ сна крѣпкова». [1])

Эти данныя, свидѣтельствующія о братствѣ сна и смерти, и то вѣрованіе, по которому душа во время сна можетъ оставлять тѣло и блуждать въ иномъ мірѣ и видѣть тамъ все тайное, послужили основаніемъ, почему сновидѣніямъ придано вѣщее значеніе. Для живой и впечатлительной фантазіи нашихъ предковъ видѣнное во снѣ не могло не имѣть прямаго отношенія къ дѣйствительности, среди которой такъ много было для нихъ непонятнаго, таинственнаго, исполненнаго высшей, священной силы. Они признали въ сновидѣніяхъ тоже участіе божества, какое признавали въ гаданіяхъ и оракулахъ; сновидѣнія являлись, какъ быстролетные посланники боговъ, вѣщатели ихъ рѣшеній. Славяне до сихъ поръ сохранили вѣру въ пророческій смыслъ сновъ; такихъ, которые бы, по примѣру сказочнаго богатыря Василія Буслаева, не вѣрили ни въ сонъ, ни въ чохъ, а полагались бы только на свой червленный вязъ [2]), въ старое время бывало немного, и христіанскіе проповѣдники вынуждены были поучать народъ не довѣрять соннымъ мечтаніямъ [3]). У черногорцевъ если жена видѣла во снѣ, что мужъ ея подвергнулся какой-либо опасности, то этотъ послѣдній непремѣнно отложитъ задуманное имъ предпріятіе [4]). Въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ есть нѣсколько прекрасныхъ поэтическихъ разсказовъ, содержаніемъ которыхъ служитъ «вѣра въ сонъ». Приведемъ примѣры:

Какъ по той-ли рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ
Тамъ плыветъ, гребетъ легкая лодочка.
Хорошо лодка разукрашена,

---

[1]) Сахаров., II; 23; Терещ., II¹, 102; Этн. Сб., I, 161. — [2]) Кирша Дан., 169. — [3]) Изв. Ак. Н., II¹, 97. — [4]) Зап. морск офицера, Броневск., III, 277.

Пушкамъ, ружьицамъ изстановлена;
На кормѣ сидитъ асаулъ съ багромъ,
На носу стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
По краямъ лодки добры мóлодцы.
Добры мóлодцы — все разбойнички;
Посередь лодки да и бѣлъ шатёръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Асаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плакала, заливалася,
Во слезахъ она слово молвила:
Нехорошъ вишь сонъ ей привидѣлся —
Расплеталася коса русая,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, ярославская,
Растаялъ мой золотъ перстень,
Выкатался дорогой камень:
Атаману быть застрѣлену,
Асаулу быть пойману,
Добрымъ молодцамъ быть повѣшеннымъ,
А и мнѣ-то, красной дѣвицѣ,
Во тюрьмѣ сидѣть, во неволюшкѣ. [1])

Потеря обручальнаго кольца, по народной примѣтѣ, — худой знакъ, вѣщающій расторженіе брака и любовной связи; распущенная коса—символъ печали по усопшему другу или родичу (I, 117). Другая пѣсня:

Охъ ты, мать моя, матушка,
Что севоднешну ноченьку
Нехорошъ сонъ мнѣ видѣлся:
Какъ у насъ на широкомъ дворѣ
Что пустая хоромина —
Углы прочь отвалилися,
По бревну раскатилися;
На печищѣ котище лежитъ,
По полу ходитъ гусыня,

---

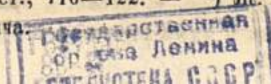
[1]) Варіанты этой пѣсни см. у Сахарова, I, 204, 224.

А по лавочкамъ голуби,
По окошечкамъ ласточки,
Впереди младъ ясёнъ соколъ.

Пустая хоромина—чужая сторона, углы опали и бревна раскатились—родъ-племя отступилось, котъ—свекоръ, гусыня—свекровь, голуби — деверья, ласточки -- золовки, ясенъ соколъ—женихъ [1]). Въ Словѣ о полку Игоревѣ встрѣчается слѣдующій разсказъ о вѣщемъ снѣ князя Святослава: «а Святъславь мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ; чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ тереме златовръсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху» [2]). Сонъ Святослава состоитъ изъ ряда печальныхъ примѣтъ: черный покровъ и карканье вóрона предзнаменуютъ грядущее несчастіе; теремъ безъ кнѣса означаетъ лишеніе членовъ семейства, жемчугъ—слезы (1, 603); вино, смѣшенное съ горемъ, напоминаетъ выраженіе: упиться горемъ [3]). Тотъ-же предвѣщательный смыслъ придается сновидѣніямъ и въ скандинавскихъ сагахъ, и въ Нибелунгахъ, и въ Одиссеѣ (пѣснь XIX). Греки и римляне присвоивали снамъ религіозный характеръ и вѣрили, что спящій человѣкъ можетъ находиться въ сношеніяхъ съ невидимымъ міромъ; по случаю бла-

---

[1]) О. З. 1851, VII, ст. Бусл., 41; см. Срп. н. пjесме, II, № 47; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 52; Вѣст. Евр. 1818, II, 50—52. Приснился мóлодцу сонъ, говóритъ пѣсня: упали на его домъ пчелы, а на подворье — звѣзда, и выпорхнула со двора кукушка. Пчелы предвѣщаютъ печаль (ихъ медъ необходимъ при поминальныхъ обрядахъ), звѣзда — рожденіе дитяти, а отлетъ кукушки—смерть матери (см гл. XXIV). Есть поговорка: „страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ.» — [2]) Рус. Дост., 116—122. — [3]) Ж. М. Н. П. 1836, т. X, 466, ст. Максимовича.



гопріятныхъ сновидѣній у нихъ совершались празднества, а по случаю страшныхъ—очищенія [1]).

И Сонъ, и Смерть были признаваемы славянами, какъ и другими индоевропейскими народами, за живыя миѳическія существа. Слѣды такого олицетворенія сна замѣчаемъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ:

Ой, ходить Сонъ по улоньцѣ,
Въ бѣлесонькой кошулоньцѣ,
Слоняетця, тыняетця,
Господыньки пытаетця. [2])

Или:

Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрема по терему;
Сонъ говоритъ:
Усыплю да усыплю!
Дрема говоритъ:
Удремлю да удремлю! [3])

Вышеприведенныя выраженія апокрифа: «пришла Смерть, взяла его душу» донынѣ употребительны въ русскомъ языкѣ; по народной поговоркѣ: «Смерть ходитъ по̀ людямъ». Кто лѣнивъ на подъемъ, медлителенъ въ исполненіи порученій, о томъ говорятъ на Руси: «его только что̀ за Смертію посылать», въ Германіи: nach dem Tod senden, den Tod suchen; о весьма-престарѣлыхъ людяхъ нѣмцы отзываются: «der Tod hat vergessen sie abzuholen»—Смерть позабыла ихъ взять (утащить [4]). Къ опасно-больному приходитъ Смерть, становится около его постели и заглядываетъ ему въ очи [5]); если кто вдругъ, неожиданно вздрогнетъ—это знакъ, что ему «Смерць въ очи поглядзѣла» [6]). Согласно съ злобнымъ, де-

---

[1]) Обзоръ мнѣній о смерти, судьбѣ и пр., 27; D. Myth, 1098—9. — [2]) Сборн. украин. пѣсень, 101. — [3]) Лѣт. рус. лит., кн. II, 108; сравни Срп. н. пjесме, I, 192. — [4]) D. Myth., 802, 814. — [5]) См. сказки о кумѣ-Смерти. — [6]) Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 429.

моническимъ характеромъ Смерти, на которую (по пословицѣ), какъ на солнце, во всѣ глаза не взглянешь и отъ которой нельзя ни откупиться, ни отмолиться [1]), она олицетворялась въ образѣ устрашающемъ. По мнѣнію античныхъ народовъ, Mors (Κήρ—смерть въ битвахъ) неумолима и свирѣпа; зубы ея опаснѣе клыковъ дикаго звѣря, на рукахъ страшные, кривые когти. Смерть, говоритъ Гезіодъ, черна (лат. mors atra), скрежещетъ зубами, быстро мчится на войну, хватаетъ падшихъ ратниковъ, и вонзая въ тѣло свои когти, высасываетъ изъ нихъ кровь; Эврипидъ представляетъ ее крылатою и облеченною въ траурную мантію [2]). Русскіе памятники (старинныя рукописи, стѣнная живопись и лубочныя картины) изображаютъ Смерть или страшилищемъ, соединяющимъ въ себѣ подобія человѣческое и звѣриное, или сухимъ, костлявымъ человѣческимъ скелетомъ съ оскаленными зубами и провалившимся носомъ, почему народъ называетъ ее курносою. Это послѣднее представленіе встрѣчаемъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ: кончина человѣка предаетъ его тлѣнію, и тотъ образъ, въ который она измѣняетъ трупъ, послужилъ и для воплощенія самой Смерти. Такъ какъ слово Смерть женскаго рода, то, слѣдуя этому указанію, славяне олицетворяютъ ее женщиною, подобною Геллѣ; у нѣмцевъ же her Tôt, der heilig Tod выступаетъ, какъ злой богъ. Наравнѣ со всѣми богами и духами, она появляется внезапно, нежданно-негаданно для человѣка (слетаетъ съ небесъ), изнимаетъ изъ него душу и увлекаетъ ее въ загробный міръ. Съ понятіемъ смерти фантазія соединяетъ различныя поэтическія уподобленія: Смерть то жадно пожираетъ людской родъ своими многоядными зубами; то похищаетъ души, какъ воръ, схватывая ихъ остры-

---

[1]) Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 39. — [2]) Обзоръ мнѣній древн. о смерти, судьбѣ и жертвопр., 8.

ми когтями; то, подобно охотнику, ловитъ ихъ въ разставленную сѣть; то наконецъ, какъ безпощадный воинъ, поражаетъ людей стрѣлами или другимъ убійственнымъ оружіемъ. Тотъ-же типъ хитраго ловчаго и губителя христіанскихъ душъ присвоивается и владыкѣ подземнаго царства, искусителю-сатанѣ. Вооруженная въ ратные доспѣхи, Смерть вступаетъ въ битву съ человѣкомъ, борется съ нимъ, сваливаетъ его съ ногъ и подчиняетъ своей власти; судороги умирающаго суть послѣдніе знаки его отчаяннаго сопротивленія. Усопшіе слѣдуютъ за нею, какъ плѣнники за своимъ побѣдителемъ — опутанные крѣпкими веревками и цѣпями. Сказаніе о Беовульфѣ смотритъ на умершаго, какъ на убитаго огненною стрѣлою, пущенною съ лука рукою Смерти; нѣмецкіе поэты даютъ ей бичь, стрѣлы и бердышъ; литовскій Smertis (слово, употребительное и въ мужескомъ, и въ женскомъ родѣ) выѣзжаетъ на колесницѣ могучимъ воиномъ, съ копьемъ и мечемъ въ рукахъ [1]). Съ такою же обстановкою является Смерть въ русской «Повѣсти о бодрости человѣческой» или «о преніи Живота съ Смертію». Повѣсть эта принадлежитъ къ разряду общераспространенныхъ въ средніе вѣка поучительныхъ сочиненій, толкующихъ о тлѣнности міра, и попадается во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVII вѣка [2]); она извѣстна и въ нѣмецкой литературѣ. Составляя у насъ любимое чтеніе грамотнаго простонародья, она (по мнѣнію изслѣдователей) перешла изъ рукописей въ устныя сказанія и на лубочную картину, и дала содержаніе нѣкоторымъ духовнымъ стихамъ и виршамъ [3]). Но можно допустить и обратное воздѣйствіе, т. е. переходъ

---

[1]) D. Myth., 799, 803-6, 809. — [2]) Пам. стар. рус. литер., II, 439—443: Истор. христом. Буслаева, 1355—8.— [3]) Сборн. рус. дух. стиховъ Варенцова, 110—127; Рус. Сл. 1859, I, 92—94; Лѣт. рус. лит., кн. II, 183—193.

устнаго древне-миөическаго сказанія о борьбѣ Жизни (Живота) и Смерти въ старинные рукописные памятники, при чемъ оно необходимо подверглось литературной обработкѣ; соотвѣтственно съ воззрѣніями и пріемами грамотниковъ допетровскаго времени, сказанію приданъ нравственно-наставительный тонъ и само оно разукрашено обильными примѣрами, заимствованными изъ доступныхъ автору хроникъ; Смерть лишается своего строго-трагическаго стиля и впадаетъ въ хвастливую болтовню о тѣмъ богатыряхъ и герояхъ, которыхъ нѣкогда сразила она своею косою. Тѣмъ не менѣе основная мысль повѣсти—борьба Смерти съ Жизнію, олицетвореніе этихъ понятій и внѣшніе признаки, съ которыми выступаетъ эта страшная гостья, безспорно принадлежатъ къ созданіямъ глубочайшей древности. Справедливость требуетъ замѣтить, что, пользуясь устными преданіями, книжная литература въ свою очередь не остается безъ вліянія на народное творчество, и взятое у него возвращаетъ назадъ съ новыми чертами и подробностями; но эти позднѣйшія прибавки легко могутъ быть сняты и не должны мѣшать правильному взгляду на сущность дѣла. Чтобы ярче изобразить непобѣдимое могущество Смерти, повѣсть противопоставляетъ ей не простаго слабаго человѣка, но богатыря, славнаго своею силою и опустошительными наѣздами, гордаго, жестокаго и самонадѣяннаго; народная фантазія личность этого богатыря связала съ именемъ извѣстнаго въ преданіяхъ разбойника Аники-воина. Жилъ-былъ Аника-воинъ; жилъ онъ двадцать лѣтъ съ годомъ, пилъ-ѣлъ, силой похвалялся, разорялъ торги и базары, побивалъ купцовъ и бояръ и всякихъ людей. И задумалъ Аника-воинъ ѣхать въ Ерусалимъ-градъ церкви божіи разорять, взялъ мечь и копье и выѣхалъ въ чистое поле—на большую дорогу. А на встрѣчу ему Смерть съ острою косою [1]). «Что это за чу-

[1]) Варіантъ: Ѣздилъ Аника-воинъ по чистымъ полямъ, по тем-

дище! говоритъ Аника-воинъ; царь ли ты-царевичъ, король ли королевичъ?» — Я не царь-царевичъ, не король королевичъ, я твоя Смерть—за тобой пришла! «Не больно страшна: я мизиннымъ пальцемъ поведу—тебя раздавлю!» — Не хвались, прежде Богу помолись! Сколько ни было на бѣломъ свѣтѣ храбрыхъ могучихъ богатырей — я всѣхъ одолѣла. Сколько побилъ ты народу на своемъ вѣку!—и то не твоя была сила, то я тебѣ помогала. Разсердился Аника-воинъ, напускаетъ на Смерть своего бо́рзаго коня, хочетъ поднять ее на копье булатное; но рука не двигнется. Напалъ на него велій страхъ, и говоритъ Аника-воинъ: «Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку на одинъ годъ». Отвѣчаетъ Смерть: «нѣтъ тебѣ сроку и на полгода». — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три мѣсяца. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три недѣли.» — Смерть моя-Смерточка! дай мнѣ сроку хоть на три дня. «Нѣтъ тебѣ сроку и на три часа.» И говоритъ Аника-воинъ: «много есть у меня и сребра, и золота, и каменья драгоцѣннаго; дай сроку хоть на единый часъ — я бы ро́здалъ нищимъ все свое имѣніе.» Отвѣчаетъ Смерть: «какъ жилъ ты на вольномъ свѣтѣ, для чего тогда не раздавалъ своего имѣнія нищимъ? Нѣтъ тебѣ сроку и на единую минуту!» Замахнулась Смерть острою косою и подкосила Анику-воина: свалился онъ съ коня и упалъ мертвой [1]). Стихъ объ Аникѣ-воинѣ начинается такимъ изображеніемъ Смерти:

Ѣдетъ Аника черезъ поле,
На встрѣчу Аникѣ ѣдетъ чудо:
Голова у него человѣческа,

вымъ лѣсамъ, никого не наѣзжалъ — не съ кѣмъ силы попробовать. „Съ кѣмъ бы мнѣ побиться? думаетъ Аника-воинъ; хоть бы Смерть пришла!" Глядь — идетъ къ нему страшная гостья: тощая, сухая, кости голыя! и несетъ въ рукахъ серпъ, косу, грабли и заступъ. — [1]) Н. Р. Лег., 21.

Волосы у чуда до пояса,
Тулово у чуда звѣриное,
А ноги у чуда лошадиныя [1]).

Косматые волосы и лошадиныя ноги — обыкновенные признаки нечистыхъ духовъ. Въ текстѣ лубочной картины Аника называетъ Смерть бабою: «что ты за баба, что за піяница! (намёкъ на высасываніе ею крови) азъ тебя не боюсь и кривыя твоея косы и оружія твоего не страшусь.» Кромѣ косы, Смерть является вооруженною серпомъ, граблями, пилою и заступомъ:

Вынимаетъ пилы невидимыя,
Потираетъ ею (ими) по костямъ и жиламъ —
Аника на конѣ шатается
И смертныя уста запекаются.

Или: «подсѣче ему (Смерть) ноги косою, и веземъ серпъ — и захвати его за шію, и веземъ малый оскордецъ — и нача отсѣкати нозѣ и руцѣ и вся составы его, и разслабѣша жилы его». На лубочныхъ картинахъ Смерть рисуется въ видѣ скелета, съ косою въ рукахъ; Коровью Смерть (чуму) крестьяне наши представляютъ безобразною, тощею старухою, въ бѣломъ саванѣ, и даютъ ей косу или грабли [2]). Такая обстановка прямо вытекла изъ метафорическихъ выраженій древнѣйшаго языка, который сравнивалъ губительную силу смерти съ понятіями, самыми близкими и доступными земледѣльцу и плотнику: Смерть коситъ и загребаетъ человѣческія жизни, какъ коса и грабли полевую траву; жнетъ родъ человѣческій,

---

[1]) Сравни со спискомъ о «преніи Живота съ Смертію: „Животъ бѣ человѣкъ и пріиде къ нему Смерть. Онъ же устрашися вельми и рече ей: кто ты, о лютый звѣрь? образъ твой страшитъ мя вельми, и подобіе твое человѣческое, а хожденіе твое звѣриное.“ — [2]) Сахаров., II, 10; Кулишъ, I, 305; Бытъ подолянъ, I, 16. Дифенбахъ сближаетъ слова: гробъ, гребу и грабли.

какъ серпъ колосья («яко незрѣлую пшеницу» [1]); она какъ-бы вынимаетъ незримую пилу, и потирая ею по костямъ и становымъ жиламъ, разслабляетъ человѣка—и онъ падаетъ, словно подпилённое дерево; наконецъ Смерть, работая заступомъ, роетъ людямъ свѣжія могилы. Выше мы привели поэтическія сравненія поля битвы со вспаханною и засѣянною нивою и молотильнымъ токомъ (I, 297, 434). По указанію Слова о полку и народныхъ пѣсень, въ битвѣ земля засѣвается не пшеницею, а костями ратниковъ, поливается не дождемъ, а кровію, и роститъ не хлѣбные злаки, а печаль и общее горе. Современный языкъ удерживаетъ выраженіе: сѣять раздоры, вражду и крамолы; въ Словѣ о полку сказано: «тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами» [2]). Одину, какъ богу кровопролитныхъ войнъ, приписывались посѣвы раздоровъ и непріязни; бросая свое копье (Güngnir) или потрясая имъ, онъ умерщвлялъ вражескихъ воиновъ. О Смерти, играющей въ сраженіяхъ главную роль, у нѣмцевъ было выраженіе, что она засѣваетъ между людьми свое сѣмя, какъ-бы зловредную траву: «dô der Tôt sînen sâmen under si gesaete»; тоже говорилось и о чортѣ [3]). По словамъ старинныхъ русскихъ лѣтописцевъ, дьяволъ сѣтовалъ или радовался, смотря по тому: примирялись ли князья, или враждовали между собою. «Усобная рать, замѣчаетъ Несторъ, бываетъ отъ соблажненья дьяволя. Богъ бо не хочеть зла человѣкомъ, но блага; а дьяволъ радуется злому убійству и кровопролитью, подвизая свары и зависти, братоненавидѣнье, клеветы.» [4]) Понятно, что Смерть, поражающая ратниковъ въ бою, стала представляться владѣющею всѣми тѣми воинскими орудіями, какія только знала старина: въ нашихъ памят-

---

[1]) Тоже сравненіе находимъ и у нѣмцевъ—D. Myth., 808. — [2]) Рус. Дост., III, 76. — [3]) D. Myth., 806-8, 964. — [4]) П. С. Р. Л., I, 56, 72, 139 и др.

никахъ ей даются мечь, сѣчиво, стрѣлы, ножи, рожны, оскорды [1]). Сказаніе о преніи Аники-воина съ Смертію перешло въ народное драматическое представленіе, какое еще теперь разыгривается въ нѣкоторыхъ артеляхъ фабричныхъ [2]),— подобно тому, какъ миѳъ о борьбѣ Лѣта и Зимы передается въ Германіи во всею сценическою обстановкою на праздникѣ весны (см. гл. XXVIII). Борьба Жизни и Смерти, Лѣта и Зимы, Дня и Ночи совершенно тождественны по значенію, ибо понятія эти издревле сливались и въ языкѣ и въ народныхъ вѣрованіяхъ. Зима называлась Мораною, а богиня лѣта Живою (Живаною)—имя, знаменующее жизнь. Какъ царица зимы и ночнаго мрака, Смерть роднится съ горными великанами; вышеприведенный стихъ присвояетъ ей названіе чуда (= дива—см. II, 618), и самое жилище ея помѣщается въ холодныхъ странахъ сѣвера, въ нѣдрахъ безплодныхъ и покрытыхъ вѣчными снѣгами скалъ; въ Богеміи ее считаютъ владычицей горъ [3]). Всесильная, всеистребляющая, она тѣмъ не менѣе бываетъ побѣждаема, съ приходомъ весны, богинею жизни, и поверженная наземь заключается въ оковы. Съ другой стороны миѳъ, сроднившій представленія грозы и мрачныхъ тучъ съ адомъ и нечистою силою, признавшій въ молніяхъ смертоносныя стрѣлы владыки подземнаго царства, изображаетъ Смерть, какъ разрушительное существо, сопутствующее богу-громовнику въ его весеннихъ походахъ и битвахъ. Въ дикой охотѣ Одина, въ неистовомъ, бѣшеномъ воинствѣ этого славнаго отца побѣдъ (т. е. въ шумѣ бурныхъ грозъ), вмѣстѣ съ злыми духами и толпою усопшихъ душъ, выступаетъ и костлявая, прожорливая Смерть. Такимъ образомъ съ олицетвореніемъ Смерти соединяется тотъ-же стихійный характеръ,

---

[1]) См. между прочимъ житіе Василія Новаго и сказаніе Ѳеодоры о мытарствахъ. — [2]) Рус. Архивъ 1864, X, 1093-9. — [3]) D. Myth., 807.

что и съ демонами и мертвецами. Отсюда объясняются ея воздушные полеты, ея быстрое пояленіе и исчезаніе, метаніе ею огненныхъ стрѣлъ(=молній) и вообще присвоенное ей обладаніе ратнымъ оружіемъ. Подобно вѣтрамъ и вьюгамъ, которыхъ Эолъ заключаетъ въ облачные мѣха или держитъ на крѣпкихъ привязяхъ въ горѣ-тучѣ, подобно грозовому демону (Çushna, Локи, сатана), сидящему въ цѣпяхъ во мракѣ преисподней (I, 311-2, 756-8), Смерть испытываетъ туже участь. Здѣсь сходятся два различныхъ воззрѣнія: a) какъ представительница зимы, Морана побѣждается весеннимъ Перуномъ, который разитъ ее своимъ кузнечнымъ молотомъ (=заковываетъ ее въ цѣпи) и на все лѣтнее время низвергаетъ въ подземную темницу ада; b) какъ демонъ, шествующій въ грозѣ, она заключается въ туже темницу на все время зимнихъ стужъ, налагающихъ на тучи желѣзныя (ледяныя) оковы. По греческому преданію, Зевсъ, желая покарать Сизифа (Σίσυφος), послалъ за нимъ Смерть, но тотъ опуталъ ее крѣпкими узами, и пока она была связана— никто не умиралъ въ цѣломъ свѣтѣ; наконецъ явился воинственный Аресъ, освободилъ плѣнницу и предалъ ей нечестиваго врага [1]). По свидѣтельству нѣмецкой сказки, Spielhansel привязалъ Смерть къ дереву, и въ продолженіи семи лѣтъ она оставалась узницею и не могла похитить ни единой души человѣческой [2]). Миѳъ этотъ развивается и въ русской сказкѣ [3]). Явился солдатъ на тотъ свѣтъ, и поставилъ его Господь на часахъ у пресвѣтлаго рая. Приходитъ Смерть. «Куда идешь?» спрашиваетъ часовой. — Иду къ Господу за повелѣніемъ, кого морить мнѣ прикажетъ. «Погоди, я спрошу.» Пошелъ и спрашиваетъ: «Господи! Смерть пришла; кого морить укажешь?» — Скажи ей, чтобы три года морила самый старый людъ. Солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она отца моего и мать уморитъ; вѣдь они старики.» Вышелъ и говоритъ Смерти: «ступай по лѣсамъ,

---

[1]) Griech. Myth., II, 76. — [2]) D. Myth., 814. — [3]) Н. Р. Лег., 16.

и три годаточи самые старые дубы.» Заплакала Смерть и побрела по лѣсамъ, три года точила старые дубы, а какъ изошло время—воротилась къ Богу за новымъ повелѣніемъ. Господь приказалъ морить молодой народъ, а солдатъ думаетъ: «эдакъ, пожалуй, она братьевъ моихъ уморитъ!» и передалъ приказъ Смерти, чтобъ она шла по тѣмъ-же лѣсамъ и цѣлыхъ три года точила все молодые дубы. Пошла Смерть по лѣсамъ, принялась точить молодые дубы, а какъ исполнилось три года —идетъ опять къ Богу, едва ноги тащитъ. Обманулъ ее солдатъ и въ третій разъ; Господь приказалъ морить младенцевъ, а солдатъ передалъ: «ступай по лѣсамъ и цѣлыхъ три года гложи малые дубки.» По исходѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ, идетъ Смерть къ Богу—чуть живая, такъ отъ вѣтру и валится. «Ну, думаетъ, теперь хоть подерусь съ солдатомъ, а сама дойду до Господа! за что онъ девять лѣтъ меня наказуетъ?» Узналъ Господь, какъ хитрилъ солдатъ и повелѣлъ ему въ наказаніе девять лѣтъ носить Смерть на плечахъ. Засѣла Смерть на солдата верхомъ; повёзъ ее солдатъ, вёзъ-вёзъ и уморился; вытащилъ рогъ съ табакомъ и сталъ нюхать. «Служивой! говоритъ Смерть, дай и мнѣ понюхать.»—Полѣзай въ рогъ, да и нюхай, сколько душѣ угодно. Только что влѣзла она, солдатъ тотчасъ закрылъ рогъ, заткнулъ его за голенище, воротился и сталъ на старое мѣсто на часы. Этотъ эпизодъ варіируется еще такъ: велѣлъ Господь солдату кормить Смерть орѣхами, чтобъ она поправилась. Солдатъ пошелъ съ нею въ лѣсъ и заспорилъ: «ты де не влѣзишь въ пустой орѣхъ!» Смерть сдуру и влѣзла, а солдатъ заткнулъ дыру въ орѣхѣ и спряталъ его въ карманъ. Господь освободилъ Смерть и приказалъ ей уморить солдата. Сталъ солдатъ готовиться къ послѣднему концу, надѣлъ чистую сорочку и притащилъ гробъ. «Готовъ?» спрашиваетъ Смерть. — Совсѣмъ готовъ! «Ну, ложись въ гробъ!» Солдатъ легъ спиной къ верху. «Не такъ!» говоритъ

Смерть. Солдатъ легъ на бокъ. «Ахъ, какой ты! развѣ не видалъ, какъ умираютъ?»—То-то и есть, что не видалъ! «Пусти, я тебѣ покажу.» Солдатъ выскочилъ изъ гроба, а Смерть легла на его мѣсто. Тутъ солдатъ ухватилъ поскорѣе крышку, накрылъ гробъ, наколотилъ на него желѣзные обручи и бросилъ пойманную Смерть въ море. И долго-долго носилась она по волнамъ, пока ни разбило гроба бурею. По другому разсказу, хитрый солдатъ сажаетъ Смерть въ торбу (или ранецъ), завязываетъ крѣпко-на̀крѣпко и вѣшаетъ эту торбу на верхушку высокой осины. Съ этой самой поры пересталъ народъ помирать: рождаться—рождается, а не помираетъ! Много лѣтъ прошло, солдатъ все торбы не снимаетъ. Случилось разъ зайдти ему въ городъ; идетъ, а на встрѣчу ему древняя старушонка: въ которую сторону подуетъ вѣтеръ, въ ту и валится. «Вишь какая старуха! сказалъ солдатъ; чай, давно ужь умирать пора!»—Да, батюшка! отвѣчаетъ старуха, мнѣ давно помереть пора; еще въ тоё время, какъ посадилъ ты Смерть въ торбу, оставалось всего житья моего на бѣломъ свѣтѣ только единый часъ. Я бы и рада на покой, да безъ Смерти земля не примаетъ, и тебѣ, служивой, за это отъ Бога непрощо̀нный грѣхъ! вѣдь не одна душа на свѣтѣ также мучится! «Видно, думаетъ солдатъ, надо выпустить Смерть; пошелъ въ лѣсъ—прямо къ осинѣ и видитъ: виситъ торба высоко и качаетъ ее вѣтромъ въ разныя стороны.» А что, Смерть, жива?» Она изъ торбы едва голосъ подаетъ: «жива, батюшка!» Снялъ солдатъ торбу, развязалъ и выпустилъ Смерть; какъ только очутилась она на свободѣ, тотчасъ —подавай Богъ ноги!—и бросилась бѣжать отъ солдата. Точно также обманываютъ сказочные герои дьявола, заставляя его влѣзать въ червивый орѣхъ или въ суму (I, 282); самая Смерть представлена въ сказкѣ такою-же простоватою, недогадливою и прожорливою, какими изображаются обыкновенно вели-

каны, драконы и черти; вмѣстѣ съ тѣмъ народный юморъ, замѣченный нами въ обработкѣ старинныхъ преданій о великанахъ и демонахъ, овладѣлъ и миѳомъ о побѣжденной Смерти. Рогъ, сума и гробъ, окованный желѣзными обручами,—все это метафоры грозовыхъ тучъ (см. I, 311—2, 579—588; II, 671); въ близкой связи съ этими представленіями стоитъ и орѣховое дерево, изстари посвященное громовнику (см. II, 318). По своей стихійной природѣ, Смерть, подобно эльфамъ, облачнымъ женамъ и чертямъ, участвуетъ въ бѣшеной воздушной пляскѣ и въ дикихъ пѣсняхъ завывающей бури; нерѣдко она показывается, наигрывая на музыкальномъ инструментѣ—дудкѣ или скрипкѣ [1]). Отсюда средневѣковая поэзія и живопись западныхъ народовъ создали превосходное изображеніе Смерти: въ свою неистовую пляску она увлекаетъ представителей всѣхъ сословій отъ короля до нищаго, и быстро кружась съ ними подъ звуки ужасающей пѣсни, уноситъ ихъ души въ темныя области загробнаго царства.

Согласно съ указаннымъ отождествленіемъ Смерти съ грозовыми духами, древнее вѣрованіе заставило этихъ послѣднихъ исполнять ея печальную обязанность. Но такъ какъ громовникъ и его спутники являлись и устроителями небеснаго царства (=весенняго рая), и съ демоническимъ характеромъ властителей ада, то понятіе о Смерти раздвоялось, и фантазія изображала ее то существомъ злымъ, увлекающимъ души въ подземный міръ, то посланницею верховнаго божества, сопровождающею души усопшихъ героевъ (позднѣе—праведныхъ) въ его небесный чертогъ. Такъ Одинъ посылалъ валькирій принимать падшихъ витязей и возносить ихъ въ свое блаженное жилище—въ валгаллу. Греки вѣрили, что души умершихъ препровождались на тотъ свѣтъ Гермесомъ, скорымъ посланникомъ боговъ и обладателемъ чудесна-

[1]) D. Myth., 807—9.

го жезла, прикосновеніемъ котораго онъ повергалъ живыхъ въ непробудный сонъ. Кромѣ того, смерть представлялась греками не только страшною Керою, но и въ образѣ прекраснаго, кроткаго и юнаго генія—θάνατος (слово, родственное по корню съ нѣмецкимъ Tod), хотя и ему придавались эпитеты чернаго и чернокрылаго: всѣмъ страждущимъ онъ даетъ вѣчное успокоеніе и всѣхъ утомленныхъ житейскими трудами и невзгодами погружаетъ въ тихій и сладкій сонъ. θάνατος, очевидно, совпадаетъ съ понятіемъ о снѣ, благодѣтельномъ дарѣ боговъ, дружелюбномъ успокоителѣ міра, кротко вѣющимъ надъ морями и сушею. Античное искусство изображало Сонъ дитятею и юношею, съ крыльями орла или бабочки [1]). Въ христіанскую эпоху это двоякое воззрѣніе на Смерть, какъ на существо съ одной стороны — злое, демоническое, а съ другой — свѣтлое, божественное, было перенесено на ангеловъ милостивыхъ и грозныхъ, смѣшанныхъ въ народныхъ преданіяхъ съ эльфами свѣтлыми и черными. Такое перенесеніе совершилось подъ вліяніемъ ветхозавѣтныхъ сказаній о страшномъ ангелѣ смерти (II-ая кн. царствъ, 24, 16), который впослѣдствіи признанъ былъ за князя тьмы; онъ нисходилъ изымать души грѣшниковъ; для добродѣтельныхъ же людей являлся тихій ангелъ и прекращалъ ихъ жизнь прощальнымъ поцѣлуемъ. Нѣмецкія саги разсказываютъ о двухъ ангелахъ добромъ и зломъ, обходящихъ землю и предающихъ людей смерти [2]). Народный русскій стихъ такъ изображаетъ кончину праведнаго и грѣшника [3]):

Ссылаетъ Господь Богъ святыхъ ангеловъ,
Тихіихъ ангеловъ, все милостивыихъ,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,

---

[1]) Ibid., 800—1; Griech. Myth. Преллера, I, 656-8. — [2]) D. Myth., 814, 1134. — [3]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 183-5, 208, 211; Лѣт. рус. лит., т. V, отд. 3, 83.

Честно и хвально въ сахарны уста,
Да приняли душу на пелену,
Да вознесли же душу на небеса...
Ссылалъ Господь грозныхъ ангеловъ,
Страшныхъ, грозныхъ, немилостивыихъ,
По его душу по богачёву;
Вынули его душеньку нечестно, нехвально,
Нечестно, нехвально, скрозь рёберъ его,
Да вознесли же душу вельми высоко,
Да ввергнули душу во тьму глубоко,
Въ тоё злую муку—въ геенскій огонь.

Таже мысль выражена и въ народной легендѣ [1]): праведникъ умираетъ окруженный семьею; лёжа на одрѣ болѣзни, онъ даетъ своимъ сыновьямъ и снохамъ родительское наставленіе и навѣки-нерушимое благословеніе, и прощается со всѣми; Смерть является къ нему съ ангелами, вынимаетъ душу, и ангелы относятъ ее на золотомъ блюдѣ въ пресвѣтлый рай. Грѣшникъ же умираетъ посреди житейскихъ заботъ и веселья; Смерть приходитъ нежданно-негадано и ударяетъ его въ голову тяжелымъ молотомъ. Грозныхъ, немилостивыхъ ангеловъ часто замѣняютъ дьяволы, которые схватываютъ душу грѣшника, какъ свою добычу. Сербская легенда [2]) повѣствуетъ о святомъ архангелѣ, который поражалъ смертныхъ: одного человѣка онъ изсѣкъ въ куски, другаго ударилъ ножемъ три раза, а на третьего только замахнулся—какъ онъ уже умеръ. По словамъ архангела: «у оногъ е првогъ човека душа грешна па неће да изађе изъ тела, зато самь га свега исекао докъ самь е истерао. У оногъ другогъ човека душа е мало безгрешнія, зато самь га трипутъ ударіо. А душа овогъ трећегъ човека са свимъ е праведна, зато самь на ню само замахнуо, а она мени те у недра сама ускочи.» Выше было приведено свидѣтельство духовнаго стиха, что архангелъ Михаилъ перево-

---

[1]) Н. Р. Лег., 25. — [2]) Србскій лѣтопис 1862, I, 150—1.

зитъ души праведныхъ черезъ огненную рѣку. По мнѣнію болгаръ—онъ, принимая душу усопшаго, несетъ ее въ мытарства и передаетъ другимъ ангеламъ, а самъ возвращается за другими душами; души грѣшниковъ онъ схватываетъ за волосы, а праведныхъ обнимаетъ, какъ мать своего младенца. Прежде эта обязанность была возложена на архангела Гавріила. Однажды послалъ его Господь взять душу бѣдняка, у котораго было много дѣтей. Гавріилъ сжалился надъ ними и воротился, не исполнивъ приказанія: «какъ уморить его, Господи! вѣдь у него малыя дѣтки; они несчастные погибнутъ отъ голода!» Богъ разгнѣвался, взялъ у Гавріила мечь и отдалъ его архангелу Михаилу. Но и Михаилъ, посланный предать смерти добраго семьянина, видя—какъ вокругъ больнаго всѣ проливали горькія слезы, почувствовалъ состраданіе, воротился къ Богу и сказалъ: «мнѣ жалко поразить этого человѣка!» Тогда Господь завязалъ ему уши; архангелъ спустился на землю и взялъ душу, потому что не могъ слышать ни плача, ни сѣтованій [1]). Передъ Смертью напрасны человѣческія мольбы и рыданія; она глуха къ нимъ, и эту неумолимость ея поэтическая фантазія болгаръ изображаетъ тѣмъ, что Смерть является къ людямъ—съ завязанными ушами. Русская легенда [2]) разсказываетъ объ ангелѣ, который въ наказаніе за то, что не хотѣлъ взять души одной матери, долженъ былъ три года жить на землѣ. Родила баба двойни, и посылаетъ Богъ ангела вынуть изъ нея душу. Ангелъ прилетѣлъ къ бабѣ; жалко ему стало двухъ малыхъ младенцевъ, не вынулъ онъ обреченной души и полетѣлъ назадъ къ Богу.—Что вынулъ душу? спрашиваетъ его Господь. «Нѣтъ, Господи! у той бабы есть два младенца; чѣмъ-же они станутъ питаться?» Богъ взялъ жезло, ударилъ въ камень и разбилъ его надвое, указалъ въ трещинѣ двухъ червей и провѣщалъ: «кто питаетъ этихъ чер-

---

[1]) Каравел., 267. — [2]) Н. Р. Лег., 26; Slov. pohad., 502—7.

вей, тотъ пропиталъ бы и двухъ младенцевъ!» И отнялъ Богъ у ангела крылья и осудилъ его въ теченіи трехъ лѣтъ вести земную жизнь.—Наряду съ легендами и стихами объ ангелахъ смерти, возникли средневѣковыя сказанія о борьбѣ ангеловъ и чертей за обладаніе душею усопшаго; сказанія эти извѣстны и у нѣмцевъ, и у славянъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ памятниковъ, во главѣ ангеловъ выступаетъ архангелъ Михаилъ, какъ проводникъ душъ въ райскія селенія [1]). По нашимъ преданіямъ, при одрѣ умирающаго присутствуютъ и спорятъ за его душу ангелъ-хранитель и дьяволъ; если добрыя дѣла человѣка перевѣшиваютъ злыя, то ангелъ-хранитель прогоняетъ дьявола копьемъ, а если перевѣшиваютъ злыя дѣла, то ангелъ удаляется съ плачемъ.

Въ числѣ другихъ представленій Смерти особенною поэтическою свѣжестью дышетъ то, гдѣ она является невѣстою. Этотъ прекрасный образъ объясняется изъ старинныхъ метафорическихъ выраженій, уподоблявшихъ кровавую битву—свадебному пиршеству, а непробудный сонъ въ могилѣ—опочиву молодыхъ на брачномъ ложѣ. Умирая отъ ранъ, добрый молодецъ, по свидѣтельству русской пѣсни, наказываетъ передать своимъ родичамъ, что женился онъ на другой женѣ, что сосватала ихъ сабля острая, положила спать калена стрѣла (I, 369). Когда Смерть сражаетъ цвѣтущаго юношу, она (выражаясь поэтическимъ языкомъ) сочетается съ нимъ бракомъ. Въ сборникѣ «Westslawischer Märchenschatz» [2]) есть любопытный разсказъ, какъ одинъ богатый юноша напрасно искалъ невѣсты, которая пришлась бы ему по сердцу. Разъ встрѣтилъ онъ прекрасную дѣвицу въ бѣломъ платьѣ. «Куда идешь ты?» спросила его красавица. — Ищу невѣсты по сердцу, и объ одномъ только прошу Бога, чтобы хотя единый часъ могъ на-

---

[1]) D. Myth., 796—7. — [2]) Стр. 143-4.

сладиться любовью—прежде, чѣмъ умру. «Юноша! сказала она, я согласна быть твоею женою.» Обрадованный и влюбленный, онъ повелъ ее въ свой домъ. Но когда прошелъ часъ времени—прекрасная невѣста вдругъ превратилась въ старое и беззубое привидѣніе. Это была—Смерть. «О невѣрная соблазнительница! ты меня обманула», воскликнулъ женихъ.—Не я, а ты обманулъ самъ себя! возразила страшная гостья; ты обѣщалъ быть моимъ, и я беру тебя съ собою. Она взмахнула острой косою, и юноша палъ мертвый.

Болѣзни разсматривались нашими предками, какъ спутницы и помощницы Смерти, а повальныя и заразительныя прямо признавались за самую Смерть, и ни въ чемъ такъ ярко не выступаетъ стихійное значеніе этой древней богини, какъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ о различныхъ недугахъ. Нѣмецкая легенда разсказываетъ, что одному юношѣ обѣщалась Смерть прежде, чѣмъ возьметъ его душу, прислать своихъ пословъ, и онъ зажилъ весело и разгульно, не помышляя о послѣднемъ концѣ Но вотъ онъ состарился и за нимъ явилась Смерть. На упрекъ, что она не исполнила своего обѣщанія, Смерть отвѣчала: «какъ, я не посылала къ тебѣ моихъ пословъ? развѣ не трясла тебя лихорадка, развѣ ты не чувствовалъ головокруженія, лома въ костяхъ, зубной боли, ослабленія зрѣнія и глухоты?» [1]) Славянскія названія болѣзней соединяютъ съ ними мысль о карающемъ божествѣ: bogine —оспа, boža rana — язва, чума, bożj bič или boža moč (божья сила)—падучая, бѣшенство, boža ruka — параличъ; сравни нѣм. der gotes slac, die gewalt gottes, die hand gottes (schlagfluss, apoplexia) — названія, указывающія на быстрый, внезапный родъ смерти, въ противоположность тѣмъ болѣзнямъ, которыя сводятъ человѣка въ могилу только послѣ продолжительныхъ мученій. Въ русскихъ областныхъ говорахъ:

[1]) Сказ. Грим., 177; Гальтрихъ, стр. 62.

божье или божья немочь—падучая; божья̀—эпидемія («божья̀ ходитъ»); одержимыхъ припадками бѣснованія и помѣшанныхъ называютъ божевольными и божегнѣвными, что̀ свидѣтельствуетъ за древнѣйшее воззрѣніе на болѣзнь, какъ на божью волю и божій гнѣвъ [1]). Индусы изгоняли прокаженныхъ изъ касты и лишали права владѣть собственностію, такъ какъ эти несчастные поражены «божьимъ гнѣвомъ». Въ Европѣ долгое время вѣрили, что каждая язва есть заявленіе божественнаго гнѣва и требуетъ всенароднаго покаянія. Изувѣченныхъ и калѣкъ называютъ: убогій, ubožatko; малор. небо̆жчикъ, пол. nieboszczyk—покойникъ, т. е. какъ-бы отвергнутый свѣтлыми богами, постигнутый небесною ка̀рою [2]).

Далѣе, мы имѣемъ положительныя свидѣтельства языка, что болѣзни причислялись нѣкогда къ сонму нечистыхъ духовъ. Областной словарь представляетъ тому обильные примѣры: стрѣлъ—чортъ и стрѣлы—колотье: «пострѣлъ бы тебя побралъ!» чёморъ—дьяволъ («поди ты къ чёмору!») и чёмеръ — спазмы въ животѣ или боль въ поясницѣ, а чёмерь—головокруженіе, страданіе живота и болѣзнь у лошади; игрѐцъ—истерическій припадокъ, кликушество и дьяволъ; худоба—сухотка, истощенность, худобищё—конвульсіи въ тяжкой болѣзни, худая боль—сифилисъ, сибир. «въ худыхъ душахъ»—при смерти и худо́й—злой бѣсъ; черная немочь (не-мощь=не-дугъ; мощный и дюжій—сильный, здоровый)—параличъ, черна̀—скотская чума, черная смерть—моръ, опустошавшій русскую землю въ 1352 году (при Симеонѣ Гордомъ), и черный—эпитетъ нечистаго духа (I, 99), черный шутъ—дьяволъ; лядѣть

[1]) О вл. христ. на сл. яз., 123; Обл. Сл., 12; Доп. обл. сл., 10; Москв. 1852, XXIII, 72; D. Myth., 1109—1110 — [2]) Старосв Банд., 411; Обл. Сл., 236.

— долго хворать, лядить — томиться, изнывать, хирѣть, лядащій — безсильный, больной, негодный и лядъ — чортъ: «ну те къ ляду!» У бѣлоруссовъ лядашцикъ — духъ, причиняющій людямъ порчу: «лядашцикъ перелецѣу яму», т. е. онъ сталъ полоумнымъ, сумашедшимъ; сравни бѣсъ, бѣснующійся, бѣшенство и чешск. bĕsný pes (бѣшеная собака). Входя въ человѣка или животное, демонъ порождаетъ въ немъ болѣзненные припадки и безумную ярость; подобное-же дѣйствіе, производимое ядовитыми растеніями, также приписывалось демонамъ: euphorbia называется у славянъ — бѣсово молоко, у нѣмцевъ teufelsmilch, atropa belladona — бѣшеная вишня и т. дал. Ворогуша — лихорадка и врагъ (ворогъ) — дьяволъ; лихой — злой духъ и болѣзнь у лошадей, старинное лихоȢвьць (въ Святославовомъ изборникѣ) — сатана, лихо-радка (лихо-манка, лихо-дѣйка), лихота — нездоровье, немощь, лиховать — быть нездоровымъ, чувствовать тошноту; тоснуть — болѣть, скучать и тошная — нечистая сила; шатунъ — чортъ и шатъ — обморокъ, головокруженіе, болѣзнь у собакъ; вологод. «тяжкая пришла» т. е. посѣтила болѣзнь и тяжкýнъ или тяжкой въ значеніи дьявола; икòта (икотка) — болѣзненный припадокъ и человѣкъ, одержимый бѣсомъ, икотница — страдающая икотою; притка — падучая и всякій нежданный, нечаянно приключившійся недугъ («чтобъ тебя разопритчило!» «мнѣ на такомъ-то мѣстѣ попритчилось!»), а слѣдующія выраженія: «экъ ця притка принесла!» «притка его вѣдатъ, откуда онъ!» указываютъ на демона; сравни: «кой чортъ тебя принесъ!» «чортъ его вѣдаетъ!» Лишай — гнойный струпъ на головѣ и дьяволъ [1]). Тѣсная

[1]) Обл. Сл., 28-29, 42, 73-74, 104, 108, 134, 179, 218, 231, 235, 251; 256-7, 263; Доп. обл. сл., 102; Приб. къ Изв Ак. Н. 1853, 183; Этн. Сб, I. 176-7; Годъ на Сѣверѣ, Максимова, II, 463; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 8; Громаннъ, 8.

связь нечистой силы съ болѣзнями, разслабляющими тѣло человѣческое, подтверждается и слѣдующими названіями: обломъ (отъ ломать)—дьяволъ, домовой; костоло́мъ и кожедёръ —злой человѣкъ, лѣшій, чортъ; въ числѣ болѣзненныхъ ощущеній извѣстенъ и ломъ въ костяхъ [1]). Въ апокрифической статьѣ «Свитокъ божественныхъ книгъ» повѣствуется, что Господь, создавши тѣло перваго человѣка, «поиде на небеса по душу Адамову; сатана же не вѣдая, что ему сотворити, и тну тѣло Адамово перстомъ. И приде Господь ко своему созданію, и видѣ тѣло Адамово и рече: о дьяволе! что ты сотворилъ? Отвѣщавъ же дьяволъ: Господи! забудетъ тебя сей человѣкъ; (но) аще у него что заболитъ, тогда Господа воспомянетъ. И Господь обрати (болѣзнь) Адаму внутрь, и оттого во всякомъ человѣцѣ... болѣзнь сотвори сатана; аще у кого поболитъ, тогда и вздохнетъ о Господѣ: помилуй мя!» [2]). Въ другомъ апокрифѣ—въ «Сказаніи, како сотвори Богъ Адама» [3]) читаемъ: создалъ Богъ перваго человѣка изъ восьми частей, «и поиде очи имати отъ солнца и остави Адама единого лежаща на земли. Пріиде же окаянный сатана ко Адаму и измаза его каломъ и тиномъ и возгрями. И пріиде Господь ко Адаму и восхотѣ очи вложити, и видѣ его мужа измазанна, и разгнѣвался Господь на діявола и нача глаголати: «окаянне діяволе, проклятый! не достоитъ ли твоя погибель? «что ради человѣку сему сотворилъ еси пакость—измаза его? «и проклятъ ты буди! И діяволъ исчезе, аки молнія, «сквозь землю отъ лица Господня. Господь же снемъ съ него «пакости сатанины и смѣсивъ со Адамовыми слезами, и «въ томъ сотвори собаку, и постави собаку и повелѣ стрещи Адама; а самъ отъиде въ горній Іерусалимъ по дыханіе Адам-

---

[1]) Обл. Сл., 133; Библ. для Чт. 1848, X, 122. — [2]) Рус. Сл. 1862, II, ст. Пыпина, 55. — [3]) Пам. стар. рус. литерат., III, 12—13.

«лево. И пріиде вторые сатана и восхотѣ на Адама напустити «злую скверну, и видѣ собаку при ногахъ Адамлевыхъ лежа«щу, и убояся вельми сатана. Собака начала зло лаяти на діа«вола; окаянный же сатана埋 вземъ древо и истыка всего че«ловѣка Адама, и сотвори ему 70 недуговъ.» Богъ помилосердовалъ объ Адамѣ, прогналъ сатану и обратилъ всѣ недуги внутрь человѣческаго тѣла. Въ народной легендѣ о сотвореніи міра и потопѣ [1]) сказано, что собака первоначально была создана голою и что дьяволъ соблазнилъ ее, угрожая зимними морозами и обѣщая ей теплую шубу (т. е. шерсть); собака подпустила дьявола къ первосозданному человѣческому тѣлу, а тотъ оплевалъ и охаркалъ его [2]). Въ связи съ этими апокрифическими сказаніями должна быть поставлена и повѣсть о скверномъ бѣсѣ, занесенная въ раскольничьи рукописи и на лубочную картину. Нѣкій святый старецъ увидѣлъ въ пустынѣ бѣса, отъ головы до ногъ оскверненнаго блуднымъ гноемъ. «И рече ему старецъ: да почто не омылся еси въ рѣцѣ или въ источникѣ? Онъ же рече: не велитъ ми вышній Богъ...повелѣваетъ ангелу водному отгоняти насъ; онъ же оружіемъ огненнымъ прогоняя(-етъ) насъ. Старецъ рече ему: да гдѣ можешь измытися? Бѣсъ рече: поиду въ христіянскіе домы, и гдѣ обрящу сосуды непокровенны, ту вниду и измыюся;

[1]) Н. Р. Лег., 14. — [2]) Преданіе это перешло и къ мордвѣ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 229), и къ черемисамъ: Юма, создавши человѣческое тѣло, отправился творить душу, а къ тѣлу приставилъ пса, который тогда еще не имѣлъ шерсти. Злой Кереметь произвелъ такой холодъ, что песъ едва не замерзъ; потомъ далъ собакѣ шерсть, и допущенный къ человѣку охаркалъ его тѣло, и тѣмъ самымъ положилъ начало всѣхъ болѣзней — Вѣст. Р. Г. О. 1856, IV, 282; Этн. Сб., V, роспись Межова, 41. Собака олицетворяетъ здѣсь стихійныя силы природы (см. I, 720—734), на что указываетъ и созданіе ея изъ слезъ, слюны и мокротъ (= древнѣйшія метафоры дождя).

они же послѣ мене пріимутъ болѣзни тяжки—и кашлеве, и трясавицы, и иныя скорби.» [1]) Сосудовъ и кринокъ съ напитками и кушаньями не совѣтуютъ оставлять непокрытыми, опасаясь, чтобы нечистая сила неосквернила ихъ; если нечѣмъ покрыть, то должно по крайней мѣрѣ перекрестить, или положить сверху двѣ лучины накрестъ. Народная легенда [2]) разсказываетъ о чортѣ, который засѣлъ въ кувшинъ съ водою, оставленный на ночь безъ этихъ предосторожностей. По ночамъ, такъ какъ въ это время злые духи бываютъ особенно дѣятельны, не слѣдуетъ пить воды, тѣмъ болѣе не благословясь; иначе наживешь «водяную» [3]). Итакъ болѣзнь есть дѣло враждебнаго демона: нападая на человѣка, онъ касается его своею рукою, наноситъ ему гнойныя раны, оскверняетъ его тѣло нарывами, вередами, сыпями, нерѣдко даже поселяется въ немъ, грызетъ и мучитъ его различными муками. Вѣрованіе это принадлежитъ глубочайшей древности и встрѣчается у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. По мнѣнію индусовъ, всякая зараза и смертность насылались на людей и стада Вритрою и подвластными ему демонами; зендская отрасль арійскаго племени приписывала созданіе болѣзней Ариману. Atharva-Веда олицетворяетъ лихорадочный недугъ (такманъ); его проклинаютъ, гонятъ, вызываютъ изъ страждущаго тѣла, и когда ничто не помогаетъ, то кланяются ему, какъ божеству, и молятъ, чтобы онъ пощадилъ больнаго или поискалъ себѣ иного нечестиваго человѣка. Силою чародѣйныхъ заклятій колдуны могли не только изгонять болѣзни (amivá), но и напускать ихъ на своихъ враговъ [4]). Гомеръ [5]) приписываетъ тяжкіе не-

---

[1]) Лѣт. рус. лит., т. V, отд. 3, 89—90. — [2]) Н. Р. Лег., 19. — [3]) О. З. 1848, V, ст. Харитонова, 24. О страдающихъ запоемъ простолюдины думаютъ, что они проглотили маленькаго чортика, когда тотъ плавалъ въ рюмкѣ вина—Кіевлян. 1865, 57. — [4]) Громаннъ, 147-8. — [5]) Одис., V, 395-6.

дуги прикосновенію злаго демона; и въ античномъ мірѣ, и въ среднія вѣка умопомѣшательство и падучую болѣзнь объясняли нападеніемъ нечистаго духа [1]). Относительно славянъ подобное воззрѣніе на болѣзни засвидѣтельствовано еще Несторомъ; разсказывая о Святополкѣ (подъ 1019 годомъ), лѣтописецъ выражается такъ: «и бѣжащю ему, нападе на-нь бѣсъ—и разслабѣша кости его, не можаше сѣдѣти (на конѣ), и несяхуть и́ на носилѣхъ. Принесоша и́ къ Берестью, бѣгающе съ нимъ; онъ же глаголаше: побѣгнѣте со мною, женуть по насъ! Отроци же его всылаху противу: «еда кто женеть по насъ?» и не бѣ никого-же въ слѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ; онъ же, въ немощи лежа, въсхопивъся глаголаше: о се женуть, побѣгнѣте! Не можаше терпѣти на единомъ мѣстѣ, и пробѣжа лядьскую землю, гонимъ божьимъ гнѣвомъ, прибѣжа въ пустыню межю ляхы и чехы—испроверже злѣ животъ свой» [2]). Выше (II, 420-1) сообщено было лѣтописное преданіе о дьяволѣ, который, бросая въ иноковъ цвѣтокъ, приводилъ ихъ въ разслабленіе. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, бѣсъ, поселяясь въ женъ и дѣвъ, отымаетъ у нихъ умъ, слухъ, зрѣніе, повергаетъ ихъ въ бѣшеное, изступленное состояніе и заставляетъ испытывать самыя мучительныя страданія [3]). Въ оффиціальномъ показаніи шуянъ 1666 года читаемъ: «то намъ вѣдомо: Шуи посаду Яковъ Григорьевъ скорбѣлъ икотою и внѣ ума былъ весь и всячески отъ нечистаго духа... а Василей Несмѣяновъ скорбѣлъ отъ нападенія нечистаго духа, и его исцѣлила пресвятая Богородица, какъ сталъ молебствовати. А про Иванову жену, Елизарьева сына Ожималова, Мароу слышали мы отъ сосѣдей, что она одержима была нечистымъ духомъ, и ее исцѣлила пресв. Богородица въ церкви на праздникѣ своемъ—въ литургію, въ

---

[1]) Москв. 1853, XXIV. 195. — [2]) П. С. Р. Л., I, 62-63.— [3]) Н. Р. Ск., I. 9, 10 и стр. 143, по 3-му издан.

большой выходъ; и она нынѣ здрава стала, а скорбѣла трои сутки» [1]). Въ 1670 году шуяне подали новую сказку, въ которой заявили: «пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молиться мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ иногородные люди привозятъ съ собою различными скорбми и одержимыхъ отъ нечистыхъ духовъ мужескій и женскій и дѣвичъ полъ, и тѣ скорбные люди... въ божественную службу мечтаются всякими козноде́йствы» [2]). «Есть на Поморіи (говоритъ рукописное житіе Зосимы и Савватія) наволокъ Унежма; въ мѣстѣ-же томъ (былъ) человѣкъ нѣкій именемъ Никонъ. Селу Никону случися болѣзнь тяжка зѣло. Два кудесника бысть въ волости той, имуще прюнѣкую межю собой. Никону же тому случися промежу ихъ свидѣтельствовати; единому (изъ н)ихъ угоди, а другаго оскорби.» Послѣдній «зельнѣ огорчися», и «яко-же обычай имъ укоренился злокозненнаго дѣйства, бѣсовскою прелестію нача кудесъ бити —таже насылаетъ бѣса на Никона» [3]). Въ повѣсти о бѣсноватой женѣ Соломоніи (XVII вѣка) разсказывается, что однажды ей послышалось, «аки пріиде нѣкто ко храминѣ; она же воста отъ ложа своего и отверзи двери, и пахну ей въ лице, и во уши, и во очи, аки нѣкоторый вихоръ велій, и явися аки пламя нѣкое огненно и сине... И бысть во всю нощь безъ сна; пріиде на нея трясеніе и великій, лютый ознобъ, и въ третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть въ то время во иступленіи ума отъ живущаго въ ней демона» [4]). И до сихъ поръ простой народъ думаетъ, что всѣ калѣки, разслабленные и хворые изурочены колдунами и нечистою силою [5]); всякое тѣ-

---

[1]) Описаніе гор. Шуи, Борисова, 428—9 — [2]) Ibid., 345, 425. — [3]) Щапов., 43. — [4]) Пам. стар. рус. литер., I, 153. — [5]) Сахаров., I, 38.

лесное страданіе и всякое тревожное чувство приписываются порчѣ «недобрыхъ людей», ихъ завистливой мысли, оговору и сглазу, и называются напускною тоскою; нервныя болѣзни — кликушество, икота и падучая, а равно грыжа, сухотка и колотье признаются поселянами за дѣйствіе злыхъ духовъ, насланныхъ на человѣка на срокъ или навсегда мстительнымъ колдуномъ. Сами больные, раздѣляя тоже убѣжденіе, выкрикиваютъ во время припадковъ имена своихъ враговъ, подозрѣваемыхъ въ насланіи болѣзни, и обвиняютъ ихъ въ этомъ мнимомъ преступленіи. Еще недавно, вслѣдствіе такихъ обвиненій, производились судебные розыски. Въ пинежскомъ уѣздномъ судѣ хранится любопытное дѣло, рѣшенное въ 1815 году. Крестьянинъ Михайло Чухаревъ былъ обвиненъ въ порчѣ икотою своей двоюродной сестры Офимьи Лобановой, и ту Офимью (сказано въ прошеніи) теперь злой духъ мучитъ. Чухаревъ показалъ на допросѣ, что дѣйствительно насылалъ порчу на свою двоюродную сестру, а научилъ его тому крестьянинъ Ѳедоръ Крапивинъ. Чара совершается такъ: снявши съ себя шейный крестъ, должно нашоптывать на соль: «пристаньте къ человѣку (имярекъ) скорби-икоты, трясите и мучте его до скончанія вѣка; какъ будетъ сохнуть соль сія, такъ сохни и тотъ человѣкъ. Отступите отъ меня, дьяволи, а приступите къ нему.» Наговорную соль слѣдуетъ бросить на дорогу или вообще на то мѣсто, которымъ долженъ проходить осужденный на икоту. Судъ приговорилъ Чухарева къ тридцати пяти ударамъ кнутомъ и къ публичному церковному покаянію. Г. Максимовъ, сообщившій это дѣло въ своей прекрасной книгѣ: «Годъ на Сѣверѣ», слышалъ отъ ямщика разсказъ о дѣвкѣ-икотницѣ, у которой сто бѣсовъ животъ гложутъ [1]). При такомъ взглядѣ на

---

[1]) II, 289, 310-5. Влад. Г. В. 1844, 53. Кавказскіе горцы бѣшенство и бредъ приписываютъ вліянію нечистой силы — Совр. 1854, XI, смѣсь, 2; подобныя же вѣрованія встрѣчаемъ у разныхъ инородцевъ — О. З. 1830, ч. XLIII, 219; Вѣст. Р. Г. О. 1856, I, смѣсь, 28.

болѣзни, весьма естественно было представлять ихъ существами живыми, одушевленными. Клятвы различными недугами, донынѣ произносимыя простолюдинами въ пылу гнѣва или досады, были нѣкогда дѣйствительными призывами злыхъ демоновъ на враговъ и обидчиковъ: «вбій тя трясця!» «хай тебе хиндя (?) потрясе!» «щобъ тебе родимець [1]) побивъ!» (великор. «родимецъ тя возьми!») «щобъ на тебе причина (= притка) вдарила!» «бодай тебе грець вимивавъ!» «щобъ тебе лють турнула!» «щобъ тебе лунь вхопила!» [2]) «щобъ ёго смутокъ (печаль, тоска) узявъ!» «смутокъ би на тя темній та чорній упавъ!» «чортъ би тебе спикъ!» «чортъ би вбивъ (или: мучивъ) твого батька!» [3]) Слѣдуя оборотамъ, употребительнымъ въ нѣмецкомъ языкѣ, болѣзнь наталкивается, наскакиваетъ, нападаетъ, хватаетъ, осиливаетъ — sie stösst an, fällt an, überfällt, überlauft, packt, greift an, überwältigt den menschen; у насъ говорятъ о тяжкой болѣзни, что она съ ногъ свалила [4]). Нечистая сила смерти и недуговъ изображается въ народныхъ преданіяхъ вѣчно-голодною и прожорливою; она съ жадностію бросается на людей и животныхъ и питается ихъ кровью и мясомъ. По народному выраженію, больной изнашивается [5]): полнота и крѣпость его тѣла какъ-бы поглощаются злобными демонами; напротивъ изцѣлить = возстановить здравіе буквально означаетъ: сдѣлать человѣка цѣлымъ. За родство понятій смерти и голода свидѣтельствуютъ: готское svults — mors и сканд. sultr — fames, греч. λιμός — голодъ и λοιμός — моровая язва [6]). О «черной смерти» лѣтописецъ выражается: «егда бо внидяше гдѣ въ который родъ или въ осподу (вар. въ семью) болѣзнь лютая

[1]) Параличъ—Обл. Сл., 191. — [2]) «Лунь ёго вхопивъ»—онъ околѣлъ—Старосв. Банд., 387. — [3]) Номис., 73. — [4]) D. Myth., 1106. — [5]) Износиться—поудѣть—Обл. Сл., 74. — [6]) D. Myth., 842.

и смертное то жало, мряху бо сполу наборзѣ... (сравни «божья ходитъ», «тяжкая пришла», «болѣзнь посѣтила»). Сана свѣтлостью не умалена бываетъ Смерть [1]), на всѣхъ бо вынизаетъ многоядныя своя зубы» [2]). Итакъ моровой язвѣ даются острые зубы и жало. Тоже представленiе соединяютъ съ болѣзнями и сербы, какъ очевидно изъ ихъ заклятiй: «болест га jела!» «тако ме губа (проказа) не jела!» «тако ме живина (ракъ) не гризла!» (или: не драла!) «тако ме не jела губа до паса, а живина од паса!» «тако ме помама (бѣшенство) не напала!» [3]) Названiе грыжа (грызь = рѣзь, ломота, ноющая острая боль) происходитъ отъ глагола грызу [4]). Сибиряки считаютъ оспу за нечистаго духа, который бродитъ по свѣту и питается мертвыми тѣлами; а потому, желая умилостивить его, нарочно убиваютъ скотину [5]). Въ великорусскихъ губернiяхъ поселяне убѣждены, что Оспа ходитъ съ клювомъ, и ударяя имъ, пятнаетъ человѣка щедринками [6]); областныя названiя оспы — ша́дра и своробъ; шадри́вый, шадровитый — рябой, шадрина — рябинка, своробатый — шероховатый [7]). Въ олонецкой губ. заболѣвшаго оспою приносятъ къ другому хворому тою-же болѣзнею, и онъ отвѣшиваетъ ему три поклона и произноситъ: «прости меня Оспица, прости Аѳанасьевна, чѣмъ я предъ тобою согрубилъ, чѣмъ провинился!» [8]) Прощать въ старинномъ языкѣ употреблялось въ значенiи: выздоровѣть, изцѣлиться отъ болѣзни. Новые греки представляютъ оспу миѳической женщиной [9]). Народное суевѣрiе утверждаетъ, что когда начинается болѣзнь, то не слѣдуетъ

---

[1]) Т. е. она не взираетъ на санъ. — [2]) П. С. Р. Л., IV, 61, 191. — [3]) Срп. н. послов., 21, 298-9. — [4]) Толков. Слов., I, 356. — [5]) Абев., 77-78. — [6]) Послов. Даля, 430. — [7]) Обл. Сл., 200, 261. — [8]) Обл. Сл., 144. — [9]) D. Myth., 1113.

ложиться на постель, а стараться быть на ногахъ, чтобы она не взяла силы и не одолѣла человѣка [1]).

Нечистые духи, въ своемъ древнѣйшемъ, языческомъ значеніи, были существа стихійныя, демоны темныхъ тучъ, опустошительныхъ грозъ, вихрей и вьюгъ, то посылающіе на поля и нивы безвременные ливни и градъ, то задерживающіе въ облачныхъ горахъ животворную влагу дождя и карающіе землю засухою; въ томъ и другомъ случаѣ они истребляютъ жатвы и лишаютъ человѣка его насущной пищи. Къ разряду стихійныхъ демоновъ причислялись нашими предками и болѣзни, какъ порожденіе тѣхъ-же естественныхъ причинъ: простуды, сырости, томительнаго зноя и вредныхъ испареній, разносимыхъ буйными вѣтрами, и какъ обычные спутники неурожаевъ, вслѣдъ за которыми въ древности всегда шествовалъ моръ. Atharva-Веда свидѣтельствуетъ, что воспалительный недугъ (такманъ) появляется тогда, когда жаркіе лучи солнца воздѣйствуютъ на болотистую почву = когда огонь изсушитъ воду. Эпидемическія, заразительныя болѣзни слывутъ на Руси: повѣтріе (пол. powietrze), вѣтроносное язво [2]) и моръ; съ послѣднимъ названіемъ родственны слова: об-морокъ — болѣзненный припадокъ, мгла, туманъ, и обморочить. Летучая или вѣтренная оспа называется въ ярославской губ. лопу́ха — слово, означающее также: снѣгъ, падающій большими хлопьями [3]). У нѣмцевъ болѣзнь лошадей и рогатаго скота — der böse wind, въ Швейцаріи рожа — wolken, fliegende wolke [4]). По мнѣнію народа, болѣзни посылаются по вѣтру или по водѣ: «съ вѣтру пришло», «съ воды приключилося». Колдунъ выходитъ на дорогу и выжидаетъ: не подуетъ ли попутный вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ живетъ обреченный на порчу. Выждавши, онъ беретъ съ дороги горсть

---

[1]) Рус. въ св. посл., IV, 88. — [2]) Библ. для Чт. 1848, IX, 51. — [3]) Обл. Сл., 105, 134, 141. — [4]) D. Myth., 1112, 1115.

пыли или снѣгу (смотря по времени года) и бросаетъ на вѣтеръ, причитывая: «ослѣпи (=запороши) у раба такого-то черныя очи, раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы!» [1]) Главныя напускныя болѣзни — икота и стрѣлы. Икотою называютъ на сѣверѣ Россіи припадки кликушества; икать во псковской губ. —кричать, кликать [2]). Силою чародѣйнаго слова нечистый духъ заклинается на чье-нибудь имя; быстро летитъ онъ на крыльяхъ вѣтра, и первый встрѣчный, кто носитъ означенное имя, дѣлается его жертвою. Иногда наговариваютъ икоту на камни или насѣкомыхъ, и тотъ, кто запнется о такой камень или проглотитъ летучую мошку, подвергается истязаніямъ злаго демона. Стрѣлы (колотье) напускаются такъ: берется коровій рогъ, насыпается пескомъ, дресвою, истолченнымъ стекломъ, и все это выдувается въ отверстіе рога, съ заклятіемъ на извѣстное лицо. Вѣтеръ подхватываетъ песокъ, дресву и стекло, несетъ ихъ на человѣка и производитъ въ немъ такое ощущеніе боли, какъ-будто вся внутренность его была наполнена острою пылью и рѣжущими осколками [3]). Эта чара и самое названіе болѣзни напоминаютъ намъ: съ одной стороны — эпическое выраженіе Слова о полку о вѣтрахъ, вѣющихъ съ моря стрѣлами, а съ другой—то старинное олицетвореніе вѣтровъ, которое представляло ихъ дующими въ рога и трубы (I, 323—4). По свидѣтельству народныхъ преданій нечистые духи, купаясь въ источникахъ, оскверняютъ воды и порождаютъ различные недуги (см. выше, стр. 62). Эти источники первоначально означали дождевыя тучи, живительная влага которыхъ изсушает-

---

[1]) Потебн., 80-81; Сахаров., I, 36. — [2]) Доп. обл. сл., 73. — [3]) Карман. книжка для любителей землевѣдѣнія, 315; Очерки арх-ангел. губ. Верещагина, 181—3; въ крестоцѣловальныхъ записяхъ читаемъ: „ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати“.

ся знойнымъ дыханіемъ демоновъ, губителей земнаго плодородія; впослѣдствіи же въ нихъ стали видѣть обыкновенные омуты и болота, заражающіе воздухъ своими тлетворными испареніями въ жаркіе мѣсяцы лѣта. Нѣмцы, чехи и лужичане думаютъ, что во время солнечнаго затмѣнія (=собственно передъ началомъ грозы, когда солнце помрачается сгущенными тучами и воздухъ дѣлается томительно-удушливымъ) нечистые духи пускаютъ съ неба ядъ и отравляютъ источники; поселяне закрываютъ тогда колодцы, не рѣшаются брать изъ нихъ воду для питья и не выгоняютъ скота въ поле [1]. Германскія племена приписываютъ болѣзни вліянію раздраженныхъ эльфовъ; своимъ прикосновеніемъ и дыханіемъ (=дуновеніемъ) эльфы причиняютъ людямъ и домашнимъ животнымъ разслабленіе и смерть; кому нанесутъ они ударъ, тотъ теряетъ память и умственныя способности: параличъ называется dvergslagr (zwergschlag), слабоуміе есть знакъ, что человѣка коснулась мстительная рука эльфа — elbentrötsch (blödsinnig, geistesschwach). По указанію народныхъ сагъ, лица, попадающіе къ эльфамъ, рѣдко возвращаются назадъ, а если кто и воротится—то навѣрно на всю жизнь останется полоумнымъ: вѣрованіе это совпадаетъ съ общераспространеннымъ на востокѣ, въ Іудеи и въ средневѣковой Европѣ мнѣніемъ, что бѣсноватые одержимы злыми духами, которые поселяются въ нихъ, какъ безпокойные, раздражительные мары (poltergeister) въ жилищѣ избранной семьи. Участіе въ танцахъ эльфовъ дѣлаетъ человѣка разслабленнымъ. Болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ Витовой

---

[1]) Beiträge zur D. Myth., I, 235; Громаннъ, 28; Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 337; см. также т. II Поэт. Воззр., стр. 556—7. Тоже представленіе о порчѣ небесныхъ водъ распространялось и на тучи, окованныя зимними стужами; чехи не купаются до Юрьева дня, потому что до этого срока вода бываетъ испорчена, отравлена нечистою силою (Громаннъ, 51).

пляски (chorea sancti Viti) и состоящая въ судорожныхъ, непроизвольныхъ подергиваніяхъ всѣхъ членовъ тѣла, названа такъ вслѣдствіе уподобленія ея—прихотливой пляскѣ грозовыхъ духовъ, сопутствующихъ Святовиту въ его бурномъ шествіи по воздушнымъ пространствамъ. Въ Ирландіи и Шотландіи убѣждены, что дуновеніе эльфовъ вызываетъ на тѣлѣ желваки, чиреи, вереды (греч. ἀλφός — пятна на кожѣ, сыпь); въ Норвегіи болѣзнь воспалительнаго свойства называется alvgust, alvild = elfenfeuer, ср.-сѣв. âlfabruni; она нападаетъ на человѣка, какъ скоро онъ ступитъ на то мѣсто, гдѣ эльфы пролили воду или наплевали. Бѣлоруссы не рѣшаются ступать на слѣдъ, остающійся на землѣ отъ ведра съ водою, ни туда, гдѣ волкъ зарѣзалъ козла, гдѣ былъ заколотъ пѣтухъ, гдѣ валялись лошади или собака скребла лапою; въ противномъ случаѣ неосторожный подвергается чесоткѣ и тѣло его покрывается лишаями [1]). Вёдра указываютъ на тѣ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи лили на землю дожди; а пѣтухъ, козелъ, конь и собака—на ихъ животненныя превращенія. Въ сагахъ эльфы плюютъ въ глаза того, кто вздумаетъ подсмотрѣть ихъ игры, или дуютъ на него, и тѣмъ самымъ ослѣпляютъ любопытнаго. Вообще совѣтуютъ, при всякой встрѣчѣ съ ними, поспѣшно удаляться въ сторону. Эльфы имѣютъ при себѣ лу́ки и стрѣлы (=молніи); этими стрѣлами они убиваютъ людей и животныхъ или причиняютъ имъ тяжкія страданія. Ощущеніе, производимое болѣзнями, языкъ сближаетъ съ ударомъ остраго оружія: ломъ («daz gegihte brach ir hend und füeze»), колотье (seitenstechen), рѣзь, стрѣльба и пр. Эльфы могутъ умерщвлять человѣка даже своимъ сверкающимъ взоромъ. Кто воспользуется отъ яствъ и напитковъ, для нихъ назначенныхъ, тотъ (по шотландской сагѣ) будетъ наказанъ смертію.

[1]) Нар. сл. раз., 151—3.

Лихорадочный ознобъ (трясца) и стѣсненіе въ груди во время сна (удушье) приписываются ихъ-же злобѣ. Ирландскій phuka прыгаетъ въ вечернемъ сумракѣ на спину путника и не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не упадетъ обезсиленный на землю. У средневѣковыхъ поэтовъ эльфъ—злой духъ, который взнуздываетъ соннаго человѣка, ѣздитъ на немъ, трясетъ его, и такимъ образомъ доводитъ до совершеннаго истощенія силъ: «der alp zoumet dich», «der mar rîtet dich». Эльфы и мары (сканд. и швед. mara, англ. night-mare, голл. naehtmaer), какъ уже было указано (см. II, 727), сочетали въ себѣ представленіе грозовыхъ геніевъ съ душами усопшихъ; но такъ какъ душа уподоблялась бабочкѣ и ея личинкѣ (червяку), и такъ какъ самые эльфы произошли отъ червей=молній (см. II, 718), то отсюда возникло вѣрованіе, что alp, посылаемый колдунами, вылетаетъ изъ ихъ сросшихся бровей бабочкою, садится на грудь спящаго человѣка и начинаетъ давить его; это напоминаетъ намъ убійственные взоры вія, предающіе все гибели, какъ скоро будутъ подняты его длинныя брови и рѣсницы, т. е. открытый взглядъ молніи разитъ смертію; брови и рѣсницы—метафоры облаковъ (I, 167, 170-1). Въ Швейцаріи toggeli означаетъ мотылька и эльфа; въ старинныхъ процессахъ о вѣдьмахъ злой духъ—der elbe изображается прилетающимъ въ видѣ бабочки; литов. drugis—бабочка и fiebervogel, летт. drudsis—летучая моль и лихорадка; литов. druggis kreczia, летт. drudsis kratta—трясетъ лихорадка. Жгучая опухоль подъ ногтемъ пальца называется der wurm, der umlaufende wurm; опухоль на рукахъ и ногахъ, сопровождаемая нагноеніемъ,—der haarwurm, по русски волосъ или вóлосень, и по мнѣнію нашихъ крестьянъ бываетъ отъ червя-волосатика; одышка—herzwurm; собака впадаетъ въ бѣшенство отъ червя, который сидитъ у ней подъ языкомъ; blâsende

wurm — болѣзнь лошадей. Чехи убѣждены, что каждый человѣкъ имѣетъ въ своемъ тѣлѣ червя, отъ котораго и зависитъ его жизнь; сверхъ того, они разсказываютъ о зловредныхъ червяхъ, изъ которыхъ одни точатъ сердце, другіе пьютъ кровь, а третьи пожираютъ принятую человѣкомъ пищу—преданіе, принадлежащее глубочайшей древности, ибо уже въ Атарведѣ встрѣчаемъ заговоры, направленные на убіеніе червя, который гнѣздится въ головѣ, внутренностяхъ или крестцѣ больнаго [1]. Итакъ грызущая боль недуговъ сравнивается съ подтачивающимъ тѣло червякомъ; входя внутрь человѣка, злой эльфъ принимаетъ образъ этого насѣкомаго и начинаетъ поѣдать мясо и пить кровь, почему поляки червей, причиняющихъ людямъ болѣзни, называютъ biaƚe ludzie. Тѣже вѣрованія раздѣляли и греки, какъ видно изъ свидѣтельствъ языка: ἐπιάλτης, ἐφιάλτης (=aufspringer)—демоническій духъ, который давитъ по ночамъ и производитъ лихорадочное ощущеніе; ἠπιάλης, ἠπιόλης — эльфъ; ἠπίαλος, ἠπίολος—лихорадка, ознобъ и удушье; ἠπίολος означаетъ также и бабочку [2]. Приведенныя нами выше народныя названія болѣзней, извѣстныя на Руси и у другихъ славянъ, не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ древности онѣ признавались за существа демоническія, подобныя злымъ эльфамъ. Преданіе даетъ имъ божій бичь и стрѣлы, и всѣ тѣлесныя страданія разсматриваетъ какъ слѣдствіе отъ удара или укола ихъ оружія: болѣзнь—это «божья рана» или язва, нанесенная рукою незримаго духа, свидѣтельство его карающей силы и раздраженія («божья мочь», «божій гнѣвъ»). Чтобы предать людской родъ болѣзнямъ, сатана истыкалъ перстомъ или, по другому варіанту, древомъ (= жез-

---

[1]) Обл. Сл., 27; Громаннъ, 152-3. — [2]) D. Myth., 429 — 430, 967 — 8, 1107—12, 1115; Irische elfenmärch., стр. XIV, CII — CVIII; Beiträge zur D. Myth., II, 280.

ломъ, палицею) тѣло перваго человѣка; поселяне называютъ недуги **притками**, отъ глагола **при-ткнуть** — коснуться. Въ устахъ народа употребительны клятвы: «чтобъ тебя родимецъ и трясца **побили**!» «Чтобъ тебя притка **ударила**!» «чтобъ тебя **язвило, пятнало, стрѣляло**!» [1]) Мы доселѣ говоримъ: **разбитъ** параличемъ, а въ областныхъ нарѣчіяхъ эту болѣзнь обозначаютъ выраженіемъ: его **прострѣлило** [2]). Въ грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ боярину Морозову читаемъ: «а про смертоносную язву не пишете, престала ли или нѣтъ... и котораго числа діяка нашего Петра Стеншина **пострѣлило**?» [3]) Сибирской язвѣ даютъ названія **змѣиный пострѣлъ** [4]); колотье и головная боль (мигрень) у чеховъ называются **střily**, рус. **стрѣлы**; **стрѣляетъ** — чувствуется колотье; во псковской губ. **стрѣлйцы**—болѣзнь коровъ [5]). Въ первой пѣснѣ Иліады поэтъ разсказываетъ, какъ разгнѣванный Аполлонъ взялся за серебреный лукъ, и пуская крылатыя стрѣлы, наслалъ на ахейское войско моровую язву; тѣмъ-же оружіемъ поразилъ онъ и дѣтей Ніобеи. Подобными стрѣлами обладала и богиня Артемида. Одиссей обращается къ тѣни своей матери съ вопросомъ: скончалась ли она медленно отъ тяжкой болѣзни, или вдругъ Артемида тихой стрѣлой ее поразила? Въ другомъ мѣстѣ Одиссеи говорится о блаженной странѣ, гдѣ люди умираютъ не отъ старости и болѣзней:

Лукъ свой серебреный взявъ, Аполлонъ съ Артемидой нисходятъ
Тайно, чтобъ тихой стрѣлой безболѣзненно смерть посылать имъ.

Это — быстрый ударъ паралича, разомъ, безъ долгихъ страданій пресѣкающій жизнь [6]); сравни съ русскимъ преданіемъ

---

[1]) Сынъ Отеч. 1840, т. V, 283; Обл. Сл., 273. — [2]) Доп. обл. Сл., 220. — [3]) Записки отд. рус. и славян. археолог., II, 725. — [4]) Толков. Слов., прибавл. 5. — [5]) Громаннъ, 160; Доп. обл. сл., 257. — [6]) Одис., XI, 170; XV, 403 и дал.; Der Ursprung der Myth., 108.

о добрыхъ ангелахъ, мгновенно-изъемлющихъ душу добродѣтельнаго человѣка, чтобы водворить ее въ райскихъ селеніяхъ (см. стр. 54—55). Когда ребенокъ страдаетъ неизвѣстною болѣзнею, мечется и кричитъ по ночамъ, простолюдины кладутъ ему подъ голову — мальчику небольшой лукъ со стрѣлою, а дѣвочкѣ пряслицу, причитывая: «щекотиха-будиха! вотъ тебѣ лучокъ (или пряслица); играй, а младенца не буди» [1]). О лѣсункахъ и русалкахъ разсказываютъ, что онѣ, завлекая путника, щекочутъ его до тѣхъ поръ, пока не упадетъ онъ бездыханнымъ; поэтому названіе болѣзни щекотихою намекаетъ на связь ея съ этими эльфическими дѣвами: прилетая къ ребенку, она щекочетъ = мучитъ его, и тѣмъ самымъ отымаетъ у него сонъ. Какъ всѣ облачныя (водяныя) дѣвы, русалки представлялись пряхами, приготовляющими туманные покровы, которыми онѣ застилаютъ небо (см. гл. XXIII), и потому пряслица точно также указываетъ на стихійный характеръ демона-болѣзни, какъ и лукъ съ стрѣлами. У чеховъ дѣвица, захворавшая лихорадкою, должна трижды обѣжать прудъ, и обѣгая въ первый разъ бросить въ воду кусокъ хлѣба, во второй — веретено, а въ третій—пачку льна; эти приношенія задерживаютъ лихорадку въ ея подводномъ жилищѣ, и она уже не приходитъ въ обычное время мучить больную. Отсюда-же объясняется обычай мѣрять больнаго ниткою, сожигать ее на огнѣ, а оставшійся пепелъ разводить въ водѣ и давать пить во время припадковъ [2]). Сербскія вилы, сродныя съ нашими русалками и нѣмецкими эльфами, причисляются къ миѳическимъ пряхамъ, мечутъ смертоносныя стрѣлы, отравляютъ источники, повергаютъ людей въ тяжкія болѣзни и отымаютъ у нихъ разумъ. О лужицкой полудницѣ, принадлежащей къ тому-же разряду духовъ, разсказываютъ, что она является на поля допрашивать жен-

---

[1]) Послов. Даля, 403. — [2]) Громаннъ, 163, 178.

щинъ, какъ должно обработывать ленъ, и тѣмъ, которыя не съумѣютъ дать ей отвѣта, свертываетъ шеи; въ средневѣковыхъ памятникахъ daemon meridianus (у греческихъ писателей μεσημβρινὸς δαίμων) — падучая болѣзнь; у чеховъ poledníce — названіе недуга [1]). Замѣчательно, что въ нашемъ народѣ слово полудновать употребляется въ значеніи: жить послѣднія минуты передъ смертію [2]). Въ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующій оборотъ: «мало Стафидѣ можется — едва душа въ тѣлѣ полуднуетъ», «дерется Добрыня съ бабой-горынинкой, едва душа его въ тѣлѣ полуднуетъ» [3]). Рядомъ съ полудницами, въ архангельской губер. знаютъ двѣнадцать сестеръ полуночницъ (=маръ), которыя нападаютъ ночью на дѣтей и заставляютъ ихъ кричать отъ боли [4]). Припадки кликушества [5]) называются игрецъ — слово, которымъ обозначается и нечистый духъ; это указываетъ на древнее воззрѣніе, что бѣсъ, входя въ человѣка, мучительно играетъ имъ. Соотвѣтственныя выраженія находимъ — у чеховъ, которые объ умершемъ говорятъ: «Smrtka s ním pohrává» [6]), въ Несторовой лѣтописи: «бѣсъ тобою (волхвомъ) играетъ на пагубу тобѣ» [7]) и въ русской поговоркѣ: «чѣмъ чортъ не шутитъ!» Шутъ — дьяволъ, домовой, лѣшій, шутикъ — злой духъ, шутить — проказить, говоря о нечистой силѣ [8]). По народному убѣжденію, все, что выкрикиваютъ бѣсноватые и кликуши, внушаетъ имъ поселившійся въ ихъ тѣлѣ демонъ, и потому имъ приписывается способность предсказывать будущее [9]). Повѣрье это отразилось и въ языкѣ: блажѣ(и)ть — сходить съ ума, блажной — преверед-

---

[1]) D. Myth., 1114. — [2]) Обл. Сл., 168. — [3]) Кирша Дан., 365, 385. — [4]) Пам. книжка арханг. губ. на 1864 г., 17. — [5]) Кликуша = крикуша, крикъ и кричъ = кликъ и кличъ — Обл. Сл., 93. — [6]) Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 63. — [7]) П. С. Р. Л., I, 75. — [8]) Обл. Сл., 269. — [9]) Кликуши обыкновенно пророчатъ о гнѣвѣ божіемъ и скоромъ свѣтопреставленіи — Иллюстр. 1845, 203.

ливый, хворый, и блаженный—юродивый, слабоумный, въ безсмысленной болтовнѣ которыхъ искали встарь пророческихъ вѣщаній, и самихъ ихъ признавали заодержимыхъ божественнымъ духомъ [1]). Такъ необходимо, такъ невольно смѣшивались и спутывались въ нравственно-религіозныхъ представленіяхъ нашихъ предковъ понятія тупоумія, болѣзненнаго разслабленія и духовнаго предвидѣнія, небесной кары и дара высшихъ откровеній. Помѣшательство, безумный бредъ, столбнякъ объясняются на Руси проказами лѣшихъ; человѣкъ, котораго обошелъ (=овѣялъ вихремъ) лѣшій, дѣлается каженникомъ (искаженнымъ), теряетъ смыслъ и память [2]); бѣлоруссы думаютъ, что тотъ, надъ кѣмъ пролетѣлъ злой духъ лядащикъ, непремѣнно сходитъ съ ума. Наравнѣ съ эльфами, русалками и вилами, олицетворенные недуги населяли воды и лѣса; чтобы избавиться отъ нихъ, нѣмцы и славяне шли къ источникамъ или въ густыя, тѣнистыя рощи, и тамъ совершали свои цѣлебные обряды; особенно-важную роль играли въ этомъ случаѣ деревья, растущія надъ водами: ива, верба, плакучая береза и др. Чехъ, когда трясетъ его лихорадка, отправляется къ вербѣ, склоняющей свои вѣтви надъ свѣтлымъ потокомъ, и по окончаніи параксизма привязываетъ къ дереву какой-нибудь даръ и быстро, безъ оглядки, бѣжитъ домой; или онъ отрѣзываетъ клокъ своихъ волосъ и лоскутъ собственнаго платья, буравитъ въ вербѣ отверстіе, влагаетъ въ него приготовленные отрѣзки и заколачиваетъ ихъ глоговымъ клиномъ. Наши поселяне вѣшаютъ на деревьяхъ, въ даръ русалкамъ, холсты и нитки; отъ болѣзней они купаются въ рѣкахъ, прудахъ или источникахъ и оставляютъ на прибрежныхъ кустахъ и деревьяхъ полотенцы и сорочки (см. II, 305, 321); нерѣдко надъ головою болящаго завязываютъ

---

[1]) Вятск. Г. В. 1847, 42; О. З., т. LVII, смѣсь, 49. — [2]) Сахаров., II, 4.

въ лѣсу двѣ березовыхъ вѣтки, приговаривая: «коли ты (болѣзнь) покинешь — отпущу, не покинешь—сама сгинешь!» Нѣмцы завязываютъ отъ лихорадки три узла на вѣтвяхъ ивы. Скважины въ древесныхъ стволахъ, сквозь которыя протаскиваютъ больныхъ дѣтей, называются въ Швеціи elfenlöcher. Чехи сотрясаютъ на одержимыхъ лихорадкою росу съ вѣтвей вишневаго и другихъ деревьевъ. По совершеніи этихъ обрядовъ, возвращаясь изъ лѣсу домой, не слѣдуетъ оглядываться назадъ и отвѣчать на призывный голосъ: иначе демонъ-мучитель узнаетъ свою жертву и не прекратитъ своихъ посѣщеній [1]. Вѣдьмамъ славянскія преданія приписываютъ ночную ѣзду на людяхъ, которыхъ онѣ оборачиваютъ конями; вылетающая изъ нихъ въ видѣ бабочки душа (вѣщица) налегаетъ на спящихъ страшною тяжестью. По другимъ сказаніямъ, злой духъ болѣзней и смерти — мора или мара (нижнелуж. murawa, пол. zmora — удушье, чешск. můra—эльфъ, вѣдьма и мотылекъ) носитъ свою голову подъ мышкою и блуждаетъ ночью подъ окнами избъ, произнося имена хозяевъ и домочадцевъ: кто отзовется на голосъ мары, тотъ умретъ; она садится на соннаго человѣка и душитъ его; у женщинъ и коровъ она любитъ высасывать молоко [2]. Какъ шведы и датчане видятъ въ марахъ души усопшихъ, такъ по мнѣнію болгаръ, мура есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, прилетающая ночью давить сонныхъ [3]. Съ этими марами тождественны наши кики-моры (=кошмары) и марухи—безпокойные домовые карлики, занимающіеся пряжею, и самъ дѣдъ-домовой, который давитъ мужиковъ и бабъ во время ихъ крѣпкаго сна. По русскому повѣрью, вся-

---

[1] Иллюстр. 1845, 566; Громаннъ, 164-5; D. Myth., 1118, 1123. — [2] Маякъ, VIII, 64; Этн. Сб., V, 71, 108 (о кашубахъ); Volkslieder der Wenden, II, 268; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 297. — [3] Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210.

кой человѣкъ бываетъ одержимъ по ночамъ разными недугами, и если разбудить его прежде, чѣмъ окончатся начатыя мýки, то онъ навѣрно захвораетъ тою болѣзнею, какою былъ угнетаемъ во снѣ. Отъ того крестьяне не рѣшаются будить своихъ товарищей на утренней зорѣ [1]). Лѣтописецъ сообщаетъ подъ 1092 годомъ любопытное свидѣтельство о бѣсахъ, поражавшихъ смертію полочанъ: «предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше, въ нощи тутънъ станяше по улици, яко человѣци рищюще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвленъ бýдяше (вар. бяше), невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. Посемъ-же начаша въ дне (вар. во дни) являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди полотьскыя и его (вар. ихъ) область; тѣмъ и человѣци глаголаху: яко навье (мертвецы) бьютъ полочаны». [2]) Итакъ въ этихъ смертоносныхъ бѣсахъ, незримо-рыскающихъ на коняхъ, современники признавали существа эльфическія—души усопшихъ, о которыхъ нѣмецкія саги разсказываютъ, какъ о спутникахъ Одина въ его воздушныхъ поѣздахъ. Въ означенныхъ вѣрованіяхъ кроется основа той лингвистической связи, какую замѣчаемъ въ ниже-слѣдующихъ рѣченіяхъ: народъ называетъ покойниковъ родителями и употребляетъ это выраженіе безразлично, говорится ли объ усопшихъ предкахъ, или о преждевременно-скончавшихся младенцахъ; въ «Словѣ Даніила-заточника» [3]) и въ нѣкоторыхъ церковнославянскихъ рукописяхъ подъ именемъ рóда разумѣется духъ, что вполнѣ согласуется съ областнымъ употребленіемъ этого слова: съ саратовской губ. родà означаетъ видъ, образъ, а въ тульской—привидѣніе, призракъ; наконецъ родúмецъ—параличъ [4]). Вотъ живое

---

[1]) О. З. 1848, V, смѣсь, 24. — [2]) П. С. Р. Л, I, 92. — [3]) «Дѣти бѣгаютъ рода». — [4]) Памят. XII в., 236; Срезнев. 7; Обл. Сл., 191.

свидѣтельство языка, что души покойниковъ роднились у славянъ съ тѣми стихійными духами, стрѣлы которыхъ наносятъ человѣку параличный ударъ,—подобно тому, какъ германскія племена туже самую болѣзнь приписывали вліянію эльфовъ, а этихъ послѣднихъ отождествляли съ тѣнями усопшихъ.

Особенно интересны вѣрованія и преданія, живущія въ нашемъ народѣ—о лихорадкахъ. Названіе это происходитъ отъ глагола лихо-радѣть, т. е. дѣйствовать въ чей-нибудь вредъ, заботиться о комъ-нибудь съ злобнымъ намѣреніемъ, съ лихостью; другія общеупотребительныя названія: лиходѣйка и лихо-манка отъ мануть—качать, махать (=трясти; чеш. manouti se—метаться; сравни: мановеніе, помаваю, манья—привидѣніе въ видѣ старой и щедушной женщины, манить—лгать, об-манывать, лихоманъ, лихоманщикъ—злой, обманчивой человѣкъ[1]). Лихорадокъ—девять или двѣнадцать крылатыхъ сестеръ[2]); онѣ обитаютъ въ мрачныхъ подземельяхъ ада и представляются злыми и безобразными дѣвами: чахлыми, заморенными, чувствующими всегдашній голодъ, иногда даже слѣпыми и безрукими. Одна изъ нихъ—старшая повелѣваетъ своими сестрами и посылаетъ ихъ на землю мучить людской родъ: «тѣло жечь и знобить, бѣлы кости крушить». 2-го генваря Морозъ или Зима выгоняетъ ихъ, вмѣстѣ съ нечистою силою, изъ ада, и лихорадки ищутъ себѣ пристанища по теплымъ избамъ и нападаютъ на «виноватыхъ»; на зорѣ этого дня предусмотрительныя старушки омываютъ наговорною водою притолки у дверей, дабы заградить входъ въ избу незваннымъ гостьямъ. Повѣрье это условливается тѣми простудами и ознобами, которыя такъ обыкновенны въ холодную пору зимы. Напротивъ о весеннихъ бо-

---

[1]) Обл Сл., 104, 110-1. — [2]) Финны признаютъ болѣзни родными братьями, сыновьями старухи Lauhavatar—D. Myth., 1113.

лѣзняхъ думаютъ, что онѣ запираются на зиму въ снѣжныя горы (=адъ) и сидятъ тамъ до начала оттепелей; когда же солнце сгонитъ снѣгъ и отогрѣетъ землю, онѣ, вслѣдъ за вешними испареніями, разбѣгаются по бѣлому свѣту тощія, заморенныя, и съ жадностью бросаются на неосторожныхъ. Уже съ 25 го февраля, по замѣчанію поселянъ, опасно предаваться сну съ ранняго вечера: можно наспать лихорадку [1]). Подобно Смерти и владыкѣ демоновъ (сатанѣ), лихорадки сидятъ въ подземныхъ вертепахъ заключенныя въ цѣпи, и вылетаютъ мучить народъ только тогда, когда будутъ сняты съ нихъ эти желѣзныя оковы [2]), т. е. весною. Въ калужской губ. разсказываютъ, что старшая и злѣйшая изъ сестеръ-лихорадокъ прикована къ желѣзному стулу двѣнадцатью цѣпями и въ правой рукѣ держитъ косу, какъ сама Смерть; если она сорвется съ цѣпей и овладѣетъ человѣкомъ, то онъ непремѣнно умретъ. Тоже преданіе у юго западныхъ славянъ прилагается къ моровой язвѣ: три сестры куги были заключены отцемъ своимъ-королемъ въ тѣсныя узы и томились въ темницѣ, но впослѣдствіи, будучи освобождены, разбрелись въ разныя стороны и донынѣ блуждаютъ по свету [3]). Сбрасывая съ себя оковы, лихорадки прилетаютъ на землю, вселяются въ людей, начинаютъ ихъ трясти, разслаблять ихъ суставы и ломить кости. Измучивъ одного, лихорадка переходитъ въ другаго; при полетѣ своемъ она цѣлуетъ избранныя жертвы, и отъ прикосновенія ея устъ человѣкъ немедленно заболѣваетъ; кому обмечетъ болѣзнь губы, о томъ говорятъ: «его поцѣловала лихоманка.» [4]) Точно также порождаетъ болѣзненныя страданія и поцѣлуй эльбины [5]). По другимъ разсказамъ лихорадка, прилетая ночью, называетъ спящихъ по име-

---

[1]) Сахаров. II. 3-4, 14, 27; Рус. въ св. посл., IV, 102-3. — [2]) Этн. Сб., VI, 129. — [3]) Иличь, 302-3. — [4]) Абев., 230-1. — [5]) Irische elfenmärch., стр. XII.

ни; кто проснется и откликнется на ея зовъ, тотъ сейчасъ-же захвораетъ. Иногда она оборачивается соринкою или мухою, падаетъ въ изготовленную пищу и вмѣстѣ съ нею входитъ въ утробу человѣка. Но если кто догадается бросить эту соринку или муху въ печь, то лихорадка сгоритъ; а если вложить ее въ яичную скорлупу и повѣсить въ трубѣ —лихорадка будетъ страшно мучиться. Въ тульской губ. увѣряютъ, что шесть сестеръ уже погибли такимъ образомъ, а три и до сихъ поръ рыщутъ по̀ міру [1]). Въ прежнее время, говорятъ чехи, было сто лихорадокъ; но одна изъ нихъ сгибла: она заползла въ кусочекъ хлѣба, намоченный въ молокѣ; люди узнали ея присутствіе, взяли тотъ кусочекъ, вложили въ свиной пузырь и привязали къ дереву. Заключенная въ пузырѣ, лихорадка начала метаться во всѣ стороны— точно также, какъ дѣлаетъ каждая изъ нихъ, входя внутрь человѣка, и долго-долго возилась она, пока совсѣмъ не задохлась [2]). Сказанія эти представляютъ не болѣе, как варіаціи миѳа о Смерти, посаженной въ торбу (см. стр. 52 [3]). Боясь раздражить злобную, демоническую дѣву, простолюдинъ не всегда рѣшится назвать лихорадку ея настоящимъ именемъ, а даетъ ей названія ласкательныя, дружескія, съ цѣлію задобрить ее и отклонить отъ себя болѣзненные припадки; таковы названія: кума̀ (кума̀ха), добруха, тётка (тятюха), подруга и дитюха (дитя?). Съ тою-же цѣлью сербы, во время

---

[1]) Цебриков., 262; Тульск. Г. В. 1852, 27. — [2]) Громаннъ, 162. Нѣмецкая сага разсказываетъ, что одного бѣдняка давилъ по ночамъ эльфъ, а когда вносили въ комнату зажженную свѣчу — оборачивался въ соломинку или перо. Догадались сжечь эту соломинку, и мучительный эльфъ уже болѣе не являлся. — [3]) Огонь очага — метафора грозоваго пламени; яичная скорлупа служитъ для эльфовъ и русалокъ кораблемъ, въ которомъ плывутъ они на тотъ свѣтъ; свинья — зооморфическій образъ тучи.

моровой язвы, называютъ ее кумою [1]) а нѣмцы —gevatterin; вообще имена болѣзней принято въ Германіи замѣнять выраженіями: das gute, gesegnete, selige [2]). Временный роздыхъ, даваемый больному перемежающейся лихорадкою, народъ объясняетъ тѣмъ, что у нея много дѣла, и потому она переходитъ отъ одного человѣка къ другому, возвращаясь къ каждому изъ нихъ поочередно—черезъ день, черезъ два или три дня [3]); нѣкоторые же увѣряютъ, что въ дни, свободные отъ параксизмовъ, она предается сну. Постоянную, ежедневную лихорадку малоруссы называютъ: трясця-невсипуха. Отсюда суевѣрныя попытки переводить лихорадку съ себя на перваго встрѣчнаго, даже на птицъ, кошекъ и собакъ, въ которыхъ такъ охотно вселяются нечистые духи, или обманывать ее ложною надписью на дверяхъ избы, что больнаго нѣтъ дома. Такъ поступаютъ русскіе и чехи; послѣдніе пишутъ на дверяхъ: «zemnice! (лихорадка) nechod' k nam; Jenik (имя больнаго) neni doma, šel na horу». Въ смоленской губ., и во время скотскихъ падежей, надписываютъ на воротахъ, что на дворѣ нѣтъ ни коровъ, ни овецъ, ни лошадей. Сибиряки совѣтуютъ больному чернить свое лицо и одѣваться въ чужое платье, чтобы не быть узнану злою лихоманкою, когда она вздумаетъ повторить свое посѣщеніе [4]). Сверхъ того, чтобы избавиться отъ лихорадки, ее умилостивляютъ приношеніями, или прогоняютъ силою чародѣйнаго слова. Страждущіе этимъ недугомъ, выходятъ на то мѣсто, гдѣ, по ихъ соображенію, вселилась въ нихъ лихоманка, обсыпаютъ вокругъ себя ячневою крупою, и раскланиваясь на всѣ стороны, произносятъ: «прости, сторона-мать сыра земля! вотъ тебѣ крупицъ на кашу, вотъ и тебѣ, кумаха!» [5]) Обращеніе къ землѣ знаменательно, такъ какъ

---

[1]) Обл. Сл., 47-48, 79, 88, 164, 228, 236; Срп. рјечник, 311. — [2]) D. Myth., 1106 — [3]) Houska, II, 535. — [4]) Громаннъ, 167 Терещ., VI, 16; Абев., 230. — [5]) Сахаров., II, 14.

въ ея нѣдрахъ заключенъ тотъ страшный міръ, гдѣ царствуетъ Смерть съ своими помощницами—болѣзнями и плѣнниками—мертвецами. Бѣлоруссы на поминки («дзяды»), вмѣстѣ съ усопшими родичами, приглашаютъ къ ужину и лихорадку [1]). Первобытная, народная медицина состояла въ произнесеніи молитвъ и заклятій, въ призывѣ боговъ-исцѣлителей, въ изгнаніи демоновъ и въ совершеніи различныхъ символическихъ и жертвенныхъ обрядовъ; она была дѣломъ исключительно религіознымъ. Древнѣйшія имена лѣкаря означаютъ: жертвоприносителя, заклинателя, колдуна; искусство врачебное ограничивалось знаніемъ клятвенныхъ формулъ=заговоровъ. За это свидѣтельствуютъ Atharva-Веда, Гомеръ, Пиндаръ и другіе античные писатели [2]); за это-же говорятъ и многочисленныя преданія и обломки стародавнихъ заклятій, донынѣ сохраняемые въ памяти индоевропейскихъ народовъ. Въ высшей степени важнымъ и драгоцѣннымъ представляется намъ заговоръ противъ лихорадокъ, занесенный во многія изъ нашихъ старинныхъ рукописей и до настоящаго времени еще незабытый русскими знахарями [3]):

При морѣ черномъ стоитъ столпъ, на томъ столпѣ камень, на томъ камнѣ сидитъ святый отецъ [4]) Сисиній и зритъ на море черное. И возмутися море до облакъ [5])—изыдоша изъ моря двѣнадцать женъ простоволосыхъ [6]), окаянное дьявольское видѣніе.» По нѣкоторымъ спискамъ жены эти исходятъ изъ огненнаго столпа, утвержденнаго

---

[1]) Могилев. Г. В. 1849, 8. — [2]) Громаннъ, 147-8. Сыновья Автолика останавливаютъ кровь, текущую изъ ранъ Одиссея, и Асклепіосъ освобождаетъ больныхъ отъ мучительныхъ страданій—силою цѣлебныхъ заговоровъ. — [3]) Я предлагаю сводный, по разнымъ спискамъ исправленный текстъ. — [4]) Вар. мученикъ, великій апостолъ. — [5]) Вар. „видѣша: на морѣ возстали волны и возмутишася море и земля до небеси". — [6]) Вар. сами черны, власы по поясъ.

на небеси. «И вопросиша ихъ святый отецъ Сисиній: что есть злыя жены звѣрообразны? Онѣ же отвѣща ему: мы—окаянныя трясавицы, дщери Ирода, снявшаго съ Іоанна Предтечи главу. Вопроси св. отецъ Сисиній: почто пришли?— Идемъ въ землю святорусскую родъ человѣческій мучити—тѣло повреждати, кости ломати, въ гробъ вгоняти (или: кости крушить, жилы тянуть, самихъ людей огнемъ жечи); аще кто зло творитъ, опивается, объѣдается, обѣдни и заутрени просыпаетъ, Богу не молится, тѣхъ мучимъ разными мукáми: они наши угодницы. Помолися Богу св. отецъ Сисиній: Господи! избави родъ христіанскій отъ таковыхъ діаволей. И посла Господь Михаила архагела [1]) и четырехъ евангелистовъ, повелѣ ихъ (трясавицъ) мучити тремя (или семью) прутьями [2]) желѣзными, давая имъ по триста [3]) ранъ нá день.» Имена архангела Михаила и святыхъ угодниковъ нерѣдко замѣняются и дополняются другими; въ одномъ спискѣ семь святителей и между ними Егорій Храбрый, Іоаннъ-креститель и св. Николай увидѣли двѣнадцать лихоманокъ, плавающихъ пò морю и воздымающихъ бурю [4]). «Онѣ же начаша молитися: святый отецъ Сисиній, Михаилъ-архангелъ, четыре евангелиста: Лука, Марко, Матѳей, Іоаннъ! не мучьте насъ; гдѣ мы заслышимъ — въ которомъ роду прославятся ваши имена, и того роду станемъ бѣгать за десять верстъ [5]). И вопроси ихъ св. отецъ Сисиній: какъ вамъ, діаволи, имена?» Лихорадки исчисляютъ свои названія и описываютъ тѣ муки, которыми каждая изъ нихъ терзаетъ больнаго. Вотъ эти названія: 1) трясея (тресучка, трясуница, въ областныхъ говорахъ: потресуха, трясучка, трясца отъ глагола трясти [6]), въ старинныхъ поучительныхъ словахъ XV—XVI стол. упо-

---

[1]) Вар. ангела Сихаила. — [2]) Вар. четырьмя дубцами. — [3]) Вар. по три тысячи. — [4]) „Мѣшаяй воду съ пескомъ". — [5]) Вар. за три дня, за три поприща. — [6]) Обл. Сл., 207, 232-3.

минается про «немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю»[1]); сравни нѣмецкое выраженіе: «dass dich der ritt (лихорадка[2]) schütte!»[3]) 2) Огнея или огненная: «коего человѣка поймаю (говоритъ она о себѣ), тотъ разгорится аки пламень въ печи», т. е. она производитъ внутренній жаръ. Въ Швейцаріи лихорадку называютъ hitzibrand; англосакс. âdl — жгучая болѣзнь отъ âd—ignis; персы олицетворяютъ ее румяною дѣвою съ огненными волосами[4]). Южно-славянское названіе грозница ставитъ лихорадку въ связь съ грозовымъ пламенемъ, съ молніеносными стрѣлами[5]). 3) Ледея (ледиха) или озноба (знобея, забуха): аки ледъ знобитъ родъ человѣческій, и кого она мучитъ, тотъ не можетъ и въ печи согрѣться; въ областныхъ нарѣчіяхъ даются лихорадкѣ названія: студёнка (отъ студа=стужа), знобуха и подрожье (отъ слова дрожь), а у чеховъ— зимница[6]). 4) Гнетея (гнетница, гнетуха, гнетучка отъ слова гнётъ, гнести—давить): она ложится у человѣка на ребра, гнететъ его утробу, лишаетъ апетита и производитъ рвоту. 5) Грынуша (?) или грудица (грудея)—ложится на груди, у сердца, и причиняетъ хрипоту и харканье. 6) Глухея (глохня)—налегаетъ на голову, ломитъ ее и закладываетъ уши, отчего больной глохнетъ 7) Ломея (ломеня, ломовая) или костоломка: «аки сильная буря древо ломитъ, такоже и она ломаетъ кости и спину». 8) Пухнея (пухлея, пухлая), дутиха или отёкная—пущаетъ по всему тѣлу отёкъ (опухоль). 9) Желтея (желтуха, желтуница): эта желтитъ человѣка, «аки цвѣтъ въ полѣ». 10) Коркуша или корчея (скорчея)—ручныя и ножныя жи-

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. I, стр. XXVII; пол. II, 48-49, въ отдѣлѣ смѣси; Правосл. Собес. 1859, IV, 475. — [2]) Отъ reiten, ибо она ѣздитъ на человѣкѣ, какъ мара. — [3]) D. Myth., 1107. — [4]) Ibid., 1106-8. — [5]) О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 80. — [6]) Обл. Сл., 180, 218, 322.

лы сводитъ, т. е. корчитъ. 11) Глядѣя—не даетъ спать больному (=не позволяетъ ему сомкнуть очи, откуда объясняется и данное ей имя); вмѣстѣ съ нею приступаютъ къ человѣку бѣсы и сводятъ его съ ума. 12) Огнеястра и Невѣя=испорченное стар. нава—смерть или навье — мертвецъ, что служитъ новымъ подтвержденіемъ миѳической связи демоновъ-болѣзней съ тѣнями усопшихъ. Невѣя (мертвящая) — всѣмъ лихорадкамъ сестра старѣйшая, плясавица, ради которой отсѣчена была голова Іоанну Предтечи; она всѣхъ проклятѣе, и если вселится въ человѣка—онъ уже не избѣгнетъ смерти. Въ замѣну этихъ именъ ставятъ еще слѣдующія: сухота (сухѐя), отъ которой изсыхаетъ больной, аки древо, зѣвота, блевота, потягота, сонная, блѣдная, легкая, вешняя, листопадная (т. е. осенняя), водяная и синяя (старинный эпитетъ огня и молніи). Ясно, что съ лихорадками народъ соединяетъ болѣе широкое понятіе, нежели какое признаетъ за ними ученая медицина; къ разряду этихъ миѳическихъ сестеръ онъ относитъ и другіе недуги, какъ наприм. горячку, сухотку, разлитіе желчи и проч.: знакъ, что въ древнѣйшую эпоху имя «лихорадки», согласно съ буквальнымъ его значеніемъ, прилагалось ко всякой вообще болѣзни. Тождество внѣшнихъ признаковъ и ощущеній, порождаемыхъ различными недугами, заставляло давать имъ одинаковыя или сходныя по корню названія, и такимъ образомъ смѣшивать ихъ въ одно общее представленіе злыхъ, демоническихъ силъ; сравни: огнея—лихорадка и горячка, называемая въ простонародьи огневицею и палячкою; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, вмѣсто сестеръ-трясавицъ, разсказываютъ о двѣнадцати безобразныхъ старухахъ—горячкахъ; огники—красная сыпь по тѣлу, золотуха=въ областныхъ говорахъ огника (огница) и красуха, изжога —боль подъ ложечкой; у нѣмцевъ корь—röthein, рожа—

rose, rothlauf. Эпитеты: красный, желтый, золотой изстари служили для обозначенія огня, и въ заговорахъ лихорадка называется не только желтухою, но и златеницею (I, 203—6). Сухота—имя, свидѣтельствующее о внутреннемъ жарѣ, сближаетъ одну изъ лихорадокъ съ сухоткою; у сербовъ суха болест, сушица—dörrsucht [1]); бѣлоруссы называютъ чахотку—сухо́ты. Вслѣдъ за приведеннымъ нами сказаніемъ о встрѣчѣ отца Сисинія съ лихорадками предлагается самое заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа, окаянныя трясавицы! заклинаю васъ святымъ отцемъ Сисиніемъ, Михаиломъ-архангеломъ и четырьмя евангелистами: побѣгите отъ раба божія (имярекъ) за три дни, за три поприща; аще не побѣжите отъ раба божія, то призову на васъ великаго апостола Сисинія, Михаила-архангела и четырехъ евангелистовъ Луку, Марка, Матөея, Іоанна, и учнутъ васъ мучити, даючи вамъ по триста [2]) ранъ на́ день.» Къ этой угрозѣ иные списки прибавляютъ, куда именно должны удалиться злобныя жены: «подите вы въ темные лѣса, на гнилыя колоды» или «въ мѣста пусты и безводны.» Заговоръ долженъ быть прочитанъ священникомъ, и затѣмъ больному даютъ испить воды со креста, произнося слѣдующія слова: «крестъ—христіаномъ хранитель, крестъ—ангеломъ слава, крестъ—царемъ держава, крестъ—недугомъ, бѣсомъ и тресавицемъ прогонитель, крестъ—рабу божію (имярекъ) огражденіе!» [3]) Для сличенія приводимъ текстъ заговора, записанный въ сборникѣ Сахарова: «на горахъ Аөон-

---

[1]) Срп. рјечник, 727. — [2]) Вар. по три тысячи. — [3]) Рѣчь г. Буслаева о нар. поэзіи въ древней русск. литер., 38-39; Вѣст. Р. Г. О. 1859, VIII, 153-5; Пермск. Сборн., II, прилож., стр. XXXVI—VII; Пам. отреч. лит., II, 351-3; Библ. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 51-52; Лѣт. рус. лит., т IV, отд. 3, 79-80; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, въ отд. смѣси, 56-57.

скихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тридесять старцевъ со старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ. И рече старецъ Пафнутій съ тремянадесять старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече (рекутъ) ему двѣнадесять дѣвицы: есмь мы царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: сломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишась двѣнадесять дѣвъ къ тринадесять старцамъ со старцемъ Пафнутіемъ, и не почтоже быстъ ихъ мольба! И начаша ихъ старцы бити, глаголя: ой вы еси двѣнадесять дѣвицы! будьте вы тресуницы, водяницы — разслабленныя и живите на водѣ-студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте... Заговариваю я раба (такого-то) отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ тартарары, отыдите отъ раба (имярекъ) въ лѣса темные, на древа сухія.» Въ другихъ заговорахъ злые недуги съ принедугами и полунедугами отсылаются въ окіанъ-море, въ бездны преисподнія, въ котлы кипучіе, въ жаръ палючій, въ сѣру горючую, во тьму кромешную, т. е. въ адъ. Колючку грозитъ заклинатель заключить въ нѣдра земли, свербежъ утопить въ горячей водѣ, стрѣльбу залить кипучей смолою, огневицу заморозить крещенскими морозами, ломотье сокрушить о камень, и т. дал. [1]) Малороссійскіе заговоры гонятъ лихоманокъ и другія болести въ дебри, болота и пустыни безлюдныя: «вамъ, уроки, у раба божого не стояты, жовтой кости не ломаты, червоной крови не пыты, серця его не нудыты, билого тила не сушиты; вамъ идты на мха, на темные луга, на густые очерета, на сухіе лиса!» —

---

[1]) Сахаров., I. 24-25, 28-31.

«Пидить соби, уроки, на яры, на лиса дремучи, на степы степучи, дѣ гласъ чоловичый не заходыть, дѣ пивни не спивають.»—«Чи ти гнетуха, чи ти трясуха, чи ти водяна, чи ти витрова, чи ти вихрова... буду я тоби лице заливати, буду тоби очи выпикати, буду тебе молитвами заклинати, буду съ христянськой вири висилати. Пиди соби, дѣ собаки не брешуть, дѣ кури не поють, дѣ христянськiй голосъ не ходе» [1]). Чешское заклятiе XIII-го вѣка посылаетъ нечистую силу (siemě proklate) въ пустыни—«na púšči jděte, anikomu neškod'te». Въ настоящее время чехи прибѣгаютъ къ такимъ формуламъ: «já vyhánim oubutě (сухотку) z tvého těla do moře — vodu přelévati a pisek přesejpati, kosti nelámati a žily neškubati, a krev necucati a maso netrhati, a přirozenimu pokoj dàti.»—«Letěly tři střelci, zastavili jsou se v mé hlavě, v mých ušich, v mých zubech, a já je zaklinám» во имя Отца и Сына и св. Духа: если вы съ вѣтру — идите на вѣтеръ и ломайте деревья въ густыхъ борахъ, если съ воды—ступайте на воду и крутите песокъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, если со скалъ—идите въ скалы и ломайте камни, а мнѣ, моей головѣ, ушамъ и зубамъ дайте покой.—«Zaklinám vás, pakostnice—růžovnice, kostnice. [2]) do lesa hlubokého, do dubu vysokého, do dřeva stojatého i ležatého; tam sebou mlat'te a třiskejte, a této osobě pokoj dejte... Jsi li z ouroku, jdi do ohně; jsi li z vody, jdi do moře; v moři važ vody, počitej pisek» (въ морѣ исчерпай воду, сочти песокъ). Подобныя-же заклятiя обращаютъ нѣмцы къ эльфамъ; по ихъ мнѣнiю, тѣ деревья засыхаютъ, на которыя будетъ передана болѣзнь. Индѣйскiй врачъ гналъ лихорадку въ лѣсъ и

---

[1]) Полтав. Г. В. 1846, 38; Пассекъ, II, смѣсь 20; Пам. стар. рус. литер., III, 167–8. „Поди ты (горловая жаба) на дубъ—на сухое дерево, на которомъ нѣтъ отраслей отнынѣ и до вѣку". — [2]) Рожа и ломъ въ костяхъ.

горы; повинуясь вѣщему слову, водные духи (апсарасы) должны были удаляться въ глубокіе источники и въ деревья [1]). Заговоръ на изгнаніе лихорадокъ, обращенный къ св. Сисинію, упоминается уже въ статьѣ «о книгахъ истинныхъ и ложныхъ»; бо́льшая часть списковъ этой статьи принадлежитъ XVI и XVII столѣтіямъ, а древнѣйшая ея редакція, какая извѣстна нынѣ, найдена въ номоканонѣ XIV-го вѣка. Здѣсь читаемъ: «вопросы Іеремія къ Богородици о недузѣ естественѣмъ и еже именуютъ трясавици—басни суть Іеремія, попа болгарскаго; глаголеть бо окаянный сей, яко сѣдящу святому Сисинею на горѣ Синайстѣй—и видѣ седмь жонъ исходящи отъ моря, и ангела Михаила именуетъ, и иная изыдоша седмь ангелъ, седмь свѣщъ держаще, седмь ножевъ острящи, еже на соблазнъ людемъ многымъ, и седмь дщерій Иродовыхъ трясцами басньствоваше, сихъ-же ни евангелисты, ни единъ отъ святыхъ — седми именоваша, но едина, испросившаа главу Предотечеву, о ней-же явѣ есть, яко и та дщи Филиппова, а не Иродова» [2]). Это свидѣтельствуетъ за южнославянское происхожденіе заговора, вмѣстѣ съ памятниками болгарской письменности, проникло къ намъ и заклятіе противъ лихорадокъ, составленіе котораго приписывается попу Іеремія. Какъ множество другихъ апокрифическихъ сказаній, такъ и заклятіе Іеремія создалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ древне-языческихъ воззрѣній, общихъ болгарамъ со всѣми прочими славянскими племенами, и этотъ-то національный характеръ представленій, занесенныхъ въ «отреченную» молитву, доставилъ ей легкій доступъ въ массы русскаго населенія. Не смотря на христіанскую примѣсь, въ ней весьма явственны черты такъ

[1]) Громаннъ, 149-150, 158-161, 177, 185; D. Myth., 1122-3. Финнская пѣсня заклинаетъ чуму сокрыться въ твердыя, какъ сталь, горы. — [2]) Лѣтоп. занятій Археограф. Комм. 1861, I, 25-27, 39-40.

называемой естественной религіи (религіи природы). Святые и ангелы, наказующіе женъ-лихорадокъ прутьями и ножами, очевидно заступили мѣсто древняго громовника и его спутниковъ, которые разятъ нечистую силу молніями, или выражаясь поэтическимъ языкомъ—бичами, прутьями, палицами, сѣкирами и другимъ острымъ оружіемъ; потому они возсѣдаютъ на каменномъ столбѣ, т. е. въ грозовомъ облакѣ, ибо камень (скала) и столбъ (башня)—метафоры облаковъ. Изъ различныхъ воззрѣній на природу рождались и различныя миѳическія представленія: безсмертные владыки, то помрачающіе небо тучами, посылающіе градъ, стужу и бури, то разгоняющіе демоновъ мрака и дарующіе свѣтлые дни, являлись народному воображенію не только грозными карателями людей и животныхъ, метателями моровыхъ стрѣлъ, но и богами-спасителями (σωτῆρες), силою которыхъ прогоняются злые недуги. Такъ Индра исцѣляетъ отъ накожныхъ болѣзней и червей, а Тунаръ гонитъ изъ тѣла würmer, т. е. мучительныхъ эльфовъ [1]). Сестры-лихорадки отождествляются въ заговорѣ съ тѣми стихійными демонами, съ которыми обыкновенно сражался Перунъ: онѣ исходятъ изъ (дождеваго) моря или огненнаго столба (=грозовой тучи), воздымаютъ страшную бурю и разбѣгаются только отъ ударовъ (молніеносныхъ) прутьевъ. «Простоволосыя» и «простопоясыя», т. е. съ длинными распущенными косами и въ легкихъ, свободно-развѣвающихся по вѣтру (неподпоясанныхъ) одеждахъ, онѣ напоминаютъ этими признаками облачныхъ женъ и дѣвъ; сверхъ того, имъ даются и крылья—эмблема быстраго полета облаковъ и вихрей. Выше объяснено, что въ стремительныхъ вихряхъ предки наши усматривали пляску духовъ и нимфъ, и что въ эпоху христіанскую представленіе это было перенесено на Иродіаду, которая славилась

[1]) German. Mythen, 134-5. Въ русскомъ заговорѣ Христосъ „громомъ отбиваетъ, молоньей ожигаетъ и стрѣлами отстрѣливаетъ“ всякіе уроки и недуги—Рыбник., IV, 255.

нѣкогда своими искусными танцами (I, 329). Такое смѣшеніе тѣмъ болѣе понятно, что самъ демоническій змѣй (=сатана) называется въ народныхъ сказкахъ Иродомъ [1]). Въ связи съ этимъ, дѣвы воспаляющихъ и знобящихъ болѣзней были признаны дщерями Ирода и старшая изъ нихъ стала обозначаться именемъ плясавицы. По чешскому повѣрью лихорадки живутъ въ прудахъ и колодцахъ, и потому бываетъ время, когда никто не рѣшается пить оттуда воду. Заболѣвшій лихорадкою идетъ передъ восходомъ солнца къ колодцу и причитываетъ: «studně-studnice! nechod' na mne zimnice; Maria-panna zapovidá, abys na mne nechodila.» [2]) Въ орловской губ. больнаго купаютъ въ отварѣ липоваго цвѣта, а снятую съ него рубаху онъ долженъ раннимъ утромъ отнести къ рѣкѣ, бросить ее въ воду и промолвить: «матушка-ворогуша! на̀ тебѣ рубашку съ раба божьего (имярекъ), а ты отъ меня откачнись прочь!» Затѣмъ онъ возвращается домой мо̀лча и неоглядываясь (сравни стр. 78—79). Согласно съ стихійною природою женъ-лихорадокъ, онѣ прогоняются въ океанъ-море (=небо), въ студенцы и болота (=дождевые источники), въ скалы и горы (=тучи), въ камыши и деревья (=небесныя рощи), въ огонь и вѣтры, словомъ—въ жилища водяныхъ, лѣшихъ, эльфовъ и нечистыхъ духовъ. Не смотря на запретъ статьи о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, въ самой иконописи до конца XVII вѣка было распространено изображеніе двѣнадесяти трясавицъ; онѣ представлялись въ видѣ женщинъ и нерѣдко обнаженныя, съ крыльями летучей мыши, такъ какъ эта послѣдняя служила символомъ ночи. Отличительный характеръ каждой изъ нихъ живопись обозначала разными красками: одна лихорадка—вся бѣлая, другія — желтая, красная, синяя, зеленая (=лѣсная) и т. дал. Въ XVII вѣкѣ,

---

[1]) См. Поэт. Воз., II, 5?9. Въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ Гольда встрѣчается подъ именами Иродіады и Діаны (D. Myth., 263), и этой послѣдней приписывались припадки падучей. — [2]) Громаннъ, 163.

при значительныхъ успѣхахъ техники, эти женскія фигуры отличаются даже нѣкоторымъ благообразіемъ. На верху, въ облакахъ, видны ангелы и между ними одинъ, который направляетъ на трясавицъ копье и хочетъ низвергнуть ихъ въ отверстую пропасть, а на пригоркѣ—колѣнопреклоненный и молящійся св. Сисиній [1]). Чехи противопоставляютъ демонамъ-болѣзнямъ Христа и св. Аполену. Встрѣчаетъ Христосъ psotnika (спазмы и конвульсіи) и спрашиваетъ: «kam ty jdeš, psotniku?»—Ja jdu do života té a té osoby—maso jisti, krev piti, žily trhati, kosti lámati, chut' k jidlu a k piti bráti, a spani mu odjimati. Христосъ приказываетъ болѣзни выступить изъ человѣка, не мучить его ни днемъ, ни ночью, и удалиться въ темные лѣса. Или: chodili střelci-střelice po horách, po krajinach; повстрѣчали св. Аполену, и на вопросъ ея: куда идете?—отвѣчали: идемъ къ такому-то человѣку мозгъ ѣсти, кровь пити, мясо драти, кости ломати. И рекла имъ Аполена: воротитесь и дайте человѣку покой [2]). Подобныя-же заклятія извѣстны и между другими народами. Я. Гриммъ приводитъ заговоръ, въ которомъ упоминаются семьдесять семь nöschen (подъ именемъ nösch разумѣется бѣсъ падучей болѣзни); «wir wend gohn in das haus des menschen, говорятъ они про свои подвиги, und ihm sein blut saugen, und sein bein nagen, und sein fleisch essen.» Духи эти изгоняются въ сухое дерево: «ich gebeut dir nösch mit allen deinen gesellen, dann mit dir ist der stech (колотье) und der krampf (спазмы) und gespat (?) und geschoss (стрѣльба) und geicht (ломъ) und gesicht (сглазъ, изуроченье)...» [3]) Грузины произносятъ слѣдующій заговоръ противъ чесотки: «гой ты, jelo-jelo (=ѣдучій), юродивый, безпріютный! откуда исходишь ты и

---

[1]) Рѣчь г. Бусл. о нар. поэзіи въ др. рус. литер., 40. — [2]) Чешск. пѣсни Эрбена, 507-9; Громаннъ, 162, 175-6. — [3]) D. Myth., 1110.

куда входишь?—Исхожу я изъ черной скалы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. — Нѣтъ, не позволю тебѣ войдти въ человѣка; раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвяжись отъ раба божьего (имярекъ). Аминь» [1]). На ряду съ заклятіями, обращенными на трясавицъ, индексъ запретныхъ книгъ осуждаетъ также и «лживыя врачевальныя молитвы о нежитѣхъ» [2]). Въ одной пергаменной сербской рукописи записано пять заговоровъ противъ нежита или нежитя; изъ нихъ два были сообщены г. Буслаевымъ: а) «Сходещю нежиту «от сухаго (= огненнаго) мора (я) и сходещу Іисусу отъ не«бесе, и рече ему Іисусъ: камо идеши, нежите? Рече ему не«жить: сѣмо иду, господине, въ чльвѣчю главу мозга срьча«ти, челюсти прѣломити, зубы ихь ронити, шіе ихь криви«ти и уши ихъ оглушити, очи ихь ослѣпити, носа гугьнати, «крьве ихь проліяти, вѣка ихь исушити, устьнь ихь кривити и «удовь ихь раслаблати, жиль ихь умртвити, тѣла изьмьждати, «лѣпоту ихь измѣнити, бѣсомь мучити е. И рече ему Іисусь: «обратисе, нежите! иди вь пустую гору и вь пустыну, обрѣти «ту елѣну главу и вьселисе вь ню, ть бо все трьпить и все «страждеть... иди вь каменіе, ть бо все трьпить—зиму и знои «и всѣко плодьство, ть бо о(тъ) твари жестокь есть, вь себѣ дрь«жати те сильнь есть. Нежить! да ту имѣи жилище, доньдѣже «небо и земла мимоидеть и кончаетьсе; отниди отъ раба божія» (имрекъ).—b)» Святы Михаиль-Гавриль гредѣше, вьзьмь же«лѣзнь лукь и желѣзьны стрѣлы, стрѣлати хоте елѣна «и елѣну, и не обрѣте ту елѣна и елѣну, нь обрѣте нижита, иже

[1]) Москв. 1852, XIX, соврем. извѣст., 98. — [2]) Іоаннъ, экзархъ болгар., 210; Лѣтоп. занятій Археограф. Ком. 1861, 39-40: „и о нежитѣхъ, сирѣчь изъ пустыня исходятъ... то все попъ Іеремія изглаголалъ“.

«сѣдѣше, камы рацѣпивь [1]); и вьпроси его: что ты еси иже «сѣдиши, камы рацѣпивь? Отвещавъ ему: азь есьмь нежить, иже «чловѣче главе рацѣплю и мозьгѣ исрьчу, крьвь ему пролѣю. «И рече му Михаиль-Гавриль: проклетыи проклетьче нежите! «не мозьга срьчи, ни главы рацѣпи, нь(но) иди вь пустую го-«ру и вьлѣзи вь елѣну главу; та ти есть трьпѣлива трьпѣти «то. Аще ли те по семь дни обрѣщу, любо те посѣку, любо «те прострѣлю. И вьзьмолисе нежить: не посѣци, ни прострѣ-«ли мне, да бѣжу вь гору и вьлѣзу вь елѣну [2]) главу.» [3]) Сходство этихъ старинныхъ заговоровъ съ приведенными выше заклинаніями лихорадокъ и другихъ недуговъ очевидно для всякаго: и здѣсь — таже встрѣча благаго божества съ злымъ духомъ болѣзней, тѣже вопросы и отвѣты и тоже изгнаніе демона въ каменныя пустыни побѣдоноснымъ оружіемъ громовника. Архистратиги небесныхъ воинствъ поражаютъ нежита желѣзными стрѣлами (молніями); тѣмъ-же оружіемъ наносятся раны демонамъ-болѣзнямъ и по свидѣтельству русскихъ народныхъ заговоровъ: «на окіанѣ-морѣ стоитъ золотъ стулъ, на золотѣ стулѣ сидитъ св. Николай, держитъ золотъ лукъ, натягиваетъ шелковую тетивку, накладываетъ каленую стрѣлу, станетъ уроки и призоры стрѣлять» [4]). Въ воронежской и владимірской губ., въ случаѣ глазнаго ячменя, подносятъ къ больному мѣсту кукишъ и приговариваютъ: «ячмень, ячмень! нà тебѣ кукишъ; что хочешь — то купишь, купи себѣ топорокъ, сруби себя поперёкъ!» [5]) Существительное нѐжить донынѣ употребляется въ областныхъ говорахъ сѣверной Россіи, какъ собирательное имя нечистой силы: домовыхъ, водяныхъ, русалокъ и проч. [6]); въ чешскомъ языкѣ nežit—названіе болѣз-

---

[1]) Разщепя (расколовъ) камни. — [2]) Въ рукописи испорчено: „вьзвлелѣну“. — [3]) Ист. очер. рус. слов., I, 115—6. — [4]) Памятн. книжка арханг. губ. на 1864, 15. — [5]) Труды владим. стат. комит., VI, 84. — [6]) Годъ на Сѣверѣ, Максимова, I, 78.

ни. Слово это образовалось отъ глагола жить съ отрицательною частицею не, и по значенію своему прямо соотвѣтствуетъ Моранѣ (смерти) и повальнымъ болѣзнямъ, извѣстнымъ у славянъ подъ общимъ названіемъ мора.

Древне-эпическія формулы заговоровъ, призывающіе на демоновъ карающее оружіе бога-громовника, мало по малу стали переводиться въ дѣйствіе; въ народной медицинѣ принято сопровождать заговоры различными символическими обрядами, главное назначеніе которыхъ наносить болѣзнямъ раны, разить ихъ и изгонять изъ человѣческаго тѣла. Захворалъ ли кто утиномъ (боль поясницы), знахарка приказываетъ ему лечь ничкòмъ на порогъ избы, т. е. у растворенныхъ дверей, которыми должна удалиться болѣзнь; затѣмъ кладетъ ему на поясницу березовый вѣникъ, и тихо ударяя обухомъ топора или косаремъ по вѣнику, причитываетъ: «сѣку-сѣку, присѣкаю; рублю-рублю, прирубаю!» — Что, бабушка, сѣчешь? спрашиваетъ больной. «Утинъ сѣку!» — Сѣки да гораздо, чтобъ не было его! Эти вопросы и отвѣты повторяются до трехъ разъ [1]). Вѣникъ — эмблема вихря, разсѣевающаго вредныя испаренія и туманы. Когда у дѣтей бываетъ «почесуха» — крестьянки парятъ ихъ ольховыми вѣниками, которые потомъ выбрасываютъ на воздухъ, съ приговоромъ: «съ вѣтру пришло, на вѣтеръ и поди!» [2]) Ничего такъ не боится куга (олицетвореніе мороваго повѣтрія), какъ метлы и ожога (кочерги, символа громовой палицы [3]). Вмѣсто топора, нерѣдко прибѣгаютъ къ помощи зубовъ на основаніи той древней метафоры, которая уподобляла молніи — золотымъ зубамъ, всегда-готовымъ растерзать демона. Такъ страдающіе грызью (ломомъ въ рукахъ и ногахъ) призываютъ къ себѣ мальчика

---

[1]) Этн. Сб., I, 163-4. — [2]) Во владимірской губ. больные, снимая съ себя нижнее платье, бросаютъ его въ полночь за окошко на вѣтеръ (Труды влад. стат. ком., VI, 75). — [3]) Иличь, 299.

и заставляютъ его кусать колѣно больной ноги или локоть руки, при чемъ ведется слѣдующій разговоръ: «что грызешь?» —Грызь грызу.» Грызи да гораздо!» [1]) Отъ сибирской язвы кладутъ на опухоль тряпку и со всѣхъ сторонъ обкусываютъ больное мѣсто [2]); ребенку, у котораго разстроенъ желудокъ, трижды кусаютъ слегкà пупокъ [3]); отъ головной боли лѣчатъ такъ: наклоняютъ голову больнаго, обвиваютъ около указательнаго пальца прядь его волосъ и прикусываютъ ихъ зубами у самаго корня [4]). Чтобы охранить себя отъ порчи, поселяне запасаются обломкомъ отъ лезвія косы и носятъ его въ правомъ сапогѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ знахари обрѣзываютъ съ рукъ и ногъ больнаго ногти, кладутъ ихъ въ нарочно-сдѣланное въ яйцѣ отверстіе, залѣпливаютъ это отверстіе воскомъ и относятъ яйцо въ лѣсъ, съ тайною надеждою, что какая-нибудь хищная птица унесетъ его вмѣстѣ съ болѣзнею [5]): смыслъ обряда—тотъ, что у демона-болѣзни остригаются ея острые когти, и сама она предается во власть крылатаго вихря, который долженъ унести ее въ дальнія, пустынныя мѣста [6]). Убѣжденные, что пламя грозы пожигаетъ нечистую силу, а дождевые ливни смываютъ, топятъ ее, предки наши лѣчили болѣзни огнемъ и водою (см. II, 14-21, 181-191). Какъ скоро почувствуетъ кто-нибудь изъ домашнихъ легкій ознобъ или жаръ, наклонность ко сну, ломоту и потяготу, крестьяне тòтчасъ-же черпаютъ ключевую воду, кладутъ въ нее горячія уголья и щепòть печной золы, дуютъ нà воду три раза, мѣшаютъ

---

[1]) Полтав. Г. В. 1846, 26; Пузин., 160; Послов. Даля, 429. — [2]) Библ. для Чт. 1848, IX, 54. — [3]) Пассекъ, II, 19—20. — [4]) О. З., т. LVII, смѣсь, 50. — [5]) Записки Авдѣев., 139—140. — [6]) Въ Германіи существовалъ обычай замуровывать чуму въ церковную стѣну или заключать ее въ скважину дерева — обычай, возникшій изъ древнихъ заклятій, изгоняющихъ демона смерти въ камни (скалы) и лѣса — D. Myth., 1135, 1141.

ее остріемъ ножа и читаютъ заговоръ; затѣмъ сбрызгиваютъ больнаго, смачиваютъ ему грудь, руки, ноги, спину, или даютъ выпить нѣсколько глотковъ [1]). Приготовленная такимъ образомъ вода получаетъ цѣлебныя, живительныя свойства дождя; горячіе уголья знаменуютъ грозовое пламя, дуновеніе—вѣтръ, ножъ—громовую сѣкиру. Старинный поэтическій языкъ называлъ огонь-молнію раскаленнымъ желѣзомъ, блестящею мѣдью и золотомъ (деньгами), а воду-дождь —виномъ, медомъ, молокомъ и масломъ; въ силу этого возникли разнообразные врачебные обряды. Чехи заставляютъ больныхъ дѣтей глотать во имя св. Троицы три уголька, а чтобы вылѣчить скорбутъ, берутъ воду, въ которой кузнецъ охлаждалъ горячее желѣзо, намачиваютъ въ ней красный лоскутъ и трутъ имъ дёсны [2]). На Руси раскаливаютъ докрасна мѣдный пятакъ, опускаютъ его въ сосудъ съ холодной водою, и воду эту пьютъ по три раза въ день отъ лихорадки. Вмѣстѣ съ цѣлебными травами, нерѣдко кипятятъ въ водѣ золотыя, вѣнчальныя кольца, и потомъ поятъ или обливаютъ ею хвораго. Отъ горячки надѣваютъ на шею больнаго обручъ, снятый съ ведра, окуриваютъ его стружками съ этого обруча, поятъ виномъ, настоеннымъ на золѣ, и произносятъ заклятіе: «во имя Отца и Сына и св. Духа! тетка-баба (=горячка) отойди отъ раба божія (имярекъ).» Когда вино выпито, оставшеюся золою трутъ лице и грудь противъ сердца. Золотое кольцо—символъ солнца, побарающаго демоновъ мрака; снятый съ ведра обручъ—знаменіе дождевыхъ сосудовъ, разбиваемыхъ богомъ-громовникомъ. Отъ «криксы» купаютъ дѣтей въ курникѣ на деревянномъ обручѣ [3]). Если укуситъ человѣка бѣшеная собака, то стараются добыть клокъ ея шерсти и этою шерстью оку-

[1]) Сахаров., I, 53; II, 4; О. З. 1848, т. LVI, 202. — [2]) Громаннъ, 175. — [3]) Этн. Сб., V, бытъ курск. крестьянъ, 89.

ривают нанесенныя ему раны. Бѣшеная собака есть воплощеніе дьявола; подобно тому, какъ небесныя молніи, пожигая облачное руно демоновъ, просвѣтляютъ омраченную ими природу, такъ и сожженная шерсть собаки удаляетъ мучительнаго бѣса и возстановляетъ поврежденное здравіе [1]). Произнеся заклятіе, знахари трижды дуютъ на больнаго и сплевываютъ въ сторону. Слюна здѣсь—символъ живой воды (дождя), точно также, какъ обдуваніе больнаго—символъ вѣтра. Если слову человѣческому и слюнѣ дана власть прогонять нечистыхъ духовъ, уроки и недуги, то естественно, что языкъ, какъ орудіе слова и метафора молніи (I, 728), долженъ былъ получить чародѣйную силу слизывать всякую хворь. И дѣйствительно знахари, умывая больнаго «наговорной» водою, лижутъ ему лицо до трехъ разъ, и за каждымъ разомъ сплевываютъ на землю, т. е. сбрасываютъ, вмѣстѣ съ слюною, слизанную языкомъ болѣзнь [2]). Въ саратовской губ. противъ лихорадки призывается помощь богини Зори: «Зоря-Зоряница, красная дѣвица! избавь раба божія (имярекъ) отъ матухи, отъ знобухи, отъ летучки, отъ гнетучки, отъ всѣхъ двѣнадцати дѣвицъ-трясавицъ.» Вслѣдъ за произнесеніемъ этого заговора, слизываютъ недугъ крестообразно со лба, подбородка и щекъ больнаго и сплевываютъ наземь [3]). Нерѣдко слова лѣчебнаго заклятія сопровождаются очерчиваніемъ около больнаго круговой черты, дабы злой духъ болѣзни не могъ переступить за этотъ зачарованный кругъ [4]). Народные заговоры сдѣлаются для насъ вполнѣ-понятными только тогда, когда будутъ разгаданы и объяснены всѣ древнѣйшія метафоры, на которыхъ зиждется ихъ цѣлебное значеніе. Вотъ, на примѣръ, заговоръ отъ болѣзни усовей, любопытный по своимъ миѳическимъ указаніямъ: «Есть

[1]) Громаннъ, 184. — [2]) Абев., 235. — [3]) Сарат. Г. В. 1850, 26. —[4]) Кіевлянинъ 1865, 69.

море золото, на золотѣ морѣ золото древо, на золотѣ древѣ золоты птицы-носы и ногти желѣзные, дерутъ-волочатъ отъ раба божія (усови) на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ бѣлъ камень, на бѣлѣ камени сидитъ красная дѣвица съ палицею желѣзною, тепетъ, обороняетъ, отлучаетъ отъ раба божія усови на мхи-на болота. Есть море золото, на золотѣ морѣ золотъ корабль, на золотѣараблѣ ѣдетъ святый Николай, отворяетъ морскую глубину, поднимаетъ желѣзные врата, а залучаетъ отъ раба божія усови аду въ челюсти.» [1]) Злой духъ болѣзни прогоняется во мхи-болота и въ адъ. Море—поэтическое названіе неба; эпитетъ «золотой», данный этому морю, означаетъ: свѣтлый, озаренный лучами солнца. Дерево и корабль — метафоры тучи, бѣлъ камень—метафора солнца. На деревѣ-тучѣ сидятъ золотыя птицы съ желѣзными когтями и клювами, т. е. молніи, острыми стрѣлами которыхъ и разится нечистая сила болѣзни; подобно тому на солнцевомъ камнѣ возсѣдаетъ красная дѣвица Зоря, богиня весеннихъ грозъ и плодородія, и гонитъ демона желѣзною палицею; а на кораблѣ облакѣ плыветъ Николай угодникъ, замѣняющій собой Перуна: онъ отворяетъ морскую глубину (=дождевыя тучи) и низвергаетъ демона въ челюсти ада. Итакъ изгнаніе болѣзни совершается при содѣйствіи громовника; какъ обновитель природы, побѣдоносный врагъ зимы=смерти и творецъ весенней жизни, онъ исцѣляетъ и всѣ недуги [2]).

---

[1]) Истор. Христом. Буслаев., 1353. — [2]) Изъ всего сказаннаго понятно, почему такъ долго удерживается въ массахъ простаго народа довѣріе къ знахарямъ и ихъ врачебнымъ пособіямъ и отвращеніе отъ научной медицины. За первыхъ стоятъ исконныя преданія, крѣпко-сросшіяся съ роднымъ словомъ, а слѣдовательно и съ самыми убѣжденіями человѣка. До сихъ поръ поселяне охотнѣе прибѣгаютъ къ помощи своихъ знахарей и ворожеекъ, а лѣ-

Повальныя болѣзни, отъ которыхъ гибнутъ цѣлыя поколѣнія людей и животныхъ, отождествлялись въ языкѣ и вѣрованіяхъ съ представленіемъ Смерти: измереть—въ областномъ словарѣ: исхудать, исчахнуть, подмереть—завянуть, засохнуть, отощать, замирать — захворать, морный — тощій (заморенный), морная корова — падежъ рогатаго скота, помора — отрава; пропадать — болѣть, чахнуть, пропади́на или пропасти́на — мертвечина, стерво, про́пасть — адская бездна, погибель, смерть и гніющій трупъ [1]). Германцы эпидеміямъ давали названія: der grosse tôd, сканд. svarti daudhi, дат. sorte död=der schwarze tod, а славяне: черная смерть или немочь. Когда туманныя испаренія и гнетущая духота зноя отравляютъ воздухъ — внезапно появляется зараза, и направляя путь свой чрезъ населенныя мѣстности, похищаетъ жертвы за жертвами. Въ качествѣ богини Смерти и согласно съ грамматическимъ родомъ присвоенныхъ ей названій, зараза олицетворяется въ образѣ миѳической жены; лат. pestis, lues, нѣм. die pest, серб. куга (сравни нижне- и верхне-нѣм. koghe,

карства, даваемыя оффиціальными врачами, называютъ „погаными". Вмѣстѣ съ этимъ, приведенныя свѣдѣнія убѣдительно доказываютъ, какъ несостоятельна, ничтожна и часто положительно-вредна народная медицина: лѣчить глаза искрами огня, заставлять отъ воспалительныхъ болѣзней ѣсть сусальское золото (I, 204—6), сажать ребенка въ жарко-натопленную печь и тому подобныя средства, конечно, не могутъ быть признаны за полезныя. Нельзя отвергать, что знахарямъ доступны нѣкоторыя знанія цѣлебныхъ травъ, кореньевъ и другихъ снадобій, на которыя случайно набрелъ наблюдательный умъ нашихъ предковъ; но объемъ этихъ знаній весьма ограниченъ и притомъ они такъ спутаны съ многочисленными суевѣріями, что намъ кажется совершенно-неумѣстнымъ то наивное сожалѣніе о расколѣ, существующемъ между ученою и народною медициною, какое еще недавно высказывалось представителями такъ называемой „русской науки". — [1]) Обл. Сл., 64, 74, 116, 164, 169, 181, 208.

koge) и морија, рус. чума (džuma), язва, свирѣпица (черниг. губ.) — женскаго рода, и хотя, рядомъ съ этими названіями, у насъ, чеховъ и поляковъ употребляется еще слово моръ (литов. moras, летт. mehris), но въ поэтическихъ сказаніяхъ оно уступаетъ женскимъ формамъ. Завися отъ воздушныхъ перемѣнъ и климатическихъ условій, моровая язва, какъ и другія болѣзни, признавалась существомъ стихійнымъ, шествующимъ въ вихряхъ («повѣтріе») и владѣющимъ огненными, молніеносными стрѣлами. По указанію народнаго повѣрья, приведеннаго Я. Гриммомъ, она несется какъ синеватый паръ въ видѣ облака — «als blauer dunst in gestalt einer wolke». [1]) Свидѣтельство Гомера о моровыхъ стрѣлахъ Аполлона совпадаетъ съ славянскими преданіями: общепринятыя въ русскомъ языкѣ названія зараза (отъ разить) и язва указываютъ на раны, наносимыя острымъ оружіемъ болѣзни; кроаты представляютъ чуму (гиргу) злою фуріей, легкою какъ молнія [2]); по разсказамъ болгаръ, она — вѣчно-озлобленная, черная жена, посылающая на людей и животныхъ огненныя, ядовитыя стрѣлы. Создавши ее, Христосъ сказалъ: «иди и мори человѣческій родъ; а чтобы ты не страшилась никого—даю тебѣ лукъ и стрѣлы». Болгары видятъ въ ней существо, родственное съ облачными дѣвами, и называютъ ее чума-самодива или юда-самовила; самодивы и самовилы соотвѣтствуютъ нѣмецкимъ эльфамъ, и подобно имъ, различаются на добрыхъ и злыхъ (свѣтлыхъ и темныхъ). Приближаясь къ городу или деревнѣ, Чума точитъ свои стрѣлы, и кому случится на ту пору выйдти въ поле — въ того и стрѣляетъ; а затѣмъ уже входитъ въ самое село или городъ. Отъ того первые заболѣвающіе страшнымъ недугомъ бываютъ пріѣзжіе и странники. На-

---

[1]) D. Myth., 1133-4. — [2]) Вѣст. Евр. 1819, XIII, 47.

равнѣ съ эльфами и вѣдьмами, Чума можетъ оборачиваться кошкою, лошадью, коровою, птицею и клубкомъ пряжи; гдѣ она покажется—тамъ начинаютъ выть собаки, туда прилетаетъ воронъ или филинъ, и сядясь на кровлю, крикомъ своимъ предвѣщаетъ бѣду [1]). Чехи и малоруссы разсказываютъ, что Смерть, принимая видъ кошки, царапается въ окно, и тотъ, кто увидитъ ее и впуститъ въ избу, долженъ умереть въ самое короткое время [2]). Южные славяне увѣряютъ, что во время чумы пѣтухи хрипнутъ и замолкаютъ, а собаки теряютъ способность лаять и только ворчатъ и съ визгомъ бросаютея на ужасную гостью. Одинъ крестьянинъ спалъ на стогу сѣна; пробужденный шумомъ, онъ увидѣлъ огромную женщину, въ бѣлой одеждѣ (= въ саванѣ), съ растрепанными волосами, которая бѣжала отъ стаи собакъ; она вскочила на лѣстницу, приставленную къ стогу, и стала дразнить собакъ ногою. Крестьянинъ узналъ Чуму, подкрался сзади и столкнулъ ее съ лѣстницы; Чума погрозила ему пальцемъ и исчезла, и хотя онъ остался въ живыхъ, но съ той самой минуты безпрестанно дергалъ ногою [3]). Выше (I, 298-301, 519) было объяснено, что громовые раскаты уподоблялись крику пѣтуха и колокольному звону, и что вслѣдствіе этихъ метафоръ пѣтухъ возгласомъ своимъ прогоняетъ нечистую силу, а отъ звона колоколовъ разсѣеваются темныя тучи [4]) и устрашенные демоны, эльфы и вѣдьмы спѣшатъ сокрыться въ дальнія страны. Вмѣстѣ съ этимъ пѣтушій крикъ и колокольный звонъ признаны были за цѣлебное средство противъ болѣзней, особенно противъ лома въ рукахъ, падучей, холеры и вообще

---

[1]) Сообщено г. Каравеловымъ. — [2]) Громаннъ, 186 — [3]) Пов. и пред., 86-87, 177. — [5]) Въ 1576 г. звонили на Моравѣ „proti mračnůw"; дьяволъ схватилъ звонаря и три дня носилъ его въ вихрѣ — Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 53.

всякаго повѣтрія; «я слышу (читаемъ въ чешскомъ заговорѣ) — звучатъ колокола, поютъ св. ангелы, и ты, гӣže, должна удалиться!» [1]) Сверхъ того, въ завываніи грозовой бури арійскія племена слышали лай небесныхъ псовъ, сопутствующихъ богу громовъ и вихрей въ его дикой охотѣ; по народному убѣжденію собака одарена чрезвычайно-тонкимъ чутьемъ и острымъ зрѣніемъ: она узнаетъ присутствіе нечистыхъ духовъ, чуетъ приближеніе Чумы и Смерти и кидается на нихъ, какъ вѣрный стражъ домохозяина и его семьи (сравни I, 733—4). Когда собака воетъ — это считается знакомъ, что она видитъ Смерть. Отсюда возникли повѣрья, что Чума боится собакъ [2]), что у пѣтуховъ она отымаетъ голосъ и вырываетъ хвосты, и что тамъ, гдѣ владычествуетъ нечистая сила смерти = зараза, уже не раздаются ни пѣтушиный крикъ, ни собачій лай; согласно съ этимъ, вышеприведенные малорусскіе заговоры отсылаютъ сестеръ-лихорадокъ и другія болѣзни въ тѣ пустынныя страны, гдѣ не слышится ни пѣнія пѣтуховъ, ни лая собакъ, ни церковнаго звона, т. е. собственно въ царство тучъ, оцѣпененныхъ холоднымъ дыханіемъ зимы (= въ вертепы сѣвернаго ада). Разсказываютъ также, что Чума не любитъ кошекъ и при удобномъ случаѣ убиваетъ ихъ; эта враждебность объясняется страхомъ передъ богиней Фреею, которая выѣзжала на кошкахъ, участвовала въ дикой охотѣ и поборала демоновъ. Въ давнее время, по словамъ болгаръ, кошка была старшею сестрою Чумы и часто била ее; теперь же, при появленіи моровой язвы, кошки прячутся отъ нея въ печахъ [3]). Любопытно, что чехи, для излѣченія дѣтей отъ сухотки, купаютъ ихъ въ ключевой водѣ, вмѣстѣ съ собакою или кошкою [4]). Въ большей час-

---

[1]) Громаннъ, 15, 39, 158; Beiträge zur D. Myth., II, 299. — [2]) Срп. рјечник, 311. — [3]) Сообщ. г. Каравеловымъ. — [4]) Громаннъ, 179.

ти земель, заселенныхъ славяно-литовскимъ племенемъ, моровая язва олицетворяется женщиною огромнаго роста (иногда на ходуляхъ), съ распущенными косами и въ бѣлой одеждѣ; она разъѣзжаетъ по свѣту въ повозкѣ или заставляетъ какого-нибудь человѣка носить себя по городамъ и селамъ; своею костлявою рукою она вѣетъ на всѣ на четыре стороны краснымъ (кровавымъ) или огненнымъ платкомъ — и вслѣдъ за взмахомъ ея платка все кругомъ вымираетъ. Былъ жаркой день; русинъ сидѣлъ подъ деревомъ. Приблизилась къ нему высокая женщина, закутанная въ бѣлое покрывало. «Слыхалъ ли ты про Моровую язву? сказала она; это — я сама. Возьми меня на плечи и обнеси по всей Руси; не минуй ни одного села, ни города; я должна вездѣ заглянуть. Кругомъ тебя будутъ падать мертвые, но ты останешься невредимъ.» Затѣмъ она обвилась длинными, исхудалыми руками вокругъ шеи русина, и бѣднякъ пошелъ съ своею страшною ношею, не чувствуя ни малѣйшей тяжести. На пути лежало мѣстечко, гдѣ раздавалась музыка и весело, беззаботно пировалъ народъ; но Чума повѣяла своею хусткою — и веселье исчезло: стали рыть могилы, носить гробы, кладбище и улицы наполнились трупами. Гдѣ ни проходилъ русинъ, всюду богатые города и деревни превращались въ пустыни; блѣдные, дрожащіе отъ страха жители разбѣгались изъ домовъ и въ мучительныхъ страданіяхъ умирали въ лѣсахъ, поляхъ и по дорогамъ. Наконецъ добрался онъ до своего роднаго села; здѣсь проживали его старушка-мать, любимая жена и малыя дѣти. Отчаянье и жалость овладѣли душою несчастнаго; онъ рѣшился утопить и себя и Чуму, ухватилъ ее за руки, и обойдя село, бросился вмѣстѣ съ нею съ крутаго берега въ волны Прута; самъ онъ утонулъ, но Моровая язва не могла погибнуть: съ легкостью стихійнаго существа она поднялась изъ воды и, напуганная отважною смѣлостью человѣка, убѣ-

жала въ лѣсистыя горы [1]). На Украйнѣ существуетъ клятва: «а щобъ на васъ чума насила!» [2]) Лужицкая Smertnica (богиня смерти) ходитъ по деревнямъ въ бѣломъ платьѣ, и куда бы не направила свои стопы — тамъ непремѣнно кто-нибудь умираетъ [3]); чехи называютъ ее Smrtnice, Smrtná žena: она облекается въ бѣлую или черную одежду, голову покрываетъ шляпою съ бѣлымъ перомъ, и бродитъ подъ окнами дома, гдѣ въ скоромъ времени долженъ быть покойникъ [4]). По сказаніямъ сербовъ, Куга — «жива жена завјешена бијелом марамом»; есть преданіе, что у ней козьи ноги. Блуждая по вечерамъ отъ одной избы къ другой, она останавливается подъ окнами и пускаетъ внутрь жилья свой злочестивый духъ, отчего и погибаетъ все семейство. Многіе видѣли ее собственными очами, а нѣкоторымъ случалось носить ее. Встрѣтивъ человѣка на дорогѣ или въ полѣ, а иногда являясь къ нему въ избу, она говоритъ: «ја сам Куга, веħ хајде да ме носиш тамо и тамо!» За такую услугу она обѣщается пощадить какъ его самого, такъ и всѣхъ близкихъ ему родичей. Тотъ, ктоноситъ Кугу, или вовсе не чувствуетъ усталости, или изнемогаетъ подъ тяжелымъ, сильно-гнетущимъ бременемъ [5]). Таже басня извѣстна и въ Бретани: въ одной пѣснѣ разсказывается о мельникѣ, который перевёзъ на конѣ черезъ рѣку бѣлую женщину, а по другому варіанту — онъ перенёсъ ее на собственныхъ плечахъ. «Знаешь ли ты кого перевёзъ? спросила она; я—Чума. Мой обходъ по Бретани оканчивается; теперь я пойду въ церковь, и кого только коснется мой посохъ—

[1]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 110; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, ст. Калачова, 45; Пов. и Пред., 83-85, 176; Ж. М. Н. П. 1836, VI, 464-5. — [2]) Номис., 73. — [3]) Volkslieder der Wenden, II, 268. — [4]) Громаннъ, 6, 186. — [5]) Срп. рјечник, 311; Иличь, 299—300.

тотъ немедленно долженъ умереть, но ты не бойся! тебѣ и твоей матери я не сдѣлаю никакого вреда». Слова эти оправдались на дѣлѣ: всѣ обыватели померли, исключая двухъ—старой вдовы и ея сына [1]). Припомнимъ, что духи болѣзней ѣздятъ на своей жертвѣ и что, по свидѣтельству сказки, Богъ осудилъ нѣкогда солдата носить на плечахъ голодную Смерть (стр. 51). Въ Литвѣ чуму и вообще всякую повальную болѣзнь называютъ Моровой дѣвою; показываясь въ деревнѣ, она обходитъ домà, просовываетъ руку въ окно или дверь и махаетъ краснымъ платкомъ, навѣвая на хозяевъ и домочадцевъ смертельную заразу. При ея появленіи, жители запираются въ своихъ избахъ, не открываютъ ни оконъ, ни дверей, и только совершенный недостатокъ припасовъ и голодъ заставляютъ ихъ нарушать эту предосторожность. Въ старые годы жилъ-былъ шляхтичъ; рѣшившись пожертвовать собою для общаго блага, онъ взялъ саблю и сѣлъ у нарочно-открытаго окна; какъ только Моровая дѣва протянула въ окно руку, шляхтичъ ударилъ саблею и отрубилъ ей кисть. Самъ онъ умеръ, померло и его семейство, но съ той поры язва уже не показывалась въ этой мѣстности. Подобное-же преданіе уцѣлѣло и въ памяти русскаго народа: храбрый казакъ отрубилъ руку вѣдьмы, которая дѣйствовала также губительно, какъ моровая язва; въ глухую полночь являлась она вся въ бѣломъ, отворяла окно избы, просовывала руку съ кропиломъ и начинала кропить въ разныя стороны, а къ утру вымирала вся семья. Въ нижне-нѣмецкой сагѣ Смерть заглядываетъ въ окно, и на кого упадутъ ея взоры — тотъ дѣлается добычею могилы [2]). Разсказываютъ еще, будто Моровая дѣва, одѣтая въ бѣлое платье, объѣзжаетъ города и села на высокой колесницѣ; останавливаясь передъ домомъ, она

---

[1]) D. Myth., 1136—7. — [2]) Ibid., 1141; Н. Р. Ск., VII, 36, a.

махаетъ платкомъ и спрашиваетъ: «что дѣлаете?» Если ей отвѣчаютъ: «Бога хвалимъ!» — то она не касается никого изъ живущихъ и ѣдетъ далѣе, произнося угрюмымъ голосомъ: «хвалите Его присно и во вѣки вѣковъ!» А если на вопросъ Моровой дѣвы скажутъ: «спимъ!» — то она изрекаетъ смертный приговоръ: «спите-же вѣчнымъ сномъ!» [1]). Въ этихъ суевѣрныхъ сказаніяхъ поселянъ Мицкевичъ угадалъ свѣжія, никогда-нестарѣющія поэтическія краски, и съ талантомъ истиннаго художника воспользовался ими въ слѣдующихъ стихахъ: Morowa dziewica

w bieliznie, z wiankiem ognistym na skroniach,
czoljem przenosi bialjowieskie drzewa,
a w ręku chustką skrwawioną powiéwa.
Dziewica stąpa kroki zljowieszczemi
na siolja, zamki i bogate miasta;
a ile razy krwawą chustką skinie,
tyle palaców zmienia się w pustynie;
gdzie nogą stąpi, świéży grób wyrasta.

У Гримма указана литовская клятва: «kad tawę Giltine pasmaugtu!» — чтобъ тебя Чума удушила! [2]) По своему стихійному характеру, богиня смерти и Чума роднятся въ преданіяхъ литовцевъ съ облачной женою — лаумой, о которой увѣряютъ, что она рядится въ различныя одежды: если лаума надѣваетъ зеленое платье — это предвѣщаетъ хорошій урожай = роскошную зелень на лугахъ и нивахъ; если она показывается въ красномъ платьѣ — это предвѣщаетъ жестокую войну = убійства и пролитіе крови, а если въ черномъ — это знаменуетъ приближеніе голода и мора [3]). Поляки увѣряютъ, что Моровая дѣва разъѣзжаетъ въ дву-колесной повозкѣ [4]); а лужичане разсказываютъ о невидимой колесницѣ, которая съ грохотомъ носится по улицамъ въ двѣнадцать ча-

---

[1]) Семеньск., 126-7; Иллюстр. 1848, № 28. — [2]) D. Myth., 1137. — [3]) Москв. 1846, XI—XII, 249. — [4]) Пов. и пред., 177.

совъ ночи, и въ томъ домѣ, возлѣ котораго она остановится, непремѣнно кто-нибудь да сдѣлается добычею смерти [1]). Поѣздъ Чумы въ Подоліи называютъ го̀минъ [2]) — слово, означающее: громкій говоръ, неистовые звуки, шумъ завываніе бури [3]). Потерявъ во время моровой язвы жену и дѣтей, русинъ покинулъ свою хату и ушелъ въ лѣсъ; къ вечеру онъ развелъ огонь, помолился Богу и заснулъ. Въ самую полночь его разбудилъ страшный шумъ: издали неслись нестройные, дикіе клики, слышались дудки и звонъ бубенчиковъ. Голоса приближались, и вскорѣ видно было, что по дорогѣ тянется гоминъ. На высокой черной колесницѣ ѣхала Чума, сопровождаемая толпою чудовищъ, стаею совъ и нетопырей. Свита ея съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе умножалась, потому что все, что̀ ни попадалось на пути, даже камни и деревья превращались въ чудовищныя привидѣнія и приставали къ поѣзду. Когда гоминъ поровнялся съ разведеннымъ костромъ, Чума затянула адскую пѣсню. Подолянинъ хотѣлъ было съ испугу ударить въ ближайшее къ нему привидѣніе топоромъ, но и топоръ вырвался изъ его рукъ, превратился въ живое существо на козьихъ ногахъ и понесся вслѣдъ за демонскимъ сборищемъ. Подолянинъ упалъ безъ чувствъ, и когда очнулся — на̀ небѣ уже сіяло солнце; платье его было изорвано въ лоскутья, а топоръ лежалъ переломленный [4]). Такимъ образомъ Чума, подобно древнимъ богинямъ, возсѣдаетъ на колесницѣ, и поѣздъ ея сопровождается бурею и привидѣніями, т. е. злыми духами и тѣнями усопшихъ — точно также, какъ, по германскому преданію, Одинъ — богъ, посылающій

---

[1]) Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 329—330. — [2]) Гомонъ = гомъ, гамъ. — [3]) Пѣсня: „Гоминъ, гоминъ по дуброви, Туманъ поле покривае". — [4]) Семеньск., 144-5; Эрбенъ, 126-7; Пов. и пред., 88—90, 178.

валькирій за душами убитыхъ героевъ, мчится во главѣ неистоваго воинства или дикой охоты, сопутствуемый демонами грозы и вихрей, мертвецами и костлявою Смертью. Это—поэтическое изображеніе опустошительной бури, вѣяніе которой несетъ губительную язву; все, что̀ ни встрѣчается на пути, вихри ломаютъ и увлекаютъ въ своемъ стремительномъ полетѣ; адская пѣсня, звуки дудокъ и бубенчиковъ—метафоры воющихъ вѣтровъ; Смерть, какъ мы видѣли, сама представлялась музыкантомъ. По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, Гелла ѣздитъ въ колесницѣ или на треногомъ конѣ (сравни выше, стр. 4), т. е. въ грозовой тучѣ, и шлетъ на божій міръ заразу; поражая людей, она схватываетъ ду̀ши и навьючиваетъ ими своего коня. О смертоносномъ дѣйствіи моровой язвы выражаются: «die Hell ist verjagt», а когда захворавшій этою болѣзнею выздоровѣетъ, о немъ говорятъ: «er hat sich mit der Hell abgefunden» (онъ раздѣлался съ Геллою). Богиня смерти слѣдовательно является въ качествѣ охотника, ловчаго христіанскихъ душъ; подобно Одину въ его бурныхъ полетахъ, она въ нѣкоторыхъ сагахъ выступаетъ на борьбу съ жизнію въ сопровожденіи большаго воинства; за ней слѣдуютъ свита и слуги, несущіе ея знамя и оружіе. Финны надѣляютъ Чуму конемъ и колесницею [1]); а наше лѣтописное свидѣтельство утверждаетъ, что тѣ незримые духи (навье), которые избивали полочанъ, ѣздили на коняхъ. Сербы знаютъ не одну, а нѣсколько моровыхъ женъ, рожденныхъ отъ демона и обитающихъ за̀ моремъ: «Куге имаjу преко мора своjу земљу, гдjе само оне живе, па их Бог пошље амо (кад људи зло раде и много гриjеше) и каже им—колико ће људи поморити.» Обыкновенно насчитываются три сестры-Куги. Во время чумы поселяне не рѣшаются оставлять до утра̀ немытой посуды, ибо Куга приходитъ ночью въ и̂збу, и если найдетъ

[1]) D. Myth., 290, 804—7, 1141.

немытыя блюда и ложки, то отравляетъ ихъ [1]); въ этомъ повѣрьи она сближается съ богинею Гольдою, царицею нерожденныхъ и усопшихъ душъ, которая не терпитъ безпорядка въ домахъ и наказуетъ нерадивыхъ слугъ и хозяевъ. Объ отравѣ сосудовъ демонами было сказано выше (стр. 62, 71). Чтобы сойдти на землю, Кугѣ приходится переплывать воздушное море. Отсюда возникли разсказы, что на пути своемъ она переправляется черезъ рѣку. Колесница Чумы замѣняется иногда ладьею, въ которой эта злобная дѣва, исполняя обязанность Харона или архангела Михаила, увозитъ души умершихъ. Когда въ царствованіе Юстиніана свирѣпствовала чума, то на морѣ видѣли мѣдную барку; въ ней сидѣли черные мужи безъ головъ, и куда направляли они свой путь, тамъ немедленно начиналась язва. По хорутанскому преданію, Куга переѣзжала на ладьѣ черезъ рѣку Саву [2]). Въ замѣну платка, которымъ вѣетъ Моровая дѣва, германскія преданія говорятъ о вѣникѣ: этотъ платокъ—метафора бурнаго облака, а вѣникъ—необходимый аттрибутъ вѣдьмы, символъ вихря, нагоняющаго туманы и тучи. Въ Норвегіи Pesta, тощая, блѣдная старуха, ходитъ по землѣ съ граблями [3]) и вѣникомъ; гдѣ она дѣйствуетъ первымъ орудіемъ—тамъ еще остаются нѣкоторые въ живыхъ, ибо грабли не все дочиста загребаютъ, а гдѣ мететъ вѣникомъ—тамъ рѣшительно всѣ вымираютъ; часто она появляется въ красномъ платьѣ. Шведскія саги разсказываютъ о Моровой дѣвѣ (Pestjungfrau), что впереди ея идетъ крошечный и прекрасный мальчикъ (=эльфъ) съ желѣзными граблями (rifva—reibeisen), а сама она выступаетъ съ вѣникомъ, и что остается въ живыхъ отъ ея передоваго спутника, то все подметаетъ безжалостной рукою [4]).

[1]) Срп. рјечник, 311; Иличь, 299. — [2]) D. Myth., 1136; сб. Валявца, 243. — [3]) „Mit einer reibe (rive), einem gezahnen werkzeug, womit erde oder heu und getraide auseinander gezogen wird". — [4]) D. Myth., 1139—1140.

Миѳическія представленія, соединяемыя съ моровою язвою, распространяются и на холеру, и на скотскій падежъ. На Руси холеру представляютъ старухою, съ злобнымъ, искаженнымъ страданіями лицомъ [1]); въ Малороссіи увѣряютъ, что она носитъ красные сапоги, можетъ ходить по водѣ [2]), безпрестанно вздыхаетъ и по ночамъ бѣгаетъ по селу съ возгласомъ: «була бида, буде лыхо!» Гдѣ она остановится переночевать, въ томъ домѣ не уцѣлѣетъ въ живыхъ ни единаго человѣка. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что холера является изъ-за моря, и что ихъ три сестры [3]), одѣтыя въ бѣлые саваны; однажды мужикъ, отправляясь на базаръ въ городъ, подвёзъ съ собою двухъ сестеръ-холеръ; онѣ сидѣли на возу, держа на колѣняхъ узелки съ костями; одна изъ нихъ отправлялась морить людей въ Харьковъ, а другая—въ Курскъ [4]). Сходно съ этимъ, новогреческое сказаніе упоминаетъ о трехъ страшныхъ женахъ, которыя странствуютъ вмѣстѣ по городамъ и селамъ и караютъ жителей моровою язвою: одна носитъ длинный свитокъ, гдѣ записаны имена приговоренныхъ къ смерти; другая — ножницы, которыми наноситъ людямъ смертельные удары; а третья — вѣникъ, которымъ сметаетъ съ лица земли все живое. Очевидно, что эти три моровыя жены, сербскія три куги и наши три сестры-холеры тождественны съ древними парками, эвменидами и фуріями [5]). Болгары утверждаютъ, что Чума и повальная Оспа, являясь по ночамъ, читаютъ по книгѣ: кто долженъ умереть и кто выздоровѣть [6]). О чумѣ рогатаго скота русскіе поселяне разсказываютъ, что это безобразная старуха, у которой руки съ граблями; она

---

[1]) Во владимірской губ. ее называютъ собачьей смертью.— [2]) Закавказ. край Гакстгаузена, II, 60.— [3]) Или: братъ и двѣ сестры.— [4]) Ворон. Г. В. 1850, 16; Владим. Г. В. 1844, 53; Рус. Рѣчь 1861, 41; Пов. и пред., 177. — [5]) D. Myth., 1136.— [6]) Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

называется Коровья или Товаряча [1]) Смерть, и сама рѣдко заходитъ въ сёла, а бо̀льшею частію ее завозятъ. Показывается она преимущественно осенью и ранней весною, когда скотина начинаетъ страдать отъ безкормицы и дурной погоды. Въ февралѣ-мѣсяцѣ, по мнѣнію крестьянъ, Коровья Смерть пробѣгаетъ по селамъ — чахлая и заморенная. Чтобы прогнать ее въ лѣса и болота, совершается торжественный обрядъ опахиванія, т. е. около селенія обводится круговая, со всѣхъ сторонъ замкнутая черта, черезъ которую Чума не въ силахъ переступить [2]). Обрядъ этотъ употребляется и противъ холеры. Я. Гриммъ сообщаетъ слѣдующій разсказъ: встрѣтила Чума крестьянина и попросила подвезти себя; узнавши дорогою свою спутницу, крестьянинъ сталъ молить о собственной пощадѣ, и Чума научила его обѣжать нагишомъ вокругъ своего дома и закопать у порога желѣзный крюкъ. Вмѣсто того, крестьянинъ обѣжалъ вокругъ всей деревни, а желѣзо закопалъ при самомъ ея въѣздѣ. Язва страшно свирѣпствовала въ окрестностяхъ, но не могла проникнуть въ деревню, огражденную невидимою чертою и желѣзнымъ запоромъ [3]). Коровья Смерть нерѣдко принимаетъ на себя образъ черной собаки или коровы, и разгуливая между стадами, заражаетъ скотъ. У насъ ее называютъ Морною коровою, въ Шлезвигъ-Голштейнѣ—Kuhtod и Viehschelm; въ Ирландіи разсказываютъ о быкѣ-эльфѣ (elfstier), который осенью приходитъ на сжатыя поля и смѣшивается съ деревенскими стадами [4]). У словенцовъ чума рогатаго скота олицетворяется пестрымъ теленкомъ: своимъ мычаньемъ этотъ оборотень умерщвляетъ коровъ и овецъ [5]).

---

[1]) Товаръ—рогатый скотъ. — [2]) Сахаров., II, 10—11; Зап. Общ. рус. и слав. археолог., I, отд. 2, 46. — [3]) D. Myth., 1138—9. — [4]) Der Urspr. der Myth., 182; Beiträge zur D. Myth., II, 307; Труды моск. археол. Общ., в. II, 181. — [5]) D. Myth., 1140; Терещ., VI, 42.

Въ томской губ. сибирская язва представляется въ видѣ высокаго, мохнатаго человѣка, съ копытами на ногахъ; онъ живетъ въ горахъ и выходитъ оттуда, заслыша клятвы: «язви те!» «пятнай те!» [1])

---

[1]) Этн. Сб., VI, 135. У болгаръ существуетъ повѣрье, что Чума или Оспа, желая удалиться изъ деревни, является кому нибудь во снѣ и требуетъ, чтобы онъ проводилъ ее въ такую-то сторону. Избранный въ проводники беретъ хлѣбъ, намазанный медомъ, нѣсколько соли и штофъ вина; утромъ, передъ восходомъ солнца, онъ идетъ на указанное мѣсто, какъ-бы сопутствуя незримой страницѣ, и тамъ оставляетъ хлѣбъ, соль и вино. Послѣ того болѣзнь прекращается — Ж. М. Н. П. 1846, XII, 212.

XXIII.

ОБЛАЧНЫЯ ЖЕНЫ И ДѢВЫ.

Прародительское племя аріевъ называло дождь небеснымъ молокомъ; вмѣстѣ съ этимъ дождевыя облака рисовались его фантазіи сосцами дойной коровы и грудями женщины-матери. Понятіе «воздоющей» равно соединялось и съ коровою, и съ мамкою, кормилицею; а молнія, которая сосетъ облачныя груди, вытягиваетъ изъ нихъ молоко-дождь, получила названіе смока=сосуна (см. I, 665; II, 560). И женскія груди, содержащія въ себѣ молоко, и облака, несущія дождь, обозначаются въ санскритѣ тождественными выраженіями: stanajitnu (отъ stan — дышать, стенать, съ приставкою jitnu) и payôdhara (отъ payas — питье, питаніе и dhr — содержать; буквально: то, что содержитъ питательную влагу) — mammae и nubes [1]). Представленіе тучъ материнскими грудями засвидѣтельствовано поэтическими преданіями индусовъ [2]); слѣды того-же древняго воззрѣнія встрѣчаемъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ. Трогательная сербская пѣсня про «зидање Скадра» разсказываетъ, что когда въ стѣны этого города была замурована молодая жена — она просила зодчаго:

---

[1]) У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, ст. Лавровск., 4. — [2]) German. Mythen, 76.

Остави ми прозор на дојкама,
Истури ми моје б'јеле дојке;
Каде дође мој нејаки Јово,
Каде дође, да подоји дојке. [1])

Просьба ея была исполнена.

И тако је у град уградише,
Па доносе чедо у кол'јевци,
Те га доји за нећел(ь)у дана;
По нећел(ь)и изгубила гласа,
Ал' ћетету онђе иде рана,
Дојише га за годину дана.
Како таде, тако и остаде,
Да и данас онђе иде рана
Зарад' чуда и зарад' лијека,
Која жена не има млијека [2]).

Говорятъ (прибавляетъ Вукъ Караджичъ), «да и сад из онијех прозора, гдје су сисе биле измољене, тече некака мокрина, која се низа зид хвата, као креч, и жене, које немају млијека, или их сисе боле, носе оно, те пију у води» [3]). Подобное-же итальянское преданіе приведено у Я. Гримма: «est quoque non procul ab hoc oppido (Veronae) in valle quadam Policella dicta locus Negarina nomine, ubi saxum durissimum visitur, in quo mammae ad justam muliebrium formam sculptae sunt, ex quarum papillis perpetuae stillant aquae, qui-

---

[1]) Переводъ: Оставь мнѣ оконцы для грудей, выпусти мои бѣлыя груди; когда принесутъ моего бѣднаго Јована — пусть пососетъ груди. — [2]) Итакъ заложили ее въ стѣну; приносили къ ней ребенка въ колыбели — и кормила она его цѣлую недѣлю, а потомъ хотя потеряла голосъ, но все давала пищу своему дитяти и кормила его цѣлый годъ. Какъ было тогда, такъ и осталось: и теперь идетъ отъ нея питаніе — ради чуда и ради исцѣленія женамъ, у которыхъ нѣтъ молока. — [3]) И донынѣ изъ тѣхъ оконцевъ, откуда выказывались сосцы, течетъ нѣкая влага, которая осѣдается внизу стѣны, какъ известь, и жены, неимѣющія молока или съ больными грудями, носятъ ее (при себѣ) или пьютъ въ водѣ — Срп. н. пјесме, II, 123—4.

bus si lactans mulier papillas aspersit et laverit, exsiccatus aliquo ut fit vel morbo vel alio casu, illi lacteus humor revocatur» [1]). Прототипомъ этихъ сказаній былъ миѳъ о небесныхъ, облачныхъ грудяхъ, дарующихъ неизсякаемое млеко дождя; припомнимъ, что, на ряду съ означеннымъ представленіемъ, тучи уподоблялись еще твердымъ скаламъ и возводимымъ на небѣ городамъ и башнямъ. Въ разныхъ мѣстахъ, изъ каменныхъ стѣнъ и утесовъ точится, по народному повѣрью, живительная вода или цѣлебное масло.

Олицетворяя явленія природы въ живыхъ, человѣческихъ образахъ, предки наши пришли къ убѣжденію, что эти облачныя груди принадлежатъ тѣмъ небеснымъ нимфамъ, которыя льютъ на землю дождевые потоки, и въ самыхъ облакахъ лѣтняго періода стали признавать прекрасныхъ полногрудыхъ женъ. Такой взглядъ раздѣлялся всѣми народами индоевропейскаго происхожденія. Индусы видѣли въ облакахъ и тучахъ не только толпы демоновъ, но и божественныхъ водяныхъ женъ, обитающихъ въ воздушномъ океанѣ — âpas, которыя изъ своихъ материнскихъ сосцевъ поятъ и питаютъ землю дождемъ. Этихъ миѳическихъ женъ они называли матерями, супругами, родильницами (ambayas, mâtaras, patnîs, gnâs, janayas), и почитали ихъ возлюбленными подругами боговъ (dêvapatnîs). Съ ними родственны апсарасы — небесныя дѣвы, населяющія воздушную область между землею и солнцемъ; имя это, по объясненію Маннгардта, означаетъ: «неимущія óбраза» или «шествующія по водамъ» (die gestaltlosen, die im wasser gehenden). Облака и туманы

---

[1]) Недалеко отъ Вероны есть мѣсто, гдѣ видна твердая скала, въ которой выдѣланы груди на подобіе женскихъ; изъ нихъ постоянно капаетъ вода, и если мать-кормилица омоетъ этою водою свои сосцы, то ей снова возвращается молоко, утраченное вслѣдствіе болѣзни или по другой причинѣ—D. Myth., 1129.

отличаются необыкновенно-легкою подвижностью, безпрестаннымъ измѣненіемъ своихъ формъ, что и дало поводъ фантазіи представлять ихъ въ разнообразныхъ олицетвореніяхъ и породило многочисленныя басни о ихъ превращеніяхъ. По своей облачной, туманной природѣ, апсарасы любятъ превращаться, и нерѣдко являются коровами, несущими въ своихъ сосцахъ обильное молоко; въ этомъ видѣ ихъ настигаютъ и доятъ грозовые геніи — гандарвы. Водяныя жены (âpas) и апсарасы считались хранительницами амриты = безсмертнаго напитка, заключеннаго въ тучахъ [1]). Греческія нимфы (νύμφη = nubes), по первоначальному ихъ значенію, суть облачныя дѣвы; онѣ живутъ въ пещерахъ (= нѣдрахъ тучъ), прядутъ, приготовляютъ ткани, купаются и поютъ пѣсни — все черты, указывающія на ихъ связь съ грозовыми явленіями [2]). Въ миѳѣ дикой охоты германцы изображали картину лѣтней грозы; цѣлью этой охоты была прекрасная windsbraut или waldfrau, за которою гнался бурный, молніеносный богъ и которая, подобно нашимъ лѣсункамъ, представлялась съ большими, отвислыми грудями (см. II, 343). Въ Баваріи темное, дождевое облако называютъ: «anel (= grossmutter) mit der laugen», т. е. бабка съ щолокомъ (= кипучимъ дождемъ); у чеховъ эти облака извѣстны подъ именемъ bàby bàbky: «bàby vystupuji, bude pršet» (дождь); «bàby vstavaji, bude bouřka»; объ осеннихъ туманахъ, когда они подымаются вверхъ, выражаются: «bàby vstavaji». Въ лѣтнее время бабы или Мраченка (отъ mračno — черная туча) выходятъ изъ колодцевъ и возносятся къ облакамъ, неся съ собой воду, которою потомъ орошаютъ землю, и тѣмъ самымъ даруютъ урожай [3]). Отсюда объясняется старинная рус-

---

[1]) Die Götterwelt, 53–55. — [2]) Sonne, Mond u. Sterne, 242. — [3]) D. Myth., 607; Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 4; Громаннъ, 32, 230; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.

ская поговорка: «шла баба изъ-за моря, несла кузовъ здоровья», т. е. облачная жена несетъ изъ воздушнаго океана живую, цѣлющую воду = дождь; по народному повѣрью, эта спасительная вода скрывается на зиму въ крѣпкихъ затворахъ, и только въ мартѣ-мѣсяцѣ, прилетая изъ-за моря, легкокрылыя птицы, какъ воплощеніе вѣтровъ, приносятъ ее изъ неволи. Когда моютъ ребенка въ банѣ, то при этомъ причитываютъ: «шла баба изъ-за морья, несла кузовъ здоровья: тому-сему кусочекъ, тебѣ весь кузовочекъ!» а затѣмъ, окачивая водою, приговариваютъ: «съ гуся вода, съ тебя худоба; вода-бъ къ низу, а ты бы къ верху!» (подымался, росъ. [1]) Когда въ мартѣ-мѣсяцѣ неожиданно завернутъ холода и вьюги и оцѣпенятъ дождевыя тучи, тогда, по выраженію сербовъ, наступаютъ бабины уковы, т. е. облачныя жены снова попадаютъ въ зимнія оковы. Но, кромѣ дождя, тѣже миѳическія жены шлютъ на землю градъ и снѣгъ. По чешскому повѣрью, градъ падаетъ изъ тѣхъ тучъ, на которыхъ возсѣдаютъ вѣдьмы; въ Вестфаліи о паденіи снѣга говорятъ: «die alten weiber schütten den pelz (шкура = облачный покровъ) aus» [2]); у насъ въ началѣ зимы, какъ только покроетъ землю первый снѣгъ, крестьянскія дѣти дѣлаютъ изъ него бабу, т. е. катаютъ снѣжный шаръ.

Обитая въ дождевыхъ тучахъ = небесныхъ источникахъ и моряхъ, облачныя нимфы получили прозваніе водяныхъ или морскихъ женъ и дѣвъ. Впослѣдствіи, когда утратилось ясное пониманіе старинныхъ метафоръ и когда поэтическія сказанія о небесныхъ потокахъ были низведены на землю, эти жены и дѣвы покинули воздушныя области и овладѣли земными водами, хотя и удержали при этомъ многія любо-

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 155; Иллюстр. 1846, 333. — [2]) Громаннъ, 32; Die Götterwelt, 88.

пытныя черты своего первоначальнаго происхожденія (см. т. II, стр. 203). Такъ явились въ Греціи наяды, нереиды, въ Германіи никсы, у насъ и чеховъ русалки Русалка означаетъ водяную дѣву; во многихъ славянскихъ земляхъ (въ Россіи, Польшѣ, Богеміи, Сербіи, Болгаріи) встрѣчаемъ родственныя съ этимъ именемъ названія источниковъ, рѣкъ и прибрежныхъ странъ: Руса, Россь, Русиловка, Ruseca, Ras, Rasa, Rasenica, Rasina, Rasinica и др., что заставляетъ предполагать въ нихъ древнѣйшій корень, служившій для обозначенія воды вообще. Въ санскритѣ rasa — жидкость, влага, вода, кельт. rus, ros — озеро, прудъ, лат. ros = роса (орошать, росинецъ — дождь); у древнихъ литовцевъ rasos szwente — праздникъ росы въ іюнѣ-мѣсяцѣ, соотвѣтствующій «русаліямъ»; нѣм. ries-eln — струиться, журчать, наше русло — средина рѣчнаго ложа [1]). По разсказамъ поселянъ, рѣки (Днѣпръ, Десна, Сеймъ, Сула и др.), криницы, озера и моря населены русалками. Древность этого вѣрованія засвидѣтельствована Прокопіемъ, который въ своей хроникѣ замѣчаетъ о славянахъ, что они обожали рѣчныхъ нимфъ. Смотря по тому, гдѣ живутъ водяныя жены и дѣвы, ихъ называютъ водя̀нами (водя̀вами, водяницами) и моря̀нами (у словаковъ: vodene и morske panny); первыя обитаютъ въ рѣкахъ, озе-

---

[1]) Časopis českégo Museum, šestý ročnj běh, вып. III (1833 г.), ст. Шафарика „o rusalkách“, 264; Рус. прост. праздн., IV, 6; Изв. Ак. Н., I, ст. Микуцкаго, 115. Выше было замѣчено, что понятіе быстраго разлива, равно соединявшееся съ стихіями свѣта и воды, выразилось въ опредѣленіи ихъ словами, производными отъ однихъ и тѣхъ-же корней (см. II, стр. 286—9). На этомъ основаніи допускаютъ сродство имени русалка съ прилагательнымъ русый (свѣтлый, рыжій), въ Ведахъ руçат — rutilans; хотя санскр. руç употребляется въ смыслѣ: ferire, laedere, occidere, но съ перемѣною нёбнаго ç въ ч (руч) означаетъ: lucere, splendere; въ русскомъ же языкѣ ручей — весенній или малый, незначительный потокъ. — О вл. христ. на сл. яз., 16.

рахъ и колодцахъ, а послѣднія въ морѣ [1]). Онѣ любятъ селиться обществами и по преимуществу въ пустынныхъ мѣстахъ — въ омутахъ, котловинахъ и подъ рѣчными порогами, устроивая тамъ гнѣзда изъ соломы и перьевъ, собираемыхъ по деревнямъ во время Зеленой недѣли. По другимъ повѣрьямъ, у нихъ есть подводные хрустальные чертоги, блестящіе внутри (подобно волшебнымъ дворцамъ драконовъ) серебромъ, золотомъ, алмазами, яхонтами, жемчугомъ, разноцвѣтными раковинами и кораллами; дневное солнце сіяетъ и свѣтлыя волны съ шумомъ катятся черезъ прозрачныя кровли и стѣны этихъ роскошныхъ чертоговъ. У чеховъ vodna panna, высокая, красивая, но блѣднолицая, имѣетъ жилище подъ водою, сдѣланное изъ чистаго серебра и золота и украшенное розами и перлами. Такой-же богатый дворецъ, по литовскому преданію, былъ у царицы Балтійскаго моря Юраты. Выходя на поверхность водъ, русалки плаваютъ, плещутся, играютъ съ бѣгучими волнами, или садятся на мельничное колесо (= громовый жорновъ, см. I, 291), вертятся вмѣстѣ съ нимъ, любуясь брызгами, а потомъ бросаются въ глубь и съ возгласомъ: куку! ныряютъ подъ мельницей. Эти черты принадлежатъ русалкамъ наравнѣ съ водянымъ дѣдомъ, подъ властію котораго онѣ и состоятъ по народному убѣжденію. Какъ водяной, такъ и русалки извѣстны своими проказами: сидя въ омутахъ, онѣ путаютъ у рыбаковъ сѣти, цѣпляютъ ихъ за рѣчную траву, ломаютъ плотины и мосты и заливаютъ окрестныя поля, перенимаютъ заночевавшее на водѣ стадо гусей и завертываютъ имъ крылья одно за другое, такъ что птица не въ силахъ ихъ расправить [2]); о морскихъ русалкахъ въ астраханской губ.

---

[1]) Стат. Шафарика, 272. — [2]) Иллюстр. 1845, 299; Полтав. Г. В. 1846, 21; Маркевич., 81 — 82; Абев., 283; Описан. олонец. губ. Дашкова, 218; Украин. мелодіи, 146; Ворон. Г. В. 1850, 16; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 18—19; Терещ., VI 133; Arkiv za povêstnicu jugoslovensku, I, 101—4.

разсказываютъ, что, появляясь изъ водъ, онѣ воздымаютъ бурю и качаютъ корабли [1]). Что колодцы, рѣки и моря́, населенныя русалками, составляютъ не болѣе, какъ смутное воспоминаніе о небесныхъ дождевыхъ источникахъ, это подтверждается и тѣмъ, что, наряду съ водами, фантазія населяетъ ими горы и лѣса (старинныя метафоры тучъ), и такимъ образомъ роднитъ ихъ не только съ водяными, но и съ горными и лѣсными, т. е. грозовыми духами. Преданіе о горахъ, какъ обиталищахъ русалокъ, почти позабыто на широкихъ равнинахъ Руси, потому что отсутствіе горныхъ возвышеній лишило это древне-миѳическое представленіе необходимой для него обстановки и не позволило ему развиться въ цѣлый рядъ поэтическихъ сказаній, какія встрѣчаемъ у другихъ славянъ. Тѣмъ не менѣе въ «Абевегѣ русскихъ суевѣрій» записано, что русалки живутъ не только въ рѣкахъ, но и въ горахъ, и любятъ бѣгать по ихъ скатамъ. Въ Галиціи разсказываютъ, что онѣ пляшутъ и веселятся на горахъ, а тождественныя съ ними мавки обитаютъ на горныхъ вершинахъ [2]); чехи называютъ высокія скалы — bábi-hory, babie gory [3]). Эти бабьи, русальи горы слились въ народномъ воображеніи съ возвышенными, нагорными берегами рѣкъ. Паисьевскій сборникъ и рукописи новгородскаго Софійскаго собора упоминаютъ о требахъ, поставляемыхъ рѣкамъ, источникамъ и берегинямъ [4]); г. Срезневскій указалъ подобное-же мѣсто въ одномъ старинномъ поученіи духовнымъ дѣтямъ: «и Мокоши и перегини (берегини) и всякимъ богомъ мерзьскимъ требамъ не приближайся». «По лужицки (замѣчаетъ этотъ ученый) слово берегиня выговаривалось бы brëginja или bregina, а при

[1]) Совр. 1852, I, 123. — [2]) Маякъ, XI, 52; Семеньск., 123—4.— [3]) Ганушъ о Бабѣ и Дѣдѣ, 4.— [4]) Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 97, 108.

замѣненіи звука б въ в—wregina. Слово wregina, во множеств. wreginy извѣстно въ лужицкомъ языкѣ, какъ названіе злаго духа, альпа: wón ma wreginy значитъ тоже, что по нѣмецки: er hat die elfen». Древнѣйшее значеніе слова брѣгъ (берегъ) есть гора (сравни нѣм. berg и кельт. brig—mons); а потому названіе берегиня могло употребляться въ смыслѣ ореады, горыни (также, какъ у нѣмцевъ alp, alpe, alpun—горы, alpinna, elpinna—горный духъ), и вмѣстѣ съ тѣмъ служить для обозначенія водяныхъ дѣвъ, блуждающихъ по берегамъ рѣкъ и потоковъ [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разсказываютъ о лѣсныхъ русалкахъ, и вообще весною, выходя изъ глубокихъ водъ, онѣ разбѣгаются по сосѣднимъ лѣсамъ и рощамъ и совершенно смѣшиваются съ лѣсунками (первоначально тождественными облачнымъ женамъ, см. гл. XVII): также любятъ качаться по вечерамъ на гибкихъ вѣтвяхъ деревьевъ, также неистово хохочутъ, также защекочиваютъ на смерть и увлекаютъ въ омуты неосторожныхъ путниковъ, завидя которыхъ—манятъ къ себѣ ласковымъ голосомъ: «хадзице къ намъ на орели [2]), колыхацься!» Чаще всего это случается на Троицкую недѣлю, и малоруссы боятся тогда запаздывать въ лѣсу и откликаться на чужое ауканье; въ харьковской губ. русалку называютъ лоскоталкою. Вѣроятно, въ связи съ качаньемъ лѣшихъ и русалокъ на древесныхъ вѣтвяхъ возникъ старинный обычай ставить при началѣ весны (на Свѣтлой и Троицкой недѣляхъ) качели, какъ необходимую принадлежность тогдашнихъ игръ, —обычай, строго осуждаемый моралистами допетровской эпохи (см. II, 718). До сихъ поръ крестьяне свиваютъ на Троицу вѣтви двухъ смежныхъ березъ, чтобы, цѣпляясь за нихъ, могли качаться русалки. Подобно лѣшимъ,

---

[1]) Москв. 1851, V, 63; Volkslieder der Wenden. II, 269: здѣсь wreginy сближаются съ словомъ врагъ, пол. wróg. — [2]) Качели.

русалки носятся по рощамъ и бьютъ въ ладоши, или свернувшись клубкомъ, съ громкимъ хохотомъ катаются по травѣ и дорогамъ, и хохотъ ихъ далеко раздается въ глубинѣ лѣсной чащи; волоса у нихъ обыкновенно зеленые, или увѣнчанные зелеными вѣнками; чешская vodna panna носитъ легкую зеленую одежду и бѣлое покрывало, усыпанное перлами [1]). На Днѣпрѣ есть старой густой лѣсъ, называемый гаемъ русалокъ [2]).

Какъ владѣтельницы источниковъ живой воды, все вызывающей къ бытію, всему дарующей красоту, молодость и силы, русалки вѣчно-юны и также прелестны собою, какъ эльфы, съ которыми у нихъ много общаго, близкаго, родственнаго; ибо въ сказаніяхъ о тѣхъ и другихъ лежатъ однѣ миѳическія основы. Лицо русалки исполнено несказанной, плѣнительной красоты, всегда-распущенныя русыя, черныя или зеленыя косы низпадаютъ по спинѣ и плечамъ ниже колѣнъ, станъ—стройный, глаза—голубые или черные, съ длинными пушистыми рѣсницами; но вмѣстѣ съ этимъ, какъ въ существѣ стихiйномъ, во всемъ ея тѣлѣ замѣчается что-то воздушно-прозрачное, безкровное, блѣдное. Сходно съ эльфами, русалки бо́льшею частiю представляются семилѣтними дѣвочками; есть между ними и взрослыя дѣвы, съ полными, хорошо-развитыми и бѣлоснѣжными грудями, но это—несчастныя утопленницы, осужденныя по смерти быть русалками. Съ человѣческими формами русалокъ соединяются и тѣ особенные признаки, какiе присвоены воднымъ нимфамъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; такъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ разсказываютъ о ихъ гусиныхъ ногахъ, или вмѣсто ногъ

---

[1]) Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Полтав. Г. В. 1846, 21; Кiев. Г. В. 1845, 15; Украин. Журналъ 1824, XI, 250; Терещ., VI, 134; Маякъ, XIII, 49; Описан. олонец. губ., 218; Украин. мелодiи, 144—5; Москов. Вѣстк. 1827, VI, 358.— [2]) Шафарикъ, 266.

даютъ имъ раздвоенный рыбій хвостъ, напоминающій греческихъ сиренъ [1]). Какъ тѣ очаровывали пѣніемъ пловцовъ и увлекали ихъ въ глубину водъ, такъ, по русскимъ повѣрьямъ, всякой, кто увидитъ русалку и услышитъ манящіе звуки ея голоса, поддается неодолимому обаянію ея красоты, кидается въ волны и тонетъ — при злобномъ хохотѣ водяныхъ дѣвъ. Съ русалками могутъ купаться однѣ вѣдьмы; а крещеные люди, рѣшаясь на это, гибнутъ въ омутахъ. Германцы думали, что всѣ гибнущіе въ морѣ увлекаются на дно девятью дочерьми Раны и живутъ въ подводныхъ палатахъ этой морской богини. Мы знаемъ, что массы сгущенныхъ облаковъ сравнивались съ разбросанными по воздуху, всклокоченными и спутанными волосами, которые во время грозы расчесывалъ богъ вѣтровъ и молній. Эта поэтическая мысль нераздѣльна со всѣми олицетвореніями облачныхъ и грозовыхъ явленій природы: длинные, косматые волоса даются и домовымъ геніямъ, лѣснымъ и водянымъ духамъ, вѣдьмамъ и трясавицамъ. Съ распущенныхъ волосъ русалки безпрерывно сочится вода, т. е. по первоначальному значенію—съ густыхъ прядей ея облачной косы льются дождевые потоки. Поселянамъ случалось видѣть, какъ русалки, сидя у колодца, на уединенномъ берегу рѣки, озера, или на мельничномъ колесѣ, расчесывали гребнемъ, сдѣланнымъ изъ рыбьей кости, свои русыя или зеленыя косы, съ которыхъ цѣлымъ потокомъ струилась неизсякаемая вода. Въ новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ есть двѣ криницы Заручейская и Сухомлинская, пользующіяся въ народѣ особеннымъ уваженіемъ. На срубахъ этихъ колодцевъ каждый годъ на Зеленой недѣлѣ, при утреннемъ разсвѣтѣ, сидятъ прекрасныя дѣвы, съ распущенными русыми косами, и расче-

---

[1]) Польская сказка (Глинск., IV, 39) изображаетъ русалку дѣвою съ рыбьимъ хвостомъ.

сываютъ ихъ гребнемъ. Дѣвы эти называются криницами и русалками. Въ томъ-же уѣздѣ сохраняется преданіе о ручьѣ «Буковище». Въ его водахъ потонула когда-то дѣвочка, у которой мать была вѣдьма; опечаленная мать стала клясть ручей и бросила въ него горячую сковороду. Проклятіе было такъ сильно, что нимфа этихъ водъ удалилась съ прежняго мѣста на новое: красною дѣвицею, въ плахтѣ, мэнистахъ и съ растрепанной косою, пошла она изъ Юрнавки въ Бялицу и такъ горько плакала, «ажъ диброва стонала». Окрестные жители видѣли, какъ она сѣла у Бялицы на криницѣ, расчесала свою косу, бросилась въ воду и исчезла. Если при русалкѣ есть гребень, то она можетъ затопить любое мѣсто, расчесывая свои волнистые локоны; но за то если волоса ея обсохнутъ— она немедленно умираетъ, т. е. съ окончаніемъ грозы и дождевыхъ ливней, съ появленіемъ яснаго, все-изсушающаго солнца облачныя дѣвы исчезаютъ съ просвѣтленнаго неба. Вотъ почему русалки боятся отходить далеко отъ береговъ рѣки или озера, не захвативъ съ собою гребенки [1]). Точно также любятъ расчесывать свои длинныя косы германскія эльбины и никсы [2]).

Волоса, шерсть, пряди льну и конопли обозначались въ языкѣ тождественными выраженіями (I, 221—2, 681). Поэтому, одновременно съ уподобленіемъ облаковъ и тучъ спутаннымъ волосамъ, возникло представленіе ихъ мохнатой волною овецъ (руномъ) и куделями, изъ которыхъ прядутся нити; сверхъ того, облака̀, какъ небесные покровы=

[1]) Иллюстр. 1845, 299; О. З. 1828, ч. XXXIV, № 96, 108—9; Черниг. Г. В. 1854, 15; Русск. Преданія, I, 10—11; Записки Авдѣевой, 147; Терещ. VI, 124, 132—3; Пассекъ, III, 190; Рус. прост. праздн., IV, 12; Моск. Наблюдат. 1837, май, кн. II, 246; Маркевичъ, 81—82; Часопись чешск. музея 1834, II, 186. — [2]) D. Myth., 459; Beiträge zur D. Myth., 282—3.

одежда, признавались тканями, приготовленными изъ легкой пряжи подымающихся съ земли паровъ и тумановъ (I, 542 — 6). Отсюда становится вполнѣ-понятною связь облачныхъ женъ и дѣвъ съ работами пряденья, тканья, и съ воздѣлываніемъ льна. По болгарскому повѣрью, прясть и ткать научилъ людей самъ Господь. На Украйнѣ прялка считается за даръ божій, врученный первой женѣ Евѣ. Въ великорусскихъ губерніяхъ увѣряютъ, что на краю свѣта—тамъ, гдѣ небо сходится съ землею, бабы затыкаютъ свои прялки и вальки за облака. Почти повсюду богиня весеннихъ грозъ, напояющая землю росой и дождями, признана была за покровительницу обработки льна. У грековъ Аѳина ткала легкія одежды [1]), а золотое веретено составляло одинъ изъ аттрибутовъ Артемиды; окруженная толпою горныхъ и рѣчныхъ нимфъ, эта послѣдняя то охотилась по горамъ и лѣсамъ и бросала мѣткія стрѣлы, то купалась въ источникахъ и участвовала въ танцахъ подъ сѣнію дубравъ и на цвѣтущихъ лугахъ [2]). По германскимъ преданіямъ, богиня Фрея, извѣстная какъ дикая охотница, занимается въ уединенныхъ мѣстахъ пряжею; на Рождественскія Святки (in dem Zwölften) она ходитъ изъ дому въ домъ, въ бѣлой развѣвающейся одеждѣ, и смотритъ: весь ли лёнъ выпряли дѣвицы? и если находитъ на гребнѣ кудель, то наказываетъ лѣнивую работницу, пачкая ея прядево; тоже преданіе прилагается и къ богинѣ Гольдѣ, которой приписываютъ низпосланіе дождя и снѣга; а въ Гарцѣ разсказываютъ, какъ она шла къ горному источнику, неся въ рукѣ золотое ведро безъ дна, что̀ напоминаетъ бездонныя бочки Данаидъ и дождевыя урны облачныхъ нимфъ. Гольда носитъ длинное бѣлое платье и бѣлое покрывало; волосы у ней густые, всклокоченные и золотистые. Въ сообществѣ

[1]) Иліада, XIV, 178. — [2]) Griech. Myth. Преллера, I, 231.

двухъ дѣвъ, въ бѣлоснѣжныхъ уборахъ и съ золотистыми локонами, она купается въ тихихъ прудахъ и поетъ прекрасныя пѣсни. Гольда проживаетъ въ горахъ и колодцахъ (=въ тучахъ). Сидя въ своемъ гротѣ или въ лѣсной чащѣ, она вертитъ золотое колесо прялки и прядетъ подъ звуки мелодическихъ пѣсень; если случится кому-нибудь получить отъ нея клубокъ—изъ этого клубка тянется безконечная нитка, сколько бы его не разматывали. По мнѣнію тирольцевъ, обработка льна введена Гольдою. Въ то время, когда цвѣтетъ лёнъ, она обходитъ засѣянныя этимъ злакомъ поля, смотритъ на нихъ радостно, поправляетъ погнувшіеся стебли и благословляетъ цвѣтъ и зелень. По скатамъ горъ можно видѣть разостланные бѣлые холсты, на которыхъ она просушиваетъ связки льну. У лѣнивыхъ пряхъ она спутываетъ, пачкаетъ или поджигаетъ кудели; а прилежнымъ даритъ веретена и сама прядетъ вмѣсто нихъ по ночамъ, такъ что по утру находятъ готовыя шпульки нитокъ. На Рождество (Weihnachten) frau Holda странствуетъ по землѣ, а потому женщины и дѣвицы навязываютъ тогда на свои прялки новыя кудели и оставляютъ нà ночь неубранными; увидя лёнъ на прялкахъ, Гольда радуется и говоритъ: «so manches haar, so manches gute jahr!» Передъ великимъ постомъ, когда она снова заглядываетъ въ домà, весь прошлогодній ленъ долженъ быть выпряденъ. Въ противномъ случаѣ, находя на прялкахъ неоконченныя кудели, она гнѣвается и восклицаетъ: «so manches haar, so manches böse jahr!» Чтобы избѣгнуть этого проклятія, хозяйки передъ самымъ заговѣньемъ снимаютъ съ гребней пучки невыпряденнаго льна и тщательно прячутъ ихъ въ сокровенныя мѣста. Имя Holda указываетъ на дружественную, благодатную, кроткую богиню; другое прозваніе, даваемое ей, Berchta (Bertha)=Perahta означаетъ: блестящая, свѣтлая. Въ послѣдній день года Берта, являясь въ до-

ма, рветъ недоконченную пряжу; передъ Крещеніемъ она приноситъ пустыя шпульки, приказываетъ напрясть ихъ къ назначенному сроку, и въ случаѣ неисполненія этого приказа мараетъ и путаетъ кудель. Итальянцы и французы давность золотаго вѣка обозначаютъ выраженіемъ, что это было въ то время, когда пряла Берта («du temps, que Berthe filait; non è più il tempo, che Berta filava»). Берта носитъ бѣлую одежду; у ней длинные льняные волосы и большая нога, которою она управляетъ колесомъ прялки (Berthe au grand pied [1]). Подобныя же повѣрья соединяются у славянъ съ миѳическою Пятницею и св. Недѣлькою. Пятница изображалась простовласою, т. е. съ распущенною косою; таинственный обходъ ея праздновали, по словамъ духовнаго регламента, символическимъ обрядомъ: водили простовласую жонку подъ именемъ Пятницы. Параскева-Пятница въ народѣ слыветъ льняницею; съ 28-го октября, когда чествуется ея память, бабы начинаютъ мять лёнъ [2]). Въ Малороссіи сохраняются разсказы, что Пятница ходитъ по селамъ вся исколотая иглами и изверченная веретенами (I, 233), а св. Недѣля увѣряетъ пряхъ, что онѣ прядутъ не ленъ, а ея волосы, и указываетъ при этомъ на свою изорванную кóсу [3]). Какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи поселянки считаютъ за грѣхъ прясть и ткать отъ Рождества до Крещенія [4]); въ это-же время крестьяне не плетутъ лаптей, не вьютъ веревокъ и не сверлятъ дерева; у кашубовъ въ теченіи девяти дней, начиная отъ Рождества Христова, женщины не дотрогиваются до иглы и прялки [5]). Въ основѣ этихъ повѣрій лежатъ древнія поэтическія представленія; какъ слова

[1]) Die Götterwelt, 271—2, 276, 284—8, 292—4; D. Myth., 244—8, 250—2, 258; Deut. Sagen, I, 7—8. — [2]) Терещ., VI, 55. — [3]) Ч. О. И. и Д. 1865, III, 222. — [4]) Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 35; Нар. сл. раз., 165. — [5]) Этн. Сб., V, 75.

прясть (=вить, плести) и ткать употреблялись въ смыслѣ: собирать облака, потемнять небо туманами, такъ выраженія спутывать пряжу, пачкать и поджигать ее означали: крутить вихрями облака, сгущать ихъ въ черныя тучи и предавать грозовому пламени; возженіе этого послѣдняго сравнивалось съ добываніемъ живаго огня (для чего обыкновенно сверлили дерево), а удары молній — съ уколомъ иглы и веретена. Сверхъ того, гроза, разносящая тучи, рисовалась воображенію нашихъ предковъ скромнымъ, домашнимъ занятіемъ богини-громовницы и подвластныхъ ей духовъ, которые, съ помощію молніеносныхъ стрѣлъ, разматываютъ облачную пряжу. Народная загадка называетъ громъ мотовиломъ, т. е. снарядомъ для размотки пряжи въ клубки: «мотовило-катовило по поднебесью ходило, всѣхъ устрашило» [1]). На эту близость представленій грозы и пряжи указываютъ и слѣдующія повѣрья: въ нѣмецкихъ земляхъ думаютъ, что не слѣдуетъ прясть вечеромъ на четвергъ (donnerstag); иначе явится нечистый духъ, броситъ въ комнату пустую катушку и велитъ обмотать ее нитками [2]). Кто во время Рождества увидитъ веретёна, тому (по мнѣнію русскихъ крестьянъ) грозитъ лѣтомъ частая встрѣча съ змѣями, подъ которыми первоначально разумѣлись, конечно, не простые гады, а летучіе, огненные змѣи. Наряду съ «громовою стрѣлкою», веретену присвояется цѣлебная сила: отъ колотья прикалываютъ больному бока̀ прядильными веретёнами (тимскаго уѣзда). Въ облачныхъ и туманныхъ покровахъ нѣмецко-славянскія племена усматривали работу грозовыхъ карликовъ. Тонкія сѣти, раскидываемыя паукомъ, народная фантазія, на основаніи очевиднаго сходства, уподобляла пряжѣ и тканямъ, а въ этой искусной пряжѣ и въ этихъ прозрачныхъ тканяхъ находила близкое

---

[1]) Сахаров., I, 101. — [2]) D. Myth., 945.

подобіе рукодѣлью крохотныхъ эльфовъ и цверговъ. Названія, присвоенныя пауку, указываютъ въ немъ прядильщика и ткача. Отъ снкр. var — покрывать, посредствомъ обыкновенной вокализаціи v въ u образовались существительныя: ura—волна, шерсть, ūrnā—руно, ūrnanabha—ткачъ шерсти, паукъ [1]); слово паукъ (павукъ, чешск. pawauk, пол. pająk) возникло изъ первоначальной формы upavâṇika — aranea (отъ vâṇi, vêṇi—ткань, съ приставкою upa) и буквально означаетъ: насѣкомое, приготовляющее ткани [2]); нѣм. spinnen—прясть, spinnrad—прялка, spindel—веретено и spinne—паукъ, spinnengewebe—паутина; серб. свила означаетъ и шелкъ, и летающую по воздуху паутину. На Руси разсказываютъ о работѣ паука: «проявился мизгирь (паукъ; сравни: мзга—пасмурная, мокрая погода и плакса, мзгнуть—говоря о погодѣ: портиться, измѣняться въ дождливую, мизгать—квелиться, плакать [3]), сталъ ножками трясти да мерёшки (мрежи, сѣти) плести» [4]). По греческому сказанію, Аѳина превратила въ паука славную ткачиху Арахну, которая вздумала было состязаться съ этой богинею въ искусствѣ изготовленія тканей [5]). Летающую въ исходѣ лѣта и осенью паутину принимаютъ въ Германіи за нити, выпряденныя эльфами; въ эту пору многочисленныя толпы эльбинъ, возвращаясь въ небесныя обители, несутся по воздуху подъ предводительствомъ Гольды, и въ полетѣ своемъ прядутъ weissen herbstfäden [6]). Швед. dverg означаетъ и карлика, и паука; dvergsnät (zwergsnetz)—паутина. Скандинавская сага упоминаетъ о чудесномъ плащѣ, сотканномъ эльбинами; на вершинахъ горъ, обитаемыхъ эльфами, прядутъ

---

[1]) У. З. 2-го отд. А. Н., VII, в. 2, 25. — [2]) Пикте, I, 521. [3]) Доп. обл. сл., 113. — [4]) Н. Р. Ск., I—II, 188. — [5]) Griech. Myth., 175. — [6]) Beiträge zur D. Myth., II, 250

по ночамъ незримые духи и далеко слышится, какъ жужжатъ колёса ихъ самопрялокъ. Такъ какъ въ христіанскую эпоху на Пречистую Дѣву были перенесены древнѣйшія преданія о богинѣ-громовницѣ, то вмѣстѣ съ этимъ Богородица стала изображаться прядущею и готовящею ткани, а осенняя паутина получила названія Marienfaden, Mariengarn, средневѣк. filamenta или fila divae Virginis, chevaux или fils de la Vierge [1]). Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, паукъ признанъ былъ воплощеніемъ эльфа, и соотвѣтственно добрымъ и злымъ свойствамъ эльфическихъ духовъ — связанныя съ нимъ примѣты и повѣрья запечатлѣлись двойственнымъ характеромъ. Съ одной стороны: увидать прядущаго паука, всползетъ ли онъ по утру на чье-нибудь платье, или спустится на человѣка—все это принимается за хорошій знакъ, за предвѣстіе счастія, прибыли, полученія денегъ; особеннымъ уваженіемъ пользуется крестовый паукъ (kreuzspinne), названный такъ потому, что отличительный признакъ его составляютъ крестообразно-расположенныя бѣлыя или желтыя пятна. Въ отдаленной древности крестъ былъ эмблемою громоваго молота; убить крестоваго паука, изорвать его сѣти—нѣмцы и чехи считаютъ великимъ грѣхомъ: за это поражаетъ небесная молнія [2]). Съ другой стороны паукамъ приписываютъ неурожаи По разсказамъ бѣлоруссовъ, они собираютъ хлѣбныя крошки и несутъ къ Богу; на пути въ небесное царство каждая крошка выростаетъ съ коровай. «Боже! говорятъ пауки, не давай людямъ хлѣба; видишь, какъ они его раскидываютъ!»—и послѣдствіемъ этой жалобы бываютъ голодные годы У литовцевъ существуетъ такое преданіе: однажды человѣкъ уронилъ крошку хлѣба; паукъ

---

[1]) D. Myth., 440. — [2]) Записки Авдѣевой, 140—2; Пузин, 8, 157; Beiträge zur D Myth., I, 233, 248; II, 457; Громаннъ, 85.

подхватилъ ее, раздулъ пузыремъ, принесъ къ Богу и сказалъ: «посмотри, какъ люди пренебрегаютъ твоимъ даромъ; вотъ какіе большіе куски бросаютъ наземь!» Господь узналъ клевету и на вѣчныя времена осудилъ паука таскать раздутый пузырь; съ тѣхъ поръ паукъ сдѣлался безобразнымъ горбуномъ [1]). Припомнимъ, что цверги представляются горбатыми. Въ народныхъ легендахъ чортъ нерѣдко показывается въ видѣ паука. Выше объяснена связь эльфовъ съ болѣзнями; если по стѣнѣ, у которой лежитъ больной, или по его постели пробѣжитъ крестовый паукъ, то нечего ждать выздоровленія: болѣзнь окончится смертію [2]). Чехи употребляютъ отъ лихорадки слѣдующее средство: ловятъ трехъ пауковъ, зашиваютъ ихъ въ кошелекъ и привѣшиваютъ на шею больнаго; черезъ два дня больной идетъ къ рѣкѣ или источнику, бросаетъ кошелекъ въ воду и бѣжитъ домой безъ оглядки [3]). На Руси сажаютъ паука въ грецкой орѣхъ и носятъ на шеѣ: какъ изсыхаетъ заключенный въ орѣхѣ паукъ, такъ долженъ изсохнуть и мучительный демонъ болѣзни. Кто убьетъ паука или змѣю, тому (по мнѣнію русскихъ поселянъ) прощается сорокъ грѣховъ; любопытно, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ не дозволяютъ класть на столъ прялку: не то «сорокъ грѣховъ наживешь!» [4]) Время, когда носится въ воздухѣ паутина, называется въ Германіи Mädchensommer, Mariensommer, Alteweibersommer [5]); у насъ подъ именемъ бабьяго лѣта (пол. babie lato, чеш. babské lato) извѣстно время отъ Успеньева дня (съ 15-го августа) по 1-ое сентября, или съ 1-го сентября по 8-ое, а въ иныхъ мѣстахъ такъ называютъ недѣлю, слѣдующую за праздникомъ

---

[1]) Изв. Ак. Н., IV, 333. — [2]) — Beiträge zur D. Myth., II, 457. — [3]) Громаннъ, 165. — [4]) Иллюстр. 1846; 172; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 10. — [5]) German. Mythen, 639

Покрова пресв. Богородицы [1]). Это—дни, въ которые frau Holda и миѳическія бабы (эльбины) изготовляютъ свои воздушныя ткани.

Съ нѣмецкими эльфами родственны славянскіе кикиморы и полудницы: первые соотвѣтствуютъ темнымъ эльфамъ (цвергамъ), а послѣднія — свѣтлымъ, что̀ свидѣтельствуется не только соединенными съ ними повѣрьями, но и самымъ значеніемъ ихъ названій. Слова кики-мора, мора, мара, маруха указываютъ на существа мрачныя, темныя; это—духи, населяющіе воздухъ и каменныя горы (=тучи); они рождаются отъ связей огненнаго змѣя съ красавицами, т. е. отъ брачнаго соитія демона-Вритры съ облачными дѣвами; вѣдьмы и кудесники учатъ ихъ мудрости, расчесываютъ имъ волосы, поятъ ихъ медвяной росою, а котъ-баюнъ (I, 649) тѣшитъ ихъ своими пѣснями. Кикиморъ представляютъ безобразными карликами или малютками, у которыхъ голова — съ наперстокъ, а туловище—тонкое, какъ соломинка. Дорожнымъ людямъ случается находить брошеннаго въ полѣ, плачущаго ребенка; они кладутъ его въ сани или повозку, но лошади храпятъ, упираются и нейдутъ съ мѣста; несутъ найденыша на рукахъ, но только приблизятся къ деревнѣ—какъ онъ вырывается и съ дикимъ хохотомъ исчезаетъ съ глазъ. Кикиморы надѣлены способностію являться невидимками, быстро бѣгать и зорко видѣть на далекія пространства; они бродятъ безъ одежды и обуви, никогда не старѣются, вѣчно неугомонны, и какъ грозовые духи — любятъ стучать, гремѣть, свистать и шипѣть. По сродству эльфовъ съ домовыми духами, кикиморы, поселяясь въ избахъ, живутъ за печкою, и по ночамъ надоѣдаютъ страшнымъ стукомъ. Любимое ихъ занятіе—прясть и ткать; въ тихіе

---

[1]) Маякъ, XI, 30.

часы ночи (собственно: во мракѣ черныхъ тучъ) явственно слышно, какъ они тянутъ и сучатъ нитки и снуютъ ткань [1]). Въ кіевской губ. извѣстны женскія миѳическія существа ничкй (ночки = марухи, nachtmar), которыя въ ночное время, особенно по пятницамъ, стучатъ и шалятъ въ избахъ; бабы боятся, чтобъ онѣ не выпряли весь лёнъ, и прячутъ отъ нихъ свои кудели [2]). Существуютъ народныя поговорки: «чу! кикимора пряжу прядетъ»; «отъ кикиморы рубашки не дождешься!» [3]) Сказки упоминаютъ о карликахъ (маленькихъ мужичкахъ въ червонныхъ шапкахъ), прядущихъ золотыя нити, о веретенахъ, которыя сами собой прядутъ и днемъ, и ночью мѣдныя, серебреныя и золотыя кудели, и наконецъ о трехъ сестрахъ, изъ которыхъ одна можетъ прокормить цѣлое царство (т. е. отъ нея зависитъ земное плодородіе), другая берется напрясть и наткать столько, что̀ на весь міръ хватитъ, а третья обѣщается родить сына-богатыря [4]).

Полудницы (отъ полдень — югъ, теплая, лѣтняя сторона) тождественны съ солнцевыми дѣвами сербскихъ пѣсень (I, 82—85) и бѣлыми женами нѣмецкихъ сагъ, которыя въ полдень показываются у колодцевъ (=дождевыхъ источниковъ) и расчесываютъ свои длинныя косы. На Руси сохранились о полудницахъ слабыя и отрывочныя воспоминанія. Въ южной Сибири знаютъ подъ этимъ именемъ миѳическую старуху, съ густыми, всклоченными волосами, одѣтую въ лохмотья; она живетъ въ банѣ или въ кустахъ

---

[1]) Сахаров., II, 17; Ч. О. И. и Д., годъ 3-й, VIII, 104; Абев., 218—9; Москв. 1846, XI—XII, 151—2. Въ саратовской губ. шиши-моръ — привидѣніе въ видѣ бѣлаго старика — Обл. Сл., 266. — [2]) Ч. О. И. и Д. 1865, III, 217. — [3]) Послов. Даля, 1042; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 127. — [4]) Slov. pohad., 166—170; Глинск., II, 146—9; Н. Р. Ск., III, 7; VI, 68.

крапивы и оберегаетъ огороды отъ шаловливыхъ дѣтей[1]). Въ архангельской губ. полудница — охранительница полей, засѣянныхъ рожью: «полудница во ржи, покажи рубежи, куда хошь побѣжи!» Родители пугаютъ дѣтей: «не ходи въ рожь, полудница обожжетъ!» или: «ужо тя полудница съѣстъ!» [2]) Безпоповцы-староверы творятъ въ полдень молитву на изгнаніе «бѣса полуденна». Вацерадъ толкуетъ слово poludnice—dryades, deae silvarum. И донынѣ въ лѣсныхъ областяхъ Богеміи народъ разсказываетъ о лѣсныхъ полудницахъ (lesní или divé ženy polúdnice, polednice), которыя въ полдень летаютъ въ крутящихся вихряхъ и воруютъ маленькихъ дѣтей. У лужичанъ připołnica, přezpołnica носитъ бѣлое платье и отъ двѣнадцати до двухъ часовъ ходитъ по нивамъ, держа въ рукѣ серпъ, почему называется sserpyschyja; останавливаясь неожиданно передъ тѣмъ, кто замѣшкается въ полдень на полевой работѣ, она начинаетъ подробно распрашивать: какъ обработывается ленъ и приготовляется пряжа и полотно? Кто не съумѣетъ отвѣчать на ея распросы, тѣмъ свертываетъ голову или по крайней мѣрѣ наказываетъ ихъ тяжкою болѣзнею. Есть поговорка: «Wona so praša, kaž připołnica!» (она распрашиваетъ, какъ полудница). Кто въ полдень продолжаетъ работать на нивѣ, тому говорятъ: «nebojiš so, so připołnica na tebe přińdźe!» [3]) Въ Малороссіи подобные распросы дѣлаются упырями, которые (какъ увидимъ въ XXVI главѣ) принадлежатъ также къ разряду облачныхъ и грозовыхъ духовъ. Являясь ночью къ бабѣ, упырь начинаетъ допытываться, какъ приготовляются сорочки, съ тѣмъ, чтобы по

---

[1]) Обл. Сл, 168. — [2]) Памятн. книжка архан. губ 1864 г., 17. — [3]) Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 8—9; Volkslieder der Wenden, II, 268—9; О вл. христ. на сл. яз., 29.

отобраніи отвѣта высосать изъ нея кровь. Умная баба должна, какъ можно долѣе, продлить свой разсказъ, и потому сперва описываетъ: какъ сѣютъ ленъ, какъ его сбираютъ и вымачиваютъ, потомъ говоритъ о пряжѣ, тканьѣ, бѣленіи полотенъ и наконецъ — о шитьѣ сорочки. Пока она успѣетъ окончить всѣ эти подробности, запоютъ пѣтухи и упырь пропадаетъ. Появленіе полудницы на нивахъ и обычные ея распросы о воздѣлываніи льна доказываютъ, что издревле она сама занималась пряжею и тканьемъ и что ей, какъ облачной дѣвѣ, приписывался надзоръ за полями, засѣянными льномъ и другими полезными злаками. Обходы нивъ, совершаемые полудницею, сближаютъ ее съ нѣмецкими roggenmuhme и kornweib.

Тѣже черты присвояетъ преданіе и русалкамъ; онѣ ходятъ или совершенно-нагія, прикрываясь зелеными листьями, или въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ, безъ пояса; эти сорочки — метафора облачнаго одѣянія, волнуемаго вѣтрами = тоже, что плащъ Одина. О русалкахъ разсказываютъ, что онѣ любятъ прясть (кіевской губ.) и развѣшивать по деревьямъ прядево, похищенное ими ночью у поселянокъ. Какъ бѣлыя морскія жены и никсы германцевъ и бѣлыя панны чеховъ моютъ сорочки, развѣшиваютъ въ лѣсу и бѣлятъ ткани, такъ русалки разстилаютъ возлѣ источниковъ холсты и полотна, или подобно прачкамъ, моютъ ихъ въ ключевой водѣ [1]). На Троицкую недѣлю, сидя на деревьяхъ, онѣ, по свидѣтельству народныхъ пѣсенъ, просятъ дать имъ намитку и рубаху:

Сыдила русалка
На кривій березі,
Просыла русалка
У жиночокъ намитокъ,

---

[1]) Громаннъ, 7—8; Beiträge zur D. Myth., 285.

У дивочокъ сорочокъ:
„Жиночкы-подружкы!
Дайте мини намитку;
Хоть вона худенька,
Да абы-бъ биленька!“ [1])

Въ Малороссіи еще теперь въ обычаѣ вѣшать, во время русальной недѣли, на дубахъ и другихъ деревьяхъ холсты, полотенцы, сорочки и мотки нитокъ—въ даръ русалкамъ; бѣлоруссы утверждаютъ, что на Троицкой недѣлѣ ходятъ по лѣсамъ голыя женщины и дѣти (=русалки), и тотъ, кто встрѣтитъ ихъ, долженъ, для избѣжанія преждевременной смерти, бросить имъ платокъ или лоскутъ, оторванный отъ своей одежды [2]). Въ это-же время крестьянки носятъ льняныя сорочки—для того, чтобы уродился хорошій лёнъ.

Жизненная дѣятельность стихійныхъ духовъ, или прямѣе—самой природы, проявляется въ лѣтнюю половину года. Пока лёдъ оковываетъ воды — водяной покоится тихимъ сномъ, и пробуждается не прежде вскрытія рѣкъ и озеръ; лѣшіе проваливаются на́ зиму въ подземное царство и выходятъ оттуда на свѣтъ божій при первыхъ начаткахъ весны. Точно также и русалки исчезаютъ на все время холодной и суровой зимы. Въ Малороссіи увѣряютъ, что онѣ показываются съ четверга Страстной недѣли, какъ только разольются по лугамъ весеннія воды, распустятся вербы и зазеленѣютъ поля, и остаются въ этомъ (земномъ) мірѣ до глубокой осени [3]). Чет-

---

[1]) Другая пѣсня; На гнилой колодѣ, На бѣлой березѣ, Русалки сидѣли, Суки вязали, Да на тыхъ сукахъ Русалки гутали. Красныя дѣвочки Шли вѣночковъ вить; Просили русалки У дѣвокъ сорочки: „Дѣвочки-подружки! Дайте намъ сорочку...“ — [2]) Иллюстр. 1845, 299; Кіев. Г. В. 1845, 15; Метлинск., 308—9; Цебриков., 281—3; Терещ., VI, 126, 129—130; Шафарикъ, 265, 268; Часопись чешск. музея 1834, II, 189. Въ 1092 году чешскій князь Беетиславъ II запретилъ на Троицкой недѣлѣ приносить дары источникамъ — Громаннъ, 9. — [3]) Терещ., VI, 124.

вергъ, какъ день, посвященный богу-громовнику, владыкѣ всѣхъ облачныхъ духовъ и дѣвъ, получилъ особенно-важное значеніе въ преданіяхъ о русалкахъ. Языческій праздникъ въ честь русалокъ совершался одновременно съ праздникомъ весны, когда лѣса уже одѣлись листьями, поля украсились цвѣтами, а нивы хлѣбными травами. Въ христіанскую эпоху онъ пріуроченъ къ Троицыну и Духову днямъ, при чемъ самое названіе Духова дня наводило непросвѣщенный народъ на мысль о чествованіи стихійныхъ духовъ и душъ усопшихъ предковъ [1]). Не смотря на то, народная память не измѣнила старинѣ и донынѣ связываетъ праздникъ русалокъ съ Перуновымъ днемъ, начиная его съ четверга предшествующей Троицѣ, такъ называемой Семицкой недѣли, которая еще въ XII-мъ вѣкѣ была извѣстна подъ именемъ русальной. Въ Кіевской лѣтописи подъ 1170 годомъ сказано: «Володимеру бысть болѣзнь крѣпка, ею-же скончался мая въ 10-е русальное(-ныя) недѣли въ понедѣльникъ»; а Троицынъ день приходился въ томъ году 16-го мая [2]). На Украйнѣ же четвергъ на Троицкой недѣлѣ называется русальчинъ великъ день, т. е. Свѣтлое Воскресеніе русалокъ [3]). Старинные памятники не разъ упоминаютъ о русальяхъ, какъ о бѣсовскихъ, богопротивныхъ и подлежащихъ церковному запрету игрищахъ. Такъ Несторъ подъ 1067-мъ годомъ, возставая противъ языческихъ суевѣрій, говоритъ, что дьяволъ отвлекаетъ людей отъ Бога «трубами и скоморохы, гусльми и русальи; видимъ бо игрища утолчена и людій много множьство, яко упихати начнуть другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленаго дѣла, а церкви стоять (пусты)» [4]). Кириллъ Туровскій въ числѣ «злыхъ и скверныхъ дѣлъ, ихъже ны велитъ Христосъ отступити», называетъ: «плясанье,

---

[1]) О связи русалокъ съ душами смотри гл. XXIV. — [2]) Карамз. И. Г. Р., III, примѣч. 10. — [3]) Рус. Бес. 1856, III, 94.— [4]) П. С. Р. Л., I, 73.

бубны, сопѣли, гусли, пискове, игранья неподобныя, русалья» [1]). Въ Изборникѣ XIII-го столѣтія, въ толкованіи словъ апостола Павла, сказано: «а иже дома сѣдиши, егда играють роусалия, ли скоморосн, ли пьяницѣ кличють... или како сборище идольскихъ игръ, ты же въ тъ часъ пребоуди дома» [2]). Стоглавъ употребляетъ слово русальи для обозначенія народныхъ игрищъ, совершаемыхъ не только на Троицкой недѣлѣ, но и въ навечеріи Рождества Христова, Богоявленія, и на Ивановъ день. Въ азбуковникахъ русалія толкуются: игрища, игры скоморошскія [3]), и въ одномъ харатейномъ Прологѣ половины XV вѣка описаны такъ: «ови бьяху въ бубны, друзіи же въ сопѣли сопяху, иніи же возложиша на лица скураты [4]) и дѣяху на глумленье человѣкомъ, и мнозіи оставивше церковь, на позоръ течаху и нарекоша игры тѣ русалья» [5]). Изъ этихъ указаній очевидно, что игрища, происходившія на русальную недѣлю, сопровождались плясками, музыкой и ряженьемъ, что (какъ было объяснено выше — I, 336, 718) служило символическимъ знаменіемъ возстающихъ съ весною и празднующихъ обновленіе жизни грозовыхъ и дожденосныхъ духовъ. Принадлежа къ разряду этихъ духовъ, русалки сами облекались въ облачныя шкуры и смѣшивались съ косматыми лѣшими и чертями. Малорусскіе поселенцы саратовской губ. утверждаютъ, что русалки — стары и безобразны, имѣютъ острые ког-

---

[1]) Истор. Христом. Бусл., 504. — [2]) Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22. — [3]) Сахаров., II, 182. — [4]) Скура = шкура. — [5]) Правосл. Собесѣдн. 1860, XI, 253. Въ Златоструѣ XVI вѣка: «да оубо о скомрасѣхъ и о русалиихъ ни покрову надлежащу многажды и дожду идоущоу трьпите.» Приведя это мѣсто, Востоковъ (Мат. сравн. слов., VI, 314) замѣтилъ: «словенинъ замѣнилъ здѣсь чуждые ему ипподромы (καὶ ἐν μὲν ἱπποδρομίαις) своими скомрахами и русаліями». Описаніе Румян. Муз., 230, указываетъ на слово св. Нифонта о русаліяхъ.

ти и большое брюхо, что тѣло у нихъ покрыто косматою шерстью, а на спинѣ такой-же горбъ, какъ у нѣмецкихъ цверговъ [1]). Съ тѣмъ-же двоякимъ значенiемъ: a) весенняго праздника и b) вообще народнаго игрища упоминаются русальи и въ памятникахъ другихъ славянъ. Такъ въ сербословенскихъ рукописяхъ говорится: о словѣ Iоанна Златоустаго «на роусалию» (XIII в.); «въ роусалиахъ ходили» (XVI в.); «глаголеть о вѣрныхъ, послѣдующихь еллиньскымь обычаемь и плесания на брацѣхь и на стьгноу творящихь или роусалькы или гласовомь птичиимь вѣроующе» (Номоканонъ XVII в.); въ актахъ Щитницкаго евангел. собора 1591 года: «na rusadlnie swiatky podle starjeho obyčege králow staweti, tanze wywázeti, do starje kožuchy se oblačeti i gakžkolwěk se blázniti pod štraffanjm zakázáno bude». Въ толкованiяхъ Теодора Бальсамона, патрiарха антiохiйскаго, и Димитрiя Хоматiана, митрополита болгарскаго (XIII в.), на 62-ое правило VI-го собора — ῥουσάλια обозначены, какъ запрещаемый церковью праздникъ, совершавшiйся послѣ Пасхи во внѣшнихъ (чуждыхъ) странахъ: такое замѣчанiе, по всей вѣроятности, вызвано празднованiемъ русалiй у дунайскихъ славянъ, отъ которыхъ слово это перешло и къ румынамъ (русале, русали). Въ современномъ сербскомъ языкѣ русаље, русаљи означаетъ праздникъ Троицы и Духовъ день; у словенъ risale — Троицынъ день, risalček, risalšček, risalščak — мѣсяцъ май; у чеховъ и словаковъ rusadljé, rusadla и rusadlné svátky — Троицкiе Святки [2]). Въ вологодской губер. Семикъ

---

[1]) Терещ., VI, 127—9; Иллюстр. 1845, 299. — [2]) Въ словахъ rusadla, rusadljè — *д* вставное, какъ и во многихъ другихъ рѣченiяхъ, наприм. mydlo, sadlo, pravidlo — Die Rusalien, ein Beitrag zur slavisch. Mythol., Миклошича, 2—7, 15; Телескопъ 1833, VIII, 524; Зап. И. А. Н., I, кн. 2, ст. Гедеонова, 23; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41.

(четвергъ седьмой недѣли послѣ Пасхи) называется русалка [1]); вообще же на Руси Семицкой недѣлѣ теперь даютъ названіе зеленой, клечальной, а три послѣдніе ея дня и три первые дня Троицкой недѣли именуются Зелеными Святками [2]). Въ это время на дворахъ и по улицамъ ставятъ нарочно-срубленные молодые клёны, березы, липы; стѣны и окна внутри избъ украшаютъ зелеными вѣтками и цвѣтами, а полы устилаютъ травою; хожденіе въ рощи и нá рѣки, завиваніе вѣнковъ, бросаніе ихъ въ воду, пляска вокругъ убранной разноцвѣтными лентами березки и пѣніе обрядовыхъ пѣсень— составляютъ донынѣ-уцѣлѣвшіе остатки старинныхъ игрищъ. На Зеленыя Святки никто не осмѣливается работать, чтобы не прогнѣвать русалокъ; въ особенности женщины не должны шить и мыть бѣлье, а мущины вить изъ лозы плетни и бòроны — по связи этихъ занятій съ работами миѳическихъ дѣвъ, которыя ткутъ (вьютъ, плетутъ) облачные покровы и полощутъ ихъ въ дождевыхъ источникахъ [3]). По народному вѣрованію, русалки выходятъ тогда изъ рѣкъ, озеръ и криницъ на сушу, заводятъ по полямъ и лѣсамъ гульбища и продолжаютъ ихъ до самаго Петрова дня (29-го іюня). Май и іюнь мѣсяцы — пора полнаго развитія творческихъ силъ, пора явленія облачныхъ женъ и дѣвъ, шлющихъ землѣ плодородіе; въ шумѣ грозы выступаютъ на небо прекрасныя нимфы, начинаютъ свои легкія пляски, поютъ громкія пѣсни (= быстрый полетъ тучъ и завываніе бури), и сочетаясь съ богомъ-громовникомъ, орошаютъ нивы благодатнымъ сѣменемъ дождя. Отсюда возникли разсказы о пляскахъ, пѣсняхъ и брачномъ весельи русалокъ. На Зеленой или

---

[1]) Обл. Сл., 193. — [2]) Рус. прост. праздн., III, 127; Сахаров., II, 83. Клéчанье — деревья, вѣтки, цвѣты, которыми убираютъ домá и церкви. — [3]) Терещ., VI, 132; Вѣст. Евр. 1818, XXII, 115—6; Шафарикъ, 269; Этн. Сб., I, 326.

русальной недѣлѣ онѣ празднуютъ свои свадьбы, плещутся въ водахъ, бѣгаютъ по лугамъ и рощамъ, бьютъ въ ладоши, аукаются, водятъ хороводы, пляшутъ и поютъ пѣсни; тихіе, ласкающіе слухъ звуки вѣтровъ принимаются за ихъ отдаленные напѣвы, а плескъ воды приписывается ихъ пляскамъ. Крестьянскія дѣвушки, приходя въ лѣсъ, бросаютъ русалкамъ зеленые вѣнки, съ просьбою доставить имъ богатыхъ жениховъ; а по вѣнкамъ, кинутымъ въ воду, онѣ гадаютъ о замужствѣ и будущемъ своемъ житьѣ. И послѣ, въ продолженіе всей Петровки, русалки выходятъ по ночамъ, изъ воды, и при свѣтѣ мѣсяца предаются танцамъ на избранныхъ для того мѣстахъ, называемыхъ игравицями. Въ Малороссіи и Галиціи разсказываютъ, что тамъ, гдѣ танцуютъ русалки и мавки, видны на поляхъ круги и «трава ще краще росте́ и заедно якъ рута зеленѣе». Нерѣдко онѣ заманиваютъ къ себѣ овчара (собственно: пастыря небесныхъ стадъ) съ рожкомъ или сопѣлкою, заставляютъ наигрывать во всю ночь и пляшутъ подъ его музыку; на томъ мѣстѣ, гдѣ овчаръ бьетъ ногою тактъ, остается на землѣ ямка. Черты эти общи русалкамъ съ эльфами и феями [1]). Въ великорусскихъ губерніяхъ ходитъ разсказъ о томъ, какъ русалка являлась невидимкою къ молодому промышленнику и танцовала подъ звуки его гуслей (см. т. II, стр. 247). Таже любовь къ пляскамъ приписывается и лѣснымъ женамъ; по разсказамъ чеховъ, онѣ охотно отдаются этому веселью въ полдень и ночью при свѣтѣ мѣсяца [2]). Была одна рѣзвая дѣвушка, дочь вдовы. Съ утра уходила она

---

[1]) Маякъ, XI, 52; Сахаров., II, 89; Терещ., VI, 132; Кіев. Г. В. 1845, 15; Полтав. Г. В. 1846, 21; Ворон. Г. В. 1850, 16; Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимов., 99—100; Кіевлян. 1865, 71; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 122 (о пляшущихъ утопленницахъ на озерѣ Гоплѣ); Beiträge zur D. Myth., I, 250. — [2]) Ганушъ, 164.

въ лѣсъ пасти козье стадо, и пока козы щипали траву—пряла ленъ. Разъ, увлекаемая своимъ веселымъ и живымъ характеромъ, стала она плясать, поднявъ надъ головою руки. Это было въ полдень; вдругъ — словно изъ земли выросла— явилась передъ ней прекрасная дѣва въ бѣлой и тонкой какъ паутина одеждѣ, съ золотыми волосами до пояса и съ вѣнкомъ изъ полевыхъ цвѣтовъ на головѣ. Она пригласила пастушку танцовать вмѣстѣ; «мнѣ хочется тебя поучить!» прибавила красавица, и обѣ пустились выказывать свое искусство подъ чудную музыку, которая неслась съ древесныхъ вѣтвей: то были звуки соловьевъ, жаворонковъ, малиновокъ и другихъ пѣвчихъ пташекъ. Ножки плящущей лѣсной дѣвы, какъ ноги нѣмецкихъ эльфовъ, были такъ быстры и легки, что даже не мяли травы, а станъ ея гнулся, будто ивовая вѣтка. Такъ плясали онѣ отъ полудня до вечера. Когда лѣсная дѣва исчезла, пастушка хватилась за свою пряжу; но было уже поздно, она не успѣла окончить своего урока и воротилась домой крѣпко-опечаленная. Надѣясь завтра наверстать потерянное время, она скрыла отъ матери то, что съ нею случилось. Но и на слѣдующій день явилась лѣсная дѣва, и онѣ опять проплясали до самаго вечера. По окончаніи танцевъ, лѣсная дѣва замѣтила печаль своей подруги и помогла ея горю: взяла лёнъ, обмотала вокругъ березы, тотчасъ спряла его въ тонкія нити, и затѣмъ исчезла— дудто вѣтромъ ее спахнуло! Эта пряжа имѣла такое-же чудесное свойство, какъ и пряжа, подаренная Гольдою: сколько не сматывали ее съ веретена — запасъ нитокъ нимало не истощался. Въ третій разъ лѣсная дѣва подарила пастушкѣ березовыхъ листьевъ, которые потомъ превратились въ золото [1]). Завидя любопытнаго, эльфы увлекаютъ его въ свою

[1]) Westsl. Märch., 198—203.

воздушную пляску и кружатъ съ такою необычайною быстротою, что послѣ того онъ на всю жизнь остается разслабленнымъ; подобно тому русалки, при встрѣчѣ съ человѣкомъ, начинаютъ передъ нимъ страшно кривляться и дѣлать дикія движенія, и онъ волею-неволею перенимаетъ ихъ жесты — и съ той поры до самой смерти будетъ постоянно трястись и кривляться, т. е. страдать болѣзнею, извѣстною подъ именемъ Витовой пляски (сравни выше: стр. 71 [1]). Такимъ образомъ русалки, наравнѣ съ эльфами и марами, роднятся съ демонами, насылающими тяжкія болѣзни и скорую смерть. Заманивая къ себѣ юношей и дѣвицъ, онѣ измучиваютъ ихъ щекоткою, душатъ и топятъ въ рѣкахъ; дѣтская болѣзнь донынѣ извѣстна подъ именемъ щекотихи (см. стр. 76). Тотъ, кто ступитъ на холстъ, разостланный русалками, дѣлается разслабленнымъ или хромымъ; а кто не чтитъ русальной недѣли, у того онѣ портятъ домашній скотъ и птицу (см. еще стр. 57—о связи болѣзней съ полудницами). Въ свѣтлыя, лунныя ночи нѣмецкія никсы и наши русалки, выказываясь изъ водъ, поютъ чарующія пѣсни, которымъ не въ силахъ противиться ни одинъ смертный. Когда раздадутся ихъ звуки, странникъ бросается въ воду, увлекаемый столько-же обаяніемъ ихъ красоты, какъ и гармоніей сладостнаго пѣнія; пловецъ спѣшитъ направить къ нимъ свою ладью и также гибнетъ въ безднѣ, гдѣ схватываютъ его водяныя дѣвы. Вечеромъ никсы выходятъ изъ своихъ подводныхъ жилищъ и принимаютъ участіе въ сельскихъ танцахъ. По шведскимъ преданіямъ, онѣ знаютъ одиннадцать различныхъ мелодій: человѣкъ можетъ слушать безъ опасности только первыя десять, и то въ значительномъ отдаленіи; но когда онѣ запоютъ одиннадцатую, то ветхіе старики и дѣти въ люлькахъ, больные и увѣчные, даже деревья и другіе неодушевленные пред-

[1]) Шафарикъ, 266; Рус. прост. праздн., IV, 9.

меты — все пускается въ неудержимую пляску [1]). Тѣже характеристическія черты приписываютъ литовцы своимъ ундинамъ. Эти дѣвы, выходя при свѣтѣ луны на поверхность водъ и берега̀, поютъ и водятъ хороводы; помрачая своими пѣснями умъ юношей, онѣ схватываютъ ихъ въ объятія, и вмѣстѣ съ ними кидаются на дно озеръ, рѣкъ и источниковъ. Красота ихъ обольстительна, очи блестятъ, какъ небесныя звѣзды, а разсыпанныя по плечамъ кудри шелестятъ и звенятъ очаровательною музыкою; какъ скоро человѣкъ заслышитъ музыку ихъ кудрей, онъ впадаетъ въ непробудный сонъ, и слѣдовательно испытываетъ тоже обаяніе, какое производятъ гусли-самогуды. Только тотъ, кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника (=молнію), можетъ свободно любоваться на легкую, граціозную пляску водяныхъ красавицъ и слушать ихъ плѣнительное пѣніе; онъ даже можетъ подчинить своей власти ундинъ, которыя будутъ гнать въ его сѣти рыбу и орошать его поля при засухѣ [2]). Какъ нимфы дождевыхъ источниковъ, литовскія ундины и русскія мавки и русалки носятся надъ нивами и полями, и съ одной стороны, напояя ихъ влагою, даютъ богатый урожай, а съ другой, посылая несвоевременные ливни и бури, повреждаютъ зрѣющія жатвы. Выше было указано, что тамъ, гдѣ вьются ихъ легкіе хороводы, трава ростетъ зеленѣе и роскошнѣе. По словамъ бѣлоруссовъ и жителей Полѣсья, русалки поселяются въ житѣ; въ Малороссіи вѣрятъ, что на-

---

[1]) Моск. Наблюдат. 1837, ч. XI, 531; D. Myth., 406—1; Сказ. Грим., 181 — «Die nixe im teich»: никса увлекла на дно пруда молодаго охотника; опечаленная жена его беретъ сначала гребень, потомъ флейту и наконецъ прялку, и въ полнолуніе кладетъ ихъ на берегу пруда; всякой разъ, какъ она дѣлала это, подымалась волна и уносила положенный даръ, и вслѣдъ затѣмъ показывался изъ воды несчастный утопленникъ. Всѣ три означенныя вещи составляютъ необходимые аттрибуты водяныхъ дѣвъ. — [2]) Семеньск., № 129; Иллюстр. 1848, № 28; Черты литов. нар., 89.

канунѣ Троицына дня онѣ собираются на нивы, и съ возгласомъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ!» а нерѣдко и съ пѣснями, прихлопывая въ ладъ руками, весело бѣгаютъ по колосистой ржи, или катаются по ней взадъ и впередъ, отчего рожь волнуется, какъ-бы отъ дуновенія вѣтра. О малюткахъ-мавкахъ разсказываютъ, что онѣ ежегодно приходятъ на землю въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься и можетъ служить имъ надежнымъ убѣжищемъ [1]). Нѣмецкимъ крестьянамъ, въ ихъ полевыхъ работахъ, помогаютъ подземные карлики. У русиновъ (въ саноцкомъ и коломыйскомъ округахъ) во время русальныхъ Святокъ совершается крестный ходъ на засѣянныя поля, при чемъ образа́ и хоругви убираются вѣнками и зеленью. Обыкновенно это бываетъ на Духовъ день, и между тѣмъ, какъ священникъ и церковный причтъ творятъ по требнику обхожденіе полей, сопровождающія ихъ женщины поютъ обрядовыя пѣсни, текстъ которыхъ содержитъ мольбу о благораствореніи возду́ховъ и изобиліи плодовъ земныхъ—хлѣба и винограда [2]). Вотъ одна изъ этихъ пѣсней:

Заваруй, Боже, горы, долины,
Горы, долины, наши царины [3]),
Же бы насъ тучи не заходили,
Же бы пролои не заливали,
Злыи вѣтрове не пановали;
Зароди, Боже, горы, долины,
Горы, долины, наши царины.
Наша царина пречь [4]) поiдрана,
Сребромъ-златомъ [5]) пречь засѣяна,
Стрицовымъ перомъ заволочена,
Ясными мечами обгорожена.

---

[1]) Называютъ ихъ и гречухами — отъ гречи, въ которой онѣ любятъ прятаться. — [2]) Семеньск., 124; Маякъ, XV, 31—35; Сахаров., II, 85; Опытъ ист. обозрѣн. рус. слов. О. Миллера, I, 97 (примѣчан.); Die Rusalien Миклошича, 9—14. — [3]) Обгороженныя поля. — [4]) Уже. — [5]) Т. е. золотистымъ зерномъ.

Злые вѣтры и пролои — дѣло русалокъ. Чтобы колосья налились, вызрѣли и дали хорошій урожай, нужна погода тихая, теплая, съ умѣренными дождями; а потому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, тотчасъ по окончаніи Троицкихъ празднествъ, совершается обрядъ изгнанія или проводовъ русалокъ. Слѣдующее за Троицей воскресенье въ Спасскѣ рязанскомъ называется русальнымъ заговѣньемъ. На другой день, т. е. въ первый понедѣльникъ Петрова поста, тамъ приготовляютъ соломенное чучело, одѣтое въ женскіе уборы и представляющее русалку; потомъ собираютъ хороводъ, затягиваютъ пѣсни и отправляются въ поле; въ серединѣ хороводнаго круга пляшетъ и кривляется бойкая женщина, держа въ рукахъ соломенную куклу. Въ полѣ хороводъ раздѣляется на двѣ стороны: наступательную и оборонительную; послѣдняя состоитъ изъ защитницъ русалки, а первая нападаетъ и старается вырвать у нихъ чучело; при этомъ обѣ стороны кидаютъ пескомъ и обливаютъ другъ друга водою. Борьба оканчивается разорваніемъ куклы и разбрасываніемъ по воздуху соломы, изъ которой она была сдѣлана. Послѣ того возвращаются домой и говорятъ, что проводили русалокъ. Въ тульской губ. подобный обрядъ совершается на Зеленой недѣлѣ: женщины и дѣвицы идутъ толпою на засѣянныя поля и ловятъ русалку, которая, по народному сказанію, воруетъ тогда хлѣбъ. Связавши изъ соломы куклу и нарядивъ ее въ женское платье, увѣряютъ, что это и есть пойманная русалка; съ пѣснями и плясками несутъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Въ уѣздахъ ефремовскомъ, епифановскомъ и новосильскомъ наканунѣ Троицы (въ «клечальную» субботу) молодежь собирается вечеромъ на полянахъ и бѣгаетъ, размахивая помелами, съ криками: «догоняй! догоняй!» Иные утверждаютъ, что собственными глазами видѣли, какъ гонимыя съ полей русалки убѣгали въ лѣсъ съ

плачемъ и воплями. Въ Малороссіи на проводахъ русалокъ поютъ:

Проведу я русалочкы до бору,
Сама я вернуся до дому!
Ой колы-жъ мы русалочкы проводылы,
Щобъ до насъ часто не ходылы,
Да нашего жытечка не ломалы,
Бо наше жытечко въ колосочку,
А наши дивочкы у виночку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ около того-же времени бываютъ проводы Весны, и въ соломенной куклѣ видятъ изображеніе именно этой дождевосной богини. Въ полетѣ весеннихъ грозъ исчезаютъ облачныя дѣвы; разметаемыя помеломъ-вихремъ, онѣ убѣгаютъ съ неба или, будучи размыканы, разорваны на части, тонутъ въ дождевыхъ потокахъ, и вслѣдъ за тѣмъ наступаютъ лѣтніе жары. Выпроваживая русалокъ, земледѣльческое населеніе думало отстранить отъ своихъ нивъ опустошительныя бури и безвременные ливни, отъ которыхъ хлѣбъ ложится наземь, ломается, мокнетъ и невполнѣ вызрѣваетъ, или уже созрѣлый осыпается и проростаетъ безъ всякой пользы для человѣка [1]).

Хранительницы живой воды, русалки, наравнѣ съ эльфами и никсами, обладаютъ тѣмъ высокимъ даромъ мудрости, какой дается вдохновительнымъ напиткомъ небесныхъ источниковъ. Народная троицкая пѣсня приписываетъ имъ загадываніе и разрѣшеніе трудныхъ загадокъ:

Ой бѣжить, бѣжить мила дѣвчинка,
А за нею да русалочка:
«Ты послухай мене, красна панночка!

---

[1]) Сахаров., II, 85, 90, 94; Терещ., VI, 137; Рус. прост. праздн., IV, 11; Пассекъ, III, 189; Метлинск., 309; Опис. черниговск. намѣстничества, Шафонскаго, 30. Показаніе Сахарова (II, 80) о проводахъ русалокъ въ черниговской губ. въ концѣ Святой недѣли — невѣрно.

Загадаю тобѣ три загадочки;
Якъ угадаешъ — до батька пущу,
Коли-жъ не вгадаешъ — до себе возьму.
Ой що росте безъ кореня?
А що бѣжить безъ повода?
А що цвѣте безъ всякого цвѣту?»
Панночка загадочки не вгадала,
Русалочка ее залоскотала [1]).

Въ сербской пѣснѣ на загадочные вопросы, предлагаемые дѣвицею, отвѣчаетъ рыба, въ образѣ которой являются въ преданіяхъ водныя божества и нимфы. Сидѣла дѣвица у моря, говорила сама съ собою: «ахъ, Боже милостивый! есть ли что̀ шире моря, пространнѣе поля, быстрѣе коня, слаще меда и дороже брата?» Провѣщала ей рыба изъ воды: «глупая, неразумная дѣвица! Шире моря — небо, пространнѣе поля — море, быстрѣе коня — очи, слаще меда — сахаръ, дороже брата — милой!» [2])

Русалкамъ соотвѣтствуютъ сербскія вилы и болгарскія само-вилы: это только другое прозваніе, данное облачнымъ дѣвамъ по связи ихъ съ молніями и вихрями. Въ древности оно, вѣроятно, было извѣстно и русскимъ славянамъ, но потомъ позабыто вытѣсненное болѣе употребительнымъ именемъ русалокъ, тогда какъ въ преданіяхъ сербовъ и болгаръ, наоборотъ, русалки уступили мѣсто виламъ; этимъ послѣднихъ знаютъ и словенцы, босняки, краинцы, иллирійцы [3]). О суевѣрномъ почитаніи вилъ упоминается въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ. Такъ въ словѣ нѣкоего христолюбца читаемъ: «вѣруютъ въ Перуна и въ Хорса... и въ вилы, ихъ-же числомъ тридевять сестрѣницъ глаголютъ невѣгласи и мнятъ богинями, и тако покладывахуть имъ теребы (и короваи имъ ло-

---

[1]) Малорос. пѣсни Максимовича, 162. Загадки эти разрѣшаются такъ: камень ростетъ безъ корня, вода бѣжитъ безъ повода, папороть цвѣтетъ безъ цвѣту. — [2]) Срп. н. пјесме, I, 196. — [3]) Иличъ, 282.

мятъ), и куры имъ рѣжютъ» и ниже: «молятся огневѣ подъ овиномъ и виламъ и Мокоши». Тоже свидѣтельство повторено и въ другихъ памятникахъ, принадлежащихъ новгородской Софійской библіотекѣ: «и начаша жрети молніи и грому, и солнцю и лунѣ, а друзіи Перену, Хоурсу, виламъ и Мокоши, оупиремъ и берегынямъ, ихъ-женарицаютьтридевять сестриниць» [1]). Это напоминаетъ намъ суевѣрное преданіе о двѣнадцати сестрахъ-трясавицахъ = эльфахъ томительныхъ недуговъ (см. стр. 85). Въ древнемъ переводѣ Георгія Амартола вилы отождествляются съ сиренами: «завистася же ся в рѣцѣ Нилѣ солнцу вшедшу человѣкообразнѣ двѣ животнѣ мужь и жена, иже и сирины нарицаются, рекше вилы» [2]). Слово вила (иллир. willa) образовалось отъ глагола вить, вью [3])—плести, скручивать, соединять пряди въ одну нить или вервь, и указываетъ на миѳическую дѣву, которая прядетъ облачныя кудели и тянетъ изъ нихъ золотыя нити молній. Въ сербской пѣснѣ говорится: «се муње вију по облаку» [4]); у насъ: молнія извивается = вьется огненной нитью или змѣйкою, мелькаетъ искривленной линіей; сравни: извилина, вилюга—кривизна, виламъ—извилисто, виловатый—извилистый; глаголъ вьется прилагается и къ полету птицъ, и въ народныхъ загадкахъ (русской и сербской) ласточка, отличающаяся особенно-быстрымъ и извилистымъ полетомъ, называется вило. Такъ какъ видимая глазомъ кривизна наводила на понятіе нравственной кривды, хитрости и лукавства, составляющихъ самую существенную сторону въ характерѣ эльфовъ (стр. 4-5), то отсюда: вилавый—хитрый, лукавый, вила̀-юла́, человѣкъ увертливый = виляющій (ви-

---

[1]) Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 89—90, 94, 99, 108; Оп. Румян. Муз., 228—9. — [2]) Москв. 1851, V, стат. Срезневск., 63—64. — [3]) Какъ жила отъ жить, рыло отъ рыть, и т. д. — [4]) Срп. н. пјесме, I, 432.

лющій [1]). Стремительные вихри, подымая столбомъ пыль или снѣгъ (вью-га, у болгаръ: вилни ветерушки [2]), крутятъ ихъ словно веревку; а неся на своихъ крыльяхъ облака и тучи, завиваютъ ихъ въ кудри и сбиваютъ вмѣстѣ, какъ спутанную пряжу или всклокоченные волоса. Рядомъ съ словами: куделя (ленъ, приготовленный для пряжи), кудло, кудеря, въ областномъ говорѣ употребляется глаголъ куделится — метётъ вьюга; вихо̀ръ, вихры́ (чубъ, пряди волосъ) одного происхожденія съ словомъ вихрь (ви̇̀хорь), а патлы (длинные, косматые волоса) отъ санскр. корня pat— летать [3]). Въ народныхъ сказаніяхъ вилы изображаются не только нимфами, управляющими полетомъ облаковъ и молній, но и вѣщими пряхами. Въ близкой связи съ южно-славянскою вилою стоитъ волошская vilva — имя, которымъ обозначаются духи, населяющіе облачный міръ, носящіеся по воздуху въ видѣ крылатаго змѣя и посылающіе на землю дождевые ливни и плодородіе. По всему вѣроятію, преданія о вильвахъ и самое названіе ихъ заимствованы валахами отъ сосѣднихъ славянъ. Сверхъ того, нѣкоторыми учеными вила и vilva сближаются съ скандинавск. vala, valva или völva (всѣ три формы равно употребительны и означаютъ вѣщую жену, чародѣйку); но это остается недоказаннымъ [4]).

Подобно русалкѣ, вила — существо, родственное свѣтлымъ эльфамъ, и потому данное ей имя сопровождается постояннымъ эпитетомъ бѣлая: бјела вила. Этотъ эпитетъ, указующій на блескъ, сіяніе и красоту, также тѣсно сливается съ словомъ «вила», какъ въ нашемъ эпическомъ языкѣ прилагатель-

---

[1]) Обл. Сл., 25; Доп. обл. сл., 22; Срп. рјечник, 62; Этн. Сб., VI, 74. — [2]) Народне песме Македон. Бугара, Верковича, I, 2: „Подуналъ е тихи ветеръ, три вилни ветерушки“. — [3]) Доп. обл. сл., 94; Изв. Ак. Н., IV, 404, 409. — [4]) Шоттъ, 295-6; Germ. Mythen, 569; О вл. христ. на сл. яз., 21—23.

ное красная съ словомъ «дѣвица», и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ о тождествѣ вилъ съ бѣлыми женами (weissefrauen, bielepanje) германцевъ, чеховъ и моравовъ [1]). Вилы представляются юными, прекрасными, блѣднолицыми дѣвами, въ тонкихъ бѣлыхъ одеждахъ и съ длинными косами, распущенными по спинѣ и грудямъ; въ этихъ косахъ — ихъ сила и даже самая жизнь; тѣло у нихъ нѣжное, прозрачное, легкое какъ у птицы, очи блистаютъ подобно молніи, голосъ — пріятный, сладкозвучный. По свидѣтельству хорутанскихъ сказокъ, косы у вилъ золотыя, низпадающія до земли, одежда — не только бѣлая, но и золотая, съ серебренымъ поясомъ. Бѣда человѣку, который прельстится вилою! ему опостылитъ весь міръ, и жизнь будетъ не въ радость. Хваля красоту дѣвицы, сербы и черногорцы сравниваютъ ее съ вилою: «она хороша, какъ горная вила!» Наравнѣ съ русалками, вилы обитаютъ на горныхъ вершинахъ, въ лѣсахъ и водѣ, и потому различаются на горныхъ, лѣсныхъ и водяныхъ: a) горска вила (бјела вила из горе), b) вила од планине (vila planinkinja); гора въ сербскомъ языкѣ означаетъ и mons, и silva, а планина — гору, покрытую лѣсомъ (mons silvosus, bergwald). Горныя вилы станують по горамъ и устрояютъ свои «двóрища» въ пещерахъ, пропастяхъ и ущеліяхъ; внутри жилье ихъ убрано цвѣтами и зеленью и ярко сіяетъ, какъ пресвѣтлый рай. По другимъ разсказамъ, вилы живутъ въ кристальныхъ палатахъ, украшенныхъ перлами, и владѣютъ богатою золотою посудою. Наконецъ c) vila vodena или povodkinja обитаетъ въ рѣкахъ, озерахъ и студенцахъ, a morska dĕvica (morskadiklica), представляемая полу-дѣвою, полу-рыбою, — въ глубинѣ моря. По словамъ Караджича, вилы поселяются «по великим

---

[1]) Nar. zpiewanky, I, 412—3.

планинама и по камењацима око вода»; онѣ любятъ плавать, купаться, заманивать и увлекать на дно крестьянскихъ дѣвушекъ. Принадлежащіе имъ источники (вилина водица) считаются заповѣдными; юнакъ, который напьется отсюда воды или напоитъ своего коня, платитъ тяжелую дань: самъ онъ лишается очей, а конь его -- ногъ [1]). Не смотря на эти повѣрья, заставляющія вилъ населять землю, народъ и донынѣ не утратилъ воспоминанія, что онѣ собственно облачныя дѣвы (vile oblakinje), обитательницы небесныхъ горъ, дубравъ и источниковъ. Въ замѣчательной далматинской пѣснѣ вила говоритъ о себѣ:

Mene je gora rodila,
U zeleni listak povila;
Jutrenja rosa padala,
Mene je vilu dojila;
Od gore vetrić puhao,
Mene je vilu šikao:
To su mi bile dadije [2]).

Какъ молніеносный эльфъ, вила рождается отъ горы-тучи, и вскормленная росою (дождевою влагою) убаюкивается вѣтромъ. Поселяне убѣждены, что вилы могутъ насылать бури, дожди и градъ; подымая буйные вѣтры, онѣ ломаютъ растущія по горамъ деревья, волнуютъ пучины и топятъ лодки и пловцовъ; во время морской бури случается видѣть, какъ онѣ бѣгаютъ по верхушкамъ волнъ и своими ногами пѣнятъ встревоженныя воды [3]). По свидѣтельству сербскихъ пѣсень,

---

[1]) Срп. рјечник, 61—62; Срп. н. пјесме, I, 153, 274, 571; II, 51; Arkiv za pověstnicu jugoslavensku 1851, I, стат. Кукулевича-Сакцинскаго, 87, 90, 97—104; сб. Валявца, 7—8, 18, 22, 47, 56. — [2]) Переводъ: меня гора родила, зеленымъ листьемъ повила; утренняя роса падала, меня вилу кормила; отъ горы вѣтеръ вѣялъ, меня вилу убаюкивалъ: то были мои няньки. — [3]) Кукулевичъ, 88, 93, 104.

вилы носятся по воздуху, между небомъ и землею, собираютъ летучія облака и любуются на молніи. Такъ Марку-кралевичу, когда онъ вступилъ въ единоборство съ Мусою Кеседжія, явилась на помощь вила изъ облака [1]); а когда банъ Секула преслѣдовалъ вилу — она сначала побѣжала глубокими водами, потомъ — чистымъ полемъ и наконецъ, настигаемая хортами, «дигне се небу под облаке» [2]). Въ одной пѣснѣ дѣвица, не желая смотрѣть на грозу, замѣчаетъ о себѣ: «нит' сам вила, да збиjам облаке» (я — не вила, чтобы собирать облака [3]). Согласно съ уподобленіемъ облаковъ крѣпостнымъ башнямъ и стѣнамъ, вила, нагоняющая на небесный сводъ тучи, признается строительницею воздушныхъ замковъ:

Град градила бjела вила
Ни на небо, ни на земл(ь)у,
Но на грану од облака;
На град гради троjе врата:
Jедна врата сва од злата,
Друга врата од бисера,
Трећа врата од шкерлета [4]).

Въ третьихъ воротахъ вила

Сама сjеди, погледуjе,
Ђе се мун(ь)а с громом игра [5]).

Миѳъ о постройкѣ вилою облачныхъ городовъ, будучи низведенъ на землю, привлекъ ее къ участію въ сооруженіи твердынь, воздвигаемыхъ руками смертныхъ. Таково слѣдующее преданіе: выше Котора (Cattaro) въ каменной горѣ видна большая яма или пещера, о которой разсказываютъ, что ее выкопалъ царь Стефанъ и что именно здѣсь думалъ онъ постро-

---

[1]) Срп. н. пjесме, II, 409; сб. Валявца, 68. — [2]) Срп. н. пjесме, I, 183. — [3]) Ibid., 432. — [4]) Грана — вѣтвь, отрасль; бисер — жемчугъ, шкерлет — шарлаховое, красное сукно, багрецъ, пурпуръ. — [5]) Срп. н. пjесме, I, 151—2.

итъ городъ; но вила посовѣтовала «да то не чини, јер му ондје у оној врлети нема ни броду пристаништа ни коњу поигришта»[1]), и указала на другое мѣсто у залива. Царь послушался вилы и съ ея помощію построилъ градъ Которъ [2]). Чародѣи, наученные вилами премудрости, бродятъ вмѣстѣ съ ними и нечистыми духами по свѣту и водятъ за собой грозовыя тучи и бури [3]). Вслѣдствіе этой власти надъ облачнымъ міромъ, виламъ приписывается вліяніе на земледѣльческія работы: въ старое золотое время онѣ приходили на поля и пастбища, помогали людямъ жать нивы, косить траву, полоть гряды и оберегали ихъ стада. Въ Иллиріи убѣждены, что вила, если захочетъ, можетъ охранить ниву своего любимца отъ града, опустошающаго сосѣдніе участки. Возвращаясь съ полей въ горныя пещеры, вилы оборачиваются змѣями (= молніями), и въ этомъ видѣ проскользаютъ сквозь малыя отверстія въ горы, а внутри ихъ снова преобразуются въ дѣвъ [4]): преданіе, напоминающее волошскихъ вильвъ, нѣмецкихъ бѣлыхъ schlangenjungfrauen (= dâsapatnîs) и старинный миѳъ объ Одинѣ (I, 395). Какъ нимфамъ грозовыхъ тучъ, виламъ присвоены всѣ характеристическіе признаки и поэтическіе аттрибуты, соединяемые съ этимъ естественнымъ явленіемъ: быстрота полетовъ, чудесныя превращенія, бросаніе молніеносныхъ стрѣлъ и искусство ковать. Онѣ также внезапно исчезаютъ, какъ и являются; пѣсни даютъ имъ крылья («полећела вила на бијела крила» [5]), и бόрзаго коня уподобляютъ вилѣ: «ал' је брза пуста бедевија, брза му је, као горска вила» [6]). И

[1]) Переводъ: не дѣлать того, потому что на этой крутизнѣ нѣтъ ни ладьямъ пристанища, ни коню поигрища (раздолья). — [2]) Срп. рјечник, 294. — [3]) Ibid., 75. — [4]) Кукулевичъ, 99—100; Эрбенъ, 306. — [5]) Срп. н. пјесме, II, 49; Кукулевичъ, 89: черногорская пѣсня о легкокрылой вилѣ, что прилетѣла съ неба. — [6]) Переводъ: „но быстра у него дикая кобылица, быстра, какъ горная вила“ — Срп. н. пјесме, II, 399.

птица, и конь — обычныя метафоры вѣтра, молніи и облака; а потому вилы не только надѣляются крыльями и сказочными конями, но и сами оборачиваются то легкокрылыми птицами, то быстроногими кобылами. Общераспространенная сказка о яблонѣ, на которой каждую ночь зрѣютъ золотыя яблоки [1]), т. е. собственно — о деревѣ-тучѣ, приносящемъ живую воду дождя (см. II, 309—315), отличается въ хорутанской редакціи нѣкоторыми любопытными особенностями [2]). Вмѣсто жаръ-птицы, похищающей золотыя яблоки, здѣсь каждую ночь являются девять вилъ и рвутъ дорогіе плоды; добрый молодецъ подстерегаетъ ихъ и получаетъ въ подарокъ три золотыхъ яблока. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется искать вилъ; на пути объявилъ ему пастухъ, что въ такомъ-то студенцѣ вилы купаются въ полдень. Два раза молодецъ проспалъ полуденное время, но въ третій разъ подсмотрѣлъ, какъ онѣ купались. Вилы взяли его къ себѣ въ дупло, держали тамъ девять лѣтъ и кормили его сахарными яствами, а при отпускѣ надѣлили богатствомъ. Тоже преданіе развиваютъ сказки сербская и болгарская [3]). Въ сербской приповѣдкѣ прилетаютъ за яблоками девять золотыхъ павъ. Меньшой изъ трехъ царевичей, посланный караулить яблоню, поставилъ подъ нею кроватку и легъ на постель. Ночью прилетѣли павы; восемь сѣли на дереве, а девятая пала царевичу на кроват и превратилась въ красную дѣвицу; съ тѣхъ поръ вдвоёмъ они проводили сладостныя ночи. Но вотъ подстерегла ихъ колдунья; золотая пава улетѣла и больше не возвращалась. Царевичъ пустился искать свою невѣсту и пришелъ къ озеру, въ которомъ она любила купаться. Три дня сряду провелъ онъ возлѣ озера, сидя на конѣ; но всякой разъ, въ урочную пору, засыпалъ непробуднымъ сномъ. Прилетая, восемь павъ бросались купаться, а девятая садилась

---

[1]) Н. Р. Ск., VII, 11, 12. — [2]) Сб. Валявца, 31—32. — [3]) Срп. припов., 4; Эрбенъ, 213.

къ царевичу на коня, миловала-обнимала его и не могла добудиться. Послѣ того павы не прилетали на озеро; долго-долго странствовалъ царевичъ и наконецъ нашелъ городъ золотыхъ павъ и женился на своей невѣстѣ, которая царствовала въ томъ городѣ. Другія хорутанскія сказки [1]) сохранили черты, еще болѣе древнія: вила прилетаетъ къ юношѣ бѣлой лебедью, оборачивается прекрасною дѣвою, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ золотыми косами до земли, и ложится съ нимъ спать на золотомъ ложѣ; отъ блеска ея волосъ освѣщалась кругомъ вся ливада. Провѣдала про то мать добраго молодца, взяла ножницы и отрѣзала вилѣ золотыя косы: вотъ почему красавица покинула своего милаго, и онъ долженъ былъ идти ее отыскивать. Итакъ вила роднится съ лебедиными дѣвами, которыя постоянно купаются въ озерахъ и источникахъ, т. е. въ дождевыхъ потокахъ [2]). Приведенныя сказки передаютъ миѳъ о бракѣ облачной дѣвы съ громовникомъ; въ лѣтнюю пору она прилетаетъ къ нему на ложе, но тотчасъ-же исчезаетъ, какъ скоро злая чародѣйка (Зима) лишитъ ее золотистыхъ (сверкающихъ молніями) локоновъ; юный супругъ обрѣтаетъ ее не прежде, какъ при возвратѣ весны, когда она снова является у дождевыхъ источниковъ и когда самъ громовникъ пробуждается отъ крѣпкаго зимняго сна. Согласно съ представленіемъ тучъ то небесными родниками, то садами съ золотыми яблоками, вилы въ одно и тоже время изображаются и водяными, и лѣсными дѣвами; увлекая къ себѣ сказочныхъ героевъ, онѣ держатъ ихъ въ морѣ и лѣсахъ [3]), или сажаютъ въ дупло и кормятъ сахарными яствами, т. е. медомъ = амритою.

---

[1]) Сб. Валявца, 21—24, 29—30. — [2]) Греческія сирены также представлялись птицами — Der Ursprung der Myth., 193. — [3]) Сб. Валявца, 13, 46: „a vu onom istom morju bile so vile. Vile so prijele ovo dete... Vre je prešlo pet let, kak je dete vu vodi bilo i neizmerno lepo je bilo“.

Хорутанскія сказки предлагаютъ интересныя свѣдѣнія о вилиныхъ коняхъ (вилени, вилован коњ), съ помощію которыхъ добрый мòлодецъ (=Перунъ) добываетъ себѣ златовласую красавицу. Это чудесные кони грозовыхъ тучъ; они дышатъ пламенемъ, летаютъ по воздуху съ быстротою стрѣлы, не боятся непогоды и опасностей, и надѣлены вѣщимъ характеромъ: человѣческимъ словомъ, предвидѣніемъ, мудростью. Вмѣстѣ съ этимъ, виламъ, наравнѣ съ эльфами, марами и домовыми, приписывается страсть заѣзжать обыкновенныхъ лошадей; у коня, на которомъ ѣздитъ вила, грива бываетъ до такой степени сбита, спутана, что расчесать ее нѣтъ никакой возможности; распутать гриву можетъ только вила и никто—болѣе! Однажды герой сказки ѣхалъ на вилиномъ конѣ и нашелъ на дорогѣ три золотыхъ волоса и золотую подкову; конь даетъ совѣтъ не подымать находки, но мòлодецъ не послушался, взялъ золотые волосы и подкову и поступилъ на королевскую службу. Какъ скоро узналъ король про его находку, онъ приказалъ ему добыть златовласую красавицу и златокованнаго коня. Мòлодецъ исполняетъ приказъ: сначала привозитъ дѣву съ золотою косою, а потомъ пригоняетъ вилиныхъ кобылицъ, доитъ ихъ, и купаясь въ ихъ кипучемъ, молокѣ, дѣлается неописаннымъ красавцемъ. Когда былъ поставленъ котелъ съ этимъ кипучимъ молокомъ (метафора весенняго дождя—I, 621-3), чудесный конь, принадлежащій сказочному герою, «potegnul 'se one toplinjave iz mleka», т. е. охладилъ его своимъ дыханіемъ=вѣтромъ; молодецъ окунулся «i srečno izešel vun, pak još trikrat lepši postal kak prvo bil. Onda pustil konj nazad onu vručinu (жаръ), koju prvo vun potegnul z lampom». Захотѣлъ искупаться въ кобыльемъ молокѣ сынъ короля, бросился въ котелъ—и погибъ; послѣ того златовласая дѣва досталась доброму мòлодцу. Въ соотвѣтствующей малорусской сказкѣ дѣва эта называется морскою

пани, а вилины кобылы — морскими или водяными. По другому преданію, вила даетъ молодцу три узды: мѣдную, серебреную и золотую; стóитъ только потрясти ими, какъ въ туже минуту предстанутъ три вилы на коняхъ: одна на мѣдномъ, другая — на серебреномъ, третья — на золотомъ. При содѣйствіи этихъ коней, герой женится на прекрасной царевнѣ, или на самой вилѣ. Потрясъ онъ уздою — и немедленно явилась къ нему вила: «kaj si zmislil?» спросила она.—«Ja sem si zmislil da ti budeš moja žena... Onda su se skup oženili, imeli su skup dvoje dece, živeli su skup sedem let. Onda je on jeden put pozabil ključa od one ladice, gde je ona vuzda bila.» Вила нашла узду и исчезла. Подобно тому, лебединыя дѣвы и болгарскія самовилы только тогда отдаются витязю и вступаютъ съ нимъ въ бракъ, когда онъ овладѣетъ ихъ крылушками или пернатою сорочкою (schwanhemd); но едва получатъ обратно свои крылья или сорочку, тотчасъ-же превращаются въ птицъ и улетаютъ [1]). Такимъ образомъ конская узда хорутанской приповѣдки соотвѣтствуетъ крыльямъ; съ помощію узды вила можетъ превратиться въ быстроногаго коня, какъ съ помощію крыльевъ — въ птицу, и тогда ей уже легко скрыться отъ влюбленнаго витязя [2]). По русскому повѣрью, если на вѣдьму наложить узду, она немедленно дѣлается кобылицею и съ быстротою вихря скачетъ по горамъ и дóламъ. Превращеніе облачныхъ дѣвъ въ коней принадлежитъ глубочайшей древности; у индусовъ ведаической эпохи было уже представленіе, что именно въ этомъ образѣ дѣва бурно-несущагося грозоваго облака убѣгаетъ пламенныхъ объятій бога-громовника [3]). Про славнаго богатырскаго коня Шараца разсказываютъ, что его подарила Марку-королевичу вила, что конь этотъ пилъ вино и скакалъ такъ высоко, что могъ догнать самую вилу:

---

[1]) Beiträge zur D. Myth., II, 212; сравни съ разсказомъ о пойманной марѣ — ibid., 269. — [2]) Сб. Валявца, 5—12, 17—19, 38—42, 75; Иличъ, 281. — [3]) Die Götterwelt, 21.

Шарац језди посреди планине,
Нигде виле чути ни видети.
Кад је Шарац сагледао вилу,
По с три копл(ь)а у висину скаче,
По с четири добре у напредак,
Брзо Шарац достигао вилу [1]).

Въ старину у сербовъ совершался обрядъ, тождественный по значенію съ нашимъ ряженьемъ (хожденіемъ окрутниковъ). Наряжались трое: чороје, вила и турица. Чороје (?) одѣвался въ косматую одежду, увѣшанную лосьими и другими звѣриными хвостами, на лицо накладывалъ маску («образину»), а въ рукахъ держалъ зеленую вѣтвь или пучокъ цвѣтовъ. Вила являлась въ бѣломъ женскомъ платьѣ, опоясанная красною перевязью, на головѣ имѣла бѣлое покрывало и вѣнокъ изъ цвѣтовъ, а въ рукѣ «као лук на три угла искићен сав цвијећем». Тому, кто представлялъ турицу, придѣлывалась на длинной косматой шеѣ конская голова съ большими зубами, которая могла раскрывать ротъ и хлопать челюстями; ноги у турицы были косматыя и внизу походили на птичьи. Вмѣстѣ съ этими ряжеными шелъ человѣкъ съ бубномъ и ударялъ въ него. Впервые они совершали обходъ на Срѣтенье, и потомъ—на всякой праздникъ до великаго поста; «први дан су пролазили и кроз саборну цркву» [2]). Это обрядовое шествіе служило знаменіемъ скораго возврата дожденосныхъ облаковъ, которыя олицетворялись то бѣлыми дѣвами, то существами, одѣтыми въ звѣриныя шкуры, и даже прямо—коровами и конями. Турица своимъ названіемъ напоминаетъ намъ древнее поклоненіе Туру. Смѣшивая старинныя представленія, народъ даетъ ей, вмѣсто головы быка или коровы, голову лошади и заставляетъ сопутствовать вилѣ. По-

---

[1]) Срп. н. пјесме, II, 217; Срп. рјечник, 346. — [2]) Срп. рјечник, 828—9.

добно тому, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи совершается слѣдующій обрядъ: въ заговѣнье передъ Петровками два или три человѣка, избранные представлять русалку, покрываются парусомъ, и передній держитъ передъ собой лошадиный черепъ, на который надѣта упряжная збруя; а кто-нибудь идетъ сзади и погоняетъ эту такъ называемую русалку. Въ числѣ другихъ животненныхъ образовъ, въ какихъ издревле рисовались народной фантазіи облака̀ и тучи, встрѣчаемъ оленя и козла. О вилахъ, блуждающихъ по лѣсамъ и рощамъ, разсказываютъ, что онѣ имѣютъ козьи ноги и конскія копыта [1]). Вилы невсегда ѣздятъ на чудесныхъ коняхъ; иногда онѣ носятся на быстрыхъ оленяхъ, заузданныхъ и погоняемыхъ змѣями, т. е. молніями. Такъ, по свидѣтельству одной пѣсни, вила поймала четыре змѣи и семигодовалаго оленя, «zauzda ga zmijom, načini od dvě zmije remenje za uzdu, a četvrtu zmiju uze město šibe (взяла вмѣсто бича), sedne na jelena, pa hajde u potěru» (и пустилась въ погоню [2]).

Какъ дѣвы весеннихъ грозъ, какъ существа, тождественныя эльфамъ, вилы куютъ крѣпкія сабли, ударяя которыми можно перерубать желѣзо и камень [3]), и пускаютъ изъ облачныхъ странъ острыя стрѣлы = молніи. Всякаго, кто раздражитъ вилу, она поражаетъ стрѣлою въ сердце, руку, ногу или другую часть тѣла и причиняетъ ему смерть или тяжкую, разслабляющую болѣзнь. Такъ подобная ка̀ра непремѣнно постигаетъ того, кто помутитъ свѣтлыя воды вилина источника: повѣрье, въ основѣ котораго скрывается мысль о молніяхъ, видимыхъ во время грозовой бури, возмущающей небесные родники. Родители запрещаютъ своимъ дѣтямъ ходить въ такія мѣста, гдѣ по общепринятому мнѣнію могутъ поранить

[1]) Кукулевичъ, 90. — [2]) Ibid., 102—3; German. Mythen, 571.— [3]) Кукулевичъ, 88.

ихъ мстительныя вилы. Если у кого заболѣетъ нога или рука —это приписывается дѣйствію вилъ [1]). Такимъ образомъ эти миѳическія дѣвы ставятся въ такую-же тѣсную связь съ болѣзнями, какъ и русалки, полудницы и эльфы. Слово вилов-њак означаетъ у сербовъ бѣсноватаго=человѣка, которымъ овладѣли вилы (какъ-бы вошли внутрь его тѣла). Царь Стефанъ, построивши Которъ, созвалъ на пиръ гостей, и между прочими пригласилъ помогавшую ему вилу. За пиромъ сталъ онъ хвастаться, какой удалось ему воздвигнуть славный городъ; на это вила возразила, что безъ нея онъ ничего бы не сдѣлалъ; раздосадованный царь ударилъ вилу по лицу, «а она се на то расрди, те све изворе (родники) и студенце по Котору отруjе (отравила, испортила) и све гости цареве полуди (и наслала на царскихъ гостей дурь). Кад цар ту освету (мщеніе) види, он стане вилу молити и jедва jе коjекако намоли те му госте поврати од лудила и очисти му од отрова само jедан извор иза jужниjех врата градскиjех» [2]). Бросая что-то въ источники, или купая въ нихъ своихъ дѣтей, вилы отравляютъ воду, и тотъ, кто напьется этой воды, долженъ немедленно умереть [3]); сравни приведенныя выше (стр. 62, 113) повѣрья о колодцахъ и сосудахъ, отравляемыхъ демонами различныхъ недуговъ. Сербскія пѣсни даютъ виламъ лукъ и стрѣлы: ставитъ шатёръ угринъ Янко у студёныхъ водъ Савы—на вилиномъ игралищѣ, и говоритъ ему бѣлая вила:

«Ход' отоле, угрин Jанко!
Не пен(ь)и ми шатор тудар [4]);
Ако запех стр'jеле моjе,
Устр'jелиħу тебе, Jанко.»

Еще интереснѣе свидѣтельство другой пѣсни: ѣхали два побратима Марко-кралевичъ и воевода Милошъ; говоритъ Марко:

[1]) Срп. рjечник, 61; Иличъ, 279—280. — [2]) Срп. рjечник, 62, 294. — [3]) Кукулевичъ, 101. — [4]) Не разбивай тутъ шатра.

«сильно одолѣваетъ меня сонъ; запой, братъ Милошъ, и разгони мою дремоту.» Отвѣчаетъ ему Милошъ:

«Ја би тебе, брате, попевао,
Ал' сам синоћ млого пио вино
У планини с вилом Равијојлом,
Пак је мене запретила вила:
Ако мене чује да попевам,
Oћe мене она устрелити
И у грло и у срце живо.»

—Пой, не бойся вилы, пока живъ Марко-королевичъ и есть у него вѣщій конь и золотой шестоперъ. Милошъ затянулъ пѣсню,

А Марку је песма омилила,
Наслони се седлу на облучје;
Марко спава, Милош попијева.
Зачула га вила Равијојла,
Па Милошу поче да отпева;
Милош пева, вила му отпева.
Лепше грло у Милоша царско,
Јесте лепше, него је у виле;
Расрди се вила Равијојла,
Пак одскочи у Мироч-планину,
Запе лука и две беле стреле,
Једна уд'ри у грло Милоша,
Друга уд'ри у срце јуначко.

—Марко, побратимъ по Богу! воскликнулъ Милошъ, вила меня устрѣлила. Очнулся Марко отъ сна, припустилъ Шарада и сталъ нагонять вилу.

Кад се вила виде у невол(ь)и,
Прну јадна [1]) небу под облаке;
Потеже се буздованом Марко,
Белу вилу međ' плећи удари,
Обори је на земл(ь)ицу чарну,
Пак је стаде бити буздованом,
Превраће је с десне на лијеву,
Пак је бије шестопером златним.

[1]) Прянула бѣдная.

Стала молить его вила: «пусти меня живою! я наберу зелья и залѣчу раны у Милоша.» Отпустилъ ее Марко-королевичъ; набрала вила цѣлебныхъ травъ и залѣчила юнаку тяжелыя раны: еще лучше (=сладкозвучнѣе) стало у Милоша горло, чѣмъ было прежде. Говорила потомъ Равијојла между своими подругами:

«О чујете, виле-другарице!
Не стрељајте по гори јунака,
Док је гласа краљевича Марка
И његова видовита Шарца
И његова шестопера златна.» [1])

Тоже преданіе разсказывается у хорутанъ въ такой формѣ: ѣхали Марко и Андрей-королевичи. На просьбу Марка спѣть ему пѣсню—отозвался Андрей: «ei, mili brate, ja ti ne smem, mene bi vila oblakinja prestrelila. — Ei, pa naj se bojati, ja sem ti ovdi. Posluhne Andro i zapeva tak da su 'se grane [2]) padale. Na jeden put doleti sulica (короткое, метательное копье) vu Andra i prevali se. A Marko se ozre, odkud je to doletelo i opazi vu oblaku vilu, pograbi buzdovana i hiti ga vu vilu tak da ju je mam na kla hitil. Vila počne kričati: pusti me, Marko, ja ti oživim Andra i dam ti konja vilovitoga, kaj buš mogel po zraku leteti. Marko ji dovoli i ona nabere nekakove trave pa oživi Andra; a Marko dobi konja vilovitoga» [3]). Итакъ вилы не только наносятъ смертельные и болѣзненные удары, но и знаютъ искусство залѣчивать раны и умѣютъ находить нужныя для этого травы. Онѣ, по народному повѣрью, слетая съ неба, учатъ людей тайнамъ врачеванія; кто окажетъ вилѣ какую-нибудь услугу, тому она становится посестримой (названною сестрою) и сообщаетъ знаніе цѣлебныхъ травъ [4]). Когда однажды моло-

---

[1]) Срп. н. пјесме, I, 181; II, 215—9. — [2]) Всѣ вѣтви. — [3]) Сб. Валявца, 68. — [4]) Кукулевичъ, 89—90; Иличь, 281.

дой юнакъ сломалъ свою правую руку, для него, по словамъ сербской пѣсни [1]), нашлась «л(ь)екарица, из горице вила»; но раздраженная на его любу—она отравила ему рану, и несчастный погибъ безвременной смертію. Виленик называется человѣкъ, въ котораго ударила вила стрѣлою и потомъ сама-же исцѣлила [2]). Чехи противъ недуговъ, которые подобно червямъ подтачиваютъ жизнь человѣка, произносятъ такой заговоръ: «Byla panna Maria prečistá, měla tri vlastni sestričky (варіантъ: svatá Lucie tri dcery měla): jedna předla, druhá vila, treti (motala i) na škrkavky žehnala, žehnala srdečnim, jaternim, pličnim, krevnim, strevnim (заклинала червей въ сердцѣ, печени, легкомъ, въ крови и кишкахъ) té a té osobě, aby jí masa nejedly, krve nepily, a té osobě pokoj daly» [3]). Эти три дѣвы, изъ которыхъ одна прядетъ, другая вьетъ, а третья мотаетъ, суть вилы, о сродствѣ которыхъ съ тремя вѣщими пряхами (дѣвами судьбы) будетъ сказано въ главѣ XXV. Сила врачевать болѣзни принадлежитъ виламъ, какъ обладательницамъ живой, цѣлющей воды, какъ дождоносныиъ или водянымъ дѣвамъ. Нѣмецкія саги заставляютъ бѣлыхъ женъ возсѣдать около цѣлебныхъ ключей и колодцевъ (heilquellen, gesundbrunnen); а по шотландскому преданію, лѣкарственные злаки указала морская жена [4]). Сверхъ тѣлесной крѣпости и здравія, живая вода надѣляетъ еще даромъ предвѣщаній и высшаго вѣдѣнія, и чрезъ то необходимо становитъ облачныхъ нимфъ въ разрядъ вѣщихъ или мудрыхъ женъ (weise frauen, weissagerinnen). Всякая вила есть пророчица и чародѣйка; она знаетъ будущее, и состязаясь въ мудрости, легко побѣждаетъ своихъ противниковъ: слов. vilenik —колдунъ, vilenisctvo, vilensztvo — колдовство [5]).

---

[1]) Срп. н. пјесме, I, 430. — [2]) Срп. рјечник., 62. — [3]) Громаннъ, 152—3. — [4]) D. Myth., 1101—6. — [5]) О вл. христ. на сл. яз., 21.

Бану Секулѣ обѣщалась вила «три биља казат': прво биље— да ти љуба роди сина, друго—да ти с'абља сјече турке, треће —да си стиман (честенъ) у дружину»; а Марку-королевичу она предсказала близкую смерть. Оступился Шарацъ и полились изъ глазъ его слезы; спрашиваетъ Марко королевичъ: что̀ бы это значило? и отозвалась ему вила съ горы: «жалѣетъ тебя добрый конь! скоро вамъ разставаться: заболѣешь ты, Марко, и умрешь «од Бога од старог крвника». Какъ будешь ты на вершинѣ горы, посмотри справа налѣво—тамъ стоятъ двѣ тонкія ели, а межъ ними струится свѣтлый ключь; сойди съ коня, загляни въ воду на свое лице, и узнаешь, что тебя ожидаетъ смерть.» Послушался Марко,

Наднесе се над бунар [1]) над воду,
Над водом је лице огледао;
А кад Марко лице огледао—
Виђе Марко кад ће умријети [2]).

Этотъ горный колодецъ соотвѣтствуетъ тѣмъ скандинавскимъ источникамъ мудрости и предвѣдѣнія, которые истекали изъ-подъ корней Иггдразилли, и особенно Urdhsbrunnen'у, возлѣ котораго обитали норны, опредѣлявшія теченіе жизни и смерть каждаго человѣка. Въ старину многіе съ боязнію смотрѣли на свой отраженный образъ. Вѣроятно, на гаданіи, съ какимъ издревле обращались къ воднымъ источникамъ, основывается и позднѣйшее гаданіе зеркаломъ; донынѣ дѣвушки, желая увидать своего суженаго, смотрятъ или на дно колодца, или въ зеркало.

Владѣя стрѣлами и копьями, вилы являются въ народныхъ сказаніяхъ могучими, воинственными дѣвами, подобными сѣвернымъ валькиріямъ. Такъ какъ въ грозѣ древній человѣкъ созерцалъ борьбу стихій, кровавыя битвы и дикую охоту облачныхъ духовъ; то о горныхъ вилахъ (vile gorske) разска-

---

[1]) Студенецъ, родникъ. — [2]) Срп. н. пјесме, I, 182—3; II, 439—441; Путешест. въ Черногорію А. Попова, 213—4.

зываютъ, будто онѣ, вооруженныя мѣткими стрѣлами, дѣятъ ловы и сражаются между собою, при чемъ отъ ихъ неистовыхъ восклицаній и крика стонутъ горы и содрагается земля: «čela gora od krike i vike grmi i zemlja se trese» [1]). Съ затемнѣніемъ основнаго смысла преданія, фантазія допустила участіе вилъ въ человѣческихъ войнахъ. Онѣ помогаютъ своимъ любимымъ героямъ и низвергаютъ воиновъ противной стороны губительными ударами; хорутанская приповѣдка [2]) упоминаетъ о ямѣ, наполненной головами людей, побитыхъ вилами («koje su vile preobladale»). Онѣ покровительствуютъ сербскимъ юнакамъ, заключаютъ съ ними побратимство (принимаютъ на себя обязанности посестримъ), дарятъ имъ крѣпкое оружіе и надѣляютъ ихъ силою и удачею въ бояхъ. Марку королевичу онѣ дали и богатырскую силу, и ратную саблю [3]). У хорутанъ сохранилось такое преданіе: въ дѣтствѣ своемъ Марко-королевичъ пасъ свиней и былъ такой слабой мальчикъ, что его постоянно колотили товарищи. Однажды онъ набрёлъ на прекраснаго вилина ребенка, и видя, что дитя лежитъ на солнечномъ припёкѣ, укрылъ его подъ тѣнь. Тутъ пришла вила и промолвила: «mili Bog! gdo je to včinil? da me prosi kaj god na svetu, ja bi mu dala». Мальчикъ попросилъ, чтобъ его не обижали товарищи. «A ona mu odgovori: ajda, gda to očeš, hodi me cecat (сосать). On ju posluhne i ide cecat. Gda se je nacecal, veli mu vila: no, vezda [4]) hodi ovoga kamena drmat [5]), jel' ga buš mogel zdrmati. Kamen imel je dvanajst centov. Ide ga drmat, ali ni z mesta. Onda mu veli vila: hodi išše cecat; gda se nacecaš, hodi ga pak drmat. Ide cecat, i gda se je nacecal — ide ga drmat, ali samo malo ga je zdrmal. Onda pak ide cecat... Onda ga je vre mogel vu visinu veliku i prek gore hititi,

[1]) Кукулевичъ, 90. — [2]) Сб. Валявца, 2. — [3]) Кукулевичъ, 96; Иличъ, 289. — [4]) Теперь. — [5]) Трясти, поворачивать.

da ga već ni bilo nigde». Такъ, по древне-поэтическому воззрѣнію на природу, сосетъ богъ-громовникъ облачную жену, и упившись ея молокомъ (=дождевою влагою), предстаетъ во всемъ своемъ грозномъ величіи — рушителемъ скалъ и камней. «Теперь, сказала вила Марку-королевичу, ступай—куда хочешь; никто тебя не одолѣетъ!» Королевичъ сковалъ себѣ огромную боевую палицу и отправился на богатырскіе подвиги. Съ этихъ поръ онъ былъ непобѣдимъ въ бою; вилы постоянно помогали ему въ кровавыхъ встрѣчахъ. Нѣкогда, сражаясь съ русскимъ царемъ, онъ воскликнулъ: вила, помози мнѣ! и вслѣдъ за тѣмъ побѣдилъ непріятельскія рати [1]). Сербская пѣсня описываетъ единоборство Марка-королевича съ Мусой Кеседжія: послѣ первыхъ ударовъ, изломалось у обоихъ воинское оружіе; они соскочили съ коней и схватились руками; долго боролись витязи, кровавая пѣна капала съ нихъ на землю, но вотъ Муса осилилъ, повалилъ противника на зеленую траву и сѣлъ ему на грудь. Завопилъ королевичъ Марко:

„Ђе си данас, посестримо вило,
ђе си данас? нијe те не било!
Еда си се криво заклин(ь)ала
ђегођ мене до невол(ь)е буде,
да ћеш мене бити у невол(ь)и?“ [2])

Явилась ему вила изъ облака и сказала: «зачѣмъ жалуешься, Марко-королевичъ! не я ли, бѣдный, тебѣ говорила чтобы, не начиналъ ссоры въ воскресенье? Срамъ нападать двумъ на одного, и развѣ нѣтъ у тебя змѣи за пазухой?» Въ послѣднихъ словахъ былъ намёкъ на острый ножъ. Заслышавъ голосъ вилы, Муса взглянулъ на облако, откуда она вѣщала; а

---

[1]) Сб. Валявца, 63—65. — [2]) Переводъ: „гдѣ ты нынче, посестрима вила, гдѣ ты? нигдѣ тебя нѣтъ! Развѣ ты невѣрно клялась помогать мнѣ въ бѣдѣ?“

Марко въ тоже мгновеніе выхватилъ ножъ изъ-за пазухи и распоролъ Мусу отъ пояса до самаго горла [1]). Другая пѣсня разсказываетъ, какъ къ тому-же герою пришло девять-десять посестримъ вилъ на помощь противъ бана Свилаина. Къ мо̀лодцу Новаку прилетѣла изъ горы вила и помогла ему въ битвѣ противъ Мануйла Гречича; а когда Янко былъ убитъ Нукичемъ, вила взяла его сына Николу Янковича, унесла въ свою пещеру и воспитывала до юношескихъ лѣтъ, потомъ дала ему славнаго вилинскаго коня и вилинское оружіе и послала мстить за смерть отца [2]). Враги сербовъ и черногорцевъ — враги и ихъ виламъ. Вилы предупреждаютъ витязей этого славянскаго племени о всякой военной опасности, о всѣхъ нападеніяхъ, какія готовятъ на нихъ невѣрные турки.

Киче вила од Кома-планине,
Дозивала вила на поле Цетине,
Ня Цетине на средь горе Црне
По имену и по прозимену
Петровича Данилу владыку:
О владыко, црногорска главо!
Это на те иде сильна војска
Од онога Отманович цара [2]).

Владыка спрашиваетъ вилу:

«Кажи мене, од планине вило!
Мош ли знати, колико је војске,
Од које ли земл(ь)е и краине,
На коју ће страну окренути
И сад ко ће на нас ударити?» [4])

---

[1]) Срп. н. пјесме, II, 407—9. — [2]) Кукулевичъ, 88, 95. — [3]) Переводъ: кличетъ вила съ горы Комы, зоветъ вила на Цетинское поле, на Цетинское поле среди Черногорья, по имени и прозванію — владыку Данилу Петровича: «о владыка, черногорскій глава! идетъ на тебя сильное войско царя отомановъ». — [4]) «Скажи мнѣ, горная вила! знаешь ли ты — сколько войска, изъ какихъ земель и областей, на какую сторону хочетъ нападать, и кто на насъ ударитъ?»

И вила разсказываетъ, сколько у непріятеля войска, изъ какихъ земель оно набрано и на какія страны намѣрено ударить. По ея вѣстямъ, владыка распоряжаетъ дѣйствіями своихъ полковъ и одерживаетъ надъ турками знаменитую побѣду. Точно также, по словамъ недавно-сложившейся пѣсни, вила извѣщала о предстоящей битвѣ храбраго Вука Лешевича и пугала его бѣдами, если онъ не послушается ея совѣта и не сообщитъ о томъ другимъ юнакамъ [1]). По волошскому повѣрью, у каждой страны есть своя vilva-защитница; охраняя свои земли, вильвы часто сражаются между собой въ воздушныхъ пространствахъ, и смотря по исходу битвы—въ подвластныхъ имъ странахъ установляется хорошая или дурная, благопріятная или гибельная для урожаевъ погода (сравни съ сказаніями о битвахъ лѣшихъ — II, 334-5, и вѣдогоней— гл. XXIV). Такимъ образомъ вилы получили вполнѣ-народный характеръ, сдѣлались защитницами политической свободы и общественныхъ интересовъ южныхъ славянъ, подобно тому, какъ въ германскихъ преданіяхъ тѣже національныя черты усвоены Одину и валькиріямъ. Чехи донынѣ видятъ въ облакахъ и тучахъ толпы небесныхъ воиновъ, и когда собирается гроза — говорятъ: вотъ опять вооружаются nebešti vojàci! Громы и молніи принимаются за ихъ выстрѣлы, а сгущенные пары — за дымъ отъ огнестрѣльнаго оружія; когда небесный воинъ дастъ промахъ, то посланная имъ пуля падаетъ на землю и производитъ грозовый ударъ. Въ средѣ этихъ ратниковъ есть безголовый барабанщикъ; зашумитъ ли въ лѣсу буря — это онъ стучитъ въ свой громкій барабанъ [2]). Послѣ принятія христіанства, означенныя представленія были перенесены на ангеловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ создались легенды о чудесной помощи, даруемой ими

---

[1]) Путеш. въ Черногорію А. Попова, 216—9.— [2]) Громаннъ, 5.

христолюбивому воинству. Ипатьевская лѣтопись, описывая битву Владиміра Мономаха съ половцами, замѣчаетъ: «падаху половци предъ полкомъ Володимеровымъ, невидимо бьеми ангеломъ, яко се видяху многи человѣци, и главы летяху невидимо-стинаемы на землю. И въпросиша колодникъ (плѣнныхъ), глаголюще: како васъ толико сила и многое множество не могосте ся противити, но въскорѣ побѣгосте? Си же отвѣщеваху, глаголюще: како можемъ битись съ вами, а друзіи ѣздяху верху васъ въ оружьи свѣтлѣ и страшни, иже помогаху вамъ! Токмо се суть ангели, отъ Бога послани помогать хрестьяномъ» (сравни т. I, 278—9). Въ «Гисторіи объ азовскомъ взятіи» разсказывается, что казаки, стѣсненные турками, вознесли къ Богу горячія молитвы, и «для той казацкой печали того-же дня возста отъ сѣверной страны туча, а изъ той тучи вышла Дѣва Пречистая Богородица и съ ней множество прекрасныхъ юношей (ангеловъ и мучениковъ), и пришедъ прогна турокъ... Нападе на нихъ страхъ и трепетъ, и ослѣпи очи ихъ, и между собою начали сѣчися» [1]). Какъ валькиріи препровождаютъ падшихъ въ бою героевъ въ блаженное царство Одина, такъ и вилы увлекаютъ присужденныя имъ души въ свои облачныя жилища. Одна мать, у которой было девять дѣвочекъ, молила Бога, чтобы онъ даровалъ ей сына; но вмѣсто мальчика, родила десятую дочь. Когда на крестинахъ спросили родильницу: какое имя дать ребенку? — она въ горькой досадѣ отвѣтила: «Яня—чортъ бы ее взялъ!» (ђаво је однијо!) Яня выросла тонка и высока, бѣлолица и румяна; разъ взяла она ведро и пошла по̀ воду.

Кад је била кроз гору зелену [2]),
Ал' повика из горице вила:
„Ој чујеш ли, прелијепа Јањо!

---

[1]) Рыбник., IV, 182-3. — [2]) Когда шла лѣзеленымъ сомъ...

Баци [1]) ведро у зелену траву,
Ходи к мене у гору зелену;
Тебе j' мajка нама поклонила,
Joш малену куму на рукама".

И дѣвица пошла къ виламъ [2]). Доселѣ существуетъ клятва: «чтобъ тебя вилы унесли!» (виле те однеле! [3]). Вмѣсто выраженія: «какая смерть тебя возьметъ!» сербы говорятъ: «какія вилы тебя одолѣютъ!» [4]). На Руси дѣти, проклятыя отцемъ или матерью, дѣлаются достояніемъ водяныхъ и лѣшихъ.

Наравнѣ съ эльфами и русалками, вилы любятъ пляски, пѣніе и музыку. Собираясь на избранныхъ мѣстахъ — въ лѣсахъ и по горамъ, онѣ водятъ коло, играютъ на свирѣляхъ и дудкахъ, поютъ, бѣгаютъ и рѣзвятся; морскія вилы выходятъ при свѣтѣ мѣсяца изъ своихъ подводныхъ жилищъ, затягиваютъ чудныя пѣсни и въ легкихъ, граціозныхъ пляскахъ носятся по берегу или по зыбкой поверхности водъ. Вилы охотно пляшутъ и подъ звуки гуслей, на которыхъ играетъ пастухъ; онѣ такъ пристрастны къ танцамъ, что предаются имъ до совершеннаго истомленія [5]). Висока́ Ловћен-планина, говоритъ пѣсня, «виленски у њоj станови, свеђ' (всегда) виле танце изводе» [6]). Смертнымъ небезопасно смотрѣть на ихъ веселыя забавы; всякой, кто набредетъ на ихъ хороводъ или вечернее пиршество, всякой, кто расположится станомъ на ихъ «дивномъ игралищѣ, дивномъ пѣвалищѣ»,—подвергается мщенію и стрѣламъ раздраженныхъ вилъ [7]). Иногда, завидѣвъ юношу, вилы увлекаютъ его въ свои танцы и кружа́тъ до тѣхъ поръ, пока онъ не испуститъ своей души [8]); но случается

[1]) Брось. — [2]) Срп. н. пjесме, I, 560—1. — [3]) Срп. н. послов., 35. — [4]) German. Mythen, 571. — [5]) Кукулевичъ, 94. 101; Сб. Валявца, 13, 46, 52—59. — [6]) Срп. н. пjесме, I, 190—1. — [7]) Ibid., 181—3; Срп. рjечник, 61. — [8]) Narod. zpiewanky, I, 8.

также, что, въ награду за долгую неутомимость и искусство въ пляскѣ, вилы вступаютъ съ нимъ въ побратимство и научаютъ его мудрости (дѣлаютъ вѣщимъ), какъ своего любимца. Однажды Марко-королевичъ шелъ горою мимо того мѣста, гдѣ собравшіяся вилы коло играли. Онѣ увидали королевича и пригласили его состязаться съ собой въ танцахъ— съ тѣмъ условіемъ, что если онъ будетъ побѣжденъ, то навсегда останется въ ихъ власти. Но витязь былъ крѣпокъ ногами и одержалъ побѣду надъ всѣми вилами, которыя, не смотря на свою легкую, воздушную природу, попадали наконецъ отъ усталости на землю. Побѣжденныя вилы заключили съ королевичемъ братскій союзъ, и съ той поры какъ-бы состояли у него на службѣ и помогали ему во всякой бѣдѣ. По свидѣтельству черногорской пѣсни, на Мирочѣ всѣ вилы были Марку-королевичу посестримы, кромѣ одной Равиjojлы, но и ту заставили подруги послѣдовать ихъ примѣру [1]). Напѣвы вилъ до того обаятельны, что человѣкъ, услышавши ихъ однажды, уже не можетъ наслаждаться пѣснями земныхъ дѣвъ и всю жизнь свою томится и тоскуетъ. Любятъ вилы состязаться и въ искусствѣ пѣнія, и какъ неравнодушны онѣ къ легкости и быстротѣ пляски, такъ точно неравнодушны и къ звонкому, пріятному голосу. Выше мы указали преданіе, какъ вила Равиjojла поразила стрѣлами Милоша — за то, что въ сравненіи съ нею онъ пѣлъ и звучнѣе, и лучше. Есть еще другое преданіе, что нѣкогда вилы вступили въ состязаніе съ самонадѣяннымъ пѣвцомъ, и доказавши превосходство своихъ голосовъ, ослѣпили его [2]). У хорутанъ извѣстенъ слѣдующій разсказъ: у бѣдной вдовы была малютка-дочь, наученная славнымъ пѣснямъ. По вечерамъ, когда она начинала пѣть, приходили прекрасныя вилы «z dugemi zlatnemi lasmi (воло-

---

[1]) Кукулевичъ, 87—90. — [2]) Ibid., 92.

сами) i zlatnemi opravami». Незримыя никому, кромѣ одной дѣвочки, онѣ внимательно слушали ея пѣсни и всякой разъ оставляли ей какой-нибудь подарокъ. Дитя такъ полюбилось виламъ, что онѣ рѣшились завладѣть имъ, и вотъ когда дѣвочка была похищена—бѣдная мать отправилась на поиски и нашла ее въ полѣ, «gde su vile ž njenum čerjum [1]) popevale. I vile zele su mater med se i davale nji kajkakve stvari [2]) da naj samo kčer pri nji' pusti, ali ona ne je štela [3]). Onda su nji dale lepe stvari da kči saki večer med nje dojde popevat.» Послѣ, когда мать померла, дочь ея сдѣлалась вилою («postala je jedna lepa vila» [4]). Особенно интересна сербская пѣсня, изображающая хороводъ вилъ:

Ој вишњо, вишњице!
Дигни горе гране,
Испод тебе виле
Дивно коло воде.
Пред њими Радиша
Бичем росу тресе,
До две виле води,
А трећој беседи:
„Пођ' за мене, вило!
Код моје ћеш мајке
У ладу седити,
Танку свилу прести
На златно вретено." [5])

Дерево, подъ которымъ собрались вилы, соотвѣтствуетъ мiровой ясени Иггдразилли (см. II, 279), и есть не болѣе, какъ метафора дождевой тучи; подъ ударами громоваго бича, съ

[1]) Съ ея дочерью. — [2]) Вещи, дары. — [3]) Не хотѣла. — [4]) Сб. Валявца, 47—48. — [5]) Срп. н. пјесме, I, 111. Переводъ: Ой вишня, вишенька! подыми вверхъ вѣтви, подъ тобою вилы дивный хороводъ водятъ. Передъ ними Радиша бичемъ росу стрясаетъ, двухъ вилъ водитъ, а третьей говоритъ: пойди за меня, вила! подлѣ моей матери будешь сидѣть въ прохладѣ и прясть тонкiй шелкъ на золотое веретено.

вѣтвей этого дерева сотрясается роса=дождь. Такое сотрясеніе росы, сопровождающее пляску вилъ, указываетъ на ихъ стихійное значеніе и на сродство съ валькиріями, которыя въ своихъ воздушныхъ поѣздахъ также роняютъ росу. Послѣднія два стиха пѣсни свидѣтельствуютъ, что вилы занимались пряжею. Хорутанскія приповѣдки разсказываютъ, что за услуги, оказанныя виламъ, онѣ дарятъ такой клубокъ нитокъ, изъ которыхъ можно наготовить столько полотенъ, сколько захочется. Такъ одна пастушка укрыла спящую вилу отъ жаркихъ лучей солнца, а вила подарила ей «jedno klopko (клубокъ) i rekla: samo vezda snuj ovo klopko — i budeš imela dosti rubja (платья [1]). Ona je tak napravila i imela je tuliko platna da si je napravila rubja dosti sebi i svojemu bratu» [2]). Народное повѣрье утверждаетъ, что вилы шьютъ женскія одежды, и сидя на плоту, расчесываютъ свои золотистыя косы [3]). Цвѣтокъ cuscuta europaea, называемый у нѣмцевъ flachsseide, у сербовъ слыветъ: вилина коса [4]).

Одно изъ наиболѣе распространенныхъ въ народномъ эпосѣ сказаній основано на миѳѣ о похищеніи облачныхъ женъ и сокрытіи дождевыхъ источниковъ злобнымъ демономъ — змѣемъ. Въ хорутанскихъ сказкахъ миѳъ этотъ передается въ такой формѣ: царевичъ (=громовникъ) женится на прекрасной вилѣ; но приходитъ пора, и ее похищаетъ огненный король—старикъ, изъ устъ котораго исходитъ пламя; онъ уноситъ вилу на ognjevitu goru или въ змѣиный городъ, и тамъ сажаетъ ее среди потока (=въ тучѣ) и оковываетъ цѣпями, т. е. зимнею стужею. Царевичъ отправляется добыват свою подругу, и чтобы достигнуть этой цѣли — долженъ слу-

---

[1]) Серб. руб, рубац = рус. рубаха. — [2]) Сб. Валявца, 60—62. — [3]) Кукулевичъ, 99—100; Иличь, 281. — [4]) Срп. рјечник, 62.

жить у бабы-чародѣйки и пасти быстроногихъ вилиныхъ кобылицъ, въ которыхъ обращаются ея дочери. Такой подвигъ совершается имъ при содѣйствіи Солнца, Мѣсяца и Вѣтра; затѣмъ, купаясь въ молокѣ вилиныхъ кобылицъ, онъ дѣлается сильномогучимъ богатыремъ и получаетъ за службу чудеснаго коня; на этомъ конѣ онъ увозитъ свою красавицу отъ огненнаго короля, а самому королю отсѣкаетъ мечемъ голову [1]), т. е. при возвратѣ весны богъ-громовникъ, купаясь въ молокѣ небесныхъ источниковъ, обрѣтаетъ свою прежнюю силу, поражаетъ демона мрачныхъ тучъ и выводитъ изъ заключенія дожденосную нимфу, какъ свою любимую супругу. Въ зимнее время, подъ вліяніемъ вьюгъ и морозовъ, царство облачныхъ дѣвъ каменѣетъ; соотвѣтственно этому поэтическому представленію, сказка, изображаетъ царство вилъ окаменённымъ силою злаго заклятія, но вотъ наступаетъ пора освобожденія (=весна) и сказочный герой несется туда на вилиномъ конѣ, входитъ въ церковь и начинаетъ звонить: «kak on pozvoni, ali na jedenkrat vse oživi—ljudi, marha (стада) i vse kaj je predi bilo okamenjeno». Звонъ—метафора грома; шумъ грозы пробуждаетъ мертвое царство, и добрый молодецъ женится на златовласой красавицѣ, царицѣ вилъ [2]). Какъ всѣ облачные, грозовые духи могутъ посылать и жизнь и смерть, смотря потому—несутъ ли они живую воду дождя, или холодныя, всёоцѣпеняющія вьюги; такъ и вилы представляются съ тѣмъ-же двойственнымъ характеромъ: онѣ то разрушаютъ волшебныя чары и призываютъ окаменѣлыхъ героевъ къ жизни, то сами превращаютъ ихъ въ камень, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ отождествляются съ злыми чародѣйками—вѣдьмами. Царевичъ нанимается въ пастухи къ слѣпому старику; съ гуслями въ рукахъ, онъ гонитъ стадо на пастбище, располагается вблизи вилина города и засыпаетъ крѣпкимъ сномъ; въ это время

[1]) Сб. Валявца, 1—5, 24—29. — [2]) Ibid., 17—19.

вилы окаменили все его стадо. Проснувшись, царевичъ пошелъ къ виламъ. «Mam, veli jedna vila, da budu ga vezda na kamen napravile, a druga veli: ne-ne, ima gusle, naj nam igra, bumo tancale. On jim igra-igra, a one, gda jim preveč tancańja bilo, kričiju: náj igrati, náj-náj![1]) On samo igra dok su opadale vre vile. Onda kričiju: náj igrati, idi raiši v ono šikarje pak si onu i onu šibu (прутъ, вѣтку) odreži pak vudri po sakem kamenu, 'sa bu ti nazad marha. On igra-igra. One kričiju: náj igrati, rajši otrgni onu travu tam pak namaži starcu slepomu tvojemu oči pak bu taki videl. On igra-igra, pák veliju mu vile: náj, náj igrati, idi k starcu dimo pak vudri po štali, mam bu 'se zlato i ves zlati konj i 'se bu vu štali zlato. On nikaj, igra-igra. One veliju: náj igrati, vudri doma po pivnici[2]), buš tam dva kupe zlata i srebra našel, samo nam pusti mira pak náj igrati»[3]). Царевичъ перестал играть и воспользовался всѣмъ, что высказали ему вилы. Эта игра на гусляхъ—метафора грозовыхъ пѣсней. Называя вой бури и раскаты грома небесною музыкою, фантазія создала басню о гусляхъ-самогудахъ, обладающихъ такимъ чародѣйнымъ свойствомъ, что пока они издаютъ звуки—все кружится и пляшетъ; вилы поэтому и не могутъ оставить своей бѣшеной пляски, и усталыя просятъ о пощадѣ. Смыслъ преданія—слѣдующій: богъ-громовникъ, искусный музыкантъ на волшебныхъ гусляхъ, выгоняетъ въ раннюю весеннюю пору свои небесныя стада, т. е. дождевыя облака; а вилы, пользуясь его отдохновеніемъ, превращаютъ ихъ суровымъ дыханіемъ стужи въ безжизненные камни. Но вотъ пробуждается громовникъ, начинаетъ наигрывать на гусляхъ, и заставляя вилъ

---

[1]) Когда вилы натанцовались, онѣ закричали: довольно, будетъ играть! — [2]) Штала—конюшня, пивница—погребъ. — [3]) Сб. Валявца, 33—34, 54—56.

плясать, приводитъ ихъ въ совершенное истомленіе, т. е. смиряетъ ихъ въ шумѣ бурной грозы, дѣйствіемъ которой окаменѣлыя стада его возвращаются къ жизни (ударъ вѣтки есть ударъ молніи, см. II, 388-395), золото солнечныхъ лучей проясняется изъ-за разбитыхъ тучъ и верховному владыкѣ неба, ослѣпленному темными облаками и туманами, возвращается его зрѣніе=свѣтъ. Солнце, луна и звѣзды уподоблялись золоту, серебру и глазамъ. Тучи, закрывающія эти свѣтила, представлялись демонами, готовыми не только похитить драгоцѣнныя сокровища, но и ослѣпить всевидящія, міровыя очи. Вилы, какъ собирательницы облаковъ, также отнимаютъ небесный свѣтъ, или выражаясь метафорически: похищаютъ зрѣніе (очи), пока могучій громовникъ не разсѣетъ сгущенныхъ тучъ и не выведетъ изъ-за нихъ яснаго солнца, или блестящихъ звѣздъ и мѣсяца. Приведенная сказка имѣетъ еще другой варіантъ [1]): три вилы выкопали у стараго дѣда очи; смѣтливый пастухъ вызвался возвратить ему зрѣніе. Онъ приготовилъ шестьнадцать клиньевъ и погналъ овцу да барана на пастбище. Вскорѣ явились туда три вилы и начали танцовать подъ музыку пастуха; онѣ танцовали до тѣхъ поръ, пока не попадали наземь. Тогда добрый молодецъ прикрѣпилъ ихъ клиньями къ землѣ, а баранъ принялся подъ бока толкать; вилы принуждены были покориться и выдали пастуху шесть коробокъ глазъ, между которыми онъ нашелъ и глаза дѣда. Пастухъ воротился къ слѣпому, вставилъ ему очи, и съ помощію цѣлебной травы, указанной вилами, возвратилъ ему потерянное зрѣніе [2]). Г. Максимовичъ упоминаетъ о подобной же малорусской сказкѣ про злую русалку, которая лишала зрѣнія дѣда и бабу—за то, что они пасли овецъ на ея заповѣдномъ лугу, и носила ихъ вынутыя очи въ платкѣ за поясомъ [3]).

---

[1]) Ibid., 52—53. — [2]) Сравни у Эрбена, 27—29: „Jezinky". — [3]) Рус. Бес. 1856, III, 100.

Тѣхъ-же миѳическихъ дѣвъ болгары знаютъ подъ именами: а) само-вила и в) само-дива; первая преимущественно обитаетъ въ горахъ, а послѣдняя — въ рѣкахъ и колодцахъ. Оба имени сопровождаются придаточнымъ само и напоминаютъ наши эпическія выраженія: коверъ-самолетъ, скатерть-самобранка, топоръ-саморубъ и др. Самовила (самовьющая, самопряха) существенно ничѣмъ не отличается отъ сербской и словенской вилы; а самодива должна быть поставлена въ сродство съ дивами=великанами и змѣями-тучами. Какъ этимъ послѣднимъ присвоивается прозваніе юдо (II, 216, 290, 618), такъ присвоивается оно и самовиламъ («юдо-самовило!») Юды, по разсказамъ болгаръ, — жены съ длинными косами, живутъ въ глубокихъ рѣкахъ, озерахъ и водоворотахъ; выходя на берегъ, онѣ любятъ расчесывать волосы, а если завидятъ кого въ водѣ, то оплетаютъ и удавливаютъ его своими косами. Въ пѣсняхъ самовиламъ даются постоянные эпитеты: самогорска, прекуморска; у нихъ — славныя русыя косы, онѣ водятъ хороводы[1]), вступаютъ съ юнаками въ побратимство, помогаютъ имъ въ нуждѣ и спасаютъ ихъ отъ преждевременной смерти; подобно сербскимъ виламъ, онѣ созидаютъ облачные города:

Градъ градила самовила
Ни на небо, ни на земи,
Туку така подъ облака.

Когда идетъ дождь и въ тоже время свѣтитъ солнце, тогда, по мнѣнію болгаръ, купаются самовилы [2]), что соотвѣтствуетъ нѣмецкому и малорусскому повѣрью, что тогда чортъ=громовникъ бьетъ свою жену=вѣдьму (см. выше,

---

[1]) „Оро (коло, хороводъ) ми играле триста самовили На вѫрфъ на планина, на рамна рудина“. Когда юды водятъ коло, то движутся самыя горы—Др. болгар. пѣсня объ Орфеѣ, открыт. Верковичемъ; здѣсь же упомянуто, что юды собираютъ лѣкарственныя травы. — [2]) Каравел., 240—1, 319; Миладин., 1—7, 524.

стр. 14-15). Наравнѣ съ эльфами, лѣсными и водяными духами, самодивы признаются за падшихъ свѣтлыхъ ангеловъ; низвергнутыя съ неба, онѣ населили воды, а иныя остались въ воздухѣ и по ночамъ нарушаютъ тишину своими чудными звуками, которые слышатся то какъ отдаленная музыка, то какъ дѣвичьи пѣсни, то какъ скрипъ безчисленныхъ колесъ. Самодивы поютъ и пляшутъ по лугамъ и оставляютъ на травѣ большіе круги, состоящіе изъ узкой, убитой ихъ ногами дорожки. Если человѣкъ, заслыша ихъ пѣсню, осмѣлится приблизиться къ самодивскому хороводу, онѣ или убиваютъ его, или навсегда лишаютъ языка и памяти [1]). На связь ихъ съ губительными болѣзнями указываетъ и то, что Моровая дѣва причисляется болгарами къ самодивамъ и юдамъ-самовиламъ (см. стр. 104). Въ качествѣ облачныхъ нимфъ, онѣ вліяютъ на земное плодородіе: когда нивы стоятъ еще зеленыя, въ нихъ, по народному повѣрью, прячутся самодивы и орисницы; послѣднія колосья, оставляемыя на поляхъ жнецами, называются божя брада и считаются достояніемъ самодивъ; кто поскупится и не оставитъ для нихъ колосьевъ на своей полосѣ, у того вихри отнимутъ ноги [2]); когда пріѣзжаютъ на мельницу съ зерновымъ хлѣбомъ, то часть смолотой изъ него мукѝ бросаютъ въ воду самодивамъ, а му́ку, которая, подымаясь пылью, осаживается по стѣнамъ мельницы, называютъ дяволски хлѣбъ [3]).

Самовиламъ приписывается запираніе водныхъ источниковъ и похищеніе зрѣнія. Вотъ свидѣтельство пѣсни:

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1846, XII, 205. — [2]) Въ венгерской Сербіи послѣднія колосья на нивѣ, несрѣзанныя серпомъ, перевязываются золотыми нитями и лентами и называются брадой господина Бога (сравни: I, 697—8). Изъ этой бороды выдергиваютъ нѣсколько колосьевъ и плетутъ вѣнокъ, который потомъ прикрѣпляется къ палкѣ, поставленной посреди нивы, и носитъ названіе Срећа (счастье) — Археолог. Вѣстникъ 1867, II, 57. Орисницы и Срећа — дѣвы судьбы. — [3]) Сообщ. г. Каравеловымъ.

Шеталъ [1]) Марко низъ гора зелена,
Що ми шеталъ три дни и три ноќя [2]),
Ни можитъ вода да ми найдитъ,
Ни запіетъ, ни да сѣ измієтъ,
Ни за себе, ни за бѫрза коня.
Паговори Марко кралевике:
„Ворай горо, горо Димна-горо!
Камо ти вода да сѣ напіамъ,
Не машъ да піамъ, ни да сѣ измiамъ.
Да би ми те ветаръ исушило!
Да би ми те сонце изгорило!“

Отвѣчаетъ Марку-королевичу Димна-гора: «гой ты, Марко-добрый юнакъ! не кляни меня, а кляни старую самовилу,

Що собрала седумдесетъ кла'енци [3]),
Да иснесла на вѫрфъ на планина,
Да прода'атъ еденъ бардакъ вода [4])
. . . . . за цѫрни-те очи.“

Когда услыхалъ это Марко-королевичъ, спрашиваетъ онъ своего добраго коня:

„Ай ти коню, мое мило добро!
Али можишъ ти да ме изнесишъ,
Да отепамъ стара самовила,
Да растурамъ седумдесетъ кла'енци?“

Конь несетъ его на вершину горы; витязь поражаетъ самовилу, отмыкаетъ семьдесять колодцевъ и открываетъ ихъ водамъ свободный исходъ [5]). Точно также и сербскія вилы дозволяли юнакамъ пить изъ своихъ заповѣдныхъ источниковъ и поить оттуда коней — не иначе, какъ подъ условіемъ тяжелой дани:

На водици вила-баждарица
Те узима тешку баждарину [6]):

---

[1]) Бродилъ. — [2]) Ночи. — [3]) Кладези. — [4]) И продаетъ одну кружку воды. — [5]) Миладин., 8—9. — [6]) Дань, подать.

Од юнака оба церна ока,
А од ков(ь)а ноге све четыре [1]).

Основная мысль этихъ поэтическихъ сказаній—та, что облачные духи, хранители дождевыхъ источниковъ, только тогда допускаютъ пролиться на землю обильному дождю, когда заволокутъ небо тучами и потемнятъ его свѣтозарныя очи. Скандинавскій миѳъ говоритъ о глазѣ-солнцѣ, отданномъ нѣкогда въ закладъ Одиномъ за глотокъ воды изъ Мимирова источника (см. I, 374). Эти черты: задержаніе дождевыхъ потоковъ и сокрытіе небеснаго свѣта = зрѣнія принадлежатъ виламъ наравнѣ съ драконами (см. II, 532, 556) и придаютъ имъ демоническое значеніе; отсюда объясняется и выраженіе болгарской пѣсни: стара самовила [2]). Валахская сказка [3]) разсказываетъ о драконахъ, похитившихъ зрѣніе у одной старушки; добрый молодецъ нанимается къ ней пасти стадо; звуками музыки онъ побѣждаетъ драконовъ и возвращаетъ старухѣ зрѣніе, омывши ея глазныя впадины въ молочномъ прудѣ, т. е. дождевой водою. Богатырскіе кони (кони бога-громовника), напиваясь изъ вилиныхъ источниковъ, лишаются ногъ, т. е. пролитіе дождя сопровождается паденіемъ молній, ибо удары этихъ послѣднихъ фантазія древнихъ поэтовъ сравнивала съ ударами конскихъ копытъ (см. стр. 2-4). Еще яснѣе указываетъ на стихійное значеніе самовилъ другая болгарская пѣсня: ѣхалъ молодецъ Иванъ Поповъ, заступила ему путь-дорогу самовила и хочетъ выпить его черныя очи. Но богатырь не поддался, схватилъ ее за русую косу, вскинулъ на своего борзаго коня и привезъ домой; здѣсь отобралъ у нея правое крыло, заперъ его въ ларецъ и сдѣлалъ самовилу своею женою. Прошло три года, родила она сына; на крестинахъ стали просить самовилу, чтобы показала свое искусство

[1]) Путеш. въ Черногорію, 216; Кукулевичъ, 89. — [2]) Въ пѣснѣ объ Орфеѣ старая юда изображена на подобіе змѣя, съ тремя головами и хвостами.—[3]) Шоттъ, 10

въ пляскахъ—поиграла малу 'оро самовилско. Отвѣчала самовила: «нек' ми пущитъ (Иванъ Поповъ) десно крило, тако 'оро да поигра». Но только что получила она свое правое крыло, какъ тотчасъ-же улетѣла. Закричала вслѣдъ ей свекровь:

Дете плачитъ за лелянѣ,
За лелянѣ, за цицанѣ;

кто будетъ лелѣять ребенка? кто накормитъ его грудью? И слышится отвѣтъ самовилы: какъ заплачетъ дитя «за цицанѣ»—я воздою его частой росою, а заплачетъ «за лелянѣ—убаюкаю его тихимъ вѣтромъ! [1]). Но если съ одной стороны вилы, сгущая облака, могли омрачать очи; то съ другой, проливая дожди, онѣ прочищали небо отъ темныхъ тучъ, выводили изъ-за нихъ ясное солнце и давали міру свѣтъ=зрѣніе. Отсюда возникло вѣрованіе, что вилы знаютъ источники, обладающіе чудесною силою исцѣлять слѣпоту. Когда великанъ-дивскій старѣйшина вынулъ у Јована оба глаза, ему помогла вила; она быстро прилетѣла съ горы, умыла его водою и сотворила ему очи [2]). По хорутанскому преданію, два брата ослѣпили третьяго, отвели его на высокую гору и тамъ покинули. Несчастный не зналъ что дѣлать, но явились вилы и стали говорить промежъ собой: «da bi ov človek znal da bi si zorjinum rosum (росой, падающей на зорѣ) oči namazal, mam bi pregledal.» Слѣпой омочилъ свои глаза росою—и тотчасъ-же прозрѣлъ [3]).

Летучія облака предки наши уподобляли птицамъ; подъ вліяніемъ этого уподобленія облачнымъ дѣвамъ приписана была способность превращаться въ голубя, утку, гуся и всего чаще въ лебедя. Собственно на этихъ птицахъ фантазія оста-

---

[1]) Миладин., 1—3 — [2]) Срп. н. пјесме, II. 36. — [3]) Сб. Валявца, 36—37; Срп. н. припов., стр. 106; у чеховъ въ этомъ случаѣ мѣсто вилъ заступаютъ вѣдьмы — Сказ. Грим., III, стр. 342.

новилась потому, что голубь издревле посвящался громовнику (I, 540 — 2), а гусь, утка и лебедь — птицы водяныя; облачныя же дѣвы (какъ извѣстно) признавались нимфами рѣкъ и источниковъ и постоянно плавали и купались въ ихъ водахъ. Сверхъ того, на сближеніе облачной дѣвы съ лебедемъ наводилъ самый языкъ. Выше указано, что эльфы, русалки, вилы и полудницы, какъ духи, вооруженные молніеносными стрѣлами, являющіеся весною подъ легкими покровами облаковъ, согрѣтыхъ и озаренныхъ яркими лучами солнца, представлялись существами свѣтлыми, блестящими, бѣлыми: бјела вила, bila pani. Что-же касается лебедя (серб. лабуд, чеш. labut', пол. łabędź, łabęć), то онъ получилъ присвоенное ему имя по бѣлоснѣжному цвѣту своего пера. Слово это роднится съ др.- и сред.-нѣм. albiz, alpiz, elbez, англос. elfet, ylfet, скан. âlft, âlpt—cygnus, лат. albus (сабин. alpus), alba = славян. лаба, лабе, и первоначально означало «бѣлую» птицу; чеш. lebediti se — ярко бѣлѣть. Нѣмецкіе alp, elp, älf образовались отъ того-же корня [1]). Такъ возникли сказанія о дѣвахъ-лебедяхъ, и тѣмъ легче было сочетать эти различныя представленія, что слово лебедь въ народномъ говорѣ большею частію употребляется въ женскомъ родѣ; въ нѣм. albiz, elbez родъ

---

[1]) О вліян. христ. на сл. яз., 44—45; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 574: славянскимъ лебедь, лабудь отвѣчаютъ литов. баланда, баландас отъ балти—бѣлѣть. Нашъ эпическій языкъ даетъ женскимъ грудямъ постоянный эпитетъ бѣлыя, а народная загадка обозначаетъ ихъ слѣдующею метафорою: „бѣлый лебедь на блюдѣ не былъ, ножемъ не рушенъ, а всякъ его кушалъ" — Этн. Сб., VI, 50. Санскр. hansa, hansi—гусь и лебедь отъ han (вмѣсто ghan) — pulsare, icere; нѣм. schwan (старин. suan, англос. svan) отъ санскр. svan — sonare; лат. columba = слав. голубь отъ санскр. lamb — sonare (Зап. Р. Г. О. по отд. эти., I, 574).

колеблется между мужскимъ и женскимъ, а въ скан. âlft осиливаетъ послѣдній.

Небесныя дѣвы индусовъ — апсарасы любили смѣшивать свой человѣческій образъ съ формами, заимствованными у лебедей и утокъ [1]). У германо-славянскаго племени представленіе это пустило глубокіе корни и разрослось въ многочисленныя сказанія о лебединыхъ дѣвахъ. Сродство этихъ дѣвъ съ эльбинами несомнѣнно; никсы узнаются по ихъ лебединымъ или гусинымъ лапамъ, которыя онѣ тщательно прячутъ подъ ихъ длинными платьями [2]); подобно тому, сербскія вилы оборачиваются и прилетаютъ лебедями, а у нашихъ русалокъ, по народному повѣрью, пальцы на ногахъ соединены перепонкою, какъ у гуся, что̀ заключаютъ по ихъ слѣдамъ, какія остаются на мокромъ песку у береговъ рѣкъ и источниковъ. Слѣды эти можно видѣть только тогда, когда, застигнутыя въ расплохъ, русалки поспѣшно бросаются въ воду; обыкновенно-же онѣ прежде, чѣмъ покинутъ берегъ, взметаютъ песокъ и тщательно сглаживаютъ свои ступни [3]). Въ связи съ указанными повѣрьями, кажется, слѣдуетъ поставить и доселѣ-уцѣлѣвшій болгарскій обычай бросать самодивамъ въ воду кусокъ жаренаго гуся [4]). Богиня-пряха Берта представлялась съ лебединою или гусиною ногою, и эта особенность, вмѣстѣ съ перенесеніемъ преданій о Бертѣ на королеву Бертраду (мать Карла Великаго) была усвоена послѣдней, какъ доказываютъ ея старинныя изображенія во многихъ церквахъ Франціи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ утверждаютъ, что Берта принимаетъ видъ лебедя, а въ Баваріи, что она является коровою [5]). У богини

[1]) Die Götterwelt, 54. — [2]) D. Myth., 407, 460. — [3]) Иллюстр. 1845, 299. — [4]) Москов. Газета 1866 г., стат. Каравелова; по костямъ этого гуся гадаютъ о будущемъ. — [5]) Die Götterwelt, 296. Корова = дождевая туча. Отсюда объясняется любопытная по-

Фреи была пернатая сорочка, надѣвая которую она могла совершать быстрые полеты; вмѣстѣ съ Одиномъ, ей были подвластны вѣщія и воинственныя валькиріи (см. гл. XXV), которыя охотно проводили время на берегу моря, занимались пряжею и превращались въ лебедей. Въ англосаксонской поэзіи морю дается эпическое названіе: лебединый путь (svanrâd). Въ сказаніи Эдды о Вöлюндрѣ находимъ слѣдующія слова: «рано поутру нашли они (Вöлюндръ и его братья) на морскомъ берегу трехъ женъ, которыя пряли ленъ; при нихъ лежали лебединыя сорочки (âlptarhamir); то были валькиріи». Накидывая на себя эти сорочки, онѣ тотчасъ-же улетали лебедями, и одна изъ нихъ даже называлась Svanhvît (Schwanweiss — бѣлая лебедь) и имѣла лебединыя перья. Валькирія Kâra является въ Hrômundarsaga, какъ чародѣйка; облекаясь въ лебединую сорочку, она съ звучною пѣснею носится надъ рядами сражающихся героевъ. При ея содѣйствіи, любимецъ ея Гельги всегда побѣждалъ въ бою; но случилось, что въ одномъ сраженіи онъ высоко вознесъ свой мечь, взмахивая имъ по воздуху, и ранилъ валькиріи ногу; она упала на землю, и съ той поры оставило его счастіе. Сага о Вöлюндрѣ (въ томъ видѣ, какъ она изложена въ старо-нѣмецкомъ стихотвореніи) допускаетъ замѣну лебедей голубями: три голубки

дробность сказки о коровѣ-бурёнушкѣ (Н. Р. Ск., VI, 54, 55; Худяк., 56; Кулишъ, II, 23—26; Собран. стар. рус. сказокъ — „Строева дочь»; Срп. н. припов., 32; сб. Валявца, 222—3; Гальтрихъ, 17): мачиха заставляетъ падчерицу прясть и ткать и нарочно задаетъ ей большіе, невыполнимые уроки; дѣвица приходитъ къ бурёнушкѣ, въ которую превратилась ея мать, кладетъ ей кудель въ правое ухо, а изъ лѣваго вынимаетъ готовую пряжу; иногда сама входитъ въ одно ухо, а выходитъ въ другое съ оконченною работою: все выпрядено, соткано и выбѣлено! Или, вмѣсто этого, корова начинаетъ жевать принесенный ленъ, а изо рта у ней тянется тонкая, ровная нитка — только успѣвай на катушку наматывать!

прилетают къ источнику, и касаясь земли — оборачиваются дѣвами; Wielant похищаетъ у нихъ платье и не прежде отдаетъ назадъ, пока одна изъ нихъ не соглашается стать его женою [1]. Валькиріи обладаютъ высшимъ, божественнымъ вѣдѣніемъ: Брингильда сообщила Сигурду всѣ руны, какія только желаетъ знать человѣкъ, и научила его понимать чуждые языки и исцѣлять мазями. Въ поэмѣ о Нибелунгахъ находимъ слѣдующій разсказъ: пріѣхали бургунды на берега Дуная, рѣка была въ разливѣ, какъ переправиться на другой берегъ? Хагенъ пустился вдоль берега искать перевощика; вдругъ слышитъ—что-то въ водѣ плещется, глянулъ—передъ нимъ купаются бѣлыя дѣвы, словно лебеди. Хагенъ подошелъ, взялъ ихъ платья, и одна изъ дѣвъ провѣщала витязю: «благородный Хагенъ! если отдашь наши платья, мы тебѣ скажемъ, чѣмъ окончится ваше путешествіе». Вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ предсказывать будущее, и пророчество ихъ вполнѣ сбывается. Этотъ даръ предвѣщаній принадлежитъ валькиріямъ, какъ обладательницамъ божественнаго напитка (живой воды), и наравнѣ съ прочими облачными дѣвами ставитъ ихъ въ разрядъ вѣстницъ судьбы. На томъ же основаніи и лебедь признанъ былъ вѣщею птицею; въ нѣмецкомъ языкѣ употребительно выраженіе es schwant mir — мнѣ предчувствуется. Въ водахъ небеснаго источника, у котораго обитали дѣвы судьбы (норны), плавало два лебедя. Въ индѣйской поэмѣ «Наль и Дамаянти» златоперый лебедь или гусь (hansa = anser, gans) вѣщаетъ человѣческимъ голосомъ [2]. По свидѣтельству стародавнихъ миѳовъ, живая вода надѣляла не только предвѣдѣніемъ и мудростью, но и поэтическимъ вдохновеніемъ; поэтому водянымъ (облачнымъ) нимфамъ приписыва-

---

[1]) D. Myth., 398 - 400; Симрокъ, 113, 122. — [2]) D. Myth., 398, 400.

лось созданіе сладкозвучныхъ пѣсень, и греческія музы первоначально были не болѣе, какъ существа стихійныя, которымъ доступны вдохновительныя воды небесныхъ источниковъ. Здѣсь коренится и преданіе о чудной, восхитительной лебединой пѣснѣ; это—послѣдняя пѣснь лебедя передъ его кончиною =пѣснь, звучащая въ бурной грозѣ, которую поетъ лебединая дѣва (=туча), умирая въ пламени молній и потокахъ дождя, и которой съ трепетомъ внимаетъ вся природа (сравни съ пѣснею Феникса—I, 514). Воинственнымъ характеромъ своимъ валькиріи сходятся съ сербскими вилами; онѣ приносятъ съ собой войну и всѣ ея ужасы, что напоминаетъ намъ чудесную дѣву «Слова о полку Игоревѣ», которая плескалась на синёмъ морѣ лебедиными крыльями и названа Обидою: «въстала Обида въ силахъ Дажьбога внука, вступилъ(а) дѣвою на землю Трояню, въплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещущи» [1]). Названіе Обида согласуется съ тѣми собственными именами, какія приданы небеснымъ воинственнымъ дѣвамъ въ преданіяхъ грековъ и германцевъ; наприм. Распря, Побѣда и проч. (см. гл. XXV). Имена эти нельзя считать искусственною риторическою прикрасою; они непроизвольно, сами собой образовались изъ тѣхъ эпитетовъ, какіе присвоялись ратующимъ въ битвахъ, смертоноснымъ нимфамъ. Болѣе живыя воспоминанія о лебединыхъ дѣвахъ сохранились въ народныхъ сказкахъ. Особенно-интересною представляется намъ сказка о Морскомъ царѣ и его премудрой дочери [2]): юный Иванъ-царевичъ отправляется въ подводное царство, приходитъ къ морю и прячется за кусты. На ту пору прилетѣли туда двѣнадцать голубокъ или уточекъ, сбросили свои крылушки (или пёрушки [3]), обер-

---

[1]) Рус. Дост., III, 92—94. — [2]) Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49. — [3]) Ibid., VII, 22.

нулись красными дѣвицами и стали купаться: это были водяныя красавицы, дочери Морскаго царя. Иванъ-царевичъ подкрался потихоньку и взялъ крылушки Василисы Премудрой. Дѣвицы испугались, похватали крылушки и улетѣли голубками или уточками; оставалась одна Василиса Премудрая, начала упрашивать добраго молодца возвратить ей крылья, и царевичъ отдаетъ ихъ подъ условіемъ, чтобы она согласилась быть его женою. По народному повѣрью, превращеніе въ звѣря совершается набрасываніемъ на себя его мохнатой шкуры, тоже самое значеніе, какое въ данномъ случаѣ соединяется съ звѣриною шкурою,— при измѣненіи человѣческаго образа въ птичій, приписывается крыльямъ и перьямъ. По другимъ варіантамъ, вмѣсто крылушекъ, царевичъ похищаетъ сорочку и кушакъ морской дѣвы [1]; эта замѣна основывается на поэтическомъ представленіи облаковъ—одеждами, покровами, что въ сліяніи съ метафорою, сблизившею ихъ съ птицами, породило сказанія о пернатыхъ сорочкахъ (орлиныхъ, сокольихъ, лебединыхъ), въ которыя рядились боги и великаны скандинавской миѳологіи. Въ нѣмецкой сказкѣ [2] вѣдьма накидываетъ на мальчиковъ бѣлыя сорочки (schwanenhaut)—и они превращаются въ лебедей; снимая въ урочные часы эти сорочки, лебеди снова принимаютъ человѣческія формы. Дѣвы-птицы встрѣчаются и во многихъ другихъ сказкахъ [3], и вездѣ имъ равно придается вѣщее значеніе и необычайная мудрость; онѣ исполняютъ трудныя, свыше силъ

---

[1]) Ibid., VIII, 7. — [2]) Сказ Грим., 49. — [3]) Н. Р. Ск., VII, 4, 13, 22; VIII, 7 (здѣсь онѣ названы дочерьми Ворона Вороновича, которому повѣрье приписываетъ добываніе живой воды); Срп. н. припов., 4; Нар. сл. раз., 124—130. Въ сказкѣ о Еруславѣ (Н. Р. Ск., VIII, стр. 401) говорится: ровно въ полдень прилетѣло великое стадо птицъ-хохотуней (хохотъ — одинъ изъ существенныхъ признаковъ водяныхъ, лѣшихъ и русалокъ), сѣли кругомъ дуба и учали изметываться красными дѣвицами.

человѣческихъ, задачи и заставляютъ себѣ подчиняться самую природу. Въ одной сказкѣ [1]) эти миѳическія дѣвы прилетаютъ бѣлыми лебедушками, а въ другихъ [2]) героиней выводится премудрая Лебедь-птица, красная дѣвица, или Лебедь-королевна такой чудной красоты, что̀ ни око не видѣло, ни ухо не слышало; въ былинѣ о Потокѣ-Михайлѣ Ивановичѣ добрый мо̀лодецъ увидалъ на тихихъ заводяхъ бѣлую лебедушку: черезъ перо птица вся золотая, а головка у ней — краснымъ золотомъ увитая, скатнымъ жемчугомъ усаженая. Вынимаетъ Потокъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана калену стрѣлу, хочетъ стрѣлять по лебеди;

Провѣщится ему лебедь бѣлая:
Не стрѣляй ты меня...
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулася душой-красной дѣвицей,

и вышла замужъ за мо̀лодца [3]). Нѣмецкія саги и сказки [4]) часто упоминаютъ о плавающихъ въ прудѣ или озерѣ, прекрасныхъ лебединыхъ дѣвахъ (schwanenjungfrauen); вздумаетъ ли кто полюбоваться ими — онѣ тотчасъ-же скрываются отъ нескромныхъ взоровъ, улетая бѣлыми лебедями. Во французскихъ сагахъ это превращеніе въ лебедей приписывается ѳеямъ; для того, чтобы задержать ѳею (= остановить ея полетъ), необходимо похитить у ней сорочку, — точно также, какъ болгарскіе юнаки, съ цѣлію овладѣть самовилою, похищаютъ ея крылушки.

Всѣ означенныя стихійныя существа: эльбины, вилы и русалки поставлены въ народныхъ преданіяхъ въ самую близкую связь съ миѳическимъ представленіемъ душъ, издревле-

---

[1]) Н. Р. Ск., VIII, 3. — [2]) Ibid., VI, 60; Глинск., II, 61 и дал. — [3]) Кирша Дан., 217; Рыбник., I, 208, 215; сравни т. I Поэт. Воззрѣн., 515—6. — [4]) Наприм. въ сборн. Гальтриха, 5.

уподобляемыхъ то возженному огню, то дующимъ вѣтрамъ; онѣ или сами принимаются за души усопшихъ, или смѣшиваются съ тѣми вѣщими дѣвами, которыя, присутствуя при рожденіи младенца, какъ-бы влагаютъ въ него душу живу, а потомъ изымаютъ ее при кончинѣ человѣка, и такимъ образомъ опредѣляютъ начало и конецъ человѣческой жизни. Подробному изслѣдованію этихъ важныхъ вопросовъ о связи эльфическихъ духовъ съ душами усопшихъ и дѣвами судьбы мы посвящаемъ двѣ послѣдующія главы.

XXIV.

ДУШИ УСОПШИХЪ.

Послѣдній актъ, которымъ завершается земная жизнь человѣка, исполненъ таинственнаго значенія. Неумолимая смерть, постоянно унося новыя жертвы, для остающихся въ живыхъ поколѣній ничего не открываетъ о той безвѣстной странѣ, куда увлекла ихъ предшественниковъ. Но человѣкъ, по самому свойству своей возвышенной природы, жаждетъ знать о томъ, что будетъ съ нимъ за могилою. Мысль о конечномъ уничтоженіи такъ враждебна инстинкту жизни, ощущаемому человѣкомъ, что она уже въ глубочайшей древности отстранялась имъ во имя надежды въ жизнь загробную, которая составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ во всѣхъ религіяхъ [1]. Праздники въ честь умершихъ, приношенія и возліянія на ихъ могилы, вѣра въ явленіе мертвецовъ и множество другихъ преданій ярко свидѣтельствуютъ, что наряду съ другими языческими племенами и славяне были убѣждены, что тамъ—за гробомъ начинается новая жизнь, и имѣли о ней свои довольно-подробныя, хотя и не строго-опредѣлившіяся представленія.

---

[1] Ф. Куланжъ, 9: «Какъ бы далеко мы не углублялись въ исторію индоевропейскаго племени, мы не найдемъ, чтобы раса эта когда-либо думала, будто съ настоящею жизнію все оканчивается для человѣка. Самыя древнія поколѣнія, еще прежде всякихъ философовъ, вѣрили въ загробную жизнь.“

Прежде всего отмѣтимъ тотъ многозначительный фактъ, что славяне признавали въ душѣ нѣчто отдѣльное отъ тѣла, имѣющее свое самостоятельное бытіе. По ихъ вѣрованіямъ, согласнымъ съ вѣрованіями другихъ индоевропейскихъ народовъ, душа еще въ теченіи жизни человѣка можетъ временно разставаться съ тѣломъ и потомъ снова возвращаться въ него; такое удаленіе души обыкновенно бываетъ въ часы сна, такъ какъ сонъ и смерть—понятія родственныя. Черногорцы и сербы убѣждены, что въ каждомъ человѣкѣ обитаетъ духъ, котораго они называютъ «вѣдогонь», и что духъ этотъ можетъ покидать тѣло, объятое крѣпкимъ сномъ. Вѣдогони нерѣдко ссорятся и дерутся между собою, и тотъ человѣкъ, вѣдогонь котораго погибнетъ въ дракѣ, уже болѣе не пробуждается: его тотчасъ же постигаетъ быстрая смерть. О колдунахъ и колдуньяхъ разсказываютъ, что они, погружаясь въ сонъ, могутъ выпускать изъ себя воздушное демоническое существо, т. е. душу, которая принимаетъ различные образы и блуждаетъ по тѣмъ или другимъ мѣстамъ, при чемъ оставленное ею тѣло лежитъ совершенно-мертвымъ. И во время обмиранья или летаргическаго сна душа, по русскому повѣрью, покидаетъ тѣло и странствуетъ на томъ свѣтѣ. Такимъ образомъ тѣло есть какъ-бы жилище живаго духа, та временная оболочка, въ которую онъ заключается при рожденіи дитяти и которую покидаетъ при кончинѣ человѣка, когда, по словамъ стариннаго проповѣдника, «нужею страшною душа отъ тѣлеси изидетъ и станетъ одержима душа зрящи на свое тѣло, яко-же бо кто изъволокся изъ ризы своея и потомъ сталъ бы зряея»[1]).

---

[1]) Памят. XII в., 94. Таже мысль поэтически развита въ народномъ стихѣ о разставаніи души съ тѣломъ — Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 209. Душа человѣка, тоскующаго въ разлукѣ по своемъ другѣ, можетъ вызвать къ себѣ душу этого послѣдняго, какъ бы далеко онъ не былъ: душа чутка (Кіевлянинъ, I, 213).

Душа человѣческая, по древнимъ языческимъ преданіямъ, представлялась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: во 1-хъ, огнемъ. Славяне признавали въ душѣ человѣческой проявленіе той-же творческой силы, безъ которой невозможна на землѣ никакая жизнь: это сила свѣта и теплоты, дѣйствующая въ пламени весеннихъ грозъ и въ живительныхъ лучахъ солнца. Душа — собственно частица, искра этого небеснаго огня, которая и сообщаетъ очамъ блескъ, крови — жаръ и всему тѣлу — внутреннюю теплоту. Различныя душевныя движенія народъ обозначаетъ уподобленіемъ огню: чувству онъ даетъ эпитеты горячее, теплое, пылкое; о любви, враждѣ и злобѣ выражается, что они возгорѣлись или погасли (I, 440); на эпическомъ языкѣ сербовъ гнѣвъ называется живымъ огнемъ, а бѣлоруссы о раздражительныхъ, вспыльчивыхъ людяхъ говорятъ: «одзинъ съ огнемъ, другой съ поломемъ» [1]). Въ тѣсной связи съ указаннымъ воззрѣніемъ стоятъ миѳы, приписывающіе богу-громовнику созданіе перваго человѣка и низведеніе огня на его домашній очагъ, дарованіе женамъ чадородія (=возженіе въ новорожденныхъ младенцахъ огненныхъ душъ) и устройство семейнаго союза (II, 75, 470). Еще теперь въ простомъ народѣ блуждающіе, болотные и свѣтящіеся на могилахъ, вслѣдствіе фосфорическихъ испареній, огоньки признаются за души усопшихъ; въ одномъ мѣстѣ тамбовской г., по увѣренію поселянъ, до сихъ поръ видны горящія свѣчи, потому что тамъ хоронятъ удавленниковъ и опойцевъ; въ другомъ мѣстѣ разсказываютъ, какъ на могилѣ безвинно-повѣшеннаго теплилась свѣча, пока не совершили по немъ поминокъ. Въ южной приднѣпровской Руси ходятъ разсказы о синихъ огняхъ, вспыхивающихъ на могилахъ и курганахъ; огни эти разводятся русалками [1]). По мнѣнію че-

[1]) Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этнограф., I, 390. — [2]) Москв. 1844, XII, смѣсь, 28; 1848, VIII, ст. Даля, 71—72; Терещ., VI, 11, 129.

ховъ, надъ могилами летаютъ огненныя душички; въ блуждающихъ огняхъ они видятъ души некрещеныхъ дѣтей, отверженныхъ грѣшниковъ или скупцовъ, оберегающихъ зарытые ими клады; всякой проклятый за грѣхи осуждается по смерти на вѣчное странствованіе въ семъ мірѣ и показывается то въ видѣ огненнаго столба, то въ видѣ человѣка, у котораго языкъ и глаза—огненные [1]). Тотъ-же взглядъ на блуждающіе огни раздѣляютъ и лужичане [2]). Вѣрованія эти общи славянамъ съ другими индоевропейскими народами. Для мирно-почіющихъ мертвецовъ германцы имѣютъ выраженіе др.-в.-нѣм. hiuri, ср.-в.-нѣм. gehiure, ново-в.-нѣм. geheuer—кроткій, тихій, блаженный; противоположное же понятіе безпокойнаго, блуждающаго духа, привидѣнія они обозначаютъ unhiuri (ungeheuer)—dirus, saevus; hiuri—божественный, unhiuri—чортъ, чудовище=тоже, что hold и unhold. Готская форма hiuris родственна съ haúri — горячій уголь, сканд. hyr — огонь. Древнесѣв. draugr — фантомъ, духъ, окруженный пламенемъ, и draughûs — могильный холмъ. Донынѣ во всей Германіи существуетъ повѣрье, что души, ненаслѣдовавшія блаженнаго покоя = лишенныя небеснаго царства, блуждаютъ ночною порою по лугамъ и полямъ огненными видѣніями. Путниковъ, которые принимаютъ ихъ за деревенскіе огни, они сбиваютъ съ настоящей дороги, и то удаляясь, то приближаясь—заводятъ въ топкія болота и трущобы. Явленіе это извѣстно подъ названіями: irlicht, irwisch, zeusler (zünsler, zündler, zunselgespenst отъ zeuseln, züseln—играть огнемъ), feuriger mann, нидерланд. gloiniger (glühender) man, датск. lygtemand (leuchtemann), blaasmand (feuermann), dwerlicht (wirbelnde flamme), dwellicht (отъ dwelen, dwalen — блуждать),

---

[1]) Иричекъ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5; Громаннъ, 19—22. — [2]) Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 353.

elflicht (слово, указывающее на связь души съ эльфомъ), словен. slepogeni, чеш. swétylko, bludička, пол. błędnica, луж. bludne zwieczke, рус. блудящій огонь; теперь эти огоньки бо́льшею частію признаются за души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія и потому неудостоенныхъ блаженства [1]). Когда дерево, брошенное на огонь, издаетъ трескъ, полѣшуки думаютъ, что звуки эти издаются душею скупаго человѣка [2]).

Если душа понималась какъ огонь, то жизнь возможна была только до тѣхъ поръ, пока горѣло это внутреннее пламя; погасало оно — и жизнь прекращалась. У насъ уцѣлѣло выраженіе: погасла жизнь; выраженіе это въ народной пѣснѣ замѣнено сравненіемъ смерти человѣка съ погасшею свѣчею (стр. 208). Неумолимая Смерть тушитъ огонь жизни, и остается одинъ холодный трупъ. Отсюда возникли разнообразныя примѣты: если у жениха или невѣсты погаснетъ подъ вѣнцомъ свѣча, то случай этотъ предвѣщаетъ ему или ей скорую смерть; у кого изъ стоящихъ подъ вѣнцомъ сгоритъ больше свѣчи, тотъ и умретъ скорѣе; яркое пламя подвѣнечныхъ свѣчъ сулитъ счастливое супружество = свѣтлую жизнь, и наоборотъ, когда свѣчи эти горятъ тускло — жизнь новобрачныхъ будетъ печальная [3]). Погаснетъ ли сама собою поставленная въ комнатѣ свѣчка — по мнѣнію чеховъ, тотъ, кто ее зажигалъ, умретъ въ продолженіи года. Если во время заговѣнъ, особенно въ воскресенье передъ великимъ постомъ, потухнетъ зажженная въ избѣ лучина, то, по русской примѣтѣ, изо всѣхъ домочадцевъ тотъ умретъ прежде другихъ, кто ближе сидѣлъ къ лучинѣ; или: если огарокъ лучины упадетъ изъ свѣтца на́ полъ и тотчасъ-же погаснетъ — это знакъ, что въ

---

[1]) D. Myth., 866—870. — [2]) Кіевлян. 1865, 52. — [3]) Тѣже примѣты встрѣчаемъ у чеховъ и лужичанъ.

теченіи года въ домѣ непремѣнно будетъ мертвецъ. Поляки на «Громницы» (2 февраля) зажигаютъ столько свѣчъ, сколько въ семьѣ членовъ: чья свѣча потухнетъ прежде, тотъ и умретъ скорѣе. Въ псковской губ. на Святкахъ дѣвицы гадаютъ такъ: каждая приноситъ свою восковую свѣчу, отмѣчая ее какимъ-нибудь значкомъ, и потомъ зажигаютъ ихъ одновременно: чья свѣча горитъ ясно и плавно, у той жизнь будетъ тихая, безмятежная; чья горитъ съ трескомъ и меркаючи, той придется испытать много безпокойствъ и горя; чья свѣча догоритъ первая, той дѣвицѣ умереть прежде всѣхъ, а чья догоритъ послѣдняя — той долго жить. Въ другихъ мѣстностяхъ гаданіе это совершается по зажженнымъ лучинкамъ, съ припѣвомъ: «жилъ-былъ курилка, да-й померъ!» Курилка (отъ глагола курить-ся — горѣть) означаетъ лучину, которая живетъ, пока горитъ, а погасая—умираетъ. У закарпатскихъ русиновъ дѣвицы гадаютъ по зажженнымъ лучинамъ въ дни Успенія (15 августа) и Покрова (1 октября). Въ Славоніи думаютъ, что свѣча, погасшая наканунѣ Рождества, предзнаменуетъ смерть одного изъ родичей; тоже повѣрье существуетъ и въ Швеціи, а въ нѣмецкихъ земляхъ оно прилагается къ кануну Новаго года. По мнѣнію лужичанъ, если въ ночь на Рождество Христово (или на другіе большіе праздники) погаснетъ на алтарѣ свѣча — это предвѣщаетъ смерть главнаго духовнаго лица [1]). Въ такихъ примѣтахъ теченіе жизни сравнивается съ горѣніемъ свѣчи или лучины: скорѣе сгоритъ свѣча,

---

[1]) Описан. олонец. губ. Дашкова, 193; Маякъ, XI, 54; Нар. сл. раз., 160; Иллюстр. 1846, 262; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 127; Терещ., IV, 102; VII, 224; Цебриков., 274; Бытъ подолянъ, II, 19, 50; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 303; Volkslieder der Wenden, II, 258; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 338; Громаннъ, 120, 220; Иличъ, 95; Гандельманнъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 59; Zeitsch. für D. M., I, 456; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 5.

скорѣе окончится и жизнь, и наоборотъ. Въ старину, при произнесенiи на погибель врага проклятiя, почиталось необходимою принадлежностью обряда — погасить зажженную свѣчу. Въ Литвѣ ведется обычай: въ великiй четвергъ, по окончанiи трапезы, хозяинъ беретъ горящую свѣчу, тушитъ ее и бросаетъ въ уголъ, съ приговоромъ: «какъ погасла эта свѣча, такъ да погаснутъ очи у нашихъ вороговъ и да пропадутъ они сами на вѣки!» [1]) Въ настоящее время на Руси, чтобы отомстить врагу, ставятъ въ церкви передъ образомъ забидящую или задушную свѣчку, которую нарочно зажигаютъ съ нижняго конца, или ломая ее пополамъ, затепливаютъ съ средины [2]). Съ тою-же цѣлью между русскимъ населенiемъ Подлясья принято ставить свѣчу передъ иконою Божьей Матери, съ тайною мольбою: да истаетъ врагъ также, какъ эта восковая свѣча! [3]) Сербы клянутся: «тако ми се крсна свијећа не угасила!»—въ смыслѣ: тако сви од мога рода не помрли [4]). Древнiе греки изображали Смерть съ потухшимъ факеломъ: генiй смерти (θάνατος) опускалъ зажженный факелъ, потрясалъ имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ погасало пламя, померкалъ и свѣтъ жизни. У нѣмцевъ есть прекрасная сказка о кумѣ Смерти (der gevatter Tod [5]). Жилъ-былъ бѣднякъ, у него было двѣнадцать дѣтей; и день, и ночь работалъ онъ, чтобы пропитать свою семью. Когда родился у него тринадцатый ребенокъ, онъ вышелъ на большую дорогу и рѣшился взять съ кумовья встрѣчнаго. Идетъ костлявая Смерть и говоритъ: «возьми меня кумою.»—А ты кто? «Я — Смерть, которая всѣхъ уравниваетъ.» — Да, ты—правдива, ты не различаешь ни богатыхъ, ни бѣдныхъ! — и бѣднякъ взялъ ее кумою. Когда мальчикъ подросъ, онъ пошелъ однаж-

---

[1]) Сынъ Отеч. 1839, X, 120. — [2]) Саратов. Г. В. 1851, 29.— [3]) Потебн., 32. — [4]) Срп. н. послов., 304. — [5]) Сказ. Грим., 44.

ды навѣстить своего крёстнаго. Смерть повела его въ лѣсъ, указала на одну траву и сказала: «вотъ тебѣ даръ отъ твоего крёстнаго! Я сдѣлаю изъ тебя славнаго лѣкаря. Всякой разъ, какъ позовутъ тебя къ больному, ты увидишь меня: если я буду стоять въ головахъ больнаго — смѣло говори, что можешь его вылѣчить; дай ему этой травы, и онъ выздоровѣетъ; но если я стану у ногъ больнаго — онъ мой, и никакое лѣкарство въ мірѣ не спасетъ его!» Въ короткое время повсюду разнеслась молва о новомъ славномъ лѣкарѣ, которому стóитъ только взглянуть на больнаго, чтобы навѣрно узнать: будетъ ли онъ снова здоровъ, или умретъ. Со всѣхъ сторонъ звали его къ больнымъ, много давали ему золота, и вскорѣ онъ сдѣлался богачемъ. Но вотъ заболѣла тяжкимъ недугомъ дочь короля; это было его единственное дитя, день и ночь плакалъ опечаленный отецъ и повсюду приказалъ объявить: кто спасетъ королевну, тотъ будетъ ея мужемъ и наслѣдуетъ все царство. Лѣкарь явился къ постели больной, взглянулъ — Смерть стояла въ ногахъ королевны. Дивная красота больной и счастіе быть ея мужемъ заставили его прибѣгнуть къ хитрости; онъ не замѣчалъ, что Смерть бросала на него гнѣвные взгляды, приподнялъ больную, положилъ ногами къ изголовью и далъ ей травы; въ туже минуту на щекахъ ея заигралъ румянецъ и она выздоровѣла. Обманутая Смерть приблизилась къ лѣкарю и сказала: «теперь насталъ твой черёдъ!» ухватила его своей ледяной рукою и повела въ подземную пещеру. Тамъ увидѣлъ онъ въ необозримыхъ рядахъ тысячи и тысячи возженныхъ свѣчъ: и большія, и наполовину сгорѣвшія, и малыя. Въ каждое мгновеніе однѣ изъ нихъ погасали, а другія вновь зажигались, такъ что огоньки при этихъ безпрестанныхъ измѣненіяхъ, казалось перелетали съ мѣста на мѣсто. «Взгляни, сказала Смерть, это горятъ человѣческія жизни; большія свѣчи принадлежатъ

дѣтямъ, наполовину-сгорѣвшія людямъ среднихъ лѣтъ, малыя старикамъ, но нерѣдко и дѣти и юноши надѣляются небольшими свѣчами.» Лѣкарь просилъ показать, гдѣ горитъ его собственная жизнь. Смерть указала ему на маленькой огарокъ, который грозилъ скоро погаснуть. Устрашенный лѣкарь сталъ просить своего крёстнаго: «зажги мнѣ новую свѣчу, позволь мнѣ насладиться жизнію, быть королемъ и мужемъ прекрасной королевны.» — Это невозможно, отвѣчала Смерть; прежде, чѣмъ зажечь новую, надо погасить прежнюю. «А ты поставь этотъ догорающій остатокъ на новую свѣчу—такъ, чтобы она тотчасъ-же зажглася, какъ скоро онъ потухать станетъ.» Смерть притворилась, что хочетъ исполнить желаніе своего крестника, но переставляя старый огарокъ, нарочно его уронила: пламя погасло, и въ туже минуту лѣкарь упалъ бездыханнымъ [1]). Сказка эта извѣстна и у славянъ [2]). Смерть, разсказываютъ въ Малороссіи, «жила пидъ землею, здоровецка [3]) хата уся була освичена свичками: дѣ яки з' ныхъ начыналы горити, дѣ яки догорувалы й погасалы.» Пришелъ къ ней въ гости кумъ и сталъ распрашивать про свѣчи; Смерть отвѣчала: «каждый чоловикъ, якій тилько је на свити, мае тутъ свою свичку; якъ винъ тилько родыцьця—свичка запалюетця, якъ свичка гасне — винъ умерае.» — А гдѣ-жъ моя свѣчка? спросилъ кумъ. Смерть указала ему догорающій остатокъ, и когда тотъ сталъ молить, чтобы она удлинила его свѣчку, строго замѣтила ему: «чи памьятаешь, шо ты мене узявъ за куму за то, що я живу по правди? чи уже-жъ съ той поры, якъ ты ставъ паномъ, тоби не мила правда?» Идеи смерти и рока (fatum)

---

[1]) См. также Вольфа, 365; Zeitsch. für D. M., I, 358—360. — [2]) Черниговъ. Г. В. 1857, 10; Бытъ подолянъ, II, 66—68: „Смерть за куму"; Эрбенъ, 37—39: „Smert-kmotřenka"; Кульда, I, 87. — [3]) Огромная, большая.

въ убѣжденіяхъ арійскихъ племенъ роднились и сливались между собою, почему и въ приведенной сказкѣ богиня Смерть является при рожденіи младенца дружелюбной гостьей, возжигаетъ въ немъ свѣтъ жизни и приноситъ ему подарокъ — подобно тому, какъ при постелѣ родильницы являются дѣвы судьбы (парки, норны, суденицы), воспламеняютъ таинственный свѣточъ, съ которымъ связана нить жизни новорожденнаго, и надѣляютъ его своими дарами, т. е. опредѣляютъ его будущее счастіе. Такое сближеніе Смерти съ дѣвами судьбы основывается на древнѣйшемъ вѣрованіи, что вся жизнь человѣческая, начиная съ перваго дня и до кончины, была опредѣленіемъ фатума: парки не только пряли жизненную нить, но и перерѣзывали ее, не только возжигали пламя души, но и гасили его, и въ этомъ смыслѣ отождествлялись съ неумолимою Смертью. Являясь во время родовъ, дѣвы судьбы воспринимали ребенка и исполняли обязанности повивальныхъ бабокъ, что позднѣе въ эпоху христіанства заставило соединить съ ними понятіе кумы́ = воспріемницы; по свидѣтельству народныхъ сказокъ, феи (= парки) приглашались въ крестныя матери къ новорожденнымъ младенцамъ. Тоже представленіе кумы фантазія сочетала и съ богиней Смертію; любопытно, что ср.-в. нѣм. tote и tôt—смерть совпадаетъ съ др.-в.-нѣм. toto—кумъ [1]). По греческому сказанію, при рожденіи Мелеагра въ покоѣ его матери Алтеи пришли три богини судьбы и бросили въ пламя очага полѣно, съ такимъ пророчествомъ: жизнь младенца будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ это полѣно. Когда богини удалились, Алтея встала съ своего ложа, выхватила изъ огня головню и немедленно спрятала ее, дабы пріостановить исполненіе пророчества. Впослѣдствіи она же бросила головню въ огонь—и въ тоже мгновеніе вну-

---

[1]) D. Myth., 812—4.

треннее пламя опалило Мелеагра, и какъ только головня превратилась въ пепелъ—онъ испустилъ послѣднее дыханіе [1]); подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Nôrnagestr (см. гл. XXV). Итакъ Смерть гаситъ огонь жизни и погружаетъ человѣка во тьму небытія. Самое слово Морана (моръ, смерть) лингвистически связывается съ словомъ мракъ; глаголъ гасить донынѣ употребляется въ смыслѣ: истреблять, уничтожать, а гаснуть (черниг. губ.)—истощаться, худѣть; по-тухнуть говорится о погасшей свѣчѣ и заснувшей рыбѣ, а за-тухнуть — о боровѣ, въ значеніи: околѣть; тушить—издавать сильный, непріятный запахъ (про-тухнуть), по-тухлый—издохшій, разлагающійся, пôтухоль — начинающіе гнить съѣстные припасы; засмирить свѣчу, серб. смирити свиjeћу (смирить=успокоить; покойникъ—мертвецъ, успокоиться — умереть) — погасить. Наоборотъ глаголъ разживлять—разводить, поддерживать огонь. Еще яснѣе связь понятій огня и жизни въ словѣ воскресать, которое образовалось отъ стариннаго кресъ—огонь (кресало, кресиво, пол. krzesiwo—огниво, кресать — высѣкать искры) и буквально означаетъ: возжечь пламя, а въ переносномъ смыслѣ: возстановить погасшую жизнь [2]). Весною, въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, совершая праздникъ въ честь мертвыхъ, лужичане ходятъ на Тодесбергъ съ зажженными факелами, поминаютъ покойниковъ и на возвратномъ пути поютъ: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!»—слова, указывающія на вѣру въ возстаніе мертвыхъ вмѣстѣ съ воскресающей въ весеннюю пору природою. Славонцы ходятъ на кладбища съ зажженными свѣчами 1-го марта [3]).

---

[1]) German. Mythen, 583; Миѳы класс. древности, I, 151. — [2]) Обл. Сл., 36, 66, 68, 92—94, 187, 241; Доп. обл. сл., 207, 272; Срп. рјечник, 695. — [3]) Иличь, 315; Ганушa: Die Wissenschaft des slawisch. Mythus, 408.

Наши простолюдины, когда съ больнымъ начинается агонія запаливаютъ восковую свѣчу и даютъ ее въ руки умирающему; употребленіе факеловъ при погребальныхъ обрядахъ и возженіе свѣчъ при поминкахъ—извѣстны съ глубочайшей древности [1]).

По другому представленію, Смерть не погашаетъ животворнаго огня жизни, а исторгаетъ его изъ тѣла, которое послѣ того обращается въ трупъ. Въ старинной иконописи сохранилось изображеніе, какъ пораженный ангеломъ грѣшникъ испускаетъ свою душу въ пламени, о чемъ разсказываютъ и народныя легенды; въ раскольничей книгѣ, извѣстной подъ заглавіемъ «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», находимъ слѣдующее свидѣтельство: «видѣша нѣціи отъ житель столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ, и видѣвше разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отыде».

Во 2-хъ, душа представлялась звѣздою, что имѣетъ самую близкую связь съ представленіемъ ея огнемъ; ибо звѣзды первобытный человѣкъ считалъ искрами огня, блистающими въ высотахъ неба (I, 177). Въ народныхъ преданіяхъ душа точно также сравнивается съ звѣздою, какъ и съ пламенемъ; а смерть уподобляется падающей звѣздѣ, которая, теряясь въ воздушныхъ пространствахъ, какъ-бы погасаетъ. Такое уподобленіе, когда позабылась его первоначальная основа, и метафора стала пониматься въ ея буквальномъ смыслѣ, послужило источникомъ тому вѣрованію, которое связало жизнь человѣческую съ небесными звѣздами. Каждый человѣкъ получилъ на небѣ свою звѣзду, съ паденіемъ которой прекращается его существованіе; если-же съ одной стороны смерть

---

[1]) Черемисы, совершая поминки, за каждаго покойника ставятъ по свѣчѣ; за дѣтей свѣчи бываютъ маленькія — Записки о чувашахъ и черемис., 194

означалась паденіемъ звѣзды, то съ другой—рожденіе младенца должно было означаться появленіемъ или возженіемъ новой звѣзды, какъ это и засвидѣтельствовано преданіями индоевропейскихъ народовъ. Въ пермской губ. поселяне убѣждены, что на небѣ столько-же звѣздъ, сколько на землѣ людей: когда нарождается младенецъ—на небѣ является новая звѣздочка, а когда человѣкъ умираетъ — принадлежащая ему звѣзда падаетъ и исчезаетъ [1]). Тоже самое утверждаютъ и чехи [2]). Вообще у славянъ существуетъ повѣрье, что, указывая на звѣзды пальцемъ, можно повредить живущимъ людямъ [3]). Древность этого воззрѣнія несомнѣнна; уже римляне, по свидѣтельству Плинія, думали, что каждый человѣкъ имѣетъ свою звѣзду, которая вмѣстѣ съ нимъ рождается, и смотря по тому: озаряетъ ли его земную жизнь блескъ счастія или омрачаютъ ее бѣдствія,—свѣтится то ярко, то сумрачно, а по смерти его упадаетъ съ небеснаго свода. Падающая звѣзда почитается въ русскомъ народѣ знакомъ чьей-либо смерти въ селѣ или городѣ; потому, увидя паденіе звѣзды, обыкновенно говорятъ: «кто-то умеръ!» «чья-то душа покатилась!» Повѣрье это распространено и между нѣмцами [4]). Сверхъ того, на Руси утверждаютъ, что падающая звѣзда означаетъ слѣдъ ангела, который летитъ за усопшею душею, или слѣдъ праведной души, поспѣшающей въ райскія обители; если успѣешь пожелать что-нибудь въ тотъ мигъ, пока еще не совсѣмъ сокрылась звѣзда, то желаніе непремѣнно дойдетъ до Бога и будетъ имъ исполнено [5]). Народная пѣсня сравниваетъ смерть царевича съ падучею звѣздою:

---

[1]) Этн. Сб., VI, библ. указат., 58; Телескопъ 1833, VIII, 504. — [2]) Громаннъ, 31. — [3]) Ганушъ о Дѣдѣ и Бабѣ, 47. — [4]) Сахаров., II, 14; Маякъ, VII, 72; Статист. опис. саратов. губ., 58; Владим. Г. В. 1844, 52; Сл. Миѳ. Костомар., 55; D. Myth., 790. — [5]) Иллюстр. 1846, 262; Beiträge zur D. Myth. I, 248.

Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воска яраго —
Не становится у насъ млада царевича [1]).

Слово маньякъ принимается и въ значенiи падающихъ звѣздъ, и въ значенiи проклятыхъ душъ, блуждающихъ по смерти. Блудачiе огни, которые (какъ мы видѣли) признаются душами усопшихъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ считаются за падшiя съ неба звѣзды [2]). Рядомъ съ представленiемъ, что звѣзда сiяетъ на небѣ, пока продолжается жизнь человѣка, и угасаетъ вмѣстѣ съ его смертiю,—было другое, по которому душа въ видѣ пламенной звѣзды нисходила изъ райскихъ странъ въ ребенка въ самую минуту его зачатiя или рожденiя, а когда человѣка постигала смерть— покидала его тѣло, уносилась въ свое прежнее отечество и начинала блистать на небесномъ сводѣ. Чтò таково было вѣрованiе кельтовъ, за это свидѣтельствуетъ ирландское сказанiе о св. Айданѣ, отецъ котораго увидѣлъ однажды въ снѣ, будто въ открытыя уста его жены упала сверху звѣзда; въ туже ночь былъ зачатъ Айданъ, почему многiе и называли его сыномъ звѣзды [3]). По словамъ Аристотеля, душа усопшаго превращается въ звѣзду, и чѣмъ во время земной жизни бываетъ она пламеннѣе, возвышеннѣе, доступнѣе для духовной дѣятельности, тѣмъ блистательнѣе горитъ она по смерти человѣка [4]). Индусы вѣрили, что души блаженныхъ предковъ сiяютъ на небѣ звѣздами; славяне же и нѣмцы признаютъ звѣзды очами ангеловъ-хранителей, въ чемъ очевидно смѣшенiе душъ святыхъ угодниковъ съ ангелами; въ среднiе вѣка ангелы, наравнѣ съ душами усопшихъ предковъ, представлялись прекрасными малютками, подобными

---

[1]) Сахаров., I, 253; Терещ., I, 97. — [2]) Сахаров., II, 63; О. З. 1818, 68; Этн. Сб., I, 215; Москв. 1853, XXII, 67. — [3]) Zeitsch. für D. M., I, 345. — [4]) Sonne, Mond u. Sterne, 270—1.

эльфамъ. Въ эпическихъ сказаніяхъ германцевъ упоминается о герояхъ, которымъ суждено по смерти блистать на небѣ яркими звѣздами [1]). У насъ же есть преданіе о трехъ вѣщихъ сестрахъ, которымъ, послѣ ихъ кончины, досталось весь вѣкъ горѣть тремя звѣздами возлѣ млечнаго пути = на дорогѣ, ведущей въ царство небесное; звѣзды эти называются дѣвичьи зори [2]). Гуцулы знаютъ летавицу — духа, который слетаетъ на землю падучей звѣздою и принимаетъ на себя человѣческій образъ — мужской или женской, но всегда юный, прекрасный, съ длинными желтыми волосами [3]).

3. Какъ огонь сопровождается дымомъ, какъ молніеносное пламя возгарается въ дымчатыхъ, курящихся парами облакахъ, такъ и душа, по нѣкоторымъ указаніямъ, исходила изъ тѣла дымомъ и паромъ. Въ Софійскомъ временникѣ [4]) о смерти в. кн. Василія Ивановича сказано: «и видѣ Шигона духъ его отшедше, аки дымецъ малъ». Санскр. dhûma движущееся курево, греч. θῦμα, θύος—куреніе, фиміамъ, лат. fumus (съ замѣною dh звукомъ f) слав. дымъ, лит. dúmas, др.-нѣм. toum, taum отъ снкр. dhû—agitare, commovere (= греч. θύω). Отъ того-же корня образовались слова, указывающія на душевныя способности: гр. θυμός—душа и движеніе страсти, слав. дума, думать, лит. dumà, dumóti, dumti [5]). Слово пáра [6]) [пáритъ — дѣлается душно передъ грозою и

---

[1]) Ibid., 272. — [2]) Сахаров., II, 62—63; сходный разсказъ о женѣ и семи дочеряхъ хлѣбника см. въ D. Myth., 691—2. Въ старинныхъ назидательныхъ словахъ св. отцы метафорически называются звѣздами и свѣтильниками; картина „Вѣнецъ Богоматери" представляетъ Пресв. Дѣву, окруженную душами божіихъ угодниковъ — въ видѣ звѣздъ. Москв. 1853, XXII, 67: киргизы увѣрены, что души покойниковъ обитаютъ на звѣздахъ. — [3]) Пантеонъ 1855, V, 46. — [4]) II, 333. — [5]) Пикте, II, 242; Дифенбахъ, II, 617—8. — [6]) Обл. Сл., 152—3.

дождемъ, прѣть, парунъ—зной, духота] имѣетъ слѣдующія значенія: паръ, духъ и душа; пàра вонъ т. е. душа вонъ!

4. Далѣе—душа понималась, какъ существо воздушное, подобное дующему вѣтру. Языкъ сблизилъ оба эти понятія, чтò наглядно свидѣтельствуется слѣдующими словами, происходящими отъ одного корня: душа, дышать, воз(вз)-дыхать, д(ы)хнуть, духъ (вѣтръ), дуть, дунуть, дýхомъ—быстро, скоро, воз-духъ, воз-дыханіе, вз-дохъ [1]). Въ другихъ языкахъ также придаются душѣ названія отъ воздуха, вѣтра, бури: отъ санкр. корня an—дуть образовались: ana, âna—дуновеніе и дыханіе жизни, anila—вѣтръ, anu—человѣкъ, т. е. живой, одушевленный, лат. animal — животное, animus, anima, греч. ἄνεμος—духъ, душа, ирл. anail—дыханіе, дуновеніе, кимр. anal, армор. énal—дуновеніе, ирл. anam, кимр. en, enaid, enydd, ener, enawr, корн. enef, армор. éné, inean—душа, жизнь, гот. сложное uz-anan—испускать дыханіе, умирать, др-нѣм. unst—буря, вьюга, сканд. andi—spiritus, önd—душа, перс. ân—душевная способность, армян. antsn — умъ, душа [2]). Въ глубочайшей древности вѣрили, что вѣтры суть дыханіе божества (I, 285), и что Творецъ, создавая человѣка, вдунулъ въ него живую душу. Вѣтрамъ присвоялась сила призывать мертвыхъ къ жизни, одухотворять трупы и кости [3]). Покидая тѣло, душа возвращалась въ

---

[1]) Отъ санскр. корня dhû. Сравни переходъ звуковъ *у* и *ы* въ словахъ: слухъ — слыхъ, слышать („слыхомъ не слыхалъ“).
[2]) Пикте, II, 540—2; О вл. христ. на сл. яз., 67. Можно указать еще на санскр. âtman — дуновеніе и душа, atasa — вѣтръ и душа; англ. soul — душа, готск. saivala, М. Мюллеръ (Лекціи о языкѣ, 291) производитъ отъ корня si, siv—колебаться; готск. saivs—море, т. е. волнующаяся вода. — [3]) Die Windgottheiten bei den indogerman. Völkern, von H. Genthe, 3—4: So zeigt eine Miniatur des zwölften Jahrhunderts einer lateinischen Bibelhandschrift zu Erlangen die Belebung des Gebeines durch den Wind Hesek. 37, 1 bis 10, bes. 9: «und er sprach zu mir: weissage zum Winde; weissage, du Menschenkind, und sprich zum Winde:

свое первобытное, стихійное состояніе. Когда вихрь срываетъ съ деревьевъ листья, и они, колеблясь, несутся по воздуху, — виною этого, по словамъ черногорцевъ, бываютъ борющіеся между собой вѣдогони [1]); если въ трубѣ гудётъ вѣтеръ, бѣлоруссы принимаютъ это за знакъ, что въ хату явилась душа, посланная на землю для покаянія [2]); въ завываніи вѣтровъ моряки слышатъ плачь и стоны утопленниковъ, души которыхъ осуждены пребывать на днѣ моря. Такое представленіе души совершенно-согласно съ тѣмъ физіологическимъ закономъ, по которому жизнь человѣка условливается вдыханіемъ въ себя воздуха. Въ южной Сибири грудь и легкія называются вздухи; простолюдины полагаютъ, что душа заключена въ дыхательномъ горлѣ, перерѣзаніе котораго прекращаетъ жизнь [3]). Глаголы из-дыхать за-душить, за-дохнуться означаютъ: умереть, т. е. потерять способность вдыхать въ себя воздухъ, безъ чего существованіе дѣлается невозможнымъ. Объ умершемъ говорятъ: «онъ испустилъ послѣднее дыханіе» или «послѣдній духъ!» Наоборотъ глаголъ отдыхать (отдохнуть) употребляется въ народной рѣчи въ смыслѣ: выздоровѣть, возвратиться къ жизни. Чтобы придти къ подобнымъ заключеніямъ, предкамъ нашимъ достаточно было простаго, для всѣхъ равно-доступнаго наблюденія: въ ту минуту, когда человѣкъ умиралъ, первое, что̀ должно было поражать окружающихъ его родичей, — это прекращеніе въ немъ дыханія; передъ ними лежалъ

---

so spricht der Herr Herr—Wind komm herzu aus den vier Winden und blase diese Getödteten an, dass sie wieder lebendig werden», indem in die Todten lebendiger Odem von den vier Winden kommt, welche in den Ecken als blasende blaue Köpfe angebracht sind. Aehnlich blasen in einem der Münchener Bibliothek angehörenden Evangeliarium des eilften Jahrhunderts die vier Winde bei der Auferstehung der Todten als zweigehörnte blaue Köpfe aus den Wolken. — [1]) Путеш. въ Черногорію, 221. — [2]) Нар. сл. раз., 140. — [3]) Ж. М. Н. П. 1836, X, стат. Максимовича, 464.

усопшій съ тѣми-же тѣлесными органами, какъ у живыхъ; у него оставались еще глаза, уши, ротъ, руки и ноги, но уже исчезло дыханіе, а съ нимъ вмѣстѣ исчезла и жизненная сила, которая управляла этими органами. Отсюда возникло убѣжденіе, что душа, разлучаясь съ тѣломъ, вылетаетъ въ открытыя уста, вмѣстѣ съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго. По указанію Краледворской рукописи, душа исходитъ длинною гортанью и румяными устами (см. ниже стр. 219); чешская поговорка: «už má duši na jazyku!» означаетъ: онъ еле дышитъ, умираетъ [1]). Слово о полку выражается о князѣ Изяславѣ, что онъ изронилъ свою душу изъ храбраго тѣла чрезъ злато ожерелье [2]); а народные русскіе стихи говорятъ объ изъятіи души ангеломъ смерти «въ сахарныя уста» [3]). Обозначая различныя душевныя свойства, мы сравниваемъ ихъ не только съ пламенемъ, но и вѣтромъ; въ языкѣ нашемъ употребительны выраженія: бурное расположеніе духа, вѣтреный человѣкъ, буйная голова (сравни: «буйный вѣтеръ»), завихрился — загулялся, отбился отъ дѣла. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ находимъ разсказы о мертвецахъ, блуждающихъ привидѣніями, легкими какъ воздухъ, съ которымъ они внезапно появляются и исчезаютъ, и также, какъ воздухъ, неуловимыми для осязанія. По смерти человѣка, тѣло его разлагается и обращается въ прахъ, и только въ сердцахъ родныхъ, знакомыхъ и друзей живетъ воспоминаніе о покойникѣ, его лицѣ, пріемахъ и привычкахъ: это тотъ безтѣлесный образъ, который творитъ сила воображенія для отсутствующихъ и умершихъ и который съ теченіемъ времени становится все блѣднѣе и блѣднѣе. Образъ умершаго хранится въ нашей памяти, которая можетъ вызывать его предъ наши внутреннія очи; но

[1]) Обл. Сл., 146; Громаннъ, 194. — [2]) Рус. Дост., III, 180. — [3]). Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 20.

образъ этотъ не болѣе, какъ тѣнь нѣкогда-живаго и близкаго намъ человѣка. Вотъ основы древне-языческаго представленія усопшихъ безтѣлесными, воздушными видѣніями, легкими призраками = тѣнями. Греки и римляне думали, что друзья и родственники, по смерти своей, являются къ постели близкаго имъ человѣка, чтобы онъ въ сновидѣніяхъ могъ проводить съ ними время. Такъ Ахиллесу явилась во снѣ тѣнь Патрокла. Одиссей, посѣтивши Аидъ, пожелалъ обнять тѣнь своей матери; три раза простиралъ къ ней объятія, и трижды она проскользала между его руками, какъ воздухъ [1]). Нашъ лѣтописецъ, разсказывая о полочанахъ, избиваемыхъ мертвецами (навье [2]), изображаетъ этихъ послѣднихъ неуловимыми для взора призраками [3]). По русскому повѣрью, кто послѣ трехъ-дневнаго поста отправится въ ночь, наканунѣ родительской (поминальной) субботы, на кладбище, тотъ увидитъ тѣни не только усопшихъ, но и тѣхъ, кому суждено умереть въ продолженіи года [4]). Слово тѣнь (=безтѣлесный образъ) употребляется и въ смыслѣ привидѣнія, и въ смыслѣ того темнаго изображенія, какое отбрасывается тѣлами и предметами, заслоняющими собою свѣтъ. Отсюда возникли примѣты и повѣрья, связующія идею смерти съ тѣнью человѣка и съ отраженіемъ его образа въ водѣ или въ зеркалѣ. Если на сочельникъ, когда станутъ вкушать кутью, не будетъ замѣтно чьей-либо тѣни, тотъ изъ домочадцевъ, навѣрно, умретъ въ самое непродолжительное время [5]); ибо утратить тѣнь — все равно, что сдѣлаться существомъ безтѣлеснымъ, воздушнымъ. Въ числѣ другихъ чародѣйныхъ способовъ порчи извѣстно и заклятіе на тѣнь. Если осиновымъ

---

[1]) Иліада, XXIII; Одис., XI. — [2]) Уже средній родъ этого слова указываетъ на что-то безличное, лишенное сущности человѣческой природы. — [3]) П. С. Р. Л., I, 92. — [4]) Нар. сл. раз., 161. — [5]) Бытъ подолянъ, II, 19; Иллюстр. 1846, 262.

коломъ прибить къ землѣ тѣнь, падающую отъ колдуна, вѣдьмы или оборотня, то они потеряютъ свою силу и будутъ молить о пощадѣ. Существуетъ преданіе о томъ, какъ нечистая сила завладѣла тѣнью одного человѣка и какъ много онъ выстрадалъ, пока не удалось ему возвратить своей тѣни назадъ. Многіе еще теперь не рѣшаются снять свой силуэтъ, основываясь на суевѣрной примѣтѣ, по которой снявшій съ себя такое изображеніе долженъ умереть въ теченіи года; другіе запрещаютъ дѣтямъ смотрѣть на свою тѣнь и на свое отраженіе въ зеркалѣ: иначе сонъ ребенка будетъ безпокоенъ и можетъ легко приключиться какое-нибудь несчастіе. Когда кто умретъ въ домѣ, то всѣ зеркала занавѣшиваются, чтобы покойникъ не могъ смотрѣться въ ихъ открытыя стёкла. Зеркало отражаетъ образъ человѣка—также, какъ и гладкая поверхность воды, а по сербскому повѣрью человѣкъ, смотрясь въ воду, можетъ увидѣть въ ней свой смертный часъ (см. выше стр. 169); по мнѣнію раскольниковъ, зеркало — вещь запретная, созданная дьяволомъ [1]).

5. Въ отдаленные вѣка язычества молніямъ придавался миѳическій образъ червя, гусеницы, а вѣтрамъ — птицы; душа человѣческая роднилась съ тѣми и другими стихійными явленіями, и разставаясь съ тѣломъ, могла принимать тѣже образы, какіе давались грозовому пламени и дующимъ вѣтрамъ. Къ этому воззрѣнію примкнула еще слѣдующая мысль: послѣ кончины человѣка, душа его начинала новую жизнь; кромѣ

---

[1]) Ворон. Г. В. 1851, 13; Иллюстр. 1845, 415; 1846, 341; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 10—14. Евреи въ день новаго года идутъ къ рѣкѣ и смотрятъ въ воду; кто не увидитъ своего отраженія, тотъ вскорѣ умретъ — Кіевлян. 1865, 69. По суевѣрному преданію, члены масонскихъ ложъ оставляли въ обществѣ свои портреты; въ случаѣ измѣны своего товарища, масоны стрѣляли въ его портретъ—и онъ тотчасъ-же умиралъ, какъ-бы далеко не былъ.

естественнаго рожденія, когда человѣкъ является на свѣтъ съ живою душою, эта послѣдняя, въ таинственную минуту его смерти, какъ-бы снова, въ другой разъ, нарождалась къ иной жизни — замогильной. Оставивъ тѣлесную оболочку, она воплощалась въ новую форму; съ нею, по мнѣнію наблюдательнаго, но младенчески-неразвитаго язычника, должна была совершиться таже метаморфоза, какая замѣчается въ животномъ царствѣ. Фантазія воспользовалась двумя наглядными сравненіями: a) разъ-рожденная гусеница (червякъ), умирая, вновь воскресаетъ въ видѣ легкокрылой бабочки (мотылька) или другаго крылатаго насѣкомаго; b) птица, рождаемая первоначально въ формѣ яйца, потомъ, какъ-бы нарождаясь вторично, вылупливается изъ него цыпленкомъ. Это обстоятельство послужило поводомъ, почему птица названа въ санскритѣ дважды-рожденною (dvidža [1]); тотъ-же взглядъ встрѣчаемъ и въ нашихъ народныхъ загадкахъ: «двичи родится, а разъ помира» [2]) или «дважды родится, ни разу не кстится» (переяслав. уѣзда) = птица; «два раза родится, ни разу не крестится, а чортъ его боится» (новгород. губ.) = пѣтухъ. Младенца же народная загадка называетъ метафорически яйцомъ: «подъ дубомъ, подъ царскимъ, два орла орлуютъ, одно яичко балуютъ» = кумъ съ кумою воспринимаютъ ребенка отъ купели [3]). И птица, и бабочка, и вообще крылатыя насѣкомыя, образующіяся изъ личинокъ, (муха, сверчокъ, пчела и пр.) дали свои образы для олицетворенія души человѣческой. Нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ считаютъ свѣтящихся червячковъ — душами кающихся грѣшниковъ [4]); а чехи принимаютъ червячка, который точитъ деревянныя стѣны дома, за душу покойнаго

---

[1]) О. З. 1852, XI, критика, 36. — [2]) Сементов., 29; Великорус. загадки Худяк., 41. — [3]) Ibid., 99. — [4]) Рус. Вѣст. 1842, V-VI, 122.

предка (см. т. II, стр. 113). Это — любопытные отголоски того стариннаго вѣрованія, по которому низведенная съ неба, пламенная душа обитала въ тѣлѣ человѣческомъ свѣтящимся червемъ или личинкою (сравни стр. 73—74), а въ минуту смерти вылетала оттуда, какъ легкокрылая бабочка изъ своего кокона. Въ ярославской губ. мотылекъ называется душичка [1]). Въ херсонской губ. утверждаютъ, что если не будетъ роздана заупокойная милостина, то душа умершаго является къ своимъ роднымъ въ видѣ ночной бабочки и вьется вокругъ зажженной свѣчки; почему на другой-же день послѣ такого посѣщенія загробнаго гостя родственники, для успокоенія его страждущей души, собираютъ и кормятъ нищихъ [2]). Бѣлоруссы думаютъ, что мотылекъ, пролетѣвшій во время поминокъ (на дзяды) мимо окна или надъ обѣденнымъ столомъ, есть посланецъ, отправленный покойниками за ихъ обрѣзанными ногтями (см. I, 120 [3]). По чешскому повѣрью, кто первую въ году бабочку увидитъ бѣлую, тотъ вскорѣ долженъ умереть [4]). Сербы разсказываютъ, что душа вѣдьмы (вjештицы) излетаетъ изъ нея во время сна въ видѣ бабочки или птицы, и пока душа странствуетъ—тѣло ея покоится, какъ мертвое; если въ это время перевернуть вѣдьму головою туда, гдѣ были ея ноги, то возвратившаяся душа не найдетъ входа въ свою тѣлесную обитель (=открытаго рта), и колдунья уже никогда не пробудится. Тоже самое разсказываютъ болгары о колдунахъ. Летающую ввечеру бабочку сербы принимаютъ за душу вѣштицы, стараются поймать ее и подпалить ей крылья [5]). Словен. vesha (вѣщая) означаетъ

---

[1]) Обл. Сл., 52. — [2]) Херсон. Г. В. 1852, 12. — [3]) Пантеонъ 1856, I, 28. — [4]) Громаннъ, 85. — [5]) Срп. рjечник, 66—67: „вjештица се зове жена, коjа, има у себи некакая ђаволски дух, коjи у сну из ње изиђе и створи се у лепира, у кокош или у ћурку“ (въ бабочку, курицу или индѣйку).

колдунью, бабочку и блуждающій огонь [1]); Слово о полку придаетъ душѣ эпитетъ вѣщей. Въ Англіи сумеречныя бабочки, прилетающія на пламя свѣчки, называются saules (souls), что́ вполнѣ соотвѣтствуетъ нашей душичкѣ. Въ Германіи извѣстенъ разсказъ о спящей дѣвицѣ, которую не могли разбудить никакія усилія—до тѣхъ поръ, пока не прилетѣлъ жукъ и не вползъ въ ея открытый ротъ. У словенцевъ Ивановскій свѣтящійся жукъ—kersnica пользуется особенною любовью за то, что леталъ по дому родителей Іоанна Предтечи и освѣщалъ колыбель святаго младенца. Вмѣсто выраженія: «когда я еще не родился», нѣмцы говорятъ: «когда я еще леталъ съ бабочками или съ комарами» (ich flog noch den mücken nach, ich flog noch mit den feiffaltern = schmetterlingen [2]). Тоже представленіе встрѣчаемъ и у грековъ: слово ψυχή употреблялось въ двоякомъ смыслѣ: душа и мотылекъ. Психею они изображали бабочкою и даже въ человѣческомъ олицетвореніи надѣляли ее легкими и прозрачными крыльями этого насѣкомаго. Смерть греки представляли съ погасшимъ факеломъ и вѣнкомъ, на которомъ сидѣла бабочка: факелъ означалъ угасшую жизнь, а бабочка — душу, покинувшую тѣло. Въ древнія времена на гробницахъ изображалась бабочка, какъ эмблема воскресенія въ новую жизнь [3]). По разсказамъ новыхъ грековъ, души усопшихъ въ теченіи сорока дней послѣ Воскресенія Христова носятся надъ цвѣтущими лугами въ видѣ бабочекъ, пчелъ и другихъ летучихъ насѣкомыхъ и утоляютъ свою жажду изъ благоухающихъ чашечекъ весеннихъ цвѣтовъ [4]). Припомнимъ, что въ звѣздахъ арійскія

---

[1]) D. Myth., 1036; Рус. Дост., III, 200. У насъ вѣщица—колдунья и сорока (птица, въ которую любятъ превращаться вѣдьмы). — [2]) Germ. Mythen, 367, 370—1, 729—730; Рус. Бес. 1857, III, 117. — [3]) D. Myth., 789; Обзоръ мнѣній древнихъ о смерти, судьбѣ и жертвоприн., 9, 20. — [4]) Рус. прост. праздн., IV, 3.

племена видѣли съ одной стороны души блаженныхъ предковъ, а съ другой—рои небесныхъ пчелъ (I, 385), и потому посмертный переходъ душъ въ пчелы долженъ былъ казаться для нихъ столь-же несомнѣннымъ, какъ и переходъ въ звѣзды. Въ Малороссіи, возвращаясь съ кладбища послѣ похоронъ, старухи садятся на цѣлую ночь караулить душу усопшаго и ставятъ на столъ сыту, т. е. медъ, разведенный водою; онѣ убѣждены, что душа непремѣнно прилетитъ въ образѣ мухи и станетъ пить приготовленный для нея напитокъ [1]). О вѣдьмахъ въ воронежской губ разсказываютъ, что душа вылетаетъ изъ нихъ въ видѣ мухи, — подобно тому, какъ по сербскому преданію, она вылетаетъ въ видѣ бабочки [2]). По словамъ чеховъ, мара можетъ превращаться въ большую черную муху [3]). Въ Бѣлоруссіи существуетъ примѣта: если сверчокъ летаетъ по комнатѣ, то надо ожидать въ семьѣ покойника [4]).

6. Народный языкъ и преданія говорятъ о душахъ, какъ о существахъ летающихъ, крылатыхъ. По мнѣнію нашихъ поселянъ, душа усопшаго, послѣ разлуки своей съ тѣломъ, до шести недѣль остается подъ родною кровлею, пьетъ, ѣстъ, прислушивается къ заявленіямъ печали своихъ друзей и родичей и потомъ улетаетъ на тотъ свѣтъ. Въ кіевской губ. вѣрятъ, что душа некрещенаго младенца — прежде, нежели превратится въ русалку, семь лѣтъ летаетъ надъ землею [5]). «Его душа отлетѣла въ иной міръ!» — обычное у насъ выраженіе о всякомъ покойникѣ. Краледворская рукопись свидѣтельствуетъ, что, пока не будутъ сожжены трупы, души умершихъ порхаютъ по деревьямъ вмѣстѣ съ птицами:

---

[1]) Этн. Сб., I, 371. — [2]) Ворон. Бесѣда, 193. — [3]) Громаннъ, 26. — [4]) Нар сл. раз., 166. Во владимірской губ. думаютъ: если въ домѣ заведутся сверчки, то кто-нибудь въ семействѣ тяжко заболѣетъ — Труды владим. статист. ком , VI, 85. — [5]) Кіев. Г. В. 1845, 15.

Tamo i viele duš tieká
Siemo-tamo po drevech.
Jich bojié sie ptactvo i plachý zvier,
Jedno sovy nebojié sie [1]).

Въ другомъ мѣстѣ этого памятника читаемъ: «нѣтъ юноши! напалъ на него лютый врагъ, ударилъ въ грудь тяжелымъ молотомъ,

Vyrazi z junoše dušu-dušicu!
Sie vyletie pieknym táhlým hrdlem,
Z hrdla krasným'a rtoma [2]).

Тоже сказано и о сраженномъ Влаславѣ:

Ai, a vyide duša z řwucei hyby,
Vyletie na drvo, a po drvech
Siemo-tamo, doniž mrtew nezžen [3]).

Подобные обороты и выраженія донынѣ встрѣчаются въ моравскихъ и чешскихъ пѣсняхъ: «vylecěla duše z cěla, sedla na hajiček, na ten zelený travniček»; «z těla (душа) vyletěla, na zelenu luku sedla» [4]). Говоря о полетѣ душъ, они намекаютъ на древнѣйшее представленіе ихъ птицами. Такой намекъ получаетъ особенную силу при положительномъ свидѣтельствѣ другихъ сохранившихся у славянъ повѣрій. Кашубы твердо убѣждены, что души усопшихъ, до погребенія оставленныхъ ими тѣлъ, сидятъ въ образѣ птицъ на дымовыхъ трубахъ и что дѣтскія души бываютъ одѣты нѣжнымъ

---

[1]) Переводъ: Тамъ много душъ носятся туда-сюда по деревьямъ. Боятся ихъ птицы и пугливый звѣрь, только совы не боятся. — [2]) Исторгъ изъ юноши душу-душеньку! она вылетѣла прекрасною длинною гортанью, изъ гортани румяными устами. — [3]) Вотъ и вышла душа изъ стенящихъ устъ, взлетѣла на дерево и (порхала) по деревьямъ туда и сюда, пока не сожгли мертваго — Ж. М. Н. П. 1840, XII, ст. Срезневск., 128, 133—5. — [4]) Часопись музея чешскаго 1863, I, стат. Иречка, 4—5; Чешск. пѣсни Эрбена, 469.

пухомъ [1]). Въ уѣздахъ мосальскомъ и жиздренскомъ въ теченіи шести недѣль послѣ чьей-либо смерти стелютъ на окно бѣлое полотенце, выпуская одинъ конецъ на улицу, а на полотенце кладутъ хлѣбъ, и вѣрятъ, что душа покойника есть та самая птица, которая станетъ прилетать къ окну и клевать положенный хлѣбъ [2]). Суевѣріе это до половины прошлаго столѣтія раздѣлялось и лицами высшихъ слоевъ русскаго общества. Заимствуемъ слѣдующую любопытную замѣтку изъ мемуаровъ того времени: въ апрѣлѣ 1754 года умеръ гофмейстеръ Чоглоковъ; въ открытое окно спальни его жены влетѣла птица и сѣла на карнизѣ противъ постели; увидя птицу, Чоглокова сказала, что это прилетѣла душа ея мужа, и разубѣдить ее въ этомъ не было никакой возможности [3]). Г. Кулишъ записалъ прекрасный разсказъ о томъ, какъ обмирала одна старуха: «якъ прійшла вже мини година вмирати (передавала старуха), то Смерть и стала съ косою въ мене въ ногахъ. Якъ стала, то ноги такъ и похололи... Якъ замахне косою, то душа тилько пурхъ! такъ якъ пташка вилетила та-й полетила по хати, и сила въ кутку на образи, пидъ самою стелею. А грихи стали на порози та-й не пускають души съ хати. Отъ я бачу, що никуди війти; дивлюсь, ажъ викно о(т)чинене. Я—пурхъ у викно! и пишла, пишла полемъ. Легко та любо мини такъ, мовъ заразъ на свитъ народилась» [4]). Въ похоронныхъ и надгробныхъ причитаніяхъ слышатся такія поэтическія обращенія къ милымъ родственному сердцу покойникамъ: «та прилизь же ты до мене, мій братику, хоть сивымъ голубемъ, хоть яснымъ соколомъ, хоть билымъ либидемъ» [5]). —«Прилетай ко мнѣ хоть кукушечкой, проку-

---

[1]) Roggenwolf u. Roggenhund, 29. — [2]) Изъ матеріаловъ, собран. Русск. Географич. Обществомъ. — [3]) Mémoires de Catherine II, 211. — [4]) Кулишъ, I, 305–6; Москв. 1846, XI—XII, 152. — [5]) Ворон. Г. В. 1851, 2.

куй мнѣ свою волюшку!» (тамбов. губ.) Невѣста-сирота, обращаясь къ умершимъ родителямъ съ обычнымъ обрядовымъ причитаніемъ, голоситъ: «возстань, кормилецъ-батюшка, распечатай свои уста сахарныя, попроси у Господа Бога златы крылушки, прилети на свадебку, благослови!» (твер. губ.) Въ нашей старинной символикѣ райскія птицы Алконостъ и Сиринъ нерѣдко означаютъ праведниковъ; въ этомъ значеніи, по словамъ гр. Уварова, встрѣчаемъ мы ту и другую птицу на изваяніяхъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ на Клязьмѣ [1]). Наравнѣ съ прочими индоевропейскими народами, славяне сохранили много трогательныхъ разсказовъ о превращеніи усопшихъ въ легкокрылыхъ птицъ, въ видѣ которыхъ они навѣщаютъ своихъ родичей. Какъ скоро душа покидаетъ тѣло, она, смотря по характеру своей земной жизни, принимаетъ образъ той или другой птицы, преимущественно бѣлаго голубя или чернаго ворона [2]). Малороссіяне думаютъ, что душа покойника въ продолженіе сорока дней летаетъ съ ангеломъ въ невѣдомомъ мірѣ, являясь каждую ночь въ свой домъ, гдѣ она, въ видѣ голубки, купается въ нарочно-поставленной водѣ [3]). Когда діаконъ Θеодоръ и трое его товарищей-расколоучителей были сожжены въ 1681 году, то по сказанію староверовъ — души ихъ взвились на небо въ видѣ голубей [4]). На кровлѣ бѣднаго дома, повѣствуетъ народная легенда, сидѣло три голубя; проходилъ мимо путникъ: что такое, думаетъ, сидятъ на кровлѣ три голубя и порываются къ небесамъ порхнуть? Заходитъ въ домъ и узнаетъ, что несчастная мать, не имѣя средствъ прокормить трехъ маленькихъ дѣтей, умертвила ихъ, а голуби—это три божь-

---

[1]) Древности, труды Моск. Археолог. Общ., I, 20 (матеріалы для археол. словаря). — [2]) Andeutungen eines Systems der Myth., 239—240. — [3]) Ворон. Г. В. 1851, 2. — [4]) Правосл. Собесѣд 1859, VII, 325; Годъ на Сѣверѣ, соч. Максимова, II, 61.

ихъ ангела, прилетѣвшіе за душами младенцевъ, чтобы отнести ихъ на небо [1]). Моравскія сказки свидѣтельствуютъ, что душа вылетаетъ изъ устъ умирающаго и несется на небеса бѣлою голубкою [2]). Черногорцы душу называютъ голубицею; у западныхъ славянъ есть преданіе о сѣтующихъ на могилѣ голубяхъ. На древнихъ гробницахъ голубь изображался, какъ символъ отлетѣвшей души; лонгобарды, въ память родственниковъ, умершихъ на чужбинѣ или павшихъ въ битвѣ, ставили на церковныхъ дворахъ шесты съ деревяннымъ изображеніемъ голубя и обращали голову птицы въ ту сторону, гдѣ лежалъ прахъ покойника [3]). Польскія преданія утверждаютъ, что каждый членъ рода Гербуртъ обращался по смерти въ орла; а перворóдная дочь Пилецкихъ превращалась въ голубку, если умирала до брака, и въ сову, если умирала по замужствѣ. По мнѣнію чеховъ, въ сову превращается жена, невѣрная своему мужу. Есть еще легенда: разбойникъ Мадей, терзаемый ужасомъ грядущаго наказанія на томъ свѣтѣ, обрекъ себя на покаяніе; онъ воткнулъ въ землю свою палицу и преклонилъ колѣна съ обѣтомъ не сходить съ мѣста, пока милосердіе божіе не отпуститъ ему грѣховъ. Долго оплакивалъ онъ свои злодѣянія, много утекло времени — палица разрослась въ вѣтвистое дерево и стояла осыпанная яблоками. Въ одинъ день проѣзжалъ мимо епископъ; Мадей умолялъ святителя дать ему разрѣшеніе, и по мѣрѣ того, какъ онъ исповѣдалъ свои грѣхи и небо разрѣшало ихъ, яблоки одно за другимъ срывались съ дерева невидимою силою, превращались въ бѣлыхъ голубей и улетали на небо: эти голуби были души убитыхъ разбойникомъ. Оставалось только одно яблоко: то была душа отца Мадеева, котораго за-

---

[1]) Щаповъ, 13. — [2]) Кульда, I, 551—3. — [3]) D. Myth., 788, 1088; О вл. христ на сл. яз., 105; Вѣст. Евр. 1827, XIV, 148—9; Die Wissenschaft des slaw. Mythus Ганушa, 319.

мучилъ онъ страшнымъ образомъ. Наконецъ и оно, послѣ высказанной исповѣди, превратилось въ сизаго голубя, который тотчасъ-же исчезъ въ слѣдъ за другими [1]). Въ Подоліи извѣстна пѣсня — какъ изъ могильнаго холма выросло дубовое деревцо и какъ прилеталъ и садился на его вѣтви бѣлоснѣжный голубокъ [2]). По чешскимъ преданіямъ, невинная душа вылетаетъ изъ тѣла бѣлымъ голубемъ, а грѣшная—темноцвѣтнымъ, или иною какою птицею [3]). Въ одной изъ малорусскихъ пѣсень говорится, что душа убитаго мужа прилетала къ плачущей вдовѣ въ образѣ павлина [4]); а въ другой читаемъ слѣдующіе стихи о душѣ убитаго казака:

Прелитила пташка, коло мене впала:
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана;
Прелитила пташка-малевани крыльця:
Таки очи, таки брови, якъ у мого Грыця! [5])

По свидѣтельству великорусской сказки, душа неповинно-убитой дѣвицы прилетаетъ къ доброму молодцу соловьемъ и поетъ про свое несчастіе, словно человѣческимъ голосомъ выговариваетъ [6]). О душахъ умершихъ дѣтей разсказываютъ на Волыни, что весною онѣ слетаютъ съ неба, принимая видъ ласточки, конопляночки и другихъ пѣвчихъ пташекъ, и садясь по деревьямъ возлѣ отцовскихъ избъ, поютъ сладкозвучныя пѣсни, чтобы утѣшить своихъ осиротѣ-

[1]) Семеньск., 49, 145—8; Пов. и пред., 130—5; Шлейхеръ, 75—79; Громаннъ, 194; сравни Этн. Сб., V (о кашубахъ), 93—95, 134—6; Н. Р. Лег., № 27, 28 и стр. 177—8; Худяк., 101; Бытъ подолянъ, II, 59—65; Шоттъ, 15; Гальтрихъ, 28, 30; Volkslieder der Wenden, I, 285; II, 176—8. Въ нѣмецкой редакціи когда раскаявшійся грѣшникъ былъ помилованъ и умеръ, то душа его воспарила на небо бѣлымъ голубемъ. О значеніи яблокъ см. выше, II, 507. — [2]) D. Myth., 788. — [3]) Иричекъ въ Часописи чешск. музея 1863, I, 5. — [4]) Костомар. Сл. Миө., 66—67. — [5]) Малорус. литер. сборн., 225. — [6]) Н. Р. Ск., VII, 29.

лыхъ родителей [1]). По нѣмецкой сказкѣ пасынокъ, убитый мачихою, оборачивается птичкою, прилетаетъ къ своему дому и поетъ: «меня мачиха убила, сестра схоронила — и я сталъ чудесною птичкой!» — слова, одинаковыя съ тѣми, которыя въ русской сказкѣ наигрываются дудкою, сдѣланною изъ тростника, что выросъ на могилѣ убитаго мальчика [2]). Вмѣстѣ съ другими подобными свидѣтельствами, касающимися германскихъ племенъ, Я. Гриммъ приводитъ вѣрованіе, что когда тонетъ разбитый корабль, то души потонувшихъ подымаются изъ водъ и восходятъ на небо бѣлыми голубями. Романская легенда также представляетъ душу голубкою [3]). У литовцевъ есть прекрасное поэтическое преданіе: пѣвецъ Дайнасъ страстно влюбился въ красавицу; напрасно онъ утромъ и вечеромъ пѣлъ передъ ея окномъ плѣнительныя пѣсни: суровая красавица не хотѣла отвѣчать его страсти. Дайнасъ утопился, и боги превратили его въ соловья. Только тогда почувствовала она къ нему любовь, умерла съ горести и была превращена въ столиственную розу, которая начинаетъ цвѣсти въ то время, когда перестаетъ пѣть соловей. Существуетъ въ Литвѣ и другой разсказъ о томъ, какъ бѣдный земледѣлецъ, любившій сопровождать свою трудную работу веселыми пѣснями, былъ превращенъ по смерти въ жаворонка, который потому и вьется и поетъ надъ колосистыми нивами [4]). Литовское преданіе о Дайнасѣ напоминаетъ «Цеиска и Гальціону» Овидія: въ этомъ стихотвореніи поэтъ сохранилъ намъ подобное-же преданіе древнихъ о превращеніи въ птицъ двухъ любовниковъ, погибшихъ въ волнахъ коварнаго

---

[1]) Волын. Г. В. 1859, 18. — [2]) Сказ. Грим., 47; сравни польскую сказку въ сборникѣ Глинск., II, 236—7. Арабы вѣрили, что изъ крови убитаго зарождается птица, которая летаетъ близь могилы и жалобно кричитъ, пока не будетъ отомщено убійство. — [3]) D. Myth., 638, 640, 788. — [4]) Черты литов. нар., 73.

моря. «Одиссея» души умершихъ представляетъ летающими въ воздухѣ стаями и сравниваетъ ихъ съ летучими мышами [1]). Вотъ почему птица, влетѣвшая въ комнату, (воробей, голубь, ласточка) предвѣщаетъ покойника; туже примѣту относятъ и къ нетопырю. Крикъ вòрона, филина и совы, прилётъ дятла, жолны или кукушки въ дому считаются такимъ же печальнымъ предзнаменованіемъ чьей-либо смерти [2]). Видѣть во снѣ, какъ улетѣла со двора кукушка или поднялся съ руки соколъ, означаетъ: смерть близкаго, любимаго человѣка [3]).

Особенно-знаменательно представленіе души въ образѣ кукушки, которое можетъ навести на смыслъ загадочнаго обряда, извѣстнаго на Руси подъ названіемъ крещенія кукушекъ. Въ народныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ кукушка прилетаетъ горевать надъ трупами умершихъ [4]); она—эмблема сильной сердечной печали по милымъ покойникамъ: у сербовъ и литовцевъ есть преданіе о превращеніи въ кукушку неутѣшной сестры, которая долго и горько оплакивала смерть своего брата [5]). На деревянныхъ могильныхъ крестахъ въ

---

[1]) Пѣснь XXIV. Египтяне, раздѣлявшіе тоже воззрѣніе на душу, изображали ее въ видѣ птицы (копчика) съ человѣческой головою—Zeitsch. für D. M., IV, 245; О. З 1858, VI, 442. — [2]) Иллюстр. 1846, 333; Статист. описаніе саратов. губ., 62; Абев., 157; Нар. сл. раз., 164; І-й т. Поэт. Воззр., 511—2. — [3]) См. народныя пѣсни въ Вѣст. Евр. 1818, XXI, 50—52. — [4]) Никто, говоритъ пѣсня, не погруститъ о погибшемъ на чужбинѣ; только воронъ прилетитъ, сядетъ на трупѣ, поклюетъ и перестанетъ, да „прилетить зозуля да-й плакати стане"; къ умирающему казаку прилетали кукушки, „у головахъ сидали, якъ ридны сестры ковали" — Ж. М. Н. П. 1837, т. XIII, 42; Пассека: Путев. Записки, Запорожск. Старина Срезневск., I, кн. 2, 80. — [5]) Срп. рјечник., 312; Черты литов. нар., 72. Сравни малорусское преданіе: «зозуля й дятелъ були перше людьми, а посли Богъ такъ давъ, що поробились птицями» — Кулишъ, II, 36.

Сербіи изображаютъ столько кукушекъ, сколько родственниковъ и особенно сестеръ грустятъ по усопшему, и до сихъ поръ дѣвица, потерявшая брата, не можетъ удержаться отъ слезъ, какъ скоро заслышитъ голосъ кукушки [1]). На Руси вѣрятъ, что когда эта птица кукуетъ, то изъ глазъ ея капаютъ на древесную вѣтку слезы; за эти слезы принимаютъ яички насѣкомыхъ [2]), облипающія древесную вѣтку и называемыя у нѣмцевъ kukuks-speichel, у сербовъ кукавичја суза, у насъ кукушкины слёзки [3]). Къ кукушкѣ обращаются съ вопросами о покойникахъ; такъ въ одномъ похоронномъ причитаніи надъ умершимъ отцомъ говорится:

Мій же ты таточку!
Якъ будуть садочки цвисты,
И буде зозуленька куковаты,
Я-жъ буду, мій таточку,
Зозуленьку пытаты:
Чи не бачила-жъ ты, зозуленько,
Мого батьку риднаго?

Въ свадебной пѣснѣ невѣста-сирота посылаетъ кукушку за своими умершими родственниками, чтобъ они пришли съ того свѣта благословить ее на новое житье [4]).

Обрядъ крещенія кукушекъ въ разныхъ мѣстахъ совершается въ разное время — на третьей, четвертой, пятой или шестой недѣлѣ послѣ Пасхи, но преимущественно въ недѣлю Семицкую, когда поминаютъ усопшихъ. Женщины и дѣвицы собираются въ лѣсъ, дѣлаютъ изъ лоскутьевъ и цвѣтовъ чучело птицы и сажаютъ на вѣтку, а подъ нею привѣшиваютъ шейные кресты; иногда, вмѣсто того, отыскиваютъ тра-

---

[1]) D. Myth., 1088. — [2]) Cicada spumaria, ringelspinne. — [3]) D. Myth., 646. — [4]) Ворон. Г. В. 1851, 2; Иллюстр. 1848, № 1, бѣлорус. свадьба.

ву, называемую кукушкою (orchis latifolia [1]), и вырвавъ ее съ корнемъ, одѣваютъ въ сорочку, потомъ кладутъ на землю и ставятъ надъ нею крестообразно двѣ дуги, покрывая ихъ платками и вѣшая съ двухъ сторонъ по кресту. Въ орловской и тульской губ. надѣваютъ крестикъ на самое чучело кукушки и поютъ: «кумушки, голубушки! кумитеся, любитеся, даритеся!» Это называется кстить (крестить) кукушку или кумиться. Двѣ дѣвицы, поцѣловавшись изъ-подъ дуги, мѣняются крестами и называются кумàми. Въ праздникъ Семика поселяне приходятъ въ рощу, отыскиваютъ двѣ плакучихъ березы, нагибаютъ и связываютъ ихъ вѣтви разноцвѣтными лентами, платками и полотенцами въ видѣ вѣнка; надъ вѣнкомъ кладутъ означенную траву или чучело кукушки, а по сторонамъ привѣшиваютъ кресты. Двѣ дѣвицы, желающія покумиться, должны обойдти вокругъ этихъ березъ — одна на встрѣчу другой, потомъ трижды поцѣловаться сквозь вѣнокъ, и сквозь вѣнокъ-же передать другъ дружкѣ желтое яйцо. Хороводъ поетъ:

Ты, кукушка ряба!
Ты кому-же кума?
Покумимся, кумушки
Покумимся, голубушки!

Названныя «кумушки» обмѣниваются крестами и кольцами; а кукушку раздѣляютъ на части и хранятъ у себя на память кумовства. Затѣмъ слѣдуетъ пиршество, необходимою принадлежностью котораго бываетъ яишница. Тѣ, которыя покумились въ Семикъ, ходятъ на Троицынъ день развивать вѣнки или бросать ихъ въ воду, при чемъ поютъ: раскумимся, кумушки! раскумимся, голубушки! да іо, іо — Семикъ да и Тро-

[1]) Беременныя женщины выкапываютъ эту траву и гадаютъ по ней: если на корнѣ будетъ два отростка—то родится дѣвочка, а если три—то мальчикъ (Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 59).

ица!» Есть игра, указывающая на тотъ-же обрядъ кумовства; дѣвицы избираютъ куму и садятся въ кружокъ, кума обходитъ ихъ и спрашиваетъ: чье это дитя?—Твое и мое.—Кому его кстить? — Тебѣ и мнѣ. Послѣ того кума и та, которую она спрашивала, разбѣгаются въ разныя стороны, и обѣжавъ кругъ три раза, останавливаются. Кто прибѣжитъ прежде, та садится, а другая идетъ спрашивать. Сходная съ этою игра извѣстна и въ Литвѣ [1]).

Обрядъ крещенія кукушекъ получитъ для насъ болѣе осязательное значеніе, если мы сблизимъ его съ повѣрьями о русалкахъ и мавкахъ, въ образѣ которыхъ (по народному повѣрью) являются души младенцевъ мертворожденныхъ или умершихъ безъ крещенія [2]). Въ теченіе семи лѣтъ, до превращенія своего въ русалокъ, души эти (преимущественно на Зеленыя Святки) летаютъ по воздуху и жалобно просятъ, чтобъ ихъ окрестили; кто заслышитъ ихъ грустный, умоляющій голосъ, тотъ долженъ сказать: «крещаю тебя, Иванъ да Марья, во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» Послѣ этихъ словъ онѣ возносятся на небо, какъ-бы воспринявшія крещеніе. О русалкахъ и мавкахъ разсказываютъ, что наканунѣ Троицына дня онѣ бѣгаютъ по колосистымъ нивамъ, хлопаютъ въ ладоши и приговариваютъ: «ухъ-ухъ, соломяный духъ! мене маты породыла, нехрещену положыла (или: схоронила [3]). Любопытно, что въ черниговской губ. обрядъ завиванія семицкихъ вѣнковъ называется встрѣчею русалокъ, а развиванье вѣнковъ (на

---

[1]) Сахаров., I, 72—73; II. 86; Рус. прост. праздн., I, 183; III, 96—98; Вѣст. Евр. 1821, II, 195; Терещ., V, 42; VI, 165, 191—2; Саратов. Г. В. 1844, 6. У румыновъ на Троицкой недѣлѣ совершается праздникъ кукушекъ — Телескопъ 1833, VIII, 501—2. — [2]) Терещ., VI, 124, 176, 181; Рус. прост. праздн., III, 98, IV, 10; Вѣст. Евр. 1821, II, 195. — [3]) Терещ., VI, 125, 129; Рус. прост. праздн., IV, 10.

Петровъ день)—**проводами русалокъ**. Если неокрещенныя души, летая по воздуху, испрашиваютъ себѣ крещенія; если самое появленіе ихъ совпадаетъ со временемъ совершенія обряда, извѣстнаго подъ именемъ «крещенія кукушекъ»; если наконецъ душа олицетворялась въ образѣ птицы и кукушка принималась эмблемою сиротства: то, кажется, позволительна будетъ догадка, что подъ «крещеніемъ кукушекъ» должно понимать символическій обрядъ крещенія младенцевъ, умершихъ безъ этого таинства и потому осужденныхъ блуждать по свѣту. Дѣти народному уму представляются чистыми, невинными, безгрѣшными; но умирая безъ крещенія — они не могутъ войдти въ царство блаженныхъ. Сострадая ихъ безотрадной судьбѣ, простолюдинъ создалъ обрядъ посмертнаго крещенія, чтобы такимъ образомъ открыть душамъ младенцевъ вѣрный путь въ небесныя обители [1]). Очевидно, что подобное воззрѣніе могло родиться только въ эпоху христіанскую, но тѣмъ не менѣе оно перешло въ обрядъ подъ сильнымъ вліяніемъ языческихъ представленій, и по всему вѣроятію описанное нами «кумовство» есть не болѣе, какъ видоизмѣненная форма древняго «побратимства» или «дружичала». За это свидѣтельствуетъ сербскій обычай: на второй день Пасхи поселяне идутъ на кладбище, раздаютъ милостину и поминаютъ усопшихъ, а потомъ **дружатся** между собою («дружичаjу се») — парни съ парнями, а дѣвицы съ дѣвицами, т. е. плетутъ изъ вербы вѣнки, цѣлуются сквозь нихъ и мѣняются **красными яйцами** и самыми вѣнками; послѣ того, въ продолженіе цѣлаго года, мущины называются **побратими**, а дѣвицы—**друге** [2]).

Представленіемъ души въ образѣ птицы легко объясняется, почему между нашими крестьянами донынѣ соблюдается обык-

---

[1]) Припомнимъ лѣтописное свидѣтельство (подъ 1044 годомъ), что при Ярославѣ „выгребоша два князя Ярополка и Ольга, сына Святославля, и **крестиша кости** ею, и положиша я̂ въ церкви святыя Богородица“ — П. С. Р. Л., I, 67. — [2]) Срп. рjечник, 142.

новеніе: въ продолженіи шести недѣль по смерти родственника «кормить птицу небесную»; для этого каждое утро осыпаютъ могилу хлѣбными зернами [1]). Въ астраханской губ., посѣщая на праздникъ Пасхи кладбище, крошатъ на могилахъ для птицъ яйца; въ другихъ мѣстахъ крошатъ для нихъ на могилы печеный хлѣбъ, а въ Москвѣ уцѣлѣлъ трогательный обычай кормить въ извѣстные дни года голубей, что̀ совершается какою-нибудь старухою на перекресткахъ улицъ и площадяхъ; деньги на кормъ собираются съ прохожихъ. Обычай этотъ соблюдается и у западныхъ народовъ. Я. Гриммъ сообщаетъ любопытное указаніе: «man entsinnt sich dabei des vermächtnisses für die vögel auf Walthers von der vogelweide grabstein, dessen name schon pascua avium ausdrückt» [2]).

7. Понимая душу, какъ пламя и вѣтеръ, арійское племя должно было сроднить ее съ стихійными существами, населяющими небо и воздухъ. Такое сродство засвидѣтельствовано языкомъ: душа и духъ = geist (отъ gîsan—дуть, вѣять), anima и ἄνεμος. По индѣйскимъ вѣрованіямъ, толпы стихійныхъ духовъ, олицетворяющихъ небесные лучи, молніи и вѣтры, (ṛibhus, bhṛigus, angirasen, maruts) ничѣмъ не различались отъ pitṛis = patres, отцевъ, предковъ, т. е. отъ усопшихъ, называемыхъ у славянъ родителями и дѣдами. Ведаическая религія признаетъ небо и воздушный міръ за двѣ отдѣльныя области. Въ безпредѣльныхъ пространствахъ неба пребываетъ свѣтъ, какъ вѣчная, творческая сила; между этою страною свѣта и землею простирается царство воздуха, въ которомъ плаваютъ облака и тучи, носящія живую воду дождей и преграждающія путь лучамъ солнца. Души отцевъ

---

[1]) Этн. Сб., V, о бытѣ курск крестьянъ, 82. — [2]) D. Myth., 635.

населяютъ и ту, и другую области, и отсюда позднѣе, когда стали разсуждать о загробномъ возмездіи за земную жизнь человѣка, развилось вѣрованіе о двойственной судьбѣ усопшихъ: о душахъ блаженныхъ, наслѣдующихъ царство небесное, и отверженныхъ, осужденныхъ блуждать по воздуху и вращаться въ пеклѣ грозовыхъ тучъ. Любопытно, что въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ греч. παράδεισος (рай) переводится словомъ: по-рода, а γεέννα (адъ) словами: родъ и родство [1]). Высоко, по ту сторону облачныхъ водъ, лежитъ блестящее небо (svarga), съ котораго солнце, луна и звѣзды посылаютъ свой свѣтъ на землю; тамъ-то, на отдаленной границѣ вселенныя, живутъ отшедшіе изъ земной юдоли предки подъ властію Варуны, наслаждаясь вѣчнымъ блаженствомъ и блистая очамъ смертныхъ яркими звѣздами. Но чтобы достигнуть этихъ райскихъ селеній, они должны шествовать черезъ воздушный океанъ, странствовать посреди дождевыхъ потоковъ и грозоваго пламени и принимать участіе въ ихъ животворной или разрушительной дѣятельности. По свидѣтельству гимновъ, отцы носятся въ тучахъ, сверкаютъ въ молніяхъ, извлекаютъ изъ облаковъ дождь и проливаютъ его на поля своихъ потомковъ; они полагаютъ въ ночи тьму, а утромъ находятъ сокрытый свѣтъ и призываютъ къ пробужденію прекрасную Зорю, т. е. нагоняя черныя тучи, омрачаютъ небо ночеподобными покровами, а разсѣевая ихъ въ грозѣ, выводятъ изъ мрака свѣтозарное солнце. Такимъ образомъ отжившіе предки смѣшивались и отождествлялись съ бурными и грозовыми духами. Сонмъ вѣтровъ (марутъ), по мнѣнію индусовъ, постоянно пополнялся душами усопшихъ. Духи рибу (ribhus), стихійная природа которыхъ проявляется въ блескѣ солнечныхъ лучей

---

[1]) Описаніе славян. рукописей моск. синодал. библ., отдѣл. 2-ое, I, 12; II, 24, 27, 57, 114, 1:9, 261, 397—8, 428.

и сверкающихъ молній, признавались и за души блаженныхъ; они стояли въ такомъ-же близкомъ отношеніи къ Индрѣ, какъ и маруты: участвовали въ полетахъ грозы, пѣли бурную пѣсню, низводили съ неба потоки, помогали земному плодородію и славились, какъ искусные кузнецы. Тоже двоякое значеніе стихійныхъ духовъ и усопшихъ предковъ принадлежитъ и ангирасамъ, которые только тѣмъ отличаются отъ молніеносныхъ рибу, что сопутствуютъ богу Агни и вся дѣятельность ихъ ограничивается стихіей огня; но мы знаемъ, что Агни первоначально былъ богомъ грозоваго пламени. Ангирасы признаны предками на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ домовые пенаты были вмѣстѣ и представителями очага, и обожествленными дѣдами (см. II, 74—82). У германцевъ марутамъ соотвѣтствуютъ духи неистоваго воинства и мары (mâren), а ṛibhus—буквально тоже, что (свѣтлые) эльфы (см. II, 720). Маруты и мары (моры, марухи)—названія одного корня [1]; послѣдніе равно извѣстны и нѣмцамъ и славянамъ; съ одной стороны они принимались за темныхъ или ночныхъ эльфовъ, а съ другой — за души усопшихъ (II, 100-3; III, 79). Подымая вѣтры, маруты нагоняютъ на небесный сводъ мрачныя тучи и сбиваютъ ихъ кудрями и космами; отъ этихъ сгущенныхъ и клубящихся облаковъ отецъ марутъ Рудра назывался косматымъ, что напоминаетъ намъ спутанные волоса маръ—mârenlocke [2]). Отсюда понятно, почему эльфы, мары и цверги смѣшиваются народными преданіями съ тѣнями умершихъ, и почему души представлялись нѣмецко-славянскимъ племенемъ летающими

[1]) Маннгардтъ указываетъ на санскр. корень mṛ, mar — раздроблять, разбивать; мы же сближаемъ эти названія съ словами мракъ (морокъ) и моръ (смерть), и видимъ въ нихъ: во 1-хъ, бурныхъ духовъ, омрачающихъ небо тучами, и во 2-хъ, усопшихъ (= души, какъ дыханіе тѣхъ-же вѣтровъ). — [2]) German. Mythen, 41-47, 709, 721-733; Die Götterwelt, 51.

малютками, эльфо-подобными карлами. Эльфовъ считаютъ въ народѣ за выходцевъ съ того свѣта; тѣло у нихъ—не то, какое у живыхъ людей: его нельзя ни схватить, ни осязать! они всюду проникаютъ, не нуждаясь въ дверяхъ и отверстіяхъ, и также быстро исчезаютъ, какъ дуновеніе вѣтра. Въ ночные часы эльфы собираются на церковныхъ дворахъ и кладбищахъ и пляшутъ на свѣжихъ могилахъ, съ радостью и весельемъ встрѣчая новую душу, пришедшую къ нимъ изъ міра живущихъ. Усопшіе поступаютъ въ кругъ эльфовъ, и потому смерть человѣка празднуется ими, словно свадьба или прибытіе дорогаго гостя, музыкой и танцами. Финны вѣрятъ, что, когда совершается погребальная церемонія, на кладбищѣ и по дорогѣ къ нему летаютъ и кружатся маленькіе духи (keijungaiset), похожіе на бѣлыя снѣжинки, блестящіе лучи и куколки бабочекъ; они появляются въ домъ, гдѣ есть покойникъ, и наполняютъ комнаты трупнымъ запахомъ. Какъ существа, нѣкогда сами причастныя людской жизни, эльфы стоятъ въ близкой, родственной связи съ семьями ихъ потомковъ, продолжающихъ населять землю. Всякой родъ, всякая семья имѣетъ своихъ собственныхъ эльфовъ и питаетъ къ нимъ уваженіе и преданность, какъ къ домовымъ охранительнымъ божествамъ (пенатамъ), и въ свой черёдъ пользуется отъ нихъ помощью и защитою въ нуждѣ. Различныя партіи эльфовъ враждуютъ и сражаются между собой въ ночное время на перекресткахъ, и только дневной разсвѣтъ прекращаетъ ихъ борьбу; битвы эти часто вызываются споромъ, какой сторонѣ должна принадлежать душа усопшаго—эльфамъ его отца или эльфамъ его матери, и на какомъ церковномъ дворѣ должно быть совершено погребеніе [1]). Такимъ образомъ битвы стихійныхъ духовъ, созерцае-

---

[1]) Irische elfenmärch., XII—XIII; D. Myth., 798; Вѣст. Евр. 1828, XIII (Нѣкот. обычаи, повѣрья и обряды финляндцевъ), 8-9.

мыя древними племенами въ грозѣ, подъ вліяніемъ смѣшенія эльфическихъ существъ съ душами человѣческими, получили характеръ родовыхъ усобицъ за обладаніе ново-усопшими членами. Какъ съ олицетвореніемъ души, съ эльфомъ тѣсно сочетался ея поэтическій образъ бабочки: эльфы являются въ видѣ легкокрылаго мотылька, шмеля или гусеницы, садятся на стебли и цвѣты растеній и пьютъ росу; названія schrätteli и nachttoggeli прилагаются и къ марамъ, и къ бабочкамъ. Люди, у которыхъ срослись брови, могутъ въ случаѣ гнѣва посылать на своихъ враговъ эльфа (alp), который вылетаетъ изъ-подъ ихъ бровей въ видѣ маленькой бѣлой бабочки, садится на грудь спящей жертвы и начинаетъ давить ее. Этотъ эльфъ — первоначально: разящая молнія или тотъ сверкающій взоръ, который устремляется изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей облака (I, 170-2), и потомъ, въ примѣненіи къ человѣку: душа, воспламененная гнѣвомъ; въ Ааргау бабочку называютъ donnerkeil. Такое выпусканіе эльфа-бабочки преимущественно приписывается колдунамъ и вѣдьмамъ, ради тѣсной связи ихъ съ грозовыми явленіями природы [1]). Тоже вѣрованіе распространено и между славянами: когда спитъ вѣдьма, изъ нея (по мнѣнію сербовъ и черногорцевъ) исходитъ злой духъ въ образѣ бабочки, летаетъ по избамъ, садится на сонныхъ людей и поражаетъ ихъ смертельно въ лѣвую грудь. На прибрежьяхъ Адріатическаго моря такіе эльфическіе духи называются вjедогоња (jедогоња) и признаются за души, обитающія въ тѣлахъ людей и животныхъ, и въ тоже время за домовыхъ геніевъ, оберегающихъ родовое имущество и жилище. Каждый человѣкъ имѣетъ своего вѣдогоня; когда онъ спитъ, вѣдогонь выходитъ изъ тѣла

---

[1]) Irische elfenmärch., CVIII; D. Myth., 431; German. Mythen, 372, 715.

и охраняетъ принадлежащее ему имущество отъ воровъ, а его самого отъ нападенія другихъ вѣдогоней и отъ волшебныхъ чаръ. Доселѣ не позабыто ихъ стихійное значеніе: срываетъ ли вѣтеръ древесные листья и они, колеблясь, несутся по воздуху—это (говорятъ) дерутся вѣдогони; въ полетѣ разрушительной бури вѣдогони отторгаютъ отъ горъ большіе камни, вырываютъ въ лѣсахъ деревья и бьются ими между собою, какъ враждующія рати. Адріатическіе славяне увѣрены, что къ нимъ прилетаютъ вѣдогони съ итальянскаго берега и сражаются съ туземными, и которые одолѣютъ—тѣ уносятъ лѣтніе плоды (урожай) на свою землю (т. е. собственно перегоняютъ дождевыя тучи изъ одного края въ другой). Если вѣдогонь будетъ убитъ въ дракѣ, то человѣкъ или животное, которому онъ принадлежалъ, немедленно умираетъ во снѣ. Поэтому если случится воину умереть во снѣ, то разсказываютъ, будто вѣдогонь его дрался съ вѣдогонями враговъ и былъ убитъ ими [1]). По чешскому повѣрью, můra—душа злой чародѣйки; въ полночь, покидая тѣло, она бросается на сонныхъ людей, давитъ ихъ и сосетъ изъ груди горячую кровь (сравни съ упырями — гл. XXVI). У кого срослись брови, въ томъ обитаетъ můra. У нѣмцевъ существуютъ подобные-же разсказы о марахъ, обитающихъ въ людяхъ: если маръ выйдетъ изъ тѣла и не воротится назадъ, то человѣкъ непремѣнно умираетъ [2]). Отождествляя эльфовъ съ душами, народная фантазія надѣлила ихъ и высшими духовными способностями: хитрымъ умомъ, изобрѣтательностію и предвѣдѣніемъ.

Что̀ души у славянъ представлялись существами эльфическими, карликами, наиболѣе-важное тому свидѣтельство предлагаетъ древне-русское навь, навье. Отъ санкр. naç—умирать произошли лат. nex—смерть, греч. νέκυς, готск.

---

[1]) Срп. рјечник, 66-67, 251; Путешест. въ Черногорію, 220-1. — [2]) Громаннъ, 23—25; Beiträge zur D. Myth., II, 268.

naus (множ. naveis), navis—мертвый, navistr—могила, сканд. nâ — мертвое тѣло, трупъ, латыш. nahwe — смерть, nahwigs — смертельный, ядовитый, nahweht — убивать; въ древне-чешскомъ языкѣ unawiti значило: загубить, умертвить («mlatem čvrtého unavi»), а naw, nawa —смерть, могила, жилище усопшихъ: «Krok ide do nawi». Въ старинныхъ русскихъ памятникахъ, какъ и въ современныхъ областныхъ говорахъ, навье—мертвецъ: «приведе Янка митрополита Іоанна скопьчину, его-же видѣвше людье вси рекоша: се навье (по другому списку: мертвецъ) пришелъ; отъ года бо до года пребывъ умре» (Лаврент. лѣтоп.); «яко и навь изъ гроба исходящи» (Іоаннъ, экзархъ болгарск.) «въ нави зрѣти»—ожидать смерти (житіе муромск. князя Петра и Февроніи); въ древнихъ переводахъ библейскихъ книгъ навь употребляется въ смыслѣ ада, тартара, какъ царства мертвыхъ; наконецъ Радуница (вторникъ Ѳоминой недѣли), когда совершаются поминки по усопшимъ, называется въ народѣ навій (=мертвецкій) день и навьи проводы. Слово навъ, навье стоитъ въ сродствѣ съ скандин. nâr (nâir, nâinn)—мрачный карликъ, цвергъ [1]). Лѣтописецъ, разсказывая о явленіи въ 1092 году незримыхъ духовъ, которые рыскали на коняхъ и поражали смертію полочанъ (см. выше стр. 80), прибавляетъ, что въ то время говорили: «яко навье бьють полочаны», т. е. мертвецы караютъ народъ чумными стрѣлами (=молніями). Въ переяславскомъ спискѣ находимъ любопытный варіантъ: «они-жъ (люди) рѣша: изъ навеи дѣти насъ емлютъ» [2]). По мнѣнію украинцевъ, младенцы, умершіе некрещеными, являются въ лѣтній пол-

---

[1]) О вліян. христ. на сл. яз., 63—64; Мысли объ истор. рус. яз., 147-8; Матер. для исторіи письменъ, стат. Буслаев., 55; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2. 102; Ирічекъ въ Часописи 1863, I, 16; Обл. Сл., 120. — [2]) Лѣтописецъ Переясл., 51.

день въ глухихъ чащахъ лѣсовъ и около озеръ, играютъ на солнышкѣ и прячутся вмѣстѣ съ его закатомъ. Они такіе «малюсинькіе», что четверо могутъ усѣсться на крылѣ мухи [1]). Бѣлоруссы блуждающіе огоньки, признаваемые за души усопшихъ, представляютъ себѣ одноглазыми малютками. Въ старинной иконной живописи душа изображается въ видѣ младенца, который исходитъ изъ устъ покойника, вмѣстѣ съ его послѣднимъ дыханіемъ, и улетаетъ на небо, или возносится туда ангелами. Подобныя изображенія встрѣчаемъ и въ миніатюрахъ, украшающихъ древнія рукописи [2]), и въ печатномъ изданіи Патерика Печерскаго, и на лубочныхъ картинахъ [3]). Замѣчательно, что въ полтавской и другихъ южныхъ губерніяхъ мертворожденныхъ дѣтей закапываютъ подъ порогомъ избы — тамъ, гдѣ народное преданіе полагаетъ обиталище эльфовъ; теперь крестьяне объясняютъ этотъ обычай въ христіанскомъ духѣ: они говорятъ, что священникъ, идя со крестомъ, переступаетъ порогъ и тѣмъ самымъ сообщаетъ освященіе душѣ некрещенаго младенца. Для того, чтобы благословеніе умершаго почило надъ жилищемъ его родичей, чехи, при выносѣ покойника, трижды—во имя св. Троицы—прикасаются гробомъ о домашній порогъ [4]). Народныя повѣрья доселѣ связываютъ съ душами усопшихъ атмосферныя явленія, указывая тѣмъ самымъ на ихъ стихійный характеръ. Когда зимою, послѣ трескучихъ морозовъ, станетъ вдругъ оттепель, русскіе поселяне выражаются объ этомъ такъ: родители вздохнули, т. е. мертвые повѣяли (дохнули) теплымъ вѣтромъ. По мнѣнію полѣшуковъ, усопшіе родители въ день свадьбы своихъ дѣтей сходятъ на землю дождевой тучею, чтобы благословить молодую чету; вотъ что гласитъ свадебная пѣсня:

---

[1]) Степныя сказки Данилевскаго, 125-6. — [2]) См. рисунки въ Истор. очеркахъ Буслаева, I, 435; II, 153. — [3]) Таковы картины: „Смерть грѣшника“, „Молитва св. Сидору блаженному“ и др. — [4]) Громаннъ, 189.

Матинька передъ Богомъ стоитъ,
У Бога ся проситъ:
Спусти мене, Боже,
Надъ село хмарою,
У село дробнымъ дождичкомъ,
Яснымъ сонцемъ-оконцемъ;
Нехай-же я ся подывлю,
Чи красно дитя убрано?

Въ бѣлорусской пѣснѣ усопшая мать просится у Бога поглядѣть на свадьбу своей дочери въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

Боже, Боже!
Пусци мяне з' неба даловь
Дробнымъ дождчемъ,
У поли мыглицою (мглою),
У травѣ расицою (росою[1])

Болгары думаютъ, что Илья-пророкъ заставляетъ умершихъ цыганъ дѣлать изъ снѣгу градъ и пускать его лѣтомъ на поля и нивы грѣшниковъ [2]). Илья-пророкъ замѣняетъ здѣсь Перуна, а умершіе цыганы—темныхъ эльфовъ, злыхъ маръ. Налагая на старинныя преданія этнографическія и бытовыя черты, фантазія, подъ вліяніемъ народной непріязни къ цыганамъ и ради ихъ смуглаго цвѣта, сочетала съ этимъ племенемъ представленія, относимыя нѣкогда къ демоническимъ силамъ природы. Въ народныхъ сказкахъ—тамъ, гдѣ въ болѣе древнихъ редакціяхъ выводится злая вѣдьма, въ позднѣйшихъ передѣлкахъ уже стоитъ цыганка. Литовцы вѣрятъ, что души усопшихъ носятся верхомъ на коняхъ, съ копьями въ рукахъ, около своего прежняго жилища; по ихъ словамъ, если построить домъ на той дорогѣ, которою привыкли ѣздить мертвецы; то въ немъ — не житье: постоянно будетъ слышаться

---

[1]) Кіевлянинъ 1865, 52; Сборн. памятниковъ народн. творчества, I, 277. — [2]) Каравел., 240.

шумъ, вѣтеръ станетъ срывать кровлю, и домъ скоро разрушится [1]).

Нѣмецкимъ эльфамъ соотвѣтствуютъ у славянъ вилы и русалки—облачныя, грозовыя дѣвы, въ которыхъ, сверхъ того, видятъ и существа загробнаго міра. Такимъ образомъ душа, согласно съ грамматическимъ родомъ этого слова (чеш. duše, литов duszia, греч. ψυχή, лат. и итал. anima, фран. âme, исп. alma, нѣм. seele), олицетворялась по преимуществу въ женскомъ полѣ, и это было до такой степени сильно, что у литовцевъ находимъ слѣдующее преданіе: въ 1279 году были замучены крестоносцами два упорныхъ язычника; одного изъ нихъ они разорвали съ помощію дерева, а другаго привязали къ коню и размыкали по̀ полю. Душа перваго прилетала потомъ птичкою, а душа послѣдняго являлась въ образѣ дѣвы, возсѣдающей на конѣ [2]). Колляръ указываетъ на повѣрье (in Trentsiner comitat, in der gegend von Sillein=Žilina), что души невѣстъ, умершихъ послѣ помолвки, блуждаютъ по ночамъ, водятъ хороводы, поютъ пѣсни и называются вилами (wily [3]). Повѣрье это наводитъ на связь слова вила съ литов. wėlės—души умершихъ и съ латышск. wels — богъ усопшихъ и потомъ чортъ, властитель ада [4]). Отсюда объясняется, почему въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вилы, не смотря на свою неземную красоту, представляются безносыми [5]): черта, сближающая ихъ съ могильными привидѣніями и самою Смертію, изображаемыми въ видѣ скелетовъ (см. выше стр. 43). Какъ у насъ уцѣлѣло преданіе о душахъ трехъ вѣдьмъ, которыя горятъ на̀ небѣ «дѣвичьими зорями» (= звѣздами), такъ у хорватовъ есть подобное-же преданіе о созвѣздіи Плеядъ (Vlašiće, Волосожары, Бабье со-

---

[1]) Рус. Сл. 1860, Ѵ, ст. Костомар., 42-43. — [2]) Ibidem. — [3]) Nar. zpiewanky, I, 412—3. — [4]) О вліян. христ. на сл. яз., 21. — [5]) Иличь, 278.

звѣздіе): тамъ, говорятъ, обитаютъ **семь вилъ**; давно, при началѣ свѣта, ходили эти вилы по землѣ, пѣли и водили хороводы, а потомъ покинули земной міръ и водворились на звѣздахъ Плеядъ, гдѣ и донынѣ каждую ночь водятъ коло [1]). Въ сербской пѣснѣ дѣвица молитъ посестриму-звѣзду надѣлить ее красотою, и вслѣдъ затѣмъ мольба ея исполняется-вилою [2]). На связь вилы съ бабочкою указываетъ названіе этой послѣдней **вилинымъ конемъ** (виленски коњ): какъ малютка-эльфъ или усопшая душа, вила летаетъ на крыльяхъ мотылька, ѣздитъ на немъ по воздушнымъ пространствамъ [3]). У болгаръ существуетъ повѣрье, что дѣти мертворожденныя или умершія безъ крещенія поступаютъ въ сообщество воздушныхъ духовъ: мальчики дѣлаются **навяками** (=навами), а дѣвочки—**самодивами**; навяки обыкновенно принимаютъ видъ **лебедей**, и въ шумѣ колосистыхъ нивъ поселянамъ слышится ихъ неутѣшный плачъ [4]).

Русскіе поселяне убѣждены, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ некрещеными, а также утопленицъ, удавленицъ и вообще женщинъ и дѣвицъ, самопроизвольно лишившихъ себя жизни, слѣдовательно души неудостоенныхъ погребенія. Но когда всѣ были язычники и не знали ни крещенія, ни христіанскаго погребенія, тогда всякая душа сопричислялась къ русалкамъ. Это древнее вѣрованіе удержано народною памятью за дѣтьми и утопленицами—во первыхъ потому, что самыя души олицетворялись малютками, а во вторыхъ потому, что русалки признавались обитательницами водъ. Дѣвицы, бросающіяся съ горя и отчаянія въ воду, подхватываются русалками и поступаютъ въ среду этихъ водяныхъ нимфъ, подобно тому, какъ у литовцевъ такія утопленицы превращают-

---

[1]) Arkiv za povêstnicu jugoslavensku, I, ст. Кукулевича, 88. — [2]) Срп. н. пјесме, I, 150. — [3]) Срп. рјечник, 62. — [4]) Сообщено г. Каравеловымъ.

ся въ ундинъ [1]). Младенцевъ мертворожденныхъ или скончавшихся безъ крещенія русалки похищаютъ изъ могильныхъ ямъ и уносятъ въ свои воды; онѣ крадутъ ихъ даже изъ-подъ порога избы. Въ теченіи семи лѣтъ въ Троицынъ и Духовъ дни души этихъ младенцевъ летаютъ по воздуху и выпрашиваютъ себѣ крещенія. Думаютъ, что ихъ можно спасти произнесеніемъ словъ: «крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа!» и ежегодными панихидами въ первый понедѣльникъ Петровки. Если же въ семилѣтній срокъ онѣ не будутъ искуплены молитвами и не услышатъ ни отъ кого приведенной формулы, то навсегда остаются въ обществѣ русалокъ. Таже судьба ожидаетъ и тѣхъ несчастныхъ младенцевъ, которыхъ проклинаютъ матери еще въ утробѣ или до совершенія надъ ними таинства крещенія; они исчезаютъ изъ дому и становятся русалками. Эта порода русалокъ-дѣтей представляется народной фантазіи въ видѣ дѣвочекъ-семилѣтокъ съ русыми, кудрявыми волосами, въ бѣлыхъ сорочкахъ — безъ пояса. Въ Малороссіи и Галиціи называютъ ихъ мавками (малками, майками). По мнѣнію нашихъ изслѣдователей, мавка — тоже, что навка (уменьшительное отъ навь), т. е. мертвушка. Какъ ни соблазнительно такое объясненіе, но мы не рѣшаемся принять его, потому что малоруссы доселѣ употребляютъ слова навы, навьскій, не допуская измѣненія начальнаго звука. Справедливѣе производить это названіе отъ малъ, малый; въ областныхъ говорахъ ма́лко — ребенокъ (мальчикъ, малышъ), ма́лка — малорослая женщина или корова [2]); звукъ л въ малорусскомъ нарѣчіи переходитъ въ в, какъ и во многихъ другихъ реченіяхъ: русавка вмѣсто русалка, вовкъ — волкъ, мовчать — молчать, и т. дал. Такимъ образомъ мавка означаетъ малютку, карлика = существо, подобное лу-

[1]) Черты литов. нар., 89. — [2]) Обл. Сл., 110; Доп. обл. сл., 109.

жицкимъ людкамъ. Мавки сопутствуютъ русалкамъ и стараются мстить живымъ людямъ за то, что допустили ихъ умереть некрещеными и лишили небеснаго царства. Въ лѣтнее время онѣ плаваютъ въ ночные часы на поверхности рѣкъ, источниковъ и озеръ и плещутся водою, а въ Зеленую или русальную недѣлю бѣгаютъ по полямъ и нивамъ, съ печальнымъ возгласомъ: «мене маты породыла, нехрещену схороныла!» Тѣ изъ нихъ, которыя тотчасъ послѣ рожденія были потоплены своими невѣнчанными матерями (дѣвицами), любятъ колыхаться на березахъ, причитывая:

Новыи бильця,
Нове барыльце; [1])
Мене маты не колыхала, [2])
Да въ воду пускала!

Тамъ, гдѣ танцуютъ мавки, трава ростетъ зеленѣе и гуще— точно также, какъ и на мѣстахъ хороводовъ, водимыхъ эльфами [3]). Есть повѣрье, что скорлупу отъ выѣденнаго яйца не должно бросать въ воду, не раздавивши напередъ; а то русалки построятъ себѣ изъ этой скорлупы **к о р а б л и к ъ** и будутъ на немъ плавать [4]): любопытный отголосокъ древняго преданія о переправѣ усопшихъ въ надземный міръ — по волнамъ воздушнаго океана; русалки, какъ эльфы-души, представляются здѣсь такими малютками, что яичная скорлупа можетъ служить для нихъ кораблемъ. Олицетворяя собою души, ли-

---

[1]) Б и л о—колотушка, б а р и л о—боченокъ. — [2]) Не баюкала въ колыбели. — [3]) Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 96—97; Кіев. Г. В. 1845, 15; Ворон. Г. В. 1850, 16; Шафарикъ въ статьѣ о русалкахъ—въ Часописи чешск. музея, 271; Терещ., VI, 124—5; Пассекъ, III, 189. По разсказамъ гуцуловъ, майки—прекрасны, стройны и рѣзвы, носятъ тонкія, прозрачныя платья и убираютъ свои длинныя, распущенныя по плечамъ косы весенними цвѣтами. Онѣ заботятся о благосостояніи полей и стадъ, и какъ только растаютъ снѣга—являются въ горы и долины, засѣваютъ травы и даруютъ урожай. Онѣ воруютъ по ночамъ ленъ, прядутъ кудели, ткутъ и бѣлятъ полотна, и вьютъ вѣнки—Пантеонъ 1855, V, 49.— [4]) Терещ., VI, 126; Иллюстр. 1846, 171.

шенныя доступа въ райскія обители и потому осужденныя вѣчно блуждать, эльфы съ тоскливымъ чувствомъ сомнѣнія ожидаютъ помилованія на страшномъ судѣ и спрашиваютъ у встрѣчныхъ: могутъ ли они надѣяться на спасеніе при кончинѣ міра? Подобно тому въ астраханской губ. разсказываютъ о морскихъ русалкахъ, что онѣ выплываютъ на поверхность водъ и допрашиваютъ мореходцевъ: скоро ли будетъ свѣтопреставленіе? [1]) Сверхъ того, и многія другія черты указываютъ на отождествленіе русалокъ съ душами усопшихъ. Одна изъ пѣсень, которую поютъ на Троицкой недѣлѣ, называетъ ихъ земляночками, т. е. обитательницами подземнаго міра мертвыхъ:

Русалочкы, земляночкы,
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися [2]).

Мы знаемъ, что душа носится по смерти блуждающимъ огонькомъ; въ приднѣпровской Руси о блуждающихъ огняхъ, особенно о тѣхъ, которые свѣтятся по ночамъ на могилахъ и курганахъ, утверждаютъ, будто они разводятся русалками съ цѣлію приманить къ себѣ путника [3]). Приношенія, дѣлаемыя русалкамъ, напоминаютъ покормы мертвыхъ. Какъ душа покойника, до удаленія своего изъ-подъ роднаго крова, питается паромъ поминальныхъ блиновъ; такъ для русалокъ кладутъ на окна горячій хлѣбъ, думая, что онѣ насыщаются его паромъ [4]). На русальной недѣлѣ, поминая утоплениковъ и удавлениковъ, родичи, за упокой души этихъ несчастныхъ, бьютъ на ихъ могилахъ красныя яйца и призываютъ русалку:

Русалка-царица,
Красная дѣвица!
Не загуби душки,
Не дай удавитца;
А мы тебѣ кланяемся.

---

[1]) Совр. 1852, I, 123. — [2]) Рус. Бес. 1856, III, 100. — [3]) Терещ., VI, 129; Пассекъ, III, 190. — [4]) Терещ., VI, 126.

часть поминальныхъ блиновъ оставляется на могилѣ въ жертву русалкѣ [1]). Кто на русальной недѣлѣ забываетъ о своихъ покойникахъ и не дѣлаетъ имъ приношеній, тому мстятъ русалки [2]). При отправленіи обрядовыхъ проводовъ русалокъ, женщины произносятъ похоронныя причитанія и, распустивъ свои косы, съ плачемъ припадаютъ къ землѣ, «какъ-бы къ могиламъ» [3]).

Въ бурномъ полетѣ тучъ, разбрасывающихъ молніеносныя стрѣлы и какъ-бы погоняющихъ одна другую, древніе германцы видѣли битвы неистоваго воинства или дикую охоту грозовыхъ духовъ. Въ этихъ битвахъ и охотѣ принимаютъ участіе и души усопшихъ; разставаясь съ земною жизнію, онѣ возвращаются къ стихійнымъ элементамъ, и какъ вѣяніе вѣтра (=дыханіе) и летучее пламя (нѣкогда согрѣвавшее тѣло внутреннею теплотою) несутся въ грозѣ, устремляясь въ блаженное царство свѣта. Въ разныхъ мѣстностяхъ Германіи неистовое воинство извѣстно подъ названіями: nachtvolk, toten(toden)volk, totenschar. Въ Валлисѣ появленіе его считается предвѣстіемъ чьей-либо близящейся кончины. Въ его быстромъ воздушномъ поѣздѣ, при звукахъ грозовой пѣсни (sturmlied), съ шумомъ мчатся тѣни умершихъ всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ, и сама костлявая Смерть выступаетъ впереди со скрипкою въ рукахъ, или, сидя на совѣ, она заключаетъ шествіе. Воданъ, предводитель дикаго сборища, также представляется чародѣйнымъ музыкантомъ, который игрою своею приманиваетъ къ себѣ дѣтей (=души, олицетворяемыя малютками, карлами), побуждаетъ всѣхъ къ оживленной пляскѣ, и потомъ, вмѣстѣ съ увлеченными дѣтьми и со всею свитою, скрывается въ горы и озера, т. е. въ дождевыя облака. Какъ дикой охотникъ, онъ гонится за душами усопшихъ, за-

---

[1]) Ibid., 134; Рус. прост. праздн., IV, 13; Моск. Вѣстн. 1827, VI, 358. — [2]) Сахаров., II, 83. — [3]) Ibid., 94.

хватываетъ ихъ, какъ свою добычу, и въ этомъ смыслѣ отождествляется съ адскимъ ловчимъ — сатаною (infernalis venator), который въ сопровожденіи чертей охотится за христіанскими душами. Сага разсказываетъ о двухъ дѣтяхъ, которыя лежали на перекресткѣ; одно изъ нихъ покоилось крѣпкимъ сномъ. Вдругъ послышался шумъ приближающейся толпы: это былъ nachtvolk. «Надо разбудить ребенка!» кричалъ одинъ голосъ. — Нѣтъ! отвѣчалъ другой голосъ, онъ и такъ скоро за нами послѣдуетъ. И дѣйствительно дитя вскорѣ умерло. Въ Норвегіи предводителемъ неистоваго воинства является Торъ. Подобно тому, по индѣйскимъ вѣрованіямъ, души усопшихъ участвовали въ воздушныхъ поѣздахъ Рудры и Индры; по сказанію же древнихъ грековъ, онѣ сопровождались чрезъ воздушныя пространства Гермесомъ, и еще нынѣ народное греческое повѣрье заставляетъ Харона вести тѣни умершихъ въ полетѣ облаковъ. Блаженные герои, поступающіе по смерти въ сообщество Одина, продолжаютъ въ небесной валгаллѣ воинственныя игры. Они состязаются въ битвахъ и поражаютъ другъ друга; падшихъ воскрешаетъ валькирія Hildur, и они снова вступаютъ въ борьбу, и такъ должны они сражаться во всѣ дни до разрушенія вселенной. Въ Турингіи есть народная сага о битвѣ между кроатами и шведами: однажды въ году въ полночь пробуждаются отъ смертнаго сна нѣкогда-убитые и погребенные ратники и сражаются до тѣхъ поръ, пока не пробьетъ часъ; съ ударомъ колокола они погружаются въ нѣдра земли и цѣлый годъ лежатъ въ невозмутимомъ покоѣ. Донынѣ солдаты, вмѣсто: «умереть», говорятъ: zur grossen armee gehen. Въ Литвѣ существуетъ много разсказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ старину происходили кровавыя побоища, въ нынѣшнее время показываются вооруженные всадники, выѣзжающіе на коняхъ изъ своихъ вѣковыхъ могилъ. У леттовъ привидѣнія, загробные духи (johdi и murgi) изображаются

пристрастными къ битвамъ; увидя сѣверное сіяніе, говорятъ: johdi kaujahs—духи дерутся, karru lauschu dwehseles kaujahs—души падшихъ воиновъ сражаются [1]). Слѣды тѣхъ-же представленій находимъ и у славянъ. Въ малорусской пѣснѣ встрѣчается слѣдующее знаменательное указаніе:

То ни хмары по небу громомъ выгремляютъ,
То не святыхъ (= блаженныя души) воны до Бога провожаютъ.

Въ стихѣ о страшномъ судѣ сказано: «всѣ праведные взяты будутъ на облацы небесныя» [2]). По мнѣнію чеховъ, если при погребеніи блеститъ молнія и гремитъ громъ — это душѣ усопшаго отворяются небесныя врата; а если идетъ дождь—это знакъ, что ей простятся всѣ грѣхи, что она омоется (очистится) отъ всякой неправды [3]). Въ одинъ изъ актовъ 1240 года занесено, что языческіе жрецы поморянъ показывали народу, будто они видятъ, какъ душа благочестиваго человѣка возносится на небо, сопровождаемая многочисленною дружиною [4]). Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ (стр. 236-8) несомнѣнно, что и славяне и литовцы представляли мертвецовъ рыскающими на коняхъ и вооруженными стрѣлами или копьями. По древне-языческому воззрѣнію, въ воздушныхъ поѣздахъ участвовали всѣ усопшіе — и

[1]) D. Myth., 892—3, 897, 900; Die Götterwelt, 57, 116, 123—5, 155; German. Mythen, 44—47, 709—710; Der Ursprung der Myth., 126; Beiträge zur D. Myth., II, 157; Рус. Сл. 1860, V, 43. — [2]) Украин. нар. пѣсни, 22; Калѣки Пер., V, 200. Въ житіи замученнаго Евстратія повѣствуется, что душа его по смерти вознеслась на небо въ огненной колесницѣ и на огненныхъ коняхъ, на которыхъ, какъ мы знаемъ, разъѣзжалъ богъ-громовникъ — [3]) Громаннъ, 189. — [4]) Мацѣевскаго: Очеркъ исторіи письменности и образованія славянъ—въ Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, 55. По свидѣтельству Оссіана, тѣни убитыхъ героевъ обитали въ облакахъ, управляли бурными вихрями, одѣвали солнце тучами, сражались между собой въ воздухѣ и охотились за небесными вепрями и оленями—Оссіанъ, бардъ III-го вѣка, пер. Кострова.

добрые, и злые; первые являлись спутниками боговъ и пополняли толпы сопровождающихъ ихъ духовъ (рибу и марутъ), а послѣдніе примыкали къ полчищамъ стихійныхъ демоновъ (великановъ, драконовъ, цверговъ) и вмѣстѣ съ ними творили ночную тьму, посылали стужу, непогоду, градъ, разрушительныя бури и отымали у земли плодородіе. Такъ и благодатныя, и вредоносныя силы природы приписывались дѣятельности блуждающихъ душъ [1]). Позднѣе, преимущественно уже въ эпоху христіанства, участіе въ неистовомъ воинствѣ было ограничено душами некрещеныхъ младенцевъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ: опойцевъ, самоубійцъ, притѣснителей, забіякъ, завистниковъ и лжецовъ. Некрещеныя дѣти вступаютъ сюда, какъ неосвященныя христіанскимъ таинствомъ и потому остающіяся подъ властью языческихъ боговъ; самоубійцы, грабители, охотники до ссоръ и дракъ стоятъ въ связи съ представленіемъ бурныхъ и грозовыхъ духовъ существами буйными, неистовыми, склонными ко всегдашнимъ битвамъ и насиліямъ, — точно также, какъ опойцы намекаютъ на ту жадность, съ какою эти духи опиваются небеснымъ виномъ = дождевою влагою. Въ разныхъ мѣстахъ Германіи существуютъ повѣрья: если три дня сряду дуютъ сильные, безпрерывные вѣтры — это вѣрный знакъ, что кто-нибудь повѣсился; какъ скоро повѣсятъ преступника, тотчасъ-же возстаетъ буря, т. е. душа-вѣтръ, исторгнутая изъ тѣла чрезъ задушеніе, устремляется въ бурномъ полетѣ въ небесныя пространства. Этотъ родъ смерти былъ посвященъ Одину: кто вѣшался, тотъ по собственному произволу предавалъ себя Одину, поступалъ въ его воздушную свиту [2]). Русскіе поселяне и чехи утверждаютъ, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ человѣкъ повѣсится, удушится или утопится, начинаются гроза, вихри и не-

---

[1]) German. Mythen, 167, 719, 727.— [2]) Ibid., 270; Die Windgottheiten bei indogerman. Völkern, 5.

погода; самоубійцѣ нѣтъ покоя въ могилѣ, онъ осужденъ носиться въ бурѣ и терпѣть муки отъ злыхъ демоновъ [1]). Когда возникало много дѣлъ по преступленіямъ, которыя карались смертію, галлы (по свидѣтельству Страбона) были убѣждены, что земля дастъ богатый урожай; это потому, что значительное число казней увеличивало свиту бога Тейтота (=кельтскаго Одина), которая составлялась изъ тѣней усопшихъ, и летая въ грозовыхъ тучахъ, орошала землю дождями [2]). Дантъ въ своей «Божественной комедіи» заставляетъ злодѣевъ вращаться въ бурномъ, стремительномъ вихрѣ. По нѣмецкимъ сагамъ, въ дикой охотѣ осуждены носиться души тѣхъ, которые во время земной своей жизни охотились въ воскресные дни и въ бѣшеномъ удовольствіи не щадили ни засѣянныхъ полей, ни имущества поселянъ. У чеховъ употребительна клятва: «ani v hrobě pokoje miti nebude!» [3]). Вообще мертвецы у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ представляются блуждающими ночными привидѣніями, которыя съ такою-же быстротою и легкостью появляются, какъ и исчезаютъ. На Руси много преданій о мертвецахъ-полунощникахъ; ночью, когда все покоится крѣпкимъ сномъ, они встаютъ изъ могилъ, и свободно проникая сквозь затворенныя двери, посѣщаютъ свои прежнія жилища, показываются своимъ неутѣшнымъ вдовамъ и невѣстамъ [4]), распоряжаются въ домахъ, словно хозяева, и становятся въ двоякія отношенія къ живымъ людямъ: съ одной стороны они и за гробомъ сочувствуютъ и помогаютъ интересамъ своихъ родичей, а съ другой завидуютъ ихъ наслажденіямъ, пугаютъ запоздалыхъ путниковъ и вредятъ домашнему хозяйству. Въ опустѣлыхъ комнатахъ помѣщичьихъ домовъ слышится шарканье усопшихъ владѣльцевъ. Разсказываются трогательныя повѣсти, какъ умершія матери

[1]) Громаннъ, 35—36. — [2]) Галлы, соч. Георгіевскаго, 109. — [3]) Иричекъ въ Часописи чешскаго музея 1863, I, 6.—[4]) Казан. Г. В.

приходили по ночамъ къ своимъ осиротѣлымъ дѣтямъ, мыли и чесали имъ головы, перемѣняли бѣлье и кормили ихъ грудью [1]). Замогильные выходцы могутъ оставаться въ семъ мірѣ только до предразсвѣтнаго крика пѣтуховъ, а какъ скоро онъ раздастся—тотчасъ-же исчезаютъ и прячутся въ гробахъ. Рѣдкій крестьянинъ согласится пойдти на кладбище послѣ солнечнаго заката. Такому тревожному блужданію предаются мертвецы особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда беззаботные потомки не совершаютъ посмертныхъ тризнъ (поминокъ), необходимыхъ для поддержанія ихъ стихійнаго существованія (см. т. II, стр. 77), или когда усопшіе бываютъ лишены погребальныхъ обрядовъ, долженствующихъ напутствовать ихъ въ страну блаженнаго успокоенія. Греки и римляне вѣрили, что мертвецы, лишенные погребенія или жертвенныхъ приношеній, скитаются въ видѣ призраковъ (ларвъ) и наказываютъ своихъ потомковъ неурожаями и болѣзнями; въ ночной тишинѣ можно слышать ихъ страдальческіе вопли [2]). Въ качествѣ грозовыхъ духовъ, эльфы, цверги и мары выступаютъ въ то время, когда наплывающія на небесный сводъ облака и тучи превращаютъ свѣтлый день въ непроглядную ночь. Мракъ, производимый сгущенными облаками, сближался съ ночью; а эта послѣдняя была отождествляема съ понятіемъ Смерти, увлекающей души въ темныя области подземнаго (=облачнаго) аида. Отсюда объясняется: во первыхъ — смѣшеніе мертвецовъ съ нечистою силою мрака, и во вторыхъ—вѣрованіе, что ночь есть обычная пора ихъ странствованій; вмѣстѣ съ этимъ и луна, какъ «царица ночи», окруженная частыми звѣз-

---

1859, 7; Семеньск., 36—37. — [1]) Русск. Преданія, I, 79; Н. Р. Ск., VI, 65, f; Кіевлян. 1865, 52. По мнѣнію чеховъ, мать, умершая послѣ родовъ, въ продолженіи шести недѣль приходитъ въ полночь и кормитъ грудью своего ребенка — Громаннъ, 116.—[2]) Куланжъ, 13, 22.

дами (въ которыхъ предки наши видѣли души усопшихъ), признана была за свѣтило, озаряющее загробный міръ. Греки считали Гекату (луну) богиней аида, и давали ей эпитетъ подземной (χθονία). По русскому народному выраженію, мѣсяцъ есть солнце русалокъ и утоплениковъ; выходя ночью изъ глубокихъ водъ, они грѣютъ свои прозябнувшіе члены при помощи его блѣдныхъ лучей; дневное-же свѣтило слишкомъ для нихъ жарко [1]). Эльфы, никсы и русалки любятъ ночную тишину и безмолвіе кладбищъ, и охотно танцуютъ при лунномъ свѣтѣ; первыхъ называютъ stille volk (сравни наше: покойники). Въ томской губ. существуетъ повѣрье, что на мѣсяцъ не слѣдуетъ смотрѣть долго; не то—онъ утащитъ къ себѣ, т. е. человѣка постигнетъ смерть [2]). По мнѣнію чеховъ, если мѣсяцъ свѣтитъ на спящаго, то сдѣлаетъ его лунатикомъ, т. е. бродячимъ въ лунныя ночи привидѣніемъ, или увлечетъ его на тотъ свѣтъ; при лунномъ затмѣніи кто нибудь увлекается въ загробный міръ. Звѣзда, усмотрѣнная около мѣсяца, и на Руси (въ кольскомъ уѣздѣ) и въ Богеміи принимается за предвѣстіе чьей-либо смерти [3]): примѣта, указывающая на водвореніе новой души въ томъ загробномъ царствѣ, гдѣ властвуетъ Геката. Индусы были убѣждены, что вмѣстѣ съ лучами мѣсяца и звѣздъ заглядываютъ въ ихъ окна блаженные предки. Въ пятнахъ луны народная фантазія видитъ тѣни святыхъ или грѣшниковъ, увлеченныхъ этимъ свѣтиломъ въ свой таинственный міръ. Древне-скандинавское преданіе свидѣтельствуетъ, что Mâni (мѣсяцъ), примѣтивъ на землѣ двухъ дѣтей (Bil и Hiuki), которыя несли на шестѣ ведро воды, взялъ ихъ къ себѣ, и что они-то и видны на мѣсяцѣ. Шведы до сихъ поръ узнаютъ въ

---

[1]) Шафарикъ въ Часописи чешск. музея 1833, III, 271; Подснѣжникъ, альманахъ 1829 г., 92. — [2]) Этн. Сб., VI, 118. — [3]) Громаннъ, 31.

лунныхъ пятнахъ двѣ человѣческія фигуры, несущія на палкѣ большое ведро [1]). Въ Германіи разсказываютъ, что въ мѣсяцѣ видѣнъ воръ, который на Свѣтлое Воскресенье рубилъ въ чужомъ лѣсу дрова, и въ наказаніе за это нечестивое дѣло попалъ на луну, гдѣ и донынѣ стоитъ съ топоромъ за спиною и съ вязанкою хворосту въ рукахъ; въ другихъ мѣстностяхъ, вмѣсто вора, усматриваютъ тамъ человѣка, который въ воскресный день вязалъ вѣники или раскидывалъ навозъ: въ первомъ случаѣ его представляютъ съ вѣникомъ, а въ послѣднемъ — съ лопатою. Сюда примѣшиваются и библейскія сказанія: въ пятнахъ луны видятъ Каина съ вязанкою терновника за плечами, которую онъ несъ Богу, какъ самый худшій даръ отъ своего поля, или Исаака, обреченнаго на закланіе и несущаго беремя дровъ для собственнаго жертвеннаго костра [2]). По словамъ чеховъ, на мѣсяцѣ сидитъ святой Давидъ, играющій на гусляхъ, или человѣкъ съ охапкою хворосту, украденнаго наканунѣ Святокъ, или наконецъ воръ, выходившій въ лунную ночь похищать горохъ [3]). Русскіе поселяне думаютъ, что на лунѣ видѣнъ Каинъ, осужденный за убійство Авеля стоять тамъ до скончанія вѣка и трястись надъ его неповинною кровію, или по другому разсказу: было нѣкогда два брата; «старшій братъ на Великъ день, коли ще добри люде на утрени стояли, пошовъ пидкинуть воламъ сина, та замисць сина проткнувъ вилами меньшого брата; такъ ихъ Богъ такъ и поставивъ укупци на мисяци — на видъ усему хрищеному міру, щобъ бачили, що и скотини грихъ јисти у такій великій празникъ, поки пасокъ

---

[1]) D. Myth., 679—680. Подобное-же преданіе встрѣчаемъ въ Запискахъ Веніаминова объ алеутахъ и колошахъ (стр. 86): разъ двое дѣтей, идучи за водою съ ведрами, отзывались съ неуваженіемъ о лунѣ; луна разгнѣвалась, сошла долу и схватила ихъ, отчего и видны на ней пятна. — [2]) D. Myth., 680—3; Die Götterwelt, 105. — [3]) Громаннъ, 28—29.

не посвятять.» Разсказъ этотъ варiируется и такъ: братья, отправившись за сѣномъ, поссорились между собою, и одинъ изъ нихъ поднялъ другаго на вилы [1]). Болгары въ пятнахъ луны различаютъ черты лица недавно-скончавшагося на селѣ старика [2]). Вѣроятно, подъ влiянiемъ указаннаго воззрѣнiя на луну, какъ на свѣтило темныхъ странъ аида, посвященный ей день — понедѣльникъ (dies lunae, manendach, montag) стали считать тяжелымъ, несчастливымъ [3]), тогда какъ наоборотъ воскресенье — день, посвященный дневному свѣтилу, признается легкимъ и счастливымъ.

Кромѣ Одина, во главѣ неистоваго воинства носятся, по народнымъ сказанiямъ, облачныя богини Гольда и Берта (Berchta, Perahta): и та, и другая представляются окруженными душами нерожденныхъ или усопшихъ людей. Гора, внутри которой—въ ярко-блистающей пещерѣ обитаетъ Гольда съ своимъ воинствомъ и малютками-душами, есть метафора грозоваго облака. Другое поэтическое представленiе ея жилища — колодецъ (источникъ, прудъ или озеро = дождевая туча), подъ водами котораго она владѣетъ чудеснымъ садомъ, усѣяннымъ роскошными цвѣтами, преисполненнымъ сочныхъ и вкусныхъ плодовъ. По свидѣтельству нѣмецкой сказки, колодецъ Гольды ведетъ вверхъ — на небо, а не внизъ; когда черезъ этотъ колодецъ явилась къ ней дѣвица и Гольда за-

---

[1]) Статист. описанiе саратов. губ., I, 57; Ж. М. Н. П. 1851, X, 3; Маякъ, XII, 21; Иллюстр. 1846, 345; Основа 1862, IX, 26 („Назаръ Стодоля"). Ипатьевская лѣтопись, описывая лунное затмѣнiе 1161 года (П. С. Р. Л., II, 90), говоритъ: „идяше бо луна... к посредѣ ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и одиному яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше.» — [2]) Миладин., 525. — [3]) Въ понедѣльникъ не должно начинать дѣла и выѣзжать въ дорогу. „Посѣй въ понедѣльникъ, будешь безхлѣбникъ!" говорятъ крестьяне — Рязан. Г. В. 1847, 48; D. Myth., 1092.

ставила ее перетряхать свою постель, то вмѣсто перьевъ посыпался на землю снѣгъ. Подводный садъ есть вѣчно цвѣтущій, пресвѣтлый рай = весеннее голубое небо, лежащее за дождевыми источниками (Gimill, Lichtland, Engelland, сказочный Glasberg [1]), страна, гдѣ растутъ облачныя деревья, цвѣтутъ розы зори и яркіе цвѣты молній, и зрѣютъ золотыя, моложавыя яблоки. У грековъ—это элизій (см. т. II, стр. 140), у индусовъ—блестящее небо Индры, въ которомъ возвышался его царскій зáмокъ (=валгалла) и цвѣлъ неувядаемый садъ; тамъ, подъ сѣнію деревьевъ, пребываютъ души блаженныхъ, питаясь живительной амритою; тамъ сіяетъ свѣтъ безъ конца, тамъ невѣдомы ни зима, ни печали, а живетъ вѣчная радость и счастіе, и всякое желаніе находитъ немедленное удовлетвореніе. Вмѣсто сада упоминается и одно большое, густолиственное дерево, подъ которымъ (по свидѣтельству Ведъ) возсѣдаетъ Yama съ усопшими предками; царь блаженныхъ, онъ отождествляется въ гимнахъ съ богомъ Агни или Индрою и есть прародитель человѣческаго рода (см. II, 471). Смертные не иначе достигаютъ въ райскія селенія Гольды, какъ черезъ глубокій колодецъ; сюда принимаетъ она души усопшихъ и отсюда-же посылаетъ на землю младенческія души вновь-нарождающимся дѣтямъ. Въ этихъ миѳическихъ представленіяхъ кроется основа вѣрованія, что души новорожденныхъ приносятся изъ родниковъ и колодцевъ. Почти въ каждой деревнѣ въ Германіи указываютъ kinderbrunnen, изъ котораго являются въ семьи маленькіе братцы и сестрицы. Замѣчательны названія, даваемыя этимъ источникамъ: Hollenteich, brunnen der Spilla-

[1]) Engelland=England, Albion—страна альбовъ (эльфовъ), въ позднѣйшемъ, подновленномъ смыслѣ: ангеловъ; сравни преданія объ островѣ Буянѣ и разсказъ о перевозѣ душъ на островъ Brittia (I, 575).

holle (=Spindel-Holda [1]), Gütchenteich [1]); во Фленсбургѣ думаютъ, что младенцы, до появленія своего на свѣтъ божій, плаваютъ въ колодцахъ какъ маленькія рыбки. Въ Ольденбургѣ и Фрисландѣ увѣряютъ, что дѣти приносятся изъ прудовъ, болотъ и моря. Такъ какъ души представлялись птицами и бабочками, то естественно было возникнуть убѣжденію, что именно при посредствѣ птицъ или бабочекъ прилетаютъ онѣ изъ небесныхъ странъ и вселяются въ тѣла новорожденныхъ, а покончивъ земную жизнь—на ихъ-же легкихъ крыльяхъ возносятся въ свое прежнее отечество. Нѣмцы считаютъ приносителями младенческихъ душъ: во 1-хъ, бѣлаго мотылька (miller-maler) и во 2-хъ, аиста, какъ птицу, поставленную въ самую близкую связь съ миѳомъ о низведеніи съ неба грозоваго пламени (1, 494). Своимъ длиннымъ клювомъ аистъ достаетъ изъ колодца малютку-душу и приноситъ ее въ домъ, гдѣ долженъ народиться младенецъ. По разсказамъ чеховъ, новорожденныхъ младенцевъ приносятъ аистъ, ворона, сорока и коршунъ (luňak); если ворона летаетъ возлѣ оконъ, это принимается за предвѣстіе, что въ скоромъ времени въ домѣ будетъ беременная женщина; этой-же птицѣ приписывается и похищеніе маленькихъ дѣтей. Вмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: «svět s divokými husami hlidati». На Руси утверждаютъ, что душа убитаго ребенка возносится на небо голубями. Въ нѣмецкой миѳологіи обязанность сопровождать въ валгаллу души убитыхъ героевъ возлагается на лебединыхъ дѣвъ—валькирій, и самый лебедь изображается въ народныхъ сказаніяхъ — то какъ приноситель дѣтей, то какъ проводникъ усопшихъ на тотъ свѣтъ; такъ въ одномъ старинномъ романѣ онъ влечетъ ладью съ мертвымъ рыцаремъ. Сходно съ этимъ, поляки разсказываютъ о прекрасной

[1]) Gütchen, güetel=guoten, holden.

дѣвѣ-канѣ (коршунѣ), которая является по вечерамъ въ сёла, приманиваетъ дѣтей лакомствами, одѣваетъ ихъ облакомъ и увлекаетъ съ собою. Кромѣ птицъ, роль душеприносителей исполняютъ у чеховъ лисица, а у нѣмцевъ заяцъ = зооморфическія олицетворенія грозовыхъ силъ природы. Эльфы и кобольды нерѣдко появляются въ видѣ трехногихъ зайцевъ, съ блестящими, огненными глазами. Въ Обергарцѣ указываютъ Hasenteich, въ водахъ котораго сидятъ нерожденныя дѣти; а въ Швабіи увѣряютъ, что дѣти достаются изъ заячьихъ гнѣздъ. Рядомъ съ этими данными, заяцъ принимается за воплощеніе духа, предвѣщающаго смерть, и въ народныхъ причитаніяхъ выступаетъ, какъ путеводитель въ блаженное царство Engelland'а. Другія нѣмецкія преданія говорятъ о цвѣтущихъ лугахъ и садахъ внутри горы, гдѣ играютъ и рѣзвятся нерожденныя души, питаясь медомъ изъ чашечекъ цвѣтовъ и сплетая для себя прекрасные вѣнки; оттуда, въ минуту разрѣшенія родильницы, выноситъ избранную душу повивальная бабушка (= богиня родовъ и судьбы—см. гл. XXV), и туда-же возвращаетъ ее, какъ скоро человѣка постигаетъ смерть. Въ различныхъ мѣстностяхъ Германіи — на вопросы дѣтей, откуда явились ихъ новорожденные братцы и сестрицы?—принято отвѣчать, что они принесены изъ дупла стараго дерева (kinderbaum), у корней котораго бьетъ свѣтлый ключь; если приложить тамъ ухо къ землѣ, то можно услышать радостные клики дѣтей, обитающихъ въ подземномъ мірѣ. На Руси, въ случаѣ подобныхъ-же распросовъ, говорятъ, что ребенка сняли съ дерева, словно созрѣвшій на немъ плодъ. Въ памятникѣ XVI вѣка упоминается «frau w Hollen baum». Это дерево, служащее мѣстопребываніемъ душъ, есть Иггдразилль, а бьющій возлѣ него источникъ—Urdharbrunnen. Объ эльфахъ извѣстно, что они живутъ не только въ горахъ и подземельяхъ, но и въ

стволахъ деревьевъ, и выглядываютъ сквозь ихъ дуплистыя отверстія, т. е. зоркими молніями и солнечными лучами прорѣзываютъ мракъ облачныхъ лѣсовъ. Въ царствѣ подземныхъ карликовъ есть большой прекрасный садъ, гдѣ солнце сіяетъ еще ярче, чѣмъ на этомъ свѣтѣ, а деревья даютъ золотые цвѣты и золотые плоды; это — тотъ-же небесный садъ, что растетъ на Glasberg'ѣ и состоитъ изъ золотыхъ и серебреныхъ деревьевъ. У одной женщины, говоритъ нѣмецкая сказка, были дочь да падчерица: первая—злая, вторая—кроткая и услужливая. Разъ падчерица, работая у колодца, уронила въ него веретено; по приказу мачихи, она бросилась за веретеномъ въ колодецъ—и очутилась подъ водою на цвѣтущемъ лугу, пришла къ frau Holle и поступила къ ней въ услуженіе. Богиня помѣстила ее къ золото-пряхамъ (goldspinnerinnen), вмѣстѣ съ ними давала ей ѣсть жареную свинину, поила пивомъ и медомъ, а когда отпускала отъ себя — вывела ее въ золотыя ворота (Goldtor) и оросила дождемъ, такъ что она воротилась домой вся озолоченная, блестящая. Вслѣдъ за тѣмъ и завистливая дочь мачихи спустилась на дно колодца, но за свой злобный нравъ была помѣщена вмѣстѣ съ змѣями и жабами, не пила тамъ, не ѣла и не знала покоя ни днемъ, ни ночью; отпуская ее черезъ смоляныя ворота (Pechtor), Гольда вылила на нее котелъ смолы и сѣры, и мачихина дочь стала dreckiges mädchen. Основа сказки—та, что въ загробное царство Гольды, лежащее за дождевыми источниками, являются двѣ души добрая и злая: первая водворяется въ блаженной области свѣта (рай = ясное, весеннее небо) и становится золотою=осіянною солнечнымъ блескомъ, а послѣдняя поступаетъ въ туманное жилище демоническихъ змѣевъ (Nebelwohnung=адъ) и осуждается пребывать среди постоянной мглы и ненастья. Свинина — яства блаженныхъ геро-

евъ, обитающихъ въ валгаллѣ, а медъ — ихъ безсмертный напитокъ; золотыя пряхи — вѣщія норны, дѣвы судьбы. Варіанты приведенной сказки вмѣсто золотыхъ воротъ ставятъ прямо небо, а вмѣсто смоляныхъ воротъ—адъ или пекло; у доброй сестры (точно также, какъ у самой богини Зори) падаютъ изо рта куски золота, слезы катятся перлами, а подъ стопами ея выростаютъ свѣжія розы, т. е. блаженная душа вселяется въ ту райскую обитель, откуда восходитъ Солнце, и сливается съ его золотистыми лучами и розовыми красками дневнаго разсвѣта; слезы-перлы означаютъ утреннюю росу. Напомнимъ, что и Goldtor есть не болѣе, какъ поэтическая метафора солнечнаго восхода: это—тѣ небесныя врата, которыя каждый день отворяетъ на востокѣ богиня Зоря и въ которыя выѣзжаетъ свѣтозарная колесница Солнца. Напротивъ у злой сестры падаютъ изо рта змѣи и жабы, т. е. градъ, снѣгъ и дождь (сравни гл. XXVI). Такимъ образомъ и за гробомъ души удерживаютъ присущій имъ характеръ: добрый или злой, и смѣшиваясь съ стихійными силами природы, заявляютъ себя то какъ существа божественныя, свѣтлыя, то какъ темные демоны. Позднѣе, подъ вліяніемъ нравственныхъ началъ, это представленіе породило вѣру, что души усопшихъ въ царствѣ Гольды получаютъ награду и наказаніе за свою земную жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и сама Гольда стала изображаться съ двойственнымъ характеромъ: то какъ дружелюбная богиня, дарующая счастіе и блаженство, то какъ злая, карающая вѣдьма (Смерть); она увлекаетъ къ себѣ живыхъ людей, и преимущественно добычею ея становятся дѣти (=малютки-души). Позади колодца Гольды тѣни усопшихъ ищутъ вѣчно-цвѣтущихъ луговъ и вѣчно-зеленаго сада, но достигаютъ туда только одни добродѣтельные. Этотъ небесный садъ (≐ рай) преисполненъ роскошными цвѣтами и плодами даже въ ту пору, когда на землѣ бываетъ всёмертвящая, холодная зима.

Народная сага разсказываетъ, какъ однажды зимою поѣхали крестьяне въ лѣсъ за дровами и взяли съ собой ребенка; покончивъ работу, они примѣтили, что дитя куда-то скрылось, и долго не могли найдти его; наконецъ ребенокъ прибѣжалъ къ нимъ, неся въ рукахъ цвѣты и ягоды, которые дала ему бѣлая дѣва изъ своего чудеснаго сада, что стоялъ въ полномъ цвѣту, не смотря на суровое время года. Съ той поры ребенокъ томился непрестаннымъ желаніемъ посѣтить бѣлую дѣву и вскорѣ умеръ. Другая сага упоминаетъ о матери, которая, отыскивая своего ребенка, вошла въ пещеру, гдѣ блисталъ яркой свѣтъ и было множество дѣтей; посреди ихъ сидѣла прекрасная бѣлая жена, она держала на колѣнахъ потеряннаго мальчика, и возвращая его матери, дала ему цѣлую горсть вишень. Всегда-зеленѣющіе и цвѣтущіе луга, по свидѣтельству Эдды, находятся возлѣ Асгарда; въ Швеціи донынѣ разсказываютъ о зачарованныхъ садахъ эльфовъ: сорокъ лѣтъ жизни, проведенной въ этихъ садахъ, кажутся не болѣе часа. Соотвѣтственно тому, у кельтовъ находимъ преданіе о «странѣ вѣчной юности», проживая въ которой никто не старѣется; эта страна (= царство блаженныхъ) населена эльфическими духами и лежитъ подъ водою; тамъ вѣчно сіяетъ солнце, вѣчно зеленѣютъ и цвѣтутъ луга и деревья; оттуда приносятся весною растительныя сѣмена на землю и тамъ сберегаются они во все продолженіе зимы. Люди, которые попадали съ страну юности и пребывали тамъ многіе годы, думаютъ, что они насладились счастливою жизнію не болѣе быстролётнаго мгновенія; триста лѣтъ проходятъ тамъ, какъ единый день. При восходѣ солнца, оттуда прилетаютъ сильфы (=души) и пляшутъ на поверхности водъ, которыя остаются недвижимыми подъ ихъ легкими ногами. Души некрещеныхъ младенцевъ, по народному повѣрью, возвращаются къ Гольдѣ, а въ полетѣ неистоваго воин-

ства ее сопровождаютъ тѣни усопшихъ—не только дѣтей, но и взрослыхъ. Норвежскія и датскія саги знаютъ лѣсную или горную жену Hulla, Huldra, которая является иногда юною и прекрасною, а иногда старою и безобразною, съ длиннымъ хвостомъ, т. е. принимаетъ демоническій типъ Смерти или злобной, враждебной всему живому вѣдьмы: она забираетъ и уноситъ некрещеныхъ дѣтей, и нерѣдко выступаетъ, какъ королева горныхъ духовъ (=подземныхъ эльфовъ), называемыхъ Huldrefolk (исланд. Huldufölk, Huldumenn). Въ Норвегіи думаютъ, что души людей, несовершившихъ настолько добраго, чтобы удостоиться рая, и настолько злаго, чтобы попасть въ адъ, осуждены до конца міра носиться по воздуху, и во главѣ ихъ ѣдетъ Gurorysse или Reisarova (guro, gurri, сканд. gîfr—великанка), съ длиннымъ хвостомъ. Съ Гольдой родственна Perahta, кроткая царица карликовъ — königin der heimchen. Въ то время, когда люди начинаютъ пахать землю сверху, она пашетъ ее своимъ плугомъ съ-исподу, т. е. занимается тою-же благословенною работою въ своемъ подземномъ царствѣ, или проще: съ возвратомъ весны она бороздитъ громовымъ плугомъ облачныя подземелья. Когда поселяне засѣваютъ поля, Перата разсыпаетъ на землю лучшія сѣмена, т. е. орошаетъ землю сѣменемъ дождя и возвращаетъ ей тѣ плодоносныя зерна, которыя въ теченіи зимы хранятся въ садахъ рая. По ея приказу, карлики (heimchen) увлажаютъ поля и нивы, при засухѣ изводятъ изъ-подъ корней деревьевъ журчащіе ключи и даютъ плодородіе; они же куютъ подъ землею серебро и золото, и отъ жара ихъ кузнечныхъ горновъ выростаютъ и зрѣютъ на земной поверхности роскошные золотистые колосья, т. е. урожай хлѣба есть плодъ весеннихъ грозъ, въ пламени которыхъ древній человѣкъ усматривалъ ковку небесныхъ металловъ. Съ удаленіемъ цверговъ (зимою или во время засухъ)

хлѣбъ не родится; но гдѣ только покажутся они, согрѣютъ землю подземнымъ огнемъ и откроютъ ея водныя жилы—тамъ почва становится урожайною.Ператѣ достаются дѣти, умершія безъ крещенія; она шествуетъ окруженная плачущими малютками и перевозитъ ихъ съ собою въ ладьѣ—въ иной міръ [1]). Нѣкогда у молодой женщины умерло единственное дитя; глубокое горе овладѣло сердцемъ матери, каждую ночь она приходила на могилу и такъ горько плакала, что казалось — самые камни могли бы тронуться ея печалью. Въ ночь передъ праздникомъ Трехъ королей она увидѣла шествующую съ дѣтьми Перату; одинъ ребенокъ былъ въ мокрой сорочкѣ и нёсъ въ рукахъ полную кружку воды; усталый, онъ не въ силахъ былъ поспѣвать за прочими, и невольно остановился у ограды, черезъ которую направила свой путь Перата. Мать узнала въ немъ собственное дѣтище, поспѣшила къ нему на помощь, подняла и пересадила его на другую сторону. «Ахъ, какъ жарки материнскія объятія! воскликнулъ ребенокъ [2]); но прошу тебя—не плачь такъ много: я долженъ собирать твои слезы въ мою кружку, видишь—какая она полная и тяжелая, да и рубашка на мнѣ вся смочена твоими слезами!» [3]). Въ южной Россіи разсказываютъ о бѣдной матери, которая, схоронивъ своего

---

[1]) D. Myth., 246—254, 260, 282, 872, 884—5, 897—8; Die Götterwelt, 280—290; German. Mythen, 238—9, 321—343, 406—472, 667—670, 728—733; Beiträge zur D. Myth., I, 163—7, 171; Громаннъ, 234; Ч. О. И. и Д. 1865, III, 96—99, 107; Н. Р. Ск., VI, 56; Slov. pohad., 250—262. — [2]) Въ загробномъ мірѣ, у цверговъ, его касались только холодныя руки мертвецовъ. — [3]) Въ сказкахъ, собранныхъ братьями Гриммами, встрѣчаемъ одну („Das todtenhemdchen“) слѣдующаго содержанія: умеръ прекрасный, семилѣтній мальчикъ; опечаленная мать плакала по немъ дни и ночи, и вотъ въ ночное время явился онъ въ бѣломъ саванѣ и сказалъ ей: «ахъ, мама! перестань плакать; мой саванъ не высыхаетъ отъ твоихъ слезъ, и я не знаю покоя въ могилѣ».

любимаго сына, долго убивалась по немъ и неутѣшно плакала; въ полночь увидала она толпу мертвецовъ, шедшихъ съ кладбища; между ними былъ и ея сынъ: мальчикъ несъ полное ведро слезъ, наплаканныхъ его матерью. «Синови, по мнѣнію поселянъ, тяжко, якъ мати по ёму тужить; а матери весело лежать, якъ дити плачуть по jiй» [1]). Въ другихъ мѣстностяхъ русскаго царства утверждаютъ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ много плакать по мертвому; иначе затопишь его слезами, и ему тяжело будетъ на томъ свѣтѣ. Чехи убѣждены, что слезы, роняемыя надъ усопшимъ, жгутъ его; сколько упадетъ на покойника слезъ, столько-же прольется на него капель кипучаго масла, когда онъ явится въ пекло. Однажды, когда вдова пришла на могилу своего мужа, онъ провѣщалъ ей изъ-подъ земли: «ступай домой и прикажи дѣтямъ не плакать по мнѣ; пусть не дѣлаютъ мнѣ тяготы!» [2]) На древнѣйшемъ метафорическомъ языкѣ дождь уподоблялся горючимъ слезамъ и кипятку, приготовляемому на грозовомъ пламени. Если во время похоронъ идетъ дождь — это, по словамъ чеховъ, ангелы плачутъ о кончинѣ человѣка [3]). Поступая по смерти въ число стихійныхъ духовъ, вращаясь вмѣстѣ съ ними въ вертепахъ дождѣносныхъ, громовыхъ тучъ (= въ пеклѣ), тѣни усопшихъ облекаются въ мокрые облачные покровы, безпокойно блуждаютъ среди мглы и тумановъ и обливаются кипучими слезами дождя. Загробныя страданія, испытуемыя усопшими отъ паденія этихъ небесныхъ слезъ, позднѣе—при забвеніи смысла старинныхъ метафоръ—стали объясняться, какъ послѣдствіе неутѣшнаго плача осиротѣлыхъ родичей; рядомъ съ этимъ сосуды, изъ которыхъ грозовые духи проливаютъ на землю потоки дождя, получили значеніе погребальныхъ слезницъ.

---

[1]) Кулишъ, II, 42—44. — [2]) Громаннъ, 192; Ирчекъ въ Часописи чешск. муз. 1863, I, 8; сравни Beiträge zur D. Myth., I, 215. — [3]) Громаннъ, 189.

Тѣже преданія о загробномъ царствѣ душъ и ихъ свѣтлой царицѣ встрѣчаемъ и у племенъ славянскихъ. Въ словѣ Кирилла Туровскаго сказано, что Христосъ, освободя души усопшихъ изъ ада, водворилъ ихъ въ странахъ эдемскихъ: «всѣхъ же языкъ душа(и) въ своемь свѣтѣ на водахъ покойныхъ усели» [1]), что соотвѣтствуетъ блаженному царству Гольды, лежащему за облачнымъ колодцемъ. Чехи разсказываютъ о колодцѣ, гдѣ непремѣнно каждый годъ топится хотя одна дѣвица, которую призываетъ къ себѣ била пани; эта бѣлая пани показывается взрослымъ женщинамъ передъ ихъ кончиною [2]). Сверхъ того, души утоплениковъ (по мнѣнію чеховъ) поступаютъ къ водяному, который держитъ ихъ подъ водою въ опрокинутыхъ горшкахъ (=дождевыхъ урнахъ); когда душа ускользнетъ изъ заключенія — она, какъ существо воздушное, выходитъ изъ воды въ видѣ пузыря. И по нѣмецкому повѣрью, души заключены въ горшкахъ въ жилищѣ wassermann'а. Въ Гамбургѣ, сидя подъ мостомъ, водяной таскаетъ мотыкою дѣтей въ воду и сажаетъ ихъ подъ старые горшки. Только по субботамъ, отъ двѣнадцати до часу, могутъ выходить эти малютки и играть на берегу, но водяной зорко сторожитъ ихъ и снова гонитъ въ темницу. Сказанія о заклятыхъ или осужденныхъ духахъ (эльфахъ, кобольдахъ), заточенныхъ въ сосудахъ, откуда раздаются ихъ жалобные голоса, извѣстны почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ [3]). Ибнъ-Фоцланъ упоминаетъ о колодезномъ срубѣ, заглядывая въ который дѣвица, рѣшившаяся раздѣлить съ умершимъ княземъ его погребальное ложе, видѣла по ея словамъ прекрасный зеленый рай, а въ раю своихъ покойныхъ предковъ; въ ихъ средѣ видѣла она и недавно-скончавшагося князя, который призывалъ ее къ себѣ [4]). По чешскимъ преданіямъ

---

[1]) Памят. XII в., 66—67.— [2]) Ч. О. И. и Д. 1865, III, 148.— [3]) Громаннъ, 12; Beiträge zur D. Myth., II, 293, 297. — [4]) Стр. 17.

nav = страна усопшихъ есть zelena louka; этотъ «зеленой лугъ» въ моравскихъ пѣсняхъ представляется, какъ обиталище добродѣтельныхъ душъ. Враги народа были въ тоже время и врагами его національныхъ боговъ; поэтому они, а равно и всѣ злые люди, нарушившіе святость семейныхъ узъ, не принимались въ райскіе луга, а шли въ черную ночь, т. е. въ адскіе вертепы черныхъ тучъ, облегающихъ свѣтлое небо [1]). По свидѣтельству народныхъ легендъ, мѣста будущей жизни, пріуготованныя для добродѣтельныхъ и грѣшныхъ, находятся у колодцевъ. Для посмертнаго пребыванія первыхъ предназначены студенцы съ чистой ключевой водою, при которыхъ растутъ благоухающіе цвѣты, зрѣютъ на деревьяхъ вкусные плоды и поютъ райскія птицы; а грѣшники будутъ ввержены въ колодцы, наполненные змѣями, жабами, лягушками и другими гадами. Итакъ одинъ и тотъ-же поэтическій образъ, только съ различною обстановкою, прилагается и къ раю = вирію, и къ аду = пеклу [2]). Праведныхъ ожидаетъ у райскихъ источниковъ такое полное блаженство, что время для нихъ какъ-бы перестанетъ существовать: годъ будетъ пролетать, какъ единый неуловимый мигъ, а триста лѣтъ покажутся за три счастливыя минуты. Такую нечувствительность къ полету времени, по указанію валахской сказки, испытываетъ дѣвочка, водворенная въ раю у пресв. Богородицы [3]). На одну

---

[1]) Громаннъ, 195. — [2]) Н. Р. Лег., 3, 21 и стр. 124, 128. Райскому колодцу соотвѣтствуетъ Urdharbrunnen, адскому—Hvergelmir (Germ. Myth., 550). По словамъ гуцуловъ, мавки обитаютъ въ пещерахъ, гдѣ журчатъ прозрачные источники и растутъ чудные сады и виноградники—Пант. 1855, V, 49. — [3]) Св. Дѣва взяла съ собой дѣвочку и спрашиваетъ ее однажды: гдѣ ты была? — Я пробыла одинъ день въ раю, отвѣчала дѣвочка. „Не одинъ день, а цѣлый годъ!“ возразила Богородица. Въ другой разъ повторяетъ свой вопросъ Св. Дѣва: гдѣ ты была?—Я пробыла одинъ часъ въ раю. „Не часъ, а три человѣческихъ жизни!“ Въ третій разъ на слова дѣвочки: „я на одно мгновеніе побывала на небѣ“ — Пресв.

изъ лубочныхъ картинъ занесено преданіе о старцѣ, который молилъ Бога, чтобы даровалъ ему извѣдать сладость будущаго блаженства; Богъ исполнилъ его желаніе: разъ старецъ заслушался пѣнія райской птички, слушалъ-слушалъ, и триста лѣтъ пронеслись для него, какъ три часа [1]). Наоборотъ муки адскія такъ ужасны, что грѣшнику, который имъ подвергается, один дань казни кажется цѣлымъ тысячелѣтіемъ [2]). Преданія о древней богинѣ, царицѣ малютокъ-душъ, въ среднія вѣка были перенесены на Пречистую Дѣву, а души блаженныхъ (свѣтлые эльфы) стали представляться ангельчиками. Божія Матерь собираетъ къ себѣ души нерожденныхъ, которыя въ видѣ дѣтей возсѣдаютъ на ея колѣнахъ, и души усопшихъ, которыя слѣдуютъ за нею въ царство небесное, въ вѣчно-зеленые сады рая. Въ Кельнѣ разсказываютъ, что новорожденныхъ младенцевъ приносятъ изъ колодца, находящагося у церкви св. Куниберты; тамъ, до своего рожденія, сидятъ они вокругъ Богоматери, которая кормитъ ихъ кашею и забавляетъ играми; въ этомъ колодцѣ свѣтло, какъ въ ясный день [3]). Чехи убѣждены, что когда умретъ некрещеное дитя— его принимаетъ Пречистая Дѣва и уноситъ въ свою небесную обитель, что на томъ свѣтѣ — въ райскихъ садахъ она раздаетъ усопшимъ дѣтямъ яблоки, вишни и землянику. Если оставшаяся въ живыхъ мать вкушаетъ эти плоды до Иванова (или Успеньева) дня, то Богородица обдѣляетъ ея умершихъ дѣтей [4]). Тоже повѣрье извѣстно и нѣмцамъ: на Ивановъ день Богородица ведетъ усопшихъ дѣточекъ въ рай угощать земляникою, а тѣмъ, чья мать уже вкусила ягодъ, приказываетъ:

Дѣва замѣчаетъ: „ошибаешься, дитя! не мгновеніе, а полвѣчности провела ты въ жилищѣ блаженныхъ". Сличи Срп. припов., 113—4. —[1]) У народовъ романскихъ есть такое-же преданіе о пустынникѣ, который заслушавшись въ лѣсу соловья, впалъ въ сладкое забытье на цѣлыя сто лѣтъ, и когда очнулся—все въ этомъ мірѣ было для него ново и незнакомо. — [2]) Пам. стар. рус. литер., I, 109. — [3]) Die Götterwelt, 280. — [4]) Громаннъ, 106, 113; День 1864, 43.

«воротитесь назадъ! ваша доля уже съѣдена вашей лакомой матерью.» [1]) По русскому повѣрью, младенцы, какъ совершенно-безгрѣшные, идутъ по смерти въ рай, и въ простомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что души ихъ гуляютъ по небеснымъ вертоградамъ и питаются гроздіями спѣлаго винограда и золотыми яблоками; не слѣдуетъ, говорятъ, хоронить умершихъ дѣтей неподпоясанными, чтобы они могли собирать за пазуху райскіе плоды [2]). Мать, у которой умеръ ребенокъ, не должна ѣсть яблокъ до втораго Спаса; не то Богородица не дастъ ея ребенку золотаго яблочка, какими даритъ она на Спасовъ день всѣхъ водворенныхъ въ раю малютокъ. Въ дополненіе къ выше-приведенной сказкѣ о двухъ сестрахъ доброй и злой и ихъ пребываніи въ царствѣ Гольды, должно указать на слѣдующую, въ высшей степени любопытную варіацію того-же миѳа. Была мать, говоритъ словацкая сказка [3]); у ней было двѣ дочери: одна — родная, а другая — падчерица. Собственную дочь она очень любила, а падчерицу просто не могла видѣть, потому что послѣдняя, Марушка, была гораздо красивѣе, чѣмъ ея Голена. Добрая Марушка не знала о своей красотѣ и не могла объяснить себѣ, почему мачиха такъ злилась, какъ скоро она попадалась ей на глаза. Она должна была отправлять всѣ работы: убирать комнаты, варить, шить, прясть, ткать, приносить траву и заботиться о коровѣ; а Голена только наряжалась и оставалась постоянно въ праздности. Марушка трудилась охотно, и терпѣливо, словно овечка, переносила ругательства и проклятія мачихи и сестры. Но это не помогало; день ото дня онѣ становились злѣе, потому что чѣмъ далѣе, тѣмъ Марушка дѣлалась прекраснѣе, а Голена дурнѣе. Вздумалось матери: «зачѣмъ я должна терпѣть въ

---

[1]) German. Mythen, 428. — [2]) Иллюстр. 1846, 332. — [3]) Westsl. Märch., 20—26; Slov. pohad., 296—306; сравни у Эрбена, 293; въ сборн. Валявца, 221—2.

моемъ домѣ красивую падчерицу, если моя родная дочь далеко не красавица? Прійдутъ парни свататься, Марушка станетъ имъ нравиться, и они не захотятъ Голены». Съ той минуты мачиха съ дочкою искали случая, какъ-бы извести бѣдную Марушку; мучили ее голодомъ, били ее, но она все терпѣла и день ото дня становилась прекраснѣе. Однажды — это было въ срединѣ зимы — захотѣлось Голенѣ имѣть фіалки: «ступай, Марушка, принеси мнѣ изъ лѣсу пучокъ фіалокъ! я хочу заткнуть цвѣты за поясъ и обонять ихъ запахъ.» — Ахъ, Боже! что тебѣ вздумалось, милая сестрица? я никогда не слыхала, чтобы фіалки росли между снѣгами, отвѣчала бѣдная дѣвушка. «Ты смѣешь спорить, негодная тварь, жаба! когда я приказываю. Если ты не пойдешь въ лѣсъ и не принесешь фіалокъ, то я убью тебя до смерти!» угрожала Голена. Мачиха схватила Марушку, вытолкнула ее вонъ и заперла за нею двери. Горько плача, пошла дѣвица въ лѣсъ. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видать было слѣдовъ ноги. Долго блуждала бѣдная; она чувствовала и холодъ и голодъ, и молила Бога, чтобы онъ взялъ ее лучше со свѣта. Замѣтивъ вдали огонь, она пошла на его блескъ и поднялась на вершину горы. На горѣ пылалъ большой костёръ, а кругомъ огня на двѣнадцати камняхъ сидѣли двѣнадцать мужей: трое — старые, съ сѣдыми бородами, трое — немного помоложе, еще трое — возмужалыхъ лѣтъ, и наконецъ трое — самые юные и красивые. Они молчали и тихо смотрѣли на огонь. Это были двѣнадцать Мѣсяцевъ. Ледяной Мѣсяцъ (Леденъ = генварь) сидѣлъ всѣхъ выше на первомъ мѣстѣ; волосы и борода его были бѣлы, какъ снѣгъ; въ рукахъ держалъ онъ жезлъ — символъ власти. Нѣсколько времени Марушка стояла въ изумленіи, но потомъ собралась съ духомъ, приблизилась и стала просить: «добрые люди! позвольте мнѣ обогрѣться у огня; я вся дрожу отъ холоду!» Ледяной Мѣсяцъ кивнулъ головою и спросилъ: «какъ ты, дѣвица,

сюда зашла? и чего ищешь?»—Я ищу фіалокъ, отвѣчала Марушка. «Теперь не время искать фіалокъ! вездѣ снѣгъ лежитъ», сказалъ Ледяной Мѣсяцъ.—Я сама это хорошо знаю, отвѣчала печально Марушка; но моя мачиха и сестра Голена приказали мнѣ принести лѣсныхъ фіалокъ; если я не принесу, онѣ убьютъ меня до смерти. Государи пастухи! умоляю васъ, укажите — не могу ли я гдѣ-нибудь отыскать фіалокъ? Тогда Ледяной Мѣсяцъ поднялся съ камня, подошелъ къ самому юному Мѣсяцу, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Мартъ! сядь на первое мѣсто.» Мѣсяцъ Мартъ занялъ мѣсто выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ тотъ-же мигъ огонь запылалъ сильнѣе, снѣгъ началъ таять, на вѣткахъ стали показываться почки, подъ деревьями зазеленѣла трава, цвѣты пустили свои ростки — и вотъ наступила весна. Межъ кустарниковъ зацвѣли фіалки — ихъ было такъ много, такъ много, словно кто голубой ковёръ разостлалъ. «Скорѣе рви!» сказалъ Мѣсяцъ Мартъ Марушкѣ. Она съ радостью набрала большой букетъ, поблагодарила двѣнадцать Мѣсяцевъ и поспѣшила домой. Какъ удивились Голена и мачиха, когда увидѣли, что Марушка несетъ имъ букетъ фіалокъ; отворили ей двери — она вошла и запахъ разлился по всему дому. «Гдѣ ты ихъ набрала?» спросила сердито Голена. — На высокой горѣ; тамъ ихъ много растетъ подъ кустами. Голена взяла цвѣты, заткнула за поясъ, нюхала сама и матери давала нюхать, а сестрѣ ни разу не промолвила: «понюхай и ты!» Послѣ того Голена и мачиха выгнали Марушку за земляникой. Падчерица опять приходитъ къ Мѣсяцамъ и встрѣчаетъ у нихъ тотъ-же радушный пріемъ. Узнавши—въ чемъ дѣло, Ледяной Мѣсяцъ всталъ съ камня, подошелъ къ тому Мѣсяцу, что сидѣлъ какъ разъ противъ него, отдалъ ему жезлъ въ руки и сказалъ: «братецъ Іюнь! сядь на первое мѣсто.» Прекрасный Іюнь сѣлъ выше всѣхъ и махнулъ жезломъ поверхъ огня: въ

тотъ-же мигъ пламя поднялось высоко, снѣгъ быстро растаялъ, земля одѣлась травою, деревья листьями, птицы начали свои пѣсни, разнообразные цвѣты запестрѣли въ лѣсу, и вотъ наступило лѣто. Въ травѣ замелькали бѣленькія звѣздочки, какъ-будто ихъ нарочно насѣяли; быстро, на глазахъ, эти бѣлыя звѣздочки переходятъ въ землянику и тотчасъ-же созрѣваютъ ягоды. Не успѣла Марушка оглянуться, какъ ихъ много-много высыпало на зеленомъ лугу, словно кто обагрилъ его каплями крови. Марушка набрала земляники и отнесла Голенѣ; та кушала ягоды и матери давала полакомиться, но ни разу не сказала Марушкѣ: «покушай и ты, сестрица!» Въ третій разъ захотѣлось Голенѣ красныхъ яблочекъ, и она послала за ними Марушку. По глубокому снѣгу пришла бѣдняжка къ Мѣсяцамъ. Ледяной Мѣсяцъ передалъ свою власть брату Сентябрю. Сентябрь сѣлъ на первое мѣсто, махнулъ жезломъ поверхъ костра — огонь запылалъ ярче, снѣгъ пропалъ, и вскорѣ природа приняла грустный осенній видъ; листья падали съ деревьевъ одинъ за другимъ, и свѣжій вѣтеръ гналъ ихъ туда и сюда по сухой, пожелтѣлой травѣ. Марушка уже не видѣла разнообразныхъ цвѣтовъ, за то нашла яблоню съ сочными плодами; потрясла ее — упало одно красное яблочко, потрясла еще — упало другое. «Теперь скорѣе домой!» сказалъ Мѣсяцъ Сентябрь; дѣвушка послушалась и принесла домой два яблока. Удивилась Голена, удивилась и мачиха. «Гдѣ ты сорвала яблоки?» — На высокой горѣ; тамъ еще много ихъ осталось. «Зачѣмъ-же ты не принесла больше? закричала со злобой Голена; вѣрно, сама поѣла дорогою?» — Ахъ, милая сестрица! я ни одного яблочка не попробовала. Я потрясла дерево разъ — упало одно яблочко, потрясла еще — упало другое; а больше трусить мнѣ не позволили, приказали домой идти. «Чтобъ тебя громомъ убило!» кляла Марушку Голена и хотѣла ее бить. Бѣдняжка заплакала и убѣжала на кухню.

Голена принялась за яблоко, которое показалось ей необыкновенно-вкуснымъ; съѣла, и говоритъ матери: «дай-ка мою шубу, я сама пойду въ лѣсъ; а то эта негодная тварь пожалуй опять все съѣстъ дорóгою. Я обтрясу всѣ яблоки—хоть позволятъ мнѣ, хоть нѣтъ!» Накинула шубу, платокъ нá голову, и пошла изъ дому. Снѣгъ лежалъ глубокой, нигдѣ не видно было слѣдовъ ноги человѣческой. Долго она блуждала, наконецъ пришла къ Мѣсяцамъ; не спрашивая позволенія, Голена прямо подошла къ костру и стала грѣть свои руки. «Чего ты ищешь? зачѣмъ сюда пришла?» строго спросилъ Ледяной Мѣсяцъ.— А ты что зá спросъ, старый дуракъ! зачѣмъ тебѣ знать, куда я иду? отвѣчала Голена и повернула въ лѣсъ. Ледяной Мѣсяцъ наморщилъ лобъ и поднялъ жезлъ надъ головою: въ тотъ-же мигъ огонь сталъ горѣть слабѣе, небо помрачилось, снѣгъ повалилъ такими хлопьями, словно кто перину вытрясалъ; пó лѣсу засвисталъ рѣзкій, всёоцѣпеняющій вѣтеръ. На одинъ шагъ передъ собою уже Голена ни зги не видала; она вязла въ снѣгу, проклинала Марушку и чувствовала, что члены ея коченѣютъ. Поджидая ее домой, мать смотрѣла въ окно, выбѣгала за ворота; но часы проходили одинъ за другимъ, а Голены не было. «Вѣрно, яблоки ей такъ понравились, что она отстать отъ нихъ не можетъ, подумала мать; пойду-ка я сама посмотрю.» Тотчасъ надѣла шубу и пустилась искать дочку. Между тѣмъ время шло да шло; Марушка приготовила кушанье, убрала корову, а мачиха и Голена не ворочались. «Гдѣ онѣ остаются такъ долго?» думала Марушка и усѣлась за прялку. Уже пряжа готова, на дворѣ смерклось, а ихъ все нѣтъ. «Ахъ, Боже мой! что съ ними приключилося?» сказала добрая дѣвушка; посмотрѣла въ окно—небо сіяло звѣздами, земля блистала снѣгомъ, но изъ людей никого не было видно. На другой день ждала ихъ Марушка къ завтраку, ждала къ обѣду, но понапрасну—обѣ онѣ замерзли въ лѣсу. Такъ глубо-

ко проникнута жизнію природы чистая, неподдѣльная народная поэзія! она слышитъ, какъ прозябаютъ травы, какъ шелестятъ лепестки распускающихся цвѣтовъ, и сочувственно отзывается на каждое, повидимому незамѣтное и едва уловимое, проявленіе жизненныхъ силъ. Другая сказка [1]) разсказываетъ о бѣднякѣ, который отъ зимняго холода вздумалъ идти на стеклянную гору, гдѣ всегда огонь горитъ, и тамъ согрѣть свои прозябшіе члены. На горѣ пылалъ костёръ (vatra), а вокругъ него сидѣли двѣнадцать мужей — sluhove krale nad časem (слуги, подвластные царю времени); въ теченіи года они двѣнадцать разъ мѣнялись своими мѣстами по порядку, такъ что по окончаніи годичнаго періода каждый изъ нихъ занималъ свое первоначальное мѣсто. Стеклянная гора (Glasberg) есть свѣтлое небо = Асгардъ, а костеръ, около котораго возсѣдаютъ Мѣсяцы,—метафора солнца, которое свѣтитъ то ярче (лѣтомъ), то блѣднѣе (зимою), и вмѣстѣ съ тѣмъ то животворнѣе, то слабѣе вліяетъ на производительность земли. На это верховное свѣтило указываетъ и возженіе костровъ на праздникахъ солнечныхъ поворотовъ. Марушка и Голена—двѣ души добрая и злая — ищутъ на небесной горѣ вѣчно-цвѣтущаго, плодоноснаго сада, скрытаго за снѣжными, зимними облаками; первая протѣсняется сквозь ихъ туманное царство и обрѣтаетъ райскіе цвѣты и плоды, а послѣдняя погибаетъ на пути отъ суровой стужи Niflheimr'а, т. е. дѣлается добычею ада (см. выше стр. 25 — 28). Въ Скандинавіи и Германіи сохраняется вѣрованіе, что души усопшихъ обитаютъ на горѣ, вмѣстѣ съ громовникомъ Торомъ, и выраженіе: «in den berg gehen» до сихъ поръ употребляется въ смыслѣ: умереть [2]). Что̀ цвѣтущія подъ снѣгами фіалки и зрѣющія въ зимнюю пору яблоки и земляника принадлежатъ небесному царству праведныхъ, замкнутому отовсюду демонами зимы, — осязательное

[1]) Slov. pohad., 19 - 28. — [2]) German. Mythen, 240.

доказательство тому находимъ въ старинной сагѣ у Саксона: одинъ король пожелалъ узнать, гдѣ лежитъ та благословенная страна, въ которой даже зимою растенія красуются свѣжею, неувядаемою зеленью, и обрѣлъ ее тамъ, куда по смерти должна будетъ явиться его собственная душа [1]). По свидѣтельству Краледворской рукописи: души усопшихъ порхаютъ по деревьямъ, а по словамъ русской обрядовой пѣсни: «русалочки-земляночки на дубъ лѣзли, кору грызли», т. е. пролагая себѣ путь въ царство блаженныхъ, онѣ грызутъ облачныя деревья острымъ зубомъ молніи. Ясно, что всѣ эти преданія говорятъ собственно о цвѣтущемъ раѣ = виріи или островѣ Буянѣ, откуда при началѣ весны приносятся на землю разнообразныя растительныя сѣмена (II, 137—141). Выше было указано на связь имени Буяна съ мѣстами загробнаго упокоенія умершихъ; на этотъ святой островъ устремлялись души, по исходѣ ихъ изъ тѣлесной оболочки, и потому, вмѣстѣ съ творческими силами природы, тамъ возсѣдала и грозная птица-Смерть (I, 528). Вкушая въ райскихъ садахъ золотыя = моложавыя яблоки и гроздія винограда (= вино-нектаръ), блаженные обрѣтаютъ неувядаемую молодость и живутъ, не вѣдая ни старости, ни болѣзней; тѣми-же благами надѣляетъ ихъ и живая вода небесныхъ источниковъ (jungbrunnen) Преданіе о странѣ вѣчной юности сохранилось и между славянами. Замѣчательная малорусская сказка о человѣкѣ, искавшемъ «безсмертной земли», [2]) повѣствуетъ, что онъ пришелъ къ волку, который «пиляе [3]) хвостомъ дуби». «Куды ты, чоловиче, йдешъ? питае вовкъ.—Иду, каже, такой земли шукати, щобъ не старитьця и не умираты.—Оставайсь зо мною!—А ты-жъ покы будешъ жить, вовче?—Поты буду жить, покы сёго дуба хвостомъ не перепиляю. — А потымъ умрешъ?—Умру.» Че-

[1]) Ibid., 440—1. — [2]) Изъ непечатныхъ матеріаловъ, собранныхъ редакціей журнала „Основа". — [3]) Сваливаетъ.

ловѣкъ отправился дальше: «иде, колы бачыть—ажъ стоить хатка, а въ тій хатци панночки сидять и передъ ными скрыньки повнисеньки ґолокъ.—Живи у насъ!—А вы-жъ покы будете жить?—Поты будемъ жить, покы усн ґолки въ викахъ поломаемо» [1]). Человѣкъ пошелъ къ Мѣсяцу; «а ты долго ли проживешь?» спрашиваетъ его.—«Я, каже, такъ: якъ мисяць у неби старый, то и я старый, а якъ винъ молодый, то и я молодый.» Остался человѣкъ у Мѣсяца, прожилъ лѣтъ сто и больше, «а тымъ часомъ Смерть усе шукае чоловика», пришла съ запросами сперва къ волку, потомъ къ панночкамъ, и добралась наконецъ до Мѣсяца. «Чого ты прійшла? питаетця Мѣсяць.— За своею душою.—То не твоя душа! — Ни, моя!—Ни, не твоя! Возьми, каже Мисяць, ты сёго чоловика за ноги, а я за голову, тай розвихаймо: колы у ґору полетыть—мій, а колы внизъ, то твій! Узялы и розвихалы, такъ винъ у ґору и полетивъ, да и ставъ зиркою, що коло мисяця у неби видно» (сравни выше стр. 250). Варіантъ этой сказки, напечатанный въ моемъ сборникѣ [2]), сообщаетъ нѣсколько другихъ, не менѣе важныхъ подробностей: спасаясь отъ зубастой вѣдьмы, пожирающей живой людъ, Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ старымъ швеямъ и проситъ у нихъ пристанища. «Рады бы принять тебя, отвѣчали старухи, да намъ самимъ недолго жить; вотъ доломаемъ сундукъ иголокъ да изошьемъ сундукъ нитокъ—тотчасъ и смерть прійдетъ!» Заплакалъ царевичъ и поѣхалъ дальше; на дорогѣ минуетъ онъ Вертодуба и Вертогора: первый долженъ умереть, какъ скоро повыдергиваетъ всѣ дубы съ кореньями, а послѣдній—когда перевернетъ всѣ горы. Наконецъ, послѣ долгаго странствованія, пріѣзжаетъ царевичъ къ Солнцевой сестрѣ; она его приняла, кормила-

---

[1]) Пока поломаемъ всѣ иголки въ корзинахъ. — [2]) Н. Р. Ск., VI, 57.

поила, давала ему моложавыя яблоки. Сгрустнулось однажды царевичу, захотѣлось побывать дома; прибылъ онъ на родину, но тамъ уже все было съѣдено—оставались однѣ голыя стѣны а злая вѣдьма точила на него свои острые зубы. Иванъ-царевичъ обратился въ бѣгство. На пути старыя швеи подарили ему хусточку, и какъ только царевичъ махнулъ ею—позади его стало широкое озеро; а когда проѣхалъ онъ мимо Вертодуба и Вертогора, эти богатыри заложили дорогу грудами вѣковыхъ дубовъ и высокими горами. Вѣдьма переплыла озеро, продралась черезъ лѣса и горы, и уже стала нагонять царевича, какъ онъ прискакалъ къ теремамъ Солнцевой сестры и закричалъ: Солнце, Солнце! отвори оконце.» Солнцева сестра отворила оконце, и царевичъ вскочилъ въ него вмѣстѣ съ конемъ. Вѣдьма требуетъ выдачи царевича и вступаетъ въ споръ съ Солнцевой сестрою. «Пусть-же, говоритъ она, Иванъ-царевичъ идетъ со мной на вѣсы; кто кого перетянетъ!» Пошли на вѣсы; на одной сторонѣ сталъ царевичъ, а на другую полѣзла вѣдьма: только ступила ногой, такъ Ивана-царевича вверхъ и подбросило, да съ такою силою, что онъ прямо попалъ на небо, къ Солнцевой сестрѣ въ терема; а вѣдьма-змѣя осталась на землѣ [1]). Вертодубъ или миѳическій волкъ, пилящій хвостомъ дубы, и Вертогоръ = великаны, рушители облачныхъ лѣсовъ и горъ; старыя швеи—небесныя пряхи, дѣвы судьбы, которыя обитаютъ при источникахъ райскаго древа и ткутъ облачные покровы; подаренная ими хустка = туча, проливающая дождевое озеро. Въ страну безсмертія, въ этотъ пресвѣтлый рай или царство Солнца, душа человѣка несется черезъ воздушныя пространства, занятыя облаками и тучами; а за нею гонится поѣдучая вѣдьма-Смерть,

[1]) Сходная сказка есть у грековъ (Ганъ, 65); здѣсь вѣдьма прилетаетъ въ видѣ облака и душитъ лошадей; но преданіе значительно сокращено и лишено старинныхъ красокъ.

царица мрачнаго ада (=Гелла), стараясь захватить ее и увлечь въ свои вертепы. Если душа обременена тяжкими преступленіями и грѣхами—ей не избѣгнуть плѣна; праведная же достигаетъ небесныхъ теремовъ (Асгарда), гдѣ властвуетъ богиня утренней зори и всеобновляющей, вѣчно-юной весны (Солнцева сестра = Фрея, Гольда, Лада; отворяемое ею окно—метафора дневнаго разсвѣта, Goldtor—см. I, 158-162), и вселяясь въ царство блаженныхъ, блеститъ оттуда яркою звѣздою. Вѣсы указываютъ на загробный судъ, ожидающій человѣка по смерти, когда взвѣшиваются его добрыя и злыя дѣла, и смотря по тому, какая сторона перетянетъ, душа его идетъ или въ рай, или въ пекло (см. гл. XXV). По указанной выше связи царства усопшихъ съ ночью и мѣсяцемъ, богиня, управляющая этимъ царствомъ, представляется возсѣдающею на лунѣ; а какъ создательница облачныхъ и ночныхъ покрововъ, помрачающихъ небесный сводъ, она признается пряхою (см. выше стр. 129—о Фреѣ-пряхѣ). Въ нѣмецкихъ земляхъ крестьяне усматриваютъ въ пятнахъ луны изображеніе пряхи съ веретеномъ въ рукахъ, которая попала туда за то, что пряла въ воскресенье при лунномъ сіяніи; иные же отождествляютъ луну съ ликомъ Маріи Магдалины (вмѣсто Пречистой Дѣвы) и въ пятнахъ этого свѣтила узнаютъ слѣды ея покаянныхъ слезъ. Въ Альтмаркѣ думаютъ, что Marienfäden (sommerfäden—летучая осенняя паутина = пряжа, изготовляемая эльфами) выдѣлываются искусными пряхами, обитающими на мѣсяцѣ; въ другихъ-же мѣстностяхъ ихъ считаютъ за остатки гробоваго савана, который сбросила съ себя Божія Матерь при своемъ вознесеніи на небо. Въ періодъ Бабьего лѣта, при ясномъ сіяніи солнца, шествуетъ по горамъ и лугамъ Св. Марія (=Гольда, Фрея), въ сопровожденіи многочисленныхъ дѣвъ-эльфовъ (т. е. душъ усопшихъ); впереди каждой дѣвы летитъ ангелъ съ золотою

прялкою, тянетъ серебристо-шелковыя нити и разстилаетъ надъ землею небесную пряжу [1]). Тоже преданіе уцѣлѣло у люнебургскихъ славянъ; по ихъ словамъ, на мѣсяцѣ сидитъ пряха, вертитъ колесо и прядетъ тонкія бѣлоснѣжныя нити, которыя при самомъ концѣ лѣта падаютъ на землю легкою паутиною; пряху эту можно видѣть во время полнолунія [2]). Облака-ткани приготовляются богинею загробнаго (=небеснаго) царства и сопровождающими ее грозовыми геніями; какъ существа стихійныя, какъ цверги и мары, души усопшихъ принимаютъ участіе въ этой работѣ и сами облекаются въ изготовленныя ткани. Длинныя, бѣлыя, развивающіяся по вѣтру сорочки небесныхъ дѣвъ и эльфовъ — ничто иное, какъ метафора облачныхъ одѣяній, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Въ примѣненіи къ тѣнямъ блуждающихъ мертвецовъ одѣянія эти получили значеніе гробовыхъ савановъ. Наши русалки, показываясь на Троицкой недѣлѣ, выпрашиваютъ себѣ при встрѣчѣ съ бабами и дѣвками бѣлыхъ рубахъ и намитокъ, и донынѣ крестьянки вѣшаютъ для нихъ по деревьямъ мотки нитокъ, полотенца и сорочки. Едва ли не подъ вліяніемъ этихъ воззрѣній возникъ обычай окутывать усопшихъ длинными бѣлыми саванами, постилать внутри гроба бѣлую пелену и самаго покойника обматывать холстомъ (сравни въ гл. XXV — сказанія о сорочкѣ, которую прядутъ и ткутъ парки для каждаго человѣка и которая приносится покойникомъ на тотъ свѣтъ, какъ исторія его земной жизни, представляемая на судъ боговъ). Сродство усопшихъ съ эльфами и богиней-пряхою свидѣтельствуется еще слѣдующими повѣрьями: въ воронежской губ. считаютъ за грѣхъ мыкать мычки и прясть кудели въ пятницу, ибо чрезъ это оскорбляются покойные родители, такъ какъ шелуха и кострика легко могутъ

[1]) German. Mythen, 40; Die Götterwelt, 304. — [2]) Ганушa: Дѣдъ и Баба, 48.

засорить ихъ свѣтлыя очи [1]); въ курской губ. крестьянки ничего не шьютъ въ поминальные дни: по ихъ мнѣнію, кто шьетъ въ эти дни, тотъ своею иглою колетъ покойникамъ глаза [2]). Означенныя повѣрья первоначально относились къ тѣмъ облачнымъ тканямъ, изготовленіе которыхъ помрачаетъ ясныя звѣзды = эти очи блаженныхъ предковъ, кротко-взирающихъ на землю изъ своихъ небесныхъ обителей. Тѣже домашнія работы (прясть, ткать и шить) воспрещаются по пятницамъ, чтобы не исколоть иглами и веретенами миѳической Пятницы и не запорошить ея пречистыхъ глазъ; Пятница же соотвѣтствуетъ Фреѣ (I, 226-242) и Гольдѣ, богинямъ, въ свитѣ которыхъ тѣни усопшихъ шествуютъ въ загробный міръ. Облачная ткань (покровъ, одѣяніе, коверъ-самолётъ) есть именно та пелена, на которой душа, по смерти человѣка, возносится въ царство блаженныхъ. По свидѣтельству народныхъ стиховъ, ангелы, являясь за праведною душою, принимаютъ ее на пелену и несутъ на небо (см. стр. 55); подблюдная святочная пѣсня: «по городу хожу, полотенцемъ стелю» предвѣщаетъ смерть [3]), т. е. указываетъ на путь въ загробное царство, такъ какъ всякая дорога, ведущая въ дальнюю сторону, на метафорическомъ языкѣ сравнивалась съ разостланнымъ полотномъ (см. I, 40). Моравскія пѣсни приписываютъ вознесеніе праведныхъ душъ на небо Пречистой Богородицѣ или св. Аннѣ; являясь къ одру умирающаго, онѣ изрекаютъ: «chyć se, dušo, meho plašča, půjdžemy před Pana Krista», или: «chyt' se, duše, meho křidla (крыло = покровъ), poletime v rajské sidla» [4]). Въ тверской губ. каждому покойнику даютъ въ руки

[1]) Этн. Сб., I, 215; Послов. Даля, 1031. — [2]) Этн. Сб., V, 82. — [3]) Ворон. Г. В. 1850, 17. — [4]) Гануша: Дѣдъ и Баба, 48. Переводъ: Ухватись, душа, за мой плащъ (за мое крыло), пойдемъ передъ Господа Христа, или полетимъ въ райскія селенія.

полотенце; въ другихъ мѣстностяхъ когда везутъ умершаго въ церковь, то гробъ его покрывается бѣлою пеленою, а дуга, возжи и повода обвиваются холстомъ. Гробъ принято опускать въ могилу на холстахъ или ручникахъ, которые потомъ достаются священнику и дьякону; къ могильному кресту прикрѣпляютъ кусокъ полотна или бѣлый платъ; тотчасъ по кончинѣ кого-либо изъ членовъ семейства поселяне вывѣшиваютъ полотенце изъ окна избы на улицу, которое и остается здѣсь до истеченія шести недѣль, т. е. до того времени, пока душа не отлетитъ изъ сего міра на тотъ свѣтъ; послѣ шести-недѣльнаго срока полотенце это отдаютъ нищимъ. Когда совершаются годовые поминки въ честь всѣхъ усопшихъ родичей, незримо-присутствующихъ при этомъ обрядѣ,—хозяинъ, по окончаніи трапезы, открываетъ окно, распускаетъ на улицу холстъ и приглашаетъ покойниковъ возвратиться въ свои загробныя жилища по разостланному полотну: «ступайте съ Богомъ! вотъ тутъ будетъ вамъ помягче!» Въ день годовщины усопшаго, при совершеніи литіи, могилу его покрываютъ холстиною [1]).

Выше объяснено (I, 182; II, 134—141), что востокъ, какъ страна воскресающаго солнца, былъ признанъ за блаженное царство весны, и что именно тамъ арійское племя полагало вѣчно-цвѣтущій, пресвѣтлый рай—обиталище всещедрыхъ боговъ и блаженныхъ предковъ. По литовскому преданію, въ этомъ солнечномъ царствѣ, на востокѣ, пребываютъ души, пока не будутъ посланы на землю въ тѣла новорожденныхъ младенцевъ, и потомъ, по окончаніи земной жизни, снова возвращаются въ свое первобытное отечество [2]). По свидѣтельству малорусской сказки, душа добродѣтельнаго, пришедшая въ «без-

---

[1]) Черниг. Г. В. 1842, 37; Сынъ Отеч. 1839, VIII, 85; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 92; III, 5; Ворон. Г. В. 1851, 2; Записки Авдѣев., 122; Этн. Сб., I, 266. — [2]) Черты литов. нар., 75.

смертную страну», пріемлется въ окно терема Солнцевой сестры, т. е. въ то свѣтлое окно небеснаго чертога, которое раннимъ утромъ отворяется на востокѣ богиней Зорею; этимъ-же путемъ нисходитъ душа усопшей матери на свадьбу своей милой дочери (см. выше стр. 238). Въ Галиціи сохраняется преданіе, что далеко на восходѣ солнца, за черными морями (т. е. дожденосными тучами), обитаетъ счастливый народъ рахмане; они ведутъ святую жизнь, содержатъ постоянный строгій постъ [1]) и только однажды въ году разрѣшаютъ на мясо — на Великъ день рахманскій, который приходится тогда, когда скорлупа освященнаго краснаго яйца доплываетъ къ нимъ отъ насъ черезъ широкое море. Въ южной Руси народъ этотъ называютъ навы, а празднуемый ими Великъ день — навьскій или русальный. На Святой недѣлѣ малоруссы бросаютъ въ воду скорлупу отъ крашеныхъ яицъ, чтобы она донесла покойникамъ радостную вѣсть о наступившемъ праздникѣ Воскресенія Христова [2]). Въ Польшѣ обращаются къ солнцу съ такою пѣснею:

Swieć, swieć, słoneczko!
Dam ci jajeczko,
Jak kureczka zniesie
Na dębowem lesie.
Wezmie jajo do raju,
Wszystie dusze radują [3]).

Слово рахманый (рахманный) доселѣ употребительно въ народныхъ говорахъ — въ слѣдующихъ значеніяхъ: a) веселый, щедрый, хлѣбосольный, угостительный, b) тихій, кроткій, воздержный, c) вялый, слабоумный, скучный — точно также,

[1]) Существуетъ поговорка: „постимо, якъ рахмане". — [2]) Маякъ, VIII, 24; XI, 19; Рус. Ист. Сб., III, ст. Ходаковск., 146—7; VII, 370. — [3]) Письмо проф. Буслаева — въ Истор. Россіи Соловьева, II, 21.

какъ слово блаженный (кромѣ общеизвѣстнаго своего смысла) употребляется еще въ значеніи: полоумный, разслабленный, дряхлый, блажной; блажь—дурь, юродство [1]. Такимъ образомъ съ этими эпитетами сочетались различныя понятія, съ одной стороны указывающія на призванныхъ къ вѣчному довольству и покою, а съ другой—на людей, отмѣченныхъ рукою Смерти: болѣзненныхъ, разслабленныхъ, тоскливыхъ, безумныхъ, словомъ—подобныхъ тѣмъ, которыми овладѣваютъ эльфы (см. выше стр. 77—78). Въ костромской губ. о человѣкѣ, убитомъ горемъ, исхудавшемъ, дурно-одѣтомъ и нечесанномъ отзываются: «онъ ходитъ, какъ рахманый!» Собственно рахмане суть «брахманы» (брамины), о счастливой, безмятежной жизни которыхъ на Макарійскихъ островахъ, подъ самымъ востокомъ солнца, извѣстно суевѣрное сказаніе, занесенное въ рукописные сборники средневѣковой литературы [2]; но сказаніе это, перейдя черезъ посредство означенныхъ памятниковъ къ славянамъ, связалось съ ихъ національными вѣрованіями въ навовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ слово «рахманый» получило въ устахъ нашихъ поселянъ тѣ самыя значенія, на какія наводили ихъ старинныя представленія о душахъ усопшихъ.

Когда человѣкъ умираетъ, душѣ его предстоитъ далекое и многотрудное странствованіе; чтобы достигнуть свѣтлаго неба (Gimli) и водвориться тамъ въ блаженныхъ селеніяхъ, она должна перенестись черезъ широкія, необозримыя пространства воздушной области, которая отдѣляетъ міръ людей отъ царства боговъ и предковъ (pitris). По скандинавскимъ преданіямъ, Одинъ и подвластныя ему валькиріи являлись на своихъ быстрыхъ коняхъ на поле битвы, забирали души падшихъ героевъ, увозили ихъ въ валгаллу и зачисляли въ сонмъ

---

[1]) Обл. Сл., 10, 190; Доп. обл. сл., 230. — [2]) Очеркъ литер. исторіи старин. повѣстей и сказокъ, А. Пыпина, 49.

небесныхъ ратниковъ, подобно тому, какъ, по мнѣнію индусовъ, души сраженныхъ воиновъ шли въ небо Индры. Общеизвѣстныя на сѣверѣ выраженія: zu Odhinn fahren, bei Odhinn zu gast sein, Odhinn heimsuchen означаютъ: умереть; въ христіанскую эпоху выраженія эти частію обратились въ проклятія: far þû til Odhins! Odhinn eigi þik! частію стали замѣняться другими: zu Gott gehen, zu Gott heimkehren [1]). Вмѣсто глагола «умереть» чехи употребляютъ выраженіе: na daleku cestu se strojiti [2]), а на Руси говорятъ: отойдти къ Богу, къ отцамъ или предкамъ, и даже просто: отойдти, что̀ указываетъ на тотъ дальній путь, въ который пускается усопшій; канонъ, читаемый надъ умирающимъ, называютъ отходною. Если больному придутъ на мысль лошади, если къ дому его будетъ протоптана новая дорожка—то и другое принимается нашими простолюдинами за предвѣстіе его скорой кончины [3]); если первою встрѣчею на пути будетъ бѣлый конь, чехи видятъ въ этомъ предзнаменованіе смерти [4]): примѣта, намекающая на бѣлаго коня, на которомъ ѣздитъ Одинъ. Согласно съ представленіемъ воздушной области всесвѣтнымъ моремъ или рѣкою, обтекающею со всѣхъ сторонъ землю, души усопшихъ должны были переправляться на тотъ свѣтъ черезъ обширныя и глубокія воды [5]); такая переправа совершалась на кораблѣ или ладьѣ, какъ древнѣйшей метафорѣ ходячаго по воздушному океану облака (I, 574—9). Для уплаты за этотъ перевозъ, греки, германцы и славяне давали покойнику нѣсколько мелкихъ монетъ. Какъ громоносный Индра обладалъ кораблемъ и плавалъ по воздушному океану вмѣстѣ съ мару-

---

[1]) D. Myth., 132. — [2]) Гануша: Дѣдъ и Баба, 63. — [3]) Сл. нар. раз., 137, 151. — [4]) Громаннъ, 53. — [5]) Подобное вѣрованіе встрѣчаемъ и у племенъ сѣверо-американскихъ—Der Ursprung der Myth., 275.

тами; такъ объ Одинѣ сохранилось преданіе, что онъ отвозилъ души усопшихъ въ валгаллу на золотомъ кораблѣ [1]). По свидѣтельству Льва-діакона, руссы, погребая убитыхъ воиновъ, задушали въ волнахъ рѣки пѣтуховъ и младенцевъ, какъ жертвы, обреченныя сопутствовать умершимъ въ ихъ загробномъ странствованіи. До сихъ поръ стружки, оставшіяся отъ подѣлки гроба, принято на Руси пускать въ проточную воду; туда-же пускаютъ и скорлупу красныхъ яицъ, чтобы извѣстить навовъ о праздникѣ Пасхи, а по другому повѣрью: скорлупа яйца, брошенная въ потокъ, служитъ кораблемъ, на которомъ русалки уплываютъ въ свое подводное (=заоблачное, небесное) царство. Сербы раздавливаютъ яичныя скорлупы, «да се не би вjештице (вѣдьмы-эльфы, души-мотыльки) у њима могле возити преко вода» [2]). Въ Германіи разсказываютъ, что эльфы, мары и вѣдьмы плаваютъ въ челнокѣ или яичной скорлупѣ въ блаженную страну душъ (Engelland, Elbenreich). Народная загадка, означающая яйцо, выражается о немъ такъ: «es kommt ein schiff aus Engelland, hat kein bügel und kein band, und doch zweierlei bier» (= бѣлокъ и желтокъ). Гладкое, искусно-созданное яйцо, безъ швовъ и связей, такъ что въ немъ не видно ни начала, ни конца, разсматривалось, какъ хитрая работа кузнецовъ-эльфовъ [3]). На страшномъ судѣ души — прежде, чѣмъ вселятся въ райскія обители, должны будутъ перейдти черезъ огненную рѣку (= объятыя грозовымъ пламенемъ тучи) и очиститься отъ своихъ прошлыхъ грѣховъ въ ея бурныхъ, клокочущихъ волнахъ (см. стр. 22).

---

[1]) Germ. Mythen, 147—8, 356.—[2]) Срп. рjечник, 67, 367; въ заговорѣ противъ моры высказывается желаніе, чтобъ она „ушла у јајску л(ь)уску, утопила се у морску пучину". — [3]) Germ. Mythen, 346, 415-8; Beiträge zur D. Myth., II, 273.

Млечный путь и мостъ-радуга въ поэтическихъ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ представлялись священными дорогами, по которымъ боги сходили съ высокаго неба на землю; тѣми же дорогами слѣдовали и души усопшихъ, устремляясь въ пресвѣтлый рай. Въ ведаическихъ пѣсняхъ нерѣдко упоминается о дорогѣ, шествуя которою — боги нисходятъ къ воспринятію приносимыхъ имъ жертвъ; въ Ригъ-Ведѣ возглашатель гимна обращается къ божественнымъ марутамъ съ мольбою не допустить его странствовать по пути Ямы, т. е. не обрекать его смерти, а если уже такая судьба неизбѣжна, то защитить отъ владычицы ада — Nirrti. «Иди, возглашалось усопшему, по тому пути, какимъ прежде шествовали наши предки; ты долженъ узрѣть высокихъ властителей Яму и Варуну». Путь Ямы раздѣлялся надвое: одна дорога вела внизъ—въ адскіе вертепы (=въ мрачныя пещеры тучъ), а другая вверхъ — въ свѣтлое небо. Двѣ четырехъглазыя собаки оберегаютъ дорогу, ведущую къ жилищу Ямы, гдѣ души праведныхъ успокоиваются отъ своего блужданія; сходно съ этимъ греческій аидъ охранялся трехглавымъ Церберомъ. По указанію другихъ гимновъ, собака, какъ воплощеніе вихря или грозоваго облака, сопровождаетъ души въ царство блаженныхъ предковъ; отсюда объясняется и слѣдующій суевѣрный обрядъ, къ которому донынѣ прибѣгаютъ на Руси: когда умирающій страдаетъ отъ долгой агоніи, крестьяне наши—съ цѣлію ускорить исходъ души изъ тѣла, разбираютъ надъ его головою потолокъ и крышу и сквозь сдѣланное отверстіе протаскиваютъ изъ хаты на дворъ черную собаку. Сверхъ того, индусы вѣрили, что душа, шествующая въ царство отцевъ, перевозится черезъ бурный потокъ (Vâitaranî) и мостъ смерти облачною коровою. Такое вѣрованіе опредѣлило самую обстановку похороннаго обряда: корова влекла трупъ усопшаго къ костру; позади печальной колесницы до

мѣста погребенія вели черную корову, которая потомъ была убиваема; мясо ея возлагалось на костеръ вмѣстѣ съ покойникомъ, покрывалось снятою кожею, и все это предавалось огню. Думали, что убитая и сожженная корова явится на томъ свѣтѣ, что усопшій схватится за ея хвостъ и что животное это перенесетъ его черезъ глубокій потокъ. Тоже значеніе придавалось первоначально и сожженію съ трупомъ мертвеца коней, собакъ и кошекъ — обычай, соблюдаемый нѣкогда и славянами (см. гл. XXIX). Путь Ямы, эта «божья дорога и тропа блаженныхъ», есть путь млечный, который у разныхъ народовъ получилъ названіе «дороги» — по тому впечатлѣнію, какое производитъ на глазъ зрителя его длинная, тянущаяся по всему небесному своду полоса. У германцевъ извѣстны для млечнаго пути слѣдующія названія: a) Iringes wëc или strâza (Iringsweg, Iringstrasze, Euringsstrasze, Ermingstraet). Irinc, Irmin (древнѣйшая форма должна быть: Irimo или Arimo) признавался божественнымъ героемъ, родоначальникомъ нѣмецкаго племени. Въ Ведахъ млечный путь называется дорогою Аріамы (Aryamṇaḥ maḥaḥ patha), кроткаго властителя въ странѣ усопшихъ предковъ, съ именемъ котораго въ несомнѣнномъ родствѣ стоитъ національное прозваніе аріевъ. Какъ въ санскритѣ arya, въ зендѣ airya означаетъ: лучшій, почетный, господинъ, такъ въ ирл. er — герой, великій, благородный, въ армян. ari — храбрый [1]). b) Helweg — путь, ведущій въ загробное царство Геллы, и c) нижненѣм. kaupat, kuhpfad = скр. gôpatha — коровій путь, т. е. дорога, по которой умершіе слѣдуютъ за небесной коровою. Этимъ послѣд-

---

[1]) „Die Kelten (замѣчаетъ Маннгардтъ) haben in alter zeit denselben stammgott unter dem namen Erimon, Eirimon verehrt, nach ihm führte das grüne Erin (Irland) und das volk der Iren den namen.“

нимъ названіемъ поясняется и словенское màvra, màvriza (пестрая, съ черными пятнами корова)—слово, употребляемое для обозначенія млечнаго пути и радуги; у чеховъ есть поговорка: «černa kráva mu na nohu šlápla»[1]). Як. Гриммъ приводитъ указанія, свидѣтельствующія, что въ млечномъ пути видѣли дорогу Одина: Wuotanes wec, Wuotanes strâza[2]); созвѣздіе Большой Медвѣдицы, въ которомъ издревле усматривали колесницу, называлось Irmineswagen и Woonswaghen (Woenswaghen = wagen des Wodan), а въ Голландіи оно слыветъ Helwaghen (wagen des totenreichs): ясное доказательство, что на это созвѣздіе было перенесено старинное преданіе о небесной колесницѣ, на которой души усопшихъ перевозились въ царство Одина[3]). Литовцы называютъ млечный путь paukszcziû kielês, т. е. птичья дорога (тоже означаетъ и финнское linnunrata); потому что души, возносящіяся по этой дорогѣ на небо, представлялись легкокрылыми птицами[4]). Еще до сихъ поръ литовцы, когда умретъ кто-нибудь въ семействѣ, увѣряютъ, что они видѣли покойника — какъ онъ пронесся на бòрзомъ конѣ по птичьей дорогѣ (млечному пути), съ тремя звѣздами въ рукѣ, и вступилъ въ селенія вѣчнаго блаженства[5]). Въ нашихъ областныхъ говорахъ млечному пути даются названія: а) въ нижегородской губ. мышины тропки (мышиная тропа), что̀ указываетъ на древнѣйшее представленіе душъ мы-

---

[1]) Zeitschrift für vergleichen. Sprachforschung 1852, IV, 311; Die Götterwelt, 34, 52, 59, 70, 265—7; Germ. Mythen, 731—4; D. Myth., 330—5, 695, 899; Andeut. eines Systems der Myth., 239—240; Пикте, II, 583—4; Гануша: Дѣдъ и Баба, 6, 60. — [2]) D. Myth., 138, 263. — [3]) Die Götterwelt, 132. — [4]) D. Myth., 331; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus, 272; Черты литов. нар., 69. — [5]) Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск. 36. У киргизовъ млечный путь также называется птичьей дорогою — Москв. 1853, XXII, 73.

шами (см. ниже стр. 299); b) въ тульской губ. становище — мѣсто для отдыха дорожныхъ людей, странниковъ; c) въ пермской губ. путь въ Іерусалимъ, и во многихъ другихъ мѣстностяхъ поселяне убѣждены, что бѣлѣющая полоса млечнаго пути указываетъ дорогу въ этотъ святой городъ, т. е. собственно это — путь, ведущій въ божій градъ, въ небесный Іерусалимъ или рай. Въ Германіи есть преданіе, что Вуотанъ ѣздитъ ночью въ Іерусалимъ и забираетъ съ собой въ колесницу своихъ храбрыхъ ратниковъ. d) Въ тамбовской и тульской губ. млечный путь извѣстенъ подъ именемъ Батыевой дороги; разсказываютъ, что дорога эта идетъ отъ желѣзныхъ горъ, въ которыхъ заключены татары, т. е. она примыкаетъ къ тѣмъ адскимъ вертепамъ облачныхъ горъ, гдѣ мучатся «дивіи народы» = великаны разрушительныхъ бурь и грозъ. Миѳическія сказанія объ этихъ послѣднихъ въ средніе вѣка были перенесены на суровыхъ, дикихъ кочевниковъ, безпощадно-опустошавшихъ русскую землю и названныхъ потому «бичемъ божіимъ». Въ ярославской же губ. между раскольниками сохраняется преданіе о священномъ городѣ, скрытомъ подъ глубокими водами и населенномъ благочестивыми старцами; въ этотъ городъ, напоминающій заоблачное царство «отцевъ», ведетъ Батыева дорога [1]).

Въ скандинавской миѳологіи радуга — чудесный мостъ, перекинутый черезъ воздушное море; Геймдалль, сынъ Одина, стоитъ на немъ безсмѣннымъ стражемъ и оберегаетъ путь въ свѣтлое небо. Подобное представленіе у насъ соединяется съ головой млечнаго пути, которую въ тульской губ. называютъ косари; увѣряютъ, что тамъ стоятъ на стражѣ четыре коса-

---

[1]) Обл. Сл., 8, 118, 214; Доп. обл. сл., 222, Владим. Г. В. 1844, 52; Сахаров., II, 62—63; Рус. въ св. посл., IV, 43; Beiträge zur D. Myth., 158.

ря и рубятъ всякаго, кто вздумаетъ пройдти этою заповѣдною дорогою; коса — эмблема и орудіе богини Смерти. Индусы и персы думали, что души усопшихъ должны переходить черезъ мостъ испытанія, что праведные легко совершаютъ этотъ переходъ, а грѣшные низвергаются съ моста въ огненную рѣку. По народному повѣрью германцевъ, души праведныхъ ведутся на небо черезъ воздушный мостъ-радугу ангелами-хранителями. Hermôdhr, посланный къ усопшему Бальдуру, долженъ былъ перейдти по блестящему золотомъ мосту, перекинутому черезъ шумный потокъ; замѣчательны слова, обращенныя къ нему оберегательницею этого пути: «подъ тобою звучитъ мостъ сильнѣе, чѣмъ звучалъ онъ подъ пятью толпами усопшихъ, которые вчера переѣхали на ту сторону.» Тяжелая поступь живыхъ противополагается въ этихъ словахъ едва-слышной поступи мертвыхъ; какъ существа воздушныя, какъ неуловимыя тѣни, усопшіе также легки на ногу, какъ и родственные имъ эльфы. Въ нѣкоторыхъ сагахъ разсказывается о переходѣ цверговъ черезъ узкій мостъ; каждый изъ нихъ, вступая на мостъ, бросаетъ въ нарочно-поставленный сосудъ пошлину, что соотвѣтствуетъ платѣ, вносимой душами за перевозъ ихъ черезъ всесвѣтное море или рѣку. Никто изъ живыхъ не можетъ безнаказанно присутствовать при этомъ переходѣ цверговъ; когда они движутся по мосту, то производятъ такой-же шумъ, какъ-бы переходило по нёмъ стадо овецъ [1]). Снаряжая покойника въ далекій замогильный путь, нѣмцы клали ему въ гробъ странническій посохъ и новую обувь (todtenschuh [2]); наши крестьяне надѣваютъ ему новые лапти, чтобъ они долѣе носились на томъ свѣтѣ (нижегород. губ.).

---

[1]) D. Myth., 335—6, 696, 794—5; Доп. обл. сл., 90; Сахаровъ, II, 63; Germ. Mythen, 363. — [2]) D. Myth., 795; Ч О. И. и Д. 1860, IV, ст. Вейнгольда: „Разн. роды погребенія у нормановъ", 348.

Вступая въ среду стихiйныхъ духовъ, тѣни усопшихъ раздѣляютъ и ихъ судьбу. Въ зимнiй перiодъ года окованныя стужею и морозами—онѣ повергаются въ тоже оцѣпенѣнiе, въ тотъ-же долгiй сонъ, какъ и всѣ творческiя силы природы, и пребываютъ печальными узницами, заключенными въ мрачныхъ подземельяхъ тумановъ и снѣжныхъ тучъ — въ этомъ холодномъ царствѣ Зимы, которая издревле отождествлялась съ богинею смерти и ада. Весною же, вмѣстѣ съ возрожденiемъ солнца и бога-громовника, души пробуждаются (воскресаютъ) для новой жизни, заявляютъ свою дѣятельность въ шумныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ и открываютъ ясное небо, или выражаясь миѳическимъ языкомъ: обрѣтаютъ источники живой воды и пресвѣтлый рай. По нѣмецкимъ сказанiямъ, злые демоны захватываютъ Гольду и подвластныя ей души и держатъ ихъ въ плѣну въ продолженiи семи зимнихъ мѣсяцевъ; окутывая небо снѣжными облаками, они запираютъ Engelland, т. е. скрываютъ эту блаженную страну отъ людскихъ взоровъ, и ломаютъ ключъ, которымъ она заперта. Только на короткое время Рождественскихъ Святокъ, когда народившееся солнце пророчитъ о грядущей веснѣ, отворяется небо и души-эльфы спѣшатъ посѣтить жилища своихъ родичей; въ эти святые дни домохозяева накрываютъ для нихъ столы и готовятъ жертвенныя яствы. Полное освобожденiе Гольды и эльфовъ совершается весною и тогда-же наступаетъ обычная пора сношенiй между усопшими и живыми [1]). Въ русскомъ народѣ ходитъ сказанiе, что гдѣ-то далёко есть царство, въ которомъ люди умираютъ на зиму и воскресаютъ на вешнiй Юрьевъ день (23-го апрѣля), т. е. на праздникъ бога-громовника, пробудившагося отъ зимняго сна [2]). Во время зимы, по народному повѣрью, покойни-

---

[1]) Germ. Mythen, 491—523, 725—7. — [2]) Цебриков., 280; Сл. Миѳ., 81.

ки испытываютъ холодъ, мракъ и тоску; наканунѣ Рождества Христова и Крещенія поселяне жгутъ посреди дворовъ навозъ, чтобы родители (усопшіе) могли согрѣться на томъ свѣтѣ [1]). Встрѣчая весну, славяне прогоняли изъ своихъ селъ Марану, богиню зимы и смерти; ибо съ возвратомъ теплаго солнца свѣтъ побѣждаетъ нечистую силу мрака и холода, жизнь торжествуетъ надъ смертію. Съ наступленіемъ марта у всѣхъ славянъ начинаются обрядовыя посѣщенія кладбищъ; въ первый день этого мѣсяца, передъ самымъ восходомъ солнца, лужичане, чехи и поляки ходятъ на кладбища съ зажженными факелами, служатъ тамъ панихиды и оставляютъ на могилахъ разныя яства; они думаютъ, что вмѣстѣ съ обновляющейся природою мертвецы чуютъ духъ жизни и обрѣтаютъ утраченныя силы. Лужичане возглашаютъ при этомъ слѣдующія знаменательныя слова: «смерть мы погасили, новую жизнь зажгли!» [2]) На Руси, по свидѣтельству Стоглава, рано въ четвергъ (день, посвященный громовнику, рукою котораго возжигается пламя жизни) на седьмой недѣлѣ великаго поста жгли солому и кликали мертвыхъ. Отсюда объясняется обычай полагать умирающаго на солому [3]) и давать ему въ руки зажженную свѣчу, какъ знаменіе будущаго воскресенія. Въ апрѣлѣ-мѣсяцѣ покойники, по мнѣнію поселянъ, скорбятъ о прежней жизни и

---

[1]) Послов. Даля, 1003; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 8—9. У русиновъ существуетъ обычай жечь послѣ Коледы солому, что̀ называется у нихъ сожженіемъ дида (Пантеонъ 1855, V, 47). — [2]) Терещ., III, 119—120; V, 3. — [3]) Какъ скоро у больнаго начинается предсмертная агонія, его перекладываютъ съ перины на солому; если не сдѣлать этого, душа будетъ мучиться и отдастъ на томъ свѣтѣ отвѣтъ за каждое перышко въ постели — Сынъ Отеч. 1839, VIII, 84; Иллюстр. 1846, 172. Если соломинка пристанетъ къ хвосту курицы — въ домѣ будетъ покойникъ (Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Кавел., 12).

жаждутъ свиданія съ своими родственниками; чтобы утѣшить ихъ, старухи выходятъ раннимъ утромъ на могилы и окликаютъ родителей, причитывая: «ужь ты, солнце, солнце ясное! ты взойди-взойди со полуночи, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, ни съ бѣдой горевать, ни съ тоской вѣковать. Ужь ты, мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди-взойди со вечера, освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ по милымъ дѣтушкамъ. Ужь ты, вѣтеръ, вѣтеръ буйный! ты возвѣй-возвѣй со полуночи, принеси вѣсть радостну нашимъ покойничкамъ, что по нихъ ли всѣ родные въ тоскѣ сокрушилися» [1]). При началѣ весны, когда языческій культъ чествовалъ обновленную природу и пробудившихся отъ зимняго сна «предковъ», христіанская церковь установила праздники Лазарева воскресенія (въ субботу на шестой недѣлѣ великаго поста) и Пасхи или Свѣтло-Христова Воскресенія, съ которыми нераздѣльна мысль о несомнѣнной побѣдѣ жизни надъ смертію. Къ этому времени главнѣйшимъ образомъ относится и поминовеніе мертвыхъ. На первый день Пасхи отпирается небо, и въ продолженіи всей Свѣтлой недѣли души усопшихъ постоянно обращаются между живыми, посѣщаютъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пьютъ, ѣдятъ и радуются вмѣстѣ съ ними [2]); а скончавшіеся въ эту седмицу вступаютъ, по народному повѣрью, въ отверстыя врата рая. Точно также, по мнѣнію чеховъ, кто умретъ въ страстную пятницу, страстную субботу, или въ Зеленый четвергъ, тому прощаются всѣ содѣянные имъ грѣхи [3]). На

[1]) Сахаров., II, 23. — [2]) Ibid., 83; Черниговъ. Г. В. 1853, 23. — [3]) Громаннъ, 189.

Свѣтлый праздникъ, Красную Горку и Радуницу (на Ѳоминой недѣлѣ) красятъ яйца и ходятъ съ ними на кладбище христосоваться съ покойными родителями и родственниками. Обращаясь къ усопшимъ, произносятъ обычныя слова: «Христосъ воскресе!» Затѣмъ катаютъ съ могильныхъ пригорковъ красныя яйца и тутъ-же зарываютъ ихъ въ землю. Яйцо у всѣхъ языческихъ народовъ служило символическимъ знакомъ возрожденія къ новой жизни. Какъ на востокѣ (у персовъ) весеннее пробужденіе природы чествовалось красными яйцами, такъ и у насъ принято на Красную Горку закликать весну съ краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и вообще красныя и желтыя яйца считаются необходимою принадлежностью праздничныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ дни Пасхи, Радуницы, Семика и Троицы. Всякому, кто умираетъ на Святой недѣлѣ, даютъ въ руки красное яйцо, съ которымъ и опускаютъ его въ могилу, дабы на томъ свѣтѣ онъ могъ похристосоваться съ своими родичами [1]). Въ Малороссіи, какъ было уже замѣчено, бросаютъ въ воду скорлупу крашеныхъ яицъ, чтобъ она донесла усопшимъ вѣсть о праздникѣ Воскресенія Христова, извѣстномъ въ южной Руси подъ именемъ Велика дня. Вѣсть эта доходитъ къ нимъ въ четвергъ русальной недѣли, въ который и празднуется на томъ свѣтѣ навьскій (мертвецкій) Великъ день или Великъ день русалокъ, а на землѣ совершаются семицкіе обряды въ честь умершихъ предковъ. По другимъ преданіямъ, навьскій Великъ день празднуется въ четвергъ пасхальной недѣли, или вслѣдъ за масляницею — въ первый понедѣльникъ великаго поста, или (какъ думаютъ въ Галиціи) на Преполовеніе, т. е. въ среду четвертой недѣли

[1]) Сахаров., II, 75, 81, 85; Этн. Сб., I, 192, 226; Записки Авдѣев., 121; Вѣст. Евр. 1818, XXI, 112; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Иличъ, 123.

по Пасхѣ [1]): очевидно, это — праздникъ воскресенія мертвыхъ, время котораго древле совпадало съ началомъ весны. Ночью на мертвецкій Великъ день покойники встаютъ изъ гробовъ, оставляютъ деревенское кладбище, и одѣтые въ бѣлые саваны собираются въ приходскую церковь; давно-умершіе попы облачаются въ ризы, освѣщаютъ церковь и совершаютъ торжественную службу, по окончаніи которой всѣ предстоящіе христосуются (харьков. губ.). На Семицкой недѣлѣ въ поляхъ и рощахъ показываются русалки и мавки; крестьяне ходятъ тогда на кладбища, творятъ поминки, опахиваютъ (обметаютъ вѣтками) могилы и катаютъ по нимъ красныя и желтыя яйца. Какъ на Пасху крошатъ на могилахъ яйца для птицъ, такъ на Семикъ бьютъ ихъ и кладутъ на могилы для покойниковъ, которые, по мнѣнію народа, охотно пріемлютъ и вкушаютъ это приношеніе. Въ день Семика и на Троицу крестьянки готовятъ яишницу и несутъ въ лѣсъ, при пѣніи обрядовыхъ пѣсень:

Радуйтесь, бѣлыя березоньки!
Идутъ къ вамъ дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яишницу.
Іо, іо, Семикъ да Троица! [2])

При обрядѣ крещенія кукушекъ также употребляются крашеныя яйца. Выше (стр. 142) мы привели свидѣтельства, что въ старину, празднуя «русальи», было въ обычаѣ наряжаться въ звѣриныя шкуры, что служило символическимъ знаменіемъ тѣхъ облачныхъ покрововъ, въ которыхъ являются стихійные духи; эти «ряженые» заводили шумныя игры, пѣсни и пляски — подобно тому, какъ пробужденные отъ зимняго

---

[1]) Рус. Ист. Сб., III, 146—7; Полтав. Г. В. 1845, 22; Волын. Г. В. 1866, стр. 356—7; Прост. рус. праздн., IV, 9. — [2]) Сахаров., II, 83—84; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 85; Терещ., VI, 146, 152, 163—5, 175—6.

сна духи кружатся въ буйной пляскѣ вихрей и запѣваютъ дикую грозовую пѣсню. Древніе чехи, при совершеніи поминокъ по мертвымъ, бѣгали наряженные въ шутовскія (скоморошьи) одежды и личины и предавались неистовому веселью [1]). Понятно, что поминальныя празднества должны были получить двойственный характеръ: съ одной стороны оставшіеся въ живыхъ горевали по своимъ покойнымъ родичамъ, лили о нихъ слезы и сожалѣли о вѣчной съ ними разлукѣ; а съ другой, признавая усопшихъ за существа стихійныя, они считали религіознымъ долгомъ участвовать въ ихъ шумной радости при весеннемъ пробужденіи природы. Такой двойственный характеръ древней тризны и донынѣ остается любопытною чертою народныхъ поминокъ (см. гл. XXIX).

Стихійныя явленія природы рисовались фантазіи древняго человѣка въ различныхъ образахъ, воплощались въ тѣ или другія животненныя формы и даже принимали на себя подобіе нѣкоторыхъ неодушевленныхъ предметовъ. Согласно съ этимъ, душамъ-эльфамъ была приписана чудесная сила превращеній. Мы знаемъ, что душа, по мнѣнію нашихъ предковъ, излетала изъ человѣческаго тѣла птичкою, мотылькомъ или другимъ крылатымъ насѣкомымъ, и въ этомъ видѣ возносилась въ царство блаженныхъ. Подъ вліяніемъ такого воззрѣнія, въ исчезновеніи насѣкомыхъ и отлетѣ птицъ осенью стали усматривать удаленіе душъ въ небесныя области, гдѣ во все продолженіе зимы осуждены онѣ пребывать въ плѣну, подъ крѣпкими запорами демоническихъ силъ; наоборотъ въ появленіи насѣкомыхъ и прилетѣ птицъ весною почерпалось твердое убѣжденіе, что настала пора освобожденія, что небо отверзло свои врата и души поспѣшаютъ посѣтить землю. Нѣ-

---

[1]) Терещ., III, 79; Ч. О. И. и Д., годъ 2, II, ст. Мацѣевскаго „Очеркъ исторіи письменности и просвѣщен. слав. нар. до XIV вѣка“, 31.

мецкія преданія представляютъ аиста, лебедя, бабочку и жука то проводниками усопшихъ въ блаженный Engelland, то приносителями младенческихъ душъ, посылаемыхъ Гольдою на поприще земной жизни, то наконецъ видятъ въ нихъ самыя души. Осенью, когда птицы улетаютъ въ теплыя страны, аистъ возвращается въ свое небесное отечество = Engelland, сбрасываетъ съ себя пернатую одежду и получаетъ человѣческій обликъ, а въ весеннюю пору снова спускается на землю легкокрылой птицею и гнѣздится на домовой кровлѣ, въ сосѣдствѣ дружественныхъ ему людей [1]). По нашимъ повѣрьямъ, весеннія птицы прилетаютъ изъ вирія, приносятъ золотые ключи и отпираютъ свѣтлое небо и дождевые источники: «прилетѣлъ куликъ изъ заморья, принёсъ весну изъ неволья» (сравни II, стр. 138, 450). Въ Германіи думаютъ, что ключъ отъ Glasberg'а (т. е. небеснаго свода) обрѣтается лебедемъ [2]). Поэтому русскіе поселяне встрѣчаютъ этихъ птицъ, какъ долго-жданныхъ и пріятныхъ гостей, и нарочно разсыпаютъ для нихъ въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ льняное и конопляное сѣмя по своимъ дворамъ [3]). При началѣ весны, особенно 25-го марта—въ день благой вѣсти о воплощеніи «праведнаго солнца» Христа — и на праздникъ его Свѣтлаго Воскресенія, существуетъ обычай выпускать птицъ на волю изъ клѣтокъ [4]): символическій обрядъ, знаменующій освобожденіе стихійныхъ геніевъ и душъ изъ той неволи, въ какой томились они—заключенные злыми демонами зимы. Первый прилетѣвшій аистъ, первая ласточка или кукушка почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ привѣтствуются, какъ вѣстники благодатной весны; съ ихъ прилетомъ связываютъ начало теплой и ясной погоды. Стрѣлять въ этихъ птицъ и ра-

---

[1]) Germ. Mythen, 371—4, 397—400, 523. — [2]) Рус. въ св. посл., IV, 26. — [3]) Сахаров., II, 18, 26. — [4]) Терещ., VI, 97—98.

зорять ихъ гнѣзда считается за величайшій грѣхъ. Французы и нѣмцы называютъ ласточку «птицей Господа Бога»; на Руси она почитается святою, а у чеховъ — птичкою Богородицы [1]); кукушка, по указанію старинной польской хроники, была посвящена Живѣ, богинѣ міровой жизни (= весны), плодородія и любви, и принималась за ея воплощеніе (см. гл. XXVIII). Прилетая изъ вирія, изъ той заоблачной страны, откуда нисходятъ души новорожденныхъ, куда удаляются усопшіе и гдѣ пребываютъ дѣвы судьбы (парки, норны, роженицы), кукушка вѣдаетъ часы рожденія, брака и смерти. Донынѣ замужнія женщины спрашиваютъ кукушку, сколько будетъ у нихъ дѣтей, а дѣвицы — скоро ли будутъ сосватаны и какъ долго проживутъ въ брачномъ союзѣ? Сколько разъ прокукуетъ кукушка, столько лѣтъ суждено оставаться въ дѣвкахъ, или столько лѣтъ быть за̀ мужемъ. Точно также, заслышавъ впервые весенней порою кукушку, обращаются къ ней съ вопросомъ: сколько лѣтъ остается жить на бѣломъ свѣтѣ? Отвѣты ея признаются за пророчество, посылаемое свыше: по выраженію малорусскихъ пѣсень, «що вона кувала — промижъ святыхъ чувала», т. е. слышала на томъ свѣтѣ, въ царствѣ блаженныхъ; «що вона ковала — тому стати й бути!» [2]) Если ласточки и голуби летаютъ около дома во время свадебнаго пиршества, это предвѣщаетъ молодымъ счастіе въ супружествѣ; вьется ли ласточка возлѣ оконъ — въ томъ домѣ, по народной примѣтѣ, вскорѣ просватаютъ невѣсту [3]). Маленькой жучокъ — coccinella septempunctata назы-

---

[1]) Beiträge zur D. Myth., II, 432; Громаннъ, 70. — [2]) Сборн. украин. пѣсень, 56. — [3]) Кто носитъ при себѣ сердце ласточки, тотъ (утверждаютъ нѣмцы) будетъ любимъ всѣмъ свѣтомъ; по французскому повѣрью: чтобы обрѣсти любовь дѣвицы, должно подарить ей золотое кольцо, которое девять дней лежало въ гнѣздѣ ласточки. На Руси берутъ корень травы, называемой „кукушкины

вался индусами Indra-gôpa; литовцы называютъ его Devo-ozys (ozelis) или Perkuno-ozys—небесная или Перунова козочка, нѣмцы—Gotteskühlein, Gotteskalb, Herrgottsvöglein, Marienkäfer, Marienvöglein, Marienhenne, Frauenkuh, sonnenkäfer, sonnenkalb, русскіе—божья коровка и солнышко (сонечко), чехи—boži kravička, slunička, slunečnice, поляки—babinka, сербы—бабе. Исчисленныя нами названія, а равно и причитанія, съ какими обращаются къ этому насѣкомому, (такъ называемыя «sonnenlieder») свидѣтельствуютъ, что оно было посвящено Фреѣ или Гольдѣ, вмѣсто которыхъ въ христіанское время стали разумѣть Дѣву Марію; у славянъ это—богиня Лада, прекрасная дѣва зори, дарующая дневной свѣтъ и цвѣтущую весну. Отчизна «божьей коровки» есть пресвѣтлый рай—Engelland или небесный колодецъ, откуда и прилетаетъ она къ намъ весеннимъ гостемъ. Вотъ свидѣтельства народныхъ причитаній:

a) Marienwörmken flig furt,
Flig furt nach Engelland!
Engelland ist zugeschlossen,
Schlüssel davon abgebrochen.

b) Herrgottspferdchen fliege,
Vater [1]) ist im kriege,
Mutter [2]) ist in Engelland,
Engelland ist abgebrannt.

c) Herrgottspferdchen fliege weg,
Dein häuschen brennt,
Dein kähnchen schwimmt,
De ne kinderchen schreien nach butterbrod,

слезы» (orchis maculata или latifolia), топятъ его въ водѣ, и приготовленный отваръ даютъ пить молодой четѣ, чтобы она жила согласно и любовно; по этому-же корню гадаютъ—кого родитъ замужняя женщина: сына или дочь?—Beiträge zur D. Myth., I, 247; О. З. 1848, V, ст. Харитонов., 15, Вѣст. Р. Г. О. 1853, I, 59.—

[1]) Небесный владыка, отецъ боговъ и людей. — [2]) Фрея или Гольда.

или: deine kinder weinen alle mit einander. Въ другихъ пѣсняхъ говорится: flieg in den himmel, flieg in's Herrgottsgärtchen, т. е. лети въ небесное царство, въ сады блаженныхъ = Engelland; это царство, которое до сего времени было замкнуто зимнею стужею и омрачено сплошными тучами, уже загорѣлось пожаромъ весенней грозы и владыка его (= богъ-громовникъ) вступилъ въ борьбу съ демонами. Жукъ представляется здѣсь, какъ проводникъ малютокъ душъ; поспѣшая въ райскія области, онѣ переплываютъ воздушный океанъ въ легкой ладьѣ или переносятся черезъ него на крыльяхъ солнечнаго жука, почему этотъ послѣдній и называется божьимъ конемъ. По основному представленію, Marienkäfer самъ есть воплощеніе души = мары (mârkäfer); на сѣверѣ coccinella извѣстна подъ именемъ marihoene. Подобно тому бабочку называютъ въ Норвегіи marihoena, murihoene; мотыльку libelle въ Германіи даютъ названіе Gottespferd, а на шведскихъ островахъ — horsho-måra = pferdemâr; точно также сербы именуютъ бабочку вилинымъ конемъ, а къ жуку coccinella обращаются съ воззваніемъ: маро! Комары, мухи и другія насѣкомыя, прилетающія весною по словамъ русскихъ поселянъ изъ вирія, по нѣмецкому повѣрью приплываютъ на кораблѣ изъ царства эльфовъ (Elbenreich). При заревѣ небеснаго пожара, объемлющаго это царство, дѣти = мары плачутъ и просятъ хлѣба, т. е. льютъ дожди и призываютъ на землю плодородіе. Вслѣдъ за пронесшеюся грозою и пролившимися дождями, небо просвѣтляется и ясное солнце выходитъ изъ-за темныхъ тучъ, или выражаясь поэтическимъ языкомъ народныхъ причитаній — Маріинъ жукъ выводитъ весеннее солнце изъ облачныхъ колодцевъ:

a) Käferl, käferl!
flieg nach Mariabrunn
und bring uns ä schöne sunn.

b) Goldhenne! lass die sonne scheinen, die regenwolke, den wolkenfleck lass den wind vertreiben, klar auf im süden, die wolken gehn nieder im norden.» Поэтому Марiина жука называютъ sunnenschienken, и увѣряютъ, что если убить его, то на другой день не будетъ солнца, т. е. жукъ не полетитъ на небо и не принесетъ хорошей погоды. Въ Швабiи его величаютъ sonnenkind (= рус. солнышко); кто его убьетъ, тотъ попадетъ въ адъ [1]). Чтобы освободить дневное свѣтило, дать просторъ его лучамъ, жукъ отпираетъ небо золотымъ ключемъ=молнiей. Маленькихъ золотистыхъ жуковъ шведы называютъ Jungfrau Maria's schlüsselmagd; въ числѣ другихъ воззванiй, обращаемыхъ къ Marienkäfer'у, встрѣчаемъ и слѣдующее: «flieg auf, flieg mir in den himmel n'auf, bring a goldis schlüssela runder und a goldis wickelkinda drunder.» Вмѣстѣ съ солнечными лучами, обрѣтаютъ свободу и души-эльфы, полоненные демонами зимы и мрака. По свидѣтельству одной саги, жукъ вырылъ изъ-подъ земли ключъ, съ помощiю котораго были отворены двери горы(=тучи) и освобождены заключенныя тамъ дѣти. На близкiя отношенiя рогатаго жука къ молнiеносному пламени указываютъ придаваемыя ему названiя: donner-gueg, donnerpuppe, feuerschröter, fürböter (feueranzünder), hausbrönner; народное повѣрье утверждаетъ, будто онъ носитъ на своихъ рогахъ горячiе уголья и, въ случаѣ причиненной ему обиды, бросаетъ ихъ на кровлю дома и производитъ пожаръ; присутствiе такого жука въ жиломъ зданiи привлекаетъ туда грозовый ударъ. Повѣрья эти стоятъ въ несомнѣнной связи съ баснею объ аистѣ-приносителѣ небеснаго огня и съ представленiемъ молнiй летучими насѣкомыми (пчелами). Кобольды нерѣдко принимаютъ образъ жука или

---

[1]) Наоборотъ, кто поставитъ навознаго жука, лежащаго на спинѣ, на ноги—тотъ очищается отъ семи грѣховъ.

шмеля. Наравнѣ съ нѣмцами, славяне обращаются къ божьей коровкѣ съ тѣми-же любопытными причитаніями. Чехи и моравы, сажая это насѣкомое на руку, произносятъ: а) «slunićko, slunićko! kam poletiš—do nebe, neb do pekla?» (словенцы: «povĕz ty ma, kdĕ sa vydám, či hore, či dolů, či k milemu Bohu?») b) «let' do nebes (или: na zlate okènko = къ солнечному восходу, на окно богини Зори), povĕz mi—vyjde li slunićko dnes?» («bude li zitra svitit slunečko?»[1]) с) «Slunićko boži! tvůj domek hoři, dej pozor, at' ti neshoři» (сравни т. I, 242-3—съ преданіемъ о Середѣ). Въ народной русской сказкѣ навозный жукъ заставляетъ разсмѣяться печальную Несмѣяну-царевну, т. е. вызываетъ на небо румяную зорю (см. I, 601-2). Убить «божью коровку» считается за великій грѣхъ, влекущій за собою разныя несчастія. Какъ кукушка повѣдаетъ о грядущемъ супружествѣ и долготѣ жизни, такъ тѣже предвѣщанія даетъ и Marienkäfer; посланникъ богини любви и жилецъ загробнаго царства, онъ знаетъ, когда человѣку суждено вступить въ брачный союзъ и когда наступитъ часъ его смерти. Въ Германіи дѣти сажаютъ Маріина жука на ладонь и начинаютъ считать: разъ, два, три, и такъ далѣе по порядку — до тѣхъ поръ, пока онъ не улетитъ; сколько успѣешь насчитать, настолько годовъ и продлится жизнь. Съ той стороны, куда направитъ онъ свой полетъ, дѣвицы ожидаютъ жениха. Въ Малороссіи, Сербіи и Богеміи допрашиваютъ это насѣкомое: откуда ожидать сватовъ; «кажи, маро, (говорятъ сербскія дѣвойки) откуда ће сватови доћи?» [2])

---

[1]) Переводъ: лети на небо и повѣдай мнѣ—выйдетъ ли сегодня солнце, будетъ ли свѣтить оно завтра? — [2]) German. Mythen, 242—255, 346—356, 369—371; Beiträge zur D. Myth., II, 448—9; D. Myth., 656—8; Sonne, Mond u Sterne, 69; Ганушъ: Дѣдъ и Баба, 43—44; Дѣва, златовласая богиня, 15; Чешск. пѣсни Эрбена, 78; Срп. рјечник, 9.

Душа является не только птичкою или крылатымъ насѣкомымъ; она, по свидѣтельству нѣмецкихъ сагъ, можетъ исходить изъ открытыхъ устъ человѣка змѣею, мышью, кошкою и звѣрькомъ ласточкою. Однажды король Gunthram заснулъ въ лѣсу на колѣнахъ своего вѣрнаго слуги; пока онъ спалъ изо рта его выползла змѣя, приблизилась къ ручью и стала пытаться какъ-бы переправиться на другую сторону. Чтобы помочь ей, слуга положилъ черезъ ручей свой мечь; змѣя скользнула по немъ, и перейдя на противоположный берегъ, исчезла въ горѣ. Спустя нѣсколько времени, она возвратилась тѣмъ-же путемъ назадъ и вошла въ спящаго короля. Вскорѣ затѣмъ король проснулся и разсказалъ, что ему видѣлось во снѣ, будто онъ переправлялся черезъ желѣзный мостъ въ гору, наполненную золотомъ. Объ одномъ мельникѣ разсказываютъ, что онъ рубилъ дрова на Шварцвальдѣ, и утомленный работою заснулъ; изъ него выползла мышь, пустилась бѣжать, и такъ какъ болѣе она не возвращалась, то мельника нашли мертвымъ. Другія саги повѣствуютъ: о ратникѣ, изъ котораго выходила ласточка (wiesel); о чортовой невѣстѣ (вѣдьмѣ), изъ открытаго рта которой выползала кошка или красная мышь, при чемъ оставленное таинственнымъ звѣрькомъ тѣло впадало въ сонное оцѣпенѣніе. Въ поминальные дни, когда тѣни усопшихъ приходятъ на землю, въ Германіи считается непозволительнымъ убивать жабъ и лягушекъ, потому что въ ихъ видѣ являются души [1]). Малорусская легенда передаетъ видѣніе старца: въ глубокую полночь собрался онъ въ путь, входитъ въ одну комору — тамъ «двѣ свички стоять и два голуби цилуютця», входитъ въ другую комору — «и тамъ двѣ свички горять и двѣ гадюки кусаютця». Въ первой комнатѣ спали мужъ съ женою, жившіе между собой въ постоянной любви и согласіи,

[1]) D. Myth., 789, 1036; Germ. Mythen, 723.

а въ другой покоилась сномъ несогласная, враждующая чета [1]). По чешскому повѣрью, если человѣкъ во время сна почувствуетъ сильную жажду—душа его выползаетъ въ открытыя уста въ видѣ маленькой змѣйки или бѣлой мыши и спѣшитъ напиться; если въ это время перевернуть спящаго въ другую сторону, то душа не найдетъ дороги въ покинутое ею тѣло—и человѣкъ умираетъ [2]). Преданія о змѣяхъ, вползающихъ въ сонныхъ людей черезъ ихъ разинутые рты, извѣстны и между русскими поселянами (см. т. II, стр. 560). Змѣи, какъ воплощеніе небеснаго пламени молній, признаны были за родовыхъ пенатовъ, за духовъ-представителей усопшихъ предковъ и охранителей семейнаго счастія, за одинъ изъ главнѣйшихъ образовъ души человѣческой. Въ каждой избѣ, по мнѣнію чеховъ, обитаетъ гадъ-господарикъ (=домовой цмокъ), вмѣстѣ съ смертію котораго умираетъ и хозяинъ дома. У этого гада есть самка и дѣтёныши, съ жизнію которыхъ связано существованіе хозяйки и остальныхъ членовъ семьи (см. II, 539-540). Тоже суевѣріе уцѣлѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи; въ нѣмецкихъ и славянскихъ сагахъ змѣи нерѣдко изображаются, какъ геніи, охраняющіе колыбели младенцевъ; какъ скоро будетъ убита такая змѣя, тотчасъ-же умираетъ и младенецъ [3]). Любопытно, что слово щуръ=предокъ (II, 93) въ памятникахъ старинной письменности означаетъ кузнечика, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ употребляется въ смыслѣ ужа и крысы [4]), подобно тому, какъ нѣм. heimchen означаетъ и сверчка, и душу-эльфа. Въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи утверждаютъ, что усопшія вѣдьмы выходятъ по ночамъ изъ могилъ, выползая оттуда, сквозь узкія отверстія, въ ви-

---

[1]) Основа 1862, VI, 45—46. — [2]) Громаннъ, 60. — [3]) Beiträge zur D. Myth., II, 443—4; Труды Археолог. Общ., в. II, стр. 174. — [4]) Лавровскаго: Корен. значеніе названій родства у славянъ, 35.

дѣ мышей и ящерицъ [1]). Встрѣчая въ саду мышь, чехи принимаютъ это за предвѣстіе близкой смерти кого-либо изъ своихъ родичей [2]). Выше было объяснено, что грызуны: мышь, крыса и заяцъ служили для обозначенія разящихъ молній; вмѣстѣ съ этимъ они сроднились съ представленіемъ души, и Гомеръ, какъ мы видѣли, изображаетъ тѣни усопшихъ летучими мышами. Подобныя-же сближенія заставили олицетворять душу быстро-скользящею ящерицей, проворною ласточкой и сверкающею очами кошкою. Наконецъ жабы и лягушки приняты были за воплощеніе душъ (по преимуществу отверженныхъ, грѣшныхъ) на томъ основаніи, что въ этихъ гадахъ олицетворялись демоны разрушительной бури, ливней и града; какъ существа, замирающія на зиму и оживающія весною, какъ обитатели водъ и суши, жабы и лягушки были отождествляемы съ душами, о которыхъ общее вѣрованіе утверждало, что онѣ при началѣ весны освобождаются изъ темницъ Смерти и нисходятъ на землю изъ (облачныхъ) источниковъ и колодцевъ. Покидая тѣло, душа принимаетъ тѣ различные образы, какіе фантазія соединяла съ стихійною природою боговъ и демоновъ грозы, вихрей, облаковъ и другихъ воздушныхъ явленій. По свидѣтельству скандинавскаго миѳа, въ то самое время, какъ тѣло Одина лежало недвижимое, оцѣпенѣнное сномъ или смертію, духъ этого верховнаго бога быстро переносился въ отдаленныя страны, оборачиваясь птицею, звѣремъ, рыбою или змѣемъ [3]). Съ этимъ свидѣтельствомъ вполнѣ совпадаетъ указаніе старинной статьи о запретныхъ книгахъ, которая въ числѣ другихъ чародѣйствъ упоминаетъ опрометныя лица звѣриныя и птичіи: «тѣло свое хранитъ мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и ворономъ, и дятлемъ, и совою, рыщутъ

[1]) Кіевлянинъ 1865, 71. — [2]) Громаннъ, 229. — [3]) D. Myth., 1037.

лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ» [1]). И донынѣ народъ, убѣжденный въ близкой, неразрывной связи колдуновъ и вѣдьмъ съ нечистою силою, разсказываетъ, что какъ скоро они предаются сну или обмираютъ—души ихъ освобождаются отъ тѣлесныхъ узъ, подвергаются различнымъ превращеніямъ и участвуютъ въ воздушномъ полетѣ демоновъ. Здѣсь коренится основа ученія о метемпсихозѣ или переселеніи душъ по смерти изъ одного тѣла въ другое. Украинцы думаютъ, что усопшій бываетъ поочередно муравьемъ (насѣкомымъ), птицей, звѣремъ, рыбою, и потомъ снова возрождается человѣкомъ [2]); въ литовскомъ и волынскомъ Полѣсьи существуетъ вѣрованіе, что иногда, наказуя за грѣхи, Богъ облекаетъ душу человѣка въ тѣло того или другаго животнаго [3]). О дѣтяхъ, приспанныхъ матерями, говорятъ, что они превращаются въ животныхъ, и вообще оборотень признается нашими поселянами за душу младенца, умершаго некрещенымъ, или за душу чародѣя и вѣроотступника, осужденную вѣчно блуждать и не вѣдать покоя. Оборотень обыкновенно показывается въ сумерки и ночью; съ дикимъ воемъ и неудержимою быстротой мчится онъ, перекидываясь въ кошку, собаку, сову, пѣтуха или камень, бросается подъ ноги путнику и перебѣгаетъ ему дорогу; нерѣдко онъ подкатывается клубкомъ, снѣжною глыбою, копною сѣна, а въ лѣсу встрѣчаютъ его страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ [4]). По нѣмецкимъ преданіямъ, души усопшихъ могутъ принимать образы зайца, собаки, свиньи, теленка, коровы, козла, овцы или барана; мары, проникая внутрь домовъ сквозь замочныя скважины, превращаются въ кошекъ,

[1]) Іоаннъ, экзархъ болгар., 211; Лѣтописи занятій Археогр. ком., I, 42—43. — [2]) Москв. 1846, XI—XII. 152. — [3]) Кіевлянинъ 1865, 52. — [4]) Иллюстр. 1845, 299; Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 6.

ласточекъ, мышей, куницъ, въ пухъ или перья, клокъ волосъ, солому и колосья [1]). Звѣриные образы, принимаемые покойниками, указываютъ на тѣ облачныя одежды, въ какія облекаются они въ качествѣ стихійныхъ духовъ; превращеніе въ перо и камень стоитъ въ связи съ преданіями о громовой стрѣлкѣ, превращеніе въ солому и колосья — съ преданіями о переходѣ душъ въ растенія и злаки (II, 508), а превращеніе въ клубокъ нитокъ и волоса — съ представленіемъ облаковъ небесною пряжею и руномъ. Такъ какъ мара съ одной стороны признавалась пряхою, а съ другой — отождествлялась съ облачною коровою; то отсюда объясняется, почему въ народной сказкѣ мать, превратившаяся по смерти въ корову-бурёнушку, прядетъ для своей дочери ленъ [2]). Въ русскихъ легендахъ, изображающихъ загробную жизнь и мýки грѣшниковъ, души усопшихъ представляются въ звѣриныхъ образахъ: «идемо (читаемъ въ повѣсти о странствованіи по тому свѣту), коли-жъ гризутця два собаки надъ шляхомъ —такъ гризутця, такъ гризутця! А дидъ и каже: се не собаки, се два брати, щò погризлись та-й побились, идучи степомъ; то Богъ и сказавъ: коли вже-й ридни брати бъютця, то дѣ-жъ буде те добро мижъ людьми? Нехай-же, каже, стануть вонú собаками и гризутця. Идемо, ажъ ходять волú въ такому спашý, що-й ригъ не видно съ трави, а сами худи-худи, якъ дошка. А биля ихъ ходять волú по самій земли — ни травинки пидъ ногами нема, да жиръ ажъ по земли тилипаетця. Отъ дидъ и каже: оцé, що худіи воли, то то богати люде, щò жили сами въ роскоши, а биднимъ не помагали; а ситіи воли, то то бидни люде, щò одъ свого рота одніймали та старцямъ (нищимъ) изъ послиднёго давали; отъ-же вони теперъ и сити й

[1]) Germ. Mythen, 483, 490, 730; Beiträge zur D.Myth., II, 267—8; Поэт. Воззр., II, 103. — [2]) Н. Р. Ск., VI, 54, 55; VIII, стр. 515—6.

напоени, а тіи по роги въ спашу́—та худи, якъ дошка» [1]). Въ другой легендѣ мальчикъ-сирота ѣдетъ къ Богу спрашивать, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ его мать? На пути въ небесное царство мальчикъ увидѣлъ поле: на полѣ трава сочная, высокая, по колѣно лошадямъ будетъ, а кони ходятъ по ней худые, только кости да кожа! Увидѣлъ потомъ и другое поле — совсѣмъ голое, нѣтъ ни былинки, а кони гуляютъ добре́ рьяны и тучны. И повѣдалъ ему Господь: «худые кони, что̀ пасутся въ густой травѣ по колѣно, — это нѣкогда были скупые богачи, незнавшіе состраданія къ бѣднымъ, а кони тучные — милосердые бѣдняки, которые и послѣднимъ кускомъ охотно дѣлились съ нищими.» Тѣже о́бразы встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ литовцевъ и сербовъ [2]). Души несогласныхъ братьевъ сербская легенда олицетворяетъ боровами, осужденными на вѣчную ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. Поэтическое представленіе скупыхъ богачей тощими конями, а бѣдняковъ, довольныхъ своимъ состояніемъ, — конями сытыми, тучными занесено и въ апокрифъ, извѣстный въ рукописяхъ XVII-го вѣка подъ названіемъ «Бесѣды трехъ святителей», гдѣ означенная мысль выражена въ любимой формѣ загадокъ: «Вопросъ: что есть — стоитъ конь на гумнѣ, а трава у не-«го по самое чрево, а на траву зря изсѣ (изсохъ)? Толкъ: «богатый человѣкъ въ велицемъ богатствѣ живетъ, а на бо-«гатство зря изсохъ. Вопросъ: что есть — стоитъ конь на «гумнѣ, не имѣя ни травы, ни жита, а всегда сытъ? Толкъ: «нищій человѣкъ, не имѣя у себя ничего, а Бога славитъ — «всегда сытъ бываетъ» [3]). Въ старинномъ поучительномъ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту, встрѣчаемъ сравненіе праведныхъ съ овцами и волами: «и будутъ въ лузѣ огради овцамъ. Лугъ наречется рай, а огради — райскаа мѣ-

---

[1]) Кулишъ, I, 306. — [2]) Шлейхеръ, 72—74; Срп. н. припов., 111—4. — [3]) Пам. стар. рус. литер., III, 156.

ста, а овцѣ — вѣрнiи людiе. И дебрь Охорьска въ покои воломъ. Дебрь есть вышняго Ерусалима пажить, а волове — кротцiи епископи и попове, иже ходять по церковному ученiю и инѣхъ добрѣ учаще»[1]). Чехи убѣждены, что душа самоубiйцы въ продолженiе всего времени, какое бы прожилъ онъ, еслибъ не прекратилъ своей жизни самовольно, блуждаетъ въ образѣ чернаго пса; въ ихъ суевѣрныхъ сказанiяхъ души усопшихъ представляются стадомъ безголовыхъ овецъ, бѣлыми конями, кошками, зайцами и бѣлыми курами[2]).

Малютки-души, разставаясь съ земною жизнiю, поступаютъ въ среду стихiйныхъ духовъ—эльфовъ и карловъ — становятся ихъ добычею и увлекаются ими въ загробный мiръ. Отсюда возникли повѣрья, что духи эти причиняютъ людямъ тяжкiя, неизлѣчимыя болѣзни и смерть (см. стр. 71—80), и что сверхъ того они похищаютъ дѣтей, т. е. собственно забираютъ къ себѣ человѣческiя души. Эльфы, цверги, мары и никсы воруютъ у матерей младенцевъ или подмѣниваютъ ихъ на своихъ собственныхъ — безобразныхъ, съ большой головою и вылупленными очами; иногда на мѣсто похищеннаго младенца, эльфъ, никсъ или карликъ ложится въ колыбель самъ въ видѣ уродливаго и болѣзненнаго ребенка. Такой подмѣнышъ (wechselbalg) отличается злыми свойствами цверговъ: онъ коваренъ, дикъ, необыкновенно-силенъ, прожорливъ и крикливъ, радуется всякой бѣдѣ, не произноситъ ни слова — пока не будетъ вынужденъ къ тому какою-либо угрозою или хитростью, и тогда голосъ его звучитъ какъ у старика. Гдѣ онъ поселится, тому дому приноситъ несчастiя: скотъ заболѣваетъ, жилье ветшаетъ и разваливается, предпрiятiя не удаются. Онъ сохраняетъ общую эльфамъ склон-

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезневск., 100. — [2]) Громаннъ, 197.

ность къ музыкѣ, что обнаруживается и быстрыми успѣхами его въ этомъ искусствѣ, и чудесною силою его игры: когда wechselbalg играетъ на какомъ-нибудь инструментѣ, то все— и люди, и животныя, и даже неодушевленныя вещи предаются неудержимой пляскѣ. Чтобы узнать, дѣйствительно ли ребенокъ подмѣненъ эльфами, надо развести огонь и кипятить воду въ яичной скорлупѣ; тогда wechselbalg невольно восклицаетъ: «я старъ, какъ древній лѣсъ [1]), а не видалъ еще, чтобъ варили въ скорлупѣ яйца!»—и вслѣдъ затѣмъ исчезаетъ. Бывали случаи, что подмѣнышъ, когда несли его по мосту черезъ потокъ или рѣку, вырывался изъ рукъ, прыгалъ въ воду и возвращался въ царство духовъ [2]). Такъ какъ падучая, параличъ, бѣшенство и другія болѣзни, сопровождаемыя слабоуміемъ, приписывались вліянію эльфовъ; то поэтому всякой ребенокъ, родившійся съ физическими и душевными недостатками, въ глазахъ суевѣрнаго народа былъ существо, въ которомъ поселился нечистый духъ, или прямо признавался за злаго эльфа, которымъ подмѣнено настоящее дитя при самомъ его рожденіи. Вотъ почему, вмѣстѣ съ обычными свойствами эльфовъ, wechselbalg соединяетъ всѣ признаки болѣзненнаго, ненормальнаго состоянія: уродливость, тупоуміе, неспособность къ человѣческой рѣчи, дикость и жадность. Таковы и бываютъ идіоты и безумцы, страдающіе падучими припадками. Эльфы, по указанію древняго миѳа, были созданы прежде людей, и потому нисходя съ заоблачныхъ странъ и вселяясь въ тѣла новорожденныхъ, сами о себѣ свидѣтельствуютъ, что они старѣе вѣковыхъ лѣсовъ [3]). Яичная скорлупа, какъ мы видѣли, служитъ для эльфовъ, маръ и русалокъ ладьею, на которой уплываютъ они въ загробное цар-

---

[1]) «Ich bin so alt, als der greise wald!» — [2]) Irische elfenmärch., XIV; D. Myth., 437, 798; Beiträge zur D. Myth., II, 304—6, 321—3. — [3]) Germ. Mythen, 716.

ство; несясь по воздушному океану, среди тучъ, пожигаемыхъ грозовымъ пламенемъ, ладья эта подвергается опасности потонуть въ бурливыхъ потокахъ дождя. Отъ того какъ скоро яичная скорлупа наполняется кипучей водою, wechselbalg чувствуетъ невольный страхъ и тотчасъ-же исчезаетъ. По свидѣтельству другихъ сагъ, его прогоняютъ ударами бича или розги (=blitzespeitsche [1]). Литовцы убѣждены, что маленькихъ дѣтей воруютъ лаумы, о тождествѣ которыхъ съ эльфами смотри въ главѣ XXV-й. Въ замѣнъ похищенныхъ младенцевъ, лаумы оставляютъ своихъ собственныхъ, или дѣлаютъ изъ соломы и прутьевъ куклы, сообщаютъ имъ чудеснымъ образомъ жизнь и кладутъ въ колыбели. Это повѣрье легко объясняется изъ той близкой связи, въ какую поставлены эльфическія существа по отношенію къ зеленѣющимъ нивамъ и вообще растительному царству. По нѣмецкимъ сказаніямъ, эльфъ, проникая въ избу, то превращается въ солому или колосья, то снова дѣлается неугомоннымъ малюткою; въ Саксоніи и другихъ мѣстностяхъ Германіи матери не позволяютъ дѣтямъ забѣгать далеко въ рожь, опасаясь, чтобы ихъ не унесли kornengel и roggenmuhme [2]). Однажды позднею ночью вошли въ домъ двѣ лаумы, подкрались потихоньку къ спящей матери, взяли у ней новорожденнаго ребенка и понесли въ кухню; тамъ окутали его своимъ покрываломъ, а въ дѣтскія пеленки повили голикъ, и затѣмъ заспорили между собою, кому изъ нихъ отнести подмѣныша и положить въ люльку. Чтобы прекратить споръ, онѣ рѣшились отнести голикъ вмѣстѣ; настоящій ребенокъ былъ оставленъ ими въ кухнѣ. Все это случилось подсмотрѣть работнику; онъ взялъ ребенка и спряталъ его въ своей постели. Когда лаумы воротились назадъ, онѣ не нашли младенца и начали

[1]) Der heut. Volksglaube, 116. — [2]) Beiträge zur D. Myth., 246, 275.

ссориться: «ты во всемъ виновата!» говорила одна.—Нѣтъ ты! возражала другая. Вдругъ запѣлъ пѣтухъ, и лаумы исчезли. Съ большимъ усиліемъ растолкалъ работникъ хозяйку; такъ глубокъ былъ ея сонъ, насланный лаумами. Пробудившись, она не хотѣла вѣрить разсказу работника; но вскорѣ убѣдилась въ истинѣ его словъ, увидя двухъ ребенковъ, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на помело. Приходскій священникъ, къ которому обратились за совѣтомъ, приказалъ отрубить подмѣнышу голову, и притомъ сдѣлать это въ теченіи того-же дня, пока голикъ не обратился въ совершенно-живое существо. Тотчасъ взялись за топоръ, отсѣкли у подмѣныша голову—и что-же? внутри его оказались соломенные стебли, изъ которыхъ сочилась кровь. По мнѣнію литовцевъ, подмѣнышъ живетъ не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ, постоянно остается недоросткомъ (карликомъ) и имѣетъ огромную голову, которую не въ состояніи держать прямо. У одной женщины было подмѣнённое дитя; оно достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, но ни разу не промолвило ни словечка и было такъ слабо, что его надо было носить на рукахъ. По совѣту опытныхъ людей, мать взяла куриное яйцо, выпустила изъ него бѣлокъ и желтокъ, и наполнивъ скорлупу водою, повѣсила ее надъ разведеннымъ огнемъ, точно маленькой котелокъ. «Мама! неожиданно проговорило дитя, что ты хочешь дѣлать?» — Хочу варить алусъ [1]). «Боже милостивой! я очень старъ, я былъ на свѣтѣ прежде, чѣмъ были засѣяны лѣса, которые потомъ разрослись въ громадныя, нынѣ уже истребленныя деревья, а такого дива не видывалъ.» Послѣ того дитя захворало и умерло. Пока ребенокъ не окрещенъ, литвинки, опасаясь подмѣна, держатъ по ночамъ, при постели родильницы, зажженный огонь [2]). Чаще всего лаумы являются и похищаютъ дѣ-

---

[1]) Родъ домашняго пива. — [2]) Сравни Beiträge zur D. Myth., II, 303.

тей по **четвергамъ**, и потому въ этотъ день нужно съ особенною заботливостью оберегать новорожденныхъ младенцевъ [1]). Подобныя же повѣрья существуютъ и между славянами. Мары и домовые наваливаются на сонныхъ людей, давятъ и душатъ ихъ; русалки и лѣшіе схватываютъ запоздалыхъ или заплутавшихся путниковъ и защекочиваютъ ихъ до смерти; вилы своими мѣткими стрѣлами наносятъ смертельныя раны; навы поражаютъ населеніе моровою язвою и увлекаютъ души въ загробный міръ; наконецъ всѣ утопленники считаются жертвами водяныхъ и русалокъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкимъ сказаніямъ о никсахъ [2]). Отъ нападенія русалокъ предохраняютъ полынь и зоря; потому прежде, чѣмъ станешь купаться, надо набросать этихъ травъ въ воду, а отправляясь въ лѣсъ—вплетать ихъ въ вѣнки и подвязывать подъ мышки. При встрѣчѣ русалка спрашиваетъ: что у тебя— полынь, мята или петрушка? Если ей скажутъ: «полынь», она сердито отзывается: «цуръ тоби, сгинь!» и тотчасъ-же убѣгаетъ; а если будутъ названы мята или петрушка, то схватываетъ встрѣчнаго и начинаетъ его щекотать, причитывая: «тутъ твоя й хата!» — «**ты жъ моя душка!**» На Украйнѣ приписываютъ русалкамъ еще слѣдующее восклицаніе: «дайте мени волосинку зарізати дитинку!» [3]) При договорахъ съ лѣшимъ, онъ обязуется помогать тому, кто вступаетъ съ нимъ въ сдѣлку, но въ уплату за свои услуги требуетъ его **души** [4]). Эти-же коварные духи похищаютъ и новорожденныхъ младенцевъ. Едва родится дитя, какъ они уже изыскиваютъ средства овладѣть имъ; поэтому надо, какъ можно скорѣе, освятить его крещеніемъ. Въ противномъ случаѣ того и смотри, что некрещеный ребенокъ пропадетъ изъ дому: **дѣвочка обратится**

---

[1]) Шлейхеръ: Lituanica, 31—36, и сказки, 91–93. — [2]) Beiträge zur D. Myth., II, 301. — [3]) Полтав. Г. В. 1845, 24; 1846, 21; Кіев. Г. В. 1845, 15; Номис., 6. — [4]) О. З. 1848, IV, 137.

въ русалку, а мальчикъ въ лѣшаго [1]). Выше (т. II, 243, и въ этомъ томѣ, стр. 262) мы видѣли, что водяной приманиваетъ къ себѣ дѣтей и запираетъ ихъ въ глубокихъ омутахъ; по мнѣнію чеховъ, всякая мать, если вскорѣ послѣ родовъ случится ей переходить по̀ мосту, должна бросить въ воду какую-нибудь монету, дабы водяной не унёсъ ея ребенка [2]). Въ новогородской губ. похищеніе младенцевъ приписывается домовымъ духамъ, проживающимъ въ баняхъ, куда обыкновенно водятъ обмывать родильницу [3]). Сербскія вилы, подобно эльфамъ, пляшутъ на могилѣ убитаго, держа въ рукахъ зажженныя лучины; дѣтей, проклинаемыхъ родителями, онѣ уводятъ въ свою среду́ (см. стр. 174), а собственныхъ малютокъ подкидываютъ къ замужнимъ поселянкамъ [4]). Въ подмѣнѣ новорожденныхъ младенцевъ обвиняются также дикія жены (пол. dziwożony, чешск. divé ženy, нѣм. die wilden frauen), сродство которыхъ съ русалками подтверждается уже тѣмъ, что и тѣ, и другія представляются обитательницами лѣсовъ. По словамъ Сѣменьскаго [5]), «najwięcéj cierpią od nich położnice [6]). Dziwożony szpiegują [7]) takie kobiety, a upatrzywszy porę, kradną nowonarodzone dziecię, a swoje na miejscu skradzionego zostawują, ktore są zwykle szpetne, garbate i koszlawe [8]). Podrzucone [9]) dziecię wynoszą zwykle na śmietnik, gdzie smagają je rozgą, naparają wodą se skorupki jaja i wołają: odbierz swoje, oddaj moje! Dziwożona litując się [10]) nad cierpieniem swego

[1]) Ж. М. Вн. Д. 1848, ч. XXII, 130. По лужицкому повѣрью, ребенокъ, неокрещенный до шести недѣль, непремѣнно будетъ подмѣненъ — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332. — [2]) Громаннъ, 115. — [3]) Новгор. сборн. 1865, I, 284. — [4]) Статья Кукулевича, 91, 100. — [5]) Стр. 121—2; Пантеонъ 1855, V, стат. Вагилевича о гуцулахъ, 50. — [6]) Родильницы. — [7]) Высматриваютъ. — [8]) Безобразное, горбатое и кривоногое. — [9]) Подкинутое. — [10]) Сжалясь.

dziecka oddaje ukradzione, a swoje zibiera. Porywają [1]) niekiedy i dorosłe dziewczęta.» Дзивожоны боятся цвѣтовъ, называемыхъ колокольчиками (dzwonkami), т. е. собственно обнаруживаютъ страхъ передъ огненнымъ Перуновымъ цвѣтомъ, распусканіе котораго сопровождается всепотрясающимъ звономъ грома. По чешскому повѣрью, divé ženy и věštice подмѣниваютъ некрещеныхъ младенцевъ и вредятъ родильницамъ; чтобы противодѣйствовать ихъ замысламъ, подъ подушку родильницы кладутъ ножъ—символъ разящей молніи. Если ребенокъ явится на свѣтъ мертвымъ, въ этомъ виноваты дивьи жены; старинный обычай требуетъ, чтобы отецъ отрѣзалъ у него голову и бросилъ ее въ воду. Не менѣе опасною считается у чеховъ полудница (polednice)—лѣсная жена, которая бродитъ по нивамъ въ полуденное время, и маленькихъ дѣтей, оставляемыхъ крестьянками безъ присмотра, подмѣниваетъ на своихъ собственныхъ. Смотря по тому, какъ обходятся въ семьѣ съ подмѣнышемъ, точно также хорошо или худо бываетъ и похищенному полудницей ребенку. Когда дитя начинаетъ кричать, суевѣрная мать унимаетъ его угрозою: «вотъ прійдетъ полудница и возьметъ тебя!» [2]). На Руси преданія о похищеніи и подмѣнѣ дѣтей связываются съ лѣшими. Какъ нѣмецкій erlkönig (лѣсной царь), такъ и наши лѣсовики воруютъ некрещеныхъ младенцевъ и уносятъ малолѣтныхъ дѣтей, отсулённыхъ имъ родителями и даже просто-заблудившихся въ лѣсу. Отцы и матери пуще всего остерегаются, чтобы не обмолвиться въ сердцахъ и не сказать своему сыну или дочери: «лѣшій бы тè унесъ!» «лѣшій тè побери!» Слова эти, вылетая изъ устъ родителей, обладаютъ пагубною силою; отсулённыя дѣти забираются лѣсовиками и поступаютъ къ нимъ въ кабалу. Тоже приписываютъ и водянымъ: они уво-

[1]) Похищаютъ. — [2]) Громаннъ, 13—14, 114; Beiträge zur D. Myth., II, 245.

дятъ проклятыхъ въ свои подводныя жилища. Въ замѣнъ похищеннаго младенца, лѣшіе кладутъ въ колыбель связку соломы или полѣно, превращая ту и другое въ живаго ребенка [1]); иногда-же оставляютъ свое родное дѣтище—безобразное, глупое и обжорливое. До одиннадцати лѣтъ подмѣнышъ только ѣстъ, пьетъ, спитъ и оглашаетъ избу пронзительнымъ крикомъ, не обнаруживая никакихъ признаковъ ума; но за то бываетъ силенъ, какъ добрый конь. Когда ему исполнится одиннадцать лѣтъ, онъ обыкновенно убѣгаетъ въ лѣса; если же и послѣ того остается между людьми, то дѣлается страшнымъ колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ. Малорусскій разсказъ [2]) даетъ подмѣнышу черты, отождествляющія его съ эльфами: «з' одноєю жинкою було ось яке привидѣніе. Що «пійде въ поле жать, або брать коноплі, да поставить у печи «страву, дакъ хтось повиймае з' печи горшки да-й повиjидае «все чисто. Думала-думала, щобъ воно значило?—ниякъ не «збагнула. Прійде—двери позамикани, а въ хати тилько й зо«ставалась що мала дитинка, може въ пивъ года, у колисци», и не смотря на то, всѣ кушанья съѣдены. Бросилась къ знахаркѣ; эта послала ее въ поле, а сама спряталась въ хатѣ и смотритъ: «коли-жъ дитина скикъ изъ колиски! Гляне, ажъ то вже не дитина, а дидъ-самъ низенькій, а борода оттакелезна!» Повынималъ изъ печи горшки, поѣлъ всѣ яствы и снова сдѣлался ребенкомъ. «Тоди знахарка за ёго; поставила «на деркачъ (голикъ, вѣникъ) и почала обрубовать деркачъ пидъ ногами. Воно кричить, а вона рубае; воно кри«чить, а вона рубае. Дали бачить, що попавсь у добри руки, «зробивсь изновъ дидомъ да-й каже: вже я, бабусю, перекидавсь неразъ да-й не два; бувъ я спершу рибою, потимъ «изробивсь птахомъ, мурашкою, звирукою, а се ще по-

---

[1]) Сравни съ сказаніями о происхожденіи человѣка изъ обрубка дерева—т. II, 470—485. — [2]) Кулишъ, II, 34.

«пробувавъ бутъ чоловикомъ. Такъ нема лучче, якъ житъ «мижъ мурашками, а мижъ людьми — нема гирше!» Захватывая дѣтей, лѣшіе уносятъ ихъ въ густыя дебри или скрываютъ въ подземныхъ пещерахъ, гдѣ они становятся такими-же лѣсовиками, если не будутъ освобождены во время; взрослыя дѣвицы принимаются лѣшими въ жены. Чтобы освободить этихъ несчастныхъ — единственное средство служитъ молебны (повѣрье, возникшее уже въ христіанскую эпоху); такое средство дѣйствительно лишь въ томъ случаѣ, если они во все время пребыванія своего между лѣшими, ни разу не отвѣдаютъ ихъ пищи. Только тогда выдаютъ лѣшіе своихъ плѣнниковъ, и выносятъ ихъ на то самое мѣсто, откуда похитили; но и воротясь въ людской міръ, эти невольные соучастники иной жизни между духами надолго сохраняютъ слѣды ихъ роковаго вліянія: подобно тѣмъ, которыми овладѣваютъ эльфы, они бываютъ дики, угрюмы, слабоумны и насилу привыкаютъ къ человѣческой рѣчи [1]). По указанію хорутанской приповѣдки, дитя, которому случилось погостить у вилъ («vu pušini»), долго потомъ носило на себѣ вилинскій духъ [2]). Такъ какъ стихійные духи постоянно смѣшиваются съ нечистою силою, то рядомъ съ приведенными повѣрьями существуетъ убѣжденіе, что и самые черти похищаютъ и подмѣниваютъ младенцевъ Убѣжденіе это, общее всѣмъ индоевропейскимъ народамъ, послужило источникомъ многихъ сказокъ, въ которыхъ нечистый духъ, являясь къ отцу, невѣдающему о беременности своей жены, вызывается помочь ему въ нуждѣ, если онъ отдастъ ему то, чего не знаетъ дома [3]). Черти уносятъ

---

[1]) Памятн. книжка архангел. губ. 1864, 52—53; Абев., 234: Совр. 1856, XI, смѣсь, 28, 33, 38; О. З. 1848, IV, смѣсь, 138; Рус. Дневникъ 1859, 37; Н. Р. Ск , VII, 33. — [2]) Сб. Валявца. 60—62 — [3]) Н. Р. Ск., V, 23; VI, 48, 49; Н. Р. Лег., стр 177—180; сб.

дѣтей—или еще-неокрещенныхъ, или приспанныхъ матерями, или пораженныхъ родительскимъ проклятіемъ. Разсказываютъ даже, что если обрядъ крещенія будетъ почему-либо не доконченъ или совершенъ пьянымъ попомъ, то ребенокъ дѣлается полонянникомъ «чернородныхъ демоновъ» [1]). Приспанный (задавленный во снѣ) младенецъ достается нечистымъ; чтобы освободить его, мать должна простоять три ночи въ церкви —въ кругу, очерченномъ рукою священника, и тогда въ третью ночь, какъ только пропоютъ пѣтухи, черти отдадутъ ей мертваго ребенка [2]). О проклятыхъ, отверженныхъ родителями, въ нашемъ простонародьи ходитъ много разсказовъ. какъ они пропадали и потомъ были освобождаемы. Жилъ въ Заонежьѣ старикъ со старухою, кормился охотою, и была у него собака—цѣны ей нѣтъ! Разъ попался ему на встрѣчу хорошо-одѣтый человѣкъ: «продай, говоритъ, собаку, а за разсчетомъ приходи завтра вечеромъ на Мянь-гору.» Старикъ отдалъ собаку, а на другой день отправился на верхъ горы и очутился въ большомъ г о р о д ѣ, гдѣ живутъ лембои (черти); отыскалъ домъ своего должника: тутъ гостя накормили, напоили, въ банѣ выпарили. Парилъ его молодецъ, и покончивъ дѣло, палъ ему въ ноги: «не бери, дѣдушка, за собаку денегъ, а выпроси меня!» Дѣдъ послушался: «отдай, говоритъ, мнѣ добра молодца: замѣсто сына у меня будетъ.»—Много просишь, старикъ! да дѣлать нечего, надо дать. По возвращеніи въ село, сказываетъ молодецъ старику: «ступай ты въ Новгородъ, отыщи на улицѣ Рогатицѣ такого-то купца.» Старикъ пошелъ въ Новгородъ, попросился къ купцу ночевать и сталъ его спра-

---

Валявца, 193; Семеньск., 33—34; Иллюстр. 1848, № 27 (литовскій разсказъ о Румшисѣ); Нар сл. раз., 78—79; Гальтрихъ, 26; Вольфъ, 199; Ск. норвеж., I, 9. — [1]) Щаповъ, 32, 36 — 37; Ж. М. Н. П. 1840, XI, 81. — [2]) Абев., 197; Иллюстр. 1846, 332.

шивать: «были-ль у тебя дѣти?»—Былъ одинъ сынъ, да мать въ сердцàхъ крикнула на него: лембой тè возьми! Лембой и унёсъ его. «А что дашь, я тебѣ ворочу его?» Оказалось, что добрый мòлодецъ, котораго вывелъ старикъ отъ лембоевъ, и былъ тотъ самый купеческій сынъ. Купецъ обрадовался и принялъ старика со старухою къ себѣ въ домъ [1]). Одна мать прокляла свою дочь на Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: «эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!» И явилась къ нему ночью эта самая дѣвица; онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ ее въ церковь. Нечистые начали пугать солдата разными страхами; видѣлось ему, будто горы на него катились, провалы разверзались, кругомъ все пожаромъ охватывало, да онъ не убоялся—шелъ себѣ бодро, привелъ дѣвицу въ церковь и раннимъ утромъ обвѣнчался съ нею. Вотъ еще любопытный разсказъ, записанный во владимірской губерніи: жилъ старикъ со старухою, и былъ у нихъ сынъ, котораго мать прокляла еще во чревѣ. Сынъ выросъ большой и женился; вскорѣ послѣ того онъ пропалъ безъ вѣсти. Искали его, молебствовали объ немъ, а пропащій не находился. Недалеко въ дремучемъ лѣсу стояла сторожка; зашелъ туда ночевать старичокъ-нищій и улегся на печкѣ. Спустя немного слышится ему, что пріѣхалъ къ тому мѣсту незнакомый человѣкъ, слѣзъ съ коня, вошелъ въ сторожку и всю ночь молился да приговаривалъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Утромъ пришелъ нищій въ деревню и прямо попалъ къ старику со старухой на дворъ. «Что, дѣдушка! спрашиваетъ его старуха, ты человѣкъ мірской, завсегда ходишь пò міру, не слыхалъ ли чего про наше-

[1]) День 1862, № 52, стр. 14.

го пропащаго сынка? Ищемъ его, молимся о немъ, а все не объявляется.» Нищій разсказалъ — что̀ ему въ ночи почудилось: «не вашъ ли это сынокъ?» Къ вечеру собрался старикъ, отправился въ лѣсъ и спрятался въ сторожкѣ за печкою. Вотъ пріѣхалъ ночью мо̀лодецъ, молится Богу да причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Старикъ узналъ сына, выскочилъ изъ-за печки и говоритъ: «ахъ, сынокъ! насилу тебя отыскалъ; ужь теперь отъ тебя не отстану!» — Иди за мной! отвѣчалъ сынъ, вышелъ изъ сторожки, сѣлъ на коня и поѣхалъ; а отецъ вслѣдъ за нимъ идетъ. Пріѣхалъ мо̀лодецъ къ пролуби и прямо туда съ конемъ — такъ и пропалъ! Старикъ постоялъ-постоялъ возлѣ пролуби, вернулся домой и сказываетъ женѣ: «сына-то сыскалъ, да выручить трудно; вѣдь онъ въ водѣ живетъ!» На другую ночь пошла въ лѣсъ старуха, и тоже ничего добраго не сдѣлала; а на третью ночь отправилась молодая жена выручать своего мужа, взошла въ сторожку и спряталась за печкою. Пріѣзжаетъ мо̀лодецъ, молится и причитываетъ: «Богъ суди мою матушку — за что прокляла меня во чревѣ!» Молодуха выскочила: «другъ мой сердечной, законъ неразлучной! теперь я отъ тебя не отстану!» — Иди за мной! отвѣчалъ мужъ и привелъ ее къ пролуби. «Ты въ воду, и я за тобой!» говоритъ жена. — Коли такъ, сними съ себя крестъ. Она сняла крестъ, бухъ въ пролубь — и очутилась въ большихъ палатахъ. Сидитъ тамъ сатана на стулѣ; увидалъ молодуху и спрашиваетъ ея мужа: «кого привелъ!» — Это мой законъ! «Ну, коли это твой законъ, такъ ступай съ нимъ вонъ отсюдова! закона разлучать нельзя.» Выручила жена мужа и вывела его отъ чертей на вольный свѣтъ [1]). Если мы сличимъ эти сказанія съ народными преданіями о стихійныхъ духахъ, подпадающихъ въ зимнюю

---

[1]) См. подобные-же разсказы въ Н. Р. Ск., V, 48; VIII, 19.

пору заколдованію или проклятію и до возврата весны томящихся въ царствѣ нечистой силы (въ облачныхъ горахъ и источникахъ); то необходимо должны прійдти къ заключенію, что тѣ и другія имѣютъ одинаковыя миѳическія основы. По русскому повѣрью, младенцы, проклятые родителями или умершіе некрещеными, захватываются демонами и обращаются въ кикиморъ. Въ ихъ сообщество поступаетъ также игоша—мертворожденный ребенокъ, недоносокъ, выкидышъ, уродецъ безъ рукъ и безъ ногъ, который поселяется въ избѣ и тревожитъ домохозяевъ своими проказами (II, 101—2 [1]).

---

[1]) Абев., 218; Пузин., 126; Иллюстр. 1845, 298.

XXV.

ДѢВЫ СУДЬБЫ.

Облачныя дѣвы, какъ хранительницы живой воды, надѣляющей мудростью и предвѣдѣніемъ, какъ спутницы бога грозовыхъ бурь, призванныя съ одной стороны приносить на землю младенческія души, а съ другой — увлекать души усопшихъ въ загробное царство, явились въ народныхъ представленіяхъ устроительницами судьбы человѣческой. Согласно съ этимъ, древнія племена присвоивали имъ эпитеты, обозначавшіе ихъ вѣщій характеръ и вліяніе на рожденіе, смерть и вообще на всю жизнь человѣка. Такіе эпитеты впослѣдствіи стали употребляться, какъ имена нарицательныя, и мало по малу приняты были за прозванія особеннаго разряда божественныхъ существъ. Тѣмъ не менѣе преданія и донынѣ удерживаютъ многія черты первоначальнаго сродства ихъ съ облачными и грозовыми нимфами. У славянъ дѣвы эти назывались рожаницами, такъ какъ онѣ присутствуютъ при рожденіи младенцевъ и опредѣляютъ ихъ судьбу при самомъ появленіи на божій свѣтъ. Прежде всего обратимъ вниманіе на свидѣтельства азбуковниковъ и Паисьевскаго сборника (XIV вѣка). Въ послѣднемъ памятникѣ находимъ «Слово св. Григорія о томъ, како первое погани суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клали»; въ этомъ словѣ читаемъ:

«извыкоша ѐлени класти требы Атремиду и Артемидѣ, рекше Роду и рожаницѣ; таціи же игvптяне. Також и до словѣнъ доиде се слов(о), и ти начаша требы класти Роду и рожаницамъ» [1]). Желая указать на языческое происхожденіе вѣры въ Родъ и рожаницу, проповѣдникъ сближаетъ ихъ съ подобными-же миѳическими представленіями у другихъ народовъ. По его мнѣнію, Родъ и рожаница значили у славянъ тоже, что у грековъ Артемида; для полнаго соотвѣтствія онъ придаетъ ея имени и мужское окончаніе: Артемидъ [2]), и противопоставляетъ это новое имя—Роду, божеству мужескаго пола. Одно изъ главнѣйшихъ свойствъ, приписанныхъ Артемидѣ, касалось дѣторожденія. Она считалась покровительницею женщинъ и брачныхъ союзовъ, завѣдывала родами, разрѣшала поясъ родильницы, играла роль повивальной бабки и кормилицы, и вмѣстѣ съ тѣмъ была доброю пряхою, какъ-бы одною изъ паркъ. Греки давали ей названіе Εἰλείθυια = рожаница [3]); Гомеръ же знаетъ не одну, а многихъ εἰλείθυιαι, и видитъ въ нихъ дочерей Геры [4]). Съ Артемидою сродна латинская богиня Natio (Nascio), которая, по свидѣтельству Цицерона, названа такъ потому, что ея попеченію ввѣрены роды женъ (partus matronarum [5]). Хотя Артемидъ, о которомъ упоминается въ Паисьевскомъ сборникѣ, и не существовалъ

---

[1]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. монастырь, Шевырева, II, 33—34; Москв. 1851, V, ст. Срезневск., 52—64; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II. полов. 2, 64—65. — [2]) „Атремиду" поставлено, конечно, по ошибкѣ писца вмѣсто: „Артемиду". — [3]) Рожденная прежде своего брата-близнеца (Аполлона), Артемида тотчасъ-же исполнила въ отношеніи къ нему обязанности повивальной бабки—Der Ursprung der Myth., 115 — [4]) Иліада, XI, 270; XIX, 119. — [5]) Баски до сихъ поръ вѣрятъ въ богиню судьбы (Sorsaina — отъ sors, sortio), какъ въ „ésprit qui préside à la naissance des enfans"—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 111.

въ греческой миѳологіи; но за то греки присвояли эпитеты рождающихъ, производящихъ и Зевсу, и Посейдону. Таже творческая, призывающая къ жизни сила принадлежала Роду и рожаницамъ, на что̀ указываютъ самыя названія ихъ, относящіяся къ одному корню съ словами: рожать или рождать, родитель, родильница, родной, рожѐный, родина, роды, на-родъ, за-родышъ, у-рожай, по-рода, родникъ и мн. др. Роже(а)ница въ словарѣ Памвы Берынды опредѣлена такъ: «матиця, породѣля, пороженица». Словомъ родъ въ древнихъ памятникахъ означаются: родственники и потомки, земляки и цѣлый народъ, какъ образующійся чрезъ нарожденіе [1]); отъ теснѣйшаго смысла слово это восходило къ болѣе широкому, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ отъ тѣсныхъ, исключительно-семейныхъ и родовыхъ связей переходилъ къ связямъ и отношеніямъ болѣе широкимъ — племеннымъ и общиннымъ. Но всѣ эти понятія, усвоенныя роду, вытекли изъ того первоначальнаго, основнаго его значенія, по которому подъ нимъ разумѣлась производящая сила природы вообще. Еще теперь въ народной рѣчи слышится выраженіе: «земля принялась за свой родъ» [2]).

По указанію старинныхъ азбуковниковъ, рожаницами «еллиньстіи звѣздословцы наричють седмь звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и кто въ кую планиту родится — и по той планитѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца, или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ. И того ради рождьшагось, якоже они мнятъ, въ планиту Арисъ предглаголютъ тяжела быти нравомъ, яра же и гнѣвлива и дерз(к)а во бранѣхъ; а въ планиту Афродиту рождьшагось сластолюбива предглаголютъ быти и удобна на блудное смѣшеніе; сице же и въ прочая планиты

[1]) Тюрина: Обществ. жизнь и земскія отнош. въ др. Руси, 26—27; Сахаров., II, 89. — [2]) Обл. Сл., 192.

рождьшихся предглаголютъ нравы, а не хотятъ окаяпіи они звѣздомъ-законицы разумѣти, яко не по естеству въ человѣцѣхъ лежитъ злое, но по произволенію.» Названія «планиты» и «зодій» такъ объяснены въ азбуковникахъ: «планиты суть седмь звѣздъ, ижъ на аерныхъ седми поясѣхъ, кояждо на особомъ поясѣ: 1) Арисъ (Марсъ), 2) Ермисъ (Меркурій), 3) Завесъ (Юпитеръ), 4) солнце, 5) Афродита (Венера), 6) Кронъ (Сатурнъ), 7) Ккати (Ἑκάτη), еже есть луна. Сими звѣздами окаяннiи звѣздословцы мнять ся угадывати человѣческіе нравы и счастіе». «Зодіями наричютъ звѣздословцы дванадесять звѣздъ, ихъ-же глаголютъ суща на седмомъ поясѣ аерномъ (слѣдуютъ названія знаковъ зодіака). Сими звѣздами умовредніи астрологи мнятся угадывати счастія и добродѣйственное и злоденственное житіе человѣкомъ» [1]).

Приведенныя нами свидѣтельства, приписывая рожаницамъ вліяніе на рожденіе, характеръ и счастіе человѣка, вмѣстѣ съ тѣмъ указываютъ, что эти миѳическія дѣвы стояли въ таинственной связи съ звѣздами. Простой, непросвѣтленный наукою взглядъ наблюдателя не различаетъ планетъ отъ звѣздъ, и если рожаницами названы въ азбуковникѣ собственно планеты, то такое ограниченіе было слѣдствіемъ того средневѣковаго астрологическаго ученія, которое перешло къ намъ сравнительно уже въ позднѣйшее время—въ переводныхъ книгахъ, извѣстныхъ, подъ названіями: Астрономія, Зодій и др. Но какъ самое астрологическое ученіе возникло изъ древ-

[1]) Мы пользовались рукописными азбуковниками изъ хранилилища г. Погодина; сличи съ текстомъ, напечатаннымъ у Сахарова, II, 159, 177—8, 182, и въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 105: „рожденици—кумири елленьстіи, ихъ-же погани влъшеніемъ рожденіа нарицаху быти“; „рожденицы—свято дня рожденіа младенца; въ кой-же дьнь кто родится, той нравъ и осудь (судьбу) пріемлетъ“.

вѣйшихъ народныхъ вѣрованій, общихъ всѣмъ племенамъ и востока и запада, — изъ вѣрованій, утверждающихъ зависимость жизни человѣческой отъ сіянія звѣздъ; то понятно, почему оно всюду такъ легко было принимаемо и всюду пользовалось сочувствіемъ массы. Оно ничего не говорило такого, что̀ бы противорѣчило національнымъ преданіямъ. Этимъ объясняются и тѣ постоянные протесты, съ которыми вынуждена была выступать церковь противъ такъ называемаго «звѣздословія». Древній переводчикъ хроники Григорія Амартола употребляетъ выраженіе: рождественное волшеніе — въ смыслѣ искусства предсказывать судьбу по звѣздамъ. «Немвродъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), персомь старѣйшина бывь, наоучивъ тѣх звѣздочьтию и звѣздословью... Отъ них же еллини рождьственное вльшвение навыкше, начешэ рождаемых под звѣзднымъ двизаніем принашати, не бо звѣздочьтіе и звѣздословіе же и вльшеніе отъ магоусей (маговъ) илі персѣнь начета быс» [1]. Тоже значеніе придавалось словамъ: родословіе, роженіе и рождество. Въ старинномъ индексѣ, между книгами «отреченными», упоминаются книги: a) Звѣздочетецъ, въ которой «безумніи ищутъ дни рожденія своего, сановъ полученіе и урока житію и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ» и b) Рожденикъ, въ которой указаны добрые и злые дни и часы и вліяніе ихъ на судьбу нарождающихся младенцевъ [2]. Кормчая книга (по рязанскому списку 1284 г.) заноситъ на свои страницы запрещеніе 6-го вселенскаго собора (правило 61), направленное противъ тѣхъ, «иже въ получаи вѣруютъ и въ родословіе, рекъше въ рожаница» [3]. Подобные запреты и осужденія повторялись

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 106. — [2]) Іоаннъ, экзархъ болгарск., 211; Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 109. — [3]) Лѣтопись занятій Археограф. Коммис. 1861, I, 29.

въ различныхъ памятникахъ допетровской Руси. Іосифъ Волоцкій, въ обвиненіяхъ своихъ противъ жидовствующихъ, говоритъ: «и баснословіа нѣкаа и звѣздозаконіа оучахоу и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничто-же суще»[1]). Максиму Греку принадлежатъ «слово о томъ, яко промысломъ божіимъ, а не звѣздами и колесомъ счастія вся человѣческая устрояются» и другое «противу тщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ»[2]). Поученіе митрополита Даніила между другими, подлежащими церковному осужденію, суевѣріями упоминаетъ: «случай, полученіе и роженіе по звѣздословію»[3]). Авторъ Домостроя упрекаетъ своихъ современниковъ: «въ получая вѣруютъ, и въ родословіи, рекше въ рожаницы, ивъ обаяніе по звѣздословію»[4]). Въ одномъ поучительномъ словѣ конца XVI-го или начала XVII вѣка читаемъ: «неразумніи человѣцы несвершенымъ своимъ разумомъ увѣряютъ себе въ преходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хоженіи мятутся и гаданіе творятъ по сему, понеже безумніи людіе вѣруютъ въ дванадесять преходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ большихъ планидъ; въ нихъ-же невѣгласи вѣруютъ и волхвуютъ, понеже ищутъ дней рожениі своихъ и сановъ полученіе, въ нихъ-же ищутъ рока житію и бѣдныхъ напастей и различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ куплехъ и въ ремеслехъ и в' ыныхъ строеніяхъ»[5]). По древне-арійскому воззрѣнію, душа представлялась искрою небеснаго огня или звѣздою, возжигаемою при самомъ рожденіи младенца; какъ скоро звѣзда эта погасала, вмѣстѣ съ нею погасала и жизнь человѣка, а пока

---

[1]) Правосл. Собесѣд. 1855 („Просвѣтитель», 60). — [2]) Ibid., 1860, IV, 399; Описан. рукоп. синодальной библіот., II, отд. II, 582.— [3]) Пам. стар. рус. литер., IV, 202. — [4]) Времен., I, 42—43.— [5]) Лѣт. рус. лит., т. V, отд. 3, 100.

она горѣла — ея блескомъ и мерцаніемъ условливались всѣ его житейскія радости и печали (= его свѣтлые и черные дни). И донынѣ народныя повѣрья связываютъ зарожденіе младенца и его будущую судьбу съ звѣздами. Надъ чьимъ домомъ упадаетъ звѣзда, въ той семьѣ (по мнѣнію поселянъ) дѣвица утратила дѣвственность = сдѣлалась беременною. Въ одной пѣснѣ сынъ, жалуясь на свою долю, обращается къ матери съ этими словами:

Ты скажи-скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила?

Богатырь Добрыня упрекаетъ мать, что породила его несчастливаго, а та отвѣчаетъ:

Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты въ ту звѣзду,
Въ ту минуту безсчастную, не въ таланную!

Василій Буслаевичъ говоритъ въ сказкѣ: «не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую» [1]. Вѣра въ таинственную связь рожденія съ звѣздами, въ благое или враждебное дѣйствіе этихъ послѣднихъ на участь отдѣльныхъ людей, была распространена у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; думали, что звѣзды, сіявшія при рожденіи человѣка, берутъ его подъ свою охрану и что рожденные подъ благопріятнымъ вліяніемъ этихъ свѣтилъ должны быть непремѣнно-счастливы, и наоборотъ. До сихъ поръ въ русскомъ языкѣ сохранились выраженія: «онъ родился въ добрый, счастливый часъ, подъ счастливой звѣздою (планидой)» или «въ недобрый часъ, подъ злую, лихую годину, подъ несчастной звѣздою»; сравни нѣм. «zu

---

[1]) Сахаров., I, 205; Собраніе Каиновыхъ пѣсень, 116; Рыбник., III, 85; Рус. сказки Сахарова, 246.

glücklicher, guter stunde geboren werden», «unter einem guten, glücklichen stern geboren werden». Выраженія: «прости, моя звѣзда!» «закатилась моя звѣзда!» употребляются въ томъ-же смыслѣ, какъ и выраженіе: «закатилось мое счастіе!» [1]) Простолюдины убѣждены, что въ теченіи дня или года бываютъ такія минуты, когда всякое высказанное желаніе, всякое благословеніе и проклятіе мгновенно исполняются; почему, передавая собесѣдникамъ о какомъ либо несчастіи, они спѣшатъ оговориться: «въ добрый часъ сказать, въ худой помолчать!» — «дай Боже! у добрый часъ говориць, у благи маучаць!» — «нехай не въ пору буде сказано!» — «на задніе (прошлые) дни нехай будзець помянуто!» [2]) Сербск. «добре часе давати» означаетъ: желать счастія. На Украйнѣ разсказываютъ о бабѣ, которая, разсердившись на теленка, крикнула на него въ одну изъ роковыхъ минутъ: «о чтобъ ты пропалъ!» — и теленокъ тотчасъ-же издохъ. Баба бросилась къ окну и отмѣтила углемъ тѣнь, какую въ то время дѣлало солнце. Въ слѣдующіе дни, какъ скоро солнце доходило до намѣченной черты, она начинала проклинать своихъ недруговъ, и такимъ образомъ многихъ сгубила. Другой разсказъ: пришелъ жидъ въ хату къ мужику. Хозяйка работала, а дѣти шумно рѣзвились и мѣшали матери. «Скажи, чтобъ у нихъ глаза повылѣзли!» молвилъ жидъ. — Пусть лучше у тебя повылѣзутъ! возразила съ гнѣвомъ хозяйка. И что-же? какъ только сказала, очи у жида въ туже минуту выскочили вонъ [3]). Точно также различаются и дни: счастливые слывутъ легкими, несчастные — тяжелыми и черными: «береги денежку про черный день»; у древнихъ были свои dies atri и dies albi: первые отмѣчались въ кален-

---

[1]) Послов. Даля, 28—29. — [2]) Приб. къ Изв. Ак. Н., II, 179; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 351; Кіевлян. 1865, 52. — [3]) Lud Ukrain., II, 88, 108; Срп. рјечник, 125; D. Myth., 684.

даряхъ черными знаками, какъ дни несчастій и неудачъ, а послѣдніе — бѣлыми [1]). «Отреченныя» сочиненія, наполненныя толками «о добрыхъ и злыхъ часѣхъ», «о нарожденіи человѣчестѣмъ—въ которую звѣзду или часъ: добръ или золъ», постоянно подновляли и укрѣпляли въ народѣ эти суевѣрныя мнѣнія. По расположенію звѣздъ при рожденіи младенца астрологи предсказывали его судьбу, будетъ ли онъ добръ или злобенъ, ожидаетъ ли его долгая жизнь или краткая, богатство или нищета, и т. дал. Въ одной рукописной астрономіи XVII вѣка сказано: когда звѣзда Чигирь будетъ въ такомъ-то мѣстѣ, тогда «съ женами не спи: аще родится сынъ, ино будетъ курчя и безплодны» [2]). Въ чешской думѣ о битвѣ христіанъ съ татарами упоминаются знахари-звѣздочеты (hwezdari); ихъ обыкновенно называли rodowestnik, rodowestec = тотъ, который «štastny aneb neštastny rod z hwezd hada»; польск. rodowieszczek—звѣздочетъ, астрологъ [3]).

Представленіе души звѣздою заставило нашихъ предковъ вѣрить, что рожденіе и смерть каждаго человѣка обусловливаются появленіемъ и паденіемъ принадлежащей ему небесной звѣзды. Вѣрованіе это народная фантазія связала съ тѣми божественными дѣвами, которыя являлись съ своимъ свѣточемъ возжигать жизненное пламя въ новорожденномъ младенцѣ и потомъ тушили его на одрѣ смерти, которымъ ввѣрила она начало и конецъ человѣческаго бытія. Хорутане убѣждены, что всякой человѣкъ, какъ только родится,

---

[1]) Совр. 1852, V, 4. На Руси не совѣтуютъ отымать дѣтей отъ груди въ дни, посвященные св. мученикамъ; иначе ребенокъ будетъ томиться, мучиться. — [2]) Очеркъ домашн. жизни великор. нар., 186; Шевырева: Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозер. монастырь, II, 22; Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 106; Оп. Румян. муз., 15. — [3]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу; эта послѣдняя опредѣляетъ и предсказываетъ его судьбу [1]). У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что всякой человѣкъ имѣетъ свою Зирку, которая, какъ духъ-хранитель, неотступно находится при своемъ избранникѣ. Собственно зирка значитъ: звѣзда; но въ народѣ подъ этимъ именемъ слыветъ богиня счастія. Есть поговорка: «что изъ него будетъ, коли онъ не въ милости у Зирки!» Зирка, по мнѣнію поселянъ, является на свѣтъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, и назначается для его охраны [2]). Вотъ почему въ азбуковникахъ слово «рожаница» истолковано звѣздою (планетою). Подобныя вѣрованія находимъ и у другихъ народовъ. Я. Гриммъ [3]) приводитъ слѣдующее свидѣтельство изъ одного поучительнаго слова XI вѣка: cavete, fratres, ab eis, qui mentiuntur, quod quando quisque nascitur, stella sua secum nascitur, qua fatum ejus constituitur, sumentes in erroris sui argumentum, quod hic in scriptura sacra dicitur «stella ejus» [4]). Съ паденіемъ язычества, въ замѣнъ миѳическихъ дѣвъ, выступаютъ ангелы: каждая звѣз-

---

[1]) Срезнев., 7. — [2]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 12. — [3]) D. Myth., 820. — [4]) Переводъ: Остерегайтесь, братія, тѣхъ, которые думаютъ, что когда кто родится, то съ нимъ нарождается и его звѣзда, устроющая его судьбу, принимая за доказательство своего заблужденія сказанное въ священномъ писаніи: «звѣзда его», т. е. ссылаясь на появленіе новой звѣзды, предвозвѣстившей рожденіе Спасителя. До сихъ поръ на Руси наканунѣ Рождества Христова не вкушаютъ до восхода первой звѣзды, а въ самый день праздника носятъ по домамъ «вертепъ» и «звѣзду». Въ вертепѣ представляются событія, какими сопровождалось рожденіе Спасителя; звѣзда дѣлается изъ бумаги, укрѣпляется на шестѣ—такъ, чтобы она могла обращаться, и освѣщается внутри зажженной свѣчею—Москв. 1852, VI, 82; Шафонскаго: Черниговск. намѣстничества топографич. описаніе, 28; Этн. Сб., I, 320; Херсон. Г. В. 1844, 52.

да (по народному повѣрью, общему у русскихъ съ нѣмцами) имѣетъ своего ангела, который назначаетъ ей мѣсто и направляетъ ея путь; на Руси звѣзды почитаются очами ангеловъ-хранителей, зорко-наблюдающихъ за дѣяніями людей, а въ блескѣ падающей звѣзды усматриваютъ слѣдъ, оставляемый ангеломъ при полетѣ его за душою усопшаго [1]). У румыновъ мѣсто богини Зирки занимаетъ духъ Арминдянъ, обитающій на той звѣздѣ, подъ которою родится его кліентъ. Эта родная звѣзда имѣетъ непосредственное вліяніе на всю жизнь человѣка: отъ нея зависятъ всѣ счастливыя и несчастныя приключенія, и румынъ въ пѣсняхъ своихъ и въ бесѣдахъ то благословляетъ, то клянетъ ее [2]).

По литовскому преданію, какъ скоро родится младенецъ, тòтчасъ-же Верпея (Werpeja = пряха, отъ werpju — пряду), возсѣдающая на небесномъ сводѣ, начинаетъ прясть нить его жизни; конецъ этой нити она прикрѣпляетъ къ новой звѣздѣ которая непремѣнно является въ минуту рожденія человѣка. Когда-же наступаетъ его послѣдній часъ, Верпея перерѣзываетъ нитку: звѣзда упадаетъ, гаснетъ въ воздухѣ, и человѣкъ умираетъ: поэтому въ каждой изъ падающихъ звѣздъ видятъ знаменіе чьей-либо смерти [3]). Здѣсь слиты во едино два миѳическія представленія: a) возженіе пламенной, звѣздо-подобной души и b) пряденье жизненной нити. Народившійся младенецъ только тогда вступаетъ въ среду живущихъ, когда его пуповина будетъ перевязана, или выражаясь пластически: когда онъ будетъ привязанъ къ жизни выпряденною ниткою, чтò у славянъ обозначается словомъ по-

---

[1]) Т. I Поэт. Воззр., 161, 177, т. III, 207; D. Myth., 684. — [2]) Телескопъ 1833, VIII, 503—4. — [3]) Ж. М. Н. П. 1844, IV, стат. Боричевск., 11; D. Myth., 685; Die Wissenschaft des slawisch. Mythus Гануша, 272.

вить (повой, повитуха, повивальная бабка; сравни выше стр. 153). Облачныя дѣвы, какъ мы видѣли, признавались пряхами; являясь при родахъ, влагая въ ребенка «душу живу», онѣ въ народныхъ вѣрованiяхъ получили характеръ повивальныхъ бабокъ и помощницъ при разрѣшенiи беременныхъ женъ. Какъ своимъ свѣточемъ онѣ таинственно возжигали въ ребенкѣ огонь жизни, такъ своею пряжею, незримо для смертныхъ, привязывали его къ бытiю, и пока связь эта оставалась крѣпкою — душа не могла отрѣшиться отъ тѣла; но едва Смерть или дѣвы судьбы разрывали ее, человѣкъ немедленно умиралъ — точно также, какъ умиралъ онъ вмѣстѣ съ угасшимъ пламенемъ души: это двѣ различныя метафоры, выражавшiя одну и туже идею. Отсюда, во 1-хъ, теченiе человѣческой жизни стали уподоблять тянущейся нити, а затрудненiя, ожидающiя человѣка на жизненномъ пути, представлять узлами, которые надо распутывать (завязка и развязка событiя). Выраженiе «нить жизни» пользуется гражданствомъ почти во всѣхъ индоевропейскихъ языкахъ; счастливый ходъ жизни соотвѣтствуетъ ровной, гладкой нити, и наоборотъ жизнь, исполненная страданiй и бѣдствiй, тянется суровою, узловатою нитью, опутываетъ человѣка словно сѣтями и налегаетъ на него тяжелой обузою. Во 2-хъ, образовалось убѣжденiе, что дѣвы судьбы суть вѣчно-работающiя пряхи; своими руками онѣ прядутъ жизненную нить и вплетаютъ въ нее все, что должно совершиться съ человѣкомъ во время его земнаго существованiя. Подъ влiянiемъ означенныхъ воззрѣнiй, повой младенца получилъ религiозный характеръ; дѣло это поступило въ руки вѣщихъ женъ, служительницъ боговъ, и нѣтъ сомнѣнiя, что въ отдаленной древности оно сопровождалось священными обрядами; существительное бабка имѣетъ при себѣ глаголъ бабкать—нашептывать, ворожить; въ одной болгарской рукопи-

си осуждаются жены, «кои завезують деца малечки» [1]). Кромѣ указаннаго преданія о миѳической пряхѣ, литовцы разсказываютъ еще о семи богиняхъ (dejwes walditojes), изъ которыхъ первая (=Верпея) прядетъ человѣку жизнь изъ кудели, данной верховнымъ божествомъ; другая мотаетъ выпряденныя нити и дѣлаетъ изъ нихъ основу; третья ткётъ холстъ; четвертая старается пѣснями и разсказами обворожить своихъ сестеръ, и когда онѣ заслушиваются — портитъ ихъ работу, отчего тòтчасъ-же постигаютъ смертнаго неудачи, болѣзни, ссоры и прочія бѣды; пятая ей противодѣйствуетъ, не даетъ портить холстъ и побуждаетъ сестеръ къ труду: когда ея усилія не остаются напрасными и работа идетъ безъ помѣхи, то жизнь человѣка бываетъ исполнена спокойствія, радостей, здоровья и счастія; шестая отрѣзываетъ холстъ—и человѣкъ умираетъ; наконецъ седьмая моетъ изготовленную ткань и вручаетъ ее верховному богу. Изъ этой ткани дѣлается рубашка, которую и долженъ носить усопшій на томъ свѣтѣ; такимъ образомъ онъ постоянно имѣетъ передъ собою полную исторію земной своей жизни, всѣхъ ея радостей и горя [2]). По основному значенію миѳа, посмертная рубашка, изготовляемая богинями судьбы, есть та облачная ткань, въ которую одѣваются стихійные духи и родственныя съ ними тѣни усопшихъ [3]); въ погребальномъ обрядѣ ей соотвѣтствуетъ бѣлый саванъ (стр. 275—6). Въ настоящемъ случаѣ

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Бусл., 41. Въ Малороссіи умершей повивальной бабкѣ кладутъ въ гробъ палку и привязываютъ къ поясу платокъ съ макомъ; на томъ свѣтѣ, говорятъ, нападутъ на нее дѣти (= души усопшихъ) за то, что помогла имъ родиться для горестей земной жизни, и если она не успѣетъ отбиться палкою, то разсыпаетъ макъ; дѣти бросятся подбирать маковыя зерна, а повивальная бабка тѣмъ временемъ спѣшитъ отъ нихъ удалиться—Кулишъ. II, 44. — [2]) Ж. М. Н П. 1839. т. XXII, 14—16; Черты литов. нар., 68, 90; D. Myth., 121—6. — [3]) Оссіанъ, I, 324: «онъ видитъ облакъ, долженствующій принять тѣнь его;

это представленіе о посмертной сорочкѣ смѣшивается съ другимъ, не менѣе древнимъ, представленіемъ о тѣлесной одеждѣ, облекающей душу со дня рожденія по день смерти человѣка (см. ниже).

Пряха Верпея и миѳическія ткачихи стоятъ въ несомнѣнной связи съ лаумами, что прямо свидѣтельствуетъ за ихъ первоначальное тождество съ облачными нимфами. На участіе лаумы въ грозовыхъ явленіяхъ природы указываютъ названія: громовой стрѣлки — ея сосцемъ, радуги — ея поясомъ (I, 359) и воды (т. е. дождя) — ея пòтомъ; вмѣстѣ съ этимъ, ей приписывается и вліяніе на земное плодородіе: она предвѣщаетъ урожаи и голодъ, помогаетъ воздѣлывать нивы и собирать жатвы. Какъ сербскія вилы и наши русалки, лаумы живутъ въ лѣсахъ, поляхъ и въ водѣ, и наравнѣ съ ними характеристическими своими признаками напоминаютъ германскихъ эльфовъ. Онѣ крадутъ и подмѣниваютъ новорожденныхъ младенцевъ (см. выше стр. 307), налегаютъ на сонныхъ людей, давятъ ихъ въ грудь или животъ [1]), и любятъ заниматься пряжею и тканьемъ. Въ четвергъ, какъ въ день, посвященный громовнику, лаумы являются по ночамъ въ избы, и гдѣ найдутъ неубранную прялку—садятся за работу и пря-

---

онъ видитъ туманъ, изъ котораго должна быть соткана его (посмертная) одежда». — [1]) «Laume gul ant skilvio»—лаума лежитъ на животѣ=давитъ. Въ одну избу, сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ, прокрадывалась по ночамъ лаума и душила молодаго парня, такъ что онъ совсѣмъ извелся. Знающіе люди научили его, какъ изловить лауму; слѣдуя ихъ совѣту, онъ приготовилъ дубовый клинъ, и когда явилась ночная гостья—тотчасъ-же заколотилъ отверстіе. Цѣлую ночь слышалъ онъ, что кто-то возится и царапаетъ въ углу, а поутру увидѣлъ передъ собою прекрасную, но печальную дѣву. Молодецъ женился на лаумѣ и прижилъ съ нею двухъ дѣтей. Впослѣдствіи, уступая ея просьбамъ, онъ вынулъ дубовый клинъ — и вслѣдъ за тѣмъ лаума исчезла и болѣе не возвращалась къ мужу; только въ продолженіи года каждый четвергъ приносила она своимъ малюткамъ по бѣлой сорочкѣ (сравни стр. 185—съ преданіемъ о вилѣ).

дутъ до пѣтуховъ; готовую же пряжу уносятъ съ собою. Поэтому вечеромъ, наканунѣ четверга, литвинки ни за что не станутъ прясть и тщательно скрываютъ свои кудели [1]). Также охотно садятся лаумы и за ткацкой станокъ. Одной сироткѣ подарили онѣ много кусковъ полотна, но съ условіемъ, чтобы она ихъ не мѣрила; дѣвочка нарушила запретъ, и въ туже ночь полотно исчезло изъ ея клѣти. Какъ ни искусно прядутъ и ткутъ лаумы, сами онѣ не умѣютъ ни начать, ни закончить своей работы, — чѣмъ существенно и отличается ихъ механическій, безцѣльный (свойственный стихійнымъ силамъ) трудъ отъ разумнаго труда человѣка. Сверхъ того, подобно нѣмецкимъ вѣдьмамъ, онѣ моютъ свое бѣлье — по четвергамъ, послѣ солнечнаго заката, и сильный стукъ отъ ихъ вальковъ далеко разносится по окрестностямъ: повѣрье, указывающее на поэтическую картину грозы, когда небесныя дѣвы, при звукахъ громовыхъ ударовъ, полощутъ въ дождевыхъ ливняхъ свои облачныя ткани (см. гл. XXVI). Только удары плети (= молніи) могутъ разогнать лаумъ и остановить ихъ шумную работу. Какъ миѳическія пряхи, лаумы поступаютъ въ разрядъ вѣщихъ дѣвъ, завѣдующихъ рожденіемъ и смертію, а слѣдовательно и судьбою человѣка. Въ старинномъ словарѣ laime (laima) объясняется словомъ fortuna (доля, счастіе), а laume (множ. число laumes) толкуется: Lucina, dea partus — богиня родовъ; lemti — судить, опредѣлять, назначать. Съ одной стороны — лаумы помогаютъ родильницамъ, заботливо ухаживаютъ за грудными младенцами, купаютъ ихъ, баюкаютъ и укачиваютъ въ колыбели, почему и присвоивается имъ прозваніе mahmina (мать). До сихъ поръ въ Литвѣ свято соблюдается обычай «обмывать новорожденнаго въ поту лаумы»,

---

[1]) Латышскія swethas jumprawas представляются съ прялками въ рукахъ — Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119.

т. е. въ холодной водѣ [1]). Съ другой стороны — какъ дѣвы, опредѣляющія не только начало, но и конецъ жизни, лаумы похищаютъ дѣтей (= увлекаютъ души въ свой таинственный міръ) и поражаютъ родъ людской внезапными смертельными ударами: когда лаума показывается въ зеленой одеждѣ — это знакъ будущаго урожая; если же она облекается въ красное платье, то предвѣщаетъ кровавую, губительную войну, а если въ черное, то сулитъ всеобщій голодъ и моръ; въ послѣднемъ случаѣ ее называютъ моровою дѣвою [2]). Какъ предвѣстница войны, она сближается съ германскими валькиріями, на которыхъ возлагалась печальная обязанность забирать души убитыхъ воиновъ. Если ребенокъ расплачется ночью, то литвины совѣтуютъ класть его за спиною матери — въ полной увѣренности, что невидимая покровительница дѣтей накормитъ и усыпитъ его; но какъ скоро дитя успокоится, сейчасъ-же слѣдуетъ переложить его въ люльку; иначе оно можетъ заспаться до смерти [3]). Соотвѣтственно характеру облачныхъ дѣвъ, то дарующихъ живую воду дождя и пробуждающихъ природу къ жизни, то насылающихъ разрушительныя бури, градъ и стужу, съ ними необходимо сочетались противоположныя идеи рожденія и смерти. Опираясь на эти различныя воззрѣнія, народныя преданія представляютъ лаумъ то благотворными юными красавицами, то злобными и безобразными старухами (см. II, 781-3).

Собственно о рожаницахъ мы не встрѣчаемъ свидѣтельствъ, чтобы онѣ пряли жизненную нить; думаемъ однако, что и съ ними въ старину соединялось подобное-же представленіе и только позабыто въ теченіи послѣдующихъ вѣковъ. На эту

---

[1]) Шлейхеръ, 91—97; Lituanica, II, 24, 31—37; Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, ст. Микуцк., 555; Рус. Сл. 1860, V, 19, 82; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 258; D. Myth., 387—8, 832. — [2]) Москв. 1846, XI—XII, 249. — [3]) Черты литов. нар., 95.

мысль наводятъ насъ хорутанскія сказки, отождествляющія рожаницъ съ вилами. Едва народится младенецъ (разсказываютъ хорутане), какъ тотчасъ-же — Богъ знаетъ откуда и какъ — являются въ избу три сестры-роженицы (rojenice), садятся за столъ и въ краткихъ изреченіяхъ опредѣляютъ судьбу новорожденнаго; произнеся свои предсказанія, онѣ тихо удаляются, и если на ту пору свѣтитъ сквозь окно мѣсяцъ, то озаренные его лучами — бываютъ видимы ихъ легкіе, воздушные образы и радужные покровы. Въ верхней Краинѣ ихъ называютъ чисте, беле деклице и жене (чистыя, бѣлыя дѣвы и жены); въ Каринтіи—желкиню, жельне жене, отъ глагола желюти (желать, заботиться), подобно тому, какъ валькиріямъ давалось прозваніе «wunschmädchen»; въ другихъ мѣстностяхъ— живицы, суженицы и судицы (sujenice = sojenice, sudice = sodice), т. е. дѣвы жизни и судьбы. Послѣднее имя извѣстно также лужичанамъ (sudzicke), словакамъ и чехамъ (sudice, sudičky). По повѣрью, уцѣлѣвшему между истріанъ, роженицы обитаютъ въ горныхъ пещерахъ (= въ нѣдрахъ облаковъ); поселяне донынѣ носятъ имъ хлѣбъ и кладутъ его у входа въ пещеру [1]). Въ сборникѣ Валявца [2]) находимъ цѣлый рядъ любопытныхъ приповѣдокъ о роженицахъ, являющихся «sudit deteta», т. е. опредѣлять новорожденному его будущую судьбу. Одѣтыя въ бѣлыя одежды («vu belech opravah oblečene»), онѣ подходятъ къ постели только что разрѣшившейся матери; каждая изъ нихъ держитъ въ рукахъ по горящей свѣчѣ=знаменіе того свѣточа, которымъ возжигается въ ребенкѣ пламя жизни (душа), почему и называютъ ихъ кресницами (возжигательницами, отъ кресъ— огонь [3]). Чтобы облегчить страданія родильницы и скорѣе

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 107—8 — [2]) Стр. 76—91. — [3]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 107.

призвать въ сей міръ новую душу, на Руси принято во время родовъ зажигать вѣнчальную свѣчку [1]). Совѣщаніе рожевицъ главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается на опредѣленіи той смерти, какою нѣкогда долженъ скончаться новорожденный, или какъ выражаются хорутане: «to su ove babe, koje sudiju sako dete s kakvum smrtjum prejde iz ovoga sveta». Отсюда объясняется общеизвѣстная у насъ и въ Германіи примѣта, что три зажженныя свѣчи предвѣщаютъ чью-либо смерть въ домѣ [2]); отсюда-же становится понятнымъ, почему самая Смерть является въ преданіяхъ съ характеромъ богини судьбы. Подобно роженицамъ, она, по свидѣтельству народныхъ сказокъ, воспринимаетъ новорожденныхъ младенцевъ, и какъ тѣ называются у чеховъ кумами (kmotřičky), такъ тоже названіе кумы присвояется и Смерти; въ своихъ пещерахъ она хранитъ свѣтильники человѣческой жизни и опредѣляетъ срокъ ихъ горѣнія (см. выше стр. 201—4). Изъ трехъ сестеръ-роженицъ, устанавляющихъ судьбу младенца, мнѣніе послѣдней постоянно принимается за окончательное рѣшеніе; она есть дѣйствительная владычица смертнаго часа, и потому соотвѣтствуетъ злой паркѣ, перерѣзывающей жизненную нить человѣка, или Смерти, погашающей огонь его души. То, что присуждено роженицами, нельзя не измѣнить, не устранить никакими силами: это приговоръ всемогущаго, непреложнаго рока! Что бы ни дѣлалъ человѣкъ, какихъ бы предосторожностей ни принималъ, онъ не можетъ воспрепятствовать божьей волѣ — «božji jakosti zapгečiti». Предрекутъ ли вѣщія жены смерть отъ волка —

---

[1]) Труды владимір. губ. статист. комит., VI, 86; Поэт. Воззр., II, 12. — [2]) Записки Авдѣев., 142—3; Владим. Г. В. 1844, 49; Пузин., 159; Beiträge zur D. Myth., I, 214; D. Myth., 1028: въ той комнатѣ, гдѣ горятъ три свѣчи, вѣдьмы могутъ творить злыя дѣла.

звѣрь этотъ явится въ урочный часъ къ своей жертвѣ, хотя бы она скрывалась за каменными стѣнами; присудятъ ли человѣку погибнуть въ водѣ, и хотя бы кругомъ на далекое разстояніе не было ни единаго источника — онъ задохнется въ лужѣ. Одной царевнѣ было предсказано, что она умретъ отъ укушенія змѣи. Царь устроилъ стеклянный теремъ, куда даже и муравей не могъ пробраться; заключилъ тамъ свою дочь и приказалъ не выпускать ее изъ терема. Когда наступилъ «суђен дан», царевна пожелала винограду: слуга принесъ ей большую кисть, въ которой скрывалась малая ядовитая змѣйка, — и предсказаніе исполнилось! [1]). Подобные разсказы существуютъ и въ нашемъ народѣ, хотя древнія краски въ нихъ болѣе или менѣе уже стерлись. Такова, напримѣръ, сказка про Марка Богатаго [2]). Жилъ-былъ Марко Богатый; такъ вездѣ прозывался онъ, потому что у него было несмѣтное богатство. И Марко тѣмъ весьма величался, и былъ непомѣрно гордъ своимъ прозвищемъ. Во снѣ и на яву ему грезилось только его богатство. Однажды, стоя въ церкви. Марко сказалъ своему сосѣду: «что это, сосѣдъ! какъ ни богатъ я, а хоть бы разъ Господь Богъ пожаловалъ ко мнѣ въ гости!» — Чтожъ, отвѣчалъ сосѣдъ, приготовься получше, и Господь посѣтитъ тебя своею благодатію. Сосѣдъ разумѣлъ по христіански, а Марко понялъ по своему: изготовилъ роскошный обѣдъ, пышно разубралъ свой домъ, усталъ всю дорогу отъ воротъ до церкви парчами и бархатами, и сталъ дожидаться гостя. Прошла обѣденная пора, а Марко все ждетъ... Вотъ и солнце стало садиться; Марко не выдержалъ и приказалъ слугамъ своимъ собирать парчи и бархаты. Въ это время приходитъ на его дворъ сѣденькой старичокъ и

---

[1]) Срп. рјечник, 724; Književnik 1866, вып. II, 249. — [2]) Н. Р. Ск., I, 13; II, 35; Н. Р. Лег., стр. XXVI; Денница 1834, 5—21.

проситъ почлега. «Не до тебя мнѣ! сказалъ ему съ сердцемъ Марко. — Ради Бога, Марко Богатый! укрой меня отъ темноты ночной». И Марко, чтобъ только отвязаться, велѣлъ впустить его въ избу, гдѣ лежала у него при́ смерти хворая тетка. На другой день видитъ Марко, что идетъ къ нему тетка совсѣмъ здоровая. «Какъ это тебя угораздило?» спросилъ онъ съ удивленіемъ. — Ахъ, Марко Богатый! отвѣчала тетка знаешь ли что? Видѣлось мнѣ, будто самъ Господь ночевалъ въ моей избушкѣ, и будто прилеталъ къ нему ангелъ съ вѣстію, что въ эту ночь родилось три младенца: одинъ у купца, а другой у крестьянина, третій у нищаго, и спрашивалъ: какой таланъ присудишь имъ, Господи? И Господь провѣщалъ: купеческому сыну обладать отцовскимъ таланомъ, крестьянскому сыну обладать землепашествомъ, а бѣднякову сыну—Марковымъ богатствомъ. «А еще что?» спросилъ Марко. — Да вотъ еще какая благодать: какъ проснулась я, то встала совсѣмъ здоровая! «Ладно, сказалъ Марко; только съ бѣднякова сына много будетъ обладать Марковымъ богатствомъ!» По другому варіанту, Господь приходитъ въ видѣ убогаго старца, въ худомъ рубищѣ, и ночуетъ въ скотной избѣ. Въ ту пору, когда надо быть заутренѣ, затеплилась у иконы сама собой свѣчка; Господь всталъ, облекся въ ризы и началъ совершать службу. Прилетаетъ ангелъ: «Господи! въ такомъ-то селѣ, у такого-то крестьянина родился сынъ; какъ ему повелишь нарещи имя и какимъ надѣлишь его счастіемъ?» — Имя ему, отвѣчалъ Господь, нарицаю Василій, прозваніе — Безсчастный, а награждаю его богатствомъ Марка Богатаго. Не желая покориться божьему суду, Марко покупаетъ бѣднякова сына и бросаетъ его въ открытомъ полѣ въ сугробъ снѣгу; но въ тотъ-же день проѣзжали мимо купцы, запримѣтили, что изъ сугроба паръ подымается, подошли и видятъ: посреди снѣговъ проталинка, на проталинкѣ

трава зеленѣетъ и цвѣты красуются, а въ цвѣтахъ лежитъ младенецъ и кротко улыбается. Купцы взяли его и увезли съ собою; когда узналъ про то Марко, онъ въ другой разъ купилъ ребенка, перерѣзалъ ему брюшко, положилъ въ ящикъ и пустилъ полою водою. Волны прибили ящикъ къ берегу, на которомъ стоялъ монастырь; монахи достали ребенка, заживили его рану, вскормили его и воспитали. Случилось Марку Богатому лѣтъ черезъ пятьнадцать заѣхать въ тотъ монастырь; свѣдалъ онъ про Ивана Безсчастнаго, уговорилъ его поступить къ себѣ въ услуженіе и послалъ съ письмомъ къ женѣ, а въ письмѣ отдалъ приказъ, чтобы затравили его собаками (или сварили въ кипучемъ котлѣ). На полдорогѣ утомленный юноша заснулъ; въ то время прилетѣлъ ангелъ-хранитель, взялъ у него Марково письмо и замѣнилъ другимъ, въ которомъ тою-же рукою было написано, что Марко нашелъ жениха для своей единственной дочери и велитъ тотчасъ-же выдать ее за Ивана Безсчастнаго. Свадьба была сыграна, и послѣ того что̀ ни дѣлалъ Марко, а богатство его все-таки досталось бѣднякову сыну. Сказка о Маркѣ Богатомъ, не смотря на то, что многія подробности въ ней переработаны въ христіанскомъ духѣ, несомнѣнно принадлежитъ глубокой доисторической старинѣ. Она основана на древнѣйшемъ вѣрованіи въ предопредѣленіе Судьбы, которая при самомъ рожденіи младенца уже напередъ рѣшаетъ его будущность и притомъ такъ окончательно, что рѣшенія этого не въ состояніи измѣнить никакія человѣческія усилія. Вопросы, обращенные къ Богу: какимъ счастіемъ надѣлитъ онъ новорожденнаго?—въ другихъ народныхъ разсказахъ обращаются къ самой Судьбѣ (см. ниже). Древность означенной сказки подтверждается и ея повсемѣстнымъ распространеніемъ у различныхъ индоевропейскихъ народовъ [1]. Наиболѣе важ-

[1]) Н. Р. Ск., I, примѣч. къ № 13.

ными представляются намъ редакціи: хорутанская [1]), въ которой будущую участь ребенка предсказываютъ «tri belo oblečene ženske, pak saka je imela v roki svečo, a to so bile sojenice», и чешская [2]), въ которой выведены sudičky — «tri stare babičky, celé bilé, každa měla v ruce svici rozsvicenou»; онѣ-то и подмѣниваютъ письмо, написанное съ цѣлію погубить ихъ любимца. Въ норвежской редакціи [3]) вѣщія дѣвы замѣнены звѣздочетами — ради той связи, въ какую народныя вѣрованія ставятъ судьбу человѣка съ расположеніемъ звѣздъ при его рожденіи; а въ русской — онѣ уступили свое мѣсто христіанскому Богу и ангелу-хранителю. По разсказамъ чеховъ, судички — три бѣлыя жены; въ полночный часъ являются онѣ подъ окно избы или въ самую комнату, гдѣ лежитъ новорожденное дитя, и совѣщаются о его будущей судьбѣ; при ихъ приближеніи все, что обитаетъ въ домѣ, погружается въ глубокій сонъ. Онѣ держатъ въ рукахъ зажженныя свѣчи и тушатъ ихъ не прежде, какъ произнеся свой непреложный приговоръ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ думаютъ, что судички садятся ночью на кровлѣ дома, возлѣ дымовой трубы, и предсказываютъ судьбу младенца по звѣздамъ [4]). Хорутанскія приповѣдки смѣшиваютъ роженицъ съ вилами. Однажды убогой пришелъ въ избу, гдѣ только что разрѣшилась хозяйка отъ бремени, и сѣлъ возлѣ печки. На ту пору явились три sojenice: «bile so čisto belo oblečene, imele so na glavi bele velike robce, a okol vrata grole samih demantov, zlata i srebra, lica bile so okrogloga, velekrasne žene kakti vile». Подошли къ столу и усѣлись около него съ разныхъ сторонъ. Первая изрекла: «пусть, когда сравняется новорожденному семнадцать лѣтъ, станетъ онъ зимою рубить дрова, и въ то время набѣжитъ звѣрь и рас-

[1]) Сб. Валявца, 87—89. — [2]) Эрбенъ, 1—7. — [3]) I, 5. — [4]) Громаннъ, 7.

терзаетъ его». — Нѣтъ! возразила другая, пускай будетъ солдатомъ и умретъ на службѣ. — Не такъ! сказала третья, пусть онъ утонетъ на двѣнадцатомъ году. Убогой все выслушалъ и передалъ матери, и какъ та ни оберегала своего сына, а приговоръ совершился. Когда наступилъ роковой часъ, мальчикъ «ministruval (vu cirkvo), stane se ide doli gde je bila blagoslovlena voda pak porine noter glavo i tak vumre» [1]. Итакъ роженицы столь-же прекрасны и носятъ такую-же бѣлую одежду, какъ и вилы. Изъ одной приповѣдки можно заключать, что онѣ, подобно виламъ, владѣли смертоносными стрѣлами; такъ однажды присудили онѣ младенцу, что когда исполнится ему 13 лѣтъ, 13 дней, 13 часовъ и 13 минутъ— ударитъ съ яснаго неба стрѣла и поразитъ его смертію [2]. Но этого мало; мы имѣемъ прямыя указанія, что вилы заступали мѣсто рожевицъ и играли ту-же самую роль вѣщихъ дѣвъ, опредѣляющихъ судьбу человѣка. При рожденіи одной знатнаго рода дѣвочки, разсказываетъ хорутанская приповѣдка [3], позваны были на пиръ вилы. Онѣ явились въ золотыхъ одеждахъ, съ серебреными поясами; чудные золотые волосы ихъ ниспадали до самой земли; каждая изъ нихъ одарила новорожденную дорогимъ даромъ (=добрымъ предвѣстіемъ будущаго), а одна «злочеста» дала ей шкатулку, въ которой было написано, что дитя будетъ прекрасно, но рано погибнетъ. И вотъ, когда дѣвочка выросла и наступило время выдавать ее замужъ, злая вила пришла въ зàмокъ, ударила ее волшебнымъ прутомъ (= молніеносной стрѣлою), и въ тотъ-же мигъ красавица окаменѣла, т. е. сдѣлалась жертвою смерти. Съ тѣмъ-же значеніемъ выступаютъ вилы въ переводной съ латинскаго сказкѣ, писанной на сербо-болгарскомъ нарѣчіи

---

[1] Сб. Валявца, 85—86. Переводъ: прислуживалъ въ церкви, подошелъ туда, гдѣ стояла освященная вода, опустился въ нее головою и умеръ. — [2] Ibid., 81—82. — [3] Ibid., 56—57.

(XIV-го вѣка), отрывокъ которой напечатанъ покойнымъ Востоковымъ въ «Описаніи рукописей Румянцовскаго музеума» [1]): «оувѣдѣвше то (брачное торжество короля Пелея) три вилы пророчицѧ, коѫ бѣхѫ наилѣпъшѧя въ морскыихъ отозѣхъ, и доидошѫ на оно веселие, развѣ единѫ, ѭж незва, зане бѣше свадлива, именемъ Диевошькордиа; где идѣше—все свадѫ строаше, за то не хотѣхѫ я звати». Эта свадливая вила, оскорбленная тѣмъ, что ее не позвали на пиръ, даетъ злое предвѣщаніе, и есть Discordia, о которой говорится въ древней повѣсти о Пелеѣ. Въ сербскихъ пѣсняхъ вилы являются пророчицами [2]) и указываютъ смертнымъ присужденную имъ долю:

Јунак ми кон(ь)а јездаше,
Предрагу срећу искаше;
Виле ми н(ь)ега виђеше,
Јунака сташе дозиват':
„Овамо свраћај, јуначе!
Твоја се срећа родила,
Сунчаном ждраком повила,
Мјесецем сјајним гојила,
Зв'јездама сјајним росила“ [3]).

Марку-королевичу вила предвозвѣстила его смертный часъ, и въ подтвержденіе словъ своихъ послала его къ горному источнику, заглянувъ въ который, королевичъ тотчасъ-же прочиталъ на своемъ лицѣ близкую кончину (см. выше стр. 168 — 9). Чехи до сихъ поръ убѣждены, что, глядясь въ колодцы на «щедрый» вечеръ, можно угадать свое будущее; они ходятъ къ источникамъ, прудамъ или рѣкамъ, бросаютъ

---

[1]) Стр. 385—7. — [2]) Кукулевичъ, 91, 94. — [3]) Срп. н. пјесме, I, 191. Переводъ: ѣздилъ юнакъ на конѣ, искалъ дорогую долю; увидали его вилы, стали звать юнака: «поворачивай сюда, молодецъ! твоя доля родилась—солнечнымъ лучемъ спеленалася, ясными мѣсяцемъ воскормлена, ясными звѣздами воспоена».

въ нихъ куски праздничныхъ яствъ, плоды, орѣхи, и причитываютъ: «studánko! povĕz ty mnĕ pravdu» (II, 192, 209 [1]). Обитая въ облачномъ небѣ, вилы = роженицы обладали живою водою райскихъ ключей, черпали изъ нихъ напитокъ мудрости и становились въ разрядъ вѣщихъ женъ, опредѣляющихъ грядущія судьбы. Самое названіе вила указываетъ въ ней пряху (отъ слова вить), т. е. дѣву, прядущую нить жизни, и вмѣстѣ повитуху (повивальную бабку), присутствующую и помогающую при родахъ; свидѣтельства о ея прядильныхъ работахъ приведены выше (стр. 177—8). Ганка упоминаетъ о миѳическихъ пряхахъ—lichoplezi (=плетущія лихо, т. е. жизненныя бѣды и смерть), соотвѣтствующихъ паркамъ [2]); болгары знаютъ злату бабу, которая научила женщинъ прясть и ткать [3]); а въ преданіяхъ словацкихъ еще не забытъ золотой сплетённый шнуръ, тождественный съ золотою веревкою германскихъ норнъ [4]). На Руси существуетъ нѣсколько повѣрій, поставляющихъ занятія пряжею и тканьемъ въ связи съ родами и смертію: во всѣ святочные вечера не вьютъ веревокъ, опасаясь, чтобы беременная женщина не родила урода [5]); гдѣ на Рождество плетутъ лапти, въ томъ домѣ родится кривой ребенокъ [6]); если предъ Благовѣщеньемъ или страстною недѣлею будетъ вывѣшенъ новый холстъ и подъ него подойдетъ звѣрь, то сейчасъ околѣетъ [7]), что́ напоминаетъ намъ посмертную сорочку, изготовляемую литовскими парками.

Болгары вѣрятъ, что ко всякому новорожденному являются три (иногда двѣ и четыре) чудесныя дѣвы и присуждаютъ ему счастливую или несчастную долю; одна изъ нихъ — старшая, которой и принадлежитъ окончательно-рѣшающій го-

---

[1]) Рус. Вѣст. 1862, I, 352. — [2]) D. Myth., 407. — [3]) Показалецъ Раковскаго, I, 3. — [4]) Ганушъ, 206. — [5]) Могил. Г. В. 1852, 4. — [6]) Нар. сл. раз., 162. — [7]) Ibid., 164.

лосъ. Дѣвъ этихъ они называютъ: a) орисници или урисници и b) наржчници. Первое названіе: орис(з)ници имѣетъ при себѣ въ болгарскомъ языкѣ выраженія: «тжй му било урисано», т. е. предопредѣлено [1]), и ризик = рисик—счастіе, судьба [2]). Наржчници=тѣ, «кои наржчватъ колку и како ке живятъ родено-то, и що ке наржчатъ третья-та, това ке бидитъ» [3]). Въ первую ночь послѣ родовъ приходятъ урисницы въ домъ разрѣшившейся матери и предвѣщаютъ ея младенцу: сколько лѣтъ онъ проживетъ, какова будетъ его жизнь — счастливая или бѣдственная, съ кѣмъ вступитъ онъ въ брачный союзъ, какими болѣзнями будетъ страдать и какою смертію умретъ. Разсказываютъ еще, что есть три урисницы добрыя и три злыя, что тѣ и другія никогда не бываютъ согласны и ведутъ между собою вѣчную борьбу. Изъ трехъ добрыхъ урисницъ первая даетъ младенцу умъ и знаніе грамоты, вторая надѣляетъ здоровьемъ, красотою и даромъ слова, а послѣдняя руководитъ его въ продолженіи всей жизни, учитъ ремесламъ и доставляетъ случаи разбогатѣть [4]). Показываясь взрослому человѣку, онѣ предостерегаютъ его отъ угрожающаго несчастія. Всѣхъ урисницъ много; онѣ всегда юны и прекрасны и живутъ на небѣ [5]); по свидѣтельству народной пѣсни [6]), онѣ нисходятъ за душой умирающаго человѣка въ туманахъ (мглѣ) и вихряхъ:

Задале сѣ силни-не вѣтро'и,
Задале сѣ мжгли и пра'о'и,
По нимъ идѣтъ силни віулици.

---

[1]) Каравел., 140. — [2]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, стат. Срезнев., 108; Germ. Mythen, 582: ризик, рисик = новогр. ῥιζικό, итал. rischio, исп. riesgo, отъ др.-греч. ὁρίζω — termino, decerno, statuo. — [3]) Миладин., 525. Переводъ: которыя нарицаютъ (изрекаютъ), сколько и какъ жить новорожденному; что изречетъ третья, то и сбудется. — [4]) Каравел., 171. — [5]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108. — [6]) Миладин., 16—18.

Большею частію урисницы являются въ дома невидимо; но инымъ удавалось и видѣть, и слышать ихъ. Такъ однажды какой-то путешественникъ остановился ночевать въ домѣ, гдѣ хозяйка родила дѣвочку. Въ полночь — когда всѣ уснули, только не спалъ пріѣзжій — явились урисницы; первая сказала, что дѣвочка должна прожить 50 лѣтъ; вторая — что она будетъ терпѣть бѣдность; третья — что на тридцатомъ году она сильно заболѣетъ, но черезъ четыре мѣсяца выздоровѣетъ; наконецъ четвертая сказала, что она выйдетъ замужъ за этого самаго путешественника, которому тогда уже было тридцать лѣтъ отъ роду. Услышавъ такое предсказаніе, онъ подумалъ съ горечью: «я и такъ оставался неженатымъ до тридцати лѣтъ; неужели еще буду ждать, пока выростетъ эта дѣвочка?» Въ досадѣ схватилъ ребенка, выбросилъ вонъ и потихоньку удалился изъ дому. Поутру нашли окровавленную дѣвочку у забора; жизнь ея была спасена, но остался небольшой знакъ на спинѣ. Прошло двадцать лѣтъ; тотъ-же путешественникъ, проживая въ другомъ городѣ, пріискалъ себѣ невѣсту, сосватался и повѣнчался; замѣтивъ у жены знакъ на спинѣ, онъ расспросилъ ее — и узналъ, что судьбы своей не минуешь [1]). Нѣкоторыя женщины въ Болгаріи и Македоніи увѣряютъ, что онѣ, послѣ родовъ, видѣли урисницъ при своей постели и что одна изъ нихъ мѣряла нить, а другая отрѣзывала ее [2]), т. е. первая отмѣривала нить человѣческой жизни, назначала ея продолженіе (=долготу земнаго существованія), а вторая пересѣкала ее=опредѣляла минуту смерти. Англосаксонское имя богини судьбы было Mëten (mettena= die abmessende), т. е. измѣряющая; тонкія нити паутины, развѣвающіяся осенью (въ Бабье лѣто)по заборамъ и кустамъ, признаются за работу искусно-прядущихъ эльфовъ и дѣвъ

[1]) Ж. М. Н. П. 1846, XII, 210—1. — [2]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезн., 108.

судьбы и въ нижней Саксоніи называются metten, metjen, sommermetjes, mettkensommer; въ Дитмархѣ говорятъ про нихъ: «de Metten hebt spunnen». Если такая паутина повиснетъ на чьемъ-либо платьѣ — это принимается за предвѣстіе счастія [1]).

Славянскимъ рожаницамъ соотвѣтствуютъ греческія мойры, римскія парки, романскія феи и германскія норны. Такъ какъ главная, существенная обязанность дѣвъ судьбы состояла въ опредѣленіи начала и конца человѣческой жизни, т. е. рожденія и смерти; то отсюда и самыя названія, приданныя имъ, указываютъ на одинъ изъ этихъ пунктовъ, ограничивающихъ земное существованіе человѣка. У славянъ, какъ мы видѣли, осиливаетъ мысль о началѣ жизненнаго поприща. Напротивъ греч. μοῖρα образовалось изъ μόρια, отъ корня mor, mar, снскр. mṛ — умирать, и значитъ: умерщвляющая, убивающая; сходно съ этимъ, и римлянинъ первоначально называлъ свою парку morta. Такое значеніе слова μοῖρα было позабыто уже въ глубокой древности, и изъ понятія могучей смерти возникло общее представленіе судьбы — точно также, какъ μόρος (mors, моръ — не только смерть вообще, но и соединенная съ насиліемъ) у Гомера употребляется въ смыслѣ «жребія жизни», предназначеннаго человѣку со дня рожденія; почему и понадобилось дополнять означенныя рѣченія приставкою слова θάνατος: «θάνατος καὶ μοῖρα κραταιή», «θάνατος τε μόρος τε». Въ поэтическихъ сказаніяхъ мойра является, какъ олицетвореніе

---

[1]) Germ. Mythen, 638—640. Въ нашихъ заговорахъ упоминаются какія-то загадочныя жены — метницы: „сохрани мене, Господи, отъ вѣдуновъ и полувѣдуновъ, отъ тридевять колдуновъ и полуколдуновъ, отъ еретиковъ и полуеретиковъ, отъ метницъ и полуметницъ“ — Этн. Сб., VI, библіогр. указ., 5. Въ арханг. губ. метище — сѣтчатый рыболовный снарядъ (Обл. Сл, 113); серб. метница = пређа, das garn, netz (Срп. рјечник, 355).

губительной смерти: она участвуетъ въ битвахъ, нападаетъ на человѣка, душитъ и убиваетъ его, схватываетъ его руками, повергаетъ наземь, опутываетъ крѣпкими узами [1]) и застилаетъ ему очи безъисходнымъ мракомъ. Такимъ образомъ смерть принималась за непреложный законъ природы, за требованіе неумолимаго рока, и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — за жребій, выпавшій по волѣ враждебной богини. Древнѣйшее народное вѣрованіе знало многихъ прядущихъ (κατακλῶθες) и разящихъ смертію (μοῖραι) женъ судьбы; наряду съ мойрами выступали и убійственныя керы; и тѣхъ, и другихъ, по свидѣтельству Гезіода, породила черная Ночь. Число мойръ у него ограничено тремя: первая Κλωθώ (die spinnerin) прядетъ жизненную нить, вторая Λάχεσις (lossung) бросаетъ жребій, рѣшающій направленіе и исходъ грядущихъ событій, а третья Ἄτροπος (die unabwendbare), старѣйшая и ничѣмъ неотвратимая, перерѣзываетъ выпряденную нить и прекращаетъ біеніе жизни; она выражаетъ собою неизбѣжный конецъ, ожидающій каждаго человѣка, завѣдываетъ его смертнымъ часомъ, и потому Ἄτροπος есть мойра по преимуществу, въ первоначальномъ значеніи этого слова [2]). По указанію Платона (de republ.), три мойры—дочери Судьбы (Ἀνάγκη); онѣ возсѣдаютъ въ бѣлыхъ одеждахъ и вѣнцахъ, и подъ жужжаніе вертящагося веретена поютъ свои предвѣщанія [3]). Всякая— и счастливая, и печальная участь человѣка опредѣляется ими при самомъ его рожденіи, и все, что ни случается съ смертнымъ, уже напередъ вплетено въ

---

[1]) Индѣйцы давали богу усопшихъ (Ямѣ) веревки и путы, которыми онъ и его послы связывали людей; тѣже аттрибуты приписываетъ Смерти и древне-нѣмецкій поэтъ—Germ. Mythen, 580; сравни выше стр. 44. — [2]) Germ. Mythen, 579—583; Griech. Myth. Преллера, I, 414. — [3]) D. Myth., 386.

его жизненную нить пряхою Κλωθώ [1]). Тѣже вѣрованія у римлянъ прилагались къ паркамъ; parca заключаетъ въ себѣ понятіе пряхи (=вилы) — отъ санскр. parǵ (смѣшивать, связывать; гр. πλέκω, лат. plecto, слав. плету [2]). У новыхъ грековъ Mîra, Tichî и Risiko (ἡ Μοῖρα, ἡ Τύχη, τὸ Ῥοιζικό) признаются за существа, тождественныя тремъ паркамъ: а въ албанскихъ сказкахъ миры являются вѣщими старухами, опредѣляющими человѣческую судьбу [3]).

Съ той поры, какъ на историческую сцену выступили романскія народности, названіе parca было позабыто и въ замѣну его создалось новое: отъ существительнаго средняго рода fatum (судьба, рокъ) образовались итал. fata, испан. hada, прованс. fada, фран. fée (подобно тому, какъ née отъ nata). Какъ рано употребительно было такое названіе въ Италіи, указываютъ Авзоній и Прокопій (de bello goth.). Эти миѳическія жены — феи бо́льшею частію представлялись въ тройственномъ числѣ; но встрѣчается также и число семь или тринадцать. Tre fate, странствуя по свѣту, являются къ родильницѣ, предсказываютъ судьбу новорожденнаго младенца, прилагаютъ его къ своей груди и оказываютъ ему нѣжную заботливость, какъ попечительныя матери (matres, matronae), почему французы называютъ ихъ повивальны-

---

[1]) Иліада, XX, 127—8; XXIV, 209—210; Одис., VII, 197—8; XIX, 145—6. По приказу Аполлона, мойры должны были присутствовать при рожденіи Эвадне; а при рожденіи Геракла, посланныя ревнивою Герою, онѣ продолжили мученія матери его—Алкмены. — [2]) Курціусъ: Grundzüge der griech. etymologie, 134—5. Г. Срезневскій сближаетъ лат. parca съ словами pario (рождаю) и pars (часть), греч. μοῖρα съ μέρος, а слав. чѧсть производитъ отъ корня чѧ= чьн=кън, отъ котораго образовались и глаголъ чѧти (за-чѧти), и существит. чѧдь, чѧдо—Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 113—4. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, парка означаетъ тоже, что́ и рожаница; но какъ ни соблазнительно такое производство, принять его нѣтъ достаточныхъ основаній. — [3]) Germ. Mythen, 582.

ми бабками—obstetrices, ventrières; двѣ фаты напутствуютъ ребенка въ жизнь добрыми пожеланіями, а третья даетъ зловѣщее предсказаніе. Есть такой разсказъ: было въ одной странѣ семь фей; шесть изъ нихъ были приглашены въ кумы и на родильномъ пиру посажены на почетныя мѣста за столомъ; о седьмой-же забыли, но она явилась и непрошенная, и между тѣмъ, какъ приглашенныя феи одаряли ребенка различными благами, эта послѣдняя изрекла ему проклятіе [1]). Феи живутъ въ ущеліяхъ скалъ и въ лѣсахъ, возлѣ озеръ и источниковъ; въ славномъ лѣсу у ключа de Berenton народное воображеніе видѣло dames faées, облеченныхъ въ бѣлыя одежды: онѣ надѣляли дѣтей дарами счастія, и только одна изъ нихъ, недобрая и завистливая, дарила бѣдствіями. Эти скалы, лѣса и источники первоначально усматривались на́ небѣ — въ темныхъ грядахъ дождевыхъ облаковъ. О паркахъ также думали, что онѣ обитаютъ въ горахъ. Когда наступаетъ жатва, феи показываются на деревенскихъ празднествахъ и награждаютъ прилежныхъ пряхъ. Ихъ нерѣдко представляютъ съ «рогомъ изобилія» въ рукахъ, что̀ намекаетъ на ниспосланіе ими земнаго плодородія. По французскимъ сказаніямъ, онѣ, подобно нѣмецкимъ великанкамъ, носятъ на головѣ или въ передникѣ огромные куски скалъ, а свободною рукою въ тоже самое время кружатъ веретено; въ крестьянскія избы онѣ являются черезъ дымовыя трубы — путь, которымъ пользуются и наши вѣдьмы [2]).

---

[1]) Феи явились въ ночь рожденія Огера Датскаго и каждая дала ему особенный даръ; онѣ же присутствовали при рожденіи Оберона и надѣлили его всевозможными жизненными благами, кромѣ одной, которую позабыли пригласить и которая, въ отмщеніе за свою обиду, осудила его на ростъ карлика — Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Срезнев., 118. — [2]) D. Myth., 382—8, 401—3, 1102.

Тождество дѣвъ судьбы съ облачными нимфами съ особенною наглядностію обнаруживается въ скандинавскихъ преданіяхъ о норнахъ. Nörn означаетъ тоже самое, что мойра, т. е. «умерщвляющая»; корень этого слова—nak (скр. naç, лат. nec-are), откуда лат. nec-s, греч. νέκυ-ς, νεκ-ρός, гот. nahv-s, скан. nâr, лит. nahwi—умереть, nahwe—смерть, слав. навити—убивать и навье. Западная отрасль арійскаго племени знала демоническую жену Naçus, которая поражала людей смертію и бросалась на ихъ трупы [1]). Эдда говоритъ о трехъ норнахъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое собственное имя: Urdhr (die gewordene [2]), Verdhandi (die werdende [3]), Skuld (die werden sollende [4]), готск. Vaírþs, Vaírþandei, Skulds, др.-в.-нѣм. Wurt, Werdandi, Scult. Имена эти означаютъ: минувшее, совершающееся и долженствующее быть, или прошлое, настоящее и будущее, и такимъ образомъ характеризуютъ намъ германскихъ паркъ въ присвоенныхъ имъ занятіяхъ: первая знаетъ все былое, вторая завѣдываетъ текущими минутами жизни, а послѣдняя опредѣляетъ грядущія событія; «sie legten loosse, bestimmten das leben der menschengeschlechter, schicksal zu ordnen» [5]). Подобныя представленія соединялись и съ мойрами: Лахезисъ вѣдала τὰ γεγονότα, Клото—τὰ ὄντα, Атропосъ—τὰ μέλλοντα; латинскіе писатели распредѣляютъ эти обязанности нѣсколько иначе: у Апулея Clotho заботится о настоящемъ, Atropos вѣдаетъ прошедшее, а Lachesis устрояетъ будущее. По имени норны Urdhr названъ колодецъ, бьющій изъ-подъ небеснаго корня міровой ясени — Urdharbrunnr; возлѣ этого источника, въ прекрасномъ залѣ, обитаютъ норны; изъ него черпаютъ онѣ воду, и окропляя вѣтви священнаго

---

[1]) Germ. Myth., 584—5. — [2]) Von verdha—werden aus dem plur. praeter. urdhum gebildet. — [3]) Fem. part. praes. von verdha. — [4]) Part. praet. von skula. — [5]) Симрокъ, 5—6.

дерева, посылаютъ ее на землю росою; вода эта все молодитъ и оживляетъ, слѣдовательно обладаетъ тѣми-же свойствами, что́ и благодатный jungbrunnen Идуны. Тутъ-же у источника Урды собираются боги творить свой праведный судъ и давать законы вселенной. Три норны суть дѣвы вѣщія, опредѣляющія каждому человѣку продолжительность и всѣ обстоятельства его жизни; обязанныя изрекать непреложные приговоры (=судицы), онѣ возсѣдаютъ на судейскихъ креслахъ. Приближаясь къ колыбели новорожденнаго, норны прорицаютъ ему судьбу и собственными руками прядутъ его жизненную нить. Когда народился герой Гельги (Helgi), ночью явились въ за́мокъ норны, свили нити его судьбы и протянули посреди неба (unter dem Mondessaal) золотой шнуръ (gullinsimi—goldseil); одна норна скрыла конецъ шнура на востокѣ, другая — на западѣ, а третья schwester des Neri) прикрѣпила нить къ сѣверу:

Westlich und östlich
die Enden bargen sie —
in der Mitte lag
des Königs Land.
Einen Faden nordwärts
warf Neris Schwester,
ewig zu halten
hiess sie diess Band.

Вся область между концами протянутаго шнура, отъ востока до запада, должна современемъ подчиниться власти героя, быть ареною его подвиговъ. У одного средневѣковаго поэта сказано:

Zwô schepfer flâhten mir ein seil,
dâ bî diu dritte saz;
diu zebrachz: daz was mîn unheil. [1])

[1]) Переводъ: двѣ творческія жены плели мнѣ веревку; тутъ-же сидѣла третья и разрывала: то было мое несчастіе.—Какъ отголосокъ старинного преданія о норнѣ, разрывающей нить жизни, до-

Эта послѣдняя, рвущая пряжу и тѣмъ самымъ творящая бѣды, соотвѣтствуетъ третьей норнѣ, что̀ бросаетъ сдерживающую привязь на сѣверъ — въ печальную страну ночи, зимы и смерти. Nôrnagestsaga разсказываетъ о вѣщихъ женахъ (völvur, nôrnir), которыя странствовали по свѣту, стучались въ дома̀ и предсказывали смертнымъ будущее. Люди приглашали ихъ въ свои жилища, угощали и чествовали дарами. Однажды явились онѣ къ отцу Норнагеста; дитя лежало въ колыбели, а возлѣ горѣло двѣ свѣчи. Первыя двѣ вѣщуньи благословили ребенка счастіемъ; но третья, младшая норна была раздражена: ей досталось сѣдалище такое тѣсное, что она упала съ него, и подымаясь — она воскликнула: «ich schaffe, dass das kind nicht länger leben soll, als die neben ihm angezündete kerze brennt!» [1]) Въ туже минуту старшая völva схватила свѣчу, погасила и отдала матери, совѣтуя не прежде зажечь ее, какъ въ послѣдній, предсмертный часъ ея сына, который потому и получилъ имя Норнагестъ (Nôrnagestr, Nôrnengast). Онъ прожилъ до глубокой старости, и когда наскучила ему жизнь — зажегъ роковую свѣчу и предался смерти. Эта любопытная сага указываетъ на тождественное значеніе словъ: völva и norn; изъ нея очевидно, что норны опредѣляли новорожденному его грядущую судьбу, что онѣ создавали (sie schaffen) его счастіе и несчастіе: выраженіе, свидѣтельствующее за ихъ божественную, творческую силу (срав. ниже сагу о Старкадрѣ). Съ Норнагест-сагою родствено греческое сказаніе о Мелеагрѣ; при его рожденіи предвѣщали три мойры, и Атропосъ назначила ему жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ положенное

селѣ существуетъ примѣта, что встрѣча съ пряхою предвѣщаетъ неудачу — D. Myth., 1078. — [1]) Переводъ: «я творю (=присуждаю), что дитя должно жить до тѣхъ поръ, пока не сгоритъ зажженная при немъ свѣча».

на очагъ полѣно; встревоженная такимъ предсказанiемъ, мать ребенка — Алтея тотчасъ-же выхватила полѣно изъ пламени, погасила его и спрятала (см. выше стр. 204). Дѣвы судьбы, какъ мы знаемъ, возжигали въ новорожденномъ пламя жизни и гасили его при кончинѣ человѣка; фантазiя воспользовалась этимъ миѳическимъ представленiемъ и заставила ихъ опредѣлять долготу жизни по времени горѣнiя свѣчи или обрубка дерева. Сверхъ того, обязанность зажигать и тушить огонь жизни народныя сказки возлагаютъ и на богиню Смерть ради тѣсной связи ея съ третьею паркою, разрывающею жизненную нить (стр. 203). Саксонъ-грамматикъ называетъ норнъ сестрами и для обозначенiя ихъ употребляетъ слова: parca и nympha. Изъ трехъ сестеръ двѣ первыя благосклонны къ ребенку, а третья, младшая — Skuld враждебна; она-то и назначаетъ срокъ жизни и опредѣляетъ, какою именно смертiю долженъ погибнуть человѣкъ. Эдда говоритъ, что между норнами есть добрыя и злыя, и хотя по имени называетъ только трехъ; но допускаетъ и бо̀льшее число; добрыя норны происходятъ отъ боговъ (асовъ) и свѣтлыхъ эльфовъ, злыя — отъ мрачныхъ, подземныхъ карликовъ (цверговъ); первыя созидаютъ людское счастiе, а послѣднiя стараются имъ противодѣйствовать и посылаютъ горести и страданiя [1]). Преданiе о вѣщихъ женахъ, странствующихъ по землѣ и надѣляющихъ человѣка, при самомъ его рожденiи, благами и бѣдствiями, было сильно распространено въ средние вѣка и донынѣ повторяется въ народныхъ сказкахъ и сагахъ. Такъ сказка про царевну «Dornröschen» (II, 423) упоминаетъ о тринадцати вѣщихъ женахъ (weise frauen); изъ нихъ двѣнадцать одарили дѣвочку красотою, богатствомъ и всевозможными добродѣте-

[1]) D. Myth., 377—381, 385—7; Beiträge zur D. Myth., II, 167, 183, 195—6; Germ. Mythen, 542—4, 554—6, 568—9, 674; Симрокъ: Эдда, 128. Вѣщiя жены völvur произошли отъ великановъ.

лями, а тринадцатая, которую не хотѣли пригласить на родильное пиршество, явилась незванная и изрекла ей проклятіе: въ пятнадцать лѣтъ, сказала она, царевна уколется веретеномъ и падетъ мертвая!» Предсказаніе сбылось вполнѣ. Въ роковой день царевна взошла на старую башню, гдѣ сидѣла старуха и пряла кудель; дотронулась до веретена, уколола палецъ и тòтчасъ-же погрузилась въ долголѣтній, непробудный сонъ. Выше приведены подобныя-же сказанія о феяхъ и вилахъ. Какъ вила ударомъ волшебнаго прута окаменяетъ красавицу, такъ вѣщая жена посылаетъ на нее смертельный сонъ уколомъ веретена. Въ Баваріи разсказываютъ о трехъ представительницахъ судьбы, называемыхъ heilrätinnen (т. е. присуждающія людямъ счастіе). Двѣ изъ нихъ—добрыя: одна—бѣла что снѣгъ, а другая (сходно съ литовскою лаумой) носитъ бѣлую и красную одежды; третья же—злая и даннымъ ей именемъ (Held) роднится съ Геллою; какъ эта послѣдняя, она представляется или совершенно-черною, или на половину-бѣлою, на половину-черною; изъ страшнаго, сумрачнаго лица ея блистаютъ два огненныхъ глаза. Добрыя сестры прядутъ спасительную пряжу и приготовляютъ холстъ, который подстилаютъ родильницамъ для скорѣйшаго и благополучнаго разрѣшенія отъ бремени. Такимъ образомъ онѣ сходятся съ миѳическими помощницами при родахъ— греческими εἰλείθυια'ми и съ богинею Гольдою или Бертою, которая въ бѣлоснѣжной одеждѣ приходитъ въ домà, качаетъ и баюкаетъ дѣтей, если спятъ ихъ мамки, и о которой (по справедливому замѣчанію Я. Гримма) трудно сказать, что въ ней перевѣшиваетъ: характеръ ли богини, или вѣщей жены. Злая сестра Held плететъ веревку, которою связываетъ смертныхъ и увлекаетъ къ себѣ = на тотъ свѣтъ. Чтобы унять шаловливыхъ дѣтей, имъ говорятъ: «будьте смирны; не то придетъ злая (die böse) и

свяжетъ васъ веревкою!» Въ другихъ мѣстностяхъ уцѣлѣли разсказы о трехъ таинственныхъ дѣвахъ, вѣщія пѣсни которыхъ раздаются при родинахъ (крещеніи), свадьбѣ [1]) и похоронахъ; пѣсня двухъ первыхъ сулитъ новорожденному и новобрачнымъ счастіе, третья же поетъ о житейскихъ невзгодахъ и смерти. У каждой изъ нихъ имѣется съ боку прялка со льномъ, а въ рукахъ веретено. Онѣ прядутъ веревку (seil), протягивая ее съ одной горы на другую, и разбрасываютъ по воздуху прекрасныя ткани, которыя, вися въ поднебесьи, предвѣщаютъ хорошую погоду [2]). Въ этомъ повѣрьи съ особенною наглядностію выдается ихъ близкая связь съ облачными и водяными (дожденосными) нимфами. О никсахъ разсказываютъ, что онѣ, выходя изъ водъ, являются къ родильницамъ, помогаютъ ихъ разрѣшенію, предвѣщаютъ будущее, прядутъ ленъ и въ ясные дни просушиваютъ свое бѣлье; въ народныхъ сагахъ нѣкій духъ или святой угодникъ бросаетъ на воздухъ одежды и полотна и оставляетъ ихъ висѣть на солнечныхъ лучахъ. Эти бѣлыя ткани, висящія въ воздухѣ и обѣщающія вёдро, суть поэтическое представленіе облаковъ, озаренныхъ лѣтнимъ солнцемъ. Небесныя дѣвы ткутъ ихъ изъ паровъ и тумановъ, вышиваютъ золотомъ (=разцвѣчиваютъ солнечными лучами) и моютъ въ дождевыхъ потокахъ. Въ южной Германіи существуетъ поговорка: «so wollte ich ja lieber mit den hexen auf dem Schwarzwald nebel spinnen». По лужиц-

---

[1]) Нѣмецкая сказка говоритъ о трехъ старыхъ пряхахъ, которыя помогаютъ дѣвушкѣ прясть и требуютъ за то позвать ихъ на свою свадьбу; по литовскому преданію, это были лаумы, по итальянскому—феи (Ск. Грим., 14; Норвеж. ск., I, 13; Шлейхеръ, 12; Germ. Mythen, 671—2). Мойры также присутствовали при свадьбахъ, и невѣсты чествовали ихъ жертвенными приношеніями — Germ. Myth., 583. — [2]) „Jetzt wird es schönes wetter, die frauen haben ihre wäsche aufgehängt“ говорятъ поселяне.

кому повѣрью, если wódna žona разстилаетъ по берегу свое бѣлье, то должно ожидать дождливой погоды (см. гл. XXVI). По указанію дѣтскихъ причитаній, одна изъ трехъ дѣвъ судьбы отпираетъ небо — да воззритъ оттуда свѣтлое солнце или сама Пречистая Марія (=Фрея или Гольда); она прядетъ чистое золото, шьетъ красную одежду для Господа Бога и выводитъ дневное свѣтило, т. е. ей приписывается творческая дѣятельность богини Зори, отворяющей на востокѣ райскія врата, устилающей путь восходящему солнцу розовою, золотистою пеленою и дарующей міру ясные дни=благодатное, плодородящее лѣто. Heilrätinnen чествуются въ Баваріи, какъ подательницы урожаевъ, и во время жатвы имъ оставляютъ въ даръ три хлѣбныхъ колоса. Съ бѣлыми лѣтними облаками издревле соединялись идеи плодородія, зачатія и брака (I, 237); наоборотъ—съ черными тучами, несущими опустошительныя бури, связывались представленія о злыхъ демонахъ ночи и смерти (см. гл. XXII). Въ силу этихъ воззрѣній облачныя дѣвы стали завѣдывать рожденіемъ, бракосочетаніемъ и кончиною человѣка, что все вмѣстѣ и опредѣлило понятіе о могучей судьбѣ, властвующей надъ смертными въ предѣлахъ ихъ земнаго существованія — отъ колыбели и до могилы. Согласно съ трояким и обязанностями, возложенными на облачныхъ дѣвъ, изъ толпы ихъ выдѣлились три богини судьбы, изъ которыхъ на долю каждой выпалъ особый трудъ. Изъ нихъ двѣ — представительницы бѣлоснѣжныхъ облаковъ: одна распоряжалась родами, другая — брачными союзами; а третья — дѣва черной, молніеносной тучи разила смертію. Впослѣдствіи, съ забвеніемъ стихійныхъ, натуралистическихъ основъ, на которыхъ возникло означенное вѣрованіе, цвѣта эти приняты были за символы нравственныхъ понятій: бѣлый цвѣтъ сдѣлался знаменіемъ благихъ, дружелюбныхъ чувствъ, одушевляющихъ

богиню счастія, а черный—знаменіемъ злобы и коварства богини Смерти. Почти у всѣхъ индоевропейскихъ племенъ преданія говорятъ о трехъ дѣвахъ судьбы; число это одинаково прилагается къ мойрамъ, паркамъ, феямъ, норнамъ и роженицамъ Рожденіе, свадьба и смерть, колыбель, брачное ложе и смертный одръ или могила наводили мысль на соотвѣтственныя имъ понятія дѣтства, юности и старости = утра, полдня и вечера или заката человѣческой жизни. Когда человѣкъ мужалъ и задумывался о могуществѣ всесильнаго рока, его рожденіе и первые годы дѣтства были уже прошлымъ, а смерть ожидала его въ будущемъ, и потому съ тремя дѣвами судьбы онъ необходимо сочеталъ представленіе о трехсоставномъ времени: одна изъ нихъ должна была вѣдать прошедшее, другая — настоящее, третья — будущее (вчера, сегодня и завтра). Богиня прошлаго Wurt признавалась старѣйшею изъ норнъ; она возрастаетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, и стоитъ передъ нами съ открытымъ и яснымъ лицемъ: это богатая опытомъ, кроткая и добродушная старушка, которая являлась у колыбели младенца и привѣтствовала улыбкою его первое утро. Другая Verdhandi (настоящее) также дружелюбна и откровенна, какъ и сестра ея Wurt; вмѣстѣ съ человѣкомъ она радуется его счастію, печалится о его горѣ, и вмѣстѣ съ нимъ борется противъ житейскихъ бѣдъ; ей принадлежитъ текущій мигъ и сфера ея дѣятельности единымъ волоскомъ отдѣляется отъ того, что́ подвластно прошедшему и будущему. Наконецъ Sculd—юная, но обманчивая и враждебная норна: это — темное будущее; никто не вѣдаетъ, чего она хочетъ и что таитъ подъ своимъ непроницаемымъ покровомъ. Минувшее и настоящее человѣка могутъ быть счастливы, какъ внезапно является она, разбиваетъ всѣ надежды и отнимаетъ самую жизнь. Ежедневно выѣзжаетъ она на поля бит-

вы «todeswahl zu halten». Есть, впрочемъ, указанія, что и другія сестры (согласно съ коренным значеніемъ слова «норна») обладаютъ тою-же роковою, влекущею въ загробный міръ силою. Всѣ три нисходятъ онѣ на землю, чтобы возбуждать распри и убійства; всѣ три стоятъ въ несомнѣнной связи съ темною ночью. Такъ въ ночное время приступили онѣ къ колыбели Гельги и протянули его жизненныя нити по небу. озаренному мѣсяцемъ (mondessaal); въ Sturlüngasaga норна Urdhr прилетаетъ черною птицею — туда, гдѣ луна свѣтитъ на поле усопшихъ. Преданія славянскія говорятъ о трехъ кугахъ и холерахъ, а новогреческія — о трехъ моровыхъ дѣвахъ, изъ которыхъ одна, подобно паркѣ, держитъ въ рукахъ ножницы, а другая—свитокъ съ именами тѣхъ, кому назначено умереть (см. выше стр. 114). Какъ небесныя пряхи, дѣвы судьбы, исполняя свои обязанности въ отношеніи къ тремъ главнѣйшимъ пунктамъ человѣческой жизни, прядутъ тѣ невидимыя нити (связи), какими повивается младенецъ и скрѣпляется брачный союзъ юноши, и ту страшную веревку, какою удушается человѣкъ въ минуту смерти. Дѣтская пѣсня гласитъ:

Sonne, Sonne, schein!
Fahr über den Rhein,
Fahr über goldene Haus,
Da schauen drei alte Jungfrauen heraus.
Eine spinnt Seiden,
Die andre wickelt Weiden,
Die dritte geht an's Brünnchen,
Findet ein goldenes Kindchen. [1])

Золотое дитя, пребывающее въ колодцѣ, есть пламенная, чистая младенческая душа; дѣвы судьбы изъемлютъ ее изъ облачнаго источника Гольды и выпряденной нитью связываютъ

---

[1]) Или: Die dritte spinnt das klare gold, die vierte ist meinem bühlein hold.

съ тѣломъ новорожденнаго; когда враждебная парка перерѣзываетъ эту нить своими ножницами — душа отторгается отъ тѣла и человѣкъ умираетъ. Нѣмецкія преданія упоминаютъ о золотой связи, изготовляемой въ блаженномъ царствѣ Engelland'а, которою обвивается младенецъ. Чрезъ посредство этой связи опредѣляются и душевныя свойства человѣка и его счастіе. Отсюда возникъ обрядъ — при повиваньи ребенка, завязывать ему въ пеленки хлѣбъ-соль, сыръ и деньги = эмблемы довольства и богатства. Въ разныхъ областяхъ Германіи подарокъ, даваемый крестнику, называется eingebinde, einbund, gebindnis, strick, strecke, einstrickete (отъ einstricken—mit dem seil festbinden). Вѣроятно, въ старину подарокъ этотъ привязывался къ тѣлу новорожденнаго нитью или тесемкою. Донынѣ соблюдается обычай привязывать имяниннику приносимые ему подарки. Дары въ дни рожденія, имянинъ, при крещеніи и свадьбахъ называются angebinde, die helseta или wörgeta (отъ helsen, würgen — ein band um den hals drehen). Тоже обыкновеніе соблюдалось и славянами. Народная легенда разсказываетъ, что Христосъ и св. Петръ, приглашенные бѣднымъ крестьяниномъ въ кумовья, совѣщались между собою: «co mu (ребенку) budou vázat». У чеховъ употребительны выраженія: «dítěti při křtu [1]) zavázati», «kmotři [2]) dávaji na povijan», а самый подарокъ называется závinek. Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы dreht, flicht или wickelt weiden. Weide (wide, отъ гот. viþan—fesseln, откуда и сканд. vidja—оковы, vadr—веревка) означаетъ: изъ древесной коры или гибкихъ вѣтвей свитую веревку, которая употреблялась при казни чрезъ повѣшеніе. Въ глубокой древности, въ замѣну пеньковой веревки, плели лыки и крутили свѣжія поросли ивы и дуба. По этому выраженіе «dreht weiden» должно перевести: вьетъ оковы,

[1]) При крещеніи. — [2]) Кумовья.

крутитъ удушающую веревку (todesstrick). Въ поэтическихъ сказаніяхъ славянъ и нѣмцевъ Смерть, нападая на человѣка, опутываетъ его веревками, связываетъ по рукамъ и по ногамъ, душитъ и увлекаетъ въ загробное царство (см. выше стр. 44). Сверхъ всего этого, такъ какъ веревка изстари служила для измѣренія пространства и опредѣленія границъ, то и въ рукахъ норнъ она принималась за орудіе, которымъ эти вѣщія дѣвы обозначали кругъ будущаго владычества и подвиговъ новорожденнаго дитяти (стр. 350); переступить за черту, проведенную норнами, не дано ни единому смертному.

Предки наши смотрѣли на тѣло, какъ на временную одежду, въ которую облекается безсмертная душа: на сканд. тѣло — lîk-amr (lîk-hamr), др.-в.-нѣм. lîh-hamo, англос. lîc-hama, flaesc-hama = körperhemd, fleischgewand; скан. fjadhr-hamr, англос. fedher-homa (пернатая сорочка) = vögelkörper, сканд. ûlfs-hamr (волчья одежда) = wolfskörper (сравни выше стр. 196). Эта тѣлесная оболочка созидалась божественною силою; въ качествѣ небесныхъ пряхъ и ткачихъ, дѣвы судьбы изготовляли ее своими искусными руками и одѣвали въ нее душу, предназначенную для земной жизни. По литовскому преданію, какъ только нарождался младенецъ, онѣ тотчасъ-же начинали ткать его жизненную сорочку и продолжали работу до тѣхъ поръ, пока злая, неумолимая сестра ихъ, опредѣляющая смертный часъ, не перерѣзывала ткани острыми ножницами; всякой вредъ, всякая порча, наносимыя этой ткани, ощущались человѣкомъ на своемъ собственномъ тѣлѣ, причиняли ему болѣзни и страданія (см. выше стр. 330). Чтобы избавиться отъ недуга, больной долженъ идти къ колодцу и омочить въ немъ свою сорочку, т. е. по основному смыслу повѣрья: поврежденная жизненная ткань возстановляется не иначе, какъ живою водою того райскаго источника, у котораго обитали вѣщія ткачихи. Это — цѣлеб-

ный источникъ Урды (jungbrunnen); норна настоящаго пряла нити, норна прошедшаго (Urdhr) ткала изъ нихъ холстъ и заботливо охраняла его отъ злой Sculd'ы. Преданіе о ткани, приносимой дѣвами судьбы къ родильницѣ, намекаетъ именно на ту тѣлесную одежду, въ какой является душа въ сей тлѣнный міръ. Народныя легенды говорятъ о чудесной сорочкѣ, выростающей вмѣстѣ съ ребенкомъ, которому она принадлежитъ; такую сорочку соткала св. Марія маленькому Іисусу. Смерть срываетъ этотъ покровъ съ утомленной житейскими страданіями души, и освобожденная она возвращается въ свое небесное отечество [1]). Подъ вліяніемъ означенныхъ воззрѣній, создалось вѣрованіе въ счастливую сорочку (schicksalshemd), возлагаемую на младенца при самомъ его рожденіи. Когда метафора эта, служившая первоначально для обозначенія тѣла человѣческаго, затемнилась въ народномъ сознаніи,—за такую сорочку приняли тотъ пузырь или плеву, въ которой является дитя изъ материнской утробы. Дѣти, рожденныя обвитыми плевою, признаются счастливцами; по русскому выраженію, они родились въ сорочкѣ, серб.— у кошуљице, чеш.—v košilce, пол.—w czepku. Сорочку эту свертываютъ въ маленькой узелокъ, привѣшиваютъ къ тесемкѣ и вмѣстѣ съ шейнымъ крестомъ возлагаютъ на младенца, вѣря, что такимъ образомъ счастіе останется привязаннымъ къ нему навсегда; нерѣдко зашиваютъ ее въ шапку или рубаху и носятъ при себѣ ради здравія и благополучія; случается, что крестьяне, отправляясь въ дальній путь, выпрашиваютъ на время такую привѣску у своихъ пріятелей и берутъ съ собою, чтобы удалось задуманное предпріятіе [2]). Въ Германіи

---

[1]) D. Myth., 257, 1128; Germ. Mythen, 524—538, 555, 576—700; Die Götterwelt, 322—3; Beiträge zur D. Myth., II, 168, 184—194, 199—200, 286—7; Volkslieder der Wenden, II, 267. — [2]) Абев., 295; Записки Авдѣев., 138; Громаннъ, 106; Стоглавъ возстаетъ

родильная плева называется glückshaube, wehmutterhäublein [1]); ее тщательно сберегають и привѣшивають къ ребенку, какъ спасительную наузу. Здѣсь думають, что родившійся въ сорочкѣ имѣетъ способность видѣть духовъ, привидѣнія и вѣдьмъ [2]). Черногорцы убѣждены, что въ немъ обитаетъ вѣдогонь, а сербы даютъ ему эпитетъ видовит: по ихъ разсказамъ, онъ ходитъ съ вилами и знаетъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе люди [3]). Въ Исландіи повивальная бабка закапываетъ «сорочку» подъ порогомъ (мѣсто, гдѣ пребываютъ домовые эльфы), и общее повѣрье утверждаетъ, что съ нею невидимыми узами связаны душа ребенка и его добрый геній-хранитель. Если выбросить или сжечь счастливую сорочку, то охранительный духъ тòтчасъ-же удаляется отъ ребенка. Духъ этотъ называется fylgia, какъ незримо-слѣдующій за человѣкомъ въ теченіи всей его жизни («weil er dem menschen folgt») и hamîngia (felicitas; швед. hamn — genius [4]). Только смерть разрываетъ связь между человѣкомъ и его таинственнымъ покровителемъ. Fylgia вѣдаетъ прошедшее и будущее, и нерѣдко принимаетъ образъ того животнаго, нравъ котораго наиболѣе подходитъ къ нраву его кліента; иногда, подобно валькиріи, онъ является въ видѣ прекрасной женщины и принимаетъ участіе въ битвахъ. Передъ самою кончиною человѣкъ видитъ, какъ погибаетъ его духъ-покровитель. Gîsli Sûrssonr имѣлъ два фильгія: добраго, призывающаго къ мирной жизни, и злаго, побуждающаго къ распрямъ и крово-

---

противъ обычая приносить такія сорочки въ храмъ и оставлять ихъ въ теченіи шести недѣль на престолѣ. — [1]) Въ Голландіи говорятъ: «met den helm geboren zin.» — [2]) D Myth., 362, 828, 1061. — [3]) Путеш. въ Черногорію, 220; Срп рjечник, 60. — [4]) Genius (одного корня съ gens, geno, gigno) — духъ, присутствующій при рожденіи человѣка и охраняющій его во все продолженіе жизни; слово это служило также для означенія судьбы, счастія и душевныхъ свойствъ—Römische Myth. (1858 г.), 67.

пролитію. Fylgien принадлежатъ не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ семьямъ и родамъ, и вообще весьма близко соприкасаются съ эльфами, блюстителями домашняго покоя и довольства. Очевидно, что фильгіи соединили въ себѣ представленія: во 1-хъ о душахъ-эльфахъ, являющихся въ сей міръ въ тѣлесной одеждѣ младенцевъ, и во 2-хъ о вѣщихъ геніяхъ, управляющихъ судьбою смертныхъ и устрояющихъ ихъ счастіе. Въ христіанскую эпоху эти древнѣйшія представленія перенесены на ангеловъ. По народному убѣжденію, у каждаго человѣка есть свой ангелъ добрый или злой, отъ котораго зависятъ и счастіе, и горе, встрѣчаемыя на жизненномъ пути. Выше (стр. 54-57, 207) указано, что ангелъ поражаетъ человѣка смертію, изъемлетъ изъ него душу, т. е. исполняетъ обязанность злой парки; рядомъ съ этимъ существуетъ другое повѣрье, что ангелъ приноситъ съ неба младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка. Если въ шумной бесѣдѣ вдругъ всѣ замолкнутъ—это знакъ, что мимо пролетѣлъ тихій ангелъ и гдѣ-нибудь вблизи народился младенецъ. Нѣмцы въ этомъ случаѣ замѣчаютъ: «ein engel flog durch das zimmer», а греки выражались: Ἑρμῆς ἐπεισῆλθε! Когда дитя улыбается или смѣется во снѣ, на Руси думаютъ, что на него смотритъ ангелъ, а въ Силезіи—что съ нимъ играетъ judel (gütel, gütchen) = духъ-покровитель. Укладывая спать ребенка, русскія няньки считаютъ необходимымъ разстегнуть воротъ его рубашки, чтобы ангелъ хранитель могъ свободно взирать на его чистую душу. Выраженіе: «счастливъ твой богъ!» принадлежитъ той отдаленной старинѣ, когда вѣрили, что у всякаго человѣка есть свой геній счастія [1]). Когда душа сброситъ съ себя тѣлесную ризу, дѣвы судьбы увлекаютъ ее въ воздушныя пространства, одѣваютъ въ облач-

---

[1]) D. Myth., 829—831, 1052—4, 1078; Germ. Mythen, 306—8, 572—4; Этн. Сб., VI, 140.

ны я ткани и купаютъ въ кипучихъ источникахъ дождя, дабы очищенная отъ земнаго праха—она могла вознестись въ царство блаженныхъ. Нѣмецкая сага разсказываетъ о бѣлой женѣ, которая по вечерамъ приходитъ къ прачкамъ и моетъ саваны (totenhemden), что всегда служитъ предвѣстіемъ чьей-либо смерти. Одному старостѣ случилось въ ночное время ѣхать мимо источника; заслышавъ удары вальковъ, онъ спросилъ: «кто моетъ такъ поздно?» —Это мы! раздался отвѣтъ; сегодня умеръ мельникъ, такъ мы смываемъ пыль съ его грѣшной души. —Да хорошъ ли щелокъ? «Попробуй!» сказалъ кто-то и плеснулъ водою. На другое утро староста замѣтилъ, что у коня его обожжена кожа [1]).

Облачныя дѣвы являлись мужественными воительницами, такъ какъ самая гроза, напоръ тучъ, удары молній и грохотъ грома въ поэтическихъ сказаніяхъ древности изображались битвою воздушныхъ духовъ. Изъ среды этихъ дѣвъ—вѣщія богини судебъ прерывали нить человѣческой жизни и увлекали души въ царство усопшихъ. Смерть и парки стоятъ въ тѣсномъ родствѣ; но нигдѣ такъ не очевидно владычество Смерти, нигдѣ не предстаетъ она въ такомъ грозномъ могуществѣ, какъ въ кровавой войнѣ, и нигдѣ такъ ярко не выступала идея рока, поражающаго однихъ и щадящаго другихъ, какъ въ шумѣ битвы. Древне-нѣмецкое urlac (urlouc) означаетъ не только fatum, но и bellum. Смерть, какъ мы видѣли (стр. 44-49), рисовалась воображенію нашихъ предковъ неистовымъ, кровожаднымъ и вооруженнымъ въ ратные доспѣхи воиномъ. Отсюда родилось вѣрованіе въ миѳическихъ дѣвъ, сопутствующихъ богу весеннихъ грозъ и вихрей, принимающихъ участіе въ человѣческихъ битвахъ и собирающихъ души убитыхъ героевъ. Дѣвы эти, родственныя богинямъ судьбы, въ германской миѳологіи носятъ имя валькирій. Какъ существа

---

[1]) Germ. Myth. 653.

стихійныя, облачныя, валькиріи летаютъ по воздуху надъ сушею и морями, ѣздятъ верхомъ на летучихъ коняхъ по небеснымъ пространствамъ, при чемъ кони ихъ трусятъ съ своихъ гривъ росу на лѣса и долы и даютъ землѣ плодородіе, т. е. онѣ ѣздятъ на облакахъ и тучахъ, бурный полетъ которыхъ заставилъ фантазію сравнивать ихъ съ быстроногими конями. Одной изъ валькирій присвоено имя Mist (туманъ), и «облако» называлось ея конемъ — Mistar marr (der Mist ross, буквально: туманный конь). Гдѣ несутся валькиріи, тамъ ломитъ опустошительная буря, змѣятся и ударяютъ молніи. Это—дѣвы воинственныя; скан. valr, англос. väl, др.-в.-нѣм. wal — вся масса сраженныхъ въ бою, падшихъ на полѣ чести; англос. välcyrie (välcyrge, välcyrre=valkyria, др.-в.-нѣм. walachuriâ—избирающая: кому пасть въ битвѣ [1]) въ старинныхъ переводахъ служитъ для обозначенія богини войны (Bellona) и фурій (Erinnys, Alecto, Tisiphone); сканд. valmeyjar (=valkyrjur) — schlachtmädchen и норвеж. valdöger — schutzgeist. Валькиріи изображаются прекрасными всадницами, въ шлемахъ, со щитами, копьями и мечами въ рукахъ, и потому называются skialdmeyjar, hialmmeyjar [2]); въ древнѣйшихъ пѣсняхъ имъ присвоены собственныя имена, указывающія на бранные доспѣхи: Grîmhildr (helmjungfrau), Brynhildr (die panzergekleidete), Geirdrîful (speere werfend), Geirörul (die lanzennährende), Geirskögul (die mit dem speer hervorragende), Randgrîdh (wut der schilde) и др. Валькиріи состоятъ въ распоряженіяхъ Одина, вождя неистоваго воинства и «отца побѣдъ», который въ рукахъ своихъ держитъ жребіи войны, и какъ ему давались имена Oski, Wunsc, такъ валькиріямъ присвоялось названіе ôskmeyjar=wunschmädchen, что ука-

[1]) Сканд. kiosa (нѣм. kiesen) — избирать жертву, kür (др.-в. нѣм. chur) — electio. — [2]) Schild und helm-mädchen.

зываетъ въ нихъ не только спутницъ этого бога, но и дѣвъ судьбы (см. ниже о значенiи слова «wunsch»). Сродство ихъ съ норнами свидѣтельствуется многими тождественными чертами. Какъ норны обитаютъ подъ сѣнiю мiровой ясени, у небеснаго источника Урды, гдѣ плаваютъ два лебедя, отъ которыхъ произошла извѣстная человѣку порода этихъ птицъ; такъ валькирiи живутъ въ небесномъ лѣсу Myrkvidhr, купаются въ озерахъ, носятъ лебединыя сорочки (schwanhemden) и тѣмъ самымъ сближаются съ водными женами (âpas). Какъ норна Urdhr устремляется на поле сраженiя черною птицею, такъ валькирiи перелетаютъ воздушныя области лебедями. Подобно норнамъ, онѣ предвѣщаютъ будущее, прядутъ и приготовляютъ ткани; такъ Völundarquidha упоминаетъ о трехъ валькирiяхъ, которыя, сидя на берегу моря, пряли ленъ, и одна изъ нихъ носила имя бѣлой лебеди — Svanhvît. Съ ихъ красною, кровавою тканью связывалась судьба сраженiя. По свидѣтельству саги XI-го вѣка, когда ткали валькирiи, то кишки человѣчьи замѣняли для нихъ основу и утокъ, мечь служилъ челнокомъ, а стрѣла — бёрдомъ. Какъ скоро раздастся на землѣ военный кличь, Одинъ посылаетъ своихъ бранныхъ дѣвъ, — и онѣ, сопровождаемыя орлами и вòронами, поспѣшаютъ на мѣсто битвы на своихъ облачныхъ коняхъ, смѣшиваются съ толпами сражающихся и выбираютъ (auswählen) тѣхъ, которые должны послѣдовать за ними въ валгаллу (valhöll) — въ сообщество боговъ, т. е. быть убитыми. Орлы, вòроны и волки любятъ питаться трупами, и потому считались необходимыми спутниками ратующаго Одина и смертоносныхъ дѣвъ; орлы и вòроны назывались птицами валькирiй, а волки — собаками норнъ (grauhunde der nornen). Тамъ — въ небесномъ чертогѣ валькирiи обязаны были подносить богамъ и блаженнымъ героямъ (einherien) рогъ съ медомъ (= нектаромъ); о норнѣ Urdhr

извѣстно сказаніе, что она сторожила вдохновительный Odhrörir — напитокъ, тождественный по значенію съ живою водою Urdharbrunnen'а. Во главѣ валькирій, какъ бы старшая между ними, стояла богиня Фрея, которая (подобно Одину) принимала къ себѣ души падшихъ витязей, называлась Valfreyja и на пиру асовъ исполняла обязанность кравчаго; лебедь былъ ея птицею. Въ рукахъ валькирій и военный успѣхъ, и пораженіе; онѣ приносятъ съ собою божественный приговоръ: на чью сторону должна склониться побѣда; въ нихъ самихъ замѣчается неодолимая страсть къ битвамъ. Преданія говорятъ о девяти, тринадцати и дважды-девяти валькиріяхъ (изъ нихъ девять — въ бѣломъ одѣяніи, а девять въ черномъ), которыя скачутъ на коняхъ, блистая шлемами, копьями и щитами. Особенно замѣчательна между ними Skuld — имя, связующее валькирій съ норнами, ибо такъ называлась и младшая норна; эта послѣдняя разрывала жизненную нить, и потому болѣе своихъ сестеръ соотвѣтствовала дѣвамъ, забирающимъ души убитыхъ воиновъ. Своимъ любимымъ героямъ валькиріи помогали побѣждать въ бою, и въ случаѣ опасности закрывали ихъ щитами. Туже роль, какъ мы знаемъ (стр 170-4), играютъ въ битвахъ сербскія вилы, съ которыми преданія соединяютъ всѣ разнообразныя черты, усвоенныя эльфамъ, норнамъ и валькиріямъ. Поэтическій образъ воинственной дѣвы не чуждъ былъ и народамъ античнаго міра. Я. Гриммъ проводитъ любопытную паралель между представленіями германской и греческой миѳологій: идисы (idisî) соотвѣтствуютъ нимфамъ (νύμφαι), норны—мойрамъ (μοῖραι), валькиріи — керамъ (κῆρες). Керы—страшныя спутницы убійственнаго Ареса; онѣ являются на поле сраженія въ красныхъ, омоченныхъ кровію одеждахъ, схватываютъ и увлекаютъ убитыхъ. Всякому, кто долженъ умереть насильственною смертію, уже при самомъ рожденіи назначается своя

кера, и она непремѣнно настигаетъ его въ роковую минуту. Ахиллесу опредѣлены были два рода смерти — двѣ керы, между которыми онъ долженъ былъ выбрать по собственному желанію (сравни выше, стр. 361, съ преданіемъ о двухъ фильгіяхъ добромъ и зломъ). Наиболѣе употребительный эпитетъ, даваемый керѣ, есть черная—μέλαινα [1]). У Гезіода мрачныя, бѣлозубыя керы носятся надъ толпами сражающихся, запускаютъ въ раненныхъ свои острые когти и съ жадностью высасываютъ изъ нихъ горячую кровь; равнымъ образомъ тѣже когти и туже жажду крови онъ приписываетъ и мойрамъ [2]). О южнорусскихъ мавкахъ разсказываютъ, что онѣ, захватывая молодыхъ парней, защекочиваютъ ихъ на смерть и питаются ихъ кровью [3]). Между собственными именами валькирій извѣстны еще: Hildr и Gunr (Gudhr), означающія pugna, proelium, что указываетъ на олицетвореніе понятій битвы, войны — точно также, какъ у грековъ были олицетворены Ἔρις (распря, вражда), которую Зевсъ посылалъ возбуждать усобицы между людьми, Ἐνυώ, Νίκη, у римлянъ Bellona, Victoria и у славянъ Обида, дѣва съ лебедиными крыльями (см. выше стр. 188 — 193). Итакъ облачныя жены и дѣвы, подъ вліяніемъ различныхъ миѳическихъ сближеній, принимаютъ вѣщій и воинственный характеръ, дѣлаются участницами божественнаго суда, и мало по малу, съ забвеніемъ древнѣйшихъ основъ преданія, освобождаются отъ почвы естественной религіи (религіи природы) и переходятъ въ абстрактныя представленія то трехсоставнаго времени (прошлаго, настоящаго и будущаго), то крова-

---

[1]) Иліада, IX, 411; XVI, 687; XVIII, 535—540. Маннгардтъ производитъ слово κήρ отъ krit—рѣзать, рубить. — [2]) D. Myth., 306, 388 — 398, 406, 607, 989; Germ. Mythen, 543, 557—567; Beiträge zur D. Myth., II, 203—210; Griech. Myth., I, 656. — [3]) Семеньск., 124.

вой войны и ея отдѣльныхъ эпизодовъ. Вмѣстѣ съ этимъ, при посредствѣ полнаго антропоморфизма, онѣ усвоиваютъ себѣ черты чисто-человѣческія: въ народѣ возникаютъ сказанія, по свидѣтельству которыхъ дѣвы эти рождаются отъ земныхъ матерей, вступаютъ въ связи съ прославленными героями, чувствуютъ боль отъ нанесенныхъ ранъ и падаютъ бездыханными въ пылу ожесточенной битвы. Здѣсь-то должно искать и объясненія старинной басни объ амазонкахъ [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что съ вѣрою въ Родъ и рожаницъ соединялась идея судьбы, предопредѣленія. Случайности, опутывающія человѣка, не могли не поражать его фантазіи — тѣмъ болѣе, что въ первобытномъ своемъ состояніи онъ всецѣло отдавался матери-природѣ, и все, что ни случалось съ нимъ, объяснялъ вліяніемъ добрыхъ или враждебныхъ силъ, дѣйствующихъ на него извнѣ, а не изъ собственной воли, не изъ своихъ личныхъ разсчетовъ, побужденій и ошибокъ. По его мнѣнію, жизнь со всѣми ея радостями и бѣдами уже напередъ опредѣлялась при самомъ рожденіи младенца. На такую связь Рода и рожаницъ съ судьбою указываетъ намъ и народная поговорка: «такъ ему (или мнѣ) на роду написано!» — поговорка, миѳическое значеніе которой вполнѣ подтверждается хорутанскимъ преданіемъ о книгѣ Рожденникъ, гдѣ записаны грядущія событія въ жизни каждаго человѣка [2]). По словамъ сербской сказки, при рожденіи одной дѣвочки присутствовали три предвѣщателя (замѣна рожаницъ) и «нешто у руцы као књигу држи» [3]).

---

[1]) Народный эпосъ весьма часто выводитъ богатырскихъ женъ, дѣйствующихъ мечемъ и стрѣлами и поражающихъ вражескія рати и страшныхъ змѣевъ — Н. Р. Ск., I, 14; Сказки Сахарова, 57; Кирша Дан., 95—99, 125—131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852, 81—86; 1854, 257—9; Семеньск., 36; О состояніи женщины въ Россіи, Шульгина, 67—68. — [2]) Срезневск., 8. — [3]) Србскій лѣтопис 1862, I, 152—3.

Наши простолюдины вѣрятъ, что ангелъ у всякаго на роду (т. е. въ минуту рожденія) пишетъ его судьбу [1]), а болгары говорятъ: «тжй му било написано на небе-то!» — выраженіе, тождественное по смыслу съ сейчасъ-приведенною русскою поговоркою [2]). Новогреческое повѣрье утверждаетъ, что Моровая дѣва, начиная свое губительное шествіе вычитываетъ изъ длиннаго свитка имена обреченныхъ ей въ жертву (стр. 114). Въ Нормандіи разсказываютъ, что высшій надзоръ за этой страною принадлежитъ феямъ, что онѣ каждый вечеръ сходятся вмѣстѣ и сообщаютъ собранныя ими свѣдѣнія своей царицѣ, что эта послѣдняя держитъ въ рукахъ книгу живота, въ которой обозначены имена всѣхъ жителей, и что, смотря по доставленнымъ ей свѣдѣніямъ, она ставитъ при всякомъ имени бѣлую или черную отмѣтку [3]).

У славянъ сохранилось множество пословицъ и поговорокъ, намекающихъ на стародавнее вѣрованіе въ судьбу, идея которой (какъ мы видѣли) неразрывно связывается съ рожденіемъ, бракомъ и смертію человѣка: родись ни хорошъ, ни пригожъ, родись счастливъ (бѣлор. не родзися красный, а родзися щасный; малор. не родись багатій та вродливій, а родись при доли та щасливій; не родись гарній, а родись щасливій); не накормить коня сухопарова, не надѣлить дитя безсчастное; счастливый — къ обѣду, а роковой — подъ обухъ; счастливый скачетъ, а безсчастный плачетъ; кому щастя, тому й пѣвень несецця, а коли (счастья) не ведецця, то й курка не несецця; счастливый — что калачъ въ меду (къ нему все пристаетъ, все на прибыль); кому счастье служитъ, тотъ ни о чемъ не тужитъ; таланный и въ морѣ сыщетъ; безъ счастья и по грибы въ лѣсъ не ходи; коли нѣту талану, такъ не пришить къ сарафану;

---

[1]) Рус. въ св. послов., II, 125—7. — [2]) Каравеловъ, 140. — [3]) Beiträge zur D. Myth., II, 348—9.

всѣмъ бы молодецъ, да нѣтъ талану на роду; мой таланъ пошелъ по горамъ (или по рукамъ, т. е. нѣтъ счастья); мое счастье разбѣжалось по сучкамъ, по вѣточкамъ; такова наша доля—на то знать мы и родились; таковъ нашъ рокъ (отъ реку, какъ fatum отъ fari, т. е. приговоръ судьбы [1]), что вилами въ бокъ! На кого рокъ (или Богъ — замѣна весьма знаменательная), на того и добрые люди; никто отъ своего року не уйдетъ; чему быть, того не миновать; такъ рокъ судилъ; знать такъ ужь суждено! видно такая судьба! Отъ судьбы не уйдешь; бойся-не бойся, а отъ части своей не уйдешь; злая напасть—и то часть; судьбу на поршивомъ поросенкѣ не объѣдешь; бѣду (или суженаго) и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь (малор. що написано на роду, то-й конемъ не объјидешъ); судьба придетъ — ноги сведетъ, руки назадъ свяжетъ [2]); сравни нѣм. «das ist mir bescheert», «was bescheert ist—entläuft nicht» [3]). Слово судьба (серб. усуд, суђење — «тако ти је усуд усудио!» [4]) одного корня съ глаголомъ судить, и слѣдовательно означаетъ то, что присуждено=предопредѣлено человѣку высшимъ божественнымъ судомъ. По народному русскому выраженію: «Богъ—судья!» Онъ «виноватаго сыщетъ» [5]) и «кого Богъ судить, чоловикъ не розгудить» [6]); серб. «да Бог не усуди!» [7]) «ako bilo od Boga sudjeno.» Кто избѣгаетъ опасности или наказанія, тому говорятъ: «счастливъ твой

---

[1]) Описан. слав. рукоп. моск. синодал. библіотеки, II, отдѣлъ, II, 150: «звѣзднаго ради на-рока»=ради неотразимаго вліянія звѣздъ, ради судьбы. — [2]) Пословицы и притчи Снегирева, 278, 387, 451; Послов. Даля, 27—28, 32, 42—43, 94; Полн. собр. пословицъ (СПБ., 1822), 173, 288; Собраніе 4291 древ. рус. пословицъ, 9, 128, 131, 198; Номис., 35—36, 171; Этн. Сб., I, 35; Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 58; II, 231, Абев., 305. — [3]) D. Myth., 822. — [4]) Срп. рјечник, 791. — [5]) Рус. въ св. послов., III, 5. — [6]) Номис., 171. — [7]) Срп. рјечник, 791.

Богъ!» Въ вологодской губ. уцѣлѣло сложное рѣченіе судибоги, употребляемое въ смыслѣ жалобы или клятвы [1]). Чешское преданіе о княжнѣ Любушѣ и двухъ вѣщихъ дѣвахъ (по свидѣтельству лѣтописцевъ — ея сестрахъ), которыя завѣдывали судомъ, мечемъ-карателемъ неправды и святочудною водою, обличающею людскую кривду, въ основѣ своемъ есть преданіе о трехъ дѣвахъ судьбы (судицахъ [2]). Въ старинныхъ памятникахъ слово судъ прямо употребляется въ значеніи судьбы; напримѣръ въ Словѣ о полку сказано: «ни хытру, ни горазду, ни птицѣ горазду суда божія (=судьбы или смерти) не минути»; «Бориса же Вячеславича слава на судъ (на смерть) приведе». Въ посланіи Мономаха къ Олегу Святославичу встрѣчаемъ подобное-же выраженіе: «судъ отъ Бога ему пришелъ». Здѣсь смерть разсматривается, какъ опредѣленіе Судьбы, которая въ рукахъ своихъ содержитъ все благое и гибельное и приговоровъ которой невозможно отклонить ни умомъ, ни хитростью [3]). Выше было указано, что конецъ жизни человѣческой опредѣлялся судицами. Объ умершихъ насильственною или случайною смертію говорятъ: «такъ ему на роду написано» или «рокъ головы ищетъ». Въ слѣдующей поговоркѣ слову «рокъ» придается значеніе смерти: «бойся-не бойся, а року не миновать!» По глубокому убѣжденію народа, запечатлѣнному въ его пословицахъ:

---

[1]) Послов. Даля, 45; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Буслаев., 47. — [2]) Отъ снкр. корня diç — diçâmi — indico, ostendo, лат. dico, in-dico, ju-dex, греч. δείκνυμι—zeige, δίκη—recht; снкр. dishtam (вмѣсто diktam) означаетъ судьбу, fatum — Курціусъ, 105. Я. Гриммъ слово schaaren — учреждать, распоряжать ставитъ въ связь съ scheere — ножницы, которыми вооружена парка—О поэзіи въ правѣ, въ Сынѣ Отеч. и Сѣв. Архивѣ 1831, т. XXIII, 45. Сравни выраженія: разрѣшить (развязать, разсѣчь) узелъ, разрѣшить или распутать дѣло. — [3]) Рус. Дост., III, 74, 202; П. С. Р. Л., I, 106.

«безъ року смерти не бываетъ; кому быть повѣшену, тотъ не утонетъ; кому за тыномъ окоченѣть, того до поры обухомъ не пришибешь; кому суждено опиться, тотъ обуха не боится; кому быть на висѣлицѣ, того и грозой не убьетъ; кому скоромнымъ кускомъ подавиться—хоть вѣкъ постись, комаромъ подавится! Ловитъ волкъ роковую овечку; обреченная скотинка ужь не животинка» (непремѣнно околѣетъ или достанется хищному звѣрю [1]); у сербовъ: нема смрти без суђена дана», «када мени суђен данак дође!» [2]) Дочь Соловья-разбойника, желая убить Илью Муромца, ринула на него тяжелую подворотню, да «Ильѣ то не къ суду пришло»—и онъ остался невредимъ. Въ древне-русской повѣсти о борьбѣ Живота съ Смертію эта послѣдняя говоритъ человѣку: «въ чемъ тя застану, въ томъ и сужду» [3]). Бракъ, по народному выраженію, —божій судъ [4]). Въ свадебныхъ пѣсняхъ и причитаніяхъ фраза: «идти ко суду божію» употребляется въ смыслѣ: «идти подъ вѣнецъ» [5]); согласно съ этимъ, женихъ и невѣста называются у насъ сужеными, у сербовъ — суђеник и суђеница [6]). Обращаясь къ брату невѣсты, пѣсня возглашаетъ отъ имени жениха:

Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мой даръ, мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое (т. е. невѣсту [7]).

Въ малороссійской пѣснѣ читаемъ:

Ой йде Маруся (невѣста) на посадъ,
Зострича је Господь самъ
И з' долею щасливою,
И з' доброю годиною [8]).

---

[1]) Рус. въ св. посл., II, 31, 125, 127; Пословъ. Даля, 27, 46. — [2]) Срп. рјечник, 724. — [3]) Рус. Вѣст. 1856, XIV, ст. Бусл., 316.— [4]) Доп. къ обл. сл., 316. — [5]) Рус. прост. праздн., IV, 170; Сахаров. — свадебныя пѣсни. — [6]) Срп. рјечник, 724. Въ сербскихъ пѣсняхъ встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: «da mi hoce Mico sudjen biti», «moj sudjenik», «zete nesudjeni» — Книжевникъ 1866, св. II, 249. — [7]) Сахаров., I, 137. — [8]) Метлинск., 144.

Пословицы утверждаютъ: «смерть да жена Богомъ суждена»; «судьба придетъ и руки [1]) свяжетъ», т. е. наложитъ на избранную чету супружескія узы, видимымъ, символическимъ знаменіемъ которыхъ донынѣ служитъ полотенце, связующее, по требованію обряда, руки новобрачныхъ (см. гл. XXIX). Супружескій союзъ, со всѣми его удачными и неудачными послѣдствіями, не зависитъ отъ произвола и разсчетовъ человѣка, а уже напередъ опредѣляется божественною волею: «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится», «всякая невѣста для своего жениха родится». Приговоры судьбы въ этомъ отношеніи также неотвратимы, какъ и самая смерть, предназначенная человѣку: «суженаго конемъ не объѣдешь» [2]), «сужено-ряжено не объѣдешь въ кузовѣ» [3]). Сплетеніе, связыванье брачныхъ узъ народный эпосъ приписываетъ существамъ миѳическимъ, божественнымъ. Приводимъ малорусскую сказку, записанную около Збруча и Смотрича [4]): «посилавъ панъ козака з' лыстомъ и ему выпала дорога черезъ лисъ, и винъ якъ јихавъ тымъ лисомъ, то надыбавъ святого Мыколая, що винъ вязавъ лыка—једно добре, а друге кепське. Але святый Мыколай показався ему въ постати [5]) старого дида. Дѣ той козакъ, прыјихавши близько св. Мыколая, и дывытьця на тое и повидае: що то вы, дидуню, отто робыте? А св. Мыколай видзывае ся до него: а щожъ? ты бачышъ добре, що я роблю; лыка вяжу. — Та я, дидуню, бачу, що вы лыка вяжете; ино не знаю: на що?— Ото-такъ, козаче! тіи лыка, которіи я вяжу до купы, то вони свидчать людськую долю! —А чого вы вяже-

---

[1]) Вар. по рукамъ. — [2]) Или: суженаго не обойдешь и на конѣ не объѣдешь. Названіе «суженый-ряженый» объясняется тавтологической формулой: судить-рядить. — [3]) Послов. Даля, 27, 380, 841, Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Бусл., 86. — [4]) Изъ матеріаловъ журнала „Основа". — [5]) Въ образѣ.

те jедно лыко добре, а друге кепське? — Бо такъ треба; бо и люды таки на свити: есть добріи и недобріи, то треба ихъ такъ винчаты, щобъ были злы з'добрыми, а добры зо злыми.—А то для чого?—Для того, бо якъ бы сье звинчалы сами злы, то воны бы не моглы въ свити жыты, а якъ бы сье повинчалы добры, обое робучіи, то воны-бъ з'велыкого добра забулы Бога». Тоже преданіе встрѣчаемъ въ разсказѣ о свадьбѣ богатыря Святогора. Повстрѣчавъ Микулу Селяниновича, Святогоръ спросилъ его: «ты скажи-повѣдай, какъ мнѣ узнать судьбину божію?» — А вотъ поѣзжай къ горамъ; у тѣхъ горъ подъ великимъ деревомъ стоитъ кузница, и ты войди туда и спроси кузнеца про свою судьбину. Ѣхалъ Святогоръ цѣлые три дня, доѣхалъ до кузницы и видитъ—куётъ кузнецъ два тонкихъ волоса. «Что ты куешь?» спрашиваетъ богатырь. — Кую судьбину: кому на комъ жениться. Спросилъ Святогоръ о своей невѣстѣ, и услышалъ въ отвѣтъ, что невѣста его въ поморскомъ царствѣ—тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ, тѣло у ней словно кора еловая. Не захотѣлось богатырю жениться на такой хворой и некрасивой женѣ, поѣхалъ въ поморское царство, поднялъ свой острый мечь, ударилъ дѣвицу въ грудь—и поскакалъ своею дорогою. Отъ того удара спала съ дѣвицы кора и очнулась она красавицей невиданной и неслыханной. Въ урочный часъ посватался за нее Святогоръ-богатырь и женился. Какъ легли они опочивъ держать, увидалъ Святогоръ у своей новобрачной рубецъ на груди, распросилъ, и на самомъ дѣлѣ спозналъ, что отъ судьбы не уйдешь [1]). Вѣщій кузнецъ, кующій судьбы человѣческія, есть богъ-громовникъ (см. I, 465—6); мастерская его устроена въ горахъ, т. е. грозовыхъ тучахъ. Обрядовая свадебная пѣсня призываетъ его скрѣпить союзъ моло-

[1]) Рыбник., I, 40—41; см. варіанты въ Запискахъ о южн. Руси, I, 308—9, и въ Пермск. Сб., II, 166.

дой четы: «подь на свадьбу, боженька! скуй намъ свадьбу крѣпко, твердо, долговѣчно, вѣковѣчно» [1]). Въ малорусской сказкѣ богъ-громовникъ замѣненъ уже Николаемъ-угодникомъ, и на этого святаго возлагается обязанность связывать до купы жизненныя нити (веревки, лыки) тѣхъ, которые въ свое время должны соединиться супружескою связью. Народная фантазія заставляетъ миѳическаго кузнеца сковывать во-едино два тонкихъ волоса; эти волосы — не что иное, какъ двѣ нити, выпряденныя парками для жениха и невѣсты [2]). Оба понятія: нить и волосъ отождествляются какъ въ языкѣ, такъ и въ повѣрьяхъ; поэтому и въ сказаніяхъ о судьбѣ имъ придано одинаковое значеніе. По свидѣтельству сербской приповѣдки [3]), дѣва, свѣтлая какъ самое солнце, сидя надъ озеромъ, вышивала солнечными лучами по основѣ, сдѣланной изъ юнацкихъ волосъ (т. е. по облачной ткани); сама-же она имѣла въ головѣ червленный какъ кровь волосъ, напоминающій красно-огненныя кудри громовника. Когда взяли и раздѣлили этотъ волосъ нaдвое, то нашли, что въ немъ было записано много славныхъ дѣяній, совершившихся отъ начала свѣта. Итакъ устраниться отъ своей суженой — невозможно; наоборотъ, сколько бы ни старался добрый молодецъ взять за себя дѣвицу, неназначенную ему судьбою, хлопоты его будутъ напрасны. Въ малорусской пѣснѣ сестра, убѣждая брата не жениться, говоритъ ему:

Не бери јеи, брате! та дивчина безъ доли росла,
Безъ доли росла, въ несчастью вродилася,
Она тоби, брате, дружиною не судилася [4]).

---

[1]) Торопецъ, соч. Семевскаго, 3. — [2]) Лужичане называютъ вѣдьмъ — kuzłarničje (Volkslieder der Wenden, II, 233); у чеховъ кузельникъ—колдунъ, чародѣй (Срезнев., 60); у насъ кỳзленица — кузница, кузлó—ковка (Обл. Сл., 95; Доп. обл. сл., 95) и кузнечный молотъ (тверск. губ.). — [3]) Срп. припов., 31. — [4]) Ч. О. И. и Д. 1863, IV, 298.

Несомнѣнно, что и славяне, подобно другимъ индоевропейскимъ племенамъ, признавали судьбу таинственнымъ, всемогущимъ существомъ, съ царственною надъ всѣмъ міромъ властію и съ божественнымъ характеромъ. Они называли ее Судомъ божіимъ. Самое слово богъ первоначально означало τύχη, fatum. Въ санскритѣ ему соотвѣтствуетъ bhagas (отъ bhag—дѣлить) — часть, доля, отломокъ, а потомъ счастіе и высочайшее существо, имущее въ своихъ рукахъ всякіе дары и раздѣляющее ихъ между смертными; сравни часть, участь и счастіе: «сидень сидитъ, а часть (fortuna) его растетъ»; обл. щаска означаетъ и счастіе, и участокъ; серб. честит — счастливый (съ-чѧстьнъ), обладающій частью, злочест — malus = тотъ, кому досталась злая часть, Отъ глагола дѣлить (нѣм. theilen, гот. dailjan) образовалось слово доля, означающее не только pars (отдѣлъ, но и судьбу (= то, что̀ выпало человѣку на часть, на долю, что̀ досталось ему въ у-дѣлъ; нѣм. theil, an-theil и ur-theil). По свидѣтельству пословицъ: «Богъ дасть долю и въ чистимъ поли», «лежень лежить, а Богъ для него долю держить» [1]), «счастливому таланъ отъ Бога данъ», серб. «Богъ и срећа дала». Отъ него исходятъ и всѣ блага, и всѣ лишенія, какъ это очевидно изъ производныхъ: богатый (снкр. bhagavat, сравни: deus, divus и dives), богатырь (слово, доселѣ употребляемое въ нѣкоторыхъ областяхъ въ смыслѣ богача) и у-богій (бѣдный, одержимый болѣзнею, слѣпой, калѣка), малор. не-бога (бѣднякъ, сирота, лит. nabagas), не-божчикъ (покойникъ, луж. nabogi), т. е. обдѣленный судьбою, лишенный даровъ счастія: довольства, здравія и долголѣтія; съ-божіе аналогично съ словомъ съчѧстіе: въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно означаетъ или вообще — имущество, достояніе, богатство, или въ част-

[1]) Вар. Лежухови Богъ долю дае.

ности — хлѣбъ, главное богатство земледѣльца, а верхнелуж. zbožo—счастіе [1]). «Господь, говорятъ малоруссы, николи не спить: у того щасте одбирае, а тому дае» [2]). Какъ для всѣхъ другихъ представленій язычества источникомъ служило обожаніе природы, такъ и мысль о судьбѣ въ глубочайшей древности должна была связываться съ естественными, стихійными явленіями. Отвлеченныя понятія предполагаютъ долгое развитіе; по своей безтѣлесности, отрѣшенности отъ тѣхъ самыхъ предметовъ, свойствами и признаками которыхъ опредѣлилось ихъ значеніе, понятія эти не могли быть доступны грубымъ, младенческимъ племенамъ. Ученыя изслѣдованія показали, что вѣщія дѣвы = судицы принадлежали къ существамъ облачнымъ, дожденоснымъ. Судьба слѣдовательно была не болѣе, какъ олицетвореніе всемогущихъ, то благотворныхъ, то разрушительныхъ, но всегда-неотвратимыхъ силъ природы. Слова̀, служившія для обозначенія этого понятія, были въ началѣ эпитетами или прозваніями верховнаго божества неба, бурныхъ грозъ, дождевыхъ ливней и земнаго плодородія. Въ скандинавской миѳологіи это — Одинъ, шествующій въ облакахъ и буряхъ, богъ, которому служили валькиріи и отъ воли котораго зависѣли торжество и смерть сражающихся героевъ. Его всевидящее око = солнце, вѣщіе во̀роны Huginn и Muninn, напитокъ мудрости изъ колодца Мимира суть выраженія его всевѣдѣнія; онъ знаетъ и былое, и настоящее, и будущее, онъ надѣляетъ людей высочайшими дарами духа и плоти, онъ —

---

[1]) О вліян. христ. на сл. яз., 122; Мат. сравн. слов., II, 547, 559; Дифенбахъ, II, 610; Обл. Сл., 126, 236; Номис., 25. По указанію г. Потебни часть (отъ снкр. чһид, чһинат-ти — scindere) и доля (отъ снкр. да̀л-ати—колоться) означаютъ нѣчто отрѣзанное, отколотое, кусокъ—Труды моск. археолог. общ., в. II, 154. — [2]) Кулишъ, I, 148.

владыка желаній, и потому называется Oski = Wunsch [1]), т. е. въ рукахъ его все счастіе, какого только можетъ пожелать смертный. Поэты XIII столѣтія изображали Wunsch, какъ живое, могучее и творческое существо; валькиріи назывались óskameyjar = wunschmädchen, тоже что славянскія желкинє, жельне жене; души блаженныхъ героевъ, увлекаемыя валькиріями въ жилище Одина,—óskasynir = wunschsöhne. Чудесному жезлу, съ помощію котораго Гермесъ могъ усыплять живыхъ и пробуждать мертвыхъ, соотвѣтствуютъ wünschelruthe и schlafdorn германскихъ преданій: это жезлъ, возжигающій пламя жизни въ новорожденномъ младенцѣ и погашающій его въ минуту смерти. Когда Одинъ вонзилъ въ Брунгильду schlafdorn, она тотчасъ-же впала въ непробудный сонъ; подобное-же дѣйствіе, по свидѣтельству сказки, производитъ веретено вѣщей пряхи (= норны). Наконецъ wünschhütlein и wunschmantel (= hut и mantel des Wunsches, Wuotans) напоминаютъ «счастливую сорочку», которая приготовляется дѣвами судьбы [2]). Одинъ — творецъ и владыка міровой жизни; вмѣстѣ съ своими братьями Vili (der wollende) и Vė (weiher, heiliger), онъ вывелъ изъ предвѣчнаго хаоса небо и землю, даровалъ вселенной законы и устроилъ въ ней физическій и нравственный порядокъ; онъ создалъ первую чету людей — мужа и жену, и вдунулъ въ нихъ живыя души; онъ — царь, управляющій и смертными и богами, Allvater и Mjötudhr = измѣритель, взвѣшиватель всего сущаго, опредѣлитель судебъ [3]). Выше указано, что длиною нити, выпряденной парками, опредѣлялась

[1]) Oskabyrr = óskis wind, wunschwind. — [2]) Въ русскомъ языкѣ бажóный, забажáнный — дорогой, желанный, и говоря о дѣтяхъ—вымоленный, выпрошенный у Бога; бажúть (бажáть) — сильно желать (Обл. Сл., 5, 59). — [3]) Die Götterwelt, 152, 181; D. Myth., 390.

долгота человѣческой жизни, что веревкою норнъ измѣрялось пространство владѣній, на которыя должна распространиться власть новорожденнаго героя, и что дѣвамъ судьбы присвоялось названіе mëten (стр. 344). По выраженію русской пословицы, «Богъ не гуляетъ, а добро перемѣряетъ» [1] = одному даетъ, у другаго отымаетъ. Gautrekssaga повѣствуетъ, что Одинъ и Торъ, подобно норнамъ, феямъ и рожаницамъ, творили грядущія судьбы. Въ полночь разбудилъ Одинъ своего пріемыша Старкадра (Starkadhr) и на лодкѣ переправился съ нимъ на островъ, гдѣ въ тѣнистомъ лѣсу засѣдало одиннадцать судей; двѣнадцатый стулъ былъ свободенъ, его занялъ Одинъ—и предложилъ судьямъ изречь свои приговоры. Тогда началъ гнѣвный Торъ: «ich schaffe ihm (Старкадру), dass er weder sohn noch tochter haben und seinen stamm enden soll». Одинъ продолжалъ: «ich schaffe ihm, dass er drei mannesalter leben soll». Торъ: «in jedem alter soll er ein nîdhîngsverk' [2]) thun». Одинъ: «ich schaffe ihm — er soll die besten waffen und kleider haben». Торъ: «er soll weder land noch grund haben». Одинъ: «ich gebe ihm, dass er viel geld und gut habe». Торъ: «ich lege ihm — in jedem kampf soll er schwere wunden empfangen». Одинъ: «ich gebe ihm die gabe der dichtkunst». Торъ: «was er dichtet, soll er nicht behalten können». Одинъ: «das schaff ich ihm, dass er den edelsten und besten männern werth erscheine». Торъ: «dem volk soll er verhasst sein». Торъ играетъ въ этой сагѣ роль враждебной норны; каждый благой даръ онъ старается умалить злымъ пожеланіемъ [3]). Греки сочетали идею судьбы съ громоноснымъ Зевсомъ, въ рукахъ котораго были вѣсы, опредѣляющіе участь не только отдѣльныхъ героевъ, но и цѣлыхъ народовъ:

---

[1]) Послов Даля, 4. — [2]) Безчестное, темное дѣло. — [3]) Germ. Mythen, 596—7; D Myth., 818—9.

Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотые; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Аиду упалъ...

Также взвѣшивалъ онъ и жребіи троянъ и данаевъ: «жребій данайскихъ сыновъ до земли многоплодной спустился, троянъ же до звѣзднаго неба вознесся»[1]. Вѣсы — эмблема Θемиды богини правосудія (= суда божьего), взвѣшивающей людскую правду и кривду. По свидѣтельству украинской сказки, Смерть, какъ одна изъ трехъ паркъ, требуетъ, чтобы душа усопшаго становилась на вѣсы, которыя подъ тяжестію грѣховъ склоняются долу, а праведнаго подбрасываютъ вверхъ — на свѣтлое небо (см. выше стр. 273—4). Послѣ водворенія христіанства народная фантазія дала эти вѣсы архангелу Михаилу, вождю небеснаго воинства и побѣдителю демоновъ; на страшномъ судѣ онъ будетъ взвѣшивать добрыя и злыя дѣла каждаго человѣка, и смотря по тому, что перетянетъ, назначитъ ему или вѣчное блаженство, или адскія муки[2]. Въ связи съ этими «вѣсами правосудія» должно поставить и псковское преданіе о горѣ Судомѣ (въ порховск. уѣздѣ). Надъ этою горою висѣла нѣкогда спущенная съ неба цѣпь; въ случаѣ спора или бездоказательныхъ обвиненій соперники приходили сюда и каждый поочередно долженъ былъ достать цѣпь рукою; но цѣпь позволяла до себя дотронуться только праведной рукѣ. Однажды сосѣдъ у сосѣда укралъ деньги и положилъ ихъ въ толстую, выдолбленную внутри палку. Оба пошли на Судому; сперва взялся за цѣпь обвинитель, а затѣмъ воръ, когда настала его очередь, попросилъ своего противника подержать палку, и доставая цѣпь, сказалъ: «деньги у те-

[1]) Иліада, VIII, 69—74; XXII, 209—213. — [2]) См. храмовыя и лубочныя изображенія «Страшнаго суда».

бя!» Цѣпь и ему далась, но послѣ того неизвѣстно какъ и куда исчезла [1]). Для предковъ нашихъ судъ и законы имѣли священное значеніе; по общему, глубоко-укорененному убѣжденію, они исходили отъ боговъ и составляли неотъемлемую принадлежность религіи. Древнѣйшій чешскій памятникъ «Судъ Любуши» говоритъ: «у насъ правда по закону святу, ю-же принесеху отци наши», «по закону вѣкожизненныхъ боговъ» [2]). Греки вѣрили, что законы имъ посланы Аполлономъ и Зевсомъ, а по сказанію римлянъ, Нума записалъ ихъ со словъ богини Эгеріи. Въ теченіи долгаго времени они даже не были закрѣплены письмомъ, и въ краткихъ ритмическихъ изрѣченіяхъ (carmina, νόμοι [3]) передавались устно отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ вѣрованіемъ и молитвами; какъ эти послѣднія должны были произноситься въ совершенной точности, не допускали ни малѣйшаго измѣненія, такъ и юридическія формулы только тогда имѣли обязательную силу, когда произносились съ подобающимъ уваженіемъ къ ихъ завѣтнымъ, нерушимымъ словамъ. Вступая въ гражданскія отношенія, человѣкъ обязывался священною формулой. Впослѣдствіи, занесенные въ «служебники», промежъ обрядовыхъ постановленій, заклятій и молитвъ, законы хранились въ храмахъ, подъ надзоромъ жрецовъ [4]). О славянахъ извѣстно, что они собирались на сходки и обсуждали свои общественныя дѣла при штетинскомъ храмѣ [5]). Въ нашихъ памятникахъ можно указать на позднѣйшіе слѣды этого древняго обычая; такъ въ «Псковской судной грамотѣ» читаемъ: «а который позовникъ

---

[1]) Географ. Извѣстія, изд. Р. Г. Общ., 1850 г., III, 527. Сходныя преданія, уцѣлѣвшія у другихъ народовъ, указаны въ Ист. очерк. рус. слов., I, 464—9. — [2]) Приб. къ Изв. Ак. Н., I, 13—15. — [3]) Отъ νέμω—раздѣляю; νόμος — раздѣлъ, мѣра, стихотворный ритмъ, пѣсня. — [4]) Куланжъ, 250—6, 402. — [5]) Ч. О. И. и Д., годъ 2, III, ст. Срезнев., 47.

пойдетъ исца звати на судъ, и той позванный не пойдетъ на погостъ къ церкви позывницы чести... ино позывница прочести на погосте предъ попомъ»; «а противъ той рядницы не будетъ во святой церкви въ лари въ тѣ-жъ рѣчи другой...» [1])

Вѣра въ таинственную, всѣмъ управляющую волю Судьбы съ особенною наглядностію заявляетъ себя: a) въ судѣ божіемъ (ордаліяхъ), самое названіе котораго тождественно съ именемъ Судьбы (см. II, 195-9); b) въ обычаѣ метать въ сомнительныхъ случаяхъ жребій, и его указаніе принимать за приговоръ всевѣдущаго божества, и c) въ гаданіяхъ о будущемъ. Рѣшеніе частныхъ тяжбъ и общественныхъ вопросовъ жребіемъ было употребительно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло, въ которомъ боролись противоположные интересы, черезъ это возвышалось надъ произволомъ и страстями людей и восходило на тотъ верховный, непреложный судъ, передъ которымъ умолкали всѣ личные разсчеты; ибо избѣгнуть опредѣленій рока не дано ни единому смертному. Лат. sors и нѣм. loos означаютъ и жеребій, и счастіе, долю, участь; точно также и рус. жребій употребляется въ двоякомъ значеніи: метать жеребьи — бросать нарочно нарѣзанныя и помѣченныя палочки или прутики, чтобы по ихъ расположенію разрѣшить спорный вопросъ; знать, таковъ мой жребій! вмѣсто: таково мое счастье! Одна изъ трехъ дѣвъ судьбы бросала жребіи для опредѣленія грядущихъ событій (см. выше стр. 346, 349). И греки, и римляне вопрошали свои прорицалища посредствомъ жребіевъ. Для этого они метали кости, или изъ урны, наполненной водою, доставали дощечки, на которыхъ начертаны были различные зна-

[1]) Стр. 5, 7 и др. При такомъ взглядѣ на судъ и законы, нѣтъ ничего удивительнаго, что при введеніи христіанства духовенство тотчасъ-же пріобрѣло значительное участіе въ судебныхъ дѣлахъ.

ки, а жрецы поясняли ихъ сокровенный смыслъ. Выборы въ общественныя должности долгое время совершались по жребію, т. е. отдавались на божью волю. У германцевъ жребій былъ рѣшителемъ споровъ и провозвѣстникомъ будущаго. По свидѣтельству Тацита, отломленную отъ дерева вѣтвь они разрѣзывали на части и на каждой клали особую мѣтку; жрецъ или старѣйшій въ родѣ бросалъ эти прутики, и смотря по тому, какъ они выпадали, дѣлалъ свои заключенія. Отсюда очевидна связь жребія съ рунами и гаданіями [1]). Тотъ-же обычай существовалъ и между другими племенами; скиѳы по расположенію жеребьевыхъ прутиковъ или стрѣлъ угадывали будущее и давали отвѣтъ на всякое возникшее недоумѣніе [2]). Саксонъ-грамматикъ говоритъ, что на островѣ Ранѣ славяне кидали три дощечки — съ одной стороны бѣлыя, а съ другой черныя, и замѣчали: какой именно стороной упадутъ онѣ кверху; бѣлая предвѣщала успѣхъ, а черная — неудачу. Къ этому гаданію прибѣгали и штетинцы, чтобы опредѣлить исходъ морской битвы [3]). Въ числѣ запретныхъ книгъ и суевѣрныхъ обрядовъ старинный памятникъ называетъ: Метаніе или Розгомечецъ. Какая жертва угодна богамъ?—это изстари рѣшалось жребіемъ; такъ при св. Владимірѣ кіевляне метали жребій на отрока и дѣвицу: «на негоже падеть, того зарѣжемъ богомъ» (II, 260). По словамъ Константина Порфиророднаго, руссы метали жребій, и слѣдуя его указанію, однихъ птицъ закалали въ жертву, а другихъ пускали на волю. Стихъ о Елизаветѣ Прекрасной разсказываетъ: когда при царѣ Агеѣ покинулъ народъ вѣру христіанскую, то Господь прогнѣвался и напустилъ на царство змѣя лютаго, поѣдучаго; тогда-то князья и бояре собирались на соймище

---

[1]) D. Myth., 1064; Germ. Mythen, 599; Куланжъ, 241—2. — [2]) Лѣт. рус. лит., кн. I, 140. — [3]) Срезнев., 81.

И жеребьи закладывали:
Кому напередъ звѣрю достануться
На съѣденіе, на смертное потребленіе? [1])

Даже въ выборѣ жениха и невѣсты предки наши руководились жребіемъ, какъ это можно заключать изъ слѣдующаго выраженія Слова о полку: «връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу» [2])

Въ торговомъ договорѣ Новгорода съ нѣмцами и готландцами (XIII-го столѣтія) постановлено, чтобы тяжбы между русскими и ганзейскими гостями, при недостаткѣ судебныхъ доказательствъ и противорѣчіи свидѣтелей, рѣшались жребіемъ [3]). Въ Судебникъ Ивана Грознаго занесено слѣдующее узаконеніе, подтвержденное потомъ и въ Уложеніи (XIV, 4): если между русскимъ и чужеземцемъ возникнетъ дѣло, которое не иначе можетъ быть рѣшено, какъ развѣ присягою, то цѣловать крестъ предоставляется той сторонѣ, чей вынется жребій. Англичанинъ Лэнъ описалъ намъ самый обрядъ выниманія жребія: два восковыхъ шарика съ именами спорящихъ клались въ шапку и кто-нибудь изъ постороннихъ доставалъ одинъ шарикъ голою правою рукою; чье имя вынималось, тотъ давалъ клятву и выигрывалъ дѣло. Изъ уставной грамоты шуянамъ 1606 года видно, что и въ томъ случаѣ, когда оба противника были люди русскіе, право цѣловать крестъ опредѣлялось жребіемъ. Тѣмъ-же способомъ рѣшали въ XVI-мъ столѣтіи вопросъ: кому изъ тяжущихся о поземельномъ владѣніи должно предоставить право идти съ образомъ на головѣ и указывать межу [4]). По Уложенію (XIV, 10) искъ не свыше рубля рѣшался жребіемъ, а больше

---

[1]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 155; см. также Поэт. Воз., II, 199—200. — [2]) Рус. Дост. III, 186. — [3]) Городское или средн. состояніе рус. нар., соч. Плошинскаго, 59. — [4]) Макуш., 104; Исторія Росс. Соловьева, VII, 158, 334, 414; Карамз. И. Г. Р., IX, примѣч. 788; Описаніе гор. Шуи, 226.

рубля — присягою. Выборъ духовнаго владыки совершался въ старину по жребію: имена кандидатовъ писались на отдѣльныхъ листкахъ, и запечатанныя полагались — въ Новгородѣ на престолѣ у св. Софіи, а въ Москвѣ — передъ иконою Владимірской Богоматери въ Успенскомъ соборѣ; послѣ молебствія выносили одинъ свертокъ, распечатывали и объявляли народу избраннаго. Наказывать десятаго по жребію, въ случаѣ какихъ-либо общественныхъ смутъ, долго удерживалось на ряду съ другими судебно-административными мѣрами [1]. Но еще долговѣчнѣе жребій въ обычаяхъ поселянъ, которые выражаются о немъ пословицами: «жеребій — божій судъ», «жеребій—святое дѣло», «жеребій сыщетъ», «отъ жеребья не уйдешь!» [2]) Донынѣ въ деревняхъ и селахъ бо́льшая часть спорныхъ дѣлъ и очередныхъ обязанностей рѣшается жребіемъ. При дѣлежѣ имущества и выборѣ рекрута крестьяне всего охотнѣе полагаются на этотъ безстра́стный, независимый отъ человѣческаго произвола судъ. Въ нижегородской губ. при развёрсткѣ поземельныхъ участковъ бросаютъ жеребьи; въ ярославской и другихъ губ., когда умретъ отецъ и не оставитъ послѣ себя никакого распоряженія, два сына его (что́ называется «ровный бой») берутъ каждый свою часть по жребію [3]). Метанье жеребьевыхъ знаковъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняется обыкновеніемъ к о н а т ь с я, и слово это въ рязанской губ. употребляется въ смыслѣ: бросать жребій. Слѣдуя завѣту старины, русской человѣкъ — когда наступятъ Рождественскіе Святки — силится разгадать: что́ присудила ему на будущій годъ могучая Судьба? Съ этою цѣлью совершается обрядъ гаданія, описанный нами во II-мъ томѣ, стр. 194. У болгаръ, наканунѣ Новаго года, дѣвицы

---

[1]) Рус. въ св. посл., III, 215—8. — [2]) Послов. Даля, 50; Толков. слов., I, 477. — [3]) Этн. Сб., I, 13, 21; Вѣст. Р. Г. О. 1853, II, 108.

выносятъ на площадь котелъ, наполненный водою, опускаютъ въ него кольца, браслеты, ожерелья, и все это отдаютъ на сохраненіе такъ называемой царицѣ солнца. Царицею назначается обыкновенно дѣвушка не старѣе шестьнадцати лѣтъ, съ русою косою и голубыми глазами. На другой день сельская молодёжь отправляется къ ея дому, съ музыкой и пѣснями; царица подымаетъ котелъ и выходитъ на встрѣчу, красуясь длинными, распущенными по плечамъ волосами; подруги убираютъ ее цвѣтами, надѣваютъ ей на́ голову вѣнецъ и красное покрывало, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ идутъ на площадь. Тамъ приступаютъ къ гаданію; хоръ поетъ предвѣщанія, а царица вынимаетъ изъ котла одну за другою погруженныя въ него вещи. Чья вещь будетъ вынута, тому и вѣщаетъ провозглашенная пѣсня его грядущую судьбу [1]: «кому вынется, тому сбудется—не минуется!» Царица солнца представляетъ въ этомъ обрядѣ дѣву - судицу (сравни I, 82—85), а кольца, браслеты и ожерелья замѣняютъ собою жребіи гадающихъ.

Литовскій Прамжинасъ (=божіе предопредѣленіе, судьба) почитался высочайшимъ изъ боговъ; его судомъ содержится вселенная; отъ его ударовъ дрожитъ мать-земля, какъ отъ небесныхъ громовъ Перкуна; онъ посылаетъ всеміріный потопъ (= весенніе разливы) и потомъ создаетъ на землѣ новую жизнь и новое поколѣніе людей, заставляя спасенную имъ чету прыгать черезъ камни. Тотъ-же миѳъ о происхожденіи людскаго племени греки связывали съ Гермесомъ, а славяне, какъ свидѣтельствуетъ старинный памятникъ [2]), — съ Родомъ: сидя на воздуси, Родъ мечетъ на землю груды — и въ томъ рождаются дѣти (II, 474—5). Изъ этихъ сближеній

¹) Москов. Газета 1866, стат. Каравелова: «Святки у болгаръ»; см. также Гласник. срп. учен. друштва, кн. V (1867), 127. — ²) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предисл. стр. XXIII.

позволительно заключать, что первоначально подъ именемъ Рода разумѣлось божество, заправляющее весенними грозами, оплодотворяющее землю сѣменемъ дождя и созидающее міровую жизнь. Бѣлый свѣтъ, по выраженію стиха о голубиной книги, зачался отъ суда божія. Выше мы видѣли, что богъ-громовникъ, какъ миѳическій кузнецъ куетъ людямъ брачные узы и назначаетъ, кому на комъ жениться (стр. 373—5); какъ повелитель волковъ («волчій пастырь»), онъ опредѣляетъ, какіе именно люди должны умереть отъ зубовъ этого хищнаго звѣря, и приговоры его также неотвратимы, какъ и приговоры рожаницъ; волки слѣдуютъ за нимъ — подобно тому, какъ слѣдуютъ они за Одиномъ и валькиріями (I, 710-1). Въ древнихъ рукописяхъ рай и адъ (= тѣ загробныя области, гдѣ обитаютъ души предковъ) обозначаются словами по-рода и родьство: «а уже убогыхъ не миловати, и родьство обѣштано е(сть) и огнь негашѫштии и съ бѣсы мученіе» [1]). Это наводитъ насъ на мысль, что съ Родомъ могло соединяться представленіе о владыкѣ усопшихъ предковъ (сравни выше, стр. 283, преданіе о ведаическомъ Аріамѣ); что, царствуя въ воздушныхъ сферахъ, онъ—съ одной стороны—посылалъ на землю младенческія души (=порождалъ дѣтей), а съ другой, наравнѣ съ скандинавскимъ Одиномъ и греческимъ Гермесомъ, препровождалъ души усопшихъ въ страну безсмертія. Въ паремейникѣ 1271 года слово Родъ употреблено при переводѣ еврейскаго гад (fortuna, τύχη, богъ счастія): «готовяще Родоу трапезѫ» [2]). Въ древле-славянскомъ переводѣ хроникъ Малалы и Амартола греч. εἱμαρμένη, означающее судьбу, объясняется словомъ рожденіе: «Имармѣнию же сдѣлавшіи прелесть нѣкоую, глаголемую рожденіе, ея-же развѣ ничесожъ пострадати, ли творити могоуще комоу-любо,

[1]) Матер. для истор. письменъ, 9 (Святославовъ Изборникъ 1073 года). — [2]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II. ст. Срезнев., 109.

знаменословять, и въ таковоую прелесть и нечестіе въпадають; мнѣвъ бо нѣкыи, яко развѣ рожденія—кромѣ Имармѣніи никто-жъ ни сътворити, ни пострадати власть имать». Замѣтимъ, что и греки съ словомъ γένεσις соединяли понятіе судьбы: такъ у Іоанна Златоуста, чаще другихъ возражавшаго противъ фатализма, читаемъ: «ἐι Θεός, ȣ' γένεσις»=въ старинномъ переводѣ: «аще Богъ есть, нѣсть рожденія»; «ἐι γένεσις, ȣ' νόμος, ἐι δὲ νόμος, ȣ' γένεσις» =«аще рожденіе—то не законъ, аще законъ—то не рожденіе». Тотъ-же смыслъ средневѣковые латинскіе и нѣмецкіе памятники придаютъ рѣченіямъ: genesis, genitura, nascentia, gaburt, giburt, gaburdia [1]). Въ одномъ изъ поучительныхъ сочиненій VII-го вѣка записано: «nullus sibi proponat fatum vel fortunam aut genesin, quod vulgo nascentia dicitur ut dicat: qualem nascentia attulit, taliter erit» [2]). Хотя въ старинныхъ переводахъ слово «рожденіе» и есть повидимому не болѣе, какъ буквальная передача греческаго «γένεσις»; но это еще не доказываетъ, чтобы переводчики употребляли его машинально, безсознательно, и чтобы само по себѣ оно не имѣло никакой связи съ понятіемъ о всесильномъ рокѣ Наоборотъ, надо думать, что и переводчики, и ихъ современники очень хорошо понимали: противъ какого «рожденія» были направлены протесты проповѣдниковъ; можно ли сомнѣваться въ этомъ, если дѣвы судьбы назывались у славянъ рожаницами, если и донынѣ народъ русской выражается пословицей: «отъ рóду (=отъ судьбы) не въ воду!» [3]) Во всѣхъ памятникахъ, свидѣтельствующихъ о поклоненіи Роду и рожаницамъ, имя перваго постоянно встрѣчается въ единственномъ числѣ. Очевидно, что рожаницы и Родъ стоятъ въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ парки и Fatum, мойры

[1]) Изв. Ак. Н., IV, 171—6. — [2]) D. Myth., 818; Germ. Myth, 631. — [3]) Послов. Даля, 920.

и 'Ἀνάγκη или Εἱμαρμένη, норны и Örlög [1]); тогда какъ рожаницы завѣдывали участью отдѣльныхъ людей (каждому, при его появленіи на свѣтъ божій, давалась своя рожаница), Родъ олицетворялъ собою общее понятіе о судьбѣ, какъ о божественной силѣ, все производящей и всѣмъ правящей въ мірѣ.

Но творческая дѣятельность природы возбуждается не однимъ дожденоснымъ Перуномъ; она не менѣе зависитъ и отъ ясныхъ, согрѣвающихъ лучей солнца. Для нашихъ предковъ солнце было божество рождающее — дарующее землѣ урожаи и надѣляющее смертныхъ изобиліемъ, богатствомъ, а слѣдовательно и счастіемъ. Снскр. bhaga употреблялось, какъ одно изъ названій этого свѣтила; у славянъ «солнце» — синонимъ счастія, на что указываютъ слѣдующія выраженія: «взойдетъ солнышко и на нашъ дворъ!» «померкло мнѣ солнце!» «закатилось мое счастіе!» (I, 67) Какъ всевидящее око, озирающее небо и землю, — Солнце знаетъ все явное и сокровенное, что̀ только совершается въ мірѣ. Отъ его взоровъ ничто не можетъ утаиться! Свѣтъ и зрѣніе — обычныя метафоры знанія, мудрости, а мракъ и слѣпота — невѣжества, отсутствія всякихъ свѣдѣній [2]). Въ гимнахъ Ригъ-Веды Солнце называется всевѣдущимъ [3]). Оно — представитель высочайшей правды, всегда открытой и «ясной, какъ божій свѣтъ», противникъ и каратель «темной» лжи, и тотъ, кто обманываетъ (морочитъ) другихъ, грѣшитъ именно противъ этого всевѣдущаго божества. Въ силу этихъ воззрѣній, съ нимъ необходимо сочеталась идея пра-

---

[1]) D. Myth., 382. — [2]) Мы говоримъ: про-свѣщеніе, свѣтъ знанія (правды, истины), мракъ невѣжества, прозорливость, ясновидѣніе, умственная слѣпота, дальновидный или темный человѣкъ. — [3]) Die Symbolik von Sonne und Tag in der germanisch. Mythol., 7.

веднаго суда божія. Въ любопытной чешской сказкѣ юный герой отправляется за разрѣшеніемъ загадочныхъ вопросовъ къ Солнцу, тогда какъ, по сербскому преданію, онъ съ тою-же цѣлію идетъ къ Судьбѣ. Солнце названо въ этой сказкѣ златовласымъ дѣдомъ-Всевѣдомъ, а въ матери ему дана пряха-судица, которая вечеромъ принимаетъ его на западѣ и успокоиваетъ на своихъ колѣнахъ; по утру Солнце пробуждается отъ сна, прощается съ матерью и вылетаетъ восточнымъ окномъ на дневное странствованіе. О значеніи Солнцевой матери сказано было выше: это, во первыхъ,—облачная, дождевосная жена, изъ темныхъ нѣдръ которой нарождается Солнце весною, и во вторыхъ богиня Зоря, которая каждое утро выводитъ его изъ мрака ночи, или выражаясь поэтически: каждое утро рождаетъ свѣтозарнаго сына и разстилаетъ для него по небесному своду золотисто-розовую пелену (I, 88; II, 124—6). Зоря также представлялась пряхою, какъ и дѣвы судьбы (см. гл. V); по указанію нѣмецкихъ причитаній, одна изъ этихъ дѣвъ отпираетъ небо и выводитъ изъ-за темныхъ затворовъ ясное солнце (см. стр. 355). На Руси уцѣлѣла старинная поговорка: «дожидайся Солнцевой матери божья суда!» [1]). Солнцева мать упоминается во многихъ сказкахъ, и вездѣ о ней говорится, какъ о вѣщей пряхѣ: она даетъ странствующимъ героямъ мудрые совѣты и на золотой прялкѣ прядетъ золотую кудель [2]).

[1]) Снегирева: Послов. и притчи, 99. — [2]) Slov. povesti Škultety a Dobšinsk., I, 60-61; Slov. pohad., 280, 452; Глинск., IV, 43.—По мнѣнію г. Потебни (Труды моск. археол. общества, в. II, 193), въ чешской сказкѣ о дѣдѣ-Всевѣдѣ спутаны два различныя преданія; подъ именемъ дѣда-Всевѣда скрывается драконъ, а что сказка называетъ его солнцемъ — это не болѣе, какъ ошибка разскащика. Мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Правда, что тѣже самыя подробности, какія встрѣчаемъ въ сказкѣ о дѣдѣ-Всевѣдѣ, повторяются и во множествѣ другихъ сказокъ,

Впослѣдствіи, когда нравственныя представленія стали брать перевѣсъ надъ религіознымъ натурализмомъ, идея судьбы отрѣшилась отъ стихійныхъ боговъ, строителей міровой жизни, и обособилась въ отдѣльное, самостоятельное божество. Въ Малороссіи сохранилось такое преданіе: шелъ крестьянинъ по лѣсу и заблудился. Наступила ночь, вдали заблестѣлъ привѣтливый огонёкъ; крестьянинъ поспѣшилъ на его свѣтъ, набрёлъ на ветхую избушку и попросился ночевать. Его приняла бѣдная

гдѣ герой отправляется за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ царю-змѣю, дракону, горному великану и даже чорту; но это только доказываетъ, что одинъ и тотъ-же миѳъ могъ варіироваться различно. На сказочнаго героя возлагается обязанность узнать: отчего высохъ источникъ живой воды? отчего яблоня не дастъ моложавыхъ плодовъ? кѣмъ похищена прекрасная царевна, или какъ излѣчить ее отъ тяжкой болѣзни? и куда затерялся ея золотой ключъ? Вопросы эти живописуютъ зимнее состояніе природы, когда изсякаетъ живая вода дождей, когда въ небесныхъ рощахъ перестаютъ зрѣть моложавыя яблоки, когда богиня лѣтняго плодородія попадаетъ во власть демоновъ и теряетъ свой ключъ-молнію. Но увяданіе и возрожденіе міровой жизни условливаются дѣятельностью боговъ и демоновъ, и потому съ вопросами о концѣ зимы и началѣ лѣта народная фантазія съ равнымъ правомъ могла обращаться и къ царю-змѣю (Вритрѣ), какъ похитителю прекрасной богини, живой воды и моложавыхъ яблокъ, и къ Солнцу, какъ владыкѣ пресвѣтлаго рая, и наконецъ къ Судьбѣ, какъ представительницѣ суда божьяго, которымъ зиждется и управляется вся вселенная. Затѣмъ остается одна черта въ сказкѣ о дѣдѣ-Всевѣдѣ, которую, кажется, слѣдуетъ признать заимствованною изъ преданій о драконѣ и перенесенною на Солнце: это вырываніе золотыхъ волосъ изъ головы дѣда-Всевѣда (Эрбенъ, 4—9; Н. Р. Ск., I, № 13 и стр. 165; Ганушъ о Дѣдѣ-Всевѣдѣ, 23—41; Шкультъ., I, 134; Норвеж. ск., I, 5; сказ. Грим., I, 29). Замѣтимъ, что странствованіе къ Солнцу за разрѣшеніемъ различныхъ вопросовъ вовсе не составляетъ исключительной принадлежности сказки о дѣдѣ-Всевѣдѣ, а напротивъ есть одинъ изъ обычныхъ мотивовъ народнаго эпоса (Westsl. Märch., 36—40; Slov. pohad., 447—455; Малый (изд. 3), 62; Н. Р. Ск., стр. 172—3; VIII, стр. 623—4; Штиръ, 17).

старушка, и на вопросъ гостя: «кто ты?» назвалась Судьбою. Еще крестьянинъ не успѣлъ заснуть, какъ кто-то постучался въ окно. «Что?» спросила Судьба. — Столько-то родилось мальчиковъ и столько-то дѣвочекъ, отвѣчалъ невѣдомый голосъ; какая ихъ судьба? «Таже, что̀ у меня сегодня!» За окномъ послышался вздохъ. На утро проснулся крестьянинъ не въ бѣдной избушкѣ, а въ богатыхъ палатахъ: всюду роскошь и золото! и остался онъ у Судьбы еще на одни сутки. Ночью повторилась прежняя сцена: кто-то постучался въ окно и сказалъ: «столько-то родилось мальчиковъ и дѣвочекъ; какая ихъ судьба?» — Таже (раздалось въ отвѣтъ), что̀ у меня сегодня! Судьба жила поперемѣнно — одинъ день, какъ нищая, а другой, какъ богачка, обладающая несмѣтными сокровищами; кто въ какой день родится, таково его и счастіе. Возвратясь домой, крестьянинъ нашелъ, что жена родила ему двухъ сыновей: одного — въ безталанный день, а другаго — въ счастливый. Вся жизнь близнецовъ послужила оправданіемъ той судьбы, которая каждому изъ нихъ была опредѣлена при рожденіи [1]). Не менѣе интересна малорусская сказка о двухъ Доляхъ. Жили два брата — младшій въ довольствѣ и счастіи, а старшій въ бѣдности. Настало лѣто. Старшій братъ нанялся у младшаго жать хлѣбъ Разъ приходитъ онъ въ поле и видитъ: женщина въ нищенскомъ рубищѣ ходитъ между копнами, выдергиваетъ самые крупные колосья изъ сноповъ, полученныхъ старшимъ братомъ за работу, и втыкаетъ ихъ въ снопы младшаго. «Кто ты?» спросилъ бѣднякъ. «Я — Доля твоего брата; онъ спитъ, а моя обязанность денно и нощно трудиться на него, какъ на своего господина, съ самаго рожденія его до смерти я ему вѣрная слуга: берегу его отъ опасностей, лелѣю его дѣтей, окропляю его поля и огородъ росою, гоню ему рыбу въ бредень, рои пчелъ — въ улья, охра-

[1]) Маякъ 1842, VI, 127.

няю отъ хищнаго звѣря и холю его скотину, привожу къ нему купцовъ, набиваю цѣну на его товаръ и дарю его семью здоровьемъ. Твоя же Доля — бѣлоручка, думаетъ только о пѣсняхъ и нарядахъ, и потому ты бѣденъ» [1]). Великорусская редакція этой сказки такова: раздѣлились двое братьевъ и стали жить особо. У старшаго брата что̀ ни годъ — то дѣти рожаются, а хозяйство все плоше да хуже идетъ; до того дошло, что совсѣмъ разорился — и дѣтямъ не радъ! Пришелъ бѣдный къ младшему, богатому брату: «одолжи, проситъ, хоть на одинъ день лошади; пахать нé на чѣмъ!» Тотъ позволилъ: «возьми на одинъ день, да смотри — не замучь!» Бѣдный отправился въ поле, а тамъ невѣдомо какіе люди на братниныхъ лошадяхъ землю пашутъ. «Стой! закричалъ онъ; сказывайте, что̀ вы за̀ люди?» — А развѣ не видишь, отозвался одинъ изъ пахарей, что я — Счастье твоего брата; онъ пьетъ-гуляетъ, ничего не знаетъ, а мы на него работаемъ. «Куда-же мое Счастье дѣвалось?» — А твое Счастье вонъ подъ кустомъ, въ красной рубашкѣ, лежитъ; ни днемъ, ни ночью ничего не дѣлаетъ, только спитъ! «Ладно, думаетъ мужикъ, дай-ка я доберусь до него!» Пошелъ, вырѣзалъ толстую палку, подкрался къ своему Счастію и вытянулъ его по̀ боку изо всей силы [2]). Счастье проснулось и спрашиваетъ: «что ты дерешься?» – Еще не такъ прибью? Люди добрые землю пашутъ, а ты

---

[1]) О. З. 1840, II, смѣсь, 42–44. — [2]) Варіантъ: Жили-были два брата рыбака: одинъ богатый, другой бѣдный. У богатаго завсегда всѣ верши рыбой полны, а бѣдному коли попадется двѣ-три плотички — и то слава Богу! „Что за чудо! ужь не воруетъ ли кто мою рыбу?“ подумалъ онъ, взялъ плеть и пошелъ ночью нá рѣку. Послышался плескъ по водѣ; глядь — кто-то въ братнину сѣть рыбу загоняетъ. „Ты кто?“ спрашиваетъ рыбакъ. — Я Доля твоего брата, гоню ему рыбу. „А гдѣ-жъ моя Доля?“ — Твоя Доля — лѣнивая, вверхъ брюхомъ на камнѣ лежитъ, пѣсни поетъ да въ гусли играетъ; отъ того ты и бѣденъ. Рыбакъ бросился къ камню и давай стегать свою Долю плетью...

безъ просыпу спишь! «А ты небось хочешь, чтобъ я на тебя пахалъ? и не думай!» —Чтожъ, все будешь подъ кустомъ лежать? вѣдь эдакъ мнѣ умирать съ голоду прійдется! «А ты коли хочешь, чтобъ я тебѣ пòмочь дѣлалъ, такъ брось крестьянское дѣло да займись торговлею. Я къ вашей работѣ совсѣмъ непривыченъ, а купеческія дѣла всякія знаю.» —Займись торговлею!... мнѣ ѣсть нечего, а не то что въ торгъ пускаться. «Ну хоть сними съ своей бабы старой сарафанъ да продай; на тѣ деньги купи новой — и тотъ продай! а ужь я стану тебѣ помогать, ни на шагъ прочь не отойду!» Послушался мужикъ, и вскорѣ разбогатѣлъ отъ счастливаго торгу [1]). Жалуясь на бѣдность, поселяне говорятъ: «плаче твоя доля!» «эко счастье — на мосту съ чашкой!» или: «моя-то доля съ чашкой въ полѣ!» (т. е. мой удѣлъ собирать милостину [2]). Про счастье выражаются, что оно «якъ трясця: кого схоче, на того й нападе» [3]) Когда невѣста собирается подъ вѣнецъ, она съ тревогой задумывается о той судьбѣ, какая ожидаетъ ее зàмужемъ.

Дзѣвочка къ вянцу ѣдзя,
Яё Доля спатыкая [4]);
Она съ Доляй размовляя:

«Доля моя, Доля! коли ты добрая — садись со мной нà возъ; коли ты якая — уплыви съ водою.» [5]) Въ пѣсняхъ малороссійскихъ часто слышатся горькія жалобы на несчастную Долю и ея безотвязность:

a) Ой бодай ты, моя Доля, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!
b) Породыла мене маты у святу недилю,
Дала мини гирьку Долю—ничого не вдію.

---

[1]) Н. Р. Ск., V, 51. — [2]) Послов. Даля, 30. — [3]) Или: „счастье что лихорадка — къ кому привяжется“ — Номисъ, 35-36. — [4]) Встрѣчаетъ. — [5]) Сборн. памяти. нар. творчества въ сѣв.-западн. краѣ, I, 282.

Ой пиду я до сусида воза позычаты,
Та повезу гирьку Долю на торгъ продаваты;
Люды знаютъ гирьку Долю, нейдуть купуваты,
Тай не хочуть купуваты, не хочуть пытаты.
Повезу я гирьку Долю з' торгу та до дому,
Тай ударю гирьку Долю з' воза та до долу:
„Отъ-тутъ тоби, моя Доля, отъ-тутъ пропадаты,
Що не вмила, не хотила мене шануваты!“

c) Породыла мене маты въ несчастну годину,
Дала мини злую (лиху) Долю; де-жъ еји подину?
—Да пиди соби, Доле, пиди, несчастная! пиди утопися,
А за мною, да за молодою, да не волочися.
„Хочь я пиду, молода дивчино, пиду утоплюся,
А якъ вiйдешъ рано води брати—я за тебе учѣплюся.“

Далѣе дѣвица заклинаетъ злую Долю заблудиться въ лѣсу или сгинуть въ полѣ, но та отвѣчаетъ: что въ этомъ! пойдешь ли ты въ лѣсъ калину ломать, или станешь жать въ полѣ— «я за тебе учѣплюся!» Въ другой пѣснѣ мать на жалобы несчастной дочери замѣчаетъ ей: «така тоби, доню, Доля судилася» [1]). Замѣчательна по силѣ мысли записанная мною пѣсня, въ которой безталанный молодецъ вызываетъ свою Долю помѣриться съ нимъ въ полѣ:

Ой шовъ казакъ съ дому,
Тя-й съ дому до Дону,
Та-й сивъ надъ водою;
Сивши надъ водою,
Проклинае Долю:
„Ой, Доля-жъ, ты Доля,
Доля моя злая!
Чомъ ты не такая,
Якъ Доля чужая?
Ой, колибъ ты, Доля,
Та вышла бы въ поле;
Тогда-бъ ты сгадала—
Кого забижала!

[1]) Объ истор. зн. нар. поэз., 154; Украин. пѣсни Максимовича, 170; Малор. литер. сборн., 263; Бѣлорус. пѣсни Е. П., 65 — 66; Метлинск., 12—13, 80, 275, 365-6; Мат. срав. слов., II, 187.

Доля употребляется въ народной рѣчи иногда въ смыслѣ положительно-счастливой судьбы, а съ отрицаніемъ не (недоля) въ смыслѣ судьбы несчастливой, печальной: «гдѣ нѣтъ доли, по пословицѣ, тутъ и счастье не велико» [1]); «не то сирота, що роду не мае, а то сирота, що доли (счастья) не мае» [2]); «дитинка спить, а доля jiи росте»; «лежень лежить, а Богъ для него долю держить» или: «лежухови Богъ долю дае»; «безъ доли хочь (выйди замужъ) за пана — и панъ скрутицця», а «якъ моя добра доля, то-й пьяниця поправицця» [3]); «якъ твоя, доню, доля — то накупить чоловикъ (мужъ) поля, а якъ бездилля (бездолье), то продасть и подвирря»; «своей недоли и конемъ не объjидешъ» [4]). Недоля нерѣдко замѣняется выраженіями: бѣда, лихо, напасть, горе и нужда. Въ народныхъ пословицахъ, пѣсняхъ и сказкахъ Бѣда выступаетъ, какъ-бы нѣкій демонъ, какъ существо живое, самодѣйствующее. Она странствуетъ по бѣлому свѣту, ищетъ людей, обреченныхъ несчастію, идетъ къ нимъ на встрѣчу, гонится за ними: «бѣда (горе) ходитъ не по лѣсу, а по людямъ», «бида не спить, а по людямъ ходить», «напасть (лихо) не по дереву ходить, а по тихъ людяхъ», «гдѣ бѣда ни шаталась, а къ намъ пришатилась», «гдѣ бѣда ни голодала, а къ намъ на пирушку», «пришла бѣда — растворяй ворота!» «дома-ль хозяинъ? бѣда пришла», «не кличь биди до себе, сама прійде до тебе», «лиха не шукай — воно само тебе найде», «де ти, лихо, ходило? — тебе, пане, шукало!» [5]) серб. «нашла га бида на суву путу», «лихо спот-

---

[1]) Полн. собр. послов. 1822 г., СПБ., 36—38. — [2]) Старосв. Бандур., 190. — [3]) Варіантъ: „якъ вродилась щасниця, такъ поправицця и пъяница". — [4]) Номис., 35 — 36; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 294.— [5]) Сказка повѣствуетъ о человѣкѣ, который искалъ Лиха, и оно предстало ему въ образѣ одноглазаго великана (Н. Р. Ск., III, 14).

кало» (сравни: «щастя споткало» = встрѣтило, «щастя переходя живе» = сегодня гоститъ у одного, завтра у другаго), «видъ биди не втикти», «ты отъ бѣды, а бѣда впереди» (вар. «а бѣда въ очи!»). Неутомимая въ преслѣдованьи, она настигаетъ, схватываетъ человѣка, цѣпляется за него, и подобно злобному эльфу, садится ему на плечи, бьетъ, давитъ и мучитъ свою жертву: «лихо его не берецъ!» «лихо не возмецъ, коли Богъ не даецъ», «кого бида учѣпицця, того тримаецця [1]) и руками, и ногами», «нужда-бъ тя побила!» «побила-бъ тебе лихая година!» [2]) пол. «żeby go licho ciężkie porwało», «niech cię bieda weźmie», серб. «тако ми се туга на срце не савила!» [3]) Несчастливецъ жалуется:

Чому-жъ мени горилка не пьетця?
Коло мого серденька якъ гадина вьетця.
—Ой, тожъ не гадина, то лиха година
Коло твого серденька соби гниздо звила [4]).

Лихая, горькая, недобрая Доля, по выраженію народныхъ пѣсень, рождается вмѣстѣ съ человѣкомъ, шагъ за шагомъ слѣдуетъ за нимъ въ продолженіи всей жизни и провожаетъ его въ самую могилу;

a) Ой пиду-жъ я, пиду, да съ сего края пиду,
Ой покыну я да у симъ краи Биду;
Ой оглянусь я за крутою горою—
Ажъ иде Бида слѣдочкомъ за мною...
„Ой, чего-жъ ты, Бида, за мною вчѣпылася?"
—Я з' тобою, безталанный, з' тобою родылася.
„Ой, чего-жъ ты, Бида за мною ввязалася?"
—Я з' тобою, безталанный, з' тобою вѣнчалася [5]).

b) Ой ты, Горе мое, Горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!

---

[1]) Держится. — [2]) Послов. Даля, 30—33; Номис., 35, 37, 40, 43—44; Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 446. — [3]) Срп. послов., 305. — [4]) Метлин., 250. — [5]) Бодян. О нар. поэзіи славян. плем., 133.

Ужь и гдѣ ты, Горе, ни моталося—
На меня, бѣдную, навязалося...
Ужь я отъ Горя во чисто поле;
Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
„Ужь я выжну-повыжну все чисто поле,
А сыщу я, найду тебя горькую!"
Я отъ Горя во темны лѣса,
Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
„Порублю я-посѣку всѣ темны лѣса,
А найду я тебя горемычную!"
Ужь я отъ Горя къ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ—Горе за мной идетъ,
Съ топорешечкомъ, со лопаточкой [1]).

c) Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго...
Ай Горе, Горе-Гореваньице!
А и лыкомъ Горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны.
А я отъ Горя въ темны лѣса —
А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
А я отъ Горя въ почестной пиръ—
А Горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ Горя на царевъ кабакъ —
А Горе встрѣчаетъ, ужь пиво тащитъ:
Какъ я нагъ-то сталъ — насмѣялся онъ [2]).

Замѣчательны обороты: «Горе зашелъ», «Горе насмѣялся»; изъ нихъ очевидно, что (не смотря на средній грамматическій родъ сло́ва) горе въ воззрѣніяхъ народа доселѣ не утратило характера одушевленнаго, демоническаго существа.

d) Обувалося Горе въ лапти, одѣвалося въ рогозиночки, опоясывалось лыками, приставало къ добру мо́лодцу.

Видитъ мо́лодецъ: отъ Горя дѣться некуды!
Мо́лодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ,

---

[1]) Совр. 1856, X, 117—8; Рус. Бес. 1860, I, 73. — [2]) Сахаров., I, 224.

А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ все шелковыя:
„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мо́лодецъ!“
Мо́лодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щукою,
А за нимъ Горе въ слѣдъ идетъ,
Въ слѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ все шелковые:
„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мо́лодецъ!“
Мо́лодецъ вѣдь отъ Горя во огнёвушку [1]),
Во огнёвушку, да въ постелюшку —

а Горе въ ногахъ сидитъ. Видитъ мо́лодецъ — нѣкуда отъ Горя спрятаться, какъ развѣ въ тесовый гробъ да въ могилушку, а Горе и тутъ съ лопатою:

„Ужь ты стой, не ушелъ, добрый мо́лодецъ!“
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку-сыру землю [2]).

Въ такихъ прекрасныхъ поэтическихъ образахъ, достойныхъ великаго художника, представляется народной фантазіи горе. Оно доводитъ безталаннаго мо́лодца до кабака и злобно насмѣхается надъ его наготою; оно ловитъ его въ разставленныя сѣти и тенета; выживаетъ его съ бѣлаго свѣта, и являясь съ топоромъ и лопатою, сколачиваетъ ему гробъ и роетъ могильную яму. Какъ третья недобрая парка, разрывающая нить жизни, Горе отождествляется съ богинею смерти; эта послѣдняя также охотится за живущими въ мірѣ, опутываетъ ихъ своими сѣтями и роетъ заступомъ свѣжія могилы (см. выше стр. 44, 48). Сказочнымъ героямъ удавалось обманывать Смерть и томить ее въ тѣсномъ заключеніи; тоже преданіе прилагается и къ Горю. Въ одной деревнѣ жили два мужика, два родные брата: одинъ — бѣдный, другой — богатый. Богачъ переѣхалъ въ городъ, выстроилъ себѣ большой домъ

---

[1]) Въ горячку. — [2]) Рыбник., I, 470—1.

и записался въ купцы; не то выпало на долю бѣднаго: иной разъ нѣтъ ни куска хлѣба, а ребятишки — малъ мàла меньше — плачутъ, ѣсть просятъ. Съ утра до вечера бьется мужикъ, какъ рыба объ ледъ, а все ничего нѣтъ. Пошелъ къ богатому попросить хлѣба. Тотъ заставилъ его проработать цѣлую недѣлю, и далъ за то одну ковригу. — И за то спасибо! сказалъ бѣдный и хотѣлъ было домой идти. «Постой! приходи-ка завтра ко мнѣ въ гости — на имянины, и жену приводи.» — Эхъ, братецъ! куда мнѣ? къ тебѣ придутъ купцы въ сапогахъ, въ шубахъ, а я въ лаптяхъ да въ худенькомъ зипунишкѣ хожу. «Ничего, приходи! и тебѣ будетъ мѣсто.» Наутро пришелъ бѣдный братъ съ женою къ богатому; поздравили и усѣлись на лавку. За столомъ ужь много именитыхъ гостей сидѣло; всѣхъ ихъ угощаетъ хозяинъ на славу, а про бѣднаго брата съ его женой и думать забылъ — ничѣмъ ихъ не подчуетъ. Кончился обѣдъ; гости поѣхали домой пьяные, веселые — шумятъ, пѣсни поютъ; а бѣдный идетъ назадъ съ пустымъ брюхомъ. «Давай-ка, говоритъ женѣ, и мы запоемъ пѣсню!» — Эхъ ты, дуракъ! люди поютъ отъ того, что сладко поѣли да много выпили; а ты съ чего? «Ну все-таки у брата на имянинахъ былъ; какъ запою, всякой подумаетъ, что и меня угостили.» — Пой, коли хочешь, а я не стану! Мужикъ затянулъ пѣсню, и послышались ему два голоса; онъ пересталъ, и спрашиваетъ жену: «это ты мнѣ подсобляла пѣть тоненькимъ голоскомъ?» — И не думала! «Такъ кто-же?» — Не знаю! сказала баба, а ну запой — я послушаю. Онъ опять за пѣсню; поетъ-то одинъ, а слышно два голоса; остановился и спрашиваетъ: «это ты, Горе, мнѣ пѣть подсобляешь?» Горе отозвалось: «да, хозяинъ! это я.» Пришелъ мужикъ домой, а Горе зоветъ его въ кабакъ. — Денегъ нѣтъ! отвѣчалъ бѣднякъ. «Охъ ты, мужичокъ! на что тебѣ деньги? вишь, на тебѣ полушубокъ надѣтъ, а на что онъ? скоро лѣто

будетъ, все равно носить не станешь! Пойдемъ въ кабакъ, да полушубокъ по боку...» Мужикъ и Горе пошли въ кабакъ и пропили полушубокъ. На другой день Горе заохало (съ похмѣлья-то голова болитъ!) и зоветъ хозяина винца испить. «Денегъ нѣтъ!» отвѣчаетъ мужикъ. — Да на что намъ деньги? возьми сани да телѣгу — съ насъ и довольно! Нечего дѣлать, не отбиться мужику отъ Горя; взялъ онъ сани и телѣгу, потащилъ въ кабакъ и пропилъ вдвоёмъ съ своимъ неотвязнымъ товарищемъ. На утро Горе еще больше заохало-зоветъ мужика опохмѣлиться; мужикъ пропилъ соху и борону... Мѣсяца не прошло, какъ онъ все спустилъ; даже избу свою сосѣду заложилъ, а деньги въ кабакъ снёсъ. Горе опять пристаетъ къ нему: «пойдемъ да пойдемъ въ кабакъ!» — Нѣтъ, Горе! воля твоя, а больше тащить нечего. «Какъ нечего? у твоей жены два сарафана: одинъ оставь, а другой пропить надобно.» Мужикъ взялъ сарафанъ, пропилъ — и думаетъ: «вотъ когда чистъ! ни кола, ни двора, ни на себѣ, ни на женѣ!» [1]) Поутру проснулось Горе; видитъ, что съ мужика нечего больше взять, и говоритъ: «хозяинъ!» — Что, Горе? «Ступай къ сосѣду, попроси пару воловъ съ телѣгою.» Привелъ мужикъ пару воловъ, сѣлъ вмѣстѣ съ Горемъ на телѣгу и поѣхали въ чистое поле. «Хозяинъ! спрашиваетъ Горе, знаешь ли ты на этомъ полѣ большой камень?» — Какъ не знать! «А когда знаешь, поѣзжай прямо къ нему.» Прі-

---

[1]) Сравни съ малорусскою пѣснею (Метлин., 366 — 7):

Пиду я, сяду въ зеленыхъ конопелькахъ,
Ажъ иде до мене Доля—вже трошкы-й пьяненька.
„Де-жъ ты, Доле, була, що-й мене забула?"
—Ой я въ людяхъ була, горилочку пыла...
Пиду-жъ я, сяду въ зеленимъ садочку,
Ажъ иде моя Доля—пропыла й сорочку!
Була, каже, въ шиночку, пыла горилочку,
Пропыла й сорочку...

ѣхали. Горе велитъ мужику поднимать камень; мужикъ подымаетъ, Горе пособляетъ; вотъ подняли, а подъ камнемъ яма — полна золотомъ насыпана. «Ну, что глядишь? сказываетъ Горе мужику; таскай скорѣе въ телѣгу». Мужикъ принялся за работу, все изъ ямы повыбралъ, и говоритъ: «посмотри-ко, Горе, никакъ тамъ еще деньги остались?» Горе наклонилось: «гдѣ? я что-то не вижу!» — Да вонъ въ углу светятся! Полѣзай въ яму, такъ увидишь. Горе полѣзло въ яму; только что опустилось туда, а мужикъ и накрылъ его камнемъ. «Вотъ эдакъ-то лучше будетъ! сказалъ мужикъ; не то коли взять тебя съ собою, такъ ты Горе горемычное, хоть нескоро, а все-же пропьешь и эти деньги!» Воротился мужикъ на деревню, купилъ лѣсу, выстроилъ большіе хоромы и зажилъ вдвое богаче своего брата. Случилось позвать ему брата на имянины; уподчивалъ его и медами, и винами. Спрашиваетъ тотъ, откуда ему досталось такое добро? Мужикъ разсказалъ все по чистой совѣсти. Завистно стало богатому: дай, думаетъ, поѣду въ чистое поле, подыму камень да выпущу Горе; пусть оно до тла разоритъ брата! Погналъ въ поле, своротилъ камень въ сторону и только нагнулся посмотрѣть въ яму, а ужь Горе выскочило и усѣлось ему на шею: «а, кричитъ, ты хотѣлъ меня уморить! теперь отъ тебя ни за что не отстану.» — Это мой братъ засадилъ тебя, а я пришелъ тебя выпустить! «Нѣтъ, врешь! разъ обманулъ, въ другой не проведешь!» Крѣпко насѣло Горе богатому купцу на шею; привезъ онъ его домой, и съ той поры пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе ужь съ утра за свое принимается, кажной день зоветъ опохмѣлиться; много добра въ кабакъ ушло! [1]) Въ основѣ сообщенныхъ нами преданій кроется

[1]) Н. Р. Ск., V, 34. По другому варіанту (ibid., 51), мужику удалось запереть Горе въ сундукъ и зарыть въ землю. Богатый изъ зависти вырылъ сундукъ и выпустилъ Горе на волю: ступай,

мысль, что Доля и Недоля — не просто олицетворенія отвлеченныхъ понятій, не имѣющія объективнаго бытія, а напротивъ — живыя миѳическія лица, тождественныя дѣвамъ судьбы (рожаницамъ). До сихъ поръ необразованному люду еще мало доступно понятіе о счастіи и несчастіи, какъ о необходимомъ послѣдствіи тѣхъ обстоятельствъ, въ какія ставятъ человѣка борьба житейскихъ интересовъ и его собственныя наклонности: предпріимчивость, ловкость, догадливость, трудолюбіе или апатія, неразсчетливость, лѣнь и т. дал. Какъ болѣзнен-

---

говоритъ, къ брату, разори его до послѣдней нитки! „Нѣтъ, отвѣчаетъ Горе, я лучше къ тебѣ пристану: ты—добрый человѣкъ, ты меня на свѣтъ выпустилъ, а тотъ лиходѣй въ землю упряталъ!“ Подобный-же разсказъ, записанный въ вятской губ., напечатанъ въ Современникѣ 1856, XII, 189 - 193: Богатый братъ выстроилъ новый домъ, задумалъ сдѣлать влазины (новоселье) и позвалъ къ себѣ въ гости и бѣднаго брата съ женою „Куда намъ съ богатыми знаться!“ говоритъ бѣдный женѣ. — Чтожъ, отвѣчаетъ она, давай сходимъ; намъ отъ этого безчестья не будетъ. „Да вѣдь на влазины надо гостинцы несть, а мы что понесемъ? развѣ занять у кого, да кто намъ повѣритъ?“ — А Нужа-то! сказала баба съ горькой усмѣшкою; ужли она выдастъ? вѣдь мы съ нею вѣкъ въ ладу живемъ. Отвѣчаетъ Нужда изъ-за печки: „возьмите-ка праздничной сарафанъ да продайте, на тѣ деньги купите окорокъ и отнесите къ брату“. Переглянулись мужикъ съ бабою, не знаютъ что̀ и подумать; посмотрѣли за печь—никого не видно. „А давно ли ты, Нужа, живешь съ нами?“ спросилъ мужикъ.—Да съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты съ братомъ раздѣлился. „И привольно тебѣ со мною?“—Благодаренье Богу, живу помаленьку! „Отчего-жъ мы тебя никогда не видали?“—А я живу невидимкою. Мужикъ продалъ сарафанъ, купилъ окорокъ и отнесъ къ богатому брату на влазины... На обратномъ пути онъ случайно набрёлъ на кладъ; забралъ золото, пришелъ домой и спрашиваетъ жену: „ты гдѣ спать ляжешь?“ — Я въ печь залѣзу. „А ты, Нужа, гдѣ уляжешься?“—Въ корчагѣ, что̀ на печи стоитъ. Выждавши время, мужикъ спрашиваетъ: „баба, ты спишь?“—Нѣтъ еще! „А ты, Нужа?“ Та и голосу не подаетъ—заснула. Мужикъ взялъ послѣдній женинъ сарафанъ, завязалъ корчагу и забросилъ ее, вмѣстѣ съ Нуждою, въ прорубь...

ные припадки и страданія заставляютъ простолюдина предполагать удары, наносимые ему демономъ; такъ точно счастіе и несчастіе, по народному убѣжденію, обусловливаются добрыми или недобрыми дѣйствіями сверхъестественныхъ существъ. Доля и Недоля дѣйствуютъ по собственнымъ разсчетамъ, независимо отъ воли и намѣреній человѣка, которому онѣ принадлежатъ: счастливый вовсе не работаетъ — и живетъ въ довольствѣ, потому что за него трудится его Доля: «твоя Доля тоби робе»,«ой я-бъ Бога молила, щобъ моему миленькому Доленька служила», «чомъ ему не пить, коли его Доля не спить!» (т. е. неусыпно заботится о его хозяйствѣ). Когда Доля покидаетъ своего кліента, перестаетъ на него работать — онъ впадаетъ въ нищету. Несчастный страдаетъ, испытываетъ всевозможныя лишенія, потому что Доля его предается сну, праздности или гульбѣ, бражничаетъ, веселится и не хочетъ знать никакого труда. Наоборотъ дѣятельность Недоли постоянно направлена во вредъ человѣку; пока она бодрствуетъ — бѣда слѣдуетъ за бѣдою, и только тогда становится легче безталанному, когда засыпаетъ его Недоля: «коли спитъ Лихо, не буди-жъ его», пол. «nie budź Licha, kiedy Licho śpi», «niech śpi Licho!» [1])

Особенно-важны для ученаго изслѣдователя преданія о злыдняхъ, соотвѣтствующихъ Горю, Лиху и Недолѣ сказочнаго эпоса. Злыднями называются въ Малороссіи маленькія существа неопредѣленныхъ образовъ; гдѣ они поселятся, тому дому грозитъ большое зло: какъ-бы ни было велико богатство хозяина, оно быстро сгинетъ и намѣсто довольства наступитъ страшная нищета [2]). Существуетъ клятва: «най (нехай) го злидни побъютъ!» [3]) У бѣлоруссовъ сохранилась пословица: «впросилися злыдни на три дни, а въ три годы не

[1]) Номис., 34—35, 40; Метлин., 20. — [2]) Морск. Сборн. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 47, 65—66. — [3]) Номис., 72.

выживешь!» [1]) Своимъ крохотнымъ ростомъ и неугомоннымъ характеромъ они напоминаютъ домовыхъ карликовъ (злыхъ эльфовъ, кобольдовъ, кикиморъ,) и тѣмъ самымъ даютъ новое свидѣтельство о древнѣйшей связи миѳическихъ олицетвореній судьбы и смерти съ духами стихійными, грозовыми. Подобно марамъ, злыдни, поселяясь въ домахъ, живутъ невидимками и непремѣнно за печкою; тоже разсказывается о Горѣ, Нуждѣ и Кручинѣ [2]). Въ бѣлорусскихъ деревняхъ невѣста, покидая отцовскій домъ, причитываетъ: «добрая Доля! да идзи за мной — съ печи пламенемъ, з' хаты каминомъ (дымовой трубою [3]). И мары, и злыдни странствуютъ по свѣту и располагаются на житье обществами; точно также, по свидѣтельству народныхъ поговорокъ, «Бѣда не приходитъ одна», «Бѣды вереницами ходятъ». Какъ злой кобольдъ или маръ, Горе насѣдаетъ на спину бѣдняка; въ одной изъ сказокъ [4]) Горе похваляется, что нѣтъ такой щели, куда бы не могло оно спрятаться, и въ подтвержденіе словъ своихъ влѣзаетъ въ ступицу колеса; по другому разсказу, Нужда ночуетъ въ корчагѣ: ясно, что народному воображенію они представляются малютками, карлами. Но есть и другія черты, роднящія ихъ съ стихійными духами. Такъ великорусская пѣсня надѣляетъ Горе чудесною способностью превращеній; изображая бѣгство удалаго добра молодца отъ неустанно-преслѣдующаго Горя, она живописуетъ слѣдующую поэтическую картину:

Повернулся добрый молодецъ яснымъ соколомъ,
Поднимался выше лѣса подъ самыя облаки,
А Горюшко вслѣдъ чернымъ ворономъ
И кричитъ громкимъ голосомъ:
„Не на часъ я къ тебѣ Горе привязалося!“

---

[1]) Записки Р. Г. О. по отд. этн., I, 274. — [2]) Рыбник., I, 482. — [3]) Пантеонъ 1853, I, ст. Шпилевскаго. — [4]) Н. Р. Ск., V, 34.

Падетъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ,
Сталъ добрый молодецъ сѣрымъ волкомъ поскакивать,
А Горюшко вслѣдъ собакою. [1])

Въ одномъ изъ многихъ варіантовъ сказки о двухъ братьяхъ счастливомъ и безсчастномъ, Доля является въ образѣ мыши, что̀ стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ души-эльфа(=пената, оберегающаго семейное счастіе и богатство) этимъ шаловливымъ звѣрькомъ [2]). Почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ сохраняется преданіе о Вѣтрѣ, который за развѣянную имъ у бѣднаго крестьянина муку̀ даритъ ему желанныя (= счастливыя) вещи, wunschdingen (I, 313—4); тѣже самыя диковинки получаетъ сказочный герой и отъ своей Доли. Жило-было два брата: старшій — богатый да злой, меньшой — работящій, добрый да бѣдный. Что ни дѣлалъ бѣднякъ, все ему не удавалось. Вотъ онъ вздумалъ и пошелъ искать свою Долю; долго ли, коротко ли — нашелъ ее въ полѣ: лежитъ себѣ Доля, прохлаждается! Сталъ ее бить плетью, а самъ приговариваетъ: «ахъ ты, Доля лѣнивая! у другихъ людей Доли ночь не спятъ, все для своихъ хозяевъ труждаются; а ты и днемъ ничего не дѣлаешь. По твоей милости мнѣ скоро и съ женой и съ дѣтками съ голоду умирать прійдется!» — Полно, перестань драться! отвѣчаетъ ему Доля; вотъ тебѣ лубочный кузовокъ — только раскрой, будетъ что̀ и попить и поѣсть тебѣ. Мужикъ пришелъ домой, раскрылъ кузовокъ, а тамъ — чего только душа желаетъ! Старшій братъ прослышалъ про то, пришелъ и отнялъ у него диковинку силою. Отправился бѣднякъ опять къ Долѣ; она ему дала золотой кузовокъ. Вышелъ онъ на дорогу, не сталъ долго раздумывать — то̀тчасъ-же открылъ золотой кузовокъ: какъ выскочутъ оттуда мо̀лодцы съ дубинками и давай

---

[1]) Рыбник., I, 484—5. — [2]) Труды моск. археол. общ., в. II, 171.

его бить! Больно прибили и спрятались въ кузовъ. «Ну, думаетъ мужикъ, этотъ кузовокъ не накормитъ, не напоитъ, а больше здоровья отыметъ! Не хочу его и брать-то съ собою!» Бросилъ золотой кузовъ на землю и пустился въ путь; прошелъ съ версту, оглянулся назадъ, я кузовъ у него за плечами виситъ. Испугался мужикъ, сбросилъ его долой и побѣжалъ во всю прыть; бѣжитъ, ажно задыхается! Оглянулся назадъ — а кузовъ опять за плечами... Нечего дѣлать, принёсъ его домой. Старшій братъ польстился на золотой кузовокъ, пришелъ мѣняться: «я тебѣ, говоритъ, отдамъ лубочный кузовокъ, а ты подавай сюда золотой». Помѣнялся, да потомъ долго-долго помнилъ эту неудачную мѣну [1]). Первый кузовокъ соотвѣтствуетъ скатерти-самобранкѣ, а второй — кнуту-самобою (метафоры дождевой тучи, поящей и насыщающей мать-сыру землю, и Перуновой плети = молніи). Эти диковинки, принадлежащія богу вѣтровъ и бурныхъ грозъ, въ настоящемъ разсказѣ принимаются въ значеніи тѣхъ даровъ счастія, какими надѣляютъ смертныхъ вѣщія дѣвы судьбы. Въ одной изъ лубочныхъ сказокъ невидимка-Кручина (=Горе), выскочивъ изъ-за печки, отымаетъ у бѣднаго старика послѣднюю краюху хлѣба, а потомъ даритъ ему утку, несущую золотыя яйца [2]); въ новогреческой же редакціи этого сказочнаго преданія несущую золото птицу даетъ Счастіе (=Доля), которому бѣднякъ, ожесточенный жизненными неудачами, вцѣпился въ волоса [3]). Возвращаемся къ злыднямъ; въ народной сказкѣ, записанной г. Максимовичемъ [4]), они играютъ туже роль, что̀ и Горе. Было два брата: убогой и богатой. Убогой наловилъ рыбы и понёсъ на поклонъ богатому въ день его имянинъ. «Славная рыба! сказалъ тотъ; спасибо, братъ, спасибо!» — и только; нѐ далъ ничего ему на

[1]) Н. Р. Ск., I–II, 332. — [2]) Ibid., V, 53, b. — [3]) Ганъ, 36. — [4]) Три сказки и одна побасенка, (Кіевъ, 1845), 35–44.

бѣдность и даже къ себѣ не позвалъ. Сгрустнулось убогому, повѣсилъ онъ голову и пошелъ со двора. На дорогѣ повстрѣчался ему старичокъ: «что ты, дѣтинушка, такой невеселой?» Бѣднякъ разсказалъ свое горе. «Чтожъ, сказалъ старикъ, спасибо — дѣло великое! продай мнѣ его.» — Какъ-же продать-то его? бери, пожалуй, даромъ! «Такъ спасибо мое! молвилъ старикъ, сунулъ ему мошну въ руки — и съ глазъ пропалъ. Мужикъ посмотрѣлъ — полна мошна зо̀лота, радёхонекъ воротился къ женѣ, купилъ себѣ новый домъ и живо перебрался на новоселье, а старую избушку заперъ, заколотилъ на̀глухо. Какъ-то разговорился онъ съ женою про свое прежнее убожество. «Неладно, Иванъ, говоритъ баба, что мы покинули въ старой избушкѣ свои жернова; вѣдь они насъ кормили при бѣдности, а теперь какъ ненадобны стали — мы и забыли про нихъ!» — Правда твоя! отвѣчалъ Иванъ и поѣхалъ за жерновами. Пріѣхалъ — покинутое жилье полынью поросло, и слышатся ему голоса изъ ветхой избушки: «злодѣй Иванъ! сталъ богатъ — насъ покинулъ, заперъ тутъ на долгую му̀ку.» — Да вы кто такіе? спрашиваетъ Иванъ; я васъ совсѣмъ не знаю. «Не знаешь! видно, забылъ нашу вѣрную службу: мы твои злыдни!» — Богъ съ вами! мнѣ васъ не надо! «Нѣтъ, ужь мы отъ тебя не отстанемъ!» — Постойте-же! думаетъ Иванъ, и говоритъ вслухъ: «хорошо, я возьму васъ, только съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы донесли жернова на своихъ плечахъ.» Припуталъ къ нимъ тяжелыя жернова и заставилъ идти впереди себя. Надо было переходить черезъ глубокую рѣку по̀ мосту; мужикъ собрался съ силою, да какъ толконётъ — и пошли злыдни какъ ключь ко дну. Окончаніе этой сказки — тоже самое, что̀ и выше-приведенной про Горе горемычное [1]). Подобное-же преданіе разсказывается въ

[1]) Сравни Эрленвейн., 21; Труды курск. статистич. комитета, I, 541—2; Эрбенъ, 122—3; Н. Р. Ск., III, 9: здѣсь выведены двѣ панны Счастіе и Несчастіе.

Германіи о кобольдахъ: жили по сосѣдству два хозяина, и такъ какъ домовые карлики не давали имъ покоя, то рѣшились наконецъ покинуть свои избы и перебраться на новоселье. Когда вся утварь была вынесена, вышли изъ воротъ двѣ служанки, съ вѣниками на плечахъ. «Куда ты?» спросила одна другую, и въ туже минуту множество тонкихъ голосковъ отвѣчало съ верхушекъ вѣниковъ: «мы перебираемся!» Испуганныя служанки побросали вѣники въ прудъ и затопили ихъ поглубже; съ тѣхъ поръ въ домахъ водворилось спокойствіе, а въ пруду подохла вся рыба и нерѣдко слышались оттуда тонкіе голоса: «мы перебрались!» [1])

Въ сербскихъ приповѣдкахъ Караджича [2]) напечатанъ превосходный разсказъ о Судьбѣ и двухъ Доляхъ, дополняющій нѣкоторыми любопытными подробностями преданія нашего сказочнаго эпоса. Жили вмѣстѣ, сообща двое братьевъ: одинъ — работящій, а другой — безпечный и лѣнивый. «Что мнѣ на брата трудиться!» думаетъ работящій — и вотъ они раздѣлились. У работящаго все пошло не въ прокъ, на убытки; а лѣнивый богатѣетъ себѣ, да и только. Идетъ однажды безсчастной и видитъ на ливадѣ стадо овецъ, пастуха нѣту, а замѣсто его сидитъ прекрасная дѣвица и прядетъ золотую нитку. «Чьи это овцы и кто ты сама?» — Я Доля (Срећа [3]) твоего брата, и овцы ему принадлежатъ. «А гдѣ-жъ моя Доля?» — Далеко отъ тебя! ступай поищи ее. Безсчастной зашелъ къ брату, и тотъ, видя его бóса и нага, сжалился и подарилъ ему постолы. Повѣсивъ нà спину торбу и взявъ въ руки палку, бѣднякъ отправился искать свою Долю; шелъ-шелъ и попалъ въ лѣсъ, смотритъ — подъ однимъ ду-

---

[1]) Beiträge zur D. Myth., II, 335. — [2]) Срп. припов., 13. — [3]) Старославян. съ-ряшта (отъ съ-рѣсти)=встрѣча; счастіе, по народному убѣжденію, зависитъ отъ дѣйствительной встрѣчи съ нимъ человѣка.

бомъ спитъ сѣдая старуха. Онъ размахнулся палкою и ударилъ ее по заду. «Моли Бога, что я спала! сказала старуха, открывая глаза; а то не Добыть бы тебѣ и постоловъ!» — Что такъ? «Да я — твоя Доля!» Вслѣдъ за этимъ посыпались на нее удары: «если ты — моя Доля, то убей тебя Богъ! кто мнѣ далъ тебя убогую?» — Судьба (Усуд)! отвѣчала Доля. Бѣднякъ отправляется искать Судьбу; встрѣчные на пути, распросивъ — куда онъ идетъ, умоляютъ его развѣдать о своей участи... Наконецъ странникъ является къ Судьбѣ; въ то время она жила богато, весело, въ большомъ дворцѣ, но потомъ съ каждымъ днемъ становилась все бѣднѣй и бѣднѣе, а домъ ея меньше и печальнѣе; каждую ночь Судьба назначала младенцамъ, народившимся въ продолженіи сутокъ, точно такую-же долю, какою пользовалась сама въ истекшій день. На распросы пришельца она сказала ему: «ты родился въ сиротинскую ночь — такова и доля твоя!» и посовѣтовала ему взять къ себѣ братнину дочь Милицу, рожденную въ счастливый часъ, и все что́ бы ни пріобрѣлъ онъ — не называть своимъ, а Милицынымъ. Безсчастной послѣдовалъ этому мудрому совѣту, и съ той поры сталъ жить въ довольствѣ. Разъ какъ-то былъ онъ на нивѣ, на которой уродилось славное жито; проходилъ мимо путникъ и спросилъ: «чье это жито?» Хозяинъ въ забывчивости отвѣчалъ: «мое!» — и въ тотъ-же мигъ вспыхнула его нива. Увидя огонь, бросился онъ догонять прохожаго: «постой, брате! это жито не мое, а моей племянницы Милицы». И какъ только вымолвилъ эти слова — то̀тчасъ пожаръ затихъ и погасъ [1]). Усуд и Срећа являются и въ другой сказкѣ, напечатанной въ изданіи Матицы [2]), какъ существа живыя, состоящія въ божіихъ повелѣніяхъ. Въ народныхъ пѣсняхъ находимъ слѣдующія выраже-

[1]) Сравни въ сборн. Валявца, 236-7. — [2]) Србскій лѣтопис 1861, II, 132-3.

нія: «тако њему Бог и Среħа даде», «с вама дошла свака Среħа̄ и сам Господ Бог», «сусрела вас добра Среħа и сам Господ Бог», «однесе ме (говоритъ невѣста) Бог и Среħа Јову (жениху) на дворе» [1]). Какъ у насъ различаются Доли счастливая и несчастная, такъ сербы знаютъ Среħу добрую и злую. На обычное привѣтствіе съ добрымъ утромъ или вечеромъ отвѣчаютъ: «добра ти Среħа!» О человѣкѣ, который не уберегся отъ бѣды, говорятъ: «не даде му зла Среħа» [2]); въ пѣсняхъ читаемъ: «зла ти Среħа» «зла Несреħа Воину прискочи» [3]). Сербская сказка неслучайно представляетъ добрую Среħу прекрасною дѣвою, прядущею золотую нить; эти черты свидѣтельствуютъ за ея тождество съ паркою, и доселѣ-употребительное въ народѣ выраженіе: «тако ми Среħа напредовала!» означаетъ тоже, что наша поговорка: «знать, такова моя доля!» (=тако ми среħе!) Недоля также прядетъ нити, какъ это видно изъ пословицы: «Несреħа танко преде», т. е. бѣда легко можетъ приключиться [4]). Наравнѣ съ вилами, вѣдогонями и валькиріями, Доля и Недоля принимаютъ участіе въ человѣческихъ распряхъ и битвахъ. Когда Сењанин Тадија съ двумя товарищами взялъ въ плѣнъ тридцать турокъ и дивились тому дѣвицы, онъ промолвилъ имъ:

Не чуд'те се, Сен(ь)анке ђевојке
То се срела Среħа и Несреħа,
Моја Среħа, н(ь)ихова Несреħа,
Моја Среħа Несреħу свезала" [5]).

Подобныя представленія извѣстны и у другихъ родственныхъ народовъ. У нѣмецкихъ поэтовъ XIII-го вѣка Saelde

[1]) Срп. н. пјесме, I, 32, 34, 45; II, 51-52. — [2]) Срп. рјечник, 125. — [3]) Срп. н. пјесме, I, 536; II, 398.— [4]) Срп. н. послов., 209, 306 У Гомера олицетворенная αἶσα (Я. Гриммъ сближаетъ это слово съ др.-в.-нѣм. êra, н.-в.-нѣм. ehre, гот. áiza, áisa= honor, dignitas—D. Myth., 385) прядетъ новорожденному нить его жизни. — [5]) Срп. н. пјесме, III, 292.

изображается, какъ богиня счастія=Fortuna, и называется frô (frau) Saelde. Гриммъ приводитъ цѣлый рядъ выраженій, указывающихъ на олицетвореніе этого понятія. Она спитъ или бодрствуетъ, и является то благосклонною, то враждебною: то идетъ на встрѣчу къ своимъ любимцамъ, обращаетъ къ нимъ свое лицо, прислушивается къ ихъ желаніямъ, улыбается имъ; то удаляется (улетаетъ, отступаетъ) отъ человѣка, обращается къ нему спиною, преграждаетъ ему путь. Донынѣ принято выражаться: «das glück ist ihm hold, kehrt bei ihm ein, verfolgt ihn», у русскихъ: «ему улыбается счастіе», или «счастіе отвратило отъ него свои взоры, показало ему затылокъ, улетѣло, покинуло его», у чеховъ: «štěsti se mu směje, obličej k nemu obraci» [1]). Въ сагахъ frau Saelde обладаетъ тремя чудесными дарованіями: вѣдать чужія мысли, заговаривать раны, полученныя въ битвахъ ратниками, и быстро переноситься — куда ей вздумается; дикой охотникъ (Одинъ) гонится за нею, какъ за лѣсною (=облачною) дѣвою. Saelde принимается въ смыслѣ счастливой, благопріятной Доли (bona Fortuna, ἀγαθὴ Τύχη); а съ отрицаніемъ — Unsaelde равняется нашей Недолѣ, сербской Несреħѣ: «Unsaelde hât ûf mich gesworn», «Unsaelde sî mir ûf getan», «wie in diu Unsaelde verriete», «sô wirt Unheil von mir gejaget». Слѣдующій разсказъ сходится съ нашею сказкою о Горѣ: бѣдный рыцарь, сидя въ лѣсу, увидѣлъ надъ собой на деревѣ страшилище, которое кричало ему: «ich bin dîn Ungelücke!» Рыцарь пригласилъ его раздѣлить свою скудную трапезу; но едва Несчастіе сошло съ дерева, какъ онъ схватилъ его и заключилъ въ дубовое дупло; съ тѣхъ поръ онъ ни въ чемъ не зналъ неудачи. Одинъ завистникъ, узнавши про то, отправился въ лѣсъ, освободилъ Несчастіе, но оно насѣло на его собственную шею. Въ средневѣковыхъ памятникахъ встрѣчаются выраже-

[1]) Ганушъ, 210.

нія: der Saelden schîbe или rat (gelückes rat) = колесо счастія (rota Fortunae), о которомъ такъ часто упоминаютъ классическіе писатели. Это представленіе возникло въ отдаленной древности изъ поэтическаго уподобленія солнца вертящемуся колесу. Бѣгомъ солнечнаго колеса условливаются день и ночь, лѣто и зима, жизнь и смерть природы, а слѣдовательно и людское счастіе и несчастіе. Возжигаемое по утру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вмѣстѣ съ воскресающимъ днемъ, къ бытію и дѣятельности; а вечеромъ, когда оно погасаетъ на западѣ, земля и ея обитатели повергаются въ сонъ = замираютъ. Съ поворотомъ этого колеса на лѣто земная жизнь начинаетъ пробуждаться отъ зимняго оцѣпенѣнія, а съ поворотомъ на̀ зиму снова подчиняется владычеству Смерти. Возженіе и погасаніе дневнаго свѣтила, его утреннее или весеннее нарожденіе и вечерняя или зимняя смерть, слились въ убѣжденіяхъ народа съ тѣмъ жизненнымъ пламенемъ, какое возжигали и тушили могучія парки. День — эмблема счастія, радости, жизненныхъ благъ; ночь — несчастія, печали и смерти. Сербская пѣсня выражается:

Кад се д'јели срећа од несреће,
Тавна ноћца од бијела дана [1]).

Поэтому родиться на утренней зарѣ, при восходѣ солнца, принимается за добрый знакъ, за предвѣстіе счастливой жизни; напротивъ рожденіе по закатѣ солнца, когда воцаряется на землѣ нечистая сила мрака, не сулитъ младенцу ничего хорошаго въ будущемъ. Понедѣльникъ потому и тяжелый день, что издревле былъ посвященъ лунѣ, богинѣ ночи и темнаго аида (стр. 252). Подобныя-же примѣты счастливыя и несчастливыя соединялись и съ годовымъ обращеніемъ солнца,

---

[1]) Переводъ: когда счастіе отдѣляется отъ несчастія, темная ночь отъ бѣлаго дня, т. е. на раннемъ утреннемъ разсвѣтѣ — Срп. н. пјесме, III, 278.

при чемъ лѣто соотвѣтствовало дню, а зима—ночи. Небесные боги, столь богатые и щедрые на дары въ лѣтніе мѣсяцы, нищали и становились скупыми, жестокосердыми въ зимнюю половину года. Отсюда объясняется сказочное преданіе, что Судьба жила попеременно —то среди роскоши и богатства, то въ совершенной бѣдности, и сообразно съ этимъ, назначала новорожденнымъ то добрую, то лихую долю. Итакъ время рожденія человѣка (добрый или злой часъ) было причиною, почему ему опредѣлялась та или другая доля:

Щасливой годиноньки
Козакъ уродився;
Ой куди винъ подумае,
То-й Богъ помогае [1]).

На древнемъ метафорическомъ языкѣ лучи солнечные уподобляются золотымъ нитямъ; вмѣстѣ съ этимъ солнце стало разсматриваться, какъ колесо самопрялки, а прекрасная богиня Зоря явилась пряхою и сблизилась съ дѣвами судьбы, прядущими жизненныя нити (см. стр. 390). Съ разсвѣтомъ дня и съ началомъ весны она принимается за свою работу, прядетъ и разбрасываетъ золотыя нити, и пробуждая міровую жизнь, даруетъ землѣ плодородіе, а смертнымъ изобиліе и счастіе; но какъ скоро злыя силы (Ночь и Зима) прекращаютъ этотъ благодатный трудъ, обрываютъ ея свѣтоносную пряжу — тòтчасъ-же наступаетъ владычество Смерти. Народныя преданія, говоря о дѣвахъ судьбы, выпряденныя ими нити нерѣдко называютъ золотыми. Подъ вліяніемъ указанныхъ воззрѣній, колесо сдѣлалось эмблемою быстраго бѣга и непостоянства богини счастія. Богиня эта или сама стоитъ на вертящемся колесѣ, или вращая его своею рукою, подымаетъ счастливцевъ вверхъ, а несчастныхъ сталкиваетъ

[1]) Труды моск. археол. общ., в. II, 157; Метлинск., 329.

внизъ. Поставленное надъ воротами колесо, по уцѣлѣвшему въ Германіи повѣрью, приноситъ хозяину дома счастье [1]).

До сихъ поръ между русскими простолюдинами хранится твердое убѣжденіе, что нѣкоторые люди уже такъ и родятся на свѣтъ бѣдовиками и бездольными: что̀ бы они не дѣлали, за ними всегда и во всемъ слѣдуютъ неудачи и бѣдствія [2]); другіе-же напротивъ родятся счастливцами. Подобно тому, какъ въ сербской приповѣдкѣ бездольный беретъ къ себѣ счастливую Милицу и живетъ ея счастіемъ, такъ въ русской сказкѣ [3]) Иванъ Безсчастный женится на «таланливой» дѣвицѣ, и чрезъ то избываетъ житейскихъ невзгодъ и скоро богатѣетъ. Если у родителей умираютъ дѣти, они, не довѣряя болѣе своему счастію и желая вновь-народившагося ребенка привязать къ жизни, закрѣпляютъ его на чужое имя. Съ этою цѣлью совершается символическій обрядъ продажи младенца: кто-нибудь изъ постороннихъ, преимущественно старуха, становится подъ окномъ; ей подаютъ ребенка, за котораго она уплачиваетъ копѣекъ пять или десять, а потомъ, возвращая его родителямъ, говоритъ: «живи на мое счастье!» На деньги, заплаченныя за ребенка, покупаютъ свѣчу, зажигаютъ въ церкви и ставятъ передъ иконою. Свѣча знаменуетъ въ этомъ обрядѣ возженное пламя жизни [4]). Всѣхъ, кто только родится въ сорочкѣ, богиня счастія объявляетъ собстевнными дѣтьми; выраженія: ein schosskind des glückes, ein glückskind, dem glück im schosse sitzen (сравни русскую поговорку: «жить счастливо, что̀ у Христа за пазухой») указываютъ на усыновленіе; Вуотанъ, какъ богъ, одаряющій счастіемъ, принимаетъ дѣтей подъ свою охрану: «er nimmt kinder in seinen schoss auf». Любимца своего Фортуна надѣляетъ «дарами

---

[1]) D. Myth., 822–7, 832–3, 895, 1091. — [2]) Абев., 261. — [3]) Н. Р. Ск., VIII, 3, b, 21. — [4]) Записки Авдѣев., 138.

счастія», осыпаетъ его изъ «рога изобилія» [1]), даритъ ему разныя диковинки: шапку-невидимку, скатерть-самобранку, волшебную палицу (wünschelruthe), кошелекъ съ золотомъ, изъ котораго сколько не бери—онъ все полонъ, и птицу, несущую золотыя яйца. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, при рожденіи избранника Фортуны являются три святые старца, или Спаситель и два апостола (позднѣйшая замѣна трехъ вѣщихъ роженицъ) и одаряютъ его счастливыми мыслями: все, чего ни пожелаетъ онъ, то и сотворитъ ему Господь! [2])

Роду и рожаницамъ совершались жертвенныя приношенія. Въ вопросахъ Кирика (XII стол.) читаемъ: «аже се Роду и Рожаницѣ краютъ [3]) хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше вельми (епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ Рожаницѣ!» [4]) По всему вѣроятію, здѣсь разумѣется ссылка на 11—12 стихи LXV-й главы Исаіи, которые въ старинномъ переводѣ (въ паремейникѣ 1271 года) переданы такъ: «вы же оставьшеи мя и забы(вь)шеи гороу святоую мою и готовающеи рожаницамъ (варіанты по другимъ спискамъ: Рожаници, Роду) трапезоу и исполъняюще дѣмонови (вар. кумиру, идолу, рожденицамъ) чьрпание — азъ прѣдамъ вы во ороужие» [5]). Текстъ этотъ, вмѣстѣ съ послѣдующими стихами Исаіи, повторяется съ истолкованіемъ въ словѣ о поставляющихъ вторую трапезу Роду и рожаницамъ, которое

---

[1]) „Mundanam cornucopiam Fortuna gestans", „formatum Fortunae habitum cum divite cornu" — [2]) D. Myth., 827—8; Н. Р. Ск., VIII, стр. 638—640. Всѣ приведенныя нами свидѣтельства положительно убѣждаютъ, что мнѣніе Прокопія, будто славяне не признавали Судьбы,—несправедливо. — [3]) Кроить—рѣзать. — [4]) Памят. XII в., 179. — [5]) Сличи переводъ позднѣйшихъ изданій: „вы же, оставившіи мя (Бога) и забывающіи гору святую мою, и уготовляющіи демону трапезу, и исполняющіи щастію раствореніе — азъ предамъ васъ подъ мечь."

почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ, и приписывается Іоанну Златоустому: «Рече Господь: наслѣдят горѫ снятѫя моѫ избранніи раби мои. Раби сѫт' то иже-слоужат Богу и воля его творят, а не Родоу, ни рожаницам, ни коумиром соуетным: то сѫт слоугы божіа... Вы же оставльше мя и забываѫще горѫ святѫя моѫ и готоваѫще трапезоу Родоу и рожаницам, наплънѣѫще бѣсомь чръпаніа—азь предам вы на орѫжіе, и въси заколеніемь падете... Се работаѫщи ми ясти начнѫт; вы же възалчете, нѫ тоѫ сыти есте трапезоѫ, ѫже готоваете рожаницам. Се работаѫщіи ми пити начнѫт; вы же въжадаете, нѫ то піите, иже то испол(н)иваете чръпаніа бѣсом... Се работаѫщіи ми възрадуѫтся въ веселіи сердца; вы же работаѫщеи бѣсомь и слоужащеи идолом и ставляѫще трапезоу Родоу и рожаницам възопіете въ болезни сердца вашего и от ск(р)оушеніа доуха въсплачетеся. Томоу-же ся събыти нѣсть зде, нѫ въ оном вѣцѣ... работаѫщіи ми благословятся, поѫть Богу истинномоу, а вы поете пѣсни бѣсовьскыя идолом Родоу и рожаницам.. Се же чада слышаще и останѣте ся поустошнаго того твореніа и службы тоя сатанины и ставления трапезы тоя коумирьскыя, нареченыя Родоу и рожаницам» [1]). Въ словѣ христолюбца, въ числѣ другихъ остатковъ язычества, указано и слѣдующее: «молятся... Мокоши и Симу и Рьглу и Перуну и Роду и Рожаницѣ... не такожъ зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкіи чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутьяины трапезы законнаго обѣда, иже нарицаеться безаконная трапеза, мѣнимая Роду и рожаницамъ.» По другому списку христолюбцова сло-

---

[1]) Архивъ ист.-юрид., т. II, полов. 1-ая, ст. Срезнев., 99–101; тоже мѣсто приведено и во 2-й половинѣ означеннаго тома, стр. 66; Истор. Росс. Соловьева, II, письмо г. Бусл., 30; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, ст. Лавровск., 22.

ва: «то суть идолослужители, иже ставять трапезу рожаницямъ, короваи молять, виламъ и огневи подъ овиномъ и прочее ихъ проклятьство... Не тако-же простотою злѣ служимъ, нъ(о) смѣшаемь съ идольскою трапезою тропарь святыя Богородиця съ рожаницями въ прогнѣваніе Богу» [1]). Въ рукописи Волоколамскаго монастыря (сборникѣ Леонида, епископа рязанскаго) сказано: «аще ли кто креститъ вторую трапезу родству (Роду?) и рожаницамъ тропаремъ св. Богородицы, а кто ястъ и піетъ, да будетъ проклятъ» [2]). Въ Паисьевскомъ сборникѣ — въ словѣ, приписанномъ св. Григорію, читаемъ: «такожъ і до словѣнъ доіде се слов(о), і ти начаша требы класти Роду і рожаницамъ. преже Перуна бога ихъ. а переже того (г. Срезневскій исправляетъ это мѣсто такъ: Переже бо того Перуна бога и иныхъ словили и) клали требу (имъ и) оупиремъ і берегинямъ. По святѣмъ же крещеньи Перуна отринуша, а по Христа бога яшась; но і ноне по оукраінамъ моляться ему проклятому богу Перуну і Хорсу і Мокоши і Вилу, і то творятъ отай: сего не могуть ся лишити проклятаго ставленья вторыя трапезы, нареченыя Роду и рожаницамъ, (въ) велику прелесть вѣрнымъ крестьяномъ і на хулу святому крещенью и на гнѣвъ Богу». Въ другомъ спискѣ вслѣдъ за этими словами прибавлено: «по святѣмь крещеніи черевоу работни попове оуставиша тре(о)парь прикладати рождества Богородици къ рожаничьнѣ трапезѣ, отклады дѣюче» [3]).

---

[1]) Оп. Румян. Муз., 228—9; Лѣт. рус. лит., т. IV, отд. 3, 90 94—95. — [2]) Истор. Росс. Соловьева, I, дополнен. стр. 3. — [3]) Лѣт. рус. лит., IV, отд. 3, 97, 101; Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерск. мон., II, 33; Москв. 1851, V, 52—64; въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, на стр. 104 указаны и другіе протесты противъ требъ, совершаемыхъ виламъ и рожаницамъ, а въ предисловіи на стр. 23 приведено слѣдующее мѣсто изъ сборника Московскаго Архива министер. иностр. дѣлъ: „се буди всѣми вѣдомо, яко Несторій еретикъ научи трапезу ставити рожаничьную, мня Богородицу—человѣкородицу; святіи же отци лаодикійскаго собора... писаніемъ повелѣша не творити того.“

«Самый бѣглый взглядъ (по справедливому замѣчанію профес. Срезневскаго) на языкъ и правописаніе представленныхъ выписокъ достаточенъ для убѣжденія, что бо́льшая часть памятниковъ, изъ которыхъ онѣ сдѣланы, въ первоначальныхъ своихъ спискахъ принадлежала не намъ, а нашимъ югозападнымъ соплеменникамъ: болгарамъ, сербамъ. Тѣмъ не менѣе однако они перешли къ намъ небезсознательно, не какъ сказанія о суевѣріи, чуждомъ нашимъ предкамъ, а какъ поученія, близкія сердцу нашихъ народныхъ учителей, заботившихся объ искорененіи языческихъ суевѣрій не только своимъ собственнымъ словомъ, но и помощію авторитета другихъ христолюбцевъ... Словомъ, вѣрованіе въ роженицъ представляется въ старинныхъ памятникахъ не какимъ-нибудь мѣстнымъ отродіемъ древняго язычества, а однимъ изъ остатковъ древности общеславянской» [1]). Итакъ, наравнѣ съ другими языческими богами, Роду и рожаницамъ, возсылались молитвы, приносились жертвы и учреждались законныя (обрядовыя) трапезы, т. е. родильныя пиршества, на которыхъ присутствующіе вкушали и пили отъ жертвенныхъ приношеній, возглашали пѣсни въ честь Рода и рожаницъ и молили ихъ быть благосклонными къ новорожденному младенцу, взять его подъ свой покровъ и надѣлить счастіемъ. Такъ какъ, послѣ принятія христіанства древняя богиня, царица младенческихъ душъ, (=Гольда) смѣнилась въ глазахъ суевѣрнаго народа Пречистою Дѣвою; то рожаничныя трапезы стали сопровождаться славословіемъ Богородицы. Трапезы эти обозначаются эпитетами: вторыя и кутейныя. «Вторая трапеза» есть буквальный переводъ выраженія: secunda mensa [2]); кутья—ка-

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 105—6 и предислов. 22—23. —
[2]) Secundus означаетъ: и второй, и благопріятный, счастливый, благополучный; res secundae—счастіе, fortuna secunda; secundae—все, что послѣ родовъ выходитъ изъ утробы, мѣсто младенческое, послѣдъ дѣтскій.

ша изъ разваренной пшеницы или ячменнаго зерна, съ медовой сытою, донынѣ составляющая необходимую яству на родинахъ (крестинахъ), похоронахъ и поминкахъ. Въ сборникѣ прошлаго столѣтія въ числѣ суевѣрій упомянуто: «съ ребятъ первые волосы стригутъ и бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ» [1]. Надо думать, что въ отдаленной древности обрядъ постриговъ (см. гл. XXIX) имѣлъ религіозное значеніе, что ребенка постригали его рожаницѣ = отдавали подъ покровъ его генія-хранителя или счастливой, доброй Доли. У грековъ и кельтовъ былъ обычай посвящать волоса богамъ. Другія жертвенныя яства въ честь Рода и рожаницъ: хлѣбъ и сыръ долгое время оставались принадлежностію свадебнаго стола, а напитокъ медъ постоянно сопровождалъ всѣ религіозныя приношенія и пиршества. Когда въ семействѣ народится дитя, чехи ставятъ на столъ хлѣбъ-соль для судичекъ, незримо присутствующихъ въ домѣ [2]. Въ хорватскомъ приморьи дѣвицы оставляютъ въ пещерахъ и на камняхъ плоды, цвѣты и шелковыя ленты виламъ, приговаривая: «uzmi, vilo, što je tebi milo!» [3] Паркамъ, норнамъ и феямъ приготовлялись подобныя-же трапезы. У скандинавовъ первою яствою, которую вкушаетъ мать послѣ разрѣшенія отъ бремени, бываетъ каша, называэмая nôrnagreytur (nôrnengrütze); по всему вѣроятію, первоначально это было жертвенное приношеніе норнамъ за ихъ милостивую помощь въ родахъ. Въ Германіи, когда родится младенецъ, накрываютъ особенный столъ и ставятъ на немъ кушанья для дѣвъ судьбы, чтó согласуется съ свидѣтельствомъ народной сказки о красавицѣ Dornröschen: ея рожденіе праздновали пиршествомъ, на которомъ присутствовали вѣщія жены и были угощаемы съ золотыхъ тарелокъ [4]. У бретонцевъ было въ обыкнове-

---

[1]) Оп. Румян. Муз., 551—2. — [2]) Громаннъ, 7. — [3]) Кукулевичъ-Сакцинск., 97. — [4]) Germ. Mythen, 588, 632.

нiи приготовлять для фей обѣдъ—возлѣ той комнаты, гдѣ лежала родильница, и до сихъ поръ ходятъ разсказы о таинственныхъ трапезахъ, на которыя собираются феи въ свѣтлыя лунныя ночи [1]). Литвины приносили жертвы на камняхъ, посвященныхъ дѣвамъ судьбы [2]). У румыновъ въ честь родимой звѣзды бываетъ 1-го мая празднество; они вѣшаютъ на окнахъ и дверяхъ своихъ домовъ вѣнки изъ дубовыхъ листьевъ и полевыхъ цвѣтовъ, а вечеромъ, когда показываются на небѣ звѣзды, приносятъ въ рощу столъ, покрытый бѣлою скатертью, ставятъ на немъ хлѣбъ, медъ, вино и между двумя восковыми свѣчами икону семейнаго патрона, и затѣмъ начинаютъ пиршество [3]).

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. Срезнев., 119—120. — [2]) Ж. М. Н. П. 1839, т. XXII, 14—16. — [3]) Телескопъ 1833, VIII, 503.

XXVI.

ВѢДУНЫ, ВѢДЬМЫ, УПЫРИ И ОБОРОТНИ.

Народныя преданія ставятъ вѣдуна и вѣдьму въ весьма близкое и несомнѣнное сродство съ тѣми миѳическими существами, которыми фантазія издревле населяла воздушныя области. Но есть и существенное между ними различіе: всѣ стихійные духи болѣе или менѣе удалены отъ человѣка, болѣе или менѣе представляются ему въ таинственной недоступности; напротивъ вѣдуны и вѣдьмы живутъ между людьми и съ виду ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ, кромѣ небольшаго, тщательно-скрываемаго хвостика. Простолюдинъ ищетъ ихъ въ собственной средѣ; онъ даже укажетъ на извѣстныя лица своей деревни, какъ на вѣдуна или вѣдьму, и посовѣтуетъ ихъ остерегаться. Еще недавно почти всякая мѣстность имѣла своего колдуна, и на Украйнѣ до сихъ поръ убѣждены, что нѣтъ деревни, въ которой не было-бъ вѣдьмы [1]). Къ нимъ прибѣгаютъ въ нуждѣ, просятъ ихъ помощи и совѣтовъ; на нихъ-же обращается и отвѣтственность за всѣ общественныя и частныя бѣдствія.

---

[1]) Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI–XII, 149.

Вѣдунъ и вѣдьма (вѣдунья, вѣщица) отъ корня вѣд, вѣщ, какъ объяснено выше (I, 405—9), означаютъ вѣщихъ людей, надѣленныхъ духомъ предвѣдѣнія и пророчества, поэтическимъ даромъ и искусствомъ цѣлить болѣзни. Названія эти совершенно тождественны съ словами: знахарь и знахарка, указывающими на тоже высшее вѣдѣніе [1]). Областные говоры, лѣтописи и другіе старинные памятники предлагаютъ нѣсколько синонимовъ для обозначенія вѣдуна и вѣдуньи, называютъ ихъ колдунами, чародѣями, кудесниками и волхвами, вѣщими жонками, колдуньями, чаровницами, бабами-кудесницами и волхвитками. Чары — это тѣ суевѣрные, таинственные обряды, какіе совершаются съ одной стороны для отклоненія различныхъ напастей, для изгнанія нечистой силы, врачеванія болѣзней, водворенія семейнаго счастія и довольства, а съ другой — для того, чтобы наслать на своихъ враговъ всевозможныя бѣды и предать ихъ во власть злобныхъ, мучительныхъ демоновъ. Чаровникъ, чародѣецъ [2]) — тотъ, кто умѣетъ совершать подобные обряды, кому вѣдомы и доступны заклятія, свойства травъ, кореній и различныхъ снадобей; очарованный—заклятый, заколдованный, сдѣлавшійся жертвою волшебныхъ чаръ. Кудесникъ — по объясненію Памвы Берынды: чаровникъ; въ рязанской губ. окӳдникъ — колдунъ [3]); кудесить — колдовать, ворожить, кудеса — въ новгород. и вологод. губерніяхъ: святочныя игрища и гаданія, [4]) а въ тульской — чара, совершаемая колдуномъ съ цѣлію умилостивить разгнѣваннаго домоваго и состоящая въ обрядовомъ

---

[1]) Нѣм. hexe Я. Гриммъ объясняетъ скандинавскимъ hagr — dexter, artificiosus; слѣдовательно hexe—тоже, что лат. saga т. е. хитрая, мудрая=вѣщая жена (D. Myth., 992). — [2]) Слово, встрѣчающееся въ Святославовомъ Изборникѣ и у митрополита Кирилла — Рус. Дост., I, 111. — [3]) Обл. Сл., 140. — [4]) Рус. прост. празд., II, 34.

закланіи пѣтуха (=остатокъ древней жертвы пенатамъ, см. II, 106). Стоглавъ замѣчаетъ, что когда соперники выходятъ на судебный поединокъ, «и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ» (II, 274). Въ основѣ приведенныхъ словъ лежитъ корень куд=чуд; старочешск. cúditi — очищать, zuato-cudna вода т. е. очистительная, cudař — судья (по связи древняго суда съ религіозными очистительными обрядами). Профес. Срезневскій указываетъ, что глаголъ кудити употребляется чехами въ смыслѣ: заговаривать; у насъ про-куда — хитрый, лукавый человѣкъ [1]). Корень чуд вполнѣ совпадаетъ по значенію съ див (свѣтить, сіять); какъ отъ послѣдняго образовались слова: диво, дивный, дивиться, такъ отъ перваго — чудо (множ. чудеса=кудеса), чудный, чудесный (въ новгор. губ. кудесный [2]), чудиться; какъ съ словомъ кудеса соединяется понятіе о чародѣйствѣ, такъ тотъ-же самый смыслъ присвоиваютъ древніе памятники и рѣченію дивы. Въ Святославовомъ Изборникѣ (1073 г.) читаемъ: «да не будеть вълъхвуяй влъшьбы, или вражай и чародѣиць, или баяй [3]) и дивы творяй и ѫтробьный влъхвъ» [4]); Кормчая книга запрещаетъ творить коби [5]) и дивы [6]). Сверхъ того, дивами издревле назывались облачные духи= великаны и лѣшіе (дивіи люди и дивожены); согласно съ этимъ, и слову чудо, чудо-вище давалось и дается значеніе исполина, владыки небесныхъ источниковъ и лѣсовъ (II, 616—8). Такимъ образомъ языкъ ясно свидѣтельствуетъ о древнѣйшей связи чародѣевъ и кудесниковъ съ тученосными де-

---

[1]) Срезнев., 60; Обл. Сл., 180; Доп. обл. сл., 173; Поэт. Воз., II, 324: прокудливая береза=чтимая язычниками. — [2]) Доп. обл. сл., 94. — [3]) Отъ баяти — заговаривать. — [4]) Матер. для истор. письменъ, ст. Бусл., 7. — [5]) Кобь—въ старинныхъ рукописяхъ: волшебство, а въ современномъ языкѣ (въ пермск. губ.): худое дѣло, зло. — [6]) Рус. Дост., III, 38; Обл. Сл., 85.

монами=великанами и лѣшими; связь эта подтверждается и сканд. tröll, которое служитъ общимъ названіемъ и для тѣхъ, и для другихъ [1]). Слово «колдунъ» въ коренномъ его значеніи доселѣ остается неразъясненнымъ. По мнѣнію г. Срезневскаго, колдуномъ (славянскій корень клъд=колд или калд=клуд=куд) въ старое время называли того, кто совершалъ жертвенныя приношенія; въ хорутанскомъ нарѣчіи калдовати — приносить жертву, калдованцъ — жрецъ, калдовница и калдовише—жертвенникъ [2]). Въ словарѣ Даля колдовать истолковано: ворожить, гадать, творить чары («чѣмъ онъ колдуетъ? снадобьями, наговорами» [3]). Наконецъ волхвъ — названіе, извѣстное изъ древнихъ рукописей и донынѣ-уцѣлѣвшее въ лубочныхъ сказкахъ и областныхъ говорахъ: у Нестора слова волхвъ и кудесникъ употребляются, какъ однозначущія [4]); въ переводѣ евангелія: «се волсви отъ востокъ пріидоше во Іерусалимъ» (Матѳ. II, 1); въ троянской исторіи о Колхасѣ сказано: «вълховъ и кобникъ хитръ» [5]); въ вологод. губ. волхатъ (волхитъ) — колдунъ, волхатка (волхвитка) — ворожея, въ новгор. волхъ — колдунъ, угадчикъ, прорицатель, въ калуж. валхвить—предугадывать, предузнавать, малорус. волшити — хитрить; производныя волшебный, волшебство пользуются гражданствомъ и въ литературной рѣчи; болгар. волхвъ, вохвъ — прорицатель, волшина — брань, хорв. вухвецъ, вуховецъ — python и вухвица — pythonissa [6]), у Вацерада: «phytones, sagapetae=wlchwec, wlchwice». Сверхъ дара прорицаній, волхвамъ приписывается и врачебное искусство (I, 410). Рядомъ съ мужскою формою волхвъ встрѣ-

---

[1]) D. Myth., 993. — [2]) Срезнев., 59—60. — [3]) Толк Слов., I, 747. — [4]) Смотри разсказъ о смерти Олега. — [5]) Іоаннъ, экз. болг., 182. — [6]) Срезнев., 61; Обл. Сл., 27; Ч. О. И. и Д., годъ 2, VII, 24 (словотолковникъ Макарова).

чаемъ женскую влъхва [1]), которой въ скандинавскомъ соотвѣтствуетъ völva (valva, völa, vala)—колдунья, пророчица и притомъ, по свидѣтельству древней Эдды (см. Völuspâ), существо вполнѣ-миѳическое. Г. Буслаевъ сближаетъ съ этими рѣченіями и финское völho, velho — колдунъ; «какъ скнд. völva (говоритъ онъ) является въ сжатой формѣ «völa, такъ и финн. völho измѣняется въ völlo. По свой-«ству славянскаго языка гласный звукъ передъ плавнымъ «переходитъ по другую сторону плавнаго, напр. helm — «шлемъ; потому völva, völho является въ Остром. ев. «въ древне-славян. формѣ влъхвъ, а русскій языкъ ставитъ «гласный звукъ и передъ плавнымъ и послѣ, напр. шеломъ: «слѣдовательно волхвъ или волховъ (у Нестора: волъ-«сви) собственно русская форма.» Корень для слова волхвъ г. Буслаевъ указываетъ въ санскр. валг — свѣтить, блистать, подобно тому, дакъ жрецъ происходитъ отъ жрѣть, горѣть [2]), и старинное поучительное слово принимаетъ имена «волхвъ» и «жрецъ» за тождественныя по значенію (II, 60).

Итакъ обзоръ названій, присвоявшихся вѣдунамъ и вѣдьмамъ, наводитъ насъ на понятія: высшей, сверхъестественной мудрости, предвѣдѣнія, поэтическаго творчества, знанія священныхъ заклятій, жертвенныхъ и очистительныхъ обрядовъ, умѣнья совершать гаданія, давать предвѣщанія и врачевать недуги. Всѣ исчисленныя дарованія изстари признавались за существенные, необходимые признаки божественныхъ и демоническихъ существъ, управлявшихъ дождевыми тучами,

---

[1]) Лѣтоп. Переяслав., 43. — [2]) О вліян. хр. на сл. яз., 22—23. Связь колдовства съ жертвоприношеніями подтверждается и свидѣтельствами нѣмецкаго языка: fornaeskja—колдовство и fôrn — жертва; zoupar, др.-в.-нѣм. zëpar, англос. teáfor и tifer родвятъ оба эти понятія — D. Myth., 984—5.

вѣтрами и грозою. Какъ возжигатель молніеноснаго пламени, какъ устроитель семейнаго очага, богъ-громовникъ почитался верховнымъ жрецомъ (см. гл. XV); съ тѣмъ-же жреческимъ характеромъ должны были представляться и сопутствующіе ему духи и нимфы. Какъ обладатели небесныхъ источниковъ, духи эти и нимфы пили «живую воду» и въ ней обрѣтали силу поэтическаго вдохновенія, мудрости, пророчества и цѣленій, словомъ становились вѣщими = вѣдунами и вѣдьмами. Но тѣже самыя прозванія были приличны и людямъ, одареннымъ особенными талантами и свѣдѣніями въ дѣлѣ вѣроученія и культа; таковы — служители боговъ, гадатели, ворожеи, врачи, лѣкарки и поэты, какъ хранители миѳическихъ сказаній. Въ отдаленную эпоху язычества вѣдѣніе понималось, какъ чудесный даръ, ниспосылаемый человѣку свыше; оно по преимуществу заключалось въ умѣньи понимать таинственный языкъ обожествленной природы, наблюдать и истолковывать ея явленія и примѣты, молить и заклинать ея стихійныхъ дѣятелей; на всѣхъ знаніяхъ, доступныхъ язычнику, лежало религіозное освященіе: и древній судъ, и медицина, и поэзія—все это принадлежало религіи и вмѣстѣ съ нею составляло единое цѣлое. «Волсви и еретицы и богомерскіи бабы-кудесницы и иная множайшая волшебствуютъ» замѣчаетъ одна старинная рукопись, исчисливъ разнообразныя суевѣрія [1]). Колдуны и колдуньи, знахари и знахарки до сихъ поръ еще занимаются по деревнямъ и селамъ врачеваніями. Болѣзнь разсматривается народомъ, какъ злой духъ, который послѣ очищенія огнемъ и водою, покидаетъ свою добычу и спѣшитъ удалиться. Народное лѣченіе главнѣйшимъ образомъ основывается на окуриваньи, сбрызгиваньи и умываньи, съ произнесеніемъ на болѣзнь страшныхъ заклятій [2]). По общему убѣжденію, знаха-

[1]) Оп. Румян. Муз., 551. — [2]) Записки Авдѣев., 134–6, 139; Сахаров., II, 23–24; Малор. и червонорус. думы и пѣсни, 99.

ри и знахарки заживляютъ раны, останавливаютъ кровь, выгоняютъ червей, помогаютъ отъ укушенія змѣи и бѣшеной собаки, вылѣчиваютъ ушибы, вывихи, переломы костей и всякіе другіе недуги [1]); они знаютъ свойства какъ спасительныхъ, такъ и зловредныхъ (ядовитыхъ) травъ и кореньевъ, умѣютъ приготовлять цѣлебныя мази и снадобья, почему въ церковномъ уставѣ Ярослава [2]) наряду съ чародѣйками поставлена зеленица (отъ зелье — злакъ, трава, лѣкарство, озелить — обворожить, околдовать, стар. зелейничество — волшебство [3]); въ областномъ словарѣ: травовѣдъ — колдунъ (калужск. губ.), травница и кореньщица — знахарка, колдунья (нижегор. губ. [4]). Въ травахъ, по народному повѣрью, скрывается могучая сила, вѣдомая только чародѣямъ; травы и цвѣты могутъ говорить, но понимать ихъ дано однимъ знахарямъ, которымъ и открываютъ онѣ: на что бываютъ пригодны и противъ какихъ болѣзней обладаютъ цѣлебными свойствами. Колдуны и вѣдьмы бродятъ по полямъ и лѣсамъ, собираютъ травы, копаютъ коренья, и потомъ употребляютъ ихъ частію на лѣкарства, частію для иныхъ цѣлей; нѣкоторыя зелья помогаютъ имъ при розыскѣ кладовъ, другія надѣляютъ ихъ способностью предвѣдѣнія, третьи необходимы для совершенія волшебныхъ чаръ [5]). Сборъ травъ и кореній главнымъ образомъ совершается въ срединѣ лѣта, на Ивановскую ночь, когда невидимо зрѣютъ въ нихъ цѣлебныя и ядовитыя свойства. Грамота игумена Памфила 1505 года возстаетъ противъ этого обычая въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «исходятъ обавници, мужи и жены-чаровници по лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы,

---

[1]) Во многихъ мѣстахъ коновалы считаются за колдуновъ. — [2]) Лѣтописецъ Переяслав., 43. — [3]) Обл. Сл., 70, 139. — [4]) Сравни D. Myth., 1016. — [5]) Сахаров., I, 42—44; Москв 1846, XI—XII, 153.

ищуще смертныя травы и привѣта чревоотравнаго зеліа, на пагубу человѣчеству и скотомъ; туже и дивіа копаютъ кореніа на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творятъ съ приговоры дѣйствомъ діяволимъ»[1]). Заговоры и заклятія, эти обломки древне-языческихъ молитвенныхъ возношеній, донынѣ составляютъ тайную науку колдуновъ, знахарей и знахарокъ; силою заповѣднаго слова они насылаютъ и прогоняютъ болѣзни, содѣлываютъ тѣло неуязвимымъ для непріятельскаго оружія, измѣняютъ злобу враговъ на кроткое чувство любви, умиряютъ сердечную тоску, ревность и гнѣвъ, и наоборотъ — разжигаютъ самыя пылкія страсти, словомъ овладѣваютъ всѣмъ нравственнымъ міромъ человѣка[2]). Лѣчебные заговоры бо̀льшею частію произносятся надъ болящимъ шопотомъ, почему глаголъ шептать получилъ значеніе: колдовать; шептунъ — колдунъ, наговорщикъ, шоптунья или шептуха — колдунья[3]); у южныхъ славянъ лѣкарь называется мумлавецъ отъ мумлати — нашептывать[4]); въ нѣкоторыхъ деревняхъ на Руси слово ворожея употребляется въ смыслѣ лѣкарки, ворожиться — лѣчиться, привороо́жа — таинственныя заклятія, произносимыя знахарями, ворожбитъ — колдунъ, знахарь[5]).

Въ народной медицинѣ и волшебныхъ чарахъ играютъ значительную роль наузы, узлы, навязки — амулеты. Старинный проповѣдникъ, исчисляя мытарства, по которымъ шествуетъ грѣшная душа по смерти, говоритъ: «13-е мытарство — волхованіе, потворы, наузы»[6]). Софійская лѣтопись подъ 1044 годомъ разсказываетъ о Всеславѣ: «матери бо родивши

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист., I, 22. — [2]) Малор. и червонор. думы, 100; Поэт. Воз., I, 404 и далѣе; D. Myth., 996. — [3]) Обл. Сл., 265—8. — [4]) О. З. 1853, VIII, иностр. литер., 78. — [5]) Обл. Сл., 28, 176. У чеховъ лѣченіемъ недуговъ завѣдывали věštci, hovoříči, zaklinači, čarodějnici, hadači — Громаннъ, 148—9. — [6]) Рукописи гр. Уварова, 112.

его, бѣ ему на главѣ знамя язвено — яма на главѣ его; рекоша волсви матери его: се язвено, навяжи на-нь, да носить е (наузу) до живота своего на себѣ» [1]). По свидѣтельству Святославова Изборника: «проклятъ бо имѣй надеждж на человѣка: егда бо ти дѣтищь болить, то ты чародѣиць иштеши и облишьная писания на выя дѣтьмъ налагаеши» [2]). Въ вопросахъ Кирика, обращенныхъ къ новгородскому епископу Нифонту, упоминается о женахъ, которыя приносили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, «а не къ попови на молитву» [3]). Въ словѣ о злыхъ дусѣхъ, приписанномъ св. Кириллу, читаемъ: «а мы суще истинные христіяне прельщены есмы скверными бабами... оны прокляты и скверны и злокозньны (бабы) наузы (наузами) много вѣрныя прельщаютъ: начнеть на дѣти наузы класти, смѣривати, плююще на земьлю, рекше — бѣса проклинаеть, а она его болѣ призываеть творится, дѣти врачующе», и нѣсколько ниже: «а мы ныня хотя мало поболимъ, или жена, или дѣтя, то оставльше Бога — ищемъ проклятыхъ бабъ-чародѣиць, наузовъ и словъ прелестныхъ слушаемъ» [4]). Въ Азбуковникѣ или Алфавитѣ сказано: «а бѣсовска нарицанія толкованы сего ради, понеже мнози отъ человѣкъ приходящи къ волхвамъ и чародѣемъ, и пріемлютъ отъ нихъ нѣкакая бѣсовская обоянія наюзы и носятъ ихъ на собѣ; а иная бѣсовская имена призываху волхвы и чародѣи надъ ѣствою и надъ питіемъ и даютъ вкушати простой чади, и тѣмъ губятъ душа человѣческая; и того ради та здѣ писаны, да всякому православному христіянину явѣ будетъ имя волчье, да нѣхто невѣды имя волчіе вмѣсто агнечя пріиметъ неразуміемъ, мня то агнечье быти» [5]). Митрополитъ

---

[1]) П. С. Р. Л., Ѵ, 138. — [2]) Истор. Христомат. Бусл., 274. — [3]) Памят. XII в., 202. — [4]) Москв. 1844, I, 243—5. — [5]) По другимъ спискамъ это мѣсто читается такъ: «отпадшая же, рекша бѣсовская имена на обличеніе волхвомъ и чародѣемъ здѣ

Фотій въ посланіи своемъ къ новгородцамъ (1410 г.) даетъ такое наставленіе церковнымъ властямъ: «учите (прихожанъ), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зеліа, ни вороженья» [1]). Но обычай былъ сильнѣе этихъ запретовъ, и долго еще «мнози отъ человѣкъ, приходящи къ волхвамъ и чародѣямъ, принимали отъ нихъ нѣкая бѣсовская наюзы и носили ихъ на себѣ» [2]). Въ рукописныхъ сборникахъ поучительныхъ словъ XVI столѣтія встрѣчаемъ упреки: «немощъ волжбою лѣчатъ и наузы чарованіи и бѣсомъ требы приносятъ, и бѣса, глаголемаго трясцю (лихорадку) творятъ(ся) отгоняющи... Се есть проклято. Того дѣля многи казни отъ Бога за неправды наши находятъ; не рѣче бо Богъ лѣчитися чарованіи и наузы, ни въ стрѣчу, ни въ полазъ, ни въ чехъ вѣровати: то есть поганско дѣло» [3]). Царская окружная грамота 1648 года замѣчаетъ: «а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерскихъ

написахомъ толкованіи; понеже чародѣи и волхвы, написующе бѣсовская имена, даютъ ихъ простымъ людямъ, повелѣвающе имъ тая имена носити; иногда-же и на ядь какову написующе или надъ питіемъ именующе — даютъ та снѣдати простой чади. Сего ради здѣ объявихомъ имена сатанинская, да никто же отъ простой чади волчье имя пріиметъ, и вмѣсто свѣта тму удержавъ, неразумія ради душу свою погубитъ».—„Понеже бо злочестивіи волхвы и чародѣи въ различныхъ ихъ мнимыхъ заговорныхъ молитвахъ пишутъ иностранною рѣчью бѣсовская имена, тако-же творятъ и надъ питіемъ, шепчюще призываютъ та злая имена и даютъ ту ядь и питіе болнымъ вкушати, овѣмъ-же съ тѣми злыми имены наюзы на персѣхъ даютъ носити“ — Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 2; Сахаров., II, 140; Ч. О. И. и Д. 1858, IV, стат. Лавровскаго, 54). — [1]) Ак. Арх. Экс., I, 243. — [2]) Щаповъ, 71; Времен., I, 38 („Домострой“). — [3]) Варіантъ: „жертву приносятъ бѣсомъ, недуги лѣчатъ чарами и наузы, немощнаго бѣса, глаголемаго трясцю, мняться прогоняюще нѣкими ложными писмяны“ — Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, стр. XXVII полов. 2, смѣсь, 48—49.

бабъ въ домъ къ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе» [1]). Болгарская рукопись позднѣйшаго письма осуждаетъ женъ, «кои завѣзуютъ зверове (вар. скоти) и мечки, и гледать на воду, и завезуютъ деца малечки» (дѣтей [2]). Знахарямъ, занимавшимся навязываніемъ такихъ амулетовъ, давались названія наузника [3]) и узольника, какъ видно изъ одной рукописи с.-петербургской публичной библіотеки, гдѣ признаны достойными отлученія отъ св. причастія: обавникъ, чародѣй, скоморохъ и узольникъ [4]). Наузы состояли изъ различныхъ привязокъ, надѣваемыхъ на шею: большею частію это были травы, коренья и иныя снадобья (уголь, соль, сѣра, засушенное крыло летучей мыши, змѣиныя головки, змѣиная или ужовая кожа и проч.), которымъ суевѣріе приписывало цѣлебную силу отъ той или другой болѣзни; смотря по роду немощи, могли мѣняться и самыя снадобья [5]). Иногда, вмѣсто всякихъ цѣлительныхъ средствъ, зашивалась въ лоскутъ бумажка съ написаннымъ на ней заговоромъ и привѣшивалась къ шейному кресту. У германскихъ племенъ привязывались на шею, руку или другую часть тѣла руны (тайныя письмена) для излѣченія отъ болѣзни и противодѣйствія злому колдовству, и

---

[1]) Ак. Ист., IV, 35; Описаніе Архива старыхъ дѣлъ, 296—8. Въ житіе Зосимы и Савватія занесенъ разсказъ о новгородскомъ гостѣ Алексѣѣ Курнековѣ, который обращался къ волхвамъ, испрашивая у нихъ помощи своему болящему сыну „и ничтоже успѣше“ — Щаповъ, 43. — [2]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 41. — [3]) Пам. стар. рус. литер., IV, 202: поученіе митрополита Даніила; Обл. Сл., 125. — [4]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, ст. А. Попова, 37—38. — [5]) Пузин., 162; Этн. Сб., II, 29. Наузы (чешск. navusi, navasy; navasovati — колдовать) въ употребленіи и между другими славянскими племенами — Зап. морск. офицера, I, 278; О. З. 1853, VIII, отдѣлъ иностр. литер., 86.

амулеты эти назывались ligaturae (въ средніе вѣка) и angehenke [1]). Въ христіанскую эпоху употребленіе въ наузахъ ладона (который получилъ особенно-важное значеніе, потому что возжигается въ храмахъ) до того усилилось, что всѣ привязки стали называться ладонками — даже и тогда, когда въ нихъ не было ладону. Ладонки до сихъ поръ играютъ важную роль въ простонародьи: отправляясь въ дальнюю дорогу, путники надѣваютъ ихъ на шею въ предохраненіе отъ бѣдъ и порчи. Въ XVII вѣкѣ былъ приведенъ въ приказную избу и наказанъ батогами крестьянинъ Игнашка за то, что имѣлъ при себѣ «корешокъ невеликъ, да травки немного завязано въ узлишки у (шейнаго) креста» (см. гл. XXVII). Навѣшивая на себя лѣкарственныя снадобья или клятвенныя, заговорныя письмена, силою которыхъ прогоняются нечистые духи болѣзней, предки наши были убѣждены, что въ этихъ наузахъ они обрѣтали предохранительный талисманъ противъ сглаза, порчи и вліянія демоновъ, и тѣмъ самымъ привязывали, прикрѣпляли къ себѣ здравіе. Подобными-же наузами дѣвы судьбы привязывали новорожденнымъ младенцамъ дары счастія — тѣлесныя и душевныя совершенства, здоровье, долголѣтіе, жизненныя радости и проч. Народныя сказанія смѣшиваютъ дѣвъ судьбы съ вѣщими чародѣйками и возлагаютъ на тѣхъ и другихъ одинаковыя обязанности; такъ скандинавскія вёльвы отождествляются съ норнами: присутствуютъ и помогаютъ при родахъ и предсказываютъ будущую судьбу младенца (стр. 351, 358). Въ той-же роли выступали у славянъ вѣщія жонки, волхвицы; на это указываютъ: съ одной стороны, обычай приносить дѣтей къ волхвамъ, которые и налагали на нихъ наузы, а съ другой стороны — областной словарь, въ которомъ повитуха, помощница при

---

[1]) D. Myth., 1125—6.

родахъ называется бабка, глаголъ же ба́бкать означаетъ: нашептывать, ворожить [1]).

Но приведенное нами объясненіе далеко не исчерпываетъ всѣхъ поводовъ и побужденій, какими руководствовались въ старину при наложеніи наузъ. Рѣченія связывать, дѣлать узлы, опутывать могутъ служить для указанія различныхъ оттѣнковъ мысли, и смотря по примѣненію — получаютъ въ народныхъ преданіяхъ и обрядахъ разнообразное значеніе. Въ заговорахъ на непріятельское оружіе выраженія эти означаютъ тоже, что̀ запереть, забить вражескія ружья и тулы, чтобъ они не могли вредить ратнику: «завяжу я рабъ божій по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному, на пищаляхъ, лукахъ и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; и стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча змѣиная сокрыта — отъ змѣя двунадесятьглаваго» [2]). По сходству ползучей, извивающейся змѣи и ужа съ веревкою и поясомъ, сходству, отразившемуся въ языкѣ (ужище—веревка=гужъ и ужъ; въ народной загадкѣ поясъ метафорически названъ ужомъ), чародѣйнымъ узламъ заговора дается таже могучая сила, какая приписывается миѳическому многоглавому змѣю. Въ старину вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ «завязывать» чужое оружіе, что ихъ не брали ни сабли, ни стрѣлы, ни пули. Такое мнѣніе имѣли современники о Стенькѣ Разинѣ. — Увидѣвши первый цвѣтъ на огурцахъ, тыквахъ, арбузахъ или дыняхъ, хозяйка перевязываетъ огудину красною ниткою изъ пояса и произноситъ: «якъ густо сей поясъ вязався, щобъ такъ и мои огурочки

[1]) Обл. Сл., 4. — [2]) Сахаров., I, 27.

густо вязались у пупянкы въ огудини» [1]). Здѣсь высказывается желаніе, чтобы не было пустоцвѣту; цвѣтъ, зарождающій плодъ, называется завязью, и на этомъ словѣ создался самый заговоръ и сопровождающій его обрядъ.—Того, кто сажалъ въ печь свадебный коровай, подвязываютъ утиральникомъ и сажаютъ на покутье, чтобъ коровай не разошелся, не расплылся [2]). — Чтобы ребенокъ сталъ скорѣе ходить, для этого на Руси разрѣзываютъ ножемъ промежъ его ногъ тѣ невидимые путы, которые задерживаютъ его ходу [3]). Подобныхъ повѣрій и обрядовъ много обращается въ средѣ поселянъ. Относительно болѣзней и вообще всякаго зловреднаго вліянія нечистой силы рѣченіе связывать стало употребляться: во 1-хъ, въ значеніи заповѣднаго слова, связывающаго мучительныхъ демоновъ и тѣмъ самымъ подчиняющаго ихъ — волѣ заклинателя. Апокрифическое слово о крестѣ честнѣ (по болгарской рукописи) заставляетъ Соломона заклинать демоновъ принести ему третье древо этой формулой: «завѣ(я)зую васъ азъ печатію господнею» [4]). Припомнимъ, что печать въ старину привѣшивалась на завязанномъ шнурѣ [5]). Тоюже формулой дѣйствуетъ заговоръ и противъ злыхъ колдуновъ и вѣдьмъ: «завяжи, Господи, колдуну и колдуньѣ, вѣдуну и вѣдуньѣ и упирцу (уста и языкъ) — на раба божія (имярекъ) зла не мыслити» [6]). Завязать получило въ устахъ

---

[1]) Номис., 5. — [2]) Этн. Сб., I, 353. — [3]) Абев., 235. — [4]) Ист. очер. рус. слов., I, 490. — [5]) Печать—эмблема налагаемыхъ узъ: запечатать кому уста все равно, что «завязать кому ротъ», т. е. заставить молчать. Особенно важную роль играетъ это слово въ заговорахъ на остановленіе крови („запечатать рану"), вслѣдствіе сродства его съ выраженіемъ: кровь или рана запеклась (см. заговоръ, приведенный г. Буслаевымъ въ Архивѣ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 40). — [6]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, пол. 2, 53—54.

народа смыслъ: воспрепятствовать, не допустить: «мини якъ завязано» (малорос.) — мнѣ ничто не удается. Заговорныя слова, означавшія побѣду заклинателя надъ нечистыми духами болѣзней и смерти, опутываніе ихъ, словно плѣнниковъ, цѣпями и узами, (по необходимому закону древнѣйшаго развитія, когда все воплощалось въ наглядный обрядъ) вызвали дѣйствительное завязываніе узловъ; узлы эти завязывались на тѣлѣ больнаго, такъ какъ, по древнему воззрѣнію, демонъ болѣзни вселялся въ самаго человѣка. До сихъ поръ еще наузы нерѣдко состоятъ изъ простой нитки или бичевки съ узлами; такъ отъ лихорадки носятъ на рукахъ и ногахъ повязки изъ красной шерсти или тесьмы; девять нитокъ такой шерсти, навязанныя на шею ребенка, предохраняютъ его отъ скарлатина = краснухи; отъ глистовъ употребляютъ тоже навязыванье пряжи на дѣтей [1]). Красный цвѣтъ нити указываетъ въ ней символическое представленіе молніи, прогоняющей всякую демонскую силу. Въ тверской губ., для охраны стада отъ звѣрей, вѣшаютъ на шею передовой [2]) коровы сумку съ какимъ-то снадобьемъ; сумка эта называется вязло [3]), и значеніе чары состоитъ въ томъ, что она связываетъ пасть дикаго звѣря. При весеннемъ выгонѣ лошадей въ поле, крестьяне берутъ висячій замокъ, и то запирая его, то отмыкая, обходятъ трижды кругомъ стада и причитываютъ: «замыкаю я симъ булатнымъ замкомъ сѣрымъ волкамъ уста отъ моего табуна». За третьимъ обходомъ запираютъ замокъ окончательно и кладутъ его въ воротахъ, черезъ которыя выгоняютъ лошадей; послѣ того подымаютъ замокъ и прячутъ гдѣ-нибудь, оставляя замкнутымъ до поздней осени, пока табунъ гуляетъ

---

[1]) Иллюстр. 1845, 565; Пузин., 160; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 322; Громаннъ, 112: красная повязка оберегаетъ ребенка отъ порчи. — [2]) Корова, которая ходитъ впереди стада. — [3]) Обл. Сл., 34.

въ полѣ. Крѣпкое слово заговора, словно ключемъ, замыкаетъ уста волковъ [1]). Подобнымъ образомъ болгары думаютъ сберечь свои стада суевѣрнымъ обрядомъ, основаннымъ на выраженіи зашить волчьи уши, очи и уста. Вечеромъ баба беретъ иголку съ ниткою и начинаетъ зашивать полу своей одежды, а какой-нибудь мальчикъ ее спрашиваетъ: «что шіешъ, бабо?» — Зашивамъ, сынко, на влъцы-тѣ уши-тѣ, да не чуятъ овце-тѣ, козы-тѣ, свине-тѣ и теленца-та. Мальчикъ повторяетъ свой вопросъ, и получаетъ отвѣтъ: «зашивамъ, сынко, на влъцы-тѣ очи-тѣ, да не видятъ овце-тѣ» и т. дал. Въ третій разъ баба говоритъ: «зашивамъ на влъцы-тѣ уста-тѣ, да не ѣдятъ» овецъ, козъ, свиней и телятъ [2]). Во 2-хъ, науза разсматривалась, какъ крѣпкой запоръ, налагаемый на человѣка съ цѣлію преградить (=замкнуть, завязать) доступъ къ его тѣлу. Нить или бичева съ наглухо-затянутыми узлами, или еще лучше — сѣть (потому что нигдѣ нѣтъ столько узловъ, какъ на ней) почитаются охранительными средствами противъ нечистой силы, колдуновъ и вѣдьмъ. Чтобы поймать вѣдьму, должно спрятаться подъ осиновую борону и ловить ее уздою; подъ бороною она не можетъ повредить человѣку, такъ какъ верхняя часть бороны дѣлается изъ свитыхъ (сплетенныхъ) вмѣстѣ лозъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наряжая невѣсту къ вѣнцу, накидываютъ на нее бредень (рыболовную сѣть), или навязавъ на длиннойниткѣ, какъ можно — болѣе, узелковъ, подвязываютъ

---

[1]) Библ. для Чт. 1848, IX, ст. Гуляева, 55—56. — [2]) Черниг. Г. В. 1861, 6. Въ смоленской губ., выгоняя скотъ на Юрьевъ день въ поле, читаютъ слѣдующее заклятіе: „глухой, глухой! ци слышишь? — Не слышу! — Когда-бъ далъ Богъ, чтобъ волкъ не слыхалъ нашего скота. Хромой, хромой! ци дойдзешь? — Не дойду! — Когда-бъ далъ Богъ — не дошелъ волкъ до нашего скота. Слѣпой, слѣпой! ци видзишь? — Не вижу! — Дай Богъ, чтобъ волкъ не видалъ нашего скота“ (Цебрик., 273).

ею невѣсту; дѣлается это съ намѣренiемъ противодѣйствовать порчѣ. Точно также и женихъ и самые поѣзжане опоясываются сѣткою или вязаннымъ поясомъ — въ томъ убѣжденiи, что колдунъ ничего злаго не въ силахъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока не распутаетъ безчисленныхъ узловъ сѣти или пока не удастся ему снять съ человѣка его поясъ [1]). Нѣкоторые крестьяне думаютъ, что ходить безъ пояса грѣшно [2]). Въ З-хъ, съ наузою соединялось понятiе цѣлебнаго средства, связующаго и скрѣпляющаго разбитые члены больнаго. Если разовьется рука, т. е. заболитъ связка ручной кисти [3]), то на Руси принято обвязывать ее красною пряжею. Такое симпатическое лѣченье извѣстно и у нѣмцевъ. Кромѣ того, на Vogelsberg'ѣ отъ лома въ костяхъ носятъ желѣзныя кольца, выкованныя изъ такого гвоздя или крюка, на которомъ кто-нибудь повѣсился [4]). Чтобы избавиться отъ головной боли, нѣмцы обвязываютъ виски веревкою, на которой былъ повѣшенъ преступникъ; во Францiи же такую веревку носятъ для отвращенiя зубной боли: эта повязка должна закрѣпить и черепъ, и зубы [5]). Въ случаѣ вывиха или перелома, и у насъ и въ Германiи поселяне отыскиваютъ дерево, которое, раздѣлившись на двѣ вѣтви,

---

[1]) Иллюстр. 1846, 333; О. З. 1848, т. LVI, 204. Кто желаетъ добыть шапку-невидимку или неразмѣнный червонецъ отъ нечистаго, тотъ, по народному повѣрью, можетъ вымѣнить у него эти диковинки на черную кошку; но непремѣнно долженъ обвязать ее сѣтью или ниткою съ узелками, а то — бѣда неминучая! Сказанное же средство спасаетъ отъ несчастiя, потому что нечистой до тѣхъ поръ связанъ въ своихъ злобныхъ дѣйствiяхъ, пока не распутаетъ всѣхъ узловъ — Ворон. Бес., 192; Сахаров., I, 55. — [2]) Владим. Г. В. 1844, 49. — [3]) То мѣсто, гдѣ кисть руки соединяется съ костью, идущею отъ локтя, крестьяне называютъ: зàвѣ(и)ть — Библ. для Чт. 1848, X, ст. Гуляева, 119. — [4]) D. Myth., 1117, 1121; Die Götterwelt, 197. — [5]) Beiträge zur D. Myth., I, 247.

потомъ снова срослось въ одинъ стволъ, и въ образовавшееся отъ того отверстіе протаскиваютъ больныхъ дѣтей; иногда нарочно раскалываютъ молодое зеленое дерево (преимущественно дубъ) надвое, протаскиваютъ больнаго сквозь разщепленныя половины и потомъ связываютъ ихъ веревкою: пусть также сростется поломанная кость, какъ сростается связанное дерево (II, 304—5). Наконецъ есть еще обычай, въ силу котораго снимаютъ съ больнаго поясъ и бросаютъ на дорогѣ; кто его подыметъ и надѣнетъ на себя, тотъ и заболѣетъ, т. е. къ тому болѣзнь и привяжется, а хворый выздоровѣетъ [1]).

Вѣщіе мужи и жонки призываются для унятія разгнѣваннаго домоваго, кикиморъ и разныхъ враждебныхъ духовъ, овладѣвшихъ жильемъ человѣка; они обмываютъ притолки отъ лихорадокъ, объѣзжаютъ съ особенными обрядами поля, чтобы очистить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ и гадовъ [2]); когда на хлѣбныя растенія нападетъ червь, то нарочно-приглашенная знахарка три зори выходитъ въ поле, нашептываетъ заклятія и дѣлаетъ при концахъ загоновъ узлы на колосьяхъ: это называется «заламывать червей», т. е. преграждать имъ путь на зеленѣющія нивы [3]). Колдунъ — необходимое лице на свадьбахъ; на него возлагается обязанность оберегать молодую чету и всѣхъ «поѣзжанъ» отъ порчи. Въ пермской губ. при невѣстѣ всегда находится знахарка, а при женихѣ — знахарь. Этотъ послѣдній ѣдетъ впереди свадебнаго поѣзда — съ озабоченнымъ лицомъ, озираясь по сторонамъ и нашептывая: по народному объясненію, онъ борется тогда съ нечистою силою, которая слѣдуетъ за новобрачными и строитъ имъ козни [4]). Вообще въ затруднительныхъ

[1]) Этн. Сб., VI, 129. — [2]) Сахаров., II, 95. — [3]) Владим. Г. В. 1844, 49. — [4]) Сахаров., I, 56; II, 17, 107—9; Очеркъ арханг. губ. Верещагина, 181—3.

обстоятельствахъ жизни: нападетъ ли на сердце кручина, приключится ли въ домѣ покража или другая бѣда, отгуляетъ ли лошадь, угрожаетъ ли мщеніе врага и т. д. — во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьяне прибѣгаютъ къ колдунамъ и колдуньямъ и просятъ ихъ помощи и совѣтовъ [1]). Такъ ведется изстари. По свидѣтельству слова о злыхъ дусѣхъ: «когда (людямъ) кака-любо казнь найдеть, или отъ князя пограбленіе, или въ дому пакость, или болѣзнь, или скоту ихъ пагуба, то они текуть къ волхвомъ, въ тѣхъ бо собѣ помощи ищуть» [2]). Въ Святославовомъ Изборникѣ замѣчено: «аште и сънъ (сонъ) тя съмоутить, къ съньноуоумоу съказателю течеши; аште и погоубиши (потеряешь) что, то къ влъхвоу течеши» [3]). Колдуны и вѣдуньи тотчасъ обличаютъ вора и находятъ потерянную вещь; они обладаютъ способностью проникать въ чужія мысли, знаютъ все былое, настоящее и грядущее; для нихъ достаточно посмотрѣть человѣку въ очи или прислушаться къ его голосу, чтобы въ туже минуту овладѣть его тайною [4]). Отъ глубокой древности и до нашихъ дней ихъ считаютъ призванными совершать гаданія, ворожить и давать предвѣщанія. В. кн. Олегъ обращался къ волхвамъ съ вопросомъ: какая суждена ему смерть? и получилъ въ отвѣтъ: «князь! ты умрешь отъ любимаго коня». Разсказавши о томъ, какъ сбылось это предвѣщаніе, лѣтописецъ прибавляетъ: «се же дивно есть, яко отъ волхованія сбывается чародѣйствомъ» [5]). По указанію Краледворской рукописи Кублай собиралъ чародѣевъ, и тѣ гадали ему: на чью сторону должна склониться

---

[1]) Сахаров., I, въ отдѣлѣ: „Чернокнижіе"; Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, смѣсь, 34; Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — [2]) Москв., 1844, I, 244. — [3]) Ист. христом. Бусл., 274. — [4]) Иллюстр. 1846, 135. — [5]) П. С. Р. Л., I, 16. Гедимину волхвъ растолковалъ его чудесное видѣніе — Вѣст. Евр. 1821, XVI, 310—1. Напомнимъ и народныя поговорки: „хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ", „бабка надвое сказала!"

побѣда. Тѣже вѣщія дарованія нераздѣльны и съ понятіемъ жречества. Вездѣ, гдѣ только были жрецы и жрицы, на нихъ возлагались обязанности творить судъ, совершать гаданія, предсказывать будущее, произносить заклятія и врачевать недуги (см. стр. 85 [1]); съ водвореніемъ же христіанства нѣкоторыя изъ этихъ обязанностей были усвоены служителямъ новой религіи. Не останавливаясь на такъ называемыхъ «божьихъ судахъ» и заклинательныхъ молитвахъ, наполняющихъ старинные служебники, замѣтимъ одно, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ духовенство предлагало свою врачебную помощь, пользовалось для этого частію религіозными обрядами, частію средствами, наслѣдованными отъ незапамятной старины [2]).

Надѣляя вѣщихъ женъ и мужей тѣми-же эпитетами и названіями, какіе употреблялись для обозначенія облачныхъ духовъ, присвоивая тѣмъ и другимъ тождественные признаки, естественно было породнить и смѣшать ихъ: за первыми признать стихійныя свойства, а послѣднихъ низвести на землю и поставить въ условія человѣческой жизни. Бо̀льшая часть на-

---

[1]) У литовцевъ, напримѣръ, жрецы давали прорицанія, гадали по крику птицъ, лѣчили болѣзни, заживляли раны, останавливали кровь, навязывали амулеты и пр.; верховный жрецъ назывался у нихъ криве кривейте=судья судей—Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 15—21. По чешскому преданію, у Крока было три вѣщія дочери, изъ которыхъ одна знала силу травъ, умѣла цѣлить болѣзни и вѣдала все, о чемъ бы ее ни спросили, вторая была жрицею, научила чеховъ поклоняться богамъ и приносить имъ жертвы, а третьей Любушѣ принадлежали судъ и управа. — [2]) D. Myth., 1103; П. С. Р. Л., I, 81: „аще кто коли принесяше дѣтищь боленъ..., ли свершенъ человѣкъ, кацѣмъ-любо недугомъ одержимъ, приходяще въ манастырь къ блаженному Ѳеодосью—повелѣваше сему Дамьяну молитву створити болящему; и абье створяше молитву и масломъ помазаше, и пріимаху и(с)цѣленье приходящіи къ нему"

родныхъ повѣрій о вѣдунахъ и вѣдьмахъ представляютъ такія яркія, знаменательныя черты древнѣйшихъ воззрѣній на природу, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что первоначально онѣ могли относиться только къ демонамъ облачнаго міра. Таковы повѣрья: a) о насланіи вѣдунами и вѣдьмами грозовыхъ тучъ, бурныхъ вихрей и града, b) о скрадываніи ими росы, дождей и небесныхъ свѣтилъ, c) о ихъ полетахъ въ воздушныхъ пространствахъ, d) сборищахъ на «лысой горѣ», неистовыхъ пляскахъ и нечестивыхъ оргіяхъ, e) о доеніи вѣдьмами коровъ, f) о вліяніи колдовства на земное плодородіе и наконецъ g) о волшебной силѣ оборотничества.

Въ Германіи вѣдьмамъ даются названія: wettermacherin, wetterhexe, nebelhexe, strahlhexe, blitzhexe, zessenmacherin (отъ стар. zessa—sturm, буря, гроза), что, во 1-хъ роднитъ ихъ съ валькиріями, которыя носятся на облачныхъ коняхъ и сотрясаютъ на землю росу, во 2-хъ— сближаетъ ихъ съ сербскими вилами, собирательницами облаковъ, и въ 3-хъ—напоминаетъ греч. νεφεληγερέτης—одинъ изъ эпитетовъ Зевса [1]). Славянская «Кормчая» (по списку 1282 г.) и «Домострой» называютъ чародѣевъ облакопрогонниками [2]); митрополитъ Даніилъ совѣтуетъ налагать запрещеніе на «глаголемыхъ облакопрогонниковъ и чаровниковъ и наузниковъ и волшебниковъ [3]). Въ западной Европѣ существуетъ глубоко-укорененное вѣрованіе, что колдуны и вѣдьмы могутъ носиться въ тучахъ, производить грозы, напущать бури, дождевые ливни и градъ. Вѣрованье это идетъ изъ отдаленной древности. Фессалійскія волшебницы обвинялись между прочимъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ, причиняемыхъ опустошительными бу-

---

[1]) D. Myth., 1042—3. — [2]) Истор. Христом. Бусл., 381; Времен., I, 43. — [3]) Пам. стар. рус. литер., IV, 202. Въ финнскихъ рунахъ „колдунъ“ называется Ukon poika = сынъ громовника Укко—Учен. Зап. Ак. Н. 1852, IV, 514—5.

рями. Въ средневѣковыхъ памятникахъ (VIII-IX в.) чародѣи именуются tempestarii, immissores tempestatum, и это основывалось на общемъ убѣжденіи, что «homo malus vel diabolus tempestatem faciat, lapides grandinum spergat, agros devastet, fulgura mittat». Скандинавская сага говоритъ о двухъ полубогиняхъ-получародѣйкахъ Ирпѣ и Торгердѣ (Irpa и Thorgerd), которыя производили ненастье, бури и градъ. Изъ преданій, сохраненныхъ германскими племенами, узнаемъ, что колдуны и вѣдьмы употребляютъ для этого кружки или чаши. Подобно тому, какъ древніе боги и богини проливали изъ небесныхъ урнъ дожди и росу, такъ точно колдуны и вѣдьмы, уносясь въ воздушныя выси, посылаютъ изъ своихъ кружекъ разрушительную бурю; опрокидывая одну кружку, они творятъ громъ и молніи, изъ другой пускаютъ градъ и мятели, изъ третьей — суровые вѣтры и ливни. Облака и тучи, содержащія въ своихъ нѣдрахъ дождь, градъ и снѣгъ, въ поэтическихъ сказаніяхъ старины представлялись сосудами, котлами и бочками, въ которыхъ изготовлялся и хранился волшебный напитокъ, или небесными родниками и колодцами. На этихъ давно-позабытыхъ метафорахъ основаны многія изъ народныхъ повѣрій. Такъ о вѣдьмахъ разсказываютъ, что, погружая въ воду горшки и взбалтывая ее, онѣ вызываютъ ненастье; съ тою-же цѣлью онѣ потрясаютъ котломъ или вздымаютъ пыль противъ солнечнаго заката; сверхъ того, въ своихъ котлахъ и горшкахъ онѣ стряпаютъ (варятъ) непогоду, проливные дожди и градъ; разсказываютъ еще, что вѣдьмы пускаютъ по водѣ синіе огоньки, бросаютъ въ воздухъ кремневые камни (т. е. возжигаютъ въ дождевыхъ источникахъ молніи и мечутъ «громовыя стрѣлки») и катаютъ бочки, разрывъ которыхъ производитъ грозу и бурю. По нѣмецкимъ актамъ XVI и XVII столѣтій, вѣдьмы собирались око-

ло озеръ и источниковъ, били по водѣ хлыстами, и когда отъ летящихъ брызгъ подымался туманъ, то сгущали его въ черныя тучи; на этихъ тучахъ ѣздили онѣ по воздушнымъ пространствамъ, направляя ихъ бѣгъ въ ту сторону, гдѣ хотѣли произвести опустошеніе. Бросая въ колодцы и пруды камни, чародѣи могутъ вызывать грозы, дожди и градъ: повѣрье, общее германцамъ съ кельтами и финнами. И лоза, и камень—символы молніи. Въ Греціи совершался слѣдующій обрядъ: когда наступала засуха, Зевсовъ жрецъ шелъ къ источнику, посвященному нимфѣ, творилъ тамъ жертвоприношеніе и дубовою вѣткою касался поверхности водъ; думали, что вслѣдствіе этого обряда непремѣнно должны подняться туманы, собраться въ облака и напоить землю дождемъ. Нѣмецкая сага разсказываетъ о вѣдьмѣ, которая изъ маленькаго облачка создала большую грозовую тучу, и носясь въ ней, словно въ воздушномъ кораблѣ, воздвигла сильную бурю; на ту пору шелъ по дорогѣ охотникъ; застигнутый ненастьемъ, онъ зарядилъ свое ружье освященной пулею и выстрѣлилъ въ самую средину черной тучи, гдѣ мракъ былъ сгущенъ всего больше, и вслѣдъ за выстрѣломъ передъ нимъ упала убитая голая женщина; въ тоже мгновеніе буря затихла и небо стало проясняться. Сказаніе это извѣстно и словенцамъ [1]); смыслъ его—тотъ, что облачная жена гибнетъ отъ громовой стрѣлы дикаго охотника (Одина). Въ Каринтіи поселяне стрѣляютъ въ грозовыя тучи, чтобы разогнать злыхъ духовъ, собирающихся въ надземной области держать совѣтъ и уготовлять бѣды. Вѣтры, сопровождающіе полетъ тучъ, заставили уподобить эти послѣднія раздувательнымъ мѣхамъ. О норвежскихъ чародѣйкахъ сохранилось преданіе, что онѣ заключали вѣтры въ мѣшокъ (windsack) и завязывали его узлами, а въ случаѣ надобности разрѣшали эти

[1]) Рус. Бес. 1857, III, 112.

узлы, произнося заклятіе: «wind, ins teufels namen!» — и въ туже минуту подымался бурный вихрь, опустошалъ землю, волновалъ море и разбивалъ корабли. Норманны и вообще жители сѣверныхъ поморій вѣрили, что колдуны могли продавать вѣтры морякамъ, давая имъ кожаные мѣшки съ волшебными узлами: когда развязывали одинъ узелъ — начинали дуть тихіе и благопріятные вѣтры, развязывали другой — вѣтры крѣпчали, а вслѣдъ за разрѣшеніемъ третьяго узла — наставала страшная буря. Напомнимъ, что съ дующими вѣтрами фантазія сочетала представленіе о буйныхъ, неистовыхъ существахъ, которымъ удалось вырваться на свободу; въ тихое же время они сидятъ въ заключеніи, окованные и связанные своимъ владыкою (I, 311—2). Управляя вѣтрами, колдуны и вѣдьмы могутъ не только собирать, скучивать облака, но и прогонять ихъ съ небосклона и производить бездождіе и засуху, не менѣе гибельныя для жатвъ, какъ и безвременные ливни и все-истребляющій градъ [1]). Въ Испаніи простолюдины убѣждены, что вѣдьмы какъ только захотятъ — тотчасъ-же добудутъ вѣтра, потому что имъ самъ чортъ поддуваетъ [2]). Тоже воззрѣніе на колдовство раздѣлялось и славянскими племенами. По ихъ разсказамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ, по своему произволу, и насылать и отвращать бури, грозы, дожди и градъ; могутъ морочить (затуманивать или отводить очи), т. е. застилать окрест-

---

[1]) D. Myth., 559—560, 606, 1026, 1040—2; Der Ursprung der Myth., 260—1; Библ. для Чт. 1842, XI, 56. Фритіофсага предлагаетъ слѣдующее свидѣтельство: сыновья конунга Бели послали за двумя вѣдьмами, заплатили имъ деньги и заставили на погибель Фритіофа возбудить морскую бурю. Вѣдьмы приготовили пары, и взобравшись на утесъ, вызвали заклинаніями буйные вѣтры. Море запѣнилось, заклубилось, и пловцовъ окружила непроницаемая тьма...—Опыты истор.-филологич. трудовъ Глав. Педаг. института (1852 г.), 154—9. — [2]) Телескопъ 1834, IV, 224.

ныя места и предметы туманомъ, и придавая имъ обманчивые образы, заставлять человѣка видѣть совсѣмъ не то, что есть на самомъ дѣлѣ [1]). Въ Малороссіи вѣдьму называютъ мара, а словомъ заморока обозначается и чаровница, и темнота ночная [2]). Оба названія указываютъ на мракъ, производимый наплывомъ черныхъ тучъ. Эта связь съ тучами и вихрями, въ которыхъ издревле рисовались народному воображенію великаны, змѣи и другіе нечистые духи, враждебные свѣтлымъ богамъ неба, наложила на колдуновъ и вѣдьмъ демоническій характеръ. Уже въ Индіи вѣрили въ злое вліяніе колдовства. Въ народныхъ сказкахъ колдунъ и вѣдьма нерѣдко заступаютъ мѣсто дракона или чорта, и подобно имъ— налетаютъ грозовою тучею, ударяютъ громомъ и сверкаютъ молніями [3]). Отсюда-то возникъ цѣлый рядъ суевѣрныхъ преданій, по свидѣтельству которыхъ чародѣи и чародѣйки предаются дьяволу, заключаютъ съ нимъ договоры и дѣйствуютъ его именемъ, направляя свои вѣщія дарованія не столько на пользу, сколько во вредъ и на пагубу человѣческаго рода [4]). Въ южной Россіи существуетъ любопытный разсказъ о знахарѣ, который по собственному желанію могъ располагать и дождемъ, и градомъ. Бывало во время жатвы надвинется на

---

[1]) Кіевлян. 1865, 69; Ганушъ: Дѣдъ и Баба, 53; Zarysy domove, III, 150, 166, Москв. 1848, VIII, 71—73; Маякъ, XII, 21. На Руси можно услышать разсказы о томъ, какъ положили колдуна или вѣдьму наказывать плетьми, а имъ и горя мало: всѣмъ кажется, что плеть бьетъ по голой спинѣ, а она ударяетъ по землѣ или бревну. Мороча людей, колдуны напускаютъ обманчивое наводненіе = марево (Н. Р. Ск., V, 16; VI, 21; Чудинск., 24). — [2]) Кіев. Г. В. 1845, 13; Старосв. Банд., 333. — [3]) Чудинск., стр. 14, 32. — [4]) Поэтому и въ народныхъ заклятіяхъ испрашиваютъ защиты „отъ бабьихъ зазоръ, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи-вѣдуньи, отъ вѣдьмы кіевской и злой сестры ея—муромской“ — Сахаров., I, 19.

небо дождевая туча; всѣ бросятся складывать снопы, станутъ убираться домой, а ему и горя мало! «Не будетъ дождя!» скажетъ онъ — и туча пройдетъ мимо. Разъ какъ-то собралась страшная гроза, все небо почернѣло; но знахарь объявилъ, что дождя не будетъ, и продолжалъ работать на своей нивѣ. Вдругъ, откуда не взялся, скачетъ къ нему черный человѣкъ на черномъ конѣ: «пусти!» умоляетъ онъ знахаря. — Ни, не пущу! отвѣчаетъ тотъ; було не набирать такъ богато! Черный ѣздокъ исчезъ; тучи посизѣли, поблѣднѣли, и мужики стали ожидать граду. Несется къ знахарю другой ѣздокъ — весь бѣлый и на бѣломъ конѣ: «пусти, сдѣлай милость!» — Не пущу! «Эй, пусти; не выдержу!» Знахарь приподнялъ голову и сказалъ: «ну, вже ступай, да тилько у той байракъ, щò за нивою». И вслѣдъ за тѣмъ градъ зашумѣлъ по байраку [1]). Чехи передаютъ этотъ разсказъ въ такой формѣ: завидя градовую тучу, заклинатель рѣшился отвести ее отъ засѣянныхъ полей на дальнія пустынныя горы; но изъ средины тучи раздался голосъ: «пусти меня! я не въ силахъ сдерживать больше». Заклинатель бросился къ сосѣду своему — судьѣ, выпросилъ у него позволеніе провезти грузъ черезъ его владѣнія, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ судейскія поля были побиты градомъ; прочія-же окрестныя поля остались нетронутыми [2]). Въ бурныхъ, стремительныхъ вѣтрахъ поселяне усматриваютъ полетъ колдуна или вѣдьмы. По нѣмецкому выраженію, колдунъ ѣздитъ на хвосту вѣтра; какъ скоро ему понадобится перенестись въ дальнюю сторону, Вѣтръ приглашаетъ его: «setz dich auf meinen schwanz!» [3]). На Руси существуетъ повѣрье, что на Благовѣщенье, когда

[1]) Кулишъ, I, 40; Москв. 1846, XI—XII, критика, 153—4. — [2]) Громаннъ, 34—35: по другому варіанту, колдунъ велитъ граду спуститься на поля нечестивой бабы. — [3]) Die Götterwelt, 98; Beiträge zur D. Myth., II, 362.

повѣетъ весна, черти провѣтриваютъ колдуновъ, и съ этою цѣлью подымаютъ ихъ на воздухъ и держатъ головами внизъ [1]). Отъ малоруссовъ можно услышать слѣдующее преданіе: работалъ мужикъ въ полѣ; глядь — прямо на него летитъ вихорь, мужикъ выхватилъ изъ-за пояса сѣкиру и бросилъ въ самую средину вертящагося столба пыли. Вихорь понесся дальше и увлекъ за собою топоръ, вонзившійся въ него, словно въ дерево. Вскорѣ случилось этому мужику остановиться на ночлегъ въ одной деревушкѣ; было поздно, когда онъ вошелъ въ хату, въ которой еще свѣтился огонь. Въ хатѣ лежалъ больной, и на вопросъ пришельца домашніе сказали: «то нашъ батька скалечилъ себя сѣкирою!» Располагаясь спать, мужикъ ненарокомъ заглянулъ подъ лавку и увидѣлъ тамъ свой собственный топоръ; тотчасъ узналъ онъ, что ранилъ колдуна, и въ страхѣ, чтобы не попасться ему на глаза, поспѣшилъ изъ хаты вонъ [2]). Такимъ образомъ колдунъ, увлекаемый буйнымъ вѣтромъ, подвергается удару топора — точно также, какъ въ вышеприведенной сагѣ выстрѣлъ охотника поражаетъ вѣдьму, несущуюся въ бурной тучѣ. О крутящемся вихрѣ крестьяне наши думаютъ, что это вертится нечистый духъ, что это — свадебная пляска, которой предается онъ вмѣстѣ съ вѣдьмою; чехи о томъ-же явленіи выражаются: báby čarujou, т. е. вѣдьмы чаруютъ, подымаютъ вихрь. Чтобы напугать путниковъ, вѣдьма нерѣдко превращается пыльнымъ столбомъ и мчится къ нимъ на встрѣчу съ неудержимою быстротою. По народному повѣрью, если въ столбъ пыли, поднятый вихремъ, бросить острый ножъ, то можно поранить чорта или вѣдьму, и ножъ упадетъ на землю весь окровавлённый [3]). Канцлеръ, Радзивилъ, описывая

---

[1]) Сахаров., I, 52. — [2]) Lud Ukrain., II, 100. — [3]) Иллюстр. 1846, 332; Полтав. Г. В. 1844, 20; Громаннъ, 35; Beiträge zur D. Myth., I, 226; D. Myth., 599; Кіевлян. 1865, 69: когда вѣдьма ле-

въ своихъ мемуарахъ страшную бурю, которая была 5 мая 1643 года, утверждаетъ, что ее произвели вѣдьмы [1]): такъ глубоко проникли въ народное убѣжденіе завѣты старины, что̀ и самые образованные люди XVII-го вѣка не теряли къ нимъ довѣрія. Отсюда становится понятною примѣта, по которой ни одна баба не должна присутствовать при отправленіи рыбаковъ въ море; особенно стараются, чтобы она не видѣла — какъ забираютъ и кладутъ въ лодку рыболовныя и мореходныя снасти: не то ожидай большой бѣды! [2]) Примѣта эта возникла изъ боязни морской бури, которую может ъ наслать тайная колдунья, если только свѣдаетъ про отъѣздъ рыбаковъ. Желая произвести засуху, вѣдьма — какъ скоро покажется дождевая туча — машетъ на нее своимъ передникомъ, и туча удаляется съ горизонта [3]). Съ помощію «громовыхъ стрѣлокъ» чародѣйки могутъ низводить съ неба молніи, зажигать дома̀ и поражать людей; словенскія вѣштицы, подобно виламъ, владѣютъ губительными стрѣлами [4]).

Въ Малороссіи разсказываютъ, что вѣдьмы скрадываютъ съ неба дождь и росу, унося ихъ въ завязанныхъ кринкахъ или мѣшкахъ (= въ облачныхъ сосудахъ и мѣхахъ) и запрятывая въ своихъ хатахъ и коморахъ (кладовыхъ). Въ старые годы похитила вѣдьма дождь, и во все лѣто не упало его ни единой капли. Разъ она ушла въ поле, а дома оставила наймичку и строго наказала ей не дотрогиваться до горшка, что̀ стоялъ подъ покутомъ. Мучимая любопытствомъ, наймичка достала горшокъ, развязала его, смотритъ — внутри не видать ничего, только слышится исходящій оттуда невѣдомый

титъ, должно воткнуть въ землю ножъ, освященный на Свѣтло-Христово Воскресенье, и она непремѣнно опустится наземь. — [1]) О. З. 1856, XI, ст. Солов., 10. — [2]) Совр. 1852, I, смѣсь, 122. — [3]) Ворон. Бес., 193. — [4]) Учен. Зап. 2. отд. Ак. Н., VII, в 2-й, 30; Иличь, 305.

голосъ: «вотъ будетъ дождь! вотъ будетъ дождь!» Испуганная наймичка выскочила въ сѣни, а дождь уже льется — словно изъ ведра! Скоро прибѣжала хозяйка, бросилась къ горшку, накрыла его — и дождь пересталъ; послѣ того принялась бранить наймичку: «еслибъ еще немного оставался горшокъ непокрытымъ, сказала она, то затопило бы всю деревню!» [1]) Разсказъ этотъ передается и съ нѣкоторыми отмѣнами: вѣдьма запретила наймичкѣ входить въ одну изъ своихъ кладовыхъ, гдѣ стояли завязанныя кадки; та нарушила запретъ, развязала кадки и нашла въ нихъ жабъ, ужей, лягушекъ и другихъ гадовъ; гады подняли страшный гамъ и расползлись въ разныя стороны. И чтоже? то было ясно, тихо, безоблачно, а тутъ откуда что взялось! — понадвинулась черная-черная туча, подули вѣтры и полился дождь. Вѣдьма поскорѣй домой, посбирала гадинъ, сложила въ кадки, завязала, и только это сдѣлала, какъ дождь пересталъ идти. Принимая дожденосныя облака за небесные источники, озера и рѣки, фантазія древняго человѣка населила ихъ тѣми-же гадами, какіе обитаютъ въ водахъ низменнаго міра: жабами, лягвами и ужами. Если припомнимъ, что сверкающія въ тучахъ молніи уподоблялись змѣямъ и ужамъ, что самыя тучи олицетворялись демоническими змѣями (гидрами, драконами) и что изстари представленія эти были распространяемы и на другихъ водяныхъ гадовъ (II, 624 — 5), то для насъ будетъ понятно, почему змѣи, ужи, лягушки и жабы признаны были созданіемъ нечистой силы, сокрывателями и проводниками дождей, а ихъ шипѣнье и кваканье — знаменіемъ небесныхъ громовъ. Рядомъ съ баснями о гадѣ-господарикѣ (домовомъ змѣѣ) удержалось у чеховъ вѣрованіе въ домовика-лягушку, кваканье которой служитъ предвѣстіемъ дождя (сравни II, 551-2). По свидѣтельству народныхъ легендъ, адскіе колодцы, т. е. соб-

[1]) Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбинск., 64; Lud Ukrain., II, 82.

ственно грозовыя тучи, наполнены змѣями, жабами и лягушками (см. выше стр. 263); и нынѣ чехи убѣждены, что лягушки падаютъ съ неба вмѣстѣ съ дождевыми ливнями [1]). Потому-то колдуны и вѣдьмы и стараются окружать себя всѣми исчисленными гадами, и пользуются ими, какъ необходимыми орудіями при совершеніи своихъ чаръ. Баба-яга и вѣдьмы варятъ въ котлахъ или поджариваютъ на огнѣ (т. е. въ грозовомъ пламени) жабъ, змѣй и ящерицъ, приготовляютъ изъ нихъ волшебные составы и сами питаются ихъ мясомъ; онѣ нарочно приходятъ къ источникамъ, скликаютъ гадовъ и кормятъ ихъ творогомъ [2]). Въ Германіи вѣдьмъ обзываютъ: «inhitzige krotensack!» Во время вѣдовскихъ сборищъ одна изъ чародѣекъ обязана сторожить жабъ [3]). И въ нѣмецкихъ, и въ славянскихъ земляхъ запрещается прясть на Рождественскіе Святки; не то вѣдьмы напустятъ въ домъ жабъ, мышей и крысъ [4]): повѣрье, въ основѣ котораго таится мысль, что вслѣдъ за изготовленіемъ небесной пряжи (облаковъ и тумановъ) зарождаются миѳическіе гады и должна послѣдовать гроза; о крысахъ и мышахъ, какъ воплощеніяхъ молніи, сказано было въ главѣ XIV-ой.

Въ бурныхъ грозахъ древнія племена узнавали битвы облачныхъ духовъ, и потому какъ валькиріи и вилы помогаютъ сражающимся героямъ, а вѣдогони одной страны воюютъ съ вѣдогонями сосѣднихъ земель, такъ и вѣдьмы (по малорусскому сказанію) слетаются на границѣ и сражаются однѣ противъ другихъ. Вооруженныя небольшими мечами, онѣ наносятъ другъ другу удары, и при этомъ приговариваютъ: «що втну, то не перетну!» чтобы удары меча не были смертельны-

---

[1]) Beiträge zur D. Myth., II, 463; Громаннъ, 82. — [2]) Škult. a Dobšinsky, I, 39—42; Lud Ukrain., II, 85. — [3]) D. Myth., 1025. — [4]) Ч. О. И. и Д. 1865, III, 201.

ми. Такимъ образомъ вѣдьмы, послѣ каждаго пораженія, возстаютъ снова къ битвѣ, подобно воюющимъ героямъ валгаллы, которые если и падаютъ бездыханными трупами, то всякой разъ воскресаютъ на новые подвиги. Въ ночь наканунѣ Духова дня вѣдьмы воруютъ деревянные мѐчики, которыми поселянки трутъ конопли; затыкаютъ ихъ за̀ поясъ, и слетаясь на лысую гору или пограничныя мѣста, рубятся ими, какъ саблями [1]). Отсюда объясняется галицкая поговорка: «коли мисяць въ серпъ (т. е. ночью, во время новолунія), то чаровници јидуть на граници» [2]). Вѣдьмы не остаются равнодушными и къ народнымъ битвамъ; помогая той сторонѣ, которая прибѣгла къ ихъ чародѣйной помощи, онѣ напускаютъ на вражескую рать сокрушительные вихри и вьюги. Таково скандинавское преданіе о Торгердѣ и Ирпѣ. Хроника св. Бертина повѣствуетъ, что Рихильда передъ битвою съ Робертомъ взяла горсть пыли, и творя заклятіе, бросила ее на воздухъ по направленію къ непріятелю; но пыль упала на голову чаровницы въ знакъ ея собственной гибели. Въ другой хроникѣ разсказывается, какъ нѣкая волшебница, взойдя на зубчатыя стѣны осажденнаго за̀мка, вызвала своими заклинаніями дождь и бурю, и тѣмъ самымъ заставила враговъ удалиться изъ занятой ими области [3]). Подобное преданіе встрѣчается и у насъ. Въ XVI-мъ вѣкѣ ходила молва, что во время осады Казани (въ 1552 году) татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на городскихъ стѣнахъ, махали одеждами на русское войско и посылали на него буйные вѣтры и проливные дожди: «егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и

---

[1]) Рус. Бес. 1856, III, ст. Максимовича, 90. — [2]) Номис., 4. — [3]) D. Myth., 1041.

день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такій дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точію было надъ войскомъ, а по сторонамъ нѣсть» [1]). Своимъ заповѣднымъ словомъ колдуны и вѣдьмы могутъ давать бранному оружію побѣдоносную силу и неизмѣнную мѣткость, и наоборотъ могутъ заговаривать его такъ, что удары и выстрѣлы его дѣлаются совершенно-безвредными: первоначальный смыслъ этого повѣрья былъ тотъ, что колдуны и вѣдьмы, возбуждая грозы, посылаютъ разящія молніи, а похищая дожди и производя засуху, тѣмъ самымъ завязываютъ лукъ и стрѣлы бога-громовника (см. выше стр. 434 [2]).

Послушныя волшебнымъ чарамъ, тучи сгущаются, закрываютъ небесныя свѣтила и претворяютъ ясный день въ темную ночь. Отсюда возникло убѣжденіе, что вѣдуны и вѣдьмы скрадываютъ солнце, луну и звѣзды, что ихъ шумныя сборища и воздушные полеты происходятъ обыкновенно по ночамъ. О ночныхъ поѣздахъ вѣдьмъ уже свидѣтельствуетъ Эдда. Злыя чародѣйки, родственныя великанкамъ и дивоженамъ, называются на сѣверѣ queldridha (abendreiterin) и myrkridha (dunkelreiterin» [3]). По русскому и сербскому повѣрьямъ, вѣдьмы летаютъ ночью по воздуху и блестятъ яркими огоньками, т. е. сверкаютъ молніями [4]); особенно любятъ онѣ носиться въ надземныхъ пространствахъ въ непроглядныя осеннія ночи [5]). Точно также въ ночную пору совершаются и бурно-стремительные поѣзды дикой охоты или неистоваго воинства Одина. Сокрытіе небесныхъ свѣтилъ тучами и астрономическія затмѣнія солнца и луны принимались нашими предками за явленія тождественныя и

[1]) Сказанія кн. Курбскаго (изд. 2-е), 27. — [2]) Zarysy domove, III, 168. — [3]) D. Myth., 1006. — [4]) „Кад вjештица лети ноћу, она се сиjа као ватра“. — [5]) Срп. рjечник, 66; Zarysy domove, III, 135; Полтав. Г. В. 1844, 20.

равно приписывались вражескому нападенію демона-змѣя или вліянію злаго чародѣйства. Такое убѣжденіе раздѣляли всѣ индоевропейскіе народы. Во время затмѣній напуганные жители собирались толпами, били въ металлическіе сосуды и заставляли лаять собакъ; дѣлалось это съ двоякою цѣлью: во 1-хъ, чтобы напугать нечистую силу, и во 2-хъ, чтобы чародѣйныя заклятія, заглушаемыя звономъ и лаемъ, не могли долетать до небесной тверди и вредить пребывающимъ тамъ свѣтиламъ [1]). Звонъ — старинная метафора грома, а собачій лай — завыванія бурныхъ вѣтровъ; съ тѣмъ и другимъ народная фантазія соединила понятіе о спасительномъ средствѣ, разгоняющемъ демоновъ мрака (= темныя тучи). Наравнѣ съ нечистыми духами, вѣдуны и вѣдьмы боятся собакъ и не терпятъ колокольнаго звона (см. I, 300-1, 734). Древніе греки затмѣнія солнца и луны объясняли похищеніемъ ихъ съ неба; волшебницы низводили небесныя свѣтила на землю и гасили ихъ божественное пламя. Въ такомъ похищеніи преимущественно были подозрѣваемы фессалійскія колдуньи. Въ «Облакахъ» Аристофана Стрепсіадъ, объясняя Сократу придуманное имъ средство не платить долговъ, совѣтуетъ ему обзавестись фессалійскою колдуньею: она спрячетъ луну въ коробку, и тогда можно продолжить мѣсячный срокъ, на сколько угодно. У славянъ вѣрованіе это и донынѣ удерживается между поселянами. Болгары, во время луннаго затмѣнія, стараются выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ прогнать вѣдьмъ (магесницъ), которыя, по ихъ мнѣнію, захватили луну и омрачили ея свѣтлый ликъ [2]). На Руси есть повѣрье, что вѣдьмы, скрадывая съ неба мѣсяцъ и звѣзды, складываютъ ихъ въ горшки и кувшины и прячутъ въ глубокихъ погребахъ, или опускаютъ въ кри-

---

[1]) О. З. 1842, VI, 49; Ж. М. Н. П. 1839, III, 309–314. —
[2]) Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208.

ницы, т. е. скрываютъ (погребаютъ, хоронятъ) ихъ за дождевыми тучами. Случится ли затмѣніе или густыя облака неожиданно заволокутъ небесныя свѣтила, поселяне съ наивно-дѣтскимъ, но твердымъ убѣжденіемъ обвиняютъ въ похищеніи ихъ колдуновъ, вѣдьмъ и злыхъ духовъ, которымъ во мракѣ удобнѣе творить безбожныя дѣла и уловлять въ свои сѣти христіанъ. О падающихъ звѣздахъ въ Малороссіи говорятъ, что ихъ уноситъ вѣдьма и прячетъ въ кувшины. Съ особенною ревностью занимаются вѣдьмы скрадываніемъ мѣсяца и звѣздъ на праздники Коляды и Купалы, когда бываютъ главныя вѣдовскія сборища и нечистая сила предается самому дикому разгулу [1]). Было село (разсказываютъ въ черниговской губ.), въ которомъ проживало до тысячи вѣдьмъ; то и дѣло — крали онѣ святыя звѣзды и до того довели небо, что «ничимъ було свитить нашому гришному міру.» Тогда Богъ послалъ святаго Андрея (замѣна Перуна), который ударилъ своею палицею — и все вѣдовское село провалилось сквозь землю, а на его мѣстѣ стало болото, т. е. ударъ громовой палицы разбилъ облачныя обиталища вѣдьмъ и отверзъ дождевые источники. Скандинавскую колдунью El (procella) называли sôlar böl—solis pernicies, изъ чего видно, что въ ея образѣ олицетворялась черная туча, помрачающая дневной свѣтъ [2]). У насъ сохранилось слѣдующее причитанье:

Красная дѣвица
По бору ходила,
Болесть говорила,
Травы собирала,
Корни вырывала,
Мѣсяцъ скрала,
Солнце съѣла.

---

[1]) Сахаров., II, 3, 70; Рус. прост. праздн., I, 175; Маякъ, XIII, 49—58; Lud Ukrain., II, 81; Этн. Сб., V, библіогр. указ., 8—9; VI, 117. — [2]) D. Myth., 1043.

Чуръ ее колдунью,
Чуръ ее вѣдунью! [1]).

Здѣсь вѣдьма, подобно змѣю и великанамъ, представляется съѣдающею солнце, т. е. погружая это свѣтило въ тучи, она тѣмъ самымъ, въ качествѣ облачной жены, принимаетъ его въ свои собственныя нѣдра = проглатываетъ его. Въ Калевалѣ чародѣйка Лоухи силою волшебныхъ пѣсенъ (=съ помощію дикихъ напѣвовъ бури) похищаетъ солнце и мѣсяцъ и заключаетъ ихъ въ мѣдную скалу, т. е. въ облачныя горы, отчего и наступаетъ всеобщая тьма [2]).

Распоряжаясь стихійными явленіями природы, двигаясь вмѣстѣ съ грозовыми тучами, вѣдуны и вѣдьмы могутъ переноситься съ мѣста на мѣсто съ быстротою крылатаго вѣтра. Представленіе колдовства вездѣ неразлучно съ полетами и поѣздами по воздуху, чрезъ горы и долы [3]). Обычными орудіями воздушныхъ полетовъ колдуновъ и вѣдьмъ, по нѣмецкимъ, литовскимъ и славянскимъ разсказамъ, служатъ: метла (помело, вѣникъ), кочерга, ухватъ, лопата, грабли и просто палка (костыль) или прутъ; нѣмцы называютъ вѣдьму: gabelreiterin, besenreiterin; чешское изрѣченіе: «staré baby na pometlo!» указываетъ на полеты старыхъ вѣдьмъ на печномъ вѣникѣ [4]). Верхомъ на метлѣ или graбляхъ вѣдьма летаетъ по поднебесью: это не болѣе, какъ поэтическая картина вѣтра, несущаго на своихъ крыльяхъ облачную жену-чародѣйку (см. I, 569). Вѣтръ представлялся помеломъ, потому что мететъ туманы и тучи и разчищаетъ небо; представлялся граблями, потому что скучива-

[1]) О. З. 1842, VI, 52—53; сравни Малорус. пѣсни, изд. Максимовича, 1827 г., 42. — [2]) Эманъ, 55. — [3]) Кулишъ, II, 38—39; Москв. 1846, XI—XII, 149; Кіев. Г. В. 1845, 13. — [4]) D. Myth., 1001, 1024, 1037—8; Zarysy domove, III, 146; Этн. Сб., V, стат. о кашубахъ, 96; Slov. pohad., 498—500; Штиръ, № 3.

етъ облака = сгребаетъ ихъ въ густыя, темныя массы: образы, взятые изъ быта земледѣльческаго народа. Въ числѣ различныхъ миѳическихъ представленій молніи она, какъ мы знаемъ, уподоблялась карающей палкѣ, лозѣ или пруту; самая же туча, сверкающая молніями, рисовалась воображенію младенческихъ племенъ небесною печью, очагомъ, на которомъ высочайшій владыка огня и верховный жрецъ (богъ-громовникъ) возжигаетъ свое чистое пламя; вмѣстѣ съ этимъ громовая палица получила значеніе кухоннаго орудія: а) кочерги, которою мѣшается жаръ и разбиваются горящія головни, б) ухвата и лопаты, съ помощію которыхъ сажаются въ печь приготовленныя яства. Въ областныхъ говорахъ кочерга называется ожогъ (ожигъ), а печная лопата — пёкло [1]). Вотъ почему о вѣдьмахъ, ночной полетъ которыхъ сопровождается блестящими огоньками = молніями, народныя преданія утверждаютъ, что онѣ, садясь на кочергу, ухватъ, лопату или вѣникъ, вылетаютъ въ дымовую трубу, слѣдовательно тѣмъже путемъ, какимъ являются огненные змѣи и нечистые духи, прилетающіе въ видѣ птицъ, т. е. грозовые демоны [2]). Миѳическое представленіе разящихъ молній пучкомъ прутьевъ (ruthenbündel) слилось воедино съ сейчасъ-указаннымъ представленіемъ вихря чародѣйнымъ помеломъ или вѣникомъ; въ нѣмецкихъ сказаніяхъ вѣникъ этотъ получилъ характеристическое названіе donnerbesen. По бѣлорусскому преданію, баба-яга погоняетъ воздушныя силы огненною метлою. У лужичанъ, въ ночь главнаго вѣдовскаго сборища (Walpurgisnacht), есть обычай бѣгать по полямъ съ зажженными вѣниками, что называется: «kuzłarničje palič» (жечь вѣдьмъ [3]). Ударяя метлами и вѣниками по источникамъ (= дождевымъ тучамъ) и разсыпая по воздуху брызги воды, вѣдьмы производятъ дож-

[1]) Обл. Сл, 139, 154. — [2]) Сахаров., II, 6, 11. — [3]) Volkslieder der Wenden, II, 223.

ди, градъ и бурю; разъѣзжая на вѣникахъ, во время шумныхъ грозъ, онѣ начисто выметаютъ небо отъ потемняющихъ его тучъ [1]). Въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, когда находитъ дождевая или градовая туча, поселяне, желая отвратить ее отъ своихъ зрѣющихъ нивъ, выбрасываютъ изъ хаты сковороду (звонъ сковороды, тазовъ и прочихъ металлическихъ сосудовъ — эмблема грома) и помело, лопату или кочергу [2]). Въ основѣ этого суевѣрнаго средства скрывается мысль, что молніеносная палица должна разбить тучу прежде, чѣмъ она разразится надъ нивою, а помело-вѣтръ прогонитъ ее (= смететъ) въ другую сторону. Желая предаться воздушному полету, вѣдьмы, по нѣмецкому повѣрью, приготовляютъ волшебную мазь, которою и намазываютъ себѣ ноги и плечи — ноги, какъ орудія движенія, скораго бѣга, и плечи, какъ начало рукъ, замѣняющихъ собою крылья [3]). По русскому повѣрью, у вѣдьмы постоянно хранится вода, вскипяченная вмѣстѣ съ пепломъ купальскаго костра; когда она захочетъ летѣть, то обрызгиваетъ себя этою водою — и тотчасъ подымается на воздухъ и мчится, куда только вздумаетъ. Съ тою-же цѣлью вѣдьма старается добыть траву ти(е)рличъ, корень ея варитъ въ горшкѣ, и приготовленнымъ снадобьемъ мажетъ у себя подъ мышками и колѣнками, и затѣмъ съ быстротою молніи уносится въ трубу. Соку тирлича приписывается чудесное свойство дѣлать человѣка оборотнемъ и сообщать ему силу полета: по всему вѣроятію, здѣсь таится воспоминаніе о Перуновой травѣ = молніи; чародѣйное же снадобье (мазь) есть живая вода дождя, которую кипятятъ вѣдьмы въ облачныхъ котлахъ и сосудахъ, при помощи грозоваго пламени [4]). Уже въ Эддѣ seidhr (sieden — кипѣть,

---

[1]) D. Myth., 1026; Der heut. Volksglaube, 130. — [2]) Черниг. Г. В. 1855, 21; Рус. Бес. 1856, III, 85; Вѣст. Евр. 1830, XV—XVI, 275; Номис., 263, 282. — [3]) D. Myth., 1023. — [4]) Иллюстр., 1845, 415; Lud Ukrain., II, 86—87; Кулишъ, II, 38; Сахаров., I, 43; Иличь, 291.

варить [1]) переходитъ въ значенie колдовства: sedhmadhr —колдунъ, seidhkona, seydhkona — вѣщая жена, умѣющая варить цѣлебныя лѣкарства. Согласно съ метафорическимъ названiемъ дождя опьяняющимъ напиткомъ (виномъ, медомъ, пивомъ), въ собирающихся парахъ и туманахъ древнiя племена усматривали варку небеснаго пива, совершаемую грозовыми духами и нимфами. Когда передъ дождемъ паритъ, т. е. настанетъ удушливый жаръ, въ Германiи выражаются: «zwerge, wichte, unterirdische (миѳическie карлы) brauen» или «die bergmutter (облачная жена) kocht wasser»; о Брокенѣ, куда обыкновенно слетаются вѣдьмы отправлять свои шумныя празднества, говорятъ: «der Brocken braut», какъ скоро поднявшаяся мгла покроетъ его вершину туманною шапкою (nebellkappe). Вѣдьмы варятъ въ котлахъ ядовитыя травы и коренья и распускаютъ по всему небесному своду клубящiеся пары; на др.-сѣверн. нарѣчiи туманъ называется kerlinga vella=hexengebräu; старинные законодательные памятники указываютъ на бранное выраженie: hexenkesselträger [2]). Русскiя вѣдьмы и баба-яга носятся по воздуху въ желѣзной ступѣ (котлѣ-тучѣ), погоняя пестомъ или клюкою (громовой палицею) и заметая слѣдъ помеломъ, при чемъ земля стонетъ, вѣтры свищутъ, а нечистые духи издаютъ дикie вопли (I, 291 [3]); когда онѣ собираются на лысой горѣ, тамъ горятъ огни яркie и кипятъ котлы кипучie. Такимъ образомъ, кипятя на грозовомъ пламени дождевую влагу и опрыскиваясь ею, вѣдьмы совершаютъ свои воздушные полеты и посылаютъ на поля и лѣса разрушительныя бури, съ градомъ, ливнями и вьюгою. Вѣдуны и вѣдьмы обладаютъ и другими баснословными дико-

---

[1]) „Seydhr oder saudhr—dichterisch ein name des siedenden, kochenden feuers". — [2]) D. Myth., 988, 998, 1043; Die Götterwelt, 92. — [3]) Морск. Сб. 1856, XIV, 64; Zarysy domowe, III, 146.

викками, служившими нѣкогда для поэтическаго обозначенія летучаго облака: по свидѣтельству сказокъ, они хранятъ у себя живую и мертвую воды, летаютъ на коврахъ-самолетахъ и обуваются въ сапоги-скороходы. Нѣмецкія саги утверждаютъ, будто бы чортъ окутываетъ вѣдьму въ свой плащь (= облачный покровъ) и носитъ ее по воздушнымъ пространствамъ, почему и дается ей прозваніе mantelfahrerin [1]). Сербская вѣщица, приготовляясь летѣть, мажетъ себѣ подъ мышками чародѣйною мазью и восклицаетъ: «ни о трн, ни о грм, веħ на пометно гумно!» [2]) Эта предохранительная формула (не оградившись ею, можно налетѣть на терновый кустъ или дубовое дерево и ушибиться) соотвѣтствуетъ нашему эпическому выраженію: «выше лѣсу стоячаго, ниже облака ходячаго» и заклятіямъ, съ какими начинаютъ свой полетъ нѣмецкія вѣдьмы: «auf und davon! hui oben hinaus und nirgend an!» «fahr hin, nicht zu hoch, nicht zu nieder!» Преслѣдуя сказочныхъ героевъ, вѣдьма творитъ заклятіе: «vor mir tag, hinter mir nacht!» т. е. помрачая небо темною тучею, она освѣщаетъ передъ собою путь блестящими молніями [3]). По скандинавскому преданію, колдунъ беретъ козью шкуру (метафора облака), обвиваетъ ее около головы и произноситъ: «es werde nebel und werde zauber und allen wunder, dir hinter die suchen!» Объ индѣйскихъ колдуньяхъ извѣстно, что воздушному ихъ полету предшествовало произнесеніе заговора: Каларатри, сотворивъ волшебное заклинаніе, поднялась съ своими ученицами съ крыши коровника и полетѣла облачною дорогою (auf dem wolkenpfad). Одному человѣку посчастливилось подслушать ея вѣщія слова; онъ вздумалъ повторить ихъ и тотчасъ-же послѣдовалъ за чародѣйкою—точно также, какъ въ нѣмецкомъ, сербскомъ и русскомъ сказаніяхъ люди, которымъ удавалось

[1]) D. Myth., 1024, 1035. — [2]) Срп. рјечник, 66. — [3]) Сравни въ сборн. Гальтриха, № 34.

подслушать заклятіе, произносимое вѣдьмою при ея отлетѣ, и воспользоваться ея волшебнымъ снадобьемъ, летали вслѣдъ за нею на мѣста вѣдовскихъ сборищъ [1]). Какъ властелины вихрей, колдуны и вѣдьмы могутъ насылать на своихъ ненавистниковъ и соперниковъ порчи по вѣтру, подымать ихъ на воздухъ и кружить тамъ съ страшною, ничѣмъ-неудержимою быстротою. Такъ существуетъ разсказъ, что одинъ колдунъ, изъ ревности къ молодому парню, заставилъ его цѣлые мѣсяцы носиться въ стремительномъ вихрѣ. Невѣдомая сила подхватила его на воздухъ, закружила и понесла все выше и выше; томимый голодомъ и жаждою, летѣлъ онъ — самъ не вѣдая куда; отчаянныя жалобы его не достигали до людей, никто не видалъ его жгучихъ слезъ, несчастный изсохъ до костей и не чаялъ себѣ спасенія. Когда наконецъ буйный вихрь оставилъ его—парень спустился на землю; пытаясь отомстить своему ворогу, онъ отыскалъ хитрую колдунью и прибѣгнулъ къ ея помощи. Чародѣйка запалила въ печи зелье — и среди яснаго, безоблачнаго дня вдругъ завылъ вѣтеръ, схватилъ колдуна, и понесъ его высоко надъ землею; съ той поры кружился онъ по воздуху въ неистовой пляскѣ, а за нимъ носились стаи крикливыхъ воронъ и галокъ [2]). Когда вѣдьма пожелаетъ призвать кого-нибудь изъ дальней стороны, она варитъ корень терлича, и какъ только вода закипитъ — въ туже минуту призываемый «зниметця и полетить якъ птахъ»; въ своемъ воздушномъ полетѣ онъ томится жаждою и безпрерывно повторяетъ возгласъ: «пить, пить!» Чаще всего чародѣйки пользуются этимъ средствомъ для призыва своихъ возлюбленныхъ; заваривая зелье, онѣ приговариваютъ: «терличъ, терличъ! мого милого приключь.» Чѣмъ сильнѣе закипаетъ снадобье, тѣмъ выше и быстрѣе онъ несется: «якъ дуже зилля кипить (говорятъ малоруссы) — милий поверхъ дерева

[1]) D. Myth., 1037. — [2]) Пов. и пред., 76—80.

летить; а якъ не дуже — о половини дерева» и въ этомъ последнемъ случаѣ легко можетъ налетѣть на древесный стволъ и ушибиться до смерти [1]). Въ одной пѣснѣ дѣвица жалуется, что ея милый далёко, за крутою горою, и по совѣту матери рѣшается на чару:

Уранци (корень) копала,
А въ обиди варила,
Козаченька манила:
А ще „розмай“ не вкипивъ,
А вже милий прилетивъ.
„Ой, що-жъ тебе принесло —
Чи човничокъ, чи весло?“
— Ни човничокъ, ни весло,
А дивоче ремесло! [2])

Тотъ, чьи волоса попадутся вѣдьмѣ и она запалитъ ихъ на огнѣ, съ произнесенiемъ заклятiя, также немедленно подымается на воздухъ и прилетаетъ на ея зовъ [3]).

Заправляя полетами тучъ и вихрей, вѣдуны и вѣдьмы должны были стать въ самыя близкiя отношенiя къ ихъ миѳическимъ воплощенiямъ въ образѣ различныхъ животныхъ. Если припомнимъ, что темныя тучи представлялись небесными волками, а молнiи — огненными змѣями, то для насъ совершенно объяснится то старонѣмецкое преданiе, по свидѣтельству котораго вѣдьмы вечеромъ и ночью ѣздятъ по воздуху на осѣдланныхъ волкахъ, взнуздывая и погоняя ихъ змѣями. По указанiю Эдды, на волкѣ, взнузданномъ змѣею, ѣздила великанка. Шведская пѣсня упоминаетъ о поѣздахъ вѣдьмъ на медвѣдѣ; народныя же повѣрья, донынѣ живущiя въ устахъ поселянъ въ Германiи, утверждаютъ, что колдуны ѣздятъ на волкахъ, а колдуньи—на кошкахъ и козлахъ. Нерѣдко въ видѣ козла является къ услугамъ вѣдьмы дьяволъ, на котора-

[1]) Кулишъ, II, 39; Номис., 5. — [2]) Черниг. Г. В. 1861, 36; Нар. бѣлорус. пѣсни Е. Н., 32. — [3]) Lud Ukrain., II, 107—8.

го она тотчасъ-же садится — и пускается въ воздушное странствованіе. Всѣ эти звѣри — древнѣйшія олицетворенія грозовыхъ облаковъ. Самые боги и богини, царствующіе въ воздушныхъ сферахъ, разъѣзжали на тѣхъ-же звѣряхъ: такъ Фрея носилась во мракѣ ночи на блистающемъ щетиною боровѣ или въ колесницѣ, запряженной кошками, сестра ея Hyndla — на волкѣ, а Торъ — на козлахъ [1]) На Руси разсказываютъ о поѣздкахъ колдуновъ на волкахъ [2]) На старой лубочной картинѣ баба-яга изображена ѣдущею верхомъ на свиньѣ [3]); въ пѣсенный сборникъ Колляра [4]) занесено слѣдующее причитанье:

Černokňažnjk letj
W ohniwem oblaku,
Sediaci na draku.
Běda tomu lesu,
Kde ho krjdla nesu;
Běda tomu městu,
Kadiel wezme cestu!

Въ сербской сказкѣ колдунья беретъ трехглавую змѣю, вмѣсто кнута, садится въ повозку, хлопаетъ змѣей и отправляется въ дорогу: преданіе, напоминающее намъ волшебницу Медею, которая улетѣла на колесницѣ, запряженной драконами, и Деметру, которая снарядила въ путь Триптолема и дала ему подобную-же колесницу [5]). Колдунамъ и вѣдьмамъ приписывается умѣнье разводить (плодить) драконовъ и укро-

---

[1]) D. Myth., 305, 997, 1006–9, 1024; Die Götterwelt, 277; Симрокъ, 281. — [2]) Маякъ 1845, XXIII, смѣсь, 117. Въ актахъ XVII столѣтія встрѣчаемъ любопытное обвиненіе, взведённое на одного попа, будто онъ ѣздилъ на медвѣдѣ (Опис. города Шуи, 314). — [3]) Изв. Имп. археолог. общ., т. III. — [4]) Nar. zpiewanky, I, 13. — [5]) Матер. для изучен. нар. слов., 35, 49; Миѳы клас. древности, I, 205; Griech. Myth. Преллера, I, 604: Триптолемъ былъ посланъ Деметрою «auf einem geflügelten Schlangenwagen in alle Welt, um den in Eleusis gestifteten Segen unter allen Völkern und Menschen zu verbreiten».

щать ихъ бѣшеную ярость [1]). Не менѣе важно для исторіи народныхъ вѣрованій свидѣтельство сербской пѣсни, въ которой разсказывается о дѣвицѣ-чародѣйкѣ:

Она оде у зелену башчу,
Јелен-рогом шарца оседлала,
Л(ь)утом га је змијом зауздала,
Још га л(ь)уђом змијом ошибује, [2])
Сама иде пред цареву војску:
Једну војску буздованом бије,
Другу војску britком сабл(ь)ом сече,
Трећу војску на воду натера [3]).

О вилахъ разсказываютъ, что онѣ ѣздятъ на оленяхъ, взнузданныхъ и погоняемыхъ змѣями (стр. 164). Выше было указано, что грозовыя облака издревле представлялись и конями, и оленями. Эдда говоритъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на быстроногихъ коняхъ; тоже подтверждается и народными повѣрьями. Кони эти являются передъ ними мгновенно, словно изъ земли выростая; самая дубинка, на которой летаетъ вѣдьма, нерѣдко превращается подъ нею въ волшебнаго коня. По русскому повѣрью, вѣдьмы во время купальскаго сборища пріѣзжаютъ на лысую гору не только на помелахъ, но и на бо́рзыхъ, неутомимыхъ скакунахъ; въ сказкахъ онѣ надѣляютъ героевъ чудесными, летучими конями [4]). Разъѣзжая на волкахъ или коняхъ, взнузданныхъ и бичуемыхъ змѣями, вѣдьмы собственно летаютъ на бурно-несущихся облакахъ и погоняютъ ихъ молніями (о миѳическомъ представленіи молніи бичемъ или плетью см. I, 282). Съ теченіемъ времени, когда память

---

[1]) Фин. Вѣст. 1846, X, 47; Пѣсни разн. нар. въ переводѣ Берга, 503-7. — [2]) Переводъ: Пошла она въ зеленый садъ, осѣдлала коня оленьимъ рогомъ, зауздала его лютымъ змѣемъ, еще лютѣйшимъ змѣемъ погоняетъ... — [3]) Срп. н. пјесме, I, 160. — [4]) D. Myth., 1006, 1038; Симрокъ, 93; Фин. Вѣст. 1845, V, 77; Nar. zpiewanky, I, 13: была вѣщица, „mala koňa Tatošjka", летала на немъ и въ Венгрію, и въ Польшу.

народная позабыла первичныя основы и дѣйствительный смыслъ зооморфизма, сказанія о небесныхъ животныхъ были перенесены на ихъ земныхъ близнецовъ. Вѣдьмамъ стали приписывать поѣздку на обыкновенныхъ волкахъ, лошадяхъ и кошкахъ, стали окружать ихъ стаями лѣсныхъ звѣрей и змѣями ползучими, осужденными пресмыкаться на землѣ, а не парить по поднебесью. У шведовъ есть повѣрье, что старыя бабы, живущія уединенно въ лѣсахъ, скрываютъ въ своихъ избушкахъ волковъ, преслѣдуемыхъ охотниками; этихъ бабъ называютъ волчьими матерями — vargamödrar (wolfmütter [1]). По мнѣнію русскаго простонародья, волчье сердце, когти черной кошки и змѣи составляютъ необходимую принадлежность чародѣйныхъ составовъ, приготовляемыхъ колдунами и вѣдьмами. Обычное въ народной поэзіи олицетвореніе облаковъ и вѣтровъ легкокрылыми птицами также не осталось безъ вліянія на суевѣрныя представленія о колдовствѣ. Впрочемъ преданія чаще говорятъ о превращеніи вѣдуновъ и вѣдьмъ въ различныхъ птицъ, чѣмъ о полетахъ на этихъ воздушныхъ странницахъ. Пѣтуху, какъ мы знаемъ, присвоялось въ язычествѣ особенно-важное значеніе; какъ представитель грозоваго пламени и жертвеннаго очага, онъ и донынѣ считается необходимымъ спутникомъ вѣщихъ мужей и женъ. Нѣмцы знаютъ о воздушныхъ поѣздахъ вѣдьмъ на черномъ пѣтухѣ; чехи разсказываютъ о колдунѣ, который ѣздилъ въ маленькой повозкѣ, запряженной пѣтухами; а русскіе поселяне убѣждены, что при вѣдьмѣ всегда находятся черный пѣтухъ и черная кошка [2]). Замѣтимъ, что въ старину осужденныхъ на смерть вѣдьмъ зарывали въ землю вмѣстѣ съ пѣтухомъ, кошкою и змѣею.

---

[1]) D. Myth., 1014. — [2]) Beiträge zur D. Myth., II, 439; Der Ursprung der Myth., 211; Пов. и пред., 74; Иллюстр. 1845, 415.

Колдуны обыкновенно представляются стариками съ длинными сѣдыми бородами и сверкающими взорами; о вѣдьмахъ-же разсказываютъ, что это — или безобразныя старухи незапамятныхъ лѣтъ, или молодыя красавицы. Тоже думаютъ нѣмцы о своихъ hexen [1]). Такое мнѣніе, съ одной стороны, согласуется съ дѣйствительнымъ бытомъ младенческихъ племенъ, ибо въ древности все высшее, священное «вѣдѣніе» хранили старѣйшіе въ родахъ и семьяхъ; а съ другой стороны — совпадаетъ съ миѳическимъ представленіемъ стихійныхъ силъ природы. Облака и тучи (какъ неразъ было указано) рисовались воображенію нашихъ предковъ и въ мужскомъ олицетвореніи бородатыхъ демоновъ, и въ женскихъ образахъ—то юныхъ, прекрасныхъ и полногрудыхъ нимфъ, несущихъ землѣ дожди и плодородіе, то старыхъ, вражескихъ бабъ, вѣющихъ стужею и опустошительными бурями. Въ ночную пору вѣдьмы распускаютъ по плечамъ свои косы, и раздѣвшись до-гола̀, накидываютъ на себя длинныя бѣлыя и неподпоясанныя сорочки (или саваны), затѣмъ садятся на метла, завариваютъ въ горшкахъ волшебное зелье и, вмѣстѣ съ клубящимися парами, улетаютъ въ дымовыя трубы творить порчи и злыя дѣла, или гулять на лысой горѣ [2]). По разсказамъ поселянъ, когда вѣдьма собираетъ росу, доитъ чужихъ коровъ или дѣлаетъ въ поляхъ заломы — она всегда бываетъ въ бѣлой сорочкѣ и съ распущенными волосами [3]). Своими развѣвающимися косами и бѣлыми сороч-

---

[1]) Сахаров., II, 62—63; Рус. Предан., II, 103—III; D. Myth., 992. „Старая вѣдьма"—одно изъ наиболѣе употребительныхъ въ нашемъ народѣ бранныхъ выраженій. — [2]) Кiев. Г. В. 1845, 13; Lud Ukrain., II, 80; Иличь, 292; D. Myth., 1007. Болгары увѣряютъ, что вѣдьмы ходятъ ночью по рѣкамъ — раздѣтыя догола и созываютъ злыхъ духовъ для совѣщаній съ ними—Ж. М. Н. П. 1846, XII, 208. — [3]) Въ заговорѣ заклинается баба-вѣдунья, дѣвка простоволосая—Сахаров., I, 18.

ками (= поэтическія обозначенія облачныхъ прядей и покрововъ) вѣдьмы сближаются съ русалками, вилами и эльфами; наравнѣ съ этими миѳическими существами, онѣ признаются за небесныхъ пряхъ, изготовляющихъ облачныя ткани. Въ числѣ различныхъ названій, даваемыхъ нѣмцами вѣдьмамъ, встрѣчаемъ: feldfrau, feldspinnerin; въ южной Германіи разсказываютъ о вѣдьмахъ, что онѣ прядутъ туманы (стр. 354); народное выраженіе: «die alten weiber schütteln ihren rock aus», употребляемое въ смыслѣ: «снѣгъ идетъ» [1]) вполнѣ соотвѣтствуетъ вышеобъясненному выраженію о Гольдѣ, вытрясающей свою перину (I, 500). По бѣлорусскому повѣрью, вѣдьма, обвиваясь съ ногъ до головы выпряденною изъ кудели ниткою, дѣлается невидимкою [2]), т. е. облекается въ туманную одежду (= надѣваетъ шапку-невидимку, nebelkappe). И вѣдуны, и вѣдьмы любятъ превращаться въ клубокъ пряжи, и въ этомъ видѣ съ неуловимой быстротою катаются по дворамъ и дорогамъ. Иногда случается: вдругъ раздастся на конюшнѣ страшный топотъ, лошади начинаютъ бѣситься и рваться съ привязи, и все отъ того, что по стойламъ и яслямъ катается клубокъ-оборотень, который также внезапно появляется, какъ и пропадаетъ [3]). Въ славянскихъ сказкахъ вѣдьма или баба-яга даетъ странствующему герою клубокъ; кинутый наземь, клубокъ этотъ катится впереди странника и указываетъ ему дорогу въ далекое, невѣдомое царство [4]). Малоруссы обвиняютъ вѣдьмъ въ покражѣ тѣхъ снарядовъ, которыми трутъ лёнъ [5]). По разсказамъ чеховъ, вѣдьмы ѣздятъ по воздуху на

---

[1]) D. Myth., 1042. — [2]) Пантеонъ 1854, VI, ст. Шпилевскаго. — [3]) Москв. 1844 XII, 37. — [4]) Глинск., IV, 42: kłębek wskazidrožek; тоже указаніе находимъ и въ нѣмецкой сказкѣ — сборн. Грим., I, стр. 285. — [5]) Наканунѣ Пасхи финны ставятъ около хлѣвовъ серпы противъ летучихъ волшебницъ, которыя со-

прялкахъ (kuzly), а по разсказамъ словенцевъ на ткацкихъ «вратилахъ» [1]), или катушкахъ, на которыя навивается полотно и пряжа. Кромѣ того, народныя преданія изображаютъ вѣдьмъ небесными прачками. Въ Баваріи уцѣлѣли саги, по свидѣтельству которыхъ вѣдьмы въ лунныя ночи бѣлятъ свои прекрасные холсты, а послѣ дождей развѣшиваютъ на свѣтлыхъ облакахъ и просушиваютъ свое бѣлье. У французовъ существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь возлѣ уединенныхъ источниковъ, подъ сѣнею развѣсистыхъ ивъ, раздаются громкіе и частые удары вальковъ миѳическихъ прачекъ; водяныя брызги подымаются до самыхъ облаковъ и производятъ дожди и бурныя грозы. Подобно тому, и нѣмецкія вѣдьмы во время своихъ праздничныхъ сборищъ ударяютъ скалками и трепалами [2]), а русскія вѣщицы представляются въ томской губерніи моющими бѣлье. Эти черты приписываются вѣдьмамъ наравнѣ съ другими облачными женами. Такъ литовскія лаумы, сходясь позднимъ вечеромъ въ четвергъ (день громовника), колотятъ вальками бѣлье и притомъ съ такою силою, что ихъ оглушительный стукъ доносится до самыхъ отдаленныхъ окрестностей. Галицкія и польскія лисунки (дивожены) занимаются стиркою бѣлья, и вмѣсто вальковъ употребляютъ свои большія, отвислыя груди (II, 343 [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи, когда послышится громъ, крестьяне говорятъ: «unsere Herrgott mangelt» [4]). По ихъ мнѣнію, въ ясный солнечный день, наступающій вслѣдъ за продолжительными дождями, Гольда просушиваетъ свои покрывала. Въ Лужицахъ же существуетъ повѣрье: когда wódna

---

бираютъ тогда шерсть (волну) и уносятъ ее на высокую гору— Вѣст. Евр. 1828, XIII, 9—10. — [1]) D. Myth., 1038; Иличь, 289. — [2]) Трепало—орудіе, служащее для очистки льна отъ кострики. — [3]) Въ Этн. Сб., III, 90, приведенъ разсказъ о вѣдьмѣ, которая убивала людей, ударяя своими грудями. — [4]) Mangeln —катать на каткѣ.

ѣора разстилаетъ по берегу вымытое бѣлье, то слѣдуетъ ожидать дождливой погоды и поднятія водъ въ рѣкахъ и источникахъ [1]). Уподобляя облака — одеждамъ, сорочкамъ, тканямъ, фантазія древняго человѣка стала изображать грозу въ поэтической картинѣ стирки бѣлья: небесныя прачки = вѣдьмы бьютъ громовыми вальками и полощатъ въ дождевой водѣ свои облачные покровы. Эти и другія представленія стихійныхъ силъ природы, представленія, заимствованныя отъ работъ, издревле-присвоенныхъ женщинамъ (какъ-то: пряжа, тканье, мытье бѣлья, доеніе коровъ и приготовленіе яствъ), послужили основаніемъ, почему въ чародѣйствѣ попреимуществу обвиняли женъ и дѣвъ и почему вѣдьмы пользуются въ народныхъ преданіяхъ болѣе видною и болѣе значительною ролью, нежели колдуны и знахари. Несторъ выражаетъ общее, современное ему воззрѣніе на женщину въ слѣдующихъ словахъ: «паче же женами бѣсовская волъшванья бываютъ; искони бо бѣсъ жену прелсти, си же мужа; тако въ си роди много волхвують жены чародѣйствомъ и отравою и инѣми бѣсовьскыми козньми?»

Лысая гора, на которую, вмѣстѣ съ бабою-ягою и нечистыми духами, собираются вѣдуны и вѣдьмы, есть свѣтлое, безоблачное небо (I, 115-120). Сербскія вѣщицы прилетаютъ на «пометно гумно»: такъ какъ громовые раскаты уподоблялись нашими предками стуку молотильныхъ цѣповъ, а вихри, несущіе облака, мётламъ, то вмѣстѣ съ этимъ небесный сводъ долженъ былъ представляться гумномъ или токомъ [2]). Выраженіе: «вѣдьмы летаютъ на лысую гору» первоначально относилось къ миѳическимъ женамъ, нагоняющимъ на высокое небо темныя, грозовыя тучи. Позднѣе, когда значеніе этихъ метафоръ было затеряно, народъ связалъ вѣдовскіе полеты съ тѣми го-

---

[1]) Der heut. Volksglaube, 104; Совр. 1852, I, 78; Этн. Сб., VI, 148; Volkslieder der Wenden, II, 267. — [2]) Венгерскія вѣдьмы летаютъ на kopasz teto (лысая макушка, вершина горы).

рами, которыя высились въ населенныхъ имъ областяхъ. Такъ малоруссы говорятъ о сборищахъ вѣдьмъ на Лысой горѣ, лежащей на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Кіева [1]), этого главнаго города древней Руси, гдѣ нѣкогда стояли кумиры и былъ центръ языческаго культа; отъ того и самой вѣдьмѣ придается эпитетъ кіевской [2]). Названіе «Лысая гора» встрѣчается и въ другихъ славянскихъ земляхъ, и Ходаковскій насчитываетъ до пятнадцати мѣстностей, обозначенныхъ этимъ именемъ [3]). У чеховъ и словеновъ чародѣйки слетаются на бабьи горы [4]), и часть Карпатовъ между Венгріей и Польшей называется поляками Babia gora. По литовскому повѣрью, колдуны и вѣдьмы наканунѣ Иванова дня собираются на вершинѣ горы Шатріи (въ шавельскомъ уѣздѣ); нѣмецкія hexen летаютъ на Brocken (Blocksberg) Horselberg, Bechelberg, Schwarzwald и другія горы [5]). Полеты вѣдьмъ на лысую гору обыкновенно совершаются въ темныя, бурно-грозовыя ночи, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ „воробьиныхъ" [6]); но главныя сборища ихъ на этой горѣ бываютъ три раза въ годъ: на Коляду, при встрѣчѣ весны и въ ночь Ивана Купалы. Въ эти праздники крестьяне съ особенною заботливостью стараются оберегать своихъ лошадей, чтобы вѣдьмы и нечистые духи не захватили и не измучили ихъ въ быстромъ поѣздѣ. Время вѣдовскихъ сборищъ, совпадая съ началомъ весны и съ двумя солнечными поворотами, наводитъ на мысль, что дѣятельность вѣдьмъ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ тѣхъ измѣненій, какія замѣчаются въ годичной жизни природы.

---

[1]) Пов. и пред., 180. — [2]) Сахаров., I, 26, 44. — [3]) Ист. Сб., VII, 237–8; Сахаров., II, 41; Рус. прост. празд., IV, 34; Zarysy domove, III, 146; Этн. Сб., V, ст. о кашубахъ, 72; Вѣст. Евр. 1820, XXIII, 186. — [4]) Съ большимъ вѣроятіемъ можно допустить, что названіе это знаменуетъ облачныя горы, а не сводъ небесный —см. выше, стр. 124. — [5]) D. Myth., 1003–5; Ганушъ, 178; Ковенск. Губерн., 575. — [6]) Иллюстр. 1845, 251.

Духи бурныхъ грозъ, замирающіе на зиму, пробуждаются вмѣстѣ съ нарожденіемъ солнца, а въ половинѣ лѣта достигаютъ наибольшей полноты силъ и предаются самому неистовому разгулу; рожденіе же солнца старинные миѳы сочетали и съ зимнимъ его поворотомъ — на праздникъ Коляды, и съ благодатнымъ просвѣтлѣніемъ его весною. По указаніямъ, собраннымъ въ народномъ дневникѣ Сахарова, съ 26-го декабря начинаются бѣсовскія потѣхи, вѣдьмы со всего свѣта слетаются на лысую гору на шабашъ и сдружаются тамъ съ демонами; 1-го января вѣдьмы заводятъ съ нечистыми духами ночныя прогулки, а 3-го, возвращаясь съ гулянья, задаиваютъ коровъ; 18-го января онѣ теряютъ память отъ излишняго веселья на своемъ пиршествѣ [1]). По знаменательному повѣрью русиновъ, на Благовѣщенье (25 марта — день, въ который Весна побораетъ Зиму) зарождаются вѣдьмы и упыри (= гонители и сосуны дождевыхъ тучъ [2]); На Юрьевъ день (23 апрѣля), посвященный громовнику = побѣдителю змѣя и пастырю небесныхъ стадъ, и въ «купальскую» ночь на 24 іюня (празднество Перуну, погашающему въ дождевыхъ потокахъ знойные лучи солнца — I, 208) вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору, творятъ буйныя, нечестивыя игрища и совѣщаются на пагубу людей и домашнихъ животныхъ [3]); въ эту-же таинственную ночь они ищутъ и рвутъ на лысой горѣ волшебныя зелья, что, конечно, имѣетъ связь съ миѳомъ пламеннаго Перунова цвѣта, почка котораго зрѣетъ и распускается въ

---

[1]) Рус. Предан., II, 103—111; Рус. прост. праздн., III, 86; Сахаров., II, 3—4, 7, 70; Терещ., V, 75; Zarysy domove, III, 147. — [2]) Ганушъ, 103. — [3]) Lud Ukrain., II, 87; Сахаров., II, 41; Терещ., V, 87; Рус. прост. празд., I, 175; IV, 33—34. Масляницу свою вѣдьмы отправляютъ на лысой горѣ, что бываетъ или на первой недѣлѣ великаго поста, или наканунѣ Воскресенія Христова—Ж. М. В. Д. 1848, XXII.

ночь на Ивана Купалу [1]). Если ухватиться за вѣдьму въ ту минуту, когда она хочетъ летѣть на лысую гору, то можно совершить воздушное странствованіе: того, кто рѣшается на это, она уноситъ на мѣсто сборища. На Украйнѣ ходитъ разсказъ о полетѣ одного солдата на вѣдовской шабашъ. Ночью, наканунѣ Иванова дня, удалось ему подсмотрѣть, какъ улетѣла въ трубу его хозяйка; солдатъ вздумалъ повторить тоже, что дѣлала вѣдьма: онъ тòтчасъ-же сѣлъ въ ступу, помазалъ себѣ подъ мышками волшебной мазью — и вдругъ, вмѣстѣ со ступою, взвился въ дымовую трубу и съ шумомъ понесся по поднебесью. Летитъ солдатъ, самъ не вѣдая куда, и только покрикиваетъ на встрѣчныя звѣзды, чтобы сторонились съ дороги. Наконецъ опустился на лысую гору: тамъ играютъ и пляшутъ вѣдьмы, черти и разныя чудища; со всѣхъ сторонъ раздаются ихъ дикіе клики и пѣсни! Испуганный невиданнымъ зрѣлищемъ, солдатъ сталъ поодаль — подъ тѣнистымъ деревомъ; въ туже минуту явилась передъ нимъ его хозяйка: «ты зачѣмъ? молвила она; скорѣе назадъ, если тебѣ жизнь дорогà! Какъ только завидятъ наши, сейчасъ тебя задушатъ! Вотъ тебѣ славный конь, садись и утекай!» Солдатъ вскочилъ на коня и вихремъ пустился домой. Пріѣхалъ, привязалъ коня къ яслямъ и залёгъ спать; на утро проснулся, пошелъ въ конюшню, глядитъ — а вмѣсто коня привязано къ яслямъ большое полѣно [2]). Подобный-же разсказъ есть у сербовъ: «у Сриjему се приповиjеда да се онамо вjештице наjвише скупљаjу више села Моловина на некакоме ораху. Приповиjеда се, како jе некакав човjек видjевши из постеље како му jе из куће вjештица одлетjела, нашао њезин лонац с масти, пак се њоме намазао и рекавши као и она, прометнуо

---

[1]) Сахаров., I, 43; Рус. прост. праздн., I, 75; Иллюстр. 1845, 262; Описан. олонец. губ. Дашкова, 190. — [2]) Lud Ukrain., II, 87—88.

се и он у нешто и одлетио за њом, и долетјевши на орах више Моловина нашао ондје много вјештица, гдје се часте за златнијем столом и пију из златнијех чаша. Кад их све сагледа и многе међу њима позна, онда се као од чуда прекрсти говорећи: анате вас мате било! У онај исти мах оне све прсну куд која, а он спадне под орах човјек као и прије што је био. Златна стола не стане као и вјештица, а њихове златне чаше претворе се све у папке којекакијех стрвина» [1]). Точно также и нѣмецкія вѣдьмы собираются не только на вершинахъ горъ, но и въ поляхъ подъ сѣнею дуба, липы или груши, а вѣдьмы неаполитанскія подъ орѣховымъ деревомъ [2]); на Руси указываютъ старые дубы, подъ которыми сходятся вѣдьмы на свои шумныя игрища (II, 296). Дубъ и орѣхъ были посвящены богу-громовнику и въ народной символикѣ обозначаютъ дерево-тучу.

По свидѣтельству нѣмецкихъ сказаній, вѣдовскія сборища бываютъ на Рождественскія ночи, наканунѣ великаго поста (fastnacht), на Свѣтлой недѣлѣ, 1-го мая и на Иванову ночь. Русскому преданію о полетѣ вѣдьмъ на лысую гору въ концѣ апрѣля (на вешній Юрьевъ день) соотвѣтствуетъ нѣмец-

---

[1]) Срп. рјечник, 67. Переводъ: Въ Срѣмѣ разсказываютъ, что вѣдьмы наиболѣе собираются на орѣховомъ деревѣ у села Моловина. Разсказываютъ, что какой-то человѣкъ, усмотря съ постели, какъ отлетѣла изъ хаты вѣдьма, досталъ ея горшокъ съ мазью, вмазался, и произнеся такое-же заклятіе, какъ и вѣдьма, оборотился во что-то и полетѣлъ вслѣдъ за нею. Онъ прилетѣлъ на орѣховое дерево, нашелъ тамъ много вѣдьмъ, которыя пировали за золотымъ столомъ и пили изъ золотыхъ чашъ. Глядя на вѣдьмъ, онъ узналъ между ними многихъ, перекрестился отъ изумленія и произнесъ: „анаѳема-бъ васъ побила!“ Въ туже минуту прыснули всѣ вѣдьмы—кто куда! а онъ свалился съ дерева и сдѣлался по прежнему человѣкомъ. Не стало ни золотаго стола, ни вѣщицъ, а золотыя ихъ чаши превратились въ копыта стервъ (издохшихъ животныхъ). — [2]) D. Myth., 1003—5.

кое — о главномъ ихъ поѣздѣ, совершаемомъ ежегодно на первую майскую ночь (Walpurgisnacht). Въ этомъ поѣздѣ принимаютъ участіе и оборотни, и давно-умершія женщины — подобно тому, какъ въ полетѣ неистоваго воинства участвуютъ души усопшихъ. Каждая вѣдьма является на празднество вмѣстѣ съ своимъ любовникомъ-чортомъ. Самъ владыка демонскихъ силъ — сатана, въ образѣ козла съ черным человѣческимъ лицомъ, важно и торжественно возсѣдаетъ на высокомъ стулѣ или на большомъ каменномъ столѣ по срединѣ собранія. Всѣ присутствующіе на сходкѣ заявляютъ передъ нимъ свою покорность колѣнопреклоненіемъ и цѣлованіемъ. Сатана съ особенной благосклонностью обращается къ одной вѣдьмѣ, которая въ кругу чародѣекъ играетъ первенствующую роль и въ которой нетрудно узнать ихъ королеву (hexenkönigin). Слетаясь изъ разныхъ странъ и областей, нечистые духи и вѣдьмы докладываютъ, чтȏ сдѣлали они злаго, и сговариваются на новыя козни; когда сатана недоволенъ чьими продѣлками, онъ наказуетъ виновныхъ ударами. Затѣмъ, при свѣтѣ факеловъ, возженныхъ отъ пламени, которое горитъ между рогами большаго козла, приступаютъ къ пиршеству: съ жадностью пожираютъ лошадиное мясо и другія яства, безъ хлѣба и соли, а приготовленные напитки пьютъ изъ коровьихъ копытъ и лошадиныхъ череповъ. По окончаніи трапезы начинается бѣшеная пляска, подъ звуки необыкновенной музыки. Музыкантъ сидитъ на деревѣ; вмѣсто волынки или скрипки, онъ держитъ лошадиную голову, а дудкою или смычкомъ ему служитъ то простая палка, то кошачій хвостъ. Вѣдьмы, схватываясь съ бѣсами зȁ руки, съ дикимъ весельемъ и безстыдными жестами прыгаютъ, вертятся и водятъ хороводы. На слѣдующее утро на мѣстахъ ихъ плясокъ бываютъ видны на травѣ круги, какъ-бы протоптанные коровьими и козь-

ими ногами. Любопытнаго, который пришелъ бы посмотрѣть на ихъ игрища, вѣдьмы схватываютъ и увлекаютъ въ вихрь своихъ плясокъ; но если онъ успѣетъ призвать имя божіе, то вся сволочь мгновенно исчезаетъ. Потомъ совершается сожженіе большаго козла, и пепелъ его раздѣляется между всѣми собравшимися вѣдьмами, которыя съ помощію этого пепла и причиняютъ людямъ различныя бѣдствія. Кромѣ козла, въ жертву демона приносится еще черный быкъ или черная корова. Гульбище заканчивается плотскимъ соитіемъ, въ которое вступаютъ вѣдьмы съ нечистыми духами, при совершенномъ погашеніи огней, и затѣмъ каждая изъ нихъ улетаетъ на своемъ помелѣ домой — тою-же дорогою, какою явилась на сборище. Вся эта обстановка, всѣ эти подробности суть миѳическіе образы, живописующіе весеннюю грозу. Полетъ вѣдьмъ и демоновъ на лысую гору — это таже несущаяся по воздуху дикая охота или неистовая рать, только представленная въ поэтической картинѣ праздничнаго поѣзда. Въ сатанѣ узнаемъ мы демоническій типъ бога-громовника, являющагося во буракѣ черныхъ тучъ и въ шумѣ опустошительныхъ бурь; по другимъ сказаніямъ: присутствуя на праздникѣ вѣдьмъ, онъ не занимаетъ высокаго сѣдалища, а лежитъ подъ столомъ, прикованный на цѣпь, подобно хитрому Локи. Козелъ — животное, посвященное Тору и Вакху = зооморфическое представленіе дождевой тучи; сожженіе его указываетъ на грозовое пламя. Горящіе факелы, освѣщающіе вѣдовское сборище — также метафора небесныхъ молній. Соотвѣтственно уподобленію дождя опьяняющимъ напиткамъ, а облаковъ различнымъ животнымъ: лошадямъ, быкамъ, коровамъ, баранамъ и козламъ, въ грозѣ древнія племена видѣли пиршество, въ которомъ стихійные духи и жены варили, жарили и пожирали яства (жрать и горѣть — рѣченія тождественныя, см. II, 39) и опивались амритою (живою во-

дою, небеснымъ медомъ и виномъ), употребляя вмѣсто сосудовъ коровьи копыты и лошадиные черепы. О пѣсняхъ, музыкѣ и пляскѣ грозовыхъ духовъ уже достаточно говорено выше. Колдуны и чародѣйки владѣютъ такими музыкальными инструментами, звуки которыхъ всѣхъ и каждаго увлекаютъ въ быструю пляску; отъ ихъ волшебныхъ пѣсней дрожатъ земля и небо и волнуются глубокія моря. На Блоксбергъ прилетаютъ вѣдьмы «den schnee wegzutanzen», т. е. кружась въ полетѣ стремительныхъ вихрей, онѣ сметаютъ и разбрасываютъ снѣгъ. Ночныя пѣсни и пляски нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ сближаютъ ихъ съ эльфами; на такое сближеніе указываютъ и другія тождественныя черты. Подобно эльфамъ, вѣдьмы давятъ сонныхъ людей, ѣздятъ на нихъ по горамъ и доламъ, похищаютъ дѣтей, боятся колокольнаго звона и также легко проникаютъ въ замочныя скважины и дверныя щели: это послѣднее свойство свидѣтельствуетъ за ихъ воздушную (безтѣлесную) природу. Любодѣйная связь демоновъ съ вѣдьмами объясняется изъ древняго воззрѣнія на грозу, какъ на брачное сочетаніе бога-громовника и грозовыхъ духовъ съ облачными дѣвами, которыхъ они насилуютъ молніеносными фаллюсами и заставляютъ проливать на землю оплодотворяющее сѣмя дождя. Крутящіеся вихри до сихъ поръ называются дьявольскою свадьбою: чортъ женится на вѣдьмѣ, и нечистая сила, празднуя ихъ бракъ, вертится въ неистовой пляскѣ и подымаетъ пыль столбомъ. Такъ какъ сѣмя дождя признавалось за вдохновительный напитокъ, надѣляющій дарами мудрости и предвѣдѣнія; то съ его пролитіемъ, или что̀ тоже — съ лишеніемъ вѣщей нимфы ея дѣвственности, она теряетъ свою чародѣйную силу. Такъ валькирія Брунгильда, отдаваясь послѣ долгаго сопротивленія мужу, шепчетъ ему: «я побѣждена! дѣлай со мною, что тебѣ угодно; съ дѣвствомъ я потеряла все, и стала такою-же простою женщиной, какъ и всѣ другія». Въ

народныхъ преданіяхъ и старинныхъ памятникахъ чортъ является къ избранной имъ любовницѣ въ видѣ статнаго, красиваго и сладострастнаго юноши, увлекаетъ ее съ собой на ночное гульбище и вводитъ въ сообщество колдуней и нечистыхъ духовъ; тамъ она принимается въ вѣдьмы, при чемъ ее заставляютъ отрекаться отъ Бога, нарицаютъ ей новое имя и острымъ уколомъ налагаютъ на ея тѣло особенную мѣтку; сохранилось еще преданіе, будто новопринятой вѣдьмѣ чортъ втыкаетъ въ задъ горящую свѣчу [1]). Древнѣйшее свидѣтельство о плотской связи вѣдьмы съ чортомъ встрѣчается въ памятникѣ 1275 года; но особенно обильны подобными указаніями акты вѣдовскихъ процессовъ XVI—XVIII столѣтій. По мнѣнію французовъ, демонъ не можетъ заключить договора съ дѣвственницею. Отъ смѣшенія вѣдьмъ съ нечистыми рождаются существа эльфическія, называемыя dinger, elbe, holden и принимающія различные образы то мотылька, то червя или гусеницы, то оборотня (larvengestalt); вѣдьмы насылаютъ ихъ на людей и животныхъ, которые вслѣдъ затѣмъ чувствуютъ болѣзненное разстройство [2]). Смыслъ приведеннаго преданія — тотъ, что эльфъ = малютка-молнія рождается изъ нѣдръ тучи во время грозы, этого брачнаго торжества облачной жены съ демономъ. У сербовъ находимъ соотвѣтственное представленіе о смертоносномъ духѣ, излетающемъ изъ вѣщицы бабочкою; по нѣмецкому повѣрью, люди съ сросшимися бровями выпускаютъ изъ-подъ нихъ эльфа-бабочку, а по русскому повѣрью — вій поражаетъ своимъ пламеннымъ взоромъ, какъ скоро подняты его длинныя вѣки, т. е. какъ скоро вылетаетъ зоркая молнія изъ-за темныхъ облачныхъ покрововъ (I, 170-2).

---

[1]) „Eine solche angehende hexe stellt der teufel auf den kopf und steckt ihr ein licht in der after.“ — [2]) D. Myth., 1003, 1009—1018, 1022—1030, 1039; Der heut. Volksglaube, 92—93.

Сверхъ того, и самый любовникъ вѣдьмы, соединяющійся съ нею чрезъ молнію, нерѣдко является въ видѣ эльфа или мотылька.

Таже обстановка дается вѣдовскимъ сборищамъ славянскими и литовскими преданіями. Слетаясь на лысую гору, вѣдьмы предаются дикому разгулу и любовнымъ наслажденіямъ съ чертями, объѣдаются, опиваются, затягиваютъ пѣсни и пляшутъ подъ звуки нестройной музыки. За желѣзнымъ столомъ или на тронѣ возсѣдаетъ сатана; чехи увѣряютъ, что онъ присутствуетъ на этомъ празднествѣ въ образѣ чернаго кота, пѣтуха или дракона. Разсказываютъ также, что на лысой горѣ живетъ старшая изъ вѣдьмъ, и къ ней-то въ извѣстную пору года обязаны являться всѣ чародѣйки; по литовскому преданію, на горѣ Шатріѣ угощаетъ чародѣекъ ихъ главная повелительница [1]). Пѣсни и пляски — обыкновенное и любимое занятіе вѣдьмъ. Если въ лѣтнее время поселяне замѣтятъ на лугахъ ярко-зеленѣющіе или пожелтѣлые круги, то думаютъ, что или хозяинъ поля поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ, или старшая женщина въ его семьѣ покумилась съ вѣдьмами; по мнѣнію народа, вѣдьмы каждую ночь собираются на луга, водятъ хороводы и оставляютъ на травѣ слѣды своихъ ногъ [2]). «Покумиться съ вѣдьмами» — тоже, что «поверстаться въ колдуны», т. е. сдѣлаться чародѣйкою, принять на себя это вѣщее званіе. Такое вступленіе въ колдуны и вѣдьмы сопровождается круговыми плясками. Отправляясь на шабашъ и при самыхъ игрищахъ, вѣдьмы поютъ волшебныя пѣсни, доступныя только имъ и ни-

---

[1]) Pohadky a pověsti narodu moravskego, I, 569; Volkslieder der Wenden, II, 265; Иличь, 291; Громаннъ, 199; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47, Кіевлянинъ 1865, 71; Морск. Сб. 1856, XIV, ст. Чужбин. 64; Иллюстр. 1846, № 27; Этн. Сб., I, 292 — [2]) Сахаров., I, 58.

кому болѣе [1]). На лысой горѣ онѣ съ бѣшенымъ увлеченіемъ пляшутъ вокругъ кипящихъ котловъ и чортова требища, [2]) т. е. около жертвенника, на которомъ совершаются приношенія демонамъ. Народныя сказки знаютъ искусныхъ, неутомимыхъ танцовщицъ, которыя каждую ночь удаляются въ подземное (= облачное) царство и предаются неистовой пляскѣ съ духами, населяющими эту таинственную страну. Такъ какъ демоны грозовыхъ тучъ издревле олицетворялись драконами, то вѣдьмы заводятъ нецѣломудренныя гульбища и сочетаются плотски не только съ чертями, но и съ миѳическими змѣями. На Руси существуютъ повѣрья, что женщина, съ которою живетъ огненный змѣй, есть вѣдьма, что всякая волшебница нарождается отъ нечистой связи дьявола или змѣя съ бабою, и что самыя вѣдьмы летаютъ къ своимъ любовникамъ, обращаясь огненными змѣями [3]). Разсказывая о томъ, какъ богатырь Добрыня училъ чародѣйку Марину, полюбовницу Змѣя Горынчища, пѣсня останавливается на слѣдующихъ подробностяхъ:

Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
„Эта мнѣ рука ненадобна,
Трепала она Змѣя Горынчища!“
А второе ученье—ноги ей отсѣкъ:
„А и эта де нога мнѣ ненадобна,
Оплеталася со Змѣемъ Горынчищемъ!»
А третье ученье—губы ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
„А и эти де губы ненадобно мнѣ,
Цѣловали онѣ Змѣя Горынчища!“
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:

---

[1]) Ibid., 46—47. Вѣдовскія пѣсни, напечатанныя Сахаровымъ, есть безсмысленная поддѣлка. — [2]) Рус. прост. праздн., III, 86. — [3]) Иллюстр. 1845, 203; 1846, 345; Рус. Предан., II, 103; Кіев. Г. В. 1845, 13; Поэт. Воз., II, 576—8, 608—611.

«А и эта голова ненадобна мнѣ
И этотъ языкъ ненадобенъ,
Зналъ онъ дѣла еретическія!» [1])

Старинная повѣсть о бѣсноватой Соломоніи (XVII в.) основана на глубоко-укорененномъ народномъ вѣрованіи въ возможность любодѣйнаго смѣшенія женъ съ злыми духами: «въ «девятый день по брацѣ, по захожденіи солнца, бывши «ей въ клѣтцѣ съ мужемъ своимъ на одрѣ, восхотѣста почи«ти, и внезапу видѣ она Соломонія демона, пришедша къ «ней звѣрскимъ образомъ, мохната, имущи когти, и ляже къ «ней на одръ. Она же вельми его убояся—иступи ума. Той«же звѣрь оскверни ее блудомъ... и съ того-же дни окаянніи «демони начаша къ ней приходити, кромѣ великихъ праздни«ковъ, по пяти и по шти человѣческимъ зракомъ, якоже нѣ«которіи прекрасніи юноши, и тако нападаху на нея и сквер«няху ея и отхождаху, людемъ же ничто-же видившимъ сего». Нечистые увлекали ее въ воду, и отъ связи съ ними она родила нѣсколькихъ демоновъ [2]). Подобные разсказы и донынѣ обращаются въ нашемъ простонародьи. Если послушать бывалыхъ людей, то чортъ нерѣдко принимаетъ на себя видъ умершаго или отсутствующаго мужа (любовника) и начинаетъ посѣщать тоскующую женщину; съ той поры она сохнетъ, худѣетъ, «словно свѣча на огнѣ таетъ» (сравни II, 579 [3]).

Подъ вліяніемъ этихъ миѳическихъ представленій, поставившихъ вѣдуновъ и вѣдьмъ въ самыя близкія и родствен-

---

[1]) Кирша Дан., 65—71. — [2]) Пам. стар. рус. литер., I, 153—5. Чтобы Соломонія могла избавиться отъ водяныхъ духовъ, ей было сказано: „и ты у нихъ не яждь, не пей и ничтоже не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. «Тоже условіе возврата изъ подземнаго, адскаго царства встрѣчаемъ и въ сказаніяхъ грековъ и другихъ индоевропейскихъ народовъ. — [3]) Н. Р. Ск., V, стр. 45; VIII, стр. 449; Эти. Сб., VII, 143—4.

ныя отношенія съ демоническою силою, естественно, что на нихъ должны были смотрѣть съ робкою боязнею и подозрѣвать ихъ во всегдашней наклонности къ злобѣ и нечестивымъ дѣйствіямъ. Съ своей стороны христіанство окончательно утвердило эти враждебныя воззрѣнія на колдовство, чародѣевъ и чародѣекъ. По народному убѣжденію, всякой колдунъ и всякая вѣдьма заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, продаютъ ему свои грѣшныя души и отрекаются отъ Бога и вѣчнаго блаженства; договоръ этотъ скрѣпляется роспискою, которую прибѣгающіе къ нечистому духу пишутъ своею собственною кровью (см. I, 394), и обязываетъ первыхъ творить чары только на зло людямъ, а послѣдняго помогать имъ во всѣхъ предпріятіяхъ [1]). На Руси ходитъ много разсказовъ о томъ, когда, какъ и при какихъ обстоятельствахъ отчаянные грѣшники продавали дьяволу свои души; названія еретикъ, еретица въ различныхъ мѣстностяхъ употребляются въ смыслѣ злаго колдуна, упыря и колдуньи; сравни: ворогъ — знахарь и врагъ — чортъ [2]). Все чудесное и страшное колдуны творятъ бѣсовскимъ содѣйствіемъ. Они — и властелины, и рабы демоновъ: властелины, потому что могутъ повелѣвать нечистою силою; рабы, потому что эта послѣдняя требуетъ отъ нихъ безпрестанной работы, и если колдунъ не пріищетъ для нея никакого занятія, то она тотчасъ же замучиваетъ его самого. Во избѣжаніе такой опасности колдуны придумали заставлять чертей, чтобъ они вили изъ песку и воды веревки, т. е. по первоначальному смыслу преданія: чтобы они крутили вихрями столбы пыли и подымали водяные смерчи [3]). Умирая, колдунъ и вѣдьма испытываютъ страшныя муки; злые духи входятъ въ нихъ,

---

[1]) Иллюстр. 1845, 184; Сахаров., I, 52; О. З. 1840, II, смѣсь, 42; D. Myth., 1031. — [2]) Обл. Сл., 28, 54; Доп. обл. сл., 47. — [3]) Абев., 73; Укр. пѣсни Максимов., 91.

терзаютъ имъ внутренности и вытягиваютъ изъ горла языкъ на цѣлые полъаршина; душа колдуна и вѣдьмы до тѣхъ поръ не покидаетъ тѣла, пока ихъ не перенесутъ черезъ огонь и пока они не передадутъ своего тайнаго знанія кому-нибудь другому [1]). Вся природа тогда заявляетъ невольный трепетъ: земля трясется, звѣри воютъ, отъ воронъ и вòроновъ отбою нѣтъ; въ образѣ этихъ птицъ слетаются нечистые духи, тѣснятся на кровлю и трубу дома, схватываютъ душу умершаго колдуна или вѣдьмы, и съ страшнымъ карканьемъ, шумно взмахивая крыльями, уносятъ ее на тотъ свѣтъ [2]). По свидѣтельству народныхъ сказаній и стиха о страшномъ судѣ, чародѣи и вѣдьмы идутъ по смерти въ «дьявольскій смрадъ» и предаются на казнь сатанѣ и его слугамъ [3]). Напомнимъ, что, по древнѣйшимъ вѣрованіямъ, тѣни усопшихъ возносились въ загробный міръ въ полетѣ бурныхъ грозъ, преслѣдуемыя и караемыя адскими духами. Трясеніе земли и звѣриный вой — метафорическія обозначенія громовыхъ раскатовъ и завывающей бури; хищныя птицы — олицетворенія стремительныхъ вихрей.

Въ предыдущихъ главахъ объяснено нами, что старинныя религіозныя игрища и богослужебные обряды возникли изъ подражанія тѣмъ дѣйствіямъ, какія первобытныя племена созерцали на небѣ. Въ силу этого и вѣдовскія сборища (шабаши, сеймы) должны представлять черты, общія имъ съ древне-языческими празднествами, какъ по времени совершенія, такъ и по самой обстановкѣ тѣхъ и другихъ. И въ самомъ дѣлѣ полеты вѣдуновъ и вѣдьмъ на лысую гору совпадаютъ съ главнѣйшими праздниками встрѣчи весны, Коляды и Ку-

---

[1]) Могилев. Г. В. 1851, 19; тоже разсказываютъ и въ нижегородской губ. — [2]) Сахаров., II, 45—46; Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1853, V, ст. Шпилевскаго, 16. — [3]) Чт. О. И. и Д., годъ 3, IX, 196; Lud Ukrain., II, 85; Н. Р. Ск., VIII, 16, b.

палы, на которые сходились нѣкогда роды и семьи установлять общественный распорядокъ и совершать общественныя жертвоприношенія, игры и пиршества. У германцевъ долгое время удерживались въ обычаѣ майскія народныя собранія и майскіе суды. Сходки бывали на мѣстахъ, изстари-признаваемыхъ священными: среди тѣнистыхъ лѣсовъ и на высокихъ горахъ. Кипучіе котлы и горшки, въ которыхъ вѣдьмы варятъ свои волшебные составы и опьяняющій напитокъ, закланіе, сожженіе и пожираніе ими небесныхъ животныхъ (козла, коровы, коня), въ которыхъ олицетворялись дождевыя облака, соотвѣтствуютъ жертвеннымъ и пиршественнымъ приготовленіямъ, дѣйствительно-совершавшимся во время народныхъ праздниковъ (см. II, 253—9). Вѣдьмамъ, по народному повѣрью, необходимы для чародѣйства **ножъ, шкура** и **кровь** (символы молніи, облака и дождя [1]), слѣдовательно — все то, безъ чего немыслимъ обрядъ жертвоприношенія; ножъ и шкура употребляются ими при оборотничествѣ, съ помощію ножа онѣ доятъ облачныхъ коровъ и допрашиваютъ вихри о будущемъ урожаѣ. Вѣдуны и вѣдьмы собираются на лысую гору для **общей трапезы, веселья** и **любовныхъ наслажденій**. Всѣ эти характеристическія черты были непремѣннымъ условіемъ языческихъ празднествъ, которыя обыкновенно сопровождались пѣснями, музыкой, плясками и шумными пирами. Такой разгулъ, при излишнемъ употребленіи крѣпкихъ напитковъ, и поклоненіе оплодотворяющей силѣ Ярила придали этимъ празднествамъ нецѣломудренный характеръ и превратили ихъ въ оргіи, «срамословіе и безстудіе». Лѣтописцы, проникнутые духомъ христіанскаго ученія, смотрѣли на нихъ, какъ на крайнее проявленіе разврата и нечестія (I, 444). Вѣдьмы являются на свои сборища съ

---

[1]) Иллюстр. 1845, 415.

распущенными косами, въ бѣлыхъ развѣвающихся сорочкахъ или звѣриныхъ шкурахъ (оборотнями), и даже совсѣмъ обнаженныя. Согласно съ этимъ, распущенныя косы, бѣлыя сорочки и звѣриныя шкуры признаны были необходимыми аттрибутами для всѣхъ женъ и дѣвъ, принимающихъ участіе въ религіозныхъ игрищахъ и обрядахъ. Такъ при обрядѣ опахиванія онѣ съ крикомъ и звономъ въ металическія орудія несутся вокругъ деревни или совершенно-голыя, или въ однѣхъ сорочкахъ, съ распущенными косами (см. также I, 232, 241); въ дни Коляды и масляницы бѣгаютъ по улицамъ ряженые (окрутники); княжна Любуша явилась на сеймъ и сѣла на отчемъ столѣ творить судъ по закону вѣкожизненныхъ боговъ — въ бѣлой одеждѣ; скопцы, во время своихъ молитвенныхъ сходокъ, одѣваются въ длинныя бѣлыя рубахи и вертятся въ круговой пляскѣ, а старообрядцы, приступая къ молитвѣ, снимаютъ пояса [1]). У нѣмцевъ, чеховъ и русскихъ встрѣча съ старой бабой или съ женщиной безъ головной повязки, съ распущенными волосами (mit fliegenden haaren), считается недоброю примѣтою, что̀ объясняется смутною боязнею быть изуроченнымъ при встрѣчѣ съ вѣдьмою. Отъ вѣщихъ женъ и мужей языческой старины примѣта эта позднѣе была перенесена на представителей христіанскаго богослуженія. Со временъ Нестора и до нашихъ дней встрѣча съ попомъ, монахомъ и монахинею признавалась и признается несчастливою: она предвѣщаетъ неожиданную бѣду, потерю, неуспѣхъ въ начато̀мъ дѣлѣ; поэтому простолюдины, повстрѣчавъ священника или монаха, спѣшатъ воротиться домой, или трижды плюютъ на-

---

[1]) Изслѣд. о скопч. ереси Надеждина, 229; Полн. истор. извѣстіе о старообрядцахъ, изд. 3-е, 139; Поэт. Воз., I, 337—8.

земь [1]). Въ поучительномъ словѣ XVI или XVII столѣтія высказанъ слѣдующій упрекъ: «Духъ Святый дѣйствуетъ во священницѣхъ и въ дьяконѣхъ и во мнишескомъ чину.... мы же тѣхъ всѣхъ чиновъ на встрѣчѣ гнушаемся и отвращаемся отъ нихъ, и укоряемъ ихъ на первой встрѣчѣ и поносимъ ихъ въ то время на пути многимъ поношеніемъ». Въ Швеціи, какъ скоро лицо, принадлежащее къ духовенству, выходитъ со двора, окрестные жители ожидаютъ ненастной погоды [2]).

Одно изъ любопытнѣйшихъ преданій старины представляютъ народные разсказы о доеніи вѣдьмами коровъ. На Рождественскіе Святки, по мнѣнію нашихъ крестьянъ, не должно выпускать изъ хлѣвовъ домашняго скота, чтобы предохранить его отъ колдуновъ, вѣдьмъ и нечистой силы. 3-го января голодныя вѣдьмы, возвращаясь съ гульбища, задаиваютъ коровъ, для охраны которыхъ поселяне привязываютъ къ воротамъ свѣчу; накапунѣ Крещенія съ тою-же цѣлію они пишутъ мѣломъ кресты на скотныхъ избахъ. Въ день св. Власія (11 февраля) кропятъ хлѣва, лошадей, рогатый скотъ и овецъ крещенскою водою; въ это время, по словамъ малоруссовъ, вовкулаки, обратившись въ собакъ и черныхъ кошекъ, сосутъ молоко у коровъ, кобылъ и овецъ, душатъ лошадей и наводятъ

[1]) Въ новгородской и др. губ. думаютъ, что случайный приходъ монаха или монахини въ домъ, гдѣ празднуется свадьба, сулитъ новобрачнымъ несчастіе. Примѣта эта, надо полагать, создалась вслѣдствіе иноческаго отреченія отъ брака; наоборотъ встрѣча съ публичною женщиной принимается шведами за счастливый знакъ. — [2]) Ворон. Г. В. 1851, 11; Абев., 79; Пузин., 8; Совр. 1852, I, смѣсь, 122; Громаннъ, 220; Лѣт. рус. лит., т. V, 97; Поэт. Воз., I, 30; D. Myth., 1077—9. Въ числѣ темныхъ лицъ, способныхъ изурочивать (портить), въ нашихъ заговорахъ упоминаются попъ и попадья, чернецъ и черница, схимникъ и схимница — Рыбник., IV. стр. XXX.

на рогатый скотъ падёжъ [1]). На вешній Юрьевъ день колдуны и вѣдьмы превращаются въ телятъ, собакъ или кошекъ и высасываютъ у коровъ молоко; крестьяне втыкаютъ тогда въ коровьихъ стойлахъ освященную вербу и страстныя свѣчи — въ томъ убѣжденіи, что этимъ прогоняются вѣдьмы, оборотни и нечистые духи, прилетающіе портить скотину; сверхъ того, они окропляютъ св. водою и окуриваютъ ладономъ всѣ хлѣва и загоны. На Зеленые Святки или Троицу коровы также небезопасны отъ нападенія вѣдьмъ. Въ день Агрипины-купальницы крестьяне собираютъ крапиву, шиповникъ и другія колючія растенія въ кучу, которая служитъ замѣною горящаго костра; черезъ эту кучу скачутъ сами и переводятъ рогатый скотъ, чтобы воспрепятствовать вѣдьмамъ, лѣшимъ, русалкамъ и нечистымъ духамъ доить у коровъ молоко, которое послѣ такого доенья совсѣмъ высыхаетъ (пропадаетъ) въ ихъ сосцахъ. На̀ ночь разводятъ огни, для предохраненія стадъ отъ порчи; потому что въ купальскую ночь вѣдьмы и вовкулаки бываютъ особенно-страшны для коровъ: прокрадываясь въ скотные загоны, они высасываютъ у коровъ молоко и портятъ телятъ. Осторожные хозяева втыкаютъ по угламъ хлѣвовъ вѣтви ласточьяго зелья, на дверяхъ вѣшаютъ убитую сороку или прибиваютъ на̀крестъ кусочки срѣтенской свѣчи; тутъ-же при входѣ кладутъ вырванную съ корнемъ осину [2]), а по стойламъ — папоротникъ и жгучую крапиву. Телятъ на Иванову ночь не отдѣляютъ отъ дойныхъ коровъ, а лошадей запираютъ на замо̀къ. 30-го іюля вѣдьмы задаиваютъ коровъ до смерти, и опившись молокомъ, сами обмираютъ отъ чрезмѣрнаго пресыщенія [3]). Изъ приведенныхъ

---

[1]) Терещ., VI, 38; VII, 39; Сахаров., II, 4. — [2]) Иногда ставятъ осиновый прутъ надъ воротами. — [3]) Терещ., V, 73—

повѣрій видно, что доеніе вѣдьмами коровъ совпадаетъ по времени съ вѣдовскими полетами на лысую гору. Мы уже объяснили, что дождевыя облака, по древне-арійскому воззрѣнію, представлялись небесными коровами, кобылицами и овцами, а дождь и роса метафорически назывались молокомъ; молнія, разбивая тучи, проливаетъ изъ нихъ живительную влагу дождя, или выражаясь языкомъ священныхъ гимновъ Ригъ-Веды: Индра доитъ (облачныхъ) коровъ молніями и молоко ихъ ниспосылаетъ на землю плодоноснымъ дождемъ. Огненный змѣй, въ качествѣ грозоваго демона, высасывающаго дождевыя облака и чрезъ то производящаго засуху и неурожаи, получилъ у славянъ знаменательное названіе смока (=сосуна), и по свидѣтельству народныхъ сказаній, любитъ упиваться молокомъ (II, 556—562). Въ кіевской губ. утверждаютъ что вѣдьмы катаются огненными шарами [1], а въ витебской — что онѣ обращаются въ огненныхъ змѣевъ и въ этомъ видѣ высасываютъ у коровъ молоко [2]). Не менѣе важнымъ представляется для изслѣдователя и то повѣрье, что вовкулаки и вѣдьмы сосутъ молоко, обращаясь въ собакъ и кошекъ, такъ какъ въ образѣ гончихъ псовъ олицетворялись буйные вихри, а въ образѣ кошекъ — сверкающія молніями тучи; окутываясь въ облачные покровы, вѣдуны и вѣдьмы принимали на себя звѣриныя подобія и дѣлались оборотнями (вовкулаками), о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Принимая во вниманіе эти данныя и зная, что вѣдьмы и до сихъ поръ обвиняются въ похищеніи дождей и росы, нельзя сомнѣваться въ миѳическомъ значеніи преданія о доеніи вѣдьмами коровъ, — преданія, которое, при забвеніи старинныхъ метафоръ, необходимо должно было перейдти на

75, 87; VI, 28—30; Молодикъ 1844, 94; Сахаров., II, 41, 45; Zarysy domove, III, 154. — [1]) Кіев. Г. В. 1845, 13. — [2]) Сличи въ D. Myth., 1045—о змѣѣ, сосущей коровъ (snackr).

обыкновенныхъ дойныхъ животныхъ. Въ устахъ народа хранится много отрывочныхъ воспоминаній, наглядно-указывающихъ на коренное значеніе этого преданія. Ночью, когда заснутъ люди, вѣдьмы (какъ увѣряютъ въ кіевской губ.) выходятъ на дворъ, въ длинныхъ сорочкахъ, съ распущенными волосами, и очертивъ рукою звѣздное небо, затмѣваютъ мѣсяцъ тучами (скрадываютъ его), и потомъ, при настающей грозѣ, бросаются доить самыхъ тучныхъ коровъ, и доятъ ихъ такъ усердно, что изъ сосцевъ, вмѣстѣ съ молокомъ, начинаетъ капать кровь (другая метафора дождя [1]); въ нѣкоторыхъ деревняхъ разсказываютъ, что вѣдьмы загоняютъ луну въ хлѣвъ (= въ облака или туманы, какъ строенія, возводимыя для небесныхъ стадъ — см. II, 436) и доятъ коровъ при ея свѣтѣ. По любопытному болгарскому повѣрью, магесницы (колдуньи) могутъ снимать луну съ неба, отчего и происходитъ ея затмѣніе; луна обращается тогда въ корову (т. е. обвертывается, облачается коровьей шкурою = облакомъ), а магесницы доятъ ее и приготовляютъ изъ добытаго молока масло для врачеванія неисцѣлимыхъ ранъ (I, 666). На востокѣ вѣрили, будто во время затмѣнія луна проливаетъ амриту, которую боги собираютъ въ свои сосуды. Какъ ярко-блистающее солнце уподоблялось нашими предками свѣтильнику, наполненному горящимъ масломъ, такъ «блѣдная, холодная» луна представлялась чашею молока (II, 287-8 [2]); согласно съ этимъ, затмѣніе луны должно было разсматриваться, какъ утрата ею молока-свѣта, скрадываемаго нечис-

---

[1]) Ж. М. В. Д. 1848, ч. XXII, 132 (изъ Кіев. Г. В.); Учен. Зап., 2-го отд. Ак. Н., VII, в. 2, 30. — [2]) Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 9) указываетъ еще, что древнія пастушескія племена видѣли въ полной лунѣ изготовленный кругъ сыра; еще теперь есть мѣстности, гдѣ мѣсяцъ называютъ käslaib; тоже воззрѣніе встрѣчаемъ и въ сербской сказкѣ—Срп. н. припов., 50.

тою силою мрака. Но уже въ глубочайшей древности затмѣніе солнца и луны и сокрытіе ихъ свѣтлыхъ ликовъ темными тучами признавались за явленія тождественныя и равно приписывались злобному нападенію демоновъ; поэтому въ приведенномъ нами болгарскомъ повѣрьи хотя и говорится о затмѣніи луны, но рѣчь собственно идетъ о потемняющемъ ее облакѣ, изъ котораго вѣдьмы доятъ молоко-дождь. Въ Галиціи уцѣлѣла поговорка: «сонце свитить, дощикъ крапить, чаровниця масло робить»; у поляковъ: «deszczyk pada, słońce świéci, czarownica masło kleci» [1]); у сербовъ: «сунце грије, киша (дождь) иде, вјештице (или: ђаволи) се легу» [2]), т. е. падаютъ поражаемыя громомъ. Приготовленіе вѣдьмами чародѣйнаго масла объясняется изъ древнѣйшаго уподобленія грозы взбиванію масла. Богъ-громовникъ сверлитъ тучи своею молніеносною палицею; вращая ее въ облачной кадкѣ или бочкѣ, наполненной млекомъ дождя, онъ творитъ тоже на небѣ, что̀ дѣлали на землѣ люди, взбалтывая молоко мутовкою: именно этимъ способомъ приготовлялось въ старину масло. Еще нынѣ въ Швеціи donnerkeile называется smördubbar (butterschläger), и для того, чтобы коровы давали обильное молоко, къ ихъ сосцамъ прикладываютъ «громовую стрѣлку». Поселяне думаютъ, что чародѣйки, мѣшая палкою воду въ источникѣ — подобно тому, какъ взбивается молоко въ маслобитнѣ (butterfass), тѣмъ самымъ похищаютъ у сосѣдей коровье молоко и масло. Разъ одна дѣвочка взяла шестъ и начала имъ взбалтывать въ колодцѣ; на вопросъ: что она дѣлаетъ? дѣвочка отвѣчала: «такъ взбалтываетъ моя мать, когда хочетъ, чтобы настало ненастье» [3]). Первоначально повѣрья эти относились къ дождевымъ источни-

[1]) Номис., 4; Уч. Зап. 2-й отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32. — [2]) Срп. послов. 296. — [3]) Die Götterwelt, 195, 208; Beiträge zur D. Myth., I, 67; II, 365.

камъ: возмущая ихъ воды, вѣдьмы производятъ непогоду и проливаютъ (= выдаиваютъ) небесное молоко. Масло, изготовляемое вѣдьмами, можетъ заживлять раны, слѣдовательно ему присвоивается таже цѣлебная сила, что и весеннему дождю. По свидѣтельству народныхъ сказокъ, колдуны и вѣдьмы хранятъ у себя живую и мертвую воду. Въ южной Россіи вѣдьмамъ приписываютъ приготовленіе сыру (творогу): надоенное и налитое въ кувшины молоко онѣ ставятъ въ глубоко вырытыхъ ямахъ и погребахъ (тамъ-же, гдѣ прячутъ чаровницы похищенные ими дожди и росы), а потомъ дѣлаютъ изъ него волшебную мазь или сыръ къ своей масляницѣ, т. е. къ началу весны. Кто пожелаетъ свѣдать: какія изъ деревенскихъ бабъ занимаются чародѣйствомъ, тотъ долженъ въ послѣдній день масляницы взять кусочекъ сыру, завязать его въ узелокъ и носить при себѣ во все время великаго поста; въ ночь передъ Свѣтлымъ Воскресеньемъ къ нему явятся вѣдьмы и станутъ просить сыра [1]). Съ приходомъ весны пробужденный отъ зимняго сна богъ-громовникъ выгоняетъ на небо облачныя стада, несущія въ своихъ сосцахъ благодатное молоко дождя, — подобно тому, какъ въ туже пору выгоняютъ поселяне коровъ и овецъ на покрывшіяся зеленью пастбища. Сближая свои земныя заботы съ творческимъ подвигомъ громовника, пастушескій народъ въ первомъ весеннемъ выгонѣ деревенскихъ стадъ призналъ религіозное дѣло, обставилъ его тѣми-же обрядами, какіе (по его мнѣнію) соблюдались тогда на небѣ, и самый день совершенія этихъ обрядовъ сталъ праздновать, какъ посвященный верховному владыкѣ грозъ. Въ Германіи первый выгонъ скота въ поле бываетъ въ маѣ-мѣсяцѣ раннимъ утромъ, когда еще не обсохла на травѣ роса; передовой коровѣ привязываютъ къ хвосту

---

[1]) Черниг. Г. В. 1842, 37; Ж. М. В. Д. 1848, т. XXII.

кустъ или вѣтку, называемую dausleipe=thauschleppe: эта вѣтка — эмблема громовой метлы (donnerbesen), которая, ударяя по коровѣ-тучѣ, сотрясаетъ на землю росу и дождь. Привязанная къ хвосту коровы, майская вѣтка волочится по травѣ и сбиваетъ съ нея утреннюю росу, вслѣдствіе чего, по народному убѣжденію, все стадо надѣляется хорошимъ и обильнымъ молокомъ [1]). На Руси стада́ выгоняются впервые на Юрьеву росу, т. е. на разсвѣтѣ 23-го апрѣля, въ день, когда празднуютъ Егорію Храброму, на котораго перенесены древнія представленія о Перунѣ (I, 699—711); при этомъ коровъ ударяютъ освященною вербою, что̀ символически знаменуетъ удары громоваго бича или прута, низводящаго на поля и нивы молоко-дождь [2]). Отъ Вербнаго воскресенья и до Юрьева дня, а нерѣдко и въ продолженіе цѣлаго года, во всякой избѣ сберегается освященная верба; увѣряютъ, что если въ великую субботу зажечь ее въ печи, то непремѣнно явится вѣдьма и станетъ просить огня, который, какъ символъ грозоваго пламени, необходимъ ей для доенія коровъ [3]). Чехи выгоняютъ коровъ метлой или вербою на разсвѣтѣ 1-го мая (на kravské hody); а на второй и третій дни Свѣтлой недѣли у нихъ въ обычаѣ ходить по домамъ съ помлазкою и ударять хозяевъ, чтобы велась у нихъ скотина. Слово pomlázka (сравни серб. млаз — струя молока, какую можно выдоить за одинъ разъ; отъ корня млъз= санскр. мардж — доить) означаетъ орудіе, дѣлающее коровъ молочными; такъ называютъ вѣтку вербы, или хлыстъ, спле-

---

[1]) D. Myth., 746—7; Der heut. Volksglaube, 123. — [2]) Терещ., VI, 28—29. — [3]) Lud Ukrain., II, 86. Точно также если на чистый четвергъ, во время такъ называемаго „стоянья", за каждымъ церковнымъ звономъ бросать въ печь по одному полѣну, и потомъ на Великъ день запалить эти двѣнадцать полѣньевъ, то вѣдьмы прійдутъ за огнемъ. Четвергъ—день громовника, звонъ—метафора производимаго имъ грохота.

тенный изъ нѣсколькихъ лозъ (вербовыхъ, ивовыхъ, виноградныхъ), иногда даже изъ ремней, и украшенный пестрыми лентами. Обрядовый припѣвъ выражается о помлазкѣ: «proutek se otoči, korbel piva (= небеснаго напитка) natoči!» (сравни II, 403). У сербовъ-хорватовъ на Юрьевъ день многія разсчетливыя хозяйки стараются ударить метлою по вымени сначала сосѣдскихъ, а потомъ своихъ коровъ, и надѣются, что вслѣдствіе этого молоко отъ первыхъ перейдетъ къ послѣднимъ. Въ Германіи и Швеціи, когда наступаетъ пора, въ которую коровы доятся трижды въ день, ихъ ударяютъ вѣткою рябины или другаго посвященнаго громовнику растенія. Этотъ обрядъ въ Вестфаліи обозначается словомъ quiken, т. е. дѣлать коровъ сильными, бодрыми, давать имъ новую жизнь [1]). У чеховъ соблюдаются и другіе знаменательные обряды. Наканунѣ 1-го мая они украшаютъ одну изъ своихъ коровъ зелеными вѣтками, покрываютъ ее чистою пеленою и выводятъ въ поле на перекрестокъ; тамъ, сотворивъ обычное моленіе, снимаютъ съ нея покрывало, разстилаютъ его по травѣ и хлѣбнымъ всходамъ, смоченнымъ небесною росою, и когда оно сдѣлается мокрымъ — снова возлагаютъ его на корову. По возвращеніи домой, вѣшаютъ это покрывало въ избѣ и выжимаютъ изъ него росу въ нарочно-поставленный сосудъ, наблюдая при томъ, чтобы означенная ткань представляла подобіе коровьяго вымени съ четырьмя сосцами. Добытая такимъ образомъ роса примѣшивается къ коровьему пойлу, отчего, по мнѣнію крестьянъ, коровы въ продолженіи цѣлаго года пользуются вожделѣннымъ здравіемъ и даютъ много молока. Тою-же росою умываются дѣвицы, чтобы стать здоровыми и красивыми — то, что называется: кровь съ молокомъ! Рано поутру, передъ солнечнымъ

[1]) Археолог. Вѣст. 1867, IV, 152; Иличь, 127.

восходомъ, чехи отправляются на поля, стрясаютъ съ хлѣбныхъ колосьевъ росу въ подойники, и потомъ этою собранною росою омываютъ у коровъ сосцы и вымя; нѣкоторые косятъ съ сосѣднихъ полей росистую траву и кормятъ ею свою скотину, съ полнымъ убѣжденіемъ, что у сосѣдей коровы будутъ давать дурное молоко, а у нихъ — хорошее. Подобными-же средствами пользуются и вѣдьмы — для того, чтобы отымать у чужихъ коровъ молоко: по чешскому повѣрью, «čarodějne baby chodi před slunce vychodem do trávy v pasěkach stirat rosu do loktuši [1]), a tim nabudou moci že mohou z nich vydojiti mleko tech krav, jenž na onych pasěkach se pasly». Вѣшая на колъ свои передники, онѣ доятъ изъ нихъ молоко [2]). На Руси разсказываютъ, что въ ночь передъ Юрьевымъ днемъ и на утренней его зорѣ вѣдьмы выходятъ въ поле, разстилаютъ по травѣ холстъ и даютъ ему намокнуть росою; этимъ холстомъ онѣ покрываютъ коровъ и дѣлаютъ ихъ тощими и недойными [3]): вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ высыхаетъ роса, собранная на холстъ, высыхаетъ = утрачивается и молоко у коровы. Пелена или холстъ — эмблема облачной ткани: когда чаровница упуститъ нечаянно звѣзду, то не иначе можетъ поймать ее, какъ плахтою, черезъ которую процѣживалось молоко (черниг. губ.), т. е. она ловитъ звѣзды, закрывая ихъ дождевою тучею. На разсвѣтѣ Иванова дня вѣдьмы бродятъ по полямъ, засѣяннымъ рожью, и выбираютъ изъ росы содержащееся въ ней молоко [4]). Малороссіяне коровье молоко и масло называютъ божьей росою (I, 667). Въ кіевской губ. существуетъ повѣрье, что вѣдьма моетъ юрьев-

---

[1]) Рядно, плахта. — [2]) Громаннъ, 131—2; Ганушъ, 143; Nar. zpiewanky, I, 429; Иличь, 291; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 290 — [3]) Сахаров., II, 24; Маякъ, XI, 16; Терещ., VI, 30. — [4]) Кіевлян. 1865, 71.

ской росою цѣдилку (ситичко для процѣживанія молока), и потомъ когда станетъ ее выдавливать, то вмѣсто росы потечетъ молоко, а сосѣдскія коровы останутся съ пустыми сосцами [1]); въ Литвѣ, наканунѣ Иванова дня, хозяйки варятъ цѣдилку въ святой водѣ, взятой изъ трехъ костёловъ, и это (по ихъ словамъ) заставляетъ чародѣекъ возвращать коровамъ выдоенное молоко: подобно тому, какъ изъ цѣдилки льется роса или св. вода, такъ изъ коровьяго вымени должно политься молоко [2]). Вѣдьма можетъ выдаивать чужихъ коровъ на далекомъ отъ нихъ разстояніи, употребляя для того и другіе чародѣйные способы: стóитъ только ей воткнуть ножъ въ соху, столбъ или дерево — и молоко тотчасъ-же потечетъ по острею ножа, между тѣмъ какъ въ ближайшемъ стадѣ начинаетъ ревѣть корова и остается съ пустымъ выменъ [3]). Наканунѣ Юрьева дня, на Зеленые Святки и на Ивана Купалу вѣдьмы ходятъ по ночамъ голыя, отворяютъ въ крестьянскихъ дворахъ ворота и двери и срѣзываютъ съ нихъ по нѣскольку стружекъ; собранныя стружки онѣ варятъ въ подойникѣ и тѣмъ самымъ похищаютъ у сосѣдей молоко. Поэтому въ означенные дни каждая хозяйка считаетъ обязанностію осмотрѣть свои ворота и двери, и если замѣтитъ гдѣ новую нарѣзку, то немедленно замазываетъ ее грязью, послѣ чего, по мнѣнію поселянъ, вѣдьма лишается возможности отбирать у коровъ и овецъ молоко. Тогда-же взлѣзаютъ вѣдьмы на деревянные кресты, что стоятъ по дорогамъ, и стесываютъ съ нихъ стружки, которыя употребляютъ также, какъ и срѣзанныя отъ воротъ; или берутъ деревянный клинъ (нерѣдко колокъ отъ бороны), вбиваютъ его въ скотномъ хлѣ-

---

[1]) Кіев. Г. В. 1851, 20. — [2]) Черты литов. нар., 94. — [3]) Lud Ukrain., II, 81; Могилев. Г. В. 1851, 19; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 291.

ву въ столбъ и начинаютъ доить, словно коровій сосокъ; молоко льется изъ этого клина, какъ изъ крана бочки, и наполняетъ большіе ушаты и вёдра [1]). Тѣже повѣрья встрѣчаемъ и въ Германіи: вѣдьмы стрясаютъ съ травы росу, чтобы повредить чужимъ коровамъ, и уносятъ ее на свои поля, чтобы собственнымъ стадамъ доставить болѣе сочный и обильный кормъ: въ Остфрисландѣ колдуновъ и вѣдьмъ называютъ daustriker (thaustreicher). Нѣмецкія hexen втыкаютъ ножъ въ дубовый столъ или врубаютъ топоръ въ дверной косякъ — и тотчасъ-же изъ сдѣланнаго въ деревѣ разрѣза начинаетъ струиться молоко; кромѣ того, онѣ умѣютъ доить молоко изъ веретена и повѣшеннаго полотенца. Когда коровы даютъ водянистое (синеватое) или смѣшанное съ кровью молоко—эту порчу приписываютъ вѣдьмѣ, которой, въ числѣ другихъ названій, присвоиваютъ и слѣдующія: milchdiebin, milchzauberin, molkenstehlerin, molkentöversche; въ лужицкомъ нарѣчіи чаровница = khodojta отъ глагола доить, съ приставнымъ въ началѣ звукомъ k (сравни: kosydło вмѣсто osydło, kedźba вм. dźba и др.). Milchdieb и molkentöversche означаютъ также мотылька, что служитъ новымъ указаніемъ на связь вѣдьмъ съ эльфами; какъ молніеносные духи, эльфы летаютъ легкокрылыми бабочками и высасываютъ у коровъ молоко (II, 732 [2]). И по русскимъ, и по нѣмецкимъ разсказамъ, вѣдьмы часто показываются съ подойниками на головахъ; въ ненастную погоду старая Hulda (Huldra) надѣваетъ на голову подойникъ и гонитъ черезъ лѣсъ стадо чер-

---

[1]) Иллюстр. 1845, 415; Москв. 1846, XI—XII, 150; Zarysy domove, III, 162. Когда вѣдьма доитъ коровъ и хозяинъ подкараулитъ ее, она силою своихъ заклятій заставляетъ его сидѣть неподвижно на одномъ мѣстѣ—до тѣхъ поръ, пока не окончитъ своего дѣла.—

[2]) Учен. Зап. 2. отд. Ак. Н., VII, в. 2, 32; D. Myth., 1025—6; Beiträge zur D. Myth., I, 227; Germ. Mythen, 371.

ныхъ коровъ и овецъ: поэтическая картина дождевыхъ тучъ, гонимыхъ буйными вѣтрами [1]). Ножъ и топоръ — символы Перуновой палицы (donneraxt), доящей небесныхъ коровъ; дубовое дерево (столбъ, дверной косякъ, деревянный крестъ), изъ котораго вѣдьмы съ помощію ножа или топора извлекаютъ молоко, знаменуетъ дерево-тучу; полотенце — облачная ткань, а веретено — орудіе, которымъ приготовляется для этой ткани пряжа; въ приведенномъ нами повѣрьи оно (наравнѣ съ клиномъ, вбиваемымъ въ дерево) принимается въ значеніи молніеносной стрѣлы (donnerkeile); наконецъ сохѣ и боронѣ дано участіе въ суевѣрныхъ сказаніяхъ о вѣдовскомъ доеніи — потому, что небесная гроза въ древнѣйшихъ миѳахъ уподоблялась вспахиванію и засѣву полей.

Любопытно, что тѣже аттрибуты, которыми вѣдуны и вѣдьмы творятъ свои волхованія, могутъ быть обращаемы и противъ нихъ самихъ, какъ предохранительныя средства отъ ихъ злаго вліянія. По своему демоническому характеру вѣдуны и вѣдьмы, подобно чертямъ и великанамъ, боятся разящихъ стрѣлъ молніи и потрясающихъ звуковъ грома; а потому всѣ орудія и обряды, какія изстари служили символическимъ знаменіемъ небесной грозы, заставляютъ ихъ поспѣшно удаляться. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ увѣряютъ, будто вѣдьма боится ножей, воткнутыхъ подъ верхнюю доску стола; а если приставить къ дверямъ кочергу — загнутымъ (желѣзнымъ) концемъ вверхъ, то колдунъ до тѣхъ поръ не уйдетъ изъ хаты, пока не будетъ принята эта неодолимая для него преграда. По нѣмецкимъ повѣрьямъ, если бросить въ оборотня освященный ножъ или огниво, то сила превращенія мгновенно уничтожается; и колдунъ или вѣдьма предстаётъ въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. молнія снимаетъ съ оборотня звѣриную шкуру = облако. Въ хлѣвахъ дер-

---

[1]) D. Myth., 1032; Die Götterwelt, 306; Кіевлян. 1865, 71.

жатъ огниво, чтобы предохранить домашній скотъ отъ болѣзней и порчи; огниво, положенное въ колыбель младенца, защищаетъ его отъ злаго очарованія — точно также, какъ и молотъ, завёрнутый въ пеленки [1]), или крестъ, повѣшенный надъ дѣтскимъ изголовьемъ. Напомнимъ, что въ большинствѣ случаевъ, при которыхъ въ древности считался необходимымъ молотъ, — послѣ водворенія христіанства стали употреблять крестъ: такая замѣна, какъ извѣстно, условливалась крестообразною формою старинныхъ молотовъ. Побѣдоносное орудіе громовника, молотъ ограждаетъ человѣка отъ поѣдучей вѣдьмы. Въ Германіи въ первую майскую ночь, а у насъ наканунѣ Крещенія на всѣхъ дверяхъ и окнахъ видны начертанные мѣломъ кресты. Въ Чехахъ, когда хозяинъ купитъ новую корову, онъ тотчасъ-же кладетъ на порогъ своего хлѣва топоръ или огниво, и затѣмъ уже вводитъ ее въ стойло. Другіе символы молніи: верба, осиновый колъ, папоротникъ и плакунъ-трава также предотвращаютъ отъ человѣка и домашнихъ животныхъ пагубные замыслы вѣдуновъ и вѣдьмъ. Осина есть вѣрнѣйшая оборона отъ блуждающихъ упырей; осиновымъ коломъ поражаютъ змѣя-похитителя дождей, прогоняютъ Коровью Смерть (см. II, 305—8) и снимаютъ хлѣбный «заломъ» или «закрутъ», совершаемый чародѣями на безплодіе нивы [2]). Туже предохранительную силу даетъ повѣрье и прутьямъ колючихъ растеній (тернъ, шиповникъ и др.), и жгучимъ травамъ, какова наприм. крапива. У насъ употребительно выраженіе: крапива жжется, жалитъ; серб. коприва жаре, пол. pokrzywa parzy, чеш.

[1]) „Malleum, ubi puerpera decumbit, obvolvunt candido linteo." — [2]) Кто на Свѣтло-Христово Воскресенье пойдетъ къ заутренѣ съ осиновой палкою или вербою, и черезъ эту палку или вербу станетъ смотрѣть на собравшійся народъ, тому всѣ колдуны и вѣдьмы покажутся стоящими головами внизъ, а ногами кверху (полтав. губ.).

kopřiva žaha, žiha, pali; въ областныхъ говорахъ крапиву называютъ жижка, жигучка, хорут. же(и)гавица, чеш. žahavka, žagavka; сравни лат. urtica, нѣм. bren-nessel и литов. noteres, natres отъ снк. nath—urere [1]). Наканунѣ Иванова дня крестьяне собираютъ крапиву и кладутъ на окнахъ и порогахъ домовъ, чтобы удалить отъ себя вѣдьмъ, лѣшихъ и нечистыхъ духовъ. При первомъ выгонѣ стадъ на пастбище чехи обвязываютъ коровъ красными платками, а въ хлѣвахъ кладутъ терновыя вѣтки, что̀ (по общему убѣжденію) предохраняетъ скотину отъ порчи. Если бы у кого заболѣла корова и стала доиться молокомъ, смѣшаннымъ съ кровью, тотъ долженъ срѣзать свѣжую вѣтку орѣшника или шиповника и бить ею испорченную корову по головѣ и вымени; другіе совѣтуютъ кипятить самое молоко и ударять по нёмъ тою-же вѣткою. По народному повѣрью, вѣдьма-доительница чужихъ коровъ чувствуетъ эти удары на своемъ собственномъ тѣлѣ и впадаетъ въ тяжкій недугъ. Подобныя-же му̀ки испытываетъ вѣдьма и тогда, когда бочку, въ которой пахтается масло, начинаютъ бить терновымъ прутомъ, или когда завариваютъ въ горшкѣ подъ дымовою трубою вѣтви боярышника и терна. Лужичане думаютъ, что если у порога избы положить вѣникъ — туда уже не осмѣлится войдти вѣдьма, а если вѣникомъ ударить собаку (= оборотня) — эта послѣдняя непремѣнно зачахнетъ. Корову, у которой опухнетъ вымя, нѣмцы лѣчатъ вѣникомъ, связаннымъ на Рождественскіе Святки; этотъ-же вѣникъ они кладутъ на порогѣ хлѣва, когда выгоняютъ свои стада въ поле. Зажженная свѣча и огонь домашняго очага служили знаменіями небеснаго пламени, возжигаемаго въ тучахъ богомъ-громовникомъ. Ничто такъ не устрашаетъ вѣдьмъ, какъ четверговая (страстная) свѣ-

---

[1]) Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 306; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 571.

ча: гдѣ горитъ она, тамъ безсильны ихъ чары и волхованія; хлѣбный заломъ поджигаютъ благовѣщенской свѣчею; сложенныя нàкрестъ восковыя свѣчи прогоняютъ вѣдьмъ отъ коровниковъ и конюшень. На Рюгенѣ соблюдался обычай бѣгать по полямъ съ зажженными лучинами, для предохраненія дойныхъ коровъ отъ злыхъ волшебницъ. Въ Германіи думаютъ, что горящая головня, кинутая въ колдуна или вѣдьму, разрушаетъ ихъ козни. У насъ съ цѣлію противодѣйствовать вѣдьмамъ, заговариваютъ дымовыя трубы, забиваютъ подъ князёкъ заострённые колья и посыпаютъ на загнеткѣ золу, взятую изъ семи печей. По народному повѣрью, вѣдьмы боятся домоваго, который, какъ представитель очага и семейнаго благосостоянія, призванъ оберегать хозяйское добро [1]). Звонъ — метафора грома, а св. вода, кровь и смола (варъ, деготь) — дождя. Звуки колоколовъ нестерпимы для вѣдьмъ и нечистыхъ духовъ; они разгоняютъ ихъ сборище, мѣшаютъ ихъ неистовой пляскѣ и не даютъ совершиться ихъ злобнымъ намѣреніямъ. Нѣмецкія hexen называютъ колокола «лающими псами» (bellende hunde). Шведы разсказываютъ, что вѣдьмы подтачиваютъ перекладины, на которыхъ висятъ колокола, и сбрасывая ихъ съ высокихъ башень, восклицаютъ: «nie soll meine seele Gott näher kommen, als dieses erz wieder zur glocke werden!» Словенцы, во время грозы, звонятъ въ колокола и стрѣляютъ на воздухъ, чтобы прогнать собравшихся вѣдьмъ [2]). Кто желаетъ исцѣлиться отъ «порчи», тотъ долженъ уда-

---

[1]) D. Myth., 1056—7; Beiträge zur D. Myth., I, 219, 226; II, 274; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 282, 304; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 342; Громаннъ, 133—9; Рус. прост. праздн., IV, 33; Сахаров., I, 44; II, 7; Ворон. Г. В. 1850, 20; Кулишъ, II, 37; Н. Р. Ск., VII, 36, b. — [2]) D. Myth., 1039—40, 1057; Рус. Бес. 1857, III, ст. Клуна, 112.

рить колдуна или вѣдьму правою рукою на отмашъ, прямо по переносицѣ — такъ, чтобы кровь брызнула; кровь эту собрать на полотенце и сжечь на огнѣ [1]). Какъ ударъ молніи, проливая дождь, обезсиливаетъ облачнаго демона, такъ въ настоящемъ случаѣ съ пролитіемъ крови уничтожается губительная сила колдуна или вѣдьмы. Лужичане, оберегая дойныхъ коровъ, мажутъ на дверяхъ хлѣвовъ дегтярные кресты (сравни II, 97); и чортъ, и вѣдьма, какъ скоро будутъ настигнуты серебреною пулею (= молніей), тотчасъ-же разливаются смолою (I, 789 [2]). На всѣ исчисленныя предохранительныя средства суевѣрный народъ наложилъ христіанское клеймо: свѣча берется страстная или благовѣщенская, вода — святая или крещенская, верба и ножъ — освященные во храмѣ.

Когда богъ-громовникъ доитъ облачныхъ коровъ, онъ это дѣлаетъ, чтобы напоить дождемъ жаждущую землю и возрастить засѣянныя нивы; наоборотъ вѣдьмы, согласно съ своимъ демоническимъ характеромъ, доятъ этихъ коровъ съ тою-же цѣлію, съ какою высасываютъ ихъ миѳическіе змѣи, т. е. онѣ изсушаютъ облака, скрадываютъ росу и дожди, и тѣмъ самымъ обрекаютъ землю на безплодіе. Имъ приписываются и лѣтнія засухи, и зимнее бездождіе. Вѣдьмы доятъ и высасываютъ коровъ не только лѣтомъ, но и зимою. По русскому повѣрью, вѣдьма, опиваясь молокомъ, обмираетъ (= впадаетъ въ зимнее оцѣпенѣніе), и для того, чтобы она очнулась, надо запалить солому и жечь ей пяты [3]), т. е. необходимо развести грозовое пламя. Во все продолженіе зимы творческія силы природы, по выраженію сказочнаго эпоса, бы-

---

1) D. Myth., 1056; Могил. Г. В. 1851, 19; Памятн. книжка арханг. губ. 1864, 92; тоже повѣрье слышали мы и въ воронежской губерніи. — 2) Volkslieder der Wenden, II, 223; Этн. Сб., III, 90. — 3) Припомнимъ выраженіе: „душа въ пятки ушла!“

ваютъ заколдованы. Вѣдьмы щедры только на безвременные и вредоносные ливни, сопровождаемые градомъ, вьюгами и опустошеніемъ. Стада сгущенныхъ облаковъ, изливаясь въ дождевыхъ потокахъ, мало по малу разрѣжаются, становятся блѣднѣе, прозрачнѣе, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ; явленіе это на старинномъ поэтическомъ языкѣ называлось пожираніемъ (= сожженіемъ, изсушеніемъ) небесныхъ коровъ драконами или порчею ихъ вѣдьмами; и драконы, и вѣдьмы равно представляются въ народныхъ преданіяхъ существами голодными, жадными, любящими упиваться коровьимъ молокомъ до полнаго безчувствія. Низводя древне-миѳическія сказанія съ небесныхъ высотъ на землю, предки наши стали вѣрить, что вѣдьмы доятъ и сосутъ обыкновенныхъ коровъ, которыя вслѣдствіе этого лишаются молока, спадаютъ съ тѣла и въ скоромъ времени издыхаютъ — точно также, какъ чахнутъ и гибнутъ лошади, на которыхъ ѣздятъ вѣдьмы на свои буйныя сборища. Такимъ образомъ доеніе вѣдьмами коровъ признано было нечестивымъ дѣломъ, влекущимъ за собою скотскій падёжъ, изсыханіе дождевыхъ источниковъ и повсемѣстный неурожай. Въ духовной пѣснѣ грѣшная душа, обращаясь къ своему тѣлу, говоритъ: «пойду я въ муку вѣчную, безконечную, въ горючи огни.» — Почему-жъ ты, душа, себя угадываешь? спрашиваетъ тѣло.

— Потому я, тѣло бѣлое, себя угадываю,
Что какъ жили мы-были на вольномъ свѣту —
Изъ чужихъ мы коровъ молоко выдаивали,
Мы изъ хлѣба спорынью вынимывали.
Не ходили ни къ обѣдни, ни къ завтрени.

Въ другомъ стихѣ читаемъ:

Чѣмъ-же души у Бога согрѣшили?
А первая душа согрѣшила:
Во ржи залому заломала,
Въ хлѣбушкѣ споры вынимала...

Четвертая душа согрѣшила:
Въ чистомъ полѣ корову закликала,
У коровки молочко отымала,
Во сырую землю выливала,
Горькую осину забивала
Горькую осину засушивала [1]).

Сербская пословица: «ко се држи правице, тај не музе кравице» [2]) намекаетъ на тотъ-же грѣхъ. Приведенныя свидѣтельства духовныхъ пѣсень весьма знаменательны; сопоставленіе рядомъ отнятія у коровъ молока, а у хлѣба спорыньи звучитъ, какъ отголосокъ глубокой старины, которая подъ молокомъ разумѣла плодородящіе дожди. Выдаивать молоко = тоже, что̀ похищать росу и дождь или отымать у хлѣба спорынью, производить неурожаи и голодъ. Такое дѣйствіе необходимо должно было казаться самымъ страшнымъ грѣхомъ. Закликая корову, вѣдьма (по указанію стиха) доитъ ее, выливаетъ молоко на̀земь и забиваетъ въ то мѣсто осиновый колъ, съ которымъ связывается идея омертвѣнія [3]): какъ засыхаетъ срубленная осина, такъ у коровы должно изсохнуть вымя. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ градъ, бури, холода̀ и засухи, дѣйствіемъ которыхъ истребляются зеленѣющія и созрѣвающія нивы, приписывались колдовству. Греческія эвмениды (названіе, объясняемое въ старинныхъ нѣмецкихъ глоссаріяхъ словомъ hâzasa = hexe) уничтожали своею слюнею (= дождевыми ливнями) и градомъ жатвы и овощи. Въ XII таблицахъ опредѣлено наказаніе тому, «qui fruges excantassit» или «alienam segetem pellexerit» (кто околдовывалъ плоды и творилъ заклятіе на чужую ниву [4]). Агобардъ, ліонскій епископъ

[1]) Ч. О. И. и Д., годъ 3, IX, 210, 221; Лѣт. рус. лит., кн. II, отд. 2, 155. — [2]) Переводъ: кто держится правды, тотъ не доитъ коровъ — Срп. н. послов., 153. — [3]) Мертвецы, пронзённые осиновымъ коломъ, уже не могутъ вставать изъ гробовъ. — [4]) D. Myth., 1040.

первой половины IX вѣка, записалъ слѣдующее любопытное преданіе: «plerosque autem vidimus et audivimus tanta dementia obrutos, tanta stultitia alienatos, ut credant et dicant quandam esse regionem quae dicatur Magonia, ex qua naves veniant in nubibus, in quibus fruges, quae grandinibus decidunt et tempestatibus pereunt, vehantur in eandem regionem, ipsis videlicet nautis aëreis dantibus pretia tempestiariis et accipientibus frumenta vel ceteras fruges» [1]. По свидѣтельству буллы Иннокентія VIII, множество людей обоего пола не боялись вступать въ договоры съ адскими духами и посредствомъ колдовства дѣлали неплодными брачные союзы, губили дѣтей и молодой скотъ, истребляли хлѣбъ на нивахъ, виноградъ и древесные плоды въ садахъ и траву на пастбищахъ. Въ 1488 году, когда буря опустошила окрестности Констанца на четыре мили вокругъ, двѣ женщины, признанныя виновницами такого бѣдствія, были осуждены и преданы смерти [2]. И германцы, и славяне обвиняли вѣдьмъ въ похищеніи благопріятной погоды, дождей, изобилія, и въ насланіи болѣзней, скотскаго падежа и мора, всегда сопровождавшихъ голодные годы; съ этимъ согласно и старинное убѣжденіе, что затмѣнія, обыкновенно производимыя вѣдунами и вѣдьмами, бываютъ «къ гладу и мору». На Украйнѣ до сихъ поръ вѣрятъ, что вѣдьмы задерживаютъ дождь, низводятъ градъ и посылаютъ неурожаи. На всемъ пространствѣ, какое вѣдьма въ состояніи обнять своимъ взоромъ, она можетъ и произ-

---

[1]) Переводъ: „мы видѣли и слышали многихъ одержимыхъ такимъ безуміемъ, такою глупостью, что вѣруютъ и утверждаютъ, будто есть нѣкая страна именуемая Магонія, изъ которой приходятъ на облакахъ корабли; воздушные пловцы забираютъ зерновой хлѣбъ и другіе плоды, побитые градомъ и вихрями, уплачиваютъ за нихъ чародѣямъ, вызывающимъ бури, и увозятъ въ свое царство. — [2]) Germ. Mythen, 466; Моск. Наблюд. 1837, XI, кн. 2, 125—6.

вести голодъ, и отнять у коровъ молоко [1]): сближеніе многознаменательное! [2]) По мнѣнію болгаръ, вѣдьмы похищаютъ урожай съ чужихъ нивъ и передаютъ его своимъ любимцамъ; поэтому крестьяне выходятъ весною на поля и произносятъ заклятіе: «вражья душа! бѣгай отъ насъ» [3]). Русскіе поселяне также убѣждены, что колдуньи скрываютъ у себя большіе запасы хлѣба [4]). Въ Германіи разсказываютъ, что вѣдьмы катаются голыя по нивамъ, засѣяннымъ льномъ и житомъ, что онѣ не только умѣютъ вредить посѣвамъ, но и могутъ присвоивать себѣ плоды чужихъ турдовъ, скрадывая съ сосѣднихъ полей зерновой хлѣбъ или овощи и наполняя ими свои закромà: повѣрье, извѣстное уже римлянамъ. Такъ, идучи́ виноградниками, вѣдьма потрясаетъ шесты, около которыхъ вьются виноградные лозы, и тòтчасъ-же зрѣлыя гроздія переносятся съ чужаго участка на ея собственный. Одинъ старый колдунъ далъ своей внучкѣ палку, которую она должна была воткнуть на указанномъ мѣстѣ посреди нивы; настигнутая на дорогѣ дождемъ, дѣвочка остановилась подъ вѣтвистымъ дубомъ и воткнула возлѣ него палку. Когда она воротилась домой, то нашла на поляхъ дѣда густыя кучи дубовыхъ листьевъ. Въ темныя ночи колдунъ раздѣвается догола, привязываетъ къ ногѣ серпъ, и творя заклятія, направляетъ путь черезъ нивы своихъ сосѣдей; вслѣдъ затѣмъ на этихъ нивахъ не остается ни единаго полнаго колоса; все зерно, какое только уродилось, попадаетъ въ закромà и овины заклинателя [5]). Старинная метафора, уподобившая молніи острымъ

[1]) „На скилько забачила свиту, стилько и вкинула голоду" или: „стилько и молока одибрала". — [2]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 88; Кулишъ, II, 37; Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 47; Кіевлян. 1865, 69. — [3]) Сообщено Каравеловымъ. — [4]) Чародѣи могутъ допрашивать вихрь о будущемъ урожаѣ, и допросъ свой совершаютъ, ударяя крутящійся вихрь острымъ ножемъ и держа въ рукахъ пѣтуха—Иллюстр. 1845, 505. — [5]) D. Myth., 443—4, 1043.

зубамъ мышей, придала этимъ звѣркамъ миѳическое значенiе. Аполлонъ, съ лука котораго слетали убiйственныя стрѣлы заразы, въ гнѣвѣ своемъ творилъ все-истребляющихъ мышей (Apollo Smintheus — I, 776); нѣмецкая клятва: «dass dich das mäuschen beisse!» употребляется въ томъ-же смыслѣ, какъ славянская: «бодай тя ясна стрѣла ранила!» или: «пусть тебѣ Перунъ покажетъ свои зубы!» Паралачный ударъ, наносимый по древнему воззрѣнiю карающей рукою бога-громовника, у чеховъ называется myš (нѣм. hexenschuss). Поэтическiя сказанiя о небесныхъ мышахъ, являющихся во время бурныхъ, опустошительныхъ грозъ, впослѣдствiи были перенесены на обыкновенныхъ полевыхъ мышей, которыя нерѣдко цѣлыми стаями нападаютъ на хлѣбныя поля, скирды и житницы и поѣдаютъ зерно. Чрезмѣрное размноженiе полевыхъ мышей народная фантазiя приписала злому влiянiю колдовства. Вѣдуны и вѣдьмы нарочно разводятъ ихъ и напускаютъ въ дома̀ (стр. 451) и нивы, почему нѣмцы и называютъ вѣдуна mausschlägel, а вѣдьму — mausschlägerin; старинные вѣдовскiе процессы упоминаютъ названiе mäusemacher (müsemaker) и сообщаютъ повѣрье, будто вѣдьма, кипятя волшебныя травы, причитываетъ: «maus, maus, heraus ins teufels namen!» — и въ силу ея заклятiя мыши выпрыгиваютъ изъ горшка одна за другою. Разсказываютъ еще, что вѣдьма свертываетъ платокъ на подобiе мыши и восклицаетъ: «lauf hin und komm wieder zu mir!» — и тотчасъ-же отъ нея убѣгаетъ живая мышь. По свидѣтельству нидерландской саги, чародѣйкѣ сто̀итъ только подбросить нѣсколько глыбъ земли, чтобы въ тоже мгновенiе все поле закопошилось мышами [1]). Чехи считаютъ мышь созданiемъ чорта. При началѣ мiра, когда выросла и созрѣла первая

---

[1]) D. Myth., 1044; Ганушъ: Дѣдъ и Баба, 59.

жатва, чортъ сотворилъ этого хищнаго звѣрка и приказалъ ему истребить весь хлѣбъ; а Богъ, чтобы разрушить дьявольскія козни, тогда-же сотворилъ кошку (сравни I, 777). Въ чешской хроникѣ, по поводу многочисленныхъ мышей, явившихся въ 1380 году, замѣчено, что современники думали, будто мыши эти зародились отъ грозы («že by ty myši se zrodily z povětři porušeného»). И донынѣ у чеховъ сохраняются слѣдующія любопытныя повѣрья: полевыя мыши ниспадаютъ при началѣ весны съ мѣсяца (= съ неба) или зарождаются отъ дождя, выпадающаго на Петровъ день; если на Троицынъ день идетъ дождь, то въ продолженіи лѣта будетъ много мышей; полевыя мыши изъѣдаютъ у коровъ вымя, т. е. высасываютъ молоко-дождь; когда онѣ появляются въ большомъ числѣ — это предвѣщаетъ голодъ и болѣзни; свистъ, звонъ, барабанный бой, удары молотильнаго цѣпа и крикъ чернаго пѣтуха (словомъ все, что̀ на поэтическомъ языкѣ служитъ обозначеніемъ грозовыхъ звуковъ) признаются за тѣ спасительныя средства, которыми можно разогнать крысъ и мышей; чтобы избавиться отъ этихъ хищниковъ, крестьяне обкуриваютъ свои дворы козлиною бородою, что̀ стоитъ въ несомнѣнной связи съ древне-языческимъ посвященіемъ козла богу-громовнику [1]). Кромѣ плодовъ земныхъ, вѣдьмы могутъ скрадывать и другіе припасы, необходимые для благосостоянія человѣка; такъ онѣ уносятъ медъ изъ ульевъ [2]), загоняютъ къ себѣ рыбу и забираютъ птицъ и звѣрей, за которыми ходятъ на промыселъ охотники. Скрадываніе меда объясняется уподобленіемъ дождя медовому напитку, а захватъ рыбы, птицъ и лѣснаго звѣря — миѳическими представленіями грозы рыбною ловлею и дикою охотою. Между малоруссами хо-

---

[1]) Громаннъ, 59—63, 75, 232; Beiträge zur D. Myth., I, 172. —
[2]) Кулишъ, II, 41; D. Myth., 1026.

дитъ такой разсказъ: жили-были три брата, занимались рыболовствомъ и звѣриной охотою; и на ловѣ, и на охотѣ братья не знали неудачи: закинутъ ли сѣти — а онѣ ужъ полнёхоньки рыбою, возьмутся ли за ружья — зайцы сами бѣгутъ на выстрѣлы. Дѣло въ томъ, что мать у нихъ была вѣдьма. Разъ братья рѣшились ее испытать; взяли тенета и ружья, пошли за зайцами, а матери сказали, что идутъ ловить рыбу. Что-же? раскинули тенета — и вмѣсто зайцевъ полѣзли въ нихъ окуни, караси да щуки! [1]) Еще отъ XI-го вѣка донеслись до насъ интересныя лѣтописныя свидѣтельства о подобныхъ обвиненіяхъ, взводимыхъ на тѣхъ женщинъ, въ которыхъ подозрѣвали вѣдьмъ. Въ 1024 году, говоритъ лѣтописецъ, возстали въ Суздалѣ волхвы, «избиваху старую чадь, по дьяволю наученью и бѣсованью, глаголюще, яко си держать гобино. Бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ. Слышавъ же Ярославъ... изымавъ волхвы, расточи, а другыя показни, и рекъ сице: Богъ наводить по грѣхомъ на куюждо землю гладомъ, или моромъ, или ведромъ (засухою?), ли иною казнью, а человѣкъ не вѣсть ничтоже.» Подъ 1071 годомъ находимъ слѣдующее извѣстіе: «бывши бо единою скудости въ ростовстѣй области, всташа два волхва отъ Ярославля, глаголюща, яко вѣ свѣвѣ (мы вѣдаемъ) — кто обилье держить. И поидоста по Волзѣ; кдѣ придутъ въ погостъ, туже нарицаху лучшіѣ (добрыя) жены, глаголюща, яко си жито держать, а си медъ, а си рыбы, а си скору [2]). И привожаху къ нима сестры своя, мастере и жены своя; она же въ мечтѣ прорѣзавше за плечемъ, вымаста любо жито, любо рыбу, и убивашета многы жены, имѣнье ихъ отъимашета собѣ». Наконецъ волхвы пришли на Бѣлоозеро; за ними слѣдовало до

[1]) Кулишъ, II, 36—37; Москв. 1846, XI—XII, критика, 150—1. — [2]) Мягкую рухлядь, звѣриные мѣха.

трехъ сотъ человѣкъ. Въ это время Янъ собиралъ на Бѣлоозерѣ княжескую дань. «Повѣдоша ему бѣлозерци, яко два кудесника избила уже многы жены по Волъсвѣ и по Шекснѣ». Янъ потребовалъ отъ нихъ выдачи волхвовъ; но бѣлоозерцы «сего не послушаша». Янъ рѣшился дѣйствовать противъ волхвовъ собственными средствами, и когда они были схвачены, то спросилъ: «что ради погубиста толико человѣкъ?» Волхвы отвѣчали: «яко ти держать обилье; да аще избіевѣ сихъ— «будеть гобино; аще ли хощеши, то передъ тобою вынимевѣ жито, ли рыбу, ли ино что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то!» [1]) Итакъ, по словамъ лѣтописи, волхвы обвиняли старыхъ женщинъ въ томъ, что онѣ производили голодъ, скрадывали обилье (гобино), т. е. урожаи [2]), и дѣлали безуспѣшными промыслы рыбака и охотника. Вѣра въ возможность и дѣйствительность подобныхъ преступленій была такъ велика въ XI вѣкѣ, что родичи сами выдавали на побіеніе своихъ матерей, женъ и сестеръ; жители не только не хотѣли сопротивляться волхвамъ, но слѣдовали за ними большою толпою. Обвиненіе «старой чади» въ бѣдствіяхъ голодныхъ годовъ вполнѣ соотвѣтствовало грубому и суевѣрному взгляду тогдашняго человѣка на природу, и волхвы (даже допуская съ ихъ стороны обманъ и своекорыстные разсчеты) только потому и дѣйствовали такъ открыто и смѣло, что опирались на общее убѣжденіе своего вѣка [3]). Всѣ физическія явленія

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 64. 75. — [2]) Карамз. И. Г. Р., II, примѣч. 26; Обл. Сл., 132: обилье — въ архангельской губ. всякій немолоченный хлѣбъ, въ псковск. губ. огородные овощи. — [3]) Г. Мельниковъ (Рус. Вѣст. 1867, IX, 245—7) описываетъ мордовскій обрядъ сбора припасовъ для общественнаго жертвоприношенія и наклоненъ видѣть въ немъ фактъ, однородный съ тѣмъ, какой занесенъ въ лѣтописное сказаніе о волхвахъ. Въ назначенный для сбора день замужнія мордовки обнажаютъ свои груди и плечи, и становясь задомъ къ дверямъ избы, закидываютъ за спину холще-

предки наши объясняли себѣ, какъ дѣйствія боговъ или демоновъ, вызванныя мольбами, заклятіями и чарами вѣщихъ людей. Позднѣе, послѣ принятія христіанства, таже сила властвовать и управлять природою была распространена и на представителей новаго вѣроученія. Бывали примѣры, что народъ обвинялъ духовныхъ лицъ въ засухахъ и другихъ физическихъ бѣдствіяхъ. Такъ въ 1228 году новгородцы, напуганные тѣмъ, что «тепло стоитъ долго», прогнали своего владыку, «акы злодѣя пьхающе» [1]). Женщинъ, заподозрѣнныхъ въ чародѣйствѣ и обвиняемыхъ въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, преслѣдовали въ старину жестокими казнями: жгли, топили и зарывали живыми въ землю. Противъ этого обычая рѣзко протестовалъ Серапіонъ, епископъ владимірскій (XIII в.): «Малъ часъ порадовахся о васъ, чада! видя вашю любовь и послушаніе... А ежъ еще поганскаго обычая держитесь, волхованію вѣруете, и пожигаете огнемъ невинныя человѣкы и наводите на весь міръ и градъ убійство. Аще кто и не причастися убійству, но въ соньми бывъ въ единой мысли — убійца же бысть, или мога(і)й помощи, а не поможе—аки самъ убити повелѣлъ есть. Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писаній се слышасте, яко волхованіемь глади бывають на земли, и пакы волхо-

---

вые мѣшки съ мукою, медомъ, масломъ и яйцами; янбедъ (помощникъ главнаго жреца) колетъ ихъ слегка въ голыя плечи и спины жертвеннымъ ножемъ, потомъ перерѣзываетъ тесемки, на которыхъ висятъ мѣшки, и забираетъ приготовленные припасы. Мы, съ своей стороны, не усматриваемъ въ этомъ описаніи ничего общаго съ лѣтописнымъ разсказомъ: въ мордовскомъ обрядѣ уколъ ножа представляетъ не болѣе, какъ символическое дѣйствіе, и самый обрядъ этотъ имѣетъ цѣлію собрать припасы для общественнаго жертвоприношенія, какое совершается въ благодарность за дарованный богами урожай; лѣтопись же говоритъ о дѣйствительномъ избіеніи женъ, заподозрѣнныхъ въ похищеніи гобина. — [1]) П. С. Р. Л., III, 44.

«ваніемъ жита умножаються? То аже сему вѣруете, «то чему пожигаете я? Молитесь и чтите я, и дары при«носите имъ, ать (пусть) строять міръ, дождь пущають, «тепло приводять, земли́ плодити велять. Се нынѣ «по три лѣт(а) житу рода нѣсть—не токмо въ Русь(и), по «(и) въ Латѣнѣ: се вълхвове ли створиша? аще не Богъ ли стро«ите(ъ) свою тварь, яко-же хощетъ, за грѣхъ насъ томя?... «Молю вы: отступите дѣлъ поганьскыхъ. Аще хощете градъ «оцѣстити отъ безаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣ«щайте, яко Давидъ-пророкъ», который судилъ въ страхѣ божіемъ и по правдѣ; вы же осуждаете на смерть по враждѣ и ради прибытка, жаждя пограбить. «Правила божественна«го(ыя) повелѣвають многыми послухъ(и) осудити на смерть «человѣка; вы же воду послухомъ поставите, и глаго«лите: аще утопати начнеть — неповинна есть, аще «ли попловеть — волховь [1]) есть. Не можетъ ли дья«волъ, видя ваше маловѣрье, подержати да не погрузится, «дабы въврещи въ душьгубьство; яко оставльше послушьство «бо(го)творенаго человѣка, идосте къ бездушну естьству» [2]). По своимъ стихійнымъ свойствамъ, вѣдуны и вѣдьмы могутъ свободно носиться посреди облачныхъ источниковъ, и потому въ народѣ составилось убѣжденіе, будто они ходятъ по поверхности рѣкъ и озеръ и не тонутъ въ глубинѣ водъ. На Украйнѣ до позднѣйшаго времени узнавали вѣдьмъ по ихъ способности держаться на водѣ. Когда случалось, что дождь долго не орошалъ полей, то поселяне, приписывая его задержаніе злымъ чарамъ, собирались міромъ, схватывали заподозрѣнныхъ бабъ и водили купать на рѣку или прудъ. Они скручивали ихъ веревками, привязывали имъ на шею тяжелые камни, и затѣмъ бросали несчастныхъ узницъ въ глубокіе

[1]) Женская форма отъ слова волхвъ; сравни: свекровь.— [2]) Ист. христом. Бусл., 496—7.

омуты: неповинныя въ чародѣйствѣ тотчасъ-же погружались на дно, а настоящая вѣдьма плавала поверхъ воды вмѣстѣ съ камнемъ. Первыхъ вытаскивали съ помощію веревокъ и отпускали на свободу; тѣхъ-же, которыя признаны были вѣдьмами, заколачивали на смерть и топили силою [1]. Квитка въ письмѣ своемъ къ Плетневу (1839 года), по поводу разсказа: «Конотопская вѣдьма», замѣчаетъ: «топленіе вѣдьмъ при засухѣ — не только бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи» [2]. Гуцулы топили вѣдьмъ въ 1827 году [3]. Обычай этотъ извѣстенъ и между сербами: когда пронесется молва «на кojy жену да je вjештица, онда je вежу и баце у воду да виде: може ли потонути; jep кажу да вjештица не може потонути. Ако жена потоне, а они je извуку на поље и пусте; ако ли не могбуде потонути, а они je убиjy, jep je вjештица» [4]. Подобное испытаніе водою («судъ божій») въ Германіи называлось hexenbad [5]. По увѣренію г. Даля [6] на Украйнѣ ходитъ разсказъ, заимствованный изъ судебныхъ актовъ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своей сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію. Въ половинѣ прошлаго столѣтія управляющій имѣніемъ графа Тышкевича, въ Литвѣ, писалъ къ нему: «ясневельможный пане! съ возвращающимися крестьянами доношу, что съ вашего позволенія сжегъ я шесть чаровницъ: три сознались, а остальныя нѣтъ. Двѣ изъ нихъ престарѣлыя, третья тоже лѣтъ пятидесяти, да къ тому-же одиннадцать дней онѣ

---

[1]) Lud Ukrain., II, 82—83; Zarysy domove, III, 166; Кулишъ, II, 37; Кіевл. 1865, 71. — [2]) Основьяненко, соч. Г. Данилевскаго, 91. — [3]) Пантеонъ 1855, V 48. — [4]) Срп. рjечник, 67; Путешеств. въ Черногорію А. Попова, 223. — [5]) D. Myth., 1028. — [6]) Иллюстр. 1845, 415.

всѣ просидѣли у меня подъ чаномъ, такъ, вѣрно, и другихъ заколдовали. Вотъ и теперь господская рожь въ двухъ мѣстахъ заломана. Я сбираю теперь съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непремѣнно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа! Вотъ и г. Эпернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мущину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина созналась во всемъ и съ великимъ отчаяньемъ пошла на тотъ свѣтъ» [1]). Сожженіе колдуновъ и вѣдьмъ засвидѣтельствовано многими старинными памятниками (см. гл. XXVII). Въ Грузіи, при всякомъ общественномъ бѣдствіи, хватали подозрительныхъ старухъ, истязали въ присутствіи князей и духовенства и выпытывали у нихъ сознаніе во мнимыхъ сношеніяхъ съ нечистою силою. Въ 1834 году, во время бывшаго неурожая кукурузы и гоміи, въ нѣкоторыхъ грузинскихъ деревняхъ бросали колдуновъ въ воду, или вѣшали на деревьяхъ и прикладывали къ ихъ обнаженному тѣлу раскаленное желѣзо [2]). Поступая такъ, народъ не только думалъ удовлетворить чувству своего мщенія, но и былъ убѣжденъ, что казни эти суть единственныя средства, какими можно отвратить засуху, вызвать дожди и плодородіе. Такое убѣжденіе возникло изъ древне-миѳической основы. Облачныя жены, похищающія росу, дождь и урожаи, только тогда возвращаютъ эти сокрытыя ими блага, когда сгораютъ въ небесномъ пламени молній, или купаются и тонутъ въ разливѣ дождевыхъ потоковъ. Позднѣе, когда въ засухахъ и безплодіи почвы стали обвинять смертныхъ женъ, народъ увѣровалъ, что сожженіе и потопленіе ихъ непремѣнно должно возвратить землѣ дожди и плодородіе—точно также, какъ обливаніе водою «додолы» признается

[1]) Москов. Вѣдом. 1858, 60. — [2]) Сборникъ газеты „Кавказъ" 1847, 1-ое полугодіе, 22.

сербами за лучшее средство противъ лѣтней засухи. Но съ другой стороны, такъ какъ гроза, пожигающая тучи, нерѣдко сопровождается разрушительной бурею и градомъ; то отсюда родилось вѣрованіе, что вѣдьмы, желая произвести непогоду, градъ и буйные вихри, разсѣеваютъ по полямъ дьявольскій пепелъ (= пепелъ демона градовой тучи). Я. Гриммъ приводитъ изъ одного стариннаго памятника любопытное свидѣтельство о чародѣйкѣ, которая, покаявшись передъ смертною казнью, просила снять ея трупъ съ висѣлицы, сжечь огнемъ и пепелъ высыпать въ воду, а не развѣивать по воздуху, дабы не постигли страну градъ и засуха [1]).

Губительное вліяніе вѣдуновъ и вѣдьмъ распространяется на все, обѣщающее приплодъ, нарожденіе. По народнымъ повѣрьямъ, они дѣлаютъ бабъ неплодными, отымаютъ у жениха мужскую силу; присаживаютъ ему килу, а у невѣсты скрываютъ половой органъ. При всякой свадьбѣ необходимо соблюдать особенныя предосторожности, для охраны новобрачныхъ и поѣзжанъ отъ злаго очарованія; въ нѣкоторыхъ деревняхъ тамъ, гдѣ празднуется свадьба, нарочно затворяютъ двери и затыкаютъ трубы, чтобы не влетѣла вѣдьма (арзамас. уѣзда). Вѣдьмы глазятъ беременныхъ женщинъ и выкрадываютъ изъ нихъ зачатыхъ младенцевъ. Существуетъ примѣта: если на дворѣ стрекочетъ сорока, то беременная баба не должна выходить изъ-подъ крова избы, оберегаемой священнымъ пламенемъ очага; иначе вѣдьма, которая любитъ превращаться сорокою, похититъ изъ ея утробы ребенка; самый ребенокъ, еще до появленія своего на свѣтъ, легко можетъ быть испорченъ колдуномъ или вѣдьмою. Народный стихъ, наряду съ другими вѣдовскими грѣхами: доеніемъ коровъ и отыманьемъ у хлѣба спорыньи, указываетъ и на

[1]) D. Myth., 1026, 1041.

порчу дѣтей въ утробѣ. Въ старину рожденіе уродовъ признавалось слѣдствіемъ волшебства или дьявольскаго навожденія [1]). Выше (II, 399—405) указано нами, что древній метафорическій языкъ допускалъ выраженія: «замкнуть, завязать плодородіе». Вѣдьмы, истребительницы земныхъ урожаевъ, держатъ росу и дожди въ покрытыхъ и завязанныхъ сосудахъ, и пока сосуды эти не будутъ развязаны— до тѣхъ поръ ни единая капля живительной влаги не упадетъ съ неба на жаждущія поля. Подобно тому, какъ зимніе холода и лѣтнія засухи запираютъ плодотворное сѣмя дождей, такъ точно съ помощію волшебства можно замкнуть силу плодородія въ обвѣнчанной четѣ. Германцы приписываютъ вѣдьмамъ такую чару надъ молодыми супругами: во время свадьбы вѣдьма запираетъ замòкъ и забрасываетъ его въ воду, и пока замокъ не будетъ найденъ и отомкнутъ, супружеская чета дѣлается неспособною къ соитію. Чара эта называется schloss-schliessen и nestelknüpfen (nest— шнурокъ, ремешокъ, knüpfen—завязывать [2]). Въ Сербіи враги, желающіе, чтобы у новобрачныхъ не было дѣтей, украдкою завязываютъ одному изъ нихъ узлы на платьѣ [3]); а лужичане съ тою-же цѣлью запираютъ, при совершеніи вѣнчальнаго обряда, замокъ — въ ту самую минуту, когда священникъ произноситъ слова: «плодитесь и множитесь» [4]). Интересна жалоба, занесенная въ протоколъ стародубскаго магистрата 1-го генваря 1690 года. Тимошка Матвѣевъ билъ челомъ на Чернобая, который во время свадьбы обвязывалъ его невѣдомо для чего ниткою-портнинкою, и съ того

[1]) Абев., 74; Иллюстр. 1045, 415; Zarysy domove, III, 163; Лѣт. рус. лит., кн. II, отд. 2, 155; Полн. Собр. Зак., V, № 3159—60. —[2]) D. Myth., 1027; Beiträge zur D. Myth., I. 215: „nadeln, mit welchen ein todtenhemd genäht worden, dienen zum nestelknüpfen"; такая игла зашиваетъ и вмѣстѣ омертвляетъ силу чадородія. — [3]) Потебн., 139. — [4]) Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 316.

де часу онъ Тимошка уже два года не имѣетъ съ своею женою никакого сполкованя (spólkowanie — соитіе), а портнинку Чернобай забросилъ и сказываетъ, что безъ нея пособить бѣдѣ не умѣетъ. Въ приведенныхъ чарахъ узлы производятъ плотское безсиліе—точно также, какъ закручиванье колосьевъ (ржи, овса, конопли и пр.) на нивѣ можетъ, по народному повѣрью, отнимать у хлѣба спорынью и вмѣстѣ съ тѣмъ производить гибель скота и людей — обычныя слѣдствія неурожаевъ и голода въ старину, когда не знали благоразумной разсчетливости и не дѣлали запасовъ на будущіе года. Неурожай, голодъ и повальныя болѣзни бывали, по свидѣтельству лѣтописей, всегда неразлучны. Закрутъ (заломъ, завитокъ), до сихъ поръ наводящій ужасъ на цѣлыя села, не должно смѣшивать съ завиваньемъ колосьевъ на бороду Волосу; это послѣднее возникло изъ уподобленія связанныхъ созрѣлыхъ колосьевъ завитой бородѣ древняго бога, имѣло значеніе жертвеннаго приношенія и донынѣ совершается явно и съ добрыми пожеланіями — на урожай и обиліе. Напротивъ закрутъ завивается тайно изъ жажды мщенія, изъ желанія причинить хозяину нивы зло, и сопровождается заклятіемъ на гибель плодородія; онъ совершается такъ: злобный колдунъ беретъ на корню пучокъ колосьевъ, и загибая къ низу, перевязываетъ ихъ суровою ниткою, или заламываетъ колосья и крутитъ (свиваетъ) на западъ = сторона, съ которою соединяется понятіе смерти, нечистой силы и безплодія; въ узлѣ залома находятъ иногда распаренныя зерна и могильную землю: и то, и другое — символы омертвенія. Въ старинныхъ требникахъ встрѣчаются молитвы, которыя слѣдовало читать надъ такимъ очарованнымъ мѣстомъ: послѣ установленнаго молитвословія, священникъ выдергивалъ закрутъ церковнымъ крестомъ, и тѣмъ отстранялъ его зловредное вліяніе. Теперь для снятія закрута при-

глашаютъ знахаря, который вырубаетъ осиновый колъ, разщепливаетъ его нàдвое и этимъ орудіемъ выдергиваетъ зачарованныя колосья; затѣмъ закрутъ сожигается благовѣщенскою свѣчею, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, знахарь вбиваетъ въ землю осиновый колъ, что̀ (по мнѣнію поселянъ) причиняетъ колдуну нестерпимыя муки [1]). Донынѣ думаютъ, что узлы и поясъ замедляютъ ро̀ды; ибо съ ними нераздѣльно понятіе связыванія, замыканія, а въ настоящемъ случаѣ нужно, чтобы женщина разрѣшилась отъ бремени (нѣм. entbunden werden), чтобы ребенку былъ свободный, открытый путь. Вліяніе языка обнаружилось въ созданіи слѣдующихъ повѣрій: на родильницѣ не должно быть ни одного узла, даже расплетаютъ ей косу [2]). Но этого недостаточно: при трудныхъ родахъ призываютъ отца и заставляютъ его развязать или ослабить поясъ, отстегнуть воротникъ сорочки, распустить учкуръ (поясокъ у штановъ), и въ тоже время открываютъ у печи заслонку, отпираютъ сундуки и выдвигаютъ всѣ ящики [3]). Во многихъ мѣстахъ, во время трудныхъ родовъ, просятъ священника отворить царскія врата въ храмѣ, а повивальная бабка читаетъ при этомъ «Сонъ пресв. Богородицы» [4]). Въ курской губ. страждущую родильницу переводятъ троекратно черезъ порогъ избы, чтобы ребенокъ скорѣе переступилъ порогъ своего заключенія и явился на свѣтъ изъ утробы матери [5]). Въ Германіи увѣряютъ, что сложенныя вмѣстѣ руки и поставленныя одна на другую ноги мѣшаютъ родильницѣ разродиться.

---

[1]) Сахаров., I, 53; Иллюстр. 1845, 538; Обл. Сл., 60, 95; Москв. 1844, XII, ст. Якушк., 35—36. Въ курской губ. срѣзываютъ однолѣтніе осиновые прутья и кладутъ ихъ нàкрестъ возлѣ нивы, на которой сдѣланъ заломъ. — [2]) Послов. Даля, 404; Гласник срп. друштва, V, 155. — [3]) Черниг. Г. В. 1854, 25. — [4]) Иллюстр. 1846, 649; Ворон. Г. В. 1851, 11. — [5]) Этн. Сб., V, 20.

Мнѣніе это раздѣляли и древніе греки. Когда Алкмена должна была родить Геркулеса, то Ἐλείθυια сѣла у дверей, скрестила руки и положила правую ногу на лѣвую, чтобы помѣшать родамъ. Но служанка Алкмены обманула богиню ложнымъ извѣстіемъ, что рóды уже совершились; раздосадованная богиня вскочила, разъединивъ свои руки и колѣни, и въ тотъ самый мигъ разрѣшилась Алкмена прекраснымъ малюткою [1]). Въ ново-греческой сказкѣ мужъ, покидая свою беременную жену, опоясываетъ ее поясомъ и говоритъ: «ты не прежде родишь дитя, пока я не разстегну тебѣ этого пояса!» — и она дѣйствительно не могла разрѣшиться до того часу, пока не обрѣла своего мужа и пока онъ не разрѣшилъ ея пояса. Въ албанской редакціи этой сказки мужъ, вмѣсто пояса, запираетъ чрево жены своей серебренымъ ключемъ [2]). На Руси, чтобы помочь въ тяжелыхъ родахъ, читаютъ слѣдующій заговоръ: «пресвятая мати Богородица! сходи со престола господня и бери свои золотые ключи и отпирай у рабы божьей (имярекъ) мясныя ворота и выпущай младéня на свѣтъ и на божью волю» [3]). Какъ обвязанный вокругъ тѣла поясъ замыкаетъ чадородіе женщины, такъ, по свидѣтельству норвежской сказки, королевскій садъ потому не приноситъ плодовъ, что вокругъ его зарыта трижды-обведенная золотая цѣпь [4]). Круговая = со всѣхъ сторонъ замкнутая линія получила въ народныхъ вѣрованіяхъ значеніе наузы, столь-же крѣпкой, какъ и завязанная веревка или запертая цѣпь. Начертанная ножемъ, зажженною лучиною или углемъ (= знаменія разящей молніи), линія эта защищаетъ человѣка отъ зловреднаго дѣйствія колдовства и покушеній нечистой силы. Черезъ круго-

---

[1]) D. Myth., 1128; Sonne, Mond u. Sterne, 254. — [2]) Ганъ, 71, 100. — [3]) Памятн. книжка арханг. губ. 1864 г., 18. — [4]) Ск. норв., II, 18; Germ. Mythen, 683.

вую черту не можетъ переступить ни злой духъ, ни вѣдьма, ни самая Смерть; противъ чумы и другихъ повальныхъ болѣзней опахиваютъ кругóмъ деревни и сёла; при добыванiи кладовъ и цвѣта папоротника, при совершенiи различныхъ чаръ и произнесенiи заклятiй очерчиваютъ себя круговою линiей, для охраны отъ демонскаго навожденiя [1]). На Украйнѣ дѣти, завидя полетъ дикихъ гусей, причитываютъ: «гуси-гуси! завъяжу вамъ дорогу, щобъ не втрапили до дому» или: «гуси-гуси! колесомъ, червоннимъ поясомъ» — и думаютъ, что отъ этихъ словъ гуси закружатся на одномъ мѣстѣ [2]). У лужичанъ, чеховъ и русскихъ передъ Рождествомъ даютъ курамъ кормъ, окружая его цѣпью или обручемъ, чтобы онѣ клали яйца дòма: этотъ обрядъ замыкаетъ птицу въ границахъ хозяйскаго двора [3]). Въ ярославской губ. въ пламя пожара бросаютъ обручъ съ квасной шайки, чтобы огонь сосредоточился въ одномъ мѣстѣ и не распространялся дальше [4]). Въ моложскомъ уѣздѣ не обводятъ новобрачныхъ вокругъ стола, чтобы молодая не была безплодна, т. е. чтобы не замкнуть ея плодородiя круговою чертою [5]).

Содѣйствуя стихiйнымъ демонамъ, насылая неурожаи, безкормицу и голодъ, вѣдуны и вѣдьмы тѣмъ самымъ порождаютъ между людьми и животными различные недуги и усиленную смертность. Вслѣдствiе ихъ чаръ, вмѣстѣ съ холодными

---

[1]) Этн. Сб., I, 53; Абев., 149—150; Зам. о Сибири, 64; Н. Р. Ск., VIII, стр. 646. — [2]) Номис., 7. — [3]) Volkslieder der Wenden, II, 259; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 61; Новгор. Сборн. 1865, I, 287; тоже дѣлаютъ и въ Германiи — Beiträge zur D. Myth., I, 228. — [4]) Чтобы воръ не могъ убѣжать, должно взять нитку изъ савана, смѣрить мертвеца и обойдти съ нею трижды около дома и анбаровъ, приговаривая: „какъ мертвецъ не встаетъ и не выходитъ изъ могилы, такъ бы не вышелъ и воръ изъ этого круга“ — Библ. для Чт. 1848, IX, 56. — [5]) Этн. Сб., I, 50.

вьюгами и продолжительными ливнями, появляются простудныя болѣзни, а вмѣстѣ съ знойнымъ дыханіемъ лѣта и повсемѣстною засухою — подымаются вредныя испаренія и настаетъ моровая язва. Въ тѣхъ-же кипучихъ котлахъ, въ которыхъ вѣдьмы заваривають бурныя грозы и градъ, приготовляютъ онѣ и мучительные недуги, несущіеся въ удушливыхъ парахъ по направленію вѣтровъ (сравни стр. 69, 104). Въ финнской Калевалѣ Kivutar, дочь олицетворенной болѣзни (kipu, р. kivun — болѣзнь), соотвѣтствующая нашимъ и нѣмецкимъ вѣдьмамъ, всходитъ на гору и варитъ въ котлѣ скорби, немощи и язву [1]). По мнѣнію русскихъ поселянъ, колдуны и колдуньи напускаютъ на людей и домашній скотъ порчу, т. е. томятъ ихъ, сушатъ, изнуряютъ болѣзненными припадками. Испорченные колдовствомъ люди называются кликушами: это — несчастные, страдающіе падучею или другими тяжкими болѣзнями, соединенными съ бредомъ, пѣною у рта и корчами; они издаютъ дикіе вопли, и подъ вліяніемъ господствующаго въ народѣ суевѣрія—утверждаютъ, будто злые вороги посадили въ нихъ бѣсовъ, которые и грызутъ ихъ внутренности. Силою страшныхъ заклятій колдуны и колдуньи насылаютъ нечистыхъ духовъ по воздуху: послушные имъ вѣтры несутъ и навѣваютъ на людей неисцѣлимые недуги, называемые стрѣлами, икотою, повѣтріемъ или заразою. По свидѣтельству Боплана, колтунъ приписывали на Украйнѣ чародѣйству старыхъ бабъ. Эту и всѣ прочія болѣзни, постигающія людей, домашнихъ птицъ и животныхъ, кашубы до сихъ поръ считаютъ слѣдствіемъ околдованія. Опасно принимать изъ рукъ вѣдуна какой-бы то ни было напитокъ: вмѣстѣ съ чаркою вина, предложенною на пиру, онъ можетъ поднести злую немочь. Выпивая это вино, человѣкъ проглатываетъ сестеръ-лихора-

[1]) Ж. М. Н. П. 1846, III, ст. Гримма, 183.

докъ или иныхъ мучительныхъ демоновъ, которые превращаются въ его утробѣ въ разныхъ гадинъ: змѣй, жабъ, лягушекъ и мышей, сосутъ его кровь, терзаютъ кишки и печень, раздуваютъ животъ и наконецъ доводятъ свою жертву до преждевременной кончины [1]). Несчастный, которымъ овладѣла болѣзнь, носитъ ее съ собою вездѣ, куда бы не направилъ свои стопы. Такая неотвязность болѣзни выразилась въ повѣрьи, что злобные духи (эльфы, мары) поселяются внутри больнаго (=дѣлаютъ его бѣсноватымъ) или разъѣзжаютъ на его спинѣ; налегая на человѣка страшною тяжестью, они заставляютъ его возить себя, изнуряютъ, ломаютъ и трясутъ его. Тоже представленіе соединяется и съ вѣдьмами: въ ночные часы онѣ являются въ избы, садятся на сонныхъ людей, давятъ ихъ и принуждаютъ носить себя по окрестностямъ; нерѣдко вѣдьма оборачиваетъ добраго мо̀лодца конемъ и скачетъ на этомъ конѣ по горамъ и до̀ламъ до тѣхъ поръ, пока онъ не потеряетъ силъ и не упадетъ отъ усталости [2]). Разсказываютъ еще, будто вѣдьма ѣздитъ ночью на думѣ спящаго человѣка, который хотя и не сознаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается, но тѣмъ не менѣе, пробуждаясь на слѣдующее утро, чувствуетъ во всемъ тѣлѣ полное изнеможеніе [3]). Колдуны и вѣдьмы собираютъ ядовитыя травы и коренья, готовятъ изъ нихъ отравное снадобье и употребляютъ его на пагубу людей;

[1]) Иллюстр. 1845, 184, 203; 1846, 345; Абев., 222, 270 — 1; Могилев. Г. В. 1851, 19; О. З. 1848, V, 17—18; Ч. О. И. и Д., годъ 3, III, словотолковн. Макарова, 106; Описаніе Украйны Боплана, 83; Этн. Сб., V, 73 (стат. о кашубахъ); Памятн. кн. арханг. губ. 1864, 92; Громаннъ, 199; Н. Р. Ск., V, 50: колдунъ подаетъ ендову пива, отъ котораго выскакиваютъ глаза и выпадаютъ всѣ зубы. — [2]) Н. Р. Ск., VII, 36, с; сб. Валявца, 59, 245 — 6; Гальтрихъ, 29; Совр. 1856, XII, 197. — [3]) Москв. 1846, XI—XII, критика, 150. Подобныя поѣздки приписываютъ и нечистому; на Украйнѣ говорятъ: „и на мудримъ дидько на лысу гору їздить“ —Номис., 126.

въ областныхъ говорахъ «отрава» обозначается словами: порча, портёжъ, а колдуна и колдунью называютъ: по̀рчельникъ (портéжникъ) и по̀рчельница; для всѣхъ одуряющихъ зелій существуетъ общее, собирательное имя бѣсиво [1]). Народныя пѣсни говорятъ о дѣвахъ - чаровницахъ, приготовляющихъ отравный напитокъ: по-край моря синяго, по зеленымъ лугамъ,

Тутъ ходила-гуляла душа-красная дѣвица,
А копала она коренья—зелье лютое;
Она мыла тѣ кореньица въ синёмъ морѣ,
А сушила кореньица въ муравленой печи,
Растирала тѣ коренья въ серебреномъ кубцѣ,
Разводила тѣ кореньица меды сладкими,
Разсычала коренья бѣлымъ сахаромъ,
И хотѣла извести своего недруга... [2])

По указанію другой пѣсни, задумала сестра избыть постылаго брата:

Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала;
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.

Зелье было страшное: едва

Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася [3]).

Колдуны и вѣдьмы могутъ причинить недуги прикосновеніемъ, дыханіемъ, словомъ, взглядомъ и самою мыслію; въ нихъ все исполнено губительной чародѣйной силы! Выше было объясне-

---

[1]) Обл. Сл., 19, 171—2. — [2]) Кирша Дан., 303; Сахаров., I, 206; Терещ., V, 172; О. З. 1840, II, смѣсь, 27. Варіантъ:

Натопила она кореньица въ меду-въ патокѣ,
Напоила добра молодца допьяна.

[3]) Сахаров., I, 202.

но, что подъ вліяніемъ древнѣйшаго метафорическаго языка, который уподобилъ громъ — вѣщему слову, вѣяніе вѣтра — дыханію, блескъ молній — сверкающимъ очамъ, а всѣ душевныя движенія сблизилъ съ стихіями, — возникли суевѣрныя убѣжденія, заставившія нашихъ предковъ чувствовать страхъ передъ всякимъ проявленіемъ души человѣческой. Недобрая мысль, затаенная зависть и неискренняя похвала уже влекутъ за собою несчастіе для того, кто возбудитъ ихъ въ чародѣ; высказанное колдуномъ злое пожеланіе дѣйствуетъ также неотразимо, какъ заговоръ или клятвенная формула; своимъ взглядомъ онъ можетъ сглазить, а своимъ дыханіемъ озѣвать человѣка, т. е. наслать на него порчу (I, 411). Какъ небесныя стада теряютъ молоко и изсыхаютъ отъ ударовъ молніи, такъ точно отъ взгляда вѣдьмы пропадаетъ молоко въ грудяхъ матери и чахнетъ ея ребенокъ; сглазу приписываются и болѣзни домашняго скота. Какъ небесные волки и змѣи (драконы) страшатся блестящей молніи, такъ точно взоръ волшебника смиряетъ волковъ и змѣй, населяющихъ лѣса и пустыни [1]). Что́ вѣдьмы были обвиняемы въ распространеніи повальныхъ, заразительныхъ болѣзней, это засвидѣтельствовано грамотою царя Михаила Ѳедоровича, упоминающею о бабѣ-вѣдуньѣ, которая наговаривала на хмѣль, съ цѣлію навести на русскую землю моровое повѣтріе [2]). Крестьяне до сихъ поръ убѣждены, что колдуну сто́итъ только захотѣть, какъ тысячи народу падутъ жертвами смерти [3]). Русская сказка возлагаетъ на вѣдьму туже самую роль, какая обыкновенно исполняется Моровою дѣвою: въ глухую полночь она является въ бѣлой одеждѣ, просовываетъ руку въ окно избы, кропитъ волшебными соками и всю семью — отъ стараго и до малаго — усыпляетъ на вѣки смертельнымъ сномъ [4]). По увѣ-

---

[1]) D. Myth., 1053. — [2]) Ак. Арх. Экс., III, 197. — [3]) Могилев. Г. В. 1851, 19. — [4]) Н. Р. Ск., VII, 36, а.

лѣвшимъ на Руси преданіямъ, въ старину при всякой повальной болѣзни и скотскомъ падежѣ обрекали на смерть женщину, заподозрѣнную міромъ въ зломъ волшебствѣ. Женщину эту завязывали въ мѣшокъ, вмѣстѣ съ собакою, черною кошкою и пѣтухомъ, и зарывали въ землю или топили въ рѣкѣ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что послѣ этого моръ немедленно долженъ прекратиться [1]). Еще недавно высказывалось поселянами мнѣніе, что если бы перваго заболѣвшаго холерою похоронить заживо, то означенная болѣзнь тотчасъ-бы пріостановила свои губительныя дѣйствія (новгородъ-сѣверск. уѣзда). Въ нѣкоторыхъ деревняхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пала первая зачумленная скотина, приготовляютъ яму, и въ этой ямѣ зарываютъ падаль, привязавъ къ ея хвосту живыхъ собаку, кошку и пѣтуха. Хозяина издохшей скотины община вознаграждаетъ за потерянную шкуру [2]). Въ нижегородской губ. отъ сибирской язвы вбиваютъ на перекресткахъ осиновые колы и посыпаютъ улицы пепломъ нарочно-сожженной собаки [3]). Иногда, для отвращенія заразы, крестьяне свечеру загоняютъ весь деревенскій скотъ на одинъ дворъ, запираютъ ворота и караулятъ до утра, а съ разсвѣтомъ начинаютъ разбирать коровъ; если бы при этомъ оказалась лишняя, неизвѣстно кому принадлежащая корова, то ее принимаютъ за Коровью Смерть, взваливаютъ на полѣнницу и сожигаютъ живьёмъ [4]). Тотъ, кто прежде всѣхъ заболѣваетъ эпидемическою болѣзнею, разсматривается, какъ пособникъ нечистой силы и проводникъ Смерти; отъ него начинается зараза и быстро переходитъ на

---

[1]) Сахаров., II, 13; Малор. и червон. нар. думы и пѣсни, 100; Терещ., VI, 42; Рус. въ св. посл., III, 217. — [2]) Москв. 1852, XXII, 87—88; Рус. Вѣдом. 1866, № 91. — [3]) Сѣвер. Почта 1868, № 180. — [4]) Иллюстр. 1846, 262; Терещ., VI, 42; сравни D. Myth., 1140.

все окрестное населеніе. Тотъ-же взглядъ прилагается и къ первой зачумленной скотинѣ. Вселяясь въ человѣка или корову, демонъ смерти заставляетъ ихъ носить себя по бѣлому свѣту и чрезъ ихъ посредство распространяетъ свое тлетворное дыханіе между людьми и стадами (см. выше стр. 107-9). Поэтому первыя жертвы заразы подлежатъ такой-же очистительной карѣ, какъ и вѣдьмы, изобличенныя въ напущеніи мора. Сожженіе, потопленіе или зарытіе вѣдьмы въ землю исторгаетъ изъ нея злаго демона (= нечестивую душу) и удаляетъ его изъ здѣшняго міра въ міръ загробный (= въ подземное царство Смерти); пѣтухъ, кошка и собака, какъ миѳическіе представители грозоваго пламени и вихрей, признавались необходимыми спутниками тѣни усопшаго, призванными сопровождать ее на тотъ свѣтъ. Въ образѣ коровы издревле олицетворялась черная молніеносная туча, а съ этою послѣднею были нераздѣльны представленія нечистой силы и смерти. Изъ свидѣтельствъ памятниковъ и народныхъ преданій извѣстно, что въ отдаленной языческой древности, вмѣстѣ съ трупомъ покойника, сожигались корова, собака и пѣтухъ. Впослѣдствіи этотъ погребальный обрядъ получаетъ характеръ уголовнаго возмездія и совершается только въ исключительныхъ случаяхъ, съ цѣлію увеличить позоръ смертной казни за особенно-важныя преступленія. Когда вайделотка, хранительница священнаго огня, теряла свое дѣвство, литовцы зашивали ее въ кожаный мѣшокъ съ кошкою, собакою и змѣею, вывозили на парѣ черныхъ коровъ на мѣсто казни и зарывали въ землю или топили въ водѣ [1]). Въ дополнительныхъ статьяхъ къ Судебнику сказано: «кто убьетъ до смерти отца или матерь, или кто хоти сродича своего убьетъ, и тому дати сыну муку: въ торгу его возити и тѣло его клещами рвати и по тому посадити на него

[1]) Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевск., 20.

собаку, куря и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши съ нимъ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или матерь—и указъ тотъ-же.» Литовскій Статутъ за означенное преступленіе постановляетъ: «всадити въ мѣхъ скуряный съ псомъ, куремъ, ужомъ, кошкой и зашить» [1]). У германцевъ матьдѣтоубійцу завязывали въ мѣшокъ вмѣстѣ съ собакою, кошкою и змѣею и топили въ водѣ; таже кара у римлянъ постигала убійцу отца или матери, но кошка замѣнялась обезьяною [2]).

Съ колдовствомъ нераздѣльно понятіе о превращеніяхъ. Вѣра въ превращенія или оборотничество принадлежитъ глубочайшей древности; источникъ ея таится въ метафорическомъ языкѣ первобытныхъ племенъ. Уподобляя явленія природы различнымъ животнымъ, называя тѣ и другія тождественными именами, древній человѣкъ долженъ былъ наконецъ увѣровать въ дѣйствительность своихъ поэтическихъ представленій, какъ скоро обозначающія ихъ слова и выраженія потеряли для него свою первичную прозрачность. Въ началѣ способность превращеній исключительно связывалась съ существами стихійными, принадлежащими міру фантазіи и миѳа. Ходячія по небу, дышащія вѣтрами, дождевыя, градовыя и снѣжныя облака (какъ мы знаемъ) олицетворялись то легкокрылыми птицами, то быстроногими конями и оленями, борзыми собаками, рыскучими волками, медвѣдями, кошками, рысями, дойными коровами, козами, овцами и такъ далѣе. Рядомъ съ этимъ, облака, тучи и туманы, какъ темные покровы, застилающіе собой ясное небо [3]), представлялись ру-

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. I, 83—84, 116—7. — [2]) Deutsche Rechtsalt., 697; сравни свидѣтельства о повѣшеніи преступниковъ съ волками и собаками — ibid., 685—6. — [3]) До сихъ поръ о туманномъ, облачномъ небѣ говорится: заволокло; въ областныхъ говорахъ облако называется: наволока — ср. Поэт. Воз., I, 542—3.

номъ или звѣриными шкурами, въ которыя облачаются = одѣваются безсмертные владыки надземныхъ странъ. Богъ-громовникъ и сопутствующіе ему духи бури, вихрей и дождей постоянно являются въ облачныхъ нарядахъ, и слѣдовательно переодѣтыми или превращенными въ птицъ и звѣрей. Языкъ и преданія ярко засвидѣтельствовали тождество понятій превращенія и переодѣванія: слова оборотиться, обернуться (об-воротиться, об-вернуться) означаютъ собственно: окутаться, покрыть себя платьемъ, а пре-вратиться — переодѣться, измѣнить свою одежду (= свой внѣшній видъ), надѣть ее навыворотъ; въ позднѣйшемъ переносномъ смыслѣ малор. перевертень, серб. превртљњ, превршага — человѣкъ измѣнчивый, непостоянный. Созерцая въ полетѣ грозовыхъ тучъ толпы оборотней, т. е. демоновъ, облачившихся въ животненныя шкуры, и переводя это воззрѣніе въ символическій обрядъ, предки наши допустили въ своихъ религіозныхъ игрищахъ участіе окрутниковъ (I, 717-8). «Окрутниками» называются всѣ замаскированные, наряженные по святочному, одѣтые въ мохнатыя шкуры или вывороченные тулупы, отъ слова крутить, которое отъ первоначальнаго значенія: завивать, плести перешло къ опредѣленію понятій: одѣвать, наряжать (окрута — женское нарядное платье и вообще одежда, окрутить — одѣть, окручаться и окрутиться — наряжаться, маскироваться [1]), и въ этомъ смыслѣ явилось синонимомъ глаголамъ: облача(и)ть и оборотить (обворотить), точно также, какъ слово окрута — одежда тождествено по значенію съ словомъ облако (облаченіе). Очевидно, что и колдуны, и вѣдьмы, по своей тѣсной связи съ облачнымъ міромъ, должны были усвоить себѣ чудесную способность превращеній. Одно изъ названій, знаменующихъ волшебныя чары: кудеса въ новгородской губ. служитъ для обозначенія обрядоваго ряженья,

---

[1]) Обл. Сл., 140.

окручиванія въ мохнатыя шкуры: кудесъ — замаскированный человѣкъ (кудесникъ, кудес-ница), кудесить-ся — маскироваться [1]); сравни лат. larvo — околдовать, обворожить и larva (нѣм. larve) — личина, маска, привидѣніе; боги, духи, вѣщіе люди и сильномогучіе богатыри (= представители стихійныхъ силъ природы, низведенные съ теченіемъ времени на степень народныхъ героевъ) превращаются въ различные образы, надѣвая на себя шапку-невидимку, т. е. окутываясь облакомъ. [2]) Согласно съ демоническимъ характеромъ колдуновъ, одно изъ главнѣйшихъ ихъ превращеній есть превращеніе въ волка; ибо этотъ хищный, лукавый звѣрь выступаетъ въ старинныхъ миѳахъ, какъ воплощеніе мрачныхъ тучъ, разрушительныхъ бурь и зимней стужи, какъ демонъ, пожирающій небесныхъ коровъ (= дождевыя облака) и чрезъ то наводящій на землю неурожаи и моръ. Рядясь въ волчьи шкуры, колдуны рыщутъ голодными, жадными волками, и получаютъ названіе вовкулаковъ. Славянская Кормчая книга сохранила драгоцѣнное указаніе, что въ этихъ оборотняхъ народъ видѣлъ нѣкогда стихійныхъ духовъ, нагоняющихъ на горизонтъ темныя тучи, а не простыхъ смертныхъ: «облакыгонештеи отъ селянъ влъкодлаци нарицаються» (I, 736), чтó совпадаетъ съ вышеприведеннымъ названіемъ вѣдуновъ и чародѣевъ облакопрогонниками. Волкодлакъ (малор. вовкулакъ, вовкунъ, бѣлор. вавкалакъ, пол. wilkołak, wilkołek, чеш. wlkodlak, серб. вукодлак, далм. vakudluk, рагуз. vukolak, трансил. vacodlac; у болгаръ и словаковъ удержалась болѣе древняя форма: vrkodlak; у леттовъ wilkats отъ wilks — lupus) — слово сложное изъ волкъ, скр. vrka, и длака (dlak) — шерсть, руно, клокъ волосъ, и означаетъ существо, покрытое волчьей шерстью или шкурою. Преданія о волкахъ-оборотняхъ извѣстны у всѣхъ ин-

[1]) Ibid., 95; Доп. обл. сл., 94. — [2]) D. Myth., 903.

доевропейскихъ народовъ, и тѣмъ ясно указываютъ на свое незапамятно-давнее происхожденіе. У нѣмцевъ вовкулакъ—verwolf (англос. verevulf, англ. werewolf, гот. vairavulfs), т. е. mannwolf, волколюдъ, греч. λυκάνθρωπος; первая часть слова ver=гот. vairs, англос. ver, лат. vir—мужъ, человѣкъ. Замѣчательно что въ Митиленѣ и на прибрежьяхъ Малой Азіи греки до настоящаго времени называютъ волчьихъ оборотней именемъ, буквально-тождественнымъ съ нашимъ вовкулакомъ: βρύκολακας, и самыя сказанія о нихъ существенно ничѣмъ не отличаются отъ преданій славянскихъ [1]). Древнѣйшее свидѣтельство о вовкулакахъ находимъ у Геродота [2]), который упоминаетъ, что Нуры или Невры (народъ, признаваемый Шафарикомъ за славянское племя) почитались у грековъ и скиѳовъ чародѣями и что про нихъ разсказывали, будто бы каждый изъ невровъ единожды въ году обращается на нѣсколько дней въ волка, а потомъ снова принимаетъ свой человѣческій обликъ [3]). Время такого превращенія, вѣроятно, совпадало съ колядскимъ праздникомъ, когда на лысой горѣ гуляютъ вѣдуны и вѣдьмы вмѣстѣ съ нечистыми духами и оборотнями, а въ деревняхъ и селахъ бѣгаютъ по улицамъ ряженые. Сербы утверждаютъ, что вукодлаки преимущественно показываются въ зимнюю пору «од Божиħа до Спасова дне» [4]). У поляковъ встрѣчаемъ повѣрье, что оборотни превращаются въ волковъ два раза въ годъ: на Коляду и Иванову ночь, слѣдовательно въ тѣже сроки, въ которые бываютъ главныя вѣдовскія сборища. Жители Митилена и прибрежьевъ Малой Азіи особенно опасаются вовкулаковъ на Рождественскіе Святки и въ страстную недѣлю, т. е. при поворотѣ солнца на лѣто и при

---

[1]) Москв. 1853, V, 3; D. Myth., 1048: Zeitschr. für D. M., IV, 195. — [2]) Кн. IV, гл. 105. — [3]) Слав. Древности, т. I, кн. I, 323, 327; Поэт. Воз., I, 741. — [4]) Срп. рјечник, 79.

началѣ весны [1]). Любопытны славянскія преданія о волчьемъ пастырѣ: подъ этимъ именемъ разумѣется владыка бурныхъ грозъ, которому подвластны небесные волки, слѣдующіе за нимъ большими стаями и въ дикой (грозовой) охотѣ замѣняющіе собою гончихъ псовъ. Въ германской миѳологіи это — Одинъ, въ услугахъ котораго состоятъ два славные волка; на Руси волчьимъ пастыремъ считается Егорій Храбрый, наслѣдовавшій подвиги и заботы древняго громовника. Позабывъ о миѳическихъ волкахъ-тучахъ, народъ отдалъ ему во власть волковъ обыкновенныхъ, лѣсныхъ. Такъ какъ богъ-громовникъ является очамъ смертныхъ въ облачномъ одѣяніи, то создалось представленіе, что онъ самъ рядится въ мохнатую шкуру волка, принимаетъ на себя образъ этого звѣря и становится вовкулакомъ. Въ Бѣлоруссіи роль волчьяго пастыря возлагается на миѳическаго властелина лѣсовъ — Полисуна, котораго народная фантазія изображаетъ мохнатымъ и съ козлиными ногами (I, 711); древне-чешскій лексиконъ Вацерада толкуетъ слово vilkodlak — faunus, а въ Далмаціи vakudlak означаетъ великана,—каковыя данныя указываютъ на связь волчьяго пастыря съ исполинскимъ дикимъ охотникомъ, который во время бурной грозы гонится, въ сопровожденіи лающихъ собакъ, за лѣсными нимфами [2]). По хорутанскимъ преданіямъ, vučji pastir выѣзжаетъ верхомъ на волкѣ, имѣя въ рукахъ длинный бичъ, или шествуетъ впереди многочисленной стаи волковъ и усмиряетъ ихъ дубинкою (громовою палицею). Онъ то показывается въ видѣ стараго дѣда, то самъ превращается въ волка, рыщетъ по лѣсамъ хищнымъ звѣремъ и нападаетъ на деревенскія стада. Народныя приповѣдки разсказываютъ, какъ этотъ оборотень, останавливаясь подъ тѣнистымъ деревомъ, превращается изъ звѣря въ старца, собираетъ вокругъ себя

[1]) Zeitsch. für D. M., IV, 196—7. — [2]) Ibidem.

волковъ, кормитъ ихъ [1]) и каждому опредѣляетъ его добычу: одному волку приказываетъ зарѣзать корову, другому заѣсть овцу, свинью или жеребенка, третьему растерзать человѣка и такъ дал. Кого назначитъ онъ въ жертву волка, тотъ, не смотря на всѣ предосторожности, уже не избѣгнетъ своей судьбы: въ урочный часъ звѣрь настигнетъ и пожретъ его. Чтобы охранить стадо отъ хищничества волковъ, крестьяне приносятъ въ даръ ихъ пастырю молоко [2]). У французовъ ходятъ разсказы о волчьихъ вожатыхъ — вѣщихъ людяхъ, обладающихъ тайною силою покорять волковъ, которые ласкаются къ нимъ, какъ смирныя собаки [3]). По русскимъ повѣрьямъ, вовкулаки бываютъ двухъ родовъ: это или колдуны, принимающіе звѣриный образъ, или простые люди, превращенные въ волковъ чарами колдовства. Колдуны рыщутъ волками обыкновенно по ночамъ (т. е. во мракѣ, наводимомъ черными тучами), днемъ-же снова воспринимаютъ человѣческія формы; они состоятъ въ близкихъ сношеніяхъ съ нечистыми духами, и самое превращеніе ихъ въ волковъ совер-

---

[1]) По свидѣтельству одной приповѣдки, онъ раздавалъ волкамъ по небольшому куску хлѣба и сыра, и такую-же долю отдалъ встрѣчному путнику, который, вкусивъ этой пищи, въ продолженіи двухъ недѣль не чувствовалъ ни малѣйшаго голода. — [2]) Сб. Валявца, 92—98. Согласно съ олицетвореніемъ тучъ то различными звѣрями, то птицами, то рыбами, хорутанская сказка (ibid., 103) упоминаетъ еще пастырей птичьяго и рыбьяго, а сказки русскія говорятъ о трехъ вѣщихъ старухахъ, изъ которыхъ одна властвуетъ надъ лѣсными звѣрями, другая надъ воздушными птицами, а третья надъ морскими рыбами и гадами — Н. Р. Ск, VII, 4, 6, 7; Лѣт. рус. лит., кн. V, 11; сравни сб. Валявца, 104-6; Штиръ, 10—11. Валахская сказка даетъ власть надъ звѣрями и птицами св. Недѣлькѣ (= Фреѣ), которая играетъ въ свирѣль (= заводитъ грозовую пѣсню), и послушные могучимъ звукамъ — бѣгутъ къ ней изъ лѣсовъ и полянъ звѣри и спускаются съ воздушныхъ высотъ птицы. — [3]) Совр. 1852, I, ст. Жоржъ-Занда, 74—75.

шается при помощи дьявольской [1]). По словамъ барона Гакстгаузена [2]), въ Арменіи существуетъ повѣрье, что нѣкоторыя женщины (вѣдьмы?) за тяжкіе грѣхи свои превращаются въ волчицъ на семь лѣтъ (т. е. на семь зимнихъ мѣсяцевъ); тоже число лѣтъ назначаютъ хорутанскія сказки для волчьяго пастыря: семь лѣтъ бѣгаетъ онъ волкомъ, а потомъ оборачивается человѣкомъ. Ночью является злой духъ къ нечестивой бабѣ, приноситъ волчью шкуру и приказываетъ надѣть ее; какъ скоро баба облечется въ этотъ нарядъ—въ туже минуту совершается превращеніе, и вслѣдъ затѣмъ она получаетъ всѣ волчьи привычки и желанія. Съ той поры она всякую ночь рыщетъ прожорливой волчицею и наноситъ людямъ и животнымъ страшный вредъ, а съ утреннимъ разсвѣтомъ снимаетъ съ себя волчью шкуру, тщательно прячетъ ее и принимаетъ свой прежній человѣческій образъ. Разъ кто-то забрёлъ въ пещеру, въ которой была спрятана волчья шкура; онъ тутъ-же развелъ огонь и бросилъ въ него шкуру. Вдругъ съ жалобнымъ воплемъ прибѣгаетъ баба и бросается спасать свою звѣриную одежду; попытка ея не удается, волчья шкура сгораетъ и баба-оборотень исчезаетъ вмѣстѣ съ клубящимся дымомъ. Такъ гибнетъ облачная жена въ грозовомъ пламени, пожигающемъ ея волчью «длаку», т. е. черную тучу. И по нѣмецкимъ повѣрьямъ превращеніе въ волка совершается чрезъ набрасываніе на себя волчьей сорочки (шкуры, ûlfahamr = wolfhemd или волчьяго пояса (wolfgürtel). Каждый, надѣвающій волчью сорочку, дѣлается оборотнемъ и въ теченіи девяти дней бѣгаетъ волкомъ; на десятый же день сбрасываетъ съ себя звѣриный кожухъ и возвращается въ прежнее свое состояніе. По указанію дру-

[1]) Москв. 1853, V, 11; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 90; Моск. Телеграфъ 1830, XIX, 416. — [2]) Закавказ. край, II, 61.

гихъ сагъ, онъ пребываетъ въ волчьемъ образѣ три, семь или девять годовъ (=семь зимнихъ мѣсяцевъ, или во все продолженіе осени, зимы и дождливой весны — до наступленія ясныхъ дней лѣта, каковыя три времени года равняются девяти мѣсяцамъ). Оборачиваясь волкомъ, человѣкъ пріобрѣтаетъ голосъ и хищническія наклонности этого звѣря: удаляется въ лѣса, нападаетъ на путниковъ и домашній скотъ, и томимый голодомъ дико воетъ и даже пожираетъ падаль [1]).

Вѣдуны и вѣдьмы могутъ обращаться и во всѣхъ другихъ животныхъ, въ формахъ которыхъ фантазія младенческихъ народовъ любила живописать облака, тучи и туманы. Они или разъѣзжаютъ по воздуху на миѳическихъ звѣряхъ, птицахъ и гадахъ, или — что совершенно тождественно — сами принимаютъ ихъ образы и блуждаютъ по свѣту различными оборотнями. О вовкулакахъ великорусскіе поселяне, позабывъ коренной смыслъ означеннаго названія, разсказываютъ, что это — колдуны, одаренные способностью превращаться въ волковъ или медвѣдей [2]). Извѣстный писатель прошлаго столѣтія Татищевъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей «Россійской Исторіи» [3]) говоритъ: «я невесьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что слышащіе довольно вѣрили». Скандинавская старина также допускала превращеніе въ медвѣжій образъ, и въ Норвегіи до сихъ поръ существуетъ убѣжденіе, что подобнымъ чародѣйнымъ искусствомъ обладаютъ лапландцы; а датская пѣсня упоминаетъ о желѣзномъ ошейникѣ (eisenhalsband), надѣвая который — человѣкъ дѣлается медвѣдемъ. Вѣдьмы часто превращаются въ коровъ и кобылицъ, а колдуны — въ быковъ и жеребцовъ, и отъ этихъ животненныхъ образовъ удержива-

[1]) D. Myth., 1048—9; Germ. Mythen, 691—2. — [2]) Обл. Сл., 27. — [3]) I, 110.

ютъ они нѣкоторыя особенности даже въ то время, когда являются въ человѣческомъ видѣ. Такъ вѣдьму народъ нашъ изображаетъ съ хвостомъ, котораго она не въ силахъ скрыть ни въ одномъ изъ своихъ превращеній а колдуна—съ рогами [1]). Сходно съ этимъ, человѣка-вовкулака легко узнать по шерсти, ростущей у него подъ языкомъ [2]). Когда вѣдьма превращается въ кобылицу, чортъ подковываетъ ее и заставляетъ носить себя по воздуху. Народныя сказки повѣствуютъ о добрыхъ молодцахъ, которымъ удавалось накидывать на вѣдьму узду, и она тотчасъ-же оборачивалась кобылою; молодецъ подковывалъ эту кобылу, садился на нее верхомъ, и ударяя ее осиновымъ полѣномъ, скакалъ по горамъ и доламъ. На другой день на рукахъ и ногахъ у вѣдьмы оказывались прибитыя гвоздями подковы [3]). Пугая по ночамъ людей, вѣдуны и вѣдьмы бѣгаютъ въ видѣ свиней, собакъ и кошекъ. На Украйнѣ ходятъ разсказы, будто вѣдьмы превращаются въ огромныхъ, чудовищныхъ сукъ съ длинными сосцами, которые волочутся по землѣ— «ажъ телепаютця»: эта послѣдняя черта объясняется изъ древняго представленія дождевыхъ тучъ материнскими грудями. Фантазія надѣляетъ облачныхъ женъ длинными, отвислыми грудями (см. выше стр. 119, 468), и сохраняетъ за ними эту особенность при всѣхъ животненныхъ воплощеніяхъ. Разсказываютъ еще, что вѣдьмы, вмѣсто двухъ, имѣютъ три сосца [4]). Кошка—одно изъ любимыхъ воплощеній вѣдьмы,

---

[1]) По германскимъ сказаніямъ, богиня Perchta носитъ коровью шкуру, Huldra имѣетъ коровій хвостъ, а предводительница неистоваго воинства надѣляется въ Норвегіи кобыльимъ хвостомъ и называется Ryssarofa (hryssa — лошадь, rofa — хвостъ) — Die Götterwelt, 27. — [2]) Терещ., VI, 102; Lud Ukrain., II, 80; Рус. Предан., II, 103 и дал.; Кіев. Г. В. 1845, 16. — [3]) Н. Р. Ск., VII, 36, с; Иличь, 290; Germ. Mythen, 711. — [4]) Москв. 1844, XII, 40; Иллюстр. 1846, 134; Укр. мелодіи, 112; Полтав. Г. В. 1844, 20; Кіев. Г. В. 1845, 13.

равно извѣстное у славянъ и нѣмцевъ; въ Германіи вѣдьмъ называютъ wetterkatze, donnerkatze, и тамъ существуютъ повѣрья, что кошка, когда проживетъ двадцать лѣтъ, становится вѣдьмою, и что чужимъ кошкамъ не слѣдуетъ причинять вреда, а то вѣдьмы будутъ за нихъ мстить [1]). Чехи убѣждены, что черная кошка черезъ семь лѣтъ дѣлается вѣдьмою, а черный котъ — дьяволомъ, что черезъ нихъ совершаются волшебныя чары и что колдуны постоянно держатъ съ ними совѣтъ [2]). По русскимъ повѣрьямъ, въ кошекъ и собакъ входятъ во время грозы нечистые духи; вѣдьмы же, превращаясь въ этихъ животныхъ, высасываютъ у коровъ молоко. Въ Мазовіи есть разсказъ о вѣдьмѣ, которая въ образѣ кошки отымала у коровъ молоко; разъ ночью захватили эту кошку на промыслѣ, и прежде, чѣмъ она успѣла скрыться, обрубили ей два пальца на передней лапѣ; а на утро оказалось, что именно двухъ пальцевъ не доставало на рукѣ у одной вражьей бабы [3]). Какъ превращеніе въ звѣриные образы совершается при посредствѣ мохнатыхъ шкуръ, надѣваемыхъ на себя человѣкомъ; такъ точно превращеніе въ птицу условливается набрасываніемъ на человѣческое тѣло окрыленной птичьей шкурки [4]), или такъ называемой пернатой сорочки. Народныя преданія нѣмецкія и славянскія разсказываютъ о прекрасныхъ нимфахъ, которыя, облекаясь въ лебединыя и голубиныя сорочки, летаютъ по воздуху бѣлыми лебедями и голубками, а снимая съ себя эти сорочки — становятся дѣвами (см. I, 540; II, 217; III, 187—193). Локи выпросилъ у Фреи ея соколью одежду (vals-hamr = falkengewand) и полетѣлъ быстрымъ соколомъ; а великанъ Тіасси, нарядившись въ одежду орлиную, преслѣдовалъ его, какъ орелъ; одна изъ валькирій, предаваясь воздушному

---

[1]) D. Myth., 1042, 1051. — [2]) Громаннъ, 56—57, 201. — [3]) Zarysy domowe, III, 172—3. — [4]) Рыбник., IV, 229—230.

полету, набрасывала на себя krähengewand [1]). Сказка, занесенная въ сборникъ Боричевскаго [2]), упоминаетъ о превращеніи вѣдьмы въ огромнаго сокола. Въ Германіи увѣряютъ, что колдуны оборачиваются въ вòроновъ, а вѣдьмы — въ ворóнъ [3]); въ областныхъ русскихъ говорахъ каркýнъ означаетъ и вòрона, и завистливаго человѣка, который можетъ сглазить, изурочить; каргá — ворòна и бранное названіе злой бабы или вѣдьмы («ахъ, ты старая карга!»). Наконецъ вѣщица — не только вѣдьма, но и сорока [4]). Согласно съ своими демоническими наклонностями, вѣдьмы по преимуществу обращаются въ зловѣщихъ, темнопёрыхъ и ночныхъ птицъ: лат. strix, род. strigis (στρίγξ) — ночная птица, сова, привидѣніе и колдунья, занимающаяся порчею дѣтей; чешск. střiha, словац. stryga, пол. strzyga — вѣдьма, хорут. и хорв. strigoń — упырь [5]). Напротивъ о голубѣ существуетъ въ воронежской губ. повѣрье, что эта птица преисполнена такой чистоты и святости, что ни одна вѣдьма не въ силахъ воспринять ея образа [6]). Больше всего вѣдьмы любятъ превращаться въ сорокъ. О происхожденіи этихъ послѣднихъ разсказываютъ на Руси, что въ стародавніе годы обернулась нѣкая вѣдьма сорокою, да такъ навсегда и осталась птицею; съ тѣхъ поръ и явились на бѣломъ свѣтѣ сороки [7]). По свидѣтельству народной пѣсни, Марина Мнишекъ (признанная современниками за чародѣйку) въ ту самую ночь, когда разразилась московская смута, оборотилась сорокою и улетѣла изъ царскихъ теремовъ [8]). Въ олонецкой губ. сохраняется преданіе, будто одинъ старикъ поймалъ сороку за

---

[1]) Germ. Mythen, 691. — [2]) Пов. и пред., 107–111. — [3]) D. Myth., 1052. — [4]) Обл. Сл., 34, 80; Вятск. Г. В. 1847, 45. — [5]) D. Myth., 992, 1088; Дифенбахъ, II, 343. — [6]) Ворон. Г. В. 1850, 20. — [7]) Духъ Христіан. 1861–2, XII, 270. — [8]) Кирша Дан., 104.

хвостъ, но она вырвалась и улетѣла, а въ рукахъ старика осталась женская рубашка: пойманная имъ сорока была вѣдьма [1]). Народная сказка говоритъ о вѣдьмѣ, которая прилетала къ своему любовнику птицею, и снимая съ себя перья—являлась передъ нимъ страстною женщиной [2]). Въ томской губ. думаютъ, что для такого превращенія вѣдьмѣ необходимо бучное корыто: намекъ на поэтическое представленіе грозы стиркою облачныхъ тканей въ дождевомъ щелокѣ. Ложась подъ это корыто, она тотчасъ-же выпархиваетъ оттуда сорокою, при чемъ руки ея преобразуются въ крылья [3]). Любопытенъ разсказъ Татищева: «въ 1714 году (говоритъ онъ) заѣхалъ я въ Лубны къ фельдмаршалу графу Шереметеву и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася. Я хотя много представлялъ, что то неправда и баба на себя лжетъ, но фельдмаршалъ нимало мнѣ не внималъ». Послѣ долгихъ увѣщаній баба призналась, что наклепала на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не вѣдаетъ; казнь была отмѣнена и несчастную знахарку сослали въ монастырь подъ начало [4]). По словамъ простолюдиновъ, въ Москвѣ потому не видно сорокъ, что въ былое время въ видѣ этихъ птицъ прилетали сюда вѣдьмы, и одна изъ нихъ похитила частицу св. причастія, а митрополитъ Алексѣй проклялъ за это сорокъ и запретилъ имъ приближаться къ первопрестольному граду [5]). Чтобы напугать вѣдьмъ, крестьяне убиваютъ сороку и вѣшаютъ ее возлѣ коровниковъ и конюшенъ. Кромѣ того, вѣдуны и вѣдьмы могутъ превращаться и въ нѣкоторые неодушевленные предме-

---

[1]) Описаніе олон. губ. Дашкова, 190—1. — [2]) Н. Р. Ск., VIII, 16, а. — [3]) Этн. Сб., VI, 148. — [4]) Истор. Росс., I, 110—1. — [5]) Иллюстр. 1845, 415.

ты: въ клубокъ нитокъ (о чемъ сказано выше, стр. 467), въ снѣжный комъ, камень и копну сѣна [1]), что без сомнѣнія стоитъ въ связи съ уподобленіемъ скученныхъ облаковъ пряжѣ, скаламъ, стогамъ и копнамъ.

Народный эпосъ любитъ останавливаться на таинственной наукѣ оборотничества и нерѣдко заставляетъ своихъ героевъ

По темнымъ лѣсамъ летать чернымъ ворономъ,
По чисту полю скакать сѣрымъ волкомъ,
По крутымъ горамъ тонкимъ, бѣлымъ горностаемъ,
По синимъ морямъ плавать сѣрой утушкою [2]).

Богатырь Волхъ Всеславьевичъ, имя и подвиги котораго указываютъ на его чародѣйное значеніе (когда онъ родился — сотряслось все царство индѣйское), съ дѣтства учился тремъ премудростямъ: оборачиваться яснымъ соколомъ, сѣрымъ волкомъ и гнѣдымъ туромъ - золотые рога; далѣе былина разсказываетъ, что онъ оборачивался горностаемъ и мурашкою. Царь Афромей, по свидѣтельству былины объ Иванѣ Годиновичѣ,

Скоро вражбу (ворожбу) чинилъ:
Частыя поля туромъ перескакалъ,
Темные лѣса соболемъ пробѣжалъ,
Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ [3]).

Слово о полку замѣчаетъ о князѣ Всеславѣ, что у него вѣщая душа была въ тѣлѣ, что онъ «въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Кыева дорискаше до куръ (= до пѣтуховъ)

---

[1]) Абев., 79. — [2]) Рыбник., I, 434; IV, 95 - 96. — [3]) Кирша Дан., 47, 50—51, 142. Въ одной изъ великорусскихъ пѣсень (О. З. 1860, V, 110) дѣвица, отданная замужъ въ чужедальнюю сторону, прилетаетъ оттуда на родину горемычною кукушкою, а въ другой сёстры идутъ искать своего милаго брата:

Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середняя сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.

Тмуторокaня, великому Хръсови [1]) влъкомъ путь прерыскаше» [2]), т. е. достигалъ Тмутаракани до разсвѣта, предупреждая восходъ Солнца.

Въ зимніе мѣсяцы небо и царствующія на немъ свѣтила помрачаются густыми туманами, богъ-громовникъ перестаетъ разить демоновъ и заключается въ окованныя стужею тучи; такимъ образомъ всѣ свѣтлые боги облекаются въ темные облачные покровы и теряютъ свою благодатную силу, или выражаясь миѳически: надѣваютъ мохнатыя одежды, дѣлаются оборотнями и подчиняются злой чародѣйкѣ Зимѣ. Въ ту печальную пору колдуны, вѣдьмы и демоническіе духи овладѣваютъ небеснымъ царствомъ, набрасываютъ на боговъ волчьи и другія звѣриныя шкуры, превращаютъ ихъ въ миѳическихъ животныхъ, въ о̀бразахъ которыхъ и пребываютъ они до начала весны. Такое невольное превращеніе въ сказаніяхъ индоевропейскихъ народовъ называется околдованіемъ, зачарованіемъ, заклятіемъ. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія уже были приведены и объяснены нѣкоторыя изъ этихъ сказаній (см. I, 787-793 — о свиномъ чехлѣ и добромъ молодцѣ Незнайкѣ, который рядится въ воловью шкуру); но эпосъ народный чрезвычайно богатъ подобными поэтическими изображеніями, и мы позволяемъ себѣ указать еще нѣсколько примѣровъ. Остановимся на сказкѣ о

---

[1]) О значеніи Хорса см. статьи Бодянскаго — въ Ч. О. И. и Д., годъ 1-й, II, 8—11, Срезневскаго — въ Ж. М. Н. П. 1846, VII, 49-51, и Прейса—ibid. 1841, II, 31—37. Имя Хорсъ (Хърсъ, Хръсъ) встрѣчается во многихъ старинныхъ памятникахъ (П. С. Р. Л., I, 34; Изв. Ак. Н. 1853, 118; Лѣт. рус. лит., кн. V, 5; т. IV, 89, 92-99, 104; Оп. Румян. Муз., 228; Пам. стар. рус. литер., III, 119; Щаповъ, 8); изслѣдователи признаютъ его тождественнымъ Дажьбогу: въ санскр. солнце—sûrya (ведаич. sûr, sûra) = svarya отъ svar—свѣтъ, небо: слову svar въ зендскомъ соотвѣтствуетъ hvarĕ, род. hûrô—солнце, перс. chûr, hôr, осс. chur (Пикте, II, 667). — [2]) Рус. Дост., III, 196—200.

заклятыхъ дѣтяхъ. «Еслибъ Иванъ-царевичъ взялъ меня за́мужъ (говоритъ красная дѣвица), я бы родила ему сыновей— по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ, или: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ, по косицамъ частыя звѣзды». Иванъ-царевичъ взялъ за себя дѣвицу; пришло время, родила ему царевна сыновей—такихъ ненаглядныхъ, какихъ обѣщала; но злая вѣдьма (иногда ее замѣняютъ завистливыя сёстры: пряха, что съ помощію одного веретена можетъ одѣть все царство, и искусная ткачиха, обѣщающая выткать коверъ-самолётъ, т. е. вѣщія жены, изготовительницы облачныхъ тканей, и вмѣстѣ съ тѣмъ злыя парки) подмѣняетъ ихъ щенками и котятами, а настоящихъ дѣтей прячетъ въ подземелье возлѣ стараго дуба. Родила еще царевна сына-богатыря и успѣла скрыть его отъ вѣдьмы за пазухой; между тѣмъ ее осудили, посадили въ смоленую бочку, оковали желѣзными обручами и пустили въ океанъ-море глубокое, а Иванъ-царевичъ женится на дочери хитрой волшебницы. Долго носило бочку по морю и наконецъ прибило къ далекому берегу, а тѣмъ временемъ сынъ-богатырь ростетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ тѣсто на опарѣ всходитъ; выросъ, потянулся—и вмигъ бочку разорвало, желѣзные обручи поспадывали. Мать съ сыномъ выходитъ изъ бочки; богатырь съ помощію кремня и огнива, топора и дубинки (эмблемы молніи) строитъ славный дворецъ, добываетъ разныя диковинки (мельницу, которая сама мелетъ, сама вѣетъ, пыль на сто верстъ мечетъ, кота-баюна, который пѣсни поетъ, сказки сказываетъ, и золотое дерево съ пѣвчими на немъ птицами) и освобождаетъ изъ подземелья братьевъ. Доходитъ о томъ слухъ до Ивана-царевича; онъ пріѣзжаетъ посмотрѣть на диковинки — тутъ все изобличается, вѣдьму предаютъ казни, и царевичъ беретъ къ себѣ прежнюю

жену. Интересенъ варіантъ, записанный въ пермской губерніи: молодая царица родила трехъ чудесныхъ младенцевъ; баба-яга вызвалась быть повитухою, оборотила царевичей волчатами, а взамѣнъ ихъ подложила простаго крестьянскаго мальчика. Царь разгнѣвался на жену, велѣлъ посадить ее вмѣстѣ съ ребенкомъ въ бочку и пустить въ синё море. Бочка пристаетъ къ пустынному берегу и разваливается; царица и подкидышъ выходятъ на сухое мѣсто, молятъ Бога даровать имъ хлѣбъ насущный, и по ихъ молитвѣ превращается вода въ молоко, а песокъ въ кисель. Проходили мимо нищіе и нимало дивилися, что вотъ живутъ себѣ люди— о хлѣбѣ не думаютъ: подъ руками рѣка молочная, берега кисельные; пришли къ царю и разсказали ему про то диво неслыханное. А царь уже успѣлъ на другой жениться — на дочери бабы-яги. Услыхала тѣ рѣчи новая царица, выскочила и крикнула: «экое диво разсказываютъ! у моей матушки есть получше того: кувшинъ о семи рожкахъ — сколько ни ѣшь, сколько ни пей, все не убываетъ». Этими словами она отуманила царя: то хотѣлъ было ѣхать, на диво посмотрѣть, а то и думать пересталъ. Когда свѣдалъ про это подкидышъ, тотчасъ-же собрался въ путь и унесъ у бабы-яги завѣтный кувшинъ. Снова заходятъ къ царю нищіе, разсказываютъ про рѣку молочную, берега кисельные и кувшинъ о семи рожкахъ. Ягинишна выскочила: «нашли, говоритъ, чѣмъ хвастаться! у моей матушки получше того: зеленый садъ, въ томъ саду птицы райскія, поютъ пѣсни царскія». Подкидышъ отправился садъ добывать, обошелъ вокругъ него, и произнеся заклятіе: «какъ дуетъ вѣтеръ, такъ лети за мною зеленый садъ!» заигралъ въ дудочку — и въ туже минуту деревья двинулись съ мѣста и послѣдовали за своимъ вожатымъ. Тогда ягинишна стала похваляться зеркальцемъ: «у моей матушки есть почище того: чудное зеркальце—какъ взгля-

нешь въ него, такъ сразу весь свѣтъ увидишь!» Подкидышъ заказалъ кузнецу сковать три прута желѣзные да щипцы, пришелъ къ бабѣ-ягѣ, поймалъ ее за языкъ щипцами, началъ бить прутьями желѣзными и заставилъ отдать себѣ зеркальце. Принесъ зеркало домой; царица глянула въ него и увидѣла своихъ дѣтокъ волчатами— на чистой полянѣ, промежь густаго орѣшника, по травкѣ-муравкѣ валяются. Подкидышъ вызвался на новое дѣло: онъ пришелъ на поляну, и пока волчата спали—развелъ костеръ и связалъ у нихъ хвосты въ одинъ крѣпкой узелъ, да какъ крикнетъ зычнымъ голосомъ: «не пора спать, пора вставать!» Волчата вскочили и рванулись бѣжать въ разныя стороны — волчьи шкуры съ нихъ мигомъ слетѣли, и явились три добрыхъ молодца, три родныхъ братца. Подкидышъ схватилъ волчьи шкуры и бросилъ въ огонь; когда онѣ сгорѣли, братья воротились къ матери. Услыхалъ царь про царицу и царевичей, не вытерпѣлъ, поѣхалъ къ нимъ и узналъ все, что было; въ тотъ-же день онъ приказалъ разстрѣлять бабу-ягу вмѣстѣ съ ея дочкой. Сказка эта передается еще съ слѣдующими отмѣнами: царица породила двухъ сыновей и третью дочь-красавицу, которая когда улыбалась—розы сыпались, а когда плакала—вмѣсто слезъ алмазы съ бриллiантами падали. При самомъ рожденiи дѣти подмѣняются щенками да котятами; впослѣдствiи царевичи были превращены въ камни, а царевна добываетъ птицу-говорунью, поющее дерево и живую воду; этою водою она возвращаетъ братьевъ къ жизни, колдовство рушится и правда торжествуетъ надъ злобою [1]). Въ нѣмецкой редакцiи поющее дерево названо sonnenbaum, а живая вода — springende wasser; на солнечномъ деревѣ красуются золотые плоды и блескъ ихъ такъ силенъ, что прогоняетъ ночную тьму. Подоб-

[1]) Н. Р. Ск., VI, 68 - 69; VIII, 553 - 6.

ныя сказки составляютъ общее наслѣдіе индоевропейскихъ народовъ [1]). Вниманіе наше прежде всего останавливается на тѣхъ чудесныхъ примѣтахъ, съ какими рождаются на свѣтъ царевичи: во лбу красное солнце, на затылкѣ свѣтёлъ мѣсяцъ, по бокамъ (или косицамъ) часты звѣзды; по колѣна ноги въ золотѣ, по локоть руки въ серебрѣ; волоса у нихъ золотые или на каждомъ волоскѣ по жемчужинѣ; сымая свои шапочки, они все вокругъ себя освѣщаютъ яркими лучами [2]). Такія примѣты указываютъ, что это—не простые смертные, а свѣтлые боги, представители высокаго неба и тѣхъ блестящихъ свѣтилъ, которыя присвоены имъ, какъ всегда-присущіе аттрибуты. Красное солнце во лбу напоминаетъ глазъ Одина, мѣсяцъ на затылкѣ—лунный серпъ, вѣнчающій голову Діаны, частыя звѣзды по тѣлу —многоочитаго Аргуса; золотые волосы, руки и ноги суть поэтическія обозначенія солнечныхъ лучей. Сестрою этихъ сказочныхъ героевъ является прекрасная дѣва Зоря, разсыпающая по небу розовые цвѣты и роняющая алмазныя слезы въ утренней и вечерней росѣ. Въ соотвѣтственной новогреческой сказкѣ [3]) прямо указано, что царицею были рождены Солнце, Луна и Денница (о миѳической связи денницы съ зорею см. I, 86-88). Рожденіе Солнца праздновалось на Коляду, когда оно поворачиваетъ на лѣто; но этотъ поворотъ совпадаетъ съ самыми сильными морозами, вьюгами, мятелями и самымъ неистовымъ гульби-

---

[1]) Slov. pohad., 470—7; Пантеонъ 1854, V, смѣсь, 1—4; Матер. для изуч. нар. слов., 32—33, 57—72; Ганъ, 69; Рус. Вѣст. 1857, V, 32 (о древне-французской поэмѣ: „Le chevalier au Cygne"); Вольфъ, 168—177; Zeitschr. für D. Myth., I, 453—8. — [2]) Н. Р. Ск., VI, 62; Худяк., III, стр. 131; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853, 167; сб. Валявца, 124; Шлейхеръ, 10; Срп. припов., стр. 74: „чадо златоруко и златокосо", стр. 128: дѣва съ звѣздою на правомъ колѣнѣ; D. Myth., 364; сказ. Грим., I, стр. 56; Шоттъ, 16, 23; Поэт. Воз., I, 699. — [3]) Ганъ, II, стр. 40.

щемъ нечистыхъ духовъ и вѣдьмъ. Злая колдунья Зима тотчасъ-же овладѣваетъ свѣтоносными героемъ и его братьями и обращаетъ ихъ въ волчатъ (на языкѣ Эдды: зима — wolfzeit); подмѣнъ новорожденныхъ щенками и котятами обозначаетъ туже мысль: боги ли превращаются въ звѣрей, или звѣри заступаютъ ихъ мѣсто — это только различныя формы выраженія, суть же остается неизмѣнною. Сверхъ того, фантазія воспользовалась и другими метафорическими выраженіями: вѣдьма прячетъ новорожденныхъ въ темныя подземелья (= въ мрачные вертепы тучъ) и даже подвергаетъ ихъ окаменѣнію. Но съ приходомъ весны владычество темныхъ силъ оканчивается: богъ-громовникъ, заключенный въ бочку-облако, несется по воздушному океану, разрываетъ свою темницу и творитъ молочныя рѣки и кисельные берега, т. е. пускаетъ на землю дождевые потоки и производитъ грязи (II, 134-5); окаменённые герои оживаютъ, а превращенные сбрасываютъ съ себя чуждыя имъ звѣриныя шкуры и предстаютъ во всей своей несказанной красотѣ. Такой актъ освобожденія совершается тотчасъ, какъ скоро добыта живая или «прыгающая» вода, т. е. какъ скоро прольется съ неба дождь и зимніе льды и снѣга претворятся въ журчащіе, скачущіе съ горъ потоки. Вотъ почему сказки заставляютъ богатыря - громовника или по другимъ варіантамъ: красавицу - Зорю (богиню весны) съ такою неустанною заботою отыскивать и отымать у вѣдьмы разныя диковинки = знаменія творческихъ силъ природы. Неисчерпаемый кувшинъ соотвѣтствуетъ тѣмъ урнамъ, изъ которыхъ небесныя богини слали на поля и нивы плодородящіе дожди; дерево съ золотыми плодами есть дерево туча, съ которымъ преданія связываютъ источники живой воды; оно названо поющимъ, потому что съ нимъ нераздѣльно представленіе о пѣсняхъ, заводимыхъ весеннею грозою; на томъже основаніи птица-туча названа говоруньей, а миоиче-

скому коту (donnerkatze) придань эпитетъ баюна (отъ глагола баять). О чудесной мельницѣ и летучемъ садѣ сказано было выше (I, 295; II, 292). Въ числѣ другихъ диковинокъ богъ-громовникъ отымаетъ у вѣдьмы славное зеркальце, въ которое можно видѣть весь міръ, т. е. выводитъ изъ-за тучъ все-озаряющее солнце, издревле уподобляемое зоркому глазу и блестящему металическому щиту или зеркалу; щипцы, которыми тянетъ онъ за языкъ бабу-ягу, и желѣзные прутья, которыми бьетъ ее — символы разящихъ молній: тѣми-же орудіями побѣждаютъ богатыри и чертей, и драконовъ. Снятыя съ царевичей волчьи шкуры сожигаются на кострѣ, т. е. въ грозовомъ пламени.

Сила околдованія или заклятія превращаетъ сказочныхъ героевъ различными звѣрями (волкомъ, медвѣдемъ, рысью, конемъ, собакою, козломъ и бараномъ), чудовищными змѣями (см. II, 621-5) и гадами (жабою, лягушкою и пр. [1]), и во всѣхъ этихъ метаморфозахъ главное значеніе принадлежитъ шкурѣ животнаго. Въ Бѣлоруссіи для тѣхъ оборотней, которые являются въ видѣ жабъ, лягушекъ и кошекъ, употребительны названія: жабалàка и кошкалáчень, названія, образовавшіяся на подобіе слова вовкулакъ и буквально-означающія: жабью (лягушечью) и кошачью длаку [2]). По свидѣтельству народной сказки, царевна-лягушка освобождается отъ заклятія послѣ сожженія ея лягушечьей кожурины; точно также предаются огню змѣиная сорочка, свиной кожухъ и другія шкуры, въ которыя рядятся очарованные царевичи и царевны. На Руси хранится такое преданіе: красавица, превращенная мачихой-вѣдьмою въ рысь,

---

[1]) Н. Р. Ск., II, 29; IV, 45; VI, 50; VII, 27, 43; VIII, 12; сказ. Грим., 11, 92, 141; Ганъ, 14, 31, 100; Вольфъ, 9—15, 206—216, 304; Срп. припов., 9, 10. — [2]) Москв. 1853, V, 6.

прибѣгала къ своему осиротѣлому ребенку, сбрасывала съ себя звѣриную шкурку и кормила его материнскою грудью, а накормивъ — снова оборачивалась рысью и удалялась въ дремучій лѣсъ; мужъ красавицы, улучивъ удобную минуту, захватилъ звѣриную шкурку, спалилъ ее на огнѣ, и тѣмъ самымъ освободилъ свою подругу отъ волшебнаго очарованія. Въ норвежской сказкѣ [1]) одинъ изъ королевичей, превращенныхъ въ жеребятъ, говоритъ своему избавителю: «возьми этотъ старый мечь; въ день твоей свадьбы ты долженъ отрубить намъ головы и снять лошадиныя кожи; тогда мы опять сдѣлаемся людьми. Злой тролль набросилъ на насъ эти кожи — и мы стали жеребятами.» Подобное указаніе встрѣчается и въ сказкахъ нѣмецкихъ и славянскихъ [2]); мечь—метафора молніи, которая, нанося ударъ оборотню, совлекаетъ съ него облачный покровъ. Наряду съ этими преданіями существуютъ другія—о превращеніи зачарованныхъ царевичей въ птицъ. Такъ, по свидѣтельству русской сказки [3]), дѣти, рожденныя по колѣна въ серебрѣ, по грудь въ золотѣ, съ мѣсяцемъ во лбу и звѣздами по бокамъ, были превращены въ голубей, и только тогда приняли человѣческіе образы, когда у нихъ вырвали изъ хвостовъ по перу, что равносильно снятію пернатой одежды. По другому указанію, возстановленіе человѣческихъ формъ условливается сожженіемъ птичьей шкурки и крыльевъ [4]). Норвежская сказка [5]) говоритъ о вѣдьмѣ (trollxehe), которая оборотила двѣнадцать королевичей дикими утками; но королева родила еще дочь—бѣлую что снѣгъ и румяную что кровь. Новорожденная была названа Schneeweiss-Rosenroth; она является въ той-же роли избавительницы, какую въ выше-

---

[1]) II, 1. – [2]) Сб. Валявца, 136–141; сказ. Грим., 57; Вольфъ, 242. — [3]) Н. Р. Ск., VI, 68, d. — [4]) Н. Р. Ск., IV, 46; VIII, 17 и стр. 141; сказ. Грим., 135. — [5]) II, 3.

приведенной сказкѣ исполняетъ богиня Зоря. Бѣлоснѣжка выросла и отправилась искать братьевъ; послѣ долгаго странствованія, ей удалось достигнуть своей цѣли. «Для того, чтобы избавить насъ, сказали ей королевичи, ты должна набрать пуху съ цвѣтовъ одуванчика, расчесать этотъ пухъ, выпрясть, выткать и сшить намъ двѣнадцать сорочекъ и столько-же шапочекъ и шейныхъ платочковъ; во все время этой работы ты обязана ни говорить, ни плакать, ни смѣяться.» Бѣлоснѣжка согласилась и братья повели ее на широкій лугъ, на которомъ пестрѣли одуванчики. Всякій день она собирала мягкій пухъ и долго сидѣла за пряжею, дожидаясь братьевъ. Однажды, когда прекрасная королевна собирала пухъ съ цвѣтовъ, вблизи того мѣста охотился молодой король. Онъ увидалъ Бѣлоснѣжку, и пораженный ея красотою, остановился и повелъ было рѣчь; но дѣвица упорно молчала. Король посадилъ ее на коня и увезъ къ себѣ, вмѣстѣ съ мѣшкомъ, въ которомъ лежала начатая ею работа. Вскорѣ онъ задумалъ на ней жениться; но его мачиха была противъ этого брака: «смотри, говорила она, чтобъ не взять за себя вѣдьмы! вѣдь не даромъ же она все молчитъ, не плачетъ и не смѣется». Король не послушался и женился. Бѣлоснѣжка и послѣ свадьбы продолжала шить братнины сорочки. До истеченія года она родила сына; но злая мачиха вошла ночью въ спальню, унесла ребенка и бросила его въ змѣиную яму, потомъ разрѣзала свой палецъ, обрызгала кровью губы спящей матери и сказала королю: «ступай-посмотри: твоя жена съѣла свое собственное дитя!» Король сильно запечалился, но, любя жену, простилъ ее. На другой годъ Бѣлоснѣжка опять родила сына, а на третій—дочь; старая королева выкрала и этихъ дѣтей. Тогда раздраженный отецъ отдалъ приказъ сжечь свою жену на кострѣ. Приготовили костёръ, зажгли и повели Бѣлоснѣжку; она захватила съ собой и свое рукодѣлье: только сорочка младшаго брата была не до-

шита, все остальное было готово. Вдругъ послышался шумъ въ воздухѣ — прилетѣло двѣнадцать дикихъ утокъ, всякая ухватила свое платье въ носикъ и накинула на себя, и въ туже минуту всѣ двѣнадцать превратились въ королевичей; только у меньшаго брата, вмѣсто лѣвой руки, осталось утиное крыло. Срокъ испытанія кончился; Бѣлоснѣжка могла говорить, плакать и смѣяться; истина открылась и злоба мачихи была наказана [1]). Съ перваго взгляда свидѣтельство этой сказки какъ-бы противорѣчитъ сдѣланнымъ нами выводамъ: не совлеченіе, а напротивъ накладываніе верхнихъ покрововъ возвращаетъ превращеннымъ королевичамъ ихъ настоящіе ὀбразы. Но вглядимся ближе, и мы увидимъ, что никакого противорѣчія не существуетъ. По древнему представленію, тѣло есть одежда (lik-hamr), въ которую облекается безсмертный духъ на извѣстное время; это—та жизненная сорочка, изготовляемая дѣвами судьбы, въ какой является на божій свѣтъ новорожденное дитя (см. стр. 359—360). Отсюда возникло вѣрованіе, что душа можетъ мѣнять свой тѣлесный покровъ, воплощаться то въ одну, то въ другую форму. Вотъ почему какъ набрасываніе мохнатой шкуры или пернатой сорочки (т. е. звѣриной или птичьей тѣлесной оболочки) превращаетъ человѣка звѣремъ и птицею, такъ точно набрасываніе людской одежды (= körperhemd, fleischgewand) должно возвращать оборотню образъ и подобіе человѣка [2]). По народному убѣжденію, если унести человѣческое платье оборотня, то онъ уже не въ силахъ будетъ возста-

---

[1]) См. подобныя-же сказки въ собраніи Грим., 9, 25, 49, 93; Вольфъ, 217—224; Zeitsch. für D. M., I, 310—5; Westsl. Märch., 112—6; Slov. pohad., 275—295; сб. Валявца, 218—221: „Mati zaklela sine na gavrane". — [2]) Germ. Mythen, 691: „Da nannte man hamaz das Gewand umziehen, die Verwandlung hiess hamaskipti".

новить свой прежній образъ и останется навсегда звѣремъ; отъ того-то вѣдунъ, снимая одежду — съ цѣлію перекинуться въ звѣря, старается запрятать ее такъ, чтобы никто не могъ найдти и овладѣть ею. Въ старинной французской повѣсти (Lai du Bisclavaret—XIII в.) разсказывается объ одномъ рыцарѣ, проживавшемъ въ Бретани; каждую недѣлю онъ уходилъ отъ своей молодой жены, раздѣвался донага, пряталъ снятое платье, и превращаясь въ волка, въ теченіи трехъ дней оставался въ лѣсу. Коварная жена выпытала отъ мужа тайну, и похитила его платье; съ тѣхъ поръ онъ рыскалъ волкомъ и не прежде сдѣлался человѣкомъ, какъ получивъ обратно свою похищенную одежду [1]). Возвращаемся къ Бѣлоснѣжкѣ и ея братьямъ: возстановленіе человѣческаго образа совершается при посредствѣ тонкой, вытканной изъ пуха цвѣтовъ сорочки. Въ нѣмецкой редакціи героиня, чтобы избавить братьевъ, превращенныхъ вѣдьмою въ лебедей, приготовляетъ для нихъ сорочки изъ цвѣтовъ sternenblumen [2]); а въ хорутанской редакціи братья-вороны требуютъ отъ сестры рубашекъ «iz samih perlov i dragih kamenov, i da pod ovim časom dok bude ove rubače delala, z nikem se ne bu spominjala» [3]). Эти сорочки тождественны съ тѣми чудесными нарядами, блистающими какъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды, о которыхъ упоминаютъ другія народныя сказки (I, 787—8).

---

[1]) Какъ-то охотился король; собаки наслѣдили Бисклаварета и страшно его искусали. Увидя короля, волкъ подбѣгаетъ къ нему, цѣлуетъ его ноги и проситъ знаками о пощадѣ. Король взялъ волка съ собою и держалъ въ своей опочивальнѣ; волкъ былъ кротокъ, какъ ягненокъ, и только однажды обнаружилъ звѣрское бѣшенство, бросившись на королевскомъ праздникѣ на свою бывшую жену и откусивъ у нея носъ. Это возбудило подозрѣнія; произвели допросъ, и виновная жена вынуждена была признаться и возвратить рыцарю его платье — О. З. 1860, X, 680—2; D. Myth., 1050. — [2]) Сказ. Грим., 49. — [3]) Сб. Валявца, 219.

Одѣтые во время зимы въ животненныя шкуры, небесные боги просвѣтляются съ возвратомъ весны = рядятся въ блестящія, свѣтозарныя одежды, и съ тѣмъ вмѣстѣ снова обрѣтаютъ тѣ прекрасныя человѣкоподобныя формы, въ какихъ обыкновенно олицетворяла ихъ фантазія. Этотъ счастливый исходъ возможенъ только подъ условіемъ, чтобы сказочная героиня не плакала, не смѣялась и не говорила цѣлыя семь лѣтъ [1]), т. е. освобожденіе наступаетъ не прежде, какъ по истеченіи семи зимнихъ мѣсяцевъ, въ продолженіе которыхъ дѣва Зоря (= царевна Несмѣяна) не плачетъ = не роняетъ росы и не смѣется = не разсыпаетъ розовыхъ, золотистыхъ лучей; въ туже печальную пору она, какъ богиня весеннихъ грозъ, пребываетъ безчувственной и нѣмою = не льетъ дождевыхъ слезъ и не вѣщаетъ громовыхъ глаголовъ.

Приписывая превращенія вліянію злаго колдовства и въ тоже время признавая души человѣческія за существа стихійныя, способныя мѣнять свои тѣлесныя одежды (см. стр. 230, 301), предки наши пришли къ убѣжденію, что колдуны, вѣдьмы и нечистые духи, могутъ превращать людей въ различныхъ животныхъ. Убѣжденіе это глубоко вкоренилось у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и вызвало множество любопытныхъ сказаній. На Руси думаютъ, что колдунъ, зная имя человѣка, можетъ по собственному произволу сдѣлать его оборотнемъ; а потому имя, данное при крещеніи, необходимо утаивать и называться инымъ, вымышленнымъ. Въ пылу злобы и мщенія колдуны и вѣдьмы творятъ чары и оборачиваютъ своихъ недруговъ навсегда или на извѣстный срокъ звѣрями. На Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи такихъ невольныхъ оборотней называютъ вовкулаками, потому что всего чаще ихъ представляютъ въ видѣ волковъ. Это — болѣе страждущія, чѣмъ зловредныя существа; они живутъ въ берлогахъ, рыскаютъ по лѣ-

---

[1]) D. Myth., 1052.

самъ, воютъ по волчьи, но сохраняютъ человѣческій смыслъ и почти никогда не нападаютъ на деревенскія стада; только нестерпимый голодъ можетъ понудить ихъ искать себѣ поживы. Нерѣдко бродятъ они возлѣ роднаго села, и когда завидятъ человѣка, смотрятъ на него такъ жалостливо, какъ будто умоляютъ о помощи; случалось замѣчать при этомъ, что изъ глазъ бѣднаго вовкулака струились въ три ручья слёзы; сыраго мяса, которое ему предлагаютъ, онъ не беретъ, а брошенный кусокъ хлѣба поѣдаетъ съ жадностью. Одинъ пригожій юноша презрѣлъ любовь вѣдьмы, и вскорѣ его постигло жестокое мщеніе: разъ поѣхалъ онъ за дровами, остановился въ лѣсу, взялся за топоръ и только что замахнулся на дерево — какъ руки его превратились въ волчіи лапы, а затѣмъ и весь онъ покрылся мохнатою шкурою; несчастный бросился къ своимъ воламъ, но тѣ въ испугѣ шарахнулись въ сторону; хотѣлъ было остановить ихъ своимъ голосомъ, но вмѣсто людской рѣчи раздался протяжный дикій вой. Другая вѣдьма оборотила волкомъ своего сосѣда, который впослѣдствіи, когда освободился отъ заклятія, разсказывалъ, что, будучи оборотнемъ, онъ подружился съ настоящимъ волкомъ, ходилъ съ нимъ на добычу, и хотя чувствовалъ себя человѣкомъ, но не могъ выражать своихъ мыслей словами, а вылъ по-волчьи [1]). Выше указано, что въ лѣтнихъ грозахъ древній человѣкъ созерцалъ свадебное торжество, брачный союзъ, въ который богъ громовникъ вступалъ съ облачными нимфами. Чтобы воспрепятствовать этому благодатному союзу, злая вѣдьма Зима накидывала на нихъ волчьи шкуры, т. е. оцѣпеняла стужею и лишала плодотворящаго сѣмени дождя. Отсюда родилось повѣрье, что колдуны и вѣдьмы всего чаще оборачива-

---

[1]) Москв. 1846, XI—XII, 152; Кулишъ, II, 35—36; Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 8—9; Рус. Вѣст. 1842, V—VI, 123; Совр. 1856, XII, 194; Пов. и пред., 91—96.

ютъ въ волковъ или собакъ новобрачную чету и свадебныхъ поѣзжанъ [1]). Въ числѣ вѣдовскихъ грѣховъ народный стихъ упоминаетъ:

По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала [2]).

У бѣлоруссовъ сохраняется преданіе, что нѣкогда праздновалась свадьба, и вдругъ нежданно-негаданно среди шумнаго веселья, женихъ и всѣ прочіе мущины были превращены чародѣемъ въ волковъ, женщины — въ сорокъ, а невѣста — въ кукушку; съ той самой поры эта горемычная кукушка носится слѣдомъ за своимъ суженымъ и роняетъ несчетныя слезы; тамъ, гдѣ она пролетаетъ, текутъ ручьи и ростетъ трава, извѣстная подъ названіемъ «кукушечьихъ слёзъ» [3]). Скандинавская миѳологія заставляетъ волковъ сопутствовать богу побѣдъ; а потому шведы появленіе вовкулаковъ связываютъ съ военной грозою. Когда, во время послѣдней войны Швеціи съ Россіей, около Кальмара появилось множество волковъ, то между окрестными жителями пронесся слухъ, что эти волки суть шведскіе плѣнники, превращенные чарами непріятеля въ звѣрей и посланные опустошать свое собственное отечество [4]). По указанію старинной былины, чародѣйка Марина, полюбовница Змѣя Горынчища, превратила девять богатырей быками, а десятаго—Добрыню гнѣдымъ туромъ-золотые рога [5]).

Средства, употребляемыя колдунами и вѣдьмами для превращенія людей въ животненные образы, сходятся съ тѣми, силою которыхъ они сами становятся оборотнями. Средства эти

---

[1]) Иллюстр. 1845, 183; Кіев. Г. В. 1845, 16. — [2]) Лѣт. рус. лит., кн. II, 156. — [3]) Иллюстр. 1846, 149. — [4]) Zeitsch. für D. Myth., IV, 197. — [5]) При этомъ Марина похвалялася: «а и нѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе». Но сыскалась волшебница похитрѣе ее: „я не хвастаю, сказала она, а хочешь — оберну тебя сукою!“ — Кирша Дан., 66—69; Нар. Сказ. Сахарова, 30—36.

слѣдующія: а) набрасываніе звѣриной шкуры. Крестьяне увѣряютъ, что въ старые годы случалось, снимая шкуру съ убитой волчицы или медвѣдицы, находить подъ нею бабу въ сарафанѣ. Есть разсказъ, что на охотничьей облавѣ убили трехъ волковъ, и когда стали снимать съ нихъ шкуры, то подъ первою нашли молодаго жениха, подъ второю — невѣсту въ ея вѣнчальномъ уборѣ, а подъ третьей — музыканта со скрипкою [1]). Однажды пристала на дорогѣ къ извощикамъ черная собака — такая умная, что всѣмъ на диво! что̀ ни скажутъ ей — все понимаетъ, только говорить не умѣетъ. «Ужь не оборотень ли это?» подумали извощики и показали собаку знахарю. Тотъ сейчасъ узналъ, что собака—не простая, и говоритъ имъ: «истопите баню, какъ можно жарче, и тащите туда чернаго пса, положите на полокъ и парьте такъ, чтобы шкура долой слѣзла; слѣзетъ шкура — человѣкъ будетъ!» Извощики такъ и сдѣлали: ошпарили оборотня, шкура слѣзла — и сталъ передъ ними знакомый парень изъ сосѣдней деревни; начали его распрашивать, и узнали, что его оборотила собакою старая колдунья [2]). Разсказъ этотъ любопытенъ, какъ отголосокъ древняго представленія, что облачныя шкуры исчезаютъ въ потокахъ дождя = въ грозовой банѣ. — b) Волшебная науза. Чтобы превратить свадебное сборище въ стаю волковъ, колдуны берутъ столько ремней или мо-

---

[1]) Семеньск., 142; Абев., 80; Иллюстр. 1845, 415; Н. Р. Лег., стр. XI: медвѣдь, говорятъ поселяне, былъ прежде человѣкомъ. Когда-то встарину странствовали по землѣ св. Петръ и св. Павелъ. Случилось имъ проходить черезъ деревню около моста. Злая жена и мужъ согласились испугать святыхъ путниковъ, надѣли на себя вывороченныя шубы, притаились въ укромномъ мѣстѣ, и только апостолы стали сходить съ моста — они выскочили имъ на встрѣчу и заревѣли помедвѣжьи. Тогда апостолы сказали: „щобъ же вы ривили отныни и до вика!“ Съ той самой поры и стали они медвѣдями. — [2]) Чудинск., 115—6; сравни Н. Р. Ск., VIII, стр. 678—9.

чалокъ, сколько нужно оборотить лицъ; нашептываютъ на нихъ заклятія, и потомъ этими ремнями или мочалами подпоясываютъ обреченныхъ, которые тотчасъ-же и становятся вовкулаками. Такой оборотень не иначе можетъ получить прежній человѣческій образъ, какъ развѣ въ томъ случаѣ, когда чародѣйный поясъ изотрется и лопнетъ; но и послѣ избавленія долгое время бываетъ дикъ, сумраченъ и нескоро навыкаетъ людской рѣчи [1]). Въ подляшской Руси разсказываютъ, что вѣдьма, съ цѣлію обратить свадебный поѣздъ въ волковъ, скрутила свой поясъ и положила его подъ порогъ избы, гдѣ праздновалась свадьба, и всѣ, кто только переступилъ черезъ поясъ, оборотились волками. По другому разсказу, она крутила для этого липовыя лыки, варила ихъ и приготовленнымъ отваромъ обливала поѣзжанъ. Черезъ три года вѣдьма покрыла каждаго оборотня тулупомъ (человѣческой одеждою = lihhamo), и въ туже минуту всѣ они сдѣлались людьми; только у жениха уцѣлѣлъ волчій хвостъ, потому что случайно не попалъ подъ тулупъ, наброшенный вѣдьмою. По указанію славянскихъ сказокъ, вѣдьма оборачиваетъ добраго молодца конемъ, накидывая на него узду. Нѣмецкія преданія говорятъ о волчьемъ поясѣ и медвѣжьемъ ошейникѣ, чрезъ посредство которыхъ совершается превращеніе въ волка и медвѣдя (см. выше стр. 531-2); на шведскихъ островахъ новобрачные, превращенные въ волковъ, узнаются по кольцамъ, надѣтымъ на ихъ шеи. Въ «Миѳологіи» Гримма, приведенъ разсказъ о гусѣ-оборотнѣ, который однажды покусался съ другою птицею, и та сорвала ему съ шеи волшебную повязку (tüchlein); едва повязка упала — какъ въ тоже мгновеніе гусь превратился въ человѣка. Наконецъ сами колдуны и вѣдьмы, желая преобразить-

[1]) Ворон. Бесѣда, 195; Пов. и пред., 178—9; Lud Ukrain., II, 229.

ся въ звѣрей, набрасываютъ на себя кольцо или кувыркаются черезъ обручи. Польск. przedziergnąć — перевязать узломъ, przedziergnąć się (przedzierzgnąć się) — преобразить, принять иной видъ. По древнѣйшему воззрѣнію, душа, облекаясь въ тѣлесную одежду, соединяется съ нею таинственною связью; какъ скоро эта связь (веревка, цѣпь или кольцо) будетъ разорвана, душа покидаетъ тѣло и остается на свободѣ до новаго воплощенія въ ту или другую матеріальную форму (стр. 357—8). Вотъ почему всякая метаморфоза человѣка (= воплощеніе его души въ звѣриное или птичье тѣло) скрѣпляется наложеніемъ волшебной наузы, а возстановленіе человѣческаго образа требуетъ ея снятія. По другимъ же сказаніямъ, колдунъ или вѣдьма не прежде можетъ превратить человѣка въ звѣря, какъ снявши съ него поясъ, т. е. разрѣшивъ ту связь, которая существуетъ между его душою и человѣческимъ тѣломъ. Въ романской и нѣмецкой средневѣковой литературѣ встрѣчаемъ преданіе о рыцарѣ-лебедѣ. Молодой витязь женился на вѣщей красавицѣ (валькиріи), и она родила ему шесть сыновей и одну дочь; у всѣхъ мальчиковъ на шеяхъ было по золотому ожерелью. Злая свекровь велѣла подмѣнить дѣтей щенятами. Обманутый мужъ зарываетъ невинную жену по̀ поясъ середи двора; надъ головой ея поставили лохань, въ которой дворовая челядь мыла свои руки и отирала ихъ прекрасными волосами несчастной женщины. Такъ пробыла она цѣлыя семь лѣтъ. Между тѣмъ дѣтей ея пріютилъ нѣкій пустынникъ, а робкая лань вскормила ихъ своимъ молокомъ. Когда они выросли, злая свекровь послала слугу снять съ нихъ золотыя ожерелья; слуга пришелъ на̀ рѣку: шестеро братьевъ, въ видѣ лебедей, плавали и рѣзвились по водѣ, а сестра сидѣла на берегу; тутъ-же лежали и золотыя цѣпи. Слуга захватилъ цѣпи и принёсъ въ за̀мокъ; свекровь приказала сковать изъ нихъ кубокъ. Но кузнецъ употребилъ въ

дѣло только одну цѣпь, а прочія спряталъ. Мальчики-лебеди, лишенные ожерельевъ, уже не могли возстановить свои человѣческія формы; они полетѣли на озеро, къ зáмку своего отца, а вслѣдъ за ними пошла и сестра. Обстоятельства слагаются такъ, что отецъ узнаетъ своихъ дѣтей, освобождаетъ красавицу-жену и караетъ преступную мать. Отданныя кузнецомъ ожерелья возвращаютъ пятерымъ сыновьямъ ихъ человѣческіе òбразы, и только шестой, ожерелье котораго было уничтожено, остался навсегда лебедемъ [1]). — с) Народныя сказки свидѣтельствуютъ еще, что колдуны и вѣдьмы превращаютъ людей различными звѣрями и птицами, ударяя ихъ зеленымъ прутикомъ, палкою или плетью (кнутомъ-самобоемъ [2]). Такое вѣрованіе раздѣлялось и греко-италійскимъ племенемъ. Знаменитая чародѣйка Цирцея быстрымъ ударомъ жезла оборотила въ свиней спутниковъ Одиссея; Пикъ былъ наказанъ превращеніемъ въ дятла: едва волшебница коснулась его тростью, какъ онъ тòтчасъ-же сдѣлался пестрокрылою птицею [3]). Эта чудесная трость (wunschruthe) или плеть — эмблема молніи и указываетъ на тѣсную связь оборотничества съ грозовыми тучами; съ этой эмблемою (какъ объяснено выше — II, 423) сочетались противоположныя представленія: съ одной стороны ударъ волшебнаго прута повергаетъ сказочныхъ героевъ въ окаменѣніе и непробудный сонъ (= зимнее оцѣпенѣніе), а съ другой — призываетъ ихъ къ жизни (= къ весеннему творчеству). Тоже двоякое значеніе придается удару волшебнаго прута и въ преданіяхъ о

---

[1]) Потебн., 140; Н. Р. Ск., VII, 36, с; Иличь, 290, Germ. Mythen, 693—6; D. Myth., 399-401, 1049-1052; Nord. Märchenbuch, 107; О. З. 1860, X, 649 — [2]) Такъ колдунъ и его любовница превращаютъ мужика въ кобеля, дятла, воробья и чернаго ворона; тѣмъ-же способомъ самъ колдунъ былъ превращенъ въ жеребца, а его любовница — въ козу или кобылицу — Н. Р. Ск., VIII, 22, 26. — [3]) Одис., X; Пропил., II, 113-4.

вовкулакахъ и оборотняхъ: имъ превращаются люди въ звѣриные образы и наоборотъ имъ-же разрушается сила заклятія и превращенные возвращаются въ среду людей. На Украйнѣ думаютъ, что если ударить вовкулака вилами или цѣпомъ, то онъ тотчасъ же дѣлается человѣкомъ [1]), т. е. богъ-громовникъ, ударяя своей палицей, срываетъ съ него волчью длаку (= разноситъ тучу). Оборотни, т. е. стихійные духи и тѣни усопшихъ, облеченные въ облачныя шкуры, появляются и исчезаютъ вмѣстѣ съ бурными грозами. Съ каждымъ дуновеніемъ вѣтра, съ каждымъ извивомъ молніи и раскатомъ грома, облака и тучи мѣняютъ свои прихотливыя формы, или выражаясь метафорическимъ языкомъ: съ каждымъ ударомъ громовой палицы стихійные духи перекидываются, перебрасываются, кувыркаются, и тѣмъ самымъ какъ-бы переворачиваютъ или перемѣняютъ свои облачныя одежды и переходятъ изъ одного видимаго (тѣлеснаго) образа въ другой. Для того, чтобы обозначить актъ превращенія, народныя сказки и пѣсни употребляютъ выраженія, указывающія на быстрое движеніе, стремительный ударъ и круговой поворотъ: молодецъ «ударился оземь и оборотился собакою»; «колдунъ хлопнулся о сырую землю, сдѣлался сѣрымъ волкомъ и пустился въ погоню», «перекинулся медвѣдемъ, жеребцомъ, добрымъ молодцемъ», «перекинула ся въ сиву зозуленьку»; «колдунъ можетъ окинуться и въ кошку, и въ собаку»; пол. przewierzgnąć и przerzucić — перекинуть перебросить, перевернуть, przewierzgnąć się, przerzucić się, przekinać się — превратиться во что, измѣнить свой образъ; въ томъ-же смыслѣ употребительны серб. проврћи (провргнем) се и прометнути се (сравни: метать, переметчикъ, опрометныя лица — стр. 301): «проврже се црнијем јагњетом», «ах да ми се бувом прометнути!» [2])

[1]) Lud Ukrain., II, 228; Семеньск., 142-3. — [2]) Н. Р. Ск., V, 22; VI, 45; Труды моск. археол. общ., I, в. 2, 241-2.

Въ ближайшемъ сродствѣ съ вѣдунами, вѣдьмами и оборотнями стоятъ упыри или вампиры. Названіе это, упоминаемое въ Паисьевскомъ сборникѣ («а переже того клали требу упиремъ и берегинямъ»), и донынѣ извѣстно почти во всемъ славянскомъ мірѣ. У насъ повѣрья о злобныхъ, блуждающихъ упыряхъ преимущественно уцѣлѣли на Украйнѣ и въ Бѣлоруссіи; это — мертвецы, бывшіе при жизни своей колдунами, вовкулаками и вообще людьми, отверженными церковью, каковы: самоубійцы, опойцы, еретики, богоотступники и прòклятые родителями. Впрочемъ, и въ губерніяхъ великорусскихъ несовсѣмъ исчезло воспоминаніе объ этихъ загробныхъ выходцахъ. По указанію словарей, упырь — колдунъ, превращающійся волкомъ, человѣкъ съ хвостомъ [1]). По мнѣнію малоруссовъ, упыри нарождаются отъ блудной связи вовкулака или чорта съ вѣдьмою [2]), и народная пословица утверждаетъ: «упиръ и непевній усимъ видьмамъ родичъ кревній» [3]). Въ глухую полночь выходя изъ могилъ, гдѣ лежатъ они нетлѣнными трупами, упыри принимаютъ различные òбразы, летаютъ по воздуху (харьков. губ.), рыщутъ на коняхъ по окрестностямъ, подымаютъ шумъ и гамъ и пугаютъ путниковъ, или проникаютъ въ избы и высасываютъ кровь изъ сонныхъ людей, которые вслѣдъ затѣмъ непремѣнно умираютъ; особенно любятъ они сосать кровь младенцевъ. Если сложенныя нàкрестъ руки упыря окоченѣли и онъ не въ состояніи ихъ развести, то прибѣгаетъ къ помощи зубовъ; а зубы у него — словно стальные клыки и сокрушаютъ всякія преграды [4]). Прогрызая двери, онъ прежде всего бросается къ зыбкѣ, высасываетъ кровь ребенка, и потомъ уже нападаетъ на взрослыхъ. Предразсвѣтный крикъ

---

1) Обл. Сл., 239; Труды общ. любит. рос. слов., III, 320. — 2) Маркевич., 78-79. — 3) Номис., 4. — 4) Иличь, 294: у вукодлаковъ желѣзные зубы.

пѣтуховъ заставляетъ упыря мгновенно исчезать, или повергаетъ его окровавленнаго наземь — въ совершенномъ безчувствіи. Посыпая полъ около постелей мелкою солью, замѣчаютъ поутру слѣды ногъ, оставляемые ночнымъ гостемъ; а раскапывая его могилу, находятъ въ ней мертвеца съ свѣжимъ румянцемъ на щекахъ и съ запекшеюся на устахъ кровью [1]). Въ тамбовской губ. [2]) можно услышать слѣдующій разсказъ: ѣхалъ мужикъ мимо кладбища, а ужь стемнѣло. Нагоняетъ его незнакомецъ въ красной рубахѣ и новомъ полушубкѣ; «остановись! говоритъ, возьми меня въ попутчики». — Изволь, садись! Пріѣзжаютъ они въ село, подходятъ къ тому-къ другому дому: хоть ворота и настежъ, а незнакомый говоритъ: «заперто!» — потому что на тѣхъ воротахъ кресты выжжены. Подходятъ къ крайнему дому, ворота на запорѣ и замóкъ въ полпуда виситъ, но креста нѣту — и ворота сами собой отворяются. Вошли въ избу; тамъ на лавкѣ спятъ двое: старикъ да молодой парень. Незнакомецъ взялъ ведро, поставилъ позади парня, ударилъ его по спинѣ — и тòтчасъ спина открылась и полилась алая кровь; нацѣдилъ полное ведро и выпилъ. Затѣмъ другое ведро крови нацѣдилъ онъ изъ старика, утолилъ свою звѣрскую жажду, и говоритъ мужику: «ужь свѣтаетъ! пойдемъ теперь ко мнѣ.» Въ одинъ мигъ очутились они на кладбищѣ. Упырь обхватилъ было мужика руками, да на его счастье пѣтухи запѣли — и мертвецъ сгинулъ. Наутро смотрятъ: и молодой парень, и старикъ — оба померли. По другому разсказу [3]) колдунъ-мертвецъ является на свадьбу, вынимаетъ два пузырька, ранитъ шильцемъ руки жениха и невѣсты и точитъ изъ нихъ горячую кровь. Болгары убѣждены, что, по смерти злодѣевъ, грабителей и

---

[1]) Маркевич., 78–79; О. З. 1848, IV, 146; Москв. 1853, V, 14; Zeitschr. für D. Myth., IV, ст. Маннгардта, 264. — [2]) Тамб. Г. В. 1857, 4 — [3]) Н. Р. Ск., V, 30, d.

вообще людей съ порочными наклонностями, въ тѣла ихъ вселяются нечистые духи, и они становятся вампирами. Увѣряютъ еще, что если кошка перепрыгнетъ черезъ покойника, когда онъ лежитъ въ избѣ, то умершій непремѣнно сдѣлается вампиромъ; поэтому во все время, пока не похоронятъ покойника, при немъ находится одинъ изъ родичей и заботливо оберегаетъ его отъ такого несчастія. Спустя сорокъ дней послѣ кончины человѣка, злой духъ, поселившійся въ его трупѣ, начиваетъ выходить изъ могилы, бродитъ по домамъ и сосетъ кровь изъ ушей младенцевъ и взрослыхъ. Какъ только пронесется молва о загробномъ выходцѣ, поселяне собираются на ночь по нѣскольку семействъ въ одну избу, и двое изъ мущинъ поочередно караулятъ до самаго разсвѣта; если кто-нибудь во снѣ станетъ сильно храпѣть или стонать отъ удушья, то стоящіе на стражѣ немедленно будятъ всѣхъ и принимаются искать вампира. Этотъ злой мертвецъ нерѣдко появляется въ образѣ варколака, бросается на женщинъ и вступаетъ съ ними въ блудную связь; рожденные отъ него дѣти бываютъ безъ хряща въ носу (отличительный признакъ и самаго варколака—сравни стр. 239) и обладаютъ способностью видѣть духовъ. Чтобы избавиться отъ вампира, его заклинаютъ войдти въ кувшинъ; послѣ заклятія горло кувшина затыкаютъ пробкою, и затѣмъ отправляются на избранное мѣсто; тамъ зажигаютъ нѣсколько возовъ дровъ и дёрну и бросаютъ кувшинъ въ средину пламени: когда сосудъ раскалится и лопнетъ съ сильнымъ трескомъ, «народъ успокоиваетъ себя мыслію, что вампиръ уже сгорѣлъ» [1]). Точно также и сербы отождествляютъ вампира съ вукодлакомъ. По словамъ Караджича, вукодлакомъ называется человѣкъ, въ котораго спустя сорокъ дней послѣ его кончины входитъ дьявольскій духъ и оживляетъ его безчувствен-

---

[1]) Ж. М. Н. П. 1846, XII, 206—8

ное тѣло («повампири се»). Вставая изъ гроба, онъ бродитъ по ночамъ одѣтый въ саванъ («с покровом на рамену»), прокрадывается въ избы, давитъ спящихъ людей и пьетъ изъ нихъ кровь, отчего эти несчастные не только умираютъ, но и сами становятся вампирами (кровососами). Каждый покойникъ можетъ «повампириться», если черезъ него перелетитъ птица или перескочитъ какое-нибудь животное [1]); потому сербы и считаютъ священной обязанностью наблюдать, чтобы ничего подобнаго не случилось съ ихъ усопшимъ родичемъ. Упитанный человѣческой кровью, вукодлакъ лежитъ въ могильной ямѣ — тучный, раздутый и румяный. Иногда вукодлакъ является къ своей овдовѣвшей женѣ (особенно если она молода и красива) и спитъ вмѣстѣ съ нею; говорятъ, «да оно дијете нема костију [2]), које се роди с вукодлаком». Вампиръ можетъ проникать въ домà сквозь всякую щель, и потому запирать отъ него двери также безполезно, какъ и отъ вѣдьмы [3]). Словенцы и кашубы называютъ упырей вѣщими (vieszcy), т. е. признаютъ ихъ вѣдунами и вѣдьмами; а сосѣдніе съ кашубами нѣмцы даютъ имъ прозванія begierig, unbegier и blutsauger. «Вѣщій» — это человѣкъ, рождающійся на свѣтъ съ зубами или въ сорочкѣ; когда онъ умираетъ, лицо его сохраняетъ яркой румянецъ, а лѣвый глазъ остается открытымъ. Къ покойникамъ, у которыхъ замѣтятъ эти признаки, простолюдины относятся съ чувствами невольнаго страха и озлобленія. На Руси и въ Германіи существуетъ примѣта, по которой открытыя очи мертвеца высматриваютъ какъ бы увлечь кого-нибудь въ могилу

---

[1]) „...ако да преко њега мертва прелети каква тица или друго какво живинче пријеђе"; по указанію Илича (стр. 294), надо заботиться, чтобы черезъ мертваго не перескочили kokoš, mačka и pseto. — [2]) Не имѣетъ костей. — [3]) Срп. рјечник, 79: Вѣст. Евр. 1829, XXIV, 254—5.

(I, 42—43); оскаленные зубы мертвеца и румянецъ на его щекахъ указываютъ въ немъ вампира. По разсказамъ кашубовъ, зарытый въ землю вампиръ, пробуждаясь отъ могильнаго сна, начинаетъ грызть свои руки и ноги, и покуда онъ грызётъ—одинъ за другимъ заболѣваютъ и умираютъ сперва его родственники, а потомъ и другіе обыватели. Когда вампиръ изгложетъ свое собственное тѣло, онъ встаетъ въ полуночный часъ изъ гроба, отправляется въ стадо и губитъ крестьянской скотъ, или взбирается на колокольню и принимается звонить: всякой, кто услышитъ этотъ звонъ, дѣлается добычею смерти. Но чаще всего вѣщіе мертвецы являются ночью въ дома, подступаютъ къ соннымъ людямъ и высасываютъ изъ нихъ кровь, а насытившись, возвращаются въ могилы. Тотъ, кого сосалъ «вѣщій», уже не пробудится больше: поутру находятъ его въ постели мертвымъ, съ маленькою, едва замѣтною ранкою на лѣвой сторонѣ груди, прямо противъ сердца, или съ очевидными знаками укушенія на лѣвомъ грудномъ соскѣ. Если разрыть могилу вампира (хотя бы черезъ годъ послѣ его погребенія), то легко убѣдиться, что заключенный въ ней мертвецъ не подвергается тлѣнію, что руки и ноги его страшно-изгрызены, а губы обагрены свѣжею кровью [1]). Подобныя басни обращаются и между поляками, чехами и другими славянскими племенами (пол. upior, upir и upierzyca, чеш. upir и uperice); марлаки и далматинцы разсказываютъ о вакодлакахъ, сосущихъ кровь младенцевъ [2]); истріяне называютъ упыря strigon; по лужицкому повѣрью, когда мертвецъ принимается жевать свой саванъ или сосать собственную грудь, то вслѣдъ за нимъ сходятъ въ могилу и всѣ его родственники;

---

[1]) Zeitsch. für D. Myth., IV, 259—264, 274; Этн. Сб., V, ст. Гильфердинга, 69—70; 133. — [2]) Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200; Москв. 1853, V, 14.

поляки также приписываютъ упырямъ пожираніе погребальныхъ одеждъ и покрововъ [1]). Преданія о вампирахъ не составляютъ исключительной принадлежности славянъ; они распространены почти у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и должны быть возведены къ древнѣйшей эпохѣ племеннаго единства. Валахи знаютъ вампировъ подъ именами murony и priccolitsch. Murony, по ихъ мнѣнію, — духъ умерщвленнаго вампиромъ, или существо, рожденное отъ любодѣйной связи; днемъ покоится онъ въ могилѣ, а ночью прилетаетъ къ людямъ, питается ихъ кровью и принимаетъ различные образы, превращаясь въ собаку, кошку, жабу, лягушку или кровососныхъ насѣкомыхъ (вошь, блоху, клопа, паука). Разрывая его могилу, находятъ въ ней цѣльный, неистлѣвшій трупъ, изъ глазъ, ушей, носа и рта котораго струится свѣжая кровь, а на рукахъ и ногахъ видны недавно-выросшіе ногти. Priccolitsch — оборотень, являющійся въ образѣ собаки; въ ночное время онъ рыщетъ по лѣсамъ, пастбищамъ и селамъ, умерщвляетъ своимъ прикосновеніемъ лошадей, коровъ, овецъ, козъ, свиней, и упивается ихъ кровью. Новые греки смѣшиваютъ вампировъ съ вовкулаками. Злые демоны, овладѣвая трупами усопшихъ подъ церковнымъ проклятіемъ, одушевляютъ этихъ мертвецовъ, дѣлаютъ ихъ оборотнями (βουρκόλακες), и чрезъ ихъ посредство распространяютъ повсюду свое губительное вліяніе. Βουρκόλακες бѣгаютъ ночью по улицамъ, стучатся въ двери домовъ и выкликаютъ имена мѣстныхъ жителей; кто отзовется на ихъ окликъ — тотъ немедленно умираетъ, подобно тому, какъ, по славянскимъ преданіямъ, всѣ отозвавшіеся на голосъ Моровой дѣвы гибнутъ отъ заразы. Въ Германіи существуетъ повѣрье, что съ кончиною ребенка, рожденнаго съ зубами во рту, начи-

---

[1]) Zeitsch. für D. M., IV, 265–9.

вается всеобщая, повальная смертность; существуютъ также сказанія о мертвецахъ, которые, лёжа въ могилахъ, грызутъ свое собственное тѣло и одежды, а по ночамъ выходятъ изъ гробовъ, давятъ сонныхъ и насылаютъ на окрестное населеніе моръ [1]). Чудовищный Грендель, о которомъ упоминаетъ поэма о Беовульфѣ и который приходилъ ночью сосать кровь изъ жилъ спящихъ воиновъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ жаднымъ вампирамъ и вовкулакамъ; мать Гренделя носила прозваніе волчицы (II, 696). Як. Гриммъ указываетъ подобное-же свидѣтельство въ одной изъ древне-сѣверныхъ сагъ [2]).

Слово вам-пиръ = упырь (упиръ, впиръ, женск. вампѐра, упирица, упирина, упирjа) доселѣ не объяснено надлежащимъ образомъ; изслѣдователи сближаютъ его съ литовскимъ wemptî — пить (alu wemptî — потягивать брагу, wempti, wampiti — ворчать, бурлить, бормотать), или производятъ отъ корня pî (пить), съ приставкою у=av, va. Если принять это производство, то вампиръ будетъ означать опойцу, существо, которое впивается въ живое тѣло и сосетъ изъ него кровь, какъ пьявка. Хорутане именуютъ вампира pijawica; о человѣкѣ съ краснымъ отъ опьяненія лицомъ сербы выражаются: «црвен као вампир»; и сербы, и словаки горькаго пьяницу обзываютъ vlkodlak'омъ [3]). Это существенное, характеристическое свойство упыря роднитъ его съ змѣемъ (смокомъ), высасывающимъ изъ своихъ жертвъ молоко и кровь, и съ великаномъ Опивалою. Первоначально подъ именемъ упыря предки наши должны были разумѣть грозоваго демона, который сосетъ тучи и упивается дождевою влагою; ибо въ древнѣйшихъ миѳическихъ сказаніяхъ дождь

---

[1]) Ibid., 270-6 279-282; Шоттъ, 297-8. — [2]) D. Myth., 969. — [3]) Изв. Ак. Н., I, ст. Микуцк.. 113; Zeitsch. für D. M, IV, 197-201; Часопись чешск. музея 1840, III, 242; Москв. 1853, V, 6.

уподоблялся крови, текущей въ жилахъ облачныхъ духовъ и животныхъ. Очевидно, высасываніе крови вампирами есть тоже самое, что̀ высасываніе вѣдьмами и вовкулаками молока изъ небесныхъ кобылицъ и коровъ; мѣняются только поэтическія краски, основная же мысль и тамъ, и здѣсь — одна. Зимній холодъ, оцѣпеняющій дождевыя тучи, повергаетъ творческія силы природы усыпленію, смерти, проклятію; богъ-громовникъ и молніеносные духи = сосуны дождей скрываются въ облачныхъ подземельяхъ и засыпаютъ въ гробахъ-тучахъ (I, 579; II, 440). Но эта смерть — временная; съ возвратомъ весны они пробуждаются, возстаютъ изъ гробовъ и начинаютъ сосать молоко или кровь, т. е. живительный дождь, изъ облаковъ, усыпленныхъ чарами Зимы. Сосутъ они по ночамъ, т. е. во мракѣ грозовыхъ тучъ, которыя, облегая со всѣхъ сторонъ небо, претворяютъ свѣтлый день въ темную ночь; съ возгласомъ пѣтуха (= знаменіе утренняго разсвѣта и громовыхъ ударовъ, разсѣевающихъ тучи) духи эти немедленно исчезаютъ. Вампиръ можетъ высасывать жизненные соки (питаться кровью), не только являясь въ дома̀ и нападая на сонныхъ; той-же цѣли достигаетъ онъ, терзая собственное тѣло острыми, желѣзными зубами, или принимаясь жевать свой саванъ, а по кашубскому повѣрью — и тогда, когда ударяетъ въ колоколъ. Саванъ въ данномъ случаѣ есть туманный, облачный покровъ, облекающій молніеноснаго духа = та тѣлесная риза, въ которой пребываетъ пламенная душа усопшаго; желѣзный зубъ есть метафора молніи, а звонъ — громовыхъ раскатовъ. Такимъ образомъ пробужденная молнія начинаетъ грызть облако, какъ свое тѣло или свой саванъ, и точитъ изъ него живую воду дождя, или выражаясь поэтически: упивается горячею кровью. Замирая на̀ зиму, духи-вампиры лежатъ въ гробахъ-тучахъ нетлѣнными мертвецами, — подобно тому,

какъ въ дѣйствительности трупы усопшихъ, покоясь въ землѣ, охваченной зимнею стужею, не разлагаются до наступленія теплой весны. Въ русскомъ народѣ донынѣ удерживается суевѣрное убѣжденіе, что колдуны, вѣдьмы, опойцы и вообще люди, предавшіеся злому духу, проклятые или отлученные отъ церкви, по смерти своей, не гніютъ, что мать-сыра земля не принимаетъ ихъ, что они выходятъ по ночамъ изъ гробовъ, бродятъ возлѣ прежняго своего жилища и являются къ роднымъ и сосѣдямъ; поэтому и называютъ ихъ погуночниками. Существуетъ разсказъ о матери, которая прокляла своего сына, и трупъ его оставался нетлѣннымъ цѣлыя сто лѣтъ; наконецъ его откопали, старуха-мать, которая еще продолжала жить, изрекла прощеніе — и въ тоже мгновеніе мертвецъ разсыпался прахомъ [1]). Болгары черезъ каждые три года разрываютъ могилы, и если найдутъ неистлѣвшіе трупы, то, признавая этихъ мертвецовъ состоящими подъ родительскимъ или священническимъ проклятіемъ, снова отпѣваютъ ихъ и возносятъ за нихъ заупокойныя молитвы [2]). По древнему воззрѣнію, въ шумѣ весенней грозы праздновался брачный союзъ дьявола или вовкулака съ вѣдьмою; плодомъ этого союза была летучая молнія = упырь, существо эльфическое, воздушное, всюду свободно-проникающее, и потому, по мнѣнію народа, рождаемое безъ костей [3]). Отсюда возникли сказанія: во 1-хъ—о плотскомъ смѣшеніи вовкулаковъ съ женщинами, и во 2-хъ—о появленіи упырей на свадьбахъ и высасываніи ими изъ жениха и невѣсты крови. Рядомъ съ этими миѳическими представленіями необходимо поставить сербское преданіе о духѣ, излетающемъ изъ вѣдь-

---

[1]) Статист. описаніе саратов. губ., I, 59—60; Тульск. Г. В. 1852, 26; О. З. 1848, IV, 148; Маякъ, VII, 72. — [2]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 80—84. — [3]) Иличь, 294; Часопись чешск. музея 1863, I, 12: въ «Mater verborum» vilkodlaci истолковано: incubi.

мы: «вјештица, говоритъ Караджичъ, има у себи некакав ђаволски дух, који у сну из ње изиђе и створи се у лепира, у кокош или у ћурку, па лети по кућама и једе људе, а особито малу дјецу; кад нађе човјека гдје спава, а она га удари некаквом шипком преко лијеве сисе те му се отворе прси док извади срце и изједе, па се онда прси опет срасту. Неки тако изједени људи одмах умру, а неки живе више времена, колико је она одсудила кад је срце јела, и онаковом смрти умру, на какову она буде намијенила... Кад у каквом селу помре много дјеце или људи, и кад сви повичу на коју жену да је вјештица и да их је она појела» — ту связываютъ и ведутъ на публичную расправу [1]). Этотъ кровососный духъ называется једогоња и признается существомъ, тождественнымъ вампиру [2]). Когда въ семьѣ умираютъ дѣти, то вновь-народившагося ребенка мать нарицаетъ Вукомъ (волкомъ): имя это даетъ она подъ вліяніемъ мысли, что дѣтей у нея поѣла злая вѣщица, «а на вука да не ће смјети ударити» [3]). Въ одной изъ сербскихъ пѣсень спящій мальчикъ, котораго будитъ сестра, отвѣчаетъ ей:

„Нека я, сејо, не могу;
Вештице су ме изеле:
Мајка ми срце вадила,
Стрина јој лучем светлила“ [4]).

---

[1]) Срп. рјечник, 66—67. Переводъ: вѣщица имѣетъ въ себѣ нѣкій дьявольскій духъ, который выходитъ изъ нея во время сна, превращается въ бабочку, курицу или индѣйку, летаетъ по домамъ и поѣдаетъ людей, особенно младенцевъ. Находя спящаго человѣка, вѣщица ударяетъ его прутомъ въ лѣвый сосокъ, открываетъ ему грудь, достаетъ и съѣдаетъ сердце, послѣ чего грудь опять сростается. Нѣкоторые изъ этихъ лишенныхъ сердца людей тотчасъ же умираютъ, а другіе продолжаютъ жить столько времени, сколько присудила имъ поѣдучая вѣдьма, и потомъ погибаютъ назначенною отъ нея смертію. — [2]) Ibid., 251. — [3]) Ibid., 78. — [4]) Срп. н. пјесме, I, 162; Иличь, 291—3. Переводъ: не могу, сестрица! вѣщицы меня изъѣли: мать вынула мое сердце, тетка ей лучиной свѣтила.

Итакъ упырь есть порожденіе вѣдьмы, плодъ ея чрева (=облака), или, по другому представленію, онъ — вѣчно-живая, бодрствующая душа, исходящая изъ тѣла вѣщей жены во время ея глубокаго, непробуднаго сна. Но сонъ — эмблема смерти, и въ русскомъ народѣ существуетъ убѣжденіе, что когда человѣкъ обмираетъ (лежитъ въ летаргическомъ снѣ), то душа его, вылетая на свободу, странствуетъ на томъ свѣтѣ, созерцаетъ рай и адъ, и потомъ снова возвращается въ свое покинутое, бездыханное тѣло (см. выше стр. 37 [1]). Отсюда очевидно тѣсное сродство упырей и вѣдьмъ съ душами-эльфами или марами; подобно этимъ стихiйнымъ карликамъ, они незамѣтно проскользаютъ сквозь щели и замочныя скважины, налегаютъ на сонныхъ людей и причиняютъ имъ удушье (см. стр. 234-5, 476-7). Падающія звѣзды и метеоры, связь которыхъ съ представленіемъ души человѣческой достаточно объяснена выше, въ харьковской губ. принимаются за вѣдьмъ, поспѣшающихъ на бѣсовскія игрища. Малоруссы вѣдьму называютъ марою (стр. 446); чехи упырямъ и волкодлакамъ даютъ названія: móry, mûry, morûsi, mûrasi (сравни волошск. murony). Появляясь ночью, mûry нападаютъ на спящихъ, давятъ ихъ и сосутъ кровь изъ сердца и молоко изъ женскихъ грудей; родильницы должны тщательно оберегать и себя, и своихъ дѣтей отъ злой мары, заклиная ее не приближаться къ своему ложу: «mûro, mûro! ne pristupuj k memu loži, pokud nespočitáš pisek v moři, hvězdy na nebi, cesty na zemi». По свидѣтельству Илича, mora — старая баба, которая по ночамъ превращается въ муху или бабочку, прилетаетъ въ избы и душитъ людей [2]). Эльфическія существа, извѣстныя въ Малороссіи подъ именемъ мавокъ, защекочиваютъ парубковъ для того, чтобы упиваться ихъ

[1]) Иллюстр. 1846, 262 — [2]) Часопись чешск. музея 1863, I, 11—12; Громаннъ, 25—26; Иличъ, 298.

кровью [1]); о навахъ лѣтопись сохранила любопытное извѣстіе, что они избивали народъ=губили его моровою язвою. Излетающій изъ вѣдьмы кровососный духъ принимаетъ образъ птицы, ночнаго мотылька или мухи и открываетъ грудь обреченнаго на смерть человѣка ударомъ прута, т. е. молніи, что̀ вполнѣ согласуется съ русскимъ повѣрьемъ, будто упырь прокалываетъ свою жертву острымъ шильцемъ, и съ повѣрьемъ кашубскимъ, будто умерщвленный вампиромъ имѣетъ на груди маленькую рану. По нѣмецкимъ и славянскимъ повѣрьямъ, колдуны и вѣдьмы выпускаютъ эльфа-бабочку изъ-подъ своихъ густыхъ, сросшихся вмѣстѣ бровей, т. е. молнія разитъ, какъ пламенный взоръ, сверкающій изъ-подъ нависшихъ облаковъ. О вовкулакѣ разсказываютъ, что когда онъ показывается въ человѣческомъ образѣ, то отличительною его примѣтою бываютъ сросшіяся вмѣстѣ брови [2]). Птица, мотылекъ и муха = общеизвѣстныя у арійскихъ племенъ представленія души, разлучившейся съ человѣческимъ тѣломъ. Тоже значеніе придавалъ миѳъ и летучей мыши (см. стр. 301); замѣчательно, что слово «вампиръ» употребляется не только въ смыслѣ загробнаго выходца, полуночника, но и въ смыслѣ летучей мыши [3]), которая обыкновенно прячется днемъ и показывается уже по закатѣ солнца, почему и была названа нетопыремъ νυχτερίς, vespertilio (II, 385). Сверхъ того, какъ существо стихійное, душа наравнѣ съ дующими вѣтрами и грозовымъ пламенемъ олицетворялась собакою и кошкою. Отсюда создалось повѣрье, что мертвецъ то̀тчасъ-же оживаетъ и дѣлается вампиромъ, какъ скоро черезъ трупъ его перепрыгнетъ собака, кошка, или перелетитъ птица; на Украйнѣ же думаютъ, что человѣкъ, котораго овѣетъ (= одушевитъ)

---

[1]) Семеньск., 124; Маякъ, XV, 31–35. — [2]) D. Myth., 1050. — [3]) Москв. 1851, V, ст. Срезнев., 62.

степной вѣтеръ, становится упыремъ [1]). Подобно сербскимъ вѣщицамъ, греко-италійскія стриги, нападая на сонныхъ, вынимаютъ трепещущее сердце, жарятъ его и съѣдаютъ, а въ-замѣнъ кладутъ въ раскрытую грудь солому или полѣно, послѣ чего человѣкъ продолжаетъ жить безъ сердца [2]). Румыны вѣрятъ, что чародѣи могутъ обвить сердце человѣческое клубкомъ ужей или змѣй, которыя не перестаютъ сосать его до тѣхъ поръ, пока не высосутъ всю кровь до послѣдней капли [3]). Могучій двигатель крови и необходимое условіе жизни — сердце издревле принималось за вмѣстилище души и ея способностей: мысли, чувства и воли [4]). Поэтому выраженіе: вѣдьма съѣдаетъ сердце слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что она похищаетъ у человѣка жизнь, извлекаетъ изъ него душу, обращаетъ его въ безкровный трупъ. Такое объясненіе вполнѣ оправдывается повѣрьями, отождествляющими вѣдьмъ съ нечистыми духами повальныхъ болѣзней и съ богинею смерти (Моровою дѣвою). Но, сверхъ этого, указанное выраженіе могло примѣняться и къ стихійнымъ явленіямъ природы: какъ «высасываніе крови» относилось первоначально къ пролитію дождя, такъ «съѣданіе сердца» могло обозначать мысль о молніеносномъ духѣ, терзающемъ внутренности, сердцевину [5]) дождевой тучи. Въ этомъ отношеніи народныя сказанія о вѣдьмахъ и вампирахъ сближаются съ древне-нѣмецкимъ преданіемъ о драконѣ Фафнирѣ и греческимъ миѳомъ о Прометеѣ. Зигурдъ, побѣдитель Фафнира, вынимаетъ изъ него сердце, жаритъ на

---

[1]) Часопись чешск. музея, čtrnacty ročnyk, в. III, ст. Вагилевича: «o upjrech a wid'mach“, 238. — [2]) D. Myth., 1035. — [3]) Телескопъ 1833, VIII, 504. — [4]) У насъ говорится: человѣкъ съ сердцемъ, съ душою, съ чувствомъ, сердечный: это ему по сердцу (по желанію); Богъ проницаетъ въ глубину сердецъ, онъ знаетъ: у кого что́ на сердцѣ; серчать — гнѣваться, и т. дал. — [5]) Срьдьце, срѣда, средина.

огнѣ и съѣдаетъ, и чрезъ то самое обрѣтаетъ высокій даръ предвидѣнія, т. е. герой-громовникъ разводитъ грозовое пламя, пожигаетъ дракона-тучу или (чтò тоже) пожираетъ его внутренности и упивается вѣщимъ, вдохновительнымъ напиткомъ дождя. Миѳъ о Прометеѣ изображаетъ этого титана похитителемъ небеснаго огня; разгнѣванные боги приковали его къ скалѣ (см. I, 756-7) и послали орла, носителя Зевсовыхъ молній, клевать его печень [1]). Та любопытная черта, что вѣдьма, пожирая сердце, замѣняетъ его обрубкомъ дерева или пукомъ соломы, можетъ быть легко объяснена поэтическимъ уподобленіемъ грозоваго пламени — во первыхъ, живому огню, добываемому изъ дерева, и во вторыхъ, костру горящей соломы; самая молнія, какъ извѣстно, представлялась волшебнымъ прутомъ, вѣткою и стеблемъ разрывъ-травы. Мазовецкое преданіе разсказываетъ о рыцарѣ, который долгое время славился своимъ мужествомъ и отвагою; но вотъ однажды, пользуясь его сномъ, явилась

---

[1]) Шварцъ (Sonne, Mond u. Sterne, 14—22), объясняя эти преданія, принимаетъ „сердце" за поэтическое обозначеніе солнца, закрытаго тучами, такъ какъ у древнихъ писателей оно называлось „сердцемъ вселенной". Чтò вѣдьмамъ приписывалось пожираніе солнца — объ этомъ сказано выше. Здѣсь прибавимъ, что ребенокъ, родившійся съ зубами, признается у венгровъ существомъ чародѣйнымъ (по мнѣнію чеховъ, это — мора); когда онъ умираетъ, то въ ротъ ему кладутъ камень; въ противномъ-же случаѣ онъ проглотитъ и солнце, и мѣсяцъ. Точно также славяне кладутъ камень въ ротъ вампира, дабы онъ не могъ высасывать кровь — Zeitschr. für D. M., IV, 273. Слово упырь перешло отъ русскихъ къ татарамъ и чувашамъ; у первыхъ убыръ — колдунья, вѣдьма, у послѣднихъ вабуръ—чародѣй, поѣдающій луну — Сбоева: Изслѣдов. объ инородц. казан. губ., 115. Въ яркихъ краскахъ зори и въ преломленныхъ лучахъ солнца предки наши видѣли потоки крови, а солнечныя затмѣнія приписывали демону, который въ образѣ волка грызетъ дневное свѣтило и точитъ изъ него горячую кровь.

вѣдьма, ударила его въ грудь осиновой вѣткою, и когда грудь раскрылась — вынула изъ нея трепещущее сердце, а на мѣсто похищеннаго положила другое — заячье сердце. Храбрый рыцарь проснулся боязливымъ трусомъ и оставался такимъ до самой смерти. Въ Польшѣ ходилъ разсказъ о вѣдьмѣ, которая выкрала у одного крестьянина сердце и посадила ему въ грудь пѣтуха; съ тѣхъ поръ несчастный постоянно кричалъ пѣтухомъ. Основа этихъ преданій — чисто-миѳическая; ибо и заяцъ, и пѣтухъ принимались символами огня и сверкающихъ молній. Позднѣе, переработывая старинные миѳы, фантазія налагаетъ на нихъ печать нравственныхъ воззрѣній, и пользуется для этого всякимъ готовымъ намекомъ; такъ какъ заяцъ возбуждаетъ представленіе трусости, то отсюда въ разсказѣ о рыцарѣ съ заячьимъ сердцемъ главный интересъ сосредоточился на тѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія долженъ испытывать воинъ съ утратою мужества и доброй славы. Съ похищеніемъ сердца связываются и чары на любовь. По народному воззрѣнію, чувство любви охватываетъ человѣка, какъ внутреннее пламя, возжигаемое въ его сердцѣ стрѣлою громовника и раздуваемое буйными вихрями (I, 448-455). Желая пробудить это страстное чувство, волшебницы вынимаютъ изъ груди юноши или дѣвицы сердце, жарятъ его и наговариваютъ любовную тоску. По справедливому замѣчанію Я. Гримма, въ связи съ этимъ повѣрьемъ должны быть поставлены и слѣдующія доселѣ-употребительныя выраженія: «она похитила мое сердце» = заставила полюбить себя, «онъ отдалъ ей сердце» «онъ очарованъ, обворожонъ ею» [1]).

Мы знаемъ, что вѣдуны и вѣдьмы, выдаивая облачныхъ коровъ, производятъ засухи, неурожаи, голодъ и моровую язву; тѣже гибельныя послѣдствія соединяетъ народъ и съ выса-

[1]) Пов. и пред., 29—33, 172—3. D. Myth., 1035.

сыванiемъ крови вампирами. Злому влiянiю упырей и вѣдьмъ приписываются какъ зимнее оцѣпенѣнiе дождевыхъ тучъ, такъ и лѣтнiй всё-пожигающiй зной. Русскiе поселяне убѣждены, что упыри и вовкулаки могутъ творить бездождiе, насылать бури, неурожаи, скотскiе падежи и различныя болѣзни; тамъ, гдѣ они бродятъ, одна бѣда слѣдуетъ за другою [1]). По сербскому повѣрью, вукодлакъ преимущественно показывается зимою и въ голодные годы: «У вриjеме гладi често га привиђаjу око воденица [2]), око амбара житниjех и око чардака и кошева кукурузниjех», гдѣ и поѣдаетъ заготовленный хлѣбъ и кукурузу [3]). Въ такихъ общественныхъ бѣдствiяхъ изстари и донынѣ обвиняются блуждающiе мертвецы. Еще въ XIII вѣкѣ Серапiонъ обращался съ укоромъ къ современникамъ, которые воспрещали погребать тѣла удавленниковъ и утопленниковъ и вырывали ихъ изъ могилъ, какъ виновниковъ засухи и неурожаевъ. Обычай этотъ въ XVI вѣкѣ настолько былъ силенъ, что Максимъ Грекъ призналъ необходимымъ вооружиться противъ него особымъ посланiемъ: «кiй отвѣтъ сотворимъ (говоритъ онъ) въ день судный, тѣлеса утопленныхъ или убiенныхъ и поверженныхъ не сподобляюще ѧ̓ погребанiю, но на поле извлекше ихъ, отыняемъ колiемъ, и еже беззаконнѣйше и богомерско есть, яко аще случится въ веснѣ студенымъ вѣтромъ вѣяти и сими садимая и сѣемая нами не преспѣваютъ на лучшее, оставивше молитися содѣтелю и строителю всѣхъ... аще увѣмы нѣкоего утопленаго или убитаго неиздавна погребена .. раскопаемъ окаяннаго и извержемъ его нѣгдѣ далѣ и непогребена покинемъ... по нашему по премногу безумiю виновно стужи мняще быти погребенiе его» [4]). Димитрiя Са-

---

[1]) Иллюстр. 1846, 134. — [2]) Водяная мельница. — [3]) Срп. рjечник, 79; Иличъ, 295. — [4]) Изв. Ак. Н., III, 95; Котляревскаго: О погребальн. обычаяхъ, 34—35.

мозванца народная молва обвиняла въ чародѣйствѣ [1]); когда онъ погибъ насильственною смертію, трупъ его былъ выставленъ на Красной площади, и въ продолженіи трехъ дней лежалъ на столѣ съ дудкой, волынкою и маскою — аттрибутами окрутниковъ и скомороховъ, а затѣмъ погребенъ въ убогомъ домѣ за Серпуховскими воротами. Это было въ половинѣ мая 1606 года; какъ нарочно, настали тогда сильные морозы, вредные для полей, садовъ и огородовъ. Столь поздніе холода москвичи приписали самозванцу; они вырыли его трупъ, сожгли на Котлахъ, и смѣшавши пепелъ съ порохомъ, выстрѣлили имъ изъ пушки [2]). Запрещеніе хоронить утопленниковъ, удавленниковъ, чародѣевъ существовало и у другихъ славянскихъ племенъ; самоубійцы и донынѣ лишаются христіанскаго погребенія. Всякое физическое бѣдствіе (бездождіе, буря, градъ, чрезмѣрный зной или стужа) приписывается народомъ вліянію мертвецовъ, погибшихъ насильственнымъ образомъ: ихъ стихійныя души блуждаютъ въ воздушныхъ сферахъ, носятся буйными вихрями и грозою, и нарушая порядки природы, какъ-бы мстятъ людямъ за свою неестественную разлуку съ жизнію. Предубѣжденіе противъ такихъ мертвецовъ до сихъ поръ не истребилось между русскими поселянами; особенно боятся они опойцевъ. Еще недавно бывали случаи, что крестьяне во время долгихъ засухъ, по общему мірскому приговору, выкапывали изъ могилы трупъ опойцы и топили его въ ближайшемъ болотѣ или озерѣ, твердо вѣруя, что послѣ того непремѣнно пойдетъ дождь [3]). Засуха нынѣшняго лѣта и опасеніе неурожая заставили крестьянъ Тихаго Хутора

---

[1]) Въ современныхъ грамотахъ говорится, что Отрепьевъ — еретикъ, впалъ въ чернокнижіе и обольстилъ народъ бѣсовскими мечтами — Ак. Арх. Эксп., II, 28; Доп. къ Ак. Ист., I, 151. — [2]) Ист. Росс. Солов., VIII, 154. — [3]) Иличь, 312; Духъ Христіанина 1861—2, XII, 271: С. Петерб. Вѣдом. 1865, 47, 129.

(въ таращанскомъ уѣздѣ) прибѣгнуть къ слѣдующему средству: они разрыли могилу скончавшагося въ декабрѣ прошлаго года и похороненнаго на сельскомъ кладбищѣ раскольника, приподняли его изъ гроба, и между тѣмъ, какъ одинъ изъ нихъ билъ мертвеца по черепу, приговаривая: «давай дождя!» — другіе лили на усопшаго воду сквозь рѣшето; затѣмъ снова уложили его въ гробъ и закопали на прежнемъ мѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, съ цѣлію вызвать дождь, въ могилу заподозрѣннаго мертвеца лили воду цѣлыми бочками [1]). Эти представленія о вампирахъ, сосущихъ кровь, т. е. скрадывающихъ дожди и насылающихъ неурожаи заставили фантазію сроднить ихъ съ богинею смерти, во первыхъ—потому, что вслѣдъ за неурожаями начинаются повальныя болѣзни, а во вторыхъ—потому, что самая Смерть, нападая на людей и животныхъ, высасываетъ изъ нихъ кровь и оставляетъ одни холодные и безжизненные трупы (см. стр. 43). Обитатели загробнаго царства, вампиры являлись слугами и помощниками Смерти, и каждая отшедшая изъ сего міра душа разсматривалась, какъ-бы увлеченная ими въ свое сообщество. Поселяне наши убѣждены, что Коровья Смерть (чума рогатаго скота) есть оборотень, который принимаетъ на себя образъ черной коровы, гуляетъ вмѣстѣ съ деревенскими стадами и напускаетъ на нихъ порчу. Всюду въ славянскихъ земляхъ гибельное дѣйствіе моровой язвы объясняется злобою вампировъ, и не только преданія, но и положительныя свидѣтельства памятниковъ утверждаютъ, что для отвращенія повальной смертности народъ прибѣгалъ къ разрытію могилъ, извлеченію труповъ и различнымъ надъ ними истязаніямъ. Такъ какъ отъ зачумленнаго покойника прежде всего заражаются тѣ, посреди которыхъ онъ скончался, то отсюда возникло повѣрье, что вампиры сначала умерщвляютъ своихъ роди-

[1]) Рус. Вѣдомости 1868, 139; Москва 1867, 98.

чей, а потомъ уже сосѣдей и другихъ обывателей. На Руси главнѣйшимъ средствомъ противъ смертоносной силы упырей считается заострённый осиновый колъ, который вбиваютъ въ грудь или въ спину мертвеца, между лопатокъ, а иногда въ могильную насыпь [1]). Въ кіевской губ. разсказываютъ, что въ могилахъ колдуновъ и вѣдьмъ всегда есть отверстіе, въ которое вылѣзаютъ они ночью въ видѣ мышей и ящерицъ; отверстіе это совѣтуютъ затыкать осиновымъ коломъ, а самые гробà, въ которыхъ покоятся ихъ трупы, заколачивать осиновыми гвоздями. Если и затѣмъ мертвецъ продолжаетъ тревожить населеніе, то необходимо предать его сожженію. «Привезли (говоритъ сказка) осиновыя дрова на кладбище, свалили въ кучу, вытащили колдуна изъ могилы, положили на костеръ и зажгли; а кругомъ народъ обступилъ — всѣ съ метлами, лопатами, кочергами. Костеръ облился пламенемъ, началъ и колдунъ горѣть; утроба его лопнула, и полѣзли оттуда змѣи, черви и разные гады, и полетѣли оттуда вòроны, сороки и галки; мужики бьютъ ихъ да въ огонь бросаютъ», чтобы и въ червякѣ не могъ ускользнуть волшебникъ отъ заслуженной имъ кары [2]). Вбивать осиновый колъ въ тѣло упыря должно съ размаху за одинъ разъ, и притомъ остерегаться, чтобы кровь, которая брызгнетъ изъ него въ разныя стороны, не омочила кого-нибудь изъ присутствующихъ; повторенный ударъ оживляетъ мертвеца и сообщаетъ ему способность превращеній. Тотъ-же совѣтъ не ударять дважды дается и сказочнымъ героямъ, выступающимъ на борьбу съ Вихремъ, бабой-ягою, великанами и змѣями. Отъ огненнаго змѣя можно отдѣлаться, поразивъ его, во время сна, единымъ богатырскимъ ударомъ; если же

[1]) Абев., 74; Терещ., VI. 101; Москв. 1844, XII, 40. — [2]) Кіевлянинъ 1865, 52, 71; Н. Р. Ск., V, 30, b, d; Тамбов. Г. В. 1857, 4.

ударить его въ другой разъ — то змѣй немедленно оживаетъ (см. II, 419 [1]). Сверхъ того, упырямъ подрѣзываютъ пятки, связываютъ лыками руки, а на грудь кладутъ осиновые кресты [2]). Тѣже средства употребляются противъ вампировъ и прочими славянами. По свидѣтельству Караджича: «како почну људи много умирати по селу, онда (сербы) почну говорити да је вукодлак у гробљу, и стану погађати ко се повампирио. Кашто узму врана ждријепца без биљеге, па га одведу на гробље и преводе преко гробова, у којима се боје да није вукодлак: јер кажу да такови ждријебац не ће, нити смије пријећи преко вукодлака. Ако се о ком увјере и догоди се да га ископавају, онда се скупе сви сељаци с глоговијем кољем, па раскопају гроб, и ако у њему нађу човјека да се није распао, а они га избоду онијем кољем, па га баце на ватру те изгори» [3]). «Кад умре човјек, за којега се мисли да је једогоња, ударе му глогово трње под нокте и ножем испресијецају жиле испод кољена, да не би могао излазити из гроба, као вам-

---

[1]) Н. Р. Ск., I, 14; VII, 9; VIII, 6 и стр. 402—3; Могилев. Г. В. 1851, 19. — [2]) Часопись чешск. муз., 1840, III, ст. Вагилевича, 236. — [3]) Срп. рјечник, 79; см. также Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 221; Иличь, 294; Вѣст. Евр. 1829, XXIV, 254—5. Переводъ: Когда начнетъ на селѣ умирать много людей, то станутъ говорить, будто на кладбищѣ есть вукодлакъ, и примутся гадать, кто это повампирился? Для этого берутъ вороного жеребца безъ отмѣтинъ, ведутъ на кладбище и переводятъ черезъ тѣ могилы, въ которыхъ можно опасаться присутствія вукодлака. Говорятъ, что такой жеребецъ не захочетъ и не посмѣетъ переступить черезъ вукодлака. Когда убѣдятся въ вампирствѣ покойника и вздумаютъ выкопать его, то всѣ поселяне собираются вмѣстѣ, разрываютъ могилу, и если найдутъ въ ней неистлѣвшій трупъ — прободаютъ его глоговымъ коломъ (глог — weissdorn, crataegus Linn., боярышникъ), а потомъ бросаютъ въ огонь и предаютъ сожженію.

пир» [1]). Болгары, какъ скоро заподозрятъ усопшаго вампиромъ, немедленно приготовляютъ заострённые терновые или глоговые колья, идутъ съ ними на кладбище, разрываютъ могилу, и скипятивши нѣсколько ведеръ виноградпаго вина, пробиваютъ мертвеца кольями и обливаютъ его кипящимъ виномъ, думая, что такимъ образомъ они истребляютъ вселившагося въ трупъ злаго демона [2]). Въ Червонной Руси, во время засухъ и холеры, жгли упырей и вѣдьмъ на терновомъ огнѣ [3]). Маннгардтъ собралъ много интересныхъ указаній на подобныя расправы съ мертвецами, засвидѣтельствованныя памятниками различныхъ народовъ. Въ одной чешской деревнѣ въ 1337 году умеръ пастухъ и сталъ являться вампиромъ; когда его откопали и вонзили ему колъ въ тѣло, то изъ него брызнула кровь, а самъ онъ промолвилъ: «съ этою палкою мнѣ еще лучше будетъ отъ собакъ отбиваться!» Послѣ того онъ былъ преданъ сожженію, и сгорая, ревѣлъ какъ быкъ или оселъ. Въ 1345 году скончалась женщина, ославленная промежъ чеховъ вѣдьмою и была погребена на перекресткѣ; выходя изъ могилы, она оборачивалась звѣремъ и пожирала попадавшіяся ей жертвы. Дубовый колъ, которымъ ее пронзили, она извлекла вонъ и стала еще больше умерщвлять народу, чѣмъ прежде. Напуганные жители сожгли ея трупъ, а оставшійся пепелъ зарыли въ могилу; замѣчательно, что на мѣстѣ, гдѣ совершилась эта посмертная казнь, нѣсколько дней сряду кружился сильный вихрь. Въ 1567 году въ Trutnau (въ Богеміи) отрубили вампиру голову. Нѣсколько позже (въ 1572 г.), когда появилась въ Польшѣ чу-

---

[1]) Срп. рјечник, 251; Вѣст. Евр. 1823, XXIII—IV, 200. Переводъ: Когда умретъ человѣкъ, о которомъ думаютъ, что онъ — вѣдогоня, то забиваютъ ему подъ ногти глоговыя иглы и подрѣзываютъ ножемъ жилы подъ колѣнками, чтобы онъ не могъ выходить изъ гроба, какъ вампиръ. — [2]) Ж. М. Н. П. 1846, XII, 207. — [3]) Пантеонъ 1855, V, 48.

ма, обвиненіе въ этомъ бѣдствіи пало на умершую бабу, которую народъ признавалъ за вѣдьму. Въ могилѣ она покоилась совершенно-голая, потому что пожрала всѣ свои одежды; рѣшено было отрубить ей голову могильнымъ заступомъ и потомъ снова закопать въ землю; когда это сдѣлали — чума тотчасъ-же прекратила свой губительный набѣгъ. Венды считаютъ необходимымъ ударять вампира заступомъ по-затылку и увѣряютъ, будто при этомъ ударѣ онъ визжитъ, какъ поросенокъ. Въ 1672 году, недалеко отъ Лайбаха, умеръ человѣкъ по прозванью Giure Grando; по смерти своей онъ показывался ночью, стучался въ двери домовъ и цѣлыя семьи увлекалъ за собою на тотъ свѣтъ. Староста Miho Radetich приказалъ разрыть его могилу; колдунъ (strigon) лежалъ нетлѣнный, съ багровымъ, усмѣхающимся лицомъ и открытою пастью. Ударили его въ животъ терновымъ коломъ (hagedorn) — онъ выдернулъ колъ обратно; отрубили ему голову киркою—онъ вскрикнулъ, словно живой, а могильная яма наполнилась свѣжею кровью. По мнѣнію кашубовъ, чуму и другія повальныя болѣзни производятъ «вѣщіе»; первый, кто падаетъ жертвою холеры, вслѣдъ за которымъ начинаютъ умирать и другіе, признается вампиромъ. Разрывая могилу «вѣщаго», кашубы отсѣкаютъ ему голову желѣзнымъ заступомъ и промежъ ею и туловищемъ насыпаютъ нѣсколько земли, или кладутъ отрубленную голову къ ногамъ мертвеца; иногда-же влагаютъ ему въ ротъ камень, набиваютъ ему глотку землею, поворачиваютъ трупъ лицемъ къ-низу, бросаютъ въ гробъ что-нибудь сплетенное или связанное (напр. чулокъ), обсыпаютъ могилу макомъ, и думаютъ, что пока мертвецъ не распутаетъ всѣхъ петлей и не сочтетъ всѣхъ маковыхъ зѣренъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ удалиться съ кладбища. Въ южной Россіи есть повѣрье,

что путь, которымъ приходитъ мертвецъ къ живымъ людямъ, должно посыпать макомъ: тогда онъ не прежде можетъ повторить свое посѣщеніе, какъ подобравши всѣ до единаго разбросанныя зёрна (сравни примѣчаніе на стр. 330). Волохи вбиваютъ въ сердце упыря деревянный колъ, вгоняютъ ему въ черепъ гвоздь, кладутъ возлѣ него лозу шиповника, иглы котораго, цѣпляясь за саванъ, должны задержать мертвеца въ могилѣ, или наконецъ сожигаютъ его. Въ Силезіи въ 1592 году разнеслась молва объ одномъ умершемъ сапожникѣ, что онъ является по ночамъ и давитъ сонныхъ людей — съ такою силою, что оставляетъ на ихъ тѣлѣ синія пятна; мертвеца вынули изъ могилы, отсѣкли ему голову, туловище сожгли, а голову зарыли на позорномъ мѣстѣ. Въ Гессенѣ еще въ недавнее время, какъ только наставала моровая язва, крестьяне разрывали могилы, и если находили неистлѣвшіе трупы, то отсѣкали у нихъ головы. У скандинавовъ былъ обычай — тѣла заподозрѣнныхъ мертвецовъ сожигать на кострѣ, а пепелъ бросать въ море [1]). Всѣ исчисленные нами обряды имѣютъ цѣлію воспрепятствовать вампиру выходить изъ могилы, высасывать кровь и губить населеніе. Они направлены: a) противъ ногъ, съ помощію которыхъ вампиръ посѣщаетъ людскія жилища; чтобы лишить его возможности двигаться, ему подрѣзываютъ подколѣнныя жилы и пятки; b) противъ рукъ, которыми онъ схватываетъ и давитъ свою жертву: ихъ связываютъ лыками; c) противъ поѣдучей пасти мертвеца: ему стараются забить глотку, зажать ротъ камнемъ или землею; пока онъ не разжуетъ этого камня, не съѣстъ этой земли, до тѣхъ поръ уста его и зубы не свободны и не въ

[1]) Zeitsch. für D. Myth., IV, 260—282; Часопись чешск. муз. 1863, I, 13—15; Громаннъ, 191; Этн. Сб., V, ст. Гильфердинга, 69—70; Шоттъ, стр. 297—8.

состоянiи ни сосать, ни грызть живаго человѣка. d) Макъ, какъ снотворное зелье, долженъ усыпить могильнаго обитателя. е) Словацкая сказка повѣствуетъ о вовкулакѣ, у котораго было девять дочерей; восемь старшихъ онъ умертвилъ, а когда погнался за девятою — догадливая дѣвица сбросила съ себя платокъ и сказала: «не догнать тебѣ, пока не изорвешь этого платка въ лоскутья, пока не разщиплешь его на тонкiя нити, и потомъ не выпрядешь и не соткёшь снова!» Вовкулакъ исполнилъ эту трудную задачу и погнался за дѣвицей; съ тѣми-же словами она сбрасываетъ съ себя платье, оплечье, кофту, рубашку, и голая спасается отъ страшной смерти [1]. Согласно съ стариннымъ уподобленiемъ облаковъ прядеву, тканямъ и одеждамъ, вампиръ только тогда и можетъ упиваться кровью (=дождевою влагою), когда прядетъ туманы, ткетъ облачныя покровы или разрываетъ ихъ въ бурной грозѣ. Это миѳическое представленiе, вмѣстѣ съ вѣрою въ предохранительную силу наузы (узла, петли), привело къ убѣжденiю, что пока вампиръ или вообще нечистый духъ не распутаетъ всѣхъ узловъ и петлей—онъ связанъ въ своихъ дѣйствiяхъ и не можетъ повредить человѣку. f) Вѣрнѣйшимъ же средствомъ противъ блуждающихъ мертвецовъ признается совершенное уничтоженiе ихъ труповъ. По древнему воззрѣнiю, душа усопшаго только тогда дѣлается вполнѣ-свободною, когда оставленное ею тѣло разсыпается прахомъ, и наоборотъ пока оно не истлѣетъ, между имъ и душею не перестаетъ существовать таинственная связь. Замѣчая, что нѣкоторые трупы долгое время остаются нетлѣнными, что у покойниковъ даже отростаютъ волоса и ногти, предки наши видѣли въ этомъ несомнѣнные признаки продолжающейся жизни, и вѣрили, что душа невдругъ покидаетъ бренную оболочку, что и по смерти она

---

[1] Zeitsch. für D. M., IV, 224—8.

сохраняетъ къ своему тѣлу прежнюю привязанность, прилетаетъ къ нему въ могилу, входитъ въ него, какъ въ знакомое ей обиталище, и такимъ образомъ временно оживляетъ мертвеца и подымаетъ его изъ гроба. Чтобы порвать эту посмертную связь души съ тѣломъ, чтобы окончательно удалить ее изъ здѣшняго міра, необходимо было предать трупъ сожженію. Только въ пламени погребальнаго костра отрѣшалась она отъ всего матеріальнаго, влекущаго долу, очищалась отъ земнаго праха и содѣянныхъ грѣховъ, сопричиталась къ стихійнымъ духамъ и вмѣстѣ съ ними восходила въ свѣтлое царство боговъ. У всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существовало глубоко-вкорененное убѣжденіе, что пока надъ тѣломъ усопшаго не будетъ совершенъ погребальный обрядъ = пока оно не будетъ разрушено огнемъ, до тѣхъ поръ душа его не обрѣтаетъ покоя, томится, мучится, и блуждая въ семъ мірѣ, мститъ за себя своимъ безпечнымъ родичамъ и землякамъ неурожаями, голодомъ и болѣзнями (см. стр. 249). Въ наше время думаютъ, что такая страдальческая участь по смерти ожидаетъ всѣхъ лишенныхъ христіанскаго погребенія. Въ силу этихъ вѣрованій сожженіе вампировъ первоначально было не столько казнію, направленною противъ злыхъ демоновъ, сколько благочестивою заботою объ успокоеніи душъ, очищеніи ихъ огнемъ и водвореніи въ райскихъ обителяхъ. Вся обрядовая обстановка такого сожженія служитъ знаменіемъ небесной грозы, въ бурномъ полетѣ которой (по мнѣнію нашихъ праотцевъ) возносились на тотъ свѣтъ легкія тѣни усопшихъ. Осиновый или дубовый колъ, вбиваемый въ грудь мертвеца,—символъ громовой палицы; въ погребальномъ обрядѣ ему соотвѣтствуетъ молотъ Индры или Тора, которымъ издревле освящали покойника и пріуготовленный для него костеръ. Тоже значеніе соединялось и съ колючей лозою терна, боярышника или шиповника; сербы называютъ терновый кустъ: вукодржица (дер-

жащій волка=вовкулака [1]). Острый гвоздь и могильный заступъ суть позднѣйшія замѣны этихъ древнѣйшихъ символовъ. Огонь, на которомъ сожигаютъ вампировъ, стараются добывать изъ дерева посредствомъ тренія, такъ какъ именно этотъ огонь и признавался равносильнымъ «живому» пламени грозы [2]); въ другихъ же мѣстностяхъ ихъ сожигаютъ на терновомъ кострѣ. Пепелъ, остающійся послѣ сожженія вампира, бросаютъ въ воду; самый трупъ его окачиваютъ вскипяченнымъ виномъ или обливаютъ сквозь рѣшето водою, что символически означаетъ омовеніе усопшаго въ дождевомъ ливнѣ, погруженіе его души въ небесный потокъ, переплывая который можно достигнуть царства блаженныхъ (вино=метафора дождя; о миѳическомъ значеніи рѣшета или сита см. I, 571). Въ народной памяти уцѣлѣли суевѣрныя представленія, что пронзённый коломъ и пожигаемый пламенемъ вампиръ реветъ, какъ раненый звѣрь (=завыванье грозовой бури) и истекаетъ кровью (=дождемъ); изъ его тѣла выползаютъ гады (=змѣи-молніи), а вокругъ пылающаго костра подымаются вихри.

Какъ производители неурожаевъ, голода и повальныхъ болѣзней, упыри и вѣдьмы отождествлялись съ поѣдучею Смертію, и наравнѣ съ этою злобною богинею и другими демоническими существами (великанами, змѣями и чертями) являются въ народныхъ сказаніяхъ пожирающими человѣческое

---

[1]) Književnik, годъ 3, III—IV, 450; Срп рјечник, 79. — [2]) Часопись чешск. муз. 1840, III, ст. Вагилевича, 236—7. Такъ какъ вампиры умерщвляютъ людей чрезъ высасываніе изъ нихъ крови, то наоборотъ: умерщвленные вампирами тотчасъ-же оживаютъ, какъ скоро будетъ возвращена имъ высосанная кровь (Н. Р. Ск., V, 30, d); кто заболѣваетъ вслѣдствіе укушенія мертвеца, тому совѣтуютъ давать хлѣбъ или питье, съ примѣсью крови, добытой изъ вампира, или тою-же кровью предлагаютъ ему натирать недужное тѣло — Zeitsch. für D. M., IV, 261; Пузин., 128.

мясо. Когда человѣкъ умираетъ, душа его увлекается въ сообщество загробныхъ духовъ, а тѣло дѣлается снѣдью червей, тлѣетъ и разрушается; отсюда родилось убѣжденіе, что духи эти, призывая къ себѣ смертныхъ (=отымая у нихъ жизнь), питаются ихъ мясомъ. Manducus—оборотень, чудовище съ большою пастью, Я. Гриммъ производитъ отъ mandere, manducare—ѣсть, жевать; a masca (=larva, привидѣніе, оборотень, личина), итал. maschera, сближаетъ съ словами mâcher, mascher и masticare (значеніе тоже, что и глагола «mandere»). Вѣдьмамъ нерѣдко давались названія larve, maske, и начиная съ индусовъ, у всѣхъ племенъ арійскаго происхожденія онѣ представляются жадными на человѣческое мясо [1]). На Украйнѣ увѣряютъ, будто упыри гоняются по ночамъ за путниками съ громкимъ возгласомъ: «ой, мяса хочу, ой, мяса хочу!» [2]) По свидѣтельству народныхъ преданій, колдуны являются по смерти въ ночное время, бродятъ по деревнѣ, морятъ и поѣдаютъ живыхъ людей [3]). Въ одной сказкѣ [4]) повѣствуется о мертвецѣ, который пришелъ на свадьбу, умертвилъ жениха и невѣсту, пожралъ всѣ приготовленныя яства, вмѣстѣ съ посудою, ложками и ножами; а затѣмъ закричалъ: «ѣсть хочу! голоденъ!» и бросился было на солдата, но тотъ отдѣлался отъ него, благодаря осиновому полѣну и раздавшемуся крику пѣтуха. Выше (стр. 271—3) мы привели любопытное преданіе о человѣкѣ, ищущемъ безсмертія; оно извѣстно въ двухъ варіантахъ, и та роль, которую въ одномъ варіантѣ исполняетъ Смерть, въ другомъ приписывается вѣдьмѣ: эта послѣдняя пожираетъ людей и точитъ на нихъ свои страшные зубы. И славяне, и нѣмцы надѣляютъ вѣдьмъ огромными зубами [5]). По народнымъ разсказамъ, когда

---

[1]) D. Myth., 1036. — [2]) Lud Ukrain., II, 56—57. — [3]) Н. Р. Ск., VI, 65, а, е, 66; сб. Валявца, 237—9; Slov. pohad., 29. — [4]) Н. Р. Ск., V, 30, е. — [5]) D. Myth., 247.

умираетъ вѣдьма или «заклятая» царевна (=та, которою овладѣлъ нечистый духъ), тѣло усопшей заключаютъ въ гробъ, окованный желѣзными обручами, выносятъ въ церковь и заставляютъ кого-нибудь «отчитывать» ее [1]); ночью, ровно въ двѣнадцать часовъ, вдругъ подымается сильный вихрь, желѣзные обручи лопаются съ оглушительнымъ трескомъ, гробовая крышка спадаетъ долой—и вслѣдъ затѣмъ вѣдьма или заклятая царевна встаетъ изъ гроба, летитъ по воздуху, бросается на испуганнаго чтеца и пожираетъ его—такъ, что къ утру остаются отъ него однѣ голыя кости [2]). Только тотъ можетъ избѣгнуть опасности, кто очертится круговою чертою и станетъ держать передъ собой молотъ, это священное орудіе бога-громовника. Разсказываютъ еще, что нѣкогда, въ старые годы, умеръ отчаянный безбожникъ; тѣло его вынесли въ церковь и приказали дьячку читать надъ нимъ псалтырь. Этотъ догадался захватить съ собой пѣтуха. Въ полночь, когда мертвецъ всталъ изъ гроба, разинулъ пасть и устремился на свою жертву, дьячокъ стиснулъ пѣтуха; пѣтухъ издалъ обычный крикъ—и въ туже минуту мертвецъ повалился навзничь оцѣпенѣлымъ и неподвижнымъ трупомъ (харьков. губ.). Какъ глубоко запала въ нашихъ предковъ суевѣрная боязнь мертвецовъ, лучше всего свидѣтельствуетъ любопытное посланіе царя Алексѣя Михайловича къ знаменитому Никону о кончинѣ патріарха Іосифа [3]). Ввечеру, пишетъ царь, пошелъ я въ соборную церковь проститься съ покойникомъ, «а надъ нимъ одинъ свя«щенникъ говоритъ псалтырь, и тотъ.... во всю голову кри-

---

[1]) Отчитыванье, т. е. чтеніе въ слухъ священнаго писанія надъ „заклятыми“ и усопшими, считается вѣрнѣйшимъ средствомъ для избавленія ихъ отъ демонской власти. — [2]) Н. Р. Ск., VII, 35, 36, b, c; Н. Р. Лег., стр. 143—5; Пермск. Сб., II, 173—4; Худяк., 11; Штиръ, 10; Вольфъ, 258—262 («Die Leichenfresserin»). — [3]) Ак. Арх. Эксп., IV, 57.

«чить, а двери всѣ отворилъ; и я началъ ему говорить: для «чего ты не по подобію говоришь? «Прости де, государь, страхъ «нашелъ великой, а во утробѣ де, государь, у него святителя «безмѣрно шумѣло... Часы де въ отдачу вдругъ взнесло живот у него государя (усопшаго патріарха) и лицо въ тужъ «пору почало пухнуть: то-то де меня и страхъ взялъ! я де «чаялъ—ожилъ, для того де я и двери отворилъ, «хотѣлъ бѣжать». И меня прости, владыко святый! отъ «его рѣчей страхъ такой нашелъ, едва съ ногъ не свалился; «а се и при мнѣ грыжа-то ходитъ прытко добрѣ въ животѣ, «какъ есть у живого, да и мнѣ пріиде помышленіе такое отъ «врага: побѣгни де ты вонъ, тотчасъ де тебя вскоча «удавитъ... да поостоялся, такъ мнѣ полегчѣло отъ страху».

Такъ какъ души представлялись малютками=эльфами, марами, то отсюда родилось повѣрье, что упыри и вѣдьмы крадутъ и поѣдаютъ младенцевъ, т. е. по первоначальному смыслу: исторгаютъ у людей души, уничтожаютъ ихъ жизненныя силы. Стриги и ламіи классическихъ народовъ и нѣмецкія hexen, являясь въ дома, похищаютъ изъ колыбелей младенцевъ, терзаютъ ихъ и жарятъ на огнѣ; на своихъ нечестивыхъ сборищахъ вѣдьмы убиваютъ дѣтей, добытую изъ нихъ кровь смѣшиваютъ съ мукою и пепломъ, а жиръ употребляютъ на изготовленіе волшебной мази [1]). Памятники XV—XVII столѣтій сохранили намъ свидѣтельства о тѣхъ несчастныхъ жертвахъ народнаго суевѣрія, которыхъ обвиняли, будто они превращаются въ волковъ, пьютъ младенческую кровь, пожираютъ дѣтей, и вслѣдствіе этихъ обвиненій подвергали суду и предавали сожженію. По словамъ барона Гакстгаузена [2]), въ Арменіи разсказываютъ, что когда волчій оборотень приблизится къ людскому жилищу—окна и двери сами

---

[1]) D. Myth., 1012, 1018, 1027, 1035. — [2]) Закавказ. край, II, 61.

собой отворяются, вовкулакъ входитъ внутрь дома, бросается на дѣтей и утоляетъ свой голодъ ихъ кровью и мясомъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи поселяне убѣждены, что вѣщицы выкрадываютъ изъ утробы спящей матери ребенка, разводятъ на шесткѣ огонь, жарятъ и съѣдаютъ его, а взамѣнъ похищеннаго дитяти кладутъ ей въ утробу голикъ, головню или краюшку хлѣба: повѣрье, напоминающее вышеприведенные разсказы о похищеніи вѣдьмою сердца, на мѣсто котораго она влагаетъ обрубокъ дерева или связку соломы. Поэтому беременныя женщины, въ отсутствіе мужей своихъ, не иначе ложатся спать, какъ надѣвая на себя что-нибудь изъ мужниной одежды, или по крайней мѣрѣ опоясываясь мужнинымъ поясомъ; эта одежда служитъ знаменіемъ, что онѣ продолжаютъ состоять подъ покровомъ (=защитою) главы семейства, а поясъ преграждаетъ (=завязываетъ) къ нимъ доступъ злой чародѣйкѣ [1]). Въ народныхъ сказкахъ вѣдьмы уносятъ тайкомъ или заманиваютъ къ себѣ маленькихъ дѣтей, жарятъ ихъ въ печи, и пресытившись этою яствою, катаются по землѣ и причитываютъ: «покачуся, поваляюся, Ивашкина мяса наѣвшись!» [2]) Бѣлоруссы увѣряютъ, что Смерть передаетъ усопшихъ бабѣ-ягѣ, вмѣстѣ съ которою разъѣзжаетъ она по бѣлому свѣту, и что баба-яга и подвластныя ей вѣдьмы питаются душами покойниковъ, и отъ того дѣлаются столь-же легкими, какъ самыя души [3]): преданіе въ высшей степени знаменательное! Раз-

---

[1]) Этн. Сб., VI, 147—8; Совр. 1856, XII, 196; Lud Polski Gołębiowskiego, 155. — [2]) Въ образѣ эльфа (какъ указано выше) представленіе души сочеталось съ представленіемъ грозоваго генія, и потому сказка о вѣдьмѣ и хитромъ мальчикѣ, котораго она хочетъ пожрать, живописуетъ: во 1-хъ, черную тучу, поглощающую молніи (Поэт. Воз., II, 481), и во 2-хъ, Смерть (Моровую дѣву), похитительницу душъ человѣческихъ. — [3]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 19—20, 110.

сказываютъ также, что баба-яга крадетъ дѣтей, подымаетъ ихъ на воздухъ и бросаетъ оттуда мертвыми на кровлю дома [1]). У валаховъ, когда въ семьѣ народится младенецъ, одинъ изъ присутствующихъ при этомъ перекидываетъ черезъ себя камень; а прочіе восклицаютъ: «вотъ тебѣ, стрига, въ глотку! [2]) Во Франціи существуетъ повѣрье, что въ глухую полночь вѣдьмы собираются возлѣ источниковъ и занимаются стиркою, но вмѣсто бѣлья—моютъ, крутятъ и бьютъ вальками младенческіе трупы (сравни выше стр. 363 [3]).

Бабѣ-ягѣ принадлежитъ весьма важная и многознаменательная роль въ народномъ эпосѣ и преданіяхъ славянскаго племени. Въ разныхъ отдѣлахъ настоящаго сочиненія мы неразъ останавливались на этихъ преданіяхъ, и объясняя ихъ первоначальный смыслъ, указывали на сродство бабы-яги съ вѣщими облачными женами. Она живетъ у дремучаго лѣса въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, которая поворачивается къ лѣсу задомъ, а къ пришельцу передомъ; летаетъ по воздуху и ѣздитъ на шабаши вѣдьмъ въ желѣзной ступѣ, погоняя толкачемъ или клюкою и заметая слѣдъ помеломъ. Бѣлоруссы утверждаютъ, что баба-яга ѣздитъ по поднебесью въ огненной ступѣ и погоняетъ огненною метлою, что во время ея поѣзда воютъ вѣтры, стонетъ земля, трещатъ и гнутся вѣковыя деревья. Какъ эта ступа, такъ и подвижная избушка (=домашній очагъ)—метафоры грозовой тучи, а толкачъ или клюка=Перунова палица (I, 291; II, 530-1). Сверхъ того, баба-яга обладаетъ волшебными, огнедышащими конями, сапогами-скороходами, ковромъ-самолетомъ, гуслями-самогудами и ме-

---

[1]) Ганушъ: Дѣдъ и Баба, 61 — [2]) Шоттъ, 297. По греческому сказанію, новорожденный Зевсъ обязанъ своимъ спасеніемъ камню, который дали проглотить Кроносу. — [3]) Совр. 1852, I, ст. Жоржъ-Занда, 78.

чемъ-самосѣкомъ [1]), т. е. въ ея власти состоятъ и быстролѣтныя облака, и бурные напѣвы грозы, и разящая молнія. Преслѣдуя сказочныхъ героевъ, убѣгающихъ отъ ея злобы и мщенія, она гонится за ними черною тучею [2]). У чеховъ и донынѣ дождевыя облака называются бабами (см. выше стр. 120). Что-же касается слова яга (ега, пол. jędza, jądza, jędži-baba, словац. jenži, jenzi, ježi-baba, чеш. jezinka, галиц. язя), то оно соотвѣтствуетъ санкр.-му ahi—змѣй (корень ah и съ носовымъ пазвукомъ anh—II, 512 [3]). Тамъ, гдѣ въ славянскихъ сказкахъ дѣйствующимъ лицомъ является баба-яга, параллельныя мѣста новогреческихъ и албанскихъ сказокъ выставляютъ ламію и дракониду [4]): лат. lamia—колдунья, вѣдьма, и болг. ламья, ламя—баснословная змѣя. Скажемъ болѣе: у самыхъ славянъ баба-яга и миѳическая змѣиха выступаютъ въ преданіяхъ, какъ личности тождественныя; что въ одномъ варіантѣ приписывается змѣѣ, то нерѣдко въ другомъ исполняется ягою, и наоборотъ; на Украйнѣ поѣдучую вѣдьму обыкновенно называютъ змѣею [5]). Замѣчательно, что тѣже эпическія выраженія, какими обрисовывается избушка бабы-яги, прилагаются и къ змѣиному дворцу. Словацкая сказка изобра-

---

[1]) Терещ., VII, 162; Иллюстр. 1845, 298; Ч. О. И. и Д., годъ 3, III, ст. Макаров., 106; Пов. и пред., 185; Абев., 324—5; Рус. Преданія, I, 60—63; II, 17—25; Н. Р. Ск., I, 3, а; IV, 44; VII, 30; VIII, 8; Глинск., II, 23. — [2]) Škultety a Dobšinsky: Slov povesti, I, 45; Ч. О. И. и Д. 1865, IV, 270. — [3]) Звукъ h, сохраненный въ русскомъ, въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ смягчается въ жд=зд (пол. dz), ж и з. Чешск. jedu-baba, по мнѣнію г. Лавровскаго (Ч. О. И. и Д. 1866, II, 24—25), образовалось позднѣе изъ „яждати, ѣздити, ѣдѫ“. Согласно съ сварливымъ, неугомоннымъ характеромъ бабы-яги, областныя русс. ягать, яжить стали употребляться въ значеніи: кричать, шумѣть („что ты яжишь, какъ яга-баба?“) яганъ—буянъ, грубіянъ—Обл. Сл., 273; Доп. обл. сл., 313.— [4]) Ганъ, I, стр. 40; II, 178—182, и Н. Р. Ск., VII, 30. — [5]) Худяк., 46; Н. Р. Ск., I-II, стр. 36; VI, стр. 283.

жаетъ сыновей ежи-бабы лютыми змѣями [1]). Очевидно, что подъ этимъ именемъ, смыслъ котораго давнымъ-давно утраченъ народною памятью, предки наши разумѣли мать змѣя-Вритры, демона, похищающаго дожди и солнечный свѣтъ (сравни II, 534; III, 14). Подобно змѣю, баба-яга любитъ сосать бѣлыя груди красавицъ, т. е. извлекать молоко (=дождь) изъ грудей облачныхъ нимфъ; подобно змѣю, она ревниво сторожитъ источники живой воды и заботливо прячетъ въ своихъ кладовыхъ мѣдь, серебро и золото, т. е. сокровища солнечныхъ лучей [2]). Такъ, по свидѣтельству одной сказки, жили-были два богатыря, взяли къ себѣ названную сестру, и повадилась къ ней ходить и сосать груди баба-яга [3]). Богатыри заприм்ѣтили, что сестра ихъ стала хирѣть и сохнуть; подстерегли ягу, изловили и заставили указать себѣ источникъ съ живою водою. Приводитъ ихъ яга въ лѣсную трущобу, указываетъ на колодецъ и говоритъ: «вотъ цѣлющая и живущая вода!» Тогда богатырь, по имени Катома, сломилъ съ дерева зеленую вѣтку и бросилъ въ колодецъ; не успѣла вѣтка до воды долетѣть, какъ вся огнемъ вспыхнула. Разгнѣвались добрые мòлодцы, вздумали за такой обманъ бросить бабу-ягу въ огненный колодецъ (=метафора грозовой тучи); но она упросила-умолила пощадить ее и привела къ другому колодцу. Катома отломилъ отъ дерева сухой прутикъ и только что кинулъ въ воду — какъ онъ тòтчасъ-же пустилъ ростки, зазеленѣлъ и разцвѣлъ [4]). Словаки вѣрятъ, что баба-яга можетъ по собственному произволу насылать ненастье и ясную погоду [5]). Такъ какъ наводимый

[1]) Slov. pohad., 338 и дал. — [2]) Ганушъ: Дѣдъ и Баба, 63. — [3]) По другому варіанту это дѣлаетъ змѣй. — [4]) Н. Р. Ск., V, 35; VIII, 23; Lud Ukrain., I. 325. Наравнѣ съ драконами (I, 586-8), вѣдуны и вѣдьмы тотчасъ-же разрываютъ наложенныя на нихъ оковы и пропадаютъ изъ темницы, какъ скоро добудутъ воды и утолятъ свою жажду. — [5]) Пов. и пред., 124—5; Nar. zpiewanky Коллара, I, 420—1.

тучами мракъ уподоблялся ночи, а слѣдующее за грозой прояснение солнца напоминало утренній разсвѣтъ, то русская сказка [1]) отдаетъ во власть яги трёхъ таинственныхъ всадниковъ — бѣлаго, краснаго и чернаго, олицетворяющихъ собою день, солнце и ночь. Наконецъ подобно змѣю, баба-яга пожираетъ человѣческое мясо. Вокругъ избы, въ которой живетъ она, тянется заборъ изъ человѣческихъ костей или высокій тынъ съ воткнутыми на немъ черепами; изъ тѣхъ-же костей устроены и ворота: вереями служатъ нòги, засовомъ—рука, а замкòмъ—челюсть съ острыми зубами [2]). Баба-яга и вѣдьмы чуютъ присутствіе скрытаго человѣка, и при всякой встрѣчѣ съ странствующими героями восклицаютъ: «фу-фу! доселева русскаго духа видомъ не видано, слыхомъ не слыхано, а нынѣ русской духъ въ очью проявляется!» или: «что это русскимъ духомъ пахнетъ!» Тѣже слова произносятъ при встрѣчѣ съ людьми и всѣ другія миѳическія лица, которымъ приписывается пожираніе человѣческаго мяса: Чудо Морское, Вихрь, драконы, великаны, черти. Въ нѣмецкихъ сказкахъ означенныя восклицанія замѣняются выраженіемъ: «у-у-у! я чую—здѣсь пахнетъ человѣческимъ мясомъ!» На ряду съ вѣдьмами, баба-яга воруетъ дѣтей, жаритъ и поѣдаетъ ихъ; на ряду съ вѣдьмами, она питается душами усопшихъ [3]). Какъ олицетвореніе черной тучи, какъ существо, равносиль-

---

[1]) Н. Р. Ск., IV, 44. — [2]) Ibidem; Маякъ, XV, смѣсь, 21—22. — [3]) Н. Р. Ск., I. 3. 4. 13. Пов. и пред., 181; сказ. Грим., I, стр. 180; Norweg. Volksmärch., I, 5, 24, 27; II, 6. У финновъ бабѣ-ягѣ соотвѣтствуетъ Сіеэтеръ=пожируха (Зап. Ак. Н. 1862, I, ст. Шифнера, 136); въ чувашской сказкѣ старая вѣдьма какъ только вошла въ избу, такъ и закричала: „что это человѣческимъ духомъ пахнетъ?"—Матушка, возразила ей дочь, да развѣ ты не каждый день употребляешь въ пищу человѣческое мясо; такъ какому-же запаху быть въ нашей избушкѣ! (Чуваш. разговоры и сказки, 36—37.)

ное змѣю, производителю засухъ, безплодія и мороваго повѣтрія, баба-яга въ средѣ вѣщихъ облачныхъ женъ является съ значеніемъ третьей парки и роднится съ богинею смерти (см. выше стр. 355, и II томѣ на стр. 780-3 — преданія, сближающія бабу-ягу съ литовской лаумой [1]). Народная фантазія представляетъ ее злою, безобразною съ длиннымъ носомъ, растрепанными волосами, огромнаго роста старухою. Именемъ «яги» — точно также, какъ именемъ «вѣдьмы» — поселяне называютъ въ брань старыхъ, сварливыхъ и некрасивыхъ женщинъ. Слѣдуя эпическому описанію сказокъ, баба-яга, костяная нога, голова пестомъ, лежитъ въ своей избушкѣ изъ угла въ уголъ, носъ въ потолокъ вросъ, груди черезъ грядку повисли. Замѣчательно, что Лихо (Недоля, злая парка) олицетворяется въ нашихъ сказаніяхъ бабой-великанкою, жадно-пожирающею людей; по выраженію южнорусскаго варіанта: Лихо покоится на ложѣ изъ человѣческихъ костей, голова его лежитъ на покути, а ноги упираются въ печку (II, 698-9). Бабу-ягу называютъ на Руси: a) ярою, бурою, дикою [2]), что̀ указываетъ на связь ея съ бурными, грозовыми тучами и съ неистовой породою великановъ (I, 616; II, 618), и b) желѣзною. Малороссіяне, не позволяя дѣтямъ щипать гороха, говорятъ: «нейди въ горохъ, бо тамъ зализна баба сидить!» Тою-же угрозою останавливаютъ они ребятишекъ, чтобы не бѣгали въ лѣса и сады [3]). Въ пошехонскомъ уѣздѣ крестьяне съ цѣлію удержать дѣтей отъ своевольнаго бѣганья по огородамъ и нивамъ, запугиваютъ ихъ полевымъ дѣдомъ или бабой-ягою,

---

[1]) Желая навести дождь, яга выставляетъ на дворъ мертвую голову (=Морану=черную тучу—сравни II, 157). — [2]) Украински приказки, 70, 285: „чортъ ярой бабн!“ „чортъ бурой (или дикой) баби!“ Н. Р. Ск., II (изд. 3), 34, b: яга-бура. — [3]) Номис., 274.

костяной ногою, съ большими грудями и сопливымъ носомъ. Въ другихъ славянскихъ земляхъ увѣряютъ дѣтей, что въ колосистомъ хлѣбѣ сидитъ baba jędza, žitnamatka, sserpashija, ловитъ шалуновъ и давитъ ихъ своими желѣзными грудями. По мнѣнію чеховъ, житная баба является на поляхъ и нивахъ по преимуществу въ то время, когда хлѣбъ начинаетъ цвѣсти и наливаться. Сербы пугаютъ шаловливыхъ дѣвочекъ и мальчиковъ гвоздензубою—бабою съ желѣзными зубами [1]). Тѣже самыя повѣрья и эпитеты нѣмцы соединяютъ съ Бертою=Гольдою. Свѣтлая богиня рая, кроткая владычица эльфовъ (блаженныхъ душъ), она, въ силу присвоенныхъ ей обязанностей неумолимой Смерти, получаетъ демоническій характеръ и преобразуется въ дикую или желѣзную Берту (wilde Bertha, Eisenbertha), отличительными признаками которой считаются: страшное лице, всклоченные волоса, длинный носъ, вѣникъ въ рукахъ и коровья шкура, наброшенная вмѣсто верхней одежды. Гольда (Hulda, Huldra) представляется то молодою красавицей, то сгорбленной, длинноносою и косматою старухою, съ большими зубами [2]). У кого вихрятся волоса, о томъ принято выражаться: «er ist mit der Holle gefahren!» Стращая капризныхъ дѣтей, говорятъ: «schweig! die eiserne Bertha (или: Percht mit der eisernen nas) kommt». Въ Альтмаркѣ и Бранденбургѣ плачущаго ребенка заставляютъ умолкать слѣдующими словами: «halts maul! sonst kommt roggenmöhme (kornweib [3]) mit schwarzen langen (или: mit eisernen) zitzen und schleppt dich hinweg!» Эта roggenmöhme представляется женщиной огромнаго роста; ее считаютъ матерью блуждающихъ по нивамъ волчьихъ оборот-

---

[1]) Ганушъ, 160; Срп. рјечник, 84; Громаннъ, 15. — [2]) По свидѣтельству нѣкоторыхъ сагъ, она прекрасна спереди и безобразна сзади. — [3]) Möhme=muhme, mutter.

ней (roggenwolfen). Чтобы дѣти не трогали сноповъ, ихъ пугаютъ вовкулакомъ: «der verwolf sitzt im korn!» «der wolf ist im korne; wenn er euch frisst, müssen eure seelen von baum zu baum fliegen, bis das korn eingefahren ist.» Kornmutter имѣетъ огненные пальцы и съ горячими желѣзными сосками груди, которыя заставляетъ сосать заблудившихся дѣтей; груди ея такъ длинны, что она можетъ закидывать ихъ за плечи. Когда вѣтеръ волнуетъ ниву — это она гоняется за малютками, и пойманныхъ толчетъ въ желѣзной маслобойнѣ или, подобно Бертѣ (I, 165), отнимаетъ у нихъ зрѣніе. Во время жатвы нѣмцы, славяне и литовцы послѣдній связанный снопъ посвящаютъ «житной бабѣ»; его наряжаютъ въ женское платье, украшаютъ цвѣтами и зеленью, и торжественно, съ пѣснями, несутъ въ деревню; снопъ этотъ называютъ бабою, kornpuppe, grosze mutter, die alte [1]). Такимъ образомъ народныя повѣрья сближаютъ бабу-ягу съ царицею эльфовъ; истребляя родъ людской, она забираетъ къ себѣ прекрасныхъ малютокъ, т. е. эльфоподобныя души, и вмѣстѣ съ ними скрывается въ колосистыхъ нивахъ; сравни съ вышеприведенными сказаніями о мавкахъ, русалкахъ и полудницахъ (стр. 137-8, 242). Острые желѣзные зубы бабы-яги (первоначально: метафора разящихъ молній) отождествляютъ ее съ поѣдучею Смертію; длинныя желѣзныя груди, которыми она удушаетъ дѣтей, указываютъ на ея сродство съ дивоженами; у послѣднихъ груди такъ велики, что онѣ употребляютъ ихъ вмѣсто вальковъ (II, 343). Эти груди = дождевыя облака; а смертельные удары, наносимые ими, знаменуютъ громъ. Замѣчательно, что бабѣ-ягѣ приписывается обладаніе волшебнымъ прутомъ [2]), которымъ стоитъ только махнуть, какъ тотчасъ-

---

[1]) Beiträge zur D. Myth., II, 422; D. Myth., 247—9, 255—6; Die Götterwelt, 293—5; Roggenwolf und roggenhund, 26, 29—32; Korndämonen, 20; Гануша: Дѣдъ и Баба, 9. — [2]) Lud Ukrain., I,

же все живое превращается въ камень: это—тотъ молніеносный жезлъ, прикосновеніемъ котораго Гермесъ (=проводникъ усопшихъ въ загробное царство) погружалъ людей въ непробудный, вѣчный сонъ. Длинный сопливый носъ бабы-яги—черта нелишенная значенія и столь-же древняя, какъ и спутанныя, растрепанныя ея косы. Напомнимъ, что, по свидѣтельству сказокъ, прекрасный герой (=богъ свѣтлаго неба) на семь зимнихъ мѣсяцевъ дѣлается неопрятнымъ замарашкою (Неумойкою): во все это время онъ не чешется, не стрижется, не моется и не сморкается, т. е. покрывается облаками и туманами, которые изстари уподоблялись косматымъ волосамъ, и не проливаетъ дождей (II, 773). Г. Потебня слово сопля производитъ отъ глагола сыпать, который въ малорусскомъ нарѣчіи употребляется въ смыслѣ: лить; старо-слав. сѫчити, сѫкнѫти, пол. sączyć—испускать жидкость («источникъ из-сякъ») и малорос. сякать, высякать-ся—сморкать, высморкаться. По другому преданію, сказочный герой превращается въ сопливаго козла; но вотъ наступаетъ пора освобожденія: онъ берется за гусли и начинаетъ (грозовую) пѣсню; наносимые ему удары (=удары грома) прекращаютъ силу чародѣйнаго заклятія, козлиная шкура спадаетъ и предается сожженію [1]). Бѣлоруссы разсказываютъ, что во время жатвы ходитъ по нивамъ Бѣлунъ, заставляетъ встрѣчныхъ утирать себѣ носъ и за эту услугу разсыпаетъ передъ ними деньги (I, 93—94), т. е. золото солнечныхъ лучей. Тождество бабы-яги съ Бертою и Гольдою подтверждается еще тѣмъ, что всѣ онѣ равно представляются пряхами. По указанію народныхъ преданій, баба-яга прядетъ кудель, ткетъ холсты и гоняется за своими жертвами съ желѣзнымъ грѣбнемъ въ рукахъ [2]); сербская гвоздензуба носитъ

321—4; сб. Валявца, 120—7; Срп. припов., 29. — [1]) Н. Р. Ск., VI, 50. — [2]) Ibid., I, 3; Глинск., I, 88; Slov. pohad., 250.

въ горшкѣ горячіе уголья, и встрѣчая нерадивыхъ прахъ, жжетъ имъ пальцы. Выше (стр. 345, 349, 357) мы указали, что изъ понятія смерти возникла мысль о могучей судьбѣ, представительницами которой явились три мойры, норны или моровыя дѣвы. Согласно съ этимъ, сказки нерѣдко упоминаютъ о трехъ вѣщихъ сестрахъ — бабахъ-ягахъ, изображая ихъ хотя и сварливыми, но добрыми и услужливыми старухами: онѣ предвѣщаютъ страннику что̀ ожидаетъ его впереди, помогаютъ ему мудрыми совѣтами, даютъ ему богатырскаго коня, клубокъ, указывающій дорогу въ невѣдомыя страны, коверъ-самолетъ и другія диковинки. Изъ святочныхъ игръ [1]) можно заключать, что баба-яга мастерица загадывать загадки и разрѣшать ихъ таинственный смыслъ.

---

[1]) Терещ., VII, 162.

XXVII.

ПРОЦЕССЫ О КОЛДУНАХЪ И ВѢДЬМАХЪ.

Въ предыдущей главѣ указано нами, что обвиненія волхвовъ и женъ-чародѣекъ въ сношеніяхъ съ нечистыми духами, въ похищеніи дождей и земнаго плодородія, въ насланіи болѣзней, голода и моровой язвы возникли изъ древнѣйшихъ основъ языческаго міросозерцанія. Подобныя обвиненія всякой разъ, какъ только страну постигало общественное бѣдствіе, возбуждали противъ нихъ народную месть и вызывали суровыя казни сожженія, потопленія и зарыванія въ землю. Впослѣдствіи, когда водворилось христіанство, высшія духовныя власти рѣдко и небезусловно возвышали свой голосъ противъ несправедливости и жестокости такихъ казней. Мы знаемъ только протестъ епископа Серапіона (XIII в.), который впрочемъ не отвергаетъ возможности колдовства, а осуждаетъ произволъ народной мести и требуетъ для обвиняемыхъ правильнаго суда. По необходимому закону всякаго историческаго развитія, новая религія должна была стать во враждебныя отношенія къ старымъ народнымъ вѣрованіямъ, и главнымъ образомъ противодѣйствіе свое направить на лицъ, которые были предста-

вителями и хранителями языческаго культа: умѣли гадать, предвѣщать, цѣлить недуги, обладали тайной молитвенныхъ заклинаній и священныхъ обрядовъ. Такими лицами были волхвы, кудесники, чаровницы, мужи и жены вѣщіе. Христіанская іерархія не могла относиться къ нимъ индеферентно; по ея выраженію, это—были «бѣсовскіе сосуды», пособники сатаны, черезъ посредство которыхъ онъ разсѣеваетъ въ народѣ злое сѣмя невѣрія. Съ своей стороны волхвы и кудесники также не могли оставаться равнодушными при видѣ тѣхъ успѣховъ, какіе дѣлала религія, чуждая ихъ интересамъ, недоступная ихъ пониманію, направленная противъ «старожизненныхъ» боговъ и праотческихъ завѣтовъ.

При самомъ введеніи христіанства св. Владиміромъ, дѣло не обошлось безъ борьбы. Іоакимовская лѣтопись сохранила намъ свидѣтельство о возстаніи новгородцевъ, которые, не желая измѣнять вѣру и отказываясь креститься, взялись за оружіе; по словамъ этой лѣтописи: «Богомилъ, высшій надъ жрецы словянъ, вельми претя люду покоритися» [1]). Ѳеодоръ и Іларіонъ, первые епископы Ростова, принуждены были бѣжать отъ озлобленія тамошнихъ язычниковъ, а св. Леонтій пострадалъ отъ нихъ смертію; въ посланіи Симона о немъ сказано: «первый ростовскій Леонтій священномученникъ... его-же невѣрніи, много мучивше, убиша; и се третій гражданинъ небесный бысть руськаго міра съ онѣма варягома (убитыми при в. кн. Владимірѣ), вѣнчався отъ Христа». Событіе это изслѣдователи относятъ ко времени около 1070 года. Такая-же мученическая кончина постигла и препод. Кукшу, который въ половинѣ XII в. проповѣдывалъ вятичамъ: вcѣ свѣдаютъ (писалъ про него Симонъ), «како вятичи крести... и по многыхъ мукахъ усѣченъ бысть съ своимъ ученикомъ Никономъ» [2]).

---

[1]) Рос. Ист. Татищева, I, 39. — [2]) Истор. рус. церкви Филарета, еписк. рижскаго, изд. 1848 г., I, 30—34.

По свѣдѣніямъ, занесеннымъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», въ XI-мъ столѣтіи волхвы громко, всенародно хулили христіанство, и пользуясь своимъ вліяніемъ на массу населенія, старались возбуждать ее къ открытому сопротивленію. Такъ въ 1071 году въ Кіевѣ явился волхвъ, который предсказывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ назадъ, земля греческая станетъ на мѣстѣ русской, а русская на мѣстѣ греческой; тогда-же переставятся и прочія земли. Въ народѣ нашлись невѣгласи, которые охотно слушали волхва и вѣрили его предсказаніямъ; но «вѣрные» посмѣялись ему, говоря: «бѣсъ тобою играетъ на пагубу тобѣ»—и дѣйствительно волхвъ пропалъ въ одну ночь, безъ вѣсти. Переяславскій лѣтописецъ дополняетъ, что, по словамъ волхва, ему предстали пять боговъ и велѣли повѣдать людямъ о будущихъ измѣненіяхъ странъ, и что самъ онъ погибъ, вринутый въ ровъ («и вринуша его бѣси въ ровъ»). Также и волхвъ, явившійся въ Ростовѣ въ 1091 году, погибе вскорѣ. Можно догадываться, что волхвы гибли не безъ участія ревностныхъ приверженцовъ христіанской стороны. На это имѣется и нѣсколько положительныхъ указаній. Посланный на Бѣлоозеро для сбора княжеской дани Янъ, вмѣстѣ съ священникомъ и двѣнадцатью вооруженныхъ отроковъ, выходилъ на волхвовъ, которыхъ не хотѣли выдать ему мѣстные жители. Волхвовъ было двое, но у нихъ были свои сторонники; эти люди ринулись на Яна, одинъ изъ нихъ уже замахнулся на него топоромъ, но по старинному выраженію—огрѣшился, не попалъ; тогда Янъ, оборотя топоръ, ударилъ своего противника тульемъ, а остальныхъ приказалъ рубить отрокамъ. Мятежная толпа не устояла и побѣжала въ лѣсъ. Въ этой схваткѣ убитъ и священникъ. Наконецъ настоянія и угрозы Яна заставили бѣлозерцевъ схватить и выдать ему волхвовъ. Начался допросъ. Волхвы требовали поставить ихъ передъ княземъ Святославомъ; «самъ ты

ничего не можешь намъ сдѣлать, говорили они Яну: такъ повѣдаютъ наши боги!» —Лгутъ ваши боги! возразилъ Янъ и велѣлъ ихъ бить и рвать за бороды; потомъ связалъ ихъ, посадилъ въ ладью и вмѣстѣ съ ними поплылъ по Шекснѣ. Остановясь на устьѣ этой рѣки, онъ спросилъ: «что вамъ повѣдаютъ боги?»—Боги повѣдаютъ, отвѣчали волхвы, что не быть намъ въ живыхъ. «Правду говорятъ!»—Но если отпустишь насъ—много будетъ тебѣ добра; а погубишь—многую печаль и зло пріимешь. Янъ не повѣрилъ предсказанію; оба волхва были убиты и повѣшены на дубъ; трупы ихъ достались въ пищу лѣснымъ звѣрямъ. Болѣе значительное возстаніе волхва было въ Новгородѣ при князѣ Глѣбѣ, о чемъ лѣтопись повѣствуетъ такъ: «всталъ волхвъ... творяся акы Богъ, многы прельсти, мало не всего града; глаголашеть бо, яко все вѣдаю, и хуля вѣру хрестьянскую, глаголашеть бо, ако перейду по Волхову предъ всѣми. И бысть мятежь въ градѣ, и вси яша ему вѣру и хотяху погубити епископа; епископъ же вземъ крестъ и облекъся въ ризы, ста рекъ: иже хощеть вѣру яти волхву, то да идеть за нь; аще ли вѣруеть кто, то ко кресту да идеть. И раздѣлишася надвое: князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и сташа у епископа, а людье вси идоша за волхва, и бысть мятежь великъ межи ими.» Тогда князь, скрывши подъ верхнею одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «знаешь ли, что̀ будетъ утромъ и что̀ будетъ къ вечеру?»—Все знаю! отвѣчалъ волхвъ. «Знаешь ли, что теперь должно совершиться?»—Я сотворю великія чудеса! При этихъ словахъ князь выхватилъ топоръ и ударилъ волхва съ такою силою, что онъ тотчасъ-же палъ мертвый; смерть его поразила народное воображеніе, толпа разувѣрилась въ его пророческомъ призваніи и тихо разошлась по домамъ [1]).

---

[1]) П. С. Р. Л., I, 75—78, 92; Лѣтоп. Переяслав., 47.

Хотя народъ и принялъ христіанство, но уставы и преданія предковъ не вдругъ утратили для него свою обаятельную силу; втай еще продолжали жить старыя вѣрованія и соблюдаться старые обряды. «Невѣгласи» (а такими слѣдуетъ признать цѣлыя массы населенія) еще долгое время совершали мольбы и требы языческимъ богамъ, и во всѣхъ сомнительныхъ и тревожныхъ случаяхъ прибѣгали къ помощи колдуновъ и чародѣевъ. Завѣты древней религіи и культа сохранялись въ семьяхъ, передавались по наслѣдству отъ отцевъ дѣтямъ, и потому легко укрывались отъ посторонняго вмѣшательства и преслѣдованій. Сверхъ того, при всеобщей грубости нравовъ и отсутствіи образовательныхъ началъ, предки наши и не въ состояніи были возвыситься до воспринятія христіанства во всей его чистотѣ; мысль ихъ, опутанная сѣтью миѳическихъ представленій, на всякое новое пріобрѣтеніе налагала свои обманчивыя краски и во всякомъ новомъ образѣ силилась угадывать уже знакомыя ей черты. Результатомъ этого было странное, исполненное противорѣчій смѣшеніе естественной религіи съ откровенною: преданія и миѳы о древнихъ богахъ переносятся на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ; суевѣрные обряды и чары обставляются предметами, освященными въ церкви, каковы: ладонъ, пепелъ кадила, св. вода, свѣчи страстная, богоявленская, срѣтенская и вѣнчальная, верба, сбереженная отъ недѣли Вайй, соль «четверговая» [1]), которую, по свидѣтельству Стоглава, клали подъ престолъ, и проч.; заговоры сливаются съ христіанскими молитвами, и рядомъ съ воззваніями къ стихійнымъ силамъ природы народъ призываетъ ангеловъ, апостоловъ и Пречистую Дѣву; языческія празднества пріурочиваются къ христіанскому календарю; священниковъ заставляютъ кататься по нивамъ — на плодородіе почвы,

---

[1]) Пережженная на чистый четвергъ.

выдергивать хлѣбные заломы, принимать неустановленныя церковными правилами приношенія. Старинные моралисты называли нашихъ предковъ людьми двоевѣрными, и нельзя не признаться, что эпитетъ этотъ вѣрно и мѣтко обозначалъ самую существенную сторону ихъ нравственнаго характера.

Духовенство, въ высшихъ своихъ представителяхъ, сознавало вредъ и незаконность такого положенія дѣлъ, и въ поученіяхъ своихъ постоянно возвышало голосъ какъ противъ басней и обрядовъ, наслѣдованныхъ отъ языческой старины, такъ и противъ народнаго довѣрія къ волхвамъ, вѣдунамъ и вѣдуньямъ. Кириллъ Туровскій возстаетъ на скоморошество, игры, волхованіе, потворы, и запрещаетъ искать и посѣщать волхвовъ. Въ правилахъ митрополита Іоанна (XII в.) предписывается: кто будетъ творить волхованіе и чары, тому не давать св. причастія [1]). Въ Кормчей книгѣ, по списку 1282 года, велѣно всѣхъ, «иже въслѣдоуе(ю)ть поганымъ обычае(я)мъ и къ волъхвомъ или обавникомъ ходять, или въ домъ свой призывають, хотяще увидѣти отъ нихъ нѣкая неизрѣченная»—отлучать на шесть лѣтъ отъ церкви [2]). Подобные же запреты встрѣчаемъ въ грамотахъ игумена Памфила (1505 года), митрополитовъ Фотія и Даніила, въ Домострое, Стоглавѣ и другихъ памятникахъ, направленныхъ противъ народнаго суевѣрія. Въ поученіи священнослужителямъ 1499 года сказано, чтобы они не принимали приношеній отъ волхва, потворника, игреца (скомороха); а въ дополнительномъ указѣ (1552 г.) къ Судебнику повелѣно было кликать по торгамъ, чтобы къ волхвамъ, чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили, подъ опасеніемъ опалы и духовнаго запрещенія [3]). Въ патріаршей грамотѣ на основаніе Львовскаго братства 1586 года читаемъ: «а еслибы

---

[1]) Памят. XII в., 90, 121; Рус. Достоп., I. 91. — [2]) Ист. Христом. Бусл., 381—2. — [3]) Доп. къ Ак. Ист., I, 22; Пам. стар. рус. литер., IV, 202; Ак. Ист., I, 109, 154.

въ которомъ мѣстѣ или селѣ будетъ чаровница или ворожка—сосуды діавольскія, или волшебница... да истребится отъ церкве, и тѣхъ, которые діаволомъ прельстившися до чаровницъ и до ворожокъ ходять, отлучайтеся» [1]). Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVI вѣка [2]) мы нашли слѣдующее правило: «грѣхъ есть стрячи (встрѣчи) вѣровавши—опитемьи 6 недѣль, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть въ чохъ вѣрова(ти) или въ полазъ—опитемьи 15 дней, по 100 поклоновъ на день... грѣхъ есть къ волхвамъ ходити, вопрошать или въ домъ приводити, или чары дѣявше—опитемьи 40 дней, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть пивши зеліе молока дѣля или дѣтей дѣля—опитемьи 3 недѣли, поклоновъ по 60... грѣхъ есть дѣявше чары каковы-любо въ питьи — опитемьи 5 лѣтъ, поклоновъ по 100 на день; грѣхъ есть носивше наузы какіе-любо—опитемьи 40 дней, поклоновъ по 60 на день», и т. дал.

Къ волхвамъ и чаровницамъ чаще всего обращались съ просьбами объ исцѣленіи недуговъ. Духовенство старалось искоренить этотъ обычай; оно убѣждало, что чародѣи служатъ сатанѣ и врачуютъ его силою, а потому если и спасаютъ тѣло, то губятъ душу. Изъ вопросовъ Кирика и отвѣтовъ Нифонта узнаемъ, что всякой, кто приходилъ къ волхвамъ лѣчиться или приносилъ къ нимъ дѣтей для навязки предохранительныхъ наузъ, подлежалъ эпитемьи [3]). Въ словѣ «о злыхъ дусѣхъ», приписанномъ св. Кириллу [4]), высказаны сильные упреки тѣмъ, которые въ случаѣ болѣзни обращались къ женамъ-чародѣйкамъ: «о горе намъ прельщенымъ бѣсомъ и скверными бабами... идемъ во дно адово съ проклятыми бабами!» Проповѣдникъ совѣтуетъ недужнымъ приглашать поповъ, «да творятъ молитвы врачебныя, Бога призывающе». Митрополитъ Фотій

---

[1]) Памятн., изд. Врем. Кіевск. Коммис., III, 18. — [2]) Рукопись, принадлеж. купцу Болотову. — [3]) Памят. XII в., 202. — [4]) Москв. 1844, I, 243–5.

въ посланіи своемъ новгородцамъ (1410 года) предписываетъ священникамъ: «такожъ учите ихъ (паству), чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примовленья, ни зелья, ни ворожества и елика такова; занеже съ того гнѣвъ божій приходитъ, и гдѣ таковыя бабы находятся—учите ихъ, чтобы престали и каялись бы, а не имутъ слушати—не благословляйте ихъ; христіаномъ заказывайте, чтобы ихъ не дрьжали между себѣ нигдѣ, гонили бы ихъ отъ себе, а сами бы отъ нихъ бѣгали, аки отъ нечистоты; а кто не имать слушати васъ, и вы тѣхъ отъ церкви отлучайте» [1]). Тѣже требованія заявляютъ царская грамота 1649 года, различныя назидательныя статьи и «Домострой». Изъ послѣдняго памятника видно, что бабы-колдуньи ходили по боярскимъ домамъ, лѣчили недуги, гадали, переносили вѣсти, и особенно-охотно были принимаемы на женской половинѣ. Слѣдующее свидѣтельство, занесенное въ притчу о женской злобѣ, не смотря на общій тонъ этого сочиненія, явно-враждебный женщинѣ, кажется, указываетъ на дѣйствительныя бытовыя черты: «издѣтска начнетъ она у проклятыхъ бабъ обавничества навыкать и еретичества искать, и вопрошати будетъ многихъ, како-бъ ей замужъ выйтить и какъ-бы ей мужа обавити на первомъ ложѣ и въ первой банѣ; и взыщетъ обавниковъ и обавницъ, и волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствою будетъ шепты ухищряти и подъ нозѣ подсыпати, и въ возглавіе и въ постелю вшивати, и въ порты рѣзаючи, и надъ челомъ втыкаючи, и всякія прилучившіяся къ тому промышляти, и кореніемъ и травами примѣшати, и всѣмъ надъ мужемъ чаруетъ» [2]). Когда приключится болѣзнь, «Домострой» совѣтуетъ возлагать надежду на Бога, а съ волхвами и тѣми, кто промышляетъ зельемъ, отнюдь не знать-

---

[1]) Ак. Арх. Эксп., I, 369; сравни поученіе Петра-митрополита въ Пам. стар. рус. лит., IV, 187. — [2]) Пам. стар. рус. лит., II, 463—4.

ся и на дворъ ихъ къ себѣ не приводить [1]). Троицко Сергіевскій монастырь, въ приговорной грамотѣ 1555 года, запрещалъ въ своихъ волостяхъ держать скомороховъ, волхвовъ и бабъ-ворожеекъ; за нарушеніе этого указа назначалась пѣня въ десять рублей съ каждой сотни, а скомороха, волхва или бабу-ворожейку, «бивъ да ограбивъ, выбити изъ волости вонъ» [2]).

Другою заботою духовенства было уничтоженіе народныхъ игрищъ; вмѣстѣ съ музыкой, пѣснями, плясками и ряженьемъ въ мохнатыя шкуры и личины, игрища эти вызывали строгія запретительныя мѣры, какъ дѣло нечестивое, бѣсовское, принадлежавшее нѣкогда къ религіознымъ обрядамъ язычества. Свидѣтельства памятниковъ были приведены нами выше (I, 339-345), а потому, избѣгая повтореній, считаемъ достаточнымъ указать на царскую окружную грамоту 1648 года. «Многіе люди (сказано въ этой грамотѣ), забывъ Бога и православную хрестьянскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ—скомороховъ послѣдуютъ, на безчинное ихъ прел(ь)щеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ... да въ городѣхъ же и въ уѣздахъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище, сходятся многіе люди мужского и женского полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ... и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе», поютъ пѣсни, играютъ во всякія бѣсовскія игры и накладываютъ на себя личины и платье скоморошеское. Запрещая все это подъ страхомъ наказанія батогами и ссылкою, грамота предписываетъ: скомороховъ никуда не принимать, а буде гдѣ объявятся домры, сурны, волынки, гудки, гусли и хари—таковыя немедленно отбирать, ломать и огнемъ жечь [3]).

---

[1]) Времен., I, 33, 38, 40—44, 57. — [2]) Ак. Арх. Эксп., I, 244. — [3]) Ак. Ист., IV, 35.

Съ особенною ревностью были преслѣдуемы такъ называемыя «отреченныя» или «отметныя» книги, принесенныя къ намъ, вмѣстѣ съ грамотностію, изъ Византіи и отчасти съ запада; къ нимъ причислялись и тѣ листы и тетрадки, въ которыхъ записывались народные заговоры, примѣты и суевѣрныя наставленія. Слѣдуя церковному индексу, запретными книгами признавались: а) Острологъ (другія названія: Мартолой, Остономія, Звѣздочетецъ и Зодій). Въ статьѣ о ложныхъ книгахъ сказано: «Звѣздочетецъ—12 звѣздъ; другій Звѣздочетецъ, ему-же имя Шестодневецъ: въ нихъ-же безумніи людіе вѣрующе волхвуютъ, ищуще дній роженія своего, сановъ полученія и урока житію». Это—сборникъ астрологическихъ замѣчаній о вступленіи солнца въ различные знаки зодіака, о вліяніи планетъ на счастіе новорожденныхъ младенцевъ (=тоже, что Рожденникъ, Родословіе), а также на судьбы цѣлыхъ народовъ и общественное благоденствіе; отсюда почерпались предсказанія о грядущихъ событіяхъ: будетъ ли миръ или война, урожай или голодъ, повсемѣстное здравіе или моровая язва. b) Рафли = греч. ραμπλιον—астрологическая книга, раздѣленная на двѣнадцать схемъ (σχήματα), въ которой трактуется о вліяніи звѣздъ на ходъ человѣческой жизни [1]). Стоглавъ [2]) замѣчаетъ, что тяжущіеся, какъ скоро доходило до судебнаго поединка, призывали на помощь волхвовъ—«и въ тѣ поры волхвы и чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и въ Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по планетамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ... и на тѣ чарованія надѣяся, поклепца и ябедникъ не мирятся и крестъ цѣлуютъ и на поли бьютца, и поклепавъ побиваютъ». Вслѣдствіе этого современный Стоглаву указъ требуетъ, подъ опасеніемъ опа-

---

[1]) Правосл. Собесѣд. 1860, XI, 250. — [2]) Глава 40, вопр. 17.

лы и духовнаго запрещенія, чтобы къ чародѣямъ и звѣздочетцамъ не ходили и у поля бы чародѣи не были [1]). Одна изъ грамотъ 1628 года называетъ Рафли «гадальными тетрадями». Кромѣ того, о Рафляхъ упоминаетъ еще Домострой; но въ статьѣ о ложныхъ книгахъ, тщательно перечислившей запретныя тетрадки, этого имени не встрѣчаемъ—вѣроятно, потому, что въ сущности оно обозначало тоже самое, что «Острологъ» или «Зодій» [2]). c) Аристотелевы Врата—переводъ средневѣковаго сочиненія: «Secreta secretorum», составленіе котораго приписывалось Аристотелю. Книга эта, сверхъ нравственныхъ наставленій, содержитъ свѣдѣнія по астрологіи, медицинѣ и физіогномикѣ; она состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, называемыхъ вратами. d) Громникъ или Громовникъ=греч. βροντολόγια: въ рукописи императорской вѣнской библіотеки означенъ «твореніемъ премудраго Праклія, царя перскаго». Книга эта извѣстна по спискамъ XV—XVI столѣтій, сербскаго письма, и заключаетъ въ себѣ различныя, расположенныя по мѣсяцамъ, предзнаменованія (о состояніи погоды, о будущихъ урожаяхъ, болѣзняхъ, ратяхъ и пр.), соединяемыя съ громомъ и землетрясеніемъ; къ этому присоединяются иногда и замѣтки «о состояніи луны право или пологo», съ указаніемъ на значеніе такихъ признаковъ въ разныя времена года [3]). e) Молникъ (Молніяникъ), сохра-

---

[1]) Ак. Ист., I, 154. — [2]) Словомъ raffla на западѣ означалось: метаніе жребія, азартная игра въ кости. Поэтому г. Пыпинъ приписываетъ „Рафлямъ" западное происхожденіе и думаетъ, что гадательными тетрадями названы они въ смыслѣ извѣстной книжки „Соломона", которая и донынѣ съ успѣхомъ расходится въ народѣ чрезъ посредство дешевыхъ (лубочныхъ) изданій. Въ этой книжкѣ изображенъ кругъ съ цифрами и напечатаны различныя краткія изреченія, долженствующія служить отвѣтами на вопросы гадающихъ; на какой цифрѣ остановится брошенный шарикъ или зерно (=зернь), та цифра и указываетъ гадающему нумеръ отвѣта. — [3]) Въ числѣ отреченныхъ книгъ упоминаются

вившійся въ сербской рукописи XV столѣтія: здѣсь собраны свѣдѣнія, въ какіе дни мѣсяцевъ что̀ предвѣщаетъ ударъ молніи. f) Коле(я)дникъ = *καλανδολόγια* содержитъ въ себѣ примѣты, опредѣляемыя по днямъ, на какіе приходится Рождество Христово (праздникъ Коляды); напримѣръ: «аще будетъ Рождество Христово въ среду — зима велика и тепла, весна дождева, жатва добра, пшеницы помалу, вина много, женамъ моръ, старымъ пагуба» (по списку XV стол.). g) Записка о дняхъ и часахъ добрыхъ и злыхъ. h.) Мысленникъ — вѣроятно, тоже самое, что̀ Разумникъ, содержащій апокрифическія сказанія о созданіи міра и человѣка. i) Волховникъ — сборникъ суевѣрныхъ примѣтъ, «еже есть се: храмъ трещитъ, ухозвонъ, вороноградй, курокликъ, окомигъ, огнь бучитъ, песъ выетъ», и проч. Нѣкоторыя статьи Волховника переписывались отдѣльно, и занесены въ индексъ подъ своими частными названіями, каковы: Вороноградй (примѣты и гаданія по крику во̀роновъ), Куроглашенникъ (— по крику пѣтуховъ), Птичникъ или Птичьи чарове (— по крику и полету птицъ вообще) и Трепетникъ — истолкователь примѣтъ, основанныхъ на трепетѣ различныхъ частей человѣческаго тѣла: «аще верхъ главы (челюсть, бровь, око и т. дал.) потрепещетъ, лицо или уши горятъ, во ухо десное и лѣвое пошумитъ (или позвонитъ), длань посвербитъ, подошвы отерпнутъ...» Подлинникъ Трепетника найденъ въ одной изъ греческихъ рукописей вѣнской библіотеки. k) Сносудецъ (Сновидецъ, Сонникъ). l) Путникъ — «книга, въ ней-же есть написано о срѣчахъ» добрыхъ или злыхъ. m) Зелейникъ — описаніе волшебныхъ и цѣлебныхъ травъ (зелій), съ указаніемъ на заговоры и другія суевѣрныя средства,

---

также: „мѣсяцъ окружится“ и „стѣнемъ (луннымъ и солнечнымъ затмѣніямъ) знаманье“.

употребительныя въ народной медицинѣ; подобныя тетрадки и донынѣ обращаются между простолюдинами—подъ названіемъ «травниковъ», «цвѣтниковъ» и «лѣчебниковъ». п) Чаровникъ, состоящій изъ 12-ти главъ, «въ нихъ-же суть двоенадесять опрометныхъ лицъ звѣриныхъ и птичіихъ» (см. выше, стр. 301), т. е. сказанія о блуждающихъ оборотняхъ. о) Метаніе (Метаньеимецъ или Розгомечецъ)—книга гаданій посредствомъ жребія (см. выше, стр. 383). У г. Пыпина описана подобная тетрадка конца XVII или начала прошлаго вѣка, названная «Книгой пророка и царя Давида». Желающіе допросить Судьбу метали жребіи, т. е. прутики (розги) съ нарѣзанными на нихъ чертами; вмѣсто этихъ прутиковъ могли употребляться и помѣченныя точками игральныя кости; по числу выпавшихъ нарѣзокъ или точекъ опредѣлялся нумеръ того изрѣченія гадательной книги, которое должно было служить отвѣтомъ на задуманный вопросъ. Такія изрѣченія въ «Давидовой книгѣ» скрѣпляются ссылкою на псалмы и другіе отдѣлы священнаго писанія; напримѣръ: «что во умѣ держишь и жедаешь, возрадуешися и сердце весело будетъ; о томъ царь Давидъ рече: изми мя, Господи, отъ человѣка лукава, и отъ мужа неправедна избави мя. Аще мечеши о болѣзни, и та болѣзнь минется; аще о дому, въ домѣ твоемъ здраво, и путь тебѣ доброй, и пропажа твоя сыщется». При нѣкоторыхъ отвѣтахъ добавлено: «эта меть добрая», или: «берегися—меть злая!» Наконецъ р) альманахи. Максимъ Грекъ, который неразъ протестовалъ противъ заблужденій современниковъ, въ одномъ обличительномъ словѣ коснулся и альманаховъ, обыкновенно наполнявшихся разными астрологическими предсказаніями. Къ намъ они занесены съ запада [1]). Такимъ

[1]) Стоглавъ, гл. 40, вопр. 22; Лѣтопись занят. Археогр. Ком., I, 29—32, 42—49, 53; Времен., I, 38 („Домострой"); Іоаннъ, экзархъ болгар., 211—2; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, предислов

образомъ календарные прогностики, напечатанные въ 1710-мъ и послѣдующихъ годахъ, [1]) уже имѣли своихъ предшественниковъ въ рукописныхъ сборникахъ допетровскаго времени. Отреченныя книги ясно свидѣтельствуютъ, что научныя познанія о природѣ были смѣшиваемы съ языческими вѣрованіями и волшебствомъ [2]). Духовная власть установляетъ бѣгать этихъ книгъ, аки Содома и Гомора, и если онѣ попадутся въ руки, то немедленно истреблять ихъ огнемъ: «аще кто заповѣдь божію преступитъ, а иметъ еретическія «писанія у себя держати, еже есть врагъ божій, и волхованію «ихъ вѣровати иметъ кто, съ тѣми со всѣми еретикы да будетъ проклятъ. Аще который отецъ духовный, вѣдая у себе таковаго въ сынѣхъ, а вѣдая то... иметъ ему въ томъ по«таковы (потачку) дѣяти, и пріемля его на частое покаяніе

стр. XXII, XXV; статьи г. Пыпина—въ Архивѣ истор. и практич. свѣд. 1860—1 г., I, 8—12; II, 15—27; Рус. Сл. 1862, I, 94, 100; О. З. 1857, XI, 344—6; Археолог. Вѣстникъ 1867, III, 113—8; Памят. отречен. рус. лит., II, 361—444. — [1]) Магазинъ землевѣд. и путешеств. Фролова, стат. Перевощикова, 507—604; Сѣв. Архивъ 1828, XI, 132. — [2]) Олеарій говоритъ, что русскіе признавали астрономію и астрологію за науки волшебныя, что умѣнье вычислять и предсказывать солнечныя и лунныя затмѣнія казалось для нихъ сверхъестественнымъ даромъ. Когда въ Москвѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что царь желаетъ принять Олеарія на службу въ званіи придворнаго астронома, то въ народѣ пошла молва, что въ скоромъ времени долженъ явиться волшебникъ. Эта молва и была причиною, почему ученый иноземецъ отказался отъ сдѣланнаго ему царемъ предложенія—Архивъ ист. и практ. свѣд. 1859, кн. III, 25—26. Въ началѣ XVIII в. извѣстный Брюсъ, составитель календаря, дополненнаго астрологическими предсказаніями, считался въ народѣ колдуномъ и чернокнижникомъ. По разсказамъ простолюдиновъ волшебники обладаютъ черною книгою, и съ ея помощію вызываютъ чертей, узнаютъ тайное и творятъ злыя чары. Кто случайно найдетъ такую книгу и станетъ читать ее, къ тому немедленно явятся черти и потребуютъ отъ него работы—Иллюстр. 1845, 183—4; Абев., 73.

«безъ опитеміи и безъ отлученія церковнаго, или иметъ (и) «самъ тоже творити... да извержется сана своего по прави«ломъ св. отецъ, и съ прежеречеными еретики съ тѣми со «всѣми да будетъ проклятъ, и написанная та на тѣлѣ его да «сожгутся». Осужденія, высказанныя статьею о ложныхъ книгахъ и другими памятниками (Стоглавомъ, Домостроемъ), были для своего времени какъ-бы оффиціальной цензурой. Предостерегая паству отъ чтенія запретныхъ сочиненій, духовенство называло ихъ «болгарскими баснями»: знакъ, что сочиненія эти явились къ намъ чрезъ посредство южнославянской письменности, которая уже прежде заимствовала ихъ изъ Византіи; уцѣлѣвшіе донынѣ списки особенностями языка и правописанія прямо обнаруживаютъ свое болгаро-сербское происхожденіе. Бо̀льшая часть отреченныхъ книгъ проникла въ Россію именно этимъ путемъ, и только нѣкоторыя должно считать занесенными съ запада [1]). Не смотря на то, народъ принималъ ихъ съ постоянно-возбужденнымъ любопытствомъ и довѣріемъ; потому что основы сообщаемыхъ ими свѣдѣній были тѣже самыя, на какихъ держались и національныя, наслѣдованныя отъ предковъ повѣрья. Книги эти были въ уровень съ умственнымъ развитіемъ общества; онѣ не противорѣчили его завѣтнымъ убѣжденіямъ и обращали его къ тѣмъ-же вопросамъ, какими издавна интересовалась народная мысль.

Христіанскіе пастыри не ограничились только поученіями и запретами; они требовали преданія обличаемыхъ строгому суду и казнямъ. Тотчасъ послѣ крещенія Русской земли, дѣла о волшебствѣ уже подлежали разсмотрѣнію духовной власти. Въ церковномъ уставѣ св. Владиміра къ вѣдомству духовнаго суда отнесены: «вѣтьство, зелейничество, потворы, чаро-

---

[1]) Кромѣ альманаховъ и книги: „Аристотелевы Врата“, можно указать еще на „Луцидаріусъ“, напечатанный въ 1-й кн. Лѣтописей г. Тихонравова, и отчасти на „планидники“.

дѣянія, волхованья» [1]). Обычною карою за эти преступленія было сожженіе; какъ сожигались музыкальные инструменты и волшебныя книги, такъ подобную-же участь испытывали и колдуны, и вѣдьмы. Въ 1227 году, по сказанію лѣтописца, въ-Новгородѣ «изъжгоша волхвовъ четыре, творяхуть я потворы дѣюща, а Богъ вѣсть, и сожгоша на Ярославлѣ дворѣ». По свидѣтельству Никоновской лѣтописи, волхвы были приведены сперва на архіепископскій дворъ, а потомъ уже преданы сожженію на Ярославовомъ дворѣ, не смотря на заступничество бояръ [2]). Въ началѣ XV столѣтія (въ 1411 году) псковичи сожгли двѣнадцать вѣщихъ жонокъ [3]); замѣтимъ, что около этого времени дѣйствовала на Руси страшная моровая язва, которая и могла послужить поводомъ къ ихъ обвиненію. О князѣ Иванѣ Андреевичѣ Можайскомъ сохранилось извѣстіе, что онъ сжегъ за волшебство мать Григорія Мамона [4]). Повѣсть о волхованіи, написанная для Ивана Грознаго, доказываетъ необходимость строгихъ наказаній для чародѣевъ, и въ примѣръ выставляетъ царя, который, вмѣстѣ съ епископомъ, «написати книги повелѣ и утверди, и проклятъ чародѣяніе, и въ весѣхъ заповѣда такихъ огнемъ пожечи» [5]). Котошихинъ говоритъ, что въ его время мущинъ за богохульство, церковную татьбу, волховство, чернокнижество и ереси сожигали живыхъ,

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист., I, 1. — [2]) П. С. Р. Л., III, 42; IV, 29; Никон. лѣт., II, 357: „явишася въ Новѣградѣ волхвы, вѣдуны, потворницы, и многая волхованія и потворы и ложная знаменья творяху, и много зла сотворяху, многихъ прельщающе. И собравшеся новгородцы изымаша ихъ, и ведоша ихъ на архіепископовъ дворъ. И се мужи княже(и) Ярославли вступишася о нихъ; новгородцы же ведоша волхвовъ на Ярославль дворъ, и складше огнь велій на дворѣ Ярославли, и связавше волхвовъ всѣхъ и вринуша во огнь, и ту згорѣша вси". — [3]) П. С. Р. Л., V, 22.— [4]) Лѣтописецъ русск. Н. Львова, III, 167; И. Г. Рос., V, 356 (изд. Сленина). — [5]) Москв. 1844, I, 246—9.

а женщинамъ за тѣже преступленія отсѣкали головы [1]). Изъ слѣдственныхъ-же дѣлъ XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частію наказывали ссылкою въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія. Вѣроятно, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ разсчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда. Въ грамотѣ, данной царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ на учрежденіе въ Москвѣ Славено-греко-латинской академіи, сказано: «а отъ церкви возбраняемыхъ наукъ, наипаче-же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учити и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковые учители гдѣ обрящутся, и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся». Блюстителю и учителямъ академіи предписывалось имѣть тщательное наблюденіе, чтобы никто изъ духовныхъ и мірскихъ людей не держалъ у себя «волшебныхъ, чародѣйныхъ, гадательныхъ и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ книгъ и писаній, и по онымъ не дѣйствовалъ, и иныхъ тому не училъ.» У кого-же объявятся такія богопротивныя книги, тотъ, вмѣстѣ съ ними, «безъ всякаго милосердія да сожжется» [2]). Колдовство поставлялось на ряду съ богохульствомъ, безбожіемъ и ересями и подлежало тому-же возмездію, какъ и эти послѣднія [3]). Сожженіе чародѣевъ на кострахъ согласовалось съ общимъ народнымъ убѣжденіемъ, которое, обвиняя колдуновъ и вѣдьмъ въ засухахъ, неурожаяхъ и повальныхъ болѣзняхъ, почитало такую казнь за единственное средство противъ постигшихъ бѣдствій. Выше (стр. 509—

---

[1]) По первому изд., стр. 91—92. — [2]) Др. Рос. Вивліоѳ., изд. 2, VI, 408, 415—6. — [3]) Такъ были преданы сожженію жидовствующіе, обвиняемые между прочимъ и въ занятіяхъ астрологіею; такъ въ 1689 году сожженъ за ересь иноземецъ Кульманъ —Собр. Гос. Гр. и Дог., IV, 204.

512) мы указали на любопытные примѣры народнаго самоуправства съ этими мнимыми виновниками неурожаевъ и моровой язвы; очень можетъ быть, что и засвидѣтельствованное лѣтописцами сожженіе волхвовъ и вѣщихъ жонокъ въ Новгородѣ и Псковѣ было совершено вольницею этихъ городовъ. По словамъ пѣсни, дѣвица-чародѣйка напекла змѣй, сварила зелье, и приготовила снадобье на гибель роднаго брата; но братъ смѣтилъ ея злой умыселъ:

Снималъ онъ съ сестры буйну голову...
И онъ бралъ со костра дрова,
Онъ клалъ дрова середи двора;
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что́ до самаго до пепелу,
Онъ развѣялъ прахъ по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить, плакати [1]).

Тому-же наказанію подвергаются колдуны и вѣдьмы и по свидѣтельству народныхъ сказокъ [2]). Христіанскіе пастыри не только скрѣпили своимъ авторитетомъ старинное мнѣніе о связи чародѣйства съ нечистою силою, но и придали этому мнѣнію болѣе-рѣшительный характеръ. Какъ на сообщниковъ злыхъ демоновъ, народъ возставалъ на колдуновъ и вѣдьмъ только въ чрезвычайныхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій; въ обыкновенное же время онъ довѣрчиво и съ уваженіемъ относился къ ихъ вѣщимъ дарованіямъ и охотно пользовался ихъ помощью. Напротивъ христіанство на всѣ проявленія колдовства смотрѣло безразлично; на его строгой взглядъ равно были грѣховны: и похитители дождей, напускатели града, вихрей, болѣзней, и составители цѣлебныхъ снадобій, наузники, ворожеи, гадатели. Отсюда возникли многія столкновенія, которыя живо рисуютъ передъ нами прошлую жизнь съ ея внутренней стороны.

---

[1]) Терещ., I. 107; Сахаров., I. 202. — [2]) Н. Р. Ск., II, 29; VII, 27; сказ. Грим., 11, 60 и др.

Вѣра въ колдовство, составляющая теперь исключительную принадлежность простонародья, въ допетровское время была общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ общества. По незначительной степени доступнаго тогда образованія, высшіе сословные разряды въ умственномъ и нравственномъ отношеніи почти не рознились отъ низшихъ: черта, существенно-отличающая древнюю нашу исторію отъ новѣйшей. Старинные обычаи равно соблюдались и во дворцѣ, и въ боярскихъ палатахъ, и въ избѣ крестьянина, на что́ указываетъ весь строй домашняго быта и въ особенности свадебный обрядъ; духъ суевѣрія одинаково властвовалъ надъ всѣми, начиная отъ поселянъ и до царя. Въ 1467 году скончалась супруга Ивана III-го Марія [1]), тѣло усопшей «разошлося» (распухло, отекло), и смерть ея приписана была дѣйствію отравнаго зелья. Подозрѣніе пало на жену Алексѣя Полуектова Наталью, которую обвиняли въ томъ, будто она посылала поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (ворожеѣ); тогда, замѣчаетъ лѣтописецъ, восполѣся князь на Алексѣя и его жену, и шесть лѣтъ не допускалъ его на свои пресвѣтлыя очи [2]). Отъ брака съ Маріей в. князь имѣлъ сына, который умеръ еще при жизни отца и оставилъ ему внука Димитрія—отъ Елены, дочери молдавскаго господаря. Во время спора, возникшаго за наслѣдство престола между внукомъ Ивана III и сыномъ его отъ новаго брака съ греческою царевною Софіей, сторонники Елены оговорили великую княгиню въ злыхъ умыслахъ и съ сношеніяхъ съ бабами-чародѣйками, «и въ то время (1497 г.) опалу положилъ князь великій на жену свою на вел. княгиню Софію о томъ, что къ ней приходиша бабы съ зеліемъ; обыскавъ тѣхъ бабъ лихихъ, князь великій велѣлъ ихъ казнити—потопити въ Москвѣ-рѣкѣ нощію, а съ нею съ тѣхъ мѣстъ нача

---

[1]) Дочь в. кн. тверскаго. — [2]) П. С. Р. Л., VI. 186.

жити въ бреженіи» [1]). Димитрій былъ вѣнчанъ на царство; но торжество его партіи было непродолжительно и—какъ извѣстно—окончилось заключеніемъ въ темницу этого несчастнаго царевича. Софія побѣдила, но за нею осталось названіе «чародѣйки греческой»: такъ обзываетъ ее Курбской въ исторіи Ивана Грознаго [2]). Великая княгиня Соломонія, супруга Василія Ивановича, вѣрная воззрѣніямъ своего вѣка, прибѣгала къ чарамъ и ворожбѣ, чтобы излѣчиться отъ неплодія. Изъ розыскнаго дѣла узнаемъ, что она развѣдывала о колдуньяхъ и приказывала приводить ихъ къ себѣ Ивану Юрьевичу Сабурову. «Есть, говорила ему вел. княгиня, на Москвѣ жонка — Стефанидою зовутъ, рязанка, и ты ее добудь и ко мнѣ пришли.» Сабуровъ исполнилъ просьбу, и съ помощію своей жены привелъ Стефаниду къ вел. княгинѣ; ворожея смотрѣла ей брюхо и сказывала, что дѣтей у нея не будетъ; потомъ наговаривала въ рукомойникѣ воду и совѣтовала вел. княгинѣ тою водою умываться, чтобы любилъ ее мужъ, а когда понесутъ къ вел. князю сорочку, чехолъ или порты, и въ то время она бы, омочивъ свои пальцы въ рукомойникѣ, охватывала ими бѣлье. Соломонія послѣдовала наставленію и дѣйствительно смачивала наговорной водою мужнино бѣлье и платье. Въ другой разъ она говорила Сабурову: «сказали мнѣ черницу, что она дѣти знаетъ (т. е. можетъ отвращать неплодіе), а сама безноса, и ты ту черницу добудь.» Черница была найдена, приведена къ Сабурову на подворье, и тамъ наговаривала не то масло, не то медъ прѣсный, и «посылала къ вел. княгинѣ съ Настею (женою Сабурова), а велѣла ей тѣмъ тертися отъ того-жъ, чтобъ ее князь великій любилъ, да и дѣтей дѣля» [3])—и вел. княгиня тѣмъ снадобьемъ терлась. Въ

---

[1]) Бережно, остерегаясь—ibid., 279. — [2]) Сказанія кн. Курбскаго, изд. 2,128. — [3]) Въ старые годы чары на любовь мужей были въ большомъ ходу. Когда кн. Курбской женился въ Литвѣ

заключеніе своихъ показаній Сабуровъ добавилъ: «а что ми говорити? того мнѣ не испамятовати, сколько ко мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прихаживало!» [1]) Но все было напрасно: чары не помогали, Соломонія не рождала дѣтей, а безъ нихъ исчезала и любовь вел. князя, который страстно желалъ имѣть наслѣдника, и однажды, по словамъ лѣтописца, увидя на деревѣ птичье гнѣздо, зарыдалъ и въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ жаловался на свою судьбу: «лютѣ мнѣ! кому уподоблюся азъ? не уподобихся ни птицамъ небеснымъ, яко птицы небесніи плодовиты суть, ни звѣремъ земнымъ, яко звѣри земніи плодовити же суть; не уподобихся азъ никому-же —ни водамъ, яко воды сія плодовити суть, волны бо ихъ утѣшающе и рыбы ихъ глумящеся! ни земли сей, яко и земля приноситъ плоды своя на всяко время!» Бояре отвѣчали ему: «государь! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измещутъ изъ вертограда.» И вел. князь, послѣ двадцати лѣтъ супружества съ Соломоніей, повелѣлъ постричь ее въ монахини: несчастную княгиню вывели изъ дворца, насильно постригли и заключили въ женской обители въ Суздали [2]). Князь Курбскій обвиняетъ и самого Василія въ такой-же заботливости помочь себѣ чарами: женившись снова на молодой женѣ, «самъ «старъ будучи, онъ искалъ чаровниковъ презлыхъ отовсюду, «да помогутъ ему ко плодотворенію. О чаровникахъ оныхъ «такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до «Корелы, и оттуду провожаху ихъ къ нему... совѣтниковъ «сатанинскихъ, и за помощію ихъ отъ прескверныхъ сѣменъ,

на Марьѣ Юрьевнѣ Козинской, довольно-пожилой вдовѣ, то она подобными-же средствами хотѣла упрочить расположеніе своего мужа. При обыскѣ въ сундукѣ ея найденъ былъ мѣшочекъ съ пескомъ, волосами и другими снадобьями, которыя (по свидѣтельству служанки) дала княгинѣ одна старуха—для того, чтобы ее любилъ князь—Жизнь кн. Курбскаго, I, 98. — [1]) Ак. Ист., I, 130. — [2]) П. С. Р. Л., IV, 295—6; Карамз. И. Г. Р., изд. 2, VII, 137.

«по произволенію презлому, а не по естеству отъ Бога вложен«ному, уродишеся ему два сына: единъ таковый прелютый и «кровопійца..., а другій былъ безъ ума и безъ памяти и без«словесенъ. Ту ми зрите и прилежно созерцайте, христіанскіе «родове! яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на по«мощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ чаровниковъ и «бабъ, смывателей и шептуней, и иными различными чарами «чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на по«мощь, что за полезную и яковую помощь отъ того имѣете!» [1]) Въ 1547 году Москву постигла страшная кара: великій пожаръ испепелилъ всѣ зданія, ни огороды, ни сады не уцѣлѣли, около 2000 народу сдѣлалось добычею пламени; народная молва приписала это бѣдствіе чародѣйству и обвинила въ немъ Глинскихъ, родственниковъ молодаго царя по матери; были они, говоритъ лѣтописецъ, у государя въ приближеніи и жалованіи, допускали грабежъ и насильство, и чрезъ то возбудили противъ себя общую ненависть черныхъ людей. Царскій духовникъ Благовѣщенскій протопопъ Ѳедоръ Барминъ, бояринъ князь Ѳедоръ Скопинъ-Шуйскій да Иванъ Ѳедоровъ довели о томъ до свѣдѣнія государя, и онъ приказалъ розыскать боярамъ. Бояре пріѣхали въ Кремль на площадь, къ Успенскому собору, собрали черныхъ людей и стали спрашивать: кто зажигалъ Москву? Толпа закричала: «княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми волховала, вынимала сердца человѣческія, клала ихъ въ воду, да тою водою, ѣздячи по Москвѣ, кропила — и отъ того Москва выгорѣла!» На площадь явился и Юрій Глинскій, родной дядя государя; но, слыша такое ужасное обвиненіе, поспѣшилъ укрыться въ Успенскомъ соборѣ. Озлобленная чернь бросилась за нимъ, убила его въ самой церкви и поволокла

---

[1]) Сказанія кн. Курб., изд. 2, 101—2.

трупъ на торговое мѣсто, гдѣ обыкновенно совершались казни; побили и многихъ людей его, а имущество разграбили. На третій день послѣ этого толпа приходила къ царю въ село Воробьево и требовала выдачи Анны Глинской и кн. Михаила Глинскаго, и только строгія мѣры, принятыя Иваномъ IV, заставили ее разбѣжаться [1]). Какъ въ смерти Маріи Тверской подозрѣвали участіе волшебства, такъ къ тому-же обычному обвиненію прибѣгли и противники Адашева и Сильвестра, при кончинѣ царицы Анастасіи (1560 г.); по свидѣтельству Курбскаго [2]), они говорили, «аки бы счаровали ее оные мужи» [3]), и совѣтовали царю не допускать ихъ передъ свое лице: «аще припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... обвяжутъ тя паки и покорятъ аки въ неволю себѣ»; и до сихъ поръ держали тебя, великаго государя, словно въ оковахъ, «а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовати и надъ всѣмъ владѣти». Внушенія эти должны были производить сильное вліяніе на воспріимчивую и подозрительную душу Ивана Грознаго, который относительно вѣры въ колдовство стоялъ невыше своихъ современниковъ. Такъ знаменитый воевода князь Михаилъ Воротынскій, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ вѣдьмами, былъ преданъ имъ жесточайшимъ пыткамъ. Связаннаго князя привели и поставили передъ царемъ, который сказалъ ему: «се на тя свидѣтельствуетъ слуга твой, иже мя еси хотѣлъ счаровати и добывалъ еси на меня бабъ шепчущихъ». Воротынскій отвѣчалъ: «не научихся, о царю! и не навыкохъ отъ прародителей сво-

---

[1]) Царствен. книга (СПБ., 1769), 137—143. — [2]) Сказан. кн. Курб., 76. — [3]) Испрашивая церковнаго разрѣшенія на четвертый бракъ, Иванъ IV говорилъ, что первая жена его изведена „вражіимъ навѣтомъ и злыхъ людей чародѣйствомъ и отравами“— Др. Рос. Вивліоѳ., XIII, 104.

ихъ чаровать и въ бѣсовство вѣрити, но Бога единаго хвалити... А сей клеветникъ — мой есть рабъ и утече отъ меня, окравши мя: не подобаетъ ти сему вѣрити и ни свидѣтельства отъ таковаго пріимати, яко отъ злодѣя и отъ предателя моего, лжеклевещущаго на мя!» По царскому повелѣнію, Воротынскаго положили на бревно между двухъ огней и начали медленно поджаривать, при чемъ самъ Грозный жезломъ своимъ подгребалъ къ его обнаженному тѣлу горячіе уголья. Послѣ пытки еле-живаго князя повезли въ ссылку на Бѣлоозеро, но на дорогѣ туда онъ скончался [1]). Если вѣрить Горсею, Иванъ IV въ послѣдніе годы жизни вполнѣ отдался предразсудкамъ своего вѣка. Зимою 1584 года явилась комета; больной царь вышелъ на Красное крыльцо, долго смотрѣлъ на нее и потомъ, измѣнившись въ лицѣ, сказалъ окружающимъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Встревоженный этой мыслею, онъ рѣшился прибѣгнуть къ волшебству: по его указу, на сѣверѣ Россіи [2]) было собрано до шестидесяти чародѣекъ; привезенныя въ Москву, онѣ содержались здѣсь подъ стражею, и царскій любимецъ Богданъ Бѣльскій ежедневно посѣщалъ ихъ, выслушивалъ и передавалъ царю ихъ предвѣщанія. Колдуньи утверждали, что свѣтила небесныя враждебны для государя и что онъ умретъ 18-го марта. Царь пришелъ въ бѣшенство и высказалъ желаніе, чтобы въ этотъ самый день лживыя колдуньи были преданы сожженію. Утромъ 18-го марта онъ почувствовалъ себя лучше и послалъ Бѣльскаго объявить чародѣйкамъ: какая ожидаетъ ихъ казнь за ложное предсказаніе. «Не гнѣвайся, бояринъ! отвѣчали онѣ, день начался съ восходомъ солнца, а кончится только съ его закатомъ.» Между тѣмъ царь собирался играть въ шахматы, началъ было разставлять шашки,

---

[1]) Сказ. кн. Курб., 99—100. — [2]) Между Холмогорами и Лапландіей.

но вдругъ упалъ въ обморокъ, и вскорѣ затѣмъ испустилъ послѣднее дыханіе [1]). Подъ 1570 годомъ Псковской лѣтописи находимъ интересное свидѣтельство, что Иванъ Грозный, по возвращеніи изъ ливонскаго похода, приблизилъ къ себѣ «нѣмчина лютаго волхва, нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ». Это былъ медикъ Бомелій, родомъ голландецъ. Онъ навелъ на царя «страхованіе» (боязливое недовѣріе къ своимъ), «на русскихъ людей царю возложи свирѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи». Это вліяніе иноземца лѣтописецъ объясняетъ такъ: узнали безбожные нѣмцы посредствомъ гаданій, что быть имъ отъ русскаго государя разореннымъ до конца, и того ради прислали къ нему такого злаго еретика, «понеже русскіе люди прелестни и падки на волхованіе» [2]).

Изъ крестоцѣловальныхъ записей на вѣрность царямъ Борису Годунову, Василію Шуйскому и Михаилу Ѳедоровичу видно, до какой степени сильна была въ ту эпоху вѣра въ возможность и могущество волшебныхъ чаръ; по всѣмъ городамъ и селеніямъ подданные обязаны были клясться: «а лиха «мнѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти, не мыслити «и не дѣлати никоторою хитростію — ни въ ѣствѣ, ни въ «питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ чемъ никакого лиха «не учинити, и зелья лихаго и коренья не давати и не «испортити; да и людей своихъ съ вѣдовствомъ да со «всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не по«сылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на госуда«рево лихо, и ихъ, государей, на слѣду всякимъ вѣдов«скимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ «по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду «не вымати». Всякой, кто узнаетъ о подобныхъ злыхъ

[1]) О. З. 1859, IX, 113—5; Библ. для Чтен. 1865, V, 63—65; Карамз. И. Г. Р., IX, 433 — [2]) П. С. Р. Л., IV, 318.

умыслахъ другаго человѣка, долженъ схватить его или сдѣлать на него извѣтъ [1]). О Борисѣ Годуновѣ, еще правителѣ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, разсказывается въ одной современной повѣсти, что онъ по разнымъ городамъ собиралъ волхвовъ и кудесниковъ, и ихъ «волшебствомъ и прелестію сотвори, яко и самъ царь Ѳедоръ Ивановичъ вельми любляше его.» Въ Морозовскую лѣтопись занесено любопытное извѣстіе, будто волхвы предсказали Борису, что ему суждено царствовать, но что царствованіе его будетъ недолгое: «призвавъ къ себѣ волх-«вовъ и волшебницъ, и вопроси ихъ: возможно ли вамъ сіе «дѣло усмотрѣти... буду ли я царемъ? Врагоугодницы же ему «сказаша: истинно тебѣ возвѣщаемъ, что получиши желаніе «свое—будеши на царствіи московскомъ; только на насъ не «прогнѣвайся... недолго твоего царствія будетъ, только семь «лѣтъ. Онъ же рече имъ съ радостію великою и лобызавъ «ихъ: хотя бы седмь дней, только бы имя царское положити «и желаніе свое совершити!» [2]) Въ старину ни одно важное дѣло не обходилось безъ обвиненій въ чародѣйствѣ, и вотъ когда началось слѣдствіе объ убіеніи царевича Димитрія, то въ числѣ показаній, отобранныхъ отъ различныхъ лицъ, встрѣчаемъ и такія: была у Михайла Битяговскаго юродивая жоночка и хаживала къ царицѣ Марьѣ [3]) «для потѣхи», и какъ царевичу приключилась смерть, царица Марья приказала ту жонку отыскать и убить—за то, что она царевича портила; а Михайло Нагой велѣлъ убить Битяговскаго, который съ нимъ почасту бранивался и уличалъ, будто онъ добываетъ на государя и государыню вѣдуновъ и хочетъ ихъ портить. Между этими вѣдунами названъ былъ Андрюшка Мочаловъ, котораго предписано было сыскать и въ оковахъ (по рукамъ и ногамъ)

---

[1]) Ак. Арх. Эксп., II, 10, 44; Доп. къ Ак. Ист., II, 1; Юрид. Ак., 333. — [2]) Карамз. И. Г. Р., X, примѣч. 221. — [3]) Мать Димитрія.

привезти въ Москву съ великимъ береженьемъ; что было потомъ съ Мочаловымъ? — неизвѣстно [1]). Ко времени царя Ѳедора Ивановича относится розыскъ надъ вѣдунами, которые сгубили въ Астрахани крымскаго царевича Муратъ-Гирея. Въ 1591 г., разсказываетъ лѣтопись, басурмане прислали изъ Крыму вѣдуновъ, и тѣ испортили царевича. Воеводы, видя его болѣзнь, привели къ нему лѣкаря-арапа. Лѣкарь отозвался, что «его излѣчить не можно, покамѣста сыщетъ вѣдуновъ, «кои его портили; и взя съ собою людей русскихъ и пошелъ «въ юрты, и въ юртахъ переималъ вѣдуновъ, и приведе къ «нему и муча ихъ.. Вѣдуны ему рекоша: буде де кровь ихъ «не замерзла [2]), инъ де можно пособить. Тотъ-же арапъ, «многій знатецъ, повелѣ имъ вѣдунамъ изъ себя метати «кровь въ лохань. Они же изъ себя выметали всю кровь, «кои татарове и татарки перепорчены съ царевичемъ». Лѣкарь спросилъ: «коево чья кровь? И они начаша сказывати все по «ряду; коя де кровь не замерзла, и тою кровью помажутъ ко«торого татарина или татарку, и онъ живъ станетъ; царевича «же кровь и царицына всѣ замерзли, и они сказали, что имъ «живымъ не быть.» Воеводы дали знать о томъ въ Москву; царь Ѳедоръ послалъ въ Астрахань Астафья Пушкина и велѣлъ ему учинить розыскъ и «тѣхъ вѣдуновъ пытать накрѣпко, по чьему умышленію царевича и царицу и татаръ испортили? и пытавъ ихъ, государь велѣлъ пережечь». По пріѣздѣ въ Астрахань, Пушкинъ принялся за пытки, но ничего не могъ доискаться. Тогда пришелъ арапъ и посовѣтовалъ вложить колдунамъ въ зубы конскія удила, повѣсить ихъ за руки и бить не по тѣлу, а по стѣнѣ противъ нихъ, «и они все почали «сказывати. Воеводы же, пытавъ ихъ, велѣли жечь; а жегъ

---

[1]) Собр. Гос. Грам. и Дог., II, стр. 107, 118, 123. — [2]) Т. е. не сгустилась. У Карамзина (И. Г. Р., X, примѣч. 254), вмѣсто этого слова, стоитъ: „не умерла“.

«тотъ-же арапъ своимъ мастерствомъ. А какъ стали ихъ «жечь, и туто слетѣлися сорокъ и воронъ многое «множество... и какъ ихъ пережгли — и онѣ (птицы) «всѣ исчезли. А на пыткахъ тѣ вѣдуны сказывали, что пор-«тили царевича и царицу и татаръ—пили изъ нихъ изъ «сонныхъ кровь» [1]). Вѣроятно, смерть татарскаго царевича, его женѣ и людей произошла отъ тайной отравы, но была приписана вѣдунамъ, на которыхъ (какъ мы знаемъ) нерѣдко падало обвиненіе въ томъ, что они высасываютъ человѣческую кровь. Лѣтописецъ передаетъ это событіе по тѣмъ слухамъ, какіе ходили о немъ въ народѣ, и потому обставилъ свой разсказъ суевѣрными подробностями, очевидно-заимствованными изъ народныхъ преданій о колдунахъ и вампирахъ. Приведенные на пытку, вѣдуны «морочили» своихъ палачей, отводили имъ глаза и до тѣхъ поръ оставались нечувствительными къ мукамъ, пока хитрый лѣкарь не научилъ ударять по стѣнѣ (сравни стр. 446, 557, 575, 582). По воцареніи Бориса Годунова, онъ подозрительно смотрѣлъ на окружающихъ его бояръ, изъ которыхъ многіе вели свой родъ отъ Рюрика, а другіе были въ свойствѣ съ вымершимъ царскимъ домомъ. Опасаясь крамолъ, онъ охотно выслушивалъ доносщиковъ, награждалъ ихъ помѣстьями и деньгами, и тѣмъ самымъ поощрялъ боярскихъ холопей къ шпіонству и ложнымъ извѣтамъ на своихъ господъ. Наиболѣе легкій способъ обнести кого-бы то ни было въ государственной измѣнѣ и заставить вѣрить своему доносу —было обвиненіе въ чарахъ противъ государева здоровья. Таковъ извѣтъ сдѣланъ былъ на Романовыхъ. Лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ такъ: дворовый человѣкъ и казначей боярина Александра Никитича Романова, Второй Бартеневъ, пришелъ тайно къ дворецкому Семену Годунову и объявилъ ему:

---

[1]) Лѣтоп. о многихъ мятежахъ, 15—16.

«что ми царь повелитъ сдѣлать надъ государи моими, то и сотворю!» Дворецкій обрадовался и возвѣстилъ царю Борису; а «Борисъ велѣлъ ему сказать многое свое жалованье. Семенъ же умысли со Вторымъ и наклаша всякого коренья въ мѣшки, и повелѣлъ ему положити въ казну Александра Никитича. Той-же Второй, сотворя тако, пріиде доводить на государя своего.» Послѣдовалъ обыскъ, коренье было вынуто, привели Романовыхъ Θедора Никитича съ братьями, отдали ихъ подъ стражу, пытали и потомъ сослали въ отдаленныя мѣста [1]). О Василіи Шуйскомъ въ хронографѣ Кубасова сказано, что онъ «къ волхвованію прилѣжаше» [2]); а по свидѣтельству Петрея [3]), онъ, желая поддержать себя на престолѣ, собиралъ отовсюду колдуновъ и колдуней, и для ихъ вѣдовскихъ дѣлъ, приказывалъ вынимать изъ живыхъ коней сердца и вырѣзывать плодъ изъ беременныхъ женщинъ: когда колдуны чаровали и творили заклятія—царскія войска одерживали верхъ надъ непріятелемъ, а когда чары прекращались—въ то время одолѣвали поляки.

При царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ въ 1632 г. была отправлена во Псковъ грамота съ запрещеніемъ, подъ смертною казнію, покупать у литовцевъ хмѣль; потому что посыланные за рубежъ лазутчики объявили, что есть въ Литвѣ баба-вѣдунья и наговариваетъ она на хмѣль, вывозимый въ русскіе города, съ цѣлію навести чрезъ то на Русь моровое повѣтріе [4]). Въ тоже царствованіе 1625 года велѣно было вы-

---

[1]) Лѣт. о мног. мятеж., 56—60. Θедоръ Никитичъ былъ постриженъ и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, а Александръ Никитичъ въ Усолье-Луду къ Бѣлому морю. Есть еще извѣстіе, что Михайло Молчановъ „за воровство (въ древнемъ значеніи этого слова) и чернокнижество былъ на пыткѣ кнутомъ битъ“—Карамз. И. Г. Р., XII, примѣч. 49. — [2]) Рус. Дост., I, 175. — [3]) Ч. О. И. и Д. 1866, II, 627. — [4]) Ак. Арх. Эксп., III, 197. Патріархъ константинопольскій извѣщалъ однажды Михаила, чтобы

слать въ Москву изъ Верхотурья протопопа Якова, вмѣстѣ съ «воровскимъ кореньемъ», такъ какъ во время обыска у него найдены были въ коробьи: трава багрова, три кореня да «комокъ перхчеватъ бѣлъ», а въ допросѣ онъ самъ показалъ, что снадобья эти далъ ему казакъ Степанко Козьи Ноги [1]). Подобный-же случай извѣстенъ намъ отъ XIV столѣтія, когда на берегахъ Вожи схваченъ былъ попъ, пробиравшійся изъ орды съ мѣшкомъ «злыхъ и лютыхъ зелій»; «истязавше много», отправили его въ заточеніе на Лачь-озеро [2]). Въ 1628 г., по доносу архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по указу патріаршему, былъ розыскъ надъ дьячкомъ Семейкою, который держалъ у себя «недобрыя ересныя» тетради да приговору нѣсколько строкъ. Семейко показалъ, что тетради онъ поднялъ въ одной каменной башнѣ, а заговоръ далъ ему стрѣлецъ и писанъ онъ «къ борьбѣ» (т. е. на охрану въ бою). По осмотру, тетради оказались гадательныя, называемыя Рафли, по которымъ (какъ извѣстно) ворожили во время судебныхъ поединковъ («поля»). Тетради эти были сожжены, а дьячокъ сосланъ въ монастырь, гдѣ велѣно было сковать его по ногамъ въ желѣза и приставить къ чернымъ работамъ, а причастія не давать ему впредь до патріаршаго разрѣшенія, исключая только смертнаго часу [3]). Въ 1660 г. подана была челобитная на другаго дьячка Ивана Харитонова въ томъ, что онъ травы рветъ и коренья копаетъ по лугамъ, и свадьбы отпущаетъ, и жены съ младенцами къ нему часто приходятъ. При челобитной приложены въ улику два заговора, писанные Харитоновымъ: одинъ на

онъ остерегалъ свое здоровье отъ грамотъ турскаго царя и его подарковъ, потому что султанъ имѣетъ на него досаду за миръ съ Польшею: такъ не было бы какого „насылочнаго дурна"—Истор. Рос. Соловьева, IX, 449. — [1]) Ак. Ист., III, 137. — [2]) П. С. Р. Л., VIII; 33. — [3]) Ак. Арх. Эксп., III, 176.

заживленіе ранъ, а другой на умиленіе «сердца сердитыхъ людей» [1]). Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ заключить, что до начала XVIII-го столѣтія бѣлое духовенство немного чѣмъ превосходило въ умственномъ развитіи другіе классы общества и раздѣляло съ ними одинаковые предразсудки. Статья о ложныхъ книгахъ говоритъ: «суть же между божественны-«ми писан(ь)ми ложная писанія— насѣяно отъ еретикъ на па-«кость невѣжамъ попомъ и діякономъ: льстивые збор-«ники сельскіе и худые маноканонцы (номоканонцы) по мо-«литвеникомъ — у сельскихъ, у неразсудныхъ по-«повъ, лживые молитвы, врачевал(ь)ные, о трясавицахъ и «о нежитѣхъ и о недузѣхъ, и грамоты трясавскыя пишутъ на «просфирахъ [2]) и на яблоцѣхъ, болѣзти ради; все убо то не-«вѣжди дѣютъ и держатъ у себя отъ отецъ и прадѣдъ, и въ «томъ безумніи гинутъ» [3]). Въ грамотѣ на основаніе Львовскаго братства (1586 г.) сказано: «а если бы былъ который попъ чаровникъ или ворожбитъ книжный, или ворожку и волшебницу, або чаровницу при церкви держалъ, или въ мѣстѣ, или въ селѣ, или бы самъ до ворожекъ ходилъ или кого посылалъ.... оповѣдати его епископу, да приметь судъ по правиломъ св. отецъ» [4]). Здѣсь, конечно, указаны случаи—не только возможные, но и бывалые въ жизни. Процессы о вынутыхъ травахъ, кореньяхъ, заговорныхъ письмахъ и другихъ волшебныхъ снадобьяхъ составляли въ XVII вѣкѣ весьма обыкновенное явленіе. Въ 1666 году посланъ былъ въ Кирилло-бѣлозерскій монастырь, на исправленіе, посадскій человѣкъ Аничка Громниковъ за то, что учился «заговорнымъ словамъ»—съ цѣлію отомстить недружбу; велѣно было

---

[1]) Волог. Г. В. 1843, 23 — [2]) О томъ-же упоминаетъ и грамота 1551 года—Ак. Арх. Эксп., I, 232. — [3]) Лѣтопись занятій Археогр. Ком., I, 41. — [4]) Памятн., изд. Кіев. Врем. Коммис., III, 17—18.

везти его скованнымъ и бережно, а въ монастырѣ держать подъ началомъ до государева указу [1]). Въ тревожное время возстанія Стеньки Разина извѣстны два случая сожженія за чародѣйство (1671—2 годовъ). Когда Юрій Долгорукой двинулся съ войскомъ къ Темникову, то жители вышли къ нему на встрѣчу съ крестами и иконами, молили о прощеніи и выдали двухъ поповъ, какъ главныхъ заводчиковъ смуты, и старицу, которая «войско себѣ сбирала и съ ворами вмѣстѣ воровала, да съ нею-же принесли воровскіе заговорные письма и коренья». Воевода приказалъ ихъ пытать и огнемъ жечь, и «воръ-старица въ распросѣ и съ пытки сказалась: зовутъ ее Аленою, родиною де она города Арзамаса Выѣздные слободы крестьянская дочь и была замужемъ тое-жъ слободы за крестьяниномъ, и какъ де мужъ ее умеръ—и она постриглась и была во многихъ мѣстехъ на воровствѣ и людей портила; а въ нынѣшнемъ 1671 году пришедъ она изъ Арзамаса въ Темниковъ и сбирала съ собою на воровство многихъ людей... и стояла въ Темниковѣ на воевоцкомъ дворѣ съ атаманомъ съ Ѳедькою Сидоровымъ и его учила вѣдовству». Поповъ повѣсили, а «вора-старицу за ее воровство и съ нею воровскіе письма и коренья» сожгли въ срубѣ [2]). Точно также въ Астрахани былъ заживо сожженъ бунтовщикъ Кормушка Семеновъ — за то, что у него найдена тетрадка съ заговорами [3]). Въ 1674 году въ Тотьмѣ сожжена въ срубѣ, при многочисленномъ стеченіи народа, женка Ѳедосья, оговоренная въ порчѣ; передъ самою казнію она заявила, что никого не портила, а поклепала себя при допросѣ, не стерпя пытки [4]). Судебный розыскъ сопровождался въ эту эпоху страшными истязаніями; жестокость пытокъ была такова, что съ одной стороны она

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист., V, 12. — [2]) Матер. для исторіи возмущ. Ст. Разина, 107—8.— [3]) Ак. Ист., IV, 202, LXXV. — [4]) Истор. Рос. Соловьева, XIII, 167.

дѣйствительно вынуждала обвиняемыхъ къ оговариванію себя въ небывалыхъ преступленіяхъ, а съ другой заставляла ихъ прибѣгать къ помощи чаръ и заклятій, дабы тѣло свое сдѣлать нечувствительнымъ къ боли. Такъ въ 1648 г. устюжанинъ Ивашка, прозвищемъ Солдатъ, когда во время розыска вынули у него изъ-подъ пяты какой-то камень, повинился, что сидѣлъ съ нимъ въ тюрьмѣ разбойникъ Бубенъ и училъ его вѣдовству—какъ отъ пытки оттерпѣться; надо де наговаривать на воскъ эти слова: «небо лубяно и земля лубяна, и какъ въ землѣ мертвые не слышатъ ничего, такъ бы имярекъ не слыхалъ жесточи и пытки!» [1]). Въ разрядной книгѣ 1675 года записаны два краткія извѣстія: одно—о Григоріи Косаговѣ, на котораго духовникъ его подалъ извѣтъ, будто онъ держитъ у себя еретическія книги, и по тому извѣту царь приказалъ Косагова послать къ патріарху для изслѣдованія и очной ставки съ обвинителемъ; другое—о бояринѣ князѣ Ѳеодорѣ Куракинѣ, которому велѣно было не съѣзжать съ своего двора до государева указу—за то, что онъ держалъ у себя въ домѣ «вѣдомую вориху дѣвку Ѳеньку, слѣпую и ворожею»; самую Ѳеньку, вмѣстѣ съ дворовыми людьми Куракина, велѣно было пытать жестокою пыткою комнатнымъ боярамъ да дьяку тайныхъ дѣлъ, и которыхъ людей станетъ она оговаривать—тѣмъ давать съ нею очныя ставки и пытать ихъ накрѣпко [2]). Въ 1677 году приведенъ былъ въ съѣзжую избу бобыль олонецкаго уѣзда Калинка Ортемьевъ, и вынуты у него изъ узловъ: травы, коренье, табакъ, кость жженая съ воскомъ, змѣя и летучія мыши; а въ распросѣ и съ пытки показалъ, что всѣ эти снадобья далъ ему коновалъ Симонъ-нѣмчинъ. Велѣно было пытать его вторично и допрашивать съ великимъ пристрастіемъ, и что онъ покажетъ—о томъ донес-

[1]) Ibid., X, 164. — [2]) Дворц. Разряды, III, 1288, 1428

ти государю. Чѣмъ кончилось это дѣло? — неизвѣстно [1]). Другой подобный-же процессъ, вызванный волшебными «узлами» (наузами), былъ въ 1680 году. Иноземецъ Зинка Ларіоновъ сдѣлалъ доносъ на нѣсколькихъ крестьянъ въ лихихъ кореньяхъ и подалъ въ приказную избу поличнаго «крестъ мѣдный да корешокъ невеликъ, да травки немного — завязано въ узлишки у креста». Изъ числа обвиняемыхъ Игнашка Васильевъ призналъ крестъ своимъ и на распросѣ показывалъ: корень тотъ «девесилной, а травка де ростетъ въ огородахъ, а какъ зовутъ ее — того онъ не вѣдаетъ; а держитъ онъ тотъ корешекъ и травку отъ лихорадки, а лихихъ де травъ и коренья онъ не знаетъ и за ду́рномъ не ходитъ». По осмотру посадскаго человѣка Якушки Паутова оказалось, что корень именуется «девятины — отъ сердечные скорби держатъ, а травишко держатъ отъ гнетенишные скорби (лихорадки), а лихаго де въ томъ ничего нѣтъ». Другой подсудимый объявилъ, что ему положили въ зепъ [2]) травы въ то время, какъ онъ былъ на кружечномъ дворѣ пьяный, въ безпамятствѣ. Крестьянъ, оговоренныхъ иноземцемъ Зинкою, пытали, а потомъ били батогами, чтобъ впередъ неповадно было напиваться до безпамятства и носить при себѣ коренья [3]).

---

[1]) Доп. къ Ак. Ист., VIII, 29. — [2]) Карманъ. — [3]) Ак. Юрид., 30; см. также въ Лѣтоп. занятій Археогр. Ком., I, 17 — указаніе на оговоръ одной черемиски въ порчахъ отравнымъ зельемъ. Замѣчательно, что рядомъ съ этими преслѣдованіями за держаніе при себѣ травъ и кореній — самъ благочестивый царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ купальскую ночь для сбора сереборинваго цвѣту, интериновой и мятной травъ и дягильнаго корня, а сибирскимъ воеводамъ предписывалъ развѣдывать про лѣкарственныя травы и присылать ихъ въ Москву — Доп. къ Ак. Ист., III, 71; VI, 127. Такое противорѣчіе легко уживалось; потому что зелья бываютъ разныя: и лихія, и добрыя, а недостатокъ научныхъ свѣденій и духъ взаимнаго недовѣрія заставляли всякой разъ, когда находили у когонибудь невѣдомый корень или траву, подозрѣвать злой умыселъ.

Обвиненія въ чародѣйствѣ нерѣдко возникали изъ чувства личнаго недоброжелательства, ненависти и мести; при этомъ хватались за первое неосторожное слово, сказанное въ раздраженіи, запальчивости, съ-пьяну или ради шутки. Отъ временъ царя Алексѣя Михайловича дошло до насъ судное дѣло между Никитою Арцыбашевымъ и Иваномъ Колобовымъ. Сначала Арцыбашевъ, въ поданной имъ челобитной, обзывалъ Колобова кудесникомъ и утверждалъ, будто видѣлъ у него «волшебныя заговорныя письма», которыми тотъ испортилъ его жену и околдовалъ бояръ и воеводъ; а потомъ противники помирились и подали заявленіе, что желаютъ прекратить это дѣло, что Никита возбудилъ его затейкою, исполняя свою недружбу, такъ какъ между ними и допрежъ сего были многія тяжбы въ помѣстномъ приказѣ и взаимные иски о безчестьи [1]). Въ 1636 году въ ошмянскую гродскую книгу записана жалоба арендатора еврея Гошка Ескевича на крестьянина Юрка Войтюлевича: былъ Юрко у него въ домѣ, пилъ горѣлку съ своими знакомыми и задумалъ сдѣлать ему зло—«здоровья позбавити». Какъ только вошелъ Гошко въ свѣтлицу, то Юрко «съ чародѣйскою приправою» подалъ ему изъ своихъ рукъ стаканъ водки, молвя: «привитайте!». Жидъ взялся за стаканъ, но съ великаго страху руки у него затряслись и онъ пролилъ горѣлку. Тогда Юрко погрозилъ ему пальцемъ и сказалъ: «это тебѣ не пройдетъ даромъ!» а Гошко, припомнивъ, что на него Войтюлевича «отъ многихъ людей поголоска идетъ, же чарами своими шкодитъ», началъ протестовать передъ людьми на тотъ случай, если бы ему, его женѣ или дѣткамъ учинился какой ущербъ въ здоровьи.—Чтожъ съ того? отвѣчалъ Юрко; «на мнѣ не все угонишь!» На ту пору вошелъ въ свѣтлицу сынъ хозяина, четырехъ-лѣтній мальчикъ; люди же сказываютъ: «кгды чаровникъ при своихъ дѣлахъ будетъ уда-

[1]) Новгор. Сборн. 1865, II.

реный», то его чары будутъ недѣйствительны, и потому Гошко бросился на Юрка и сталъ его бить; ихъ тотчасъ-же развели, и Юрко отправился домой. Какъ нарочно, къ вечеру того-же дня сынъ еврея Гошка впалъ въ тяжкую болѣзнь, которая (какъ свидѣтельствуетъ сдѣланный осмотръ) такъ изсушила его, что только и остались кожа да кости. Виновникомъ этой болѣзни отецъ призналъ Юрка Войтюлевича и подалъ на него жалобу; какъ велось это дѣло и чѣмъ оно окончилось? — мы не знаемъ. Въ книгу полоцкой ратуши 1643 года занесенъ процессъ по обвиненію въ чародѣйствѣ Василія Брыкуна. Обвинителями его были полоцкіе мѣщане: a) Янушъ, сынъ Толстаго, жаловался, будто Василій Брыкунъ, прійдя на Великъ день съ улицы, дѣлалъ на стѣнахъ нарѣзки и похвалкою своею чаровницкою молвилъ женѣ Якова Толстаго: «конечне згинешь! не того зацѣпила!» Такъ и случилось: «мусела она на тотъ свѣтъ итти, нарекаючи на Брыкуна». b) Яско Павловичъ доносилъ: поссорился онъ съ Брыкуномъ, и тотъ молвилъ ему въ очи: «ты, Яско, сгинешь съ маетностью своею, также и домъ твой; будешь волочиться — гдѣ день, гдѣ ночь!» И чтоже? — слова эти сбылись въ теченіи одного года. c) Иванъ Быкъ подалъ заявленіе, что Брыкунъ похвалялся передъ нимъ, его женою и дѣтьми: «будете одинъ отъ другаго, увадзѣвшись з' собою, бѣгать з' дому своего!» — и вслѣдъ затѣмъ двое сыновей его ушли невѣдомо куда, да и съ женой таже бѣда: «бѣжитъ на лѣсъ, дѣтей своихъ не любитъ!» Какъ-то Быкъ сталъ усовѣщевать Брыкуна: «незбожный человѣче! покуль я того маю терпѣть отъ тебе, што мои дѣти и жона будутъ бѣгать?» а случилось то у воротъ, гдѣ были складены дрова. —Не только жена и дѣти, отвѣчалъ Брыкунъ, но если «скажу на тые дрова, которые склалъ ты подъ моею стѣною, заразомъ и з' грунту выверну ихъ вонъ!» — и въ туже минуту дрова дѣйствительно полетѣли сажени на три отъ земли. d) Исаку

Кондратовичу молвилъ однажды Брыкунъ: «ты конечне за два годы усе твое добро з' дому якъ метлою выметешь, и самъ вязенья натерпишься!» Такъ и сталося: въ тотъ-же день вечеромъ издохла у него корова, а въ продолженіи года погибло до тридцати лошадей, коровъ и свиней, и самъ онъ попалъ въ тюрьму. А лиходѣй еще насмѣхается: «знай, говоритъ, Брыкуна! не сварься со мною; ото-жъ тобѣ за тое!» e) Мѣщане слободы Бѣлчицкой Хома Гуща и Петръ Демидовичъ заявили, будто покойный Аникей Кожемяка хворалъ цѣлый годъ, а умирая — говорилъ: «ни отъ кого иду на тотъ свѣтъ въ той моей хоробѣ, только отъ Брыкуна!» Когда они передали эти слова Брыкуну, то онъ «виталъ Демидовича пивомъ по полудню, а до вечера трохе не разорвало его, ажъ мусили люди Брыкуну кланяться, абы одходзилъ». Обвинители подтвердили свои извѣты присягою. Выставленные ими свидѣтели показали: a) Павелъ Ивановичъ — что восемь лѣтъ тому назадъ умеръ у него отецъ и при послѣднемъ своемъ издыханіи нарекалъ на Брыкуна: пилъ онъ съ Брыкуномъ горѣлку, и съ того приключилась ему болѣзнь, а когда скончался — тѣло его распухло. b) Игнатъ Семеновичъ: «готовили у насъ на дому пиво; на ту пору пришелъ Брыкунъ — и пиво испортилось (się zepsowało, że przez pięć dni jak braha chodziło); выли ли его свиньямъ, но и свиньи подохли! Сталъ я на Брыкуна сердиться, а онъ пригрозилъ мнѣ: ты и самъ высохнешь!» c) Василій Хараковичъ: «позвали меня въ гости на медъ; былъ тамъ и Брыкунъ съ женою; я обнялъ его жену, а онъ закричалъ: облапь ты лучше печку! — и въ туже минуту (самъ не вѣдаю для чего) полѣзъ я въ печь, прямо въ дымовую трубу, и пробылъ тамъ часа три». Изъ прочихъ свидѣтелей одни показали, что во время попоекъ отъ «привитанья» Брыкуна бросало ихъ оземь; другіе, что дѣйствіемъ его чаръ они заблудились въ лѣсу и едва не погубили своихъ коней; наконецъ третьи,

что хотя лично они не видали отъ Брыкуна ничего злаго, но слышали отъ людей, будто онъ — чаровникъ и wiedzma. Панъ Саковскій прислалъ письменное удостовѣреніе (аттестацію), что Брыкунъ просилъ у него въ-займы денегъ, и получивши отказъ, молвилъ ему: «раздашь свои деньги людямъ, да назадъ не сыщешь!» Такъ и сдѣлалось: съ той самой поры ни одинъ должникъ ему не платитъ! Адвокатъ со стороны обвиняемаго произнесъ въ его защиту рѣчь, въ которой между прочимъ высказалъ слѣдующія возраженія: «говорятъ, что Брыкунъ — чаровникъ, что молва объ этомъ существуетъ уже десятки лѣтъ; но почему-же никто не доносилъ на него прежде? Почему въ тотъ самый годъ, какъ умерла жена Якова Толстаго, не было сдѣлано никакого протеста? мужъ ея не жаловался. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно Кожемяки; когда онъ скончался, ни жена, ни дѣти его не протестовали. Яско Павловичъ считаетъ Брыкуна виновникомъ своей бѣдности; но спросите его: когда онъ былъ богатъ? Лѣтъ пять, какъ появился онъ въ Полоцкѣ, а до того возилъ дрова на продажу — тѣмъ только и кормился, и съ какимъ состояніемъ пришелъ сюда, съ такимъ и остался. Да и мало ли на свѣтѣ людей обѣдняло и за долги сидятъ въ тюрьмахъ? Что-же, во всемъ этомъ виноватъ Брыкунъ? Вотъ и Кондратовичъ позабиралъ денегъ въ долгъ, растратилъ ихъ и за неплатежъ попалъ въ тюрьму; такъ неужели-жъ Брыкунъ этому причиною? Иванъ Бык жалуется, что у него въ дому несогласіе и ссоры; и не диво: самъ онъ человѣкъ упрямый, а жена его и дѣти — тоже! Что-же касается разсказа о дровахъ, то это — просто вымыселъ». Показаніе Хараковича защитникъ объяснилъ опьяненіемъ, а не чарами: «мало ли чего пьянымъ не грезится!» Также критически отнесся онъ и къ прочимъ пунктамъ обвиненія. При обыскѣ найдены были у Брыкуна узелки съ пескомъ и перцемъ, и когда ихъ представили на судъ, то несчастный

поблѣднѣлъ и затрясся отъ страху. Его пытали огнемъ и встряскою (ciągnieniem na drabine), но онъ ни въ чемъ не сознался. Судъ приговорилъ Брыкуна къ сожженію, вмѣстѣ съ найденными у него волшебными наузами, и назначилъ день казни. Брыкунъ не дожилъ до этого дня; онъ перерѣзалъ себѣ ножемъ горло. Трупъ его вывезли въ поле и сожгли рукою палача [1]).

Въ 1606 году поданы были въ Перми двѣ любопытныя жалобы; оба челобитчика сдѣлали извѣтъ — одинъ на крестьянина Тренку Талева, что тотъ напустилъ икоту на его жену, а другой на посадскаго Семейку Ведерника, который будто бы напустилъ икоту на его товарища по торговлѣ; обвиняемыхъ пытали и вкинули въ тюрьму. Тренку жгли на розыскѣ огнемъ и были ему три встряски, а Семейку приводили къ пыткѣ два раза. Мнимые преступники жаловались въ Москву государю — на поклепъ и несправедливое истязаніе, почему велѣно было произвести повальный обыскъ; попы по священству, а посадскіе люди и волостные крестьяне подъ присягою должны были показать: пускаютъ ли порчу Тренка Талевъ и Семейка Ведерникъ? и буде обыскные люди очистятъ ихъ, скажутъ, что они тѣмъ не промышляютъ, то немедленно отпустить ихъ на свободу [2]). Томительная икота и донынѣ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи считается нечистымъ духомъ, котораго чародѣи насылаютъ по вѣтру на

---

[1]) Археограф. Сборн. документовъ, относящ. къ ист. сѣверозападн. Руси, I, 295—7, 338—346. Здѣсь-же напечатаны: a) заявленіе полоцкаго мѣщанина Василія Паука (1638 г.) объ очарованіи его дома: кто-то, явившись ночью, облилъ у него невѣдомо чѣмъ ворота и стѣны, въ чемъ Паукъ усматриваетъ чару на свое собственное здоровье и на здоровье своей жены и дѣтей; b) протестъ пана Лисовскаго (1640 г.) на мѣщанина Старымовича, который напустилъ „своей радою и намовою“ въ его домъ таракановъ (ibid., 307, 323). — [2]) Ак. Ист., II, 66.

своихъ вороговъ и супротивниковъ; бѣсъ поселяется въ человѣка и мучитъ его. Обвиненія въ насланіи икоты продолжаютъ волновать сельское населеніе и еще недавно вызывали вмѣшательство мѣстныхъ судовъ (см. стр. 66). Тоже воззрѣніе распространяется и на болѣзни, сопровождаемыя конвульсіями, каковы: падучая и витова пляска. Страдающіе этими недугами извѣстны въ народѣ подъ общимъ названіемъ «кликушъ». Подъ вліяніемъ глубоко-коренящагося суевѣрія, кликуши выкрикиваютъ проклятія и жалобы на тѣхъ, кого подозрѣваютъ въ своей порчѣ. Въ старину появленіе кликушъ было величайшимъ несчастіемъ для всей общины; ихъ болѣзненный бредъ принимался съ полнымъ довѣріемъ и вызывалъ судебныя преслѣдованія. По одному оклику бѣснующейся бабы брали оговореннаго ею человѣка къ допросу, подвергали пыткамъ и вымучивали у него признаніе въ небываломъ преступленіи. Кликушество сдѣлалось наконецъ самымъ обыкновеннымъ и вѣрнымъ способомъ мстить за обиды и недружбу: стоило только прикинуться кликушею, чтобы подвергнуть своего врага страшнымъ истязаніямъ и даже смертной казни. Сверхъ того, кликуши служили орудіемъ корыстолюбивыхъ дьяковъ и воеводъ, которые нарочно подущали ихъ оговаривать богатыхъ людей, и потомъ, пользуясь обвиненіемъ, обирали чужое добро. Въ 1669 г. предписано было дознаться въ Шуѣ, какія и отъ кого именно бываютъ порчи посадскимъ людямъ, ихъ женамъ и дѣтямъ, да накрѣпко распросить Микишку, какое воровство онъ вѣдаетъ за Григорьемъ Трофимовымъ, что его де надо «въ срубѣ сжечь»? Въ слѣдующемъ году ото всего посаду города Шуи подано было такое явочное челобитье: «въ прошлыхъ «и въ нынѣшнемъ годѣхъ пріѣзжаютъ въ Шую къ чудотворному «образу пресв. Богородицы Смоленскія со многихъ городовъ и «уѣздовъ всякихъ чиновъ люди молитися — мужескій и женскій полъ и дѣвичъ; а привозятъ съ собою всякихъ чиновъ

«людей, различными скорбьми (одержимыхъ)... и которые прі-
«ѣзжіе люди и шуянъ посацкихъ людей жены и дѣти одержи-
«ми отъ нечистыхъ духовъ, страждущіе, въ божественную
«литургію и въ молебное время мечтаются всякими различны-
«ми козноდѣйствы и кличутъ въ порчѣ своей стороны на уѣзд-
«ныхъ людей, что де ихъ портятъ тотъ и тотъ человѣкъ. И
«въ прошломъ году страдала отъ нечистаго духа шуянина по-
«сацкаго человѣка Ивашкова жена Маурина, Иринка Ѳедоро-
«ва, а кликала въ порчѣ своей на шуянина посацкаго челов-
«ка, на Ѳедьку Якимова; и по твоему великаго государя ука-
«зу, по тое Ивашковы жены Маурина выклички, тотъ Ѳедька
«Якимовъ взятъ въ Суздаль и кончился злою смертью
«(конечно, на пыткѣ). А нынѣ та Иринка и уѣздные люди,
«страждущіе отъ нечистыхъ духовъ, кличутъ въ порчахъ на
«иныхъ шуянъ посацкихъ людей» — на Ивашку Телегина съ
товарищи [1]) Заявленіе это сдѣлали шуяне въ съѣзжей избѣ
воеводѣ—для того, какъ они выразились, «чтобы намъ всѣмъ
шуяномъ посацкимъ людишкамъ въ томъ не погибнуть, и въ
пенѣ и въ опалѣ не быть; а кто тѣхъ страждущихъ, скорб-
ныхъ людей портитъ, про то мы не вѣдаемъ». Въ 1671 году
заявилъ въ шуйской земской избѣ посадской человѣкъ Ѳедька
Саратовцовъ: «была де у нихъ свадьба, женился братъ его
Степка, и на той де свадьбѣ учинилась надъ матерью ихъ Ѳе-
доркою и надъ снохою Овдотьицею скорбь—почали быть безъ
ума и безъ памяти, стали кликать въ порчѣ; а отпускалъ де
ту свадьбу отъ всякаго лиха Гришка Трофимовъ сынъ Па-
нинъ». Въ 1674 г. поступило явочное челобитье отъ шуяни-
на Гришки Юешина на Ѳедосью, жену Степана Иконника, ко-

---

[1]) Въ другой челобитной сказано: „а послѣ того Оринка въ порчѣ кличетъ на Ѳедькину жону на Онтонидку, Ѳадѣеву дочь, будто она Онтонидка ее Оринку портила и послѣ мужа своего Ѳедьки Якимова“.

торая бранила его всякою бранью и поносными словами, да взвела на него злохитрымъ своимъ умысломъ, будто онъ ее испортилъ [1]). Чтобы противодѣйствовать этой нравственной заразѣ, Петръ Великій указомъ своимъ 1715 года повелѣлъ хватать кликушъ обоего пола и приводить въ приказы для розыска, дѣйствительно ли они больны, или нарочно накидываютъ на себя порчу? Въ указѣ приведенъ слѣдующій примѣръ притворнаго кликушества: въ 1714 г. въ Петербургѣ плотничья жена Варвара Логинова стала кричать, что она испорчена. Взятая къ допросу, она повинилась, что кричала нарочно: случилось ей быть въ гостяхъ, вмѣстѣ съ своимъ деверемъ; тамъ произошла ссора, и деверя ея прибили. Желая отомстить за родича, Варвара умыслила обвинить своихъ недруговъ въ порчѣ, и спустя нѣсколько дней послѣ драки стала выкрикивать дóма и въ церкви, раза по два и по три въ недѣлю, какъ-бы въ совершенномъ безпамятьи [2]). Въ 1770 году, въ яренскомъ уѣздѣ, вологодской губерніи, нѣсколько бабъ и дѣвокъ притворились кликушами и по злобѣ на разныхъ лицъ стали оговаривать ихъ въ порчѣ. Оговоренные были схвачены, привезены въ городъ, и тамъ подъ плетьми вынуждены были признать себя чародѣями и чародѣйками. Одна изъ этихъ мнимыхъ преступницъ (по ея собственному сознанію) напускала порчу по вѣтру посредствомъ червей, полученныхъ ею отъ дьявола; она доставила судьямъ и самыхъ червей, а тѣ препроводили ихъ въ сенатъ; оказалось, что это—личинки обыкновенныхъ мухъ. Сенатъ отрѣшилъ за такое невѣжество городскія власти отъ мѣстъ, а кликушъ, за ихъ ложныя обвиненія, присудилъ къ наказанію плетьми; да и впредь подобныхъ кликальщицъ предписалъ наказывать и оговорамъ ихъ не вѣрить [3]).

---

[1]) Опис. гор. Шуи Борисова, 338–340, 345, 456; Старин. акты, служащ. дополненіемъ къ Описанію г. Шуи, 193—5, 199. — [2]) Полн. Собр. Зак., V, 2906. — [3]) Библ. для Чт. 1859, VIII, 9—10.

Вліяніемъ колдовства объяснялись не только болѣзни, но и всякія житейскія неудачи. Въ 1660 г. заявилъ въ съѣзжей избѣ на Тюмени кречатій помощникъ Дмитрій Головинъ: «въ прошломъ де году онъ Митька не добылъ кречета, потому что де на него хвалили кречатьи помощники Ѳедька Онохинъ съ братомъ съ Ивашкомъ съ Меншимъ, и говорили ему, что де тебѣ не добыть кречета, и надъ нимъ де Митькою Ѳедька съ братью вѣдовалъ; да кто подлѣ нихъ и рыбу ловитъ, ино де ничего не добудутъ... Да пашенной же крестьянинъ Ивашко Букинъ сказывалъ ему Митькѣ: за то де надъ тобою Ивашко Онохинъ и похимостилъ (поколдовалъ [1]), что де ты его бранилъ; а онъ де Митька его Ивашка не бранивалъ» [2]).

Царскія свадьбы въ старину также рѣдко обходились безъ подозрѣній въ зломъ чародѣйствѣ, какъ теперь не обходятся безъ нихъ свадьбы поселянъ. В. кн. Симеонъ Гордый, по кончинѣ первой жены своей въ 1345 г., сочетался бракомъ съ Евпраксіей, дочерью одного изъ князей смоленскихъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отослалъ ее къ отцу — для того, что «великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ» [3]). Третья жена Ивана Грознаго Марѳа Васильевна Собакина, дочь новогородскаго купца, занемогла еще невѣстою, стала сохнуть и черезъ двѣ недѣли послѣ брака скончалась, что также приписано порчѣ злыхъ людей [4]). И первыя заботы о семейномъ счастіи царя Михаила Ѳедоровича были неудачны: когда не состоялась его свадьба на Марьи Ивановнѣ Хлоповой [5]), онъ взялъ за себя княжну Марью Владиміровну

---

[1]) Обл. Сл., 174, 247. — [2]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отдѣл. 6, 57. — [3]) Родословн. книга, II, 207. — [4]) Карамз. И. Г. Р, IX, 187 (изд. 2-е). — [5]) По мысли царя взята была ко двору „въ верхъ“ дѣвица Марья Ивановна Хлопова и объявлена царскою невѣстою; вскорѣ она заболѣла, обкушавшись сластями. Михайло Салтыковъ донесъ государю, что болѣзнь у Хлопо-

Долгорукову; но она вскорѣ умерла, и лѣтопись утверждаетъ, что царица была испорчена: «грѣхъ же нашихъ ради отъ начала врагъ нашъ діяволъ, не хотяй добра роду хрестьянскому, научи врага человѣка своимъ дьявольскимъ ухищреніемъ испортиша (-ти) царицу Марью Володимеровну, и бысть государыня больна отъ радости (т. е. со дня свадьбы, которая совершилась 18-го сентября) до Крещенія Господня», а въ

вой великая и нельзя чаять долгаго живота ей, вслѣдствіе чего она была сослана, вмѣстѣ съ своими родичами, въ Тобольскъ, откуда послѣ переведена въ Нижній. Въ 1623 г. дѣло это было поднято снова, такъ какъ до царя дошли слухи, что невѣста его, со времени отсылки ея, находится въ вождѣленномъ здравіи. Врачи, лѣчившіе невѣсту, сказали, что болѣзнь ея была ничтожная и легко-излѣчимая; а Хлоповы обвиняли во всемъ окольничихъ Михайлу да Бориса Салтыковыхъ. Дядя невѣсты, Гаврило Хлоповъ показалъ: „ходилъ государь въ Оружейную палату и смотрилъ оружейныя казны, и поднесли де къ государю турскую саблю и почали хвалить, и Михайло де Салтыковъ учалъ говорить, что и на Москвѣ государевы мастеры такую саблю сдѣлаютъ. И государь де пожаловалъ, тое саблю далъ въ руки ему Гаврилѣ и говорилъ ему: чаетъ ли онъ, что такую саблю сдѣлаютъ на Москвѣ? и онъ де говорилъ, что сдѣлаютъ, только, чаю, не такову, какова та. И Михайло де тое саблю у него изъ рукъ вырвалъ и молвилъ, что онъ говоритъ не знаючи. И онъ де за то съ Михайломъ побранился и поговорилъ съ Салтыковыми гораздо въ разговоръ, и съ тѣхъ де мѣстъ Борисъ да Михайло Салтыковы любити ихъ не учали. А послѣ того, недѣли съ двѣ спустя, учала Марья Иванова дочь Хлопова понемогати и почала блевати часто, и чаетъ де отъ сладкихъ ядей, потому что ѣдала сласти“. Марья Хлопова показала, что рвало и ломало ее, и опухоль была, а думаетъ, что то учинилося отъ супостатъ ея. Результатомъ слѣдствія была ссылка Салтыковыхъ съ ихъ женами въ Галичъ и Вологду, такъ какъ они для своей недружбы съ Хлоповыми „любити ихъ не почали—для того, чтобы однимъ быть при государѣ, и ихнею смутою почала быти Марья Хлопова больна“. Больной невѣстѣ (какъ видно изъ слѣдственнаго дѣла) давали пить св. воду съ мощей да камень безуй—Собр. Гос. Гр. и Дог., III, 63—65, 98. Въ 1655 г. доставлены были въ аптекарской приказъ три рога инроговые, и докторъ Граманъ

Крещенье предала душу свою Богу [1]). Извѣстна печальная судьба первой невѣсты царя Алексѣя Михайловича, дочери Рафа Всеволожскаго. Котошихинъ говоритъ, что избранную невѣсту испортили жившія во дворцѣ матери и сестры знатныхъ дѣвицъ, упоивъ ее изъ-зависти отравами; а по свидѣтельству Коллинса, когда, по принятому свадебному обряду, расчесывали и окручивали невѣстѣ волосы, то назначенныя къ тому женщины нарочно завязали ей косу такъ крѣпко, что бѣдная дѣвушка упала въ обморокъ. Тогда ее огласили страдающею падучей болѣзнею; отца ея высѣкли кнутомъ, и вмѣстѣ съ дочерью сослали въ Сибирь; но послѣ царь узналъ истину и назначилъ своей бывшей невѣстѣ двойное содержаніе [2]). Разсказъ Коллинса подтверждается отчасти и нашими оффиціальными актами: въ 1647 году царь Алексѣй указалъ послать въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь подъ крѣпкое начало крестьянина Мишку Иванова «за чародѣйство и косный разводъ и за наговоръ, что̀ объявилися въ Рафовѣ дѣлѣ Всеволожскаго» [3]). Изъ челобитной боярина Матвѣева, на которую укажемъ ниже подробнѣе, видно, что враждебная ему

осмотря ихъ, сказалъ, что тѣ роги—прямые (настоящіе) и помогаютъ въ лихорадкѣ, огнево́й (горячкѣ), отъ мороваго повѣтрія, въ черной немочи и когда укуситъ змѣя, „а принимать того рога противъ двунадцати зеренъ съ каменемъ безуемъ—съ теплымъ ренскимъ или въ романеи“; роги оцѣнены: два большихъ въ 5000 р., а меньшой около 1000 руб. — Доп. къ Ак. Ист., IѴ, 9. Встрѣчается еще упоминаніе о камнѣ безваръ: въ 1587 г. эрцгерцогъ австрійскій Максимиліанъ прислалъ въ даръ Ѳедору Ивановичу этотъ камень, „взявъ изъ казны отца своего, а имѣетъ силу и лѣчбу великую отъ порчи“ — Памятн. дипломат. снош., I, 972, 980. — [1]) Никон. лѣт., VIII, 247—8. — [2]) Съ 1653 года дѣвицѣ Всеволожской дозволено было проживать въ касимовской деревнѣ. — [3]) Котоших., 5; Ч. О. И. и Д., годъ 1-й I (Коллинсъ), 4—5; Сѣв. Архивъ 1822, II, 152—3 (письмо шведск. повѣреннаго въ дѣлахъ при русскомъ дворѣ 1647 года); Ак. Арх. Эксп., IѴ, 18; Ак. Ист., IѴ, 59; Собр. Гос. Гр. и Дог., III, 155.

боярская партія, стараясь помѣшать браку царя Алексѣя Михайловича съ Натальей Кириловною Нарышкиною, прибѣгнула для этого къ обычному оговору въ волшебствѣ. Понятно теперь, почему такъ заботливо старались оберегать на царскихъ свадьбахъ и жениха, и невѣсту, и ихъ платье («стряпню»), и мѣста для сидѣнья, и подаваемыя ѣствы и напитки. Ежедневная жизнь царской семьи обставлялась тѣми-же заботами; зорко слѣдили за всякими попытками къ чародѣйству и порчѣ, и безпрерывно возникали дѣла о волшебствѣ. Отъ XVII-го вѣка сохранились въ архивахъ нѣкоторыя изъ этихъ любопытныхъ дѣлъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что на Москвѣ, въ разныхъ концахъ города, жили бабы-ворожейки или колдуньи, къ которымъ пріѣзжали боярскія и иныхъ сословій жены просить помощи противъ супружеской ревности, совѣтоваться о своихъ любовныхъ интригахъ и о средствахъ, какъ умѣрять мужнинъ гнѣвъ или изводить недруговъ. Въ 1635 г. одна «золотная» мастерица выронила во дворцѣ платокъ, въ которомъ былъ завернутъ корень. По этому поводу произвели розыскъ. Мастерица — на вопросъ: гдѣ она взяла корень и зачѣмъ ходитъ съ нимъ къ государю?—отвѣчала что корень нелихой, аноситъ его при себѣ «отъ сердечной боли, что̀ сердцемъ больна». Жаловалась она одной жонкѣ, что до нея мужъ лихъ, и та жонка дала ей корень о б р а т и м ъ (т. е. обращающій на любовь), а велѣла класть его на зеркальное стекло, и глядясь въ то зеркало, приговаривать: «какъ люди въ зеркало смотрятся, такъ бы мужъ смотрѣлъ на жену да не насмотрѣлся!» Тогда мужъ будетъ къ ней ласковъ и милостивъ [1]). На цар-

---

[1]) Такова была вѣра въ силу „приворотныхъ кореньевъ“. Изъ розыскныхъ дѣлъ видно, что и любовь Петра Великаго къ Екатеринѣ, и расположеніе его къ Меншикову объяснялись въ народѣ тѣмъ, будто бы она и Меншиковъ о б в е л и г о с у д а р я к о р е н ь е м ъ — Время 1862, IV, стат. Семевскаго: „Семейство Монсовъ“, 316.

скомъ же дворѣ она никого портить не хотѣла и съ иными корешницами не знается. Золотную мастерицу и ту жонку, на которую она сослалась, пытали и потомъ отправили въ ссылку въ дальніе города. Другое подобное дѣло было въ 1638 году; оно возникло вслѣдствіе ссоры нѣсколькихъ мастерицъ изъ-за какой-то пропажи. Подъ вліяніемъ личнаго озлобленія, сдѣланъ былъ извѣтъ на мастерицу Дарью Ламанову, что она сыпала порошокъ на слѣдъ государыни царицы и говорила: «только-бъ мнѣ умилить царское и царицыно сердце, а другіе мнѣ дешевы!» Ее допрашивали, и она, обливаясь слезами, призналась: ходила она къ бабѣ-ворожейкѣ, что̀ людей приворачиваетъ и у мужей къ женамъ сердце и ревность отымаетъ; баба эта наговаривала ей на соль и мыло и приказывала соль давать мужу въ ѣствѣ, а мыломъ умываться самой, и увѣряла, что послѣ того мужъ станетъ молчать — что̀-бъ она ни дѣлала, хотябъ воровала (любилась) съ другими. Наговоры были слѣдующіе: «какъ де соль въ ѣствѣ любятъ, такъ (бы) мужъ жену любилъ!» «сколь де мыло борзо смоется, столь бы (скоро) мужъ полюбилъ; а какова рубашка на тѣлѣ бѣла, столь бы мужъ былъ свѣтелъ!» И другой мастерицѣ таже колдунья давала наговоренную соль для того, чтобы мужъ ея былъ добръ до дѣтей. Кромѣ того, дознались, что Дарья Ламанова приносила къ бабѣ-ворожейкѣ оторванный воротъ отъ своей рубашки ворожея сожгла воротъ на шесткѣ, и спросивъ: прямое ли имя Авдотья? [1])— наговорила и велѣла тотъ пепелъ сыпать на государскій слѣдъ, чтобы царь, царица и ихъ ближніе люди были милостивы къ Дарьѣ и ко всѣмъ ея челобитьямъ. Привлеченная къ дѣлу колдунья объявила, что зовутъ ее Настасьицею, родомъ черниговка, замужемъ за литвиномъ Янкою, а учила ее вдов-

[1]) Царицу звали Евдокіей Лукьяновной; это была вторая жена Михаила Ѳедоровича.

ству другая баба. Привели эту послѣднюю, и на допросѣ она показала, что умываетъ малыхъ дѣтей, уговариваетъ болѣзнь жабу и наметываетъ на животъ горшки, а ворожбу эту оставила ей покойная мать; да и не одна она промышляетъ такимъ ремесломъ: есть на Москвѣ многія ворожейки — Ульяна слѣпая и другія, къ которымъ ходятъ всякіе люди. Собрали и остальныхъ ворожеекъ, допрашивали, грозили, пытали огнемъ, и вотъ все, что̀ узнали изъ ихъ показаній: если кто страдаетъ лихорадкою или сердечной тоскою, тому онѣ наговариваютъ на вино, чеснокъ и уксусъ; отъ грыжи наговариваютъ на громовую стрѣлку и медвѣжій ноготь, и съ той стрѣлки и ногтя заставляютъ больныхъ пить воду, причитывая слѣдующія слова: «какъ де старой жонкѣ дѣтей не раживать, такъ-бы у раба (имярекъ) грыжи не было!» Если у кого пропадетъ что-нибудь, тому ворожейки гадаютъ по сердцу, какъ оно трепещетъ; у которыхъ торговыхъ людей залежится товаръ, тѣмъ приказываютъ умываться наговорнымъ медомъ, а на медъ онѣ наговариваютъ: «какъ де пчелы ярыя роятся да слетаются, такъ-бы къ торговымъ людямъ покупатели сходились!» Мастерицу Дарью и вѣдунью Настасьицу допрашивали съ пытокъ: не было-ль къ нимъ подсылу отъ польскаго короля, чтобъ они портили царя и царицу? недаромъ де въ послѣдніе годы великая государыня стала недомогать и печалиться; царевичи Иванъ и Василій Михайловичи померли, а промежъ царя и царицы въ любви стало не по прежнему; не дѣлала-ль чего Дарья къ отвращенію ихъ государей между собою? Ни мастерица, ни вѣдунья въ этихъ умыслахъ не сознались. Отъ жестокихъ истязаній Настасьица и Ульяна слѣпая померли во время производства розыска; прочія ворожейки разосланы были по дальнымъ мѣстамъ: Дарью Ламанову съ мужемъ сослали въ Пелымъ, а прикосновенныхъ къ дѣлу мастерицъ велѣно было отставить отъ двора и впредь въ царицыномъ чину имъ

не числиться [1]). Въ одномъ сыскномъ дѣлѣ, хранящемся въ архивѣ Оружейной палаты, постельница Домна Борисова дала показаніе, будто царица Евдокія Лукьяновна какъ скоро найдетъ гдѣ людскіе волосы — тотчасъ сучитъ изъ нихъ свѣчки и сжетъ, а потомъ жалуется, что ее портятъ постельницы [2]). При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1648 г. дворницы золотной мастерицы Ульяны Яхониной: вдова Аленка Ѳедотова да иноземцева жена Марьица, обѣ напившись пьяны, стали промежъ себя драться, попрекать одна другую кореньемъ, и Марьица говорила Аленкѣ: «ты де мнѣ сказывала, что видѣла золотную мастерицу Анну Коробанову, какъ она сквозь перстень проволакивала полотенце тонкое, и съ тѣмъ де полотенцемъ та Анна всходила въ верхъ (во дворецъ) — въ свѣтлицу». Случившійся при этомъ боярскій сынъ Ѳедоръ Яхонинъ отдалъ Аленку и Марьицу рѣшоточнымъ сторожамъ, за пристава, и донесъ о слышанной имъ побранкѣ царицыну дворецкому да дьяку. Аленка и Марьица потребованы были къ допросу, но обѣ заперлись, что такихъ словъ говорено не было. Послѣ нѣсколькихъ очныхъ ставокъ, послѣдняя показала: «сказывала ей Аленка Ѳедотова, будто де мастерица Анна Коробанова сквозь перстень проволакивала полотенце, а тѣ де рѣчи слышала она у ней Аленки у пьяной, какъ она Ман(ь)ку бранила, рнясь тому, что де еѣ Манкинъ братъ родной живетъ у мастерицы у Анны Коробановой». Къ сожалѣнію, конецъ этого розыскнаго дѣла утратился, и къ какимъ открытіямъ

---

[1]) Комета, альманахъ Н. Щепкина, стат. Забѣлина: „Сыскныя дѣла о ворожеяхъ и колдуньяхъ", 477–492. — [2]) Сообщено И. Е. Забѣлинымъ. Въ книгу полоцкой ратуши за 1643 г. занесено заявленіе служки Петра Мартиновича, что невѣдомый человѣкъ, чаруя надъ его домомъ, подбросилъ къ нему въ кадку съ водою пучокъ женскихъ волосъ—Археогр. сбор. документ. сѣверозап. Руси, I, 324.

оно привело — остается неизвѣстнымъ [1]). Изъ старинныхъ актовъ, уцѣлѣвшихъ въ сибирскихъ архивахъ, видно, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ссылались въ Якутскъ и Енисейскъ люди, обличенные въ чернокнижіи и въ «тайномъ богомерзскомъ общеніи съ нечистою силою»; мѣстнымъ властямъ наказывали содержать подобныхъ преступниковъ, какъ можно, строже, сажать ихъ въ тюремныя каюты отдѣльно, приковывать къ стѣнѣ на цѣпь и отнюдь не допускать къ нимъ никого посторонняго. Встрѣчается еще любопытное извѣстіе, что чародѣевъ истомляли жаждою; такъ въ одной грамотѣ предписано было не давать воды Максиму-мельнику, сосланному въ Сибирь за волшебство, потому что «онъ, Максимъ, многажды уходилъ въ воду» (сравни выше стр. 589 [2]).

Знаменитый Никонъ, низверженный съ патріаршаго престола и заточенный въ бѣлозерскомъ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, задумалъ отомстить своимъ врагамъ, возбудивъ въ Алексѣѣ Михайловичѣ опасеніе волшебныхъ чаръ и недовѣріе къ ближнимъ боярамъ. Въ октябрѣ 1668 года явился отъ него въ Москву монахъ Флавіанъ и подалъ письмо, въ которомъ говорилось: отпущенъ де Флавіанъ къ государю объявить про великое дѣло, что на Москвѣ измѣнники царскіе хотятъ очаровать его государя. Бояре, въ присутствіи самого Алексѣя Михайловича, спрашивали старца Флавіана, въ чемъ состоитъ великое дѣло? Тотъ отвѣчалъ: на Петровъ постъ пришелъ въ Ѳерапонтову обитель Воскресенскаго монастыря чернецъ Палладій и объявилъ Никону, что былъ онъ въ Москвѣ на Кирилловскомъ подворьи, и сказывалъ ему черный попъ Іоиль про окольничаго Ѳедора Ртищева; просилъ де его Ртищевъ: «сдѣлай то, чтобъ мнѣ у великаго государя быть первымъ бояриномъ.»

---

[1]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, отд. 6, 58—61. — [2]) Рус. Сл. 1861, VIII, ст. И. Сельскаго („Ссылка въ восточн. Сибирь замѣчат. лицъ“), 6.

Іоиль возразилъ: «мнѣ этого сдѣлать нельзя, а есть у тебя во дворѣ жонка-цыганка, которая умѣетъ эти дѣла дѣлать лучше меня!»—Жонкѣ говорить про то нельзя, сказалъ Ртищевъ, потому что она хочетъ за меня замужъ. Вслѣдъ затѣмъ Никонъ прислалъ письмо, въ которомъ излагалъ рѣчи Палладія, но вмѣсто Ртищева и цыганки указывалъ на боярина Богдана Матвѣевича Хитрово и жонку-литовку. По свидѣтельству этого письма, Іоиль говорилъ Палладію: «Никонъ меня не любитъ, называетъ «колдуномъ и чернокнижникомъ; а за мною ничего нѣтъ, только «я умѣю звѣздочетіе — то у меня гораздо твердо учено! Меня «и въ верхъ государь бралъ, какъ болѣла царевна Анна, и я «сказалъ, что ей не встать, что и сбылось; и мнѣ государь «указалъ жить въ Чудовѣ, чтобъ (быть) поближе. Мнѣ и Богданъ Хитрой — другъ и говорилъ мнѣ, чтобъ я государя очаровалъ, чтобъ государь больше всѣхъ его Богдана любилъ «и жаловалъ, и я, помня государеву милость къ себѣ, ему «отказалъ; и онъ мнѣ сказалъ: нишкни-же! И я ему молвилъ: «да у тебя литовка то умѣетъ; здѣсь на Москвѣ нѣтъ ея «сильнѣе. И Богданъ говорилъ: это такъ, да лихо запросы «велики — хочетъ, чтобъ я на ней женился; и я бы взялъ ее, «да государь не велитъ.» Призваны были къ допросу Іоиль и Палладій; первый объявилъ, что приходилъ къ Палладію лѣчить его и, кромѣ болѣзни, ни о чемъ другомъ съ нимъ не разговаривалъ, а у Хитрова никогда и на дворѣ не бывалъ; Палладій подтвердилъ тоже, и добавилъ, что приписанныхъ ему рѣчей Никону вовсе не сказывалъ: «вольно старцу Никону меня поклепать, онъ затѣвать умѣетъ!» Іоиля подвергли обыску и нашли у него книгу «счету звѣздарскаго», напечатанную въ 1586 г. въ Вильнѣ, книгу письменную лунамъ и днямъ, планитамъ и рожденіямъ человѣческимъ, тетрадку о пусканіи крови жильной и рожечной и записку — кого Іоиль вылѣчилъ. Разнорѣчіе между показаніемъ Флавіана и

письмомъ Никона и разныя обвиненія, которыя въ тоже время пали на бывшаго патріарха, заставили извѣтъ его оставить безъ вниманія [1].

Въ царствованіе Ѳедора Алексѣевича замѣчательно дѣло о заточеніи ближняго боярина Артамона Сергѣича Матвѣева, любимца покойнаго государя. Враги не могли придумать лучшаго средства для отдаленія Матвѣева отъ двора и правительства, какъ обвинивъ его въ чародѣйствѣ. Это тѣмъ легче было исполнить, что бояринъ Артамонъ Сергѣичъ любилъ сближаться съ иноземцами и цѣнилъ научныя знанія; десятилѣтній сынъ его, Андрей, учился языкамъ греческому и латинскому подъ руководствомъ переводчика посольскаго приказа Спаѳари; а въ тотъ вѣкъ достаточно было имѣть при себѣ какую-нибудь иностранную книгу и медицинскія пособія, чтобы возбудить подозрѣніе въ волшебствѣ. По свидѣтельству Олеарія, во время пожара, бывшаго въ Москвѣ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, у одного нѣмца-живописца нашли черепъ и только по этому хотѣли сжечь его, какъ волшебника; при стрѣлецкихъ смутахъ докторъ фонъ Гаденъ заплатилъ жизнію за то, что у него въ домѣ нашлись сушеныя змѣи. Вслѣдствіе подговора, Давыдко Берловъ, лѣкарь, и карло Захарка, проживавшій въ домѣ Матвѣева, донесли на него, будто-бы онъ вмѣстѣ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ Спаѳари, запершись въ палатѣ, читали черную книгу, и въ то время явилось къ нимъ множество нечистыхъ духовъ. По этому доносу Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острогъ; боярство у него отнято, а имѣнія отобраны въ казну. Матвѣевъ нѣсколько разъ писалъ въ Москву къ государю, патріарху и боярамъ, стараясь оправдаться во взведенномъ на него преступленіи; но попытки эти не имѣли успѣха. Въ одной челобитной его, писанной на имя царя, интересны слѣдую-

[1]) Исторія Рос. Соловьева, XI, 379—383.

щія строки, изъ которыхъ видно, что подобные доносы въ старой, допетровской Руси были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, характеристической чертою тогдашняго быта: «При «великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, «говоритъ Матвѣевъ, такожде ненависти ради подкинули «письмо воровское на боярина И. Д. Милославскаго (будущаго тестя царя Алексѣя), будто онъ имѣетъ у себя перстень «волшебной думнаго дьяка Грамотина, и по тому воровскому «письму немного не пришелъ въ конечное разореніе: былъ за «приставомъ многое время, животы пересмотриваны и запечатаны были и ничего не найдено... и за свою невинность «свобожденъ... А при великомъ государѣ царѣ и вел. князѣ «Алексіѣ Михайловичѣ такожде завистію и ненавистію извѣтъ «былъ составной-же и наученой о волшебствѣ на боярина С. «Л. Стрѣшнева, и за тотъ извѣтъ страдалъ невиннѣ, честь «(т. е. боярство) была отнята и сосланъ былъ на Вологду, а «животы и помѣстья и отчины и дворы не отняты. Да и на «многихъ, великій государь, такихъ воровскихъ писемъ было, «а на иныхъ и въ смертномъ страху были... А и я, холопъ «твой, отъ ненавидящихъ и завидящихъ при отцѣ же твоемъ «государевѣ великомъ государѣ немного не пострадалъ: такожде воры, составя письмо воровское подметное, кинули въ «грановитыхъ сѣнѣхъ и въ проходныхъ, и хотѣли учинить «божіей волѣ и отца твоего государева намѣренію и къ супружеству — второму браку препону, а написали въ письмѣ «коренья» [1]).

Князь М. Щербатовъ замѣтилъ, что «наипросвѣщеннѣйшій мужъ въ Россіи князь Василій Васильевичъ Голицынъ (извѣстный наперсникъ царевны Софіи) гадателей призывалъ и на мѣсяцъ смотрѣлъ о познаніи судьбы своей» [2]). Отзывъ

[1]) Исторія о невинн. заточеніи ближн. боярина А. С. Матвѣева (1785 г.), 11, 161—3. — [2]) О. З. 1858, III, 240.

этотъ подтверждается оффиціальными документами. Во время крымскаго похода, кн. Голицынъ, извѣщая Шакловитаго о безъимянномъ письмѣ, въ которомъ писано было къ малоруссамъ, чтобъ пребывали съ крымцами въ миру: «Москва де вамъ не вѣритъ, и большаго вашего хотятъ убить», — прибавляетъ: «и то, чаю, вѣдали они по чарованью нѣкоему». Въ 1689 году, по его челобитью, пытанъ былъ въ земскомъ приказѣ Иванъ Бунаковъ за то, что вынималъ княжой слѣдъ. Изъ дѣловыхъ бумагъ розыскнаго приказа узнаемъ, что кн. Голицынъ совѣщался съ колдунами, и опасаясь, чтобы не остыла къ нему любовь Софіи, прибѣгалъ къ чарамъ: какой-то знахарь давалъ ему травы, и князь сыпалъ ихъ для «прилюбленія» въ ѣствы, подносимыя царевнѣ, а потомъ того знахаря велѣлъ сжечь въ банѣ, дабы не было отъ него проносу. Такое показаніе далъ Сильвестръ Медвѣдевъ, а ему про то сказывалъ иконникъ Васька Владиміровъ. Ваську взяли къ допросу, пытали, и онъ повторилъ тѣже самыя рѣчи. Обращалась къ колдунамъ и прорицателямъ и царевна Софія; для предварительнаго испытанія, она обыкновенно посылала ихъ къ Медвѣдеву, который и самъ занимался астрологіей, гадалъ по звѣздамъ и предсказывалъ будущее. Между волхвами особеннымъ довѣріемъ ея пользовался Димитрій Силинъ, вызванный царевною изъ Польши лѣчить болѣзненныя очи царю Ивану Алексѣевичу; года съ три жилъ онъ въ кельѣ Медвѣдева, увѣрялъ, что умѣетъ глядѣть въ солнце и угадывать: что̀ кому будетъ, зналъ заговаривать грыжу, пособлять женѣ и мужу и вылѣчивать отъ болѣзней живота. Силинъ врачевалъ на Москвѣ многихъ, въ томъ числѣ и князя Голицына: щупалъ ему животъ и нашелъ, что князь «любитъ чужбину, а жены своей не любитъ». Этому пришельцу Медвѣдевъ открылъ, что царевна хочетъ выйдти замужъ за Голицына, Шакловитаго намѣрена сдѣлать первымъ у себя правителемъ, а

его Медвѣдева патріархомъ, и просилъ посмотрѣть въ солнце: сбудется ли это? Силинъ два раза всходилъ на Ивановскую колокольню и будто-бы видѣлъ, что «у государей вѣнцы на главахъ, у Голицына вѣнецъ мотался на груди и на спинѣ, самъ онъ стоялъ тёменъ и ходилъ колесомъ, царевна была печальна и смутна, Медвѣдевъ былъ тёменъ, а Шакловитый повѣсилъ голову». Когда Петръ началъ торжествовать надъ своею сестрою, Медвѣдевъ бѣжалъ въ монастырское сельцо Микулино съ тремя стрѣльцами; тамъ они видѣлись съ волхвомъ Ваською Иконникомъ и совѣтовались, что дѣлать. Волхвъ увѣрялъ ихъ, что онъ владѣетъ сатаною, и если царевна дастъ ему 5000 р., то все останется по прежнему; но ему уже не повѣрили [1]). Въ тайныхъ сношеніяхъ съ Шакловитымъ и въ волшебныхъ чарахъ на царское здоровье былъ обвиненъ и стольникъ Андрей Безобразовъ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ былъ онъ отправленъ (въ 1689 г.) воеводою въ крѣпость Терки; мѣсяца полтора плылъ онъ рѣками Москвой и Окою до Нижняго Новгорода, гдѣ застигнутый морозами остановился и послалъ челобитную къ государямъ и письма къ разнымъ вліятельнымъ лицамъ, умоляя освободить его отъ такой дальней службы и воротить въ столицу. Изъ Нижняго бѣжали отъ него крѣпостные люди Петрушка Персидской да Якимка Семеновъ, обокравши напередъ своего господина, какъ это видно изъ поданныхъ имъ явочныхъ прошеній. Они явились въ Москвѣ въ розыскной приказъ и сдѣлали на Безобразова извѣтъ, что онъ сносился съ Шакловитымъ, и на пути къ Нижнему посылалъ по городамъ и селамъ людей своихъ отыскивать ворожей и волхвовъ — верстъ за двадцать и далѣе: посланные приводили къ нему разныхъ колдуновъ: въ Москвѣ — мельника Сеньку Антонова, въ Коломнѣ — волхва

[1]) Исторія Петра В., соч. Устрялова, I, 354; II, 48—49, 68—69, 90, 344; Записки Желябужск., изд. Языкова, 21.

Ганьку, въ Касимовѣ — жонку-татарку и бабу Аксютку, въ Нижнемъ — коновала Дорошку Кабанова, портнаго Ивашка Матвѣева и дворника Оську Охапкина, и тѣ колдуны и колдуньи ворожили на костяхъ, деньгахъ и на водѣ о здравіи царя Петра Алексѣевича и матери его Наталіи Кирилловны, умышляючи злое дѣло, и о бунтѣ и побѣдѣ на бояръ. Волхвъ Дорошка «накупился у Безобразова напустить по вѣтру тоску на царя и царицу, чтобы они сдѣлались къ нему добры и поворотили бы его къ Москвѣ»; для этого, снабдивъ Дорошку запасомъ и виномъ, Безобразовъ отправилъ его къ Москвѣ съ человѣкомъ своимъ Ивашкомъ Щербачовымъ, и велѣлъ этому послѣднему указать ему государя Петра Алексѣевича и царицу мать его. А жена Безобразова заставляла писать царскія имена: Петръ и Наталія на семи старыхъ полотняныхъ лоскуткахъ, и вставивъ лоскутки въ восковыя свѣчи, на мѣсто фитилей, посылала тѣ свѣчи по церквамъ и приказывала, затепля, ставить ихъ передъ иконами да смотрѣть, пока онѣ догорятъ [1]). По этому извѣту послали за обвиняемымъ въ Нижній Новгородъ; жену его призвали къ допросу; коновалъ Дорошка былъ взятъ на ея дворѣ, гдѣ укрывался онъ отъ розыска, а Щербачовъ пойманъ въ подмосковной деревнѣ Безобразова; захвачены были и другія оговоренныя лица. Жена Безобразова сначала запиралась и отвергала всѣ обвиненія; но потомъ на очныхъ ставкахъ вынуждена была сознаться, что получала отъ мужа письма къ Шакловитому и что вѣдала, съ какою именно цѣлью присланъ былъ на Москву коновалъ Дорошка. Кабановъ объявилъ, что онъ заговариваетъ руду и лѣчитъ всякія болѣзни тайными заговорными словами — шопотами; что учился этому мастерству у другаго нижегородскаго коновала Ѳедора Бобыля; что привезъ съ собою бобы для ворожбы, росной ладонъ для охраны новобрачныхъ отъ

[1]) О значеніи этой чары см. выше, стр. 201.

вѣдуновъ, богородицкую траву отъ сердечной болѣзни и норичную — для лѣченья лошадей; что въ Москву пріѣхалъ онъ вслѣдствіе даннаго Безобразову обѣщанія—сдѣлать царя Петра добрымъ къ нему и милостивымъ. Въ то время, какъ шли вел. государи изъ саввинскаго походу, Щербачовъ возилъ его въ село Хорошево, и онъ, Дорошка, на царя Петра заговорными словами напускалъ по вѣтру; да и въ село Преображенское для того-же вражескаго дѣла они ходили, но не дошедъ того села — воротились назадъ. Тоже подтвердилъ и Щербачовъ. Мельникъ Семенъ Антоновъ, сысканный въ московскомъ уѣздѣ, повинился въ ворожбѣ у Безобразова только послѣ двоекратной пытки. Наконецъ привезли самого Безобразова съ тремя колдунами: коноваломъ Бобылемъ, дворникомъ Охапкинымъ и портнымъ Матвѣевымъ. Очныя ставки съ пыткою вынудили у него признаніе въ справедливости всѣхъ сдѣланныхъ извѣтовъ; вмѣстѣ съ нимъ пытаны Кабановъ (дано 17 ударовъ), Бобыль (35 ударовъ), Охапкинъ (10 ударовъ); прочіе вѣдуны подымaны только для страху. При этомъ нѣкоторые изъ нихъ объявили и свои ш о п т ы (заговоры), а другіе показывали, что никакой ворожбы не знаютъ, а ворожили «издѣваючись». Очевидно, все преступленіе состояло въ суевѣрныхъ попыткахъ помощію чаръ и заговоровъ призвать царскую милость на опальнаго боярина. Бояре приговорили: Безобразову отсѣчь голову, жену его сослать въ Тихвинскій Введенскій монастырь, а дворъ ихъ, помѣстья и вотчины отобрать безповоротно; коноваловъ Дороѳея Кабанова и Ѳедора Бобыля с ж е ч ь в ъ с р у б ѣ; остальныхъ колдуновъ и Щербачова бить нещадно кнутомъ на козлѣ и сослать въ Сибирь, вмѣстѣ съ ихъ женами и дѣтьми. Казнь совершилась 8-го января 1690 года. Доносщики были награждены: имъ выдано изъ описной казны Безобразова по сто рублей на человѣка, оба они освобождены отъ крѣпостной зависимости и взяты въ задворные конюхи.

Но дѣло этимъ не кончилось; оно тянулось еще около двухъ лѣтъ; розыски производились воеводами — въ Коломнѣ, Касимовѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ и Нижнемъ Новгородѣ. Одинъ вѣдунъ оговаривалъ другаго, другой — третьяго, и такъ далѣе. Воеводскіе розыски были ужасны: привлеченныхъ къ дѣлу ворожей и колдуновъ пытали по нѣскольку разъ со встряскою. Нѣкоторые изъ нихъ винились въ ворожбѣ на бобахъ, водѣ и деньгахъ; другіе же, не смотря на истязанія, ни въ чемъ не сознавались и умирали подъ пыткою или въ тюрьмѣ до окончанія слѣдствія [1]).

Реформа Петра Великаго не могла поколебать вѣковаго предубѣжденія противъ колдуновъ и вѣдьмъ. Въ ту эпоху, когда она совершалась, — во всей западной Европѣ, служившей для насъ образцомъ и примѣромъ, вѣра въ колдовство составляла общее достояніе умовъ и подчиняла своимъ темнымъ внушеніямъ не только простолюдиновъ, но и духовенство, ученыхъ и самыя правительства. Между тѣмъ, какъ у славянъ, соотвѣтственно простотѣ ихъ быта, далекаго отъ строгихъ юридическихъ опредѣленій, книжной учености и богословской схоластики, преданія о волшебствѣ удерживались въ устныхъ, отрывочныхъ и безъискусственныхъ разсказахъ, — на западѣ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ учено-богословскихъ трактатовъ о духахъ злобы и ихъ связяхъ съ людьми, трактатовъ, обработанныхъ систематически и доведенныхъ до изумительнаго анализа всѣхъ мелочныхъ подробностей. Эта средневѣковая литература дополняла и формулировала народное суевѣріе, скрѣпляла его своимъ авторитетомъ и имѣла огромное вліяніе на общественные нравы, судебные процессы и законодательныя установленія. Уполномоченные отъ высшихъ правительственныхъ властей, инквизиторы ѣздили по различ-

[1]) Исторія Петра В., соч. Устрялова, II, 347—350; Записки Желябужскаго, 23

нымъ областямъ Италіи, Франціи, Германіи и другихъ земель, гдѣ только проносилась молва о чародѣйствѣ; слѣдственныя коммиссіи приступали къ дѣлу со всѣми ужасами пытокъ и вынуждали самыя чудовищныя признанія. Число жертвъ, погибавшихъ отъ руки палача, превосходитъ всякое вѣроятіе. Отъ изданія буллы Иннокентія VIII (1484 г.), направленной противъ колдуновъ и вѣдьмъ, до окончанія казней за волшебство — въ одной Германіи насчитываютъ болѣе ста тысячъ человѣкъ, осужденныхъ на смерть, въ Англіи за все время, пока продолжались тамъ подобныя преслѣдованія, погибло болѣе 30,000 человѣкъ [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что не однѣ пытки заставляли признаваться въ небывалыхъ сношеніяхъ съ чертями; что бывали и добровольныя самообвиненія, исходившія изъ того болѣзненно-суевѣрнаго настроенія, отдаваясь которому — человѣкъ всякое непонятное ему дѣйствіе и всякую тревожившую его мечту готовъ былъ приписать сверхъестественнымъ, демоническимъ силамъ. Съ особенною наглядностію раскрывается это въ тѣхъ процессахъ, гдѣ были замѣшаны дѣти. Подъ обаяніемъ предразсудковъ, всосанныхъ съ молокомъ матери, впечатлительная фантазія дѣтей принимала сновидѣнія, горячешный бредъ и мечты напуганнаго воображенія за живую дѣйствительность. Въ знаменитомъ процессѣ 1669 года, въ шведской деревнѣ Мора, малолѣтныя дѣти смѣ-

---

[1]) Въ продолженіе 1485 г. Кумонъ, въ графствѣ Вурліа, сжегъ за колдовство 41 женщину; въ слѣдующемъ году онъ продолжалъ дѣйствовать съ тою-же ревностію, такъ что бо́льшая часть народа разбѣжалась. Алціастъ говоритъ, что въ это-же время инквизиторъ сжегъ въ Піемонтѣ 100 колдуновъ и своими преслѣдованіями вывелъ наконецъ изъ терпѣнія жителей... Въ 1515 г. въ Женевѣ казнено 500 чел. подъ именемъ протестантскихъ колдуновъ; въ Равенсбургѣ въ четыре года было сожжено 48 чел. по рѣшенію Менго, автора извѣстнаго сочиненія Malleus maleficarum; ученый инквизиторъ Реми хвалился, что онъ въ продолженіе 15 лѣтъ казнилъ 900 человѣкъ.

ло и настойчиво утверждали, что они околдованы и были въ сношеніяхъ съ дьяволомъ. Такое гибельное заблужденіе дѣйствовало нерѣдко, какъ нравственная зараза, и зародившись въ умахъ нѣкоторыхъ мальчиковъ или дѣвочекъ, немедленно сообщалось отъ нихъ всему дѣтскому населенію. Во Франціи въ одномъ благотворительномъ заведеніи, въ продолженіи полугода, почти всѣ воспитанницы объявили себя вѣдьмами, разсказывали о сообщеніи своемъ съ чертями, о своихъ полуночныхъ сборищахъ, пирахъ и плясках. Несчастныхъ дѣтей также безжалостно пытали, какъ и взрослыхъ. Сожженіе и казни вѣдьмъ продолжались почти до конца XVIII-го столѣтія. Въ исторіи Англіи извѣстенъ процессъ 1716 года, когда Гиксъ и его девятилѣтняя дочь были повѣшены за то, что предались дьяволу и производили бури; въ 1728 году въ венгерскомъ городѣ Сигединѣ сожгли тринадцать колдуней; въ 1749 г. въ Вирцбургѣ сожжена, какъ волшебница, Марія Рената; въ католическомъ кантонѣ Гларусѣ подобная-же казнь совершена надъ вѣдьмою въ 1786 году [1]). Ясно, что при Петрѣ Великомъ вліяніе западной Европы не могло подѣйствовать смягчительно на духъ нашего законодательства. Въ артикулахъ Воинскаго устава 1716-го года предписывается: если кто изъ воиновъ будетъ чернокнижникъ, ружья заговорщикъ и богохульный чародѣй, такого наказывать шпицрутеномъ и заключеніемъ въ оковы, или сожженіемъ. Въ толкованіи къ этой статьѣ прибавлено, что сожженіе опредѣляется чернокнижникамъ, входящимъ въ обязательство съ дьяволомъ [2]). Лицъ, пойманныхъ съ волшебными заговорами и гадательными тетрадками, или уличенныхъ въ ихъ перепискѣ,

---

[1]) Моск. Телеграфъ 1830, XIX—XXI, статья по поводу изданія Горета: „Zauber-Bibliothek"; Моск. Наблюдат. 1837, XI, 117—139 („Судъ надъ вѣдьмами"). — [2]) П. С. Зак., V, 3006, гл. I, артик. 1 и 2.

продолжали подвергать тѣлеснымъ истязаніямъ; самые заговоры и тетрадки (на основаніи указа царя Ѳедора Алексѣевича) посылались на просмотръ къ ректору славяно-греко-латинской академіи. Въ 1726 году были представлены къ ректору Гедеону для увѣщанія и вразумленія іеродіаконъ прилуцкаго монастыря Аверкій, у котораго найдены волшебныя письма, и дворовый человѣкъ Василій Даниловъ, обвиненный въ сношеніяхъ съ дьяволомъ, по наущенію котораго похищена имъ золотая риза съ образа Богородицы. По образцу западныхъ теорій, въ курсъ богословія внесено было объясненіе различныхъ видовъ волшебства; такъ въ лекціяхъ, читанныхъ въ академіи въ 1706 году, встрѣчаемъ цѣлый отдѣлъ de contractibus diabolicis. «Contractus diabolicus (сказано въ этихъ лекціяхъ) est pactum cum diabolo initum, et dividitur in magiam, divinationem superstitiosam, vanam observantiam et maleficium»; колдуны, по словамъ ученаго профессора, могутъ съ корнемъ вырывать крѣпчайшія деревья, переставлять засѣянныя поля съ одного мѣста на другое, дѣлаться невидимками, превращаться въ различные образы и совершать многія другія чары [1]). Судныя дѣла XVIII-го столѣтія до сихъ поръ остаются неизданными и малодоступными для изслѣдователя; но даже изъ тѣхъ немногихъ матеріаловъ, на которые можно сослаться въ настоящее время, нетрудно убѣдиться, какъ сильно-живучи народныя суевѣрія и какъ долго еще послѣ реформы Петра В. продолжались преслѣдованія мнимаго чародѣйства. Въ 1750 году возникло, напримѣръ, дѣло о сержантѣ Тулубьевѣ, который обвинялся въ совершеніи любовныхъ чаръ. Обстоятельства этого дѣла такъ изложены въ промеморіи тобольской консисторіи: ширванскаго пѣхотнаго полка сержантъ Василій Тулубьевъ, квартируя въ городѣ Тю-

[1]) Исторія моск. славяно-греко-лат. академіи, соч. Смирнова, 129—130, 135, 150.

мени у жены разночинца Екатерины Тверитиной, вступилъ въ блудную связь съ ея дочерью Ириною; а потомъ ее, Ирину, насильно обвѣнчалъ съ своимъ дворовымъ человѣкомъ Родіономъ Дунаевымъ, но жить съ нимъ не позволилъ. Чтобы закрѣпить любовь и вѣрность Ирины, онъ на третій день послѣ вѣнца бралъ ее съ собой въ баню и творилъ надъ нею разныя чары: взявъ два ломтя печенаго хлѣба, Тулубьевъ обтиралъ ими съ себя и съ своей любовницы потъ; затѣмъ хлѣбъ этотъ смѣшалъ съ воскомъ, печиною, солью и волосами, сдѣлалъ два колобка и шепталъ надъ ними невѣдомо-какія слова, смотря въ волшебную книгу. Онъ-же, Тулубьевъ, срѣзывалъ съ хоромныхъ угловъ стружки, собиралъ грязь съ тележнаго колеса, клалъ тѣ стружки и грязь въ теплую банную воду и приготовленнымъ настоемъ поилъ Ирину; поилъ ее и виномъ, смѣшаннымъ съ порохомъ и роснымъ ладономъ; наговаривалъ еще на воскъ и сѣру, и тѣ снадобья заставлялъ ее носить, прилѣпивъ къ шейному кресту, а самъ онъ постоянно носилъ при себѣ ея волосы, надъ которыми также нашептывалъ. Подобными чарами Тулубьевъ такъ приворожилъ Ирину, что она безъ него жить не могла, и когда ему случалось уходить со двора—бѣгала за нимъ слѣдомъ, тосковала и драла на себѣ платье и волосы. Консисторія опредѣлила: лишить Тулубьева сержантскаго званія и сослать его на покаяніе въ енисейскій монастырь, а бракъ Ирины съ Дунаевымъ расторгнуть; какъ блудница, Ирина должна бы подлежать монастырскому заключенію, «но понеже она навращена къ тому по злодѣянію того Тулубьева, чародѣйствомъ его и присушкою, а не по свободной волѣ, — для такихъ резоновъ отъ посылки въ монастырь ее освободить» [1]).

---

[1]) Этн. Сб., VI, 141—3; см. также Памят. книжку арханг. губ. 1864 г., 79—90 (судныя дѣла 1729 и 1785 годовъ, возникшія по обвиненію въ напущеніи икоты).

Но рано или поздно — духъ суевѣрія долженъ былъ уступить передъ успѣхами ума и общественнаго просвѣщенія. Философское движеніе второй половины XVIII-го вѣка вызвало болѣе свѣтлые взгляды на природу и человѣка, потрясло вѣковые предразсудки, заставило сознаться въ безполезной жестокости пытокъ и утвердило великую идею вѣротерпимости; вмѣстѣ съ этимъ оно погасило костры инквизиціи и остановило преслѣдованія мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ во всей Европѣ. У насъ, на Руси, это благотворное вліяніе европейской науки выразилось въ законодательныхъ памятникахъ Екатерины II-й.

XXVIII.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Дѣленіе года у древнихъ славянъ опредѣлялось тѣми естественными, для всѣхъ наглядными знаменіями, какія даются самою природою. Годъ распадался на двѣ половины: лѣтнюю и зимнюю, и начинался съ перваго весенняго мѣсяца—марта, такъ какъ именно съ этой поры природа пробуждается отъ мертвеннаго сна къ жизни и свѣтлые боги приступаютъ къ созданію своего благодатнаго царства. Апокрифы и народныя повѣрья относятъ сотвореніе міра и перваго человѣка къ марту-мѣсяцу [1]). Водвореніе христіанства на Руси нескоро измѣ-

[1]) Въ житіи св. Стефана Пермскаго читаемъ: „мартъ мѣсяць — начало всѣмъ мѣсяцемъ, иже и первый наречется въ мѣсяцѣхъ, ему-же свидѣтельствуеть Моисій законодавець, глаголя: мѣсяць же вамъ первый въ мѣсяцѣхъ да будетъ мартъ... Марта бо мѣсяца начало бытіа—вся тварь Богомъ сотворена бысть отъ небытья въ бытье, марта же мѣсяца въ 21 (25?) день и первозданный человѣкъ, родоначальникъ Адамъ, рукою божіею созданъ бысть"—Пам. стар. рус. лит., IV, 130. Съ марта мѣсяца начинали годъ и евреи, египтяне, мавры, персы, древніе греки и римляне; латинскія названія мѣсяцевъ: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь (=седьмой, восьмой,

нило старинный обычай начинать новолѣтіе мартомъ. Церковь, руководствуясь византійскимъ календаремъ и святцами, приняла годичный кругъ индиктовый — сентябрьскій; народъ же и князья оставались при своемъ мартовскомъ годѣ и продолжали обозначать мѣсяцы древле-славянскими именами. И Несторъ, и его продолжатели держались мартовскаго года; къ сентябрьскому счисленію лѣтописцы перешли уже въ позднѣйшее время: такъ въ Троицкой лѣтописи сентябрьское счисленіе начинается съ 1407 года, а въ новгородскихъ — не прежде покоренія Новгорода Иваномъ III. Въ дѣлахъ житейскихъ и гражданскихъ мартовскій счетъ, вѣроятно, продолжался до конца XV-го вѣка. Въ 1492 г. созванный въ Москвѣ соборъ, установивъ церковную пасхалію на осьмое тысячелѣтіе, перенесъ начало гражданскаго года съ 1-го марта на 1-ое сентября; январскій же годъ введенъ уже Петромъ Великимъ [1].

Изъ четырехъ временъ года весна разсматривалась, какъ предверіе лѣта, а осень, какъ первая пора зимы; у сербовъ, чеховъ и другихъ славянъ весна называется пролѣтье (прољеће), подлѣтье, налѣтній часъ, младо лѣто (pomlad), а осень — predzima, podzim, podzimek (podzimak), назимній часъ [2]). Дѣлить годичный періодъ на мѣсяцы подали поводъ постоянно-повторяющіяся фазы луны; поэтому основаніемъ древнѣйшаго лѣтосчисленія принимался годъ лунный. Времена года и мѣсяцы получили свои названія отъ тѣхъ характеристическихъ признаковъ, какіе усвоивались за ними періодическими измѣненіями погоды и ея вліяніемъ на возрожденіе и увяданіе природы, плодородіе земли и

девятый и десятый) ясно указываютъ, что первоначально счетъ велся съ марта — Ж. М. Н. П. 1849, т. LXI, отд. VI, 145; Времен., XV, 14 („О ходу въ персидск. царство"). — [1]) Ж. М. Н. П. 1849, II, 146; Ч. О. И. и Д., годъ 2-й, II, стат. Бѣляева, 1—38. — [2]) Труды Росс. Академ., III, 66—68.

трудъ человѣка. Ведя жизнь пастуховъ, звѣролововъ и пахарей, первобытныя племена по своимъ обиходнымъ занятіямъ должны были обнаруживать самое усиленное вниманіе ко всѣмъ явленіямъ природы, и дѣйствительно наблюденія ихъ отличались необыкновенной живостью и закрѣплялись мѣткимъ, живописующимъ словомъ. Весна (пол. wiosna, чеш. wesno) отъ снскр. vas—lucere, откуда образовались также: снскр. vasu—radius, ignis, vâsara—dies, vastar—mane, vasanta — весна, литов. wasara—лѣто (pa-wasaris—предлѣтье, весна), сканд. vâr—frühling, лат. ver и греч. ἦρ, ἔαρ, εἶαρ (=Fέαρ, Fέσαρ); слѣдовательно весна означаетъ собственно: свѣтлое, ясное, теплое время года [1]), что̀ подтверждается и другимъ присвоеннымъ ей названіемъ: ярь (iar, iaro—I, 439). Лѣто обозначается въ санскритѣ словами, заключающими въ себѣ понятіе теплой, жаркой поры: ushna, ushma отъ ush (=vas)—urere, grishma и gharma—жаръ, тепло, tapa, tapana отъ tap—calefacere, откуда происходятъ и лат. tempus, tepeo. Очевидно, что слова tempus, нѣм. jahr (=ярь, iar) и слав. время (отъ врѣти) первоначально служили только для опредѣленія лѣтней поры, а потомъ уже перешли въ общее понятіе года и времени (II, 287). Точно также и лѣто (пол. lato, илл. lito, нѣм. lenz—весна) соединяетъ въ себѣ оба указанныя понятія; мы говоримъ: «лѣта̀ измѣняютъ человѣка», «онъ прожилъ столько-то лѣтъ», возрастъ двухлѣтній, трехлѣтній и т. дал. Пикте сближаетъ это слово съ снскр. ṛtu, зенд. ratu—tempus. Такимъ образомъ лѣто почиталось славянами за время по-преимуществу, а самый счетъ годовъ они вели по лѣтамъ,

---

[1]) Курціусъ, 355—6; Дифенбахъ, I. 120—1; D. Myth., 741. По мнѣнію другихъ весна отъ санскр. vas — одѣвать (vasana — vestis), потому что она одѣваетъ лѣса листвою, а землю травой — Записки Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 565.

т. е. по числу истекшихъ лѣтнихъ періодовъ [1]). Зима у арійцевъ называлась временемъ падающихъ (разбрасываемыхъ) снѣговъ: cнкр. hima — какъ существительное: снѣгъ, какъ прилагательное: холодный, hêmanta — зима, греч. χιών — снѣгъ, χεῖμα — буря, непогода, χειμών — зима, лат. hiems = зенд. zjâo (zjam), осет. zimag, литов. žiema, слав. зима отъ hi (hinôti) — jacere, projicere. Въ Остромировомъ евангеліи слово «зима» употребляется въ смыслѣ стужи, холоднаго вѣянія, и замѣняетъ собою греч. ψῦχος; въ старинныхъ актахъ съ этимъ названіемъ соединяется мысль о сѣверѣ, какъ о той странѣ, откуда дуютъ суровые вѣтры [2]); въ областныхъ говорахъ зимно значитъ: холодно. Нѣм. winter (др.-в.-нѣм. wintar, сканд. vetr, готск. vintrus) = hvintrus отъ санскритскаго çvind — album esse и frigere; çvindra — зима, т. е. бѣлая = устилающая землю снѣгами. Осени каждый изъ индоевропейскихъ народовъ далъ свое особенное названіе: знакъ, что названія эти явились уже позднѣе, послѣ раздѣленія арійскаго племени на различныя вѣтви [3]). Въ санскритѣ одни и тѣже слова служатъ для обозначенія дождя, дождливой погоды и осенней поры. По мнѣнію г. Микуцкаго, слово осень (церковно-слав. есень, серб. јесен, польск. iesień, илл. jessen) можетъ быть возведено къ санскрит. корню as — lucere, отъ котораго произошли и снкр. asan, латыш. asins — кровь (собственно: красная), и готск. asan — жатва (зрѣлые, золотистые колосья); подобно тому у литовцевъ осень — ruduo (летт. ruddens) отъ rudas — красноватый, рыжій,

[1]) Миклошичь (Radices linguae slov., 47) и Ганушъ (Bajeslown. kalendar, 126—7) производятъ лѣто отъ снк. lî — лить; лит. lytus — pluvia; по ихъ объясненію, лѣто будетъ означать: время дождей. — [2]) Взиму — на сѣверъ, зимняя сторона — сѣверная; наоборотъ, лѣто въ архангел. г. употребляется въ смыслѣ юга — Radices linguae, slov., 31; О вл. христ. на сл. яз., 17; Обл. Сл., 107. — [3]) Пикте I, 90—93, 98—102, 107; Курціусъ, 169; Дифенбахъ, I, 158—9.

рудый, т. е. та часть года, когда листья деревъ становятся желтыми и красными [1]). Ниже будетъ указано, что въ падающихъ и гніющихъ листьяхъ славянинъ усматривалъ главный, отличительный признакъ осенняго времени.

Древле-славянскія названія мѣсяцевъ частію занесены въ «церковный съборникъ», приложенный къ Остромирову евангелію (1056 г.), въ харатейное евангеліе 1144 года и въ нѣкоторыя другія старинныя рукописи; частію и донынѣ удерживаются между болгарами, поляками [2]) и иными славянскими племенами: 1) генварь — древ. просинецъ (болг. просиньцъ, карніол. prosenz, кроат. proszinecz), малор. сѣчень (илл. siečan, szečen), пол. styczeń, чеш. и словац. leden, болг. студени-ятъ и лов' заецъ. Первое названіе производятъ отъ про-синѣти (синути—совершенный видъ отъ глагола сіяти) и видятъ въ немъ указаніе на возрождающееся солнце. 12-го декабря у насъ слыветъ солоноворотъ: солнце поворачиваетъ на лѣто, и въ генварѣ дни уже начинаютъ замѣтно увеличиваться (прояснятьcя), а ночи сокращаются. У болгаръ декабрь называется коложегъ, т. е. мѣсяцъ возженія солнечнаго колеса; сравни готск. jiuleis (ноябрь и декабрь) и англос. geola (декабрь и генварь)—названія, указывающія на поворотъ солнца (hvël —колесо, I, 212 [3]). Сѣчень (отъ глагола сѣчь) вполнѣ соотвѣтствуетъ польскому стычень (отъ s-tykać, тыкать,

---

[1]) Изв. Ак. Н., IV, 48, 413. — [2]) Малорусскія названія мѣсяцевъ тождественны съ польскими и вѣроятно—уцѣлѣли въ народной памяти, благодаря вліянію польскихъ календарей. — [3]) Линде ставитъ имя просинецъ въ связь съ польск. prosię, чешск. prase, рус. порося—на томъ основаніи, что ко времени зимняго поворота солнца относятся миѳы о рожденіи золотаго поросенка и выѣздѣ Фрейра на золотощетинистомъ вепрѣ (I, 778). Въ декабрѣ приносилась въ жертву свинья, и люнебургскіе славяне давали этому мѣсяцу названіе trebemôn (отъ треба—жертва).

ткнуть, тнуть и старин. тяти или тети — сѣчь, бить); съ этимъ именемъ предки наши могли соединять мысль о «переломѣ зимы» (въ генварѣ половина зимы оканчивается, а половина остается), или еще вѣроятнѣе—мысль о трескучихъ, всё-поражающихъ морозахъ. Декабрь, генварь и февраль-мѣсяцы издревле назывались волчьимъ временемъ, потому что Зима, въ образѣ волка, нападала тогда на божій міръ и мертвила его своими острыми зубами. Для обозначенія февраля также употреблялось названіе сѣчень; сверхъ того, его называли лютымъ — эпитетъ, постоянно прилагавшійся къ волку. 2) Февраль—др. сѣчень (болг. сѣченъ или сѣчко) и снѣженъ, пол. luty (малор. лютый), чеш. и словац. unor (aunor [1]), словен. svečan (карн. svičan, венд. svičnik, кроат. szvečen, летт. swetschu-mehness) и hromečnjk (въ Силезіи, около Фрейштата). Имена «свѣчанъ» и «громечникъ» стоятъ въ связи съ подобными-же названіями праздника Срѣтенья (2-го февраля, когда, по народному повѣрью, Зима встрѣчается съ Лѣтомъ): svečkovnica Maria, svečnica, свјетло, den sviček, hromnice (I, 483), у нѣмцевъ kerz-wihe, kerz-(licht-)messe, и указываютъ на февраль, какъ на мѣсяцъ, удлиняющій дни, ведущій за собою весну и богиню благодатныхъ грозъ. У литовцевъ февраль слыветъ «весеннимъ» — wassaris. Лужичане называютъ генварь wulki róžk, а февраль—mały róžk=литов. didijs ragutis и mažas ragutis (большой рожокъ и малый рожокъ), что должно обозначать время, когда нѣкоторыя животныя мѣняютъ рога. 3) Мартъ — др. и болг. сухы(і)й

---

[1]) Ганушъ (Bajesl. kal., 127) сближаетъ это слово съ санскр. nâra—вода, серб. норити—погружать въ воду, чеш. po-noriti, малор. поринати (нырять); если принять такое производство, то unor будетъ означать время начинающейся ростопели, таянья льдовъ и снѣгу.

(карн., кроат. и венд. suszeč), малор. березозолъ, чеш. и словац. březen (венд. brezen, лит. biržėlis) отъ bříza — береза, рус. област. свистунъ (=пора вѣтровъ) и пролѣтье. 4) Апрѣль — др. брезозоръ и березозолъ, пол. kwiecień (малор. цвѣтень, нѣм. blumenmonath), чеш. и словац. duben (время, въ которое начинаетъ распускаться дубъ), илл. travan (кроат. traven или mali traven, нѣм. grasmend, швед. gräs-manad), рус. простонарод. заиграй-овражки, т. е. пора весеннихъ потоковъ, скачущихъ по скатамъ горъ и овраговъ. Названіе березо-золъ= березо-зоръ [1]) есть сложное; вторая половина слова указываетъ на дѣйствіе вешняго тепла, которымъ вызывается въ березахъ сладкій сокъ, употребляемый поселянами вмѣсто напитка (сравни: «зорить ягоды»—выставлять ихъ на солнце, чтобъ доспѣли; «зорнить пряжу»—выставлять ее въ весеннее время по утрамъ, чтобъ она побѣлѣла; іюль=мѣсяцъ сушенія скошенной травы извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ сѣнозорника). Эсты называютъ апрѣль mahla-ku отъ mahl — древесный сокъ, березовая вода, а летты—sullumehness отъ sulla—сокъ. 5) Май—др. и болг. травень (травный, кроат. и венд. veliki traven, карн. travn velike, болг. лѣтенъ, чеш. и словац. kwěten, кроат. rozžnjak и rozocvět. У нашихъ поселянъ май называется муръ (=мурава—трава), а начало этого мѣсяца—росеникъ [2]). 6) Іюнь — др. изокъ, пол. czerwiec (малор. червецъ, чеш. и словац. cerwen), карн. и венд. rozencvět (сораб. rožowe mêszacztwo), кроат. klaszen (время, когда хлѣбъ начинаетъ колоситься) и mlečen (молочный), илл. lipan (lipanj), литов. siejas menuo — мѣсяцъ посѣва.

---

[1]) Подобно тому, какъ февраль=феврарь, пролубь=прорубь. — [2]) Обл. Сл., 192.

Слово изокъ означаетъ кузнечика [1]); въ одной рукописи XVII вѣка, при исчисленіи старинныхъ названій мѣсяцевъ, іюнь названъ «паутной, сирѣчь комарной» [2]); въ областномъ словарѣ [3]) паутъ — слѣпень, оводъ. Слѣдовательно іюнь обозначался, какъ время стрекотанія кузнечиковъ, появленія комаровъ, слѣпней и оводовъ. Соотвѣтственно декабрю = коложегу (зимнему повороту солнца), іюнь назывался кресникъ отъ кресъ — огонь, лѣтній солоноворотъ = праздникъ Купалы, когда солнечное колесо, достигнувъ высшей точки на небѣ, начинаетъ спускаться внизъ. На Руси мѣсяцъ этотъ слыветъ макушкою лѣта: «всѣмъ лѣто пригоже, да макушка тяжела» (т. е. утомительна зноемъ); сравни кельт. gorphenhaf = голова, вершина лѣта. 7) Іюль — др. червенъ (болг. чървьнъ, чеш. и словац. cerwenec), пол. lipiec (малор. липецъ, литов. liepas menuo, летт. leepu mehness отъ leepa — липа), болг. сърпанъ (илл. szerpen, szarpan, карн. serpan male). Червенъ, червенецъ отъ слова червь, что подтверждается и датскими названіями этого мѣсяца: ormemaaned, madkemaaned, т. е. время собиранія насѣкомыхъ, извѣстныхъ подъ именемъ червца и употребляемыхъ на окраску; червленный — темнокрасный, багряный. Чехи называютъ іюль — «seċen, w nemž se seno seċe» (сѣно косятъ): названіе, соотвѣтствующее рус. сѣнозо(а)рникъ, сѣноставъ (время гребли и складыванія сѣна въ стога), литов. sienpiu, летт. seenu mehness, нѣм. heumonath (сѣнокосный). Другія названія, даваемыя русскими поселянами іюлю: страдникъ (отъ страда — пора жатвы и сѣнокоса) и грозникъ [4]). 8) Августъ — др. и болг. заревъ, пол.

---

[1]) Г. Микуцкій (Записки Р. Г. О. по отд. этногр., I, 598) сравниваетъ славян. изокъ съ литов. жогас — кузнечикъ, считая гласную *и* благозвучною приставкою. — [2]) Вологод. Г. В. 1855, 50. — [3]) Обл. Сл. 153. — [4]) Сахаров., II, 43; Обл. Сл., 224.

sierpeń (малор. серпень, чеш. и словац. srpen, карн. serpan velike), сораб. žencz, žnejska, (жатвенный), болг. коловезъ, илл. kolovoz, рус. обл. зорничникъ и капустникъ. Это время созрѣванія нивъ (зорничникъ отъ зорить=зрѣть—см. I, 151 [1]), жнитвы, дѣйствія серпомъ и перевозки сжатаго хлѣба (коловозъ). У литовцевъ августъ—rugpiutis, piumonies, по переводу Нарбута: żytożniwny; календарнымъ знакомъ его былъ «серпъ»; летт. rudsu mehness (отъ rudsi—рожь), нѣм. aerndmonath (aeremonath), швед. skördemånad (жатвенный). Въ Македоніи жатва собирается въ сентябрѣ-мѣсяцѣ, который потому и называется γορπιαῖος отъ ἅρπη (γορπή) — серпъ [2]). 9) Сентябрь—др. рюе(п)нъ, болг. рюенъ, руянъ, илл. и кроат. rujan, чеш. и словац. zářj, zářig, zařuj, литов. руис отъ снк. ru—sonum edere, др.-слав. рю-ти (ревѫ. [3]), чеш. řeti—ржать, рыкать, říti—ревѣть (говоря объ оленяхъ); литов. руя—brunstzeit или lauftzeit des wildes, сибир. рёвъ—время половыхъ отношеній копытчатыхъ звѣрей; августъ-мѣсяцъ=др. заревъ [4]). Чехи даютъ подобное-же названіе и мѣсяцу октябрю—řigen; сравни сканд. ylir (октябрь) отъ yla—выть, ревѣть. Такимъ образомъ августъ и два слѣдующіе за нимъ мѣсяца обозначались, какъ періодъ, въ который олени и другія копытчатыя животныя бываютъ въ течкѣ и подымаютъ дикій ревъ. Другія названія, даваемыя сентябрю: пол. wrzesien (малор. вресень отъ wrzos, вресъ, вересъ — erica [5]), болг. гроздоберъ = время сбора вереска и виноградныхъ гроздій, рус. обл. осенины.

---

[1]) Сахаров., II, 46. — [2]) Курціусъ, 229. — [3]) Въ одной старинной рукописи читаемъ: „и паки дохнувше вихри и шумы воспущаху и руянія творяху“. — [4]) Radices ling. slov., 77; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 604; Доп. обл. сл., 231. — [5]) У литовцевъ сентябрь также назывался „вересковымъ мѣсяцемъ“.

10) Октябрь—общеслав. листопадъ, пол. pazdziernik (малор. паздерникъ, лит. spalin mienu—съ тѣмъ-же значеніемъ) отъ слова паздеръ — кострика, ибо въ этомъ мѣсяцѣ начинаютъ мять ленъ и коноплю, сораб. winowe mêszacztwo, winski (нѣм. weinmonath—приступаютъ къ сбору винограда), рус. обл. зазимье и грязникъ [1]); финны и эсты также называютъ его грязнымъ (loka-kuu, roja-ku). Въ Силезіи сентябрь—koseń (отъ косить), а октябрь—seweń (отъ сѣять); лит. rugsiejis (житосѣвный)—сентябрь-мѣсяцъ. 11) Ноябрь—др. и болг. груденъ (грудьнъ), общеслав. листопадъ, карн. и венд. listognoi (gnilec); у литовцевъ мѣсяцъ этотъ назывался lapakritis=листопадъ и календарнымъ знакомъ его служилъ древесный листъ; илл. studeni (sztudeni, нѣм. wintermonath и windmonath), сораб. mloszni (молотильный). 12) Декабрь—др., болг. и малор. студенъ (студёный, студьный), рус. обл. зимникъ, болг. просинецъ, чеш. и слов. pro(a)sinec, илл. prosinac, proszina(e)c, пол. grudzień, карн. grudn, кроат. и венд. gruden (въ старину у чеховъ такъ назывался генварь), литов. grodinnis, латыш. saĺnas или sallas — морозный. Названіе «грудень» тождествено старонѣмецкому herti-mânot и сканд. hrût-mânuthr, т. е. суровый = студёный мѣсяцъ; сравни лат. crudelis, греч. κρύος, κρυώδης, старонѣм. hruod, англос. hrêth. Въ древней лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя указанія: «поидоша на колѣхъ (на колесахъ), а по груду пути; бѣ бо тогда мѣсяцъ груденъ»; «а зима была гола (безснѣжна) и ходъ конемъ былъ нужнъ, грудоватъ» [2]), т. е. отъ

---

[1]) Вѣстн. Р. Г. О. 1852, V, 36; Сахаров., II, 59. — [2]) Труды Имп. Рос. Академіи, III, 25—76; Записки и труды Общ. ист. и древ. рос., II, 49—59; Карамз. И. Г. Р., I, изд. 2, стр. 71 и примѣч. 159; Матер. для исторіи письменъ, ст. Бусл., 12; Вѣст. Евр.

стужи застыла, смерзлась грязь; литов. grόdas — замерзшій комъ земли; рус. груда (=нѣм. hrût) донынѣ употребляется поселянами въ значеніи мерзлой, незанесенной снѣгомъ грязи, лежащей по улицамъ и дорогамъ [1]). Исчисленныя нами славянскія названія мѣсяцевъ преимущественно указываютъ на бытъ земледѣльческій. Кругъ наблюденій ограничивается произрастаніемъ травы, распусканіемъ цвѣтовъ и деревьевъ (березы, дуба, липы), сѣнокосомъ, жатвою, молотьбою, уборкою льна, сборомъ винограда (въ южныхъ мѣстностяхъ) и тѣми рѣзкими измѣненіями въ погодѣ, которыя, условливаясь различнымъ положеніемъ солнца, такъ могущественно вліяютъ на плодородіе земли и благосостояніе человѣка. Зимній и лѣтній повороты солнца, стужа и снѣгъ зимою, журчащіе ручьи и осушеніе земли весною, паденіе росы, появленіе комаровъ и оводовъ, стрекотаніе кузнечиковъ, зной въ поло-

---

1818, ст. Добровскаго, IV, 283—295; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, ст. Бусл., 33—35; Архивъ ист. и практич. свѣд. 1860—1. I, (о книгѣ „Громовникъ"), 9—10; Рус. Бес. 1857, III, 108; IV, 111 (ст. Эрбена); Каравел., 173—270; Толк. Слов. Даля, I, 964; Изв. Имп. Археолог. Общ., V („Древній литовск. календарь"), 335—352; Ж. М. Н. П. 1844, IV, ст. Боричевскаго, 38—39. — [1]) Дифенбахъ; II, 378; Обл. Сл., 42. У черемисовъ и чувашей февраль и мартъ—мѣсяцы оттепели, апрѣль—пашни, май—посѣва, іюнь—лѣтній, іюль—сѣнокосный, іюль и августъ—мѣсяцы серпа, сентябрь—льна, октябрь—молотьбы (овинный), ноябрь—помнокъ, декабрь—жертвоприношенія; декабрь и генварь—сильноморозный, генварь и февраль—менѣе морозный—Сбоева: Изслѣдов. объ инородцахъ казан. губ., 45—46; сочин. г-жи Фуксъ о чувашахъ и черемис., 165. У карагассовъ мѣсяцы получили свои названія отъ прозябанія травы, приготовленія березовой коры (бересты) для юртъ, цвѣтенія и сбора сараны, сбора кедровыхъ орѣховъ, течки оленей, ловли соболей, охоты на лыжахъ и т. дал.—Вѣст. Р. Г. О. 1854, VI,241—2. У самоѣдовъ олень, составляющій главное ихъ богатство, далъ названія пяти мѣсяцамъ; іюнь—комарный мѣсяцъ, іюль—оводный, и проч.—Исдавина: Самоѣды въ домашн. и обществ. быту, 139—140.

винѣ лѣта, паденіе листьевъ и грязь въ осеннюю пору—все это отразилось въ народномъ календарѣ славянина. Отъ древнѣйшаго пастушескаго быта удержались только три названія, указывающія на тѣ періоды, когда скотина мѣняетъ свои рога, когда начинаетъ она спариваться (пора течки или рёва) и когда коровы бываютъ обильны молокомъ. Обозначая различныя времена года по ихъ характеристическимъ признакамъ, предки наши не соединяли съ приведенными названіями мѣсяцевъ строго-опредѣленныхъ границъ; одно и тоже имя прилагалось къ двумъ и тремъ сосѣднимъ мѣсяцамъ. Съ одной стороны самые признаки, подмѣченные народомъ, могли относиться къ болѣе или менѣе продолжительному времени: такъ стужа, морозы и снѣга́ продолжаются во всю зиму; имя «просинца» (=просвѣтляющаго, увеличивающаго дни) съ равнымъ правомъ могло прилагаться и къ концу декабря, и къ двумъ послѣдующимъ мѣсяцамъ; эпитетъ «травнаго» одинаково идетъ и къ апрѣлю, и къ маю, и такъ далѣе. Съ другой стороны, періодическія измѣненія въ жизни природы совершаются въ разныхъ мѣстностяхъ не одновременно, а раньше или позднѣе; на югѣ, напримѣръ, весна установляется ранѣе, а зима позднѣе, чѣмъ на сѣверѣ; съ тѣмъ вмѣстѣ и земледѣльческія работы тамъ и здѣсь пригоняются къ различнымъ срокамъ. Этими естественными условіями объясняется и перемѣщеніе нѣкоторыхъ названій съ одного мѣсяца на другой. Такъ имя «листопада», даваемое въ южныхъ мѣстностяхъ ноябрю, въ средней и сѣверной полосахъ должно было перейдти на октябрь.

Отдѣльные дни или числа мѣсяцевъ получили у поселянъ свои особенныя прозванія, сообразно съ соотвѣтствующими имъ признаками обновляющейся или замирающей природы и съ пріуроченными къ нимъ крестьянскими работами: генваря 16-го—Петръ-полукормъ (половина запасовъ съѣдена), 18-го — Аѳанасій-ломоносъ («на Аѳанасія береги

восъ!» — намекъ на сильные морозы), 22-го — Тимофей-полузимникъ, 24-го — Аксинья-полузимница или полухлѣбница; февраля 11-го — Власій-сшиби рогъ съ зимы! 28-го — Василій-капельникъ; марта 1-го — Евдокія-плющиха (плющáть — капать, течь, издавать звукъ падающихъ капель, плюшка и плюшина — сосульки подъ крышами [1]), 4-го — Герасимъ-грачевникъ (прилетъ грачей), 17-го — Алексѣй-съ горъ вода или съ горъ потоки, 19-го — Дарья-засери (загрязни) проруби; апрѣля 1-го—пустые щи, 8-го—Родіонъ-ледоломъ, 11-го —Антипъ-водополъ, 12-го Василій-выверни оглобли (оставляй сани, снаряжай телѣгу), 23-го — Егорій-скотопасъ (выгонъ скота въ поле), 26-го — Степанъ-ранопашецъ; мая 2-го — соловьиный день, 3-го — зеленые щи, 5-го — Ирина-разсадница (разсадка капусты), 6-го — Іовъ-горошникъ (посѣвъ гороха), 9-го — Никола вешній, травной, 13-го — Лукерья-комарница (появленіе комаровъ), 23-го — Леонтій-огуречникъ (посадка огурцовъ), 29-го—Ѳедосья-колосяница (рожь начинаетъ колоситься); іюня 12-го—Петръ-поворотъ (лѣтній поворотъ солнца), 13-го —Акулина-гречушница (посѣвъ гречи) или задери хвосты, т. е. время, когда скотина, кусаемая комарами, мошками и оводами, бѣгаетъ по полю, задравши хвосты («строчится»); іюля 23-го — Пудъ и Трифонъ-безсонники (пора усиленныхъ работъ, страды), 27-го — Никола качанный; августа 4-го — Евдокія-малинуха (сборъ малины), 26-го — Наталья-овсянница, 28-го — Анна-скирдница; сентября 15-го — Никита-рѣпорѣзъ (сборъ рѣпы) или гусепролётъ, 24-го — Ѳекла заревница; октября 14-го — Прасковья-льняница; декабря 12-го — Спиридонъ-солоново-

[1]) Доп. обл. сл., 183.

ротъ [1]). Мы знаемъ, какое сильное вліяніе оказывалъ языкъ въ области народныхъ представленій; въ этомъ отношеніи дневникъ русскихъ поселянъ предлагаетъ много любопытныхъ данныхъ. Расчитывая дни и распредѣляя занятія по святцамъ, принесеннымъ на Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ, поселянинъ непонятныя для него, по ихъ чужеземному лингвистическому образованію, имена мѣсяцевъ и святыхъ угодниковъ сближаетъ съ разными выраженіями отечественнаго языка, насколько эти послѣднія могутъ опредѣлить характеръ даннаго времени, связанныхъ съ нимъ работъ и погоды — теплой или холодной. Не справляясь съ дѣйствительнымъ происхожденіемъ и смысломъ того или другаго имени, русской человѣкъ старается объяснить его собственными средствами, пріискиваетъ ему свой подходящій по звукамъ корень, и такимъ образомъ, играя словами, стремится все чуждое претворить въ свое родное, легко-доступное его простому пониманію [2]). На Срѣтенье

---

[1]) Ворон. Г. В. 1851, 9; Перм. Сбор., II, отд. 2, 31—32. — [2]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что какъ скоро проникаетъ въ массу народа иностранное слово—оно почти никогда не остается въ своей первоначальной формѣ; простолюдинъ не только измѣняетъ его соотвѣтственно своимъ грамматическимъ законамъ, но и старается между туземными выраженіями подъискать такое созвучное, которое бы нагляднѣе опредѣляло для него смыслъ иностраннаго слова; такъ maraudeur обращается въ мíродёра, августъ въ густарь (Вѣст. Р. Г. О. 1852, V, 36) и т. д. Тоже бываетъ иногда съ названіями и словами архаическими, значеніе которыхъ уже затеряно народомъ, и потому чувствуется потребность подновить ихъ, осмыслить. Въ старинныхъ актахъ, на примѣръ, упоминается во владимірскомъ уѣздѣ Волосовъ Николаевскій монастырь, нынѣ упраздненный; изслѣдователи догадываются, что такъ названъ онъ потому, что былъ выстроенъ на мѣстѣ древняго чествованія Волосу. Отъ этого монастыря сохранилась икона св. Николы Волосовскаго, и народъ для объясненія означеннаго эпитета создалъ легенду, что икона эта явилась на деревѣ—висящею на волосахъ—Владим. Г. В. 1856, 14.

(2-го февраля), по народному повѣрью, зима съ лѣтомъ встрѣчается; въ мартѣ-мѣсяцѣ солнце начинаетъ марить, т. е. припекать землю, отчего надъ нею струится паръ; но по утрамъ еще продолжаются морозы (утренники), которыхъ со дня Сорокà мучениковъ (9 марта) бываетъ сорокъ; думаютъ, что въ этотъ день возвращаются изъ вирія сорокъ разныхъ пташекъ, а сорòка начинаетъ строить гнѣздо и кладетъ въ него сорокъ палочекъ. Холода или сйверы оканчиваются днемъ св. Сидора (14 мая), котораго потому называютъ сивирянъ. 5-го апрѣля: «пришелъ Ѳедулъ—теплый вѣтеръ подулъ» [1]). Въ апрѣлѣ земля прѣетъ, или по другому выраженію: со дня св. Руфа (8 апр.) земля рухнетъ, т. е. оттаиваетъ и принимаетъ въ себя воду; 12-го апрѣля Василій Парійскій землю паритъ. Въ маѣ домашній скотъ маится отъ безтравицы [2]); въ первый день этого мѣсяца на Еремея [3]) запрягальника или ярёмника начинаютъ пахать и потому на рабочихъ лошадей и быковъ надѣваютъ ярмо (ярёмъ); работа эта оканчивается къ 31-му мая — ко дню Еремея [4]) распрягальника. 2-е мая, посвященное памяти князей Бориса и Глѣба, крестьяне называютъ барышдень — вслѣдствіе созвучія имени Борисъ съ словомъ барышъ; торговцы стараются тогда продать что-нибудь съ выгодою, дабы во весь годъ торговать прибыльно. «Борисъ и Глѣбъ засѣваютъ хлѣбъ». 24-е іюля посвящено тѣмъ-же святымъ, и поговорка, относящаяся къ этому числу, увѣряетъ: «Борисъ и Глѣбъ—поспѣлъ хлѣбъ». Въ деревняхъ и селахъ празднуютъ оба означенные дня — для того, чтобы круглый годъ получать барыши и чтобы отвратить отъ нивъ губительныя грòзы.

---

[1]) „Ѳедулъ губы надулъ“=настало ненастье. — [2]) Есть примѣта: „кто женится въ маѣ, тотъ будетъ маиться“. — [3]) Іеремія, въ простонародномъ произношеніи Еремей, Ярёма. — [4]) Св. Ермій.

Это случайное совпаденіе словъ: Глѣбъ — хлѣбъ, Борисъ — барышъ (т. е. выгоды отъ торга хлѣбомъ, главнымъ богатствомъ земледѣльца) и самое время празднованія Борису и Глѣбу при началѣ посѣвовъ и въ жатвенную пору — дали поводъ перенести на этихъ святыхъ древнее чествованіе Перуну, какъ творцу урожаевъ. По народному повѣрью, кто станетъ работать 24-го іюля, у того молнія спалитъ всѣ копны; на югѣ Россіи день этотъ слыветъ праздникомъ Бориса и Глѣба-паликопа или паликопна[1]). Точно также не работаютъ и 27-го іюля на Палѣя (Пантелеймона), чтобы небесный огонь не спалилъ сжатаго хлѣба. 10-го мая на Симона Зилота собираютъ травы = зилья, которымъ, по мнѣнію поселянъ, сообщается тогда особенная цѣлебная сила, ищутъ золота (кладовъ) и сѣютъ пшеницу, чтобы она уродилась и вызрѣла аки золото; увѣряютъ еще, что хлѣбъ, посѣянный въ чистый четвергъ, родится чистымъ, безъ сорныхъ травъ. Напротивъ, кто сѣетъ рожь на мученика Вассу, у того непремѣнно заглушатъ ее васильки. Въ день обновленія Цареграда (11 мая) поселяне не работаютъ, опасаясь, чтобы царьградъ, за непочтеніе къ его празднику, не выбилъ зеленѣющаго на поляхъ хлѣба. Если на Мокія, прозваннаго мокрымъ (того-же 11мая) идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое; если же дождь случится на св. мученицу Макрину (Макриду—19 іюля), то предстоящая осень будетъ мокрая, дождливая, и наоборотъ отсутствіе дождя въ эти дни предвѣщаетъ сухое лѣто и сухую осень. Подобно тому: если на Сидора (14 мая) будетъ сиверко, то ожидай лѣта холоднаго; а если на Пахомія (15 мая) будетъ тепло, то и лѣто пахнётъ тепломъ. На Константина и Елену (Алёна-длинные льны, леносѣйка—21 мая) совѣтуютъ сѣять лёнъ, а на Макавѣевъ (1 августа) соби-

[1]) „На Глѣба и Бориса за хлѣбъ (т. е. за его уборку) не берися!“

рать макъ. 16 іюня на Тихона затихаютъ (перестаютъ пѣть) птицы; 29 іюля, посвященное имени св. Калиника, называется калйнники = зарницы, отдаленныя молніи, видимыя по вечерамъ на горизонтѣ въ концѣ іюля и августа [1]), отъ калить (раскалять, калена стрѣла, калина—красная ягода); 23 августа на св. Луппа утренній морозъ овсы и льны лупитъ. 1 сентября — Семеновъ праздникъ, и потому въ этотъ день грѣшно засѣвать сѣмена; 14 сент. на Воздвиженье становится холодно: птица уже на отлетъ двинулась; со дня Ѳедора Студита (11 ноября) начинаетъ студить (холодѣть): «Ѳедоръ Студитъ землю студитъ». Ко Вздвиженью «хлѣбъ съ поля сдвинется», свезётся, а въ ноябрѣ овинъ уже ноетъ отъ накладенныхъ сноповъ. 4-го декабря Варвара дорогу заваритъ (заморозитъ): «Варвара заваритъ, а Савва (5 дек.) засалитъ (сало — плавающія по рѣкамъ ледяныя пленки). Съ того-же времени замѣчаютъ сокращеніе ночей: «Варвара ночи урвала, дни приточала». Есть даже повѣрья, которыя возникли на основаніи одного созвучія, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительнымъ явленіямъ природы: такъ, напримѣръ, въ день пророка Наума (1 дек.) начинаютъ учить дѣтей, съ полнымъ убѣжденіемъ, что «пророкъ Наумъ наведетъ на умъ» [2]).

Въ послѣдовательныхъ превращеніяхъ природы, въ характеристическихъ признакахъ и свойствахъ различныхъ временъ года древнія племена усматривали не проявленіе естественныхъ законовъ, а дѣйствіе одушевленныхъ силъ — благотвор-

---

[1]) Обл. Сл., 78. — [2]) Сахаров., II, 17, 20, 30, 50, 56; Терещ., VI, 48, 53, 67; Вѣст. Р. Г. О. 1851, VI, 3—4; Маякъ, XIII („Еще замѣч. о праздн. и повѣрьяхъ"), 49—58; Иллюстр. 1846, 247; Ворон. Г. В. 1850, 44; 1851, 9, 13—14; Полтав. Г. В. 1845, 15, 19, 24; 1846, 18; Калуж. Г. В. 1845, 1; Москв. 1849, IX, 9; Послов. Даля, 978—1001; Ч. О. И. и Д. 1867, VI, смѣсь, 180—201.

ныхъ и враждебныхъ, ихъ вѣчную борьбу между собою, торжество то одной, то другой стороны. Поэтому времена года представлялись нашимъ предкамъ не отвлеченными понятіями, но живыми воплощеніями стихійныхъ боговъ и богинь, которые поочередно нисходятъ съ небесныхъ высотъ на землю и устрояютъ на ней свое владычество. По указанію старинныхъ пасхалій, «Весна наречется, яко дѣва украшена «красотою и добротою, сіяюще чудно и преславнѣ, яко «дивитися всѣмъ зрящимъ доброты ея, любима бо и сладка «всѣмъ... Лѣто же нарицается мужъ тихъ, богатъ и кра«сенъ, питая многи человѣки и смотря о своемъ дому, и «любя дѣло прилежно, и безъ лѣности возстая заутра до ве«чера и дѣлая безъ покоя. Осень подобна женѣ уже старѣ «и богатѣ и многочаднѣ, овогда дряхлующи и сѣтующи, «овогда же радующися и веселящися, рекше иногда (печаль«на отъ) скудости плодъ земныхъ и глада человѣкомъ, а ино«гда весела сущи, рекше ведрена и обильна плодомъ всѣмъ, и «тиха и безмятежна. Зима же подобна женѣ — мачихѣ «злой и нестройной и нежалостливой, ярѣ и неми«лостивѣ; егда милуетъ, но и тогда казнитъ; егда добра, но «и тогда знобитъ, подобно трясавицѣ, и гладомъ моритъ, и «мучитъ грѣхъ ради нашихъ». Согласно съ этимъ, церковная живопись допускала аллегорическія изображенія Весны, Лѣта, Осени и Зимы [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя изображенія заимствованы нашими художниками изъ античныхъ источниковъ, чрезъ посредство Византіи; но такое заимствованіе нимало не противорѣчило народному пониманію, ибо поэтическія олицетворенія временъ года шли изъ глубокой древности и принадлежали славянамъ наравнѣ со всѣми другими родственными племенами. Въ Эддѣ Лѣто (Sumar, сынъ Svâsudhr' a — отъ svâs — carus, proprius, domesticus, готск.

---

[1]) О. З. 1851, IX, 29—30.

svês, др.-в.-н. suas) и Зима (Vetr, отцомъ котораго былъ Vindlôni или Vindsvalr=der windbringende, windkühle) представляются одушевленными существами: первое — добрымъ, дружелюбнымъ, а вторая—злымъ, жестокосердымъ. И у нѣмцевъ, и у славянъ до сихъ поръ уцѣлѣли слѣды этихъ образныхъ представленій въ народныхъ поговоркахъ и общепринятыхъ оборотахъ рѣчи: «der Sommer или der Winter ist vor thür, tritt ein, kehrt ein», у насъ: «Весна (Лѣто, Осень или Зима) на дворѣ, воротилась, пришла». Лѣто и Май-мѣсяцъ (Весна) рядятся въ зеленые, густолиственные уборы, а Зима надѣваетъ на себя бѣлоснѣжный покровъ или саванъ (вслѣдствіе сближенія ея съ богинею Смертію); и Лѣто, и Зима являются съ своими слугами и помощниками: первое—съ грозами, буйными вѣтрами и дождями, послѣдняя — съ снѣгомъ, инеемъ, мятелями, вьюгами и морозомъ, которые въ древне-поэтическихъ сказаніяхъ олицетворялись сильномогучими богатырями и великанами. Оба они состоятъ въ нескончаемой враждѣ («Зимѣ и Лѣту союзу нѣту» [1]), преслѣдуютъ другъ-друга («der leide Winder hât den Sumer hin verjaget») и сражаются между собою точно также, какъ День сражается съ Ночью (см. стр. 691). Сходныя, аналогическія черты, подмѣченныя въ смѣнахъ дня и ночи, лѣта и зимы, заставили народную фантазію сближать ежедневную борьбу свѣта и мрака съ ежегодною борьбою тепла и холода и повели къ постоянному смѣшенію миѳовъ, относящихся къ этимъ разнороднымъ физическимъ явленіямъ. Лѣто отличается ясностью, блескомъ солнечнаго свѣта, какъ бѣлый день; зима же потемняется снѣжными облаками и туманами и уподобляется ночи. День и весна пробуждаютъ спящую, безмолвную природу и радуютъ весь міръ, а ночь и зима погружаютъ ее въ сонъ=

---

[1]) Рус. въ св. посл., II, 5.

подобіе смерти и придаютъ ей печальный характеръ [1]). Въ нашемъ областномъ языкѣ слѣтье употребляется въ значеніи не только лѣтняго времени и урожая, но и вообще удачи, успѣха; напротивъ слова неслѣтье и безлѣтье означають во первыхъ: неурожайное лѣто, и во вторыхъ: неудачу, несчастье; поэтому говорятъ: «пришло на него безлѣтье!»— что равносильно выраженію: «пришла на него невзгода!» Прилагательное веселый нѣкоторыми лингвистами сближается съ словомъ весна; «настали для кого свѣтлые, ясные дни» = дни радости, веселья; черный день—день печали, несчастія; смотрѣть сентябремъ, отуманиться—быть унылымъ, печальнымъ [2]). Закликая въ мартѣ и апрѣлѣ-мѣсяцахъ весну, поселяне обращаются къ ней, какъ къ существу живому, благодатному, творческому:

a) Весна, Весна красная!
Приди, Весна, съ радостью,
Съ великою милостью:
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

b) Весна красна!
На чемъ пришла,
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ. [3])

---

[1]) D. Myth., 715, 719, 721—2; Симрокъ, 254—5. — [2]) Обл. Сл., 8, 128, 207; Изв. Ак. Н., IV, ст. Микуцкаго, 405. — [3]) Сахаров., I, 260; II, 16; Маякъ, XIII; Пассекъ, V, 175:

Весна, Весна—днемъ красна!
Что ты намъ принесла?
Принесла я вамъ лѣтечко,
Чтобъ родило зильячко,
И рута, й червоный макъ,
И мьята, й зеленый барвинокъ.

О Зимѣ и Осени разсказываютъ, что онѣ пріѣзжаютъ на пѣгихъ кобылахъ; съ половины ноября Зима, по народному повѣрью, встаетъ на̀ ноги, куетъ морозы, стелетъ по рѣкамъ мосты и выпускаетъ на бѣлый свѣтъ подвластныхъ ей нечистыхъ духовъ; съ 12-го декабря она ходитъ въ медвѣжьей шубѣ, стучится по крышамъ избушекъ, будитъ бабъ и заставляетъ топить печи; идетъ ли она по̀ полю—за ней слѣдуютъ вереницами Мятели и Вьюги и настойчиво просятъ дѣла, идетъ ли по̀ лѣсу—сыплетъ изъ рукава иней, идетъ ли по рѣкѣ — на три аршина куетъ подъ своими ногами воду [1]). Болѣе наглядныя олицетворенія временъ года встрѣчаемъ у бѣлоруссовъ. Весну они называютъ Ляля, лѣто—Цеця, осень—Жыцень, зиму—Зюзя. Ляля представляется юною, красивою и стройною дѣвою; существуетъ поговорка: «пригожая, якъ Ляля!» Въ честь ея празднуютъ наканунѣ Юрьева дня, и праздникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ Ляльника. На чистомъ лугу собираются крестьянскія дѣвицы; избравши изъ своей среды самую красивую подругу, онѣ наряжаютъ ее въ бѣлые покровы, перевязываютъ ей шею, руки и станъ свѣжею зеленью, а на̀ голову надѣваютъ вѣнокъ изъ весеннихъ цвѣтовъ: это и есть Ляля. Она садится на дёрнъ; возлѣ нея ставятъ разные припасы (хлѣбъ, молоко, масло, творогъ, сметану, яйца) и кладутъ зеленые вѣнки; дѣвицы, схватившись за̀ руки, водятъ вокругъ Ляли хороводъ, поютъ обрядовыя пѣсни и обращаются къ ней съ просьбою объ урожаѣ:

Дай намъ жытцу [2])
Да пшаницу,
Въ агародзѣ,
Сѣнажацѣ [3]) —
Ровны гряды,
Ровны зряды.

---

[1]) Сахаров., II, 65—69. — [2]) Жита. — [3]) На покосѣ.

Ляля раздаетъ имъ вѣнки и угощаетъ всѣхъ приготовленными яствами. Эти вѣнки и зелень, въ которую наряжалась Ляля, сберегаютъ до слѣдующей весны [1]). Цеця — дородная, красивая женщина; въ лѣтнюю пору она показывается на поляхъ — убранная зрѣлыми колосьями, и держитъ въ рукахъ сочные плоды [2]). Жыцень представляется существомъ малорослымъ, худощавымъ, пожилыхъ лѣтъ, съ суровымъ выраженіемъ лица, съ тремя глазами и всклокочеными, косматыми волосами. Онъ появляется на нивахъ и огородахъ, послѣ снятія хлѣба и овощей, и осматриваетъ: все ли убрано, какъ слѣдуетъ въ добромъ хозяйствѣ. Запримѣтивъ много колосьевъ, несрѣзанныхъ или оброненныхъ жнецами, онъ собираетъ ихъ, связываетъ въ снопъ и переноситъ на участокъ того хозяина, у котораго хлѣбъ убранъ начисто, съ бережливостью; вслѣдствіе этого на будущій годъ тамъ, гдѣ Жыцень подобралъ колосья, оказывается неурожай, а тамъ, куда перенёсъ онъ связанный снопъ, бываетъ обильная жатва. Когда Жыцень странствуетъ въ видѣ нищаго и при встрѣчѣ съ людьми грозитъ имъ пальцемъ, это служитъ предвѣстіемъ всеобщаго неурожая и голода въ слѣдующемъ году: «Жыцень з' кабзой (съ нищенской сумою) — голодъ на дворъ!» Во время осеннихъ посѣвовъ онъ незримо присутствуетъ на поляхъ и утаптываетъ въ землю разбросанныя зёрна, чтобы ни одно не пропало даромъ. Судя по этимъ даннымъ, Жыцень принадлежитъ собственно къ породѣ эльфическихъ духовъ, блуждающихъ по нивамъ и помогающихъ росту и зрѣнію хлѣбныхъ

---

[1]) Румуны чествуютъ особымъ празднествомъ Лелю и смѣшиваютъ ее въ своихъ пѣсняхъ съ Пресв. Дѣвою; холостые парни и дѣвицы обращаются къ Лелѣ съ просьбою послать имъ ровню (устроить ровный бракъ). Очевидно, Ляля (Леля)—тоже, что древняя Лада, богиня весенняго плодородія и любви—Телескопъ 1833, VIII, 511—2. — [2]) Поговорка: „маракавъ на Цецю, а трафивъ на псѣцю!" =метилъ (женихъ) на красавицу, попалъ на безобразную.

злаковъ (сравни съ повѣрьями о полудницахъ, мавкахъ, полевикахъ, житной бабѣ — II, 330 и гл. XXIII); бѣлоруссы сочетали съ нимъ представленіе осени, такъ какъ къ этому времени года относится окончательная уборка и умолотъ сноповъ и посѣвъ озимаго хлѣба. Имя Жыцень есть производное отъ слова жито (рожь), что̀ подкрѣпляется и народными поговорками: «Жыцень хлѣба давъ», «барджѣй на Житня, кали въ засѣкѣ хлѣба не прытне» [1]). Зюзя — старикъ небольшаго роста, съ бѣлыми что̀ снѣгъ волосами и длинною сѣдою бородою, ходитъ босой, съ непокрытою головою, въ теплой бѣлой одеждѣ, и носитъ въ рукахъ желѣзную булаву. Бо̀льшую часть зимы проводитъ онъ въ лѣсу, но иногда заходитъ и въ деревню, предвѣщая своимъ появленіемъ жестокую стужу. Чтобъ умилостивить Зюзю, бѣлоруссы накануне Новаго года откладываютъ нѣсколько ложекъ кутьи въ особую миску и оставляютъ ее на̀ ночь на столѣ, чтобы Зюзя пришелъ кутьи паѣсьци и не вредилъ бы морозами нивамъ и домашнимъ животнымъ: «Зюзя на дворѣ —куцья на столѣ». Подобно тому, въ другихъ мѣстностяхъ Россіи существуетъ у крестьянъ обычай приглашать Морозъ на кутью и на кисель (см. I, 319). Когда Зюзя гнѣвается на людей, онъ ударяетъ своей булавою въ какой-нибудь пень, и тотчасъ-же трескаются стѣны домовъ и самая земля; «трескучіе» морозы приписываются его ударамъ: «Зюзя стукиние, людей ущувае» (стращаетъ [2]). Происхожденіе именъ Ляля, Цеця и Зюзя остается необъясненнымъ; каждое изъ нихъ образовалось чрезъ удвоеніе кореннаго слога и всѣ равно уцѣлѣли въ дѣтскомъ языкѣ: ляля и цаца (малорус. цяця) употребляются, какъ ласкательныя названія ребенка (въ смыс-

---

[1]) Тотчасъ на Житня (сваливаютъ бѣду), если не окажется въ амбарѣ хлѣба. — [2]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 94—97, 105—7, 120—1.

лѣ: милый, пригожій, умница), а также для означенія игрушки [1]); зюзя употребляется въ замѣну слова «холодно»: «не ходи на дворъ, тамъ зюзя!» [2]) бѣлорус. зюзѣць—мерзнуть, цѣпенѣть отъ холода [3]). Вмѣсто олицетворенныхъ временъ года, въ славянскихъ сказкахъ нерѣдко выводятся дѣйствующими лицами Мѣсяцы, какъ двѣнадцать братьевъ, возсѣдающихъ на стеклянной горѣ, т. е. на небѣ, вокругъ пылающаго костра = солнца. Костёръ этотъ горитъ то сильнѣе (въ лѣтнюю пору), то слабѣе (зимою), смотря по тому, какой изъ Мѣсяцевъ беретъ въ свои руки правительственный жезлъ. Весенніе Мѣсяцы изображаются цвѣтущими юношами, лѣтніе — достигшими полнаго развитія силъ мужами, осенніе — пожилыми, старѣющими братьями, а зимніе — сѣдовласыми старцами (смотри выше стр. 265—270). Подобное-же олицетвореніе мѣсяцевъ встрѣчаемъ и въ итальянской сказкѣ [4]), но обстановка ея уже значительно подновлена: съ горы-неба сцена переносится въ гостинницу. Было два брата—богатый и бѣдный. Бѣдный, оставленный безъ помощи богатымъ братомъ, пошелъ искать счастія; на пути остановился онъ въ одной гостинницѣ, въ которой грѣлись у огня двѣнадцать мужей и подсѣлъ къ нимъ, дрожа отъ холода. Одинъ изъ двѣнадцати незнакомцевъ, мрачный и суровый по виду, спросилъ пришельца: «что ты думаешь о теперешнемъ времени года?» — Что думаю? отвѣчалъ этотъ; я убѣжденъ, что всѣ мѣсяцы года исполняютъ свое дѣло, но мы сами не зная—чего намъ желается, хотимъ давать законы небу и не разсуждаемъ о томъ, что намъ полезно или вредно; когда бываетъ вѣтрено и дождь

---

[1]) Обл. Сл., 108, 252; Доп. обл. сл., 295; Старосв. Банд., 578.— [2]) Обл. Сл., 322. — [3]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 96. Въ одной изъ валахскихъ сказокъ (Шоттъ, 6: „Die altweibertage") Весна является, какъ богиня, наказующая злую мачиху. — [4]) Pentamerone, II, 42.

идетъ—мы желаемъ жаровъ, а въ августѣ просимъ тучъ, нисколько не думая, что отъ этого могутъ погибнуть жатвы. «Ты разсуждаешь, какъ Соломонъ; но нельзя-же не признать, что настоящій мѣсяцъ мартъ своимъ холодомъ, дождемъ, снѣгомъ, вѣтрами и туманами причиняетъ намъ много печали». —Ты говоришь только о непріятныхъ качествахъ этого мѣсяца, отвѣчалъ бѣднякъ; а не говоришь о той пользѣ, какую приноситъ онъ, приводя съ собою весну. Незнакомецъ съ радостью выслушалъ такой отвѣтъ, ибо это былъ самъ мѣсяцъ Мартъ съ одиннадцатью своими братьями, и подарилъ благоразумному гостю ящичекъ, въ которомъ можно найдти все, чего только пожелаешь. Бѣднякъ взялъ подарокъ, возвратился домой и вскорѣ такъ разжился, что богатый братъ его почувствовалъ всю горечь зависти и немедленно собрался въ путь. Онъ зашелъ въ туже гостинницу, но въ разговорѣ съ мѣсяцемъ Мартомъ разбранилъ погоду и его самого послалъ къ чорту. Мѣсяцъ Мартъ подарилъ ему молотильный цѣпъ: «всякой разъ, какъ пожелаешь чего, скажи только: цѣпъ! дай мнѣ сотню». При первой-же пробѣ цѣпъ осыпалъ ударами неосторожнаго искателя приключеній. Такимъ образомъ, по свидѣтельству сказки, мѣсяцъ Мартъ обладаетъ и чудеснымъ ящичкомъ (=тоже, что скатерть-самобранка), и дубинкою-самобоемъ.

Главная мысль, лежащая въ основѣ простонародныхъ праздничныхъ обрядовъ, можетъ быть выражена въ этихъ немногихъ словахъ: смерть природы зимою и обновленіе или воскресеніе ея весною. Съ первыми признаками весны поселяне уже начинаютъ зазывать (закликать) ее. Такими признаками служатъ: пробужденіе животныхъ, подверженныхъ зимней спячкѣ, прилётъ птицъ, появленіе насѣкомыхъ и цвѣтеніе подснѣжниковъ. 1-го марта, по русской примѣтѣ, бабакъ просыпается, выходитъ изъ норы и начинаетъ свистать; 4-го прилетаютъ грачи, 9-го—жаворонки;

къ 17-му числу лёдъ на рѣкахъ становится настолько непрочнымъ, что, по народному выраженію, щука его хвостомъ пробиваетъ; 25-го марта ласточка вылетаетъ изъ вирія, и поспѣшая въ здѣшній міръ, несетъ съ собою тепло; 5-го апрѣля пробуждаются сверчки, а 12-го медвѣдь выходитъ изъ берлоги, въ которой проспалъ цѣлую зиму; въ маѣ-мѣсяцѣ земля уже «принимается за свой родъ» [1]). Приведенныя примѣты не вездѣ и не всегда оказываются вѣрными; во первыхъ разныя мѣстности пользуются и разными климатическими условіями, и во вторыхъ—независимо отъ этихъ условій, годъ на годъ не приходится: зимніе холода заканчиваются иногда ранѣе, иногда позднѣе. Поэтому начало весны (ея приходъ) издревле опредѣлялось не наступленіемъ извѣстнаго въ году дня, а дѣйствительнымъ появленіемъ ея знаменій. У германцевъ тотъ, кто усматривалъ первую фіалку (vîol), спѣшилъ объявить о томъ мірской общинѣ; цѣлая деревня сбѣгалась на указанное мѣсто, найденный цвѣтокъ подымали на шестъ, танцовали вокругъ него, рѣзвились и пѣли веселыя пѣсни. Это называлось: находить лѣто. Подобно тому, въ южной Россіи радуются появленію голубаго ряста (scilla bifolia), одного изъ первыхъ весеннихъ цвѣтовъ Украйны; собираясь на поляхъ, поселяне начинаютъ скакать, приплясывать и причитывать: «топчу, топчу рястъ! дай, Боже, потоптати и того року дождати!» Съ тою-же непритворною радостью встрѣчаютъ нѣмцы и перваго майскаго жука [2]), а первый при-

---

[1]) Маркевич., 2—3; Сахаров., II, 16, 22; Ч. О. И. и Д. 1867, IV, 180—1. — [2]) По числу черныхъ точекъ на крыльяхъ Maienkäfer'а заключаютъ о будущемъ урожаѣ; если этихъ точекъ окажется болѣе семи, то хлѣбъ будетъ дорогъ, а если менѣе, то предстоитъ богатая жатва—D. Myth., 658. По русскому повѣрью: если во время посѣва подъ брюшкомъ жука будетъ много яичекъ—это предвѣщаетъ изобиліе хлѣба и наоборотъ; если яички помѣщаются у переднихъ ногъ жука, то лучшій урожай будетъ для раннихъ

летѣвшій аистъ и первая ласточка привѣтствуются ими, какъ правдивые вѣстники возвратившейся весны: Обѣ эти птицы признаются священными (ласточка—у нѣмцевъ Herrgottsvogel, у французовъ la poule de Dieu); причинять имъ вредъ и разорять ихъ гнѣзда считается величайшимъ грѣхомъ. На домъ, въ которомъ онѣ гнѣздятся, никогда не упадаетъ молнія. Въ Швеціи крестьяне зазываютъ ласточку троекратнымъ окликомъ. Возвращеніе ласточки праздновали и греко-италійскія племена. На Родосѣ дѣти носили весною ласточку, пѣли обрядовыя пѣсни, и получали за то въ даръ разные припасы. И донынѣ существуетъ въ Греціи обычай, слѣдуя которому юноши ходятъ 1-го марта по улицамъ, съ пѣснями и носятъ вырѣзанную изъ дерева ласточку. Равнымъ образомъ принято было у грековъ за правило давать тому награду, кто первый возвѣщалъ о прилетѣ аиста [1]). На Руси ласточку называютъ святою, божьею птицею, у чеховъ—птицею Дѣвы Маріи [2]). Гдѣ она поселится, тому дому приноситъ благословеніе, счастіе, и предохраняетъ его отъ грозы и пожара; поэтому крестьяне нарочно прибиваютъ подъ

посѣвовъ, а если у заднихъ ногъ, то лучше всего уродятся поздніе посѣвы—Иллюстр. 1846, 246; Этн. Сб., II, 55. — [1]) Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 63; D. Myth., 722—3; Пѣсни разн. народовъ въ пер. Берга, 199. 205; Beiträge zur D. Myth., I, 232; II, 432. — [2]) У египтянъ ласточка служила символомъ Изиды въ ту пору весенняго обновленія природы, когда богиня эта искала тѣло своего супруга, умерщвленнаго злобнымъ Тифономъ; у грековъ образъ этой птицы принимала Аѳина—Andeutungen eines Systems der Myth., 170; Одисс., XXII. Такъ какъ мысль о воскресающей природѣ сочеталась въ христіанскую эпоху съ празднованіемъ Свѣтло-Христова Воскресенія, то вмѣстѣ съ этимъ ласточкѣ было дано участіе въ легендарныхъ сказаніяхъ: своимъ чириканьемъ она предостерегала Спасителя отъ преслѣдующихъ жидовъ, а когда предали его на распятіе, то похищала и прятала приготовленные гвозди.

кровлями планки и маленькія дощечки, чтобы ласточкамъ удобнѣе было прилаживать свои гнѣзда. За убіеніе ласточки и разореніе ея гнѣзда Богъ караетъ преступника смертію, или истребляетъ его домъ пожаромъ, насылаетъ на его стада падёжъ, отымаетъ у его коровъ молоко [1]). Ранній прилётъ ласточки предвѣщаетъ счастливый, урожайный годъ. «И отъ ластовицѣ (читаемъ въ старинномъ памятникѣ) не вѣроуеши ли, яже оу тебѣ щьбьчеть вьсе лѣто зѣло красьнѣ?» Въ Малороссіи дѣти ходятъ въ началѣ марта по домамъ, славятъ ярь и зеленачку и носятъ съ собою деревянную ласточку или испеченныхъ изъ хлѣба жаворонковъ; тотъ-же обычай носить деревянную ласточку соблюдается и болгарами [2]). Не менѣе важная роль принадлежитъ въ народныхъ преданіяхъ и повѣрьяхъ кукушкѣ. У древнихъ индусовъ она была посвящена Индрѣ, у германцевъ — Тору [3]); у грековъ въ образѣ этой птицы являлся Зевсъ; у славянъ, по свидѣтельству старинной польской хроники (Chronicon slavosarmaticum Procosii=Kronika polska przez Prokosza), чествованіе кукушки связывалось съ культомъ богини Живы: «divinitati Zywie fanum exstructum erat in monte ab ejusdem nomine Zywiec dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur, longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen ei litabatur

[1]) Существуетъ еще повѣрье: кто разоритъ гнѣздо ласточки, у того выступаютъ на лицѣ веснушки. Завидя первую ласточку, малороссы умываются водою и приговариваютъ: „ластивко, ластивко! на̀ тоби веснянки, дай мени билянки“—Номис., 5. — [2]) Иллюстр. 1846, 262, 333; Объ истор. зн. нар. поэз., 72; Записки Авдѣев., 140—2; Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, стат. Кавел., 8; Нар. сл. раз., 138, 144, 153; Херсон. Г. В. 1852, 17; Полт. Г. В. 1845, 15; Сахаров., II, 81; Цебрикоr., 264; Громаннъ, 70; Миладин., 522; Volkslieder der Wenden, II, 260; Neues Lauzitz. Magazin 1843, III—IY, 336; Іоаннъ, экз. болг., 137. — [3]) Germ. Mythen, 237

ab iis, qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitiose, tot annos se victuros, quoties vocem repetiisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsis annuntiaret vitae tempora: unde crimini ducebatur, capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.» [1]) Жива — богиня весны, названная такъ потому, что приходомъ своимъ животворитъ = воскрешаетъ умирающую на́ зиму природу, даетъ землѣ плодородіе, роститъ нивы и пажити. Отъ снк. džîv—живу, džîva—живой образуются два слова: одно съ суффиксомъ t: džîvita = наше животъ, означающее: во 1-хъ—брюхо, чрево, какъ ту часть тѣла, гдѣ совершаются главные жизненные процессы; во 2-хъ жизнь («положить животъ за отечество»), и въ 3-хъ—имущество, состояніе и домашній скотъ (животы, животина; въ лѣтописяхъ съ этимъ значеніемъ употребляется и слово жизнь); другое съ суффиксомъ n: džîvana—прилагат. vivificus, сущ. vita. Жива есть сокращенная форма имени Живана или Живена, пол. Ziewonia [2]), и значитъ: «дающая жизнь». О весеннемъ половодьи, разлитіи рѣкъ поселяне донынѣ выражаются: «вода заживаетъ». Все, что служитъ условіемъ жизни: пища (жито, житница, житникъ и житорь—ячмень, живность—съѣстные припасы; сравни нѣм.

---

[1]) D. Myth., 643—4. Переводъ: Божеству Живѣ было устроено капище на горѣ, названной по ея имени Живецъ, гдѣ въ первые дни мая благоговѣйно сходился многочисленный народъ испрашивать отъ той, которую почиталъ источникомъ жизни, долговременнаго и благополучнаго здравія. Особенно-же приносились ей жертвы тѣми, которые слышали первое пѣніе кукушки, предвозвѣстившее имъ столько лѣтъ жизни, сколько разъ повторился ея голосъ. Думали, что высочайшій владыка вселенной превращался въ кукушку и самъ предвѣщалъ продолженіе жизни; поэтому убіеніе кукушки вмѣнялось въ преступленіе и преслѣдовалось отъ правителей уголовнымъ наказаніемъ. — [2]) D. Myth., 733.

leben—жить, leib—животъ и laib=гот. hlaib, хлѣбъ), домашній кровъ (жилье, жилой покой т. е. теплый, съ печкою), матеріальное довольство (жира, жи́рова, житуха—хорошее, привольное житье, жировать—жить въ изобиліи, ѣсть вдоволь, жировой—счастливый, богатый=зажиточный, житіи люди—лучшіе, достаточные, жировикъ—домовой, какъ блюститель домашняго счастія и хозяйства; въ старинныхъ памятникахъ существ. жиръ употребляется въ смыслѣ «пажити», «пастбища» а глаголъ жить въ смыслѣ «пастися»), здравіе (заживлять раны, за̀жило, подобно тому, какъ отъ слова быть образовалось бытѣть — здоровѣть, толстѣть [1]), славянинъ обозначаетъ рѣченіями, происходящими отъ того-же плодовитаго корня. Названія: «жизнь моя!» «жизнёнокъ!» употребляются въ народѣ, какъ самая нѣжная, задушевная ласка. Наоборотъ слова, производныя отъ глагола жить, съ отрицаніемъ не, получили значеніе недоброе: областн. нежительный—непріязненный [2]), нежитъ или нежить — олицетвореніе мучительной болѣзни, духъ смерти (стр. 96-98). Посвященная богинѣ Живѣ, кукушка признавалась вѣщею, небесною посланницею; она повѣдаетъ наступленіе лѣта («зозуля ковала—лѣтечко казала» [3]), начало грозъ и дождей, опредѣляетъ долготу человѣческой жизни и сроки брачныхъ союзовъ. По ея голосу земледѣлецъ заключаетъ о будущемъ урожаѣ: если она закукуетъ при восходѣ солнца и на зеленомъ деревѣ (т. е. въ то время, когда лѣса одѣнутся листьями), то годъ будетъ урожайный, а если закукуетъ на̀ ночь и на голомъ деревѣ—будетъ голодъ и моръ. Кто впервые услышитъ кукушку на тощій (пустой)

---

[1]) Обл. Сл., 19, 56—57; Матер. для сравнит. слов., II, 7; Ч. О. И. и Д., годъ 3, I, 9—10; Radices linguae slov., 29; Археол. Вѣстн. 1867, II, 89. — [2]) О. З. 1851, VIII, 46. — [3]) У литовцевъ май назывался „мѣсяцемъ кукушки“.

желудокъ, тому настоящій годъ сулитъ несчастія; такому человѣку не слѣдуетъ закармливать скотину: не то-голодать ей всю зиму! По чешскому повѣрью, если зозуля не кукуетъ до Иванова дня, то надо ожидать неурожая; своимъ крикомъ она прогоняетъ градъ, бури, безплодіе и дороговизну. Чехи обращаются къ ней съ вопросомъ: почёмъ будетъ продаваться жито, ячмень, овесъ? и смотря по тому, сколько разъ она прокукуетъ, судятъ о будущихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Весною, заслышавъ въ первый разъ кукушку, простолюдины спѣшатъ побрянчать деньгами—для того, чтобы они не переводились до слѣдующаго года; отсюда возникли поговорки: «сховай грашульку на зязюльку», «сховай три грошы у руку на куку!» Если-же на ту пору не будетъ въ карманѣ денегъ—это принимается за вѣрный знакъ, что ихъ не будетъ и въ продолженіе цѣлаго года. Тѣже самыя примѣты существуютъ у сербовъ, румыновъ и нѣмцевъ [1]). И вообще всѣ птицы, прилетающія къ намъ съ юга, встрѣчаются, какъ вѣстницы благодатной весны. По народному повѣрью, онѣ являются изъ райскихъ странъ (вирія), отпираютъ замкнутыя зимнею стужею облака, проливаютъ на землю живительный дождь и даруютъ ей силу плодородія. Въ пѣніи овсянки малороссамъ слышатся слова: «покинь сани, возьми возъ!» [2])

Призывъ весны начинается съ 1-го марта; дѣти и дѣвицы влѣзаютъ на кровли амбаровъ, всходятъ на ближайшіе холмы и пригорки, и оттуда причитываютъ: «Весна, Весна красная! приди, Весна, съ радостью, съ великою милостью» (см. стр.

---

1) Нар. сл. раз., 136—8, 155, 165; Москв. 1852, XVI, 132; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1853 г., 189; Этн. Сб., II, 56; Пузин., 195; Сахаров., I, 271; Громаннъ, 68—70; Чешск. пѣсни Эрбена, 77; Срп. рјечник, 312; Телескопъ 1833, VIII, 501—2; D. Myth., 641—3; Beiträge zur D. Myth., I, 210, 232; Zeitschrift für D. Myth., III, 222; Die Wissenschaft des slaw. Mythus Гануша, 317, — 2) Украин. мелодіи, 142; Рус. въ св. посл., IV, 15.

678). Тотъ же призывъ повторяется 9-го и 25-го марта, на Свѣтлую недѣлю и на Красную Горку (воскресенье Ѳоминой недѣли). На 9-е марта, когда (по народной примѣтѣ) прилетаютъ жаворонки, поселянки пекутъ изъ тѣста изображенія этихъ птичекъ, обмазываютъ ихъ медомъ, золотятъ имъ крылья и головы сусальскимъ золотомъ, и съ такими самодѣльными жаворонками ходятъ закликать Весну. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обрядовыя причитанія прямо обращаются къ Ладѣ, богинѣ лѣтняго плодородія, любви и брачныхъ связей:

Благослови, мати,
Ой мати Лада, мати,
Весну закликати!

Или: Благослови, Боже,
Благослови, мати,
Весну закликати,
Зиму провожати!
Зимочка—въ возочку,
Лѣтечко—въ човночку,

т. е. Зима отъѣзжаетъ по сухому пути = на возу, а Лѣто приплываетъ на челнокѣ, пользуясь весеннимъ разливомъ водъ. Въ старину закликаніе Весны должно было сопровождаться жертвенными приношеніями. И донынѣ 1-го марта, на утреннемъ разсвѣтѣ, болгары выходятъ встрѣчать Весну съ нарочно-приготовленнымъ круглымъ хлѣбомъ [1]); наши поселянки разстилаютъ на полѣ новый холстъ, кладутъ на него пирогъ, и обращаясь на востокъ, говорятъ: «вотъ тебѣ, матушка Весна!» Затѣмъ, оставляя свои дары подъ открытымъ небомъ, онѣ возвращаются домой, съ надеждою, что матушка Весна одѣнется въ новину и за принесенную ей хлѣбъ-соль уродитъ въ изобиліи лёнъ и конопли [2]).

[1]) Сообщено г. Каравеловымъ. — [2]) Сахаров., II, 16, 18, 22, 75, 81; Вѣст. Евр. 1821, III, 193; Полтав. Г. В. 1845, 15; Маякъ, XI, 8; Слав. Миѳ., 75.

При встрѣчѣ Весны поются обрядовыя пѣсни (веснянки: содержанiемъ ихъ служитъ любовь, возжигаемая Ладою въ сердцахъ дѣвицъ и юношей) и совершаются праздничныя игрища, идущiя изъ глубокой древности. По народному выраженiю, на Срѣтенье Зима встрѣчается съ Лѣтомъ, «щобъ побороцьця: кому йти напередъ, кому вертацьця назадъ», а на Благовѣщенье послѣднее осиливаетъ первую: «Весна Зиму поборола» [1]). Въ естественной смѣнѣ временъ года: зимы и лѣта древнiй человѣкъ видѣлъ борьбу двухъ противоположныхъ, взаимно-враждебныхъ силъ, и свое воззрѣнiе запечатлѣлъ въ символическихъ обрядахъ, до сихъ поръ совершаемыхъ при началѣ весны. Въ Германiи въ этихъ обрядахъ принимаютъ участiе юноши и дѣвицы, раздѣляясь на двѣ половины: одна половина признается свитою Лѣта, другая — Зимы. Того, кто представляетъ Лѣто, наряжаютъ въ зеленый плющь и барвинокъ (singrün), а представляющаго Зиму — въ мохъ и солому; они выступаютъ другъ противъ друга и долго сражаются между собою, пока наконецъ не побѣдитъ Лѣто и съ поверженной наземь Зимы не будутъ сорваны ея уборы. Послѣ того торжественно носятъ по деревнѣ зеленую вѣтвь или вѣнокъ, возглашая пѣсню:

Der Sommer der ist da;
wir wollen hinaus in garten
und wollen des Sommers warten.
Wir wollen hinter die hecken
und wollen den Sommer wecken.
Der Winter hats verloren,
der Winter liegt gefangen.

Или: a) Der Sommertag ist da,
er kratzt dem Winter die augen aus
und jagt die bauern zur stube hinaus.
b) Stab aus! dem Winter gehn die augen aus...

---

[1]) Номис., 282; Послов. Даля, 976.

c) Violen und die blumen
bringen uns den Sommer;
der Sommer ist so keck
und wirft den Winter in den dreck. [1])

Такимъ образомъ, по свидѣтельству пѣсень, Лѣто, пробуждаясь отъ сна, побѣждаетъ Зиму, захватываетъ ее въ плѣнъ, выкалываетъ ей очи и повергаетъ свою соперницу въ грязь, производимую весеннимъ таяньемъ снѣговъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ поселянинъ, избранный представлять Лѣто, является въ одной сорочкѣ, держа въ рукахъ разукрашенное плодами и лентами дерево; а тотъ, кто представляетъ Зиму, выходитъ въ теплой одеждѣ или въ мохнатой шкурѣ. Оба они похваляются своими доблестями, перебрасываются взаимною бранью и бьютъ другъ друга по плечамъ палками. Состоящіе въ свитѣ Зимы вооружаются снѣжными глыбами, а сторонники Лѣта — деревянными мечами, серпами, вилами и другими земледѣльческими орудіями. Обрядовыя пѣсни имя Зимы (Winter) нерѣдко замѣняютъ именемъ Смерти (Tod), ибо въ воззрѣніяхъ первобытныхъ племенъ понятія эти точно также отождествлялись между собою, какъ и понятія Весны и Жизни. Въ зимнюю пору природа чахнетъ, цѣпенѣетъ, умираетъ, а весною пробуждается къ новой жизни:

wir haben den Tod hinaus getrieben,
den lieben Sommer bringen wir wieder. [2])

Въ Нюренбергѣ дѣвицы, отъ семи до шестьнадцати лѣтъ, въ праздничныхъ нарядахъ, совершаютъ при началѣ весны слѣдующій обрядъ: онѣ носятъ по предмѣстью и городскимъ улицамъ маленькой гробъ, въ которомъ лежитъ покрытая полотномъ деревянная или соломенная кукла, и поютъ: «wir tragen den Tod ins wasser!» И дѣйствительно —

---

[1]) D. Myth., 724—5. — [2]) Переводъ: мы выгнали Смерть и принесли милое Лѣто.

куклу эту бросаютъ потомъ въ воду или сожигаютъ на кострѣ [1]). У славянъ существуетъ старинный обычай: встрѣчая весну въ мартѣ-мѣсяцѣ, совершать изгнаніе Смерти или Зимы. Они выносятъ изъ деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топятъ его въ рѣкѣ, или предаютъ сожженію, а пепелъ бросаютъ въ воду; ибо Зима гибнетъ подъ жгучими лучами весенняго солнца, въ быстрыхъ потокахъ растопленныхъ ими снѣговъ. Въ Богеміи, при совершеніи означеннаго обряда, поютъ:

giž nesem Smrt ze wsy,
nowe Leto do wsy;
witey Leto libezne,
obiljcko zelene!

т. е. уже несемъ Смерть изъ села (веси), а новое Лѣто въ село; здравствуй, любезное Лѣто, зеленый посѣвъ! Или:

Smrt plyne po wodě.
nowe Leto k nam gede. [2])

Въ другихъ славянскихъ земляхъ, вынося изъ деревни чучело, наряженное въ женскіе уборы, возглашаютъ:

Wynesli sme Murienu se wsi,
prinesli sme Mag nowy (новый Май) do wsi,

или (какъ поютъ въ Моравіи): nesem, nesem Mařenu. Въ Краледворской рукописи встрѣчаемъ выраженіе: «i iedinu družu nam imiéti po puti wšei z wesny po moranu» = и единую подругу имѣть намъ на пути отъ весны до мораны, т. е. отъ юности до смерти. Юность представляется здѣсь въ поэтическомъ образѣ весны, согласно съ обычнымъ и почти у всѣхъ народовъ распространеннымъ эпическимъ пріемомъ изображать Весну прекраснымъ юношею или дѣвою, а Зиму бѣловласымъ

---

[1]) D. Myth., 726—9. — [2]) Т. е. Смерть плыветъ по водѣ, ѣдетъ къ намъ новое Лѣто.

и дряхлымъ старцемъ. Въ одной южнорусской сказкѣ царь спрашиваетъ престарѣлаго крестьянина: «давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга? и давно ли пошла изъ-подъ горъ вода?» и вопросы эти означаютъ: давно ли голова посѣдѣла и давно ли текутъ изъ глазъ слезы? [1]) Въ словацкой сказкѣ юная морская дѣва говоритъ старому королю: «moje lico růžemi prekvitá, tvoja hlave sněhom zapadá» = мое лице розами цвѣтетъ, твоя голова снѣгомъ покрыта [2]). Термины, обозначающіе въ языкахъ индоевропейскихъ народовъ понятіе смерти: скр. mar-ana (съ тѣмъ-же суффиксомъ, какъ и džîvana), слав. моръ, мо(а)рана, польск. marzana, лат. mors, произошли отъ корня mri (усилен. mar), выражающаго впечатлѣніе мрака, холода, пустыни, увяданія: скр. mrin, mrijê, греч. μείρειν, лат. mori, лит. mirti, слав. мрѣти (съ приставками: оу-мрѣти, съ-мрьть, литов. s-mertis), мръ-кнути, мръ-знути, чеш. mrznauti, пол. marznąć [3]). Очевидно, что въ приведенныхъ выраженіяхъ Краледворской рукописи и народныхъ пѣсень Морана, противополагаемая Веснѣ=юности, означаетъ не только Смерть, но и Зиму = старость. Въ Подляхіи и Польшѣ чучело Смерти-Зимы дѣлаютъ изъ коноплей и соломы и бросаютъ его въ прудъ или болото съ возгласомъ: «czort tebe zabery!» [4]) Вслѣдъ за этимъ всѣ участвующіе въ обрядѣ поспѣшно разбѣгаются по домамъ, и если на бѣгу кто-нибудь спотыкнется и упадетъ—тотъ (по обще-принятому повѣрью) непремѣнно долженъ умереть въ теченіи года. Въ Верхнихъ Лужицахъ чучело Смерти приготовляется изъ соломы и тряпокъ; куклу эту втыкаютъ на высокій шестъ и начинаютъ бросать въ нее палками и каменьями: кто сшибетъ ее съ шеста, тотъ навѣр-

---

[1]) Кулишъ, I, 230—4. — [2]) Slov. pohad., 630. — [3]) Котляревъ. О погребальн. обычаяхъ, 171; D. Myth., 733. — [4]) Zarysy domove, III, 275—7.

но останется живъ въ продолженіи цѣлаго года. Въ заключеніе обряда куклу топятъ въ водѣ или тащатъ на пограничную межу и бросаютъ на чужую землю; затѣмъ, возвращаясь въ деревню, приносятъ съ собой зеленую вѣтвь или нарочно-срубленное въ лѣсу дерево = эмблему весенней жизни, воцаряющейся намѣсто прогнанной Смерти. Иногда куклу наряжаютъ въ бѣлую сорочку (= саванъ), даютъ ей въ одну руку вѣникъ (= знаменіе зимнихъ вьюгъ), а въ другую серпъ, съ которымъ обыкновенно и представлялась нашими предками Морана, какъ богиня, пожинающая все живое въ семъ мірѣ (см. стр. 47); женщины въ траурныхъ покрывалахъ запѣваютъ пѣсню и въ сопровожденіи мальчишекъ, кидающихъ въ куклу каменьями, несутъ ее на границу собственныхъ полей и тамъ разрываютъ на части. Жители сосѣдней деревни, какъ скоро замѣтятъ на своей землѣ подобную куклу, тотчасъ-же перебрасываютъ ее назадъ, по ту сторону межи, такъ-какъ Смерть—никому не радость [1]). Въ Польшѣ, Богеміи, Силезіи и Лужицахъ изгнаніе Смерти совершается въ воскресенье четвертой недѣли великаго поста, которое большею частію приходится въ мартѣ-мѣсяцѣ; чехи называютъ этотъ день smrtná (smrtedlna) neděle, сорабы ssmerdniza, нѣмцы todtensonntag и sommertag. Въ Италіи и Испаніи въ срединѣ великаго поста дѣлаютъ чучело старухи и перепиливаютъ его пополамъ — обычай, слѣды котораго Я. Гриммъ указываетъ и у племенъ нѣмецкихъ и славянскихъ: «рѣзати старую бабу» означаетъ тоже, что сожигать и топить Смерть-Зиму, представляемую славянами злою, демоническою старухою. У словенцевъ въ среду на третьей недѣлѣ великаго поста принято сожигать бабу; это происходитъ такъ: приготовляютъ куклу, кладутъ ее

[1]) D. Myth., 730—3; Вѣст. Евр. 1826, IV, 257—8; Терещ., V, 6—10; VI, 212—3.

на бревно, колотятъ дубинами, перепиливаютъ надвое и затѣмъ уже предаютъ огню [1]). Въ Малороссіи, при встрѣчѣ весны, носятъ по улицамъ и полямъ чучело Мары (Марены) одѣтое въ женское платье, и поютъ весеннія пѣсни; потомъ ставятъ это чучело на возвышенномъ мѣстѣ и зажигаютъ его: пока оно горитъ, поселяне пляшутъ и закликаютъ обычными причитаніями Весну. Въ великорусскихъ губерніяхъ торжество Живы и гибель Мораны чествуются возженіемъ праздничныхъ огней на масляницу. Такъ какъ недѣля эта сходится съ началомъ весны и такъ какъ слѣдующій за нею постъ долженъ былъ вызывать особенно-строгія церковныя запрещенія, направленныя противъ языческаго культа, то неудивительно, что во всей Европѣ масляница (карнавалъ) получила значеніе самаго разгульнаго празднества, посвященнаго проводамъ Зимы и встрѣчи Лѣта. Воспоминая древнее преданіе о поѣздѣ богини лѣта (Изиды, Фреи, Гольды=Лады), разсыпающей по землѣ щедрые дары плодородія (см. I, 554-6), у насъ возили во время масляницы дерево, украшенное бубенчиками и разноцвѣтными лоскутьями, или деревянную куклу. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ и донынѣ возятъ пьянаго мужика, обязаннаго представлять Масляницу; для этого запрягаютъ въ сани или повозку лошадей десять и болѣе гуськомъ, и на каждую лошадь сажаютъ по вершнику, съ кнутомъ или метлою въ рукахъ; вездѣ, гдѣ только можно, привѣшиваютъ маленькіе колокольчики и погремушки; сани или повозку убираютъ вѣниками, мужику-Масляницѣ даютъ въ руки штофъ съ водкою и чарку, и сверхъ того ставятъ подлѣ него боченокъ съ пивомъ и коробъ съ съѣстными припасами. Въ Сибири устраиваютъ на нѣсколькихъ саняхъ корабль, на которомъ сажаютъ ряженыхъ

---

[1]) D. Myth., 734, 741—2; Чешск. пѣсни Эрбена, 57—58; Иличъ, 117—8; Рус. Бес. 1857, III, стат. Клуна, 109.

медвѣдя и Масляницу, и возятъ по улицамъ, въ сопровожденіи пѣсенниковъ. Дерево, корабль и медвѣдь — все это эмблемы весенней природы и ея творческихъ, плодоносныхъ силъ; звуки колокольчиковъ и бубенчиковъ—знаменія грозовой музыки, метла, вѣникъ и кнутъ—вихрей и молній, пиво и вино — всёоживляющаго дождя. Въ такомъ обрядовомъ поѣздѣ празднуется пришествіе (возвратъ) благодатной Весны. Наряду съ этимъ совершаются и другіе обряды, указывающіе на борьбу Весны съ Зимою и пораженіе послѣдней. Въ разныхъ губерніяхъ въ субботу сырной недѣли строятъ на рѣкахъ, прудахъ и въ поляхъ снѣжный городъ съ башнями и воротами=царство Зимы (демона-Вритры), долженствующее пасть подъ ударами Перуна; участвующіе въ игрѣ вооружаются палками и метлами и раздѣляются на двѣ стороны: одна защищаетъ городъ, а другая нападаетъ на него, и послѣ упорной, болѣе или менѣе продолжительной схватки, врывается въ ворота и разрушаетъ укрѣпленія; воеводу взятаго съ боя и разрушеннаго города въ старину купали въ проруби. Вечеромъ въ воскресенье (послѣдній день масляницы, называемый ея проводами) поселяне выносятъ изъ своихъ дворовъ по снопу соломы, и сложивши ихъ на окраинѣ деревни, сожигаютъ при радостныхъ кликахъ и пѣсняхъ собравшагося народа, — каковой обрядъ называется сожженіемъ Масляницы. Иногда пуки соломы навязываютъ на шесты, разставляютъ по дорогѣ и палятъ послѣ солнечнаго заката, а иногда замѣняютъ ихъ дегтярными бочками. Существуетъ еще обычай сожигать на прощенное воскресенье ледяную гору, для чего собираютъ по дворамъ хворостъ, щепки, худыя кадки, складываютъ все это на ледяной горѣ, и затѣмъ разводятъ костёръ, служащій символическимъ знаменіемъ весенняго солнца, яркіе лучи котораго растапливаютъ снѣжные покровы зимы. Такимъ образомъ, олицетворяя самое празднество и ста-

вя это олицетвореніе на мѣсто древнихъ богинь, заправлявшихъ смѣною годовыхъ временъ, народъ русской встрѣчу Весны назвалъ встрѣчею Масляницы, а изгнаніе Зимы—сожженіемъ Масляницы или ея проводами [1]). Одновременно съ пробужденіемъ природы отъ зимняго сна (омертвенія), пробуждаются къ жизни и души усопшихъ, осужденныя пребывать въ воздушныхъ и заоблачныхъ сферахъ (см. выше стр. 287—292); поэтому праздникъ весны былъ вмѣстѣ и праздникомъ въ честь усопшихъ предковъ, обычною порою сношеній съ ними, посѣщенія кладбищъ и поминокъ. До сихъ поръ на масляницу бѣгаютъ по улицамъ ряженые, что знаменуетъ появленіе освободившихся изъ загробнаго царства стихійныхъ духовъ=оборотней, и во всѣхъ домахъ приготовляются блины, изстари составлявшіе необходимую принадлежность всякаго поминальнаго пиршества.

Тѣже обряды пріурочиваются и къ послѣдней недѣлѣ великаго поста, и къ празднику Пасхи, и къ Ѳоминой недѣлѣ, такъ какъ мысль о воскресающей Веснѣ [2])=Живѣ сочеталась въ народныхъ представленіяхъ съ мыслію о пресвѣтломъ воскресеніи праведнаго солнца—Христа. Прилетая въ сей міръ, богиня Весна разводитъ пламя небесныхъ грозъ, разитъ и гонитъ злобныхъ демоновъ, выводитъ изъ-за холодныхъ зимнихъ тумановъ и тучъ свѣтозарное солнце, или выражаясь поэтически: снова воспламеняетъ его свѣтильникъ, и пожигая снѣжное, ледяное царство Зимы, топитъ ее въ разливѣ стремительныхъ водъ. Символическимъ обозначеніемъ этой творческой дѣятельности богини издревле

---

[1]) Сахаров., II, 73—74; Терещ., VII, 331—3; Этн. Сб., II, 41—43; Ч. О. И. и Д., годъ 1, II, 20; Рус. прост. праздн., II, 130; Москв. 1849, IX, 6—7; Каравел., 189. — [2]) „Ой, вже весна вскресла!"—Ч. О. И. и Д. 1866, III, галицк. пѣсни, 677; Маякъ, XI, 48.

служили возжигаемые на землѣ огни. Раннимъ утромъ въ четвергъ страстной недѣли, какъ въ день, посвященный громовнику, предки наши, по свидѣтельству Стоглава, пали ли солому и кликали мертвыхъ. День этотъ называется на Руси чистымъ=свѣтлымъ [1]; крестьяне ходятъ въ чистый четвергъ на проруби и закликаютъ Весну [2], а послѣ «всенощнаго стоянья» приносятъ изъ церкви горящія восковыя свѣчи и выжигаютъ ими на дверяхъ и потолкахъ своихъ домовъ кресты—для отогнанія злыхъ духовъ. Эта «страстная» свѣча, будучи зажжена во время грозы, предохраняетъ домъ отъ громоваго удара; поставленная въ пчельникѣ, она даруетъ изобиліе меда (намекъ на медовый напитокъ дождя, низводимый молніями); съ нею-же соединяютъ цѣлебную, облегчающую страданія силу, и потому, затепливая эту свѣчу, даютъ ее въ руки трудно-больнымъ, во время болѣзненныхъ припадковъ, и родильницамъ—при мукахъ разрѣшенія [3]). Къ заутренѣ на Свѣтло-Христово Воскресенье бѣлоруссы собираются съ зажженными лучинами; въ великорусскихъ губерніяхъ и въ Чехахъ жгутъ тогда около храмовъ смоляныя бочки; уголья, оставшіеся отъ этихъ бочекъ, а равно и свѣчи, съ которыми отстояли заутреню, приносятъ домой и затыкаютъ за стрѣхи, чтобы охранить зданія отъ грозы, а домашнюю скотину отъ порчи [4]). Въ Германіи въ ночь на первый день праздника зажигаютъ на горахъ и холмахъ большіе костры (osterfeuer), складывая ихъ изъ дровъ, дёрна и соломы; на Везерѣ прикрѣпляютъ дегтярную бочку, обвитую соломой, къ еловому дереву, и зажигая ее ночью, пляшутъ вокругъ огня, а когда пламя погаснетъ—собираютъ головни и уголья и разносятъ по домамъ [5]). Су-

---

[1]) Великую субботу сербы и чехи называютъ бѣлою; серб. бијела недјел(ь)а—масляница (Срп. рјечник, 24). — [2]) Сахаров., II, 96. — [3]) Полтав. Г. В. 1845, 15. — [4]) Ганушъ, 117. — [5]) D. Myth., 581–2.

ществуетъ еще обыкновеніе зажигать ночью деревянныя стрѣлы, обмазанныя смолою и метать ихъ вверхъ—такъ, чтобы пущенная стрѣла описывала въ воздухѣ огненную дугу [1]). Свѣтло-Христово Воскресенье у нѣмцевъ именуется ostern, а мѣсяцъ апрѣль, въ который бо́льшею частію приходится его праздновать, — ostermonat; въ старинныхъ памятникахъ праздникъ Пасхи — ôstara (ôstartaga, aostortagâ), апрѣль — ôstarmânoth. Остара (Ostara, Eàstre, Eostre)—древне-германская богиня зори, блестящаго утра и весны, приводящая съ востока воскресающее (возстающее отъ ночнаго и зимняго сна) солнце, культъ которой пустилъ такіе глубокіе корни, что имя ея сочеталось съ главнѣйшимъ христіанскимъ праздникомъ. Имя это восходитъ къ снкр. корню ush, отъ котораго образовались рѣченія: снкр. ushas—зоря, usrâ (въ Ведахъ) — утро, разсвѣтъ, лит. auszra — утренняя зоря, auszta—разсвѣтаетъ, зенд. ushaçtara—восточный, др.-нѣм. ôstan (ôst), англос. east, скан. austur — востокъ, слав. утро, jutro; сравни снкр. vâsara—день, vastar—утро, vasanta—весна отъ корня vas. Соотвѣтственно нѣмецкому ostern, лужичане называютъ праздникъ Пасхи — jutry (jatřy, jastry), полабскіе славяне—justroj (jostraj, jystroj [2]). Игру лучей восходящаго солнца поэтическая фантазія младенческихъ народовъ объясняла тѣмъ, что свѣтило это, пробуждаясь отъ сна, пляшетъ поутру на востокѣ. Такую пляску можно наблюдать только съ началомъ весны, когда небо очистится отъ потемнявшихъ его зимнихъ облаковъ и тумановъ. Отсюда возникло повѣрье, общее славянамъ и нѣмцамъ, что на разсвѣтѣ Свѣтло-Христова Воскресенья солнце отъ радости пляшетъ, играетъ и скачетъ

---

[1]) Die Götterwelt, 200. — [2]) D. Myth., 267—8; Beiträge zur D. Myth., I, 177; Пикте, I, 156—7; II, 673—4; Курціусъ, 368; Ганушъ, 120.

въ три прыжка. На Руси въ первый день Пасхи крестьяне взбираются на колокольни, крыши и пригорки смотрѣть на восходящее солнце. Тоже повѣрье прилагается и ко дню Благовѣщенья (25 марта); замѣтимъ, что на Благовѣщенье поселяне жгутъ старыя соломенныя постели и прыгаютъ черезъ разведенное пламя, которому приписываютъ силу укрѣплять здравіе [1]). По народному убѣжденію, на первый день Пасхи отворяется свѣтлый рай (т. е. просвѣтляется небо), и врата его (Goldtor, откуда восходитъ солнце—см. стр. 257) остаются отверстыми во все продолженіе праздника; потому всякой, кто умираетъ на этой недѣлѣ, признается святымъ: душа его безпрепятственно входитъ въ селенія праведныхъ. Тогда-же открываются зарытые въ подземельяхъ драгоцѣнные клады и горятъ яркимъ пламенемъ, т. е. изъ-за темныхъ облаковъ и тумановъ, разсѣянныхъ весенними грозами, является очамъ смертныхъ золото солнечныхъ лучей. Въ черниговской губ. Святая недѣля слыветъ гремяцкою, а чехи называютъ ее Червонными Святками [2]). Съ мыслію объ отверстомъ раѣ тѣсно связаны: во 1-хъ, суевѣрное мнѣніе, противъ котораго еще въ XVI вѣкѣ выступалъ съ обличительнымъ словомъ Максимъ Грекъ, будто во все продолженіе пасхальной седьмицы солнце не заходитъ и тѣмъ самымъ какъ-бы обращаетъ ее въ одинъ продолжительный день (малоруссы Свѣтло-Христово Воскресенье называютъ Великъ день [3]); во 2-хъ, вѣрованіе, что именно въ эту благодатную пору свѣтлые боги сходятъ съ небесъ на землю и надѣляютъ ее дарами плодородія. Вѣрованіе это, наслѣдован-

---

[1]) Die Symbolik von Sonne und Tag, 29; Сахаров., II, 75—76; Москов. Вѣстн. 1827, VI, 360; Иллюстр. 1846, 262 и далѣе; О вл. христ. на сл. яз., 17—18; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 340. — [2]) Манкъ, XI, 18; Сахаров., II, 75; Ганушъ, 122. — [3]) Правосл. Собесѣдн. 1858, I, 147.

ное отъ языческой старины, въ христіанскую эпоху было перенесено на Спасителя, Богородицу и святыхъ угодниковъ. По народнымъ разсказамъ, съ перваго дня Пасхи и до Вознесенія Христосъ и апостолы странствуютъ по землѣ въ нищенскихъ рубищахъ, испытуютъ людское милосердіе, награждаютъ добрыхъ и караютъ злыхъ. Въ смоленской губ. утверждаютъ, что Христосъ сходитъ на землю въ чистый четвергъ, и потому, для встрѣчи божественнаго гостя, въ каждомъ домѣ приготовляется къ этому дню хлѣбъ, называемый стульце [1]). Въ бѣлорусскихъ деревняхъ на Свѣтло-Христово Воскресенье ходятъ по домамъ волочебники и поютъ обрядовыя пѣсни, славя святыхъ Юрія и Николу, что̀ коровъ и коней запасаютъ, Пречистую Дѣву, что̀ засѣваетъ нивы, и Илью-пророка, зажинающаго колосистую рожь. Всѣ освященныя на этотъ праздникъ яства украшаются зелеными вѣтками брусники; къ такимъ яствамъ принадлежитъ и жареный барашекъ или поросенокъ, кости котораго частію зарываютъ на пашняхъ, съ цѣлію предохранить нивы отъ града, а частію держатъ въ домахъ и во время лѣтнихъ грозъ бросаютъ въ огонь, разведенный на домашнемъ очагѣ, дабы отвратить ударъ грома [2]). Въ костромской губ. существуетъ обычай: передъ Христовской заутреней всходить на колокольни и стрѣлять оттуда изъ пистолетовъ и ружей; тоже дѣлаютъ и лужичане [3]). Выстрѣлы эти знаменуютъ весенній громъ, прогоняющій нечистую силу Зимы = Смерти. На второй день Пасхи, на Красную Горку и въ Ѳоминъ понедѣльникъ молодые парни и дѣвицы обливаютъ другъ друга ключевою водою — обрядъ, напоминающій сербскую Додолу и символически-обозначающій про-

---

[1]) Рус. Бес. 1856, I, ст. Максимовича, 78; Цебриков., 275—7. — [2]) Рус. прост. праздник., I, 160; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 75—83; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 103. — [3]) С. Петерб. Вѣд. 1864, 118; Volkslieder der Wenden, II, 223.

литіе небесныхъ источниковъ, осѣмененіе матери-Земли оплодотворяющей влагою дождя [1]). Объ этомъ Густинская лѣтопись [2]) разсказываетъ такъ: «отъ сихъ (языческихъ боговъ) единому нѣкоему богу на жертву людей топиху, ему-же и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память творятъ: во день Воскресенія Христова собравшеся юніи, играюще, вметаютъ человѣка въ воду, и бываетъ иногда дѣйствомъ тыхъ боговъ, си есть бѣсовъ, разбиваются и умираютъ, или утопаютъ; по иныхъ-же странахъ не вкидаютъ въ воду, но токмо водою поливаютъ, но единаче тому-же бѣсу жертву сотворяютъ». На Красную Горку (въ воскресенье Ѳоминой или радуницкой недѣли), при солнечномъ восходѣ, сельскія дѣвицы собираются на ближній холмъ или пригорокъ и становятся въ кругъ; одна изъ нихъ выступаетъ въ средину круга—съ хлѣбомъ и краснымъ яйцомъ въ рукахъ, и обращаясь на востокъ, творитъ молитву, а послѣ молитвы заклинаетъ Весну: «Весна красна! на чемъ пришла» и т. дал. Въ калужской губерніи укрѣпляютъ при этомъ на горкѣ длинный шестъ съ соломенной куклою, которая вечеромъ сожигается съ пѣснями и плясками; въ орловской же губ. поселяне на радуницкой недѣлѣ прогоняютъ Смерть изъ своего села, для чего въ полночь дѣвицы выходятъ съ метлами и кочергами, и взмахивая ими по воздуху, гоняются за невидимой Мораною [3]). Обрядъ этотъ—и по своему значенію, и отчасти по самой обстановкѣ — тождественъ съ обрядомъ «опахиванія», каковой совершается въ нашихъ деревняхъ и селахъ для изгнанія повальныхъ болѣзней: чумы, холеры и коровьей смерти. Въ старые годы въ Литвѣ друзья усопшаго,

---

[1]) Терещ., VI, 106, 110; Бопланъ: Описаніе Украйны 79. Къ этому-же времени относится и обрядовое поздравленіе молодыхъ супруговъ—такъ называемый вьюнецъ. — [2]) П. С. Р. Л., II, 257. — [3]) Сахаров., II, 81, 83.

провожая его тѣло въ могилу, махали по воздуху ножами, съ возгласомъ: «бѣгите, бѣгите, злые духи!» [1])

Какъ скоро богиня весны побѣдитъ демоновъ зимы, она тотчасъ-же одѣваетъ поля, сады и рощи свѣжею зеленью и цвѣтами. Прекрасные, благословенные дни мая и начала іюня издревле признавались посвященными этой богинѣ и чествовались общенародными игрищами. Въ христіанскую эпоху такія игрища, совершаемыя въ честь Весны, были пріурочены къ Вознесенію и Троицѣ, такъ какъ праздники эти бо́льшею частію приходятся въ маѣ-мѣсяцѣ. Четвергъ, въ который празднуется Вознесеніе, и четвергъ, предшествующій Троицѣ (такъ называемый Семикъ, потому что бываетъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи) получили въ глазахъ народа особенно-важное значеніе по извѣстной намъ связи четверга съ культомъ громовника. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ завиванію вѣнковъ приступаютъ уже въ день Вознесенія; обыкновенно-же обрядъ этотъ совершается на Семикъ или Троицу. Предъ

---

[1]) Черты литов. нар., 111. Вотяки и черемисы передъ весеннимъ посѣвомъ хлѣба гоняютъ шайтана; парни и дѣвки садятся верхомъ на коней, берутъ въ руки зажженныя лучины, бичи, палки, метлы, и съ дикимъ воплемъ начинаютъ скакать по деревнѣ изъ конца въ конецъ, махая метлами и ударяя по хлѣвамъ и угламъ избъ, чтобы шайтанъ не осмѣлился повредить посѣву; потомъ отправляются въ поле, ставятъ двѣ палки и дѣлаютъ загородку—въ знакъ того, что шайтанъ прогнанъ и возвратный путь для него прегражденъ—Записки Александры Фуксъ о чуваш. и черемисахъ казан. губ. (Казань, 1840 г.), 221, 261—2; Вятск. Г. В. 1851, 25. Сравни извѣстія, занесенныя въ книгу „Обряды еврейскіе“ (Орелъ, 1830 г.), 179, и въ путевыя записки XVII вѣка „О ходу въ Персидское царство“ (Времен., XV, 17—18): „и возятъ наряднаго мужика, сдѣланъ мѣхомъ да набитъ соломой, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а ему ругаются и плюютъ на него, а жонки плачутъ... того соломеннаго мужика вывезутъ на̀ поле за городъ и вынесутъ соломы и нефти и сожгутъ, а сами вязьемъ бьются—а то они (персы) празднуютъ клятымъ своимъ“.

наступленіемъ означенныхъ праздниковъ, поселяне отправляются толпами въ поля и рощи, собираютъ разныя травы, преимущественно благовонныя: чоберъ; мяту, зорю и калуферъ, и рубятъ молодыя березы и другія лиственныя деревья; и по городамъ, и по сёламъ стѣны внутри домовъ убираются древесными вѣтвями, полы устилаются скошенною травою, а окны пахучими зельями и цвѣтами; на дворахъ и по улицамъ устанавливаются въ землю цѣлые ряды березокъ, липокъ и кленовъ, такъ что каждый городъ и каждая деревня превращаются на нѣсколько дней въ зеленые сады. Точно также убираются къ Троицѣ и самые храмы; наканунѣ праздника благочестивые прихожане привозятъ срубленныя деревья, разставляютъ ихъ около перилъ, столбовъ, клиросовъ и по угламъ церкви, втыкаютъ ихъ за образа, подсвѣшники и люстры, полъ усыпаютъ травою, а мѣстныя иконы украшаютъ цвѣтами. Утромъ слѣдующаго дня женщины, дѣвушки и дѣти приходятъ къ обѣднѣ съ пучками цвѣтовъ и пахучихъ травъ въ рукахъ, и потомъ въ продолженіи года хранятъ ихъ, какъ святыню; вѣрятъ, что сломленная въ церквѣ березовая вѣтка и принесенные оттуда цвѣты и травы обладаютъ цѣлебною силою противъ всякихъ недуговъ. Въ великорусскихъ губерніяхъ поселяне и городская чернь собираются на Семикъ въ лѣса и рощи, поютъ пѣсни, завиваютъ вѣнки, срубаютъ молодое березовое дерево и наряжаютъ его въ женское платье, или обвѣшиваютъ разноцвѣтными лентами и лоскутьями. Затѣмъ слѣдуетъ общій пиръ, изготовляемый въ складчину или ссыпчину, т. е. изъ мірскаго сбора муки, молока, крашенныхъ яицъ и другихъ припасовъ; на покупку вина и пива назначаются денежные взносы. По окончаніи пиршества подымаютъ наряженную березку, съ радостными пѣснями и плясками несутъ ее въ деревню и становятъ въ избранномъ съ общаго согласія домѣ, гдѣ она и остается гостейкою до Троп-

цына дня. Въ пятницу и субботу приходятъ навѣщать «гостейку», а въ Троицкое воскресенье выносятъ ее къ рѣкѣ и бросаютъ въ воду. Тогда-же пускаются по водѣ и семицкіе вѣнки. Въ пинскомъ уѣздѣ на Духовъ день крестьянскія дѣвушки избираютъ изъ своей среды самую красивую подругу, обвязываютъ ее березовыми и кленовыми вѣтвями, и подъ именемъ куста водятъ по улицамъ и дворамъ, что живо напоминаетъ намъ сербскую додолу, съ головы до ногъ убранную въ цвѣты и зелень. Въ полтавской губ. водятъ на Духовъ день тополю [1]), которую представляетъ дѣвушка, въ разноцвѣтной плахтѣ, съ яркими лентами въ косахъ и монистами на груди. Въ старые годы, около Воронежа, строили на Троицу посреди дубовой рощи небольшой шалашъ, убирали его вѣнками, цвѣтами и душистыми травами, а внутри ставили на возвышеніи соломенную или деревянную куклу, одѣтую въ праздничное мужское или женское платье; къ этому мѣсту стекались со всѣхъ сторонъ окрестные жители, приносили съ собой различные напитки и яства, водили вокругъ шалаша хороводы и предавались беззаботному веселью и играмъ. Въ семицкой березкѣ, «тополѣ», «кустѣ» и въ троицкой куклѣ народъ чествовалъ лѣсную дѣву, оживающую въ зелени дубравъ (см. II, 328), или самую богиню Весну, одѣвающую деревья листьями и цвѣтами. На Троицынъ день молодежь отправляется въ лѣса и рощи завивать вѣнки, возглашая хоромъ:

Благослови, Троица,
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойдти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо, ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать.

---

[1]) Тополь.

Приготовивъ вѣнки, дѣвицы и парни обмѣниваются ими другъ съ дружкою; дѣвицы надѣваютъ ихъ на головы, парни украшаютъ ими свои шляпы, и затѣмъ приступаютъ къ хороводнымъ играмъ. Вечеромъ, какъ только сядетъ солнце, или на слѣдующій день ходятъ они на рѣку и кидаютъ вѣнки въ воду; въ нѣкоторыхъ-же уѣздахъ этотъ послѣдній обрядъ совершается на Всесвятской недѣлѣ. Мѣстомъ завиванія вѣнковъ преимущественно выбираютъ ту рощу, которая прилегаетъ къ засѣянному полю, — для того, чтобы рожь уродилась гуще и прибыльнѣе. Въ литовскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ даже коровамъ на Троицынъ день надѣваютъ на рога и шеи вѣнки, сплетенные изъ зелени и полевыхъ цвѣтовъ [1]). Вѣнокъ издревле служилъ эмблемою любви и супружеской связи. Такъ какъ въ весеннюю пору Земля вступаетъ въ брачный союзъ съ Небомъ и такъ какъ богиня весны (Жива) была не только представительницею земныхъ урожаевъ, но и вообще покровительницею брака и любовныхъ наслажденій; то и посвященный ей праздникъ необходимо долженъ былъ считаться лучшимъ въ году временемъ для заявленій любви и для гаданій о будущемъ семейномъ счастіи. Бросая вѣнки въ воду, юноши и дѣвицы допрашиваютъ эту пророческую стихію о своей грядущей судьбѣ (см. II, 192; III, 341—2, 349): если брошенный вѣнокъ уплыветъ, не коснувшись берега, — это предвѣщаетъ исполненіе желаній, счастливый бракъ и долгую жизнь; если вѣнокъ закружится на одномъ мѣстѣ — это знакъ неудачи (свадьба разстроится, любовь останется безъ отвѣта),

---

[1]) Сахаров., II, 83—89; Этн. Сб., II, 52; Ворон. Г. В. 1850, 8; Москов. Телеграфъ 1830, XVII, 31; Вѣст. Евр. 1821, III, 198; 1828 г., V—VI, 83—84; Москв. 1849, IX, 10; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 28; 1827, IV, 278; Терещ., VI, 173—186, 193—5; Казан. Г. В. 1846, 3; Минск. Г. В. 1866, стр. 328—9; Маякъ, XI, 22; Украин. Журналъ 1824, XI, 255—6.

а если потонетъ — знакъ смерти, вдовства или безсемейной жизни (мо̀лодцу не быть женатому, дѣвицѣ оставаться незамужнею). Замѣчаютъ еще: уцѣлѣлъ ли свѣжимъ или завялъ вѣнокъ, сбереженный отъ Семика до Троицына дня? въ первомъ случаѣ разсчитываютъ на долголѣтнее и счастливое супружество, а въ послѣднемъ — ожидаютъ скорой смерти. Не такъ давно въ калужской губ. существовало обыкновеніе, по которому парень, задумавшій жениться, обязанъ былъ вытащить изъ воды вѣнокъ полюбившейся ему дѣвицы [1]). Такимъ образомъ зелень и цвѣты играютъ главную роль на веселомъ праздникѣ Весны; ея благотворное вліяніе именно въ томъ и выражается, что мать-сыра земля, словно юная и прекрасная невѣста, рядится въ роскошные уборы растительнаго царства; апрѣль и май мѣсяцы получили поэтому названія травня и квѣтня [2]); семицкая недѣля слыветъ въ народѣ зеленою, клечальною, а три послѣдніе дня этой недѣли и слѣдующіе за ними праздники Троицы и Св. Духа называются Зелеными Святками. Тѣже обряды совершаются на Троицу и въ Литвѣ, и въ Польшѣ [3]). У германскихъ племенъ на Троицынъ день или въ началѣ мая соблюдался въ старые годы такой обычай: изъ среды юношей избирался maigraf (maikönig); затѣмъ привозили изъ лѣсу повозку, нагруженную зелеными вѣтками и вѣнками (maiwagen); одинъ вѣнокъ (maikranz) былъ вручаемъ бургомистромъ и городскимъ совѣтомъ майграфу; остальныя связки зелени шли въ раздѣлъ между мѣстными жителями, но самая бо̀льшая часть ихъ отдавалась въ монастыри и церкви. Церковныя башни

---

[1]) Рус. прост. празд., III, 132—3, 136; Терещ., VI, 197—8. Въ нѣкоторыхъ городахъ троицкое гульбище превратилось въ обрядовый смотръ невѣстъ. — [2]) Квѣтъ=цвѣтъ; римляне съ 28 апрѣля по 1 е мая праздновали floralia—въ честь богини Флоры.— [3]) Терещ., VI, 174.

были украшаемы древесными вѣтвями, а помосты храмовъ усыпались обрѣзками кустарниковъ и полевыми цвѣтами. Нерѣдко майграфу вручались два вѣнка и предоставлялось право избрать изъ числа дѣвицъ царицу праздника (maigräfin, maikönigin, maibraut); на эту послѣднюю онъ возлагалъ одинъ изъ своихъ вѣнковъ. Существовалъ также обычай искать maikönig'а: для этого вооруженная толпа юношей отправлялась въ лѣсъ, и немного погодя возвращалась оттуда вмѣстѣ съ «майскимъ королемъ», который ѣхалъ верхомъ на конѣ, опутанномъ гибкими зелеными вѣтвями, или въ повозкѣ, запряженной въ четыре лошади и убранной разнымъ «клечаньемъ». Этимъ торжественнымъ поѣздомъ означался возвратъ бога весенняго плодородія (Одина или Тора) изъ дальнихъ невѣдомыхъ странъ, гдѣ проводилъ онъ зиму. О такомъ поѣздѣ датчане выражались: at ride Sommer i bye (den Sommer in das land reiten). Въ разныхъ мѣстахъ Германіи на Троицынъ день и донынѣ продолжаютъ украшать дома зеленью. Въ Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ на первый день мая раннимъ утромъ юноши и дѣвицы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправлялись въ ближайшій лѣсъ, сламывали древесныя вѣтви, убирали ихъ цвѣтами, и воротившись домой, ставили эти майскія знаменія на дверяхъ и окнахъ своихъ жилищъ. Тогда-же общими усиліями срубали они большое дерево и привозили его въ городъ или деревню на нѣсколькихъ парахъ быковъ; каждому быку прикрѣпляли между рогами букетъ цвѣтовъ; дерево это — maibaum — ставили посреди площади и предавались вокругъ него играмъ и пляскамъ. Распорядитель празднества назывался lord of the may, а избранная ему въ подруги — lady of the may [1]). Чехи на майскій праздникъ избираютъ краля и кральку, и недѣля, въ которую происходитъ это народное гульбище, из-

[1]) D. Myth., 736—8; Die Götterwelt, 144—7.

вѣстна подъ именемъ кралевой (králova nedĕle). Краль и кралька являются на праздникъ увѣнчанные коронами и убранные цвѣтами. Словенцы, празднуя возвратъ весны, назначаютъ одного изъ юношей представлять Зеленаго Егора (Юрія) и обвязываютъ его березовыми вѣтками (см. II, 175). Срубленныя деревья, которыми украшаютъ въ это время домà, называются майями. Въ Литвѣ 1-го мая уставляли на лугу зеленое дерево, обвѣшанное разноцвѣтными лентами; сельская молодежь, избравъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, надѣвала ей нà голову вѣнокъ, обвивала ея станъ березовыми вѣтвями и веселою толпою сопровождала ее на мѣсто гульбища. Тамъ, возлѣ майскаго дерева, начинались танцы и пѣсни, съ постоянно-повторяемымъ возгласомъ: о майя, о майя! [1])

Но лѣто гоститъ на землѣ короткое время. Солнце, достигнувъ полнѣйшаго проявленія своихъ творческихъ силъ, поворачиваетъ нá зиму, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе утрачиваетъ свой живоносный свѣтъ; дни начинаютъ умаляться, а ночи удлиняются. Этотъ поворотъ Солнца (sunnewende) = выѣздъ его въ далёкій зимній путь сопровождается народнымъ празднествомъ, пріуроченнымъ ко дню Іоанна Крестителя (24-го іюня). Пламя костровъ, разводимыхъ въ навечеріи этого дня (Johannisfeuer) служитъ символическимъ знаменіемъ знойнаго іюньскаго солнца. Нѣмцы въ XIV и XV столѣтіяхъ называли это пламя sunwentfeuer. «Ивановы огни» зажигаются подъ открытымъ небомъ на площадяхъ, поляхъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ нѣкоторыхъ областяхъ принято, чтобы священникъ благословлялъ возженное пламя, и до тѣхъ поръ, пока оно продолжаетъ горѣть, народъ молится Богу. Возженіе огней при лѣтнемъ поворотѣ солнца — обы-

---

[1]) Ганушъ, 155; Иличь, 132; Volkslieder der Wenden, II, 223; Терещ., VI, 212.

чай, равно-встрѣчаемый какъ у народовъ индоевропейскихъ, такъ и семитическихъ; въ старые годы въ совершеніи его принимали участіе не одни простолюдины, но и владѣтельные князья и благородныя сословія. Въ западной Европѣ относящіяся къ этому вопросу свидѣтельства памятниковъ начинаются уже съ XII-го вѣка. Въ XV, XVI и XVII столѣт. въ большихъ городахъ (какъ напримѣръ Парижѣ, Метцѣ и др.) костёръ складывали передъ ратушею, убирали его цвѣтами и зеленью, а почетную обязанность зажигать его предоставляли меру. Въ Пиренеяхъ 1-го мая отыскивали самое высокое дерево: ель, сосну или тополь, обрубали на немъ всѣ вѣтви, вбивали въ стволъ нѣсколько кольевъ и оставляли на корню до 23-го іюня; наканунѣ-же Иванова дня, послѣ даннаго священникомъ благословенія, сваливали это дерево наземь и предавали сожженію. У священнаго огня толпился народъ; молодежь украшала себя вѣнками, пѣла и танцовала; всѣ же вообще—и старые, и молодые прыгали черезъ пламя, переносили черезъ него дѣтей и бросали въ костёръ разныя травы — съ цѣлію запастись здоровьемъ и отстранить отъ себя губительныхъ демоновъ. Бросая въ огонь травы, причитывали: «да сгорятъ съ этимъ зельемъ и всѣ мои бѣды!» Или дотрогивались до огня вѣтками орѣшника и потомъ втыкали ихъ у дверей коровьихъ хлѣвовъ. Каждый считалъ обязанностью захватить съ собой головешку или нѣсколько угольевъ и пеплу отъ Ивановскаго костра; подобно «громовой стрѣлкѣ», уголья эти и пепелъ предохраняютъ домъ отъ удара молніи и служатъ цѣлебнымъ средствомъ противъ волшебнаго очарованія и болѣзней. Въ срединѣ лѣта природа во всѣхъ своихъ стихійныхъ проявленіяхъ обнаруживаетъ особенно-живительную силу. Какъ пламенные лучи солнца прогоняютъ демоновъ мрака, холода и безплодія, такъ и эмблема ихъ — земной огонь въ воззрѣніяхъ язычниковъ получилъ тоже благодѣтельное свойство про-

гонять болѣзни и моръ; надо только пройдти сквозь его очистительное пламя, проникнуться его священнымъ вѣяніемъ (сравни II, 18—21). Вмѣстѣ съ огнемъ, и вода, какъ стихія, знаменующая амриту (плодоносный дождь), получаетъ на Ивановъ день чудесное свойство смывать съ больнаго тѣла всѣ недуги и надѣлять его крѣпостью и здравіемъ; поэтому въ числѣ совершаемыхъ тогда обрядовъ непослѣднее мѣсто занимаетъ и купанье въ рѣкахъ и источникахъ. Наконецъ и самыя травы и цвѣты, сорванныя въ періодъ солнечнаго поворота, считаются попреимуществу-цѣлебными, такъ какъ съ ними соединяется мысль о плодородящей силѣ земли, возбужденной яснымъ солнцемъ и лѣтними дождями [1]. У славянъ и литовцевъ встрѣчаемъ туже обстановку Иванова празднества. Словенцы называютъ Ивановъ день и самый поворотъ солнца—kres (кроат. kresz=огонь), а мѣсяцъ іюнь—kresnik; серб. кресови — dies solstitiales («три дана прије и три послије Илијна дне»), кријес — огонь, разводимый наканунѣ Иванова, Витова, Петрова и Юрьева дней, съ которыми народная мысль связываетъ старинныя воспоминанія о богѣ-громовникѣ, возжигателѣ небеснаго пламени [2]; въ одномъ изъ рукописныхъ прологовъ крѣсъ, крѣсины — поворотъ солнца на лѣто (I, 188, 255). Поляки и чехи называютъ Ивановъ огонь — sobotka (малая суббота, канунъ воскреснаго дня, издревле-посвященнаго солнцу), въ отличіе отъ огня, возжигаемаго въ ночь на Пасху, которому присвояютъ названіе sobota (Ostersonnabend, великая суббота, канунъ Свѣтло-Христова Воскресенія» [3]). На Руси Ивановъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ Купалы. По указанію профессора

---

[1]) D. Myth., 584—593; Beiträge zur D. Myth., I, 217; Ж. М. Н. П. 1841, т. XXXI, стат. Сабинина. — [2]) Срп. рјечник. 301—3; Москв. 1844, IX, ст. Срезнев., 214, 222. Свѣтящійся Ивановскій жукъ называется у словенцевъ kersnica. — [3]) D. Myth., 590

Буслаева, корень куп совмѣщаетъ въ себѣ тѣже понятія, что и корни яръ и буй. Во первыхъ, говоритъ онъ, куп имѣетъ значеніе бѣлаго, ярaго, а также буйнаго въ смыслѣ роскошно-растущаго, откуда въ нашемъ языкѣ употребительны: купáвый—бѣлый, купáва—бѣлый цвѣтокъ, купàвка—цвѣточная почка и особенно бѣлыхъ цвѣтовъ. Такъ какъ у и ы въ извѣстныхъ случаяхъ чередуются, то корень куп можетъ имѣть и другую форму кып, откуда кыпѣть и кипень (кыпень)—въ значеніи бѣлой накипи и вообще бѣлизны («бѣлъ, какъ кипень»). Во вторыхъ, «ярый» и «буйный» заключаютъ въ себѣ понятія кипучаго, неукротимаго, бѣшенаго, раздраженнаго; соотвѣтственно этому, въ санскритѣ kup — не только блистать, но и яриться, гнѣваться, слав. кыпѣти, кыпати, кипятиться—горячиться, сердиться. Наконецъ, въ третьихъ, какъ съ словами «ярый», «ярость» нераздѣльно понятіе желанія, похоти, такъ при нашемъ «кыпѣти» находимъ лат. cupio [1]). Допустивъ эти лингвистическія соображенія, надо будетъ признать, что имена Куп-ало и Яр-ило обозначали одно и тоже плодотворящее божество лѣта; такой выводъ, во 1-хъ, подтверждается стариннымъ свидѣтельствомъ о «безстудномъ» характерѣ купальскихъ игрищъ (см. I, 444), а во 2-хъ—тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ярославской, тверской и рязанской губ. празднество Купалы еще недавно называлось Ярилою [2]). Согласно съ этимъ, составитель Густинской лѣтописи принималъ Купалу за бога земнаго плодородія: «Купало, яко-же мню, бяше богъ обилія, якоже у еллинъ Цересъ, ему-же безумныи за обиліе благодареніе приношаху въ то время, егда имяше настати жатва. Сему Купалу-бѣсу еще и донынѣ по нѣкоихъ странахъ безумныи память совершаютъ, начение іюня 23 дня, въ навечеріе

[1]) Исторія Росс. Соловьева, II, приложен., стр. 25—26; Radices linguae slov., 42. — [2]) Рус. прост. празд., I, 179.

Рождества Іоанна Предтечи, даже до жатвы и далѣй, сицевымъ образомъ: съ вечера собираются простая чадь обоего полу и соплетаютъ себѣ вѣнцы изъ ядомаго зелія или коренія, и препоясавшеся быліемъ возгнѣтаютъ огнь; индѣ-же поставляютъ зеленую вѣтвъ, и емшеся за руцѣ около, обращаются окрестъ онаго огня, поюще свои пѣсни, преплетающе Купаломъ; потомъ чрезъ оный огонь прескакуютъ» [1]). По древне-поэтическому представленію богъ-громовникъ кипятитъ въ грозовомъ пламени дождевую воду, купаетъ въ ея ливняхъ небо и землю, и тѣмъ самымъ даруетъ послѣдней силу плодородія; въ христіанскую эпоху дождящій громовникъ уступилъ свое мѣсто Іоанну-крестителю, къ имени котораго стали прилагать народное прозваніе «Купалы»: Иванъ-Купало. Эта замѣна условливалась: во 1-хъ, совпаденіемъ праздника, посвященнаго Іоанну-крестителю, со временемъ купальскихъ игрищъ, и во 2-хъ—вліяніемъ языка, такъ какъ самое слово «купало» должно было возбуждать мысль о крестителѣ: купать — погружать въ воду, омывать тѣло, дѣлать его чистымъ, бѣлымъ, купель — сосудъ, употребляемый для крещенія, илл. kupalo, чеш. kupadlo—мовница, скр. kûpa—источникъ, колодецъ [2]). Наравнѣ съ прочими родственными племенами, славяне при лѣтнемъ поворотѣ солнца возжигаютъ костры, совершаютъ омовенія въ рѣкахъ и источникахъ и собираютъ цѣлебныя травы. Костры раскладываются на открытыхъ поляхъ, по берегамъ рѣкъ и преимущественно на холмахъ и горныхъ возвышеніяхъ; въ ночь на 24 іюня, какъ скоро загорятся Ивановскіе огни, Карпаты, Судеты и Исполиновы горы представляютъ истинно-великолѣпное зрѣлище. На Руси для возженія купальскаго костра употребляется живой огонь [3]);

---

[1]) П. С. Р. Л., II, 257; тоже сказано и въ Синопсисѣ. — [2]) Пикте, II, 268. — [3]) Тоже соблюдалось нѣкогда и въ Германіи—D. Myth., 578.

почетные старики добываютъ его треніемъ изъ дерева, и пока продолжается эта работа—собравшійся вокругъ народъ стоитъ въ благоговѣйномъ молчаніи, но какъ только огонь вспыхнетъ — тотчасъ-же вся толпа оживляется и запѣваетъ радостныя пѣсни. Дѣвицы въ праздничныхъ нарядахъ, опоясанныя чернобыльникомъ и душистыми травами, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и холостые юноши схватываются по-парно зà руки и прыгаютъ черезъ разведенное пламя; судя по удачному или неловкому прыжку, имъ предсказываютъ счастіе или бѣды, раннее или позднее супружество; сверхъ того, на Украйнѣ дѣвушки пускаютъ свои вѣнки въ воду, прилѣпивъ къ нимъ зажженныя восковыя свѣчи, и по этимъ плывучимъ вѣнкамъ гадаютъ о своей будущей судьбѣ. Прыганье черезъ огонь избавляетъ отъ недуговъ, злаго очарованія и безплодія [1]); матери нарочно сожигаютъ на купальскомъ кострѣ снятыя съ хворыхъ дѣтей сорочки — для того, чтобы вмѣстѣ съ этимъ бѣльемъ сгорѣли и самыя болѣзни. Чтобы скотина не болѣла и чтобы коровы давали больше молока, въ Литвѣ, на Руси и въ Чехахъ принято перегонять стадà черезъ Ивановскіе костры. Въ Сербіи, наканунѣ Иванова дня, пастухи зажигаютъ свёрнутые изъ бересты факелы; съ этими факелами они обходятъ овечьи закуты и коровьи загоны, а затѣмъ складываютъ ихъ на ближайшемъ холмѣ и оставляютъ догорать въ одной общей кучѣ. Словенцы разбрасываютъ по полямъ и огородамъ пепелъ, уголья и головешки, взятые отъ Ивановскаго костра, для того, чтобы черви и другія насѣкомыя не портили посѣвовъ и капустной разсады. Тоже самое дѣлаютъ и чехи—для предохраненія своихъ нивъ, садовъ и огородовъ отъ непогоды и града; сверхъ того, у чеховъ существуетъ обычай зажигать наканунѣ Иванова дня обмокнутыя въ деготь мёт-

[1]) По требованію свадебнаго обряда, новобрачная чета должна переѣхать черезъ зажженные пуки соломы.

лы и бѣгать, размахивая ими по воздуху. Въ бѣлорусскихъ деревняхъ въ ночь на Ивана-Купала вбиваютъ въ землю большой колъ, обкладываютъ его соломой и кострикой, и зажигаютъ; когда пламя разгорится, крестьянки бросаютъ въ него березовыя вѣтки и приговариваютъ: «кабы мой лёнъ былъ также великъ, какъ эта березка!» [1]) Обычай творить омовеніе на разсвѣтѣ Иванова дня засвидѣтельствованъ Стогдавомъ: «егда нощь мимо ходитъ (читаемъ въ этомъ памятникѣ), тогда отходятъ къ рѣцѣ (вар. къ рощѣ) съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, (и) омываются водою» (вар. росою). Поселяне наши не только сами купаются на этотъ праздникъ — ради здравія тѣла, но съ тою-же цѣлію купаютъ и больныхъ лошадей. Роса, выпадающая въ купальскую ночь, въ высшей степени обладаетъ живительными и цѣлебными свойствами и сообщаетъ ихъ полевымъ цвѣтамъ и травамъ. Русины умываются этой росой, дабы отогнать отъ себя злые немощи и недуги; въ Литвѣ канунъ 24-го іюня даже называется праздникомъ росы [2]). По народному повѣрью, лѣкарственныя травы только тогда и оказываютъ дѣйствительную помощь, когда будутъ сорваны на Иванову ночь, или на утренней зорѣ Иванова дня — прежде, чѣмъ обсохнетъ на нихъ роса. Изстари и донынѣ ночь на Ивана Купала почитается лучшимъ въ году временемъ для сбора цѣлебныхъ травъ, цвѣтовъ и кореній (см. выше стр. 429, 629); сорванные тогда цвѣты и травы, называемые въ виленской губ. свято-янскимъ зельемъ, сохраняются въ семьяхъ, какъ нѣкая святыня; въ случаѣ надобности, ими окуриваютъ больныхъ, а

---

[1]) Сахаров., II, 39; Рус. прост. празд., IV, 34; Терещ., V, 54; Вѣст. Евр. 1818, XXI, 54; 1819, XIII, 42—45; Украин. Вѣстн. 1824, XII, 318—324; Рус. Сл. 1860, V, 37; Ганушъ, 187; Срп. рјечник, 215—6; Иличь, 156, 164—6; День 1864, 43. — [2]) Рус. прост. празд., IV, 37—38; Сахаров., 38—39, 101.

во время грозы ихъ бросаютъ въ затопленную печь, чтобы предохранить домъ и надворныя строенія отъ удара молніи [1]). Съ тою-же цѣлію чехи зарываютъ подъ порогомъ избы и затыкаютъ за стрѣхи сбереженные отъ Ивановскаго костра головни и уголья, или—какъ только начнется гроза—жгутъ на шесткѣ частицы купальскихъ вѣнковъ; сербы вѣшаютъ эти вѣнки подъ кровлями домовъ и въ хлѣвахъ, для защиты отъ злыхъ духовъ и вѣдьмъ, а болгары кладутъ ихъ въ кадильницу и окуриваютъ болящихъ [2]).

Въ половинѣ іюня полуденное солнце достигаетъ высочайшей точки на небѣ, дни становятся наиболѣе-продолжительными, и наступаетъ пора томительнаго зноя; на этой вершинѣ оно остается въ теченіи нѣсколькихъ дней, называемыхъ днями лѣтняго солнцестоянія, а затѣмъ, поворачивая на зимній путь, начинаетъ все ниже и ниже спускаться по небесной горѣ. У нашихъ поселянъ іюнь-мѣсяцъ слыветъ макушкою лѣта, а шведы соединяютъ съ нимъ названіе midsommar (средина лѣта; midsummersnight — Иванова ночь). Болгары увѣряютъ, что на Ивановъ праздникъ солнце пляшетъ, кружится и вертитъ саблями, т. е. разбрасываетъ яркіе, пламенные лучи; по выраженію русскаго народа, оно играетъ тогда, пляшетъ и мечется во всѣ стороны [3]). Въ Силезіи дѣвушки пекутъ къ этому дню пирожки, именуемые słończęta, и выходя на утренней зорѣ въ поле,

[1]) Рус. прост. праздн., IV, 31—33; Терещ., V, 73. 87; Сахаров., I, 43; II, 41; Украин. Журн. 1824, XII, 318—9; Вѣст. Р. Г. О. 1857, IV, 274; Вѣст. Евр. 1828, V—VI, 84—85; Рус. въ св. посл., IV, 32—33; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговск. намѣстничества, 31; Ч. О. И. и Д., годъ 1, IV, 60; Оп. Румян. Муз., 551: „въ Ивановскую нощъ... на травы парятся въ банѣхъ, и травы рвутъ и кореніе копаютъ“ (изъ сборника прошлаго столѣтія). — [2]) Каравел., 234; Beiträge zur D. Myth., II, 395.— [3]) Каравел., 234; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 107; 1857, IV, 274.

раскладываютъ ихъ на бѣломъ убрусѣ и причитываютъ: «g r a j, słońce, g r a j, tutaj są twoi słończęta!» [1]) Въ сербской пѣснѣ играющее солнце противополагается пасмурному, похмолому [2]). Лѣтнее солнцестояніе сербы и словенцы объясняютъ тѣмъ невольнымъ страхомъ, какой должно чувствовать это свѣтило — прежде, чѣмъ двинется въ далекое зимнее странствованіе: Ивановъ день (говорятъ они) — такой великой праздникъ, что «на њега сунце на небу трипут (троекратно) од страха стане» [3]). Когда наступали томительныя жары и грозили полямъ и нивамъ засухою, а стадамъ и людямъ зловредными испареніями (заразою),—индусы ведійской эпохи обращались съ мольбою къ Индрѣ, призывая этого всесильнаго бога сорвать съ небесной вершины солнечное колесо и погасить его палящіе лучи въ дождевыхъ потокахъ. Такимъ образомъ поворотъ солнца на зиму былъ признанъ за одинъ изъ благотворныхъ подвиговъ бога-громовника, и на Ивановскомъ празднествѣ сталъ обозначаться скатываніемъ съ горы въ воду обмазаннаго смолою и зажженнаго колеса: обрядъ, и донынѣ совершаемый славянами и нѣмцами (I, 208—212 [4]). У словенцевъ сохранилась слѣдующая любопытная пѣсня, которую поютъ при лѣтнемъ поворотѣ солнца:

Tužilo se žarko sunce
Sa vedra neba,
Tužilo se svetom Ivi
Na dan Ivanja,
Da ga vila dvorit neče
S hladjanom vodom [5]).
Al' govori sveti Ivo
Na dan Ivanja:

---

[1]) Ганушъ, 176. — [2]) Срп. н. пјесме, I, 486. — [3]) Срп. рјечник, 215; Гласник срп. друштва 1867, V, 104—5; Иличь, 166. — [4]) День 1864, 43. — [5]) Не хочетъ услужить ему (=омыть его) холодной водою.

«Stan de, sunce, do tri puta
Na dan Ivanja;
Dojt će tebi mlade dive
S hladjanom vodom,
S hladjanom će te vodom dvorit
Na dan Ivanja,
S vinci će ti zlatne kose
Lipo kititi.»

По болгарскому повѣрью, солнце на Ивановъ день не знаетъ предстоящей ему дороги, а потому является дѣва и ведетъ его по небу [1]). Эта дѣва — богиня Зоря, которая каждое утро умываетъ солнце росою и открываетъ путь его свѣтозарной колесницѣ, и которая (какъ мы знаемъ) постоянно отождествлялась съ богинею лѣтнихъ грозъ; словенская пѣсня замѣняетъ ее вилою (сравни преданія о солнцевыхъ дѣвахъ — I, 82—85). То дѣятельное участіе, какое приписывали богу-громовнику въ поворотѣ солнца, ярко отразилось во всѣхъ повѣрьяхъ и обрядахъ, относящихся къ этому времени. Иванова ночь исполнена чудеснаго и таинственнаго значенія: въ эту ночь источники и рѣки мгновенно превращаются въ чистое серебро и золото, папоротникъ разцвѣтаетъ огненнымъ цвѣтомъ, подземныя сокровища выходятъ наружу и загораются пламенемъ, деревья движутся и ведутъ между собой шумную бесѣду, вѣдьмы и нечистые духи собираются на лысой горѣ и предаются тамъ неистовому гульбищу [2]). Всѣ эти повѣрья возникли изъ древне поэтическихъ выраженій, какими народная фантазія живописала лѣтнія грозы. Призванный повернуть солнцево колесо и освѣжить удушливый воздухъ, Перунъ совершаетъ этотъ подвигъ во мракѣ ночи, т. е. облагаетъ небо тучами и превращаетъ ясный день въ непроглядную ночь; поэтому и самое празднованіе поворота солнца про-

---

[1]) Иличь, 162—3; Каревел., 234. — [2]) Рус. Бес. 1857, III, 117.

исходитъ въ ночное время. На потемнённомъ небѣ загораются молніи, или выражаясь метафорически: разцвѣтаютъ огненные цвѣты; облака и тучи, эти дожденосные источники и рѣки, озаряются блескомъ грозоваго пламени; бурные вихри потрясаютъ дубравы, въ шумѣ и трескѣ которыхъ слышатся человѣку невѣдомые голоса; удары грома разбиваютъ облачныя горы и открываютъ затаённое въ ихъ подземельяхъ золото солнечныхъ лучей; стихійные духи затягиваютъ дикія пѣсни и увлекаются въ быструю, бѣшеную пляску. Костры, разводимые на Иванову ночь, могли служить эмблемами не только знойнаго іюньскаго солнца, но и возжигаемаго Перуномъ грозоваго пламени; это доказывается: во 1-хъ тѣмъ, что угольямъ и головнямъ, взятымъ отъ купальскаго костра, приписывается сила и свойства громовой стрѣлки, и во 2-хъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи купальскій костеръ замѣняется кучею крапивы, каковая замѣна стоитъ въ несомнѣнной связи съ представленіемъ молніи жгучею травою. Словенцы, во время засухи, втыкаютъ въ заборъ Ивановскую головешку, съ увѣренностью, что она вызоветъ дождь [1]). Рядомъ съ скатываніемъ огненнаго колеса въ рѣку, топили въ ней и самаго Купала. Въ Малороссіи уцѣлѣлъ слѣдующій обрядъ: накапунѣ Иванова дня дѣлаютъ изъ соломы идола Купала — иногда величиной съ ребенка, а иногда въ настоящій ростъ человѣка, надѣваютъ на него женскую сорочку, плахту, монисты и вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Тогда-же срубаютъ дерево (преимущественно: черноклёнъ, вербу или тополь), обвѣшиваютъ его лентами и вѣнками и устанавливаютъ на избранномъ для игрища мѣстѣ. Дерево это называютъ Мареною; подъ нимъ ставятъ наряженную куклу, а подлѣ нея столъ съ разными закусками и горѣлкою. Затѣмъ зажигаютъ костёръ и начинаютъ прыгать черезъ него попарно (молодецъ

[1]) Иличь, 165.

съ дѣвицею), держа въ рукахъ купальскую куклу; игры и пѣсни продолжаются до разсвѣта. На другой день куклу и Марену приносятъ къ рѣкѣ, срываютъ съ нихъ украшенія и бросаютъ ту и другую въ воду. На праздникѣ возглашается обрядовая пѣсня:

Ходыли дивочки коло Мариночки,
Коло мого вудола Купала.
Гратеме сонечко на Йвана!
Купався Иванъ, та въ воду упавъ;
Купало на Йвана!

Чехи (около Эгера) ставятъ на возвышенномъ мѣстѣ вырубленную въ лѣсу смолистую ёлку или сосну, убранную вѣнками, цвѣтами и красными лентами; вокругъ нея накладываютъ и зажигаютъ вечеромъ кучу хворосту и другихъ горючихъ матеріаловъ, и какъ только вспыхнетъ пламя — парни бросаются къ Иванову дереву и лѣзутъ на него доставать вѣнки и ленты. Перунъ-оплодотворитель (Ярило) и Лада, богиня зори (=просвѣтленнаго солнца) и лѣтнихъ грозъ, принимали равное участіе въ жизни природы и чествовались нашими предками, какъ нераздѣльная божественная чета. Литовцы и летты, сходясь на купальское празднество, славили Ладу [1]) и приносили ей въ жертву бѣлаго пѣтуха; туже богиню призываютъ въ своихъ обрядовыхъ пѣсняхъ и карпаторуссы [2]). Возлѣ Купала, слившагося въ христіанскую эпоху съ Іоанномъ-крестителемъ, — въ нашихъ преданіяхъ выступаетъ Купальница, имя которой сдѣлалось эпитетомъ св.

---

[1]) Lada, Lada, dido musu deve!—Лада, Лада, великая наша богиня! — [2]) Вѣстн. Р. Г. О. 1857, IV, 271; Терещ., V, 56, 68, 73; Рус. прост. праздн., IV, 21; D. Myth., 569. По свидѣтельству автора „Абевеги русскихъ суевѣрій“ (стр. 2), ижорки (недалеко отъ Петербурга) собирались наканунѣ Иванова дня подъ старою липою, разводили огонь и при пляскахъ сожигали бѣлаго пѣтуха.

Аграфены, такъ какъ память этой послѣдней празднуется на 23-е іюня. Собственно-же Лада смѣнилась въ воззрѣніяхъ народа Пречистой Дѣвою Маріею, которую сербы называютъ огняна Марія, хорутане — svečna Marije, лужичане — svečkovnica. Въ Переяславлѣ Залѣсскомъ есть храмъ Пресв. Богородицы, именуемой мѣстными жителями Купальницею. Народныя причитанія и колядки приписываютъ Богородицѣ ниспосыланіе дождя и воздѣлываніе пашней. 24-го іюня, при восходѣ солнца, бѣлоруссы собираются у пылающихъ костровъ и смоляныхъ бочекъ и поютъ слѣдующую пѣсню:

Иванъ да Марья
На горѣ купалыся;
Гдзѣ Иванъ купався —
Берегъ колыхався,
Гдзѣ Марья купалась —
Трава расцилалась,

т. е. Перунъ и Лада купались въ дождевыхъ потокахъ, на небесной горѣ, при чемъ первый потрясалъ землю громовыми раскатами, а послѣдняя растила на поляхъ травы. Что̀ именно таково значеніе приведенныхъ стиховъ, это подтверждается другою купальскою пѣснею, въ которой разсказывается: какъ «въ озерѣ самъ Богъ купався съ дитками-судитками» (II, 477). День Аграфены купальницы посвящается собиранію лѣкарственныхъ травъ; изъ числа этихъ зелій особеннымъ уваженіемъ въ народѣ пользуются купаленка или купальница (trollius europaeus, желтоголовъ) и цвѣтокъ Иванъ да Марья (melampyrum nemorosum, нѣм. tag und nacht): крестьяне парятся на нихъ въ баняхъ, дабы смыть съ себя худобу̀ и болѣзни. Съ тѣми-же именами Ивана и Марьи соединяетъ купальская пѣсня и уборку хлѣба:

Ой! чіе то жито пидъ гору стояло?
Иванкове жито пидъ гору стояло,
Пидъ гору зелененько, по мисяцу видненько.

Молода Маричка ходить жито жати:
„Молодой Иванко! не вмію я жать“.
—Якъ я тебе визьму, жито жати научу! [1])

Случайное созвучіе имени Марія съ словомъ Марена (=Зима, Смерть) повело къ смѣшенію связанныхъ съ ними представленій; такая ошибка произошла тѣмъ легче, что, по требованію стародавняго культа, въ началѣ весны топили чучело Марены, а при лѣтнемъ поворотѣ солнца таже судьба постигала Ладу. Вотъ почему зеленое дерево, служившее эмблемою Лѣта, на Ивановомъ праздникѣ бросается въ воду и вмѣстѣ съ тѣмъ получаетъ названіе Марены. Хотя народъ и продолжаетъ по преданію совершать купальскіе обряды, но давнымъ-давно утратилъ живое ихъ пониманіе и постоянно смѣшиваетъ Купала съ Купальницею. Мы видѣли, что куклу, называемую Купалою, наряжаютъ въ женскіе уборы; въ харьковской же губ. кукла эта извѣстна подъ именемъ Марены [2]). У бѣлоруссовъ, съ разсвѣтомъ Иванова дня, крестьянки выбираютъ изъ своей среды самую красивую дѣвушку, обнажаютъ ее и опутываютъ съ ногъ до головы гирляндами изъ цвѣтовъ; затѣмъ отправляются въ лѣсъ, гдѣ Дзѣвко-Купало (такъ называютъ избранную дѣвушку) обязана раздавать своимъ подругамъ заранѣе-приготовленные вѣнки. Къ этой раздачѣ она приступаетъ съ завязанными глазами — въ то время, какъ вокругъ нея движется веселый дѣвичій хороводъ. Смотря по тому, какой вѣнокъ кому достанется, заключаютъ о своей будущей судьбѣ; свѣжій вѣнокъ сулитъ богатую и счастливую жизнь замужемъ, а вѣнокъ сухой, увядшій — бѣдность и несчастливый бракъ: «счастья-доли не бачить ей, жить у недо-

[1]) Сахаров., II, 36, 40, 85; Украин. Журн. 1824, XII, 318—324; Терещ., V, 74—83; VI, 194; Рус. прост. праздн., III, 11; IV, 30—33, 39—40, 49; Пассекъ, I, 100—9; День 1864, 43. — [2]) Археолог. Вѣстн. 1867, III, ст. Потебни, 97.

ли!» [1]) Наоборотъ, срубленное дерево принимается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за самаго Купалу: на Волыни и Подолѣ дѣвицы приносятъ убранную цвѣтами вербу, устанавливаютъ ее въ землю, и вокругъ этого дерева, называемаго Купайломъ, водятъ хороводъ и поютъ жалобныя пѣсни; между тѣмъ собираются парни, и выждавъ время, вступаютъ въ притворную борьбу съ хороводомъ, овладѣваютъ вербою и рвутъ ее на части [2]). Въ этомъ обрядѣ кроется мысль о начинающемся, послѣ лѣтняго поворота солнца, замираніи плодотворящихъ силъ природы; богиня-Солнце, пускаясь въ зимнюю дорогу, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе теряетъ свою царственную власть надъ міромъ: дни сокращаются, ночи увеличиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся природа близится къ старости и увяданію. Въ лѣтніе жары народъ призывалъ громовника погасить пламя солнечныхъ лучей въ разливѣ дождевыхъ потоковъ; но самое это погашеніе должно было напоминать древнему человѣку аналогическія представленія Ночи, съ приходомъ которой дневное свѣтило тонетъ въ волнахъ всемірнаго океана, Зимы, которая погружаетъ его въ море облаковъ и тумановъ, и наконецъ Смерти, которая гаситъ огонь жизни. Прибавимъ къ этому, что на пути въ загробный міръ усопшіе, по мнѣнію нашихъ предковъ, должны были переплывать глубокія воды. Мысль о замирающихъ силахъ природы особенно-наглядно выражается въ тѣхъ знаменательныхъ обрядахъ, которые еще недавно совершались на Всесвятской недѣлѣ или въ первое воскресенье послѣ Петрова дня, празднуемаго 29-го іюня, и были извѣстны въ нашемъ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады и Ярила. По всему вѣроятію, обряды эти принадлежали въ старину къ купальскимъ игрищамъ; но такъ-какъ по своему вакханальному

---

[1]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 13—15. — [2]) Рус. прост. праздн., IV, 30.

характеру они должны были вызывать постоянные протесты со стороны духовенства, находившаго подобное «безстудіе» несоотвѣтствующимъ святости поста и церковнаго праздника, то и были перемѣщены на другіе дни. Сверхъ того, съ именемъ апостола Петра суевѣрный народъ связывалъ свои старинныя представленія о богѣ-громовникѣ (II, 403); а потому и купальскія игрища легко могли пріурочиваться ко времени около Петрова дня. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вечеромъ наканунѣ 29-го іюня крестьяне зажигаютъ костры, а на утро слѣдующаго дня наблюдаютъ игру восходящаго солнца [1]). Похороны Костромы въ пензенской и симбирской губ. совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвицы избирали изъ среды себя одну, которая обязана была представлять Кострому; затѣмъ подходили къ ней съ поклонами, клали ее на доску и съ пѣснями несли къ рѣкѣ; тамъ начинали ее купать, при чемъ старшая изъ участвующихъ въ обрядѣ сгибала изъ лубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; напослѣдокъ возвращались въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка: Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна защищала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перевязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣшному горю, закрывая лица свои руками и какъ-бы оплакивая

---

[1]) Сахаров., II, 41; Рус. прост. праздн., IV, 66—67; Вѣст. Евр. 1821, III, 198—9.

смерть Костромы. Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ, и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово кострома означаетъ: прутъ, розгу и растущія во ржи сорныя травы; костра̀, кострецъ, костёръ, костера—трава метлица, костерь, костеря — жесткая кора растеній, годныхъ для пряжи, кострыка — крапива, кострубый (кострубатый) — шероховатый, въ переносномъ смыслѣ: придирчивый, задорный [1]). Напомнимъ, что прутъ, крапива, колючія и цѣпкія травы принимались за символы Перуновыхъ молній. Въ Малороссіи соломенная кукла, которую хоронили въ первый понедѣльникъ Петровки, называлась Кострубомъ, и обрядъ ея похоронъ сопровождался печальною пѣснею:

Померъ, померъ Кострубонько,
Сивый, милый голубонько!.. [2])

Подобный-же обрядъ въ саратовской губ. называется проводами Весны: 30-го іюня дѣлаютъ соломенную куклу, наряжаютъ ее въ кумачный сарафанъ, ожерелье и кокошникъ, носятъ по деревнѣ съ пѣснями, а потомъ раздѣваютъ и бросаютъ въ воду. Ярилово празднество отличалось тѣми же характеристическими чертами. Въ Воронежѣ толпы народа съ ранняго утра сходились на городской площади и съ общаго согласія опредѣляли: кому изъ присутствующихъ быть представителемъ Ярила; по разрѣшеніи этого важнаго вопроса, — избраннаго облекали въ пестрое, разноцвѣтное платье, убирали

---

[1]) Обл. Сл., 91; Доп. обл. сл., 90; Географ. извѣст. за 1850 г., II, ст. Кавелин., 9; Старосв. Банд., 372; Толк. Слов., I, 783. Въ саратовской губ. костромою называется куча соломы, сожигаемая подъ Новый годъ—Терещ., VII, 116. — [2]) О Кострубѣ, по словамъ О. Миллера, есть въ Малороссіи пѣсни съ неудобными для печати подробностями—Ж. М. Н. П. 1867, стат. 2-я, 637.

цвѣтами и лентами, навѣшивали на него колокольчики и бубенчики, на̀ голову надѣвали ему раскрашенный бумажный колпакъ съ пѣтушьими перьями, а въ руки давали колотушку, которая изстари принималась за эмблему громовой палицы (I, 441—3). Шествіе Ярила возвѣщалось барабаннымъ боемъ: обходя площадь, онъ пѣлъ, плясалъ и кривлялся, а слѣдомъ за нимъ двигалась шумная толпа. Народъ предавался полному разгулу, и послѣ разныхъ игръ, сопровождаемыхъ пѣснями, музыкой и плясками, раздѣлялся на двѣ стороны и начиналъ кулачный бой — стѣна на̀ стѣну. Въ Костромѣ горожане сходились на площадь, избирали старика, одѣвали его въ рубище и вручали ему небольшой гробъ съ куклою, которая изображала Ярила и нарочито дѣлалась съ огромнымъ дѣтороднымъ удомъ. Затѣмъ отправлялись за̀ городъ; старикъ нёсъ гробъ, а вокругъ него шли женщины, причитывали нараспѣвъ похоронныя жалобницы и жестами своими старались выразить скорбь и отчаянье. Въ полѣ вырывали могилу, хоронили въ ней куклу съ плачемъ и воемъ, и тòтчасъ-же начинали игры и пляски, напоминавшія языческую тризну. Въ Малороссіи соломенное чучело Ярила приготовлялось со всѣми естественными принадлежностями мужскаго пола; куклу эту клали въ гробъ и по захожденіи солнца выносили на улицу. Пьяныя бабы подходили къ гробу, плакали и печально повторяли: «померъ онъ, померъ!» Мущины подымали и трясли куклу, какъ-бы стараясь разбудить усопшаго Ярила, и потомъ замѣчали: «эге, баба не бреше! вона знае, що јій солодче меду.» Бабы продолжали горевать и причитывать: «якій же винъ бувъ хорошій!.. Не встане винъ бильше! о якъ-же намъ разставатися съ тобою? и що за жизнь, коли нема тебе? Приподнимись хоть на часочикъ! но винъ не встае и не встане...» Когда Ярило былъ уже достаточно ублаженъ и оплаканъ, куклу его зары-

вали въ могилу [1]). Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ видятъ въ именахъ Купала, Ярила, Костромы только названія лѣтнихъ праздниковъ, и ничего болѣе. Но если принять въ соображеніе, что фантазія младенческихъ народовъ любила свои представленія облекать въ живые, пластическіе образы, что это было существенное свойство ихъ мышленія и міросозерцанія, что самыя времена года казались уму древняго человѣка не отвлеченными понятіями, а дѣйствительными божествами, посѣщающими въ извѣстную пору дольній міръ и творящими въ немъ тѣ перемѣны, какія замѣчаются въ жизни, цвѣтеніи и замираніи природы; то несостоятельность вышеуказаннаго мнѣнія обнаружится сама собою. Изъ приведеннаго нами описанія праздничныхъ обрядовъ очевидно, что народъ еще недавно представлялъ Купала и Ярила, какъ существа живыя, человѣко-подобныя, и въ этомъ нельзя не признать отголоска глубочайшей древности, когда поэтическое чувство господствовало надъ мыслію человѣка.

Послѣ Иванова дня поселянинъ начинаетъ слѣдить за тѣми знаменіями, которыя пророчатъ ему о грядущей смѣнѣ лѣта зимою. Къ концу іюня замолкаютъ кукушка, соловей и другія пѣвчія птицы; такъ какъ это случается около того времени, когда въ поляхъ колосится хлѣбъ, то о замолкшей кукушкѣ крестьяне выражаются, что она подавилась житнымъ колосомъ; малоруссы говорятъ: «соловейко вдавився ячминнимъ колоскомъ, а зозуля мандрикою» [2]). Съ сентября начинается отлетъ птицъ въ теплыя страны или вирій; о ласточкахъ разсказываютъ, что въ первый день этого мѣсяца онѣ прячутся въ колодцы, т. е. улетаютъ въ рай (=царство вѣчнаго лѣта), лежащій по ту сторону облачныхъ источ-

---

[1]) Сахаров., II, 42, 91—93; Терещ., V, 100—4; Рус. прост. празд., I, 234; IV, 51—65; Рус. Бес. 1856, III, 105; Труды владим. стат. ком. 1867, VII, 29. — [2]) Мандрики—ватрушки, которыя пекутся къ Петрову дню.

никовъ. Въ тотъ-же день крестьянки хоронятъ мухъ и тараканов въ гробахъ, сдѣланныхъ изъ свекловицы, рѣпы или моркови, чѣмъ символически обозначается оцѣпенѣніе этихъ насѣкомыхъ на все время зимы. 14-го сентября змѣи уползаютъ въ вирій, или-же собираются въ ямахъ, свертываются въ клубки и засыпаютъ зимнимъ сномъ [1]). Мало по малу увеличиваются холода, трава увядаетъ, съ деревьевъ опадаютъ листья, и наконецъ является суровая Зима, налагаетъ на весь міръ свои оковы, стелетъ по водамъ ледяные мосты, землю одѣваетъ въ бѣлоснѣжный саванъ и выпускаетъ изъ адскихъ подземелій вереницы вьюгъ, мятелей и морозовъ.

Если съ поворотомъ солнца на̀ зиму соединялась мысль о замираніи творческихъ, плодотворящихъ силъ природы, то съ поворотомъ этого свѣтила на лѣто необходимо должна была соединяться мысль о ихъ возрожденіи, на что́ и указываютъ обряды донынѣ-совершаемые во время Рождественскихъ Святокъ — на такъ называемомъ праздникѣ Коляды. Коля(е)-да, пол. kolęda = латин. calendae — собственно: первое въ каждомъ мѣсяцѣ число, по которому велся счетъ и предшествующимъ ему днямъ съ половины или точнѣе—послѣ идъ предыдущаго мѣсяца; впослѣдствіи слово это стало попреимуществу употребляться для обозначенія январскихъ календъ (съ 14 декабря по 1 января включительно), какъ исходнаго пункта, съ котораго начинается годъ, и затѣмъ уже въ средніе вѣка перешло въ названіе святочныхъ игрищъ: фран. chalendes, прован. calendas, нижненѣм. kaland. Къ намъ оно проникло изъ Византіи, вмѣстѣ съ отреченными книгами, и согласно съ звуковыми законами славянскаго языка измѣнилось въ коляду. Никифоръ Омологета, жившій въ IX вѣкѣ, въ опроверженіи своемъ ложвыхъ писаній говоритъ, что не должно

---

[1]) Послов. Даля, 988, 995—6; Номис., 282; Сахаров, II, 50—52; Кіев. Г. В. 1850, 22.

держать у себя βροντολόγια и καλανδολόγια (въ древне-славянскомъ переводѣ: громниковъ и колядниковъ—см. стр. 607 [1]). Кормчая книга по списку 1282 года, приводя правило запрещающее колядскіе обряды, присоединяетъ такое толкованіе: «каланди соуть пьрвіи въ коемьждо мѣсяци дньѐ, «въ нихъ-же обычай бѣ елиномъ творити жертвы, и въ таже «евроуманія елиньстіи бѣаху праздньници; вроумъ бо пореклъ «есть Діонисово, и иная вься яже соуть идольская прельсти «и соуетьства отмещюще святіи отъ вѣрныхъ житія, возбраняють крестьяномъ таковая творити... и не повелѣваютъ «моужемъ облачатися въ женьскыя ризы, ни женамъ въ «моужьскыя, еже творять на праздьникы Діонисовы пляшюще, «ни лиць же косматыхъ възлагати на ся, ни козлихъ, ни са «тоурьскыхъ... яже нынѣ творять селяне, не вѣдоуще что «творять» [2]). На тождество рус. коляды съ латин. calendae указалъ еще Яковъ Гриммъ [3]), и нельзя не удивляться, что изслѣдователи наши какъ-будто не замѣтили этого простаго объясненія и постоянно придумывали свои собственныя производства, основанныя на безплодной игрѣ созвучій [4]). Когда наступали самые короткіе дни и самыя длинныя ночи въ году, древній человѣкъ думалъ, что Зима побѣдила солнце, что оно одряхлѣло, утратило свою лучезарность и гото-

---

[1]) Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, 29—32; Рус. прост. празд., II, 5. — [2]) Ист. Христом. Бусл., 382—3. — [3]) D. Myth., 594. — [4]) Г. Гедеоновъ сближаетъ коляду съ греч. καλὴ ᾠδὴ — Зап. Имп. Ак. Н. 1862, II, кн. 2, 173; Дм. Щепкинъ видитъ въ этомъ словѣ кол-ѣдъ (вокругъ ѣдущій) или кол-ѣда (круговая яства)—Об источн. и формахъ рус. баснословія, II, 64; г. Безсоновъ подозрѣваетъ здѣсь колоду (зажженный пень)—Калѣки Пер., IV, 46, г. Костомаровъ производитъ коляду отъ слова коло (колесо)—Слав. миѳ., 99; г. Соловьевъ указываетъ на сложныя: коло Лада, ко-Ладу—Архивъ ист.-юрид. свѣд., I, 29, и такъ дал.

вится умереть, т. е. погаснуть. Но торжество злыхъ силъ продолжается не далѣе 12-го декабря—день, въ который солнце поворачиваетъ на лѣто и который поэтому слыветъ въ народѣ поворотомъ, поворотникомъ и солоноворотомъ [1]). Какъ на Ивана Купала Солнце, по русскому повѣрью, выѣзжаетъ въ колесницѣ на серебреномъ, золотомъ и алмазномъ коняхъ, такъ и теперь наряженное въ праздничный сарафанъ и кокошникъ — оно садится въ телѣгу и направляетъ своихъ коней на лѣтнюю дорогу [2]). Народъ сочеталъ съ этой древней богинею имя Коляды, и прославляя въ обрядовой пѣснѣ выѣздъ Солнца на лѣто, употребляетъ слѣдующее выраженіе: «Ѣхала Коляда въ малеваномъ возочку, на вороненькомъ конечку» [3]). Въ прежніе годы существовалъ даже обычай возить Коляду, которую представляла нарочно-избранная дѣвушка, одѣтая въ бѣлую сорочку [4]). Отсюда становится понятнымъ, почему составители старинныхъ хроникъ причисляли Коляду къ сонму языческихъ боговъ и въ обрядахъ колядскаго праздника усматривали слѣды идолослуженія. Послѣ зимняго поворота, солнце мало по малу начинаетъ брать верхъ надъ демонами мрака: по

---

[1]) Въ Иллюстраціи 1847 года (стр. 253—4) напечатано преданіе, будто бы въ XVI—XVII стол. звонарный староста московскаго Успенскаго собора два раза въ году обязанъ былъ являться предъ царскія очи: 12-го декабря—съ докладомъ, что „отселѣ возвратъ солнцу съ зимы на лѣто, день прибываетъ, а нощь умаляется“, и за такую радостную вѣсть государь жаловалъ ему 24 серебреныхъ рубля; 12-же іюня—съ докладомъ, что „отселѣ возвратъ солнцу съ лѣта на зиму, день умаляется, а нощь прибываетъ“, и за эту печальную вѣсть старосту запирали на 24 часа въ темную палатку на Ивановской колокольнѣ. Преданіе это не подтверждается ни дворцовыми расходными книгами, въ которыя записывалась всякая царская награда, ни другими письменными свидѣтельствами того времени. — [2]) Сахаров., II, 68—69. — [3]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 98. — [4]) Сахаров., II, 69.

народному выраженію, день къ Новому году прибавляется на куриный шагъ или на гусиную лапку [1]), а въ началѣ февраля лучи солнечные уже «нагрѣваютъ у коровы одинъ бокъ», почему крестьяне и называютъ февраль-мѣсяцъ бокогрѣемъ [2]). Въ этомъ переходѣ отъ постепенной утраты къ постепенному возрастанію свѣтоносной силы солнца предки наши видѣли его возрожденіе или воскресеніе (=возженіе солнцева свѣтильника—I, 187-8) и въ честь столь радостнаго событія, совершавшагося на небѣ, зажигали по городамъ и селамъ костры. Такъ какъ около того-же времени христіанскія правила установили праздновать Рождество Спасителя, называемаго въ церковныхъ пѣсняхъ «праведнымъ солнцемъ, пришедшимъ съ востока» [3]), то древле-языческій праздникъ рождающемуся солнцу и былъ пріуроченъ къ Рождественскимъ Сваткамъ; по мнѣнію народа, высказанному въ его обрядовой пѣснѣ, Коляда нарождается наканунѣ Рождества [4]). Къ этому необходимо добавить, что, вмѣстѣ съ перенесеніемъ новолѣтія на 1-е января, мысль о нарождающемся новомъ годѣ весьма удачно совпала съ стариннымъ миѳомъ о рожденіи солнца, движеніемъ и поворотами котораго опредѣляется обычная смѣна временъ. Замѣтимъ, что еще у римлянъ праздникъ natales solis invicti совершался въ январскія календы [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи удержалось обыкновеніе раскладывать по берегамъ рѣкъ костры — въ ночь на 12-е декабря; вообще-же паленію костровъ посвящаютъ у насъ ночи на Рождество Христово, на Новый годъ и Крещеніе. Во время

---

[1]) Послов. Даля, 970, 1002; Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 100; Weihnachten in Schleswig-Holstein, Гандельманна, 35. — [2]) Сахаров., II, 8—9; Рус. въ св. послов., IV, 24. — [3]) На родинахъ, ставя на столъ кашу, поютъ тропарь: „Радуйся, благодатная Богородице Дѣво! изъ тебе бо изыде солнце правды—Христосъ, Богъ нашъ". — [4]) Терещ., VII, 57; Маякъ, VIII, 63. — [5]) Ж. М. Н. П. 1838, т. XX, 340. Пропилеи, IV, 137.

Рождественской заутрени почти по всѣмъ городамъ и селамъ жгутъ у церквей смоляныя бочки. На Украйнѣ, начиная съ 25-го декабря, крестьяне цѣлую недѣлю не выкидываютъ изъ избы сора, а тщательно собираютъ его въ одну кучу; на Новый же годъ, передъ самымъ восходомъ солнца, выносятъ соръ въ садъ и зажигаютъ — съ твердою увѣренностью, что оживленныя дѣйствіемъ этого огня деревья принесутъ на будущее лѣто обильные и вкусные плоды. Нѣкоторые хозяева собираютъ соръ въ продолженіи цѣлаго года и зажигаютъ его на дворѣ или въ саду наканунѣ Рождества Христова [1]. У сербовъ, кроатовъ и далматинцевъ канунъ Рождества называется б а д њ и д а н (бадній день) отъ слова б а д њ а к [2], означающаго сырую дубовую колоду, сожигаемую въ это время на домашнемъ очагѣ, а самое Рождество — Б о ж и ћ (сынъ божій, новорожденный божественный младенецъ). На бадній день сербъ-домохозяинъ (домаћин) отправляется въ лѣсъ, пріискиваетъ молодой дубъ, вырубаетъ изъ него колоду и привозитъ ее на свой дворъ; въ Герцеговинѣ для этой перевозки употребляютъ шесть или восемь воловъ. Какъ только смеркнется, хозяинъ вноситъ колоду въ избу, и обращаясь къ домочадцамъ, привѣтствуетъ ихъ: «добар вече [3] и честит [4] вам бадњи дан!» Ему отвѣчаютъ: «дао ти Бог добро сретњи и честити! [5] Принесенную колоду о б м а з ы в а ю т ъ по краямъ м е д о м ъ, п о с ы-

[1] Молодикъ 1844, 101. — [2] Г. Потебня производитъ баднякъ отъ снкр. badh—бить (слав. бодать, литов. badyti; сравни колоть и колода)—Ч. О. И. и Д. 1865, II, 1; а г. Лавровскій (ibidem 1866 г., II, 15), оспаривая это производство, указываетъ на др.-славин. корень бъд (бъд-ѣти, боудити) и соединяетъ со словомъ баднякъ понятіе пробужденія, бодрствованія: въ исходѣ декабря солнце пробуждалось отъ зимняго сна=загоралось новымъ пламенемъ и выступало на лѣтнюю дорогу. — [3] Вечеръ. — [4] Счастливый. — [5] Въ Черногоріи принято отвѣчать: „и с тобом заедно сречно и честито!“

паютъ зерновымъ хлѣбомъ и кладутъ въ печь на горячія уголья. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, кромѣ большаго бадняка, возлагаютъ на огнище еще пять мéньшихъ, называемыхъ бадњачица или блажена палица. Вслѣдъ затѣмъ хозяйка устилаетъ полъ соломою и разбрасываетъ по ней орѣхи. Послѣ ужина поютъ и веселятся, а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня стрѣляютъ изъ ружей. Первый гость, который войдетъ въ избу на Рождественскій праздникъ, называется положайникомъ или полазникомъ; ему приписываютъ и всѣ радости, и всѣ бѣды, какія выпадаютъ на долю хозяевъ и ихъ семьи въ теченіи цѣлаго года. Поэтому всякій домаћин заранѣе избираетъ себѣ въ положайники такого знакомаго, о которомъ думаетъ, что онъ навѣрно принесетъ ему счастіе; слѣдуя обще-принятому обычаю, никто другой и не является на первый день праздника. При входѣ въ избу, положайникъ бросаетъ горсть хлѣбныхъ зеренъ и произноситъ: «Христос се роди!» а кто-нибудь изъ домашнихъ отвѣчаетъ: «ва истину роди!» и осыпаетъ его самого житомъ. Послѣ этого положайникъ приближается къ огнищу, и ударяя кочергой по горящему бадняку—такъ, что искры сыплются во всѣ стороны, причитываетъ: «оволико говеда, оволико коња, оволико коза, оволико оваца, оволико крмака, оволико кошница, оволико среће и напретка!» (см. II, 42.) Передъ обѣдомъ всѣ присутствующіе берутъ въ руки по зажженной восковой свѣчѣ, молятся Богу и цѣлуютъ другъ друга—со словами: «мир божји! Христос се роди, ва истину роди, поклањамо се Христу и Христову рожанству.» По окончаніи молитвы и взаимныхъ привѣтствій, свѣчи передаются домохозяину, который соединяетъ ихъ въ одинъ пукъ и ставитъ въ чашку, наполненную разнаго рода хлѣбными зернами; немного погодя онъ гаситъ ихъ въ этихъ зернахъ, опуская зажженными концами внизъ. Кромѣ другихъ яствъ, для рождественской трапезы необходимы медъ и

чесница, т. е. прѣсный пшеничный хлѣбъ съ запеченною въ немъ серебреною или золотою монетою. Когда усядутся за столъ, домаћин разламываетъ чесницу и раздаетъ всѣмъ по куску; тотъ, кому достанется кусокъ съ монетою, будетъ «најсретнији оне године». Баднякъ, по мнѣнію сербовъ, обладаетъ цѣлительной и плодородящей силою: уголья и зола его употребляются, какъ лѣкарство противъ болѣзней рогатаго скота и лошадей; тлѣющей головней его окуриваютъ улья, и потомъ, когда она погаснетъ — относятъ ее въ садъ и ставятъ на молодую сливу или яблоню: такъ поступаютъ для того, чтобы будущій годъ былъ изобиленъ на медъ и садовые плоды. Туже производительную силу сербы соединяютъ и съ божитными сѣменами, и съ божитною соломою; сѣменами этими они закармливаютъ куръ, чтобы не было недостатка въ яйцахъ, а солому относятъ на нивы, «да би боље родиле» [1]). Въ Черногоріи на бадній день каждая семья приготовляетъ толстое дубовое бревно, обвитое лавровыми вѣтвями. По закатѣ солнца вносятъ бревно въ избу, посыпаютъ его пшеницею и причитываютъ: «я тебя пшеницею, а ты меня мужскими главами (т. е. даруй мнѣ потомство), скотиною, хлѣбомъ и всякимъ счастіемъ!» Затѣмъ старѣйшина, вмѣстѣ съ домочадцами, кладетъ бревно на очагъ и зажигаетъ съ обоихъ концевъ, а когда оно разгорится — льетъ на него вино и масло и бросаетъ въ огонь горсть муки и соли. Отъ священнаго пламени очага онъ затепливаетъ восковыя свѣчи и лампаду передъ иконами, и сотворивъ молитву о благоденствіи своей семьи и всѣхъ православныхъ христіанъ, беретъ чашу вина, отвѣдываетъ немного и передаетъ старшему сыну; этотъ въ свою очередь долженъ передать ее слѣдующему родичу, и такъ да-

---

[1]) Срп. рјечник, 11–12, 34–35, 533, 822–3; Терещ., VII, 19–27; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 2–4; Гласник срп. друштва 1867, V, 122; Иличь, 95.

лѣе, пока круговая чаша ни обойдетъ всѣхъ мущинъ и женщинъ. Но каждый, взявши чашу, прежде-нежели отопьетъ изъ нея, плещетъ виномъ на баднякъ съ такимъ привѣтомъ: «будь здравъ, бадняче-веселяче, съ великомъ и добромъ сречомъ у кучу улега!» По окончаніи описанныхъ обрядовъ, дѣлаютъ нѣсколько залповъ изъ ружей и приступаютъ къ вечерней трапезѣ, при чемъ столъ бываетъ устланъ соломою, по срединѣ стола лежатъ одинъ на другомъ три хлѣба, а надъ верхнимъ хлѣбомъ красуется воткнутая въ него лавровая вѣтка съ апельсиномъ или яблокомъ. Баднякъ остается въ печи и тлѣетъ тамъ до Новаго года; во все это время праздничныя яства не снимаются со стола и всегда готовы на угощеніе друзей, знакомыхъ и странниковъ. Всякой гость входя на Рождественскіе Святки въ избу, подвигаетъ баднякъ къ задней сторонѣ печи, и какъ только посыплются искры, высказываетъ доброе пожеланіе: «да будетъ у хозяина столько-же дѣтей, коровъ, овецъ или денегъ, сколько выпало искръ!» [1]) У болгаръ канунъ Рождества—бждни вечеръ, и сопровождается слѣдующими обрядами. Глава семейства, жена его и дѣти выходятъ на дворъ съ зажженными лучинами въ рукахъ, отправляются къ мѣсту, отведенному для рубки дровъ, и выбираютъ толстое, длинное и сырое дубовое полѣно. Когда оно будетъ найдено, домовладыка снимаетъ шапку и съ благоговѣніемъ произноситъ: «помози, Боже и ти Коледо, да поживѣемъ и до друга година!» Потомъ, взваливъ дубовое полѣно на плечо, возвращается въ избу, кладетъ его въ печь и разводитъ огонь; приступая къ очагу, онъ возглашаетъ молитву и обращается къ присутствующимъ со словами: «Христосъ са роди!»—Истино са роди! отвѣчаютъ ему домочадцы и цѣлуются другъ съ другомъ. Это возженное наканунѣ Рождества полѣно называет-

[1]) Записки морск. офицера, соч. Броневскаго, I, 258—9; Путешествіе въ Черногорію А. Попова, 223—4.

ся б ж д н и к ъ; оно должно медленно и постоянно горѣть во все продолженіе Святокъ — до самаго Крещенія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи 24-го декабря тушатъ во всей деревнѣ старый огонь, и въ замѣнъ его вытираютъ изъ сухаго дерева новый—б о ж і й или с в я т о й о г н е ц ъ, которымъ и возжигаютъ домашніе очаги [1]). Когда баднякъ загорится, домовладыка подымаетъ его и ударяетъ имъ нѣсколько разъ, пригоаривая: «за плодъ и здраве!» Искры, которыя посыплются отъ перваго удара, знаменуютъ приплодъ лошадей, искры отъ втораго и третьяго ударовъ — приплодъ коровъ и овецъ, и такъ далѣе. На разведенномъ огнѣ пекутъ прѣсный хлѣбъ, съ золотой или серебреною монетою внутри, называемый б о г о в и ц а (=серб. ч е с н и ц а); по полу разбрасываютъ солому, грецкіе орѣхи и пшеницу; къ ужину приготовляютъ вино, медъ и разные плоды: яблоки, сливы, сухіе персики, изюмъ, виноградъ, стручки и орѣхи. Какъ скоро столъ будетъ накрытъ и уставленъ яствами и напитками, глава семейства беретъ кадильницу, читаетъ молитву и кадитъ по избѣ ладономъ; послѣ того садятся за ужинъ, но съѣдаютъ не все, а часть меда и фруктовъ откладываютъ въ особую миску, ставятъ подъ образа и сберегаютъ на случай болѣзней, какъ самое надёжное лѣкарство. Набожные люди, вѣрные завѣтамъ старины, стараются не спать на Рождественскую ночь; сидя возлѣ очага, они заботливо наблюдаютъ, чтобы какъ-нибудь не погасло священное пламя. Пепелъ, остающійся отъ бадняка, частію употребляютъ на лѣченіе домашней скотины, а частію разсыпаютъ по нивамъ, пастбищамъ и виноградникамъ — съ твердымъ убѣжденіемъ, что это способствуетъ хорошему урожаю; ту часть бадняка, которая не успѣваетъ сгорѣть ко дню Крещенія, зарываютъ въ землю — посреди виноградника, или

---

[1]) Подобный обрядъ совершается на Руси наканунѣ 1-го сентября (Терещ., V, 145; Сахаров., II, 52) — вѣроятно потому, что

хранятъ въ дому до слѣдующаго Рождественскаго сочельника и тогда разводятъ ею «новый огонь» [1]). У германскихъ племенъ серба-болгарскому бадняку соотвѣтствуютъ weihnachtsblock, julblock, о которыхъ упоминаютъ писатели XII-го вѣка; во Франціи еще донынѣ чествуется souche de noël [2]); въ Марсели зажигаютъ calendeau или caligneau—большой дубовый обрубокъ, опрыскивая его виномъ и масломъ: обрядъ возженія совершается старѣйшимъ представителемъ семьи; летты канунъ Рождества Христова называютъ blukku wakkars — вечеръ чурбана, ибо тогда приносится и возжигается чурбанъ (blukkis). Подобный-же обрядъ въ Швеціи и Норвегіи пріуроченъ ко дню Крещенія: раннимъ утромъ хозяйка затапливаетъ печь; передъ устьемъ очага собираются домочадцы, становятся въ полукругъ и преклоняютъ колѣна; затѣмъ они вкушаютъ приготовленныя печенья и напитки, и часть отъ тѣхъ и другихъ бросаютъ и льютъ въ разведенное пламя [3]).

По древне-арійскому представленію, всякой разъ, когда облачные демоны погасятъ (=омрачатъ) дневное свѣтило,—тòтчасъ-же выступаетъ богъ-громовникъ, буравитъ своею палицей дерево-тучу, добываетъ изъ него живое пламя грозы и снова зажигаетъ солнцево колесо. Тожѐ представленіе прилагалось и къ зимнему повороту солнца: если съ этого времени оно начинаетъ возрождаться=пріобрѣтать все бòльшую и бòльшую свѣтоносную силу, то именно потому, что благотворный Перунъ возжёгъ его новымъ, чистѣйшимъ пламенемъ. Такъ думали наши предки, и подъ вліяніемъ означенной мысли декабрь, какъ мѣсяцъ поворота и возженія солнцева коле-

---

въ допетровское время съ этого числа начинался у насъ новый годъ. — [1]) Каравел., 276—8; Москов. Газета 1866 года: „Святки у болгаръ". — [2]) Souche — пень, вырытый съ корнемъ; noël—dies natalis. — [3]) D. Myth., 593—5.

са, былъ названъ именемъ коло-жега (=julfeuer [1]). Этотъ творческій подвигъ, совершаемый Перуномъ на радость всѣмъ людямъ на небѣ, чествуется на землѣ въ символическомъ обрядѣ возженія бадняка. Суровое время года, въ которое происходитъ поворотъ солнца на лѣто, помѣшало колядскому празднику развиться до общиннаго, публичнаго значенія и удержало за нимъ чисто-семейный характеръ. Морозы, вьюги и мятели гонятъ человѣка подъ домашній кровъ, заключаютъ его въ тѣсныхъ предѣлахъ избы, и вмѣстѣ съ этимъ необходимо ограничиваютъ кругъ его интересовъ и обязанностей. Вотъ почему возженіе бадняка совершается не всенародно, не подъ открытымъ небомъ, а въ стѣнахъ избы — на родовомъ очагѣ, который изстари признавался святынею = жертвенникомъ и обиталищемъ дружелюбнаго Агни. Баднякъ приготовляется изъ дубоваго дерева: какъ извѣстно, дубъ былъ посвященъ Перуну и до сихъ поръ «живой огонь» по преимуществу добывается изъ этого дерева. Тому же богу были посвящены и орѣхи, а потому разбрасываніе ихъ по избѣ указываетъ на культъ громовника; чехи молятъ въ обрядовой пѣснѣ: «koleda, koleda! Dědku, dej oříšku k snědku» [2]). Масло и вино, которыми поливаютъ баднякъ, и хлѣбныя зёрна, которыми его осыпаютъ, служатъ знаменіями дождя, приносимаго грозовой тучей, осѣменяющаго землю и дарующаго ей плодородіе. Очевидно, что старый баднякъ и младой Божичъ, прославляемые въ сербскихъ пѣсняхъ [3]), скрываютъ подъ своими именами Дѣда-Перуна, возжигателя небеснаго пламени, и просвѣтленное этимъ

---

[1]) Въ сѣверныхъ рунахъ зимній поворотъ солнца обозначался изображеніемъ колеса. Въ Шлезвигѣ наканунѣ Рождества Христова крестьяне катятъ въ деревню колесо: это называется Weihnachten hineintrüdeln (Гандельманнъ: Weihnachten in Schleswig-Holstein, 36). — [2]) Ганушъ, 21. — [3]) Срп. н. пjесме, I, 115—6.

пламенемъ Солнце. Согласно съ уподобленіемъ солнечнаго свѣта золоту, сербы причитываютъ наканунѣ Рождества:

Божиħ, Божиħ бата
На обоја врата,
Носи киту злата,
Да позлати врата, [1])

т. е. новорожденное Солнце стучится въ небесныя врата, и отверзая ихъ, позлащаетъ востокъ блескомъ утренней зори. У русскихъ и чеховъ уцѣлѣла старинная святочная игра, основную мысль которой составляетъ: исканіе золотаго кольца = солнца, сокрытаго змѣемъ Вритрою во мракѣ зимнихъ облаковъ и тумановъ (II, 368). Всѣ участвующіе въ игрѣ садятся въ кружокъ, и передавая тайкомъ изъ рукъ въ руки золотое кольцо, запѣваютъ хоромъ:

И я золото хороню-хороню,
Чисто сѣребро хороню-хороню.
Гадай, гадай, дѣвица,
Отгадывай, красная,
Въ коей рукѣ былица—
Змѣиная крылица?
Наше золото пропало,
Оно порохомъ запало,
Призаиндѣвѣло, призаплеснѣвѣло...

Пока продолжается пѣсня, одна изъ дѣвицъ ходитъ въ срединѣ круга и старается угадать: у кого находится кольцо; если угадаетъ, то присоединяется къ подругамъ, а на смѣну ей искательницей золота выступаетъ другая дѣвица, и законченная игра начинается сызнова [2]). Всѣ вечера, начиная съ 24-го

[1]) Ibid., 117. — [2]) Сахаров., I, 15; Терещ., VII, 177 — 180; Ганушъ, 11; Чешск. пѣсни Эрбена, 96. Такъ какъ кольцо было эмблемой супружеской связи, и такъ какъ весна (съ наступленіемъ которой золотое кольцо-солнце открывается изъ-за снѣжныхъ облаковъ) была временемъ брачнаго союза между Небомъ и Землею, то отсюда возникло слѣдующее гаданіе: дѣвицы приносятъ блюдо

декабря по день Крещенія, называются у насъ святыми (нѣм. Weih-nachten). По мнѣнію поселянъ, въ эти святые вечера нисходитъ съ неба и странствуетъ по землѣ новорожденный Богъ, и потому всякая работа считается тогда за великій грѣхъ [1]). Явленіе божества сопровождается чудесными знаменіями. Въ полночь наканунѣ Рождества и Крещенія отверзаются небесныя врата; пресвѣтлый рай, въ которомъ обитаетъ Солнце, открываетъ свои сокровища; воды въ рѣкахъ и источникахъ оживаютъ (приходятъ въ движеніе, волнуются), претворяются въ вино и получаютъ цѣлебную силу (I, 778; II, 188); на деревьяхъ распускаются цвѣты и зрѣютъ золотыя яблоки. Въ этотъ таинственный часъ божество разсыпаетъ щедрые, богатые дары на весь міръ: о чемъ помолишься отверстому небу, то и сбудется. Чтобы узрѣть, какъ будетъ отворяться небо, сербы выходятъ на богоявленскую ночь въ поле и остаются тамъ до самаго разсвѣта [2]). У лужичанъ наканунѣ Рож-

---

снѣгу, бросаютъ въ него кольцо и поручаютъ кому-нибудь раздѣлить между ними снѣгъ; въ чьей долѣ окажется кольцо, та въ теченіи года непремѣнно будетъ замужемъ—Херсон. Г. В. 1846, 4. Одна изъ святочныхъ подблюдныхъ пѣсень (Сахаров., I, 13) гласитъ: лѣнилась красная дѣвица

Часто по воду ходить;
Она таяла снѣгъ
На печномъ столбу,
Она вытаила
Золотъ перстень.
Да кому персткемъ обручатися?
Обручатися отроку съ отрочицею,
Еще молодцу со дѣвицею.

Пѣсня эта предвѣщаетъ скорую свадьбу. — [1]) Цебриков., 289.— [2]) Терещ., VII, 42; Послов. Даля, 971; Ч. О. И. и Д. 1865, II, 65; Москов. Газета 1866, стат. Каравелова; Ганушъ, 10; Рус. Вѣст. 1862, I („Чешская деревня"), 350; Срп. рјечник, 33; Илячь, 108.

дества Христова ходитъ по домамъ bože džјećо: подъ этимъ именемъ совершаетъ обходъ дѣвушка, одѣтая въ бѣлое платье; въ одной рукѣ она держитъ узелъ съ яблоками и орѣхами, а въ другой — вѣтку, съ привѣшеннымъ къ ней звонкомъ. Подводя дѣтей къ святочному дереву, убранному плодами и орѣхами, родители увѣряютъ ихъ, что всѣ эти лакомства принесло bože dž,jećо [1]). По нѣмецкимъ преданіямъ, въ періодъ зимняго солнце-поворота растворяется небо, свѣтлые боги: Одинъ, Фрейръ, Гольда и Фрея нисходятъ на землю и благословляютъ воды и растенія; тамъ, гдѣ они шествуютъ, воды превращаются въ вино, а деревья—въ розмаринъ: «alle wasser—wein, alle bäume — rosmarein» [2]). Эти цвѣтущія деревья и текущія виномъ источники суть деревья и источники небеснаго рая; въ зимнюю пору, когда на землѣ замираетъ всякая растительность и воды стоятъ окованныя льдами, въ райскихъ садахъ (т. е. на востокѣ, откуда богиня Зоря выводитъ Солнце, усыпая ему путь золотомъ и розами) продолжается вѣчно-юная жизнь: цвѣтутъ роскошные цвѣты, зрѣютъ золотые плоды и бьютъ животворные ключи нектара. Вмѣстѣ съ богами спускаются съ заоблачныхъ высотъ и блаженные предки, посѣщаютъ своихъ родичей, садятся возлѣ пылающаго очага и участвуютъ въ ихъ семейной трапезѣ. Тѣже миѳическія представленія: отверстые врата рая, сошествіе безсмертныхъ на землю и превращеніе водъ въ вино соединяются и съ праздникомъ Пасхи; такое совпаденіе во взглядахъ на два разновременные праздника вполнѣ понятно, ибо и зимній поворотъ солнца, и весеннее его просвѣтленіе равно возбуждаютъ мысль о благодатномъ возрожденіи творческихъ силъ природы. Боги и духи усопшихъ праотцевъ, являясь въ среду живыхъ поколѣній, открываютъ передъ ними тайны бу-

---

[1]) Volkslieder der Wenden, II, 221—2. — [2]) Розмаринъ былъ посвященъ Фрейру.

дущаго, т. е. тѣ грядущія событія, которыя опредѣлены непреложнымъ судомъ божіимъ; поэтому Рождественскія Святки есть попреимуществу время гаданій и все, что видится тогда во снѣ и на яву, получаетъ вѣщее значеніе. По состоянію погоды въ продолженіи двѣнадцати праздничныхъ дней отъ 25 декабря по 6-е января (нѣмец. Zwölften) заключаютъ о томъ, каковъ будетъ наступающій годъ; каждый изъ этихъ дней даетъ предзнаменованіе о погодѣ соотвѣтствующаго ему мѣсяца [1]).

Въ нашемъ народѣ колядскіе обряды съ бо̀льшею свѣжестью удержались на Украйнѣ и въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Въ старые годы украинцы уже 12-го декабря варили пиво и съ того-же числа каждый день откладывали по одному полѣну—такъ, что къ кануну Рождества Христова всѣхъ полѣньевъ набиралось двѣнадцать; этими полѣньями и затапливалась печь на святой вечеръ [2]). Въ день, предшествующій Рождественскимъ Святкамъ, поселяне не вкушаютъ пищи до восхода вечерней звѣзды, которая появленіемъ своимъ свидѣтельствуетъ о рожденіи божественнаго младенца, и тѣмъ самымъ знаменуетъ начало праздника (сравни I, 778). Какъ только загорится на̀ небѣ вечерняя звѣзда, то̀тчасъ-же приносятъ въ хату связку соломы или сѣна, разстилаютъ ее въ переднемъ углу — на прилавкѣ, покрываютъ сверху чистою скатертью и на приготовленномъ мѣстѣ ставятъ подъ образами необмолоченный снопъ жита или пшеницы, кутью и узваръ; снопъ этотъ остается здѣсь до 31-го декабря. Въ Галиціи ставятъ по снопу во всѣхъ четырехъ углахъ избы. Кутьей называется каша изъ зерновой пшеницы, ячменя или рису, разведенная медовою сытою; узваръ (вз-варъ)

---

[1]) Die Götterwelt, 140 — 2; Beiträge zur D. Myth., I, 127; II, 124—8; Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 337. — [2]) Маякъ, XI, 55

приготовляется изъ сушеныхъ плодовъ (яблокъ, грушъ, сливъ, вишень, изюма и проч.), сваренныхъ на водѣ. Оба горшка съ кутьей и узваромъ накрываются кнышами (пшеничными хлѣбами). Передъ вечерею (т. е. ужиномъ) хозяинъ дома зажигаетъ у образовъ лампадку и восковыя свѣчи, читаетъ вслухъ молитвы и кадитъ ладономъ; вся семья благоговѣйно молится Богу и потомъ усаживается за столъ, усыпанный сѣномъ и застланный чистою скатертью; глава семейства занимаетъ почетное мѣсто на покутѣ (въ переднемъ углу); рядомъ съ нимъ, по правую руку, садится его жена, а далѣе слѣдуютъ ихъ родичи и дѣти. Кутья и взваръ подаются обыкновенно послѣ всѣхъ другихъ кушаній, и если не будутъ съѣдены въ тотъ-же вечеръ, то доканчиваются въ продолженіи Святокъ; часть кутьи отдѣляютъ курамъ, чтобы давали больше яицъ. Сидя за «вечерею», гадаютъ о будущемъ урожаѣ: вытягиваютъ изъ-подъ скатерти нѣсколько былинокъ сѣна, и по ихъ длинѣ заключаютъ о томъ, каковъ уродится лёнъ; или выдергиваютъ изъ снопа соломинку, и если она окажется съ полнымъ колосомъ, то наступающій годъ будетъ изобильный, и наоборотъ—пустой колосъ сулитъ неурожай. По остающимся на столѣ травянымъ сѣменамъ дѣлаютъ такое заключеніе: если сѣмянъ будетъ больше черныхъ, то слѣдуетъ ожидать урожая на гречиху, а если желтыхъ, то надо расчитывать на овсы, просо и пшеницу. Подобная-же обрядовая трапеза, съ кутьею и узваромъ, бываетъ и на крещенскій сочельникъ, послѣ водосвятія. Наканунѣ Новаго года обмолачиваютъ стоящій въ переднемъ углу снопъ, и полученныя зёрна отдаютъ мальчикамъ-посыпальщикамъ, а соломой прикармливаютъ домашній скотъ или употребляютъ ее на обвязку плодовыхъ деревьевъ [1]. Вечеръ 31-го декабря извѣстенъ въ народѣ подъ именемъ щедраго

[1]) Сравни со свѣдѣніями, сообщенными о рождественской соломѣ (julstroh) въ Beiträge zur D. Myth., I, 120—1.

и богатаго; ибо съ наступленіемъ новаго года нераздѣльна мысль о явленіи возрожденнаго бога, несущаго міру ясное лѣто, изобиліе плодовъ земныхъ и всякое довольство [1]). Хозяйка приготовляетъ къ щедрому вечеру, какъ можно, болѣе пироговъ и кнышей, складываетъ ихъ въ одну общую кучу на столъ и проситъ мужа исполнить законъ. Этотъ затепливаетъ передъ иконами восковую свѣчу, куритъ по избѣ ладономъ и садится на покутѣ; входятъ домочадцы, молятся Богу, и притворяясь, будто не видятъ отца за накладенными на столѣ пирогами, спрашиваютъ: «дѣ-жъ нашъ батько?»—Хиба-жъ вы мене не бачите? спрашиваетъ отецъ. «Не бачимо, тату!» отвѣчаютъ дѣти.—Дай-же, Боже, щобъ и на той рокъ не побачылы, т. е. чтобы и въ будущемъ году было такое-же изобиліе въ яствахъ, какъ въ настоящую минуту. Затѣмъ жена и дѣти садятся за столъ, и отецъ раздѣляетъ между ними пироги [2]). Сходно съ этимъ, въ Герцеговинѣ на Рождественскій праздникъ «узму «двојица чесницу, па је окреħу меħу собом и пита један «другога: милам ли се? (т. е. выдался ли я=виденъ ли изъ-за «хлѣба?) Онај му одговори: милаш мало. А онај први онда рече: сад мало, а до годинe ни мало!» т. е. да родится доброе жито и да будетъ чесница такъ велика, чтобы за нею можно было совсѣмъ укрыться [3]). Эти обряды малорусскій и сербскій идутъ изъ отдаленной старины. По свидѣтельству Саксона-грамматика, къ Святовитову празднику, какой ежегодно совершался въ Арконѣ по окончаніи жатвы, приготовляли огромный медовый пирогъ—величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ становился за этимъ пирогомъ и спрашивалъ у народа: видятъ ли

---

[1]) Терещ., VII, 19, 28; Могил. Г. В. 1852, 4, 11; Цебриков., 289; Вѣст. Р. Г. О. 1853, V, 12; VI, 99; Кіев. Г. В. 1850, 16; Херсон. Г. В. 1844, 52; Молодикъ 1844, 98—100; Маякъ, XV, 22; Москв. 1852, VI, 83; Ганушъ, 15. — [2]) Маркевичъ, 65; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговъ. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 100—1. — [3]) Срп. рјечник, 356.

его? и когда ему отвѣчали утвердительно, онъ тотчасъ-же высказывалъ желаніе, чтобы будущій годъ былъ еще плодороднѣе, а праздничный пирогъ еще больше [1]). На первый день новаго года по всему русскому царству совершается обрядъ засѣванія. Рано поутру, передъ обѣднею, ходятъ по домамъ мальчики, нося въ мѣшкѣ или рукавицѣ хлѣбныя зёрна; при входѣ въ избу они посыпаютъ по ней этими зернами, съ слѣдующими эпическими причитаніями: «на счастье, на здоровье — на новое лѣто роди, Боже, жито-пшеницу и всякую пашницу!» или: «ужь дай ему Богъ, зароди ему Богъ, чтобы рожь родилась, сама въ гумно свалилась, изъ колоса осьмина, изъ полузерна пирогъ — съ топорище долины, съ рукавицу ширины!» Посыпальщику даютъ что-нибудь въ подарокъ, а разбросанныя имъ зёрна тщательно собираютъ, хранятъ до весны и при посѣвѣ яровыхъ смѣшиваютъ съ прочими сѣменами. Когда посыпальныя зерна будутъ собраны, — по роду и количеству ихъ заключаютъ о томъ, какіе именно хлѣба дадутъ на будущее лѣто бóльшій или меньшій урожай. Иногда кормятъ этими зернами куръ, и по ихъ клёву гадаютъ о будущемъ плодородіи нивъ. Обрядъ «посыпанія», совершаемый у насъ на первый день Новаго года, а у сербовъ на Рождество, знаменуетъ весеннее осѣмененіе матери Земли, вступающей въ брачный союзъ съ просвѣтленнымъ Небомъ, при чемъ хлѣбныя зёрна служатъ эмблемою оплодотворяющаго сѣмени дождя (I, 283 — 4, 571 — 2) и солнечныхъ лучей [2]). Замѣтимъ, что на старинныхъ свадьбахъ новобрач-

---

[1]) Срезнев., 88; И. Г. Р. Карамз., I, 100. — [2]) Слово сѣять нерѣдко употребляется въ значеніи свѣтить; такъ хорутанская пѣсня говоритъ о солнцѣ, что оно обсѣеваетъ долины (Ч. О. И. и Д. 1865, III, 225), а малорусская загадка выражается объ очахъ: „двома узликами все поле засію“ или „два вузлика все поле освитять“ — Сементов., 9, 39.

ную чету осыпали овсомъ, ячменемъ и пшеницею и укладывали спать на ржаныхъ (необмолоченныхъ) снопахъ, и что донынѣ крестьянки наши гадаютъ о своихъ суженыхъ по хлѣбнымъ сѣменамъ и колосьямъ [1]). Для того, чтобы земля принесла добрый урожай, поселянинъ, отправляясь засѣвать поле, надѣваетъ на себя подвѣнечную сорочку; встрѣтить, при выѣздѣ на посѣвъ, вдовца, вдову, холостаго парня или дѣвушку считается дурною примѣтою, и наоборотъ—встрѣча съ женатымъ человѣкомъ или замужнею женщиною принимается за счастливый знакъ.

Въ великорусскихъ преданіяхъ уцѣлѣло темное воспоминаніе о миѳическомъ лицѣ Овсеня; обрядовая пѣсня славитъ его пріѣздъ, совпадающій по времени съ наступленіемъ новаго года:

Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень, ой Овсень!

---

[1]) Терещ., VII, 108 — 9; Шафонск. Описаніе черниговь. намѣстничества, 29; Молодикъ 1844, 101; Москв. 1849, IX, 15; Сахаров., II, 2 — 3. По указанію Сахарова, 1-го генваря хозяйка варитъ кашу, и вынимая горшокъ изъ печи, приговариваетъ: „милости просимъ къ намъ во дворъ — со своимъ добромъ!“ Потомъ замѣчаетъ: полонъ ли горшокъ и хорошо ли уварилась каша? Если каша будетъ бѣлая или вылѣзетъ изъ горшка, то предвѣщаетъ голодъ и всякія бѣды; наоборотъ каша красная, изготовленная вровень съ краями горшка, предвѣщаетъ изобиліе и счастіе. — О женихахъ гадаютъ такъ: a) вечеромъ на Святкахъ дѣвица сѣетъ гдѣ-нибудь на дворѣ горсть конопляннаго сѣмени, заволакиваетъ зёрна сорочкою или исподницею и приговариваетъ: „кто мнѣ суженый, тотъ прійдетъ со мной конопли брать.“ Послѣ этого суженый непремѣнно явится во снѣ. b) Другое гаданье состоитъ въ томъ, что собравшіяся дѣвицы выдергиваютъ по стеблю соломы, и по этимъ стеблямъ догадываются о своей судьбѣ: если попадется колосъ съ зерномъ—женихъ будетъ богатый, пустой колосъ предвѣщаетъ бѣднаго жениха, а стебель безъ колоса—безбрачную жизнь (Херсон. Г. В. 1846, 4, 10; Ворон. Г. В. 1850, 17; Маякъ, XI, 31—32; Совр. 1856, IX, смѣсь, 81).

Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню
Да Новому году.
Ой Овсень, ой Овсень! [1])

Имя Овсень (Авсень, Говсень, Усень) можетъ быть возведено къ тому-же санскритскому корню ush, къ которому возводится и вышеобъясненное имя Остары (стр. 700 [2]); согласно съ этимъ производствомъ, Овсень долженъ означать бога, возжигающаго солнечное колесо и дарующаго свѣтъ міру (т. е. приводящаго съ собой утро дня или утро года=весну). Весеннее просвѣтленіе неба постоянно отождествляется и въ языкѣ и въ народныхъ повѣрьяхъ съ утреннимъ разсвѣтомъ; лит. auszra — утренняя зоря, auszti — свѣтàть, pawasaris isz-auszta—весна свѣтàетъ, т. е. начинается. У нѣмцевъ богиня Остара (зоря) сообщила свое названіе свѣтлому празднику весны; у насъ имя Овсеня сочеталось съ праздникомъ новорожденнаго солнца, такъ какъ свѣтило это возгоралось тогда новымъ пламенемъ и дневной свѣтъ начиналъ побѣждать ночную тьму. По свидѣтельству царской грамоты XVII-го вѣка [3]), въ самой Москвѣ въ навечеріи Рождества Христова многіе люди по улицамъ, переулкамъ и ямскимъ слободамъ кликали Коледу и Усень, а въ навечеріи Богоявленія Господня кликали плугу, т. е. возглашали хвалебныя пѣсни плугу, съ помощію котораго воздѣлываются пашни (I, 563-4). Одна изъ обрядовыхъ пѣсень заставляетъ добраго молодца Овсеня выѣзжать на свиньѣ:

На чòмъ ему ѣхати?
На сивинькой свинкѣ.
Чѣмъ погоняти?
Живымъ поросенкомъ [4]).

---

[1]) Терещ., VII, 124. — [2]) Ч. О. И. и Д. 1865, II, 21. Сабинск. ausel, этрус. usil — солнце (Ганушъ, 56). — [3]) Сахаров., II, 99. — [4]) Терещ., VII, 118.

черта — въ высшей степени знаменательная, ибо она указываетъ на тождество нашего Овсеня съ свѣтоносными богомъ германцевъ — Фрейромъ, который въ періодъ зимняго солнце-поворота выѣзжалъ на небо на златощетинистомъ боровѣ и которому въ это время совершались обильныя жертвоприношенія (I, 778 — 781). Являясь въ сей міръ, Овсень открываетъ путь новому лѣту (новому году), несетъ изъ райскихъ странъ щедрые дары плодородія, и какъ опредѣлено божественнымъ судомъ — такъ и распредѣляетъ ихъ между смертными: однимъ даетъ много, съ избыткомъ, а другихъ лишаетъ и самаго необходимаго. Бѣлоруссы выражаютъ эту мысль въ слѣдующемъ символическомъ обрядѣ: наканунѣ Новаго года они водятъ по домамъ двухъ юношей, изъ которыхъ одинъ, называемый богатою Коледою, бываетъ одѣтъ въ новое, праздничное платье и имѣетъ на головѣ вѣнокъ изъ ржаныхъ колосьевъ; на другаго-же (бѣдную Коледу) надѣваютъ разорванную свитку и вѣнокъ изъ обмолоченной соломы. При входѣ въ избу, обоихъ юношей завѣшиваютъ длинными покрывалами, и заставляютъ хозяина выбирать изъ нихъ любаго; если онъ выберетъ «богатую Коледу», то хоръ поетъ ему пѣсню, предвѣщающую урожай и богатство; наоборотъ если выборъ падетъ на «бѣдную Коледу» — это служитъ предзнаменованіемъ неурожая и бѣдности [1]). Отсюда объясняется и то важное значеніе, какое приписывается сербами положайнику: этотъ первый рождественскій гость, отъ котораго зависитъ все счастіе домохозяина и его семьи въ теченіи цѣлаго года, является таинственнымъ представителемъ самаго божества; по бѣлорусской пословицѣ: «госьць у домъ, Богъ у домъ» (II, 62—64).

На тѣсную связь праздника Коляды съ культомъ громовника указываютъ и многіе святочные обряды и обык-

---

[1]) Маякъ, XVII, 43—44.

новенія, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить прежде, а именно: a) обычай наряжаться въ мохнатыя шкуры и принимать на себя звѣриныя подобія, въ каковыхъ воображеніе древняго человѣка олицетворяло дожденосныя тучи (I, 718 — 9 [1]); b) обычай водить по деревнѣ волка или носить змѣю (I, 765); c) воззванія, обращенныя къ Туру, о тождественности котораго съ Фрейромъ замѣчено на 662 стр. 1-го тома; «нѣціи, говоритъ Гизель, памяти того бѣса Коляды «и доселѣ не престаютъ обновляти, наченше отъ самаго Рож«дества Христова, по вся святыя дни собирающеся на бого«мерзскія игралища, пѣсни поютъ, и въ нихъ аще и о рож«дествѣ Христовомъ воспоминаютъ, но здѣ-же без«законно и Коляду, ветхую прелесть діявольскую, много по«вторяюще присовокупляютъ; къ сему на тыхъ-же своихъ за«конопротивныхъ соборищахъ и нѣкоего Тура-сатану и «прочія богомерзскія скареды измышляюще воспоминаютъ». d) Стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ наканунѣ Рождества, послѣ обрядовой «вечери», и въ день Крещенія—во время совершаемаго тогда водосвятія, служитъ знаменіемъ громовыхъ ударовъ, поражающихъ темныхъ демоновъ [2]). e) Съ поворотомъ солнца на лѣто тотчасъ-же возникала мысль о грядущемъ освобожденіи земныхъ и небесныхъ источниковъ отъ зимняго оцѣпенѣнія, о превращеніи мертвыхъ водъ (=окованныхъ льдами рѣкъ и озеръ и снѣговыхъ тучъ) въ живые потоки, несущіе землѣ обновленіе и силу плодородія, или выражаясь метафорически: о превращеніи ихъ въ вино = нектаръ. Поэтому на праздникъ Коляды принято было совершать религіозныя омовенія, каковой обрядъ въ христіанскую эпоху пріуроченъ ко дню церковнаго водосвятія (Крещенія). По словамъ Герберштейна, въ Москвѣ XVI-го столѣтія въ іорданской про-

---

[1]) Weihnachten in Schleswig-Holstein, 73 — 75. — [2]) Терещ., VII, 64.

руби купались и здоровые и больные, послѣдніе—съ надеждою на исцѣленіе. Маржеретъ увѣряетъ, что не только простолюдины, но и бояре и самъ царь погружались въ этотъ день въ воду. Обыкновеніе это и донынѣ удерживается между русскими поселянами и сербами. Вода, почерпнутая въ полночь передъ Крещеніемъ, помогаетъ отъ недуговъ и никогда не портится; этою водою окропляютъ избы, хлѣва̀ и ульи, поятъ больныхъ и домашнюю скотину — для предохраненія ея отъ заразы [1]). f) Какъ праздникъ, посвященный возрожденію творческихъ силъ природы, Коляда всею своею обстановкою указываетъ на тѣ щедрые дары, которые несетъ шествующее изъ дальнихъ странъ Лѣто. Необмолоченный снопъ, поставляемый въ переднемъ углу и величаемый именемъ Дѣда [2]), солома и сѣно, постилаемыя на столѣ и покутѣ, хожденіе по домамъ съ плугомъ (обрядъ, уцѣлѣвшій въ Червонной Руси), посыпаніе зерновымъ хлѣбомъ, разнообразныя гаданія о будущемъ урожаѣ, семейная трапеза, за которою вкушаютъ праздничный хлѣбъ («боговицу»), кутью, медъ и садовые плоды,— все говоритъ о посѣвѣ, жатвахъ и изобиліи плодовъ земныхъ. Зерно—символъ зачатія, нарожденія къ новой жизни: брошенное въ землю, оно выростаетъ зеленой былинкою и даетъ колосъ; медовая сыта знаменуетъ амриту. Узваръ и каша донынѣ считаются необходимыми на родинахъ, а медъ и кутья—на похоронахъ и поминкахъ, ибо смерть человѣка по народному воззрѣнію есть вторичное его рожденіе для иной, загробной жизни. Вмѣстѣ съ поворотомъ солнца на лѣто, вся природа призывается къ пробужденію отъ зимняго сна. У чеховъ наканунѣ Рождества, передъ самымъ разсвѣтомъ, сѐмья отправляется въ садъ; отецъ и мать трясутъ плодовыя деревья, приговаривая: «stromečku, vstávej, ovoce dávej! dnes je štědrý

[1]) Ibid., 41 — 42; Срп. рјечник, 33; Иличь, 95. — [2]) Маякъ, XI, 55.

den» [1])—и бросаютъ на нихъ яблоки и груши, а дѣти подбираютъ падающіе плоды. Тотъ-же обрядъ исполняется моравами, лужичанами и нѣмцами; послѣдніе произносятъ при этомъ: «bäumchen schlaf nicht, frau Holla kommt!» или: «bäumchen wach auf, Neujahr ist da!» Сербы и малороссы замахиваются на дерево топоромъ (=символъ молніи), съ угрозою срубить его, если оно не родитъ лѣтомъ (II, 320—1 [2]). Во всей Европѣ извѣстенъ обычай приготовлять къ Рождественскимъ Святкамъ елку; это вѣчно-зеленое дерево, убранное зажженными восковыми свѣчами и обвѣшанное яблоками, грушами, золотыми орѣхами и другими лакомствами, напоминаетъ собою то райское древо жизни, на которомъ ростутъ золотые яблоки и орѣхи (см. гл. XVII). На Руси обычай этотъ появился въ недавнее время и заимствованъ отъ нѣмцевъ; нельзя не замѣтить однако, что подобное-же дерево, украшенное искусственными цвѣтами, зеленью и плодами, возили у насъ въ старину въ крестномъ ходѣ на цвѣтоносное или Вербное воскресенье [3]).

Всѣ указанныя нами представленія, какія связывались съ праздникомъ Коляды, засвидѣтельствованы въ святочныхъ пѣсняхъ: колядкахъ и щедривкахъ. Начиная съ вечера 24-го декабря и до Крещенія, ходятъ по дворамъ коледовщики, славятъ праздникъ, т. е. поютъ обрядовыя пѣсни и собираютъ отъ хозяевъ дары разными припасами и деньгами; въ кіевской и волынской губ. половина собранныхъ ими денегъ отдается въ приходскую церковь. По всему вѣроятію, и сборъ припасовъ имѣлъ нѣкогда религіозное назначеніе: жертвенныя приношѣнія и праздничное пиршество могли совершаться не

---

[1]) Вставай, деревцо, давай намъ плодовъ; нынче вѣдь щедрый день. — [2]) Ганушъ, 31, 117—8; Срп. рјечник, 35; Маякъ, XI, 39; Beiträge zur D. Myth., II, 126; Die Götterwelt, 286. — [3]) Домашній бытъ рус. царей, соч. Забѣлина, I, 327—8.

только въ каждой отдѣльной семьѣ передъ ея отцовскимъ очагомъ, но и сверхъ того—передъ очагомъ князя, отъ имени всего подвластнаго ему племени, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ должны были устрояться на общій счетъ, въ складчину [1]). Колядки и щедривки сохранили для насъ черты народныхъ воззрѣній, идущія изъ глубочайшей древности; не смотря на цѣлый рядъ вѣковъ, на протяженіи которыхъ пѣсни эти должны были подвергаться постоянной передѣлкѣ, не смотря на то, что повидимому онѣ воспѣваютъ рождество Спасителя,—въ нихъ и донынѣ довольно-явственно выступаютъ преданія и образы, принадлежащіе язычеству. Когда народился младой Богъ, поютъ болгары, то мать искупала его въ золотыхъ котлахъ; сербы въ своей обрядовой пѣснѣ выражаютъ желаніе, да будутъ у нихъ коровы дойныя, да надоятъ имъ полное ведро молока,

да окупам, коледо!
малог Бога, коледо!
и Божића, коледо!

Малорусская же колядка говоритъ о купаньи новорожденнаго Бога въ морѣ:

Божья Мати въ полозѣ лежить,
Въ полозѣ лежить, сынойка родить;
Сына вродила, въ морѣ скупала... [3])

Припомнимъ, что по общему индоевропейскому представленію восходящее солнце является изъ морскихъ волнъ, что Солнцева

---

[1]) Поэтому слово коледовать стало употребляться въ смыслѣ: собирать милостину, просить хлѣба; коледа—дневной сборъ милостины нищими; пол. kolęda—подарки на Святки и Новый годъ; въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ „коледа" стала означать славленіе; рус. поговорка: „полно коледу томить" = давай милостину, не томи бѣднаго—Обл. Сл., 87—88; Терещ., VII, 13; Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, полов. 2, 131. — [2]) Показалецъ Раковскаго, I, стр. XVI; Времен. О. И. и Д., XXII, 10—11; Срп. рјечник, 285. — [3]) Объ истор. знач. нар. рус. поэз., 15.

мать (богиня утренней зори), нарождая свѣтоноснаго сына, купаетъ его въ молокѣ небесныхъ коровъ = въ росѣ или весеннихъ дождяхъ (II, 123—9). Такъ какъ рожденіе солнца по другому поэтическому выраженію называлось его воскресеніемъ, то колядки воспѣваютъ не только рождество, но и возстаніе Спасителя изъ мертвыхъ: изъ-за горы изъ-за высокой

Выходить намъ золотый хрестъ,
А пидъ тимъ хрестомъ самъ милый Господь;
На немъ сорочка та джунджовая,

т. е. жемчужная. Усмотрѣла жидовская дѣвочка, «же русскій Богъ изъ мертвыхъ уставъ»; сказала про то своему отцу, но еврей возразилъ: «тогда русскій Богъ воскреснетъ, когда жареный пѣтухъ полетитъ!» — и въ туже минуту жареный пѣтухъ полетѣлъ, усѣлся на облако и «красненько запѣлъ» (I, 521 [1]). Пѣтухъ—провозвѣстникъ утра, побѣждающаго ночную тьму, и вмѣстѣ съ тѣмъ представитель грозоваго пламени, которымъ возжигается солнце, потушенное облачными демонами. Небесные владыки, пробуждаясь отъ зимняго сна, являются въ сей міръ дружелюбными и щедрыми на дары гостями:

Цы дома бываешь, пане господарь?
Твои рынойки позамѣтаны,
Твои столойки понадкрываны,
За твоимъ столомъ трои гостейки:
Іеденъ гостейко—свѣтле Сонейко,
Другій гостейко—ясенъ Мѣсячокъ,
Третій гостейко—дробенъ Дожджейко.
Сонейко говоритъ: „нѣтъ якъ надъ мене,
Якъ я освѣчу горы, долины,
Горы й долины, поля й дубровы!"
Ясенъ Мѣсячокъ: „нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я освѣчу тёмну ночейку,

[1]) Ч. О. И. и Д. 1864, I, нар. пѣсни галицкія и угорской Руси, 6; Объ истор. зн. нар. рус. поэз., 18.

Возрадуются гости въ дорозѣ,
Гости въ дорозѣ, волойки въ стозѣ".
Дробенъ Дожджейко: „нѣтъ якъ надъ мене!
Якъ я перейду три разы на ярь,
Три разы на ярь мѣсяця мая —
Возрадуются жита, пшеници,
Жита, пшеници и всѣ ярници". [1])

По другому варіанту Солнце похваляется снять съ рѣкъ и потоковъ ледяные оковы, а Дождь (т. е. дождящій Перунъ) озеленить горы, долины и верховины [2]). Богъ-громовникъ выѣзжаетъ на своемъ златогривомъ конѣ, выбиваетъ изъ облачныхъ скалъ искры=молніи и созидаетъ райскій пресвѣтлый чертогъ или храмъ=весеннее небо, съ окномъ, черезъ которое является очамъ смертныхъ новорожденное солнце:

Ой въ горѣ-въ горѣ (т. е. на небѣ) стоитъ шовковый наметъ,
А въ томъ наметѣ золотый стольчикъ,
На томъ стольчику можный паноньо,
Трома яблучки подкидаючи,
Двома орѣшки та цитаючи.
Выцитавъ коня та з-подъ короля,
А въ того коня золота грива,
Золота грива, сребни копыта,
Сребни копыта, шовковый хвостикъ;
Золота грива коника вкрыла,
Сребни подковы кремень лупаютъ,
Кремень лупаютъ, церковь мурують,
Мурують же ји з' трома верхами,
З' трома верхами, з' двома воконцы:
Въ одно воконце исходитъ сонце,
Въ друге воконце заходитъ сонце,
А въ райски двери Господь входитъ,
Господь входитъ, службоньку служитъ.

---

[1]) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 8—11, 19; Приб. къ Изв. Ак. Н. 1852 г., 29—30; въ черниговской губ. поютъ: застилайте столы коврами, насыпайте кубки винами, да и буде къ вамъ трое гостей: первый гость — ясенъ Мѣсячка, другій гость — ясная Сонейка, третій гость—дробенъ Дожчикъ, и т. дал. — [2]) Ч. О. И. и Д. 1864, I, 4.

Въ другихъ варіантахъ на золотомъ престолѣ возсѣдаетъ самъ Богъ или божье дитя—«красный панычъ», который подбрасываетъ золотыя яблочки и перебираетъ серебреные орѣшки, т. е. играетъ сверкающими молніями (II, 309; 318); пущенная имъ стрѣла несется, какъ громъ по небу. Постройка райскаго чертога есть прочищеніе неба отъ зимнихъ тумановъ и снѣжныхъ облаковъ силою весенней грозы; топоры-молніи ударяютъ по камнямъ-тучамъ, дробятъ ихъ и прорубаютъ для свѣтлыхъ боговъ окна и двери:

Зъ-за той ми горы, зъ-за высокой,
Видны (слышны?) ми тонойкій голосъ,
Тонойкій голосъ, топоры дзвенятъ,
Топоры дзвенятъ, каменья тешутъ,
Каменья тешутъ, церковь мурують,
Церковь мурують во трои двери,
Во трои двери—во три облаки;
У једныхъ дверехъ иде самъ Господь,
У другихъ дверехъ Матенка Божя,
У третихъ дверехъ святый Петро.
Передъ милымъ Богомъ органы граютъ,
Передъ святымъ Петромъ свѣчи горѣютъ,
Передъ Матенковъ Божовъ ружа проквитатъ,
А з' той ружи пташокъ выникатъ:
Не је то пташокъ, лемъ самъ милый Господь [1]).

Господь означаетъ здѣсь солнце (сравни I, 79), Пречистая Дѣва заступаетъ древнюю Ладу, а св. Петръ—Перуна; звуки органовъ=грозовая музыка, горящія свѣчи=молніи, цвѣтущая ружа=утренняя зоря, при блескѣ которой вылетаетъ на небо свѣтоносная птица-солнце; о небесномъ чертогѣ, его дверяхъ и окнахъ см. т. I, стр. 158-162. Согласно съ древнепоэтическимъ представленіемъ тучи—кораблемъ, яснаго неба — раемъ, молнія—ключемъ, создалась слѣдующая любопытная колядка:

---

[1]) Ibid., 7, 66; Ж. М. Н. П. 1867, стат. О. Миллера, 626—8.

На сивомъ морѣ (=небѣ)
Корабель на водѣ,
Въ томъ кораблейку
Трое воротцы;
Въ перших воротейкахъ
Мѣсячокъ свѣтитъ,
Въ другихъ воротейкахъ
Сонењко сходитъ,
Въ третехъ воротейкахъ
Самъ Господь ходитъ,
Ключи тримае,
Рай вотмикае [1]).

Не забыты въ колядскихъ пѣсняхъ и другія миѳическія представленія о небесныхъ стадахъ, выгоняемыхъ Перуномъ, о его громовой трубѣ и безсмертномъ напиткѣ:

a) Зачорнѣлася чорна горонька,
Выйшла зъ-за неи чорна хмаронька,
Чорна хмаронька—овецъ турмонька;
Выйшовъ за ними гордый молодець,
Гордый молодець на передовець,
Заперезався гей ожинкою [2]),
За товъ ожинковъ [3]) двѣ-три трубоньки:
Једна трубонька та роговая,
Друга трубонька та мѣдяная,
Третя трубонька та зубровая.
Ой якъ затрубивъ та въ роговую—
Пошовъ голосокъ ай по-пидъ лѣсокъ,
Ой якъ затрубивъ та въ мѣдяную—
Пошовъ голосокъ по верховинахъ,
Ой якъ затрубивъ та въ зубровую—
Пошли голоса по-пидъ небеса [4]).

b) Зажурилася чорная гора,
Що не зродила жито-пшеницю,
А изродила зелене вино,
Зелене вино, що Богу мило.

---

[1]) Ч. О. И. и Д 1864, I, 157. — [2]) Подпоясался житною соломою. — [3]) За тою ожинкою заткнуты. — [4]) Ibid., 61.

Стерегла-жъ его красная панна,
А стерегучи барзо уснула.
Дѣсь ми ся взяли райскіи пташки,
Та исхопили зелене вино...

Въ этой пѣснѣ слышится отголосокъ древнѣйшаго миѳа о похищеніи небеснаго вина (=всеоживляющей дождевой влаги) молніеносными птицами: такъ Индра похищалъ сому, превращаясь въ сокола, а Одинъ, въ образѣ орла, овладѣлъ драгоцѣннымъ медомъ, который сторожила облачная дѣва Гуннлёда (I, 372, 395—6 [1]). Свѣтлые боги, силою которыхъ возвращается лѣто и земля осѣменяется дождемъ, представляются въ колядкахъ воздѣлывающими нивы:

Ей въ полѣ, полѣ, въ чистейкомъ полѣ—
Тамъ-же ми й оре золотый плужокъ,
А за тимъ плужкомъ ходитъ самъ Господь;
Ему погонятъ та святый Петро;
Матенка Божя насѣнечько (сѣмена) носитъ,
Насѣньяноситъ, пана Бога проситъ:
„Зароди, Божейку, яру пшеничейку,
Яру пшеничейку и ярейке житце!
Буде тамъ стебевце саме тростове [2]),
Будутъ колосойки, якъ былинойки,
Будутъ копойки, якъ звѣздойки,
Будутъ стогойки, якъ геройки,
Зберутся возойки, якъ чорны хмаройки,

т. е. будетъ копенъ также много, какъ звѣздъ, стоги станутъ словно горы, а возы пріѣдутъ за хлѣбомъ тучами. По указанію другихъ варіантовъ, плугъ влекутъ волы златорогіе [3]).

---

[1]) Ibid., 93, 614; Терещ., VII, 80. Въ другихъ колядкахъ райскія птицы прилетаютъ на дерево-тучу, обламываютъ съ него вѣтви, золотую кору и рясу и сотрясаютъ жемчужную росу (Поэт. Воз., II, 293; Пѣсни Зѣнкевича, 19—20); „золота ряса (т. е. плоды; рясный—изобильный, осыпанный плодами) дуже звенѣла, дуже звенѣла—дѣву збудила.“ — [2]) Стебли, какъ трости. — [3]) Или: „волы въ золотѣ горѣли“—Ч. О. И. и Д. 1864 I, 8, 16—17, 39; Шафонскаго: Топограф. описаніе черниговъ. намѣстничества, 29.

У лужичанъ извѣстно слѣдующее преданіе: бѣдный крестьянинъ сѣялъ ячмень при дорогѣ; проходила мимо Пресв. Марія съ малюткою Христомъ и сказала: «помогай тебѣ Богъ, добрый человѣкъ! какъ только посѣешь, ступай за серпомъ и начинай жать». Только что скрылась она за горою, а жиды уже гонятъ за Пречистою Дѣвою. «Не проходила-ль тутъ женщина съ малымъ ребенкомъ?» спрашиваютъ они у крестьянина.— Недавно прошла—въ ту пору, какъ я ячмень сѣялъ. «Охъ, ты глупой! вѣдь этому будетъ двѣнадцать недѣль» возразили жиды, видя, что ячмень уже поспѣлъ и мужикъ жнетъ его [1]). Малорусская колядка, передавая тоже преданіе, даетъ Пречистой Дѣвѣ вмѣсто младенца-Христа птицу-сокола, что̀ указываетъ на древнее представленіе новорожденнаго (восходящаго) солнца птицею и на суевѣрное смѣшеніе богини Лады (Зори) съ Богородицею: пашетъ убогій селянинъ,

З' једного коньця оре, з' другого сѣе,
Лежитъ ми тамъ, лежитъ давно стежейка,
А стежейковъ иде Матенка Божя,
Несе ёна, несе на ручкахъ сокола:
„Богъ помогай вбогій седлячьку!"
—Бодай здорова, Матенька Божя!
„Будутъ ту ити жиды и жидовки,
Не повѣдай-же ты, же я теперь ишла;
Повѣдай-же ты, же я тоди ишла,
Коли ты-й оравъ, пшеничейку сѣявъ!"
Ище Мати Божя превь гору не прейшла,
Стали ей, стали жидове вгоняти...
„Ци не ишла тоди така бѣлоглава,
Ци не несла ёна на рукахъ сокола?"
—Ишла ёна, ишла, коли я ту оравъ,
Коли я ту оравъ, пшеничейку сѣявъ;
А теперь ужь я пшеничейку зажавъ.

Жиды выслушали отвѣтъ и поворотили назадъ [2]). Между

---

[1]) Volkslieder der Wenden, I, 275—6. — [2]) Ч. О. И. и. Д. 1864, I, 9—10; Объ истор. зн. народ. рус. поэз., 18—19; Семеньск., 18—19; Духъ Христіанина 1861—2, XII, 274.

памятниками апокрифической литературы имѣется сказаніе о томъ, какъ св. Петръ и другіе апостолы увидѣли въ полѣ «человѣка, орюща волы, и просиша хлѣба; онъ же иде въ градъ хлѣба ради; апостоли же безъ него взоравше ниву и насѣявше, и пріиде съ хлѣбы и обрѣте пшеницу зрѣлу» [1]). По свидѣтельству обрядовыхъ причитаній, произносимыхъ на Новый годъ при посыпаніи зерновымъ хлѣбомъ, Илья-пророкъ носитъ пугу житяную: гдѣ ею махнётъ — тамъ жито ростетъ (I, 283—4). И апостолъ Петръ, и пророкъ Илья являются въ народныхъ повѣрьяхъ съ чертами древняго громовника, бога-низводителя дождей, растителя злаковъ и творца урожаевъ [2]).

---

[1]) Лѣтоп. занятій Археогр. Ком. 1861, I, 38; Памят. отречен. рус. литер., I, стр. IV; II, 5—10; сравни Н. Р. Лег., 7. — [2]) Болгары и словенцы называютъ Рождественскія Святки Крачунъ, карпато-руссы — Керечунъ (сочельникъ — Керечунь вечеръ), румуны — Crĕčunu; сверхъ того, въ Болгаріи называется Крачуномъ и всякій родившійся 25-го декабря. Названіе это въ старину было извѣстно и на Руси; въ Новгородской лѣтописи подъ 1143 годомъ сказано: „стояше вся осенина дъждева отъ Госпожина дни до Корочюна"—П. С. Р. Л., III, 9; Изв. Ак. Н., II, 289; Ганушъ, 42—43; Каравел., 279; Терещ., VII, 20—21. Слово Корочунъ донынѣ остается необъясненнымъ. Карамзинъ производилъ его отъ коротать (укорачивать) на томъ основаніи, что въ декабрѣ бываютъ самые короткіе дни; но съ половины декабря солнце поворачиваетъ на лѣто и дни начинаютъ удлиняться, что̀ и было признано за самый характеристическій признакъ этого мѣсяца, названнаго коложегомъ и просинцемъ. Г. Эрбенъ (Рус. Бес. 1857, IV, 95, 124 — 5) сближаетъ названіе Корочунъ съ именами Кьртъ и Кракъ (отъ крѣти); основываясь на глоссахъ Вацерада, въ которыхъ сказано: „Mercurius—Radihost, wnuk Kirtow", онъ признаетъ Кьрта славянскимъ Сатурномъ; извѣстно, что празднованіе сатурналій начиналось съ 17-го декабря. По указанію г. Срезневскаго, у хорутанъ и хорватовъ слово кьртъ употребляется въ значеніи „огня"; у послѣднихъ существуютъ поговорки: „ne wsi gremo w K'rtowo, marsikteri w č'rtowo" (не всѣ пойдемъ къ Кьрту, иные къ чорту), „wsi gremo w K'rtowo" (всѣ пойдемъ въ Кьртово царство=всѣ помремъ); K'rtowa dežda (Кьрто-

Все, что раститъ земля, есть даръ небесныхъ боговъ (Святовита, Дажьбога, Перуна, Волоса, Лады), согрѣвающихъ ее солнечными лучами и поящихъ лѣса, поля и нивы живительною влагою дождя. На Руси говорятъ о хлѣбѣ: «даръ божій» (пол. zboże — жито), «святой хлѣбъ», «снопъ святаго жита»; хлѣбъ-соль принимается за эмблему плодородія, богатства и счастія, служитъ необходимою принадлежностью всяка-

ва область) = небо или рай — Ж. М. Н. П. 1846, VII, 50—51. Другое имя славянскаго Сатурна, сообщаемое въ глоссахъ Вацерада, — Sitivrat (Сити-вратъ). По мнѣнію Эрбена (Рус. Бес. 1857, IV, 88), оно обозначаетъ поворотъ свѣта (серб. сит = сjет = свjет — Срп. рjечник, 682); Яковъ же Гриммъ (D. Myth., 227—8) высказалъ догадку, что начальная половина этого имени должна указывать на сито, которое во 1-хъ своею кругловидною формою приравнивается „колесу", а во 2-хъ самымъ названіемъ своимъ возбуждаетъ мысль о посѣвахъ и земномъ плодородіи (обл. ситиво, сѣтево — лукошко для высѣва хлѣбныхъ зеренъ = сѣялка, серб. ситар — сѣятель). Такимъ образомъ Ситивратъ (= коло-вратъ) будетъ богъ, поворачивающій солнечное колесо на лѣто, и вмѣстѣ съ этимъ возвращающій землѣ силу плодородія; выше (I, 571—2) были приведены и объяснены народныя повѣрья, сближающія капли дождя съ хлѣбными сѣменами и утверждающія, что дождь падаетъ съ неба сквозь рѣшето или сито. Финны называютъ сѣялку Ukkonak (коробка бога-громовника Укко). Въ Малороссіи при „посыпаніи" на Новый годъ причитываютъ (Метлинск., 344):

Сито, сито
На нове лито!
Зароды, Боже, жыто-пшеныцю,
Усяку пашныцю.

Нѣмцы, празднуя на Рождественскія Святки возвратъ свѣтлыхъ боговъ, представляютъ это событіе въ драмматическомъ обрядѣ, при чемъ лице, играющее роль Одина, держитъ на высокомъ шестѣ сито — Die Götterwelt, 141—2. Память о Ситивратѣ уцѣлѣла въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей: Ситомиръ, Ситиваратенштейнъ = Ситивратовъ камень, и др. — Макушева: Сказан. о бытѣ и нрав. славянъ, 82. — Идея борьбы между лѣтомъ и зимою, жизнью и смертію составляетъ главнѣйшую основу всѣхъ миѳологій. По указанію Зендавесты, Ормуздъ (свѣтъ) постоянно борется

го семейнаго и общественнаго торжества [1]), предохраняетъ отъ колдовства и нечистой силы [2]); первая пѣснь, при святочныхъ гаданіяхъ, возглашается хлѣбу: «мы хлѣбу пѣснь поемъ,

съ Ариманомъ (тьмою), каждый торжествуя въ свою очередь. Египтяне ежегодно весною праздновали возвращеніе къ жизни Озириса (бога свѣта и плодородія), убитаго Тифономъ: явившись на землю въ образѣ человѣка, онъ оказывалъ людямъ благодѣянія и предъ возвратомъ на небо былъ умерщвленъ, но въ опредѣленное время возсталъ для новой жизни. По греческому сказанію, Діонисъ, въ которомъ олицетворялась плодотворящая сила весны и лѣта, странствуя по землѣ, поучалъ людей добру и побѣждалъ зло; былъ убитъ злыми титанами, но потомъ воскресъ и принялъ участіе въ управленіи вселенной; дѣтородныя части этого бога, найденныя послѣ его смерти, послужили залогомъ нескончаемой жизни въ природѣ. Весенній праздникъ Адонису выражалъ туже мысль; онъ продолжался два дни: въ первый день носили изображеніе (куклу) умершаго Адониса, пѣли печальныя пѣсни и совершали погребальную жертву; въ Александріи изображеніе это выносили на огромномъ катафалкѣ и топили въ водѣ. На другой день совершался обрядъ обрѣтенія или возстанія Адониса, сопровождавшійся шумными и веселыми оргіями (I, 783). Сходно съ этимъ, на Украйнѣ въ началѣ весны празднуютъ воскресеніе Кострубa (Рус. Бес. 1856, III, 106—7). Поселянки водятъ хороводъ и заунывнымъ голосомъ поютъ: „померъ-померъ нашъ Кострубонько!“ Въ срединѣ круга лежитъ на землѣ дѣвица, представляющая мертваго Кострубa; немного погодя, она вскакиваетъ, и въ туже минуту хороводъ измѣняетъ печальный тонъ на веселый и запѣваетъ:

Оживъ, оживъ нашъ Кострубонько!
Оживъ, оживъ нашъ голубонько!

[1]) Каковы: новоселье, крестины, свадьба, встрѣча почетныхъ гостей; въ мосальскомъ уѣздѣ приносимыя на домъ иконы встрѣчаются всегда съ хлѣбомъ и солью. — [2]) D. Myth., 1056; Эгн. Сб., II, 57. Противъ уроковъ и сглаза преимущественно употребляютъ соль четверговую (т. е. пережженную въ чистый четвергъ) — Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 102; Посл. Даля, 429; D. Myth., 1030; Черты литов. нар., 95. Разсыпать соль — дурной знакъ; подавая за столомъ солонку, необходимо положить въ нее кусочикъ хлѣба, т. е. надо подавать не просто соль, а хлѣбъ-соль — Пузин., 8, 164; D. Myth., 1090.

хлѣбу честь воздаемъ!» [1]) Принимаясь за новую ковригу хлѣба, крестьяне произносятъ: «Господи благослови!» «Сказать на хлѣбъ худое слово» они считаютъ за величайшее беззаконіе; не слѣдуетъ ни сорить хлѣбомъ, ни катать изъ него шариковъ — не то Богъ накажетъ неурожаемъ и голодомъ. Кто, вкушая хлѣбъ, роняетъ крошки наземь, за тѣмъ подбираютъ нечистые духи, и если собранныя ими крошки будутъ вѣсить больше самого человѣка, то душа его, по смерти, достается дьяволу. Напротивъ, кто не брезгаетъ хлѣбомъ, ѣстъ его чорствый и цвѣлый (съ плесенью), тотъ не будетъ бояться грома, не потонетъ въ водѣ, доживетъ до преклонной старости и не изведаетъ нищеты Крестьяне тщательно собираютъ хлѣбныя крошки и кормятъ ими домашнюю птицу, а чорствыя корки бросаютъ въ затопленную печь [2]). Всѣ земледѣльческія работы (посѣвъ, жатва, молотьба и проч.) уже въ глубочайшей древности получили священное значеніе; онѣ обставлялись различными религіозными церемоніями, жертвоприношеніями и призываніемъ боговъ [3]).

Съ приходомъ весны приступаютъ къ удобренію и вспахиванію полей и засѣву яровыхъ хлѣбовъ. Передъ началомъ этихъ работъ, а равно и послѣ — передъ покосомъ и жнитвою, совершается крестный ходъ на поля, при чемъ церковные хоругви и образа бываютъ увиты свѣжею зеленью и цвѣтами; священникъ благословляетъ нивы и кропитъ ихъ святою водою. На Срѣтенье каждый хозяинъ освящаетъ для себя восковую свѣчу; эту свѣчу онъ заботливо хранитъ въ амбарѣ, а при посѣвѣ и зажинкахъ выноситъ ее на собственное поле, какъ эмблему того небеснаго огня, который возжигается богинею Ладою и дѣйствіемъ котораго земля получаетъ силу плодородія. На

---

[1]) Сахаров., I, 11. — [2]) Херсон. Г. В. 1852. 17; Ч О. И. и Д. 1865, II, 40; Громаннъ, 102—4; Beiträge zur D. Myth., I, 218. — [3]) Куланжъ, 209

Благовѣщенье и въ чистый четвергъ поселяне освящаютъ просвиры и потомъ привязываютъ ихъ къ сѣялкамъ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ просвиры эти высушиваются, стираются въ порошокъ и смѣшиваются съ хлѣбными зернами, предназначенными для посѣва [1]); въ черниговской губ. принято освящать въ церквахъ самыя сѣмена [2]). Засѣвальщики, выступая въ поле, молятся на три стороны: восточную, южную и западную, въ каждую бросаютъ по горсти зёренъ съ низкими поклонами, и затѣмъ уже принимаются за посѣвъ [3]).

Во владимірской губ. уцѣлѣлъ любопытный обрядъ водить колосокъ. Около Троицына дня, когда озимая рожь начинаетъ колоситься, бываетъ обрядовое шествіе на засѣянныя ею поля. Молодыя женщины, дѣвушки и юноши, собираясь на окраинѣ селенія, схватываются попарно руками [4]) и установляются въ два ряда, обращенные другъ къ другу лицами; по ихъ соединеннымъ рукамъ, словно по мосту, идетъ маленькая дѣвочка, убранная разноцвѣтными лентами. Каждая пара, которую она прошла, спѣшитъ забѣжать впередъ и стать въ концѣ ряда; такимъ образомъ процессія подвигается до самой нивы. Здѣсь дѣвочку спускаютъ наземь; она срываетъ нѣсколько колосьевъ, бѣжитъ съ ними въ село и бросаетъ ихъ возлѣ церкви. Во время шествія поютъ слѣдующую пѣсню:

Пошелъ колосъ на ниву,
На бѣлую пшеницу.
Уродися на лѣто
Рожь съ овсомъ,
Со дикушей [5]), со пшеницею.

---

[1]) Вѣст. Р. Г. О. 1853, VI, 101, 103; Терещ., V, 35. — [2]) Черниг. Г. В. 1855, 20. — [3]) Сахаров., II, 28. — [4]) Это дѣлается такъ, чтобы четыре руки составили квадратъ; каждый сначала беретъ правой рукою свою-же собственную лѣвую, а этой послѣднею схватываетъ около локтя руку того, кто съ нимъ въ парѣ. — [5]) Гречихою.

Или: Ходитъ колосъ по яри,
По бѣлой пшеницѣ;
Гдѣ царица шла —
Тамъ рожь густа:
Изъ колосу осьмина,
Изъ зерна коврига,
Изъ полузерна пирогъ.
Родися, родися
Рожь съ овсомъ;
Живите богато
Сынъ съ отцомъ! [1])

Когда рожь, ячмень и пшеница поспѣютъ, хозяйка съ хлѣбомъ-солью и громнитною [2]) свѣчею въ рукахъ отправляется зажинать ниву. Первый нажатый ею снопъ называется имянинникомъ; хозяйка приноситъ его въ избу и ставитъ въ переднемъ углу у божницы. Впослѣдствіи снопъ этотъ обмолачиваютъ отдѣльно; собранныя отъ него зерна носятъ для освященія въ церковь и частію мѣшаютъ съ сѣменами, оставляемыми для засѣва полей, частію-же берегутъ какъ цѣлебное снадобье—на случай различныхъ недуговъ. Соломою отъ этого снопа кормятъ больную скотину. Въ старину — для того, чтобы умолотъ былъ изобильнѣе и лучше, первый (зажиночный) снопъ относили въ овинъ или на гумно и оставляли тамъ до молотьбы. По обычаю, принятому въ нѣкоторыхъ малорусскихъ уѣздахъ, зажинъ дѣлается священникомъ. По окончаніи жатвы, жницы обходятъ ниву, собираютъ случайно-несрѣзанные серпомъ колосья и вьютъ изъ нихъ золотистый вѣнокъ [3]), переплетая его васильками и другими полевыми цвѣтами; вѣнокъ этотъ надѣваютъ на самую красивую дѣвушку, и затѣмъ отправляются на хозяйскій или господскій дворъ съ пѣснями.

---

[1]) Москв. 1853, XV, 147-8; Владим. Г. В. 1853, 29. Болгары обвиваютъ первыми колосьями мальчика, подымаютъ его на руки и поютъ пѣсни (сообщено Каравеловымъ). — [2]) Срѣтенскою. — [3]) Иногда-же два вѣнка: одинъ изо ржи, другой изъ пшеницы.

Впереди идетъ мальчикъ и несетъ украшенный цвѣтами снопъ. Подходя къ воротамъ, поютъ:

Одомкни, пане, новы ворота,
Несемъ вяночекъ з' щираго злота;
Ой выйдзи, пане, хоць на ганечекъ [1]),
Ой выкупь-выкупь злоты вяночекъ,
Бо то вяночекъ з' злота увитый.

Хозяинъ или помѣщикъ выходитъ на крыльцо, встрѣчаетъ жницъ съ хлѣбомъ-солью и угощаетъ ихъ обѣдомъ и горѣлкою. Вѣнокъ, свитый изъ послѣднихъ колосьевъ, и снопъ, принесенный мальчикомъ, передаются хозяину со словами: «дай Боже, щобъ и на той годъ уродывся хлибъ!» и до 6-го августа должны оставаться въ переднемъ углу подъ образами; въ этотъ-же праздничный день носятъ ихъ въ церковь и освящаютъ, вмѣстѣ съ разными первинками, а именно: вмѣстѣ съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ новаго жита, сотами, только что вырѣзанными изъ улья, новыми яблоками и грушами. Зѣрна отъ этихъ освященныхъ колосьевъ сохраняются для будущаго посѣва. Чтобы узнать, какой посѣвъ будетъ урожайнѣе: ранній, средній или поздній, отрываютъ отъ вѣнка три колоса и закапываютъ ихъ въ землю; одинъ колосъ знаменуетъ ранній посѣвъ, другой — средній, третій — поздній, и смотря по тому, какой изъ трехъ колосьевъ скорѣе и лучше пуститъ ростки, заключаютъ о срокѣ наиболѣе-выгодномъ для осѣмененія полей [2]). У лужичанъ большой снопъ, перевитый цвѣтами, устанавливается на возу стойма, поверхъ всѣхъ другихъ сноповъ, и доставляется въ деревню въ сопровожденіи жницъ, изъ которыхъ одна несетъ вѣнокъ изъ колосьевъ, а другіе

[1]) На крылечко. — [2]) Вѣст. Р. Г. О 1853, VI, 108—110; 1857, IV, 271; Маякъ, VIII, 73; Черниг. Г. В. 1856, 22; Молодикъ 1844, 95; Метлин., 328; Малорос. деревня, соч. Кулжинскаго, 47—50; Вѣст. Евр. 1827, XI, 191; Терещ., V, 105, 109, 128—9; Сахаров., II, 44, 47; Нар. сл. раз., 154.

держатъ въ рукахъ полевые цвѣты. Въ пензенской и симбирской губерніяхъ послѣдній (дожиночный) снопъ называютъ имянинникомъ и наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ; въ смоленской губ. придѣлываютъ къ нему руки и одѣваютъ его въ бѣлую накидку и кичку. Съ пѣснями и плясками несутъ эту куклу на господскій дворъ, гдѣ уже загодя приготовляется для жницъ обильное угощеніе. Во время пиршества имянинный снопъ стоитъ на столѣ, а потомъ переносится въ передній уголъ. Существуетъ еще обычай: по снятіи хлѣба, обвязывать серпы житною соломою и пологать ихъ подъ иконами [1]). Праздникъ окончанія жатвы извѣстенъ подъ названіями обжинокъ, дожинокъ и талаки. Послѣднее названіе употребительно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ. Какъ скоро у какого-нибудь зажиточнаго землевладѣльца назначается окончательная уборка хлѣба, къ нему тотчасъ-же со всѣхъ сторонъ собираются жницы, готовыя на безплатную работу ради талаки, т. е. собственно ради праздничнаго угощенія [2]). Подъ сумерки, когда дожинаютъ послѣдній загонъ, каждая жница откладываетъ по нѣскольку колосьевъ, изъ которыхъ и связывается общій дожиночный снопъ. Послѣ того дѣвицы-талачейки, для рѣшенія вопроса: кому изъ нихъ нести этотъ снопъ, или (какъ онѣ сами выражаются) кому изъ нихъ быть Талакою, бросаютъ между собой жребій. Указанную жребіемъ Талаку онѣ убираютъ цвѣтами, въ руки ей даютъ дожиночный снопъ, а на голову надѣваютъ ей длинное бѣлое покрывало и вѣнокъ, сплетенный изъ хлѣбныхъ колосьевъ, пахучихъ травъ и цвѣтовъ; при этомъ поютъ слѣдующую обрядовую пѣсню:

---

[1]) Терещ., V, 110, 131—4; Рус. прост. праздн., IV, 83—84; Сахаров., II, 49—50; Volkslieder der Wenden, II, 221. — [2]) Въ великорусскихъ областяхъ толока́ — общинная уборка хлѣба или сѣна, по́мочь; толо́къ — токъ, гдѣ молотятъ хлѣбъ, и нива, оставленная подъ паръ — Обл. Сл., 230.

Добры вечаръ, Талака!
Да вазьми-жъ адъ насъ, вазьми-но
Гэты збожны [1]) ты снапокъ;
Да надзѣнь-же, надзѣнь-но
З' красками [2]) прыгожъ вѣнокъ!
З' гэтымъ до́брымъ пойдземъ же мы
Къ пану да къ гаспадару,
Принесемъ же мы яму́
Счасьцечко твае́ въ хоромы.
Јонъ той панъ-госпадарыкъ
Справиць намъ дажыначки...

Затѣмъ жницы выстраиваются въ длинный рядъ—пара за парою, становятъ впереди себя Талаку и отправляются на хозяйскій дворъ съ пѣснею, въ которой приглашаютъ пана-господаря приготовиться къ надлежащей встрѣчѣ. Заслышавъ ихъ голоса, хозяинъ и хозяйка выходятъ къ воротамъ, кланяются Талакѣ въ поясъ и подносятъ ей хлѣбъ-соль, а отъ нея принимаютъ дожиночный снопъ; Талаку, какъ самую почетную гостью, они усаживаютъ на покутѣ, подъ образами; всѣ же прочія жницы размѣщаются частію въ избѣ и сѣняхъ, частію на дворѣ. По окончаніи пиршества, за которымъ бываетъ всего вдоволь—и меду, и пива, и саламахи [3]), слѣдуютъ веселыя пляски и пѣсни. Праздникъ заключается тѣмъ, что Талака снимаетъ съ себя вѣнокъ и отдаетъ его хозяину, при чемъ хоръ обращается къ ней съ такою просьбою:

А Талака-жъ ты, Талака,
Да щырая-жъ ты, Талака!
Да нагадуй-же ѝтъ узнѝвъ
Гаспадару таму снапковъ,
Да нарадзи-жъ ты яму́
Жытца-жытца сто карабовъ...

Въ гродненской губ. вѣнокъ этотъ надѣваютъ на кіоту; что-же касается «дожиночнаго» снопа, то его кропятъ св. водою

[1]) Житный. — [2]) Цвѣтами. — [3]) Напитокъ, приготовляемый изъ водки, меду, сливъ и вишенъ.

и ставятъ на покутье, рядомъ съ другимъ — прежде-принесеннымъ ими «зажиночнымъ» снопомъ, гдѣ и остаются они нерѣдко въ продолженіе цѣлаго года [1]). Болгары дѣлаютъ изъ послѣдняго снопа куклу, называемую жѫтварка-царка (житная царица) или жѫтварска мома, одѣваютъ ее въ женскую сорочку и носятъ вокругъ села, а потомъ или бросаютъ ее въ рѣку (дабы призвать на посѣвы обильные дожди и рòсы), или сожигаютъ на огнѣ и пепелъ разбрасываютъ по нивамъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ куклу эту сберегаютъ до будущей жатвы, и когда случается засуха — носятъ ее въ крестномъ ходѣ, съ мольбами о дождѣ и съ возглашеніемъ обрядовой пѣсни:

Кать жѫтварка бѣгаше,
Тихъ вѣтрецъ вѣеше;
Кога мома плачеше,
Ситна роса росеше;
Мома-те са засмѣя,
Ясно слѫнце огрѣя, и проч.

Того, кто приноситъ житный вѣнокъ съ поля, въ венгерской Сербіи окачиваютъ водою; у насъ же въ бѣлорусскихъ деревняхъ ведро воды выливается на самый вѣнокъ. Но цѣль обряда и тамъ, и здѣсь одна: это именно — желаніе, чтобы въ будущемъ году не было недостатка въ дождяхъ [2]). Покончивъ жнитво и приступая къ запашкѣ полей подъ озимые посѣвы, великорусскіе крестьяне завариваютъ пиво или брагу и назначаютъ ближайшій праздничный день для служенія общественнаго молебна. Когда наступитъ этотъ день, каждый домохозяинъ приноситъ въ церковь освящать баранье плечо или пѣтуха, и потомъ приготовленными яствами, пивомъ и брагою угощаютъ своихъ сродниковъ и знакомыхъ. Въ нѣкото-

[1]) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846, 111—120; Описаніе гродненск. губ., I, 840. — [2]) Сообщ. Каравеловымъ; Миладин., 524; Археолог. Вѣст. 1867, II, 57.

рыхъ деревняхъ пиршество отправляется всѣми крестьянами вмѣстѣ: къ назначенному дню они варятъ брагу, пекутъ пироги и заколаютъ барана на мірской счетъ, т. е. въ складчину [1]). Въ старину, по окончаніи жатвы, заколали въ житницѣ козла; кровь его собирали въ чашу и окропляли ею присутствующихъ, а мясо варили и съѣдали за общею трапезой [2]).

Съ сентября-мѣсяца принимаются молотить хлѣбъ. Во многихъ великорусскихъ деревняхъ въ тотъ день, съ котораго начинается эта работа (замолотки), овинъ слыветъ у крестьянъ имянинникомъ. Вечеромъ, наканунѣ этого дня, хозяинъ протапливаетъ овинъ, а на утро созываетъ туда молотильщиковъ и угощаетъ ихъ кашею; послѣ завтрака, приступая къ работѣ, затыкаютъ во всѣ углы гумна или риги по нѣскольку колосьевъ — для того, чтобы умолотъ былъ хорошій изобильный. Молотить обыкновенно начинаютъ съ такъ называемаго «имяниннаго» снопа. Въ нѣкоторыхъ-же деревняхъ имянины овина справляются въ день окончанія молотьбы и приготовляемая тогда каша называется домолотною [3]). Овинъ, какъ мѣсто, гдѣ просушивается зерновой хлѣбъ, издревле пользовался тѣмъ-же самымъ религіознымъ почетомъ, что и домашній очагъ (см. II, 70). Церковный уставъ св. Владиміра, въ числѣ другихъ остатковъ языческаго суевѣрія, подлежащихъ духовному суду, указываетъ и на моленье подъ овиномъ [4]). Въ словѣ христолюбца встрѣчаемъ подобное-же указаніе: «еже молятся огневѣ подъ овиномъ» [5]). Въ орловской губ. и донынѣ рѣжутъ куръ подъ овиномъ 4-го сентября, слѣдовательно при началѣ молотьбы;

---

[1]) Рус. прост. праздн., IV, 82–83; Сахаров., II, 48—49, 54. — [2]) De diis samagitarum, 19 – 20. — [3]) Сахаров., II, 59; Рус. прост. праздн., IV, 83; Терещ., V, 140 – 1; Нар. сл. раз., 154. — [4]) Доп. къ Ак. Ист., I, 1: „или кто молиться подъ овиномъ". — [5]) Лѣт. рус. лит. и древн., т. IV, 90, 94; Оп. Румян. муз., 229.

въ другихъ-же мѣстностяхъ уцѣлѣлъ обычай рѣзать въ овинѣ пѣтуха 1-го ноября [1]). Въ ярославской губ. крестьяне, чувствующіе боль въ поясницѣ, ходятъ въ подлазъ овина, и потираясь спиной объ его стѣну, произносятъ слѣдующія слова: «батюшка овинъ! просци мой уц(т)инъ» [2]). Отсюда объясняется и старинная поговорка: «церкви — не овины, въ нихъ образа всё едины» [3]), т. е. все равно, въ какой ни молиться церквѣ — въ своей приходской, или въ чужой; напротивъ, языческій культъ ограничивался исключительнымъ чествованіемъ своего очага, своего овина.

Земные урожаи зависятъ отъ дѣятельности стихійныхъ духовъ. Носясь по воздушнымъ пространствамъ въ буйномъ полетѣ грозовыхъ тучъ и вѣтровъ, духи эти нисходятъ на землю оплодотворяющимъ сѣменемъ дождя, преобразуются въ ея материнскихъ нѣдрахъ въ безчисленные зародыши и затѣмъ нарождаются разновидными и роскошными злаками. Вообще все растительное царство представлялось древнему человѣку воплощеніемъ стихійныхъ духовъ, которые, соединяя свое бытіе съ деревьями, кустарниками и травами (=облекаясь въ ихъ зеленыя одежды), чрезъ то самое получали характеръ лѣсныхъ, полевыхъ или житныхъ геніевъ. По нѣмецкимъ, славянскимъ и литовскимъ преданіямъ, житные духи [4]) въ лѣтнюю половину года обитаютъ на нивахъ. Когда хлѣбъ поспѣетъ и поселяне начинаютъ жать или косить его, полевикъ бѣжитъ отъ взмаховъ серпа и косы и прячется въ тѣхъ колосьяхъ, которые еще остаются на корню; вмѣстѣ съ послѣд-

---

[1]) Литовцы, заканчивая молотьбу, убивали чернаго или бѣлаго пѣтуха, съ мольбою, обращенною къ богу, который обитаетъ въ овинѣ и сушитъ зерновой хлѣбъ — De diis samagitarum, 39—40. У нѣмцевъ жатвенное пиршество называется hahnmahlzeit. — [2]) Эгн. Сб., I, 164. — [3]) Архивъ ист.-юрид. свѣд., II, 2-ая полов., 217. — [4]) Славяне даютъ имъ названія: полевой дѣдъ, полевикъ, гречуха, жыцень.

не-срѣзанными колосьями онъ попадается въ руки жнеца и въ послѣднемъ — дожиночномъ снопу приносится на гумно или въ домъ земледѣльца. Вотъ почему дожиночный снопъ наряжаютъ куклою и ставятъ его на почетномъ мѣстѣ, подъ образами. Въ Германіи erntpuppe помѣщается иногда въ переднемъ углу, иногда у домовой двери или на верхушкѣ кровли, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ остается тамъ въ продолженіи цѣлаго года—до тѣхъ поръ, пока новая кукла не смѣнитъ прошлогодней. Вѣрятъ, что пребываніе ея въ домѣ приноситъ хозяину, его семьѣ и житницамъ божье благословеніе Большею же частію кукла эта сберегается только до времени посѣва: тогда ее обмолачиваютъ и добытыми изъ нея зернами осѣменяютъ поля—съ тою цѣлію, чтобы житный духъ, заключенный въ послѣднемъ снопѣ, могъ возродиться и заявить свою благотворную силу въ новыхъ всходахъ. Дожиночный снопъ одѣваютъ въ мужскіе или женскіе наряды; въ первомъ случаѣ его называютъ: нѣмцы—roggenmann [1]), erntemann, grossvater, славяне — дѣдъ, dziad, dědek; во второмъ случаѣ нѣмцы называютъ его kornmutter, erntemutter, roggenalte, grossmutter, а славяне — баба, žytna baba, žytna (pszeniczna, grochowa) matka. По литовскому повѣрью, послѣдній ударъ, наносимый серпомъ во время жатвы, или цѣпомъ во время молотьбы, падаетъ на житную бабу, и тотъ, кто его наноситъ, называется ея убійцею. Въ Германіи жнецы къ тому изъ своихъ товарищей, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья или связываетъ послѣдній снопъ, обращаются съ слѣдующимъ восклицаніемъ: «du hast den Alten und musst ihn behalten!» Растя хлѣбные злаки и творя урожаи, житные духи приготовляютъ запасы для своего собственнаго пропитанія, подобно тому, какъ пчелы запасаютъ для себя пищу въ медовыхъ сотахъ. Человѣкъ питается плодами ихъ твор-

[1]) Или weizen(gersten, hafer)-mann.

ческой дѣятельности, но не долженъ забирать всего; часть хлѣба онъ обязанъ оставлять для житныхъ духовъ, дабы они могли прозимовать безъ нужды и заботы. Слѣдуя стародавнему обычаю, крестьяне оставляютъ на поляхъ нѣсколько несрѣзанныхъ колосьевъ, въ саду нѣсколько несорванныхъ яблокъ, а на току нѣсколько пригоршней обмолоченнаго зерна, и за все это ожидаютъ на будущій годъ богатаго урожая. Кто не исполняетъ этой обязанности, у того житные духи похищаютъ хлѣбъ изъ закромовъ [1]). Западные славяне разсказываютъ, что дѣдко всю зиму сидитъ заключенный въ житницѣ и поѣдаетъ сдѣланные запасы (II, 487 [2]). Какъ существа стихійныя, являющіяся въ бурныхъ грозахъ и дождевыхъ ливняхъ, житные духи смѣшиваются съ духами дикой охоты и неистоваго воинства. Вмѣстѣ съ этимъ житный дѣдъ сближается съ Одиномъ, а житная баба, kornmutter, съ frau Gode, Гольдою или Бертою. И Одинъ, и frau Gode чествуются, какъ податели земнаго плодородія; и тому, и другой поселяне оставляютъ на лугахъ и нивахъ часть нескошенной травы и несжатаго хлѣба; frau Gode сидитъ въ колосистомъ житѣ и послѣдній

---

[1]) Въ Германіи насѣкомое, пожирающее зерновой хлѣбъ въ амбарахъ, называется kornwolf; о связи житныхъ духовъ съ миѳическими волками и другими животными сказано было выше (Поэт. Воз., I, 769). Не менѣе любопытны повѣрья, олицетворяющія житнаго духа въ образѣ пѣтуха (getreidehahn). Нѣмцы приготовляютъ изображеніе пѣтуха изъ зрѣлыхъ колосьевъ и ставятъ его на шестѣ, посреди сжатаго поля. Въ Галиціи и Польшѣ поверхъ вѣнка, сплетеннаго изъ цвѣтовъ и колосьевъ и надѣтаго но голову избранной жницы, привязываютъ живаго пѣтуха, и если пѣтухъ начинаетъ клевать колосья—это принимается за предвѣстіе урожая на слѣдующій годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи привязываютъ живаго пѣтуха къ послѣднему снопу, или зарываютъ его на нивѣ въ землю, оставляя свободною одну голову; затѣмъ жнецъ берется за серпъ и срѣзываетъ ему голову. — [2]) Въ Галиціи житнаго дѣда представляютъ старикомъ съ тремя длиннобородыми головами и тремя огненными языками.

снопъ называется Erntewôd; чтобы Гольда (frau Holle) не поѣдала хлѣба изъ житницъ, для нея оставляютъ на нивѣ три несрѣзанныхъ колоса. Согласно съ двойственнымъ представленіемъ Гольды то свѣтлою, благодѣтельною богинею, то злою, демоническою вѣдьмою, житная баба невсегда даруетъ урожаи; раздраженная на земледѣльца, она палитъ его нивы и пожираетъ его хлѣбъ [1]); славяне отождествляютъ ее съ бабой-ягою, а нѣмцы съ желѣзною Бертою (см. выше стр. 591-3). Описанные нами обряды «водить колосъ», водить «Талаку» и носить наряженный въ женскія платья снопъ знаменуютъ шествіе богини земнаго плодородія. Что уборка хлѣба обставлялась у славянъ различными религіозными церемоніями, на это имѣются положительныя свидѣтельства. По словамъ Ибнъ-Дасты [2]), славяне въ пору жатвы насыпали въ ковшъ просяныя зерна, подымали ихъ къ небу и молились: «Господи—ты который даешь намъ пищу! снабди теперь насъ ею въ полной мѣрѣ». Въ Арконѣ жатвенный праздникъ сопровождался мольбою и жертвоприношеніями Святовиту, гаданіями о будущемъ урожаѣ и общественнымъ пиршествомъ (I, 377-8; III, 745-6). Иногда кукла, приготовляемая изъ послѣдняго снопа, представляется ребенкомъ (erntekind, kornkind). Въ зрѣломъ колосистомъ хлѣбѣ древній человѣкъ видѣлъ прекрасное дитя, порожденное плодовитою Землею, (сравни II, 489-490)—дитя, которое въ жатвенную пору отдѣляется отъ ея материнскаго лона. Это воззрѣніе очевидно изъ польскаго обыкновенія кричать тому, кто срѣзываетъ послѣдніе колосья: «ты отрѣзалъ пуповину!» По народной примѣтѣ, та жница, которая связывала послѣдній снопъ, должна непремѣнно родить въ продолженіи года [3]).

---

[1]) Т. е. производитъ засуху, пускаетъ градъ и посылаетъ истребительныхъ насѣкомыхъ. — [2]) Ж. М. Н. П. 1868, X, стат. Хвольсона, 671. — [3]) Die korndämonen, соч. Маннгардта, 7—32.

Послѣ представленныхъ нами изслѣдованій мы въ правѣ сказать, что духовная сторона человѣка, міръ его убѣжденій и вѣрованій, въ глубокой древности не были вполнѣ-свободнымъ дѣломъ, а неизбѣжно подчинялись матеріальнымъ условіямъ, лежавшимъ столько-же въ природѣ окружающихъ его предметовъ и явленій, сколько и въ звукахъ роднаго языка. Слово человѣческое, по мнѣнію нашихъ предковъ, надѣлено было властительною, чародѣйною и творческою силою; и предки были правы, признавая за нимъ такое могущество, хотя и не понимали, въ чемъ именно проявляется эта сила. Слово, конечно, не можетъ заставить свѣтить солнце или падать дождь, какъ вѣрили язычники; но если не внѣшнею природою, за то оно овладѣло внутреннимъ міромъ человѣка и тамъ заявило свое чарующее вліяніе, создавая небывалыя отношенія и образы, и заставляя младенческія племена на нихъ основывать свои нравственныя и религіозныя убѣжденія. Часто изъ одного метафорическаго выраженія, какъ изъ зерна, возникаетъ цѣлый рядъ примѣтъ, вѣрованій и обрядовъ, опутывающихъ жизнь человѣческую тяжелыми цѣпями, и много-много нужно было усилій, смѣлости, энергіи, чтобы разорвать эту невидимую сѣть предразсудковъ и взглянуть на божій міръ свѣтлыми очами!

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

ТОМЪ I.

Стр. 34: Кто упадетъ въ первый день новаго года, тому предстоитъ скорая смерть — Neues Lausitz. Magazin 1843, III—IV, 332.

Стр. 38: Свѣжіе слѣды, оставленные воромъ, совѣтуютъ собирать въ мѣшокъ и вѣшать въ дымовую трубу, чтобы онъ изсохъ какъ щепка—Beiträge zur D. Myth., I, 240.

Стр. 66: «Zaklinjem te suncem i misecom» — Иличь, 275 (народная пѣсня).

Стр. 73: Во Франціи крестьяне, завидя на небѣ молодой мѣсяцъ или вечернюю звѣзду (Венеру), преклоняютъ колѣна и творятъ молитву—Beiträge zur D. Myth., I,252-3.

Стр. 74-76: «Die Ehe ist also die glücklichste, wenn während der Trauung Sonne und Mond zu gleicher Zeit am Himmel stehn, also das himmlische Paar ebenfalls ihre Vereinigung findet. Nach dem Grishyasûtra wurde die indische Hochzeit mit einem Hymnus auf die Hochzeit der Sonne und des Mondes (Sûrya und Soma) eingeleitet»—Громаннъ, 116.

Стр. 80: Луна (luna вмѣсто lucna, lucina, т. е. свѣтящаяся) отъ санкр. ruḱ — luceo; лат. luc-s, lumen (вм.

luc-men), гр. λύχνος — leuchte, λευκός — бѣлый, слав. лучь — Курціусъ, 130.

Стр. 86-88: У различныхъ славянскихъ племенъ утренка означаетъ то утреннюю зорю, то звѣзду денницу (krasopani).

Стр. 93: Bělbožice—въ Чехахъ, Bělbožnicja — въ Галиціи (Часопись чешск. муз. 1863, I, 28). Въ «Сборникѣ памятн. нар. творчества въ сѣв.-запад. краѣ» (I, 115—7) напечатаны двѣ пѣсни, записанныя будто-бы въ минской губ., въ которыхъ упоминается про Чернаго бога; но пѣсни эти—не болѣе, какъ неудачная поддѣлка. Г. Котляревскій въ критической статьѣ своей, посвященной I-му т. Поэт. Воз., (стр. 23) доказываетъ, что бамбергскій истуканъ есть просто изображеніе льва, какія ставились въ средніе вѣка у церковныхъ дверей, и не имѣетъ никакого отношенія къ Чернобогу.

Стр. 96: Belenus въ древнихъ надписяхъ сопоставляется рядомъ съ именемъ Аполлона; ирл. beal, beul, bel—солнце —Галлы, соч. Георгіевск., 136-7.

На той-же страницѣ, 9 и 10-ую строки снизу слѣдуетъ читать:«Слова свѣтъ и святъ если не филологически, то по значенію тождественны; ибо по древнѣйшему убѣжденію святой...» и т. дал. По замѣчанію г. Котляревскаго (Разборъ I т. Поэт. Воз., 30), мысль о сродствѣ означенныхъ словъ не можетъ быть принята, такъ какъ въ противномъ случаѣ слѣдовало бы допустить несогласуемый переходъ звуковъ: двоегласнаго ѣ=a+i и носоваго ѧ. «Нѣтъ сомнѣнія (говоритъ онъ), что слова эти различнаго образованія, отъ двухъ корней: çvit и çvam или çvan; оттого въ Ведахъ употребляется cvânta, въ санскр.—çveta, зендъ имѣетъ çpenta и çpaeta, Литва—szwentas и svêtas, славяне—свѧтъ и свѣтъ.»

Стр. 119: Οὐρανός нельзя сближать съ ὄρος; такому «сближенію противорѣчитъ разность корней: ὄρος—кор. gir

(древ. gar), отсюда скр. giris, зенд. gairi, слав. гора; οὐρανος отъ кор. var—покрывать»—Разборъ г. Котлярев., 30.

Стр. 120: О названіи горы «Anafielas» см. въ Разб. Котляр., 44. Сербы думаютъ, что обрѣзанные ногти слѣдуетъ класть за пазуху, ибо на томъ свѣтѣ по ногтямъ будутъ судить: что̀ дѣлалъ человѣкъ во время земной своей жизни (Гласник срп. друштва 1867, V, 193). Кашубы совѣтуютъ класть обрѣзанные ногти въ мѣшочекъ и носить на груди; а не то, по смерти, придется искать ихъ. Эти славянскія повѣрья напоминаютъ запретъ Эдды обрѣзывать ногти усопшему (German. Mythen, 630). Графъ А. С. Уваровъ сообщилъ намъ, что въ одной изъ разрытыхъ имъ могилъ (во владимірской губ.) онъ нашелъ горшокъ съ обрѣзанными ногтями.

Стр. 129: Въ народномъ заклятіи (Рыбник., IV, 246) читаемъ: «ты Небо—отецъ, ты Земля—мать!»

Стр. 133: Въ Угорской Руси уцѣлѣли поговорки: «прабогъ го знае!» «иди до сто прабоговъ», «бѣсъ ти и сто прабози!»—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 692.

Стр. 135-6: Скр. па̂, наст. пиб-ати—пить и пи-ја̂ти—становиться плодороднымъ, жирѣть, пи̂ван, пи̂вара—жирный, тучный; сравни лой и лить — Труды Моск. Археол. Общ., I, в. 2-й, 229.

Стр. 138: Brisînga-men, санскр. maṇi—gemma, margarita, monile, перс. minu, греч. μάννος, μόννος, лат. monile, рус. монисты—Germ. Mythen, 702.

Стр. 141: Русскіе и чехи смачиваютъ первымъ весеннимъ дождемъ свои головы—для того, чтобы волоса росли также быстро и роскошно, какъ майская трава—Громаннъ, 52.

Стр. 142: «Земля—свята мати» (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 706). Чехи о негодномъ человѣкѣ выражаются: «neni hoden, že ho zemĕ nosi!» (Гануша: Дѣдъ и Баба, 7.) При первомъ

весеннемъ громѣ они трижды цѣлуютъ землю и думаютъ, что это спасаетъ отъ удара молніи (Громаннъ, 40).

Стр. 146: Авторъ статьи «De diis samagitarum» (14, 40) разсказываетъ, что послѣ сбора жатвы народъ совершалъ жертвоприношеніе и обращался къ землѣ съ такою молитвою: «Haec tibi o Zemiennik deus, gratias agentes offerimus: quòd nos hoc anno incolumes conseruaris, et omnia nobis abundè dederis, idem ut et in posterum facias, te oramus».

Стр. 147-9: По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 65), латыши для разрѣшенія поземельныхъ споровъ выходили на̀ поле, клали на голову глыбу торфа и произносили слѣдующую клятву: «утверждаю, что земля, на которой я стою, есть земля, данная мнѣ Богомъ; если-же слова мои ложны, то да изсохнемъ, почернѣемъ и пропадемъ, подобно этому торфу, я самъ, моя семья и мой скотъ!»

Ромулъ и его товарищи, оставляя Альбу, взяли съ собой по ко̀му земли, и эту священную для нихъ землю положили въ основаніе Рима—Куланжъ, 178.

Стр. 151: Въ гродненской губ. по окончаніи жатвы поютъ (Сборн. пам. нар. творч. въ сѣв.-западн. краѣ, 158-9):

Выйди, пане, за ворота,
Выкупь вѣнка з' золота!
Не з' золота вѣнокъ витый,
Да й з' густаго жита...

Стр. 153: Въ сербской пѣснѣ (сборникъ Петрановича, 493) встрѣчаемъ слѣдующіе стихи:

Што ће мени данак без сунашца, *)
Што ли ће ми лице без очиjу?

Въ восточной Сибири поселяне говорятъ о солнцѣ: Богъ глядитъ съ неба (Щаповъ, 68).

---

*) День безъ солнца.

Стр. 157: По чешскому повѣрью, кто указываетъ на звѣзды пальцемъ, тому упадетъ звѣзда на очи — и онъ ослѣпнетъ (Громаннъ, 32).

Стр. 163: Въ польской сказкѣ (Глинск., IV, 44—45) Солнце, воротившись вечеромъ домой, «rozciągnęło się na łożu korałowém» и вскорѣ заснуло.

Стр. 170: Сравни рус. моргать и литов. mirgu, mirgēti—мерцать, сверкать (Дифенбахъ, II, 764; Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 545).

Стр. 175: Народная пѣсня, записанная въ гродненской губ., говоритъ о погибшей дѣвицѣ: «гдѣ ея òчки упали, тамъ свѣчки горѣли» (Сбор. памятн. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 244).

Стр. 176: Въ Младшей Эддѣ солнцу дается поэтическое названiе eldr himins ok lopts (feuer des himmels und der luft), и наоборотъ огонь называется sôl hûsanna (die sonne der häuser)—Die Symbolik von Sonne und Tag, 49.

Стр. 181: «Už se s nim svečeriva» говорятъ чехи объ умирающемъ—Котляр. О погребальн. обычаяхъ, 186. Сербы не совѣтуютъ засыпáть въ то время, когда садится солнце (Гласник срп. друштва 1867, V, 150): повѣрье, возникшее изъ боязни, чтобы умирающее вечеромъ (=отходящее ко сну) солнце не увлекло вслѣдъ за собою въ загробное царство и того, кто при его закатѣ пожелаетъ отдаться безмятежному покою.

Стр. 184: По мнѣнiю чеховъ, послѣ солнечнаго заката не слѣдуетъ продавать молока; кто нарушитъ это правило, у того коровы не будутъ доиться—Громаннъ, 138.

Стр. 192: Перiодъ возрастанiя луны чехи считаютъ самымъ благопрiятнымъ временемъ для стрижки волосъ, подрѣзыванiя кустовъ, посадки деревьевъ и сѣянiя хлѣба — Громаннъ, 30; болгары увѣряютъ, что хлѣбъ, посѣянный въ пол-

нолуніе, бываетъ крупный, золотистый и полный, какъ луна (сообщ. Каравеловымъ). См. также Труды Моск. Археолог. Общ., в. II, ст. Потебни 157.

Стр. 200. Загадка: «матя—товецюха, дочка—золотуха» означаетъ: печь и огонь—Сбор. памятн. нар. творч. въ сѣв.-зап. краѣ, 295.

Стр. 205: Больныхъ желтухою (gelbsucht) чехи заставляютъ смотрѣть въ золотую чашу или носить на шеѣ золотое кольцо—Громаннъ, 154. Къ подобнымъ средствамъ прибѣгали и древніе индусы. Золотая чаша—эмблема солнца (Поэт. Воз., I, 177; у нѣмцевъ употребительно выраженіе «goldne sonne»—Die Symbolik von Sonne und Tag, 30).

Стр. 213: «Свѣти, мѣсячку, свѣти ясно, якъ млынске коло»; «зойди, мѣсячку, такъ, якъ млынске коло» — воззванія карпато-русинскихъ пѣсень (Ч. О. И. и Д. 1866, III, 704). Въ чешской сказкѣ (Малый: Narodni bachorky a povĕsti, 180) богатырь, смотря на солнце, говоритъ чорту: «divam se na to kolečko, zdali bych je mohl dolů srazit».

Стр. 214: Польская сказка (Глинск., III, 7) упоминаетъ о перстнѣ-златодавцѣ. — Въ народномъ заговорѣ (Новг. Г. В. 1866, 4) читаемъ: «и всѣ частыя звѣздочки — бѣлинькіе камушки».

Стр. 216—7: Когда солнце, прорѣзывая своими лучами темныя гряды облаковъ, озаряетъ ихъ золотистымъ свѣтомъ,—скандинавскій ратникъ усматривалъ въ этихъ облакахъ воинственныхъ дѣвъ Одина (валькирій), несущихся по воздуху на дикихъ коняхъ и вооруженныхъ копьями и щитомъ — Die Symbolik von Sonne und Tag, 11.

Стр. 219: Старинный хронографъ сообщаетъ слѣдующее повѣрье: «одежда и вѣнецъ царскій на немъ (солнцѣ)... и егда зайдетъ солнце на западъ, тогда ангелы господни со-

влекаютъ съ него одежду тою и вѣнецъ царскій на престолѣ господни»—Рыбник., IV, 185.

Стр. 222: Пряжити сближается съ снскр. bradždž—assare (Radic. linguae slov., 66); слово пряжа происходитъ отъ другаго корня.

Стр. 232 Заговоръ, напечатанный въ Ч. О. И. и Д. 1867 г. (IV, смѣсь, 166), замѣняетъ дѣву Зорю св. Анастасіей: на морѣ-на окіянѣ, на островѣ (на Буянѣ) сидитъ въ церкви св. дѣвица Анастасія, «держитъ она у себя разныя иглы и шелковою нитью зашиваетъ рану кровавую, а ранѣ болѣть и крови идти заповѣдываетъ».

Стр. 234: 28 го октября крестьянки мнутъ новый ленъ и приносятъ «первину» въ церковь — Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 198.

Стр. 251: Къ Перкуну обращались съ такимъ воззваніемъ: «Perkune dëvaiti! ne muszki unt mana dirvòs, melsu, tavi palti messu»=Perkun Gottchen! schlage nicht auf mein Saatfeld, (darum) werde ich bitten, ich werde dir eine Speckseite hinwerfen. По другому чтенію: «Perkune dewajte! ne muszk und mana: Tiewe meldzio tawi paltu messu»=Perkun Gottchen! schlage nicht auf das Meinige, o Vater, ich bringe dir mit Gebet das Fleisch einer Speckseite dar (De diis samagitarum, 32, 57; см. также Труды Моск. Археол. Общ., I, 47, матер. для словаря).

Стр 253: Тунару соотвѣтствуетъ у галловъ Tanarus; кимр. и армор. taran—громъ, молнія, блудящій огонь (Галлы, соч. Георгіев., 111). Mjölnir означаетъ: «раздробитель» отъ корня mar=mal—растирать, дробить, ломать; слав. молнія, молотъ и млѣть (увядать) относятся къ тому-же корню (М. Мюллеръ, см. Филол. Записки 1868, IV-V, 306).

Русскія няньки унимаютъ капризныхъ дѣтей угрозою: Богъ камушкомъ убьетъ!»

Стр. 256: Петрей («Истор. о вел. княжествѣ московскомъ», пер. Шемякина, 48) записалъ народное преданіе, будто изъ камня, который держалъ въ своей рукѣ идолъ Перуна, вылетали во время грозы огненныя искры.

Стр. 257-8: У кельтовъ, передъ началомъ войны, вождь собственнымъ мечемъ заколалъ козу и обагрялъ ея кровью обожженную въ огнѣ палку; воины носили эту палку изъ одного селенія въ другое и призывали народъ готовиться къ битвамъ (Оссіанъ, перев. Кострова, I, стр. XXX).

Стр. 265: Когда послышится громъ, литвины говорятъ: «werzajs barrahs!» = старикъ ворчитъ! (Труды Моск. Археол. Общ., I, 48, матер. для словаря.)

Стр. 267: Кто носитъ при себѣ «громовую стрѣлку» или осколокъ дерева, въ которое ударила молнія, тотъ будетъ здоровъ и силенъ—Громаннъ, 39-40.

Стр. 291: Если на Юрьевъ день (23 апр.) падаетъ крупа (мелкій градъ), то это предвѣщаетъ хорошій урожай гречихи.—Чтобы разогнать собирающуюся грозу, старухи выбрасываютъ за окно пестъ съ этими словами: «иди, гроза, дальше! пестомъ убью» (пошехонск. уѣзда).

Стр. 297: Лужичане лѣчатъ больные глаза водою, собранною утромъ, при восходѣ солнца, изъ брызгъ, летящихъ отъ мельничнаго колеса—Neues Lausitz. Magazin 1843, III-IV, 327.

Стр. 308: Когда свиститъ дѣвица, то Богородица плачетъ, а чортъ смѣется (Громаннъ, 224; Beiträge zur D. Myth., I, 237), т. е. свистящіе вихри вызываютъ грозу; слезы Богородицы (Фреи) = дождь, а дьявольскій хохотъ = громъ.

Стр. 320: По поводу названій Pogoda и Pochwist г. Котляревскій (Разб. I-го т. Поэт. Воз., 44-45) высказалъ слѣдующее мнѣніе: «Погода и Похвистъ въ первый разъ упоминаются Длугошемъ. Кажется, что первое имя произошло

изъ желанія объяснить Подагу Гельмольда; Длугошъ для этого только переставилъ слоги въ выраженіи своего источника. Имя Похвистъ... какъ собственное не древнѣе польскаго хрониста».

Стр. 322: Г. Микуцкій названіе музыкальнаго инструмента домра (дъмна) производитъ отъ снкр. dham, литов. думти (наст. думю), др.-слав. дути (дъму)—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этногр., I, 580.

Стр. 332: Польскія сказки (Глинск., II, 33; III, 35—37) разсказываютъ о гусляхъ-самограяхъ, что они издаютъ такіе чудные звуки, «że w całym dworze zdrowi w skoczny taniec poszli, chorzy wnet pozdrowieli, smutni śmiać się zaczęli». Въ миніатюрахъ средневѣковыхъ рукописей царь Давидъ изображается играющимъ передъ гробомъ Спасителя, дабы звуками музыки пробудить его изъ мертвыхъ (Гануша: Дѣдъ и Баба, 19).

Стр. 338: Г. Котляревскій (Разб. I т. Поэт. Воз., 45) приписываетъ скоморохамъ (scamari, scamaratores, σκαμάρεις) иноземное происхожденіе.

Стр. 350-1: Чехи называютъ радугу boži duha и думаютъ, что она убиваетъ того, кто станетъ указывать на нее пальцемъ—Громаннъ, 40-41.

Стр. 352-3: По мнѣнію г. Микуцкаго, слово радуга первоначально произносилось рай-дуга, т. е. райская, небесная дуга; звукъ й поглощенъ—точно также, какъ въ словѣ поди вмѣсто пойди (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 597). Чешск. oř—конь происходитъ отъ корня ru—sonum edere (ржать), и не можетъ быть сближаемо съ словами: ara, arvan, arelis и пр.—Разб. I т. Поэт. Воз., 31; Дифенбахъ, I, 71.

Стр. 355: Кашубск. tęga=dęga, дуга—Зап. Р. Г. О. по отдѣл. этн., I, 595.

Стр. 356. Загадка: «крашеное коромысло черезъ рѣку

свисло» означаетъ радугу — Дѣтск. Пѣсни, собран. Безсонов., 221.

Стр. 363: Чехи не позволяютъ указывать на радугу пальцемъ, ибо на ней, какъ на тронѣ, возсѣдаетъ царица небесная Пресв. Марія (Ганушa: Дѣдъ и Баба, 60).

Стр. 374-5: Авторъ статьи «Die Symbolik von Sonne und Tag, 68, предлагаетъ слѣдующее объясненіе миѳа объ Одиновомъ глазѣ, сокрытомъ въ источникѣ Мимира: небо имѣетъ одно солнце (свѣтило, называемое въ Младшей Эддѣ eyglôa =augenglanz), и потому Одинъ—одноглазый; другой глазъ его сокрытъ въ источникѣ Мимира, что̀ указываетъ на отраженіе солнца въ водахъ земныхъ потоковъ.

Стр. 378: Обычай пить на здравіе и благополучіе г. Котляревскій объясняетъ изъ древнѣйшаго воззрѣнія на вино, какъ напитокъ, знаменующій амриту (О погреб. обыч., 216).

Стр. 385: Нѣмцы даютъ пчелѣ названія Herrgottsvögel, Marienvögel — Beiträge zur D. Myth., II, 450—1; у чеховъ существуетъ повѣрье, что пчелы прилетали къ распятому Христу и пили выступившій на его челѣ потъ—Громаннъ, 84.

Стр. 394: Скиѳы, заключая договоръ, наливали въ большую глиняную чашу вино, смѣшивали его съ собственною кровью, которая тутъ-же добывалась изъ нарочно-сдѣланныхъ на тѣлѣ порѣзовъ или уколовъ; затѣмъ погружали въ чашу мечь и стрѣлы, и приготовленный такимъ образомъ напитокъ выпивали послѣ произнесенія клятвы—Геродотъ, IV, гл. 70. У арменъ, иверцовъ и другихъ древнихъ народовъ цари, при заключеніи мира и дружественныхъ союзовъ, перевязывали на своихъ рукахъ большіе пальцы, прокалывали ихъ и лизали другъ у друга выступавшую кровь—ibid., I, гл. 74; Annales Тацита, XII, гл. 47. О кровавыхъ роспискахъ, вручаемыхъ чорту, см. Кіевлян. 1865, 57; Громаннъ, 27.

Снкр. cvas (вмѣсто kvas)—spirare, sibilare, stridere, скан. hvasa—шипѣть, чеш. кысати—находиться въ броженіи, киснуть—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 558. Въ старинныхъ славянскихъ рукописяхъ квасъ употребляется въ значеніи хмѣльнаго напитка, квасникъ — пьяница—Опис. слав. рукоп. моск. синод. библіот., отд. II, в. I, 164, в. II, 264.

Стр. 397: Чтобы вылѣчить больнаго желтухою, чехи совѣтуютъ плюнуть ему неожиданно въ лицо или очи—Громаннъ, 154; см. также стр. 224. У народовъ античныхъ произнесеніе заговоровъ сопровождалось сплевываніемъ—Куланжъ, 282.

Стр. 426: По народному убѣжденію, если заговоръ произнести правильно, не измѣняя ни единаго выраженія—онъ непремѣнно сбудется (Иллюстр. 1845, 250). Греки и римляне дѣйствовали на боговъ строго-опредѣленными формулами; «такая-то молитва, изъ такихъ-то словъ, увѣнчалась тѣмъ «именно успѣхомъ, о какомъ просили; конечно, это оттого, что «богъ ее выслушалъ, что она оказалась сильною, сильнѣе са«мого бога, такъ какъ онъ не смогъ ей воспротивиться. Вотъ «и сберегли въ памяти таинственныя и священныя выраже«нія этой молитвы. Сынъ повторялъ ихъ вслѣдъ за отцемъ. «Какъ скоро научились писать, они были записаны. У каж«дой семьи была книга, содержавшая въ себѣ извѣстныя за«клятія, которыя произносились предками и непремѣнно вы«полнялись богами. Это было оружіе, употребляемое человѣ«комъ противъ непостоянства его боговъ. Только не надо бы«ло измѣнять въ заклятіяхъ ни одного слова, ни одного звука «и—главное—того ритма, какъ произносились они на рас«пѣвъ; тогда молитва потеряла бы свою силу, и боги были-бъ «властны ея не выполнить... Напрасно живой языкъ измѣнялся «вмѣстѣ съ нравами и вѣрованіями; слова и ритмъ священныхъ «пѣсней оставались тѣже, и во время празднествъ попрежне«му пѣли ихъ, ничего въ нихъ не понимая»—Куланжъ, 221-3.

Стр. 447: См. замѣчанія, высказанныя г. Котляревскимъ въ Разборѣ 1 т. Поэт. Воз., 41. «Wenn ein frauenzimmer einem manne von ihrem menstrualblut beizubringen weiss, so dass ers im essen oder trinken nimmt, dann hat sie seine liebe für ewig sicher gewonnen»—Beiträge zur D. Myth., I, 210.

Стр. 471, строка 18-я сверху: Неточное выраженіе: «и островъ, и камень—метафоры тучи» слѣдуетъ замѣнить ссылкою на главу XVI.

Стр. 497: Въ славянскихъ сказкахъ упоминается о вòронахъ, облетающихъ весь свѣтъ и приносящихъ вѣсти старцу, который записываетъ эти вѣсти въ книгу—Гануша: Děwa 19.

Стр. 500: Когда идетъ снѣгъ, чехи говорятъ, что bila pani и ангельчики перестилаютъ свои постели; а въ Моравіи думаютъ, что въ это время Богъ ударяетъ бичемъ и сшибаетъ съ голубей перья — Гануша: Дѣдъ и Баба, 21, 30.

Стр. 501-2: Если вынуть изъ трехъ вороновъ и трехъ кротовъ сердцà, пережечь ихъ въ пепелъ, и потомъ смѣшать этотъ пепелъ съ порохомъ и дробью, то ни одинъ ружейный выстрѣлъ не пропадетъ даромъ—Громаннъ, 208.

Стр. 504: Въ старинныхъ рукописяхъ словомъ ногъ (noh, nog) переводится «грифъ»—Опис. слав. рук. синодальн. библіот., отд. II, в. II, 147.

Стр. 510-511: Полетъ орла предвѣщаетъ побѣду (Воен. Библіот., 132 — Ксенофонта: Отступленіе десяти тысячъ, кн. VI). Когда дерутся галки и щебечутъ сороки, чехи ожидаютъ скорой войны; сову они называютъ smrtonoška: садясь на окно или кровлю дома, птица эта предвѣщаетъ пожаръ и смерть — Громаннъ, 65—67. Вòроны своимъ полетомъ и крикомъ пророчатъ болѣзни и моръ—Beiträge zur D. Myth., I, 250—3.

Стр. 512: Когда летитъ Гаруда, отъ удара ея крыльевъ возстаетъ буря—Beiträge zur D. Myth., II, 362.

Стр. 517: Въ старинный хронографъ занесено слѣдующее повѣрье: «и егда пойдетъ солнце отъ востока къ западу, тогда огненныя птицы, нарицаемыя финиксы и ксалавъ, летаютъ предъ солнцемъ и омокаютъ крылія свои въ водѣ окѣянстей и кропятъ ими солнце, да не попалитъ лучами своими. Отъ огня солнечьнаго тѣмъ птицамъ періе обгораетъ, и бываютъ голи... и паки куп(а)ются въ окѣанѣ и обновляются»—Рыбн., IV, 185. По замѣчанію г. Миллера (ibid., стр. XXXI), двѣ огненныя птицы, прочищающія дорогу солнцу, напоминаютъ индійскихъ Асвиновъ; «о первоначальномъ значеніи «этихъ послѣднихъ, какъ свѣтоносныхъ солнечныхъ птицъ, «см. въ Zeitschrift für vergl. Sprachforsch. Куна, XIII, 114; «объ Асвинахъ, какъ миѳахъ зори утренней и вечерней, «см. у Петерсена въ его Mythologie der Griechen. Что ка«сается того, что птицы въ нашемъ сказаніи омокаютъ кры«лія свои въ водѣ океанстѣй и кропятъ ими солнце, то въ «этомъ, повидимому, сохранилось прекрасное миѳическое ука«заніе на сопряженное съ зорею явленіе росы». Съ своей стороны мы думаемъ, что подробность эта стоитъ въ тѣсной связи съ миѳомъ о купающемся солнцѣ — см. Поэт. Воз., II, 123—130.

Стр. 522-5: Если пѣтухъ остановится посреди двора, и ударяя крыльями, издастъ троекратный возгласъ, то ожидаютъ пожара. Тоже предвѣстіе соединяютъ и съ крикомъ красноперой курицы. Въ Богеміи до сихъ поръ на церквахъ, часовняхъ, домахъ и придорожныхъ крестахъ ставятъ красныя или вызолоченыя жестяныя изображенія пѣтуховъ. Пѣтухъ и куры считаются у чеховъ вѣщими птицами, предсказывающими хорошую погоду или ненастье, изобиліе или неурожай. Курица, поющая пѣтухомъ, предзнаменуетъ разоре-

ніе, пожаръ и близкую кончину кого-либо изъ домашнихъ; чехи совѣтуютъ убивать ее, а словаки — бросать въ воду («čertovi poslat»). Бѣлый пѣтухъ приноситъ въ домъ счастіе и охраняетъ его отъ злыхъ чаръ— Громаннъ, 75–76, 229.

Стр. 529: Нечистый духъ охотно принимаетъ образъ ворона. У индѣйцевъ воронъ и ворона признавались зловѣщими птицами; по мнѣнію чеховъ, онѣ появленіемъ своимъ и карканьемъ пророчатъ бѣдствія и распри. Коршунъ прилетаетъ къ чародѣямъ, какъ гонецъ, присланный чортомъ — Громаннъ, 65–66.

Стр. 532: По чешскому повѣрью, если яйцо, снесенное черною курицею въ четвергъ, носить девять дней подъ мышкою, то изъ него вылупится šotek, который станетъ заботиться о счастіи своего хозяина и будетъ исполнять всѣ его желанія—Громаннъ, 16, 18; Beiträge zur D. Myth., I, 250.

Стр. 534: Когда раздастся сильный, потрясающій ударъ грома, прирейнскіе жители говорятъ въ ужасѣ: do fallen alle nüng! (упали всѣ девять кеглей!) Народная сказка заставляетъ героя Молнію (Blitz) играть въ кегли и бросать шаръ (kugel), который въ быстромъ полетѣ свѣтится яркимъ пламенемъ, и послѣ каждаго удара, подобно Торову молоту, самъ собою возвращается въ руки миѳическаго игрока. Славяне знаютъ Перуновъ шаръ (Paroms gula), поражающій нечестивыхъ и преданныхъ проклятію—Beiträge zur D. Myth., II, 120—1. По мнѣнію чеховъ, молнія есть круглый огненный камень, величиною съ пулю или съ волошскій орѣхъ. Во время лѣтней грозы ангелы, апостолъ Петръ или самъ Господь бросаютъ эти камни и производятъ громовый грохотъ — Громаннъ, 37, 212.

Стр. 541. Slov. povesti, изд. Škultety a Dobšin., I, 5: сказочный богатырь сражается съ дракономъ, а голуби крыльями своими отмахиваютъ отъ него змѣиный пламень.

Стр. 543: Г. Микуцкій сближаетъ слово Guth, Gud, Got (богъ) съ санскр. guh (вм. gudh) — tegere, occulere, и думаетъ, что первоначально оно означало небо (=кровъ), точно также, какъ литов. дангус—небо отъ денгти—крыть и латыш. юмалс отъ юмт (съ тѣми-же значеніями) — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 591. Говоря о частыхъ и продолжительныхъ дождяхъ, бѣлоруссы употребляютъ выраженіе: «небо продралося»—ibid., 361.

Стр. 552: «Облацы плаваютъ»—Опис. слав. рук. синод. библ., отд. II, в. II, 242.

Стр. 557-8: «Въ Народ. южнорус. сказкахъ» (изд. Рудченко, I, 123) упоминается кабанъ, «що носомъ оре, ушима сiје, а хвостомъ волочить.» Beiträge zur D. Myth., II, 409: «Im symposion sagt Plutarch von dem schwein, dass es rostro terram findens vestigium arationis impresserit ac vomeris opus subministraverit; und Grimm sagt auch: einen grund der heilighaltung des ebers findet man darin, dass er die erde aufwühlt und die menschen von ihm das pflügen gelernt haben.» — Въ Гаривантѣ боги спускаютъ съ неба плугъ, булаву и лукъ—Вѣст. Евр. 1868, II, 654.

Стр. 565-9: Въ Чехахъ уцѣлѣлъ обычай, по которому, при началѣ весеннихъ посѣвовъ, крестьяне отправляются ночью на̀ поле, вмѣстѣ съ голою дѣвицею и чернымъ котомъ, и тащатъ за собою плугъ; тамъ приготовляютъ они глубокую яму, бросаютъ въ нее чернаго кота и зарываютъ его въ землю. Въ прежніе годы плугъ вывозили на̀ поле три голыя женщины—Громаннъ, 143-4.

Стр. 570: Въ бурныя лѣтнія грозы чехи выставляютъ надъ стрѣхою помело, или кладутъ топоръ остріемъ кверху—для того, чтобы предохранить свои нивы отъ града (Громаннъ, 38; Гануша: Дѣдъ и Баба, 55).

Стр. 571: Когда дождь идетъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы говорятъ: «коробомъ солнце, ситомъ дождь!» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 332. По чешскому повѣрью, Мелюзина, осужденная носиться по воздуху въ бурныхъ вихряхъ, держитъ въ рукахъ сито и сыпетъ изъ него градъ и крупу—Громаннъ, 3.

Стр. 574: На страстную пятницу хозяинъ объѣзжаетъ свои поля верхомъ на помелѣ и втыкаетъ въ землю осиновыя вѣтки; дѣлается это съ тою цѣлію, чтобы кроты не рыли полей и не вредили посѣвамъ—Громаннъ, 59.

Стр. 579: На берегахъ Рижскаго залива найдены могилы, около которыхъ лежатъ камни, сложенные на подобіе лодокъ; латыши называютъ эти могилы чортовыми лодками — Археолог. Вѣстникъ 1867, I, 33.

Стр. 581: Владиміръ Мономахъ, по его собственному выраженію, писалъ свое поученіе дѣтямъ «сѣдя на санѣхъ», т. е. на смертномъ одрѣ.

Стр. 595: Отголосокъ древняго миѳа о Фаэтонѣ находимъ въ малорусской сказкѣ (см. сборн. г. Рудченка, I, 93-94). Добрый молодецъ женится на солнцевой дочери, и купаясь въ молокѣ, дѣлается такой «ясній, неначе сонце» (сравни Поэт. Воз., II, 125). Солнце уступаетъ ему свой стулъ (престолъ), на которомъ и выѣзжаетъ онъ погулять по свѣту; всѣ встрѣчные на пути принимаютъ его за праведное Солнце. Во время этого поѣзда добрый молодецъ попалилъ чуть не половину небесныхъ виноградниковъ.

Стр. 600: Малороссійская сказка (Рудченко, I, 138) повѣствуетъ о заключенной подъ землею царевнѣ: «вона вже не одинъ цеберъ наплакала, такъ що слези јији ажъ на сей свитъ сходять... Якъ тилько сонечко зажеврије, то по всякому дереву и по всякій билини роса и выступаје. Оце-жъ не що, якъ тіи слёзи!» Въ литовской пѣснѣ (Юшкевич., 9-10) Солн-

це, обѣщаясь оплакать убитаго молодца, говоритъ, что оно въ продолженіи девяти дней каждое утро будетъ восходить во мглѣ.

Стр. 601: Если въ день свадьбы идетъ дождь, то невѣста будетъ оплакивать свое замужство (чехи увѣряютъ, что ей прійдется пролить столько-же слезъ, сколько упало въ этотъ день дождевыхъ капель), а если сіяетъ солнце, то будетъ смѣяться, веселиться — Громаннъ, 119; Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

Стр. 603: О дождѣ, идущемъ при солнечномъ сіяніи, бѣлоруссы выражаются: «царевна (=богиня Фрея) плачетъ»—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 460.

Стр. 612. Народная загадка: «сива (вар. билая) кобыла весь лисъ појила» означаетъ: пламя очага—Сборн. памятн. нар. творч. въ сѣв.-запад. краѣ, I, 298, 300.

Стр. 615: О конѣ Ильи Муромца народная пѣсня (Рыбн., IV, 24) говоритъ:

Куда падаютъ копыта лошадиныя,
Тутъ становятся колодцы ключевой воды.

Стр. 634: По мнѣнію чеховъ, бѣлые кони приносятъ дому счастіе; если свадебный поѣздъ, ворочаясь изъ церкви, повстрѣчаетъ бѣлую лошадь (или корову) — это знакъ, что Богъ благословитъ молодую чету чадородіемъ; напротивъ встрѣча съ черною лошадью (или быкомъ) сулитъ новобрачнымъ бездѣтство; громкое ржаніе коней предвѣщаетъ войну—Громаннъ, 53, 120. Дарій Истаспъ былъ избранъ на царство по ржанію коня.—Геродотъ, кн. III, гл. 84.

Стр. 637: Священное значеніе конской головы до сихъ поръ имѣетъ силу въ Персіи; личность преступника считается тамъ неприкосновенною до тѣхъ поръ, пока онъ пребываетъ въ конюшнѣ или держится за конскую голову — Археол. Вѣстникъ 1867, II, 53.

Стр. 640: «Илля насюкавъ въ рѣку» — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 317. Если олень валяется на лугу или нивѣ—это служитъ предвѣстіемъ урожая; по болгарскому повѣрью, онъ приноситъ съ собою росу, которая капаетъ изъ его глазъ (сообщ. г. Каравеловымъ). По свидѣтельству народной саги, олень, ударяя въ землю копытомъ, выбиваетъ изъ нея водный источникъ—Beiträge zur D. Myth., II, 425.

Стр. 641-2: Заяцъ, пробѣжавшій черезъ деревню, принимается у чеховъ за предвѣстника пожара — Громаннъ, 57-58.

Стр. 645: Бѣлоруссы о томъ, кто нечаянно прожжетъ свою одежду, выражаются: «лисицу поймавъ!»—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 338, 404. Финны сѣверное сіяніе называютъ лисьимъ огнемъ — см. Reinhart fuchs Гримма. Г. Микуцкій слова лисъ, лиса производитъ отъ санкр. риш —laedere, perdere, interficere (Зап. Р. Г. О. по отдѣлен. этногр., I, 576).

Стр. 646: Стихійные духи, посылающіе на землю дожди, даруютъ людямъ хлѣбъ насущный (урожаи). Вотъ почему по южнорусскому повѣрью: когда гремитъ громъ — это Господь ѣздитъ по небу въ своей колесницѣ и возитъ калачи (см. Поэт. Воз., I, 265); въ дѣтской пѣснѣ ворона варитъ кашу (т. е. завариваетъ въ грозовомъ пламени зёрна дождя; сравни Поэт. Воз., I, стр. 522); наконецъ и лиса приноситъ при началѣ весны вкусные гостинцы.

Стр. 648: Трехцвѣтная кошка охраняетъ домъ отъ пожара; когда кошка играетъ съ своимъ хвостомъ — надо ожидать вѣтреной погоды; наканунѣ Рождества Христова или весною чехи ловятъ чернаго кота и зарываютъ его въ полѣ или въ саду подъ деревомъ—для того, чтобы злые духи не вредили урожаямъ (Громаннъ, 55-56, 87; Beiträge zur D. Myth., II, 439).

Стр. 663: Литов. акис — око, глазъ, означаетъ также и водяную жилу, родникъ; у латышей ака — колодезь; въ Карпатахъ и Татрахъ горнымъ озерамъ даютъ названіе: морске око—Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 585.

Стр. 667: Чехи во время грозы боятся дотрогиваться до молока, чтобы не убила молнія—Громаннъ, 38.

Стр. 683: Когда на небѣ видны бѣлыя облачки — это, по словамъ чеховъ, «св. Петръ пасетъ овечекъ» или: «св. Петръ печетъ хлѣбы» (готовитъ урожай)—Громаннъ, 32.

Стр. 687: Въ Болгаріи, наканунѣ Новаго года, старуха беретъ сухое овечье руно и выставляетъ его на ночь въ сѣни; если по утру руно будетъ влажно (отсырѣетъ), то наступающій годъ обѣщаетъ изобиліе, и наоборотъ: если руно останется сухимъ, то годъ будетъ несчастливый (неурожайный)—Моск. Газета 1866, Каравелова: «Святки у болгаръ».

Стр. 711-2: Въ парохіи Вишневской (говоритъ Иличь, стр. 144), есть церковь св. Георгія, куда ежегодно на Юрьевъ день приходятъ пастухи и молятся объ охраненіи ихъ стадъ отъ волковъ.

Стр. 721: По мнѣнію г. Микуцкаго (Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 606), слова хортъ (хрътъ, литов. куртас)—борзая собака и хрълъ—celer одного корня

Стр. 727: Для того, чтобы утихла буря, чехи высыпаютъ за окно, на улицу, муку и соль—Громаннъ, 36.

Стр. 730: На Исполиновыхъ горахъ разсказываютъ о лѣсномъ охотникѣ, который въ извѣстные дни носится по лѣсамъ, сопровождаемый четырьмя огненными собаками. Въ Арнау думаютъ, что дикой охотникъ является вмѣстѣ съ бурею и ломаетъ деревья; кто повстрѣчается съ нимъ въ лѣсу, того ожидаетъ скорая смерть. Разсказываютъ еще, будто дикой охотникъ ѣздитъ въ глухую полночь на безголовомъ козлѣ, а передъ нимъ бѣгутъ двѣ собаки, послушныя его

громкому свисту. Народная фантазія даетъ ему зеленое платье, длинные охотничьи сапоги, ружье и кортикъ. Когда въ полночь надвинутся черныя тучи — крестьяне думаютъ, что въ ихъ мракѣ скрывается дикой охотникъ, и чтобы прогнать его—совѣтуютъ стрѣлять въ облака (Громаннъ, 3-4). Въ повѣрьяхъ этихъ нельзя не замѣтить значительнаго вліянія нѣмецкихъ сагъ.

Стр. 732: По чешскому повѣрью, передъ кончиною человѣка является огромная черная собака, обходитъ вокругъ дома, въ которомъ лежитъ умирающій, и располагается гдѣ-нибудь вблизи этого жилища; когда человѣкъ умретъ— собака немедленно исчезаетъ. Точно также въ Вестфаліи разсказываютъ о собакѣ, которая ночью, передъ смертію каждаго изъ членовъ семейства, трижды обѣгаетъ домъ, и затѣмъ немедленно удаляется на церковный дворъ; во время заразительныхъ, повальныхъ болѣзней она бываетъ жирная и тучная. Въ этой собакѣ нетрудно узнать небеснаго пса (Sârameya), который, по индѣйскимъ преданіямъ, являлся къ людямъ, какъ посланникъ Ямы, властителя усопшихъ—Громаннъ, 187.

Стр. 733: У болгаръ существуетъ примѣта: если собака валяется на засѣянной нивѣ, то этимъ она предвѣщаетъ хорошій урожай (сообщено г. Каравеловымъ).

Стр. 736: У чеховъ глазная болѣзнь извѣстна подъ названіемъ nočni mlha или vlči mlha (мгла)—Громаннъ. 174.

Стр. 738 и 740: Сканд. vargr—latro, maleficus, lupus г. Микуцкій сближаетъ съ рус. вергать, литов. варгти— быть отвержену, брошену, варгас — нужда, бѣдность, верrас—рабъ; врагъ (ворогъ)—отверженный, извергъ — Зап. Р. Г. О. по отд. этногр., I, 576.

Стр. 739: Сопутствуя богу весеннихъ грозъ, волки-вихри мчатся въ дикой охотѣ, какъ его ловчіе псы, и помогаютъ ему истреблять темныхъ демоновъ. По народному повѣрью,

чертей столько-бы расплодилось, «що-й свиту-бъ не було, якъ би јихъ громъ не бивъ та вовки не вијидали!» (Рудченко: Нар. южнорус. сказки, I, 73.)

Стр. 756: «Loki den wolf Fenrir und die schlange Jörmungandr zeugte, gandr aber wiederum wolf bedeutet»—D. Myth., 1049. Въ русскихъ сказкахъ змѣй и желѣзный волкъ выступаютъ съ одинаковымъ демоническимъ характеромъ.

Стр. 766: Въ 1302 году, когда французы снаряжались къ битвѣ и графъ Артуа сталъ надѣвать оружіе, ручной волкъ его бросился на своего господина и принялся срывать съ него воинскіе доспѣхи. Графъ прогналъ волка, вступилъ въ битву, но потерпѣлъ пораженіе—Beiträge zur D. Myth., I, 27.

Стр. 771: Чтобы дѣти не трогали огня, имъ говорятъ: «онъ тебя укуситъ»—Вилен. Сборн., I, 190-1.

Стр. 775: Иличь (стр. 251) сообщаетъ поговорку: «tko na mēsec laje, izpast će mu zubi».

Стр. 782: Встрѣча съ овечьимъ гуртомъ считается добрымъ знакомъ, а встрѣча со стадомъ свиней сулитъ несчастіе—Громаннъ, 220.

Стр. 787: Сѣверные поэты называли солнце свѣтлою невѣстою (heidh brûdhr himins)—Die Symbolik von Sonne und Tag, 68.

ТОМЪ II.

Стр. 2: Ибнъ-Даста (въ началѣ X-го вѣка) называетъ славянъ огнепоклонниками — Ж. М. Н. П. 1868, X, 671.

Стр. 3-4: Названіе радуница г. Котляревскій (О погребал. обычаяхъ, 251) сопоставляетъ съ ведійс. radanh—жертвоприношеніе отъ корня râd—давать, приготовлять, и даетъ ему значеніе обѣта (сер. дати). Но г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 624) замѣчаетъ, что слова radanh не существу-

етъ. «Авторъ (говоритъ онъ), вѣроятно, хотѣлъ привести зендское râdaṇh, которому въ санскритѣ слѣдуетъ считать соотвѣтствующимъ râdh-as. Но гортанное ṇ передъ h въ зендскомъ языкѣ не имѣетъ ничего общаго по происхожденію со звукомъ *н* въ словообразовательномъ слогѣ *ни* русскаго радуница». Г. Даль производитъ слово «радуница» отъ глагола радовать; соглашаясь съ его мнѣніемъ, г. Лерхъ добавляетъ: «по корню своему и радуница и радовать могутъ быть одного происхожденія съ зенд. râdaṇh и снкр. râdhas, но суффиксы ихъ разные».

Стр. 19: Чтобы избавиться отъ болѣзни, сербы проходятъ промежъ двухъ костровъ, разведенныхъ съ помощію живаго огня— Гласник срп. друштва 1867, V, 167.

Стр. 40: Въ малорусскихъ сказкахъ (Рудченко, I, 83, 86) Солнце и Мѣсяцъ, при посѣщеніи ихъ странствующими героями, говорятъ: «що це таке, що руська кость смердить!»

Стр. 42-43: Въ Ливоніи прежде, чѣмъ семья приступала къ изготовленнымъ яствамъ и напиткамъ, было въ обычаѣ бросать въ огонь кусокъ мяса и плескать на горячіе уголья пивомъ—Ч. О. И. и Д. 1868, II, 62 (Олеарій).

Стр. 55: По свидѣтельству Аристотеля: «забота вѣдать все-«народныя жертвоприношенія гражданской общины принадлежа-«ла, по религіозному обычаю, не особымъ жрецамъ, но лицамъ, «занявшимъ санъ свой отъ огнища, и которыхъ здѣсь называли «царями, тамъ пританами, индѣ архонтами». Каждая община имѣла свой государственный очагъ, свое огнище, блюстителемъ котораго былъ царь; неспособный къ жречеству не могъ быть и царемъ. Такъ одинъ изъ древнихъ царей Сикіона былъ низвергнутъ, потому что, осквернивъ руки смертоубійствомъ, уже не могъ приносить жертвъ. «Гомеръ и Виргилій представляютъ намъ царей, безпрерывно-занятыхъ священными обрядами. Мы знаемъ изъ Демосѳена, что древніе цари Атти-

ки сами совершали всѣ жертвоприношенія, предписанныя религіей гражданской общины; знаемъ изъ Ксенофонта, что спартанскіе цари были главами лакедемонской религіи... Тоже самое и римскіе цари; преданіе всегда изображаетъ ихъ священниками»—Куланжъ, 230-1, 239.

Стр. 61-62: У древнихъ писателей встрѣчаемъ выраженія: «боги, сидящіе у моего очага; Зевсъ моего огнища; Аполлонъ моихъ праотцевъ». «Умоляю тебя, говоритъ Текмесса Аяксу, именемъ твоего пріочажнаго Зевса»; волшебница Медея говоритъ у Еврепида: «клянусь Гекатою, богиней, обитающей въ святилищѣ моего очага!»—Куланжъ, 160.

Стр. 67: Обычай зажигать на храмовой праздникъ большую восковую свѣчу, покупаемую на общій мірской счетъ, соблюдается во многихъ селахъ. Въ мосальскомъ и жиздренскомъ уѣздахъ такая свѣча въ продолженіи цѣлаго года хранится въ очередной избѣ, и дому этому, какъ хранителю святыни, оказывается особенное уваженіе. За нѣсколько дней передъ наступленіемъ храмоваго праздника со всѣхъ дворовъ собираютъ ржаной солодъ, хмѣль и разные съѣстные припасы, изъ которыхъ варится пиво и готовится обильная трапеза. Въ день праздника поселяне сходятся въ церковь, и послѣ обѣдни подымаютъ чествуемую икону и несутъ въ ту избу, гдѣ стоитъ мірская свѣча. Хозяинъ и хозяйка встрѣчаютъ икону съ хлѣбомъ-солью становятъ ее на лавкѣ, усыпанной рожью, ячменемъ и овсомъ, и зажигаютъ передъ нею мірскую свѣчу. Затѣмъ совершается молебствіе, и по окончаніи его икона и свѣча переносятся въ слѣдующій очередной домъ, гдѣ также служатъ молебенъ. Послѣ того икону возвращаютъ въ церковь, и праздникъ заключается общественнымъ пиршествомъ.—Вѣст. Р. Г. О. 1853, III, 3-4; Географ. Извѣстія 1850, III, 329; Терещ., V, 150.

Стр. 90: Лат. termo, termen, terminus, греч. τέρμα, τέρμων — граница, рубежъ, межа (in-trare, ex-

trare, trans = вед. tiras, гот. thairh, др.-в.-нѣм. durh— черезъ)—Курціусъ, 189.

Стр. 92: Перемѣщать межевые знаки съ недобрымъ умысломъ (т. е. ради собственной выгоды) считается у словенцевъ за величайшій грѣхъ; кто это дѣлаетъ, того наказываютъ злые духи—Književnik, година 3-я, вып. III-IV, 456.

Стр. 94: На Руси принято некрещенныхъ дѣтей хоронить подъ порогомъ дома, а самоубійцъ — на дорогахъ; перекрестки потому и страшны народному воображенію, потому и признаются за мѣста полуночныхъ бѣсовскихъ сборищъ, что они изстари были посвящаемы усопшимъ и состояли подъ охраною родовыхъ эльфовъ (т. е. блуждающихъ душъ предковъ). По свидѣтельству Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868 г., II, 60), въ Ливоніи некрещенныхъ дѣтей хоронили не на кладбищахъ, а гдѣ-нибудь на дорогѣ, преимущественно на перекресткахъ. Литовцы еще въ XVII в. совершали погребальные обряды среди полей или въ лѣсахъ, и каждый отдѣльный родъ имѣлъ свое собственное огнище—для сожженія своихъ усопшихъ. У Длугоша читаемъ: «Lituani tamen, cum silvarum et nemorum abundarent multitudine habebant speciales sulvas, in quibus singulae villae et quaelibet domus atque familia speciales focos obtinentes decedentium cadavera solebant conflagrare». Онъ же говоритъ о жемантахъ: «In praefatis sylvis habebant focos in familias et domos distinctos, in quibus omnium charorum et familiarum cadavera cum equis sellis et vestimentis potioribus incendebant.» Могильные холмы служили въ старое время пограничными знаками; eżagulis означаетъ въ литовскомъ языкѣ могилу, курганъ и межевой камень; deus Ezagulis (Eżagullys) — тотъ, кто покоится на межѣ (усопшій) = deus tumuli (Joh. Lasicii Poloni de diis samagitarum libellus, 34-35, 58, 66).

Стр. 103: Чехъ, замѣчая на своемъ тѣлѣ темныя пятна—какъ-бы отъ ушиба, говоритъ: «umrlý na mne sáhnul v noci»—мертвецъ давилъ меня ночью (Труды Моск. Археолог. Общ., I, вып. II, ст. Потебни, 171).

Стр. 107: Въ костромской губ. вѣшаютъ въ курятникахъ камни (такъ называемые курячьи боги) для того, чтобы кикиморы не давили куръ—Послов. Даля, 1058. Одинъ изъ этихъ камней, доставленный въ Московское Археологическое Общество (см. Археол. Вѣстникъ 1867, IV, 186), носитъ на себѣ слѣды искусственной отдѣлки: онъ изображаетъ голову, у которой видны глаза, уши, носъ и просверлены ноздри.

Стр. 139: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погребал. обыч., 198), «этимологія слова рай указываетъ на понятіе солнечной, воздушной области: корень raj (радж), отъ котораго оно происходитъ, обозначалъ первоначально впечатлѣніе небеснаго блеска, небеснаго моря, свѣтлой облачной страны; въ такомъ смыслѣ терминъ употреблялся въ Ведахъ... Ирій и вырій только иныя лингвистическія формы слова рай, прямо происшедшія отъ того-же корня, только въ иной формѣ arj». Г. Лерхъ (Ж. М. Н. П. 1868, XI, 623-4) замѣчаетъ, что въ нашемъ праязыкѣ не могло существовать корня raj; общеиндоевропейскою формою для санскр. raj должно принять arg. М. Мюллеръ, на котораго ссылается г. Котляревскій, говоритъ о снкр. существительномъ rájas (раджас)—первоначально блескъ, потомъ вода (т. е. блестящая) и наконецъ облако; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ригъ-Веды множеств. число отъ раджас означаетъ: облачное небо.

Стр. 148-9: Рус. алатырь-камень и греч. ἤλεκτρον восходятъ къ снкр. корню ark (=ἀλκ)—блистать, испускать лучи (ark-as—лучь, солнце, кристалъ, мѣдь, arkis—блескъ); ἠλέκ-τωρ—солнце, т. е. сіяющее, ἤλεκ-τρον—блестящій металлъ (смѣсь золота и серебра—Курціусъ: Grund-

züge der griech. etymol., I, 107; Bulletin de l'Academie Imp., т. XII, стат. Куника о нѣкот. славян. названіяхъ пурпура, солнца и янтаря, 40; Вѣст. Евр. 1868, IX, ст. Гильфердинга, 212: латырь = лак-тырь; окончаніе тар, тра означаетъ существо или предметъ, производящіе какое-либо дѣйствіе). Въ азбуковникахъ читаемъ: «илектръ-камень зѣло честенъ отъ великихъ камней, именуемъ златовидѣнъ, убо вкупѣ и сребровидѣнъ... проявляетъ неумаляемую и чистую свѣтлость... и свѣтовидную и небесную зарю» — Сахаров., II, 160. Въ древнѣйшемъ англосаксонскомъ памятникѣ на вопросъ: «что такое солнце?» данъ слѣдующій отвѣтъ. «солнце—горючъ камень»—Миллера: Опытъ ист. обозр. рус. слов., I, 335 (изъ Migne: Dict. des apocryphes).

Стр. 156: Которая рыба прянетъ сама изъ рѣки въ лодку, ту рыбу свари и дай съѣсть женѣ: отъ того жена станетъ дѣтей родить—Ч. О. И. и Д. 1867, IV, смѣсь, 157.

Стр. 167: Въ старинномъ литовскомъ словарѣ Deivàitis —синонимъ Перкуна; женская форма Deivàite (Dëvàite) означаетъ богиню дождей, а во множественномъ числѣ deivàites, dëvàites—нимфы источниковъ и рѣкъ (первоначально: дождевыхъ потоковъ)—Lituania Шлейхера, 24.

Стр. 177: Снкр. dhê, dhajâmi—bibo, lacteo, dhâtr—nutrix, dhênus—доящаяся корова, milchkuh, зенд. daina—weibchen, греч. θῆσθαι—доить, τιθήνη, τίτθη—кормилица, τίτθος—материнская грудь, гот. daddjan—кормить грудью, швед. dadda—кормилица, мамка, швц. dodô—мать, др.-в.-нѣм. tâu—lacto, tila—mamma, сл. дою, доилица—Курціусъ, 217; Дифенбахъ, II, 608. Вѣроятно, къ одному корню съ этими словами относится и сербская додола; если принять такое производство, то подъ именемъ додолы должно разумѣть богиню, изливающую изъ своихъ облачныхъ грудей

молоко-дождь, производительницу земныхъ урожаевъ и всеобщую кормилицу.

Стр. 183: Чтобы излѣчиться отъ желтухи, сербы берутъ желтоногаго пѣтуха, купаютъ его въ водѣ, и потомъ пьютъ эту воду, какъ лѣкарство—Гласник срп. друштва 1867, V, 187.

Стр. 240: Въ олонецкой губ. (Памятн. книжка олон. губ. на 1866 г., 18—19) разсказываютъ, что водяной, переселяясь на другое мѣсто, прорывается ручьемъ и приготовляетъ для себя новое озеро.

Стр. 249: По свидѣтельству Ибнъ-Дасты, руссы приносили въ жертву мущинъ, женщинъ и лошадей. Жрецъ (кудесникъ) накидывалъ на шею обреченнаго человѣка или животнаго петлю, подымалъ его на бревно, и умертвивъ удушеніемъ, восклицалъ: «вотъ это жертва богу!»—Ж. М. Н. П. 1868, XII, ст. Хвольсона, 674.

Стр. 271: У руссовъ, говоритъ Ибнъ-Даста (Ж. М. Н. П. 1868, XII, 674, 769), если обѣ тяжущіяся стороны недовольны приговоромъ вел. князя, то окончательное рѣшеніе дѣла предоставляется оружію: чей мечь острѣе, тотъ и одержитъ верхъ. Побѣжденный долженъ смириться и удовлетворить побѣдителя.

Стр. 303: Чтобы предохранить себя отъ зубной боли, чехи берутъ осколокъ дерева, въ которое при первой весенней грозѣ ударила молнія, приготовляютъ изъ этого осколка порошокъ и чистятъ имъ зубы, или: заслышавъ первый весенній громъ, они берутъ кусокъ желѣза и держатъ его въ зубахъ во все время, пока продолжаются небесные раскаты—Громаннъ, 40, 169.

Стр. 304: Въ нижегородской губ. раскалываютъ осину и пронимаютъ сквозь нее дѣтей, больныхъ грыжею (Нижегор. Сборн. 1867, I, 179); въ рукописныхъ сборникахъ заговоровъ

и лѣчебныхъ наставленій предлагается совѣтъ: «сыщи рябину древо, чтобъ отростелина была бы отъ нея, да отсѣки ее, да расколи надвое, да свяжи въ концахъ посконною ниткою, и пройди сквозь рябину трожды» (Рыбник., IV, 250).

Стр. 307: Въ «Кіевлянинѣ» (1865, 52) записано народное преданіе, что крестъ, на которомъ распяли Спасителя, былъ сдѣланъ изъ осины и что въ наказаніе за это Богъ обрекъ означенное дерево на вѣчную дрожь. Въ Германіи увѣряютъ, что дерево, на которое садится маръ (mâr), дрожитъ—хотя бы вовсе не было вѣтра, и вскорѣ потомъ засыхаетъ—Germ. Mythen, 712.

Стр. 321: Ливонцы, самогиты и русскіе чтили духа, пребывающаго въ священныхъ рощахъ и деревьяхъ; думали, что онъ обитаетъ «sub sambuco» и подъ этимъ деревомъ ставили для него хлѣбъ, пиво и другія приношенія — De diis samagitarum, 20. Въ Ливоніи, по словамъ Олеарія (Ч. О. И. и Д. 1868, II, 61), народъ обвязывалъ нѣкоторыя избранныя деревья красными лентами и совершалъ подъ ними суевѣрныя моленія и обѣты.

Стр. 343-4: По разсказамъ гуцуловъ (Пантеонъ 1855, V, ст. Вагилевича, 50), дикія жены живутъ въ пещерахъ, на неприступныхъ мѣстахъ; ночью онѣ собираются толпами, бѣгаютъ по полямъ и лѣсамъ, хлопаютъ въ ладоши, и завидя путника, бросаются на него и начинаютъ щекотать. Гуцулы представляютъ ихъ высокими, худощавыми, съ блѣдными лицами и длинными, растрепанными волосами; вмѣсто пояса онѣ обвязываются травою.

Стр. 385: Папороть, папоротокъ—птичье крыло (Толков. слов., II, 12).

Стр. 396: Стонъ мандрагоры = громъ; сравни стонати, греч. στένω, лат. tonare, tonitru и нѣм. thunar—Археол.

Вѣст. 1867, IV, 150. Гроза стонетъ: «нощь стонущи ему грозою птичь убуди» (Слово о полку).

Стр. 398: Разрывъ-травѣ соотвѣтствуетъ камень, приносимый по нѣмецкому повѣрью дятломъ (donnerstein). Если завязать платкомъ гнѣздо сойки, то, по разсказамъ чеховъ, она принесетъ камышекъ, отъ прикосновенія котораго тотчасъ-же распутаются всѣ наложенные узлы. Съ помощію этого камня можно находить сокрытые въ землѣ клады -- Археол. Вѣстн. 1867, IV, 150.

Стр. 415-6: Широколистый, красноцвѣтный чертополохъ обладаетъ великою силою. Чтобы избавиться отъ преслѣдующаго чорта, совѣтуютъ бросать въ него цѣпкими шишками этого растенія. Чертополохъ прогоняетъ, изводитъ червей: повѣрье, относимое первоначально къ демоническимъ змѣямъ. На тоже могучее свойство поражать демоновъ (волка или змѣя-тучу) указываетъ и названіе звѣробой, придаваемое различнымъ травамъ и между прочимъ желтоголовнику (малор. горицвитъ) и купальскому желтоцвѣтному зелью (польск. swiętojańske ziele, нѣм. Johanniskraut) — Археол. Вѣстн. 1867, IV, 148—150.

Стр. 434: Въ Германіи существуетъ повѣрье: если при поворотѣ солнца выстрѣлить въ него въ самый полдень, то на землю канутъ три капли крови, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмени, и выростаетъ папоротникъ — Кунъ, 221.

Стр. 491: Слав. рамо, нѣм. arm и лат. ramus — сукъ, вѣтвь, отрасль.

Стр. 514: Греч. τύφω — жгу, τῦφος — дымъ, мракъ, τυφῶν, τυφῶς—вихрь, ср.-в.-нѣм. dimpfen (dampfen)— испускать пары, чадъ, литов. dumpja — раздуваю огонь, снкр. dhûp, dhûpajâmi—suffio, fumo, dhûpikâ—туманъ (Курціусъ, 194).

Стр. 525. Въ сербскихъ пѣсняхъ Петрановича (стр. 181—2, 187, 190) читаемъ: a) «змај долеће — код језера у траву пануо, око себе очим' расв'јетлио; онда скиде крила и окриље, крај језера у траву турио, па се купат' стаде у језеру». Юнакъ пускаетъ въ змѣя стрѣлу — тогда змѣй «из' језера у траву скочио, па обуче крила и окриље» и поднялся къ небу подъ облака. b) «Лети змаје као ватра жива... очим' витла, а ватру просипа.» c) «Кад се змаје крила добавио, начини се гуја шаравита—су шест крила од пламена жива.»

Стр. 533: Когда случится солнечное затмѣніе, въ Краинѣ думаютъ: «да нека аждаја Врколак хоће да прогута (проглотить) сунце.» Большіе и малые выбѣгаютъ тогда въ поле и ударяютъ въ котлы, тазы и во все, что̀ только можетъ издавать громкіе звуки, дабы испугать змѣю-оборотня — Гласник срп. друштва 1867, V, 194.

Стр. 557: «Прiјихавъ у такій-то городъ, и на ввесь городъ той одна криниця, и въ тій криници сидить змій з' дванадьцятьма головами. И то такъ: якъ идуть вси по воду и ведуть одну душу, то винъ ззисть јiји, а вони наберуть соби води, а инакше не можна» (Рудченко, 126). Въ другой сказкѣ упоминается колодецъ съ цѣлющей водою, возлѣ котораго прiковано къ столбамъ двѣнадцать огнедышащихъ змѣевъ (ibid., 135).

Стр. 558: Когда бываетъ засуха, сербы думаютъ, что гдѣнибудь въ окрестностяхъ появилась змѣя, ловятъ ее и убиваютъ—Гласник срп. друштва 1867, V, 95.

Стр. 582: Заклинатель, желающій уничтожить жатву въ поляхъ своего недруга, беретъ обѣими руками змѣю, и произнеся заговоръ, выпускаетъ ее въ окно или двери съ этими словами: szmikszt per eszè! (иди черезъ поле). Вслѣдъ затѣмъ жатва будетъ истреблена градомъ и червями. Если-же заклинатель имѣетъ въ виду хлѣбъ, собранный въ амбарахъ,

то говоритъ змѣѣ: szmikszt per arûda! (ступай въ закромà) — De diis samagitarum, 37.

Стр. 634: Олеарій (Ч. О. И. и Д. 1869, I, 429), описывая путешествіе свое по Волгѣ, упоминаетъ о двухъ краснопятнастыхъ змѣяхъ, которыя вползли на корабль. Когда русскіе гребцы увидѣли этихъ змѣй, то очень обрадовались и говорили, что надо ихъ беречь и кормить, что это добрыя змѣи, предвѣщающія попутный вѣтеръ.

Стр. 638: Гр. χαίνω—разверзаться, зѣвать, χάος—пропасть, бездна Курціусъ (стр. 164) сближаетъ съ лат. hisco, hio, hiatus, скан. gin (gähne), слав. зіяти, зѣять, зѣвъ.

Стр. 729: Латинское manes (души усопшихъ предковъ и пенаты) стоитъ въ родствѣ съ инд. manus, нѣм. mann, слав мѫжъ—Дифенбахъ, II, 32; такимъ образомъ, по буквальному значенію этого слова manes соотвѣтствуютъ лужицкимъ людкамъ.

Стр. 738: Литов. barstukai (barstuccae=парстуки)—гномы, обитающіе въ домахъ и житницахъ; домохозяева чествовали ихъ приношеніями; для этого вечеромъ накрывали столъ въ житницѣ (in horreo), ставили на немъ хлѣбъ, мясо, сыръ, коровье масло и пиво, а по утру на другой день приходили смотрѣть: отъ какихъ именно яствъ вкусили домовые духи? Если это былъ хлѣбъ, то ожидали хорошаго урожая въ поляхъ, а если — мясо, то умноженія стадъ. Другое литовское названіе, присвояемое домовымъ карликамъ—кауки, о которыхъ сохранилось слѣдующее извѣстіе: «kaukie sunt lemures, quos russi ubože appellant, barbatuli, altitudine unius palmi extensi» т. е. бородатые, величиною съ ладонь — De diis samagitarum, 16, 20; Lituania Шлейхера, 25. У гуцуловъ извѣстенъ домовой геній дидо, дидухъ—самъ величиною съ пядень, но съ старческой, безобразной наружностью, большою головою и сѣдой бородой—Пантеонъ 1855, V, 46.

ТОМЪ III.

Стр. 47: Въ малорусской сказкѣ Смерть олицетворяется въ женскомъ образѣ: «на дорози въ болоти сидить баба и просить царевича, щобъ винъ јији витягъ з' болота. Що стаи не царевичъ пидъјизжати, то кинь такъ харапудицця: хропе да сопе, та низдрями паше... (Наконецъ) царевичъ витягъ ту бабу з' болота. Отъ баба та и каже царевичу: я—не баба, я—Смерть!» Замахнулась на него—и въ туже минуту царевичъ палъ бездыханный (Рудченко, I, 99).

Стр. 91: Въ сербскихъ заговорахъ къ демонамъ болѣзней причисляются: «немитнице, недојеници—виле, вештице и ветрови;» нападая на человѣка, эти злобные духи пьютъ его очами, поѣдаютъ зубами, а зубы у нихъ остры, какъ серпъ. Силою заповѣднаго слова заклинатель изгоняетъ ихъ изъ головы, мозга и другихъ частей тѣла и посылаетъ туда, гдѣ не блеютъ овцы, не ревутъ коровы, не лаютъ псы и не поютъ пѣтухи, гдѣ не палятъ въ храмахъ свѣчей и не поютъ священныхъ пѣсней. Умывая больнаго цѣлебной водой — съ громовой стрѣлки и угольевъ, причитываютъ: «иди, бољо, у гору и у воду, у високе висине, у дубоке дубине, где певац не нева, где кока не кокоће». Кто заболѣетъ грозницею, тотъ долженъ обойдти вокругъ вербы и прилѣпить къ ней восковую свѣчу, дабы передать свою болѣзнь этому дереву. Отъ костолома прибѣгаютъ къ слѣдующему средству: берутъ калачъ и несутъ къ глоговому дереву, «држећи га на оном месту, где боли»; потомъ этимъ больнымъ мѣстомъ трижды потираютъ о дерево, съ приговоромъ: «у глог улог, а у тело одлог!» Калачъ оставляютъ на деревѣ, а сами уходятъ домой, не оглядываясь назадъ — Гласник срп. друштва 1867, V, 166, 170, 179, 187, 194.

Стр. 157: Въ сербскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Петрановичемъ (стр. 48, 50) читаемъ:

а. Извила се (вила-нагоркиња) небу под облаке
И одлеће стрмо низ планину.
b. Ал' се вила кроз облаке вија.

Стр. 164:

Вијају се (вилы) небу под облаке,
Златне стр'јеле носе у рукама,
Те гађају орла под облаком (ibid., 288).

Стр. 165-7, 175-6: Въ пѣснѣ, озаглавленной «Женидба Реље Бошњанина с вилом»:

Како Рел(ь)а танко попијева,
Планина се планини одзива,
А долина долини одзива,
А са горе полијеће лишће.
То зачуле на планини виле,
Јере су се састануле биле,
На ливади коло ухватиле,
Пак окрећу коло наоколо.

Говоритъ имъ «најстарија» вила: дорогія мои сестры!

Која ћете мене послушати —
Да обуче крила позлаћена,
Да изиђе на друм у планину,
Да дочека Рел(ь)у Бошн(ь)анина,
Извади му оба ока црна?

Вила Анђелија надѣла позлаченныя крылья, вышла на широкое поле, полетѣла и нагнала юнака:

Бирдем н(ь)ему очи помрачила,
Помрачила, па их ископала.

—Не печалься! говоритъ ему Марко-королевичъ; есть у меня два хорта и два сокола: побѣжитъ ли вила по землѣ — хорты ее поймаютъ, полетитъ ли подъ облаками—соколы ее настигнутъ! И вотъ, когда вила была поймана, бросился на нее Марко съ плетью о двѣнадцати концахъ и грозился сжечь ее на

огнѣ. Вила выпросила себѣ пощаду; она отдала свои крылья королевичу, собрала цѣлебныя травы, вылѣчила Релю и сдѣлалась его вѣрной любою.—Другая пѣсня разсказываетъ про Янка Сибинянина: остановился онъ съ войскомъ на вилиномъ игрищѣ, и провѣщала ему вила изъ облака: удались отсюда! не то—все твое войско изгинетъ и тебя самого возьмутъ турки и замучатъ до смерти;

Кон(ь)'ма ћу ти траву отравати,
На јунаке болест натурити —
Главобол(ь)у, л(ь)уту срдобол(ь)у.

— Не боюсь! отвѣчалъ Янко; въ облакахъ настигнутъ тебя мои стрѣлы, въ дубравахъ—мои соколы, на поляхъ—хорты, а въ морской глубинѣ златокрылая птица. Разгнѣвалась вила,

Па се диже небу по облаке,
Те стриjел(ь)а од боја јунаке
Посред паса у јуначко срце.
Док му трипут облеђела војску,
Попадаше по пол(ь)у јунаци,
Као да ихъ громови побише.

Янко нагналъ вилу, и побѣжденная она обѣщалась быть ему посестримой, помогать ему въ битвахъ съ турками и оживить его юнаковъ; тотчасъ-же набрала она травъ, приложила ихъ къ ранамъ побитыхъ воиновъ — и чудо великое! всѣ воины поднялись на ноги, начали игры и пѣсни—словно вновь народились къ жизни (Срп. н. пјесме Петрановича, 245-255, 375, 387-390).

Стр. 182: Слово юдо г. Гильфердингъ объясняетъ др.-индійскимъ jâдас — водяное животное (Вѣст. Евр. 1868, IX, 201). О самовилахъ см. статью Верковича въ Моск. Универ. Извѣстіяхъ 1863, III, 255-8.

Стр. 185-6:

Вjетра нема, а планина јекну,
Зелене се повијају јеле,

Врхови им у тле ударају,
Док ево ти виле бродарице,
Вила паде код тиха језера.

Сняла съ себя «крила и окриље», оставила ихъ на берегу и бросилась въ свѣтлыя воды; пока вила купалась, Богданъ Лютичъ, похитилъ ея крылья и тѣмъ самымъ заставилъ ее сдѣлаться своею женою. Вскорѣ послѣ того, какъ родился у нихъ сынъ, вздумала вила показать свое искусство въ танцахъ, выпросила у мужа крылья,

Три пута је колом окренула,
Четврти се небу подигнула.

Съ той поры, какъ только начиналъ плакать ребенокъ, Богданъ Лютичъ приносилъ его къ озеру и клалъ у самаго берега; тогда выходила изъ озера вила, кормила ребенка грудью, купала его и повивала пеленками (Срп. н. пјесме Петран., 377-386).

Стр. 196: Польское zwłoki (съвлъкы), равносильное русскому останки, указываетъ на представленіе трупа внѣшнимъ покровомъ, одѣяніемъ, оставленнымъ отлетѣвшею душею — О погреб. обычаяхъ Котляревскаго, 195.

Стр. 207: Завидя падующую звѣзду, приморскіе сербы говорятъ: «чья-нибудь свѣча погасла!» т. е. кто-нибудь умеръ. Чехи утверждаютъ, что каждый человѣкъ имѣетъ на небѣ свою звѣзду, и когда наступитъ ея конецъ — večer, звѣзда слетаетъ на землю, а человѣкъ умираетъ и удаляется въ горнія области. По болгарскому повѣрью, звѣзда и нарождается и умираетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ. Чтобы погубить человѣка, вѣщица снимаетъ съ неба его звѣзду и гаситъ ее въ колодцѣ—О погребал. обыч., 190-1.

Стр. 216 и 218: Въ сербской народной поэзіи постоянный эпитетъ души—легкая: лака душа. По мнѣнію болгаръ, душа по выходѣ изъ тѣла летитъ въ видѣ птички или бабочки и садится на ближайшее дерево. Въ чешской Алексан-

дроидѣ души павшихъ въ бою представляются летящими, какъ распущенное стадо. По закатѣ солнца души летаютъ на кладбищахъ, какъ голуби—О погреб. обыч., 189-190.

Стр. 231: По мнѣнію г. Котляревскаго (О погр. обыч., 21), «передавая греч. παράδεισος словомъ порода, переводчики желали избѣжать употребленія языческаго термина рай и для этого только слегка славянизировали греческое слово; что слово рай имъ было извѣстно, это доказывается обстоятельствомъ, что въ тѣхъ-же памятникахъ мы встрѣчаемъ и его, но какъ-бы обмолвкой, мимоходомъ. Родъ, родьство въ значеніи геены явились: во первыхъ — вслѣдствіе отсутствія народнаго термина, который могъ бы обозначить предметъ, чуждый понятіямъ; во вторыхъ-же — по близости и смѣшенію двухъ греческихъ словъ: γέεννα и γενεά, γέννησις = родъ, родьство». Мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго ученаго. Трудно доказать, чтобы термины «родъ» и «родьство» употреблялись нашими переводчиками безсознательно — только вслѣдствіе плохаго знанія греческаго языка и смѣшенія слова γέεννα съ γενεά; что̀ переводчики хорошо понимали различіе означенныхъ словъ — это доказывается тѣмъ, что въ геенѣ они усматривали не просто родъ, но родъ огньнный, родьство огненное или огнь родный, родьствьнный. По древле-языческимъ представленіямъ, жизнь по смерти была жизнію въ средѣ усопшихъ праотцевъ; «умереть» значило: удалиться въ то загробное царство, гдѣ собираются всѣ отжившіе родичи — и добрые, и злые = «отойдти къ предкамъ», вселиться въ родъ. Когда, съ принятіемъ христіанства, появилась необходимость рѣзко разграничить области посмертнаго пребыванія праведныхъ и грѣшныхъ, то переводчики предназначенную для послѣднихъ геену стали истолковывать «огненнымъ родомъ», а для обозначенія царства блаженныхъ приняли тер-

минъ «по-рода», на что̀, можетъ быть, и были наведены случайнымъ созвучіемъ этого слова съ греч. παράδεισος. Терминъ этотъ однако не удержался и смѣнился словомъ рай — вѣроятно потому, что самое названіе рай (цвѣтущій садъ) болѣе соотвѣтствовало понятію библейскаго эдема, тогда какъ «порода» намекала на языческое представленіе о странѣ дѣдовъ. «Удивительно (замѣчаетъ г. Котляревскій), что термины родъ, родьство, порода придуманы разными лицами почти въ одно и тоже время, ибо встрѣчаются въ различныхъ одновременныхъ памятникахъ; быть можетъ, они идутъ изъ одной школы (?), отъ одного учителя.» Думаемъ, что такое удивленіе напрасно; употребленіе этихъ терминовъ объясняется тѣмъ значеніемъ, какое соединяла съ ними народная рѣчь.

Стр. 237. Душа представлялась малюткою, и потому народъ любитъ называть ее уменьшительными именами: душка, душица, душичка — О погреб. обыч., 190.

Стр. 239: «Vielona (Velonis — deus animarum. cui tum oblatio offertur, cùm mortui pascuntur». Лит. vėle — мертвецъ, летт. welli (муж.) и weles (жен.)—manes (De diis samagitarum, 13, 35).

Стр. 254: Сербы принимаютъ крикъ гайврановъ за предвѣстіе смерти, и заслышавъ его, говорятъ: «ту ти глас, а за морем част» (Гласник 1867, V, 195). По чешскому повѣрью, души усопшихъ пасутъ на лугу пѣтушковъ (т. е. стерегутъ въ раю небесные блески=молніи) и съ дикими гусями (миѳическое обозначеніе плывущихъ облаковъ) свѣтъ сторожатъ — О погреб. обыч., 86, 197.

Стр. 261: При полетѣ неистоваго воинства (т. е. во время грозы) раздаются многочисленные голоса плачущихъ дѣтей; вопли ихъ=завываніе бури, слезы = дождь — Roggenwolf und roggenhund, 13.

Стр. 262-3: Сербская пѣсня о хожденіи Богородицы по аду и раю (Петранович., 20) говоритъ: отворились врата «рая бѣлаго» — «играју се по росној ливади, играју се све праведне душе». По указанію малорусской сказки (Рудченко, 101-2), добрый молодецъ, спустившись въ глубокій колодезь, очутился на томъ свѣтѣ—среди большаго сада, въ которомъ зрѣли плоды, надѣляющіе богатырскою силою.

Стр. 265: Отецъ и мать, у которыхъ умеръ ребенокъ, до тѣхъ поръ не должны вкушать отъ новыхъ плодовъ, пока не одѣлятъ ими бѣдныхъ сиротъ — въ поминокъ за душу своего дитяти; въ противномъ случаѣ усопшее дитя не получитъ на томъ свѣтѣ райскихъ плодовъ, вынуждено будетъ грызть свои пальцы и станетъ горько плакаться на своихъ родителей — Гласник срп. друштва 1867, V, 98.

Стр. 276-7: Чехи и мазуры вѣшаютъ на дверяхъ платокъ — для отдохновенія прилетающей души (О погреб. обыч., 207).

Стр. 280. Котлярев. О погребал. обычаяхъ, 194—5: «Со смертію душа отправляется въ иную, далекую область... Въ этомъ смыслѣ говорилъ Владиміръ Мономахъ своимъ дѣтямъ, что онъ стоитъ на далечи пути; по малорус. поговоркѣ: смерть — неминующая дорога; рус. обл. странствовать значитъ: хворать; удорожить —довести кого-нибудь побоями до смерти; въ сербскомъ причитаніи къ мертвому обращаются съ вопросомъ: ђе ћеш, господаре, на том тамо путу далекоме оклено се никад не долази; словинцы также причитаютъ надъ умершимъ отцемъ: na dalek mi ti put ode s' kog te neĉu dopogledat; душа на пути = человѣкъ умираетъ... Въ пѣснѣ о Забоѣ два раза упоминается объ отшествіи къ отцамъ въ смыслѣ смерти (otide k otcem); равносильное этому выраженіе встрѣчаемъ и въ Повѣсти врем. лѣтъ: приближитися или приложитися ко отцемъ и дѣ-

домъ». Къ преданіямъ о переправѣ усопшихъ черезъ воздушное море можно добавить слѣдующее указаніе: въ малорус. пѣснѣ дѣвушка проситъ ангела поплыть «до батенька (умершаго) по морю» и принести отъ него вѣсти. Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, у славянъ существовало представленіе о проводникѣ душъ, который сопровождаетъ ихъ по трудному пути на тотъ свѣтъ. «Такимъ, кажется, былъ Ній или Нія, о которомъ упоминаетъ Длугошъ: Plutonem cognominabant Niia, quem inferorum et animarum, dum corpore linquunt, servatorem et custodem opinabantur, postulant se adeo post mortem in meliores inferni sedes deduci. Въ лингвистическомъ отношеніи имя Нія или Ныя не представляетъ препятствій къ сближенію съ Нава... Не сюда ли относится и славянскій Наватъ, о которомъ однажды упоминается въ Супрасльской рукописи: ѡ наѳане, чимъ дрѣзнѫвъ отвѣштати хоштеши наватомъ (т. е. смертію) поем'емъ.» Гайкъ указываетъ на старинный обычай класть въ руку усопшаго деньги, назначаемыя для уплаты загробному проводнику—Водцѣ и перевощику черезъ великій потокъ или воздушное море — Плавцѣ (ibidem, 142, 200, 204).

Стр. 284: Болгары даютъ млечному пути названіе влакненъ (волокнистый) мостъ и думаютъ, что по немъ проходятъ души усопшихъ—О погреб. обыч., 203.

Стр. 286: Чехи даютъ мертвому сапоги, которые онъ долженъ износить на пути къ небесному жилищу отцевъ — О погр. обыч., 210.

Стр. 298. Дѣтская пѣсенка (Безсонов., 27):

А и донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся жучій домъ;
Бѣжитъ жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ.

Стр. 299-300: По русскому повѣрью, если женщина будетъ сильно, безутѣшно тосковать по умершему, то онъ станетъ летать къ ней въ видѣ огненнаго змѣя — О погреб. обыч., 190. Въ нижегородской губ. разсказываютъ, будто нѣкогда въ незапамятную старину младенецъ, проклятый матерью, превратился въ лягушку, и потомъ уже отъ этой лягушки произошли всѣ другія. Кадлубекъ въ своей хроникѣ сообщаетъ преданіе о томъ, какъ Попѣлъ младшій отравилъ своихъ дядей, и когда они умерли—отказалъ имъ даже въ погребеніи. За такое нечестивое дѣло жестокій тиранъ былъ постигнутъ страшнымъ наказаніемъ: изъ брошенныхъ труповъ его дядей вышло множество мышей, которыя напали на Попѣла и пожрали его, т. е. озлобленныя души усопшихъ, лишенныя погребальной почести и посмертнаго успокоенія, превратились въ мышей и отомстили своему врагу. Подобное преданіе встрѣчается у многихъ индоевропейскихъ народовъ, и между прочимъ (почти въ буквальномъ сходствѣ съ польскимъ) у чеховъ — О погреб. обыч., 103–7.

Стр. 371: «Смерть разрѣшаетъ, развязываетъ узелъ или нить существованія, и кажется, что слова кончина, судъ и судьба, употребляющіяся въ языкѣ для обозначенія смерти, имѣли въ старину именно такое, а не иное знаменованіе: конъ (позд. чинъ)=отрѣзанный предѣлъ, кончина=отрѣзанная нить жизни, судъ же и судьба=развязка, разрѣшеніе, расплетеніе. Первоначальное этимологическое значеніе слова судъ явствуетъ изъ родственныхъ нѣмецкихъ: гот. sundro, др.-в.-н. suntari, нынѣш. sondern, др.-сѣв. sundra—dissecare, discerpere, отдѣлять, развязывать, разрѣшать (узы?); значеніе же слова кон ясно и изъ славянскаго запаса: по-чинъ, о-чинить и др. Корень будетъ kan—колоть, рѣзать, прекращать существованіе»—О погреб. обыч., 194.

Стр. 396—7: Въ малорусской сказкѣ (Рудченко, I, 161-2) Бѣда, встрѣтившись съ богачемъ, говоритъ ему: «чого хочешь, чоловиче, чи за молоду мъясо jисти, а на старость кистки гризти, чи за молоду кистки гризти, а на старость мъясо jисти?» Богачъ выбралъ послѣднее — и тотчасъ-же обѣднялъ; снова разжиться удалось ему только къ старости.

Стр. 436: Въ виленской губ., при выгонѣ скота въ поле, знахарь беретъ поясъ, затыкаетъ его въ дужку замка́, кладетъ замо̀къ и поясъ посреди дороги и перегоняетъ черезъ нихъ стадо, причитывая: «какъ замкнутъ этотъ поясъ, такъ да будутъ замкнуты у звѣрей пасти!» — Вилен. Сборн., I, 192.

Стр. 569, 591: Баба-яга, зализна нога, сторожитъ цѣлющую воду — Рудченко, I, 87, 135.

КОНЕЦЪ.

2007066626